This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

TY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFOR
ES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERS
RD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIE
NFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBR
VERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · ST
RARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNI
TY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFOR
ES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERS
RD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIE
NFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBR
VERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · ST
RARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNI
TY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFOR
ES · STANFORD UNIVERS STANFORD UNIVERS

Y LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFO
S · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERS
RD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARI
NFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIB
VERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · ST
RARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UN
Y LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFO
S · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERS
RD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARI
NFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIB
VERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · ST
RARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UN
Y LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFO
S · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVE

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

ПОЛЬСКОЕ СЛАВЯНОВѢДѢНІЕ

КОНЦА XVIII И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТ.

ПРАГА ЧЕШСКАЯ.
Типографія «Политики».
1906.

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

ПОЛЬСКОЕ ПАВЯНОВѢДѢНІЕ

КОНЦА XVIII И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТ.

ПРАГА ЧЕШСКАЯ.
Типографія «Политики».
1906.

Печатано по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Варшавскаго университета.

Ректоръ проф. Е. Ѳ. Карскій.

ПАМЯТИ

ПАТРІАРХА СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ

Аббата Іосифа Добровскаго

БЛАГОГОВѢЙНО ПОСВЯЩАЕТЪ ТРУДЪ СВОЙ

АВТОРЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ . . . . . VII–IX

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Общій очеркъ славянскаго движенія въ польской наукѣ и литературѣ конца XVIII и начала XIX ст. 1–42

Паденіе Польши и упадокъ польской науки и просвѣщенія. Призывы къ спасенію національнаго достоянія. Программа этой дѣятельности: изученіе языка, исторіи и письменности польской. Рѣчь С. Потоцкаго. Взглядъ еп. Коссаковскаго на значеніе языка и наукъ. Вліяніе на эти взгляды знакомства съ первыми фактами чешскаго возрожденія. Общество друзей наукъ и характеръ его дѣятельности. Изученіе отечественной исторіи. Голоса М. Мнишха и еп. Коссаковскаго. Записка анонимнаго автора о необходимости широкихъ изслѣдованій по польской исторіи, литературѣ и статистикѣ. Поэзія, какъ распространительница историческихъ знаній. Лингвистическія изученія. Рѣчь Альбертранди (1801) и его „Мысли о способахъ совершенствованія родного языка“ (1805). Правильный взглядъ на отношеніе польскаго языкознанія къ славянскому языкознанію вообще. Историческія работы. Знакомство съ ближайшими сосѣдями — русскими. Усиленіе могущества Россіи съ конца XVIII в. и значеніе этого факта. Сторонники Россіи въ польской литературѣ. Ст. Трембецкій. Ст. Сташицъ и его взгляды на Россію. Воцареніе Александра I и надежды поляковъ. Наполеонъ I на время заслоняетъ Александра I. Разочарованіе поляковъ въ Наполеонѣ. Вѣнскій конгрессъ и новая эра въ жизни польскаго народа. Ген. Заіончекъ и его взгляды на новый порядокъ. Рѣчь Ваврженкаго. Дипломъ Александра I Обществу друзей наукъ (1816). Славянская идея въ твореніяхъ еп. Яна Воронича. Русскія симпатіи къ полякамъ. Журнальная литература способствуетъ укрѣпленію ихъ. Программа журналовъ „Улей“ и „Другъ Россіянъ“. Личныя связи представителей русской и польской литературы. Кн. П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, А. С. Пушкинъ и А. Мицкевичъ. Мицкевичъ въ Москвѣ и программа задуманнаго имъ журнала „Ирида“. Изученіе поляками русскаго языка и литературы. Польскій языкъ и литература у русскихъ.

*

ГЛАВА ВТОРАЯ. Начало историческихъ изученій славянства. Первыя славянскія путешествія . . . . 43—100

Разнообразныя причины, создавшія славянское теченіе въ польскоіі наукѣ начала XIX ст. Интересъ къ древнѣйшей исторіи славянъ на Западѣ. А. Шлецеръ. Заслуги Общества имени кн. Яблоновскаго. Первые труды польскихъ ученыхъ, посвященные древней славянской исторіи. Ф. Лойко. Г. Коллонтай. Графъ Иванъ Потоцкій. Біографическія свѣдѣнія. Важнѣйшіе труды его. „Essay sur l'histoire universelle". Методъ историческаго изслѣдованія Потоцкаго. Новый матеріалъ, привлекаемый имъ къ изученію. Путешествіе его въ страну полабско-балтійскаго славянства. Другіе труды Потоцкаго. Достоинства и значеніе ихъ. Станиславъ Сестренцевичъ Богушъ. Біографическія свѣдѣнія. „Histoire de la Tauride" (1800) и прочіе труды его. Невысокія научныя качества ихъ. Отзывы митр. Евгенія и Шафарика. Общество друзей наукъ вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ чешскими учеными. Добровскій въ Варшавѣ. Посѣщеніе Праги еп. Яномъ Коссаковскимъ. Его: „Rzut oka na literaturę czeską" (1803). Главныя мысли этого чтенія. Путешествіе кн. Ал. Сапѣги (1802—1805). Предисловіе къ описанію путешествія. Незнакомство Сапѣги съ элементами славянской этнографіи и языкознанія. Содержаніе первой части „Путешествія". Наблюденія Сапѣги въ Истріи и Далмаціи. Вторая (неизданная) часть „Путешествія". Пребываніе Сапѣги въ Дубровникѣ. Важнѣйшія свѣдѣнія о современномъ ему состояніи Дубровницкой республики. Значеніе писемъ Сапѣги.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Изученіе польскаго языка. Самуилъ Б. Линде. Г. С. Бандтке. Первые санскритологи. В. Скороходъ Маевскій. . . . . 101—183

Лингвистическія изученія въ программѣ Общества друзей наукъ. Заботы о собраніи лексикальнаго богатства польскаго языка. С. Б. Линде. Біографическія свѣдѣнія. Первые шаги на литературномъ поприщѣ. Мысль о Словарѣ. Линде въ Варшавѣ и скорый переѣздъ въ Вѣну (1794). Отношенія его къ гр. Оссолинскому, кн. А. Чарторыскому (отцу) и Ѳ. Чацкому. Связи Линде въ Вѣнѣ съ славянскими учеными. Вліяніе этихъ знакомствъ на характеръ Словаря. Проспектъ Словаря. Основныя мысли Линде. Отзывъ Общества друзей наукъ о части Словаря, разсмотрѣнной въ рукописи (1802). Линде — директоръ Лицея въ Варшавѣ (1803). Продолженіе работы надъ Словаремъ. Заботы о средствахъ на изданіе его. Пріемъ, оказанный Словарю ученой критикой. Снисходительный отзывъ Добровскаго. Строгій судъ Шлецера. Огорченіе Линде. Отзывъ галльской Allg. Lit. Zeit. и др. Заботы Линде объ исправленіи и дополненіи Словаря. Избраніе Линде въ члены Росс. Академіи. Проектъ Линде универсальной славянской азбуки. Мысль о новомъ Сравнительномъ словарѣ. Проектъ „Towarzystwa Polsko-Słowiańskiego". Г. С. Бандтке. Благотворное вліяніе связей съ славянскими учеными, особенно съ Добровскимъ, на успѣхи первыхъ польскихъ славистовъ. Сношенія Бандтке съ Добровскимъ. Вліяніе трудовъ Добровскаго на работы Бандтке. Сношенія Ганки и др. славянъ съ Бандтке.

Вліяніе Словаря Линде на развитіе польскихъ лингвистическихъ студій. Первые опыты славянскихъ ученыхъ въ области санскрита. В. Скороходъ Маевскій. Краткія біографическія свѣдѣнія. Участіе въ трудахъ Общества друзей наукъ. „O pierwszeństwie, doskonałości i obfitości języka samoskrytu" (1816). Отзывы объ этомъ чтеніи. „O sławianach i ich pobratymach". Содержаніе этой книги. Позднѣйшіе ученые проекты Маевскаго. Историческія разысканія его. Значеніе его трудовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Разработка славянской исторіи и права. Ф. Чайковскій. Л. Суровецкій. И. Б. Раковецкій 184–248

Участіе членовъ Общества друзей наукъ въ разработкѣ историческихъ вопросовъ. Программа историческихъ разысканій Чайковскаго. „Badania historyczno-geograficzne o wielkim narodzie Scytyjskim" (1816), ихъ содержаніе. Отзывъ А. Пражмовскаго. „O ludach pierwiastkowych". Рецензія Суровецкаго. Безплодность и недостатки изслѣдованій Чайковскаго. Л. Суровецкій. Обширная программа его историческихъ работъ, изложенная въ письмѣ къ Вороничу. Разсужденіе: „О способахъ дополненія исторіи и изученія древнихъ славянъ". Основныя мысли его. „Śledzenie początku narodów słowiańskich" (1824). Содержаніе этого труда. Методъ изслѣдованія. Самостоятельность взглядовъ на характеръ древнихъ славянъ. Отзывъ Бандтке. Вліяніе „Śledzenia" на Шафарика. Его: „Über die Abkunft der Slawen" (1826). Изученіе руническаго письма и мнѣніе о его происхожденіи. И. Б. Раковецкій. Начало изученія славянскаго права. Рѣчь: „O stanie cywilnym dawnych Słowian". Основныя положенія ея. „Prawda Ruska". Цѣль этого труда. Вліяніе Линде. Содержаніе труда Раковецкаго и его значеніе въ исторіи изученія славянскаго права. Отзывы современниковъ. Обширный разборъ Добровскаго. Отчетъ Сестренцевича и избраніе Раковецкаго въ члены Россійской Академіи. Позднѣйшіе ученые планы Раковецкаго. „Pisma Rozmaite I. B. Rakowieckiego". „Odezwa do miłośników języka i starożytności sławiańskich". Историческія работы лингвистовъ — Маевскаго и Линде.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Кружокъ князя А. Чарторыскаго. М. К. Бобровскій. З. Д. Ходаковскій 249–375

Гр. Н. П. Румянцовъ и его сношенія съ учеными польскими. Заслуги кн. Ад. Чарторыскаго въ исторіи польскаго просвѣщенія. Дѣятельность его, какъ куратора виленскаго округа. Заботы его объ университетѣ. Средства къ поднятію его значенія. М. К. Бобровскій и его ученое путешествіе по Европѣ. Прямая цѣль посылки его. Славянскія изученія въ его инструкціи. Занятія богословскими науками въ Вѣнѣ. Двухмѣсячное пребываніе Бобровскаго въ Прагѣ. Вліяніе Добровскаго на направленіе дальнѣйшихъ занятій его. Сношенія съ Ганкой. Уроки Копитаря въ Вѣнѣ. Бобровскій въ Люблянѣ. Знакомство съ бар. Цойсомъ и проф. Жупаномъ. Пребываніе въ Венеціи и знакомство съ Соларичемъ. Проектъ совмѣстнаго съ нимъ путешествія по Далмаціи и Черной

Горѣ. Бобровскій въ Римѣ (авг. 1819 г.). Неудовлетворительная постановка преподаванія восточныхъ языковъ въ Римѣ. Занятія славянскими рукописями въ римскихъ библіотекахъ. Описаніе слав. рукописей ватиканской библ. Далматинское путешествіе Бобровскаго. Приготовленія къ нему. Маршрутъ его. Главная цѣль поѣздки. Переговоры о приглашеніи далматинскихъ ученыхъ въ Вильну. Занятія языкомъ и письменностью. Участіе его въ Задарскомъ съѣздѣ по реформѣ хорватскаго правописанія. Первые ученые труды Бобровскаго. „Wiadomość o rękopismie dawnej kroniki Dalmackiej". Проектъ полнаго изданія ея. Переводъ статьи Совича: „Riflessioni sull'ignoranza della lingua slava etc." Взглядъ Бобровскаго на причины порчи и упадка старославянскаго языка въ Западной Руси и средства возвращенія ему прежняго значенія. Разсужденіе: „O wpływie Kościoła Rzymskiego na język Słowiański etc." Взглядъ Бобровскаго на значеніе старославянскаго языка въ жизни славянскихъ народовъ. Статья его о Гундуличѣ. Программа дальнѣйшихъ занятій Бобровскаго, по выѣздѣ изъ Рима. Занятія восточными языками въ Парижѣ. Путешествіе по Германіи. Бобровскій въ Лужицѣ. Возвращеніе въ Вильну. Недолговременная профессорская дѣятельность. Переписка съ Кеппеномъ. Супрасльская рук. Бобровскій возвращается въ университетъ (1826). Собираніе рукописей. Послѣдніе годы его ученыхъ занятій. З. Доленга Ходаковскій. Участіе кн. Чарторыскаго въ его ученыхъ проектахъ. „O Słowiańszczyznie przed Chrześcijaństwem". Значеніе этой статьи. Теорія „городства". Отношеніе къ ней виленскаго унив. и варшавскаго Tow. Przyjaciół Nauk. Ходаковскій ищетъ покровительства гр. Н. П. Румянцова. Пребываніе въ Гомелѣ. Пріѣздъ въ Петербургъ. Сношенія съ русскими учеными. Проектъ археолого-этнографическаго путешествія по Россіи. Неудачный исходъ перваго года. Печальная судьба Ходаковскаго. Характеристика его ученыхъ разысканій и значеніе его трудовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Каѳедра славяновѣдѣнія въ Варшавѣ. С. Б. Линде. Путешествіе А. Ф. Кухарскаго . . . . . 376—491

Учрежденіе каѳедры славяновѣдѣнія въ варшавскомъ Королевскомъ Александровскомъ университетѣ (1817). Приглашеніе на нее Линде. Занятія его славянскими литературами. Разборъ „Опыта" Сопикова. Его мысли объ историческомъ изученіи славянскихъ языковъ. Проектъ изданія общей исторіи славянскихъ литературъ. Переводъ книги Н. Греча (1823). „Письма о Польшѣ" Хр. Ляха Ширмы. „Geschichte der slaw. Sprache und Lit." Шафарика и впечатлѣніе, произведенное ею на поляковъ. Мысль объ отправленіи кого-либо изъ молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли. Прошенія І. Б. Залѣскаго и А. Ф. Кухарскаго. Инструкція занятій стипендіата. Славянское путешествіе Кухарскаго. Занятія его въ Краковѣ, Вратиславлѣ и Прагѣ. Пребываніе въ Прагѣ К. Бродзинскаго. Вліяніе на характеръ занятій Кухарскаго уроковъ Добровскаго. Сношенія съ Ганкой, Челаковскимъ и др. чешскими учеными. Путешествіе по Лужицамъ. Собираніе пѣсенъ лужицкихъ сербовъ, изученіе языка и письменности ихъ. Отзывъ о немъ Сюссмильха. Занятія

въ Берлинѣ и Лейпцигѣ. Пребываніе въ Вѣнѣ. Поѣздка въ монастырь св. Флоріана. Путешествіе по Моравіи. „Записка“ П. И. Кеппена и путешествія Кухарскаго по сѣв. Венгріи. Діалектологическія наблюденія Кухарскаго и собираніе словенскихъ пѣсенъ. Знакомство съ Колларомъ въ Пештѣ. Подготовка къ югославянскому путешествію. Вторичное пребываніе въ Вѣнѣ. Шопронь и окрестное хорватское населеніе. Путешествіе по Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Приморью и Истріи. Экскурсія въ Венецію. Занятія въ Загребѣ. Поѣздка на Кварнерскіе острова. Изученіе глаголической письменности. Дубровникъ и дубровницкая литература. Поѣздка въ Черную Гору. Возвращеніе въ Россію. Этнографическія наблюденіи въ Галичинѣ. Кіевъ. Занятія въ Москвѣ и Петербургѣ. Взглядъ Кухарскаго на современное ему положеніе славянства. Судьба его по возвращеніи въ Варшаву. Ученыя работы послѣднихъ лѣтъ. Причины безплодности его долговременнаго ученаго путешествія. Упадокъ славянскихъ изученій у поляковъ послѣ 1831 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ . . . . . I—CLXXII

УКАЗАТЕЛЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи начальныхъ лѣтъ славяновѣдѣнія еще мало выяснены заслуги первыхъ польскихъ представителей этой науки, и не опредѣлена степень участія ихъ въ общемъ великомъ движеніи „возрожденія“ славянскихъ народностей въ началѣ XIX столѣтія. Приходится даже встрѣчать мнѣнія, что поляки не участвовали въ славянскомъ возрожденіи, или, что роль ихъ научныхъ силъ въ этомъ культурномъ движеніи была самая незначительная. Между тѣмъ эти мнѣнія далеко не отвѣчаютъ дѣйствительности. Роль польской науки въ общемъ славянскомъ возрожденіи была далеко не изъ послѣднихъ, и заслуги польскихъ ученыхъ въ исторіи развитія славянскихъ изученій не могутъ быть обойдены молчаніемъ. Имена Линде, Бандтке, Суровецкаго, Маевскаго, Раковецкаго, Бобровскаго и мн. другихъ занимаютъ почетное мѣсто рядомъ съ извѣстными именами первыхъ чешскихъ дѣятелей возрожденія. Труды первыхъ польскихъ работниковъ на нивѣ славяновѣдѣнія посвящены были самымъ разнообразнымъ вопросамъ исторіи славянъ, преимущественно древнѣйшей, письменности и языкознанія, при чемъ вліяніе ихъ простиралось въ нѣкоторыхъ случаяхъ и далеко за предѣлы польскіе. Достаточно упомянуть о вліяніи Словаря Линде на однородное предпріятіе Юнгманна или историческихъ разысканій Суровецкаго на первые шаги Шафарика въ вопросахъ славянскихъ древностей. Работа въ теченіе трехъ десятилѣтій велась чрезвычайно энергично, и курсъ главными кормчими ея былъ взятъ удивительно вѣрный: съ первыхъ шаговъ польскіе славяновѣды чувствуютъ потребность и сознаютъ важность тѣснѣйшаго общенія съ выдающимися представителями славянской филологіи на Западѣ, т. е. съ учеными чешскими, и на Востокѣ, —

съ русскими. Значительнѣйшая часть ихъ ищетъ указаній, уроковъ и помощи у великаго учителя аббата Іосифа Добровскаго и у другихъ чешскихъ ученыхъ. Линде и Бандтке принадлежатъ къ старшему поколѣнію учениковъ патріарха; къ нему, въ его пражскій вольный университетъ идутъ и младшіе польскіе слависты — Бобровскій и Кухарскій.

Въ то же время польскіе ученые начала XIX ст. находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ учеными русскими, встрѣчая нерѣдко со стороны русскихъ меценатовъ и правительства поддержку своимъ начинаніямъ. Выяснить важнѣйшіе факты этихъ замѣчательныхъ въ исторіи славянской филологіи трехъ десятилѣтій мы имѣемъ въ виду въ нашемъ трудѣ. Ни въ польской, ни въ русской литературѣ вопросы, которые мы посильно пытаемся освѣтить, не имѣли еще своего изслѣдователя. Мы можемъ назвать по этому предмету только небольшую статью проф. І. І. Первольфа: „Slovanské hnutí mezi Poláky r. 1800—1830“, въ ж. Osvěta, 1879, č. 2 a 3, и отчасти его же очеркъ: „Александръ I и славяне“, въ ж. Древняя и Новая Россія, 1877, № 12. Для болѣе полной картины этого славянскаго движенія представлялось неизбѣжнымъ обратиться къ изученію рукописнаго матеріала, главнымъ образомъ — переписки чешскихъ, польскихъ и русскихъ ученыхъ, насколько она сохранилась и доступна изслѣдователю. Намъ посчастливилось найти немало нетронутаго еще рукописнаго матеріала, и на немъ основана значительная часть нашей работы. Напечатанныя нами въ приложеніяхъ письма польскихъ и другихъ славянскихъ ученыхъ, равно какъ и матеріалы, цитируемые въ самомъ изслѣдованіи, извлечены нами изъ рукописнаго отд. библіотеки Императорской Академіи Наукъ, изъ собраній Императорской Публичной библіотеки и Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, изъ рукописнаго отд. библіотеки Императорскаго Варшавскаго университета, изъ архива Варшавскаго учебнаго округа, отчасти изъ архива Общества друзей наукъ и изъ собраній библіотеки гр. Замойскихъ (въ Варшавѣ); далѣе, мы воспользовались богатыми коллекціями Ягеллонской библіотеки, библ. Музея кн. Чарторыскихъ и Академіи Наукъ (въ Краковѣ), библ. Оссолинскихъ и частнымъ собраніемъ кн. Л. Сапѣги (во Львовѣ), неисчерпаемыми сокровищами Чешскаго Музея въ Прагѣ и предоставленными въ наше распоряженіе незначительными остатками бумагъ Раковецкаго. Считаемъ пріят-

нѣйшимъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность лицамъ, всячески содѣйствовавшимъ успѣху нашихъ разысканій, а именно: Вс. И. Срезневскому въ С.-Петербургѣ, г. Ѳ. Корзону — въ Варшавѣ, гг. К. Эстрейхеру, Б. Бискупскому, проф. Чубку и д-ру Конечному — въ Краковѣ, д-ру В. Кентржинскому и кн. Сапѣгѣ — во Львовѣ, проф. Ч. Зибрту и А. О. Патерѣ — въ Прагѣ.

ПРАГА ЧЕШСКАЯ.
Сентябрь 1906 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ СЛАВЯНСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ПОЛЬСКОЙ НАУКѢ И ЛИТЕРАТУРѢ КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX СТ.

Катастрофа, разрушившая въ концѣ XVIII ст. самостоятельное польское государство, не могла, по крайней мѣрѣ, на время не отразиться губительнымъ образомъ и на состояніи польской науки и просвѣщенія. При совершившемся переворотѣ они должны были въ смутную эпоху придти въ неминуемый упадокъ. Но летаргія, въ которую погрузилось ошеломленное величіемъ національнаго горя польское общество, продолжалась къ счастію для него недолго. Судьба даровала расчлененному польскому народу въ эти годы тяжелаго испытанія рядъ замѣчательныхъ работниковъ на поприщѣ наукъ и общественной дѣятельности, и въ обществѣ польскомъ быстро наступила реакція, смѣнившая равнодушіе и апатію отчаянія. Въ рядахъ пережившихъ паденіе отечества лучшихъ сыновъ его скоро раздался бодрый призывный кличъ къ дружной работѣ, къ спасенію и сохраненію тѣхъ драгоцѣнныхъ національныхъ сокровищъ, которыя еще не погибли или не могли погибнуть въ развалинахъ разрушенія. Какъ ни велико было народное горе, оно однако ни на минуту не омрачило сознанія тѣхъ избранниковъ судьбы, которые призваны были ввести народъ на путь новой жизни, ободрить его и направить уснувшія силы его къ общей цѣли обновленія отечества. Эти учители и вожди народа дали ему въ руководство ясную программу, ставшую завѣтомъ для послѣдующихъ поколѣній и объединившую работу ихъ. Отечество погибло, польское государ-

ство перестало существовать, но не могъ исчезнуть съ лица земли польскій народъ и его языкъ, не могли разомъ угаснуть въ народѣ воспоминанія о великомъ прошломъ, уцѣлѣли памятники — свидѣтели былого величія. Сохраненіе этихъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ, изученіе языка, исторіи и богатой польской письменности — вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ этой программы. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ въ польской письменности эпохи послѣ паденія мы непрестанно слышимъ голоса, напоминающіе объ этомъ великомъ національномъ долгѣ. „Если несчастіе нашихъ дней, — говоритъ одинъ изъ свидѣтелей и участниковъ этихъ общихъ усилій, — готово повидимому угасить даже славу предковъ, то почтеніе, благодарность, словомъ — все призываетъ насъ заняться собираніемъ того, что можетъ о ней свидѣтельствовать и спасти отъ угрожающаго ей забвенія“ [1]).

Въ засѣданіи Общества друзей наукъ 15 мая 1802 г. Потоцкій, обращаясь къ сотоварищамъ, призывалъ ихъ объединить силы для дружной ученой работы: „Прочь отъ васъ, ученые мужи, прочь отъ нашего общества убійственный духъ равнодушія, духъ робкаго безсилія! Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время труднѣе, чѣмъ когда-либо, сохранить въ Польшѣ славу языка и наукъ; но трудность исчезнетъ, и за вами останется благородная, смѣлая, славная заслуга, если вы объедините въ стремленіи къ одной цѣли разрозненныя доселѣ ваши усилія. Предъ громадностью предпріятія останавливается слабый и малодушный, и кто ищетъ только легкаго, тотъ никогда не совершитъ ничего великаго... Прежде полякъ учился своему языку по обычаю и потребности, но если бы этотъ обычай и потребность болѣе и не существовали, онъ по обязанности долженъ былъ бы изучать его, побуждаемый тѣмъ благоговѣніемъ, которое сама природа вливаетъ въ души добрыхъ дѣтей въ ихъ отношеніи къ родителямъ, особенно если они обрѣтаются въ несчастіи. И прежде полякъ занимался науками, видя въ нихъ украшеніе для себя; тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ долженъ отдаться имъ теперь, чтобы въ нихъ себя прославить и обезсмертить ими свое имя, — это единственный, оставшійся для него путь славы“.

---

[1]) Pochwała Józefa Szymanowskiego przez St. Potockiego 1801 r. Roczniki Tow. Prz. Nauk, 1802, I, str. 104.

Другой изъ дѣятелей „возрожденія“, еп. Коссаковскій, вспоминая великія дѣянія предковъ и судьбы родной земли и видя силу всесокрушающаго времени, приходитъ къ заключенію, что только языкъ народа и науки являются безопаснѣйшей собственностью и драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ, плоды генія его — прочнѣйшей славой, которой не разрушаютъ ни удары судьбы, ни зубъ времени. Въ начальные моменты пробуждавшейся новой жизни и работы указанный взглядъ, раздѣляемый, очевидно, всѣми участниками ея, высказывался въ рѣшительной формѣ, не требовавшей поясненій и доказательствъ; но по мѣрѣ знакомства съ другими славянами, также боровшимися за свое національное существованіе, этотъ взглядъ старались подкрѣпить убѣдительными примѣрами и сравненіями. Знакомство польскихъ ученыхъ съ чешской жизнью начала XIX ст. и возрождавшейся чешской литературой въ этомъ случаѣ было особенно поучительнымъ. Чешская письменность начала XIX ст. изобилуетъ призывами къ защитѣ и разработкѣ чешскаго языка, и голоса чешскихъ писателей доходили до слуха польскихъ работниковъ. Съ ними знакомъ былъ упомянутый выше еп. Коссаковскій, особенно восхищавшійся горячимъ призывомъ Неѣдлаго въ его предисловіи къ переводу Иліады, а нѣсколько позже возрожденіе чешской литературы и сохраненіе національности чешской ставилось въ тѣсную зависимость отъ живучести языка. „Giętkość języka sławian posiłkowała najdzielniej odrodzenie się czeskiej literatury. Z jej zachowaniem i wzrostem usiłują czesi zachować swój byt narodowy, nic bowiem nie jest prawdziwszego nad to, iż jedynie język ojczysty może narodowość, nawet pośród najnieprzyjaźniejszych okoliczności, przechować i ustalić“ [1]), заявлялъ анонимный авторъ статьи о чешской литературѣ.

Этотъ взглядъ на значеніе языка, какъ основного элемента національнаго бытія, на необходимость сохранить духовную связь съ прошлымъ, поддержать въ памяти народа старыя традиціи проводился въ литературѣ настолько настойчиво и настолько глубоко проникъ въ сознаніе общества, что мы встрѣчаемся съ нимъ постоянно, а въ программѣ дѣятельности возникшаго въ Варшавѣ въ первые же послѣ упадка годы Общества друзей наукъ (Towarzystwa Przyjaciół Nauk) вопросы исторіи и языка занимаютъ всегда

[1]) Rzut oka na obecny stan lit. czeskiej. Gaz. liter., 1822, № 13.

первенствующее мѣсто. Съ первыхъ же лѣтъ существованія Общество это развило удивительную энергію въ области изслѣдованія вопросовъ историко-филологическихъ и объединило въ кругу своемъ длинный рядъ работниковъ, посвящавшихъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ свои дарованія разработкѣ ихъ. Дѣятельность Общества друзей наукъ представляетъ въ этомъ отношеніи рѣдкій по неуклонности и достойный подражанія образецъ выполненія предначертанной программы; она нагляднѣйшимъ образомъ свидѣтельствовала, что, несмотря на чрезвычайно тяжелыя условія духовнаго существованія польскаго народа, сознаніе національнаго долга не угасало въ обществѣ, сумѣвшемъ быстро стряхнуть съ себя гибельное равнодушіе и робость общественной мысли и работы. Конечно, и другимъ дисциплинамъ воздавалось должное вниманіе, и имъ одинаково отводилась почетная роль въ дѣлѣ поддержанія національныхъ стремленій. »Nad Dniestrem i nad Dnieprem, nad Dźwiną i Wisłą wszyscy wołają: „Przez nauki żyć będziemy“«, вѣрно выразилъ общее настроеніе Чацкій въ одномъ изъ писемъ къ знаменитому лексикографу Линде (1803 г.).

Общество друзей наукъ[1]), по мысли иниціатора его Станислава Солтыка, должно было состоять изъ тѣхъ лицъ, которыя въ эпоху Станислава-Августа пріобрѣли извѣстность въ области литературы и науки или прославились своею любовью къ отечественной письменности. Германизаціонныя мѣропріятія прусскихъ властей, направленныя къ стѣсненію и подавленію польской національной жизни, заставили кружокъ патріотовъ въ Варшавѣ найти имъ противовѣсъ. Задуманное Солтыкомъ ученое общество должно было тщательно избѣгать всякаго соприкосновенія съ политикой, такъ какъ прусскія власти зорко слѣдили за всѣми проявленіями общественной организаціи у поляковъ. Въ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ Общества старались избѣгать даже какихъ бы то ни было намековъ, которые могли бы быть криво истолкованы и послужить поводомъ къ недоразумѣніямъ съ властями. Члены Общества, по ихъ

[1]) Обширная монографія А. Краусгара „Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk“, 1800—1832, въ 8 частяхъ, даетъ обильный матеріалъ для характеристики дѣятельности Общества, къ сожалѣнію разсѣянный среди множества второстепенныхъ деталей изъ жизни этого учрежденія. Опытъ характеристики дѣятельности Общества у Д. В. Цвѣтаева, Варш. Общ. Любителей Наукъ. Варш. Унив. Изв., 1899, VII.

собственнымъ словамъ, желали уподобиться не еврейскому народу, оплакивавшему на развалинахъ отечества судьбы родной земли, а скорѣе стремились походить на мудрыхъ грековъ, Полибія, Панетія, Архія, Страбона, Діонисіевъ Сицилійскаго и Галикарнасскаго, которые, лишившись древняго отечества, старались всѣми средствами поддержать и украсить новое.

Программа дѣятельности Общества уже въ силу столь опредѣленной и ясно выраженной цѣли была весьма краткою и немногословною. Прежде всего члены его посвящаютъ свои силы изученію отечественной старины, изслѣдованію историческихъ и литературныхъ памятниковъ, памятниковъ языка, славянскимъ нарѣчіямъ въ особенности. Что касается памятниковъ историческихъ, то замѣчательныя мысли по этому вопросу высказаны были въ печати еще въ 1775 г. М. Мнишхомъ въ ж. Zabawy przyjemne i pożyteczne (XI, str. 211), въ статьѣ: „Myśli pod względem założenia Musaeum Polonicum". Призывая соотечественниковъ собирать книги, памятники письменности, грамоты, историческіе акты и усердно распространять свѣтъ національной исторіи, Мнишехъ совѣтовалъ: „Tu prócz drukowanych już zbiorów, też gdzie pożyteczniej, gdzie dokładniej by rozmnożano, gdyby liczne, ciekawe, szacowne, a publico ukryte dyaryusze, dziejów i mężów opisania, projekta, korrespondencye, legacye, w archiwach po familiach zarzucone, a przynajmniej zaniedbane, kopiatym zebrano, porządkiem ułożono, światu podano." Прежде всего надлежало бы выполнить такую работу дома: „Zatrzymujmy się w obrębach granic ojczyzny, poznajmy własny kraj, oszacujmy jego bogactwa." Эти памятники, свидѣтельствующіе о прошломъ величіи и славѣ, могутъ имѣть особенно большое воспитательное значеніе. „Если для чувствительныхъ осиротѣвшихъ дѣтей дорого каждое воспоминаніе, всякая памятка о родителяхъ, то тѣ, кто имѣлъ несчастіе пережить свое отечество, могли найти утѣшеніе лишь въ воспоминаніяхъ о его давнемъ могуществѣ и славѣ", говорилъ еп. Коссаковскій въ своей замѣчательной рѣчи „Rzut oka na literaturę czeską" и, проводя параллель между упадкомъ чешскимъ и польскимъ, онъ усматривалъ въ этомъ обращеніи къ національной старинѣ такую же могучую возрождающую силу, какою явилось у чеховъ ихъ стремленіе къ свѣту. Вотъ почему спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія Общества друзей наукъ въ средѣ его членовъ возникаетъ

мысль образованія спеціальнаго историческаго общества въ Варшавѣ и изданія журнала, посвященнаго польской исторіи, п. з.: „Zbiór materyałów do historyi polskiej." Очевидно, нѣкоторыхъ изъ членовъ Общества не удовлетворяла уже его программа, соединившая въ одномъ пунктѣ устава исторію, литературу и славянскіе языки [1]). Нѣсколько лѣтъ спустя вопросъ о необходимости болѣе широкихъ изслѣдованій въ области отечественной исторіи, литературы и статистики польскихъ земель снова былъ поднятъ въ запискѣ неизвѣстнаго намъ автора [2]). Несчастному народу, — говорилъ онъ, — ничто въ большей степени не приличествуетъ, какъ заняться родной исторіей. Гдѣ найти ему облегченіе, гдѣ набраться крѣпости для перенесенія бѣдствій настоящаго, какъ не въ воспоминаніяхъ о блестящемъ прошломъ? Что сильнѣе привяжетъ народъ къ его обычаямъ, что поддержитъ и сохранитъ среди испытаній его стародавній характеръ, что укажетъ на доблести прадѣдовъ, недостатки предковъ и наши пороки, какъ не отечественная исторія? Тамъ, гдѣ и самая страна, и національная исторія неизвѣстны въ надлежащей степени населенію, — тамъ не можетъ процвѣтать литература. Таково положеніе всей польской земли. Неясность и необработанность польской исторіи создаетъ пустоту и въ исторіи сосѣднихъ съ ними народовъ. Поэтому не только ради самихъ себя, но и ради всей европейской исторіи полякамъ слѣдуетъ усерднѣе заняться, по примѣру другихъ народовъ, этой важной отраслью національной письменности. Нечего и говорить, что это долгъ прежде всего поляковъ, ибо ни одинъ чужеземецъ, не зная языка, не въ состояніи замѣнить ихъ въ такомъ трудѣ. Сочиненія иностранцевъ о Польшѣ полны ошибокъ и курьезовъ; путешествія ихъ заключаютъ бездну лжи, порочащей страну и народъ. Вотъ воистину справедливое возмездіе за нашу небрежность! У насъ нѣтъ, жалуется авторъ записки, до сихъ поръ точныхъ статистическихъ данныхъ, нѣтъ описа-

---

[1]) Проектъ этотъ п. з.: „Niektóre uwagi podane do namysłu spółredaktorom pisma p. t.: Zbiór materyałów do historyi polskiej etc., pisane w miesiącu sierpniu 1804", изданъ А. Краусгаромъ въ сборникѣ его „Miscellanea historyczne". I. Lwów, 1903, по рукописи Имп. Публ. Библ.

[2]) „Próba ankiety z r. 1813 w sprawie badań nad historyą krajową, literaturą, statystyką i folklorystyką b. Księstwa Warszawskiego", по рукоп. Имп. Публ. Библ. издалъ А. Краусгаръ въ ж. Przewodnik nauk. i liter., 1904, czerwiec, str. 562.

нія страны, нѣтъ путешествія по Польшѣ, написаннаго соотечественникомъ, такъ что смѣло можно сказать, что Польша неизвѣстна и самимъ Полякамъ.

Въ качествѣ распространительницы въ обществѣ историческихъ знаній привлекается и поэзія. Съ этою цѣлью написаны были Нѣмцевичемъ знаменитыя „Историческія пѣсни“ (1816). Нѣмцевичъ между прочимъ говорилъ въ предисловіи къ нимъ: „Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его съ наиболѣе блестящими эпохами національной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти — вотъ вѣрный способъ привить народу прочную привязанность къ родинѣ...“

Столь же опредѣленныя задачи имѣло Общество въ виду и въ области лингвистическихъ изученій. Обогащеніе родного языка научными трудами во всѣхъ областяхъ знаній было цѣлью трехъ отдѣленій Общества, но наибольшая доля заботъ о сохраненіи чистоты польскаго языка и о развитіи его и обработкѣ естественно должна была падать на отдѣленіе литературы и языковъ. Иностранцы, согласно уставу (§ II, п. 15. в.), могли быть избираемы въ почетные члены Общества въ томъ случаѣ, если они были извѣстны или своими трудами по изученію и обработкѣ какой-либо изъ вѣтвей „славянскаго языка“, или выдающимися работами, имѣющими отношеніе къ вопросамъ спеціально польскимъ. Можно сказать, что вопросами языка Общество интересовалось, особенно въ началѣ своей дѣятельности, предпочтительно предъ другими. Уже въ первомъ публичномъ засѣданіи Общества (9 мая 1801 г.) предсѣдатель его Альбертранди настойчиво подчеркивалъ въ своей рѣчи необходимость направить всѣ усилія людей, любящихъ науку, къ сохраненію отъ гибели того языка, который, благодаря связи съ другими братскими языками (przez inne z nim pobratyństwo mające języki), простирается отъ Новой Земли до Венеціанской области и отъ Дубровника до границъ Китая. Побужденіемъ къ сохраненію этого языка въ ненарушимой чистотѣ должно послужить, съ одной стороны, созданное столѣтіями литературной обработки высокое совершенство его, съ другой — тѣ литературныя сокровища, какія существуютъ на этомъ языкѣ. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для обезпеченія цѣлости (całości) языка, по мнѣнію Альбертранди, служитъ сохраненіе произведеній выдающихся писателей

его [1]). Но въ то же время слѣдуетъ заботиться и о развитіи такихъ знаній, которыя, удовлетворяя требованіямъ современнаго состоянія науки, служили бы ко славѣ и пользѣ родной страны. Въ числѣ ихъ Альбертранди полагаетъ и изслѣдованія филологическаго характера [2]). Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его „Myśli względem sposobów wydoskonalenia i zbogacenia ojczystego języka“ (1805 г.), представленныя имъ Обществу [3]). Основное положеніе этихъ „Мыслей“, раздѣлявшееся всегда всѣмъ Обществомъ друзей наукъ, состоитъ въ томъ, что „съ сохраненіемъ языка должно быть связано его развитіе и обогащеніе“ [4]). Альбертранди указываетъ разные пути и средства, при помощи коихъ можетъ быть достигнута эта цѣль, а въ числѣ ихъ неизбѣжно было бы отправленіе одного или нѣсколькихъ лицъ къ братскимъ славянскимъ народамъ (do pobratyńskich narodów, używaniem słowiańskiego, lub wyrostek słowiańskiego języka zaleconych) для изученія ихъ языковъ. Онъ рисуетъ далѣе цѣлую программу такого славянскаго путешествія. Избранники Общества должны были бы посѣтить земли, нѣкогда населенныя славянами (Wagrya, Ditmarsya, Meklemburg, Pomorska ziemia) и нынѣ ими обитаемыя: Лужицу, Силезію, Чехію, Моравію, земли словинцевъ (Windischmark, Karniolia), Славонію, Хорватію, Далмацію, Дубровникъ. Всюду они должны были бы заняться изученіемъ не только мѣстныхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, но въ то же время знакомиться и съ языками сосѣдей славянъ, — нѣмцевъ, мадьяръ, турокъ, грековъ, итальянцевъ, — сильно вліявшими на языки славянскіе. Такая задача представляется однако

---

[1]) Заслугу Общества въ этомъ отношеніи отмѣтилъ Коллонтай въ своихъ „Uwagach nad teraźniejszem położeniem tej części ziemi Polskiej, którą od pokoju Tylzyckiego zaczęto zwać Xięstwem Warszawskim“ (w Lipsku, 1808): „W Warszawie utworzyło się zgromadzenie przyjaciół nauk, które gorliwie pracowało nad uratowaniem literatury Polskiej: nigdy prawie nie smakował tyle Polak w dziełach swych własnych pisarzów, jak gdy widział zgubione imię swej ojczyzny, chcąc przez to dowieść, że tę przynajmniej narodową własność, mowę mówię ojczystą, pragnął wiernie dochować dla późnych pokoleń, jako jedyny skarb, który w tak powszechnem rzeczy naszych zatraceniu dał się jeszcze uratować“ (str. 207—208).

[2]) Roczniki Tow. Prz. Nauk, I, 1802, str. 29 sqq.

[3]) Напечатаны у Краусгара, op. cit., I., str. 365—375. Ср. еще рѣчь Альбертранди въ концѣ 1802 г. Ibid., str. 194—195.

[4]) „Nie mniej wyraźne całego Tow. zdanie zawsze było, iż z utrzymaniem języka jego wydoskonalenie i zbogacenie spojone być powinno“.

Альбертранди весьма трудно осуществимою: путешествіе могло бы продолжаться слишкомъ долго и оказаться поэтому очень дорогимъ, въ виду этого онъ думаетъ, что намѣченная цѣль могла бы быть достигнута и путемъ пріобрѣтенія разнообразныхъ славянскихъ словарей и грамматикъ, избранныхъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій на славянскихъ языкахъ, въ стихахъ и прозѣ. Обильный матеріалъ для изученія представятъ прежде всего наиболѣе доступныя польскимъ ученымъ книги церковнославянскія, а затѣмъ и богатая литература русская.

Такимъ образомъ, Альбертранди совершенно правильно ставилъ изученіе и разработку вопросовъ польскаго языка въ тѣсную связь съ языкознаніемъ славянскимъ вообще. Это обращеніе къ славянству является чрезвычайно важнымъ моментомъ въ развитіи изученій польскаго языка. Замѣчательно, что съ прочимъ славянствомъ связывались у поляковъ въ эпоху упадка и какіе-то политическіе расчеты и надежды. Кн. А. Сапѣга въ предисловіи къ Путешествію своему упоминаетъ о какомъ-то воззваніи или обращеніи поляковъ къ славянскимъ народамъ „о послѣдней участи“ своей. Матеріальной помощи упадавшему польскому государству славянство оказать не могло, — очевидно, искали нравственной поддержки въ немъ, желали слышать голосъ его по поводу событій послѣднихъ дней независимаго своего существованія. Этотъ фактъ обращенія къ общественному мнѣнію славянства слѣдуетъ признать высоко знаменательнымъ.

Таковы были начатки работы знаменитаго въ исторіи польскаго просвѣщенія Общества. Пробудившись для новой жизни и приступивъ къ энергичной дѣятельности обновленія пришедшаго въ упадокъ и застывшаго въ своемъ движеніи культурнаго достоянія, польское общество естественно стало сравнивать свое настоящее положеніе съ блестящимъ прошлымъ своимъ и съ успѣхами, достигнутыми другими народами Европы. Сравненіе вызывало критику и рвеніе къ просвѣщенію и наукамъ. Наиболѣе сильный толчокъ данъ былъ изученіямъ историческимъ, и успѣхи на этомъ поприщѣ достигнуты были значительные. Польская историческая наука этого періода можетъ отмѣтить основательныя и капитальныя работы; историки обращаются къ изученію забытыхъ источниковъ, внимательнѣе всматриваются въ туманное прошлое и ищутъ въ немъ начала послѣдующихъ событій. Болѣе живой огонекъ правдивости запылалъ теперь и въ

поэзіи, и хотя форма оставалась еще чужой, но въ ней высказывались польскія мысли, отвѣчавшія новымъ ожиданіямъ и новымъ опасеніямъ. Языкъ вернулся къ своей чистотѣ и при этомъ сдѣлался предметомъ тщательнаго научнаго изслѣдованія. Увлеченіе, съ которымъ обратились къ исторіи, и способъ изложенія ея сохраняли, правда, извѣстный колоритъ поэзіи, но изслѣдованія, какъ таковыя, были уже не мечтаніями и повѣствованіемъ о томъ, что̀ кому казалось, а трудолюбивымъ разысканіемъ истины во мракѣ развалинъ прошлаго, и въ то время, какъ прежніе историки были по преимуществу хронографами своего времени, въ новую эпоху они наоборотъ особенно охотно обращаются къ періодамъ отдаленнѣйшимъ. Въ поэзіи хотя и сохраняется основной историческій фонъ, но предметомъ ея являются уже не отдѣльныя болѣе или менѣе замѣчательныя лица или событія, а предпочтительнѣе тѣ большіе жизненные вопросы, которые связаны были съ судьбами общества [1]).

Обращеніе къ прошлому, къ отдаленнымъ періодамъ польской и вообще славянской исторіи приводило неизбѣжно къ необходимости основательнѣе познакомиться съ ближайшимъ сосѣднимъ и братскимъ русскимъ народомъ, съ которымъ поляковъ связывали въ прошломъ столь сильныя узы. Если историческія событія давно разрознили братьевъ и создали между ними глубокую пропасть; если обиды недалекаго прошлаго свѣжи еще были въ памяти поляковъ, то это не мѣшало однако умамъ болѣе спокойнымъ оцѣнивать факты трезво, находить истинныхъ виновниковъ народныхъ бѣдъ и горя и разобраться въ новыхъ условіяхъ существованія. Въ исканіи точки опоры для упроченія этого новаго бытія раждается въ послѣдніе годы польскаго государства мысль о важности политическаго союза съ Россіей, которая съ конца XVIII ст. стала играть огромную роль въ европейскомъ концертѣ. Усиленіе могущества Россіи въ блестящій вѣкъ Екатерины, создавшее небывалое дотолѣ обаяніе имени русскаго среди славянства южнаго и отчасти западнаго, отразилось въ извѣстной мѣрѣ и на политическомъ міровоззрѣніи поляковъ [2]). Мысль о союзѣ съ Россіей смѣло высказывается и на сеймѣ въ Гроднѣ въ 1793 г., и въ по-

---

[1]) A. Z. Helcel, Jerzy Samuel Bandtkie w stosunku do społeczności i liter. polskiej. Kwart. Naukowy, 1835, II, str. 336—338.

[2]) См. Первольфа, Славяне, II, стр. 184, 195.

литической литературѣ конца XVIII ст., и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Сторонниковъ ея было, какъ можно заключать отсюда, немало. Въ ряду ихъ выдающееся положеніе занимаютъ знаменитый политическій писатель и общественный дѣятель Станиславъ Сташицъ (1755, † 1826) и поэтъ Станиславъ Трембецкій (р. 1730, † 1812).

Придворный поэтъ короля Станислава-Августа, Трембецкій является убѣжденнымъ сторонникомъ Россіи [1]).

Горячо отстаивая мысль о необходимости болѣе тѣснаго и дружественнаго общенія Польши съ Россіей, онъ совѣтуетъ соотечественникамъ оставить споры и съ осторожностью рѣшить вопросъ о наиболѣе выгодномъ союзѣ для Польши:

„Poradzić się Minerwy, sposób jest jedyny,
Którą świat pod imieniem wielbi Katarzyny . . .
Te związki przyzwoitsze: i pomnieć się godzi,
Iż Rusin z jednych z nami początków pochodzi:
Jedna krew, jeden język, taż natura twarda,
Taż śmiałość niewzruszona i śmierci pogarda.“

Вражьи козни разрознили русскихъ и поляковъ, которые въ ослѣпленіи считали доблестью проливать братскую кровь, и въ то время, когда они истребляли другъ друга, пришельцы-тевтоны безмѣрно усилились на ихъ землѣ, прибѣгая для этого ко всякимъ средствамъ. Пора роднымъ братьямъ опомниться и забыть старыя прегрѣшенія:

„Niech w gruzie starych ruin niepamięć zawali
Klęski, któreśmy wzajem i wzięli i dali!
My odtąd przyjaźń tego utrzymując brata,
Łatwo reszty potędze oprzemy się świata“ [2]).

Трембецкій пѣлъ о братскомъ единеніи русскихъ и поляковъ, но не упоминалъ о другихъ славянахъ, — взорамъ его рисовались перспективы наиболѣе реальныя, возможныя

---

[1]) В. Макушевъ, Ст. Трембецкій, замѣчательнѣйшій сторонникъ Россіи въ польской поэзіи конца XVIII в. Древн. и Нов. Россія, 1878, VIII, 261—283. „О жизни и сочиненіяхъ Ст. Трембецкаго“, статью изъ Dzienn. Wileńsk., перевелъ Вѣстн. Евр., 1815, ч. LXXXI, стр. 241, ч. LXXXII, стр. 65. Характеристику Трембецкаго даетъ H. Biegeleisen, Charakteristik Trembecki's. Ein Beitrag zur slav. Literaturgesch. d. 2 Hälfte d. XVIII. Jahrh. Lpzg. 1882.

[2]) „Gość w Hejlsbergu“ — стихотвореніе, написанное въ 1784 г. еп. Игнатію Красицкому.

осуществленіемъ въ самомъ близкомъ будущемъ, его занималъ прежде всего союзъ съ Россіей.

Ту же самую мысль о союзѣ съ родственнымъ русскимъ народомъ поэтъ повторилъ въ 1787 г. въ посланіи къ Станиславу-Августу и въ 1793 г. въ посланіи къ депутатамъ, возвращавшимся изъ Гродна. Укоряя сеймъ въ томъ, что онъ оскорбилъ императрицу, Трембецкій совѣтуетъ искать примиренія и союза съ нею, ибо „послѣ безчисленныхъ доводовъ никто не сомнѣвается, что мужество есть врожденное поляку качество; но не слѣдуетъ отказывать въ равной отвагѣ русскому, происходящему изъ того же племени, а страна его, многолюдная, пространная, вѣрная монарху, по этимъ тремъ причинамъ имѣетъ несравненное передъ нашей первенство.“ Полагая спасеніе Польши въ единеніи съ Россіей, Трембецкій ожидалъ особенно много хорошаго для поляковъ отъ Екатерины, геній которой восхищаетъ поэта (см. посланіе къ еп. Ад. Нарушевичу 1787 г.), какъ и другихъ его современниковъ.

Съ первыхъ же дней выступленія на поприще общественной дѣятельности занимается вопросомъ о средствахъ спасенія отечества и Сташицъ. Въ 1790 г., т. е. наканунѣ конституціи 3-го мая, онъ издаетъ замѣчательныя „Przestrogi dla Polski ostatnie“, въ коихъ мужественно высказываетъ убѣжденіе, что при всей приверженности къ принципамъ равенства и справедливости и ненависти къ деспотизму онъ предпочелъ бы видѣть въ Польшѣ, вмѣсто безначальной республики, деспотизмъ, ибо только онъ, но никакъ не республика, въ состояніи спасти національное польское бытіе, права, обычаи, религію; онъ совѣтуетъ возможно скорѣй объявить тронъ наслѣдственнымъ и полагаетъ, что наиболѣе естественнымъ и выгоднымъ для Польши было бы призвать на этотъ престолъ кого-либо изъ русскихъ князей, или же объединиться съ Россіей подъ одной короной. Родственное славянское племя, сохранявшее всегда каждому изъ покоренныхъ имъ народовъ его національныя и бытовыя черты, не можетъ быть опаснымъ для поляковъ, тогда какъ другіе сосѣди являются дѣйствительными врагами самаго существованія польскаго народа [1]).

Въ другомъ произведеніи, философско-политической поэмѣ-трактатѣ „Ród ludzki“, Сташицъ развиваетъ идею со-

[1]) Koźmian, Pamiętniki, II, str. 194.

зданія великаго союза, или федераціи, народовъ и государствъ славянскихъ подъ главенствомъ Россіи. Многія части „Rodu ludzkiego“ были написаны еще въ 1794 г., въ періодъ борьбы Косцюшки съ русскими. Сташицъ пребывалъ въ Звѣринцѣ, имѣніи Замойскихъ, неподалеку отъ театра военныхъ дѣйствій, и съ трепетомъ ожидалъ исхода борьбы. Наконецъ наступила ужасная катастрофа паденія: „Naród starożytny, królestwo od lat tysiąca trwające ... zostało z liczby narodów wymazane i zniszczone“! Сташицъ не могъ примириться съ этимъ жестокимъ приговоромъ исторіи. Изыскивая и обдумывая средства, при помощи которыхъ можно было бы вернуть польскій народъ изъ политическаго небытія къ бытію, онъ пришелъ къ мысли, что славяне создадутъ въ Европѣ великую федерацію, въ которой главенствующая роль будетъ принадлежать Россіи. На послѣднихъ страницахъ „Rodu ludzkiego“ онъ называетъ русскихъ „освободителями и благодѣтелями Европы“, а въ русскомъ государствѣ находитъ всѣ условія созданія союзнаго, федеративнаго строя, а именно автономію королевствъ, царствъ и провинцій, съ сохраненіемъ народныхъ обычаевъ, языка, права, суда, публичнаго воспитанія [1]).

Рѣшеніе судьбы польскихъ земель на Вѣнскомъ конгрессѣ, отошедшихъ въ наиболѣе значительной части къ Россіи, наполнило и Сташица надеждами на лучшее будущее польскаго народа. „Вѣнскій конгрессъ, — говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій этой эпохи, — всѣхъ призывалъ, всѣмъ позволялъ предъявлять свои права: маркграфамъ и князьямъ, ганзейскимъ городамъ и торговымъ фирмамъ, даже евреямъ. Онъ не вызвалъ и не спросилъ однихъ только поляковъ. Къ нимъ однимъ онъ выказалъ полное равнодушіе. Въ этомъ блестящемъ сонмѣ владыкъ Европы одинъ только Александръ I, образецъ справедливости, чело-

[1]) T. Korzon, Staszyc jako historyozof. Kwart. Histor., 1887, str. 575, 576, 581, 582. Трижды въ Европѣ образовывались могущественные союзы: 1) Ахайскій союзъ, 2) Римская имп., 3) въ новое время — имперіи Карла Вел., Генриха IV и Карла V, но духъ обособленности разрушалъ эти созданія; въ четвертый разъ такая задача будетъ выполнена „przez największy na tej ziemi naród Sławian. On w końcu upornych zetrze; na ich prochach natura przez Sławian uiści zrzeszenie Europy, która już zawdzięcza oswobodzenie swoje Rosyanom“. Въ бумагахъ члена Общества друзей наукъ, извѣстнаго филолога Он. Копчинскаго осталась: „Unio Slavorum, poema non terminatum.“ Kraushar, op. cit., III., II., str. 19. Къ сожалѣнію, содержаніе ея намъ совершенно неизвѣстно.

вѣчности, благословляемый всѣми народами, безсмертный въ глазахъ поляковъ, защищалъ права этого народа; одинъ онъ потребовалъ возвращенія полякамъ ихъ имени, отчизны, языка и сохранилъ ихъ народность. Послѣ такого равнодушія со стороны Европы и послѣ того, какъ нашъ воскреситель, первый послѣ обновленія польскій король, указалъ нашу дорогу въ сліяніи съ древней и великой славянской родней, въ братствѣ съ русскими, — никогда не забывайте, дорогіе соотечественники, этихъ моихъ послѣднихъ словъ: соединяйтесь съ Россіей и просвѣщайтесь“ [1]).

Уже съ воцареніемъ Александра I поляки связывали самыя широкія національныя надежды и планы.

Коронація императора Александра I (въ сент. 1801 г.), его привлекательныя личныя качества и либеральныя преобразовательныя начинанія подали поводъ не только его подданнымъ выразить молодому государю симпатіи и расположеніе, но и тѣмъ полякамъ, которые волею судебъ находились внѣ предѣловъ Россійской имперіи. Въ день коронованія его въ только-что утвержденной имъ виленской академіи, готовившейся уже къ преобразованію въ университетъ, состоялось торжественное засѣданіе, открывшееся польской рѣчью ректора кс. Іеронима Стройновскаго, и тогда же прочитаны были похвальныя оды Александру I, сочиненныя профессоромъ литературы кс. Голянскимъ и извѣстнымъ астрономомъ Почобутомъ. „На всемъ пространствѣ огромнаго государства, — говорилъ Стройновскій, — обезпечены для всѣхъ безопасность личности, имущества, чести и невинности; подтверждены вновь свободы и благодѣянія, дарованныя дворянскому и городскому сословіямъ; уничтожены тайное слѣдствіе и суды; гарантировано для всѣхъ однообразное и публичное судопроизводство, страшное для преступленія и желанное для добродѣтели и невинности; возвращена свобода торговлѣ, оживлена промышленность; во всѣхъ приговорахъ, установленіяхъ и приказахъ утвержденъ духъ справедливости, порядка, гуманности и обще-

[1]) Ostatnie moje do współrodaków słowo. Dzieła St. Staszyca, tom IV. Ср. Уманецъ, Александръ I и русская партія въ Варшавѣ. Истор. Вѣстн., 1883, т. XIV, стр. 19. Въ бумагахъ Сташица, просмотрѣнныхъ по порученію Общества друзей наукъ Голэмбіовскимъ, найдена была рукопись, озаглавленная: „Wdzięczność Alexandrowi za zwrot kraju i rada, ażeby się oświecano“. Впрочемъ, Голэмбіовскій не былъ увѣренъ въ принадлежности нѣкоторыхъ рукописей Сташицу.

ственнаго блага. Таковы многочисленныя и великія дѣянія, которыя уже отмѣчаютъ безсмертіемъ царствованіе имп. Александра I и побуждаютъ надѣяться, что правда, справедливость и гуманность утвердятъ свои естественныя и исконныя права подъ великодушнымъ и отеческимъ его скипетромъ“ [1]).

Такими же надеждами проникнуты были и торжественныя оды:

„Czy zawsze tylko nucić czasy nieszczęśliwe?
I w szkodnym losie nie dać odpoczynku myśli?
Mniejszy od wiecznych zrządzeń, na co umysł tkliwe
Próżno chęci morduje i przyszłości kreśli?

Na lądzie i na morzu milszy czas nastanie,
Skoro szturmy ustaną i wicher burzliwy.
A po dżdżystej z gromami nocy, w swym rydwanie
Jaśniejszym się nazajutrz zda Febus życzliwy.

O! jak wdzięczne od tronu łaskawe promienie
Wspaniała Alexandra wszędzie ręka sieje!
Inną już rzeczy biorą postać i znaczenie,
Już się na złotych skrzydeł podnoszą nadzieje...“ [2])

Отголоски общей радости подданныхъ Александра слышны были и въ Варшавѣ, находившейся тогда подъ прусскимъ владычествомъ. Съ тревогой смотрѣли прусскія власти на это движеніе мысли и чувства поляковъ въ сторону Россіи и поспѣшили пойти на нѣкоторыя уступки національнымъ требованіямъ ихъ. „Благополучное начало царствованія Александра I, — писалъ по случаю виленскаго торжества „Nowy Pamiętnik“ Дмоховскаго, — наполняетъ сладкой надеждой милліоны людей огромной державы, подвластной его скипетру. Всѣ почти дни его правленія ознаменовываются новыми благодѣяніями. Онъ хочетъ одарить народъ прочными законами, ибо онъ знаетъ, что только та власть, которая опирается на правѣ, наиболѣе прочна и блестяща. Онъ любитъ науки, поощряетъ и награждаетъ ученыхъ, ибо знаетъ, что истинное просвѣщеніе воспитываетъ сердца, возвышаетъ умы и, принося славу народу, увеличиваетъ блескъ короны.“ Это мнѣніе, высказанное ре-

[1]) Kraushar, op. cit., I, str. 149—150, 173—175.
[2]) Ibid., str. 176.

дакціей наиболѣе серьезнаго изъ польскихъ журналовъ не только въ Варшавѣ, но и во всей Польшѣ, было выраженіемъ общаго убѣжденія въ томъ, что для народа, истерзаннаго и измученнаго пережитыми бѣдствіями, приближается съ востока эра благоденствія.

Съ восторгомъ говоритъ объ Александрѣ I и его отношеніи къ наукѣ и просвѣщенію Коллонтай въ письмѣ (1805 г.) къ Ѳ. Чацкому [1]): „Науки, украшающія исторію нашего народа болѣе пяти столѣтій, возвращаются нынѣ къ намъ въ несравненно большемъ блескѣ и на нашей землѣ, въ могущественномъ славянскомъ государствѣ, подъ скипетромъ Александра I основываютъ себѣ прочное на будущее время пребываніе.“ Коллонтай жалуется здѣсь, что послѣ паденія Польши польскій языкъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ ея (въ Краковѣ) долженъ былъ уступить мѣсто въ школѣ чужому, но въ то время, когда поляки уже начинали сомнѣваться въ возможности сохранить отечественную науку и польскій языкъ, Провидѣніе, сжалившись надъ ними, уготовало имъ убѣжище въ могущественнѣйшей державѣ славянъ. Стремясь къ сохраненію единства въ системѣ образованія, Александръ I отнесся къ полякамъ съ отеческой добротой: онъ постановилъ, чтобы ни одинъ народъ его не встрѣчалъ препятствій въ образованіи на чуждомъ и навязанномъ ему языкѣ. Такимъ образомъ великодушіемъ Александра спасенъ былъ польскій языкъ, сохранены науки, спасенъ былъ даже способъ ихъ преподаванія [2]). Польскій языкъ утвердился и въ Вильнѣ. Въ замѣчательныхъ „Uwagach nad teraźniejszem położeniem tej części ziemi Polskiej, którą od pokoju Tylzyckiego zaczęto zwać Xięstwem Warszawskim“ (w Lipsku, 1808, str. 207) Коллонтай, рисуя печальную картину положенія расчлененной Польши, признаетъ, что „польскія музы только подъ властью Александра I нашли себѣ пріютъ, и граждане, ободренные воззваніемъ этого добраго монарха, не щадили ничего для того, чтобы потомство ихъ могло идти по пути отцовъ къ добродѣтели и просвѣщенію“. Въ письмѣ же къ Снядецкому онъ выразился: „Gdyby w Wilnie światło nie było zajaśniało, — możeby zgasło zupełnie dla Polaków i ich mowy“.

Нѣсколько позднѣе Алоизій Осинскій въ „Похвальномъ словѣ“ извѣстному филологу кс. Онуфрію Копчинскому,

---

[1]) X. Hugona Kołłątaja Korrespondencya, III., str. 248 и сл.

[2]) Ibid., str. 262—263.

проведшему нѣсколько лѣтъ въ изгнаніи въ Моравіи и Чехіи, отмѣчаетъ ту перемѣну въ условіяхъ жизни поляковъ, которая совершилась подъ скипетромъ Александра: „Уже миновали для поляковъ тѣ печальныя времена, когда даже вздохъ по утраченной свободѣ считался преступленіемъ. Воскреситель отчизны, гуманный и добрый, позволяетъ полякамъ думать и говорить такъ, какъ они чувствуютъ, и даже награждаетъ высокими отличіями тѣхъ, кто не устрашился превратности судьбы, кто открыто плакалъ надъ могилой отчизны, кто не желалъ пережить ея."

На время однако личность Александра заслоняется болѣе обаятельнымъ, окруженнымъ ореоломъ блестящихъ побѣдъ обликомъ Наполеона.

Французы усердно и давно поддерживали въ полякахъ, путемъ самой разнообразной агитаціи, распространеніемъ прокламацій и вообще при помощи печати убѣжденіе, что только отъ Франціи они могутъ ожидать всего, что обезпечитъ имъ независимое существованіе. Въ этомъ духѣ велась агитація даже въ Петербургѣ. Со вступленіемъ на престолъ Александра I въ настроеніи поляковъ совершился замѣтный поворотъ: личныя качества этого государя настолько овладѣли мыслями и сердцами поляковъ, что они стали сомнѣваться въ своихъ надеждахъ на Францію и ожидали теперь соединенія раздѣленныхъ польскихъ областей подъ державой Александра. Это желаніе можно было замѣтить не только у русскихъ поляковъ, но и среди прусскихъ и галицкихъ въ началѣ войны 1805 г.[1])

Война 1806 г. раздѣлила мнѣнія поляковъ: одни желали видѣть королемъ польскимъ брата Наполеона, другіе — саксонскаго короля, третьи стояли за имп. Александра. Русскому правительству, по мнѣнію автора названныхъ „За-

[1]) Pisma Xcia Ad. Czartoryskiego i St. U. Niemcewicza, gdy szło o zdecydowanie Alexandra I, aby się królem Polskim ogłosił. Здѣсь: „Uwagi względem ducha, jaki panował do tych czas w prowincyach przyłączonych od Polskiej, i jakieby Rządowi należało przedsięwziąść miary dla utworzenia w nich teraz pożytecznej opinii." Библіотеки Чарторыскихъ Рукоп. № 5231. „Po wstąpieniu na tron Najjasn. Alexandra, osobiste przymioty tego Monarchy tak zajęły były umysły i serca polaków, że zaczęli byli wątpić o skutku tego, czego się od Francyi spodziewali, a dawniejsze nadzieje swoje zamieniać zaczęli w oczekiwanie złączenia rozdzielonych prowincyi pod berło tego Monarchy. To życzenie jawnie widzieć się dawało nietylko w Rossyyskich, ale w Pruskich i Gallicyjskich poddanych, osobliwie na początku wojny 1805 r."

мѣчаній", слѣдовало позаботиться о томъ, чтобы поддержать въ польскихъ земляхъ это настроеніе въ свою пользу. Необходимо было даровать польскому народу рядъ „новыхъ благодѣяній" и вселить въ него этимъ путемъ убѣжденіе, что счастіе значительной части Польши, соединенной съ столь могущественной державой, какъ Россія, вѣрнѣе и прочнѣе, чѣмъ той части, которая, будучи окруженной болѣе сильными сосѣдями, стала авангардомъ Франціи.

Въ различныхъ воззваніяхъ кн. Чарторыскаго (1807 г. и др.) постоянно проводится мысль о необходимости для Польши соединиться съ Россіей, подъ скипетромъ благороднаго, справедливаго и добраго Александра [1]).

„Сходство языка, единство нашего происхожденія и подчиненіе скипетру монарха, на котораго обращаютъ свои взоры всѣ славянскіе народы, которымъ остается еще хоть что-нибудь желать, связываютъ насъ общими узами съ русскими и объединяютъ въ одну семью. Неужели одни только поляки должны отдѣляться отъ другихъ славянскихъ племенъ, которыя всѣ безъ исключенія проникнуты однимъ духомъ, и единые предпочли бы покориться чужому господству? Неужели поляки, — негодуетъ далѣе авторъ цитируемой записки, — явятся добровольными приспѣшниками Наполеона и, слѣпо исполняя его приказанія, будутъ надѣвать на тѣхъ, кто остался свободнымъ, ярмо, которое европейскіе народы при первомъ счастливомъ случаѣ готовы были бы сокрушить? Развѣ Наполеонъ пожелалъ бы предложить имъ что-либо такое, что могло бы сравниться съ тѣми благами, какія въ состояніи имъ обезпечить императоръ россійскій? Подъ скипетромъ Александра Польша обрѣла бы навсегда обезпеченное счастіе и миръ, могла бы получить конституцію, согласную съ желаніемъ ея жителей, и прежнюю форму управленія" [2]).

---

[1]) „Gdy więc Polska inaczej się niemoże utrzymać tylko pod protekcyą Rossyi lub Francyi, pod skrzydłem Monarchy Przyjaciela ludzi, kochającego honor, tchnącego samą sprawiedliwością i dobrocią, albo pod jarzmem Despoty, którego słusznie uważać można za karę Rodzaju ludzkiego i nieprzyjaciela cnot wszelkich", — не должно колебаться и слѣдуетъ воспользоваться удобнымъ моментомъ.

[2]) „Cóż Bonoparte chciałby im ofiarować, coby mogło wchodzić nawet w porównanie tych dobrodziejstw, jakie Cesarz Rossyyski może im zaręczyć? Pod panowaniem Alexandra Polska znalazłaby szczęście i spokojność zabezpieczone sobie nazawsze, mogła by otrzymać konstytucyą zgodną z życzeniem jej mieszkańców i przyjętą dawniej przez nich formę Rządu . . ,"

Окончательный переворотъ въ настроеніи поляковъ произвели послѣдующія событія: походъ Наполеона въ Россію и новое размежеваніе польскихъ земель по Вѣнскому конгрессу.

Болѣе дальновидные умы задолго до несчастнаго похода въ Россію и окончательнаго паденія Наполеона не раздѣляли общаго увлеченія и надеждъ, возлагавшихся на великаго корсиканца. Но вѣра въ него была сильнѣе доводовъ разсудка, и общество подчинялось ей.

По мѣрѣ движенія Наполеона впередъ, въ глубь Россіи и распространенія въ польскомъ обществѣ извѣстій о его побѣдахъ, особенно послѣ Бородинскаго сраженія, росло радостное настроеніе, и казались болѣе близкими туманныя надежды. Чувствовалась общая потребность излить волновавшія всѣхъ чувства въ достойной великаго вождя одѣ или гимнѣ. Славу оружія Наполеона воспѣвалъ уже три года тому назадъ въ восторженныхъ стихахъ Каетанъ Козьмянъ, секретарь Конфедераціоннаго совѣта, — всѣ ждали отъ него теперь новаго вдохновенія. Козьмянъ самъ признается въ своихъ мемуарахъ [1]), что онъ ожидалъ только какой-нибудь рѣшительной побѣды (walnego zwycięstwa) Наполеона, чтобы написать оду въ честь побѣдителя. Желанный моментъ наконецъ наступилъ. Наполеонъ вошелъ въ Москву, и въ Варшавѣ распространились вѣсти о преданіи имъ огню первопрестольной. Казалось, не могло быть сомнѣнія въ паденіи сѣвернаго колосса. Существованію великой имперіи, какъ думали нѣкоторые, наступалъ уже конецъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оживали надежды, что польская рѣчь посполитая воскреснетъ нынѣ въ полномъ блескѣ [2]). Отъ имени Совѣта конфедераціи (Rada Konfederacyi) Козьмянъ составляетъ воодушевленныя воззванія къ народу („Odezwa do narodu z okoliczności wzięcia Moskwy“ и др.) и сочиняетъ безцвѣтную оду „Na pożar Moskwy“. Ода прочитана была имъ въ одномъ изъ частныхъ собраній Общества друзей наукъ [3]). Она начиналась стихами:

„Gdzie jest ów potwór natury,
Ten olbrzym, postrach narodów,
Co czołem strącał lazury,
Deptał nogą biegun z lodów.

[1]) Pamiętniki, III, str. 385.
[2]) K. Wojciechowski, K. Koźmian. Lwów, 1897, str. 62—63.
[3]) Pamiętniki, II, str. 227.

Co w dwuch morzach biodra kąpał,
A drżał Ural kiedy stąpał;
Co gdy barki w chmury odział,
Słońce gasił, ziemię mroził,
Dziś w szaleństwie niebu groził,
Dziś świat pyta — gdzie się podział?"

Москвы уже нѣтъ! Тотъ, кто повелѣваетъ стихіями, ударилъ въ нее огненной молніей, и древній городъ исчезъ съ лица земли:

„Padłeś nowy Babilonie
Na własne twych władzców głowy,
Łamią twe dziewicy dłonie,
Rycerze poszli w okowy..."

Ода оканчивалась неосторожной похвалой Наполеону:

„Komuż go sławić goręcej —
On nam wrócił kraje żyzne,
On króla, prawa, ojczyznę,
Sam Bóg niedałby nam więcej!"

Ликованія и чрезмѣрныя выраженія благодарности Наполеону оказались преждевременными, и восторженныя фразы Козьмяну пришлось вскорѣ замѣнить одой противъ Наполеона („Oda na upadek dumnego")! По разсказу Козьмяна, послѣ засѣданія, въ которомъ онъ читалъ свою оду на сожженіе Москвы, Сташицъ отвелъ его въ сторону и посовѣтовалъ воздержаться съ печатаніемъ оды до конца войны, ибо „великанъ стоитъ еще и борется"; въ сожженіи Москвы и Сташицъ и нѣкоторые другіе члены собранія (напр., Матушевичъ) не усматривали еще окончательнаго тріумфа Наполеона. Козьмянъ послушался совѣта друзей и не напечаталъ оды, а впослѣдствіи подвергъ ее передѣлкѣ, такъ что мы и не знаемъ ея первоначальной редакціи [1]).

Предчувствія друзей Козьмяна оправдались. Поэтъ не закончилъ еще своей оды, какъ получены были извѣстія объ отступленіи и бѣдствіяхъ, постигшихъ французскую армію. Вскорѣ Наполеонъ проѣхалъ черезъ Варшаву; за нимъ показались остатки великой арміи, среди нихъ и польскіе полки. Совѣтъ Конфедераціи, брошенный Наполеономъ на произволъ судьбы, издаетъ еще однако воз-

[1]) Pamiętniki, II, str. 379.

званіе къ войскамъ, призывая ихъ къ мужеству и твердости. Но къ Варшавѣ приближаются русскія войска, а имп. Александръ I въ декабрѣ 1812 г. издаетъ въ Вильнѣ знаменитое воззваніе къ полякамъ, въ которомъ объявляетъ всенародно, что они, какъ народъ издревле единоязычный и единоплеменный съ россіянами, „нигдѣ и никогда не могутъ быть толико счастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во едино тѣло сліяніи съ могущественною и великодушною Россіею". Первый показалъ это воззваніе Козьмяну Матушевичъ, трезво оцѣнивавшій событія. Поэтъ все-таки склоненъ былъ вѣрить еще въ звѣзду Наполеона, но Матушевичъ сказалъ ему: „Мы проливали кровь и несли жертвы для Польши, для блага отчизны, а не для Франціи. Кто искренно предлагаетъ намъ эту Польшу, того мы и должны держаться." И Козьмянъ впослѣдствіи самъ держится этого мудраго совѣта.

Упреки въ безразсудномъ увлеченіи Наполеономъ, ради котораго поляки проливаютъ кровь и погибаютъ въ знойныхъ „негритянскихъ пескахъ", среди пустынь, съ тайнымъ предчувствіемъ всматриваясь въ „звѣзду новыхъ чудесъ міра", слышатся и въ гимнѣ „Do Boga" Воронича (1805 г.):

„... Szczątki nasze wiatr rozniósł z pyłem i z imieniem,
Morza niemi igrają po zaświatnej fali,
Ciskając z gniewem na murzyńskie piaski
Ciała zakrzepłe piętnem twej niełaski.
Drudzy przeżyć niemogąc zgonu wspólnej matki,
Spostrzegłszy jakąś gwiazdę nowych świata cudów
I z nią tajnem przeczuciem łącząc tchu ostatki,
W bezdrożach skwarnych spiekot, włóczęgi i trudów,
Lądy i morza obieżawszy sławą
Łzy krokodylom wmawiają swą sprawą ..."

Въ великія силы, таящіяся въ русскомъ народѣ, въ его несокрушимую мощь вѣрилъ и всегда холодный въ отношеніи къ намъ Ю. Нѣмцевичъ. Составивъ себѣ на основаніи бесѣдъ съ Чарторыскимъ представленіе о высшемъ слоѣ русскаго общества, какъ объ испорченномъ до крайности классѣ, однако онъ находилъ, что простой народъ одаренъ природнымъ умомъ, смѣлъ, трудолюбивъ, предпріимчивъ, гордо и презрительно относится къ чужеземцамъ, привязанъ къ имени русскому и проникнутъ неутолимой жаждой за-

воеваній. „Z temi przymiotami, — заключалъ Нѣмцевичъ, — z tak ogromną obszernością, z tak wielkiemi siłami, naród, prócz polskich prowincyi, nie z rozmaitych złożony ludów, lecz z jednego uciosany głazu, nie tylko strat lękać się nie może, lecz i owszem strasznym Europie być nie przestanie [1])." Отъ такого убѣжденія недалеко было до мысли о болѣе тѣсномъ сближеніи съ могущественнымъ сосѣдомъ. Поэтому и Коллонтай не могъ признать счастливой и удачной идею созданія небольшого и слабаго Княжества Варшавскаго, которое не въ силахъ было обезпечить и упрочить свое существованіе среди сильныхъ сосѣдей.

„Счастливое рѣшеніе судьбы" Польши на Вѣнскомъ конгрессѣ вызвало живѣйшую радость въ Варшавѣ. Президентъ сената Островскій, получивъ письмо имп. Александра I изъ Вѣны (отъ 18/30 апрѣля), 6 мая 1815 г. издалъ воззваніе къ жителямъ б. княжества („Odezwa do mieszkańców księstwa"), въ которомъ выражалъ увѣренность, что это рѣшеніе облегчитъ страданія и разсѣетъ заботы истинныхъ сыновъ отчизны и въ то же время вызоветъ чувства благодарности государю, которому поляки обязаны своимъ новымъ бытіемъ [2]), и отъ котораго, при его великодушномъ образѣ мыслей, можно ожидать отеческаго управленія. Простое и искренее письмо Александра произвело сильное впечатлѣніе. Уже на слѣдующій день по опубликованіи его во главѣ варшавскихъ газетъ напечатанъ былъ „Hymn do Boga", принадлежащій несомнѣнно Вороничу [3]).

Привѣтствуя воскресеніе Польши и принося Провидѣнію благодареніе за совершившееся радостное событіе, авторъ заключалъ свой гимнъ обращеніемъ къ Богу:

---

[1]) Pamiętnik J. U. Niemcewicza, str. 152.

[2]) „Zwyciężeni od największego z Monarchów otrzymali bytność i nieoddzielne od niej swobody. Z pnia burzami ogorzałego wywiła się wieszcza gałązka; w niej ich przeszłość i przyszłość powiewa... Stoiemy w całej czerstwości młodocianego bytu, a oraz sędziwego doświadczenia. Wsparci tem wszystkiem, a oraz zasłonieni puklerzem najpotężniejszego Monarchy... jeden tylko cel mieć możemy, wzrastać w moralne oświecenie i godność narodową, doścignąć inne narody w tem, w czem nas w czasie okropnych walk naszych musiały w pokoju prześcignąć, abyśmy równie ważne i niezbędne ogniwo towarzystwa składali", говорилъ Казиміръ Бродзинскій въ своихъ „Myślach o dążeniu polskiej literatury". Pamiętn. Warsz., 1820, XVIII, str. 448.

[3]) Kraushar, op. cit., II, II, str. 119—120.

„W tym dniu tak świetnym i pełnym swobody,
Co razem łączy dwa bratnie narody,
Które świat poznał i z męstwa i cnoty,
Za których związkiem wiek nastanie złoty,
Spraw, niechaj Polska przez te ogniwa
Żyje szczęśliwa.

Niech mężnych Słowian pobratymskie plemię
Nieszczęsnej Polski odtąd broni ziemie,
A wnuki Lecha ich prawicą wsparte,
Wznoszą ołtarze Twojej chwały warte,
Władca zaś, co nas pod twój puklerz kryje,
Niech wiecznie żyje.“

Новая эра въ жизни польскаго народа повсюду отпразднована была торжественными богослуженіями, а въ Варшавѣ многочисленныя депутаціи явились выразить вел. кн. Константину Павловичу чувства одушевлявшей всѣхъ радости и благодарности.

Несомнѣнно искреннее желаніе Александра I даровать полякамъ всяческія гарантіи свободнаго національнаго развитія, даже въ ущербъ интересамъ русскаго народа, великодушное отношеніе его къ тѣмъ, кто служилъ врагу Россіи [1]), не могли не создать, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части польскаго общества, особенно благопріятнаго для Александра I теченія. Разочарованіе въ Наполеонѣ и колоссальная ошибка во всѣхъ расчетахъ на Европу воспитали въ высшемъ польскомъ обществѣ цѣлую плеяду государственныхъ людей и частныхъ лицъ, которые не только самостоятельно смотрѣли на всѣ явленія общественной и политической жизни своего отечества, не только скептически относились къ традиціоннымъ иллюзіямъ поляковъ, но, что всего важнѣе, имѣли нравственное мужество открыто высказывать свои мысли. Къ числу такихъ дѣятелей принадлежалъ и ветеранъ наполеоновскихъ походовъ, генералъ Іосифъ Заіончекъ (Zajączek). Назначенный намѣстникомъ Царства Польскаго, онъ смѣло и ясно изложилъ свои взгляды на новый порядокъ и отношенія къ Россіи въ воззваніи (Odezwa) къ полякамъ. Александръ, умиротворившій

[1]) „Вы опасаетесь мщенія“, говорилось въ „провозвѣщеніи“ къ жителямъ Варшавскаго герцогства: „Не бойтесь. Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ“. Записки А. С. Шишкова, I, стр. 459.

Европу, возстановившій престолы и царства, не забылъ и поляковъ и отнесся къ нимъ не какъ побѣдитель, а какъ великодушнѣйшій другъ, для котораго счастье поляковъ стало потребностью сердца. Въ короткое время, говорилъ Заіончекъ, на польскій народъ излились всѣ благодѣянія; несчастный народъ былъ воскрешенъ изъ могилы; имя польское вновь разнеслось по свѣту; поляки получили „святѣйшія установленія конституціи". Послѣ столькихъ лѣтъ единый Александръ заговорилъ съ ними, какъ съ поляками. Перечисливъ всѣ блага утвердившагося новаго строя жизни, гарантирующаго сохраненіе и развитіе всѣхъ національныхъ особенностей, Заіончекъ прямо указывалъ на необходимость стоять бокъ о бокъ съ могущественной Россіей. „Для васъ, говорилъ онъ гражданамъ новаго Царства, должна быть ясна разница между прежней и нынѣшней увѣренностью. Не воображеніе, а опытъ и природа вещей создаютъ неприкосновенность обширнаго наслѣдія славянъ. Россія во главѣ ихъ становится вашимъ щитомъ. Подъ сѣнью ея могущества вы безопасны; она же станетъ еще сильнѣе вашею благодарностью.[1])" Это была уже цѣлая программа для созидательной въ указанномъ направленіи работы возрожденнаго къ новой жизни польскаго народа. Она не могла не увлечь за собой наиболѣе трезвыхъ людей. Козьмянъ поэтому не безъ сочувствія говоритъ о Заіончкѣ и „его политической программѣ: „Я долженъ засвидѣтельствовать, что намѣстникъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Польша можетъ существовать только въ союзѣ съ Россіей и только съ ея помощью можетъ сохранить свою народность; онъ полагалъ, что мы должны прекратить всѣ наши старанія о пріобрѣтеніи полной независимости, принесшія краю столько несчастій, и въ союзѣ съ Россіей стараться о томъ, чтобы навѣки обезпечить права польской народности и достигнуть матеріальнаго благосостоянія"[2]).

Образованіе Царства Польскаго торжественнымъ образомъ отпраздновано было въ Варшавѣ и въ провинціальныхъ городахъ. Въ день, когда всѣ чины Царства и войска приносили присягу новому королю въ варшавскомъ каѳе-

---

[1]) Odezwa Zajączka y Kraushara, op. cit., III, I, str. 4—6. Воззваніе къ полякамъ отъ намѣстника Ц. П. воеводы и генерала Заіончека. Вѣстн. Евр., 1818, № 1, стр. 63. Ср. Уманецъ, Александръ I и русская партія въ Варшавѣ. Истор. Вѣстн., 1883, т. XIV, стр. 25.

[2]) Pamiętniki, III, str. 126.

дальномъ соборѣ, членъ временнаго правительства Ваврженкій произнесъ (20 іюня 1815 г.) замѣчательную по мыслямъ рѣчь. Ораторъ съ радостью указывалъ, что Александръ I соединилъ поляковъ навѣки неразрывнымъ союзомъ съ великимъ народомъ одного съ ними происхожденія и языка, слѣдовательно — съ родственнымъ народомъ. „Уже съ давнихъ временъ, говорилъ онъ, все призывало оба народа къ сему соединенію: обоимъ общее единство языка, общая всѣмъ славянамъ обходительность и гостепріимство, одинакіе нравы, почти одинакіе обычаи, взаимная пріязнь и дружелюбіе между многими людьми въ особенности, болѣе же всего географическое положеніе. О! когда бы угодно было Небу за сорокъ лѣтъ прежде произвести въ дѣйство таковое соединеніе, милліоны братій нашихъ не были бы отторгнуты отъ насъ подъ чуждыя славянамъ правительства, подъ чуждые законы, подъ чуждой языкъ. Несогласія наши подавали иноплеменникамъ средства къ неоднократному присвоенію себѣ земли славянской. Хотя и позднее, но счастливое нынѣшнее соединеніе сопрягаетъ насъ съ великимъ мужественнымъ и дѣятельнымъ народомъ... Нынѣ, соединенные въ единомъ государствѣ, будемъ почитать себя братьями. Въ союзѣ съ россіянами, старшими братьями нашими, наслаждаясь спокойствіемъ, имѣя оборону внутри отъ обидъ, извнѣ отъ нападенія сосѣдовъ, мы будемъ имъ братьями по любви и благодарности...“ Русскіе должны забыть прежнее недоброжелательство и подать дружескую помощь своимъ братьямъ; поляки же должны убѣдиться, что миръ, безопасность и благоденствіе они обрѣтутъ только подъ покровомъ могущественныхъ братьевъ-русскихъ. „Давая Богу и королю священную присягу въ вѣрноподданности, присягните вмѣстѣ съ тѣмъ и въ томъ, что въ этомъ вѣчномъ единеніи будетъ счастье ваше и позднѣйшихъ вашихъ поколѣній!“ призывалъ Ваврженкій [1]).

[1]) Рѣчь г-на Ваврженкаго къ своимъ согражданамъ. Вѣстн. Евр., 1815, ч. LXXXII., стр. 50 и сл. Польскіе журналы и другія изданія 1815—1825 гг. полны разнообразныхъ поэтическихъ произведеній, воспѣвавшихъ Александра. Назовемъ извѣстный гимнъ А. Фелинскаго: „Boże, coś Polskę...“ (польскій „God save the King“), напечатанный въ ж. Dzienn. Warsz., 1815; латинскую оду „Ad Polonos die 14 mensis Maji anno Erae Christianae 1815, quo Potentissimus Alexander Primus, Imperator Rossiarum, Poloniarum Rex denuntiabatur“ (Ср. Вѣстн. Евр., 1815, ч. LXXXI, 252—253), написанную краковскимъ каноникомъ Дубецкимъ; стихотворенія кс. Копчинскаго: „Kalendae Octobres MDCCCXIV. ad Congressum Vindobo-

Дарованная Польшѣ конституція обезпечивала дальнѣйшее свободное развитіе ея и сулила въ будущемъ свѣтлые дни. Восхваляя блага ея, современный обыватель [1]) восклицалъ: „Чтобы побѣдитель посреди военныхъ успѣховъ, не помышляя о мести, единственно предался чувству великодушія; чтобы враждебное войско почелъ достойнымъ своей довѣренности, даровалъ ему новое бытіе, осыпалъ его своими милостями; чтобы, вознесши изъ праха имя поляка, возложилъ на себя его корону; чтобы даровалъ ему конституцію, возводящую его на высочайшую степень счастія и гражданской образованности: сіе можно назвать истинно дивнымъ въ исторіи человѣческихъ дѣяній феноменомъ, какого не видалъ свѣтъ во всѣ вѣки, и примѣръ коего судьбами предопредѣлено явить Александру I.

„Посмотрите, до какой степени блаженства и силы достигнетъ въ короткое время Польша чрезъ конституцію, дарованную ей благотворною десницею имп. Александра. Онъ, украшеніе и слава нашего вѣка, далъ новое бытіе Польскому Царству, которое раздираемо было цѣлое столѣтіе междоусобіями и неустройствами. Конституція основала и спокойствіе и блаженство ея."

Развитіе русскаго просвѣщенія и гражданственности въ эту эпоху одинаково радовало поляковъ и возбуждало въ нихъ основательныя надежды на вниманіе Александра и къ ихъ культурнымъ нуждамъ. Даже тѣ, кто не особенно обольщался личностью Александра I, признавали его боль-

---

nensem" (fol., ver. 170) и „Ad Alexandrum Rossiarum Imperatorem Poloniaeque Regem terras suas invisientem Scholae piae" (1816, Varsaviae, fol.), переведенныя на франц. языкъ І. Бодуэномъ де Куртене (J. Baudouin de Courtenay); вторая переведена была и на польскій языкъ І. Д. Минасовичемъ (Tygodn. Wil., 1816, II, 346); „Kantata i hymn radości" Осинскаго (Ркп. Ягеллонской библ., № 6140); „Oda na rok 1815" І. Корженевскаго (Tygodn. Wil., 1816, II, 209). Смерть Александра вызвала тоже рядъ элегій и др. стихотвореній. Замѣчательное „Слово по случаю печальнаго обряда въ память Александра I" 7 апр. 1826 г. произнесъ въ варшавскомъ каѳ. соборѣ Вороничъ (Вѣстн. Евр., 1826, ч. CXLVI, № 8, 288); въ Краковѣ Іосифъ Ку... издалъ „Wiersz na zgon wiekopomnej pamięci Najjaśn. Alexandra I etc."; Іос. Вылежинскій написалъ (въ 1825 г.): „Elegija na śmierć Alexandra I" (Dekameron Polski, III, 1830, str. 16). Ср. изданіе Глюксберга (fol., съ иллюстр.): „Obchód żałobny po ś. p. Cesarzu Alexandrze I".

[1]) „Uwagi obywatela Polskiego nad Konstytucyą tegoż Królestwa", въ ж. Pamiętnik Warsz., 1816, IV, 206 и сл. Ср. Сѣв. Почта, 1816, № 94, откуда перепечатка въ Вѣстн. Евр., 1816, ч. XC, стр. 137.

шія заслуги въ распространеніи просвѣщенія въ Россіи, отмѣчали его заботы о развитіи наукъ, искусствъ, литературы, торговли, промышленности и пр. [1])

Въ жизни Общества друзей наукъ особенно знаменательнымъ являлся дипломъ (указъ) Александра I отъ 15/27 марта 1816 г., данный Обществу въ подтвержденіе его правъ и объявлявшій ему монаршее покровительство и титулъ Королевскаго Общества. Указавъ на заботы свои о просвѣщеніи всѣхъ вообще подданныхъ ему народовъ, Александръ особенно подчеркивалъ здѣсь: „Когда къ этому присоединяется еще желаніе придать большій блескъ и полнѣйшее богатство языку польскому, который имѣетъ столь большое сходство съ языкомъ, употребляющимся въ Россійской имперіи, и который тѣмъ болѣе обращаетъ на себя наши заботы, что, благодаря настоящему соединенію новыми узами двухъ народовъ, для обоихъ языковъ могутъ истекать отсюда новыя пользы, мы считаемъ нашею обязанностью всею силою нашей власти способствовать тому, чтобы столь возвышенныя намѣренія не лишены были исполненія, но напротивъ были бы и усердно поддержаны и заботливо приведены къ совершенству [2])."

---

[1]) Вотъ какъ опредѣлялъ эти заслуги Александра Нѣмцевичъ: „Przez ustanowienie po całym kraju szkół, hojne wsparcie i uposażenie uniwersytetów, sprowadzenie znacznym kosztem ludzi uczonych, rozszerzył światło. On pierwszy na okrążenie świata wysłał eskadrę. Pod flagą rossyjską zachęcał żeglugę i handel... W naukach i literaturze Rossyanie znaczne uczynili postępki. Szkoła dramatyczna, której Stanisław August, tyle niepotrzebnie roztrwoniwszy milionów, nigdy niezałożył, znajduje się w Petersburgu. Wiele tłomaczonych, niektóre oryginalne sztuki, licznych ściągając widzów, kształcą ich gust i oświecają umysły. Wszystkie wyborne i użyteczne w obcych językach dzieła, tłomaczone po rusku, po tem niezmiernem państwie roznoszą naukę i światło." Pamiętnik, wyd. A. Kraushar, str. 152—153. Такъ же велики были заботы Александра и о полякахъ. Тотъ же Нѣмцевичъ, трезвый и не увлекающійся, еще въ 1809 г. публично призналъ достойнымъ воздать ему заслуженную признательность и похвалу. Въ статьѣ „Synonimy Polskie", Pamiętn. Warsz., 1809, I, 25, онъ заявляетъ: „Sama słuszność wiedzie nas do oddania sprawiedliwości Alexandrowi I Imperatorowi Ross.; ten troskliwy o rozszerzenie oświaty w narodach berłu swemu podległych, nie panujący dla tego, by się przykrzył i dokuczał i w ciemnotach pogrążał, lecz by zachęcał i oświecał, we wszystkich prowincyach od Polski odpadłych zachował język Polski, zachował ustawy Kommissyi Edukacyjnej, pomnożył dochody szkół, ustanowił nowe gimnazya, wszędzie naukom silne dawał wsparcie i zachęcenie."

[2]) Pamiętn. Warsz., 1816, V, str. 99—100. Kraushar, III, I, str. 28—29.

Славянская идея и въ тогдашней польской поэзіи нашла вдохновеннаго глашатая въ лицѣ Яна Павла Воронича (съ 1815 г. еп. краковскаго, въ 1827 г. архіеп. варшавскаго).

Скорбя о паденіи отечества, Вороничъ видитъ блестящее будущее ея въ единеніи съ Россіей и возлагаетъ всѣ надежды на Александра. Благодаря его за краковскую каѳедру, онъ заявляетъ, что никогда не перестанетъ напоминать соотечественникамъ, что прочное существованіе ихъ отчизны возможно только въ тѣсномъ единеніи съ родственнымъ и братскимъ русскимъ народомъ. Оплакивая смерть Александра, Вороничъ восклицаетъ: „О, Русь! твердыня обширнаго сѣвера! Сколько вѣковъ ты будешь гордиться своимъ государемъ, котораго нынѣ съ нами оплакиваешь? Онъ возвеличилъ твое имя новымъ блескомъ славы; онъ водрузилъ твои знамена на вершинахъ Татровъ и Альпъ. Онъ на твоихъ корабляхъ посѣтилъ невѣдомые моря, заливы и острова, тебѣ на пользу. Онъ привилъ на лонѣ твоемъ, устроилъ и утвердилъ новыя начала свѣта науки, промышленности и силы. Что же онъ сдѣлалъ, наряду съ этимъ, для насъ, его побратимовъ? Болѣе, нежели все это! Ибо онъ призвалъ насъ къ бытію изъ могилъ. Онъ сказалъ: „Будьте свободны! Я забываю все, возвращаю вамъ имя и отчизну.“ Держите въ рукахъ это знамя и гарантію вашихъ свободъ. Чѣмъ будутъ они, если вы не соедините съ ними сердце и любовь, если мы не будемъ цѣнить и беречь ихъ такъ, какъ великодушный даритель ихъ? Что начерталъ онъ на челѣ ихъ? То, что тронъ и существованіе Польши связаны съ могуществомъ и славою Россіи. Въ будущемъ одно тѣло должно имѣть одинъ духъ жизни. Не стремиться къ этой цѣли — значитъ не желать добра самимъ себѣ. Священные останки первыхъ основателей нашей державы въ Краковѣ не перестанутъ благословлять новую династію польскихъ королей, возродившуюся и прославившуюся въ могущественномъ императорско-россійскомъ родѣ.“

Одинъ изъ первыхъ членовъ Общества друзей наукъ, съ первыхъ лѣтъ его существованія принимавшій участіе въ трудахъ его, Вороничъ высказывалъ въ немъ и развивалъ мысль изданія сборника національныхъ историческихъ пѣсенъ [1]).

[1]) Rozprawa o pieśniach narodowych, przez JX. Jana Woronicza... 5 maja 1803 r. Roczniki Tow. Prz. Nauk, II, str. 369—402. Dzieła poet., tom III, Lipsk, 1853.

Переписка его съ Коллонтаемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что особенно интересовали его сказанія о праотцѣ поляковъ — Лехѣ, вышедшемъ по преданію изъ Хорватіи. Поэтъ задумалъ въ особомъ циклѣ эпическихъ пѣсенъ изобразить древнѣйшія историческія судьбы славянъ вообще и въ частности поляковъ и поэтическими картинами родового единства славянъ пробудить въ соотечественникахъ чувства славянскаго самосознанія. Патріотическій замыселъ поэта осуществился только отчасти: имъ были написаны стихотвореніе „Assarmot“ и неоконченная поэма „Lech“, имѣющія характеръ всеславянскій, и затѣмъ „Świątynia Sybilli“ [1]) и „Sejm Wiślicki“, прославляющія исторію польскаго народа. Ассармотъ, „narodów sarmackich patryarcha“, благословляетъ будущія поколѣнія и предсказываетъ имъ величіе и славу, когда они, безчисленныя, какъ звѣзды, соединенныя сердцемъ и языкомъ, займутъ края двухъ міровъ, распространятъ страхъ вмѣстѣ съ уваженіемъ къ себѣ и свое имя. Но при этомъ они всегда должны помнить о своемъ единствѣ:

„A rozrojeni w tysiąc narodów,
Tysiące wzniosłszy zamków i grodów,
Wspólnego rodu nie zabaczajcie,
Wzajem się bratnią dłonią wspierajcie...“

Поэтъ рисуетъ грандіозную картину разселенія многочисленныхъ сарматскихъ народовъ:

„Jednych was zajmą Tauru i Kaukazu skały,
Drugich Oby źródliska i Ryfejskie wały,
Tych rozgnieżdżą jeziora żyzne Meotyckie,
I zatoki Kaspijskie, i brzegi Pontyckie,
Owym poruczy bramy Tryonu,
Sturzeczny strumień Wołgi i Donu:
A wy, górami, morzem przecięci,
Wiecznym braterstwa nitem ujęci,
Jednego ojca dzieci, jedne miejcie prawa:
Cnota waszym żywiołem, a rzemiosłem sława.“

Но племя Ассармота въ своемъ распространеніи не будетъ налагать на покоренныхъ ярмо неволи, напротивъ,

[1]) „Сивиллу“ съ восхищеніемъ читалъ Колларъ. Экземпляръ ея онъ получилъ изъ Новаго Сада отъ Шафарика, которому подарилъ ее какой-то Закржевскій. Ср. письмо Шафарика отъ дек. 1828 г. въ Č. Č. Mus., 1875, str. 143, 151.

оно будетъ глашатаемъ свободы и покажетъ другимъ народамъ, что слава и добродѣтель не только въ силѣ оружія:

„Własne cechy mieć winno plemie Assarmota.
Niech się ich nauczają od was obce ludy:
Jak słodkie dla wolności zapasy i trudy;
Że ona pierwszym posagiem człeka..."

Одаренное особыми доблестями, племя Ассармота будетъ учить другіе народы любви къ отечеству, великодушію по отношенію къ побѣжденнымъ, вѣрности слову и союзу, гостепріимству, крѣпости духа въ оковахъ, вообще— „величіемъ души касаться неба". Пускай потомки Туискона гордятся побѣдой надъ природою, своей торговлей; пусть другіе славятся живописью и скульптурой, — стихіей потомковъ Ассармота всегда будетъ добродѣтель и слава:

„Ta jedna was od innych ludów wyosobi
I przyrodniem Sławaków imieniem ozdobi..."

Слава ихъ наполнитъ всѣ земли отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ Герцинскаго лѣса и вершинъ Татровъ до странъ, гдѣ солнце восходитъ и заходитъ. Подъ ихъ владычествомъ процвѣтетъ свобода, и короли и народы будутъ искать ихъ дружбы и союза.

„Oni później... Lecz jakiż pomrok mnie zamroczył...
I dalsze przeznaczenie mych dzieci przytłoczył!
I słońce się zaćmiło!... Nie trwożcie się dzieci —
Prysną chmury przechodnie, a słońce rozświeci:
Ród Assarmota nieprzepleniony,
Na końcach ziemi z sobą złączony,
Sercem, językiem, wychowem dziatek,
Ludów i świata przetrwa ostatek,
Póki tylko miłować będziemy te prawa:
Cnota naszym żywiołem, a rzemiosłem sława!"

Въ своихъ историческихъ пѣсняхъ Вороничъ намѣренъ былъ изобразить рядъ наиболѣе достопримѣчательныхъ моментовъ изъ жизни древняго славянства и польскаго народа, которые были бы особенно поучительны и достойны подражанія. Первая поэма объ основаніи Лехомъ Гнѣзна должна была состоять, согласно первоначальному

плану автора, изъ шести пѣсенъ [1]). Въ уста этого патріарха онъ предполагалъ вложить всѣ преданія о древнихъ генетахъ, впослѣдствіи названныхъ славянами, которые пришли изъ Азіи въ Иллирію. Всѣ эти преданія должны были объединиться вокругъ одного дѣянія, основанія города; точно такъ же въ поэмѣ объ основаніи Кракова должны были найти мѣсто югославянскія сказанія; слѣдующую поэму онъ хотѣлъ посвятить славянамъ сѣвернымъ, а именно Крушвицкому сейму, провозгласившему Пяста княземъ. Всѣ эти пѣсни должны были подготовить читателя къ систематической эпопеѣ ягеллонской, какъ центру поэтическаго замысла Воронича. Но только первая и вторая пѣсни были написаны, изъ третьей знаемъ только фрагментъ, остальныя не были вовсе написаны.

Неоконченная историческая поэма „Lech“ (въ III пѣсняхъ) развиваетъ ту же идею единства славянства въ отдаленномъ прошедшемъ и объединенія его въ настоящемъ. Вороничъ имѣлъ въ виду свести въ этой поэмѣ въ одно цѣлое преданія о древнихъ славянахъ и въ циклѣ эпическихъ стихотвореній изобразить историческія судьбы Польши въ эпоху Пястовъ и Ягеллоновъ. Вступленіе къ поэмѣ заключаетъ обращеніе къ богинѣ Славѣ, которую поэтъ проситъ помочь ему въ его замыслѣ:

„Sławo! stare bożyszcze Sławiańskiego rodu;
Rozświeć zamierzchłe dzieje północy i wschodu,
I wdzięcznym odmłódź kwieciem te podania święte,
Synowską pierworodzców naszych czcią natchnięte:
By ten ród, który patrzył na kolebkę świata,
Uczuł swą zdolność zwalczyć reszty wieków lata!“

Поэма проникнута сознаніемъ славянскаго единства и заключаетъ немало горькихъ упрековъ разрозненному славянству, губящему силы свои въ взаимныхъ спорахъ и борьбѣ. Поэтъ обращается къ нему съ призывомъ примиренія:

„Czegoż jednego ojca dzieci się kłócicie!
Złączcie się z sobą, a świat roztrącicie . . .“

Послѣ 1815 г. надежды поляковъ на Россію и ея великодушнаго государя укрѣплялись еще тѣмъ живымъ и не-

[1]) Jan Paweł Woronicz, przez R. Ottmana, Przegląd Polski, 1883, czerwiec, str. 408.

сомнѣннымъ интересомъ и вниманіемъ, съ которымъ русское общество въ лицѣ передовыхъ своихъ элементовъ стало слѣдить и заниматься славянскими вопросами, прежде всего — польскимъ. Славянскія сочувствія, какъ извѣстно, стали проявляться у насъ въ масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ. До сихъ поръ еще очень мало извѣстно, откуда шли и какъ опредѣлялись эти новые вопросы о славянствѣ: повидимому, къ прежнимъ національно-политическимъ мотивамъ прибавились еще новые. Это было время основанія конституціоннаго Царства Польскаго, — старыя антипатіи забывались, и возникало великодушное настроеніе, желавшее примирить оба народа на стремленіи къ общему благу... Въ Петербургѣ основывается польская масонская ложа; русскія ложи вступаютъ въ сношенія съ польскими ложами западнаго края и царства; впослѣдствіи возникаютъ отношенія и между тайными обществами. Въ общей мысли о славянствѣ, повидимому, особенную важность получилъ польскій вопросъ: польскій народъ былъ самый близкій намъ славянскій народъ; обстоятельства указывали для примиренія новую почву, — конституціонная форма, съ которой Польша являлась въ составѣ россійской имперіи, считалась тогда политической панацеей; въ извѣстной варшавской рѣчи имп. Александра встрѣчаются и другіе, болѣе широкіе намеки.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ объ этомъ движеніи ничего, кромѣ немногихъ неопредѣленныхъ указаній. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что еще въ 1818 году, 12-го марта, основана была въ Кіевѣ ложа „Соединенныхъ Славянъ“ (Les Slaves réunis). Она была въ союзѣ съ петербургской „великой ложей“ Астреи; но ея „система“, по одному извѣстію, была система „Великаго Востока“ польскаго (le rite du Grand Orient de Pologne); работала она на русскомъ и французскомъ языкахъ; фамиліи ея членовъ — русскія и польскія. На знакѣ ложи (крестъ, съ кругомъ въ серединѣ) изображены двѣ руки, поданныя на союзъ, и по четыремъ угламъ креста надпись по-польски: „Jedność Słowiańska“ [1]).

Русскіе журналы первыхъ двухъ-трехъ десятилѣтій прошлаго вѣка внимательно слѣдятъ за всѣми болѣе или менѣе выдающимися явленіями польской изящной и ученой литературы; представители науки русской и польской на-

[1]) Послѣднее извѣстіе о ней мы имѣемъ отъ 1821 года. А. Н. Пыпинъ, Панславизмъ. Вѣстн. Евр., 1878, V, стр. 747—748.

ходятся въ близкомъ общеніи, дѣлятся другъ съ другомъ научными пріобрѣтеніями, оказываютъ взаимную помощь книгами и матеріалами и т. д. Одинаково и польскія періодическія изданія, особенно виленскія, постоянно отводятъ на страницахъ своихъ мѣсто важнѣйшимъ русскимъ ученымъ и литературнымъ новостямъ. Этого рода статьи, замѣтки и сообщенія въ теченіе долгаго времени входятъ въ обязательную программу литературно-научныхъ изданій.

Помѣсячное изданіе Анастасевича „Улей“ (на 1811 г., № 1) въ своей программѣ на первомъ мѣстѣ ставило: „1. Словесность въ прозѣ и стихахъ отечественная и переводы съ польскаго (коихъ у насъ очень мало), также и съ другихъ языковъ. 2. Біо- и библіографическія замѣчанія или извѣстія о жизни и трудахъ писателей россійскихъ и польскихъ. 3. Историческіе отрывки и замѣчанія при сводѣ нашихъ историковъ съ польскими“.

Съ высокой цѣлью способствовать ознакомленію русскаго читателя съ жизнью ближайшихъ единоплеменниковъ предпринялъ въ Орлѣ изданіе спеціальнаго журнала [1]) старшій учитель орловской губернской гимназіи Фердинандъ Орля-Ошменецъ. Журналъ носилъ названіе: „Другъ Россіянъ и ихъ единоплеменниковъ обоего пола, или Орловскій россійскій журналъ на 1816 г.“ И самое названіе журнала и девизъ его: „Amicitiae sanctum et venerabile nomen“ (Ovid.) говорятъ о благородныхъ намѣреніяхъ редактора [2]), нашедшаго среди орловскихъ жителей и сочувствіе и матеріальную поддержку своему начинанію [3]).

Программу своего изданія Орля-Ошменецъ излагалъ въ немногихъ словахъ: „Ученость, новости и особенныя

---

[1]) Въ письмѣ къ кн. Чарторыскому 21 іюня 1817 г., прося его о переводѣ въ Виленскій округъ, Ошменецъ говорилъ о своемъ предпріятіи: „Żądając dać poznać dwóm wielkim Słowiańskim narodom oświecenie i cnoty ich współbraci, odważyłem się wydać Rossyiski żurnał pod tytułem: „Другъ Россіянъ...“ Письмо въ библ. Музея Чарторыскихъ. Рукоп. № 5476.

[2]) Первый № этого журнала вышелъ въ іюлѣ 1816 г. въ Москвѣ. Съ 1 іюля 1817 г. Другъ Россіянъ долженъ былъ издаваться подъ заглавіемъ: „Отечественный памятникъ, посвященный дружелюбному соединенію россійскихъ и польскихъ народовъ“.

[3]) Издатель назвалъ свой журналъ „Орловскимъ“ по мѣсту изданія и сочиненія, а также потому, что „орловской публикѣ издатель одолженъ приведеніемъ къ исполненію своего предпріятія, а особливо ген. отъ инф. графу Каменскому“.

извѣстія будутъ составлять планъ журнала Друга Россіянъ; а дружество, просвѣщеніе, человѣколюбіе, патріотизмъ и прочія добродѣтели славяно-россійскихъ и польскихъ народовъ будутъ онаго украшеніемъ". „Цѣль издателя Друга Россіянъ", какъ она излагалась въ № 1 (іюль 1816 г.), была слѣдующая: „Стараться утвердить въ вѣчномъ союзѣ непоколебимаго дружества умы и сердца славяно-россійскихъ и польскихъ народовъ чрезъ посредство ихъ просвѣщенія и добродѣтели; представить въ пріятно-сокращенномъ видѣ (изъ разныхъ славнѣйшихъ авторовъ, собственныхъ сочиненій россійскихъ и польскихъ писателей) лучшія мѣста и отборнѣйшія мысли, относящіяся къ дружеству, славѣ, человѣколюбію, любви царя и отечества; прославлять геройскіе подвиги и достойныя царскаго величія дѣянія повелѣвающаго сердцами народовъ вселюбезнѣйшаго нашего Ангела-Императора Александра I и прочихъ великихъ царей славянскаго племени" и т. д.

Издатель, бывшій офицеръ, по оставленіи военной службы, посвятилъ себя педагогической дѣятельности, сначала, съ 1796 г., „въ польско-россійскихъ провинціяхъ", а затѣмъ „въ глубокой Россіи". „Имѣя удовольствіе познакомиться съ восхищающею красотою величественнаго слога россійскаго языка, въ коемъ онъ находитъ весьма пріятное сходство съ любимою имъ польскою словесностью", издатель постановилъ помѣщать въ своемъ журналѣ „плѣняющіе его пріятные и свѣжіе цвѣты твореній" русскихъ поэтовъ. Въ № 1-омъ онъ помѣстилъ свой восторженный гимнъ въ прозѣ: „Гласъ сердца. Въ честь Русскому Императору и Польскому Царю Александру I":

„Другъ Россіянъ — ихъ Царь-Императоръ-Герой-Просвѣтитель и Отецъ Отечества Александръ I славнѣйшими своими дѣяніями и подвигами удивилъ вселенную, украсилъ Европу, возвеличилъ Россію и плѣнилъ ново-пріобрѣтенные польскіе народы величіемъ своего генія, сердца и духа...

„Славяно-россійское и польское племя, наслаждаясь мирнымъ спокойствіемъ подъ скипетромъ обожаемаго царями вселенной, ласково-повелѣвающаго Монарха, вкушаетъ пріятные плоды братской любви и дружелюбнаго соединенія... Россіяне и ихъ древніе единоплеменники другъ другу будутъ съ радостію сообщать свои мысли, свои сочиненія и свою любовь къ царствующему въ ихъ сердцахъ и душѣ Александру I, великому наслѣднику Петра, Екатерины, Со-

бѣскихъ, Болеславовъ, Сигизмундовъ, Ягеллоновъ и прочихъ владѣтелей, пріобрѣтшихъ себѣ любовь и уваженіе своихъ подданныхъ...“

Такого рода прославленій и надеждъ на новую эру жизни двухъ братскихъ народовъ встрѣчаемъ въ одномъ томикѣ орловскаго журнала длинный рядъ.

Въ замѣткѣ: „Щастливая судьба Польши подъ царствованіемъ Александра I“ (стр. 33—35) высказываются слѣдующія мысли: „Кто живетъ на землѣ польской и не чувствуетъ всей сладости ново-возрожденнаго польскаго отечества и столь великаго щастія, какое имъ доставляетъ любезнѣйшій и величайшій изъ царей Александръ I, тотъ бѣги съ земли сея и не ослабляй сей признательности, которую каждый истинный полякъ обязанъ живо чувствовать.

Ежели находится между прославляющими великодушное царствованіе Александра I польскими жителями такой человѣкъ, который дерзнулъ бы великое общее благо называть зломъ, тотъ не полякъ, но врагъ щастія, покоя и польскаго имени.

Укоренившіяся враждебныя чувства и мнѣнія между собратними единоплеменниками взаимно должны угаснуть при утѣшительной мысли о будущихъ выгодахъ для обоихъ великихъ племенъ славянскаго народа.

Отнынѣ русскіе и польскіе народы будутъ братьями: только благодѣтельнаго союза недоставало къ ихъ соединенію, ибо происхожденіе, языкъ, кровь тѣхъ же славянъ, въ ихъ жилахъ текущая, и историческія воспоминанія издревле уже установили родство между нами.

Россійская словесность, со времени своего младенчества одолженная польской многими пріобрѣтеніями, нынѣ уже зрѣющая, встрѣтитъ старшую сестру свою и представитъ ей творенія своихъ Ломоносовыхъ и Державиныхъ, для сравненія съ польскими пѣснопѣніями Кохановскихъ, Сарбѣвскихъ, Красицкихъ и Нарушевичей“.

Привлекательный образъ дружелюбнаго общенія на этой чисто литературной почвѣ представляютъ своими отношеніями кн. П. А. Вяземскій и Адамъ Мицкевичъ. Проведя многіе годы въ Варшавѣ, отлично изучивъ польскій языкъ и литературу, Вяземскій много содѣйствовалъ и словомъ и дѣломъ этому сближенію. Онъ помогъ успѣху Мицкевича въ Москвѣ и Петербургѣ, приласкалъ его, перезнакомилъ съ московскими и петербургскими литераторами, самъ пере-

велъ прозой его сонеты (1827 г.) и выразилъ въ заключеніе этого перевода надежду, что Пушкинъ, Баратынскій и другіе первоклассные поэты одѣнутъ волшебными красками голое его очертаніе и освятятъ своими именами желаемую дружбу между русскими и польскими музами. Литература въ этомъ взаимномъ движеніи сосѣдей и братьевъ навстрѣчу другъ другу должна была имѣть особенно благотворное вліяніе.

„Есть высшіе умственные слои, говорилъ Вяземскій, куда не должны достигать неистовыя страсти семейныхъ междоусобій. Тутъ не существуютъ условныя перегородки приходскихъ національностей. Мы пользуемся повсемѣстными плодами земного шара, не справляясь, какою почвой они были возращены, дружескою или непріязненною. Политика есть сила разъединяющая, а поэзія должна быть всегда примиряющею и скрѣпляющею силою“ [1]). Но не одинъ Вяземскій отнесся столь дружески къ польскому поэту. Извѣстно, что Мицкевичъ былъ принятъ въ лучшихъ московскихъ салонахъ и пользовался общимъ вниманіемъ и симпатіями. Когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, московскіе друзья устроили ему прощальный ужинъ въ квартирѣ С. А. Соболевскаго, при чемъ высказали много сочувствія въ стихахъ и прозѣ [2]).

Московскіе друзья Мицкевича выдвигали даже кандидатуру его на каѳедру польской литературы въ московскомъ университетѣ [3]), а нѣсколькими годами раньше попечитель харьковскаго округа гр. Потоцкій возбуждалъ ходатайство объ учрежденіи каѳедры польской литературы въ харьковскомъ университетѣ [4]).

---

[1]) „Кн. П. А. Вяземскій и его польскія отношенія и знакомства.“ В. Спасовичъ, Сочиненія, VIII, стр. 16, 31.

[2]) Русск. Арх., 1898, I, стр. 84. Малиновскій писалъ 25 апр. 1828 г. изъ СПБ. Лелевелю: „Teraz donoszę, że Adam Mickiewicz dnia 23 t. m. przyjechał do Petersb. Wyjeżdżającemu z Moskwy tamtejsi literaci świetną wyprawili ucztę. Ofiarowali mu puhar srebrny, na którym wyryte są imiona uczestników bankietu a wielbicieli talentu Adama. Deklamowano wiersze napisane z tej okoliczności. Śpiewano piosnki. Poeta ze łzami był żegnany. Odpowiadał im improwizacją, która taki entuzjazm obudziła, że Boratyński poeta padłszy na kolana zawołał: „Ah, mon dieu, pourquoi n'est-il-pas Russe“. Бумаги Лелевеля въ Ягелл. библ. Стихотвореніе И. В. Кирѣевскаго въ Русск. Арх., 1874. Ср. Dodatek miesięczny do Czasu, 1856, paźdź.

[3]) А. А. Кочубинскій, Вѣстн. Евр., 1896, IV, стр. 172.

[4]) Ср. Dziennik Wil., 1821, II, str. 471. Каѳедру польскаго языка занялъ здѣсь П. П. Артемовскій-Гулакъ. См. С. К. Булича, Очеркъ ист. языкознанія въ Россіи, стр. 1161—1163, гдѣ изложено содержаніе интересной вступительной лекціи Артемовскаго.

Мицкевичъ самъ искалъ знакомства съ представителями русской поэзіи. Такъ, покидая Москву, онъ выразилъ желаніе лично познакомиться съ Жуковскимъ, и А. П. Елагина дала ему письмо къ нему. Жуковскій 17 дек. 1829 г. писалъ объ этомъ знакомствѣ Елагиной: „Вашъ Мицкевичъ былъ у меня. Мнѣ онъ очень по сердцу. Онъ долженъ быть великій поэтъ“ ... Знаменателенъ фактъ, что въ этотъ же годъ знакомства съ Мицкевичемъ Жуковскій представлялъ Государю записку о томъ, что для вел. князя Александра Николаевича настало время имѣть при себѣ человѣка, знающаго хорошо польскій языкъ, польскую литературу и вообще Польшу. „Дѣло важное“, представлялъ Жуковскій: „Будущаго царя Польши надобно познакомить съ Польшею и заставить полюбить ее; надобно, чтобы онъ узналъ ее такою, какова она есть, безъ предубѣжденій, безъ односторонности; надобно, чтобы онъ узналъ, что̀ она теперь, чего ей недостаетъ, что̀ ей имѣть можно; чтобы онъ, познакомившись съ ея прошедшимъ и настоящимъ, могъ полюбить ея будущее, какъ слѣдуетъ царю, которому надлежитъ на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугу союза [1]).“

Не менѣе яркимъ выраженіемъ настроенія, которымъ глубоко проникнуты были лучшіе наши и польскіе представители единенія, долженъ быть признанъ фактъ ходатайства Мицкевича о разрѣшеніи ему издавать въ Москвѣ съ 1828 г. повременнаго сочиненія на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Ирида“ (Irys). Ходатайство это возбуждено было Мицкевичемъ и другомъ его и товарищемъ по изгнанію Франциском Малевскимъ въ октябрѣ 1827 г. Вотъ что приводилъ поэтъ въ видѣ мотивовъ къ своему прошенію:

„Польско-россійскія провинціи имѣютъ съ давняго времени обезпеченныя благодѣянія народнаго обученія. Отъ нихъ послѣдовалъ очевидный успѣхъ просвѣщенія, обнаруживающійся въ числѣ выходящихъ ученыхъ сочиненій и въ цвѣтущемъ состояніи учебныхъ заведеній, воздвигнутыхъ монаршею щедротою. При усилившемся къ пріобрѣтенію наукъ порывѣ, одно только ученое періодическое сочиненіе, издаваемое въ Вильнѣ для польско-россійскихъ губерній, не

[1]) Русск. Арх., 1889, кн. IX, стр. 131. Ср. письмо Жуковскаго отъ 6—18 іюля 1829 г. къ Нѣмцевичу по случаю избранія въ члены Общества друзей наукъ. Kraushar, op. cit., ks. III, ost. lata, str. 475—476.

можетъ удовлетворить нуждамъ многочисленной читающей публики, ниже соотвѣтствовать числу и разнообразію, въ какихъ нынѣ появляются ученые труды. Потому издатель новаго журнала на польскомъ языкѣ, преимущественно для сихъ провинцій назначаемаго, можетъ ласкать себя надеждою, что онъ трудомъ своимъ и стараніемъ сдѣлаетъ услугу обоимъ соотчичамъ и будетъ содѣйствовать къ умноженію пользъ, каковыя изъ открытыхъ въ государствѣ разныхъ источниковъ наукъ могутъ быть получаемы.“ Москва, какъ одна изъ первѣйшихъ столицъ Европы, вмѣщающая въ себѣ университетъ и нѣсколько ученыхъ обществъ, имѣющая много библіотекъ и книжныхъ лавокъ, признавалась особенно подходящимъ центромъ для задуманнаго дѣла. Но сверхъ главной задачи, — знакомить немедленно читателей съ важнѣйшими успѣхами наукъ и художествъ на Западѣ, — самое мѣсто изданія будущаго журнала указывало и на другую, столь же важную цѣль его. „Въ Москвѣ издаваемый журналъ, — говорилось въ прошеніи, — не можетъ не принимать участія въ увеличившемся богатствѣ россійской литературы, въ успѣхахъ наукъ, искусствъ и художествъ, въ перемѣнахъ, которыя суть слѣдствіемъ постепеннаго хода образованія въ столь огромномъ государствѣ. Многократно повторено было непріятное замѣчаніе, что ложныя о нынѣшнемъ состояніи Россіи понятія поддерживаются донынѣ между иностранными писателями, но еще непріятнѣе вспомнить, что тѣ же ложныя понятія поддерживаются донынѣ въ краяхъ, коихъ жители по сходству языка и первоначальныхъ обычаевъ столь много имѣютъ удобностей къ исправленію старыхъ или пріобрѣтенію новыхъ о Россіи извѣстій. Литературы россійская и польская, несмотря на столь многія и сильныя побужденія, не протянули до сихъ поръ другъ другу пріязненной руки. Богатства одной были и до сихъ поръ остаются неизвѣстными другой, и это равнодушіе едва не уничтожаетъ слѣды истиннаго сродства. Напрасно неоднократно возставали противъ него знаменитые россійскіе и польскіе писатели, — до сихъ поръ не было истиннаго желаемаго обмѣна ученыхъ плодовъ, несмотря на то, что сіи плоды, искусно пересаженные, находя ту же почву и то же небо, всегда хорошо прививались бы. Редакція предполагаемаго въ Москвѣ журнала, при обѣщанномъ ей содѣйствіи россійскихъ ученыхъ, при легкости пріобрѣтенія россійскихъ книгъ и періодическихъ изданій,

старалась бы знакомить съ выдающимися произведеніями издаваемыми на этомъ языкѣ, и такимъ образомъ обращать на нихъ вниманіе польскихъ читателей и въ то же самое время она могла бы справедливо надѣяться, что появленіе польскаго журнала въ Москвѣ поощрило бы россіянъ къ ознакомленію съ литературой польской." Такова была существеннѣйшая часть программы журнала Мицкевича, задуманнаго, какъ въ самомъ прошеніи отмѣчено, при участіи русскихъ литературныхъ силъ. Но изданіе не было разрѣшено, такъ какъ власти вспомнили юношескія прегрѣшенія Мицкевича и его друга. Во всякомъ случаѣ самая мысль ихъ достойна вниманія и сохраненія въ памяти [1]).

Общее увлеченіе славянскими изученіями не могло не отразиться и на усердномъ и любовномъ изученіи русскаго языка и литературы. Движеніе въ эту сторону должно было совершиться безъ всякихъ призывовъ и убѣжденій, путемъ совершенно естественнымъ, въ силу необходимости. Тѣмъ не менѣе голосовъ въ пользу изученія русскаго языка слышалось немало. Пособія, различныя грамматики и словари, издававшіяся непрестанно съ конца XVIII в. (напр.: „Łatwy sposób nauczenia się po Rossyisku y po Polsku", Warszawa, 1795; польско-русскій словарь Кириака Кондратовича, СПБ., 1775), лучше всего говорятъ о назрѣвшей въ польскомъ обществѣ потребности въ знаніи родственнаго языка [2]). Проживая въ концѣ XVIII в. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Петербургѣ, знаменитый Г. С. Бандтке изучаетъ русскій языкъ и хотя владѣлъ имъ на письмѣ весьма слабо, тѣмъ не менѣе въ письмахъ къ Добровскому нерѣдко вставляетъ цѣлыя фразы на воображаемомъ русскомъ языкѣ, пользуясь имъ въ качествѣ сокровеннаго языка, какъ это дѣлали въ 20-ыхъ и 30-ыхъ годахъ и чешскіе писатели. Значеніе русскаго языка въ системѣ филологическаго образованія было для него совершенно ясно, и въ извѣстной статьѣ „Uwagi nad językiem czeskim" etc. Бандтке прямо рекомендуетъ каждому поляку, чеху и славянину вообще изучать этотъ красивый языкъ

---

[1]) Подлинное дѣло объ этомъ проектѣ хранится въ Арх. Мин. Нар. Просв., № 127219.—8. Имъ воспользовался проф. Ѳ. Ф. Вержбовскій для статьи объ этомъ предпріятіи Мицкевича въ Kurjerze Warszawskim, 1897, № 272, 273 и 275.

[2]) См. Булича, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, стр. 723. Ср. еще стр. 1163.

вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ [1]), такъ какъ нынѣшній россійскій языкъ не уступаетъ въ изяществѣ ни чешскому, ни польскому, подобно имъ очищенъ, образованъ и имѣетъ обширную, хотя и гораздо новѣйшую, литературу. Идя навстрѣчу насущной потребности, университеты варшавскій и краковскій учреждаютъ каѳедры русскаго языка и словесности, при чемъ въ Варшавѣ преподаетъ въ качествѣ лектора нѣкто Вербушъ, а отъ Совѣта краковскаго университета получилъ приглашеніе занять каѳедру „россійскаго языка и словесности" учитель крожскаго училища (виленскаго окр.) Александръ Серна-Соловьевичъ [2]), явившійся въ числѣ соискателей.

Въ то же время замѣчается и въ русскомъ обществѣ интересъ къ польскому языку, хотя кругъ изучавшихъ его былъ въ силу обстоятельствъ значительно меньше. Для русскихъ любителей польскаго языка издаетъ грамматику его (на основѣ извѣстнаго труда О. Копчинскаго) библіотекарь Имп. Публ. библіотеки Семигиновскій († 1822), оставившій въ рукописи и русскую грамматику для польскаго юношества [3]). Польскій языкъ въ Москвѣ одно время считался особенно моднымъ [4]). Польская журнальная литература двадцатыхъ годовъ свидѣтельствуетъ о большомъ вниманіи къ явленіямъ русской изящной словесности и науки; въ одинаковой мѣрѣ русская печать внимательно слѣдитъ за выдающимися литературными и учеными новостями у поляковъ. Съ конца двадцатыхъ годовъ у насъ стали читать и переводить произведенія Мицкевича [5]), и съ этого же времени начинаемъ

---

[1]) Ср. рѣчь учителя русскаго языка Кременецкой гимн. Стржелецкаго, въ Dzienn. Wil., 1805, str. 475. Бандтке цитируетъ эту рѣчь и заключаетъ: „Uczyć się tego pięknego języka wraz z starym cerkiewnym, z porównaniem innych sławiańskich dyalektów zalecałbym każdemu Polakowi, Czechowi i Sławianowi gdziekolwiek bądź zamieszkałemu". Ср. еще: „Разсужденіе о томъ, что для Волынянъ познаніе Россійскаго языка преимущественно нужно. Сочиненное Ал. Савицкимъ, ученикомъ Волынской гимназіи". Улей, 1811, II, стр. 5.

[2]) Protokoł pism edukacyjnych urzędowych na r. 1822. Имп. Публ. Библ. Польск. F. XVIII. № 11, т. VI. См. письма его къ Добровскому въ прилож. къ нашимъ Очеркамъ по ист. чешск. возрожд.

[3]) О немъ: Gazeta liter., 1822, II, str. 21, 147. Сѣв. Арх., 1823, ч. VII, 415.

[4]) Ср. Русск. Бесѣда, 1859, III, В. И. Веселовскій: „Очерки современной польской литературы".

[5]) „Аккерманскія степи" въ переводѣ И. Козлова, Моск. Телегр., 1828, № 3; переводъ „Крымскихъ сонетовъ" Р. Л. Пушкина въ ж. Bulletin du Nord, 1828, янв.; „Праотцы" (Dziady) II ч. въ перев. Вронченка,

все чаще и чаще встрѣчать имя Пушкина въ литературныхъ журналахъ польскихъ [1]). Имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Крылова, Батюшкова и др. нашихъ писателей рано становятся извѣстными польскому читателю по переводамъ ихъ произведеній. У насъ преимущественно „Вѣстникъ Европы“ слѣдитъ за польской литературой, и въ Варшавѣ съ признательностью отмѣчаютъ эту заслугу его редактора Каченовскаго [2]).

Въ самомъ скоромъ времени обнаруживаются и первые слѣды взаимнаго вліянія литературъ польской и русской этого періода. Рылѣевъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Историческихъ пѣсенъ“ Нѣмцевича создаетъ свои „Думы“ [3]), Ст. Витвицкій передѣлываетъ „Свѣтлану“ Жуковскаго въ „Wieczór Ś. Andrzeja“ [4]); въ поэтическомъ творчествѣ Пушкина новѣйшая литературная критика обнаруживаетъ слѣды вліянія Мицкевича [5]).

Славянскія изученія въ польской литературѣ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ и ея тогдашнія отношенія къ литературѣ русской представляютъ вообще замѣчательное явленіе, впослѣдствіи въ такой мѣрѣ уже не повторявшееся. Это участіе польскихъ ученыхъ въ вопросахъ, занимавшихъ и русскій ученый кружокъ, имѣло немалое возбуждающее вліяніе [6]); въ равной мѣрѣ благотворнымъ по своимъ послѣдствіямъ

въ Невск. Альманахѣ на 1829 г. и мн. др.; рядъ статей о произведеніяхъ Мицкевича въ Моск. Телегр., 1828, № 3, стр. 436; 1829, ч. XXVI, стр. 193 и т. д.

[1]) Ср., напр., Dziennik Wil., 1824, III, 286, 290, 415—417; 1825, I, 217; Rozm. Lwowsk., 1824; Dziennik Warsz., 1829, XVII, 155.

[2]) „Pan Kaczenowski wiele przysługuje się literaturze polskiej i rossyjskiej, że w dzienniku swoim umieszcza tłómaczenia z polskiego.“ Gazeta liter., 1822, № 30, str. 107.

[3]) Дума „Глинскій“, по собственному признанію Рылѣева, была „болѣе неудачнымъ подражаніемъ, нежели переводомъ прекрасной думы Ю. Нѣмцевича“. Соревнов. просв. и благотв., 1822, № IX, стр. 314. Ср. „Рылѣевъ и Нѣмцевичъ“, А. Н. Сиротинина, Русск. Арх., 1898, № 1. Якушкинъ, „Изъ ист. лит. 1820—1830 гг.“ Вѣстн. Евр., 1887, ноябрь. Przegląd literacki „Kraju“, 1888, № 8. A. Kraushar, Obrazy i wizerunki historyczne, 1906, str. 327—332.

[4]) St. Zdziarski, Szkice literackie, 1903, Lwów; ср. нашу замѣтку въ Русск. Фил. Вѣстн., 1906, кн. II., стр. 220.

[5]) Ср. лекціи В. Спасовича, читанныя въ Краковѣ и напечатанныя первоначально въ „Pamiętn. imienia A. Mickiewicza“, 1887; Сочиненія, т. IV, и статью I. Третьяка „Ślady wpływu Mickiewicza w poezyi Puszkina“, въ сб. „Mickiewicz i Puszkin“. Studya i szkice, Warszawa, 1906.

[6]) А. Пыпинъ. Вѣстн. Евр., 1889, т. IV, стр. 709.

было и литературное общеніе. Взаимодѣйствіе это было настолько велико, что цѣлый рядъ научныхъ работниковъ принадлежали въ одинаковой мѣрѣ наукѣ русской и польской и писали (какъ, напр., Ходаковскій) по-русски и попольски. Вліяніе Линде и Россійской Академіи, Румянцева, Востокова, Нарушевича и Карамзина, Кухарскаго, Ходаковскаго и Венелина и мн. др., если не каждаго отдѣльно, то всѣхъ вмѣстѣ, по справедливому замѣчанію И. И. Срезневскаго, было почти одинаково сильно и на востокѣ и на западѣ [1]).

[1]) Литературное оживленіе Зап. Славянъ. Современникъ, 1846, № 6.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ СЛАВЯНСТВА. ПЕРВЫЯ СЛАВЯНСКІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ.

Условія и обстоятельства, при которыхъ началось зарожденіе и совершалось въ теченіе трехъ десятилѣтій дальнѣйшее развитіе замѣчательнаго движенія въ польской наукѣ XIX ст. были, такимъ образомъ, чрезвычайно благопріятны для его роста. Руководящая роль въ этомъ движеніи принадлежала Обществу друзей наукъ. Источникъ спеціальныхъ интересовъ ученаго кружка, обращавшаго особенное вниманіе на вопросы славянской исторіи, письменности и языкознанія лежалъ, какъ мы уже видѣли, въ стремленіи познать прежде всего самихъ себя, всесторонне изучить польскій народъ во всѣхъ проявленіяхъ его духовной жизни. Отъ этихъ вопросовъ былъ всего лишь одинъ шагъ къ изученію ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ единоплеменниковъ-славянъ. Въ умахъ ученыхъ представителей этого движенія рано и при этомъ прочно утвердилось убѣжденіе, что польская историческая и филологическая наука немыслима внѣ тѣсной связи съ изученіемъ славянства въ самомъ широкомъ объемѣ. Но это былъ далеко не единственный источникъ славянскаго теченія, съ такой силой обнаружившагося въ польской наукѣ начала XIX ст. Причины, создавшія его, были разнообразнѣе и сложнѣе и въ значительной степени совпадали съ тѣми, которыми обусловлено было возникновеніе и развитіе славянской идеи у чеховъ. Какъ у чеховъ, такъ и у поляковъ въ великомъ движеніи „возрожденія“ сыграли выдающуюся роль и французская философія XVIII в., выдвинувшая идею

національную, и нѣсколько позже романтическія вѣянія, и отчасти политическія событія начала XIX ст. Новѣйшими изслѣдованіями по исторіи славянскихъ изученій у чеховъ установлено также несомнѣнное вліяніе общаго направленія ученыхъ работъ въ западно-европейской наукѣ.

Въ XVIII ст. въ исторической наукѣ Запада замѣчается особенный интересъ къ вопросамъ древнѣйшей исторіи народовъ славянскихъ. Историки нѣмецкіе и датскіе, обратившись къ изученію источниковъ древней исторіи германскихъ народовъ, неизбѣжно приходили въ соприкосновеніе съ вопросами исторіи древняго славянства, къ XVIII вѣку уже почти совершенно исчезнувшаго на крайнихъ своихъ форпостахъ. Вопросы древнѣйшей исторіи германскаго племени тѣсно связаны были съ разъясненіемъ вопросовъ исторіи полабско-балтійскаго славянства.

Знаменитый Августъ Шлецеръ въ своихъ „Probe Russischer Annalen“ (1767) представилъ читателю списокъ 57 древнихъ авторовъ, византійскихъ, нѣмецкихъ, датскихъ и славянскихъ, писавшихъ о славянахъ, начиная съ Георгія Синкелла (VIII в.) и кончая Вацлавомъ Гайкомъ изъ Либочанъ (1553). Славянской исторіей занимались и многіе другіе нѣмецкіе ученые [1]).

Съ основаніемъ въ Лейпцигѣ въ 1768 г. польскимъ эмигрантомъ кн. I. A. Яблоновскимъ (1711—1777) ученаго общества, названнаго его именемъ, интересъ къ древней славянской исторіи въ Германіи особенно замѣтно расширяется. Самъ Яблоновскій много работалъ въ этой области, а основанное имъ общество ежегодно объявляло конкурсныя задачи и печатало премированные труды въ извѣстномъ изданіи „Acta Societatis Jablonovianae“ (съ 1771 г.). Въ числѣ трудовъ, удостоившихся преміи общества (въ 1770 г.) было и Шлецера „Abhandlung über die Aufgabe: Konnte nicht die Ankunft des Lech in Polen zwischen den Jahren 500 und 560 gesetzt werden“ (1767), доказывавшее миѳичность Леха, до того времени бывшаго исходнымъ пунктомъ польской исторіи. Въ „Allgemeine Nordische Geschichte“ Шлецеръ вноситъ уже, какъ самостоятельную часть (II), славянскую исторію, подраздѣляя ее на исторію славянъ: 1) русскихъ, 2) польскихъ, 3) чехо-моравскихъ, 4) вендскихъ, или нѣмецкихъ,

[1]) J. Jakubec, K počátkům studií slavistických v XVIII st. Listy Filolog., XXVIII, 1901, str. 459—460.

5) иллирійскихъ, 6) венгерскихъ и 7) турецкихъ [1]). Кромѣ ряда трудовъ самого Яблоновскаго [2]), въ Acta Societ. Jablonovianae вошли изслѣдованія и нѣкоторыхъ чешскихъ ученыхъ, какъ В. Духовскаго (Apokrisis ad Quaestiones propositas de Lecho, 1772), Фр. Пубички (Dissertatio de Venedis et Antis eorumque sedibus antiquissimis, 1773), Леоп. Шершника (Problema ex historia Slavica, utrum Wilzi, Serbi aut Sorabi, Slavonice dicti Srbi, ab Albi et regionibus Germaniae profecti sint in Croatiam et Dalmatiam, an ex Illyrico venerint in Germaniam, 1773).

Къ вопросамъ древнѣйшей славянской исторіи все чаще и чаще обращаются польскіе ученые конца XVIII ст. [3]). Назовемъ наиболѣе раннихъ работниковъ въ этой области. Къ нимъ принадлежитъ Феликсъ Лойко (Łojko Rędziejewski v. Rydzewski, 1717—1779), извѣстный историкъ и экономистъ, авторъ труда: „Historyczny wywód praw trzech mocarstw do prowincyi polskich“ и многочисленныхъ работъ, оставшихся неизданными. Рукописи и матеріалы его, въ 69 фоліантахъ, хранились въ библіотекѣ Ѳ. Чацкаго въ Порѣцкѣ. Чацкій часто пользовался ими и ссылается на нихъ въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи „O litewskich i polskich prawach“. Послѣ смерти Чацкаго эти рукописи перешли въ Пулавскую библ. Чарторыскихъ, а затѣмъ, какъ полагаютъ, попали въ Петербургъ, въ библіотеку Главнаго Штаба [4]). Одна изъ нихъ хранится въ библ. Музея Чарторыскихъ (№ 1126) и но-

---

[1]) Н. Лятошинскій, Авг. Людв. Шлецеръ и его историческая критика. Кіевск. Унив. Изв., 1884, XXIV, авг., стр. 73, 75.

[2]) Изъ посвященныхъ славянской исторіи трудовъ его назовемъ: L'empire des Sarmats, aujourd'hui royaume de Pologne, avec des remarques sur d'autres anciens peuples. Nuremberg, A. MDCCXLVIII, стр. 10 + 272, 2 табл. и 1 карта. То же: Halle, l'an 1742, стр. 164 и 1 карта. — Tabulae Jablonovianae ex arboribus genealogicis familiarum slavicarum Regni Poloniae, nec non extranearum ab iis prognatarum collectae opera et studio authoris... Norimbergae, A. 1748. 80 табл. — Patriae Reipublicae literariae Sarmatis Amazonibusque eruditis J. Jablonowski... Museum Polonum seu collectionem in Regno Poloniae et Magno Ducatu Litvaniae scriptorum editorum et edendorum opus bipartitum dicat. Leopoli 1752. — De Vinidis, Prussiis etc. Lechi et Czechii adversus scriptor. recentissimum vindiciae. Pars I et II. Lipsiae. MDCCLXXI. — Epistola de Vandalis. Acta Soc. Jablonov. 1773. IV.

[3]) Древнѣйшія извѣстія польскихъ писателей о славянахъ собраны у Первольфа, Славяне, II, стр. 100—146.

[4]) Подробнѣе о дѣятельности Лойка см. J. Bartoszewicza, Znakomici mężowie polscy w XVIII wieku, I, str. 145.

ситъ заглавіе: „Pomerania“ (tomus II); содержаніе ея — выписки и извлеченія изъ различныхъ писателей о Помераніи и о славянскомъ населеніи ея; всѣ эти свидѣтельства сопровождаются французскими поясненіями собирателя [1]).

Изъ собранія Чацкаго въ библ. Музея Чарторыскихъ имѣется еще одна рукопись занимающаго насъ содержанія: „Commentatio critico-historica de vero situ lacus sic dicti Mysiani aut Musiani, deque Cumanis, Chunis ac Chumis, uti Slavis, Slavanis, quos Ptolomaeus Stavanos praedicat, illius accolis“ (№ 148). Собственноручная замѣтка Чацкаго впереди заглавнаго листа объясняетъ происхожденіе рукописи: „Jest to jedna z dyssertacii, które Societas Jablonoviana w Lipsku pisała. Erudycyi wiele, uczonych wniosków obficie ta dyssertacia okazuje i warta jest czytania“. Содержаніе ея вкратцѣ слѣдующее: Pars I. Caput I. Notitia Pannoniae Inferioris ac utriusque Moesiae in Europa. Caput II. De vero situ lacus, quem vulgo Mysianum vel Musianum apellitant. Pars II. Caput I. De Cumanis, Chunis, Chumis eorumque migratione. Caput II. De Slavis, Sclavinis, Slavanis, quos Ptolomaeus Stavanos praedicat.

Этой же славянской древности посвящаетъ годы заключенія въ Оломуцкой крѣпости (1794—1803) Гуго Коллонтай, написавшій обширное изслѣдованіе „Historya początku narodów słowiańskich“, состоящее изъ пяти частей: 1) O źrzódłach historyi początkowej narodów, 2) O potopie ziemi, 3) O resztach uratowanego po potopie ludu, 4) Dowody astronomiczne wielkiej starożytności narodów, 5) O początkach narodów słowiańskich. Нечего и говорить о томъ, что исторія эта наполнена самыми невѣроятными фантазіями, въ оправданіе коихъ можно привести полнѣйшее отсутствіе пособій въ заключеніи, гдѣ Коллонтай могъ пользоваться лишь библіотекой одного изъ оломуцкихъ монастырей. Однако Янъ Снядецкій, ознакомившійся съ трудомъ Коллонтая еще въ рукописи, находилъ въ немъ огромную эрудицію, знаком-

[1]) Содержаніе этого тома слѣдующее: 1. Wypisy z różnych autorów o Pomeranii. 2. O Prussiech. 3. O Slawonach. 4. O Ziemi Pomorskiey, iey xiążętach, prawach i zwyczaiach. 5. O Slawonach. 6. O Stolpeńskiey Pomeranii. 7. O Pomeranii Slawach i Koszubach naydawniejszych autorów twierdzenia czynności ich xiążąt. 8. O mniemanych prawach do tey ziemi króla Pruskiego. 9. O Pomeranii Stetyńskiey czyli nad Odrą leżącey. 10. O Pomeranii. 11. Cały kray nadmorski między Odrą i Wisłą należał do Polski w 10, 11. i 12 w. 12. Mniemane prawa Rzeszy Niemieckiej do Pomorza. 13. O Ziemi Pomorskiey w 12 wieku.

ство съ свидѣтельствами древнѣйшихъ греческихъ и латинскихъ писателей и пріятный слогъ [1]).

Надъ исторіей Польши въ связи съ начальной исторіей славянства работалъ и Трембецкій, повидимому, подъ вліяніемъ трудовъ Нарушевича и Потоцкаго, къ которому обращался за указаніями по вопросу о происхожденіи славянъ [2]).

Славянскія темы въ польской исторической наукѣ затрагивались издавна, но только съ конца XVIII в., вмѣстѣ съ развитіемъ изученій въ этой области на Западѣ, у нѣмцевъ и у чеховъ, вопросы славянской древности разрабатываются въ спеціальныхъ трудахъ, имѣющихъ научный характеръ и значеніе.

Къ числу этихъ первыхъ представителей научной разработки вопросовъ древней славянской исторіи принадлежатъ гр. Иванъ Потоцкій и архіеп. могилевскій Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ. Оба они начинаютъ свою ученую работу вполнѣ независимо другъ отъ друга и, повидимому, внѣ вліянія программы какого-либо общества.

Съ удивительною настойчивостью и любовью, граничащею положительно съ самопожертвованіемъ для науки, посвящаетъ свои дарованія и матеріальныя средства изученію славянской древности графъ Янъ Потоцкій [3]). Потомокъ

---

[1]) Pisma rozmaite Jana Sniadeckiego, Wilno, 1818, I, str. 108, 109. Снядецкій познакомился съ „Исторіей“ въ авг. 1806 г., когда онъ посѣтилъ Коллонтая въ деревнѣ около Кременца, гдѣ знаменитый демагогъ поселился по возвращеніи, благодаря заступничеству Александра I, изъ австрійскаго заключенія. Послѣ смерти Коллонтая въ 1812 г. Общество друзей наукъ поручило одному изъ своихъ членовъ собрать свѣдѣнія объ оставшихся рукописяхъ, и 3 апр. 1812 г. Ксаверій Коссецкій докладывалъ Обществу, что въ числѣ четырехъ рукописей наиболѣе обширной является „Historya“, собственноручно переписанная Коллонтаемъ начисто. Коссецкій находилъ, что для напечатанія ея необходимо однако сдѣлать рядъ исправленій и измѣненій, согласно современнымъ требованіямъ исторической науки. Akta tyczące się pisania hist. polskiej, 1827, tom I, въ архивѣ Общества. X. Hugona Kołłątaja Badania historyczne z rękopismu wydał F. Kojsiewicz. I—III. 1842.

[2]) Ср. Encyklop. Powsz. (Orgelbranda), s. v., ст. K. Wł. W. (Wojcicki). Потоцкій въ своемъ „Essay sur l'histoire universelle“, p. 187, называетъ даже трудъ Трембецкаго „L'histoire des Slaves“. Tomkowicz St. въ замѣткѣ „Jeszcze o uczoności Trembeckiego“, Przegl. Polski, 1880, wrzes., str. 382, говоритъ, что Трембецкій съ политическо-дидактической цѣлью собирался написать полную исторію Польши, „rozwijając ją miejscami na tle dziejów słowiańszczyzny, którą za jeden „naród“ uważał“.

[3]) Въ польской литературѣ пока не имѣется полной біографіи Потоцкаго, исчерпывающей его ученыя заслуги и разнообразную дѣятель-

одного изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ польскихъ родовъ, Потоцкій родился 8 марта 1761 г. Обстоятельства заставили родителей отправить его вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Севериномъ въ Женеву и Лозанну, гдѣ они и провели первые годы своего юношества. Здѣсь онъ получилъ хорошее образованіе и изучилъ настолько основательно французскій языкъ, что впослѣдствіи писалъ на немъ съ большею легкостью, чѣмъ на родномъ языкѣ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что всѣ труды Потоцкаго издавались имъ только по-французски. Уже въ юные годы Потоцкій, обладавшій солиднымъ знаніемъ и древнихъ языковъ, занимается съ любовью чтеніемъ классическихъ писателей, главнымъ образомъ историческихъ сочиненій. Вернувшись домой въ смутную эпоху упадка и начала раздѣловъ Польши, молодой графъ, оказавшись неожиданно австрійскимъ подданнымъ, поступаетъ въ военную службу и въ 1778 г. участвуетъ въ борьбѣ за баварское наслѣдство, но тотчасъ же по заключеніи міра отправляется въ путешествіе по берегамъ Средиземнаго моря. Въ 1778 и 1779 г. онъ посѣщаетъ Италію, Сицилію и Мальту, и съ этого времени, какъ полагаетъ его біографъ [1]), начинаются его научныя занятія по изученію древности. Побывавъ въ 1784 г. въ Константинополѣ, на оо. Архипелага, въ Египтѣ и на обратномъ пути въ Венеціи, Потоцкій проводитъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, посвящая досуги свои научнымъ работамъ. Вскорѣ однако политическія событія заставляютъ его вернуться на родину,

---

ность его. Вспомнили о немъ его соотечественники сравнительно поздно, а именно по случаю изданія Клапротомъ въ 1829 г. въ Парижѣ его „Voyage dans les Steps d'Astrakhan". Ср. M. Baliński, Pisma hist. III. Warszawa, 1843, str. 137—209: Jan Potocki, wędrownik, literat i dziejopis, — единственная обстоятельная біографія П. Извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ П. помѣстилъ Żegota Pauli въ своемъ изданіи „Podróży do Turcyi i Egiptu" (Kraków, 1849). Незначительныя замѣчанія о П. находимъ въ Dzienn. Wileńsk., 1816, № 16 (по случаю смерти П.), въ Rozmait. Lwowsk., 1835, str. 262 (заимствовано изъ Wizerunków i Roztrząsań nauk., № VI), и тамъ же, на стр. 302: Wspomnienia o Janie hr. Potockim (изъ Gazety Poznańsk.). Нѣкоторыя замѣчанія о П. у А. Старчевскаго, Очеркъ историч. дѣят. въ Польшѣ. Ж. М. Н. Пр., ч. LIII, 1847, отд. V, 41, 61. Въ новѣйшее время значеніе его путешествій оцѣнилъ W. Gomulicki: „Jan Potocki jako podróżnik", въ ж. Wędrowiec, 1900, № 39—52. Популярная журнальная статья Гомулицкаго вызвала рѣзкія критическія замѣчанія со стороны Г. Улашина (H. Ułaszyn, O Janie Potockim i literaturze Kaukazu. Warszawa, 1902).

[1]) Baliński, op. cit., III, str. 140.

и въ 1788 г. мы встрѣчаемъ его въ качествѣ познанскаго депутата на знаменитомъ четырехлѣтнемъ сеймѣ. Но политическая дѣятельность не мѣшаетъ ему продолжать занятія излюбленнымъ предметомъ. Потоцкій на нѣкоторое время поселился въ Варшавѣ и приступилъ къ изданію своихъ сочиненій. Первымъ, появившимся въ печати, трудомъ его было „Voyage en Turquie et en Egypte, fait en l'année 1784" (Varsovie 1788), вскорѣ затѣмъ (въ 1789 г.) вновь переизданное въ собственной типографіи Потоцкаго (w drukarni wolnej), съ присоединеніемъ путешествія (1787 г.) по Голландіи [1]).

Слѣдующій годъ принесъ новый трудъ Потоцкаго, первый самостоятельный и обширный опытъ его въ области изученія вопросовъ славянской древности: „Essay sur l'histoire universelle et recherches sur celle de la Sarmatie", въ четырехъ томахъ (1789—1792). Какъ по основной задачѣ, которую имѣлъ въ виду Потоцкій, — выяснить нѣкоторые вопросы древнѣйшей исторіи славянъ, — такъ въ особенности по оригинальности метода, примѣненнаго имъ къ рѣшенію этой задачи, опытъ Потоцкаго заслуживаетъ вниманія. Авторъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ избранный имъ путь: „Mon premier soin, — говоритъ Потоцкій (p. 89 и сл.), — en commençant des recherches sur l'histoire de la Sarmatie, fut d'oublier tout ce que j'en avais appris chez les anciens et sur tout chez les modernes; craignant de prendre pour verités des erreurs convenues, je me supposai un homme nouveau: c'est ainsi que les pères de la logique moderne comparerent leur entendement à une table rase et ne permettaient aux idées de s'y dessiner qu'après avoir scrupuleusement éxaminé le degré de leur certitude". Исходя изъ такого предполагаемаго незнакомства (ignorance hypothètique) съ предметомъ, Потоцкій приступаетъ къ изученію современнаго состоянія тѣхъ областей, древнѣйшую исторію и судьбы коихъ онъ намѣренъ изобразить: онъ знакомится съ народами, эти области нынѣ населяющими, изучаетъ ихъ языки, обычаи, преданія, нравы, суевѣрія, географическую номенклатуру ихъ земель (les noms divers qu'ils donnent aux rivières, aux villes, aux provinces). Отъ извѣстнаго настоящаго Потоцкій постепенно переходитъ въ глубь вѣковъ [2]), къ требующему

[1]) Польскій переводъ: „Podróż do Turek i Egiptu" вышелъ въ томъ же 1789 году; переизданъ Жеготой Паули въ 1849 г., въ Краковѣ.

[2]) „Remontant de siècle en siècle et du connu à l'inconnu, avançant dans cette marche rétrograde avec une assurance que ne donnent point les

опредѣленія. Этотъ методъ кажется ему наиболѣе надежнымъ. „Cette étude, — говоритъ онъ, — m'a conduit aux temps où cette historie perd de son authenticité et devient plus conjecturale, c'est à dire pour la Sarmatie aux IXe et Xe siècle". Ознакомившись со всѣми писателями, которые касаются того или другого народа, и собравши такимъ образомъ всѣ относящіяся къ своему предмету свѣдѣнія, онъ наконецъ подходитъ къ рѣшенію своей задачи. Потоцкій полагаетъ, что наилучшій способъ изложенія — предоставить говорить самимъ историкамъ древности, располагая соотвѣтственныя извлеченія изъ ихъ трудовъ въ хронологическомъ порядкѣ [1]).

Второй большой работой гр. И. Потоцкаго, посвященной древнѣйшей исторіи славянства, было собраніе извлеченій изъ различныхъ источниковъ, касающихся славянъ, подъ загл.: „Chroniques, mémoires et recherches pour servir à l'histoire de tous les peuples Slaves. Livre XLII, comprenant la fin du neuvième siècle de notre ere" (à Varsovie, 1793). И здѣсь Потоцкій слѣдуетъ своему испытанному методу восходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному („allant du connu à l'inconnu, par une route pénible mais sure"). О планѣ своего труда онъ говоритъ: „Le recueuil que je promets peut être considéré, comme un nouveau monde historique, composé de faits de tous les peuples Slaves, extraits d'auteurs ignorés pour la plus part". Ограничивъ здѣсь свою задачу лишь изслѣдованіемъ среднихъ вѣковъ славянской исторіи, мало вообще изученныхъ и долго находившихся въ пренебреженіи, Потоцкій не намѣренъ идти въ глубь вѣковъ дальше экспедиціи Дарія въ Скиѳію. Безъ предварительнаго основательнаго изученія среднихъ вѣковъ нельзя пріобрѣсти точнаго

---

autres méthodes, j'espere arriver jusques aux temps les plus anciens et donner à la limite historique le plus grand reculement dont elle soit susceptible... Telle a été la méthode des mes recherches sur l'histoire de la Sarmatie". Этотъ „обратный методъ" Потоцкаго въ новѣйшее время примѣненъ былъ, какъ извѣстно, Ѳадд. Войцѣховскимъ въ рѣшеніи вопроса о способахъ славянскихъ поселеній. См. его Chrobacya. Rozbiór starożytności Słowiańskich. Kraków. 1873. Войцѣховскій съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ оригинальной мысли Потоцкаго и посвятилъ ей цѣлыхъ три отдѣла своей книги: „Trudność i historya metody odwrotnej", „Krytyka metody odwrotnej" и „Reguły metody odwrotnej".

[1]) „J'essayai donc de point citer, mais de laisser parler les auteurs eux mêmes, de ne point concilier, mais de mettre le lecteur a portée de le faire, en entremelant les passages des divers écrivains et les mettant à leur vraie place chronologique."

знанія древней исторіи славянства. Болѣе четырехъ лѣтъ изучалъ Потоцкій источники этого періода и дѣлалъ изъ нихъ извлеченія. Какъ и въ первомъ историческомъ опытѣ своемъ, такъ и здѣсь Потоцкій предоставляетъ первое мѣсто самимъ авторамъ свидѣтельствъ о славянахъ (j'ai volu les faire parler eux mêmes), сопровождая подлинныя выдержки своимъ переводомъ и комментаріями (notes du traducteur), свидѣтельствующими о большой эрудиціи Потоцкаго и обширномъ знакомствѣ его съ литературой предмета [1]). Содержаніе этого тома слѣдующее: I. Partie. Chap. I. Histoire du Comte Walgerz et d'Helgonde tirée de la Chronique de Boguphal. II. Ancienne Mythologie des Polonois, tirée de Długosz. III. Origine de la Dynastie des Piasts, tirée de la Chronique de Martin Gallus, le plus ancien historien Polonois qui nous soit parvenu. IV. Chronique des faits et gestes des Princes de Pologne. V. Chronique des Bohemes composée par Cosme Doyen de l'Eglise de Prague. VI. Commencement d'une ancienne Chronique de Thuringe. VII. Chronique des Slaves mise au jour par le vénérable prêtre Helmoldus. VIII. Voyage de Wulfstan, tiré de l'Hormesta du roi Alfred. IX. Mythologie des Prussiens tirée de Pierre de Duysbourg. X. Mythologie des Lithuaniens tirée de Strykowski. XI. Recits des ans, qui ont passé, par le moine Theodosien du Monastere des Cavernes. Seconde Partie. Chap. XII. Histoire des Rois et des Empereurs de l'Europe par Luitprant Lévite de l'Eglise de Pavie. XIII. Extrait des Annalles de Fulde. XIV. Histoire des Croates. XV. Histoire des Serviens. XVI. Histoires des Paganiens, des Zachlumites, des Terbuniates et des Diocleates. XVII. Histoire des Bulgares. XVIII. Géographie des pays situés au nord de la mere Caspienne. XIX. Histoire de sept premiers Ducs Hongrois par le notaire du Roi Bela. XX. Histoire du Caucase. Въ приложеніи дана: „Carte Cyclographique de la Sarmatie pour l'année 900 de l'Ere Chretienne" [2]).

Наиболѣе извѣстнымъ трудомъ Потоцкаго считается описаніе замѣчательнаго путешествія его въ Меклембургѣ

[1]) Комментируя нѣкоторыя мѣста изъ Козьмы Пражскаго, онъ дѣлаетъ ссылки на Далемила и приводитъ изъ него цитату: „Gesstiet Stirka wspominagj, ne czin sie Stirkem rzikagj". Потоцкій знакомъ былъ и съ трудами Добнера.

[2]) Собственно при этомъ трудѣ Потоцкій предполагалъ издать цѣлый атласъ: „L'Atlas formera des volumes séparés et en attendant qu'ils puissent paroitre, je joindrai à celui-ci une carte exacte mais incomplette, qui a deja paru dans mes recherches sur la Sarmatie".

и Поморьѣ: „Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes, fait en 1794“ (Hambourg, 1795). Самъ Потоцкій называетъ это сочиненіе только дневникомъ (journal) путешествія, предназначеннымъ не для однихъ спеціалистовъ: издавая его въ свѣтъ, онъ имѣлъ прежде всего цѣлью способствовать распространенію въ обществѣ интереса къ славянскимъ древностямъ [1]), обратить вниманіе какъ властей, такъ и частныхъ лицъ на важность собиранія и охраненія памятниковъ этой древности и на необходимость наблюденія за правильностью раскопокъ. Такъ какъ строго ученые, сухіе трактаты или диссертаціи по этому предмету не могутъ обыкновенно расчитывать на широкое распространеніе, то Потоцкій предпочелъ издать свои путевыя наблюденія въ формѣ дневника [2]). Чтобы познакомить читателя съ важнѣйшими фактами древнѣйшей исторіи полабско-балтійскаго славянства, Потоцкій приводитъ въ французскомъ переводѣ извлеченія изъ хроники Дитмара, а затѣмъ уже повѣствуетъ о своемъ археологическомъ путешествіи. Дневникъ начинается 13 августа въ Стрѣлицѣ и кончается 17 сент. „à Boitzenburg“. Главнѣйшіе пункты археологическихъ разысканій Потоцкаго слѣдующіе: Strelitz, далѣе Pentzlin, одкуда онъ совершаетъ экскурсію въ знаменитые Прильвицы (Prilwitz) для осмотра мѣстоположенія древней Ретры, отъ которой однако не осталось никакихъ слѣдовъ.

Въ обществѣ одного изъ мѣстныхъ жителей Потоцкій посѣщаетъ Hoch-Zyritz (maison de plaisance du duc), гдѣ осматриваетъ одну изъ раскопанныхъ славянскихъ могилъ. Отсюда возвращается обратно въ Pentzlin, затѣмъ направляется въ Нейбранденбургъ (Neubrandenburg), чтобы осмотрѣть кабинетъ славянскихъ древностей Шпонгольца. Обозрѣнію этихъ „сокровищъ“ Потоцкій посвящаетъ нѣсколько дней, срисовываетъ здѣсь изображенія прильвицкихъ идо-

---

[1]) „Mon but en écrivant ce Journal est de propager la connaissance des antiquités Slaves et d'y interesser ceux qui peuvent contribuer à les faire connaître encore d'avantage, à scavoir les souverains et les gouvernements qui peuvent ordonner et diriger des fouilles et les particuliers qui ont sur leurs terres des tertres sépulchres, ou entre les mains de quels le hazard fait tomber quelque antique Slave“.

[2]) „Une dissertation eut peut-être satisfait d'avantage les scavants, mais elle couroit le risque de n'être point lue et par là manquoit le but que je me propose, ce sont là les raisons qui m'engagent à ecrire un journal.“

ловъ, которыя помѣщены въ приложеніи къ описанію его поѣздки. Выѣхавши изъ Нейбранденбурга, онъ оставляетъ большую дорогу и направляется въ Ивенахъ, резиденцію графа Плесса, посѣщаетъ далѣе Тетеровъ (Teterow), Ростокъ (Rostock), перебирается на лодкѣ въ Варнемюнде, гавань Ростока; изъ Ростока ѣдетъ въ Висмаръ, отсюда на островъ Peul, наконецъ въ Рацебургъ („Raçebourg, ancienne capitale des Polabes"), гдѣ вниманіе его привлекаютъ прежде всего древнія изображенія славянскихъ божествъ, собранныя въ мѣстной библіотекѣ и описанныя уже Машемъ.

Къ 26-го августа Потоцкій прибылъ уже въ Гамбургъ. Подъ 8-ымъ сент. онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Je n'ai point voulu quitter les bords de l'Elbe sans voir les restes des Slaves qui les habitent encore et y conservent quelques restes de leur langue et une partie de leurs moeurs antiques. Je n'ai pas voulu non plus laisser invisitée la rive droite du fleuve que les Slaves ont aussi habités dans des temps anterieurs à Charlemagne". Интересуясь этими остатками славянъ, онъ перебирается 9 сент. въ Люнебургъ [1]), этотъ замѣчательный уголокъ, столь долго хранившій слѣды древней славянщины; 10-го сент. Потоцкій былъ въ Даннебергѣ и думалъ здѣсь найти остатки славянъ („je croyois être ici déjà dans le Wenden-circkel"), но для этого пришлось отправиться въ Люховъ (Luchau). Впрочемъ, Потоцкаго заранѣе предупреждали, что славянскій языкъ и въ этой мѣстности уже совершенно забытъ, и только старики-крестьяне помнятъ еще нѣсколько словъ по-славянски. На слѣдующій день (11-го сент.) ему пришлось убѣдиться въ истинѣ этихъ предупрежденій; тѣмъ не менѣе онъ рѣшаетъ предпринять обходъ окрестныхъ селеній, чтобы поискать тамъ какихъ-нибудь слѣдовъ древняго языка населенія, но это намѣреніе онъ не осуществилъ. Ему сообщили, что въ сосѣдствѣ одинъ изъ помѣщиковъ (Mr. de Plato) имѣетъ въ своей библіотекѣ „вендскій вокабуларій", и обѣщали доставить ему эту рукопись. Потоцкій снялъ копію съ этого списка извѣстнаго словаря Henning'a и помѣстилъ ее въ своемъ описаніи, подъ загл.: „Vocabulaire Slave copié d'après le manuscrit original qui se trouve ches Mr. de Plato, Gentilhomme qui demeure près

[1]) „A une lieue d'Hambourg je passai une petite rivière appellée la Sebe, au de là de cette rivière commence le pays appellée Lüneburger Heide ou Landes de Lünebourg, pays triste et desert, mais interessant pour l'indagateur des antiquités Slaves".

de Luchow au Pays d'Hanovre, dans le district appellée le Wendland" (стр. 47—63). Перепечатка Потоцкаго страдаетъ однако множествомъ ошибокъ. Кромѣ того, онъ напечаталъ еще (стр. 36) и вендскій „Отче нашъ" по записи, доставленной ему однимъ священникомъ. Не найдя въ Люховѣ ничего болѣе занимательнаго, Потоцкій вернулся обратно въ Гамбургъ. Вторая часть этого труда почти цѣликомъ занята извлеченіями изъ хроники Гельмольда, которыя, по мнѣнію автора, необходимы для поясненія изображеній славянскихъ древностей, помѣщенныхъ на особыхъ таблицахъ; выдержки изъ Гельмольда сопровождаются замѣчаніями и объясненіями Потоцкаго.

Таковы вкратцѣ главнѣйшіе моменты этого замѣчательнаго путешествія, внушеннаго Потоцкому несомнѣнно знакомствомъ съ историческими памятниками, повѣствующими о судьбахъ этого уголка древней славянской территоріи. Результаты личныхъ разысканій и наблюденій Потоцкаго незначительны, и остается пожалѣть о томъ, что онъ отказался отъ самостоятельнаго знакомства съ языкомъ населенія окрестностей Люхова: быть можетъ, и при отсутствіи филологической подготовки, онъ нашелъ бы кое-какіе славянскіе слѣды въ языкѣ жителей этой области; не имѣетъ никакихъ научныхъ основаній и увлеченіе его прильвицкими древностями, которыя, какъ извѣстно, оказались поддѣлкою XVIII. ст.[1]), но фактъ спеціальной поѣздки въ отдаленный, заброшенный уголъ Люнебурга въ то время, когда интересъ къ славянской старинѣ едва пробуждался, знаменателенъ самъ по себѣ и составляетъ большую заслугу польскаго ученаго.

Въ томъ же 1795 г.[2]) вышелъ новый, посвященный славянству трудъ Потоцкаго: „Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves" (Brunswick, Tom I—IV[3]); изданіе печаталось однако въ Берлинѣ). Вмѣсто

---

[1]) Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ Левецовымъ въ соч. „Über die Aechtheit der sogenannten Obotritischen Runendenkmäler zu Neustrelitz", въ Abhandl. der K. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1835, Hist.-Phil. Cl.

[2]) Baliński, Pisma hist., III, 159, Żegota Pauli, J. hr. Potockiego Podróż do Turcyi i Egiptu, str. XIX, относятъ это изданіе къ 1796 г. Въ имѣвшемся у насъ экз. библіотеки Чарторыскихъ первые три тома помѣчены 1795 годомъ.

[3]) Четвертый томъ этого сочиненія, какъ отмѣтилъ Балинскій, есть повтореніе ранѣе изданныхъ „Chroniques, mémoires et recherches" (1793).

введенія авторъ предпосылаетъ своимъ фрагментамъ краткія этнографическія характеристики славянскихъ племенъ (Russes, Uckrainiens, Polonois, Bohemes, Serbes, Slavaks, Croats et Carniens, Bulgares), въ общемъ достаточно вѣрныя [1]), и переходитъ затѣмъ къ обозрѣнію важнѣйшихъ свѣдѣній о Скиѳіи и Сарматіи греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ. Самъ Потоцкій о своемъ трудѣ, предпринятомъ съ чисто практическою цѣлью, заявляетъ, что онъ долженъ быть всеобщимъ сводомъ (dépouillement universel) извѣстій всѣхъ древнихъ историковъ и географовъ о Скиѳіи и Сарматіи [2]). Конечно, онъ имѣетъ въ виду преимущественно людей науки и потому исключаетъ изъ этого свода свѣдѣнія Геродота и Страбона, сочиненія коихъ, не поддаваясь извлеченіямъ, должны быть въ рукахъ каждаго изслѣдователя въ полномъ видѣ; исключаетъ Потоцкій также и первыя книги Діодора Сицилійскаго и вторую книгу Трога Помпея. Образцомъ для этого свода послужило извѣстное изданіе Штритера „Memoriae populorum“ [3]). Слѣдуя методу Штритера, Потоцкій однако рѣшается ввести въ свое изданіе избранныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей нѣкоторое нововведеніе, а именно онъ переводитъ эти тексты на французскій языкъ, объясняя такое рѣшеніе свое тѣмъ, что латинскій языкъ, которымъ пользовался Штритеръ, мало распространенъ въ Россіи, а между тѣмъ только русскіе ученые могутъ пролить свѣтъ на исторію тѣхъ обширныхъ областей, которыя въ древности извѣстны были подъ именемъ Скиѳіи [4]). Работа Потоцкаго не могла однако имѣть того

Самъ Потоцкій ссылаясь въ своемъ „Voyages dans quelques parties de la Basse-Saxe« (p. 3) на изданныя раньше „Chroniques etc.“ (1793), замѣчаетъ: „Un autre volume est actuellement sous presse à Berlin“.

[1]) Напр., о болгарахъ онъ сообщаетъ: „Les Bulgares sont des Slaves mêlés et reunis sous la domination des Bulgares, qui avaient fini par adopter leur langue et devenir un peuple Slave“. Находя большое сходство между языкомъ чешскимъ и сербскимъ (лужицкимъ), онъ однако думаетъ, что „les Serviens du Danube sont une colonie des Serbes“.

[2]) „Table des auteurs extraits dans les quatre volumes“ помѣщена въ концѣ первой книги; здѣсь же приложена молитва Господня на разныхъ славянскихъ языкахъ (извлеч. изъ собранія Бергманна, напечатаннаго „à Ruien en Livonie en l'année 1789“).

[3]) „Un savant des plus estimables, le sage et laborieux Striterius nous à donné dans ses extraits de la Byzantine le plus parfait modèle de dépouillement, tant pour les textes et les variantes que pour les conclusions“...

[4]) „Le Sçeptre Slave des Czars s'etend aujourd'hui sur tout ce que les anciens ont appellé Scythie... C'est donc uniquement des sujets de cet

значенія, которое желалъ видѣть въ ней самъ авторъ, такъ какъ переводъ текстовъ сдѣланъ далеко не всегда точно и вѣрно, къ тому же все изданіе выполнено чрезвычайно небрежно и изобилуетъ ошибками. Эти важные недостатки отмѣтилъ уже Клапротъ въ предисловіи къ изданному имъ путешествію Потоцкаго: „Voyage dans les steps d'Astrakhan" (p. XIII—XIV), признавая однако пользу такого свода матеріаловъ по одному предмету.

Тѣмъ же излюбленнымъ вопросамъ — разысканіямъ о древнѣйшихъ поселеніяхъ скиѳовъ и славянъ посвящена небольшая работа Потоцкаго: „Mémoires sur un nouveau Périple du Pont-Euxin" etc. [1])

Потоцкій такъ объясняетъ заглавіе, данное имъ своему новому труду, опредѣляя этимъ и содержаніе его: „Периплъ есть то же, что кругобережное плаваніе: это названіе усвоено древними географами, и оно также принято новѣйшими, потому что сочиненія, дошедшія до насъ, подъ заглавіемъ Перипловъ, преизобилуютъ точными свѣдѣніями, и если я осмѣлился поставить въ началѣ моей Записки подобное заглавіе, то потому, что издалъ также новыя за-

---

empire, que le monde savant doit attendre des nouvelles lumières sur ces régions éloignées. Mais la connoissance du latin n'est point commune en Russie" ...

[1]) Второе изд. Клапрота, Paris, 1829, вмѣстѣ съ „Путешествіемъ въ Астрахань". Ср. „Записка о новомъ Периплѣ Понта Евксинскаго, равно какъ и о древнѣйшей исторіи народовъ Тавриды, Кавказа и Скиѳіи", перевелъ Григ. Спасскій. Археолого-Нумизмат. Сборникъ, Москва, 1850. Переводчикъ лично былъ знакомъ съ гр. Потоцкимъ. Знакомство это началось въ 1806 г. въ Красноярскѣ, гдѣ Спасскій былъ на службѣ. Потоцкій возвращался изъ неудачной миссіи гр. Головкина въ Китай. Спасскій разсказываетъ: „Не смотря на тогдашнюю молодость мою и неопытность, онъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Сибири, удостоилъ меня разныхъ своихъ порученій, относительно исторіи и этнографіи этой сколько обширной, столько же и мало-изслѣдованной еще страны, которыя по возможности и были мною исполнены. Къ одному изъ этихъ порученій принадлежитъ собраніе словарей языка койбаловъ (самоѣд. племени) и моторъ, обитающихъ на сѣв.-западной сторонѣ Саянскихъ горъ... Краткое извѣстіе объ этомъ порученіи, сообщенное, вѣроятно, самимъ гр. Потоцкимъ, помѣщено было въ Вѣстникѣ Европы 1807 г. № 11, стр. 195. Благосклонность графа Потоцкаго, оказанная мнѣ въ Сибири и продолжаемая позже, во время пребыванія моего въ С. Петербургѣ всегда будетъ для меня памятна. Желательно, чтобы издаваемый теперь мною трудъ его, послужилъ хотя слабымъ отголоскомъ моихъ благодарныхъ къ нему чувствованій, вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ бы и предполагаемую мною пользу соотечественникамъ".

мѣчанія, извлеченныя изъ пергаментныхъ географическихъ памятниковъ, не только еще неизданныхъ, но почти неизвѣстныхъ". Списокъ ихъ Потоцкій приводитъ въ хронологическомъ порядкѣ. Это: 1) атласъ вѣнской библіотеки, съ надписью: Petrus Vesconte d'Janua fecit istas tabulas anno Dom. MCCC XVIII. 2) Маленькій атласъ вѣнской библ. съ надписью: Gratiosus Benincasa Anconitanus composuit anno Domini MCCCLXXX. etc. 3) Карта вольфенбюттельской библ.: Comes Hoctomanus Fredutius de Ancona composuit anno MCCCCLXXXXVII. 4) Еще одна карта вольфенбюттельской библ. и др. карты. „Изъ всѣхъ этихъ картъ, — говоритъ Потоцкій, — я заимствовалъ только сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря отъ Днѣстра до Требизонда. Я сличилъ этотъ берегъ съ древними географіями, а не съ новѣйшими картами, которыя слишкомъ много разнятся между собою, чтобы можно было совершенно на нихъ положиться; притомъ же, ни одинъ еще антикварій не посѣщалъ этого берега. Здѣсь также не сдѣлано никакихъ правильныхъ разысканій, и наконецъ самая мѣстность не была еще осмотрѣна. Что касается до историческихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ моемъ Периплѣ, то они извлечены изъ извѣстныхъ писателей, и тѣмъ не менѣе новы, потому что основываются на мѣстахъ, къ которымъ комментаторы не отваживались прикасаться". Этотъ трудъ Потоцкаго заключаетъ (гл. I) описаніе береговъ Россіи отъ Днѣпра до Таврическаго перешейка, съ подробнымъ разсмотрѣніемъ географической номенклатуры этой территоріи; глава II-ая содержитъ описаніе береговъ Тавриды, III-ья — береговъ Азовскаго моря, IV-ая — береговъ остр. Тамана, далѣе описываются берега Абхазіи, Мингреліи и т. д.

Дополненіемъ къ разсмотрѣннымъ трудамъ Потоцкаго, изданнымъ подъ различными заглавіями (sous les titres d'essais, fragments, Peryple etc.), является „Histoire primitive des peuples de la Russie avec une exposition complète de toutes les notions, locales, nationales et traditionelles, nécessaires à l'intelligence du quatrième livre d'Hérodote (St. Petersbourg, 1802) [1]).

[1]) Вторично изд. Клапротомъ въ 1829 г. (Paris), т. I—II, съ примѣчаніями его и предисловіемъ, заключающимъ краткій біографич. очеркъ Потоцкаго. Проф. и членъ Имп. Росс. Акад. И. С. Рижскій († 1811 въ Харьковѣ) перевелъ „по любви къ россійской исторіи" этотъ трудъ Потоцкаго на русскій яз., п. з.: „Начало первобытной исторіи Россійскихъ народовъ". Переводъ остался однако въ рукописи.

Это произведеніе, по словамъ Потоцкаго (Notions prèliminaires), есть результатъ двадцатилѣтнихъ разысканій и путешествій [1]). И здѣсь Потоцкій идетъ испытаннымъ уже методомъ, восходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ того, что есть, къ тому, что было. Поэтому всѣ слѣдующія главы, начиная со второй, посвящены отдѣльнымъ европейскимъ и азіатскимъ племенамъ, знакомство съ коими особенно важно для древней славянской исторіи. Вторая глава трактуетъ о происхожденіи славянъ, третья посвящена разысканіямъ о началахъ литовцевъ (Origines Lithuaniennes ou Celto-Scythiques), четвертая — о началахъ гетовъ или валаховъ, далѣе — о происхожденіи сарматовъ, чуди, татаръ, кавказскихъ народовъ, иберійцевъ, фригійцевъ и армянъ. Не удовлетворяясь тѣми свѣдѣніями, которыя можно было почерпнуть изъ свидѣтельствъ писателей древности и среднихъ вѣковъ, Потоцкій, сдѣлавшись русскимъ подданнымъ, предпринимаетъ весной 1797 г. путешествіе по Россіи съ цѣлью провѣрки извѣстій Геродота и другихъ древнихъ писателей о Скиѳіи и ея населеніи. По словамъ Клапрота, Потоцкій сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что было возможно въ то время, когда онъ совершалъ свою поѣздку по степямъ юго-востока Россіи. Строгій и рѣзкій отзывъ Шлецера, придравшагося къ нѣсколькимъ промахамъ въ „Первобытной исторіи“ (въ Goetting. Gelehrte Anz., 1803), настолько огорчилъ

---

[1]) Трудъ былъ посвященъ Александру I и сопровождался слѣдующимъ обращеніемъ къ нему: „Sire, L'ouvrage dont Votre Majesté Impériale daigne agréer la dédicace est le résultat de vingt ans de recherches et de voyages. Un sujet si longtemps médité est pour un écrivain un titre dont il ose se vanter et qui justifie son hommage.

Sire, Votre Illustre Ayeule dont le vaste génie embrassoit le present et l'avenir sembla désirer encore que le passé fut soumis à ses loix. Non contente de régner sur quarante six peuples differents, Elle voulut que toutes les nations qui avoient jadis traversé la Russie, pour aller renverser l'Empire Romaine, fussent par Elle arrachées à l'oubli et rappellées à l'existance historique. Quelques savants en Allemagne s'exercèrent avec succès sur se sujet difficile, et des fragments que je publiai dans l'année 1796, firent juger à la Souveraine, que je pourrois réussir mieux, qu'un autre à rèpandre du jour sur cette branche des connoissances humaines. Elle n'est plus, mais Son ame et Son génie occupent encore le Thrône et Ses Augustes intentions pour le bonheur des peuples et le bien des arts, ont même une exécution plus réelle. On connoit le mot d'un Athénien „ce qu'il a dit je le ferai“. Ce mot si simple et si sublime paroît être la devise du Regne de Votre Majesté Impériale, j'ose donc Lui présenter le résultat d'un travail encouragé par l'immortelle Catherine.“

Потоцкаго, что онъ оставилъ свой планъ не выполненнымъ до конца и разослалъ изъ своего изданія только 50 экз. [1]). Но Шлецеръ, какъ доказываетъ Клапротъ, самъ обнаружилъ при этомъ полный недостатокъ познаній въ этнографіи и не сумѣлъ подмѣтить основной ошибки труда Потоцкаго, а именно — теорію существованія народовъ тюркскаго и монгольскаго (татарскаго) племени въ Европѣ въ эпоху Геродота, Страбона и Птолемея [2]).

Каковы бы ни были недостатки труда Потоцкаго, ему нельзя однако отказать въ обширной начитанности въ писателяхъ древности и знакомствѣ съ современной ему литературой каждаго разсматриваемаго вопроса (въ главѣ о чудскихъ племенахъ онъ пользуется указаніями акад. Палласа, цитируетъ труды Гмелина и пр.). Самое путешествіе Потоцкаго съ историко-этнографическими цѣлями въ мало обслѣдованныя и изученныя области сѣвернаго Кавказа является немаловажной заслугой. Замѣтимъ, что Потоцкій одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на „земляныя укрѣпленія“ и могилы (tumuli), въ обиліи встрѣчавшіяся на пути его между Козловомъ и Тамбовомъ [3]).

Разсмотрѣнными двумя послѣдними трудами Потоцкаго опредѣляется направленіе дальнѣйшихъ историческихъ работъ его, которыя посвящаются попреимуществу изученію древней русской территоріи и ея населенія. За названными выше трудами, подъ общимъ заглавіемъ: „Histoire ancienne des provinces de l'Empire de Russie“, послѣдовали: 1) Histoire ancienne du gouvernement de Chèrson (1804), 2) Hi-

---

[1]) Всего было издано 100 экз. Въ такомъ числѣ экз. Потоцкій обыкновенно издавалъ свои сочиненія. Книги его были настолько рѣдки, что А. И. Тургеневъ ни за какую цѣну не могъ получить ихъ для Стратиміровича. Ягичъ, Источники, II, стр. XCI, въ примѣчаніи.

[2]) „J'ai rectifié, говоритъ Клапротъ, cette opinion erronée du comte Potocki tant par mes notes que par mon Introduction au VII-me chapitre de son livre.“

[3]) Ср. Путешествіе гр. И. Потоцкаго въ Астрахань и окрестныя страны въ 1797 г. Сѣв. Арх., ч. XXXI, 1828, стр. 65, 66; тотъ же отрывокъ въ польскомъ переводѣ въ ж. Dzienn. Wileński, 1828, HL. V, 222, 284. Ср. еще: O Rossyi Azyat. Z podróży hr. J. Potockiego (Voyage... 1829), въ ж. Rozmait. Lwowsk. 1831. Изъ этого же сочиненія Потоцкаго переведено было на русскій языкъ введеніе (Introduction et principes généraux de l'art des recherches), подъ загл.: „Правила искусства дѣлать разысканія“. Сѣв. Арх., ч. XVII, стр. 91.

stoire ancienne du gouvern. de Podolie (1805) i 3) Hist. ancienne du gouvern. de Wolhynie (1805) [1]).

Въ предисловіи ко второй монографіи Потоцкій слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ общую цѣль всѣхъ этихъ частныхъ изслѣдованій: „Lorsque je me suis proposé d'écrire l'histoire ancienne des provinces de la Russie, j'ai eu principalement en vue de pouvoir donner à chaque discussion une étendue suffisante. Et portant ainsi le flambeau de la critique sur les points les plus obscures et les plus douteux de l'histoire particulière de chaque nation, j'ai voulu répandre une lumière générale sur toute l'histoire ancienne de l'Empire entier". Но въ то же время онъ сознаетъ и неудобство такого способа изложенія по частямъ, не дающаго одной цѣльной, общей картины.

Къ этимъ монографіямъ по исторіи древней Руси примыкаетъ „Археологическій атласъ Европейской Россіи" (Atlas archéologique de la Russie européenne. 1810. Русскій перев. П. Дейріардъ [2]), СПБ. 1823, fol.), состоящій изъ 6 картъ слѣдующаго содержанія: 1) Географія Иродота за 440 лѣтъ до Р. Хр., т. е. карта Россіи, составленная по словамъ сего историка; 2) Географія Страбона около Р. Хр. въ отношеніи къ странамъ, составляющимъ нынѣшнюю Россію; 3) Карта Россіи, составленная по показаніямъ Помпонія Мелы, Плинія и Тацита, т. е. въ эпоху отъ 40-го до 100 г. по Р. Хр.; 4) Карта Россіи изъ Географіи Птолемея въ 150 г. по Р. Хр.; 5) Карта Россіи по извѣстіямъ Іорнанда и Моисея Хоренскаго въ 550 г. по Р. Хр.; 6) Карта Россіи по показаніямъ Константина Багрянороднаго въ 645 г. по Р. Хр. Картамъ этимъ предпосланы изъясненія гр. Потоцкаго и выписки изъ древнихъ авторовъ по-гречески, по-французски и по-русски.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще путешествіе гр. Потоцкаго къ резьянамъ въ девяностыхъ годахъ XVIII ст. [3]). Результатомъ этой поѣздки явилась записка на французскомъ языкѣ, впервые изданная Копитаремъ, съ введеніемъ

---

[1]) Русскій переводъ Ст. Руссова: „Древняя исторія Волынской губ., служащая продолженіемъ „Первобытной исторіи народовъ государства Росс." СПБ. 1829. Переводчикъ присоединилъ извѣстіе о сочиненіяхъ Потоцкаго.

[2]) По словамъ корреспондента Gazety liter., 1822, № 8, str. 96, русское изданіе атласа готовилъ В. Анастасевичъ.

[3]) Рукопись Потоцкаго въ библ. Музея Оссолинскихъ во Львовѣ, № 782: „Notice sur les Resianiens". Копитарь получилъ статью о резьянахъ отъ гр. Оссолинскаго и собирался дать ее Добровскому для III-го вып. Slovanky, если бы таковой вышелъ. Ягичъ, Источники, I, стр. 409.

и примѣчаніями его, въ Vaterl. Blätter f. den Oesterreichischen Kaiserstaat (IX, 1816, 176—180), п. з.: „Die Slaven im Thale Resia", а затѣмъ вошедшая въ сборникъ: „B. Kopitars Kleinere Schriften", изданный Ф. Миклошичемъ (Wien, 1857). Записка эта, по словамъ проф. Бодуэна де Куртенэ, кромѣ нѣсколькихъ фантастическихъ предположеній по части этнологіи и исторіи, заключаетъ довольно много резьянскихъ словъ, но въ совершенно невѣрной передачѣ и даже отчасти не существующихъ въ томъ видѣ, въ какомъ приводитъ ихъ Потоцкій, и созданныхъ, повидимому, имъ же самимъ по аналогіи другихъ словъ [1]). Значеніе ея, такимъ образомъ, ничтожно.

Нѣкоторые труды Потоцкаго остались въ рукописяхъ. Въ Виляновской библ. хранилось, по словамъ Жеготы Паули, сочиненіе: „Origines des Slaves, des Cimmeriens, Lithuaniens, des Getes ou Valaches, des Sarmates et des Scythes Tchouds" (52 листа in 4°), но, повидимому, это только часть „Первобытной исторіи народовъ Россіи", а не какой-нибудь новый трудъ Потоцкаго. Въ библ. виленскаго унив. хранился въ рукописи переводъ на французскій языкъ 12 главъ прусской хроники Петра Дусбурга; въ библ. виленской духовной академіи — французскій переводъ части хроники Гельмольда (кн. I, гл. XI—XXXII). Научная переписка съ гр. I. де Местромъ (1810) должна находиться въ Ланцуцкой библіотекѣ; F. M. S. (Sobieszczański) въ Encykl. Powszechnej (Orgelbranda) указываетъ еще, что рукописи сочиненій Потоцкаго имѣлись и въ библіотекѣ Павликовскаго во Львовѣ.

Главное достоинство трудовъ Потоцкаго составляетъ непосредственное знакомство его съ источниками, показаніямъ которыхъ онъ отводитъ первое мѣсто. Но и свидѣтельствамъ древнихъ писателей онъ не довѣряетъ безусловно: для провѣрки ихъ онъ, какъ мы видѣли, предпринимаетъ спеціальныя путешествія, сообщенія ихъ комментируетъ и провѣряетъ другими показаніями. Важное значеніе въ историческихъ разысканіяхъ древности онъ признаетъ за географической номенклатурой и языкомъ населенія вообще. Потоцкій, — говоритъ Лелевель, — изслѣдовалъ начала скиѳовъ, сарматовъ и славянъ и первоначальную исто-

---

См. соображенія Н. Петровскаго (Первые годы дѣятельности В. Копитаря, Казань, 1906, стр. 315, прим.) о томъ, что путешествіе Потоцкаго въ Резію можетъ относиться къ 1803 г.

[1]) Резья и резьяне. Слав. Сборникъ, 1876, III, стр. 368.

рію Польши; онъ направился въ мало знакомыя соотечественникамъ своимъ области и долженъ быть причисленъ къ тѣмъ ученымъ, которые составляютъ эпоху въ развитіи польской исторической науки. Труды его открываютъ много новыхъ горизонтовъ. Онъ оставилъ почти всѣ разысканія, сдѣланныя до него, и избралъ свой собственный путь. Зная основательно многіе живые и мертвые языки, онъ сумѣлъ оцѣнить филологическія средства, а познакомившись чрезъ путешествія со многими странами и населеніемъ ихъ въ Европѣ и Азіи, сумѣлъ примѣнить показанія историческихъ источниковъ къ объясненію деталей, имъ неизвѣстныхъ [1]).

Труды Потоцкаго при всей рѣдкости своей изучались историками и вызывали ихъ замѣчанія. „Должную справедливость“ воздалъ имъ и Шлецеръ, а митроп. Евгеній въ письмѣ къ Анастасевичу (12 ноября 1820 г.) хотя и выразился о Потоцкомъ, какъ о „проказникѣ въ археоманіи“, но призналъ въ то же время, что „сей бояринъ, какъ ни бредилъ, но много чудеснаго намъ издалъ“ [2]).

Столь же усердно, но съ меньшими по значенію результатами разрабатываетъ вопросы славянской древности другой представитель разсматриваемаго научнаго движенія Сестренцевичъ-Богушъ, принадлежащій своими учеными трудами одинаково и русской наукѣ. Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ родился 3 сентября 1731 г. въ волковыскомъ уѣздѣ, въ родовомъ помѣстьѣ Занкахъ (Zanki). Первоначальное образованіе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ странствующаго учителя, нѣкоего Косарина [3]). Особенно усердно занимался Сестренцевичъ изученіемъ языковъ и, кромѣ польскаго, изучилъ нѣмецкій, французскій и латинскій. Домашнее образованіе продолжалось, очевидно,

---

[1]) Ср. Сѣв. Арх., ч. XII, 1824, стр. 198. Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. LIII, отд. V: А. Старчевскій, Объ историч. дѣят. въ Польшѣ, стр. 87—88. Wędrowiec, 1900, str. 852, цитированную статью Гомулицкаго.

[2]) Евгеній готовилъ будто бы и жизнеописаніе Потоцкаго для Словаря свѣтскихъ писателей. Ср. Gazeta liter., 1822, № 8, стр. 96.

[3]) О Сестренцевичѣ въ польской литературѣ мы можемъ назвать только незначительную статью Фр. Стаховскаго (1839 г.): „Rys życia i prac naukowych ś. p. Stanisława de Bohusz Siestrzencewicza, arcybiskupa Mohilewskiego etc.“, въ Roczn. Tow. Nauk. Krak., XVI, 1841, str. 166—181. Ср. еще Dziennik Wileński, 1826, I, 405. На русскомъ языкѣ: Шерпинскій, Краткое начертаніе дѣятельной и трудолюбивой жизни Его ВПреосв. Митроп. Римскихъ церквей въ Россіи Станислава Сестренцевича-Богуша. СПБ. 1826. А. Старчевскій, Русская историч. литература въ первой

недолго, такъ какъ въ 1743 г. мальчика отправили въ школу въ Кейданы. Но она не удовлетворила даровитаго и пытливаго юношу, и послѣ усиленныхъ просьбъ и настояній онъ былъ посланъ отцомъ въ Германію, гдѣ сталъ изучать гражданское и каноническое право, статистику, математику, физику, философскія науки и языки. Увлеченный военными событіями (борьбой Пруссіи, Англіи, Австріи и Саксоніи), онъ поступилъ въ прусскую армію, подъ начальство принца Леопольда Ангальтскаго и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, между прочимъ участвовалъ во взятіи Лейпцига. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ Берлинѣ принесло большую пользу Сестренцевичу; онъ изучилъ основательно языки и въ значительной мѣрѣ восполнилъ пробѣлы своего скуднаго домашняго образованія. Спустя нѣкоторое время онъ поступилъ въ Франкфуртскій унив. для продолженія спеціальныхъ занятій философіей. Такимъ образомъ, научная подготовка у Сестренцевича была всестороняя и, надо полагать, основательная. Возвратившись по требованію родителей домой, онъ вынужденъ былъ заняться устройствомъ запутанныхъ имущественныхъ дѣлъ и вскорѣ принимаетъ должность воспитателя въ домѣ кн. Радзивилла, гетмана в. кн. Литовскаго. Рѣшающее значеніе въ жизни Сестренцевича имѣлъ 1763 г., когда онъ въ силу различныхъ обстоятельствъ рѣшилъ посвятить себя духовному званію. Духовная карьера его шла чрезвычайно быстро. По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россійской имперіи Сестренцевичъ приглашенъ былъ на службу въ Россію и въ 1774 г. вступилъ въ управленіе бѣлорусской епархіей; въ 1782 г. возведенъ былъ Екатериной II въ званіе могилевскаго архіепископа, а въ 1798 г. назначенъ былъ митрополитомъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. На литературное поприще онъ выступилъ съ переводомъ на польскій языкъ „Учрежденія о губерніяхъ“ Екатерины II. (Ustawy Cesarzowej Katarzyny na gubernije), благодаря чему пріобрѣлъ расположеніе государыни, а затѣмъ и Потемкина.

Первымъ крупнымъ ученымъ трудомъ Сестренцевича была „Histoire de la Tauride“ (Brunswick, 1800, въ двухъ то-

---

полов. XIX. ст. Статья II-ая. Библ. для Чтенія, т. 112, СПБ., 1852, стр. 52—77. Н. Мурзакевича: Архіеп. Ст. Сестренцевичъ-Богушъ. Зап. Одесск. Общ. ист. и др., IX, 1875, стр. 339. X. St. Parczewski издалъ „Oraison funèbre de Stanislas Siestrzencewicz de Bohusz etc., prononcée le 15 Décembre 1826 à St. Pétersbourg“. Въ біографіи С., несомнѣнно, многое еще неясно, и біографы его во многихъ частностяхъ расходятся.

махъ; 2-ое изд. въ одномъ томѣ въ СПБ. въ 1824 г., русскій переводъ: „Исторія о Тавріи отъ древнихъ временъ до совершеннаго покоренія оной подъ россійскую державу", въ двухъ томахъ, въ СПБ., 1806), возникновеніемъ своимъ обязанная, повидимому, Потемкину. Трудъ какъ бы случайнаго происхожденія. Готовясь къ посѣщенію императрицей Крыма, Потемкинъ заблаговременно принялъ мѣры къ ознакомленію Екатерины и ея спутниковъ, Іосифа II, Кобенцеля, Сегюра, принцевъ де-Линь и Нассаускаго, съ новоприобрѣтенной страной и съ этою цѣлью пригласилъ извѣстныхъ въ то время ученыхъ для составленія описанія, каждому соотвѣтственно его спеціальности, никому еще неизвѣстной области. Такимъ образомъ, Карлъ Габлицъ составилъ физическое описаніе Таврической области (на нѣмецкомъ яз., 1785); кіевскій католическій еп. Адамъ Нарушевичъ составилъ на польскомъ языкѣ сводъ древнѣйшихъ извѣстій о состояніи Тавріи и ея жителей до нашихъ временъ и т. п. Приглашенный Потемкинымъ, Сестренцевичъ прибылъ въ Крымъ и приступилъ къ собиранію историческихъ свѣдѣній объ этой странѣ.

Старчевскій [1]) полагаетъ, что мысль составленія исторіи новоприобрѣтенной области могъ внушить Сестренцевичу Потемкинъ, который зналъ обширную эрудицію его и желалъ ее использовать въ своихъ видахъ. Но Сестренцевичъ уже въ годъ покоренія Крыма (1783), испытывая свои литературныя силы въ трагедіи „Gocya w Tawrydzie" (напеч. въ Могилевѣ), обнаружилъ интересъ къ этой странѣ и ея древнѣйшей исторіи. Такимъ образомъ, возможно, что Потемкину былъ извѣстенъ предметъ спеціальныхъ научныхъ студій Сестренцевича, которыя необходимы были для написанія трагедіи, и онъ только содѣйствовалъ ихъ развитію своей несомнѣнной поддержкой. Отправляясь въ Крымъ, Сестренцевичъ конечно долженъ былъ запастись значительнымъ матеріаломъ, въ видѣ изданій хотя бы важнѣйшихъ писателей древности объ этой странѣ, ибо иначе трудно было бы ему осуществить порученіе Потемкина. Изучивши свидѣтельства множества писателей классической древности и среднихъ вѣковъ (онъ цитируетъ Страбона, Аппіана Александр., Амміана Марцеллина, Тацита, Плинія, Птолемея, Овидія, Светонія, Діона Кассія, Георгія Синкелла, Прокопія, Зо-

[1]) L. c., 58.

нару, Кедрена, Тертулліана, знаетъ и нѣкоторые славянскіе источники, напр., лѣтопись Дуклянина, знакомъ и съ современной ему литературой), Сестренцевичъ свелъ результаты своихъ изслѣдованій въ двухъ трудахъ: 1) Исторіи Тавріи и 2) Исторіи сарматовъ и славянъ. О занятіяхъ его вторымъ вопросомъ свидѣтельствуетъ письмо его къ архіеп. Евгенію булгарскому, у котораго Сестренцевичъ ищетъ отвѣта на мудреный вопросъ: какимъ языкомъ говорили сарматы? Письмо это отъ 18 янв. 1785 г. напечатано было въ переводѣ съ французскаго, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Евгенія, въ „Вѣстн. Евр., 1805 г., № 9, подъ заглавіемъ: „Письмо преосвященнаго Ст. Сестренцевича, архіеп. могилевскаго, къ преосвященному Евгенію, архіеп. булгарскому, и отвѣтъ сего святителя“ и пр. Прося Евгенія объяснить ему, какой былъ языкъ сарматовъ, Сестренцевичъ замѣчаетъ: „Знаю, что древній народъ сей простирался до Вислы и потомъ вытѣсненъ венедами, энетами, или антами (что̀ по-гречески значитъ славяне), которыхъ колонія, вышедъ изъ Иллиріи, заступила его мѣсто и названа полехи или поляхи, отъ имени начальника своего Леха или Ляха, т. е. Александра, почему я и надѣялся найти нѣкоторе свѣдѣніе о языкѣ сарматовъ въ древней польской исторіи, но скоро увидѣлъ свою ошибку, узнавъ, что страна сія весьма долго была въ невѣжествѣ, что древность ея столь же мало была извѣстна, какъ и жителей залива Гудсонова, и что сія часть сарматовъ исчезла въ обширныхъ степяхъ Польши и смѣшалась съ подобными себѣ, погруженными въ невѣжествѣ народами. Итакъ, я обратилъ вниманіе на другую часть сарматовъ, простиравшуюся до Чернаго моря и Кавказа, гдѣ они нападали на грековъ, одерживали побѣды, были потомъ разбиты и прогнаны и такимъ образомъ наполнили восточныя лѣтописи славою имени своего и подвигами. Кажется, что блистательная эпоха ихъ была — время завоеванія ими царства Босфорскаго и нападенія на Херсонскую республику и даже на владѣнія Имперіи, — эпоха, въ которую императоръ отъ племени сарматскаго возсѣлъ на римскомъ престолѣ. По повѣствованію Константина Порфирогенета, Константинъ Вел. былъ сынъ полководца Констанція, происходившаго отъ сарматовъ и защитившаго, во время царствованія имп. Діоклетіана, Малую Азію отъ нашествія своихъ соплеменниковъ. Дѣянія сихъ племенъ хранятся въ драгоцѣнномъ собраніи византійскихъ историковъ, изъ котораго краткое извлеченіе

у меня есть; но ваше преосв. имѣете и полное собраніе и совершенное о немъ свѣдѣніе. Не сказано ли тамъ чего-нибудь объ языкѣ сарматскомъ, подобно какъ объ иллирійскомъ, о которомъ свидѣтельство писателей вы изволили мнѣ показывать. Весьма много вы обяжете меня, если соблаговолите дать мнѣ о семъ объясненіе...“ На это письмо послѣдовалъ обширный отвѣтъ, цѣлый трактатъ по поводу поставленнаго Сестренцевичемъ вопроса, сводившійся въ сущности къ тому, что древніе сарматы говорили языкомъ славянскимъ! Письмо Сестренцевича и отвѣтъ Евгенія (изъ Херсона отъ 25 февр. 1785 г.) такимъ образомъ съ извѣстной точностью устанавливаютъ моментъ, когда началась подготовительная работа къ „Исторіи о Тавріи“.

Сочиненіе это состоитъ изъ XVI книгъ, содержаніе коихъ слѣдующее: I. Тавры, первые обитатели Херсонеса Таврическаго. II и III. Таврія подъ властью киммеріянъ, а потомъ скиѳовъ. IV. Скиѳы, тавры, обитатели Таврическихъ горъ, современники скиѳовъ до X. в. по христ. лѣтосчисленію. V. Херсонесская респ., или Херсонесъ въ Тавридѣ. VI. Таврія при босфорцахъ. VII. Амазонки. VIII. Сарматы въ Тавридѣ. IX. Таврида подъ властью римлянъ. X. Таврида подъ владычествомъ гунновъ. XI. Хозары въ Тавридѣ съ 679 по 894 годъ. XII. Таврида подъ властью печенѣговъ. XIII. Таврида подъ властью руссовъ. XIV. Таврида подъ властью кумановъ, или половцевъ. XV. Таврида подъ властью генуэзцевъ. XVI. Таврида подъ властью монголовъ и татаръ. Къ I т. приложена карта Скиѳіи (La Scythique), ко II т. — карта Таврическаго полуостр. (La Tauride), съ показаніемъ мѣстностей древнихъ греческихъ и генуэзскихъ колоній. Какъ видно уже изъ простого перечня частей этого изслѣдованія, Сестренцевичъ наряду съ главами дѣйствительно историческаго содержанія помѣщаетъ и фантастическія сказанія объ амазонкахъ. Но и чисто историческія разысканія его страдаютъ значительными недостатками, изъ коихъ существеннѣйшимъ является отсутствіе строгой исторической критики, неумѣніе разобраться въ нагроможденномъ матеріалѣ. Исторія эта обратила однако на себя вниманіе образованнаго міра какъ новизной предмета, такъ и необыкновенной эрудиціей автора. Трудъ Сестренцевича удостоился благосклоннаго принятія имп. Екатериной II, которая, по ходатайству Потемкина, согласила папу Пія VII (1795 г.) дать ему титулъ легата апостольскаго престола, а потомъ и знаки кардинальскаго достоинства.

Посвятивши еще шесть лѣтъ на пополненіе и разборъ свѣдѣній, собранныхъ о сарматахъ и славянахъ, Сестренцевичъ въ 1812 г. издаетъ новое обширное изслѣдованіе, болѣе широкаго значенія, подъ загл.: „Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves etc." (4 тома in 8°, St. Pétersbourg). О задачѣ своего труда Сестренцевичъ говоритъ въ предисловіи къ нему слѣдующее: „Цѣль этого сочиненія — историческія изысканія о происхожденіи сарматовъ, эсклавовъ и славянъ, ихъ обращеніе въ христіанство и первыя событія, которыя касаются этихъ народовъ. Чрезвычайная древность славянъ, а не обширность ихъ племени побуждала меня взяться за предлагаемый трудъ. Итакъ, главною цѣлью моею было не возбудить любопытство читателя, а объяснить происхожденіе значительнаго числа новѣйшихъ народовъ одного корня. Я углубился въ отдаленнѣйшую древность, чтобы найти первые слѣды именъ сарматовъ и славянъ. Открывъ слѣдъ, я прошелъ вѣка, руководствуясь на этой темной и затруднительной тропинкѣ древними историками. Чтобы не заблудиться, я вопрошалъ ихъ на каждомъ шагу. Побочныя дороги не отклоняли меня отъ пути, ведущаго прямо къ цѣли. Я собиралъ всѣ замѣчанія. Я прослѣдилъ всѣ извилины, могшія вести и направить меня къ сарматамъ и славянамъ — предмету моихъ изысканій. Достигнувъ тѣхъ вѣковъ, когда многочисленное потомство этихъ племенъ раздѣлилось на разныя вѣтви, и каждый народъ, каждое поколѣніе присвоили себѣ особое названіе, я остановился. Я замѣтилъ, что отъ мидянъ произошло много отпрысковъ. Сквозь многочисленныя вѣтви я старался проникнуть до самаго ствола и отличить сарматскую вѣтвь отъ славянской, также ихъ развѣтвленія, особыя имена которыхъ предали въ забвеніе первоначальное названіе соотвѣтственной вѣтви. Не смотря на отдаленность этихъ древнихъ вѣтвей, воображеніе мое было поражено изображеніемъ ихъ, найденнымъ мною у древнихъ. Я представляю себѣ ихъ. Я вижу сквозь мракъ вѣковъ, какъ они размножаются сначала въ Азіи, а потомъ далеко развѣтвляются по Европѣ. Въ тѣни обширнѣйшей и густѣйшей вѣтви этого вѣковаго дерева, я склоняю для отдыха усталую голову свою и засыпаю." Содержаніе этого сочиненія слѣдующее. Первая часть о сарматахъ. Предварительный перечень первобытной исторіи сарматовъ, склавовъ и славянъ. I. Мидяне, предки сарматовъ и славянъ;

скиѳы, покоривъ Мидію, сдѣлались предводителями этихъ племенъ и, желая ослабить завоеванную страну, основали на берегахъ Танаиса (Дона, въ 1455 до Р. Х.) изъ народа, уведеннаго ими изъ Сиро-Мидіи, значительное поселеніе. Греки прозвали поселенцевъ савроматами, а римляне сарматами. II. Отъ этихъ мидійскихъ поселенцевъ происходятъ сарматы. III. Сарматы гиперборейскіе не существовали. IV. Амазонки произошли изъ Кападокіи (мидійской колоніи), образовали, по истребленіи мужей, государство и армію, состоявшую изъ однѣхъ женщинъ. Греки побѣдили ихъ, но онѣ освободились и счастливо достигли Тавриды въ 1236 до Р. Хр. V. Савроматы Гинскократумены образовали, по прибытіи амазонокъ съ мужьями скиѳами изъ-за Дона, особое племя (1236 до Р. Хр.) VI. Сарматы нападаютъ на скиѳовъ (380 до Р. Хр.). Сарматы-лахи, прозванные Геродотомъ по аттическому выговору лаксами, жители береговъ Дона, переходятъ въ Европу и принимаютъ участіе въ нападеніи на скиѳовъ. VIII. Митридатъ, король понтійскій, ведетъ сарматовъ-языковъ въ Европу противъ римлянъ и скиѳовъ (81 до Р. Хр.) IX. Въ 62 году появляются малоизвѣстные дотолѣ въ Европѣ аланы. Бессы, или бьессы, обитаютъ Карпаты и западный берегъ Чернаго моря. XII. Сарматы-роксолане въ VIII вѣкѣ на востокѣ Балтійскаго и сѣверѣ Азовскаго морей. XIII. Ареаты въ 80 году между Дунаемъ и горою Гемусомъ. XIV. Спалы въ началѣ II вѣка въ Волыни. XV. Валы, или валахи, при Траянѣ въ Дакіи, между Карпатскими горами и Дунаемъ. XVI. Костобоки въ I вѣкѣ при Танаисѣ, а въ началѣ II вѣка на сѣверѣ и югѣ Карпатовъ. XVIII. Сербы, покинувъ азіатскую сторону Азовскаго моря, переходятъ въ IV вѣкѣ на сѣверъ Карпатовъ и въ Германію. XIX. Богемцы и сербы приходятъ въ Боику, на Эльбѣ, въ IV вѣкѣ. XX. Сарматы, обитающіе сѣверныя страны вдоль Карпатовъ, прозваны Константиномъ Порфиророднымъ кроатами, или хорватами. XXI. Поляки, жители сѣвернаго подножія Карпатовъ и окрестностей Вислы, назывались съ 380 года до Р. Х. лахами, съ IV вѣка сербами, а съ 965 поляками. XXII. Померанія занята съ IX вѣка поляками. XIII. Мазуры, или мазовяне, польскаго происхожденія. XXIV. Хозары, вышедшіе въ 375 году съ гуннами изъ окрестностей Каспійскго моря, переходятъ въ Европу и поселяются въ Берсиліи. XXV. Донскіе казаки занимаютъ въ 625 году подъ названіемъ хозаровъ страны между Дономъ, Азовскимъ

моремъ и Днѣпромъ. XXVI. Съ 1282 г. Днѣпровскіе казаки поселились около Курска, распространились по Малороссіи и недавно (1792 г.) поселились въ Азіи между Босфоромъ Таврическимъ и Кубанью. XXVII. О сарматскомъ и славянскомъ языкахъ.

Вторая часть о Славянахъ: I. Въ 81 году до Р. Х. Митридатъ приводитъ въ Европу три сарматскихъ поколѣнія, базилійцевъ, корроловъ и языковъ. II. Базилійцы и корролы занимаютъ восточную часть Европы. III. Названіе языки, главнаго поколѣнія, различно произносится разными народами: ятвези, ядзвини, газыги. IV. Языки въ первомъ вѣкѣ грабятъ. V. Служатъ королю Ваннію. VI. Веспазіану между 69 и 79 годами. VII. Поселяются между Дунаемъ и Тиссою въ 70 году. VIII. Отказываются отъ союза съ Децебаломъ, королемъ Дакіи, противъ Траяна. IX. Дѣлаютъ во II и III вѣкѣ набѣги на римскія области. X. Въ III и IV вѣкахъ азіатскіе сарматы овладѣваютъ европейскою частью Босфора. XI. Въ 333 году сарматы ведутъ противъ готовъ бѣдственную войну и покоряются въ ней собственными рабами. XII. Императоръ Константинъ призрѣваетъ благородныхъ и несчастныхъ сарматовъ. XIII. Вторженіе языковъ, акарагантовъ въ Паннонію и Мизію; Констанцій изгоняетъ ихъ въ 358 году. XIV. Онъ же побѣждаетъ въ ту же осень лимигантовъ. XV. Большая часть побѣжденныхъ славянъ становится римскими плѣнниками. XVI. Рѣчь, произнесенная Констанціемъ послѣ побѣды. XVII. Послѣ пораженія многіе славяне остались на полуостровѣ, предоставленномъ императоромъ акарагантамъ, которые обладали имъ прежде. XVIII. Оставшіеся славяне опять принимаются въ 359 году за грабежъ и нападаютъ на римскія области, но ихъ бьютъ вторично. XIX. Покидаютъ полуостровъ. XX. Поселяются на сѣверѣ Карпатовъ въ Кроаціи. XXI. Языки, притѣсняемые гуннами, покидаютъ полуостровъ и удаляются на востокъ, въ Свабію (470 г.) XXII. Другіе языки направляются къ сѣверу и поселяются въ Подлахіи, при Бугѣ. XXIII. Славяне покидаютъ сѣверную равнину Вагиваріи, отрасли Карпатовъ, и удаляются въ область того же названія при Балтійскомъ морѣ, между тѣмъ какъ другіе славяне приходятъ въ Далмацію, въ 449 году. XXIV. Славяне-вагиварійцы, или кроаты, находятъ на берегахъ Балтійскаго моря эстовъ, чудовъ, венедовъ и четыре готскихъ поколѣнія: остроготовъ, виктоваловъ, геруловъ и ливовъ. XXV. Ливы, древнѣйшіе обитатели балтій-

скаго берега. XXVI. Вагиварійцы дѣлятся на литвиновъ, пруссовъ, самогитянъ, куроновъ и леттовъ, XXVII. Литвины переселяются въ 449 и 450 годахъ съ подножія Вагиваріи къ устью Вислы. XXVIII. Языкъ литвиновъ. XXIX. Пруссы. XXX. Самогитяне. XXXI. Куроны. XXXII. Летты. XXXIII. Эсты, сосѣди славянъ. XXXIV. Кроаты переселяются съ сѣвера Карпатовъ къ югу Далмаціи. XXXV. Авары и лонгобарды овладѣваютъ западною Славоніею. XXXVI. Лимиганты появляются во Θракіи около 408 и 450 годовъ. XXXVII. Происхожденіе королевства южной Славоніи въ 540 г. XXXVIII. Приключенія славянъ по выходѣ съ юга. XXXIX. Сравненіе происхожденія литвиновъ съ происхожденіемъ нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

Эта часть труда Сестренцевича имѣется въ извлеченіи и въ польскомъ переводѣ, очевидно, самого автора. Рукопись этой части, подъ загл.: „Badania historyczne o pochodzeniu Skławian a między niemi Litewskiego narodu i jego xiążąt i epochy przyjęcia przez nich wiary chrześciańskiej“, хранится въ библ. Музея кн. Чарторыскихъ въ Краковѣ (№ 2167). Переводъ сдѣланъ былъ въ Петербургѣ въ 1814 г. и сопровождается слѣдующимъ письмомъ Сестренцевича къ кн. Чарторыскому: „Jaśnie oświecony Mósci Xiąże Dobrodzieiu!

Przed kilką dziesiąt lat zadałeś mi WXMC będąc w swoim Szkłowie, abym z pieniów kraiowych lub innych zrzódeł zbierał podania o początku Litwy.

Gdy wyszukiwaiąc oyczyzny Sarmatow i Sławian znalazłem Skławian przodkami Litwy: o wszystkich napisałem w ięzyku, który zaszczepiany przez czynność narodu swego przyiął się po Europie.

Część, w którey o Litwie, przekładam WXMci, iako xiążąt tego narodu potomkowi, na ięzyku w którymeś my się porodzili.

Stanisław Siestrzencewicz Bohusz,
Arcybiskup Metropolitalny Mohilewski.“

Petersburg,
27. kwietnia st. st. 1814.

Исполняя давнишнее желаніе кн. Чарторыскаго, Сестренцевичъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается здѣсь на происхожденіи Литвы и предпосылаетъ раздѣлу XXVII-ому только нѣкоторые изъ предшествующихъ, по его мнѣнію, очевидно, наиболѣе необходимые для пониманія его взгляда на начала Литвы. Раздѣлъ XXVIII-ой (O języku

Litewskim, złożonym z Skławianskiego, przyniesionego przez emigrantów z sobą z pod pięty północnej Krempaku do Kroacyi Baltyckiej i z języków mieszkańców nadbrzeżnych Baltyckich) среди всякихъ фантазій автора обнаруживаетъ правильный взглядъ его на отношеніе къ санскриту языковъ „сарматскихъ и славянскихъ“ и литовскаго, при чемъ Сестренцевичъ ссылается здѣсь на соч. Court de Gébelin, Monde primitif, ou l'origine du langage et de l'écriture. Paris. 1775 [1]).

Третья часть въ 38 главахъ трактуетъ также о славянахъ и ихъ передвиженіяхъ.

Четвертая часть содержитъ подробное оглавленіе трехъ первыхъ съ полнымъ указаніемъ источниковъ, коими авторъ пользовался, и хронологическій перечень важнѣйшихъ моментовъ исторіи сарматовъ и славянъ.

Таковы были два извѣстнѣйшихъ труда Сестренцевича, на коихъ основывалась его ученая слава. Впрочемъ, уже ближайшіе современники его знали истинную цѣну этимъ огромнымъ сводамъ неразработаннаго и хаотически нагроможденнаго матеріала. „Естьли вы прочтете Сестренцевичеву Исторію о Скиѳахъ, писалъ митроп. Евгеній Анастасевичу (28 марта 1815 г.), то сообщите мнѣ свое мнѣніе. Естьли эта книга подобна Исторіи о Тавріи, по достоинству разруганной покойнымъ Шлецеромъ, то не велико приращеніе литературѣ. Я читалъ сію Исторію безпорядочную, бездоказательную (ибо многія цитаціи весьма лживы и собраны ему разными езуитами, а не самимъ имъ), во многомъ неполную, а больше непринадлежащимъ наполненную, со многими странными въ Исторіи парадоксами и проч. Я выходилъ иногда изъ терпѣнія. Это

---

[1]) Для доказательства близости и родства литовскаго языка съ санскритомъ, а также съ славянскими языками, Сестренцевичъ выбираетъ изъ словаря Аделунга санскритскія слова и сравниваетъ ихъ съ литовскими и польскими. Вотъ образчикъ его сравнительной таблицы:

Słowa Sanskrytskie	Słowa Litewskie	Znaczenie Polskie
Agni	Ugnis	Ogień
Ahszi	Akis	Oczy
Wadi	Wodas	Wódz
Balia	Bailus	Wielki
Bruwo	Bruwis	Brew и т. д.

Далѣе онъ сравниваетъ Молитву Господню по-литовски, по латыни, по-латышски, по-ливонски, по-русски и „sarmatskim dyalektem“, т. е. по-польски.

не лучше затѣйливыхъ книгъ Потоцкаго [1])." Невысокаго мнѣнія объ этихъ трудахъ митрополита былъ и Шафарикъ, по выраженію котораго Сестренцевичъ принадлежитъ къ числу „unkritischen Stopplern" [2]), а сочиненія его никуда негодны и могутъ возбуждать развѣ только смѣхъ или сожалѣніе. Ходаковскій же сравнивалъ ихъ съ выгорѣвшимъ лѣсомъ, въ которомъ нельзя найти ни одного гриба. Какъ бы ни были однако фантастичны теоріи Сестренцевича о происхожденіи отдѣльныхъ вѣтвей славянскаго народа, сарматовъ, эсклавоновъ, венедовъ, изъ средней Азіи прибывшихъ въ Европу черезъ Донъ или черезъ Малую Азію, — онѣ, вмѣстѣ съ его отождествленіемъ скиѳовъ и сарматовъ съ славянами, не составляютъ особенно рѣзкаго диссонанса въ разнообразныхъ теоріяхъ другихъ ученыхъ, его предшественниковъ и послѣдующаго времени, особенно по второму вопросу [3]).

Посвящая оба труда имп. Александру I, Сестренцевичъ высказываетъ желаніе увидѣть вновь въ державѣ его, состоящей изъ славянъ, братскія связи, согласіе и довѣріе.

Отъ общихъ вопросовъ славянской древности Сестренцевичъ перешелъ впослѣдствіи къ изслѣдованію древнѣйшаго періода русской исторіи въ трудѣ: „Изслѣдованіе о происхожденіи русскаго народа" (1818 г.). Трудъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ частей: Славяне Новгородскіе призываютъ руссовъ изъ-за моря княжить. Отечество русскихъ была земля, которую первоначально обитали скиѳы и готѳы. Роксоланы — древнѣйшіе обитатели сѣверныхъ странъ Европы. Россы въ Азіи и въ Европѣ. Россы пришли въ Новгородъ изъ Швеціи или Свіоніи. Тождество свіоновъ и шведовъ. Какая часть Швеціи была отечествомъ русскихъ? Варяги нападаютъ на Новгородъ, побѣждаютъ тамошнихъ славянъ и налагаютъ на нихъ дань. Новгородцы призываютъ варяговъ на княженіе. Варяги-россы овладѣваютъ Новгородомъ. Всему государству присвоено названіе Россіи и т. д.

Послѣдній трудъ Сестренцевича „Précis des recherches historiques sur l'origine des Slavons ou Esclavons et des Sarmats et sur les époques de la conversion de ces peuples au

---

[1]) Русск. Арх., 1889, V, стр. 43.
[2]) Ueber die Abkunft, S. 211.
[3]) Ср. L. Niederle, Starožitnosti, I, str. 15, 513.

Christianisme", вышедшій въ 1824—25 г. и посвященный имп. Александру I, заключалъ (въ XII гл.) краткій сводъ прежнихъ разысканій, нынѣ провѣренныхъ авторомъ. Подобно предшествовавшимъ изслѣдованіямъ Сестренцевича, и этотъ очеркъ страдаетъ всѣми присущими имъ недостатками, и хотя русская критика (Journal de St. Pétersbourg 1825 г. и Сѣв. Пчела 1825 г.), по словамъ Старчевскаго [1]), приняла этотъ трудъ съ восторгомъ и безусловно расхвалила его, тѣмъ не менѣе значеніе его столь же ничтожно, какъ и прежнихъ работъ Сестренцевича. Старчевскій необыкновенно преувеличиваетъ достоинства ихъ, отводя Сестренцевичу въ русской исторической литературѣ начала XIX в. первое мѣсто послѣ Карамзина, „потому что трудъ его столь же обширный и стоилъ этому почтенному пастырю цѣлыхъ сорокъ лѣтъ!" Еще болѣе страннымъ является недоумѣніе Старчевскаго, почему Шафарикъ, „сдѣлавшій вторично то, что̀ до него было сдѣлано (!) Сестренцевичемъ", вовсе не упомянулъ о достоинствѣ изысканій послѣдняго и какъ будто не зналъ ихъ. Но мы привели уже выше отзывъ Шафарика.

По свидѣтельству Ф. Стаховскаго [2]), нѣкоторые изъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ Сестренцевича остались въ рукописи [3]). Среди нихъ находилась поэма въ V книгахъ: „Król ocalony"; критико-филологическія разсужденія о языкахъ эстонскомъ и литовскомъ; краткій словарь этихъ языковъ; поэма о взятіи Очакова; письма къ кн. Потемкину и элегія на смерть имп. Александра I.

Общество друзей наукъ сразу избрало правильный путь къ достиженію цѣлей своихъ, вступивъ съ первыхъ же лѣтъ своей дѣятельности въ непосредственныя отношенія съ представителями славянской науки. Главнымъ представителемъ ея на Западѣ былъ знаменитый аббатъ Іосифъ Добровскій, имя котораго знакомо уже было нѣкоторымъ польскимъ ученымъ, такъ какъ аббатъ еще въ 1793 г., на возвратномъ пути изъ Петербурга и Москвы, остановился въ Варшавѣ, посѣтилъ библіотеку Залускихъ, надѣясь найти въ ней чешскія и славянскія рукописи, и познакомился въ королевской

---

[1]) Библ. для Чтенія, 1852, т. CXII, стр. 75.

[2]) Roczn. Tow. Nauk. Krak., XVI, 1841, str. 179.

[3]) Старчевскій, l. c., 77, утверждаетъ, что замѣчательная библіотека Сестренцевича и всѣ бумаги его перешли въ собственность коломенской католической церкви. По указанію же Стаховскаго рукописи С. достались по наслѣдству нѣкоему Парчевскому.

библіотекѣ съ абб. Альбертранди [1]). Съ этого времени связи съ Варшавой и съ возникшимъ вскорѣ послѣ пребыванія въ ней Добровскаго Обществомъ друзей наукъ, повидимому, не прерываются. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ за эти первые годы никакихъ писемъ ни пражскихъ, ни варшавскихъ корреспондентовъ, но ближайшіе факты даютъ основаніе думать, что эти сношенія поддерживались. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Общество друзей наукъ въ засѣданіи 4 ноября 1802 г. избрало Добровскаго, несомнѣнно, по предложенію Линде, въ свои члены [2]). Такъ положено было начало тому сближенію, которое быстро стало расти и усиливаться и превратилось затѣмъ въ непрерывный обмѣнъ результатами ученой работы, при содѣйствіи наиболѣе живыхъ и дѣятельныхъ силъ, на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій.

Изъ варшавской ученой семьи, группировавшейся въ Обществѣ друзей наукъ, первый посѣтилъ Прагу виленскій еп. Янъ Неп. Коссаковскій (р. 1755, † 1810), но посѣщеніе его имѣло случайный характеръ. Отправившись въ Вѣну лѣчить больной глазъ, епископъ предпринялъ обратный путь черезъ Прагу, чтобы здѣсь поклониться мощамъ своего патрона [3]). По возвращеніи домой „съ береговъ Лабы и Дуная“ Коссаковскій рѣшилъ подѣлиться съ сочленами своими впечатлѣніями и наблюденіями въ родственной славянской столицѣ

---

[1]) Объ этомъ онъ писалъ Дуриху 4 февр. 1793 г.: „Mosqua abii 7. Januarii recta tendens per Danaprum, Njemen, Bug, Vistulam ad urbem regalem Varsaviam. Adiens bibliothecam Zalusk. manuscripta boh. et slav. inspicere volui, sed frustra quaerebantur. Dolebant bibliothecae praefecti sortem bibliothecae variam. Notavi tamen quaedam opuscula slavicis dialectis impressa. In regia bibl. nihil erat notandum. Cl. vir abbas Albertrandi, bibliothecarius regius et canonicus, regi exhibuit et praelegit conspectum operis tui . . .“ Добровскаго интересовали изданія Скорины, но Альбертранди ничего не могъ сообщить ему по этому предмету: „De Skorina memorias communicare mihi volebat canonicus Albertrandi Varsaviae, qui conspectum operis tui regi se praelecturum spondebat; sed dum accessissem eum secunda vice, nihil se invenisse respondit.“ Письмо отъ 21 марта 1793 г. Ср. A. Patera, Vzájemné dopisy F. Duricha a J. Dobrovského. Praha 1895, str. 263. Вспоминаетъ объ этомъ знакомствѣ и Альбертранди. Ср. приложенія, стр. XVIII.

[2]) Kraushar, op. cit., I, str. 213. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ избраніи не имѣемъ. Извѣстно еще только, что Общество доносило Линде о состоявшемся выборѣ и доставило ему при письмѣ извлеченіе изъ Устава (§ 15), очевидно, для отсылки Добровскому изъ Вѣны. Ср. Ibid., str. 357.

[3]) „Zywot Jana Nepomucena Korwina Kossakowskiego, bisk. wileńskiego“ — въ архивѣ Общества. Akta, tyczące się biogr. członków.

и прочелъ 5 декабря 1803 г.[1]) въ Обществѣ докладъ п. з.: „Rzut oka na literaturę czeską i związek języków słowiańskich“[2]). Ученый епископъ вспоминаетъ здѣсь о племенныхъ и историческихъ связяхъ поляковъ и чеховъ и съ радостнымъ чувствомъ указываетъ на пробужденіе въ угнетаемомъ чешскомъ народѣ провозвѣстниковъ новой духовной жизни. Въ теченіе кратковременнаго пребыванія въ Прагѣ Коссаковскій не могъ, конечно, глубже проникнуть въ начинавшееся движеніе, и въ небольшомъ чтеніи его мы не можемъ искать ни знакомства съ чешской литературой, о которой онъ обѣщаетъ говорить, ни какихъ-либо большихъ обобщеній. Рѣчь его имѣетъ извѣстное значеніе и заслуживаетъ вниманія не въ качествѣ ученаго разсужденія, а единственно, какъ живой голосъ случайнаго посѣтителя, очутившагося въ кругу ученыхъ дѣятелей родственнаго народа, при ихъ, помощи отмѣтившаго первые проблески возрожденія и заявившаго о важности связей литературы и науки польской съ чешской наукой и литературой. Взаимное ознакомленіе двухъ родственныхъ народовъ должно было совершаться тѣмъ легче, что языки чешскій и польскій необыкновенно близки другъ къ другу.

Начертавъ картину величія и разнообразія славянскаго міра, Коссаковскій призываетъ сотоварищей по ученому

---

[1]) Въ засѣданіи 2 дек. 1803 г. предсѣдатель въ отзывѣ своемъ о рѣчи Коссаковскаго, которую называетъ: „O języku czeskim“, призналъ ее, „jako wykonaną pod przewodem serca, głęboko przeniknionego interesem sławy ojczystej, a tem samem zdolną przyjemne na słuchaczach sprawić wrażenie“, достойной публичнаго произнесенія. Въ очередномъ засѣданіи 11 ноября 1804 г. доложено было письмо проф. Чеха изъ Кракова, сообщавшее, что бумаги, переданныя ему Коссаковскимъ, изъ опасенія строгой ревизіи на австрійской границѣ онъ долженъ былъ утопить на перевозѣ. Краусгаръ (op. cit., I, 271) думаетъ, что это могло быть разсужденіе о чешской литературѣ, горячо проводившее принципъ славянской взаимности и умалчивавшее о заслугахъ тогдашняго австрійскаго правительства въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія. Но это разсужденіе Коссаковскаго не погибло. Вѣроятно, у него были какія-либо иныя „компрометирующія“ бумаги.

[2]) Напечатанъ въ Roczn. Tow. Warsz. prz. nauk, 1804, III, str. 11—45; Nowy Pamiętn. Warsz., XII, 1803, 352. Ср. Kraushar, op. cit., I, 250—251; ср. еще 271. Русскій перев. нѣкоторыхъ мѣстъ: „Взглядъ на Богемскую словесность и на связь между собой отраслей Славенскаго языка“, въ ж. Улей, 1811, ч. II, № VII, 84—108. Извлеченіе сдѣлано было также I. Юнгманномъ для вѣнскихъ Prvotiny pěkných umění, 1814, 12. května. Ср. V. Zelený, J. Jungmann, str. 79—80.

Обществу искать средства для утвержденія ученыхъ и литературныхъ связей съ представителями славянства, прежде всего съ народомъ чешскимъ и Чехіей, гдѣ издревле столь обильны слѣды польскіе. „Моравія, Силезія и Чехія приводили мнѣ на мысль, сколь далеко простиралось наше отечество, и какимъ народомъ мы нѣкогда были. Я видѣлъ картины минувшаго величія и тѣни ожидающаго насъ будущаго... Гдѣ только случалось мнѣ видѣть общественныя книгохранилища, повсюду во главѣ важнѣйшихъ книгъ я видѣлъ сочиненія Гозія, Старовольскаго, Оржеховскаго, Томицкаго, Замойскаго, Сарбѣвскаго и др.“ Коссаковскій можетъ заявить, что и теперь ученые чехи съ одинаковымъ усердіемъ читаютъ польскія книги. Народъ, — доказывалъ Коссаковскій, — столь просвѣщенный и даровитый, какъ чехи, имѣющіе главную школу наукъ и искусствъ, въ коей совершенствуется три тысячи молодежи; народъ, у котораго для многочисленныхъ читателей ежедневно открыты публичныя книгохранилища; который даетъ выдающихся учителей и самой столицѣ Австріи; который въ исторіи съ гордостью ведетъ свое начало отъ нашихъ предковъ, и историческія судьбы коего въ значительной степени общи съ нашими; народъ, которому мы обязаны величайшимъ даромъ небесъ — введеніемъ у насъ христіанства, отъ котораго мы заимствовали первыя церковныя пѣснопѣнія, и братскій языкъ котораго лишь немногимъ отличается отъ нашего, — этотъ народъ заслуживаетъ, ученые мужи, вашего особеннаго вниманія!

Съ увлеченіемъ излагаетъ онъ Обществу въ руководство свою программу дѣятельности. „Трудолюбивый и заботливый хозяинъ не ограничивается лишь сохраненіемъ въ цѣлости завѣщаннаго ему предками наслѣдія: онъ расширяетъ границы своихъ владѣній, удобряетъ ихъ своимъ потомъ, образуетъ, украшаетъ и постепенно улучшаетъ ихъ. Какія средства ни избрала бы съ этой цѣлью ваша, просвѣщенные мужи, мудрость, по моему мнѣнію, литературныя связи съ учеными славянами, взаимныя сношенія и сообщеніе другъ другу свѣта, заключеніе, такъ сказать, всеобщаго союза всѣхъ славянскихъ языковъ было бы наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для осуществленія этого великаго плана. Какое обширное поле дѣятельности открылось бы для трудовъ вашихъ, ученые мужи! Общимъ трудомъ со всѣми славянами вы воздѣлывали бы тогда не одну какую-нибудь ниву, но всѣ

земли, ими занятыя въ Европѣ, и богатая, неисчислимая жатва была бы общимъ достояніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Если всѣ вообще ученые на свѣтѣ, имѣя цѣлью благо человѣчества, составляютъ единое общество (jedną składają na świecie społeczność), то тѣмъ болѣе должны стремиться къ такому тѣсному сплоченію единоплеменные и единоязычные народы (ci, których jeden duch, jeden zamiar nauki ożywia i jednym mówią językiem, są pokrewni, są bracia, są najbliższemi tej społeczności członkami, i tem ściślej węzeł ten braterski łączyć ich powinien). Изъ такого сближенія для развитія славянскихъ языковъ истекала бы огромная польза: недостатки одного изъ нихъ восполнялись бы богатствами другого. Всѣ славянскіе языки можно считать отпрысками одного ствола, пересаженными въ разнообразныя почвы и климаты. Сравнительное изученіе различныхъ славянскихъ языковъ дало бы возможность найти ключъ къ облегченію пониманія сразу нѣсколькихъ изъ нихъ, такъ что славянинъ, хорошо знающій свой родной языкъ, понималъ бы и родственные съ нимъ языки. Линде какъ разъ облегчаетъ подобное изученіе, разсматривая въ своемъ Словарѣ всѣ славянскіе языки рядомъ съ польскимъ, какъ дѣтей одного отца и одной матери. Огромный трудъ Линде и благородное соревнованіе на поприщѣ наукъ, сильно проявляющееся у славянъ вообще, наполняютъ сердце оратора радостью: въ исторіи просвѣщенія съ началомъ XIX вѣка открывается новая эпоха. Свѣтъ наукъ и знаній, проливъ сначала благотворные лучи свои отъ востока на западъ и югъ, нынѣ озаряетъ сѣверъ. Самодержецъ могущественнѣйшихъ славянскихъ народовъ основываетъ всеобщее ихъ благоденствіе на просвѣщеніи. По его мановенію возрождаются и украшаются большей славой прежнія и основываются новыя славянскія академіи. Приближается счастливое, предвидѣнное многими время: науки на сѣверѣ утвердятъ свое пребываніе, и изъ сѣверныхъ странъ свѣтъ ихъ распространится на прочія.

Коссаковскій несомнѣнно имѣлъ при этомъ въ виду убѣдить своихъ слушателей, что, какъ потеря самостоятельности не лишила чеховъ ревности и привязанности къ наукамъ и дала имъ возможность сохранить отечественный языкъ въ первобытной его чистотѣ, такъ и полякамъ не слѣдуетъ отчаиваться, а напротивъ брать примѣръ съ чеховъ. Его особенно увлекаетъ горячій призывъ Неѣдлаго къ защитѣ родного языка въ предисловіи къ переводу Иліады.

Какъ бы ни были перемѣнчивы времена, нельзя опасаться, ниже подумать, чтобы языкъ, которымъ говорятъ разные народы отъ Адріатическаго моря до Новой Земли могъ когда-либо погибнуть. Такимъ образомъ, рѣчь Коссаковскаго имѣла извѣстное отношеніе къ тому моменту, когда она была произнесена. Насколько она интересна была для современниковъ, можно судить и по тому, что она была переведена и на русскій и на чешскій языкъ, а Калайдовичъ еще въ 1816 г. выражалъ желаніе пріобрѣсти въ числѣ прочихъ славянскихъ ученыхъ трудовъ и рѣчь Коссаковскаго [1]).

Нѣсколько раньше Коссаковскаго, случайно, но не безъ извѣстнаго научнаго интереса заглянувшаго въ Прагу, предпринимаетъ спеціальное путешествіе по славянскому югу другой членъ Общества друзей наукъ, кн. Александръ Сапѣга. Сынъ Іосифа Сапѣги, литовскаго крайчаго, онъ родился въ 1773 г. въ Страсбургѣ, куда его родители ушли отъ политическихъ смутъ въ Польшѣ. Въ годы тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю отчизны, молодой польскій магнатъ, воспитанный въ модномъ французскомъ духѣ, при этомъ прекрасно образованный, ищетъ успокоенія взволнованнымъ патріотическимъ чувствамъ и развлеченія не въ шумной столицѣ Франціи и не въ блестящихъ салонахъ ея, — его манитъ къ себѣ славянскій югъ, берега голубой Адріатики, близкія къ ней Босна и Герцеговина, греческіе острова и древняя Эллада. Путешествіе Сапѣги представляетъ нѣчто исключительное въ исторіи славянскихъ ученыхъ поѣздокъ. Начавшись въ 1802 году, оно продолжалось до 1805 г., т. е. совершено было въ такое время, когда научный интересъ къ южному славянству едва начиналъ пробуждаться, и когда въ славянской литературѣ не было еще ни одного сколько-нибудь достойнаго вниманія труда по изученію его. Самъ Сапѣга въ предисловіи къ описанію своего путешествія слѣдующимъ образомъ объясняетъ побужденія, заставившія его предпринять эту продолжительную поѣздку. Прибывъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ въ свое отечество и узнавъ, что оно „отзывалось къ славянскимъ народамъ о послѣдней участи одного изъ ихъ поколѣній“, Сапѣга хотѣлъ убѣдиться, произвело ли это обращеніе его соотечественниковъ какое-либо впечатлѣніе въ славянствѣ, и узнать своихъ единоплемен-

---

[1]) Чтенія И. О. И. и др. Р., 1862, III, стр. 59.

никовъ, ни однимъ полякомъ еще не посѣщенныхъ [1]). Путешествія же аббата Фортиса еще болѣе возбуждали его любопытство. Описаніе путешествія Сапѣги издано было впервые въ 1811 г., подъ загл.: „Podróże w krajach Sławiańskich odbywane w latach 1802 i 1803 przez X. S., członka kilku akademij i towarzystw uczonych“ [2]).

Въ 1812 г. Сапѣга былъ членомъ временнаго правительства въ Литвѣ и отличенъ былъ Наполеономъ пожалованіемъ въ придворное званіе. Возвращаясь изъ похода, онъ умеръ въ Деречинѣ, Гродненской губ., 9 сентября 1812 г.

---

[1]) Примѣчаніе къ извлеченію изъ „Путешествія“ въ ж. Улій, II, 1811, стр. 434—435.

[2]) Польское изданіе есть переводъ только части французскаго оригинала-рукописи. Вторично издалъ К. І. Туровскій: „Podróż po słowiańskich krajach“, Sanok, 1856, съ краткимъ предисловіемъ; изданіе довольно небрежное. На русскомъ языкѣ извлеченіе: „О гробахъ въ Герцеговинѣ (Захлумской землѣ), между селомъ Чистымъ и Ловричемъ“, (письмо 33-е), въ Соревнов. просв. и благотв., 1820, № 1, стр. 30—40, переводъ З. Я. Ходаковскаго съ примѣч. В. Г. Анастасевича. Ср. еще извѣстіе о книгѣ Сапѣги въ ж. Улій, 1811, ч. II, стр. 434—441, съ переводомъ вступленія (Нѣчто о Славянахъ). Полная рукопись „Путешествія“ Сапѣги неизвѣстна. Въ библ. Общества друзей наукъ въ 1812 г. поступила рукопись кн. А. Сапѣги, озаглавленная: „O podróży po Dalmacyi i Illiryi“. Ср. Kraushar, op. cit., II, I, str. 306. Заключала ли эта рукопись полное описаніе путешествія, — сказать трудно. Авторъ біографіи Сапѣги въ Encykl. Powsz. полагаетъ, что „Путешествіе“ должно находиться въ Виленской Публ. библ., но тамъ его, по наведеннымъ нами справкамъ, не оказалось. Kraushar, op. cit., II, II, примѣч. 56, думаетъ, что его слѣдуетъ искать въ Имп. Публ. библ., но и тамъ пока такая рукопись неизвѣстна. Она можетъ быть среди книгъ и рукописей Общ. др. наукъ, переданныхъ въ Публ. библ., но еще не разобранныхъ. Часть рукописи „Путешествія“ Сапѣги находится у львовскаго каноника кн. Адама Сапѣги, который любезно разрѣшилъ намъ воспользоваться ею. Эта часть, тоже въ переводѣ на польскій языкъ, приготовленная, повидимому, для печати, переписанная начисто и съ поправками автора, составляетъ продолженіе писемъ Сапѣги и начинается какъ разъ прерваннымъ въ изданіи (1856 г.) описаніемъ пребыванія въ Дубровникѣ. Письма имѣютъ, впрочемъ, новый счетъ. Кромѣ этого „Путешествія“, Сапѣга, по словамъ біографіи его въ Encyklop. Powsz., оставилъ въ рукописи трудъ „O obyczajach i literaturze słowiańskiej“. Это была вторая часть его „Путешествія“. Изъ протоколовъ Общ. др. наукъ извѣстно, что 9 дек. 1806 г. кн. А. Сапѣга читалъ въ засѣданіи его разсужденіе „О Słowianach“. Содержаніе этого чтенія ближе намъ неизвѣстно. „Rys zasług naukowych X. Alex. Sapiehy“, przez X. Edw. Czarneckiego, напечатанный въ Roczn. Tow. Prz. N., T. XVIII, str. 171—182, страннымъ образомъ не говоритъ ничего о его славянскомъ путешествіи.

Первому изданію „Путешествія“ предпослано было предисловіе автора, не повторенное однако вторымъ издателемъ К. І. Туровскимъ [1]). Для характеристики взглядовъ кн. Сапѣги на славянство и важность изученія его особенно интереснымъ является другое предисловіе („Przedmowa do Podróży odmienna od drukowanej“, какъ оно названо въ рукописи, повидимому, нынѣшнимъ владѣльцемъ ея), или вѣрнѣе — обстоятельная записка, читанная, какъ можно полагать, въ одномъ изъ собраній Общества друзей наукъ [2]). Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя выраженія автора, обращающагося къ „коллегамъ“, т. е. къ членамъ Общества, къ числу коихъ принадлежалъ и онъ самъ. Мы остановимся на содержаніи этого замѣчательнаго по своимъ оригинальнымъ мыслямъ предисловія.

Сапѣга просто и безъ столь обычныхъ въ его время длинныхъ вступленій старается доказать слушателямъ и читателямъ, какъ поучительно, полезно и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышающе должно быть для каждаго поляка сближеніе съ славянскимъ міромъ и его изученіе. Нѣтъ человѣка, для котораго могло бы быть чуждымъ имя отца или побратима (pobratymca). И поэтому я, — обращается Сапѣга къ сотоварищамъ, — не могъ ошибаться, когда полагалъ, что посѣщеніе славянскихъ странъ должно быть полезно для насъ, какъ для поляковъ, необходимо для нашего просвѣщенія и не можетъ быть безразличнымъ для нашихъ сердецъ. О высокомъ взглядѣ Сапѣги на предпринятое имъ путешествіе говоритъ его обращеніе къ слушателямъ: „Pełni sławy kolledzy, jako stróże czystości języka, którym ojcowie nasi gadali, którego starania wasze mają w całości wnukom podać, sądziłem wam offiarę moich postrzeżeń zrobić, do dojścia do nich ani życia, ani kosztu nie żałować i złożyć na łonie waszym te znamiona święte rodu słowackiego, nieszczęściem między nami starte, które mimo kilka wieków niewoli w całości jeszcze te szanowne pokolenia dochowali.“

---

[1]) Соображенія его несовсѣмъ ясны: „Żałujemy, — говоритъ онъ, — że nam nie wypada wydrukować całej przedmowy autora, nawet z powodu tak mylnego wydania, że sam początek jedynie domyśliwać się każe, coby każdy bez trudu powinien módz wyczytać“.

[2]) Изъ краткой передачи содержанія доклада Сапѣги 9 декабря 1806 г. „O Słowianach“ видно, что этотъ докладъ и разсматриваемое предисловіе весьма сходны между собою. Ср. Kraushar, op. cit., II, I, str. 21.

Въ патетическомъ, исполненномъ искренняго, горячаго чувства призывѣ онъ приглашаетъ поляковъ обратить свои взоры на братскія земли (na te pobratymskie osady) славянъ: тамъ они научатся всѣмъ своимъ обязанностямъ, тамъ отцы научатся воспитывать въ дѣтяхъ презрѣніе ко всякой чужеземщинѣ и прививать имъ начала той гордости, безъ которой народъ не можетъ имѣть ни привязанности къ своимъ обычаямъ, ни одушевленія для совершенія великихъ дѣяній. Равнодушіе поляковъ въ этомъ отношеніи представляетъ печальную картину, а въ будущемъ оно можетъ имѣть еще болѣе пагубныя для нихъ послѣдствія.

Сапѣга не задается трудной задачей искать въ далекомъ прошломъ, въ какой степени родства находятся славяне (Słowacy) къ полякамъ: слѣдуетъ ли ихъ называть отцами, или просто — побратимами, братьями, происходятъ ли поляки отъ нихъ, или они отъ поляковъ, — ибо гдѣ же найти доказательства всему этому! Онъ знаетъ, насколько темна и запутана первоначальная исторія славянства, и съ нескрываемымъ недовѣріемъ относится къ усиліямъ тѣхъ своихъ сотоварищей, которые стремятся пролить свѣтъ на этотъ періодъ жизни славянства. Онъ совѣтуетъ имъ: „Wy wszyscy uczeni, którzy długoletniemi pracami, wielością waszych wiadomości podchlebiacie sobie, że kiedykolwiek w szperaniu dawnych pisarzów znajdziecie początki dziejów słowackich — szlachetną dumę waszą, uderzcie czołem przed prawdą, wyznajcie waszą niemożność, porzućcie wasze dyffemata, na zawiłej erudycyi zasadzone, na naciąganych wyjątkach z pisarzów równie podejrzanych wzniesione, i nieużyteczność waszych usiłowań przyznawszy, ku rzeczom ludzkości użyteczniejszym a was samych godniejszym obróćcie.“ Сапѣга думаетъ, что римскіе и византійскіе источники не могутъ дать ничего, что могло бы удовлетворить любознательность поляковъ въ вопросѣ объ отношеніи ихъ къ славянамъ (nic zaspakajającego ciekawość naszą względem odosobnienia Polaków od Słowaków). Онъ убѣжденъ, что болѣе прочныя и убѣдительныя доказательства единства поляковъ со всей славянской семьей представляютъ общность обычаевъ, языкъ, физическій строй, нежели свидѣтельства историковъ [1]). Но если бы кто-либо усумнился въ существо-

[1]) Объ этомъ еще разъ говоритъ онъ ниже: „Powtórzyć mi u jeszcze przychodzi, że sama tylko wspólność obyczajów i języka są jedynym zrzódłem, w którym czerpałem znamiona, według mnie zbliżenie się do siebie tych pobratymskich rodów stanowiące“.

ваніи этого единства, пусть тотъ, покинувши родные очаги, направится въ славянскія земли, пусть поищетъ у славянъ гостепріимства, которое ему несомнѣнно будетъ оказано, если онъ будетъ просить его по-польски, и когда славянинъ встрѣтитъ его, какъ брата, пришедшаго изъ далекихъ странъ, — всѣ сомнѣнія его должны будутъ разомъ исчезнуть. Итакъ, прежде всего надо путешествовать среди славянъ, изучать ихъ языкъ, бытъ и нравы, видѣть воочію своихъ братьевъ, и ученое изслѣдованіе всѣхъ сторонъ ихъ жизни создастся неизбѣжно слѣдомъ за этимъ знакомствомъ. О такомъ, возможно полномъ и всестороннемъ знакомствѣ съ славянскими братьями на югѣ Сапѣга прежде всего и заботится. Онъ самъ признаетъ, что въ его письмахъ многое покажется незначительнымъ и пустячнымъ, но въ столь важномъ дѣлѣ, какъ доказательства исконнаго братства поляковъ съ славянами, онъ не пренебегалъ и мелочами (w rzeczy tak ważnej, jak jest dojście dawnego zbracenia naszego narodu z Słowakami, nic mi się opuścić niegodziło), ибо тамъ, гдѣ стерты всякіе слѣды, нельзя относиться равнодушно къ малѣйшему свѣтлому лучу. Проникнутый такимъ убѣжденіемъ, онъ усердно собираетъ матеріалъ, который, быть можетъ, пригодится на что-либо будущимъ геніямъ.

Открывая любознательности соотечественниковъ новые горизонты, Сапѣга высказываетъ сожалѣніе, что описанія славянскихъ странъ доселѣ принадлежатъ исключительно чужеземцамъ, а можно ли отъ нихъ ожидать добросовѣстныхъ свѣдѣній о славянахъ при извѣстномъ ихъ равнодушіи и даже презрѣніи къ славянству, при незнакомствѣ съ языкомъ и слѣдовательно — невозможности изучить народъ, его обычаи и пр. Нельзя поэтому довѣрять ихъ сообщеніямъ и строить на нихъ какія-либо заключенія. Къ счастію, эта литература незначительна. На первомъ мѣстѣ среди путешествій, посвященныхъ Далмаціи, Сапѣга ставитъ извѣстное „Viaggio in Dalmazia“ Фортиса (1774).

Опредѣлить взаимное отношеніе славянскихъ народовъ и степень ихъ близости къ одному славянскому корню весьма трудно: славянское племя такъ велико и разнообразно! На востокѣ оно почти достигаетъ береговъ Сѣв. Америки, на сѣверѣ оно кончается тамъ, гдѣ кончается жизнь (prawie ze światem się kończy); Каспійское море, Кавказъ, Черное море и Балканъ составляютъ временную границу

его мужества на югѣ; на западѣ Адріатика и исконная ненависть сосѣдей не положила еще прочной границы распространенію ихъ. Не касаясь отдаленнаго прошлаго славянства, Сапѣга имѣетъ въ виду познакомить своихъ слушателей съ тѣми славянскими племенами, которыя доселѣ сохранили еще свои имена (zatrudnię się tylko wyliczeniem osad pokoleń słowackich, które dotąd swoje nazwiska zachowali).

Но въ этой части своего разсужденія онъ обнаруживаетъ совершеннѣйшее незнакомство съ элементами славянской этнографіи и языкознанія; тутъ онъ выступаетъ предъ нами, какъ полнѣйшій диллетантъ, повторяющій безъ всякой критики чужія фантазіи или сочиняющій собственныя. Все славянство (ród słowacki) онъ дѣлитъ на двѣ большія семьи (dwie największe familie), а именно: семью народовъ русскихъ и народовъ хорватскихъ. Къ первой принадлежитъ: „rusini sami przez się", болгары, краинцы, остатки печенѣговъ (pieczyngów) и изъ числа уже исчезнувшихъ народовъ — древніе враги, или бѣссы; быть можетъ, къ нимъ слѣдуетъ отнести и ятвяговъ (jadzwingi); сюда же относитъ Сапѣга и казаковъ, которые, по его мнѣнію, принадлежатъ къ печенѣгамъ!

Къ хорватской семьѣ онъ причисляетъ: хорватовъ, мазуровъ, чеховъ, винидовъ и тѣ народы, которые нашли себѣ убѣжища въ Карпатахъ (na wierzchołkach niedostępnych Krępaku). Собственно хорватская семья состоитъ изъ хорватовъ (samych przez się), изъ „słowaków samych przez się" [1]), рацовъ, сербовъ, босняковъ, морлаковъ, сеньянъ, ликавцевъ и крбавцевъ, герцеговинцевъ, рагузанъ и черногорцевъ. Эта вѣтвь южнаго славянства, ближе знакомая Сапѣгѣ по непосредственному съ ней соприкосновенію, раздроблена имъ по мѣстнымъ именамъ, но тѣмъ не менѣе составляетъ въ его представленіи одно цѣлое. Къ мазурамъ онъ относитъ всѣ народы, которые „dawniejszą Polski samej przez się siedzibę osiedli". Особо стоитъ третья семья (czechów familia), состоящая изъ собственныхъ чеховъ, миснянъ, слензаковъ, моравянъ (morawców), ганаковъ и пр.

Какъ видимъ, представленія Сапѣги о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ вѣтвей славянскихъ племенъ были до-

[1]) Терминъ „słowak" Сапѣга употребляетъ въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ: и вообще славянинъ, и въ смыслѣ хорватъ, далматинецъ.

вольно смутны; системы въ его дѣленіи всего славянства, конечно, еще меньше. Неожиданнымъ однако является выдѣленіе чеховъ въ какую-то особую семью и полное отсутствіе имени поляковъ, прикрытыхъ мазурами. Фантастическія этимологіи и сближенія именъ, въ которыя Сапѣга неосторожно пускается, особенно должны были вызывать снисходительную улыбку болѣе авторитетныхъ въ этихъ вопросахъ членовъ Общества друзей наукъ. „Morlacy“ и „Polacy“, по мнѣнію Сапѣги, — племена родственныя. Онъ подмѣчаетъ въ нихъ „mały połysk podobieństwa“, но точасъ изъ этой маленькой искорки мнимаго сходства создаетъ цѣлую гипотезу. „Obydwa nazwiska, — доказываетъ онъ, — w których do początkowego słowa Wlak mamy przydane syllaby, które nie naród osobny nam wystawiają, lecz tylko odmiany, z położenia pochodzące: i tak uważając nadmorską posadę Morlaków nie można się oprzeć rzeczywistości i nie przyznać, że Morlaki są skróceniem morskich Wlaków. Ponieważ zaś dla górzystości posad horwackich przybyli Słowiany na równiny polskie znaleźli zmianę w położeniu kraju, której znamiona w imieniu nowo tworzącego się narodu chcieli uwiécznić, i stąd idą Polacy, czy polne Wlaki.“ Доказательства этой связи въ отдаленной древности морлаковъ и поляковъ Сапѣга склоненъ усматривать и въ томъ трогательномъ участіи, съ которымъ морлаки яко бы вспоминаютъ о своихъ братьяхъ-полякахъ: всякій разъ, когда заходила рѣчь о нихъ, видно было, — увѣряетъ нашъ путешественникъ, — въ словахъ ихъ сожалѣніе, что мы такъ далеко ушли отъ нихъ. „I w tej czułości zdawało mi się postrzegać u nich ślady podania dawnej naszej emigracyi“ [1]).

Первая часть „Путешествія“ Сапѣги, извѣстная намъ въ печати, посвящена описанію странствованій его по Истріи и Далмаціи, отчасти по Боснѣ[2]). Мы не будемъ шагъ за шагомъ слѣдовать за нашимъ путешественникомъ и не будемъ излагать его путевыхъ наблюденій, такъ какъ значительнѣй-

---

[1]) Ср. ироническое замѣчаніе Бандтке объ этомъ сопоставленіи Сапѣги въ письмѣ къ Добровскому отъ 24 іюля 1814 г., въ нашемъ изданіи „Vzájemné dopisy J. Dobrovského a J. S. Bandtkeho“, Praha, 1906, str. 78—79, 84.

[2]) Въ примѣчаніи къ извлеченію изъ книги Сапѣги въ ж. Улій, II, 1811, стр. 435, вѣроятно, на основаніи предисловія, сказано, что Сапѣга посѣтилъ Штирію, Каринтію, Горицу, Истрію, часть Хорватіи, Далмацію, Босну, Герцеговину, часть Албаніи, Черную Гору и далматинскій

шая часть ихъ относится къ области наукъ естественныхъ, преимущественно — къ геологіи, затѣмъ фаунѣ и флорѣ обозрѣваемыхъ имъ странъ. Отмѣтимъ только наиболѣе для насъ существенное въ наблюденіяхъ его. Сознавая важность и трудность предпринятаго путешествія [1]), Сапѣга добросовѣстно подготовился къ нему: онъ изучилъ прежде всего знаменитое путешествіе Фортиса и даже взялъ эту книгу съ собою въ путь [2]); прочелъ также и „Замѣчанія“ Ловрича [3]) на трудъ Фортиса, познакомился и съ другими описаніями Далмаціи, напр., Cassas, Voyage pittoresque en Istrie et Dalmatie [4]), внимательно изучилъ и сравнилъ между собою карты Далмаціи [5]), а для того, чтобы имѣть возможность записывать не только тексты народныхъ пѣсенъ, чѣмъ онъ занимался самъ, но и напѣвы ихъ, онъ приглашаетъ въ Тріестѣ въ сопутники какого-то итальянца-виртуоза [6]). Въ путешествіи Сапѣга ведетъ дневникъ [7]), занося въ него все достопримѣчательное. Всюду его интересуетъ прежде всего природа, онъ тщательно отмѣчаетъ все для него новое и достойное вниманія: горныя породы, растенія; занимается охотою и рыбной ловлей; дѣлаетъ метеорологическія наблюденія [8]); всюду близко сходится съ народомъ, ночуетъ въ курныхъ избахъ далматинскихъ поселянъ, наблюдаетъ всѣ мелочи быта ихъ, восхищается безкорыстіемъ и рѣдкимъ гостепріимствомъ далматинцевъ, красотой ихъ женщинъ, благородствомъ ихъ и радуется, что тутъ, въ колыбели польскаго народа, сохранились эти высокія черты славянскаго характера [9]). Въ городахъ, въ монастырскихъ библіотекахъ и частныхъ собраніяхъ онъ разсматриваетъ книги, рукописи, памятники классической древности; при этомъ онъ возму-

---

Архипелагъ. „Отлагая къ иному времени описаніе дальнѣйшихъ своихъ путешествій, нынѣ издаетъ онъ только славянское и во второй части обѣщаетъ свѣдѣнія о словесности Славянъ, нравахъ ихъ, минералогіи и пр.“ Перваго изданія „Путешествія“ мы не имѣли подъ рукой.

[1]) „Miałem przed sobą podróż nową, rzadko odbywaną i we wszystkich szczegółach niebezpieczną“, говоритъ онъ. Podróże, str. 8—9.

[2]) Ibid., p. 89.

[3]) Ibid., p. 128.

[4]) Ibid., p. 45.

[5]) Ibid., p. 80.

[6]) Ibid., p. 21, 29.

[7]) Ibid., p. 85.

[8]) Ibid., p. 165.

[9]) Ibid., p. 114.

щается варварскимъ отношеніемъ населенія къ римскимъ надгробнымъ памятникамъ, попадающимъ въ хлѣбныя печи; покупаетъ старинныя монеты, народные костюмы [1]), находя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большое сходство между костюмомъ далматинцевъ и поляковъ [2]).

Маршрутъ путешествія Сапѣги, насколько можно прослѣдить по письмамъ его, былъ слѣдующій.

Изъ Тріеста [3]) черезъ Ровиньо и съ заѣздомъ на о. Бріони и въ Полу, Сапѣга прибылъ въ Рѣку (Fiume). Дальнѣйшій путь онъ продолжаетъ отсюда съ русскимъ консуломъ Мелиссино; посѣщаетъ Бакаръ, Порторе, о. Кркъ (Veglia), гдѣ проводитъ нѣсколько дней въ разныхъ городкахъ острова (нпр., Besca), далѣе: Сень, гдѣ особенно занимаютъ его пѣсни сеньянъ [4]), островъ Arbe, гдѣ знакомится съ мѣстнымъ епископомъ (вѣроятно, Galzigna), осматриваетъ у него глаголическія рукописи и грамоты; посѣщаетъ о. Пагъ; изъ Сенья перебирается въ Задръ, гдѣ, благодаря рекомендательнымъ письмамъ, сближается съ ученымъ гр. Стратико, другомъ Фортиса, разсматриваетъ затѣмъ коллекцію произведеній античнаго искусства д-ра Даніели и пользуется здѣсь исключительнымъ гостепріимствомъ графа Борелли (dziedzica Wrany, conte di Vrana). Далѣе въ путевыхъ запискахъ Сапѣги упоминаются: о. Врана, Шибеникъ, Скрадинъ (Scardona), Сплѣтъ, монастырь Вышовацъ на островѣ рѣки Керки, монастырь св. Архангела, Бурманъ (Trojański Grad), Книнъ и источники Керки (дер. Топола), дер. Яребишъ, источники Цетины (описываетъ ихъ по Фортису, стр. 91—100), Верлика, монастырь Драговичъ, дер. Бителичъ, Бѣлобрегъ, Сень, гдѣ знакомится съ братомъ Ловрича, который сопутствуетъ ему въ экскурсіи на Гардунъ; Имоски, дер. Оточъ, Дувно, Злата, Мостаръ, Столацъ и наконецъ Дубровникъ.

---

[1]) Ibid., p. 48, 67.

[2]) Ibid., p. 128.

[3]) Въ Тріестъ, какъ видно изъ путевыхъ писемъ, Сапѣга прибылъ изъ Италіи. Дембицкій (Puławy, III, 20) утверждаетъ, что Сапѣга изъ Вѣны проѣхалъ въ Загребъ, не указывая однако, куда лежалъ его дальнѣйшій путь. Изъ приведенной выше цитаты ж. „Улій“ тоже видно, что Сапѣга былъ въ Хорватіи. Надо полагать, что, посѣтивши Штирію, Каринтію, Горицу, Сапѣга перебрался въ Италію, а оттуда вернулся въ Истрію и продолжалъ дальше свое славянское путешествіе.

[4]) Ibid., p. 33: „Muzyka ich, lubo od weliańskiej różna, niema dziczyzny morlackiego śpiewu i ma w sobie znamie polskie.“

Новая серія писемъ Сапѣги къ неизвѣстному намъ другу его начинается описаніемъ прибытія нашего путешественника въ Дубровникъ [1]). Въ виду особеннаго интереса этой, не появлявшейся въ печати, серіи писемъ мы остановимся нѣсколько дольше на обозрѣніи ихъ содержанія.

Разставшись съ дикою Босной и Герцеговиной и ея населеніемъ, привлекательнымъ своей простотой, сохранившимъ въ чистотѣ первобытныя черты свои, нашъ путешественникъ, уже знакомый съ далматинскими городами и съ ихъ сильно итальянизованнымъ населеніемъ, испорченнымъ различными сторонними, наносными вліяніями, не обѣщаетъ впредь своему другу отрадныхъ картинъ. Совершенно неожиданно у него вырывается заявленіе: „Nie znajdziesz tu przyczyny żałować, że naród, w którym się urodziłeś, żadnej z temi, które opisywać będziemy, niema wspólności rodu". Настолько пренебрежительно относится онъ къ разноплеменной смѣси, какими онъ представляетъ себѣ дубровчанъ. Они славны только въ своемъ прошломъ, но, забывши доблести своихъ отцовъ, они потеряли и связь съ ними, измѣнили своимъ предкамъ, и больно смотрѣть на ихъ нынѣшнее рабство [2]). Вотъ почему и повѣствованіе о нихъ не можетъ быть столь увлекательнымъ и отраднымъ, какъ о тѣхъ славянахъ, которые сохранились въ древней чистотѣ.

Послѣдними герцеговинскими городами на пути въ Дубровникъ были Столацъ (Stolec) и Требинье (Trebin). Перенесши въ пути множество лишеній, по едва проходимымъ горнымъ тропинкамъ, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ проводниковъ-босняковъ, самъ тоже въ боснійскомъ народномъ костюмѣ, къ которому успѣлъ уже привыкнуть, Сапѣга 17 ноября 1804 г. прибылъ въ Дубровникъ [3]).

---

[1]) Первое письмо помѣчено: „zaczęty 13-go 9-bra 1810", т. е. спустя ровно шесть лѣтъ послѣ пребыванія въ Дубровникѣ! Вѣроятно, эти письма не были закончены Сапѣгой за смертью его въ 1812 г.

[2]) „Te ludy, do których się zbliżamy, sławne z tego, czym były, nie dają postrzegaczowi tej przyjemnej ułudy, która towarzyszy uważaniu rodów, dobrodziejstwy natury jeszcze nietkniętemi udarowanych... Tu zaczynają się narody sławne z swojej przeszłości a tym bardziej spodlone, gdy się baczy na ich odrodzenie się od przodków i na ich niewolę, w której jęczą. Przywaleni z jednej strony sławą swych ojców, której, jak słaba powieka blasku, znieść nie mogą, z drugiej skażeni upodleniem, w którem pełzają, smutne z powodu porównania malują w oczach wędrownika wyobrażenie."

[3]) „Przywykły do noszenia zawoju, mimo wychowania i zwyczajów naszych, trzymanie rąk i nóg bez odzieży było mi już zwyczajnym, letkie

Необыкновенный видъ путешественника, сопровождаемаго охраной, послужилъ причиной нѣсколько неожиданнаго для него пріема русскимъ консуломъ Фонтономъ, который былъ уже предупрежденъ о предстоявшемъ прибытіи Сапѣги. Не зная его лично, Фонтонъ принялъ его за турка и, вмѣсто привѣтствія путнику, сталъ бранить своего секретаря и людей, впустившихъ къ нему въ день отправленія почты „собаку-турка".

Первымъ дѣломъ Сапѣга постарался разузнать о пріѣздѣ „своихъ людей", съ которыми онъ давно уже разстался въ Далмаціи, а также и о сотрудникѣ (współpracowniku), который былъ назначенъ ему въ помощь въ путешествіи Туринской академіей. Но о людяхъ и векселяхъ, которыхъ онъ ждалъ въ Дубровникѣ, ему ничего не удалось узнать, сотрудникъ же, нѣкій Salvadori, уже успѣлъ поссориться съ русскимъ консуломъ и искалъ покровительства у французскаго консула де Брюера, который находился въ открытой враждѣ съ русскимъ представителемъ (z legacyą moskiewską w otwartej był wojnie). Это обстоятельство сразу поставило Сапѣгу въ непріятное положеніе среди двухъ огней.

Зато дубровницкая республика, „всегда гостепріимно встрѣчавшая поляковъ", оказала рѣдкому гостю и путешественнику дружескій пріемъ: сенатъ приказалъ отвести для него помѣщеніе въ одномъ изъ монастырей (w dawnym gmachu po Jezuickim), случайно то же, въ которомъ нашелъ себѣ недавно еще пріютъ виленскій воевода кн. Карлъ Радзивиллъ во время бѣгства своего изъ отечества, и немедленно привѣтствовалъ именитаго гостя особой депутаціей изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, членовъ Совѣта (Rady). Путешественнику предложено было всякаго рода гостепріимство и содѣйствіе на время пребыванія въ Дубровникѣ.

Разбитый утомительнымъ путешествіемъ, терзаемый ужасной лихорадкой Сапѣга собирался отдохнуть и послалъ за докторомъ, но въ это время получилъ отъ Фонтона письмо,

---

tylko opanki, czyli chodaki skórzane służyły mi za obuwie, i w chodzeniu po skałach często wygody onych doznawałem. Przy tem wąsy ogromne, nóż długi i para pistoletów za pasem, długa fuzya bośniańska na plecach — to wszystko w oczach Europejczyków, choć nadgranicznych, dziwny wystawiało widok. Ja zaś z mojej strony tak byłem do tego stroju nawykł, że mnie nawet przez głowę nie przechodziło, że takowe przebranie więcej awantury, jak podróży dawało podejrzenie."

въ которомъ русскій консулъ совѣтовалъ не принимать Сальвадори до тѣхъ поръ, пока послѣдній не извинится предъ нимъ. (dopóki satysfakcyi za uchybienie mu uczynione nie zrobi). Французскій же представитель сообщалъ ему, что Сальвадори, по прибытію изъ Турина, подвергся преслѣдованіямъ Фонтона и обратился за защитой въ французское консульство. Сальвадори желалъ видѣться съ Сапѣгой. „Трудно представить себѣ всю непріятность моего положенія", вспоминаетъ Сапѣга. „Я проклиналъ тотъ моментъ, когда я въѣхалъ въ Дубровникъ, и предвидѣлъ въ будущемъ, всяческія непріятности и полную безпомощность". Своего помощника, рекомендованнаго ему туринскими друзьями, Сапѣга вовсе не зналъ, но полагался вполнѣ на отзывы ихъ; между тѣмъ въ Дубровникѣ въ докторѣ Сальвадори усмотрѣли французскаго эмиссара, и это подозрѣніе Фонтона создало для Сапѣги весьма щекотливое положеніе. „Могу признаться, — говоритъ онъ, — что, не взирая на всю любезность, которую я испытывалъ, какъ со стороны самихъ рагузинцевъ, такъ и со стороны русскаго и французскаго консуловъ, все мое пребываніе въ этомъ городѣ въ теченіе болѣе десяти недѣль было для меня непрерывавшейся вереницей непріятностей."

На время Сапѣга прерываетъ повѣствованіе о своихъ личныхъ дѣлахъ, чтобы познакомить своего друга съ современнымъ положеніемъ Дубровника. Слѣдующія страницы путевыхъ воспоминаній посвящены изложенію послѣднихъ лѣтъ существованія Дубровницкой республики. Онъ рисуетъ, по его выраженію, „obraz położenia miasta i stanu dogorewającej tejto Rzptej". Этотъ историческій очеркъ, написанный Сапѣгой подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго и пережитаго въ Дубровникѣ, благодаря близости автора къ руководившимъ судьбами доживавшей свои дни республики мѣстнымъ и чуждымъ силамъ, имѣетъ особенный интересъ и цѣну, какъ живое слово свидѣтеля-современника.

Сапѣга изображаетъ печальное положеніе Дубровницкой республики, на которую издавна имѣла виды Австрія, считавшая своимъ этотъ клочекъ земли, раздѣлявшій ея владѣнія въ Далмаціи отъ Боки. Пріобрѣтеніе территоріи республики было особенно важно для нея въ томъ отношеніи, что отсюда ей чрезвычайно удобно было вліять на католиковъ Босны въ интересахъ присоединенія и этой части турецкихъ владѣній, безъ которыхъ Далмація была бы только бременемъ

для нея [1]). Съ другой стороны, въ Дубровникѣ стремится утвердить свое господство и Россія: отсюда она легко могла дѣйствовать на черногорцевъ, и съ этою цѣлью держала здѣсь своихъ агентовъ. Пользуясь слабостью республики и не встрѣчая противодѣйствія со стороны ея, русскіе резиденты стали расширять свою власть и вмѣшиваться во внутреннія дѣла Дубровника [2]). Поводомъ къ такому вмѣшательству послужило ходатайство нѣсколькихъ „грековъ", т. е. православныхъ, предъ русскимъ консуломъ о содѣйствіи ихъ желанію устроить въ Дубровникѣ православную церковь. Консулъ препроводилъ эту просьбу въ Петербургъ, но дѣйствовалъ при этомъ такъ, какъ дѣйствуютъ сильные, т. е. безъ всякихъ стѣсненій (bez najmniejszej łagodności). Русскіе настояли на своемъ, не смотря на всѣ представленія сената. Церковь была торжественно открыта [3]). Съ тѣхъ поръ русскіе утвердили въ республикѣ свое самовластное вліяніе: флагъ ихъ пользовался исключительнымъ уваженіемъ, а самое ничтожное недоразумѣніе оплачивалось дорогою цѣною. Губительно отражалось на положеніи республики и постоянное соперничество Англіи и Франціи, отстаивавшихъ здѣсь свои торговые интересы. Несчастная республика, раздираемая внутренними смутами, соперничествомъ различныхъ партій, сторонниковъ той или другой европейской державы, лишенная всякихъ средствъ защиты, не имѣя никакихъ иныхъ доходовъ, и богатствъ, кромѣ тѣхъ, которыя доставляла ей торговля, должна была соглашаться на всякія условія. Каждый моментъ угрожалъ Дубровнику паденіемъ, и только безсиліе республики и ея ничтожество были ея единственной защитой. Присутствуя однажды при пріемѣ англійской депу-

---

[1]) „Widząc zaś z położenia miejsc, że posiadanie Dalmacyi, bez opanowania Bossyni, jest tylko ciężarem, znajdowała w Raguzie punkt najwygodniejszy do utrzymywania porozumień swoich z katolikami w tym kraju, nie cierpiącemi jarzma tureckiego. Znajdowała tamże także łatwość wglądania we wszystkie roboty i związki przez Moskwę za pomocą religii Greckiej skojarzone i utrzymywane. Co tym bardziej ten dwór trwożyło, im bardziej widziano w tym kraju przewyższającą liczbę sektatorów Phociusza."

[2]) „Korzystając ze słabości Dubrowczanów ministrowie Ruscy nad tą niemocną Rzptą zwykłą, jak dawniej u nas, rozpościerali władzę, i tym może przykrzejszą, im mniejszej doznawali sprzeczności."

[3]) „Publiczne modlitwy za zdrowie Imperatora odbyte z oklaskami zostały, aby dadź poznać reszcie Europy, jak w krajach najbardziej oddalonych srzedziny swojej potęgi szanowane są jego rozkazy, i do jakiego stopnia jest stróżem i obrońcą wiary, którą panuje."

тацiи, посланной адмираломъ съ эскадры и требовавшей недопущенія въ дубровницкія гавани французскаго флага, Сапѣга слышалъ, какъ ректоръ республики оправдывался: „Signori, siamo piccoli, siamo poveri, non abbiamo ni sua armata, ma ciascun che verra da noi vincere va tutta l'assistenza possibile.“ Черезъ нѣсколько дней прибылъ французскій фрегатъ съ подобнымъ же требованіемъ — и послѣдовалъ такой же отвѣтъ!

Въ этой слабости и ничтожествѣ политическаго значенія республики скрывались и причины тѣхъ непріятностей, которыя пришлось испытать здѣсь нашему путешественнику.

Эти историческія справки и разсужденія Сапѣги свидѣтельствуютъ о недюжинномъ его политическомъ образованіи, а точность передаваемаго имъ о добросовѣстномъ и внимательномъ отношеніи къ изучаемымъ вопросамъ [1])

Очевидно, онъ былъ весьма хорошо освѣдомленъ о дубровницкихъ дѣлахъ и своею близостью какъ къ властямъ республики, такъ и къ иностраннымъ представителямъ въ Дубровникѣ пользовался для собранія надежныхъ свѣдѣній о положеніи его.

Послѣ такой характеристики современнаго ему состоянія республики Сапѣга возвращается къ повѣствованію о своихъ личныхъ дѣлахъ и приключеніяхъ. Разставшись послѣ множества непріятностей съ Сальвадори, грозившимъ русскому представителю пистолетами, Сапѣга наконецъ успокоился и могъ заняться болѣе сосредоточенно своимъ дѣломъ. Онъ близко сошелся теперь съ Фонтономъ, въ домѣ котораго проводилъ все свободное время; особенно пріятное впечатлѣніе производила жена консула, молодая и красивая дама (bardzo nadobna Moskiewka). О самомъ Фонтонѣ, какъ дипломатѣ, онъ отзывается не особенно лестно: съ добрымъ сердцемъ онъ соединялъ удивительное умѣніе перессорить всѣхъ и никого не оставить въ покоѣ изъ числа лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла; съ французскимъ консуломъ Брюеромъ (Bruyere) онъ велъ постоянную войну, но тѣмъ не менѣе уважалъ сего почтеннаго старца, какъ отца.

Съ послѣднимъ Сапѣга былъ тоже въ дружескихъ отношеніяхъ. Брюеръ часто приглашалъ его къ себѣ, но крайняя

[1]) Ср. Jireček K., Dubrovnické poselství k císařovně Kateřině II, Praha, 1903, гдѣ представлена характеристика положенія Дубровника въ концѣ XVIII ст. и началѣ XIX.

подозрительность Фонтона (na którego dyskrecyą byłem oddany) не позволяла ему часто пользоваться обществомъ французскаго консула. Сапѣга разсказываетъ объ одной дикой выходкѣ Фонтона, наблюдавшаго за каждымъ шагомъ его. Брюеръ пригласилъ однажды Сапѣгу къ себѣ обѣдать въ загородную свою виллу. Сильный ливень заставилъ хозяина оставить гостя на ночь. Но едва всѣ въ домѣ улеглись, какъ кто-то сталъ усиленно ломиться въ домъ. Оказалось, что это былъ секретарь русскаго консула, явившійся съ письмомъ, въ которомъ Фонтонъ угрожалъ донести на Сапѣгу своему двору, какъ на французскаго эмиссара, если онъ немедленно не явится къ нему. „Я рѣшилъ не возвращаться въ городъ и отказаться отъ столь стѣсняющей мою независимость опеки, но убѣжденія французскаго консула заставили меня одѣться и выйти въ ужаснѣшій ливень.“ Чтобы уразумѣть всю нелѣпость этого поступка, надо имѣть въ виду, говоритъ Сапѣга, что Фонтону пришлось экстренно, среди ночи созвать засѣданіе совѣта (Rady), такъ какъ городскія ворота на ночь запирались, и ключъ отъ нихъ хранился у ректора республики.

Послѣднія строки этого письма посвящены сыну консула, извѣстному дубровницкому поэту Марку Брюеровичу. Это былъ, по словамъ Сапѣги, человѣкъ чрезвычайно остроумный, прекрасно владѣвшій „славянскимъ языкомъ“ (posiadał język sławiański, jak rodowity Morlach), хорошо знакомый съ литературой Дубровника, изящно, со вкусомъ переводившій произведенія ея на итальянскій языкъ [1]). Сапѣга рисуетъ его бѣдственное положеніе. Противъ воли отца онъ женился на простой боснячкѣ изъ Травника. Отецъ первоначально не зналъ ничего о его женитьбѣ, и можно представить себѣ возмущеніе бывшаго вельможи двора Людовика XV, когда его сноха на первомъ же пріемѣ въ домѣ его вскочила съ ногами на диванъ и весь обѣдъ съѣла при помощи пальцевъ. Вскорѣ она умерла въ чахоткѣ. Молодой Брюеръ мужественно переносилъ удары судьбы; не взирая на скудныя свои средства, онъ доставлялъ женѣ все

---

[1]) О близости Сапѣги къ Брюеровичу свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что поэтъ написалъ въ честь Сапѣги оду („Knezu Zapjehi“), въ которой проситъ его не подвергать себя опасностямъ странствованій, а лучше остаться въ Дубровникѣ, гдѣ онъ найдетъ все, необходимое для его занятій, и „столь любезную ляхамъ свободу“.

необходимое, ухаживалъ за нею и за дѣтьми и не покидалъ въ то же время пера [1]).

Обѣщая дать въ слѣдующихъ своихъ письмахъ очеркъ (rys) дубровницкой общественной жизни, Сапѣга предупреждаетъ своего друга, что для этого ему необходимо пробыть дольше въ Дубровникѣ: „Społeczność narodowców nie może bydź dokładnie opisaną tylko po dłuższem z niemi obcowaniu!“

Второе письмо въ значительной части посвящено краткому историческому очерку дубровницкой республики. Судьбы Дубровника изложены въ немъ сжато, но достаточно ясно; всѣ важнѣйшіе факты дубровницкой исторіи переданы вѣрно по имѣвшимся у Сапѣги подъ рукою книгамъ или съ чужихъ словъ. Онъ знаетъ при этомъ, что Рагуза у поляковъ уже во времена Сигизмунда I была извѣстна подъ именемъ Дубровника и ссылается на Гурницкаго. Имя это показываетъ, что городъ былъ основанъ среди лѣсовъ и дубравъ [2]). Не останавливаясь на этомъ очеркѣ исторіи Дубровника, мы отмѣтимъ лишь взглядъ нашего путешественника на причины, угрожающія республикѣ окончательнымъ упадкомъ. Сапѣга ясно предвидитъ надвигающуюся грозу. Ужасное землетрясеніе 1667 года повлекло за собою неисчислимыя бѣдствія для республики. Прежде всего расшатано было ея матеріальное благосостояніе, а къ этому присоединились и другія причины — „тѣ же, которыя предшествовали паденію венеціанской республики“. Свободная республика должна была опираться на силы народа, въ немъ искать опоры своему могуществу. „Cóż bowiem jest wolność, nie wsparta na żadnej obronie, ani na siłach narodowych?“ спрашиваетъ Сапѣга. „Jest to tylko czcze nazwisko, tyle dobrego krajowcom przynoszące, ile zrzuconym z tronu mocarzom tytuł próżny i pamięć straconej wielkości“. Но Дубровникъ пренебрегалъ народомъ. Лишенная всякихъ средствъ защиты, республика существовала спокойно подъ покровомъ

[1]) „Nic nie było dziwnego widzieć go w jednej godzinie odę wierszem składającego, bulion dla żony gotującego i wszystkie swych małoletnich dzieci potrzeby opatrującego.“

[2]) Интересно собственное доказательство Сапѣги въ пользу этого объясненія: „Ja sam w częstych przechadzkach moich koło tego miasta, zaraz za bramą jego Płocia zwaną znalazłem w tuffie wapiennym jak najpiękniejsze wyciski bukowych liściów, których teraz ledwo o sześć mil wgłąb kraju znaleźć można“.

Венеціи, но Венеція пала, и теперь всѣ удары насилія будутъ направляться на Дубровникъ, и всѣ будутъ притѣснять его. „Ten jest teraz biedny stan i konanie tej Rzptej“!

Переходя къ описанію современной жизни Дубровника, Сапѣга останавливается прежде всего на торговлѣ республики. Изъ 20 тысячъ населенія ея значительная часть живетъ на корабляхъ, занимаясь перевозкой товаровъ, — особенно хлѣба (zboża polskiego) изъ Одессы въ Испанію. Дубровницкія суда это, по выраженію Сапѣги, дилижансы Средиземнаго моря и Адріатики. Аристократы дубровницкіе — хорошо воспитанные и образованные люди. Изъ числа своихъ знакомыхъ Сапѣга называетъ богача Антона Сорго, сенатора Baselli, зятя знаменитаго минералога Борна, священника Zamagna, извѣстнаго переводчика Гомера на латинскій языкъ; наконецъ, писателя Ферича. О дубровницкихъ дамахъ онъ отзывается пренебрежительно: ни красотой, ни по своему образованію они не могутъ равняться мужчинамъ и не заслуживаютъ вниманія путешественника [1]).

Третье письмо изъ Дубровника посвящено описанію встрѣчи со своими людьми, прибывшими благополучно въ гавань, и приготовленіямъ къ отплытію въ Турцію [2]).

Выждавши попутнаго вѣтра и запасшись у Фонтона русскимъ паспортомъ, Сапѣга пустился въ путь, но вскорѣ вернулся обратно въ Дубровникъ, вслѣдствіе неблагопріятной погоды („Już mieliśmy Cattaro w tyle i do pobrzeżów Albańskich zbliżaliśmy się...“). Путники высадились въ гавани Calamotta. „Не особенно хотѣлось мнѣ, повѣствуетъ Сапѣга, возвращаться въ Дубровникъ, гдѣ меня ожидали новыя непріятности, кромѣ насмѣшекъ друзей моихъ, совѣта которыхъ я не послушалъ. Но спустя два дня, которые я провелъ на охотѣ, нагруженный дичью, я совершилъ свой въѣздъ въ Дубровникъ.“ Пришлось по необходимости провести здѣсь праздники Рождества, въ ожиданіи, что съ новымъ годомъ подуетъ благопріятный вѣтеръ. Сапѣга возвращается еще разъ къ описанію города, его мѣстоположенія, занимаемой имъ и портомъ площади, описываетъ крѣпость (смѣется, что пушки въ ней „więcej dla postrachu,

---

[1]) Ср. В. Макушевъ, Изслѣд. объ истор. пам., стр. 41.

[2]) Расчитывая прибыть въ Константинополь недѣли черезъ четыре, Сапѣга пространствовалъ больше четырехъ мѣсяцевъ (ledwo piątego miesiąca do Stambułu przybyłem), пока достигъ цѣли.

jak dla obrony"), болѣе достопримѣчательныя зданія, предмѣстья Дубровника (Ploče, Pile), casina, или виллы (dworki) зажиточныхъ гражданъ [1]), Гружъ, Омблу и т. д.

О внутреннемъ строѣ Дубровника Сапѣга говоритъ особенно подробно, и всѣ его сообщенія достаточно точны и достовѣрны. Государственное устройство Дубровника было заимствовано изъ Венеціи. Сапѣга отмѣчаетъ, какъ наиболѣе характерную черту строя республики, строго аристократическій образъ правленія [2]). Каждый изъ патриціевъ (szlachcic) по достиженіи 18 лѣтъ, становится членомъ Большого Совѣта (Wielka Rada, т. е. Majus seu Generale Consilium, Consiglio Maggiore); Совѣтъ избираетъ ежемѣсячно ректора (Naczelnika Rzptej), утверждаетъ законы, издаетъ смертные приговоры, избираетъ Сенатъ. Сенатъ состоитъ изъ 45 лицъ; онъ заключаетъ миръ, налагаетъ подати, замѣняетъ собою кассаціонный судъ, отправляетъ посольства и т. д. Малый Совѣтъ (Rada mniejsza, т. е. Consilium Minus, Consiglio Minore) состоитъ изъ семи сенаторовъ и т. д. [3]). Дубровницкая республика, заключаетъ Сапѣга, какъ видно изъ краткаго описанія ея строя, имѣла, такимъ образомъ, тотъ же недостатокъ, какъ и всѣ другія, въ которыхъ излишняя боязнь, чтобы кто-либо изъ гражданъ не злоупотребилъ ввѣренной ему властью, подчиняла себѣ благо всей страны.

---

[1]) „Między innemi domami wiejskiemi najpiękniejszym bydź uznałem mego przyjaciela Antoniego Sorgo."

[2]) „Rząd ich jest zupełnie arystokratycznym, i naród składa się ze szlachty, mieszczan i rzemieślników, lecz ci do Rządu nie należą... Cała władza jest w rękach szlachty."

[3]) „Rada mniejsza składa się z siedmin Senatorów, pod prezydencyą Naczelnika Rzptej. W nim jest władza wykonawcza i przyjmowanie zagranicznych posłów. Gdy ta magistratura poprzedzona przez Naczelnika Rzptej gdzie wychodzi, natenczas idzie przed niemi muzyka i 24 woźnych pałacowych w czerwonych togach, którzy są nazwani po Sławiańsku Zdury (sic). Lecz za mojej bytności pompa ta kończyła się na dwóch piszczących klarinetach, nie lepszych od tych, którycheśmy widzieli dawniej w miastach naszych trybunalskich poprzedzać dobrze rozochoconych deputatów." Ср. Макушевъ, op. cit., стр. 11. О ректорѣ (Przeor, Hrabia, na końcu — Rektor) республики Сапѣга между прочимъ сообщаетъ: „Władysław Jagiellończyk, nasz Król, dał był temu urzędowi przywilej noszenia łańcucha złotego i tytuł Archi-Rektora. Ale szlachta zazdrośna swojich przywilejów sprzeciwiła się temu, i w ten czas tylko wkładają na niego ten łańcuch, gdy przypadkiem w urzędowaniu swoim umrze".

О характерѣ дубровчанъ путешественникъ отзывается вообще съ похвалой [1]). Они отличаются необыкновеннымъ гостепріимствомъ. „Trudno znaleźć na świecie miejsca, gdzieby podróżny był lepiej przyjętym, i gdzieby gościnność bardziej kwitnęła“, говоритъ Сапѣга. Общая черта населенія Дубровника — любовь къ веселью: они любятъ попировать, а въ простонародьѣ пирушка сопровождается еще пѣньемъ. Одну изъ такихъ застольныхъ пѣсенъ Сапѣга сообщаетъ въ своемъ письмѣ:

„Na pečenje svi udrimo
I skrušimo sve do kosti,
A najposlje napijmo
Gospodaru, ki nas gosti.
A ti, kako si draga (Obracając się do gospodyni),
Budi nam blaga.“

Онъ описываетъ и нѣкоторые, достойные вниманія обычаи дубровчанъ, напр., при отъѣздѣ въ дальній путь [2]), при погребеніи; вспоминаетъ о существованіи въ прежнее время плакальщицъ (po sławiańsku płakawice zwane); знакомитъ своего друга съ жизнью и играми (нпр., купальскіе огни) молодежи, особенно восхищаясь обычаемъ колядовать на новый годъ [3]).

---

[1]) „O charakterze Raguzańczyków nic szczególnego powiedzieć nie można. Naród ten, złożony po większej części z Sławian zwłoszonych, przez ustawiczność handlu wszystkich miast kupczących musiał przejąć postać. Jednakowo mimo ustawicznego z cudzoziemcami przestawania, widać w nich krew Sławiańską, i to jedyne jest nakoniec miasto, gdzie litteratura Sławiańska w mniejszem zostaje opuszczeniu, i gdzie mimo wszelkich cudzoziemszczyzn znajduje się jeszcze ślad charakteru narodowego.“

[2]) „Kiedy kto odjeżdża w daleką drogę, wszyscy jego znajomi i przyjaciele, życząc mu pomyślnej podróży posyłają głowy cukru, i gdy go odprowadzają do portu, znajome mu kobiety rzucają z okien na niego ziarnem i liściami oliwnemi. To wkłada obowiązek przywiezienia nazad gościńca.“

[3]) „W całej Polszcze niemasz tyle kolęd na Nowy Rok, jak w Raguzie. Ale te nie tak lada jakim, jak u nas, odbywają się sposobem. U nas pospolicie zwyczaj ten, przez łakomstwo i próżniactwo utrzymany, zostawiony jest tylko pospolstwu; tam przeciwnie zbierają się przyjaciele bez braku urodzenia, układają pieśń na pochwałę, lub przedrwiewanie osoby, dla której tę kolędę sprawują, i te płody wesołości są najczęściej tworami dowcipu i smaku. Za mojej bytności kolędowany byłem przez Antoniego Sorgę i Marka Bruyèra i zaręczam, że najgładszym naszym piórom kolęda ta nie zrobiłaby wstydu. Taka kolęda kończy się pospolicie na wieczerzy, danej kosztem chwalonego lub wyśmianego temi pieśniami. Ten zwyczaj powtarza się także w wilję imienin każdego, i przy tem ciasta i cukry sobie posyłają.“

Онъ желалъ бы познакомить еще своего друга и съ знаменитыми представителями дубровницкой литературы, но откладываетъ такой обзоръ на самый конецъ описанія своего путешествія [1]). Въ этомъ письмѣ онъ даетъ зато много мѣста описанію (dla dopełnienia obrazu tamecznych zwyczajów) торжественнаго въ жизни Дубровника дня св. Влаха, такъ какъ самъ былъ участникомъ всѣхъ торжествъ въ честь патрона республики.

Четвертое письмо посвящено уже дальнѣйшему путешествію Сапѣги. Послѣ праздниковъ онъ окончательно покинулъ Дубровникъ. Неблагопріятная погода заставила его отстояться сначала въ портѣ Molonta (przystań Raguzańska), а затѣмъ въ Malfi (o dwie mile na północ od Dubrownika). Друзья Сапѣги, узнавъ его пребываніи въ этомъ портѣ, пріѣхали за нимъ и убѣдили его еще разъ побывать въ Дубровникѣ (do czego prócz namów ich skłoniony byłem ciekawością widzenia nadchodzącej uroczystości Raguzańskiego świętego Błażeja).

Дальнѣйшее описаніе путешествія вдоль береговъ Албаніи (Сапѣга называетъ тутъ гг. Dulcigno, Budua) и Греціи не заключаетъ уже для насъ никакихъ интересныхъ страницъ. Сапѣга сообщаетъ тутъ, что онъ получилъ фирманъ отъ султана Селима III для свободнаго проѣзда въ Константинополь и М. Азію, а также на острова Родосъ, Хіосъ, Паросъ и др., въ сопровожденіи четырехъ слугъ. Эта часть описанія осталась однако тоже не оконченной.

Таковы результаты наблюденій и изученій Сапѣги, насколько они касались прошлаго и, главнымъ образомъ, современнаго ему положенія дубровницкой республики, быта ея жителей, внутренняго строя и т. д. Въ общемъ, какъ мы видѣли, эти наблюденія Сапѣги отличаются однимъ драгоцѣннымъ качествомъ: достовѣрностью. Нашъ путешественникъ описываетъ только то, что̀ онъ видѣлъ, чему былъ свидѣтелемъ, въ чемъ самъ принималъ участіе; онъ не уклоняется нигдѣ отъ этого пути и къ своей роли простого повѣствователя относится чрезвычайно добросовѣстно, считая своею обязанностью предварительно хорошо ознакомиться

[1]) „Lubo by tu było miejsce wspomnić o ludziach sławnych w litteraturze Sławiańskiej, których wydała Raguza, jednak zostawuję onych wyliczenie do zakończenia moich Podróż, do których przyłączę krótkie wyobrażenie litteratury Sławiańskiej.“ Если такой очеркъ литературной исторіи Дубровника былъ дѣйствительно сдѣланъ кн. Сапѣгой, то слѣдуетъ пожалѣть, что о немъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

съ тѣмъ, о чемъ будетъ разсказывать. Мы видѣли, что и историческія замѣчанія Сапѣги о Дубровникѣ не заключаютъ въ себѣ никакихъ грубыхъ промаховъ: онъ, несомнѣнно, при этомъ пользовался надежными пособіями или указаніями образованныхъ дубровчанъ. Фантастическія сопоставленія его, въ родѣ Polacy и Morlacy — полевые и морскіе ляхи, не умаляютъ общихъ достоинствъ простого и непритязательнаго разсказа о видѣнномъ имъ на славянскомъ югѣ. Сапѣга не былъ славянскимъ филологомъ, и такія фантазіи ему прощаются, тѣмъ болѣе, что ими грѣшили и въ его время, и много позже и спеціалисты in slavicis. Натуралистъ-наблюдатель и коллекціонеръ, Сапѣга стремился въ неизслѣдованныя въ отношеніи естественныхъ богатствъ славянскія земли Адріатики для изученія ихъ природы; то, что онъ сообщаетъ о населеніи этихъ областей, о его бытѣ, слѣдуетъ разсматривать лишь какъ попутныя наблюденія любознательнаго путешественника, обращавшаго вниманіе на все новое, при этомъ родственное и дорогое его славянскому чувству. Нельзя, конечно, сопоставлять путешествія его съ ученымъ путешествіемъ ближайшихъ славянскихъ паломниковъ Бобровскаго и Кухарскаго, имѣвшихъ извѣстныя программы, преслѣдовавшихъ спеціальныя задачи, при этомъ въ извѣстной степени къ осуществленію такихъ задачъ подготовленныхъ. „Универсальность“ наблюденій Сапѣги, которая можетъ казаться достоинствомъ, въ сущности истекала изъ отсутствія строго опредѣленной программы, единой цѣли путешествія [1]). Молодой, энергичный и талантливый путешественникъ слишкомъ разбросался въ своихъ наблюденіяхъ и въ результатѣ далъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать отъ него. Прекрасно образованный, обладавшій живымъ политическимъ умомъ, Сапѣга удивительно вѣрно схватывалъ общія черты государственной жизни Дубровника и предвидѣлъ надвигавшуюся на республику грозу. Родовитое происхожденіе и образованіе открыли ему широкій доступъ въ замкнутые аристократическіе круги Дубровника, сблизили его съ государственными и общественными дѣятелями, создали вообще рѣдкія благопріятныя условія для знакомства съ жизнью республики.

[1]) „Njegova osebujnost očituje se u univerzalnosti, koju ne nalazimo ni kod Kucharskoga, ni kod Bobrowskoga“, говоритъ о немъ Г. Глюкъ въ замѣткѣ „Rukopisi Osmana u Poljskoj“, въ газ. Hrvatska, 1904, май. То же въ ж. Świat Słowiański, II, 1906, str. 27.

„Путешествіе“ Сапѣги есть одно изъ наиболѣе раннихъ описаній, посвященныхъ соплеменникомъ адріатическимъ славянамъ и ближайшимъ сосѣдямъ ихъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ. Въ славянскихъ путешествіяхъ вообще и польскихъ ученыхъ описаніяхъ славянства въ частности книгѣ его принадлежитъ почетное мѣсто [1]).

Мы привели выше одно, впрочемъ, недостаточно ясное, указаніе на тѣ побужденія, которыя заставили Сапѣгу предпринять путешествіе на славянскій югъ. Повидимому, были и другія побудительныя причины для этой поѣздки. Путешествіе, какъ можно полагать, задумано было не безъ вліянія кн. А. Чарторыскаго, съ которымъ Сапѣгу связывали тѣсныя родственныя отношенія [2]). Славянскія симпатіи кн. Чарторыскаго, его живой, непрестанный интересъ къ славянству могли передаться и кн. Сапѣгѣ. Если при этомъ вспомнимъ еще, что Сапѣга, раньше чѣмъ начать свое путешествіе, побывалъ въ Вѣнѣ, гдѣ вошелъ въ кругъ ученыхъ, съ Линде во главѣ группировавшихся вокругъ гр. Оссолинскаго, то для насъ ясно будетъ, какъ могъ зародиться и созрѣть планъ этого замѣчательнаго славянскаго путешествія. Въ кругу Оссолинскаго, гдѣ бывали и разные славянскіе ученые, Сапѣга могъ получить особенно цѣнныя указанія и наставленія. Въ этой связи путешествія Сапѣги съ различными учеными проектами кн. Чарторыскаго и гр. Оссолинскаго насъ можетъ убѣдить и еще одно соображеніе. Кн. Сапѣга во время пребыванія въ славянскихъ земляхъ собиралъ книги и рукописи и, между прочимъ, пріобрѣлъ какую-то рукопись „Османа“ [3]). Возможно, что этимъ собираніемъ онъ занялся именно по совѣту или по просьбѣ

---

[1]) „Jest to pierwsze studyum etnograficzne i obyczajowe, jakie posiadamy w literaturze polskiej o naszych współplemieńcach nad Adryatykem i u stoku Bałkanów. Dziś jeszcze nie straciła na wartości i znaczeniu ta książka“, справедливо говоритъ о ней Dębicki, Puławy, III, str. 19.

[2]) Ср. Dębicki, Puławy, III, str. 20: „Ks. Sapiehę łączyła ścisła zażyłość z Puławami, którą utrwaliło małżeństwo Adama Czartoryskiego z jedynaczką Anną Sapieżanką“.

[3]) Въ разборѣ труда В. Раковецкаго „Prawda Ruska“, въ Jahrb. d. Lit., 1824, Bd. XXVII, 97, Добровскій свидѣтельствуетъ, быть можетъ, на основаніи чьихъ-либо сообщеній, что Сапѣга въ своемъ путешествіи „slawische Manuscripte mit Mühe, Kosten und Gefahr sammelte“. Упоминаніе объ этомъ есть, впрочемъ, и у Раковецкаго, I, 249. Собранныя книги и рукописи Сапѣга передалъ (см. предисловіе К. Туровскаго къ изд. 1856 г.) варшавскому Tow. Prz. Nauk.

и порученію Чарторыскаго и Оссолинскаго. Къ сожалѣнію, о результатахъ этой дѣятельности Сапѣги мы ничего не знаемъ. Быть можетъ, впослѣдствіи кн. Чарторыскій потому и направлялъ столь настойчиво молодого виленскаго богослова Бобровскаго въ Далмацію, что у него имѣлись уже нѣкоторыя данныя относительно матеріаловъ далматинскихъ библіотекъ и архивовъ по занимавшимъ его вопросамъ. Интересно, что Чарторыскій въ одномъ изъ писемъ къ Бобровскому совѣтуетъ ему познакомиться съ свящ. Феричемъ, съ которымъ былъ знакомъ и Сапѣга [1]), а въ числѣ порученій, данныхъ Бобровскому, было и собираніе произведеній народнаго творчества далматинцевъ, которымъ занимался и его предшественникъ, записывавшій не только тексты славянскихъ пѣсенъ, но и напѣвы ихъ.

[1]) Приложенія, стр. LVI.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ИЗУЧЕНІЕ ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА. С. Б. ЛИНДЕ. Г. С. БАНДТКЕ. ПЕРВЫЕ САНСКРИТОЛОГИ. В. СКОРОХОДЪ МАЕВСКІЙ.

Программа ученой дѣятельности варшавскаго Общества друзей наукъ, какъ мы отмѣтили выше, отводила видное мѣсто изученіямъ лингвистическимъ, при чемъ преимущественное вниманіе обращала на языкъ польскій и родственные ему славянскіе языки. Изученіе послѣднихъ признавалось единодушно непремѣннымъ условіемъ и гарантіей успѣшной разработки вопросовъ въ области языкознанія спеціально польскаго. Эта связь и тѣсная зависимость между тѣми и другими работами была для всѣхъ, кто посвящалъ себя имъ, вполнѣ очевидной.

Заботы о сохраненіи польскаго языка, его совершенствованіе въ отношеніи литературномъ и утвержденіе его грамматическихъ нормъ требовали прежде всего опредѣленія того матеріала, который подлежалъ изученію и обработкѣ. Вотъ почему Общество друзей наукъ съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности заботится о собраніи лексикальнаго богатства польскаго языка и привѣтствуетъ планъ изданія словаря Линде съ живѣйшимъ сочувствіемъ, какъ идею вполнѣ отвѣчающую основнымъ стремленіямъ Общества. Мы не можемъ съ точностью опредѣлить отношеніе проекта Линде къ предположеніямъ Общества, насколько планъ словаря польскаго языка, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ осуществился, возникъ у Линде самостоятельно, но для насъ несомнѣнно одно: первоначальный планъ Линде, какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ, былъ весьма скроменъ, и только

подъ вліяніемъ совѣтовъ ближайшихъ друзей и покровителей, а также и желаній, высказанныхъ ими, Линде расширилъ свою программу. Вліяніе научныхъ проектовъ Общества друзей наукъ, имѣвшаго всегда въ виду, какъ образецъ работы по изученію языка, итальянскій словарь академіи della Crusca и знаменитый словарь французской академіи, на расширеніе первоначальнаго проекта Линде едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Линде своимъ проектомъ вышелъ на встрѣчу завѣтной мечтѣ Общества, нашелъ въ немъ сочувствіе и поддержку просвѣщенныхъ членовъ его и рука объ руку съ ними завершилъ свое грандіозное предпріятіе.

Остановимся на важнѣйшихъ біографическихъ данныхъ этого замѣчательнаго славянскаго лексикографа.

Самуилъ Богумилъ (или Teofil, по-нѣм.: Gottlieb) Линде родился въ Торнѣ въ 1771 г. [1]). Отецъ его былъ выходцемъ

---

[1]) До настоящаго времени въ польской литературѣ нѣтъ еще полной біографіи Линде, исчерпывающей всѣ стороны ученой и общественной дѣятельности его. Кромѣ наиболѣе ранняго біографическаго очерка „Samuel Gottlieb Linde", принадлежащаго перу П. И. Кеппена, въ ж. Jahrbücher d. Lit., Anzeige-Blatt, XXIII Bd., Wien, 1823, мы можемъ отмѣтить еще два очерка И. Паплонскаго въ ж. Москвитянинъ, 1842, ч. VI, кн. XI, 97—115 и 1854, № 5, 20 и 21: „О трудахъ Линде. Письмо изъ Варшавы". Ср. еще его замѣчанія въ Русской Бесѣдѣ, 1856, кн. III, 38 (обозрѣніе). О смерти Линде и оставшихся послѣ него трудахъ см. письмо Адама Плеве въ Москвитянинѣ, 1847, ч. II, 159. Въ ж. Финскій Вѣстникъ, 1847, XXIII, смѣсь, стр. 34—42, очеркъ: „Самуилъ Готлибъ Линде". Очеркомъ Кеппена воспользовался (до 1823 г.) E. Saint-Maurice Cabany въ „Notice nécrologique sur Samuel Théophile de Linde, célèbre lexicographe Polonais, mort a Varsovie en août 1847." (Extrait du Nécrologe Universel du XIX-e siécle). Paris. 1852. Посвящ. кн. А. Чарторыскому. Съ портр. Линде, 30 стр. На польскомъ языкѣ Паплонскій написалъ очеркъ ученой дѣятельности Линде къ столѣтней годовщинѣ рожденія его въ ж. Kłosy, 1871, T. XII, 268, 282; слабѣе юбилейная статья Ioc. Пржиборовскаго въ ж. Tygodnik Illustr., 1871, VII, 261, 280. Много цѣнныхъ данныхъ заключаетъ „Zdanie sprawy z całego ciągu pracy", приложенное Линде къ послѣднему тому Словаря; во второмъ изданіи его (1854) А. Бѣлевскій помѣстилъ біографію Линде, написанную на основаніи матеріаловъ, поступившихъ въ библіотеку Оссолинскихъ. Для исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни и ученой дѣятельности Линде имѣется пока весьма немного матеріала. До сихъ поръ еще не издана вся переписка его, а она была обширна. Кромѣ писемъ Добровскаго и Ганки къ Линде, вошедшихъ въ изданіе акад. И. В. Ягича, Источники для исторіи славянской филологіи, т. I и II, изданы были еще: взаимныя письма Линде и А. С. Шишкова въ „Запискахъ, мнѣніяхъ и перепискѣ А. С. Шишкова", т. II, 361—365, два письма Линде къ Пуркине (1839 г.) въ ж. Slovanský Sborník (Эд. Іелинка), 1886, стр. 82. Значительную часть

изъ Швеціи (изъ Далекарліи). Первоначальное образованіе онъ получилъ въ родномъ городѣ, подъ руководствомъ знаменитаго тогда ректора школъ Hege, а затѣмъ тамъ же прошелъ курсъ гимназіи. Желая посвятить себя изученію филологіи и богословскихъ наукъ, Линде въ 1789 г. поступилъ въ лейпцигскій университетъ, гдѣ посѣщалъ лекціи профессоровъ Цезара, Платнера, Гейденрейха, Хр. Дан. Бека, Рейца, Гинденбурга, Моруса, Кейля, Розенмюллера, Дате и др. Рѣшающее вліяніе на направленіе дальнѣйшихъ занятій Линде принадлежало проф. Авг. Вильг. Эрнести, который имѣлъ случай близко узнать даровитаго студента въ домѣ пріютившаго бѣднаго юношу пастора Вейса. Убѣдившись, что Линде владѣетъ польскимъ языкомъ, Эрнести посовѣтовалъ ему выступить кандидатомъ на открывшееся со смертью Мощенскаго [1]) мѣсто „Lectoris Publici Linguae Polonicae“, причемъ самъ рекомендовалъ его на эту должность. Ходатайство Линде увѣнчалось успѣхомъ (въ 1792 г.). Вступивши на столь неожиданно открывшійся предъ нимъ путь преподавательской дѣятельности, Линде стремится пріобрѣсти высшую ученую степень и по защитѣ диссертаціи „De solatiis adversus mortis horrores in Platone et Novo Testamento obviis“ становится докторомъ. Онъ открываетъ теперь чтенія о Цицеронѣ (Quaestiones Tusculanae), разбираетъ selecta e Platone capita, ведетъ занятія по польскому языку и въ то же время исполняетъ обязанности присяжнаго переводчика при коммерческомъ судѣ.

Первые шаги Линде на литературномъ поприщѣ посвящены были переводамъ. Онъ издаетъ прежде всего пе-

---

переписки Линде (Ягеллонской библ.) издалъ Д-ръ К. И. Петеленцъ: Listy do Lindego (Aus B. Linde's Briefmappe), въ „Sprawozdaniach gimnazyum Św. Jacka w Krakowie“ за 1885—1888 гг. Изданіе крайне неудовлетворительное, безъ всякаго введенія и примѣчаній, съ курьезными самовольными исправленіями, въ родѣ „Żłobicki“, вм. Zlobický. Письма Линде къ Погодину — во II вып. изданія Н. А. Попова „Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель“ (1880), стр. 496—509. Отдѣльныя письма Линде разсѣяны въ различныхъ статьяхъ и изданіяхъ. Къ сожалѣнію, переписка его не уцѣлѣла во всей полнотѣ. Паплонскій разсказываетъ, что Линде часто, за неимѣніемъ чистой бумаги, давалъ ему для выписокъ свои письма, если въ нихъ были чистыя страницы. Такимъ путемъ нѣсколько писемъ очутилось въ рукахъ Паплонскаго; онъ сохранилъ ихъ и напечаталъ въ своей статьѣ въ ж. Kłosy, 1871.

[1]) Moszczeński Stan. († 1790), лекторъ польскаго языка въ лейпцигскомъ унив., ему принадлежитъ второе изданіе словаря Авр. Троца и нѣкоторыя историческія работы въ Acta Societ. Jablonovianae.

реводъ путешествія Микоша (Reise eines Polen nach der Türkey) и приступаетъ затѣмъ къ переводу на нѣмецкій языкъ знаменитой комедіи Нѣмцевича „Powrót posła“. Совершенно неожиданно судьба сводитъ его въ это время (1792) съ авторомъ этой комедіи, который самъ явился къ Линде, чтобы познакомиться съ нимъ. Въ это время вслѣдствіе политическихъ осложненій на родинѣ пребывали то въ Лейпцигѣ, то въ Дрезденѣ виднѣйшіе защитники и сторонники конституціи 3 мая 1791 г., среди нихъ графы Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Вейсенгофъ, Г. Коллонтай, Фр. Дмоховскій, Косцюшко и др. Нѣмцевичъ ввелъ Линде въ этотъ кругъ польскихъ патріотовъ [1]). Знакомство съ ними и чрезъ нихъ съ положеніемъ Польши еще болѣе усилило въ немъ рвеніе къ дальнѣйшему изученію польскаго языка и литературы, и подъ вліяніемъ этого круга у Линде зарождается (въ 1793 г.) впервые мысль о польскомъ словарѣ. Названные польскіе эмигранты воспользовались содѣйствіемъ Линде, между прочимъ, для изданія историко-политическаго очерка: „O ustanowieniu i upadku Konstytucyi“, который Линде перевелъ на нѣмецкій языкъ въ цѣляхъ распространенія его на Западѣ. По полученіи отъ своихъ польскихъ друзей извѣстія о первыхъ успѣхахъ возстанія Косцюшки, Линде рѣшилъ отправиться въ Варшаву, куда не безъ затрудненій прибылъ изъ Кракова весною 1794 г. и гдѣ встрѣтилъ со стороны графа Игнатія Потоцкаго и другихъ друзей сердечный пріемъ. Увлеченіе его польскимъ языкомъ и литературой еще болѣе усилилось. Общеніе съ Фр. Дмоховскимъ, въ особенности съ заслуженнымъ польскимъ филологомъ Он. Копчинскимъ оказало на него благотворное вліяніе. Подъ грохотъ пушекъ Линде спокойно работаетъ въ Варшавѣ надъ своимъ словаремъ, подготовляя обильныя выписки изъ рѣдчайшихъ польскихъ изданій находившейся тогда еще въ Варшавѣ библіотеки Залускихъ, а также и библіотеки піаристовъ [2]).

Когда 4 ноября 1794 г. Прага взята была русскими войсками, и гр. Игн. Потоцкій вступилъ въ переговоры о

---

[1]) „Żyłem w Lipsku jak w Polszcze, z Polakami dla Polski“, вспоминаетъ Линде объ этомъ времени. Słownik, VI, str. 10.

[2]) „Pomimo okropnych czasu okoliczności upodobałem sobie w Warszawie, bo w pośrod najmilszych mi przyjaciół, i mniemałem, że stolica ta Polski jedynem była miejscem, gdzie dzieło moje jeszcze nie w tak obszernych widokach przedsięwzięte mogło być najdokładniej zebrane, wypracowane i wydane.“ Słownik, VI, str. 11.

сдачѣ Варшавы, Линде, желавшій продолжать свою работу въ тишинѣ и вдали отъ военныхъ бурь, переѣхалъ, по совѣту Потоцкаго, въ Вѣну, гдѣ нашелъ въ домѣ графа Ioc. М. Оссолинскаго благосклонный пріемъ, а въ библіотекѣ его для начатой работы обиліе матеріала. Библіотека гр. Оссолинскаго въ то время была еще невелика, но заключала уже хорошій фундаментъ для того богатаго собранія, которое изъ нея образовалось впослѣдствіи [1]). Общими усиліями графа и Линде она постоянно обогащалась, при чемъ особенное вниманіе обращалось ими на достиженіе возможной полноты отдѣла польско-славянской литературы. Семь разъ по порученію Оссолинскаго [2]) Линде объѣхалъ Галицію вплоть до границы Молдавіи, разыскивая рѣдкія старопечатныя книги и рукописи, и всякій разъ возвращался съ богатой добычей. Оссолинскій пользовался этими матеріалами для своихъ историческихъ и литературныхъ изслѣдованій, Линде извлекалъ изъ нихъ многочисленные примѣры для своего польско-славянскаго словаря [3]). Для славянскихъ языковъ богатый матеріалъ дали вѣнская Придворная библіотека, библіотека университетская и др. собранія. Въ подготовительной работѣ принималъ живое участіе самъ Оссолинскій, помогая Линде различными указаніями, проводя съ нимъ цѣлые часы въ бесѣдахъ по поводу того или другого вопроса, связаннаго съ словаремъ.

Предпріятіе Линде, благодаря заботамъ великодушнаго патрона его, привлекло вниманіе и другихъ патріотовъ, любителей родного языка. Кн. Адамъ Чарторыскій, для облегченія Линде огромнаго механическаго труда по выборкѣ словъ и примѣровъ, назначилъ ему ежемѣсячную субсидію на содержаніе помощника [4]). Вообще друзья Линде съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за начинаніемъ его и съ первыхъ же шаговъ работы надъ словаремъ всячески выражали

---

[1]) „Biblioteka jego pod ów czas nie była liczna, lecz wyborowa", свидѣтельствуетъ самъ Линде. Słownik, VI, str. 11.

[2]) Słownik, VI, str. 11.

[3]) „Z tych samych dzieł zbierałeś skarby języka naszego, które w celu politycznej i literackiej historyi przebiegałem", говоритъ объ этомъ Оссолинскій въ посвященіи Линде II-го тома своихъ „Wiadomości historyczno-krytycznych".

[4]) См. посвященіе въ I т. „Stanowczym dla szczęśliwego uskutecznienia przedsięwzięcia mego był przyjazd do Wiednia X. Adama Czartoryskiego G. Z. P." Słownik, VI, 12. Со времени отъѣзда князя изъ Вѣны открывается переписка его съ Линде. Біографъ кн. Чарторыскаго сви-

свое сочувствіе этому важному дѣлу. Чацкій уже въ концѣ девяностыхъ годовъ былъ близко посвященъ въ него и въ одномъ изъ писемъ къ Линде (отъ 19 мая 1798 г.), опредѣляя огромное значеніе предпринятаго имъ труда для славянскаго языкознанія [1]), обращался къ патріотическому чувству его и какъ бы старался поддержать его въ этомъ великомъ подвигѣ: „Już nie masz Polski, zachowajmy język, jeżeli chcemy wiedzieć o naszych przodkach, jeżeli nie rumieniemu się bydź polakami. Nic nie może ugrontować ten język, jak uczony słownik, którego sposób robienia jest godny gorliwósci JP. Ossolińskiego, a twojej, Uczony Mężu, pracy."

Онъ поддерживаетъ Линде и непосредственнымъ участіемъ въ работѣ надъ словаремъ. Въ маѣ 1798 г. онъ посылаетъ въ Вѣну свои выписки на букву А и проситъ у Линде указаній относительно дальнѣйшихъ присылокъ [2]), а въ октябрѣ того же года доставляетъ ему свои словарные польскіе матеріалы на буквы В и С и подаетъ ему нѣкоторые совѣты. Кн. Чарторыскій считаетъ необходимымъ ввести въ словарь объясненіе польскихъ словъ прочими славянскими. Онъ совѣтуетъ поэтому Линде запастись словарями всѣхъ славянскихъ нарѣчій, обратиться въ Дубровникъ и выписать оттуда все, что только вышло по части мѣстнаго нарѣчія, и вообще усердно извлекать изъ славянскихъ словарей [3]);

дѣтельствуетъ: „Ułożenie Słownika języka polskiego, na wzór Słownika akademii franc., to jedna z przewodnich myśli, jaką od lat wielu pielęgnował stary ks. Czartoryski. Powraca do niej często w listach z różnej daty". Dębicki, Puławy, III, str. 55.

[1]) „Nauka języka jest zbyt ważną. Ta tworzy porozumienie między ludźmi, zawiera między naukami ścisłe przymierze i spaja tłómaczenie sposobu myślenia przodków z odleglejszych pokoleń opinią. Jeżeli któren język powinien był zastanawiać, to zapewne słowiański, gdy nim mieszkaniec nadbrzeża Adryatyckiego może przemawiać do rybaka na Lodowatym morzu..."

[2]) „Przed kilku dniami posłałem wypisy z mojej notaty do litt. A. Cel mój był inny w pisaniu. Napisałem wszystko. Wszak i banaluka dała materyały, a moja praca będzie nadgrodzoną, kiedy Wy dwaj mężowie z kilkunastu kart kilka wierszy weźmiecie. Dajcie rozkazy, jak dalej pisać mam."

[3]) „Nięodbitą sądze być potrzebą dla udoskonalenia Lexiku języka naszego, aby mieć zbiór Lexików we wszystkich dialektach słowieńskiego języka pisanych, mianowicie radziłbym pisać do Raguzy i ztamtąd sprowadzić cokolwiek tylko względem dialektu mówionego w Raguzie wyszło z druku; uczonych ludzi znajduje się mnóstwo w Raguzie i wiem, że sobie koło języka swego zadawali pracę." Письмо безъ даты, въ бумагахъ Линде. Въ другомъ мѣстѣ, по случаю пріобрѣтенія для своей библіотеки и для Линде словаря Стулли, Чарторыскій еще разъ повторялъ: „Po dia-

кромѣ того и онъ, подобно Чацкому, доставляетъ ему свои выписки и матеріалы [1]).

Десятилѣтнее пребываніе въ Вѣнѣ имѣло огромное значеніе для успѣха предпріятія Линде. Вѣна въ самомъ началѣ XIX ст., какъ и значительно позже, была центромъ, гдѣ всегда можно было встрѣтить ученыхъ представителей различныхъ славянскихъ народностей Австріи [2]), Линде завязалъ здѣсь непосредственныя сношенія съ знаменитымъ оріенталистомъ, историкомъ Дубровника и запорожскаго казачества I. Хр. Энгелемъ, съ профессоромъ чешскаго языка и секретаремъ Чешской канцеляріи Злобицкимъ, который предоставилъ къ услугамъ его свою библіотеку, съ проф. Долинаромъ, съ библіотекаремъ Терезіанума Гербицемъ (Herbiz), съ Фортунатомъ Дурихомъ, съ авторомъ „иллирійскаго" словаря Вольтиджи (Voltiggi); наконецъ въ Вѣнѣ же онъ встрѣтился и съ „главою всей славянской литературы", аббатомъ Іосифомъ Добровскимъ, къ которому всегда относился съ почтительностью ученика [3]). Черезъ Оссолинскаго онъ ведетъ переговоры относительнаго сербскаго словаря съ еп. Стратимировичемъ [4]) и др. славянами. Несмотря на кратковременное пребываніе Добровскаго въ Вѣнѣ въ 1796 г., Линде вынесъ изъ уроковъ патріарха весьма много, и о знакомствѣ съ нимъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ объ одномъ изъ счастливѣйшихъ событій своей жизни. Пребываніе въ

---

lektach słowieńskich plondrować trzeba, choć małej spodziewam się zdobyczy; tyle też nam słów brakuje, np. jakbym ja też rad był, gdybyś mógł wydobyć słowo jakie, coby wyrażało te francuskie słowo etudier, etude, niemieckie studiren, studium, co u nas ustawnie się wyraża uczyć etc."

[1]) Паплонскій утверждаетъ: „to, co w Słowniku Lindego znajdujemy od ks. Czartoryskiego z dopiskiem Mns. (manuskrypt), spisane przez niego zostało z kartek przez księcia nadsyłanych". Kłosy, XII, 1871, str. 268.

[2]) Это благопріятное условіе отмѣчалъ и авторъ рецензіи на Словарь Линде въ сербскихъ „Новинахъ" (1816 г.): „Стеченіе славянъ разныхъ нарѣчій, встрѣча съ поляками, чехами, русскими, краинцами, хорватами, сербами изъ Далмаціи и словаками изъ Угріи произвели то, что г. Линде легко было ознакомиться съ ихъ языками". Н. Петровскій, Первые годы дѣятельности В. Копитаря, стр. 622.

[3]) Słownik, VI, str. 75. Съ Копитаремъ, который прибылъ въ Вѣну спустя пять лѣтъ (1808 г.) послѣ выѣзда Линде, сношенія завязались много позже. Въ послѣсловіи къ Словарю въ 1814 г. (VI, стр. LXXXVI—LXXXVII) Линде вспоминаетъ о дружескомъ расположеніи къ нему Копитаря.

[4]) Ягичъ, Источники, II, стр. 752—753.

Вѣнѣ, — говорилъ Линде, — было для меня третьимъ въ жизни научнымъ курсомъ, а именно польско-славянскимъ [1]).

Всѣ эти знакомства и близкія, непосредственныя связи съ славянскими учеными, ихъ совѣты и желанія не могли не отразиться на дальнѣйшемъ направленіи труда Линде. Задуманный первоначально въ болѣе скромныхъ размѣрахъ („Dzieło nie w tak obszernych widokach przedsięwzięte"), словарь польскаго языка постепенно начинаетъ разростаться, получаетъ новыя очертанія, обрабатывается по новой программѣ. Вѣнскія знакомства сыграли рѣшительную роль въ исторіи словаря. Трудъ Линде охватываетъ отнынѣ все славянство, ведется, по выраженію его, „w obszerniejszym ogólnej Słowiańszczyzny zakresie". Связанный, повидимому, какимъ-то обѣщаніемъ бреславльскому книгопродавцу Корну, Линде отказывается отъ его предложенія, не желая стѣснять себя ни размѣрами словаря, ни срокомъ его изданія [2]). Въ этомъ рѣшеніи поддерживаютъ его отчасти сочувственный отзывъ Общества друзей наукъ, которому Линде представилъ часть словаря на разсмотрѣніе въ рукописи (rękopis kilku artykułów), и поощреніе Общества, избравшаго его въ свои дѣйствительные члены; отчасти побуждали его идти въ этомъ новомъ направленіи совѣты его славянскихъ ученыхъ друзей, напр., словинцевъ Япеля и Водника, настаивавшихъ на томъ, чтобы ихъ нарѣчія были въ возможной полнотѣ внесены въ словарь. Послѣ окончательнаго рѣшенія идти въ избранномъ „всеславянскомъ" направленіи, Линде печатаетъ планъ своего предпріятія въ различныхъ ученыхъ журналахъ и ведетъ переговоры объ изданіи словаря въ Вѣнѣ, полагая, что осуществить эту работу легче всего именно здѣсь, подъ покровительствомъ и при содѣйствіи гр. Оссолинскаго. Но судьба рѣшила иначе.

Въ 1801 и 1802 г. Линде рѣшился опубликовать въ печати планъ предпринятаго имъ труда. Общая идея словаря вылилась въ окончательную форму, а составленіе первыхъ частей его подвинулось, очевидно, значительно впередъ [3]). Въ проспектѣ объ изданіи словаря Линде высказалъ тѣ же

---

[1]) Słownik, VI, str. 12.

[2]) Небольшой польско-нѣмецкій словарь составляетъ затѣмъ для Корна Г. С. Бандтке.

[3]) Намъ извѣстенъ только проспектъ изданія, написанный Линде вскорѣ по переѣздѣ въ Варшаву, 25 февраля 1804 г., и напечатанный въ ж. Nowy Pamiętnik Warsz., Tom XIII, 1804, str. 209—218.

основныя мысли, которыя затѣмъ повторилъ въ нѣсколько иной формѣ во вступленіи къ I тому его. Среди европейскихъ языковъ, — говоритъ здѣсь Линде, — одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ и богатыхъ есть языкъ славянскій. Польскій языкъ есть одна изъ замѣчательныхъ вѣтвей славянщины (Słowiańszczyzny). Безъ знакомства съ нею нельзя объяснить ни происхожденія, ни значенія многихъ польскихъ словъ. Вотъ почему, желая въ этомъ отношеніи сдѣлать трудъ свой болѣе совершеннымъ, я долженъ былъ пуститься въ почти необозримое пространство славянщины. Отъ Камчатки до Эльбы, отъ Балтійскаго моря до береговъ Адріатики распространенъ одинъ языкъ, развѣтвляющійся на много отдѣльныхъ нарѣчій, которыя всѣ въ такой же степени сходны другъ съ другомъ, какъ потомство одного отца и одной матери, разсѣянное въ обширныхъ странахъ.

Полагая въ словарѣ своемъ на первомъ мѣстѣ польскій языкъ, Линде ясно сознаетъ, что рядомъ съ нимъ надо отвести мѣсто языкамъ родственнымъ, такъ какъ одни славянскіе языки въ удивительной мѣрѣ могутъ способствовать развитію и обогащенію другихъ. Всѣ извѣстные и доступные ему славянскіе словари привлечены имъ поэтому богатствами своими участвовать въ словарѣ польскаго языка. Развѣ не приличнѣй намъ, — вопрошаетъ Линде, — усвоить себѣ родственныя и братскія (pokrewne i pobratymcze) слова, чѣмъ ставить заплаты изъ словъ нѣмецкихъ или французскихъ и итальянскихъ[1])? Не говоря о той пользѣ, какую должно принести подобное заимствованіе и усвоеніе словъ изъ славянскихъ языковъ въ смыслѣ сближенія поляковъ съ другими славянами, этотъ путь окажется полезнымъ и для лингвиста въ его грамматическихъ разысканіяхъ и для историка, который займется изученіемъ древнѣйшей исторіи своего народа и пожелаетъ опредѣлить происхожденіе его и время отдѣленія отъ общаго ствола. Всеистребляющее

[1]) Совершенно тѣ же мысли по отношенію къ чехамъ повторены много позже въ Громадковыхъ „Prwotinách“, 1813, list XLVIII: „Если нѣмцы могутъ заимствовать слова изъ французскаго и англійскаго языковъ, то мы чехи имѣемъ значительно лучшій и болѣе подходящій источникъ, изъ коего пріятно черпать, — родственныя намъ славянскія нарѣчія“. Авторъ этой замѣтки совѣтуетъ чеху безъ всякихъ колебаній брать недостающее у „своихъ братьевъ славянъ“; эти заимствованія не будутъ чуждо звучать для чеха, если онъ, напримѣръ, будетъ говорить съ русскимъ „o vzduchu“ (Luft) или съ полякомъ „o zbrodni“ (böse That, Laster), ибо корни этихъ словъ проникаютъ и въ чешскую землю.

время не могло стереть всѣ слѣды единства славянскаго рода, и это „побратимство“ явно и безспорно обнаруживается еще во многомъ и въ настоящее время.

Идея Линде и начертанный имъ проектъ встрѣтили полное одобреніе друзей. Ѳ. Чацкій писалъ ему изъ Кракова (22 марта 1801 г.): „Обѣщанный словарь является важнымъ собраніемъ матеріаловъ для поддержанія языка (do utrzymania jestestwa języka), который родился на лонѣ побратимства съ славянами и совершенствовался при дворахъ королей.“ Привѣтствовавъ великое начинаніе Линде, Чацкій повторялъ далѣе общія его времени разсужденія о важности сохраненія родного языка, о необходимости „даровать ему безсмертіе“ и передать его позднѣйшимъ поколѣніямъ, какъ единственное наслѣдіе предковъ [1]).

Часть словаря уже въ 1802 г. препровождена была Линде варшавскому Обществу друзей наукъ на разсмотрѣніе. Авторитетныя замѣчанія и указанія ученой корпораціи важно было выслушать раньше, чѣмъ началось бы печатаніе словаря. Ознакомившись въ рукописи съ представленной на судъ его частью словаря (rękopis kilku artykułów), Общество высказало свои соображенія въ особой запискѣ, которая, очевидно, отправлена была Линде въ Вѣну [2]).

Синклитъ варшавскихъ ученыхъ выражалъ Линде слѣдующія свои желанія, облекая нѣкоторыя изъ нихъ въ форму наставленій и совѣтовъ.

„Сохранить языкъ въ то время, когда въ двухъ частяхъ прежней Польши онъ перестаетъ быть языкомъ общественныхъ дѣлъ, можно только сообщивши ему точныя правила, которыя способствовали бы его усовершенствованію и обособленію отъ другихъ славянскихъ нарѣчій.“ Признавая выдающуюся заслугу Линде, который, „соединяя вѣка,“ разсматриваетъ каждое слово въ его историческомъ движеніи, обнаруживаетъ богатство польскаго языка въ устахъ народа

---

[1]) „Przestał naród bydź samorządnym, lecz kiedy plemię słowianów w tej całej przestrzeni, która Karpaty od Kaukazów, Kaspijskie od Adryatyckiego morza przedziela, przetrwało tyle wstrzęśnień, tyle dłuższych lub krótszych przywłaszczeń: czemuż temu rozgałęzionemu dialektowi, w udoskonaleniu wieku Zygmuntów, nie dać, iż tak rzekę, nieśmiertelność? Czemuż te jedne nie odkazać dziedzictwo, które od przodków dla oddania późniejszym pokoleniom odebraliśmy.“

[2]) „Odezwa Towarzystwa Prz. Nauk z r. 1802 do S. B. Lindego w sprawie Słownika języka polskiego“ y Kraushara, op. cit., I, str. 353—357.

и знакомитъ съ родственными языками, Общество высказывало нѣсколько замѣчаній относительно той части Словаря польскаго языка, которая представлена была на судъ его.

Во-первыхъ, въ спискѣ авторовъ, сочиненія которыхъ послужили матеріаломъ для Линде, Общество не нашло нѣкоторыхъ достойныхъ вниманія писателей и встрѣтило такихъ, имена которыхъ возбуждаютъ недовѣріе. Поэтому оно поручило гр. Чацкому снабдить Линде при первой возможности книгами, рукописями и замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ авторовъ. Далѣе рецензенты указывали Линде на необходимость строго различать въ словарѣ какими-нибудь знаками выраженія неупотребительныя, обороты, встрѣчающіеся per licentiam только у извѣстныхъ авторовъ, слова техническія, макаронизмы, введенные испорченнымъ вкусомъ съ половины XVII до половины XVIII в., слова и выраженія простонародныя (gminne). Не одобряло Общество увлеченія Линде словами иностранными. „Мы желаемъ имѣть Словарь польскаго языка“, подчеркивали рецензенты. Внесеніе въ него словъ изъ родственныхъ славянскихъ языковъ необходимо, но иностранныя слова должны имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если какое-либо слово заимствовано поляками изъ чужого языка. „Мы желаемъ имѣть оригинальный трудъ Линде, но не желаемъ Калепина [1])“. Общество брало на себя трудъ составить списокъ (wybór) такихъ словъ изъ другихъ славянскихъ языковъ, которыя можно было бы внести въ словарь и дать имъ права гражданства (uobywatelić) въ польскомъ языкѣ.

Сдѣлавъ далѣе нѣсколько важныхъ указаній относительно порядка, въ которомъ должно бы быть произведено объясненіе каждаго слова, общество высказывало желаніе, чтобы въ предисловіи къ словарю представленъ былъ очеркъ исторіи польскаго языка, указаны его существенныя отличія отъ прочихъ славянскихъ языковъ и пр. Такъ какъ Линде самъ признавалъ невозможнымъ осуществить такой трудъ силами одного человѣка и искалъ содѣйствія, совѣтовъ и указаній, то Общество предлагало ему свою помощь и трудъ, прося его только указать средства для этого. „Мы желаемъ помогать вамъ, желаемъ распространить вашу славу и ваше произведеніе,“ заявляло оно и для большаго успѣха

[1]) Calepinus (1435—1511), авторъ словаря латинскаго, итальянскаго и девяти иныхъ языковъ (1502).

дѣла призывало Линде въ Варшаву. „Przybądź, zacny Mężu, do nas. Otoczony ludźmi, którzy cię współbratem i znakomitą osobą naszego Zgromadzenia nazywamy, będziesz miał gotowe źródło uwag, które ci posłużą do wygładzenia tak ważnej księgi [1])“.

Мы не знаемъ, какъ отнесся къ замѣчаніямъ Общества и предложенію его принять дѣятельное участіе въ редактированіи словаря самъ Линде. Надо полагать, что едва ли они могли измѣнить въ чемъ-либо существенномъ тщательно обдуманный планъ лексикографа, далеко уже подвинувшаго трудъ свой. Указанія могли быть приняты къ свѣдѣнію.

Рѣшительно не одобрилъ этого вмѣшательства патронъ его Оссолинскій. Въ письмѣ къ Чарторыскому отъ 19 дек. 1803 г. онъ съ явнымъ неудовольствіемъ говоритъ объ этихъ притязаніяхъ Общества и проситъ Чарторыскаго поудержать рвеніе непрошенныхъ критиковъ и совѣтчиковъ. Полнота словаря, хотя и кажущаяся излишней, будетъ его достоинствомъ; прежде всего необходимо стремиться собрать всѣ слова, какія есть въ языкѣ, и только потомъ можно совершенствовать такой словарь. Трудъ Линде въ концѣ концовъ можетъ постигнуть участь ребенка при семи нянькахъ [2]). Поэтому надо непремѣнно воспрепятствовать изуродованію словаря воображаемымъ и къ тому же преждевременнымъ совершенствованіемъ его (aby go mniemanym a jeszcze niewczesnym doskonaleniem nie zubożono).

Въ числѣ членовъ Общества, разсматривавшихъ присланную часть словаря, былъ и Чацкій, поспѣшившій еще раньше оффиціальнаго отвѣта Общества подѣлиться съ Линде нѣкоторыми сообщеніями. „Мы не пожалѣемъ расходовъ и труда на твой словарь“, писалъ онъ Линде изъ Варшавы 27 сент. 1802 г.: „Этого требуетъ наша общая слава и твоя честь.“

Такъ какъ Линде желалъ, повидимому, объявить подписку на словарь и обезпечить успѣхъ изданія какой-то привилегіей, то Чацкій предупреждалъ его, что объ этомъ не

---

[1]) Приложенія, стр. XII—XIV. Cf. Kraushar, op. cit., I, str. 356.

[2]) „Trzeba i Towarzystwo zatrzymać, żeby niemieszało się Delegacyami swemi kreskować się nad słowami. Doskonałością tego dzieła ma być choćby i zbyteczna obfitość. Przed niewodem niech ryb nie łowią. Pierwszy temp jest zbiór ogólny słów, ile ich jest w języku. Dopiero potem klassyczne dzieło z niego się wybrać może. Ja nie jestem spokojny, żeby spis pracowity Lindego w Warszawie przy wielu porywczych opiekunach nie doznał losu dziecięcia przy wielu mamkach“.

можетъ быть рѣчи до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ Обществу какую-либо часть словаря въ переработанномъ согласно указаніямъ Общества видѣ. Необходимымъ представлялось предварительно уладить и споръ Линде съ Копчинскимъ, касавшійся разныхъ вопросовъ грамматики. Тутъ, повидимому, большинство членовъ стояли на сторонѣ Линде. Улаженіе этихъ спорныхъ пунктовъ давало возможность расчитывать на привлеченіе къ сотрудничеству и Копчинскаго. Самъ Чацкій весь обѣщалъ быть къ услугамъ лексикографа. Относительно подписчиковъ онъ совѣтовалъ не безпокоиться. Линде надо спокойно приступить къ печатанію словаря въ Вѣнѣ, а Чацкій обѣщаетъ написать къ нему соотвѣтствующее предисловіе, въ которомъ представитъ значеніе труда Линде [1]).

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, встрѣченный общимъ сочувствіемъ и поддержкой, осуществлялся великій по замыслу проектъ Линде. Вмѣшательство Общества друзей наукъ, зашедшее нѣсколько дальше, чѣмъ можно было желать, и столь энергично остановленное ближайшими друзьями и участниками работы надъ словаремъ, не нарушило правильнаго хода ея. Линде ведетъ ее дальше въ томъ же направленіи, какъ началъ.

Проектъ словаря и прекрасные отзывы о Линде тогдашняго канцлера университета въ Галле, проф. Нимайера, обратили на него вниманіе прусскаго министра Фосса, который предложилъ ему занять мѣсто директора лицея въ Варшавѣ. Повидимому, это предложеніе состоялось не безъ участія другого замѣчательнаго польскаго филолога и лексикографа Г. С. Бандтке.

Начальные годы XIX ст., 1801-ый и 1802-ой, въ исторіи польской школы той части Польши, которая отошла къ Пруссіи и получила названіе Южной Пруссіи (Prusy Południowe), ознаменованы рядомъ визитацій, предпринятыхъ прусскимъ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія. Отчеты о

[1]) „Pióro moje i moja praca są na twe zawołania", писалъ онъ Линде. O prenumeratorów się nie lękaj. Ty sam w Wiedniu będziesz drukował, lecz ja w imieniu twoim i zgromadzenia nie mogę pisać o twoim dziele, poki twoim duchem nie będę zajęty, poki twoje wyobrażenia nie staną się mojemi. Muszę (gdy każesz) porządnie przedsłowie napisać. Trzeba więc mówić filozoficznie i z niewielką suchością o składni języka. Trzeba dać Tobie miejsce między de Brossem i Büttnerem. Trzeba tę ważną ugrontować prawdę, że twoje dzieło przeżyje odmiany panowań, a ty nie będziesz w liczbie tych, których blask prędko ginie."

ревизіи школъ, составленные прусскимъ министромъ Мейеротто и директоромъ гимназіи и членомъ Oberschulcollegium Фридрихомъ Гедике, даютъ наглядную картину состоянія школьнаго дѣла въ этой части бывшей Рѣчи Посполитой. Благопріятный въ общемъ отчетъ ихъ о школѣ, унаслѣдованной отъ временъ польскихъ, указывалъ на цѣлый рядъ желательныхъ преобразованій въ ней; между прочимъ, комиссія указывала на необходимость призвать къ педагогической дѣятельности коренныхъ поляковъ (Nationalpolen). Визитаціи варшавскихъ школъ происходили при участіи присяжнаго переводчика и преподавателя вратиславской гимназіи Георга Самуила Бандтке (1768 † 1835). Участіе его въ этой ревизіи было особенно полезно для предстоявшей реформы. Меморіалъ, представленный имъ прусскому правительству, заключалъ смѣлое и откровенное заявленіе о необходимости реформы въ духѣ большаго уваженія въ школѣ къ польскому языку и литературѣ. Пренебреженіе материнскимъ языкомъ, — докладывалъ Бандтке, — ведетъ скорѣе къ одичанію, чѣмъ къ культурѣ (die Vernachlässigung der Muttersprache mehr zur Verwilderung, als zur Cultur führt); напротивъ, чѣмъ больше возможности будутъ имѣть поляки развивать свой языкъ, тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ будутъ изучать нѣмецкій. Въ связи съ этимъ взглядомъ находилось его предложеніе открыть въ какомъ-либо изъ городовъ польскій университетъ и Академію Наукъ въ Варшавѣ [1]). Подъ вліяніемъ доклада комиссіи и меморіала Бандтке прусское правительство приступило въ концѣ 1803 г. къ устройству въ Варшавѣ шестиклассnаго лицея, по образцу кременецкаго, и первымъ директоромъ его назначило Линде.

Въ концѣ 1803 года Линде былъ уже въ Варшавѣ.

Нелегко было разстаться двумъ друзьямъ, столь тѣсно связаннымъ общими имъ научными интересами. Въ теченіе десяти лѣтъ Оссолинскій и Линде были другъ для друга помощниками и совѣтчиками въ научныхъ дѣлахъ, всѣ эти годы они работали вмѣстѣ, въ однѣхъ стѣнахъ. Одновременно съ приглашеніемъ въ Варшаву звалъ къ себѣ Линде и Чацкій, предлагавшій ему то мѣсто учителя греческаго языка и библіотекарство, то каѳедру философской грамматики славянскихъ языковъ [2]).

[1]) Kraushar, op. cit., I, str. 39—49.

[2]) 11—23 марта 1804 г. Чацкій писалъ ему: „Przybyłeś do Warszawy. Nadzieja posiadania Ciebie w naszych prowincyach niknie...“ Но онъ,

По вполнѣ понятнымъ соображеніямъ Линде предпочелъ „волынскимъ Аѳинамъ“ — Кременцу столицу съ ея библіотеками и ученымъ обществомъ, сконцентрировавшимъ всѣ выдающіяся научныя и литературныя силы.

Послѣ отъѣзда Линде Оссолинскій 19 дек. 1803 г. писалъ кн. Чарторыскому [1]): „Линде сообщилъ уже вамъ, что онъ покинулъ меня. Его пригласили пруссаки на должность ректора варшавской гимназіи съ жалованьемъ въ 1200 талеровъ. Содержаніе и титулъ взманили его (przynęciły go)“. Разстаться съ испытаннымъ другомъ и драгоцѣннымъ работникомъ Оссолинскому было тяжело [2]), но онъ видѣлъ отъ этого перехода Линде извѣстную пользу для народнаго дѣла: съ одной стороны, во главѣ школы будетъ стоять не чуждый польскому народу человѣкъ; съ другой — въ Варшавѣ, въ центрѣ умственной жизни страны, Линде можетъ имѣть больше помощи въ дѣлѣ пополненія, исправленія и изданія своего словаря. Оссолинскій удовлетворился тѣмъ, что Линде оставилъ въ его библіотекѣ письменное заявленіе,

---

какъ и Оссолинскій, мирился съ переводомъ Линде въ Варшаву: „Nie godzi się Ciebie zazdrościć Warszawie, bo ta ziemia jest jeszcze rodaków, bo twa praca uwieczni wypędzany język, bo przez twą osobę pierwszy raz się godzi Rząd z mieszkańcem, lecz jeśli los przeciwny będzie twoim udziałem, wspomnij, że nasz kraj jest ojczyzną tych wszystkich, którzy uczonemi być śmieją. Z przeniesieniem się twoim do Warszawy upadły projekta ważne. Stanowiłem katedrę filozoficznej grammatyki języków słowiańskich. Ty nie jesteś, nie będzie tej jedynej lekcii. Te głuche milczenie w tej godzinie niech będzie świadectwem straty, którą poniesiemy, że już Warszawa Ciebię ma posiadać“. Письмо въ бумагахъ Линде, въ Ягеллонск. библ. Ср. еще письмо Коллонтая къ Линде отъ 3 окт. 1803 г., въ коемъ онъ убѣждаетъ Линде не отказываться отъ Кременца. Korrespondencya, I, 281—283.

[1]) Письмо въ библ. Оссолинскихъ, Autogr. № 4006.

[2]) Лучшимъ выраженіемъ трогательной дружбы, связывавшей ученаго мецената и его сотрудника, служитъ цитированное выше посвященіе Линде II-го тома „Wiadomości“, гдѣ Оссолинскій вспоминаетъ: „Najmilej upłynęły mi lata w zaufałem z tobą obcowaniu przepędzone. Łączył nas smak jeden; udzielaliśmy sobie wzajemnych postrzeżeń; ulżywaliśmy jeden drugiego pracy. Nie odmieniłeś dla mnie życzliwości... Nawzajem serce moje dla ciebie jest nieodmienne... Dzieli nas odległość. Już od niewidzenia się z tobą czas okrył głowę moją siwizną. Dochowam ci do mego zgonu szacunku i przychylności, których pragnę, żebyś z tych moich wyrazów poznał miarę“. Ср. еще письма Оссолинскаго къ брату Линде въ Гданскъ и къ канонику Рептовскому въ Варшаву, оба отъ 1 дек. 1803 г., а также латинское свидѣтельство, выданное Оссолинскимъ самому Линде. Słownik, VI, str. 13—14.

что въ ней онъ закончилъ свой словарь, начатый имъ по порученію Оссолинскаго [1]).

О средствахъ на изданіе словаря позаботились тѣ же покровители Линде, которые такъ много помогли ему и въ самой работѣ надъ словаремъ. Покидая Вѣну, Линде оставилъ у Оссолинскаго вексель на двѣ тысячи гульденовъ, полученныхъ имъ на изданіе словаря отъ гр. Замойскаго. Къ этимъ деньгамъ, уже послѣ отъѣзда Линде, прибавилось еще 500 червонцевъ, полученныхъ изъ Петербурга, какъ подарокъ имп. Александра I, вслѣдствіе ходатайства гр. Северина Потоцкаго, который повезъ съ собой изъ Вѣны въ Петербургъ планъ словаря и образчикъ его, и кн. Адама Чарторыскаго старшаго [2]). Вообще всѣхъ средствъ на изданіе словаря накопилось уже тогда, какъ свидѣтельствуетъ

---

[1]) „Bibliotece mojej, o której chwałę, uważając już ją jak ustanowienie publiczne, nie jestem obojętny, przyznał to pismem, że zaczęty z zleczenia mego Dykcyonarz przy niej dokończył. Jakożkolwiek czuły bym był na to, gdyby mi był pokazał, że lepszego losu nieżądał, jako ten, który ja mu życzliwie i rostropnie w różny sposób obmyślałem, nieporóżniło nas wcale rozestanie się; spodziewam się nawet, że się do dopełnienia mego zbioru dzieł polskich staraniem swoim nieprzestanie przykładać.“ Въ „проспектѣ“, увѣдомлявшемъ объ изданіи Словаря и помѣченномъ: „Warszawa 25 Lutego 1804 r.“, Линде какъ будто повторялъ мысли Оссолинскаго: „Jak bawienie moje w Wiedniu, już dla licznej xiążnicy Polskiej JWHr. Ossolińskiego, już dla łatwości mienia na dorędziu wszystkich prawie dyalektów Słowiańskich, których to wielkie miasto jest niby środkowym punktem, najzdatniej posłużyło mi do rozpoczęcia i zrobienia mojego dzieła; tak przebywanie w Warszawie, która mimo zaszłych odmian politycznych kraju jest stolicą gustu i nauk Polskich, najlepszą mi sposobność do ostatecznego wydoskonalenia mojej pracy nastręcza.“ Но увѣреніе Оссолинскаго, что словарь былъ начатъ „z zlecenia“ его, не согласуется съ другими данными и съ заявленіемъ самого Линде.

[2]) Епископъ Коссаковскій по возвращеніи изъ Вѣны въ засѣданіи 3 ноября 1803 г. докладывалъ Обществу друзей наукъ объ окончаніи труда Линде, — очевидно, перваго тома словаря. Изданіе не могло начаться вслѣдствіе отсутствія средствъ. Члены Общ., по предложенію Солтыка, совѣтовали Линде, „aby dzieło tak ważne przypisać zechciał najjaśn. Imperatorowi Wszech Rossyi, którego wspaniałomyślna opieka dosięga wszelkich przedsięwzięć stosownych do wzrostu i udoskonalenia języków słowiańskich“. Kraushar, op. cit., I, str. 245—246. Чацкій 1/13 дек. 1803 г. обѣщалъ и совѣтовалъ Линде: „Znaczne damy pieniądze na Słownika drukowanie; przypiszesz go Imperatorowi“. Такъ рѣшили въ прусской Варшавѣ! Отъ кн. Чарторыскаго Линде получилъ „na wsparcie i przyspieszenie druku słownika 4.000 talarów w kurancie Pruskiem“, при чемъ обязывался ни на что иное этихъ денегъ не обращать. Расписка отъ 16 апр. 1805 г. въ бумагахъ Линде въ Ягеллонск. библ.

Оссолинскій [1]), самъ въ теченіе десяти лѣтъ немало истратившій на это предпріятіе, до 40 тыс. гульд. Естественны были его заботы о возможно надежнѣйшемъ сохраненіи этого капитала, который въ рукахъ Линде, при его непрактичности („Lindego charakter nie jest zawodny", характеризуетъ его Оссолинскій), легко могъ расплыться. Новыя обязанности должны были отвлечь его отъ начатаго дѣла, изданіе словаря могло бы затянуться на долгіе годы [2]), а въ это время Линде могъ бы и умереть. Прозорливый и практическій меценатъ, опасаясь, чтобы на капиталъ, собранный на изданіе словаря, не предъявили своихъ притязаній родственники Линде, и чтобы словарь его не погибъ, счелъ необходимымъ потребовать отъ своего кліента удостовѣренія въ томъ, что собранныя средства будутъ обращены на печатаніе словаря, при чемъ они будутъ выданы ему только по выходѣ его труда въ свѣтъ, и пожелалъ получить отъ самого Линде указаніе, кто, въ случаѣ его смерти, имѣлъ бы право получить рукопись словаря и издать ее. Вопросъ былъ поднятъ довольно щекотливый. Оссолинскій не могъ не чувствовать этого и поэтому, какъ бы въ оправданіе своего шага, добавлялъ: „Дѣло въ томъ, что надо оправдать довѣріе, не растратить пособія, пожертвованнаго для отечества (kraju); вопросъ идетъ о трудѣ, который можетъ быть и несовершеннымъ, но, насколько я знакомъ съ нимъ, является чрезвычайно важнымъ собраніемъ матеріаловъ и нелегко можетъ быть возобновленъ."

Друзья не безъ основаній опасались, что въ Варшавѣ на службѣ Линде некогда будетъ заниматься словаремъ. „Предвижу, говорилъ ему гр. Северинъ Ржевускій, что въ Варшавѣ словарь будетъ отложенъ, а можетъ быть, и вовсе не осуществится". Линде самъ разсказываетъ, сколько затрудненій пришлось ему одолѣть, чтобы довести сложное дѣло изданія до конца.

Къ печатанію онъ приступилъ только въ 1806-омъ году. Препятствій встрѣтилось при этомъ множество: пришлось выписывать изъ-за границы не только шрифты, но и бумагу

---

[1]) Письмо къ Чарторыскому отъ 19 дек. 1803 г. изъ Вѣны, въ библ. Оссолинскихъ, Autogr. № 4006.

[2]) „Potrzebuje jednak ośmiu lat czasu przy nowym zatrudnieniu, które wziął na siebie, ażeby jego Dykcyonarz cały wyszedł", сообщалъ Оссолинскій тогда же Чарторыскому, вѣроятно, основываясь на предположеніяхъ самого Линде.

и даже наборщиковъ [1]). Начавъ печатать словарь въ типографіи піаристовъ, Линде замѣтилъ вскорѣ, что дѣло подвигается впередъ весьма медленно, и перенесъ дальнѣйшій наборъ въ свою квартиру, въ т. н. Саксонскій дворецъ.

Наступила война. Французы заняли Варшаву. По распоряженію военныхъ властей приказано было въ теченіе восьми часовъ очистить все помѣщеніе, занимаемое лицеемъ. Линде пришлось бы убрать и свою типографію, и дѣлу, только-что начатому, угрожало полное разореніе. Но благодаря заступничеству гр. Ст. Потоцкаго приказаніе было отмѣнено, и Линде разрѣшили остаться со своей типографіей въ помѣщеніи лицея.

Войны 1809 г. и 1813 г. создали новый рядъ затрудненій успѣшному ходу печатанія [2]). Суммы, которыми располагалъ Линде, были уже исчерпаны; на чью-либо помощь трудно было расчитывать, такъ какъ война истощила страну; друзьямъ Линде пришлось прибѣгнуть даже къ устройству лотереи для доставленія ему средствъ на окончаніе печатанія. По ходатайству Яна Снядецкаго [3]) значительную сумму на

---

[1]) Линде предвидѣлъ эти затрудненія. Сообщая Чарторыскому письма Сташица и Чацкаго, звавшихъ его въ Варшаву, онъ спрашивалъ князя: „Czy drukarnie warszawskie są opatrzone dostatecznie w pisma hebrajskie, greckie, cyrylijskie, głagolickie, moskiewskie, czesko-gockie? We wszystkiem tem przebierać w Wiedniu i tu to mnóstwo słowian rozmaitych dyalektów do korekty, do porady". Dębicki, Puławy, III, str. 65.

[2]) Słownik, VI, str. 17—18.

[3]) Онъ особенно хлопоталъ объ окончаніи словаря и, какъ бы не довѣряя настойчивости Линде, совѣтовалъ ему (въ письмѣ изъ Вильны 24 дек. 1813 г. — 5 янв. 1814 г.): „Radzę swój słownik kończyć, a jeżeli komu ostatni tom przypiszesz, mów tylko o języku i literaturze Polskiej, nic się nie wdając w polityczne awantury. Dla kilku wyrazów kazał tu Minister dedykacyą dla Xcia Józefa Poniatowskiego przydusić i wydrzeć w przedostatnim tomie. Exemplarze trzeba szanować, bo poczekawszy, ta książka będzie poszukiwana, pokupna, i można ją drogo przedać. Nie stracisz na tej pracy ani ze strony sławy, ani ze strony worka, ale trzeba cierpliwości i wytrwałości. Tym większa zasługa, że w takich czasach rzecz zrobiona" (Бумаги Линде въ Ягеллонск. библ.). Въ архивѣ Мин. Нар. Просв. имѣется цѣлое Дѣло (№ 10207—222): „По донесенію Могилевскаго Гражданскаго Губернатора о томъ, что виленскій университетъ разослалъ по учебнымъ мѣстамъ Польскій Словарь г. Линде, содержащій неприличное посвященіе кн. Понятовскому". Начато 6 дек. 1813 г., оконч. 15 февр. 1814 г. Посвященіе приказано было вырѣзать изъ всѣхъ, присланныхъ университету экземпляровъ Словаря. Послѣ благодарности кн. Чарторыскому за пособіе, полученное отъ Александра I („z rąk i za przyczyną jego zyskałem hojny od Wielkiego Monarchy zasiłek", t. II), стран-

изданіе шестого и послѣдняго тома далъ гр. Викентій Тышкевичъ. Словарь законченъ былъ печатаніемъ въ 1814 г. Такимъ образомъ, въ теченіе восьми лѣтъ завершена была колоссальная работа изданія. Не безъ гордости самъ Линде могъ похвастать столь быстрымъ окончаніемъ печатанія и указать, что извѣстный лейпцигскій издатель Брейткопфъ, имѣвшій въ распоряженіи и собственную словолитню и опытныхъ наборщиковъ, печаталъ второе изданіе нѣмецкаго словаря Аделунга двѣнадцать лѣтъ (съ 1774 до 1786 г.), при томъ въ условіяхъ мирнаго, не нарушавшаго хода работы времени.

Появленіе первыхъ частей Словаря Линде произвело въ ученыхъ кругахъ не только славянскихъ, но и нѣмецкихъ большое впечатлѣніе. По первому тому можно было судить, насколько великъ былъ замыселъ Линде, и какъ старательно онъ осуществляется. Въ концѣ декабря 1807 г. онъ посылаетъ Чешскому ученому обществу, въ выраженіе благодарности за оказанную ему членами Общества помощь при составленіи Словаря, первый выпускъ I-го тома [1]). Добровскій отвѣтилъ отъ имени Общества 23 апр. 1808 г. Благодаря Линде за подношеніе, онъ извѣщалъ его, что Общество избрало его въ свои члены, находя такое отличіе болѣе достойной наградой, чѣмъ награжденіе серебряной медалью, какъ предлагалъ самъ Добровскій. Это избраніе было вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтомъ на принятіе Добровскаго въ число членовъ варшавскаго Общества друзей наукъ. Въ декабрѣ 1808 г. Линде посылаетъ въ Прагу вторую часть I-го тома и тогда же отвѣчаетъ Добровскому на его апрѣльское письмо. Съ этого времени начинается переписка его съ самимъ Добровскимъ. Линде особенно дорожитъ мнѣніемъ своего учителя и желалъ бы, чтобы хоть патріархъ славяновѣдѣнія въ отзывѣ о Словарѣ не остался вполнѣ недовольнымъ его работой и стремленіями.

Желанный отзывъ появился въ іюнѣ слѣдующаго года въ „Annalen der Literatur und Kunst in dem Oesterr. Kaiserthume“ (1809, S. 264 и сл.). Отмѣтивъ съ признательностью огромное трудолюбіе составителя Словаря и заслуги вся-

---

нымъ въ самомъ дѣлѣ было посвященіе V тома: „Plemiennikowi Króla Stanisława Augusta, Rycerzowi, który powierzoną sobie obronę wskrzeszonej potężnem Wielkiego Napoleona ramieniem Oyczyzny świetniejszym nad wszelkie nadzieje skutkiem uwieńczył“ etc. (май 1812 г.).

[1]) Tom I. Część I. A.—F. 1807. Приложенія, стр. I.

чески поддерживавшихъ его трудъ гр. Оссолинскаго и кн. Чарторыскаго, Добровскій одобряетъ стремленіе Линде сравнивать всюду польскій языкъ съ другими славянскими языками, объяснять при ихъ помощи неизвѣстныя слова и возстановлять утраченные корни. Этимъ, по мнѣнію Добровскаго, Линде слѣдовало бы и ограничиться и не вносить въ Словарь многаго, не имѣющаго отношенія къ указанной задачѣ составителя и при томъ взятаго безъ разбора изъ ненадежныхъ источниковъ. Достигъ ли онъ этимъ той высшей цѣли, которую имѣлъ въ виду, а именно — утвердить убѣжденіе, что славянскія нарѣчія, хотя и различаются между собою, однако могутъ объединиться въ одинъ литературный языкъ, — этотъ вопросъ оставимъ открытымъ, ибо здѣсь идетъ рѣчь единственно о большой возможности осуществленія желательнаго, правда, но невыполнимаго по другимъ причинамъ плана. Добровскій упрекаетъ Линде за то, что во многихъ случаяхъ онъ напрасно приводитъ мадьярскія слова и въ то же время оставляетъ въ пренебреженіи сравненіе славянскихъ словъ съ ближайшими, напр., литовскими; что слишкомъ довѣряетъ Френцелю, производившему славянскія слова отъ еврейскихъ и арабскихъ, и другимъ „кузнецамъ“ новыхъ словъ; что вводитъ въ Словарь слова вымышленныя (Pust — яко бы имя Вакха, Torka — Bellona) и т. д. Далѣе Добровскій замѣчаетъ, что Линде смѣшиваетъ совершенно различные корни, что прозводитъ слова общаго индоевропейскаго корня изъ латинскаго или греческаго языка. Свою рецензію Добровскій заключалъ надеждой, что высказанныя имъ замѣчанія побудятъ Линде не довѣрять нововыкованнымъ словамъ П. Марка и этимологіямъ Френцеля и быть осторожнѣе въ сравненіи польскихъ словъ съ другими славянскими [1]). Но въ частныхъ замѣчаніяхъ и Добровскій тоже сдѣлалъ рядъ ошибокъ [2]). Въ общемъ отзывъ

---

[1]) Копитарь предвидѣлъ, что словинскій отдѣлъ Словаря Линде будетъ испорченъ заимствованіями изъ такого источника, какъ „Besediše“ П. Марка. Объ этомъ онъ выражалъ сожалѣніе уже въ письмѣ отъ 30 марта 1808 г. Ягичъ, Источники, I, стр. 4. Добровскій сообщилъ объ этомъ Линде. Ibid., стр. 635: „Von Krain aus, bedauert man Sie, dass Sie keinen besseren Führer hatten, als P. Marcus“. Слишкомъ довѣрялъ Линде и Бернолаку. Линде самъ впослѣдствіи признавалъ справедливость этихъ замѣчаній. См. приложенія, стр. IV. Ср. Н. Петровскій, Первые годы дѣятельности Копитаря, Казань, 1906, стр. 153—154.

[2]) Ср. Brandl, Život J. Dobrovského, str. 141.

его о Словарѣ былъ снисходительнымъ и, по собственному его признанію, онъ щадилъ Линде [1]).

Зато менѣе снисходительнымъ оказался другой критикъ Словаря — знаменитый историкъ Шлецеръ [2]).

Отзывъ Шлецера въ Геттингенской газетѣ былъ настолько неблагопріятнымъ, или вѣрнѣе — недоброжелательнымъ для Линде, что знаменитый Іог. Мюллеръ и проф. Гейне (Heupe) сочли долгомъ оправдать предъ нимъ Геттингенское ученое общество и осудить пристрастіе рецензента. Отзывъ этотъ былъ, по признанію Мюллера, непріятенъ для самихъ геттингенскихъ ученыхъ, поручившихъ Шлецеру разсмотрѣніе Словаря, какъ единственному компетентному судьѣ, хотя и не члену Общества [3]), а Гейне называлъ его достойнымъ сожалѣнія недоразумѣніемъ. Соглашаясь съ нѣкоторыми указаніями и дезидератами Шлецера, Гейне, признавалъ однако слишкомъ рѣзкимъ тонъ его рецензіи.

---

[1]) Такъ онъ писалъ Бандтке 5 іюня 1810 г.: „Ob er (Linde) mit meiner Recension seines Wörterb. (in den Wiener Annalen) zufrieden sein wird, weiss ich nicht. Ich habe ihn sehr geschont. Sed tamen litandum fuit veritati". Vzájemne dopisy J. Dobrovského a J. S. Bandtkého vydal V. Francev, Praha, 1906, str. 10.

[2]) Отзывы о Словарѣ тщательно собраны были самимъ Линде въ VI-омъ томѣ. Здѣсь находимъ прежде всего письма кн. Чарторыскаго (отъ 4 янв. 1808 г. н. ст.) и гр. Оссолинскаго (изъ Вѣны, въ февр. 1808 г.); далѣе слѣдуютъ письма Сильвестра де Саси и барона де Серра, переводъ рецензіи Allg. Lit.-Zeitung (Halle, 1808, № 353), перепечатка изъ Pamiętn. Warsz., I, оттуда же переводъ неодобрительнаго отзыва Шлецера въ Геттингенск. Gelehrten Zeit., съ присоединеніемъ писемъ І. Мюллера, проф. Гейне (Heyne) и кн. Чарторыскаго по поводу этого отзыва; подлинный текстъ рецензіи Jenaische Allg. Lit.-Zeit., 17 Aug. 1810, съ дополненіями къ ней и польскимъ переводомъ части ея (изъ Gaz. Warsz., 1811, № 99); рецензія Leipz. Lit.-Zeit., 1813, № 115, по-нѣмецки, и Annalen d. Lit. und Kunst in dem Oesterr. Kaiserthume, 1809, Junius; рец. Добровскаго. Ср. Ягичъ, Источники, I, 71; отзывъ Добровскаго изъ Slovanky и письмо его отъ 23 апр. 1808 г.; замѣтка Hamb. Corresp., 1809, № 15 и Leipz. Lit.-Zeit., 1813, № 293. По выходѣ VI-го тома въ Allg. Lit. Zeit. (Halle), 1815, 4 Bd., Ergänzungsblatt № 71, появилась еще одна рецензія; ее приводитъ въ польскомъ переводѣ А. Бѣлевскій въ концѣ VI-го тома (II изд.) Словаря. Рецензія неизвѣстнаго автора была помѣщена въ Dzienn. Wileńsk., 1815, wrzesień — listopad. Отдѣльное изданіе ея: „Rys Polskiego Słownika JP. Linde" etc. вышло въ 1822 г. въ Вильнѣ.

[3]) „Dass die Recension so schlecht ausfiel, war uns selbst leid; sie war das Werk eines gelehrten und berühmten, aber freilich launigen, etwas wegwerfenden und nach der Weise alter Kritiker etwas bittern Mannes, der sich nicht leicht etwas einreden oder sagen lässt." Słownik, VI, str. 37.

Рецензію Шлецера осудилъ и Бандтке [1]), приводя ее, какъ образецъ „слишкомъ скораго и смѣшного сужденія“ иностранца о незнакомомъ ему языкѣ. „Судить о языкѣ польскомъ по словамъ, начинающимся съ буквы A, — говорилъ Бандтке, — есть то же самое, что заключать о нѣмецкомъ единственно по словамъ, начинающимся съ X, Ps, Ph!“

Шлецеръ прежде всего выразилъ недоумѣніе по поводу внесенія Линде въ Словарь всѣхъ древнихъ собственныхъ именъ (напр., Ааронъ и др.), совѣтовалъ ему выдѣлить всѣ непольскія слова въ особый отдѣлъ, упрекнулъ его въ незнакомствѣ съ болгарскимъ языкомъ, съ которымъ Линде и нельзя было ознакомиться, въ незнаніи многихъ славянскихъ словарей; не понравилось ему и то, что объясненія и замѣчанія, важныя для читателя, Линде дѣлаетъ чаще всего только по-польски; но онъ не отрицалъ большой заслуги Линде въ привлеченіи къ сравненію обильнаго матеріала изъ славянскихъ языковъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ Линде издалъ первый томъ, Словарь не принесетъ пользы чужеземцамъ, да и изъ соотечественниковъ его Словаремъ будутъ пользоваться только ученые, для которыхъ сравненіе славянскихъ словъ можетъ быть интереснымъ. Но вѣдь такихъ людей въ Польшѣ немного. Поэтому, не лучше ли бы поступилъ Линде, если бы ограничилъ свою неопредѣленную задачу? Шлецеръ совѣтовалъ ему и сравненіе польскихъ словъ съ славянскими, безполезное для большинства покупателей Словаря, произвести въ особомъ трудѣ, напр., въ славянской сравнительной грамматикѣ, которая завершала бы сравненіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Въ основаніе такого сравненія слѣдовало бы, по мнѣнію Шлецера, положить языкъ русскій, какъ самый богатый и наиболѣе обработанный, но при этомъ желательно было бы не ограничивать сравненіе только славянскими языками, а внести также и языки нѣмецкій, латинскій и греческій; зато строгій филологъ отказался бы отъ сравненій съ древнимъ еврейскимъ.

Геттингенская рецензія сильно огорчила Линде. Въ письмѣ къ Добровскому отъ 26 дек. 1808 г. [2]) онъ называетъ ее въ высшей степени поверхностной, а относительно самого рецензента сомнѣвается какъ въ знакомствѣ его съ славян-

---

[1]) Въ статьѣ: „Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ“, въ В. Евр., 1815, ч. 84, № 22, стр. 122.

[2]) Приложенія, стр. II—III.

скими языками вообще, такъ въ особенности въ знаніи имъ польскаго языка. Еще разъ онъ подчеркиваетъ здѣсь, что Словарь его прежде всего долженъ быть словаремъ польскимъ, а не какимъ желалъ бы его видѣть строгій судья его. Зато съ особеннымъ вниманіемъ и благодарностью принялъ онъ поучительное письмо Добровскаго [1]), которымъ аббатъ привѣтствовалъ появленіе перваго тома Словаря и въ которомъ откровенно высказалъ нѣкоторыя свои замѣчанія и отмѣтилъ важнѣйшіе промахи.

Промахи въ славянскихъ языкахъ для Линде были очевидны. Эту часть Словаря онъ самъ считалъ наиболѣе слабою, но оправдывался тѣмъ, что онъ не могъ знать всѣ славянскіе языки такъ, какъ зналъ польскій. Тутъ онъ по необходимости вполнѣ довѣрился существовавшимъ словарямъ и грамматикамъ, среди которыхъ, къ несчастію, было такъ много несовершенныхъ. „Всѣ ихъ ошибки, — признавался Линде, — сдѣлались и моими; сочту себя счастливымъ, если не вкрались какія-либо по моей винѣ". На упрекъ въ слишкомъ большомъ довѣріи П. Марку онъ отвѣчаетъ цитатой изъ Грамматики Копитара, вышедшей въ 1808 г.: „Linde ist daran freilich sehr unschuldig, warum geben wir ihm nichts besseres in die Hand? oder hätten wir wenigstens öffentlich gegen Pater Marcus protestirt, so wüsste Linde und andere woran sie sind; aber auch dazu waren wir zu indolent."

По выходѣ пятаго тома Добровскій помѣстилъ только небольшую замѣтку о Словарѣ въ своемъ сборникѣ Slovanka (1814, I, 243—245), хотя въ письмѣ къ Линде [2]) обѣщалъ заняться какъ-нибудь непристойной рецензіей Шлецера (Schloezer's unartige Recension) и поговорить еще о Словарѣ. Впрочемъ, значительно раньше (1808) въ Slavin'ѣ [3]), возражая Шлецеру по поводу его желанія, чтобы нашелся кто-нибудь среди славянскихъ ученыхъ, кто занялся бы сравненіемъ славянскихъ нарѣчій между собою и съ общею ихъ праматерью (Nestor, Th. I, § 18), Добровскій косвенно отмѣтилъ заслугу Линде и при случаѣ наставилъ Шлецера, что для сужденія о „Stammutter" всѣхъ славянскихъ нарѣчій не имѣется никакихъ данныхъ.

---

[1]) Отъ 23 апр. 1808 г. Ср. Ягичъ, Источники, I, стр. 634.

[2]) 5 мая 1812 г. Ягичъ, Источники, I, стр. 644.

[3]) Въ статьѣ: „Ueber die Altslawonische Sprache nach Schloezer", стр. 385.

Галльская Allg. Lit.-Zeit. (1808, № 333) поставила Словарь Линде рядомъ съ знаменитымъ словаремъ Аделунга; но въ то же время дѣлала существенную оговорку: насколько трудъ Аделунга по сравненію нѣмецкаго языка съ родственными былъ облегченъ достаточно разработанными частными словарями, настолько Линде приходилось преодолѣвать въ этомъ отношеніи большія затрудненія [1]).

Рецензентъ не соглашался съ мнѣніемъ Линде о возможности созданія общаго славянскаго литературнаго языка, по образцу итальянскаго, возникшаго изъ тосканскаго нарѣчія. Эту роль тосканскаго нарѣчія, по мнѣнію Линде, долженъ бы сыграть языкъ польскій. Конечно, если говорить только о раздѣляющихъ славянскія нарѣчія различіяхъ, то въ этомъ отношеніи не могло бы встрѣтиться большихъ препятствій, такъ какъ они не больше отличій различныхъ итальянскихъ нарѣчій; существеннѣе представляются препятствія иного рода. Нѣкоторые славянскіе языки, какъ языки письменные, пользуются такими правами, что народы не согласились бы поступиться ими въ пользу какого-нибудь другого языка. Если бы когда-либо должно было произойти объединеніе славянскихъ нарѣчій въ одномъ общемъ языкѣ, то такой актъ былъ бы несомнѣнно вреденъ для польскаго языка, такъ какъ ему угрожало бы поглощеніе менѣе развитымъ русскимъ. Къ тому же польскій языкъ настолько отдалился отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, что меньше всего годится въ качествѣ объединяющаго ихъ центра.

Обширный отзывъ о Словарѣ помѣстила Jenaische Allgemeine Lit.-Zeitung (1810, № 190 и 191). Рецензентъ съ первыхъ же строкъ отзывался съ высокой похвалой о трудѣ Линде [2]). Словарь его составляетъ гордость нашего времени, а въ лицѣ Линде наука пріобрѣла новаго Аделунга, создавшаго столь прочный памятникъ польскому языку, что если бы ему вдругъ пришлось исчезнуть, онъ сохранился бы отъ гибели въ Словарѣ. Этимъ трудомъ великій лексикографъ оказалъ вѣчную услугу не только польскому народу, но и всѣмъ славянскимъ племенамъ отъ Адріатическаго моря до Балтійскаго, отъ береговъ Эльбы до Камчатки. Колоссальный трудъ, исполненный Линде, приводитъ въ изумленіе рецензента. Послѣ длиннаго ряда замѣчаній къ отдѣльнымъ

---

[1]) Słownik, VI, str. 24 и сл.
[2]) Słownik, VI, str. 43 и сл.

словамъ и возраженій принципіальнаго значенія для лексикографіи, рецензентъ признаетъ, что Словарь Линде имѣетъ значеніе не только для языковѣда, но и для историка древняго славянства.

Сознавая вполнѣ всѣ недостатки Словаря, а главное — неполноту его, Линде продолжалъ и по отпечатаніи его собирать дополненія къ нему и обращался какъ къ своимъ соотечественникамъ, такъ и къ славянскимъ ученымъ съ просьбой содѣйствовать дополненію и исправленію Словаря. Такое участіе славянъ въ этомъ трудѣ должно способствовать взаимному обогащенію славянскихъ нарѣчій и подготовить почву для развитія общаго славянскаго языка[1]).

Какъ въ началѣ своего предпріятія, такъ и теперь Линде встрѣтилъ въ ученомъ мірѣ живое сочувствіе. Добровскій, по словамъ его, постоянно помогалъ ему и своими совѣтами и дѣятельнымъ участіемъ въ трудѣ, посылая ему свои замѣчанія[2]) и ученые труды (напр., Entwurf, Ausführliches Lehrgebäude); такое же участіе проявилъ и Копитарь; священникъ Оллехъ изъ Кенигсберга прислалъ свои дополненія, и при его содѣйствіи Линде расчитывалъ получить идіотизмы поморскіе, кашубскіе и т. д.; неоцѣнимою называетъ онъ помощь Мронговіуса, который предоставилъ въ его пользованіе свою рукопись[3]); идіотизмы силезскіе послалъ проф. Бандтке; матеріалы для исторіи связей славянскихъ языковъ съ восточными сообщилъ знаменитый кенигсбергскій оріенталистъ Фатеръ, директоръ же кенигсбергскихъ архивовъ Геннигъ подѣлился свѣдѣніями о древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ этихъ собраній.

---

[1]) „Podobnie (т. е., какъ и своихъ соотечественниковъ) wezwałem i wzywam pobratymców naszych, by przez przywiązanie do wspólnej matki nie żałowali trudu w poprawianiu i udokładnianiu zbioru, aby przez wzajemne wzbogacanie szczególnych mów słowiańskich przestrzeń ogólnej słowiańszczyzny rozszerzali.“ Słownik, VI, str. 74.

[2]) „Przysłał on mi niedawno ważne spostrzeżenia i dodatki co do moich zasad etymologicznych.“ Słownik, VI, 75.

[3]) Посылая впослѣдствіи кн. Чарторыскому первую часть своего Нѣмецко-польскаго словаря, Мронговіусъ писалъ 30 ноября 1822 г.: „Wydobywszy ... spory zapas wyrazów z różnych xiąg polskich i sławiańskich dyalektów, umieściłem je obok niemczyzny. W ciągu tej długoletniej pracy przekonałem się, że i Linde jeszcze nieobjął wszystkiego, że Adelung, Kampe, Heynzyus i inni nowsi niemieccy słownikarze niewyjaśnili jeszcze wszystkiego, więc i po mnie zostanie się jeszcze wiele do zbierania i prostowania“. Письмо въ библ. Чарторыскихъ (Listy różnych osób).

Заслуги Линде отличила наконецъ и Россійская Академія. Въ засѣданіи 21 дек. 1818 г. А. С. Шишковъ предложилъ Линде за его „похвальное трудолюбіе, въ пользу славенскаго языка предпріятое“ въ почетные члены Академіи, мотивируя свое представленіе тѣмъ, что „знаменитый трудъ Линде „Słownik języka polskiego“ принесъ ему справедливую славу и сдѣлалъ его имя въ ученомъ свѣтѣ извѣстнымъ“. Словарь Линде, какъ заключающій въ себѣ „названія почти всѣхъ славенскихъ нарѣчій“, является полезнымъ пріобрѣтеніемъ не только для языка польскаго, но и для русскаго. Шишкова особенно восхищала возможность при помощи этого Словаря заняться излюбленными разысканіями въ области корней словъ: „изъ сличенія многихъ нарѣчій часто открывается корень слова, въ языкѣ нашемъ употребительнаго, тотъ корень, который безъ сего нерѣдко покрытъ бываетъ непроницаемымъ мракомъ и слѣдственно дѣлаетъ слово сіе пустозвучнымъ, то есть, лишеннымъ первоначальной произведшей оное мысли“. Кромѣ того, онъ видѣлъ въ Словарѣ Линде и ту еще полезную сторону, что онъ „показываетъ, какимъ образомъ раздѣленные народы, имѣвшіе одинъ и тотъ же языкъ, почерпали изъ онаго разныя слова для названія одинакихъ предметовъ, каждый по примѣченному имъ особо отъ другаго, въ семъ предметѣ, качеству или свойству“ [1]).

Столь позднее отличіе прославленнаго на западѣ польскаго лексикографа Россійской Академіей удивляло русскихъ ученыхъ [2]). Еп. Евгеній, порицая въ письмѣ къ Анастасевичу дѣятельность Академіи, издававшей „встрѣчныя и поперечныя“ работы (напр., „нимало не полезный ей“ переводъ Тасса), находилъ, что болѣе приличествовало бы ей изданіе

---

[1]) Изв. Росс. Акад., кн. VII, 1819, стр. 135—137. Ср. Приложенія, стр. XXXVIII и сл.

[2]) Между тѣмъ о принятіи его въ число членовъ Росс. Акад. давно обѣщалъ хлопотать Чацкій, писавшій Линде еще 18 мая 1804 г.: „O przyjęciu ciebie do Petersburgskiej Akademii niezapomnę. Przyszlij czem prędzej tylko dyssertacią, którą zgromadzeniu przysłałeś. Ta dyssertacia wygładzona stanie ci się prawem do wnijścia w skład Akademii Wileńskiej i Petersburgskiej“. Въ маѣ 1808 г. Чацкій совѣтуетъ Линде: „Mówiłem kilka razy o słowniku z Graffem Zawadowskim ministrem i Xiążęciem Czartoryskim. Kiedy byłem w Petersburgu, ieszcze nie było twego Słownika. Poszlij jeden exemplarz Graffowi Zawadowskiemu, Ministrowi narodowego oświecenia: jest to rzecz koniecznie potrzebna“. Хлопоты Чацкаго однако не имѣли успѣха.

Словаря Линде. „Линдевъ Словарь стоилъ бы ея кошта. Спасибо, что и Линда хоть приняли въ члены, вѣрно, по ходатайству Сестренцевича [1])." Словаря Линде въ это время онъ еще, повидимому, не имѣлъ. Ознакомившись съ нимъ, Евгеній вынесъ ему строгій приговоръ. „Получилъ я и кучу Линдова каторжнаго труда; просмотрѣлъ нѣкоторыя статьи, предисловіе I-го разсудливое и VI-го хвастливое, простительное трудолюбцу. При всемъ томъ думаю, что haec rudis indigestaque moles была бы полезнѣе, если бы меньше была плодословна. Нельзя имѣть терпѣнія для одного слова иногда читать по 5 и 6 страницъ. Наборъ цитацій изъ авторовъ, и новыхъ, и старинныхъ, не остепенитъ языка, измѣняющагося, какъ говоритъ Горацій, подобно ежегоднымъ листьямъ деревъ. А для филологовъ славянщизны полезно было бы на концѣ приложить индексы словъ каждаго діалекта съ указаніемъ на польскія слова: тогда сей словарь былъ бы для употребленія всѣхъ Славянъ. Впрочемъ и за сію сбивчивую кучу не жаль заплатить 100 руб." А нѣсколько позже повторялъ: „На что намъ огромный, неуклюжій, многословный и часто пустословный, увеличенный многими и къ польскому языку не принадлежащими словами Линдовъ словарище"... „Все достоинство Линда поставляю я только въ сличеніи польскаго языка съ прочими славенскими нарѣчіями, но и это достоинство безъ индексовъ безполезно. А впрочемъ, напрасно величали его великій словарище. Сихъ книгъ сподвалъ никто не читаетъ, а и на случай прочитывать статьи по листу и по два и болѣе — крайне утомительно", писалъ онъ тому же Анастасевичу [2]).

Уже въ періодъ подготовительной работы въ библіотекѣ Оссолинскаго Линде задумалъ, по окончаніи Словаря польскаго языка, заняться составленіемъ словаря польскихъ писателей, пользуясь для этой цѣли богатымъ собраніемъ своего покровителя. Но такъ какъ это намѣреніе его предвосхитилъ Бентковскій, издавшій въ 1820 г. свою „Исторію польской литературы", то Линде рѣшилъ свободные отъ оффиціальныхъ занятій часы посвящать „совершенствованію собранія (т. е. Словаря) и разбору языка [3])". Ободрен-

[1]) Письмо отъ 20 янв. 1819 г. изъ Пскова. Р. Арх., 1889, VI, стр. 167.

[2]) Письма отъ 30 іюля и 11 окт. 1820 г. Р. Арх., 1889, VII, стр. 362, 373.

[3]) О своемъ новомъ ученомъ планѣ онъ точнѣе выражается въ письмѣ къ Добровскому (1813 г.): „bin ich gesonnen mich an die de-

ный довѣріемъ общества, расчитывая на помощь соотечественниковъ и „побратимцевъ“ и покровительство тѣхъ, кто до сихъ поръ поощрялъ и поддерживалъ его, Линде намѣренъ былъ, по его словамъ, пуститься въ неизмѣримое пространство славянщины искать взаимныхъ связей столькихъ вѣтвей одного ствола, дабы воспользоваться богатствомъ одной для подкрѣпленія другой, болѣе бѣдной, чтобы представить общій очеркъ (ogólny rys) славянщины, съ изображеніемъ отдѣльныхъ частностей ея, и такимъ образомъ облегчить взаимное сближеніе этихъ вѣтвей, а затѣмъ — примѣнить наблюденія надъ славянскими языками къ другимъ языкамъ, особенно древнимъ, объяснить природу рѣчи человѣческой и подготовить для историка новый источникъ тамъ, гдѣ ему недостаетъ иныхъ данныхъ. Онъ обращается поэтому за указаніями къ Копитарю, къ Бандтке („po którego gorliwości i pracowitości spodziewać się mogę pomocy co do zbogacenia dawnej polszczyzny“), ищетъ совѣта у Добровскаго, а черезъ него обращается и къ Неѣдлому; далѣе въ письмѣ къ Чарторыскому [1]) онъ называетъ еще Геннига, начальника архивовъ въ Кенигсбергѣ, тамъ же свящ. Оллеха (Ollech), который, какъ Линде стало извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ занимался дополненіемъ и исправленіемъ его Словаря и намѣренъ былъ сообщить ему свои замѣчанія; затѣмъ онъ писалъ еще проф. кенигсбергскаго университета Фатеру (Vater), который, по словамъ его, является у нѣмцевъ тѣмъ, чѣмъ Сильвестръ де Саси у французовъ, т. е. классическимъ знатокомъ по части восточныхъ языковъ и въ то же время весьма свѣдущимъ (bardzo biegłym) и во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Отъ него Линде надѣялся получить важныя объясненія по вопросу о связи между языкомъ славянскими и древними языками [2]). Въ то же время онъ счелъ нужнымъ познакомить всѣхъ этихъ ученыхъ и съ своимъ

---

taillirteste Analyse der poln. Sprache zu machen und diese in genauester Vergleichung mit den verschwisterten und andern neuern und alten Sprachen kritisch durchzuführen“. Прилож., стр. IV. Въ письмѣ отъ 3 сент. 1814 г. онъ пишетъ Добровскому о своемъ желаніи поскорѣй кончить изданіе Словаря, чтобы потомъ заняться новымъ трудомъ: „Dann geht mein einziger Wunsch darauf hin, die polnische Sprache aus den verschwisterten intensiv und extensiv zu bereichern, zu vervollständigen, zu berichtigen, zu fixiren, zu slavonisiren“.

[1]) Библ. Музея Чарторыскихъ, отъ 4 іюля 1813 г., изъ Варшавы.

[2]) „Od niego spodziewać się mogę ważnych objaśnień związku między językiem słowiańskim i dawnemi zachodzącego.“

проектомъ универсальнаго славянскаго алфавита, желая услышать ихъ мнѣнія относительно предлагаемой имъ реформы.

Въ числѣ упрековъ, которыхъ Линде ожидалъ со стороны критики по адресу Словаря, онъ предусматривалъ и упрекъ въ разнообразіи допущенной имъ славянской и польской орѳографіи [1]). Всюду въ примѣрахъ и цитатахъ, почерпнутыхъ изъ авторовъ стараго и новаго времени, Линде сохранилъ ихъ оригинальное правописаніе. Это было тѣмъ необходимѣе, что въ польскомъ языкѣ и новѣйшее время не выработало еще однообразія въ этомъ отношеніи. Самые выдающіеся писатели, по словамъ Линде, и тѣ не соблюдали установленныхъ правилъ правописанія. Самъ Линде всюду рѣшительно отстаиваетъ принципъ этимологическій, ибо только при соблюденіи его сохраняется крѣпкая связь съ славянствомъ, облегчается изученіе польскаго языка для чужеземцевъ. Это нестроеніе въ области правописанія спеціально польскаго, а также безконечное разнообразіе системъ его у славянъ латинскаго письма побудили Линде, вслѣдъ за разсужденіями и опытами другихъ славянскихъ ученыхъ, предложить свою универсальную славянскую азбуку [2]). Съ реформой онъ однако выступаетъ несмѣло, осторожно сообщая проектъ ея прежде всего ближайшимъ друзьямъ. Кн. Чарторыскій получилъ образецъ примѣненія новой азбуки при письмѣ отъ 4 іюля 1813 г., съ просьбой Линде высказать свое мнѣніе по поводу проекта; а нѣсколько раньше (18 іюня) онъ знакомитъ съ нимъ и Добровскаго, особенно интересуясь его мнѣніемъ, будетъ ли польскій текстъ, напечатанный предлагаемой имъ азбукой, болѣе удобочитаемымъ и понятнымъ для прочихъ славянъ. Только послѣ отзыва Добровскаго онъ намѣренъ былъ издать этимъ правописаніемъ какое-нибудь небольшое классическое произведеніе польской литературы [3]). Но послѣдній отнесся къ предложенію Линде

[1]) Біографъ Линде и соучастникъ позднѣйшихъ трудовъ его Паплонскій тоже сожалѣлъ, что онъ не ввелъ однообразной орѳографіи для славянскихъ языковъ въ своемъ Словарѣ. Быть можетъ, его примѣръ былъ бы заразителенъ, и нѣкоторые славяне приняли бы его правописаніе. Kłosy, XII, 1871, str. 269.

[2]) Однимъ изъ побужденій къ сочиненію такого проекта послужили какія-то замѣчанія Чешскаго ученаго общества по поводу орѳографіи, направленныя противъ Линде. Приложенія, стр. IV.

[3]) Приложенія, стр. IV. 17 окт. 1813 г. Добровскій уже сообщаетъ о проектѣ Линде Копитарю. Ягичъ, Источники, I, стр. 360—361.

безъ всякаго сочувствія: предшествовавшіе опыты въ этомъ направленіи убѣждали въ безплодности дальнѣйшихъ попытокъ. На Добровскаго Линде возлагаетъ также наибольшія надежды и въ дѣлѣ исправленія Словаря. Онъ проситъ его просмотрѣть весь Словарь, листъ за листомъ, съ перомъ въ рукѣ, какъ просматриваютъ ученическую работу, дополнить и исправить его во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности же обратить вниманіе на польскую часть (besonders aber auch das polnische aus den übrigen Dialekten intensive und extensive zu bereichern, zu erläutern, zu begründen), а также на введеніе, гдѣ самой строгой критикѣ, по желанію Линде, должны подвергнуться основанія этимологіи. Въ случаѣ согласія Добровскаго взять на себя эту нелегкую работу, Линде готовъ выслать ему особый экземпляръ Словаря. Пересмотръ Словаря и поправки въ немъ производилъ и Юнгманнъ [1]).

Мысль о переработкѣ Словаря впослѣдствіи представляется намъ въ нѣсколько болѣе ясномъ видѣ. По словамъ И. Паплонскаго, одного изъ сотрудниковъ Линде въ работѣ надъ сравнительнымъ славянскимъ словаремъ, авторъ Słownika języka polskiego имѣлъ въ виду слѣдующій планъ. Принявъ въ основаніе новаго труда русскій языкъ, Линде намѣревался провести каждое слово черезъ всѣ славянскія нарѣчія, объяснить его происхожденіе и образованіе, указать на перемѣны, которымъ оно подвергалось въ теченіе вѣковъ, какъ относительно своей формы, такъ и относительно содержанія, переходя отъ первоначальнаго, вещественнаго значенія къ позднѣйшему, отвлеченному. Такимъ образомъ, онъ намѣренъ былъ составить біографію каждаго слова, или лучше сказать — его генеалогію со всѣми многообразными развѣтвленіями по боковымъ и нисходящимъ линіямъ [2]). По отзыву Погодина, который имѣлъ случай ознакомиться съ новымъ ученымъ предпріятіемъ Линде въ 1839 г., при посѣщеніи его въ Варшавѣ, это былъ замѣчательный по идеѣ и выполненію трудъ, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая была уже обработана. „Линде, — докладывалъ тогда Погодинъ гр. Уварову, — прочиталъ мнѣ нѣкоторыя слова; въ примѣчаніяхъ, прилагаемыхъ къ каждому слову, разсы-

[1]) Еще въ концѣ 1822 г. Линде благодаритъ его за то, что онъ неизмѣнно продолжаетъ эту работу. V. Zelený, J. Jungmann, str. 400.

[2]) См. В. Францева, Сравнительный славянскій словарь С. Б. Линде. Р. Ф. Вѣстн., 1905, III, гдѣ подробно изложены судьбы этого словаря.

пано богатою рукою множество новыхъ мыслей, объясняющихъ идеологію, философію языка; отъ нѣкоторыхъ, напримѣръ: „господинъ“ и „гость“, я былъ въ восхищеніи. Вотъ новый источникъ для исторіи народовъ, источникъ, о которомъ не могли и помышлять наши отцы. Съ другой стороны, сколько здѣсь пищи для философіи, философіи живой, положительной: генеалогія понятій, развитіе ихъ, отношеніе міра вещественнаго къ отвлеченному. Вотъ гдѣ заключается древнѣйшая исторія народа, какъ молоды передъ нею лѣтописи!“ Но далекъ былъ отъ этого восхищенія Востоковъ, которому по порученію Россійской Академіи пришлось со временемъ разсматривать этотъ Словарь въ рукописи. Только частица рукописи была издана въ печати, а остальное никогда и не узрѣло свѣта.

Въ связи съ словарными работами Линде, имѣющими общеславянское значеніе, стоитъ его замѣчательный проектъ „Towarzystwa Polsko-Słowiańskiego“. Общество это должно было, какъ можно заключать изъ устава его, выполнить совокупными силами объединенныхъ въ немъ ученыхъ ту работу, которая, какъ Линде ясно сознавалъ, не по силамъ была одному человѣку [1]). Проектъ возникъ еще раньше окончанія изданія Словаря.

Набросокъ устава начинается положеніемъ, что развитіе наукъ и искусствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе просвѣщенія въ каждомъ народѣ зависитъ въ значительной степени отъ совершенства его языка. Эту мысль повторялъ, какъ мы видѣли, въ своей запискѣ и Альбертранди, и другіе современники его. Основная идея Линде — объединеніе научныхъ силъ славянскихъ — высказывалась и Коссаковскимъ. Многія изъ мыслей проекта мы встрѣчали уже и въ предисловіи къ Словарю польскаго языка.

Польскій языкъ, повторяетъ здѣсь Линде, легко могъ бы быть дополненъ и усовершенствованъ при помощи родственныхъ нарѣчій (przez dyalekta pobratymcze). Но кто же знаетъ ихъ всѣ настолько основательно, чтобы одинъ сумѣлъ при ихъ помощи произвести это усовершенствованіе родного языка? Вѣдь надлежащая обработка полнаго сло-

[1]) Набросокъ устава и программы дѣятельности „Польско-Славянскаго общества“ хранится въ бумагахъ Линде, въ Ягеллонской библ. Онъ озаглавленъ: „Pierwszy rzut zasad Towarzystwa Polsko-Słowiańskiego“. Рукопись имѣетъ много исправленій и дополненій, сдѣланныхъ рукой Линде.

варя одного какого-нибудь языка и та превосходитъ силы и средства одного человѣка, что же говорить объ изслѣдованіи и разборѣ этого языка въ отношеніи его соприкосновенія и безчисленныхъ связей съ родственными языками, а сихъ послѣднихъ и его самого съ прочими, какъ древними, такъ и современными языками!

Гдѣ оказываются недостаточными силы отдѣльныхъ лицъ (siły pojedyńcze), тамъ надлежитъ искать помощи въ тѣсномъ общеніи съ другими, расположенными къ задуманной работѣ. Возникаетъ потребность организаціи общества или товарищества для достиженія намѣченной цѣли. Авторъ записки беретъ въ примѣръ свой Словарь польскаго языка, который несомнѣнно далекъ отъ полноты. Хотя составитель Словаря перечислилъ тщательно всѣ важнѣйшіе памятники и произведенія польской литературы (począwszy od Boga Rodzicy aż do XIX wieku), тѣмъ не менѣе лица, владѣющія богатыми собраніями польскихъ книгъ, легко замѣтятъ и укажутъ, изъ какихъ произведеній, оставшихся автору неизвѣстными или не бывшихъ у него подъ рукой, слѣдуетъ дополнить его собраніе въ отношеніи польскаго языка. Но абсолютная полнота словаря есть вещь вообще недостижимая. Дополненіе Словаря Линде въ его польской части можетъ быть произведено только при условіи дружнаго содѣйствія любителей родного языка, которые пожелали бы сообщить автору Словаря свои матеріалы [1]). Что касается вопроса о связяхъ и отношеніи польскаго языка къ родственнымъ славянскимъ языкамъ, то тутъ ни въ какомъ случаѣ нельзя положиться на изданные уже славянскіе словари, къ тому же нѣкоторыя славянскія нарѣчія, какъ болгарское и „славонское“ (Sławoński) даже не имѣютъ словарей. Чешскій словарь Томсы весьма бѣденъ, Добровскій обѣщалъ болѣе обширный, но до сихъ поръ едва началъ его. Судить же по убожеству словаря объ убожествѣ языка было бы несправедливо. То же самое слѣдуетъ повторить и относительно славянскихъ грамматикъ.

Такимъ образомъ, достигнуть указанной цѣли можно единственно путемъ образованія общества мужей, изъ коихъ каждый въ совершенствѣ и научно владѣлъ бы своимъ

---

[1]) „Cel ten, po wydaniu całkowitego dzieła, będzie mógł bydź łatwo osiągniony, byleby przyjaciele języka i jego zbioru wypiski swoje i dodatki bądź z autorów dotąd tym końcem nieczytanych, bądź z rękopism,

нарѣчіемъ (z których by każdy doskonale i uczenie posiadał i znał swój dyalekt, osobliwie, że trzeba także rozważać pronuncyacyą dyalektową, względem której żadna Grammatyka, ani żaden Słownik potrzebnej pewności dać nie może). Для успѣшности работъ такого общества ученыхъ необходимо пригласить въ составъ его представителей всѣхъ главныхъ славянскихъ языковъ (dyalektów), къ которымъ авторъ проекта причисляетъ: польскій, русскій, чешскій, иллирійскій (obejmując w ten ostatni mniejsze dyalekta słowiańskie nad odnogą wenecką i w Węgrzech południowych znajdujące się, jakoto raguzański, dalmacki, kroacki, sławoński, bosiniński (sic), bulgarski[!]), а также словинскій (windyjsko-karyntski w Styryi, Karyntyi itd.). Что касается нарѣчія лужицкихъ сербовъ, то тутъ можно бы прибѣгнуть къ перепискѣ съ мѣстными учеными. Ученое общество лингвистовъ, такимъ образомъ, состояло бы изъ русскаго, чеха, хорвата (raguzanina), словинца (windyjczyka) и поляка.

Далѣе точнѣе опредѣляются требованія, которымъ долженъ удовлетворять каждый изъ членовъ этого славянскаго ученаго кружка.

Русскій (rossyanin) долженъ владѣть не только русскимъ языкомъ, но и церковнославянскимъ, быть при этомъ знакомымъ и съ литературой того и другого языка, также хоть немного (przynajmniej cokolwiek) знать по-гречески. Чехъ, кромѣ основательнаго знанія чешскаго языка, долженъ хорошо быть знакомымъ съ языкомъ словацкимъ, чтобы опредѣлить ихъ взаимныя отличія (powinien dobrze znać różnicę między tym, т. е. чешскимъ, a słowackim zachodzącą). Отъ рагузанина требуется знакомство съ отличительными чертами славянскихъ нарѣчій южной Венгріи (różnicę, która częstokroć w pojedyńczych tylko słowach zachodzi), а отчасти и съ венгерскимъ языкомъ. Словинецъ (windyjczyk albo karyntczyk) долженъ знать нарѣчія Штиріи, Каринтіи, Венеціи. Отъ всѣхъ членовъ требуется знаніе латинскаго языка и извѣстное общее образованіе. Что касается польскаго языка, то для него авторъ проекта требуетъ двухъ представителей, такъ какъ всѣ труды славянскихъ ученыхъ и польскихъ должны будутъ подвергаться польской редакціи.

---

bądź z używania potocznego do redakcyi przesłać raczyli. Osobliwie posiadacze wielkich dóbr w różnych stronach kraju naszego mogliby się trudnić zbieraniem idyotyzmów i one autorowi Słownika przesyłać".

Желательно было бы, что хоть одинъ изъ членовъ общества былъ знакомъ съ языками восточными.

Таковы были начала, на которыхъ должно было возникнуть и работать это Польско-Славянское Общество.

Относительно цѣлей и задачъ его авторъ опредѣленно заявляетъ въ своей запискѣ, что первой, основной задачей Общества должно быть усовершенствованіе польскаго языка при помощи родственныхъ языковъ, какъ въ внѣшнемъ, такъ и въ внутреннемъ отношеніяхъ (tak intensive, jak extensive, tak wewnętrznie, jak zewnętrznie, to jest tak we względzie grammatycznym co do ortografii, przypadkowania i konstrukcyi, jako też co do zbogacenia w słowa i wyrazy). На второмъ планѣ стояло облегченіе полякамъ изученія и пониманія родственныхъ языковъ, а „побратимцамъ“ — языка польскаго; послѣднее представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что польскій языкъ у славянъ вообще былъ весьма мало распространенъ (język nasz u nich zupełnie jest zaniedbany).

Наконецъ, общество славянскихъ ученыхъ своею дѣятельностью можетъ подготовить почву для взаимнаго сближенія славянскихъ языковъ и созданія въ будущемъ одного языка. Это, впрочемъ, — болѣе отдаленная цѣль, осуществленіе которой можетъ быть достигнуто со временемъ.

Первымъ шагомъ ученаго содружества могъ бы быть внимательный пересмотръ польской грамматики и Словаря польскаго языка. Авторъ записки рекомендуетъ приступить къ разбору отдѣльныхъ словъ, чтобы затѣмъ уже перейти къ общимъ грамматическимъ замѣчаніямъ.

Программа работы надъ Словаремъ польскаго языка разработана была весьма обстоятельно и заключала слѣдующіе главнѣйшіе пункты. Слѣдуетъ обратить вниманіе на иностранныя слова въ польскомъ языкѣ: нельзя ли подыскать для нихъ замѣну въ какомъ-либо изъ славянскихъ нарѣчій; нельзя ли значеніе отдѣльныхъ польскихъ словъ, ихъ синонимы и способъ развитія одного значенія изъ другого точнѣе объяснить при помощи славянскихъ нарѣчій [1]) Въ родственныхъ славянскихъ языкахъ слѣдуетъ искать такихъ

---

[1]) Собственноручно Линде дополнилъ это мѣсто: „Czy jakie słowo w innych dyalektach ma wszystkie te znaczenia, które ma w Polskiem, czy ich ma więcej lub mniej i jaka może być tego przyczyna; czym brak jakiego znaczenia zastępują; jak pogodzić różne częstokroć znaczenie tegoż słowa w dyalektach, jak je podciągnąć pod jedno ogólne zrzódłowe, które podzielone w dyalektach na specifica może w żadnym się już nie znajduje, n. p. gody“.

корней производныхъ словъ, которые исчезли у поляковъ (pierścień, naparstek); въ этимологическихъ разысканіяхъ непремѣнно надо имѣть въ виду всѣ славянскія нарѣчія. Члены Общества, занимаясь разработкой польскаго языка, могутъ одновременно подготовлять матеріалъ для дополненія, усовершенствованія и разъясненія своихъ нарѣчій. При этомъ можно было бы произвести изслѣдованіе о славянскихъ корняхъ (rozprawa o pierwiastkach słowiańskich), утерянныхъ въ польскомъ языкѣ, но сохранившихся въ другихъ славянскихъ языкахъ, и обратно. Одновременно съ этой работой можно бы приступить къ раздѣленію всѣхъ словъ на различныя эпохи, разложивши ихъ на первообразныя и производныя, и вести изслѣдованіе ихъ по эпохамъ. Тутъ Линде высказываетъ интересныя соображенія объ историческомъ изученіи каждаго славянскаго языка, которыя впослѣдствіи повторилъ въ разборѣ книги Сопикова. Такой трудъ привелъ бы къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) что слова, встрѣчающіяся въ одинаковой формѣ и значеніи не только во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но и въ языкахъ восточныхъ, а именно въ санскритскомъ, составляютъ древнѣйшую, дославянскую эпоху (składają epokę najdawniejszą, t. j. przedsłowiańską);

2) слова, встрѣчающіяся въ одинаковой формѣ и значеніи во всѣхъ нарѣчіяхъ, но не имѣющія связи съ восточными языками, составляютъ вторую эпоху, настоящую славянскую (prawdziwie słowiańską); будучи обслѣдованы и разработаны въ отношеніяхъ лексикальномъ и грамматическомъ, они создали бы представленіе объ общей матери всѣхъ славянскихъ племенъ (dałyby wyobrażenie ogólnej matki wszystkich szczepów słowiańskich);

3) къ третьей эпохѣ относятся слова, встрѣчающіяся въ нѣсколькихъ нарѣчіяхъ, но не имѣющія связи съ чужими; это тѣ слова, которыя были во всѣхъ славянскихъ языкахъ, но исчезли съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, при чемъ кое-гдѣ сохраняются еще производныя отъ нихъ (нпр., перстень), или же образовались совершенно самостоятельно уже послѣ раздѣленія славянства (od plemienników po rozbrataniu się swojem odrębnie utworzone zostały); въ послѣднемъ случаѣ это были бы чисто діалектическія слова (słowa prawdziwie dyalektowe);

4) наконецъ, наступаетъ эпоха заимствованія чужихъ словъ; тутъ лексикографъ долженъ обратить особенное

корней производныхъ словъ, которые исчезли у поляковъ (pierścień, naparstek); въ этимологическихъ разысканіяхъ непремѣнно надо имѣть въ виду всѣ славянскія нарѣчія. Члены Общества, занимаясь разработкой польскаго языка, могутъ одновременно подготовлять матеріалъ для дополненія, усовершенствованія и разъясненія своихъ нарѣчій. При этомъ можно было бы произвести изслѣдованіе о славянскихъ корняхъ (rozprawa o pierwiastkach słowiańskich), утерянныхъ въ польскомъ языкѣ, но сохранившихся въ другихъ славянскихъ языкахъ, и обратно. Одновременно съ этой работой можно бы приступить къ раздѣленію всѣхъ словъ на различныя эпохи, разложивши ихъ на первообразныя и производныя, и вести изслѣдованіе ихъ по эпохамъ. Тутъ Линде высказываетъ интересныя соображенія объ историческомъ изученіи каждаго славянскаго языка, которыя впослѣдствіи повторилъ въ разборѣ книги Сопикова. Такой трудъ привелъ бы къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) что слова, встрѣчающіяся въ одинаковой формѣ и значеніи не только во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но и въ языкахъ восточныхъ, а именно въ санскритскомъ, составляютъ древнѣйшую, дославянскую эпоху (składają epokę najdawniejszą, t. j. przedsłowiańską);

2) слова, встрѣчающіяся въ одинаковой формѣ и значеніи во всѣхъ нарѣчіяхъ, но не имѣющія связи съ восточными языками, составляютъ вторую эпоху, настоящую славянскую (prawdziwie słowiańską); будучи обслѣдованы и разработаны въ отношеніяхъ лексикальномъ и грамматическомъ, они создали бы представленіе объ общей матери всѣхъ славянскихъ племенъ (dałyby wyobrażenie ogólnej matki wszystkich szczepów słowiańskich);

3) къ третьей эпохѣ относятся слова, встрѣчающіяся въ нѣсколькихъ нарѣчіяхъ, но не имѣющія связи съ чужими; это тѣ слова, которыя были во всѣхъ славянскихъ языкахъ, но исчезли съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, при чемъ кое-гдѣ сохраняются еще производныя отъ нихъ (нпр., перстень), или же образовались совершенно самостоятельно уже послѣ раздѣленія славянства (od plemienników po rozbrataniu się swojem odrębnie utworzone zostały); въ послѣднемъ случаѣ это были бы чисто діалектическія слова (słowa prawdziwie dyalektowe);

4) наконецъ, наступаетъ эпоха заимствованія чужихъ словъ; тутъ лексикографъ долженъ обратить особенное

вниманіе на географію и исторію, ибо каждое славянское племя обогащало свой языкъ заимствованіями у тѣхъ народовъ, съ которыми оно было въ какой-нибудь связи. Тутъ уже начинается образованіе каждаго нарѣчія въ отдѣльности (odrębne każdego dyalektu wykształcenie się, zawisłe od wpływu sąsiadów), и каждое изъ нихъ имѣетъ въ своемъ развитіи особыя эпохи. Въ этомъ четвертомъ періодѣ необходимо внимательно наблюдать, какъ старыя, настоящія славянскія слова уступали мѣсто заимствованнымъ (вм. chram — kościół, cerkiew и т. п.). Эти наблюденія дадутъ матеріалъ для картинъ культурнаго развитія того или другого народа.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ слѣдуетъ однако быть весьма осторожнымъ, чтобы не впасть въ преувеличенія и не сдѣлаться смѣшнымъ, надо отъ точныхъ, обоснованныхъ наблюденій переходить къ выводамъ, а также тщательно отличать всякія новшества въ нарѣчіяхъ отъ ихъ дѣйствительныхъ свойствъ.

Только послѣ дополненія и усовершенствованія Словаря польскаго языка, послѣ подготовки матеріаловъ для всеобщаго славянскаго словаря (powszechnego słownika słowiańskiego), для общей славянской грамматики, равно какъ и для грамматикъ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, а также для исторіи языка и цивилизаціи славянскихъ народовъ, Общество приступило бы къ пересмотру польской грамматики.

Какъ повести эту работу, Линде наставляетъ въ заключительной части своей записки. Слѣдуетъ идти отъ грамматики Копчинскаго и позднѣйшихъ передѣлокъ ея вспять, до древнѣйшаго руководства. Сравнивая эти грамматики между собою, съ грамматиками другихъ нарѣчій и съ наблюденіями, сдѣланными при разсмотрѣніи Словаря, надо обращать вниманіе и на удареніе (czyli ton albo akcent słów polskich zawsze się zachowywał w jednej tylko syllabie przedostatniej, albo też i w innych, lub czyli się nie przenosił z syllaby na syllabę, jak w niektórych dyalektach słowiańskich), и на принципы орѳографіи, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ стремиться къ сближенію ея съ орѳографіей другихъ славянъ; и на систему склоненій и спряженій и т. д. На основаніи всего этого можетъ быть произведено дополненіе и усовершенствованіе польской грамматики, а затѣмъ и грамматикъ другихъ славянскихъ нарѣчій.

Такимъ образомъ, конечные результаты трудовъ Общества могли бы выразиться въ слѣдующемъ: 1) въ допол-

неніи, усовершенствованіи и развитіи польскаго языка, 2) въ усовершенствованіи при помощи польскаго языка другихъ славянскихъ нарѣчій, 3) въ обезпеченіи польскому языку господствующей роли при образованіи общеславянскаго языка, при условіи появленія славянскихъ Дантовъ, Петрарокъ и Боккачіо (zapewnienie polszczyznie przewagi w utworzeniu ogólnej mowy słowiańskiej).

Но осуществленіе послѣдней цѣли, конечно, можетъ быть достигнуто лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Предполагая, очевидно, что общій славянскій языкъ можетъ быть созданъ безъ особенныхъ затрудненій, Линде возлагаетъ на Общество заботы о распространеніи его. Общество будетъ издавать образцовыя произведенія польской литературы, помѣщая на одной сторонѣ текстъ ихъ по-польски, на другой — на новообразованномъ общеславянскомъ языкѣ (w nowoutworzonej ogólnej słowiańskiej, in lingua communi); со временемъ оно приступитъ къ такимъ же изданіямъ произведеній другихъ славянскихъ народовъ.

Въ заключеніе проекта сообщается нѣсколько незначительныхъ указаній относительно деталей организаціи Польско-Славянскаго Общества [1]).

Вотъ результаты научной работы Линде въ области языкознанія въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій XIX ст. Другіе труды его мы разсмотримъ позже.

Мы видѣли, въ какой значительной степени Линде обязанъ былъ успѣхами своихъ научныхъ предпріятій непрерывнымъ оживленнымъ связямъ съ славянскимъ ученымъ міромъ. Рядомъ съ Линде слѣдуетъ поставить его современника Георга Самуила Бандтке, посвящавшаго труды свои тоже главнымъ образомъ польской и славянской письменности, языку и исторіи [2]). Съ первыхъ же лѣтъ ученой дѣя-

---

[1]) „Towarzystwo z sześciu członków i sekretarza w jednem miejscu, n. p. tu w Warszawie, pracujących złożone mogłoby przybierać członki honorowe dla korrespondencyi. Pisma i rozprawy powinnyby bydź w języku polskim i łacińskim a zysk z nich salvo calculo iść na Towarzystwo, które potrzebować będzie jak najdokładniejszej biblioteki Słowiańskiej, a zatym funduszu na jej założenie, na jej pomnażanie i utrzymywanie, na korrespondencye i wszelkie koszta kancellaryi, na członków pracujących."

[2]) Краткую автобіографію свою Бандтке написалъ 24 іюля 1826 г. Она напечатана А. С. Гельцелемъ вмѣстѣ съ очеркомъ жизни и характеристикой ученой дѣятельности Бандтке: „Jérzy Samuel Bandtkie w stosunku do społeczności i literatury Polskiej", въ ж. Kwartalnik Naukowy, T. II, zesz. II, str. 321—363; 364—372. Ср. „Wiadomość o życiu i pismach

тельности Бандтке стремится расширить свои ученыя знакомства и связи въ славянскомъ мірѣ. Наиболѣе привлекательнымъ было, конечно, знакомство съ Добровскимъ.

Живую и чрезвычайно поучительную картину ученой работы Бандтке рисуетъ намъ переписка его съ отцомъ славяновѣдѣнія. Въ ней открывается предъ нами, подчасъ въ самыхъ сокровенныхъ своихъ уголкахъ, обширная ученая лабораторія двухъ замѣчательныхъ представителей славянской науки начала XIX ст. Взаимная переписка Добровскаго и Бандтке является весьма убѣдительнымъ доказательствомъ, насколько благотворно отражались сношенія и непосредственныя личныя связи выдающихся славянскихъ ученыхъ на развитіи и успѣхахъ разнообразныхъ областей зарождавшагося славяновѣдѣнія, и въ этомъ отношеніи она составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ занимательнѣйшихъ страницъ исторіи начальныхъ лѣтъ славянскихъ изученій. Она обнимаетъ почти два десятилѣтія ученой производительности двухъ самоотверженныхъ жрецовъ чистой науки.

Непосредственныя сношенія Бандтке съ Добровскимъ начинаются съ 1810 г. Переписка его съ патріархомъ славяно-

---

J. S. Bandtkie“ въ ж. Wizerunki i roztrząsania naukowe, Ser. II, XIII, 147. Обозрѣніе дѣятельности Бандтке находимъ въ ж. Tygodnik Illustr., VIII, 1863, str. 389, авторъ воспользовался статьей Гельцеля; на ней же основаны и другія біографіи Бандтке: въ изд. „Życiorysy znakomitych ludzi wsławionych w rozmaitych zawodach“, T. I, str. 347; Przyjaciel ludu leszczyński, T. II, str. 35. О дѣятельности Бандтке въ качествѣ члена прусской школьной комиссіи см. Kraushar, op. cit., I, 45 и сл. О заслугахъ его какъ библіотекаря см. введеніе къ названному ниже изданію нашему. Матеріаловъ для жизнеописанія Бандтке издано до настоящаго времени немного, а между тѣмъ, по всѣмъ даннымъ, онъ велъ обширную переписку: онъ былъ въ сношеніяхъ съ пражскими учеными Добровскимъ и Ганкой (см. „Vzájemné dopisy J. Dobrovského a J. S. Bandtkeho“, vydal V. A. Francev, Praha, 1906, и „Письма къ В. Ганкѣ изъ славянскихъ земель“, стр. 31 и 1268), переписывался съ Копитаремъ (см. И. В. Ягичъ, Источники, II, стр. 639—640; упоминанія на стр. 794, 824, 828, 843 и пр.), съ гр. Н. П. Румянцевымъ (см. прилож., стр. XXXVI и сл.; ср. извлеченіе въ Чтеніяхъ О. И. и Др., 1882, I, стр. 138), съ П. И. Кеппеномъ (см. прилож., стр. XXVII и сл.), съ ученикомъ своимъ В. А. Мацѣевскимъ (ркп. Крак. Акад., № 101), съ З. Д. Ходаковскимъ (см. Athenaeum, Wilno, 1842; ср. еще Pamiętnik Nauk. Krak., 1837, III) съ I. Лелевелемъ (въ Ягеллонской библ. ркп. № 4170: „14 listów J. S. Bandtkie do J. Lelewela z lat 1809—1821“), съ гр. І. М. Оссолинскимъ (библ. Оссолинскихъ Autogr. № 179—186, письма за 1811—1821 гг.) и мн. др. Труды Бандтке перечислены въ предисловіи къ нашему изданію переписки его съ Добровскимъ.

вѣдѣнія открывается двумя годами позже, чѣмъ переписка Линде, но по обширности своей и по содержанію она представляетъ несравненно больше интереса и имѣетъ большее значеніе по разнообразію затрагиваемыхъ въ ней вопросовъ.

Имя Добровскаго, конечно, давно уже было знакомо польскому ученому по научнымъ работамъ аббата въ изданіи (Abhandlungen) Чешскаго ученаго общества, но познакомиться съ нимъ лично Бандтке долго не удавалось. Въ первое посѣщеніе Праги, относящееся еще къ 1796 г., Бандтке заглянулъ въ университетскую библіотеку, но не имѣлъ возможности заняться въ ней интересовавшими его вопросами. О Добровскомъ онъ, быть можетъ, еще не зналъ. Впослѣдствіи, въ 1808 г., онъ намѣренъ былъ снова посѣтить Прагу, обозрѣть ея библіотеки и познакомиться съ Добровскимъ, но на этотъ разъ возникли какія-то затрудненія съ паспортомъ, и давнишнее желаніе опять не осуществилось. Уже тогда Бандтке собирался къ Добровскому съ нѣкоторыми научными сообщеніями и запросами: онъ хотѣлъ представить ему снимки съ Подѣбрадской псалтыри и какой-то лѣтописи, но переслать ихъ помѣшали военныя событія. Пользуясь поѣздкой въ Чехію своего бреславльскаго друга, знатока новой исторіи Силезіи и собирателя памятниковъ силезской старины Х. Ф. Паритіуса, Бандтке пересылаетъ Добровскому свои приложенія и рекомендуетъ ему, какъ лицу, извѣстному своимъ гостепріимствомъ и любезностью, своего пріятеля. Такъ завязались сношенія его съ Добровскимъ и Прагою (1810).

Въ столицу Чехіи Бандтке стремится еще съ одной цѣлью. Затрудненія, съ которыми связано было въ то время пріобрѣтеніе славянскихъ книгъ, особенно провинціальныхъ изданій, и слабое развитіе сношеній между славянскими учеными центрами побуждаютъ его изыскать средства для устраненія этихъ препятствій. Въ Прагѣ Бандтке надѣется дешево пріобрѣсти необходимыя книги, а въ то же время намѣренъ попытаться организовать, при содѣйствіи пражскихъ ученыхъ, литературно-историческое общество чешскихъ, польскихъ и силезскихъ ученыхъ. Письмо содержало при этомъ цѣлый рядъ немаловажныхъ замѣчаній къ первой части „Славина“.

Съ этого момента переписка Добровскаго и Бандтке принимаетъ регулярный характеръ. Съ первыхъ же писемъ между ними устанавливаются дружескія отношенія. Если

Бандтке усиленно искалъ случая завязать сношенія съ ученымъ аббатомъ и познакомиться съ нимъ, то съ своей стороны и Добровскій, знавшій Бандтке по его работамъ, радъ былъ перепискѣ съ нимъ, ибо видѣлъ, какого драгоцѣннаго корреспондента въ немъ пріобрѣталъ, особенно по вопросамъ польской словесности. Объ этомъ могли свидѣтельствовать уже и первыя литературныя сообщенія Бандтке.

Какъ бы въ благодарность за важное и интересное извѣстіе о Подѣбрадской псалтыри Добровскій въ отвѣтномъ письмѣ (5 іюня 1810 г.) обращаетъ вниманіе Бандтке на рукопись польской библіи въ Венгріи (въ Шаришскомъ Потокѣ). Впрочемъ, о ней Добровскій узналъ изъ путешествія Телеки (Reise durch Ungarn) и болѣе точныя свѣдѣнія надѣялся получить непосредственно изъ Венгріи [1]).

Общіе научно - литературные интересы, сближавшіе Добровскаго и Бандтке, давали неисчерпаемую пищу для переписки. Добровскій, какъ видно, сразу почувствовалъ расположеніе къ Бандтке, который изъявилъ полную готовность дѣлиться съ нимъ сообщеніями и съ необыкновенной скромностью при этомъ говорилъ о себѣ и своихъ дарованіяхъ. Бандтке былъ симпатиченъ аббату еще и тѣмъ, что въ вопросѣ орѳографическомъ держался того же консервативнаго взгляда, который высказывалъ и Добровскій. Возставая противъ шлецеровскаго и бакмейстеровскаго способа передачи латинскимъ письмомъ славянскихъ звуковъ, Бандтке рѣшительно въ первомъ же письмѣ высказывается за чешскую транскрипцію, принятую Добровскимъ [2]).

Это предпочтеніе чешской системѣ или польскому правописанію онъ неоднократно впослѣдствіи выражалъ и въ печатныхъ трудахъ своихъ [3]). Взгляды обоихъ ученыхъ сходились, впрочемъ, и по многимъ другимъ вопросамъ. Бандтке откровенно заявляетъ Добровскому: „Was mich an Sie attachirt, ist unsere gleichstimmige Meinung von so vielen Dingen“.

---

[1]) A. Małecki, Biblia Król. Zofii, Lwów, 1871, str. XII, увѣряетъ, что сообщеніе (list z Pragi Czeskiej z doniesieniem) объ этой библіи Бандтке получилъ отъ Добровскаго еще въ 1806 г. Но такого письма, очевидно, не было.

[2]) См. Slavin, 1808, и Шлецера: „Vorschlag, das Russische vollkommen richtig und genau mit lateinischer Schrift auszudrücken“, Несторъ II, стр. 321—340.

[3]) Ср. De primis Cracoviae in arte typographica incunabulis, 1812, p. 4: „Ut Josephus Dobrovius Slavonica et Russica moderna verba mavult scribere certa et indubitata orthographia Bohemica, sic ego quoque vestigia

Первыя письма Бандтке и Добровскаго посвящены преимущественно вопросамъ славянской миѳологіи, общему славянскому правописанію, замѣчаніямъ по славянской, главнымъ образомъ — польской діалектологіи, вопросу о началѣ христіанства въ Моравіи и Чехіи; особое обширное приложеніе Бандтке къ одному изъ писемъ заключаетъ, согласно желанію Добровскаго, списокъ переводовъ библіи на польскій языкъ. Послѣдняя тема особенно долго занимаетъ обоихъ корреспондентовъ. Въ первомъ же письмѣ Добровскій высказываетъ желаніе получить полный списокъ трудовъ Бандтке, относящихся къ славистикѣ, для задумываемой имъ славянской энциклопедіи и считаетъ вообще чрезвычайно необходимымъ и важнымъ такое періодическое изданіе, въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о новѣйшихъ явленіяхъ славянскихъ литературъ [1]).

Скромный и строгій къ себѣ, Бандтке остался недоволенъ той высокой оцѣнкой его дѣятельности, которую ему пришлось услышать отъ Добровскаго [2]). Онъ съ удовольствіемъ готовъ давать Добровскому для его изданія матеріалы, но сознаетъ, что онъ слишкомъ односторонень въ своихъ литературныхъ вкусахъ. Но Добровскій не раздѣялъ этого черезчуръ строгаго сужденія Бандтке о себѣ.

Вскорѣ Бандтке дѣйствительно становится сотрудникомъ „Славина“ [3]). Добровскій съ своей стороны старается отвѣтить другу какими-нибудь цѣнными литературными сообщеніями и посылками.

Зная объ этой близости польскаго ученаго къ Добровскому, Копитарь, отзывавшійся сначала о Бандтке въ обычномъ язвительномъ тонѣ [4]), вскорѣ, въ ноябрѣ 1812 г.,

---

Büschingii premens malui reddere omnia Slavonica verba orthographia Polonica certa ac usitata, quam incerto Bacmeisteriano et Schloezeriano arbitrario scriptionis modo“. Ср. еще Ягичъ, Источники, II, стр. 290, и „Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ россійскомъ“, Вѣстн. Евр., 1815, ч. 84, стр. 26—27.

[1]) Vzájemné dopisy, str. 24.

[2]) Ibid., стр. 10, 15. „Etwas hat mich doch in ihrem Briefe geärgert, das ist, dass Sie mich zu hoch schätzen.“

[3]) Въ февр. 1812 г. Добровскій писалъ Копитарю: „Von Bandtke hab' ich schöne Beiträge zum Slavin erhalten, den ich nicht ganz aufgebe. Ягичъ, Источники, I, стр. 250.

[4]) „Bandtke gibt sich die Miene ein grosser Universalslawist zu sein, besonders Altslawist: sed vix primoribus labris attigit“, выразился онъ въ письмѣ къ Добровскому 5 февр. 1810 г.

черезъ пражскаго друга старается привлечь его вмѣстѣ съ Линде къ сотрудничеству въ только-что основанной вѣнской Literaturzeitung [1]). Бандтке отвѣтилъ готовностью и до 21 апр. 1813 г. прислалъ Копитарю уже двѣ рецензіи [2]). Въ іюлѣ 1814 г. онъ обѣщаетъ выслать Добровскому небольшую статью „Ueber den reinsten slaw. Dialect", съ просьбой просмотрѣть ее, видоизмѣнить въ ней, что̀ найдетъ нужнымъ, и отправить въ редакцію Literaturzeitung [3]). Но Добровскій откровенно заявилъ, что Копитарь такой статьи для вѣнской газеты не приметъ, такъ какъ онъ чрезвычайно ревниво отстаиваетъ преимущества своего краинскаго нарѣчія [4]). Черезъ Добровскаго Копитарь получалъ сначала и разныя сочиненія Бандтке.

Уже въ своихъ „Historisch-kritische Analecten zur Erläuterung der Geschichte des Ostens von Europa" (1802) Бандтке въ ряду другихъ вопросовъ остановился и на польскомъ нарѣчіи Силезіи [5]). Но это былъ лишь скромный опытъ въ области польской діалектологіи. Интересуясь особенно вопросами ея [6]) и исторіи польскаго языка, Добровскій съ огорченіемъ отмѣчаетъ отсутствіе въ польской литературѣ пособія, которое отвѣчало бы хотя бы его „Geschichte der böhm. Sprache und Literatur" (1792). Отправляя Бандтке (27—31 янв. 1811 г.) списокъ польскихъ грамматикъ и словарей, онъ желалъ бы получить дополненія и поправки къ этому устарѣвшему уже указателю Гейманна, но Бандтке, очевидно, немногое могъ сообщить ему [7]); въ то же время онъ проситъ указаній, сколько приблизительно милліоновъ говорятъ по-польски въ Польшѣ, Пруссіи, Литвѣ и Силезіи.

Знакомство и переписка съ Бандтке безспорно оказали извѣстное вліяніе на направленіе ученыхъ занятій Добров-

---

[1]) Ягичъ, Источники, I, стр. 299. Первый номеръ газеты вышелъ 1 янв. 1813 г. См. Н. Петровскій, Первые годы дѣятельности В. Копитаря, стр. 240.

[2]) Ягичъ, Источники, II, стр. 255.

[3]) Повидимому, Бандтке хотѣлось, чтобы статья исходила не отъ него, а явилась бы съ рекомендаціей Добровскаго. Vzájemné dop., str. 79.

[4]) Ibid., str. 82.

[5]) Отсюда Добровскій заимствовалъ для Slovanky, II, str. 122: „Uiber die polnische Sprache in Schlesien".

[6]) Vzájemné dop., str. 10, 23.

[7]) Въ письмахъ Бандтке этихъ исправленій находимъ немного. Op. cit., 52. Они не удовлетворили Добровскаго. „Selbst Bandtke konnte mir nicht alle Grammatiken nennen und richtig angeben", изумлялся онъ въ письмѣ къ Копитарю. Ягичъ, Источники, I, стр. 326.

скаго. Въ первомъ письмѣ къ Бандтке онъ какъ будто извинялся и оправдывался, что Slavin его мало посвятилъ вниманія полякамъ, — со временемъ онъ желалъ бы устранить этотъ недостатокъ своего сборника. Бандтке сумѣлъ оцѣнить такое вниманіе аббата къ польскому языку и послалъ ему (17 мая 1811 г.) свою „Polnische Grammatik“ (1808 г.), съ убѣдительнѣйшей просьбой внимательно просмотрѣть этотъ учебникъ. Къ сожалѣнію, ему недоступна была брошюра Добровскаго: „Slovo Slavenicum in specie Czechicum“ (1799), излагавшая систему чешскаго спряженія, — въ противномъ случаѣ, онъ во многомъ высказалъ бы иныя сужденія. Экземпляръ грамматики, посланный Добровскому, испещренъ многочисленными замѣчаніями и поправками Бандтке, — настолько эта книга не удовлетворяла автора ея.

Дѣятельность Бандтке въ Бреславлѣ въ качествѣ библіотекаря и ученыя работы его обратили на него вниманіе соотечественниковъ. Въ періодъ усиленныхъ заботъ о поднятіи просвѣщенія и о развитіи польскихъ лингвистическихъ и историческихъ изученій естественнымъ являлось желаніе ихъ пріобрѣсти выдающагося ученаго и отличнаго патріота для работы на родной нивѣ.

Въ іюлѣ 1811 г. Бандтке извѣщаетъ Добровскаго о предстоящемъ переѣздѣ въ Краковъ. Впрочемъ, еще въ маѣ того же года онъ по секрету сообщалъ другу о предложеніяхъ изъ Варшавы и Кракова, но тогда еще самъ не зналъ ничего опредѣленнаго. Съ переселеніемъ въ Краковъ связывались надежды посѣтить еще въ томъ же 1811 г. Прагу и Добровскаго. Разставаться съ Бреславлемъ Бандтке вообще не хотѣлось, но въ Польшу онъ отправлялся съ удовольствіемъ. „Quo fata trahunt retrahuntque sequamur!“ Велѣнію судьбы онъ подчинился безъ колебанія.

Бандтке не сомнѣвался, что въ новомъ мѣстѣ своей дѣятельности онъ найдетъ много интереснаго для своего пражскаго друга. Обо всѣхъ находкахъ in bohemicis онъ обѣщаетъ сообщать Добровскому; зато аббатъ долженъ собирать для Бандтке polonica. Въ сентябрѣ 1811 г. Бандтке пишетъ въ Прагу уже изъ Кракова и въ первый разъ подписывается: „Bibliothecarius und Professor der Bibliographie“. Первыя краковскія впечатлѣнія были благопріятныя: Бандтке чувствовалъ себя здѣсь вполнѣ хорошо. Онъ еще разъ повторяетъ обѣщаніе доставлять Добровскому разныя ли-

тературныя сообщенія и высказываетъ надежду свидѣться съ нимъ при случаѣ въ Прагѣ.

Краковскія вѣсти, какъ видно, радовали Добровскаго: онъ отъ души желаетъ Бандтке успѣховъ въ новомъ положеніи и вообще принимаетъ живѣйшее участіе въ его дѣлахъ [1]). Въ отвѣтѣ своемъ на первое письмо Добровскій проситъ сообщить для Як. Гримма свѣдѣнія о рукописяхъ произведеній старой нѣмецкой письменности въ Краковской библіотекѣ, такъ какъ самъ онъ во время пребыванія въ Краковѣ просматривалъ только bohemica, главнымъ образомъ hussitica, и о нѣмецкихъ рукописяхъ ничего не знаетъ [2]).

Въ январѣ 1812 г. Бандтке посылаетъ Добровскому для Гримма шесть польскихъ сказокъ и въ то же время сообщаетъ о своемъ намѣреніи сдѣлать краткое извлеченіе на польскомъ языкѣ изъ „Gesch. der böhm. Sprache", книги совершенно разошедшейся и напрасно разыскивавшейся поляками въ Прагѣ. Нѣкоторое колебаніе вызывало только равнодушіе краковскихъ ученыхъ круговъ къ вопросамъ исторической и филологической критики. Бандтке не раздѣлялъ и не одобрялъ общаго увлеченія ихъ Фихте, Шеллингомъ, вообще метафизикой; не нравилась ему, сторонніку строгаго критическаго метода въ историческихъ и филологическихъ разысканіяхъ, страсть нѣкоторыхъ польскихъ ученыхъ отважно пускаться въ самыя рискованныя и фантастическія этимологіи и сопоставленія, въ родѣ Kruswica — Grod Swieca или Morlacy — morskie lachi и т. п. Тутъ взгляды друзей опять сходились. Не находилъ нынѣ вкуса въ метафизикѣ и Добровскій, хотя въ молодые годы увлекался Кантомъ; онъ также предпочитаетъ метафизическимъ мечтаніямъ положительныя данныя. „Historische und philologische Kritik giebt doch mehr, als jede Metaphysik. Ein literarisches Datum ist etwas, aber jedes neue metaphysische System ist doch nur Hirngespinst", соглашается онъ съ Бандтке.

Болѣзнь Добровскаго зимою 1811—1812 г. [3]) пріостановила на время правильный ходъ переписки его. Отвѣтъ на январьское письмо Бандтке (1812 г.) послѣдовалъ поздно, и Добровскій оправдывается предъ другомъ въ невольномъ

---

[1]) „Ich nehme den grössten Antheil daran, dass Sie im Ganzen mit ihrer dermaligen Lage zufrieden sind". Vzájemné dop., str. 48.

[2]) См. письма Добровскаго къ Гримму въ Arch. f. slav. Phil., I, 624—630; II, 174—189.

[3]) Vzájemné dop., str. 46—47. Brandl, str. 159.

молчаніи. Благодаря его за книжные подарки, присланные съ однимъ изъ знакомыхъ, онъ сожалѣетъ, что Бандтке самъ не пріѣхалъ въ Чехію, и опять выражаетъ надежду побывать у него въ Краковѣ. Впрочемъ, Бандтке предпочелъ бы самъ навѣстить его въ Прагѣ, ибо здѣсь у Добровскаго онъ могъ бы большему научиться, чѣмъ въ Краковѣ.

Поглощенный всецѣло подготовительной работой надъ старославянской грамматикой, Добровскій считаетъ нужнымъ познакомить друга съ своими учеными планами. Въ концѣ 1812 г. онъ сообщаетъ ему, что еще осенью этого года собирался въ Вѣну, чтобы приступить къ печатанію грамматики, но поѣздку пришлось отложить до весны.

Лѣтомъ 1813 г., съ опозданіемъ на цѣлый годъ, Бандтке послалъ Добровскому свою „De primis Cracoviae in arte typographica incunabulis Dissertatio“ (помѣчена: Anno 1812. d. 13. Julii). Небольшое, всего въ восемь страницъ, чтеніе встрѣчено было въ Прагѣ съ полнымъ одобреніемъ. „Mit welchem Hunger ich ihre Dissertation verschlungen habe, können Sie kaum glauben“, писалъ Добровскій. Отъ его испытующаго взора, конечно, не скрылись нѣкоторые промахи Бандтке, напр., Добровскій рѣшительно заявляетъ, что Szwantopelt и Schwaybold — одно и то же лицо, относительно чего у Бандтке были сомнѣнія [1]), исправляетъ и другія ошибки Бандтке (Tzernigoviae — Tzernogorae и пр.). Особенно драгоцѣнно было для Бандтке сообщеніе въ этомъ письмѣ (26 ноября 1812 г.) о стихотвореніи Андрея Галки изъ Добчина. Бандтке сейчасъ же выразилъ желаніе получить 14 строфъ этой пѣсни. Къ автору ея они возвращаются еще и позже.

Отзывъ Добровскаго объ этимологическомъ словарѣ, приложенномъ къ „Polnische Gramm.“, былъ лестенъ для Бандтке. Несмотря на рядъ недосмотровъ и ошибочныхъ этимологій, словарь въ общемъ удовлетворилъ аббата, который, сравнивая его съ Словаремъ Линде и Россійской Академіи, заявлялъ Бандтке: „Sie haben es doch oft besser getroffen, als Linde und die russ. Akademie“ [2]). Спустя два года Добровскій посылаетъ Бандтке обширный списокъ по-

---

[1]) „An vero iste Swayboldus (упоминаемый въ Acta episcop. 1491 г.) cum nostro Szwantopelto Fieol unus idemque fuerit, nec ne, fateor me ignorare“.

[2]) Рец. Словаря Росс. Акад. въ Wiener Jahrb. d. Lit., 1825, XXIX, 53—70. Vzájemné dop., str. 59.

правокъ къ этимологическому словарю [1]) для новаго, второго изданія его.

Рядъ писемъ съ конца 1812 г. до 1814 г. посвященъ многочисленнымъ вопросамъ и разысканіямъ относительно старопечатныхъ изданій польскихъ и славянскихъ. Предупредивъ совѣтъ Добровскаго, заглянуть въ краковскіе архивы и поискать тамъ матеріаловъ для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ о началѣ книгопечатанія въ Краковѣ, Бандтке еще за годъ до письма Добровскаго неожиданно для себя собралъ здѣсь богатую жатву и 17 мая 1814 г. писалъ Добровскому: „Swentopelk Fiols und Hallers Geschichte habe ich ganz im Reinen ex actis". Это были подготовительные труды къ будущимъ монографіямъ по исторіи печатнаго дѣла въ Краковѣ и въ Польшѣ.

Такъ какъ обѣщанныя Добровскимъ поправки къ этимологическому словарю „Польской грамматики" долго не присылались, то Бандтке рѣшается напомнить объ обѣщаніи, ибо второе изданіе грамматики должно было выйти въ свѣтъ, а указанія Добровскаго всегда столь цѣнны. Для этого изданія Бандтке воспользовался уже и Lehrgebäude Добровскаго, хотя заимствуетъ изъ нихъ cum grano salis въ виду большихъ различій между языками польскимъ и чешскимъ. „Sie werden sehen, wie oft Sie in Editione II. vorkommen werden," предупреждаетъ онъ учителя. Грамматика вышла однако вторымъ изданіемъ только въ 1818 г. Основательной переработкѣ она подверглась въ третьемъ изданіи (1824 г.), появившемся уже послѣ выхода знаменитыхъ „Институцій" Добровскаго. Вліяніе ихъ раньше всего сказалось на трудѣ Бандтке, который усердно воспользовался „Институціями" и въ благодарность за поучительные уроки ихъ и участіе Добровскаго въ усовершенствованіи этимологическаго словаря посвятилъ третье изданіе „Польской грамматики" своему пражскому другу [2]).

Въ 1814 г. вышелъ первый выпускъ сборника Бандтке „Miscellanea Cracoviensia". Съ первой окказіей онъ доставляетъ нѣсколько экземпляровъ Добровскому. И здѣсь, въ обозрѣніи „Conspectus bibliorum", въ значительной мѣрѣ использованы были сообщенія Добровскаго, и авторитетомъ имени его прикрыты были нѣкоторыя мнѣнія. Въ свою оче-

[1]) Vzájemné dop., str. 68—74.
[2]) Vzájemné dop., str. 67.

редь, получивши отъ Добровскаго Slovanku, Бандтке считаетъ долгомъ указать ему недосмотры и ошибки. Робко спрашиваетъ онъ при этомъ патріарха, извѣстно ли ему изданіе „Христіады“ Пальмотича, напечатанное „w Dubroczu“, opus posthumum поэта. Вопросъ кажется ему однако лишнимъ, такъ какъ Добровскій обыкновенно все знаетъ лучше Бандтке. Желая сообщить Добровскому что-нибудь новое, онъ въ результатѣ всегда получаетъ отъ него хорошій урокъ, но поученіе принимаетъ съ удовольствіемъ. Добровскій для Бандтке является „первымъ патріархомъ славянской литературы“, но на свою работу онъ смотритъ необыкновенно скромно [1]). Добровскій привѣтствовалъ „Miscellanea“ сочувственно, пожелавъ имъ выйти еще во многихъ выпускахъ и найти въ Польшѣ и внѣ ея побольше покупателей. Заботясь объ ученой славѣ скромнаго краковскаго друга, Добровскій беретъ на себя трудъ распространить ихъ въ Мюнхенѣ и въ Штуттгартѣ. Самъ онъ буквально набросился на нихъ и съ жадностью проглотилъ ихъ. Отъ изданія, судя по первымъ опытамъ учениковъ Бандтке, слѣдовало ожидать впереди много хорошаго. Внимательно разсмотрѣвъ статьи сборника, Добровскій высказалъ свои замѣчанія. Рѣшительно не одобрилъ онъ намѣренія Бандтке помѣстить въ одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ сборника статью о Пальмотичѣ. „Von Krakau aus erwartet man andere Dinge“, протестовалъ Добровскій. И Бандтке, не колеблясь, подчинился авторитетному голосу учителя.

Съ ноября 1814 г., когда Бандтке въ послѣдній разъ писалъ въ Прагу, до половины марта 1815 г. въ перепискѣ друзей опять произошелъ перерывъ. Добровскій занятъ былъ окончаніемъ второго изданія „Gesch. der böhm. Sprache“, какъ мы видѣли, давно уже распроданной [2]), готовилъ въ то же время второй вып. Slovanky. Письмо Бандтке поэтому долго оставалось безъ отвѣта. Содержаніе новаго выпуска сборника Добровскаго должно было обрадовать его краковскаго друга: съ очевиднымъ желаніемъ исправить свое прежнее невниманіе къ польской литературѣ Добровскій

[1]) „Steine sammeln und liefern ist mir das angenehmste; den Bau mag ein anderer vollführen“. Ibid., стр. 79. Ср. еще стр. 83.

[2]) Еще 10 мая 1812 г. онъ писалъ Гримму, что готовитъ новое изданіе: „Ich bin eben damit beschäftigt, sie reicher auszustatten und wieder drucken lassen“. Даже для Гримма онъ не могъ найти экземпляра. Arch. f. slav. Phil., II, 179.

отводитъ ей теперь почетное мѣсто. Еще до выхода въ свѣтъ II-го вып. онъ спѣшитъ сообщить другу содержаніе его. Прежде всего отмѣчаются статьи самого Бандтке, извлеченіе изъ Hist.-crit. Analecten и Miscell. Cracoviens. и изъ „Исторіи литературы“ Бентковскаго. Какъ только сборникъ выйдетъ въ свѣтъ, Добровскій обѣщаетъ выслать въ Краковъ желаемое число экземпляровъ. Бандтке чистосердечно удивлялся такому вниманію къ трудамъ своимъ.

Къ числу учено-литературныхъ кліентовъ Добровскаго съ конца 1814 г. присоединился еще I. Лелевель. Въ ноябрьскомъ письмѣ этого года Бандтке излагаетъ просьбу молодого ученаго о доставленіи ему копіи или variantes lectiones Годѣевской рукописи хроники Богуфала. Имя Лелевеля еще не могло быть извѣстно Добровскому, и Бандтке рекомендовалъ его лишь: „ein gewisser H. Lelewel, ein junger, hoffnungsvoller Mann“. Добровскій охотно обѣщалъ удовлетворить желаніе Лелевеля, но едва ли исполнилъ обѣщаніе, такъ какъ, повидимому, сомнѣвался въ возможности найти эту рукопись. Много позже ею интересовались, и столь же безплодно, В. А. Мацѣевскій и А. Моосбахъ [1]).

Въ мартѣ 1815 г. Добровскій собирается въ Вѣну; въ августѣ или сент. думаетъ заглянуть туда и Бандтке. Предвкушая радость свиданія съ учителемъ и другомъ, онъ восклицаетъ: „Sie dort anzutreffen, welches Vergnügen, welches Glück, welche Freude würde es nicht für mich sein?“ Не столько удовольствія доставитъ ему Вѣна, сколько самая встрѣча съ Добровскимъ. „Halten Sie das für keine Hyperbel“, увѣряетъ онъ патріарха. Въ Вѣнѣ предстояло заключить наконецъ личное знакомство и съ Копитаремъ [2]). Бандтке надѣялся, что отсюда вмѣстѣ съ Добровскимъ они проѣдутъ въ Краковъ, и впередъ уже радовался перспективѣ совмѣстнаго путешествія и тѣмъ поучительнымъ урокамъ, которые онъ получитъ отъ патріарха въ своей краковской библіотекѣ. „Всякій разъ, когда я нахожу какое-нибудь bohemicum, я вспоминаю васъ“, говоритъ онъ Добровскому. Но болѣзнь помѣшала аббату выполнить предначертанный планъ: вмѣсто поѣздки въ Вѣну пришлось заняться лѣченіемъ въ Карловыхъ Варахъ. Зато на водахъ Добровскій познакомися съ знаменитымъ поэтомъ, епископомъ Вороничемъ; впрочемъ,

---

[1]) В. А. Францевъ, Письма къ Ганкѣ изъ слав. земель, стр. 780, 807.
[2]) Vzájemné dop., str. 89. Ср. Ягичъ, Источники, I, стр. 407.

впечатлѣніе отъ этого знакомства онъ вынесъ, какъ кажется, не особенно отрадное.

Въ Вѣнѣ Бандтке при содѣйствіи Копитаря или другихъ ученыхъ сблизился съ кружкомъ чешскихъ писателей, группировавшихся вокругъ журнала Громадка „Prwotiny pěkných úmění“ [1]). Личное знакомство съ Бандтке произвело хорошее впечатлѣніе на Копитаря; повидимому, и Бандтке остался доволенъ знакомствомъ. Копитарь нашелъ въ немъ большую начитанность, но зато различіе религіозное вызвало между ними объясненія совсѣмъ не филологическаго свойства. Копитарь, ревностный католикъ, не могъ въ бесѣдахъ съ Бандтке не замѣтить его протестантскаго образа мыслей. И Добровскій, чрезвычайно сдержанный въ вопросахъ религіозныхъ, кое въ чемъ расходился съ Бандтке и не одобрялъ его ироническихъ замѣчаній относительно католическаго духовенства, почитанія святыхъ, поклоненія мощамъ и т. п. Копитарь, очевидно, не сумѣлъ сохранить объективности и спокойствія бывшаго воспитанника іезуитовъ. Вотъ что писалъ онъ Добровскому о встрѣчѣ съ Бандтке: „Бандтке — человѣкъ очень начитанный; я надѣюсь, что онъ проститъ мнѣ мою католическую гордость, какъ я ему его протестантскую; въ сущности, я требовалъ только полнаго равенства, однако жъ съ довольно крупными выходками противъ протестантской спѣси... Вѣдь протестантъ всегда нетерпимъ и развязенъ и нахаленъ. Пусть по крайней мѣрѣ услышатъ, въ чемъ грѣшатъ. Не подумайте однако, что я нарушилъ обязанности гостепріимства; я полагаю, что онъ не оскорбился, а все же не мѣшало ему разъ услышать правду“ [2]). Бандтке изъ Вѣны несомнѣнно писалъ Добровскому, который отвѣчалъ ему на имя Копитаря [3]), но вѣнскихъ писемъ нѣтъ въ бумагахъ патріарха.

Въ февралѣ 1816 г. онъ считаетъ поэтому нужнымъ справиться, что̀ подѣлываетъ Бандтке въ Краковѣ. Недавно Добровскій совершилъ ученую поѣздку по Германіи для разысканій памятниковъ славянской письменности, нашелъ при этомъ кое-что новаго и желалъ бы, очевидно, подѣ-

---

[1]) Въ № 45 этого журнала, 7 září 1815, была помѣщена замѣтка о смерти баснописца Игн. Красицкаго († въ 1801 г.), при чемъ дѣлалась ссылка: „Pan Bandtke, učenosti zvlášť známý Polan, jakoto příchozí v Vídni, zprávu tu nám laskavě sám oznámil“. Извѣстіе сильно запоздалое!

[2]) Ягичъ, Источники, I, стр. XLI — XLII, 410.

[3]) Vzájemné dop., str. 90—91.

литься своими открытіями. Кромѣ того, ему хотѣлось бы обмѣняться съ Бандтке замѣчаніями и соображеніями по поводу полученныхъ отъ него второго вып. сборника „Miscellanea“ и монографіи „Historya drukarń Krakowskich“. Письмо содержало поправки къ послѣдней. Въ „Miscellanea“ Добровскому нѣкоторыя статьи очень понравились; онъ желалъ бы только болѣе обширныхъ извлеченій изъ рукописи Павла Жидка, хранящейся въ краковской библ. и привлекавшей вниманіе его еще во время пребыванія въ Краковѣ.

Къ числу участниковъ чешско-польскихъ научныхъ сношеній присоединяется съ этого года еще Іосифъ Юнгманнъ. По порученію его Добровскій препровождаетъ Бандтке списокъ нѣкоторыхъ польскихъ книгъ, особенно нужныхъ Юнгманну для изученія польскихъ техническихъ терминовъ. Главнымъ образомъ это — сочиненія по естественнымъ наукамъ виленскихъ профессоровъ Андрея Снядецкаго и В. Ст. Юндзилла (Początki chemii, Początki botaniki).

Въ теченіе 1816 г. переписка имѣетъ особенно оживленный характеръ, при чемъ значительное мѣсто отводится въ письмахъ старопечатнымъ славянскимъ изданіямъ, въ частности Октоиху 1491 г., вопросу о Янѣ изъ Глогова, славянскимъ переводамъ библіи, рукописи Павла Жидка и замѣчаніямъ о немъ самомъ, Андрею Галкѣ изъ Добчина и т. д. За свои ученыя заслуги Добровскій въ этомъ же году былъ избранъ почетнымъ членомъ Краковскаго ученаго общества. Бандтке особенно хлопоталъ объ этомъ и заранѣе сообщалъ Добровскому о предстоявшемъ избраніи, которое однако почему-то затягивалось.

Всѣ усилія Добровскаго направлены были въ это время на окончательную обработку старославянской грамматики, которую онъ предполагалъ закончить въ теченіе 1816 г. Особенно настаивали на этомъ вѣнскіе слависты, и Добровскій долженъ былъ подчиниться ихъ желанію.

Новымъ участникомъ переписки, хотя и черезъ посредство Добровскаго, является гр. Каспаръ Штернбергъ, который желалъ получить извлеченія изъ естественно-исторической части рукописи Жидка. Бандтке озабоченъ былъ приготовленіемъ выписокъ и собирался отправить ихъ съ Вороничемъ, но епископъ отложилъ свой отъѣздъ, и выписки доставили въ Прагу краковскіе знакомые Бандтке, направлявшіеся въ Карловы Вары. Впослѣдствіи, принося благодар-

ность за присылку извлеченій, Добровскій по порученію гр. Штернберга просилъ доставить еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о той же рукописи.

Работамъ аббата въ теченіе 1816 г. мѣшала болѣзнь. Весной онъ опять былъ боленъ, лѣтомъ былъ въ Карловыхъ Варахъ и отсюда въ іюлѣ съ отъѣзжающимъ свящ. Рацибор-скимъ пишетъ письмо къ Бандтке. Къ числу польскихъ друзей Добровскаго, какъ узнаемъ изъ писемъ его, принадлежатъ еще кн. Генрихъ Любомірскій, съ которымъ аббатъ познакомися еще въ 1814 г., когда получилъ отъ князя въ подарокъ „Исторію литерат." Бентковскаго и др. книги; далѣе упоминается основатель „Pamiętnika Lwowsk." адвокатъ Дзержковскій. У него была какая-то рукопись старинныхъ чешскихъ романовъ, которую онъ обѣщалъ прислать въ Прагу, но не прислалъ.

Вторично встрѣтился Добровскій въ К. Варахъ съ Вороничемъ и познакомился также съ гнѣзненскимъ архіеп. Рачинскимъ, который показался ему мрачнымъ (быть можетъ, вслѣдствіе болѣзни) и сердитымъ человѣкомъ. Рачинскій, между прочимъ, крайне рѣзко отзывался о Бентковскомъ зато, что тотъ въ своей „Исторіи литерат." изобразилъ іезуитовъ врагами литературы. Не хвалитъ его, впрочемъ, и Бандтке. Несомнѣнно, при содѣйствіи Добровскаго Вороничъ вошелъ въ кругъ пражскихъ ученыхъ и вступилъ съ ними въ болѣе близкія отношенія, познакомивши ихъ съ трудами членовъ варшавскаго Общества друзей наукъ и заручившись обѣщаніемъ постояннаго обмѣна мыслей по вопросамъ разработки языка и взаимнаго сближенія славянскихъ нарѣчій [1]). Черезъ Воронича Добровскій послалъ въ библіотеку Общества десять какихъ-то книгъ, касающихся чешской литературы, — вѣроятно, и свои работы.

Общее впечатлѣніе отъ знакомствъ съ поляками осталось у Добровскаго гораздо пріятнѣе, чѣмъ отъ знакомствъ русскихъ: поляки — вообще любезные люди, охотно исполняютъ просьбы, тогда какъ изъ Россіи Добровскому ничего не удается получить, даже и того, что ему бывало обѣщано,

[1]) „Jakoż w podróży mojej tegorocznej przez Państwo Czeskie, zaznajomiwszy się dawniej (т. е. въ 1815 г., а можетъ быть — и раньше?) z wielo uczonemi stołecznej Akademii w Pradze, przeniosłem do ich czucia winny szacunek pracom uczonym naszych kolegów, którzy w szczególności nad ojczystym językiem pracując, do zbliżenia do siebie wszystkich gałęzi mowy sławiańskiej pierwszy tor przecierają. Przejęci temi uwagami uczeni

а на письма обыкновенно нѣтъ никакого отвѣта [1]). „Ganz anders ist es, wenn man sich nach Krakau oder Warschau wendet!“

Такъ какъ только въ концѣ 1816 г. Добровскій возвратился въ Прагу [2]), то до 9 декабря онъ не могъ написать въ Краковъ, и только въ этотъ день благодаритъ Бандтке, ректора университета и всю профессорскую коллегію за избраніе и обѣщаетъ при случаѣ подѣлиться съ сотоварищами, какъ членъ Общества, какими-нибудь важными научными сообщеніями. Но въ изданіи краковскаго Общества такихъ сообщеній Добровскаго мы не встрѣчаемъ. Зимой 1816 г. Добровскій рѣшилъ наконецъ напечатать новое, дополненное изданіе своей „Geschichte der böhm. Sprache“; краковской библіотекѣ, конечно, обѣщанъ былъ экземпляръ.

Въ 1817 г. переписка друзей ослабѣла. Добровскій не отзывался совершенно; изъ писемъ Бандтке за этотъ годъ кое-чего, повидимому, недостаетъ. Въ январѣ 1818 г. Добровскій отвѣчаетъ Бандтке сразу на три письма. Между прочимъ, онъ извѣщаетъ его объ открытіи Ганкой знаменитой Краледворской рукописи. „Мы (т. е. вѣроятно, самъ Добровскій и Ганка) читали нѣкоторыя мѣста Олдаковскому (проф. виленскаго унив.). Онъ нашелъ въ нихъ вкусъ...“ Бандтке очень радовался обѣщанной литературной новинкѣ, которая должна была выйти вскорѣ въ печати, но не обѣщалъ „чешскимъ пѣснямъ“ широкаго распространенія въ польскомъ обществѣ, которое мало интересовалось славянской литературой и предпочитало ей французскую. Это равнодушіе соотечественниковъ къ славянству возмущало Бандтке, но бороться съ нимъ не было средствъ.

Благодаря патріарха за письмо, Бандтке, обрадованный возобновленіемъ переписки, искренно заявляетъ, что готовъ впредь удовлетворяться и однимъ письмомъ его въ отвѣтъ на своихъ три, ибо письма Добровскаго всегда цѣннѣе его писаній. Еще болѣе обрадовало его послѣднее обѣщаніе патріарха непремѣнно пріѣхать въ Вѣну, если и онъ соберется туда изъ Кракова.

Czescy ze strony swojej pobratymczą uprzejmość i ciągłe porozumiewanie się w tym widoku przez związek łatwy z Krakowem najuroczyściej przyrzekli...“, такъ докладывалъ Вороничъ 1 дек. 1816 г. Обществу. Kraushar, op. cit., III, I, str. 62.

[1]) Vzájemné dop., str. 110.

[2]) Уже въ письмѣ отъ 1 мая—5 іюня 1816 г. онъ предупреждалъ Бандтке, что намѣренъ долго пробыть, если не въ самыхъ Карловыхъ Варахъ, то въ окрестностяхъ ихъ. Ibid., str. 102.

Вышедшая въ 1815 г. монографія Бандтке „Historya drukarń Krakowskich“ вызвала прежде всего рецензію въ Wiener Lit. Zeitung, а затѣмъ рядъ замѣчаній Добровскаго, сообщенныхъ имъ Бандтке въ письмѣ отъ 2 января 1818 г. [1]). Рецензію вѣнскаго журнала Бандтке призналъ поучительною и высказалъ предположеніе, что она написана совмѣстно Добровскимъ и Копитаремъ. Самъ онъ смотрѣлъ на свой трудъ съ обычною скромностью: „Исторія краковскихъ типографій“ есть лишь дополненіе къ опыту Бентковскаго [2]), поэтому въ нее не вошло то, что уже было извѣстно.

Уроки Добровскаго, какъ мы уже видѣли, Бандтке признавалъ всегда высокопоучительными и откровенно говорилъ о вліяніи трудовъ патріарха славяновѣдѣнія на свои ученыя работы. Даже въ небольшой статьѣ „Uwagi nad językiem czeskim, polskim i rossyjskim“ (Pamiętnik Warsz., 1815) то, чему научился отъ Добровскаго, онъ слилъ (habe ich amalgamirt), по собственному признанію, съ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ.

Письмо отъ 18 января 1818 г. Бандтке завершилъ пожеланіемъ Добровскому окончить въ новомъ году славянскую грамматику. Но выходъ ея въ свѣтъ поневолѣ откладывался: Добровскій все не могъ выпустить давно уже обѣщанное новое, переработанное изданіе „Geschichte der böhm. Sprache“. Относительно „Институцій“ онъ сообщалъ Бандтке (15 іюня 1818 г.) только то, что славянскіе тексты въ нихъ будутъ напечатаны латинскимъ шрифтомъ, не потому, что такъ это должно быть, а ради иностранцевъ, которые иначе не стали бы читать этой грамматики. Въ вопросѣ о такомъ примѣненіи латинскаго письма Добровскій, какъ и Бандтке не раздѣляли крайнихъ взглядовъ Шишкова, который считалъ національной измѣной писать русскія слова латинкой и предлагалъ рубить головы подобнымъ прожектерамъ!

Въ декабрѣ 1818 г. Бандтке извѣщалъ пражскаго друга о своей женитьбѣ [3]). Добровскій только 31 мая 1819 г. отвѣтилъ поздравленіемъ и сообщалъ одновременно о сборахъ въ Вѣну на продолжительное время, — печатать „Институ-

---

[1]) Ср. еще письмо Добровскаго къ Оссолинскому отъ 4 янв. 1820 г. Ягичъ, Источники, II, стр. 630.

[2]) „O najdawniejszych książkach drukowanych w Polszcze“ etc. Warszawa. 1812.

[3]) „Bandtke duxit uxorem. Dic Magistro“, писалъ Копитарь Ганкѣ въ январѣ 1819 г. Ягичъ, Источники, II, стр. 26.

ціи". Онъ радъ былъ бы встрѣтиться тамъ съ Бандтке, но думаетъ, что едва ли послѣдній соберется теперь выѣхать изъ Кракова, вѣрнѣе, придется Добровскому посѣтить его когда-либо въ Краковѣ. Какъ слѣдуетъ заключать изъ письма аббата отъ 8 января 1821 г., они тѣмъ не менѣе видѣлись въ Вѣнѣ въ 1819 г. [1]).

Письма ученыхъ друзей за 1819—1821 годы небогаты содержаніемъ и незначительны по объему. За 1822-ой годъ нѣтъ писемъ ни Бандтке, ни Добровскаго. Переписка возобновляется только въ половинѣ 1823-го года. Открываетъ ее вновь Добровскій.

Графъ Каспаръ Штернбергъ, давно уже интересовавшійся рукописью Павла Жидка, пожелалъ наконецъ разсмотрѣть кодексъ на мѣстѣ, чтобы ближе ознакомиться съ его содержаніемъ. Добровскій поручаетъ графа вниманію своего краковскаго друга, а попутно присоединяетъ и свою личную просьбу. Занявшись въ послѣднее время спеціальными разысканіями о рукописяхъ хроники Іорнанда [2]), онъ писалъ по этому предмету ученымъ друзьямъ въ Бреславль, Парижъ и Вѣну; теперь обращается и къ Бандтке за свѣдѣніями, нѣтъ ли въ Краковѣ какой-либо рукописи Іорнанда De rebus Geticis. Бандтке медлилъ съ отвѣтомъ, надѣясь встрѣтиться лѣтомъ съ аббатомъ въ Карловыхъ Варахъ, но ожиданіе это не осуществилось. Надежда свидѣться отлагалась до слѣдующаго года. Въ отвѣтномъ письмѣ (7 сент. 1823 г.) Бандтке писалъ учителю о своемъ рѣшеніи посвятить ему, какъ соучастнику работы, III-е изданіе своей Грамматики, для котораго онъ такъ много воспользовался „Институціями" и указаніями самого Добровскаго. „Es ist editio tertia correcta et aucta: 1) aus ihren trefflichen Institutionibus Slavicis habe ich vieles entlehnt, 2) das kleine Wörterbüchlein ganz nach ihren notatis verbessert", признавался Бандтке. То же признаніе повторилъ онъ и въ посвященіи этого изданія Добровскому. „Институціи", по его словамъ, были для него послѣ библіи любимѣйшей книгой.

Опасаясь, чтобы переписка съ Добровскимъ не прервалась какъ-нибудь окончательно, Бандтке проситъ его за посвященіе Грамматики писать ему ежегодно два или, по

[1]) Копитарь уже 2 апр. 1819 г. просилъ Ганку извѣстить его о времени пріѣзда „magistri", но Добровскій только въ концѣ этого года выѣхалъ въ Вѣну. Ягичъ, Источники, II, стр. 30—31. Brandl, op. cit., str. 175.

[2]) Ср. Brandl, op. cit., str. 192.

крайней мѣрѣ, одно письмо и сохранить для него и впредь дружбу и благоволеніе. Въ планы Бандтке входило намѣреніе совершенно переработать свою Грамматику на основѣ „Институцій“ Добровскаго, — отъ этого въ научномъ смыслѣ она бы выиграла, — но работа представлялась Бандтке слишкомъ трудною, къ тому же и издатель такой переработкой едва ли остался бы доволенъ, такъ какъ Грамматика, безъ того уже слишкомъ ученая, вышла бы еще ученѣе, т. е. еще менѣе доступной широкому кругу. „Sie wissen, wie wenig man in die Linguistik eindringt!“ оправдывалъ Бандтке свое рѣшеніе остановиться на полпути.

Добровскій обѣщалъ исполнить просьбу Бандтке относительно дальнѣйшей переписки. Дѣйствительно, за 1824 и 1825 гг. онъ написалъ по два письма, хотя Бандтке написалъ ихъ въ 1824 г. четыре, и хотя за оказанную ему честь посвященія Грамматики Добровскій выражалъ готовность писать и болѣе двухъ писемъ ежегодно.

„Institutiones“ тотчасъ же послѣ выхода сдѣлались извѣстными въ славянскомъ ученомъ мірѣ. Въ рецензіи, появившейся въ Hall. Lit. Zeitung (Dezemb. 1823), Добровскій узналъ сразу автора ея Бандтке; кое-что въ ней ему нравилось, на нѣкоторыя же замѣчанія онъ считалъ нужнымъ возразить. Странно, что и послѣ возраженія Бандтке, по поводу неправильнаго объясненія въ „Институціяхъ“ звукового значенія юсовъ, Добровскій все-таки упорно настаивалъ на своемъ: „ѫ ist ein u, und Wostokows Einfall, es für das poln. ą und ę zu halten, ist ohne Grund, weil das ѫ auch da gebraucht wird, wo der Pole u spricht.“ Бандтке, напротивъ, стоялъ вполнѣ на сторонѣ правильнаго объясненія Востокова, но поклоненіе авторитету патріарха-учителя, передъ коимъ онъ благоговѣлъ, не позволило ему высказаться рѣшительнѣе противъ заблужденія его. „Es ist mir nicht lieb, dass Sie sie (d. i. Wostokows Meinung) nicht billigen, denn Ihre Auctorität gilt bei mir sehr viel, oder vielmehr alles“, признавался Бандтке.

Живя въ Краковѣ, какъ отшельникъ (Eremit), ни съ кѣмъ почти не бесѣдуя больше, чѣмъ это было неизбѣжно по службѣ, Бандтке чувствовалъ потребность излить свою душу передъ пражскимъ другомъ, благороднымъ и испытаннымъ въ своей искренности.

Изъ писемъ за двадцатые годы мы узнаемъ нѣкоторыя подробности относительно связей чешскихъ ученыхъ съ представителями науки польской. Такъ, проф. краковскаго

унив. Романъ Маркевичъ, математикъ, занимавшійся однако и грамматическими вопросами [1]), вступаетъ въ переписку съ съ пражскимъ математикомъ Галашкой; переписывается съ нимъ и Ганка; въ Прагѣ Добровскій познакомился съ семьей графа Соболевскаго [2]); Юнгманнъ при содѣйствіи Бандтке получаетъ польскія книги, особенно интересуясь теперь „Śpiewami histor." Ю. У. Нѣмцевича; краковскій книгопродавецъ А. Грабовскій, о которомъ Бандтке отзывается съ большой похвалой, какъ объ отличномъ знатокѣ польской литературы, пишетъ Добровскому и доставляетъ ему изданія варшавскаго Общества друзей наукъ; въ числѣ знакомыхъ аббата въ письмахъ упоминаются: гр. Ельскій, виленскій проф. Олдаковскій, гр. Мѣрошевскій; при проѣздѣ чрезъ Оломуцъ, на пути изъ Вѣны въ Краковъ Бандтке предстояло заключить знакомство съ библіотекаремъ Лицея М. В. Фойгтомъ; съ гр. Кламъ-Мартиницемъ Бандтке сносится по поводу его собранія изданій трактата Ѳомы Кемпійскаго „De imitatione Christi"; нѣсколько позже онъ знакомится въ Бреславлѣ съ проф. Пуркиней.

Осень 1824 года Добровскій проводилъ въ Трмицахъ (Türmitz), гдѣ гостилъ у своего бывшаго воспитанника гр. Ностица. Здѣсь онъ читаетъ въ нѣмецкомъ переводѣ Линде изслѣдованіе Оссолинскаго о Кадлубкѣ и составляетъ къ нему указатель. Польская исторія настолько увлекла Добровскаго, что онъ, углубившись въ изученіе ея, рѣшается написать рецензію на „прекрасный трудъ" гр. Оссолинскаго для Wiener Jahrbücher. Къ сожалѣнію своему, въ цѣломъ онъ не могъ одобрить труда графа и Лелевеля, этой странной апологіи Кадлубка [3]), и только изъ уваженія къ Оссолинскому пощадилъ его въ своемъ отзывѣ. По адресу Лелевеля есть въ письмѣ тоже нѣсколько упрековъ: гдѣ Кадлубекъ противенъ взглядамъ его, тамъ онъ всюду видитъ или поддѣлку текста, или вставки. Такое объясненіе Кадлубка не

[1]) Написалъ: „Postrzeżenia względem pisowni polskiej", представленныя Tow. Prz. Nauk Warsz. См. Rozmait. Nauk., Kraków, 1831, III, str. 15.

[2]) Молодой графъ Соболевскій привезъ въ 1823 г. Добровскому изъ Варшавы „Zbiór pamiętników hist. o dawnej Polsce" Нѣмцевича, 4 т., и Молитвенникъ св. Ядвиги въ познанскомъ изданіи проф. Motty. Ягичъ, Источники, II, стр. 490.

[3]) „Wozu ein solcher Aufwand von Gelehrsamkeit, wozu ein so mühsames Suchen nach Begebenheiten bei andern Slaven, um darzuthun, dass er nur fremde Sagen habe erzählen wollen", укоризненно изумлялся Добровскій излишнему усердію Оссолинскаго.

можетъ удовлетворить Добровскаго, поэтому онъ желаетъ прежде всего критическаго изданія текста, безъ всякаго комментарія: „Commentiren wollen wir und Sie ihn besser, als sein Commentator“. Противъ мнѣній Лелевеля высказался и Бандтке въ своемъ отзывѣ о переводѣ Линде въ Hall. Lit. Zeit. Цѣлый рядъ замѣчаній Добровскаго на трудъ Оссолинскаго вошелъ въ письмо его къ Бандтке отъ 8-го октября 1824 года.

Въ началѣ августа 1824 г. Бандтке по семейнымъ дѣламъ выѣхалъ въ Дрезденъ, побывалъ при этомъ въ Лейпцигѣ и Штуттгартѣ, думалъ было заглянуть въ Карловы Вары и Теплицы, надѣясь найти тамъ Добровскаго, но болѣзнь жены помѣшала ему осуществить послѣднее предположеніе. Какъ оказывается изъ письма Добровскаго отъ 28 января 1825 г., онъ дѣйствительно былъ въ то время въ Теплицахъ.

Получивъ въ концѣ 1824 г. отъ Бандтке новое (II-ое) изданіе его „Польской исторіи“, Добровскій немедленно принялся за нее. Книга ему понравилась, и онъ особенно одобрялъ, что Бандтке предпослалъ собственно польской исторіи краткое изложеніе важнѣйшихъ вопросовъ древней славянской исторіи вообще [1]). Въ этомъ же письмѣ онъ сообщилъ ему рядъ замѣчаній къ отдѣльнымъ мѣстамъ „Исторіи“. Бандтке принялъ ихъ съ благодарностью. Но ему бы хотѣлось, чтобы Добровскій написалъ и рецензію на его трудъ. Заслуженныхъ упрековъ и порицаній онъ не боялся. Страшнѣе строгой ученой критики тѣ нападки, которыхъ можно было ожидать съ извѣстной стороны за слишкомъ свободные взгляды на нѣкоторые факты польской исторіи.

Въ это время Бандтке получилъ изъ Готы отъ извѣстнаго Пертеса предложеніе написать польскую исторію на нѣмецкомъ языкѣ; взять на себя эту задачу ему не хотѣлось, и онъ былъ очень радъ, когда издатель обратился къ проф. Мюнниху. „Prima lex historiae, ut vera sit,“ оправдывалъ Бандтке свое нежеланіе. Разныя соображенія не позволяли ему сказать истину тамъ, гдѣ онъ желалъ [2]), льстить онъ былъ не въ состояніи, а между тѣмъ польское общество требовало

[1]) Wstęp: O Scytyi, o Sarmacyi, o Dacyi, o Germanii, Pannonii i Illiryku. O Słowianach etc.

[2]) „Nach 1700 wollte ich bis 1763 nicht ganz mit der Sprache heraus und nach 1763 wollte ich und konnte ich nicht die Wahrheit sagen“. Vzájemné dop., str. 167.

лести. „Bei uns nur Lob verlangt, nicht die Wahrheit. Jede andere Nation verlangt Wahrheit, was zu tadeln ist, lässt sie tadeln, bei uns will man das nicht", жаловался Бандтке.

Въ названномъ выше письмѣ (28 янв. 1825 г.) Добровскій излилъ предъ другомъ жалобу на рецензента своего „Кирилла и Меѳодія" (1823 г.). Какъ извѣстно, подъ рецензіей подписанъ былъ Фридрихъ Блюмбергеръ, но общее мнѣніе приписывало участіе въ этой обширной критической статьѣ въ „Wiener Jahrb. d. Lit." (April--Juni, 1824) Копитарю. Добровскаго крайне непріятно поразило такое недостойное поведеніе давняго вѣнскаго друга, и онъ излилъ свое огорченіе въ письмѣ къ Бандтке: „Dieses hinterlistige Verfahren von einem sein wollenden Freunde ist mir sehr zuwider. Ich liebe Offenheit und Aufrichtigkeit." Бандтке думалъ однако, что эти натянутыя отношенія между Добровскимъ и Копитаремъ должны сгладиться, и что Добровскому слѣдуетъ простить вѣнскаго друга. Но патріархъ не могъ такъ скоро забыть некрасиваго выпада и въ августѣ 1825 г. снова вспомнилъ объ этомъ поступкѣ Копитаря, малодушно скрывшагося за чужой спиной.

Отвѣтъ на письмо Бандтке отъ 4 февр. — 23 апр. послѣдовалъ только 26 авг. 1825 г. изъ Будишина. Добровскій совершалъ поѣздку по Лужицѣ для обслѣдованія остатковъ славянскаго населенія этой области, но результатами ученаго путешествія остался, повидимому, недоволенъ. Предполагая 27 авг. выѣхать изъ Будишина въ Чехію, онъ имѣлъ въ виду посѣтить затѣмъ Моравію и, быть можетъ, Краковъ. Предстояла новая встрѣча съ Бандтке, но о ней мы ничего не знаемъ. Вѣроятно, ея и не было.

Въ концѣ 1825 г. Бандтке посѣтилъ стипендіатъ варшавской Komissyi Rządowej wyznań relig. i oświecenia publicznego, молодой учитель Андрей Кухарскій, отправлявшійся въ ученое путешествіе по славянскимъ землямъ. Краковъ былъ первымъ этапомъ въ его ученой поѣздкѣ. Съ рекомендательными письмами Бандтке къ Добровскому черезъ Бреславль онъ направлялся въ Прагу. „Ich behaupte, dass H. Kucharski von Ihnen am meisten lernen kann, und ich hoffe, dass er es auch thun wird", писалъ Бандтке Добровскому[1]). Съ Кухарскимъ онъ послалъ въ Прагу нѣсколько экземпляровъ

[1]) Ср. еще письмо отъ половины декабря 1825 г. Vzájemné dop., str. 172.

своего изданія „Отче нашъ“ на разныхъ славянскихъ языкахъ, въ которомъ въ значительной степени воспользовался сборниками Добровскаго „Slavin“ и „Slovanka“. Изданіе Добровскій одобрилъ и заявилъ, что если бы ему пришлось еще разъ издать какой-нибудь сборникъ (Slovanka или Slovania), то изданіе Бандтке заняло бы въ немъ первое мѣсто.

Въ послѣднихъ письмахъ оба корреспондента между прочимъ касаются вопроса о родинѣ старославянскаго языка и нѣкоторыхъ вопросовъ славянской древности. Мнѣніе Суровецкаго о томъ, что древній церковный языкъ есть какой-то идеальный ученый языкъ, кажется Бандтке несостоятельнымъ, но онъ сообщаетъ о немъ Добровскому, какъ о „новой идеѣ“. Добровскій на это отвѣтилъ: „Die Kirchensprache kann man wohl jetzt als eine gelehrte Sprache ansehen, da sie nicht so geredet wird. Allein ursprünglich muss sie Sprache des Volks gewesen sein“. Слѣды этого языка можно будетъ найти въ Македоніи. Поэтому Добровскій называетъ его древнимъ македоно-болгаро-сербскимъ нарѣчіемъ и возражаетъ противъ паннонской теоріи Копитаря и мнѣнія Шафарика и Благослава о какой-то особенной близости словенскаго нарѣчія къ старославянскому языку. Бандтке подчинился авторитету учителя и призналъ, что только въ странахъ на югъ отъ Дуная надо искать родину церковно-славянскаго языка.

Споръ Добровскаго съ Блюмбергеромъ, объявившимъ подложными письма папы Іоанна VIII, вызвалъ, кромѣ краткаго отвѣта Добровскаго въ „Архивѣ“ Гормайра, появленіе изслѣдованія „Mährische Legende von Cyrill und Method“ (1826). Книгу Добровскій обѣщаетъ немедленно выслать Бандтке. Съ своей стороны Бандтке посылаетъ аббату разсужденіе Суровецкаго „О славянахъ“ (т. е. „Śledzenie początków narodów Słowiańskich“) съ просьбой дать отзывъ объ этой книгѣ, „само собою разумѣется, сколь возможно благопріятный“. Самъ Бандтке даетъ однако о трудѣ Суровецкаго отзывъ далеко не сочувственный, возставая особенно противъ идеализаціи древняго славянства. Добровскій уже знакомъ былъ съ трудомъ Суровецкаго, печатавшимся въ Rocznikach Tow. Prz. Nauk, и, собираясь дать отзывъ объ этомъ журналѣ, естественно долженъ былъ бы остановиться и на историческихъ работахъ Суровецкаго.

Интересный эпизодъ въ славянскихъ сношеніяхъ Бандтке представляетъ и его переписка съ Ганкою. Она открывается

значительно позже (съ 1819 г.), чѣмъ съ Добровскимъ, и не столько, конечно, цѣнна по своему содержанію.

Нѣсколько молодыхъ чеховъ, очевидно, изъ тѣхъ, которые группировались вокругъ Добровскаго, образовали частный кружокъ съ цѣлью изученія славянскихъ языковъ. Плоды занятій этого кружка любителей славянства должны были появляться въ журналѣ Krok. Главное препятствіе молодые люди встрѣтили въ тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми соединено было пріобрѣтеніе славянскихъ книгъ. Предпріимчивый и уже въ то время имѣвшій значительный кругъ знакомствъ въ славянствѣ, Ганка обращается непосредственно къ Бандтке, вѣроятно, по совѣту учителя-Добровскаго. „Не раздумывая долго, кто особенно могъ бы намъ быть полезнымъ въ нашемъ предпріятіи, какъ авторитетнымъ литературнымъ совѣтомъ, такъ и благодаря незначительности разстоянія отъ насъ, я остановился на васъ“, пишетъ онъ [1]). „K biblioteczce naszej trzeba książek i szczególniej czasopisu (nie politickich, lecz literackich) wszystkich sławiańskich narodów“, — поэтому онъ проситъ Бандтке пріобрѣсти для кружка произведенія польской литературы и распорядиться высылкой ихъ въ Прагу. Интересъ къ польской книгѣ и спросъ на нее всегда въ средѣ пражскихъ литераторовъ былъ большой. Квартира Добровскаго была въ началѣ XIX ст. аудиторіей, въ которой аббатъ читалъ кружку своихъ слушателей лекціи по славянскому языкознанію и литературамъ и знакомилъ ихъ вообще съ славянствомъ. Если въ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ его съ учениками отводилось широкое мѣсто русскому языку и литературѣ [2]), то надо думать, что съ такимъ же вниманіемъ слѣдили здѣсь и за литературными и учеными новостями польскими. Изъ ученаго кабинета патріарха славяновѣдѣнія, стоявшаго столь близко къ выдающимся представителямъ польской науки и общественной жизни, выходили усердные распространители и искренніе любители славянскихъ литературъ и языковъ вообще. Въ этомъ кружкѣ ближайшее положеніе къ аббату занимали: I. Юнгманнъ, Ант. Марекъ, Пухмайеръ, Ганка, отчасти примыкалъ къ нимъ Челаковскій и др. Мы видѣли, какъ при содѣйствіи Добровскаго и благодаря обязательности Бандтке Юнгманнъ пріобрѣталъ польскія книги, ученыя и поэтиче-

---

[1]) Письма къ В. Ганкѣ изъ слав. земель, стр. 1268.

[2]) См. В. А. Францевъ, Очерки по ист. чешск. возрожд., стр. 29.

скія произведенія. Ганка давно научился по-польски и первое письмо къ Бандтке написалъ настолько приличнымъ польскимъ языкомъ, что удостоился похвалы его. Пухмайеръ тоже рано занялся польскимъ языкомъ и, подобно другимъ современникамъ своимъ, указывалъ на русскій и польскій языки, какъ на источники, изъ которыхъ можно заимствовать слова для обогащенія лексикона чешскаго. Предполагая издать естественную исторію птицъ, Пухмайеръ зналъ только болѣе двухсотъ чешскихъ именъ, остальныя рѣшилъ или сочинить, или заимствовать изъ польскаго и русскаго языковъ [1]). Но онъ пошелъ еще дальше: знаніе польскаго языка позволило ему познакомиться съ польскими поэтами и многое заимствовать у нихъ [2]) и пересадить въ литературу чешскую. Уже въ предисловіи къ переводу „Chrámu Gnídského" (1804) Пухмайеръ обращаетъ вниманіе соотечественниковъ на новый источникъ, способный оживить чешскую литературу, внести въ нее свѣжую струю, а именно — на славянскія литературы, а прежде всего на литературу польскую [3]). И призывъ Пухмайера не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ могли констатировать это вѣнскія „Prwotiny" Громадка, помѣстившія статью проф. Кинскаго (Kynský): „Hynek Krasicki" (1815, № 44, str. 266) и отрывки изъ „Мышіады", „spanilý plod literatury polské". Польскихъ поэтовъ усердно читаютъ впослѣдствіи Челаковскій, другъ его Камаритъ и др. [4])

---

[1]) Тамъ же, стр. 72.

[2]) См. J. Máchal, Ant. J. Puchmajer, V Praze, 1895, 23 str., гдѣ тщательно собраны доказательства заимствованій Пухмайера у польскихъ поэтовъ Карпинскаго и Князнина. Ср. еще J. Vlček, První novočeská škola básnická, v Praze, 1896, str. 29—51.

[3]) Протестуя противъ общаго увлеченія чужеземщиной, Пухмайеръ желаетъ разрушить предразсудокъ, что у славянъ ничего выдающагося въ литературѣ нѣтъ: „Takový nespravedlivý předsudek jest potřebí vyvrátiti. A jestliže kámen prubířský vyjasnění a vycvičení některého národu jsou knihy výborné, tuť nám snadno bude na ten ukázati národ, který, zvlášť co se básnířství týče, hoden jest, bychom nahlídli do svatyně jeho umění. A tot jest nešťastný národ polský. Národ tento, jazykem s námi sbratřený, může se nám státi studnicí nevyvažitelnou básní nejpřijemnějších, jestliže usrozuměvše sobě, s knihami jeho budeme chtíti trochu blíže se seznámiti" ...

[4]) Интересно отмѣтить, что Челаковскій познакомился съ „Lady of the Lac" Вальтеръ Скотта въ польскомъ переводѣ Karola z Kalinówki, вышедшемъ въ 1822 г. въ Варшавѣ. Sebrané listy F. L. Čelakovského, str. 137. Переводъ Челаковскаго вышелъ только въ 1828 г.

Это былъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ результатовъ взаимныхъ сношеній и знакомства чешскихъ и польскихъ ученыхъ и литераторовъ.

Въ томъ же первомъ письмѣ Ганка преподаетъ Бандтке слѣдующій совѣтъ. „Добровскій, — пишетъ онъ, — передѣлалъ въ нынѣшнемъ году свою Чешскую грамматику, и новое изданіе уже отпечатано; теперь, живя въ Вѣнѣ, онъ печатаетъ Старославянскую грамматику. У насъ въ Прагѣ по той же системѣ печатается Русская грамматика Пухмайера [1]), также и сербы готовятъ по образцу названной Старославянской свою грамматику, и если бы вы составили Польскую грамматику по той же системѣ, то намъ уже не надо было бы общей сравнительной славянской грамматики. „Tudy uczącym się języków tym niesłychana wygoda stałaby się, jakoż i pokrok do przybliżenia się tychże pobratymczych dyalektów niemały", убѣждалъ въ заключеніе Ганка.

Бандтке отвѣтилъ нескоро, но отвѣтъ его былъ зато неожиданно пріятный. Кромѣ похвалы яко бы прекрасному польскому языку Ганки [2]), письмо содержало извѣщеніе объ избраніи Ганки въ члены-корреспонденты Краковскаго ученаго общества. Какъ комиссіонера по книжной части Бандтке рекомендовалъ извѣстнаго намъ Амвросія Грабовскаго; что же касается предложенія Ганки, то онъ рѣшительно отказывался отъ составленія сравнительной польской грамматики, отговариваясь, во-первыхъ, недостаткомъ времени, во-вторыхъ, недостаточнымъ знаніемъ родственныхъ славянскихъ языковъ. Но Бандтке, какъ оказалось, плохо понялъ проектъ Ганки, который имѣлъ въ виду не сравнительную польскую грамматику, а только составленную по системѣ Добровскаго. Впослѣдствіи (въ 1834 г.) Ганка самъ исполнилъ эту работу и ожидалъ отъ Бандтке только провѣрки ея [3]). Въ благодарность за почетное избраніе Ганка поднесъ Обще-

---

[1]) „Lehrgebäude der russischen Sprache", 1820, съ обширнымъ введеніемъ Добровскаго: „Literatur der russischen Sprachelehren".

[2]) Бандтке писалъ: „Darúj mi to łaskawie, że tak późno odpisuję. Wszakże z odpisu mego przekonasz się sam, że list WMPana Dobr. był mi bardzo przyjemnym i szanownym dowodem przywiązania Pańskiego do narodu naszego. Czytałem go wielom i wszyscy pryznawali, że to trudno aby Czech, który w Polszcze nie był, tak mógł pisać".

[3]) Статья Ганки: „Obraz języka polskiego" (Wyjątek z przedmowy do niedrukowanej jeszcze Grammatyki polskiej dla Czechów) напечатана была въ Kwartalniku Nauk., t. I, zesz. 1, 1835. Гельцель называлъ ее „геніальной". Письма къ В. Ганкѣ изъ слав. земель, стр. 186.

ству свои труды, исполнивъ этимъ свое давнишнее желаніе [1]). Затѣмъ переписка Ганки съ Бандтке надолго пріостанавливается. Незначительныя письма Бандтке имѣются отъ 1825, 1828, 1829 г., болѣе обширныя отъ 1832 и 1834 г. Всѣ они свидѣтельствуютъ о неизмѣнно хорошихъ чувствахъ его къ Ганкѣ, не забывавшему послать въ Краковъ при всякой оказіи чешскую книгу.

Въ 1832 г. Бандтке былъ избранъ почетнымъ членомъ Чешскаго Музея, а въ 1834 г. посѣтилъ здѣсь Ганку, расписавшись въ альбомѣ его 29 сентября.

Къ числу ученыхъ корреспондентовъ Бандтке принадлежалъ и Вукъ Караджичъ. Онъ первый познакомилъ Бандтке съ „Geschichte de slaw. Sprache“ Шафарика. Книга показалась Бандтке очень хорошею, хотя онъ видѣлъ и всѣ ея неизбѣжные недостатки; не соглашался онъ съ мнѣніемъ Шафарика (à la Rakowiecki) о существованіи у славянъ какого-то древняго (uralte) письма до Кирилла, но зато вмѣстѣ съ Шафарикомъ считалъ кирилловскій алфавитъ однимъ изъ совершеннѣйшихъ и наиболѣе пригодныхъ въ качествѣ общеславянскаго. Отзывъ Бандтке о книгѣ Шафарика въ общемъ, по признанію Добровскаго, совпадалъ съ его мнѣніемъ, высказаннымъ въ Wiener Jahrbücher (1827).

Новшества Вука въ правописаніи сербовъ не встрѣтили одобренія ни со стороны Добровскаго, ни со стороны Бандтке. Добровскій считалъ ихъ изобрѣтеніемъ скорѣе Копитаря, чѣмъ самого Вука.

Однимъ изъ послѣднихъ (въ іюлѣ 1826 г.) книжныхъ подарковъ Бандтке Добровскому была его „Historya drukarń w Polsce etc.“ (1825—1826, I—III). Трудъ этотъ долго не могъ выйти въ свѣтъ [2]) между прочимъ потому, что издатель не желалъ дать автору никакого гонорара. Добровскій отозвался о капитальномъ изслѣдованіи Бандтке съ обычной похвалой: „Sie haben einen ganzen Schatz von literärischen Notizen darin niedergelegt“. Но тотчасъ же сообщилъ ему рядъ своихъ замѣчаній и поправокъ.

---

[1]) Это были: „Starobylá Skladanie t. 3, Královdvorský Rkp., Pravopis Český, Muza Srbská, Historie Slov. národů i moje Pieśnie, które pierwszy raz z rękopismów dotąd się kryjących wydane mogą być pożytecznemi we względzie estetycznym i historycznym nietylko czeskiego języka, ale i jemu pobratymczego polskiego“.

[2]) Кеппену Бандтке жаловался, что изданіе двигается впередъ „mit eilendem Krebsgalopp“. Прилож., стр. XXX.

Въ слѣдующемъ году Бандтке доставилъ учителю свою брошюрку „De Psalterio Davidico trilingui“, но, повидимому, безъ письма. Добровскій больше года не имѣлъ вѣстей изъ Кракова и искренно обрадовался посылкѣ: по неутомимой ученой работѣ друга онъ могъ заключать о его добромъ здоровьѣ. Письмо Добровскаго отъ 18 сент. 1827 г. было послѣднимъ аккордомъ въ продолжительной и полной интереса перепискѣ двухъ славянскихъ ученыхъ.

Съ 1823 года открывается переписка Бандтке съ П. И. Кеппеномъ, который, совершая свое знаменитое славянское путешествіе, посѣтилъ польскаго ученаго въ Краковѣ. Кеппенъ относился къ нему съ большимъ вниманіемъ, посылалъ ему во время путешествія книги, а по возвращеніи въ Петербургъ не забывалъ и Краковской библіотеки. Посылки эти были тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что сношенія Кракова съ Петербургомъ были весьма затруднительны. Съ первыхъ же дней изданія Кеппеномъ „Библіографическихъ Листовъ“ Бандтке принимаетъ въ нихъ участіе вмѣстѣ съ другими польскими сотрудниками (Линде, Бентковскимъ, Хлэндовскимъ), но на свое сотрудничество смотритъ съ обычной скромностью, обѣщая давать лишь „незначительныя извѣстія“ о новыхъ явленіяхъ польской литературы.

Огромный трудъ Линде, впервые представившій въ цѣльной и наглядной картинѣ лексикальное богатство польскаго языка, въ сравненіи при этомъ съ другими славянскими языками, вызывалъ рядъ новыхъ вопросовъ и, возбуждая пытливость языковѣдовъ, открывалъ обширное поле для новыхъ лингвистическихъ работъ. Словарь усердно изучаютъ и дома поляки, и внѣ его родины другіе славянскіе и неславянскіе ученые. Востоковъ, съ 1808 г. начавъ заниматься грамматическими и лексикологическими разысканіями, по выходѣ Словаря Линде, сталъ выписывать изъ него слова всѣхъ славянскихъ діалектовъ, „подводя оныя подъ русскій этимологическій словарь“, который намѣренъ былъ расположить по особому, составленному имъ плану. „Прохожденіе“ Словаря Востоковымъ было необыкновенно внимательнымъ. По собственному заявленію его, на прочтеніе первой части онъ употребилъ два мѣсяца, на вторую часть — слишкомъ три мѣсяца, а на третью — четыре мѣсяца [1]).

[1]) Записки А. Х. Востокова о его жизни. Сообщилъ В. И. Срезневскій. СПБ. 1901. Сборн. Отд. русск. яз., т. LXX, № 6, стр. 42—43, ср. еще стр. 33, 34, 36.

Мы видѣли, какъ внимательно разсматривали Словарь другіе ученые. Работа по изученію польскаго языка только-что открывалась. Наиболѣе трудная часть, кропотливое собираніе матеріала, была закончена, хотя выполненіе далеко было отъ совершенства. Возникало естественное стремленіе проникнуть въ глубь этого языка, объяснить происхожденіе его, опредѣлить мѣсто его не только среди родственныхъ славянскихъ языковъ, но и отношеніе къ сосѣднимъ неславянскимъ. Въ предисловіи къ Словарю и въ самыхъ поясненіяхъ къ отдѣльнымъ словамъ Линде исключительно имѣлъ въ виду славянскіе языки, не касаясь вовсе отношенія ихъ къ языку литовскому, не привлекая къ сравненію санскрита, на который обратила уже вниманіе европейская наука. Правда, Словарь Линде былъ уже почти законченъ ко времени появленія знаменитаго труда Фридриха Шлегеля „Ueber die Sprache und Weisheit der Indier“ (1808), положившаго начало сравнительному языкознанію, и воспользоваться наблюденіями первыхъ санскритологовъ польскій лексикографъ поэтому не могъ. Къ нимъ обратились нѣсколько позже младшіе работники.

Общій интересъ западноевропейской науки къ востоку въ началѣ XIX ст. находитъ отголосокъ и у славянъ. На книгу Шлегеля обратилъ вниманіе неизвѣстный намъ авторъ статьи „Etymologies slavonnes tirées du Sanscrit“ въ изданіи гр. Вацлава Ржевускаго „Fundgruben des Orients“ (1809, I кн., стр. 459—460), сравнившій 43 славянскихъ слова съ индійскими, приведенными у Шлегеля [1]). Но еще раньше произвелъ сравненіе санскритскаго спряженія (1 л. praes. гл. asmi) съ славянскимъ I. Добровскій въ своемъ сборникѣ Slavin (1808, стр. 309). Первый печатный опытъ сличенія русскаго языка съ санскритомъ у насъ принадлежитъ Ѳ. П. Аделун-

[1]) M. Murko, Prvi usporedjivači sanskrita sa slovenskim jezicima (Zagreb, 1897, оттискъ изъ CXXXII кн. Rada), полагаетъ, что это сличеніе принадлежитъ гр. Ю. А. Головкину, послу въ Китай въ 1805 г. Проф. Соболевскій обратилъ однако вниманіе на столь сильное искаженіе здѣсь русскихъ словъ, что о русскомъ происхожденіи этой статьи не можетъ быть рѣчи. Русск. Фил. В., 1905, стр. 320. Она могла, какъ намъ кажется, принадлежать или спутнику Головкина гр. Яну Потоцкому, всегда интересовавшемуся востокомъ, или Клапроту. Онъ принималъ участіе въ Fundgruben, а съ Потоцкимъ связывала его тѣсная дружба. Изъ Fundgruben, I, 458, мы узнаемъ, что Потоцкій былъ въ числѣ лицъ, давшихъ ученые запросы v. Högelmüller'у въ его путешествіи на востокъ.

гу[1]): „Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe“ (1811). У поляковъ тоже рано появились небольшія статьи, знакомившія читателей журналовъ съ литературой и языкомъ индусовъ. Восточными языками съ увлеченіемъ занимается кн. Адамъ Чарторыскій-отецъ[2]), знавшій, по увѣренію его біографа, языки древне-еврейскій, сирійскій, изучавшій персидскую литературу, переписывавшійся на индійскомъ языкѣ (w języku indyjskim) съ какимъ-то англійскимъ лордомъ; въ то же время онъ занимался и санскритомъ[3]). Вокругъ него группируется цѣлая „школа“ оріенталистовъ, самоучекъ и диллетантовъ, и въ числѣ ихъ выдѣляются гр. Вацлавъ Ржевускій и Янъ Потоцкій. Мы указали выше, что на санскритѣ останавливалъ свое вниманіе и митроп. Сестренцевичъ Богушъ.

Въ 1806 г. въ виленской Gazecie literackiej появились замѣтки о индусахъ, о санскритской литературѣ и языкѣ[4]). Десять лѣтъ спустя Pamiętnik Lwowski (III, 1816, str. 125—136) помѣстилъ уже спеціальную „Wiadomość o języku samskrytańskim, czyli starożytnym indyjskim“, переведенную съ французскаго (de Chateaubriand). Эти незначительныя статейки являются первыми провозвѣстниками того интереса къ санскриту и его письменности, который обнаружился въ ближайшіе годы въ средѣ польскихъ лингвистовъ и историковъ. Наиболѣе виднымъ и ревностнымъ работникомъ на этомъ новомъ поприщѣ безспорно признается Валентинъ Скороходъ Маевскій, впервые представившій въ польской и вообще славянской лингвистической литературѣ систематическій сводъ свѣдѣній о санскритѣ на основаніи доступныхъ въ то время западноевропейскихъ изслѣдованій.

Валентинъ Скороходъ Маевскій (Walenty Skorochód Majewski), подобно другимъ своимъ современникамъ и сотоварищамъ по Обществу друзей наукъ, посвящалъ свои труды преимущественно разысканіямъ въ области славянской доисторической древности, но въ изслѣдованія свои онъ пытается внести новый элементъ, на который не обращали вниманія не только польскіе, но и другіе славянскіе и неславян-

---

[1]) О русскихъ санскритологахъ вообще см. С. К. Булича, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, СПБ., 1904, стр. 618 и сл.

[2]) Онъ значится въ числѣ подписчиковъ на 1 т. Fundgruben.

[3]) Dębicki, Puławy, III, str. 7—8.

[4]) O obyczajach i zwyczajach Hindusów, dzieło w języku bengalskim, str. 128. Pisma sanskritskie. Ibid.

скіе историки. Этимъ элементомъ былъ санскритъ и наблюденія сравнительнаго языковѣдѣнія [1]).

Валентинъ Ск. Маевскій родился въ 1764 г. въ дер. Скороходъ-Гузы, въ б. Бѣльской землѣ, въ предѣлахъ Подляшскаго воеводства. Уже въ начальной школѣ онъ обнаружилъ блестящія способности. Своимъ образованіемъ онъ, по его собственному заявленію, обязанъ былъ заботамъ матери и дяди, который въ 1779 году взялъ племянника къ себѣ въ Варшаву и помѣстилъ въ школу піаристовъ. Маевскій съ чувствами истинно признательнаго ученика вспоминаетъ о своихъ варшавскихъ учителяхъ; подъ ихъ руководствомъ онъ не только прошелъ весь курсъ тогдашней средней школы, но и изучилъ основательно языки латинскій, французскій и нѣмецкій. Въ университетъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, ему не удалось попасть, но онъ самъ постарался восполнить пробѣлы образованія усерднымъ изученіемъ нѣкоторыхъ предметовъ, пользуясь богатой библіотекой піаристовъ и знаменитыми собраніями Залускихъ.

Впослѣдствіи Маевскій посвятилъ себя адвокатурѣ, но условія этой дѣятельности были настолько непривлекательны, что уже черезъ два года Маевскій оставилъ ее. Его увлекали занятія наукой. Біографъ Маевскаго полагаетъ, что онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ Косцюшки и былъ раненъ подъ Мацѣевицами. Вернувшись въ Варшаву, Маевскій продолжаетъ заниматься излюбленными предметами. Въ 1800 г. онъ былъ назначенъ прусскими властями начальникомъ главнаго архива, съ посто-

[1]) О Маевскомъ въ польской литературѣ намъ извѣстны слѣдующія статьи: „Wiadomość o życiu i pismach W. Sk. Majewskiego“, въ альманахѣ Niezapominajki 1842 r. (przez Karola Korwella); „Rys życia W. Sk. Majewskiego“ написалъ Edw. Dembowski въ ж. Przegląd Naukowy, 1842, III, str. 870—886, 914—926; тамъ же, 1842, т. I, str. 252, краткая Wiadomość o rękopismach W. Sk. Majewskiego; ср. Bibl. Warsz., 1842, I, str. 710. Alex. Batowski въ Pismie Zbiorowem (Jozafata Ohryzko), t. II, 1859, str. 313—352, помѣстилъ очеркъ: „W. Sk. Majewski i jego naukowe prace“, жизнеописаніе Маевскаго, съ подробнымъ обозрѣніемъ содержанія его рукописей, хранящихся нынѣ въ библ. графа Баворовскаго во Львовѣ. Батовскій сильно преувеличиваетъ какъ значеніе ученыхъ работъ Маевскаго, такъ и фоліантовъ выписокъ, не имѣющихъ нынѣ никакой научной цѣны. Мы разсмотрѣли ихъ въ бытность нашу во Львовѣ. Автобіографія Маевскаго (впрочемъ, только до 1807 г.) издана К. В. Войцицкимъ въ его монографіи „Cmentarz Powązkowski“, II, str. 84—88, 252. Ср. біографическія мелочи въ его же „Warszawa“, str. 173—174.

яннымъ содержаніемъ, и занималъ эту должность въ теченіе семи лѣтъ. Съ образованіемъ въ 1807 году Княжества Варшавскаго Маевскій сдѣлался метрикантомъ (metrykantem-rejentem) этого богатаго собранія и проявилъ въ этой должности чрезвычайно энергичную, полную безкорыстія дѣятельность по охраненію и описанію его историческихъ памятниковъ. Матеріалы архива побудили его заняться отечественной исторіей. Въ 1816 г. Маевскій получилъ высшую должность (archiwisty krajowego metryk koronnych) и пребылъ въ ней до самой смерти въ 1835 году. Такова въ немногихъ словахъ біографія этого ученаго.

Научная дѣятельность Маевскаго до сихъ поръ не нашла себѣ надлежащей оцѣнки. Мы отмѣтили выше извѣстныя намъ статьи о жизни и дѣятельности его; всѣ онѣ сообщаютъ, главнымъ образомъ, данныя біографическія и почти вовсе не касаются научныхъ трудовъ Маевскаго, а если говорятъ о нихъ, то слишкомъ преувеличивая ихъ значеніе. Такъ, А. Батовскій полагаетъ, что труды Маевскаго, сохранившіеся въ рукописи, „acz niewszystkie, niektóre bowiem defektowe, nie przestaną być ważnemi pod względem badań nad kolebką ludów słowiańskich i ich pierwotną mową, nad początkiem polaków i polską mową, nad sanskrytem i t. p. [1])“. Но анонимный авторъ „Wiadomości“ въ альманахѣ Niezapominajki не склоненъ къ такому явному преувеличенію. Сожалѣя о томъ, что никто еще, по истеченіи шести лѣтъ со времени смерти Маевскаго, не оцѣнилъ по достоинству его работъ, онъ находитъ только, что эти труды „jeżeli nie na uwielbienie, to przynajmniej na wzmiankę u swoich zasłużyli“. Это гораздо болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности.

Ученая дѣятельность Маевскаго тѣсно связана съ Обществомъ друзей наукъ. Участіе его въ трудахъ Общества выразилось прежде всего въ чтеніи многочисленныхъ докладовъ на разнообразныя темы. Такъ, въ сентябрьскомъ засѣданіи 1809 г. онъ сдѣлалъ докладъ на тему: „Rys historyczny archiwów narodowych“ [2]); 13 апрѣля 1815 г. Маевскій читалъ разсужденіе: „Badania o pochodzeniu Słowian i ich języka, tudzież o obyczajach i zwyczajach Indostanów, którzy zdają się mieć pewne podobieństwo co do pierwiastkowej

---

[1]) Pismo zbiorowe, II, 1859, str. 314.

[2]) Напечатанъ въ Rocznikach, Tom VIII, str. 175. Ср. Kraushar, op. cit., II, I, str. 194.

mowy i zwyczajów do dawnych Słowian“ [1]); засѣданіе 27 апр. 1815 г. закончилъ Маевскій сравненіемъ ряда санскритскихъ словъ съ польскими [2]); 27 ноября 1815 г. онъ излагалъ „систему санскритскаго алфавита“ и читалъ отрывки санскритскихъ текстовъ [3]) и т. д.

Въ засѣданіи отдѣленія наукъ 11 марта 1816 г. Маевскій читалъ докладъ, написанный уже по порученію Общества [4]): „O pierwszeństwie, doskonałości i obfitości języka samoskrytu, tudzież o pożytkach i przyjemności, które z jego nauki mieć można.“ Это былъ въ сущности лишь переводъ вступительной лекціи профессора M. A. L. Chezy, читанной имъ при открытіи курса санскритскаго языка и литературы въ Collège de France 16 января 1815 г. Этотъ же докладъ Маевскаго предназначался и для произнесенія въ видѣ торжественной рѣчи въ публичномъ засѣданіи 30 апрѣля 1816 г. Разсужденіе о значеніи санскрита, прочитанное въ небольшомъ ученомъ кругу, признано было важнымъ и по новизнѣ предмета, впервые затрагиваемаго въ польской литературѣ, особенно выдающимся (rozprawa ta ważna i nowością rzeczy w naszym języku uderzająca), но „депутація“ (Кс. Швейковскій и Липинскій), которой поручено было представить отзывъ о ней, какъ о рѣчи для торжественнаго случая, пожелала, чтобы авторъ исключилъ изъ нея вступленіе о побужденіяхъ и цѣляхъ, заставившихъ его предпринять этотъ трудъ, высказавъ также желаніе, чтобы выпущено было изъ нея и сравненіе санскритскихъ словъ съ польскими, а прочитанъ былъ бы лишь собственно разборъ санскрита (właściwy rozbiór języka samoskrytu) и свѣдѣнія о его литературѣ. Сами рецензенты понимали однако, что, опуская вступленіе о задачѣ своего разсужденія, авторъ тѣмъ самымъ

---

[1]) Rzecz zebrana z dzieła „Lettres philosophiques et historiques sur l'etat moral et politique de l'Inde et des Indous et de quelques autres principaux peuples de l'Asie, traduites des ouvrages anglais le plus récens et les plus estimés“. Протоколъ засѣданій „działu nauk“. Kraushar, op. cit., II, II, str. 111.

[2]) Ibid., II, II, str. 115.

[3]) Ibid., str. 151.

[4]) Въ протоколѣ засѣданія отдѣленія наукъ 11 дек. 1815 г. записано: „Kollega Walenty Majewski proszony na ostatniem posiedzeniu ogólnem, aby napisał rozprawę o języku samskrytskim, zajął się natychmiast pisaniem onej i na dzisiejszem posiedzeniu Działu Nauk czytał plan swojej rozprawy naprzód, a potem wstęp do niej.“ Архивъ Общ. Ср. Kraushar, op. cit., III, I, str. 25.

какъ бы скроетъ главную свою цѣль — доказать родство (okazanie pobratymstwa) санскрита съ славянскими языками; но зато эта смѣлая мысль, какъ имъ казалось, была бы воспринята слушателями прочнѣе и съ бо́льшимъ удовольствіемъ, когда бы ей предшествовалъ разборъ этого языка, доказывающій сходство его съ славянскими.

Такъ какъ уже послѣ прочтенія въ частномъ засѣданіи рѣчь эта была признана достойною напечатанія въ Pamiętniku Warszawsk.[1]), то депутація совѣтовала Маевскому воздержаться съ печатаніемъ ея первой части до тѣхъ поръ, пока ему не удастся собрать болѣе наблюденій и доводовъ, которые неопровержимо доказали бы и оправдали его „равно великую, какъ и новую мысль“. Въ виду этого депутація предлагала ему и въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ держаться этого же метода: на первомъ планѣ ставить наблюденія, свои замѣчанія къ нимъ, сравненіе ихъ, а затѣмъ только выводить изъ этихъ данныхъ заключенія, которыя оправдывали бы его старанія. Когда Маевскій, слѣдуя указанію депутаціи, передѣлалъ нѣсколько свою рѣчь, измѣнивши только порядокъ въ изложеніи и перенеся въ конецъ ея „смѣлое утвержденіе относительно родства санскрита съ славянскими языками“, она вновь была разсмотрѣна тѣми же судьями. Депутація все еще съ недовѣріемъ относилась къ выводамъ Маевскаго и находила доказательства его не настолько полными и убѣдительными, чтобы положеніе его признать очевиднымъ и обязательнымъ, хотя въ то же время считала основанія, на которыхъ онъ строилъ свои доказательства, достаточными и фундаментальными. Для того, чтобы доказать, что строеніе двухъ языковъ одинаково, — наставляли рецензенты Маевскаго, — необходимо не только отмѣтить одинаковое количество частей рѣчи и ихъ измѣненій, ибо такого рода сходство имѣютъ языки славянскіе съ латинскимъ, хотя онъ вовсе не родственъ имъ (nie jest ich pobratnim), но надо войти въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ измѣненій каждой части рѣчи и тутъ прослѣдить сходство, пользуясь при этомъ многочисленными примѣрами. Чтобы доказать это родство и въ значеніи словъ, необходимо разсмотрѣть возможно большее число примѣровъ и привести доказательства, что не только коренныя, но и производныя слова санскрита и славянскія соотвѣтствуютъ другъ другу.

[1]) 1816, lipiec, str. 245—267.

Съ такимъ недовѣріемъ встрѣчены были варшавскимъ ученымъ кругомъ новыя идеи, не принадлежавшія впрочемъ Маевскому, но воспринятыя имъ въ полномъ убѣжденіи въ ихъ истинѣ и значеніи для развитія какъ отечественной лингвистики, такъ и для разысканій въ вопросахъ праславянской старины [1]). Однако на нихъ обратили вниманіе.

Нѣсколько замѣчаній неизвѣстнаго автора по поводу названной статьи Маевскаго появилось въ ж. Tygodnik Wileński [2]). Здѣсь высказаны были слѣдующія мысли. Санскритъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ тому большому стволу языковъ, которые слѣдуетъ назвать яфетическими. Изслѣдователю при сравненіи его съ языками славянскими необходимо расширить свои наблюденія и убѣдиться также въ степени близости его къ германскимъ языкамъ. Совѣтъ былъ данъ цѣнный и оригинальный. Кромѣ того, авторъ замѣчаній высказалъ желаніе, чтобы изслѣдователь санскрита и славянскихъ языковъ не увлекался случайнымъ сходствомъ именъ (ażeby wybadywacz tej sprawy nie unosił się w przypadkowy zbieg podobieństwa imion, które licznie bo wcale różnych językach łowić się dają), возможнымъ въ самыхъ отдаленныхъ языкахъ. Лучшимъ примѣромъ такого увлеченія является К. Г. Антонъ, который, раньше чѣмъ заняться санскритомъ, искалъ славянскихъ словъ въ Арменіи и Вавилонѣ: цари вавилонскіе имѣютъ у него славянскія имена, и Вавилонъ — есть славянское названіе! Польскому ученому слѣдовало бы съ большимъ вниманіемъ остановиться на грамматической природѣ языковъ, на окончаніяхъ, сходствѣ из-

---

[1]) Разсужденіе Шези появилось нѣсколько раньше въ русскомъ переводѣ, п. з.: „О преимуществѣ, изящности и богатствѣ языка санскритскаго", Вѣстн. Евр., 1815, ч. 84, отд. II, 196—216. Интересно, что переводчикъ ссылался на „одного изъ членовъ Варшавскаго Общества друзей наукъ", который, „подкрѣпляемый щедростью нѣкотораго вельможи", занимается изслѣдованіемъ сходства между языками славянскаго происхожденія и санскритскимъ, но не назвалъ его имени. По словамъ того же переводчика, въ бытность Государя въ Варшавѣ (въ 1815 г.) на одной прозрачной картинѣ сіяло высочайшее имя, изображенное, кромѣ другихъ, и санскритскими письменами. Впослѣдствіи въ Соревнователѣ Просв. и Благотв. 1819 г., ч. VIII, стр. 3—21, былъ напечатанъ „Плачь родителей надъ прахомъ сына" (отрывокъ изъ поэмы Рама-Яна). Тутъ уже сдѣлано было прямое указаніе на книгу Маевскаго „O Sławianach". Переводчикомъ съ польскаго былъ нѣкто Папковичъ.

[2]) I, 1816, str. 12: „Uwaga nad powinowactwem badanym języków Sławiańskich z Sanskreckim.

мѣненій однѣхъ и тѣхъ же частей рѣчи, на „природѣ этимологическаго развѣтвленія“ (nad naturą rozgałęziania się etymologicznego).

Въ теченіе апрѣля 1816-го года Маевскій посвящаетъ еще два чтенія санскритской словесности и языку: 1-го апрѣля онъ читаетъ содержаніе „Рама-Яны“ [1]), а 30-го апр. въ публичномъ засѣданіи предложилъ первую часть разсужденія о санскритѣ вмѣстѣ съ отрывкомъ поэмы „Walka Lakszmana z olbrzymem Attikaja“ [2]).

Слѣдующія чтенія Маевскаго относятся же къ 1819 г.: 22 янв. онъ познакомилъ слушателей съ путешествіемъ аббата Фортиса по Далмаціи, а именно съ его сообщеніями о морлакахъ [3]); 22 марта онъ долженъ былъ прочесть докладъ: „O siedzibach Sławian za czasów starożytnej Germanii“ [4]). Въ засѣданіи 16 апр. 1821 г. Маевскій представилъ отзывъ о періодическомъ изданіи Фридр. Крузе: „Archiv f. alte Geschichte, Geographie und Alterthümer (Breslau, съ 1821 года), и тогда же обратилъ вниманіе на необходимость подобнаго изданія для славянской исторіи, которое носило бы названіе Archivum Słowiańszczyzny [5]); въ октябрѣ 1821 г. онъ сдѣлалъ докладъ о трудѣ Фатера „О языкѣ древнихъ пруссовъ“ [6]); въ ноябрьскомъ засѣданіи того же года читалъ въ собственномъ переводѣ извлеченіе изъ труда шведскаго ученаго Gräber'a de Hemsoe „О гуннахъ“ [7]), а 26 ноября сдѣлалъ докладъ о славянахъ въ эпоху Сама [8]); 22 дек. 1822 г. предложилъ этимологическій разборъ словъ на индійскихъ монетахъ, которыя были показаны въ засѣданіи; въ февр. засѣданіи 1824 г. обѣщалъ къ слѣдующему собранію представить переводъ отзыва о трудѣ А. Михановича о санскритѣ (изъ Hormayr's

---

[1]) Kraushar, op. cit., III, I, str. 25.

[2]) Ibid., str. 31.

[3]) Ibid., str. 273. Вѣроятно, Маевскому принадлежитъ извлеченіе: „Obyczaje Morlachów. Wyimki z listów p. Fortis do Lorda Bute“ въ Pamiętn. Warsz., 1820, XVI, 427; XVII, 49.

[4]) На основаніи сочиненія Антона: „Gesch. der teutschen Nazion“ (Leipzig, 1793). Ср. статью Маевскаго „O Sławianach“ въ ж. Pamiętnik Nauk., I, 1819, str. 166—179 (подписана: W. S. K. R. Mi.); „Siedziby Sławian“, ibid., str. 195. Ср. еще: „Przypisy do rozprawy Pana Antona o siedzibach Sławian“, ibid., str. 257—279, 371—381, подписаны: W. S. M.

[5]) Kraushar, op. cit., III, II, str. 165—166.

[6]) Ibid., str. 205.

[7]) Ibid., str. 220.

[8]) Ibid., str. 230.

Archiv f. Gesch. etc. 1823); 9 февр. 1825 г. онъ представилъ разсужденіе: „Obraz dotychczasowych usiłowań i powodów do podania pod sąd Szanownego Towarzystwa jednej z pięciu głównych rozpraw „O zalewie w kierunku od bieguna południowego ku północnemu na 2300 lat przed naszą erą od starożytnych i późniejszych uczonych zgodnie podawanym, dla objaśnienia materyałów do jeografii i hist. starożytnej dwóch wielkich, dawniej całkiem odrębnych, teraz w pewnej części pomieszanych ludzkich plemieni, to jest Amerykano-Tatarskiego i Indo-Skityjskiego", которое затѣмъ прочитано было въ засѣданіи отдѣла наукъ 9 марта 1825 г.[1]); въ 1830 г. въ чрезвычайномъ (іюньскомъ) собраніи по поводу пріѣзда А. Гумбольдта въ Варшаву Маевскій говорилъ о своихъ занятіяхъ критической исторіей славянъ, о трудахъ, которые имъ по этому предмету были прочитаны, о санскритѣ и санскритской типографіи, открытой имъ въ Польшѣ 20 лѣтъ назадъ[2]).

Изъ ученыхъ разсужденій и изслѣдованій Маевскаго только нѣкоторыя, какъ мы видѣли, появились въ печати. Въ 1816 г. онъ издалъ въ Варшавѣ наиболѣе извѣстный трудъ свой: „O Sławianach i ich pobratymcach"[3]). Это было собраніе читанныхъ въ разное время (1813—1816 гг.) докладовъ, главнымъ образомъ — о санскритѣ и его литературѣ; присоединенныя къ этимъ чтеніямъ статьи объ архивахъ и о дипломатикѣ попали въ сборникъ, очевидно, случайнымъ образомъ, такъ какъ къ существенной части его имѣютъ лишь весьма отдаленное отношеніе.

---

[1]) Сохранилось вмѣстѣ съ разсужденіемъ Раковецкаго „O stanie cywilnym dawnych Słowian" въ Имп. Публ. Библ., Histor. Polon. F. 247.

[2]) Kraushar, III, Czasy Król. Kongres. Ostatnie lata, str. 366–367.

[3]) Полное заглавіе этой рѣдкой книги: „O Sławianach i ich pobratymcach. Część I-sza. Obejmująca czytane na Posiedzeniach Działowych w latach 1813. 1814. 1815. tudzież na Posiedzeniu Publicznem Towarzystwa Król. Prz. Nauk dnia 30 Kwietnia 1816 r. Rozprawy o języku Samskrytskim, tudzież O literaturze Indyan w tymże języku, z przydatkiem wyciągu Grammatyki tegoż języka, Tablic rycin czyli pisma i liczbowych postaci, Osnowy wiersza bohatyrskiego pod nazwaniem Rama-Jana, wyciągów z tegoż wiersza, Słowniczka, niemniej dwóch poprzedniczych rozpraw o Archiwach i umiejętności dyplomatycznej przez W. S. Majewskiego, Archiwistę i Pisarza Aktowego Król. Polskiego, Tow. Król. Prz. Nauk przybr. Członka, Podlasianina. W Warszawie 1816." Съ эпиграфомъ: „Avia Pieridum peragro loca, nullius ante trita solo". Lucret. Въ библ. Чешскаго Музея имѣется экз. съ собственноручной надписью автора: „W-mu Jmć Xiędzu Dobrowskiemu autor ofiaruje". Книжка вышла въ самомъ концѣ 1816 г.

Тридцать лѣтъ, — говоритъ Маевскій въ предисловіи, — читая и записывая важнѣйшія наблюденія, я остерегался автороманіи (strzegłem się authoromanii). Но затѣмъ, когда славяне и древніе народы восточной Индіи сдѣлались главнѣйшимъ предметомъ моихъ разысканій, я долженъ былъ подчиниться этой всесильной страсти. Долго я самъ не довѣрялъ себѣ, долго обвиняли меня въ фантазерствѣ. Столь продолжительныя занятія излюбленнымъ предметомъ, постоянныя наблюденія надъ языкомъ, обычаями, нравами, правомъ, вѣрованіями древнихъ индусовъ и жителей Ирана, а одновременно такія же наблюденія надъ древнимъ славянствомъ, убѣдили его въ чрезвычайной близости этихъ племенъ и склонили собрать воедино отдѣльныя разсѣянныя замѣчанія о нихъ. Приступивъ къ этой задачѣ, авторъ однако колебался, съ чего начать свое изложеніе. Ученые друзья посовѣтовали ему начать съ древняго языка индусовъ, его грамматики и литературы, чтобы доказать братство (pobratymstwo) двухъ столь отдаленныхъ нынѣ народовъ. Установивъ такое „побратимство“, мы должны будемъ, — разсуждаетъ далѣе Маевскій, — признать и общее происхожденіе ихъ отъ одного большого ствола; найдя этотъ стволъ, мы отыщемъ затѣмъ мѣста разселенія этихъ побратимскихъ народовъ, опредѣлимъ эпохи, въ которыя они переходили изъ одной части свѣта въ другую и когда они остановились на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ.

Вотъ задача, которую Маевскій ставилъ себѣ цѣлью разрѣшить въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Тутъ начертана была въ немногихъ словахъ обширнѣйшая программа, изъ которой въ изданномъ сборникѣ статей была выполнена лишь самая незначительная, вступительная часть. Маевскій самъ указываетъ на то, что въ послѣдующихъ частяхъ его труда должно было, по его плану, заключаться развитіе его первыхъ ученыхъ наблюденій (dotychczasowych postrzeżeń rozwinienia), а именно: прежде всего, сравненіе хронологіи индусовъ съ обычной, общепринятой хронологіей (chronologiją zwyczajną); слѣдующіе отдѣлы должны были заключать: очеркъ исторіи пяти главнѣйшихъ народовъ Азіи, индусовъ, китайцевъ, арабовъ, татаръ, или скиѳовъ, и персовъ; обозрѣніе обычаевъ, нравовъ, божествъ, религіозныхъ представленій, древняго и современнаго права индусовъ, насколько эти установленія будутъ въ связи съ славянскими; далѣе присоединены будутъ извлеченія изъ произведеній санскрит-

ской словесности, если найдутся любители чтенія на этомъ языкѣ; примѣчанія и небольшой словарь закончатъ этотъ огромный трудъ.

Исходя изъ положенія, что „linguae gentium super omnium monumentorum aetatem assurgunt et earum cognitio atque affinitas plurimum prodest ad gentium origines detegendas", что языки народовъ являются надежнѣйшими памятниками для изслѣдователя древности, что при ихъ помощи легче всего дойти до первоначальнаго родового ствола народовъ, Маевскій приступаетъ прежде всего къ санскриту. Онъ изучаетъ всю доступную ему литературу востоковѣдѣнія, съ трудомъ разыскиваетъ нѣкоторыя изданія [1]), ищетъ помощи у просвѣщенныхъ соотечественниковъ [2]), вообще чрезвычайно добросовѣстно выполняетъ первую часть своей обширнѣйшей программы.

Вся работа его состоитъ изъ шести отдѣловъ, изъ коихъ первый опредѣляетъ, что такое санскритъ, говоритъ о его нарѣчіяхъ, исторіи, распространеніи; отдѣлъ второй разсматриваетъ строй санскрита (budowa języka samskrytu), даетъ общій очеркъ его грамматики, основанный главнымъ образомъ на трудѣ fr: Paulino à St. Bartholomaeo (Римъ, 1790); въ отдѣлѣ третьемъ помѣщено извлеченіе изъ санскритской грамматики, изданной въ 1806 г. въ Серампурѣ; отдѣлъ четвертый заключаетъ изложеніе вступительной лекціи Шези; въ пятомъ — передается содержаніе Рамаяны и двухъ эпизодовъ ея; отдѣлъ шестой содержитъ краткій словарь санскритскихъ словъ.

Въ такомъ видѣ представляется та часть обширно задуманныхъ разысканій Маевскаго, которую ему удалось напечатать и сдѣлать общимъ достояніемъ. Изданіе этого собранія статей обошлось ему очень дорого, такъ какъ необходимо было отлить три спеціальныхъ санскритскихъ шрифта; расходовъ по изданію Маевскій вернуть, конечно, не надѣялся, но матеріальныя соображенія и расчеты не могли охладить его рвенія къ наукѣ и служенію народу [3]).

---

[1]) Онъ имѣлъ очевидное намѣреніе присоединить къ своимъ статьямъ примѣчанія и ссылки на литературу предмета, но указаній этихъ въ книгѣ его нѣтъ; только цыфры въ скобкахъ въ разныхъ мѣстахъ вступленія и перваго раздѣла говорятъ о такомъ его желаніи.

[2]) Ср. стр. 9, 35.

[3]) Объ этой высокой цѣли своихъ трудовъ онъ говоритъ, напр., въ заключительныхъ строкахъ „Rozkładu": „. . . Daleki od chęci zysku a

Онъ рѣшилъ продолжать не только прежнія занятія, но и начатое изданіе и для широкаго ознакомленія любителей просвѣщенія съ своимъ предпріятіемъ думалъ первоначально опубликовать подробный проспектъ его, но затѣмъ, убѣдившись, что по различнымъ причинамъ, матеріальнаго и нравственнаго характера, ему не удастся напечатать столь обширный трудъ, онъ ограничился тѣмъ, что изложилъ детально разработанную программу его въ особомъ очеркѣ (zarysie), который случайно носитъ заглавіе, предположенное, по словамъ Маевскаго, для проспекта[1]): „Rozkład y treść dzieła o początku licznych Sławiańskich Narodów, tudzież każdego w szczególności we IV. Tomach przez Walentego Skorochoda Maiewskiego Deputowanego na Seym z Gminy VI. M. S. W. Członka czynnego Towarzystwa Królewsko Warszawskiego Przyiacioł Nauk, Archiwistę i Pisarza Aktowego Król. Pols." „Rozkład" вышелъ въ 1818 г. (8°, str. CXXXX)[2]).

Въ этой программѣ встрѣчаемъ нѣкоторыя новыя мысли Маевскаго. Онъ говоритъ тутъ о значеніи „выясненія первоначальной исторіи въ равной степени обширной, какъ и древней славянщины", къ изслѣдованію которой полякъ не можетъ относиться равнодушно[3]). Необходимо сорвать ту

---

nawet chluby, jedynie przez żądze, abym dopóki mi sił wystarczy współrodakom i wielkiemu narodowi Sławian podług mej możności był użytecznym, przynajmniej w rękopismach wieloletniej pracy zostawię skutki."

[1]) „Początkowo zamierzyłem szczególnie ogłosić prospekt do przedsięwziętego dzieła i dla tego stosowne na pierwszym arkuszu dałem nazwanie. Lecz ... po wydrukowaniu pierwszego arkusza, jako zwyczajnie zdarza się zbyt zatrudnionym, nowa myśl przyszła. Już to dla należnego wyjaśnienia trzech stanowczych pomników, już to dla wielości zebranych materyałów, już nakoniec dla przychodzącej często myśli, iż z wielu przyczyn fizycznych i moralnych zamierzonego dzieła w całej obszerności drukiem ogłosić nie zdołam; wypadło mi może nazbyt rozszerzyć się w niniejszym zarysie."

[2]) Въ библ. Чешскаго Музея имѣется экземпляръ (92 G 39) съ надписью: „Le soussigné auteur ose offrir à Monsieur Antoine Jungmann Docteur en medecine et professeur de l' Accademie de Prague, comme un foible hommage à son zèle pour les Lettres des Slaves, avec un double qu'il voudra bien offrir à qui il croira à propos. Varsovie le 20. Avril 1819. Valentin Skorochod Maiewski".

[3]) „Pod berłem Najwspanialszego z Monarchów wróciły się dawne prawa i prawdziwa patryarchalna swoboda. Mamy znaczny zasób światłych mężów. Młodzież nasza, przy dobroczynnem urządzeniu nauk, nierównie nam więcej obiecuje. Możnaż powątpiewać, aby przy takim zbiegu okoliczności, początkowe dzieje Sławian a następnie i Polaków dłużej bez należnego wyjaśnienia zostały? Zacznijmy a skończemy!"

густую завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ отдаленную старину. Въ этой области работали ученые почти всѣхъ славянскихъ народовъ, и только недостатокъ матеріаловъ тормозилъ ихъ благороднѣйшія усилія.

Первая часть труда Маевскаго, посвященная спеціально санскриту, имѣла цѣлью доказать лингвистическое родство славянъ съ обитателями древней Индіи. Населеніе ея сохранило свой древній языкъ, обряды, религіозныя представленія; оно является, по выраженію Маевскаго, „общимъ складомъ памятниковъ древности", изъ коего особенно много могутъ почерпнуть для разъясненія своей первоначальной исторіи родственные народы (pobratymskie narody). Такимъ образомъ, знакомство съ санскритомъ и литературой его принесетъ пользу не только филологу, но и историку первобытнаго славянства. Въ рѣшеніи продолжать разысканія въ этой области Маевскаго укрѣпило и то обстоятельство, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія первой части своего труда онъ познакомился съ „Recherches historiques" (1812 г.) „декана славянской литературы", могилевскаго митрополита Сестренцевича Богуша. Опираясь на авторитетъ этого ученаго мужа, а также на свидѣтельства многихъ, достойныхъ довѣрія писателей, изъ сочиненій коихъ приготовилъ уже до двухсотъ листовъ извлеченій, Маевскій рѣшилъ приступить къ печатанію второй части своего изслѣдованія о началахъ славянъ. Предстояла трудная задача. Онъ разсказываетъ, съ какими препятствіями приходилось ему бороться при собираніи матеріала для этого труда: съ одной стороны, съ большими затрудненіями можно было достать необходимыя книги; съ другой, приходилось встрѣчаться съ скептицизмомъ и недовѣріемъ къ силамъ автора предубѣжденныхъ соотечественниковъ [1]). Впрочемъ, не всѣ были заражены этимъ духомъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ сочувствовали его начинанію и поддерживали его.

Раньше, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ древнихъ и позднѣйшихъ писателей о началѣ славянъ, Маевскій считаетъ необходимымъ представить на судъ ученыхъ соотечественниковъ три особенно важныхъ и положительныхъ памятника (trzy stanowcze pomniki), свидѣтельствующіе о связяхъ, существовавшихъ за тысячи лѣтъ между славянами и древними жителями восточной Индіи. Онъ же-

[1]) Op. cit., стр. VI.

лаетъ доказать слѣдующія положенія: 1) о родствѣ (pobratymstwie) языка разрозненныхъ европейскихъ славянъ съ древнимъ языкомъ индусовъ (Indyan), называемымъ обыкновенно санскритомъ, или вѣрнѣе — о тождествѣ (tożsamości) обоихъ языковъ, отдалившихся другъ отъ друга въ отношеніи нѣкоторыхъ выраженій (но нисколько не отличающихся въ отношеніи природы языка) единственно вслѣдствіе неизмѣримаго протяженія времени и пространства, на которомъ они развивались; 2) о тождествѣ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій, а также божествъ языческихъ славянъ и ихъ древнѣйшихъ побратимовъ или прадѣдовъ (naddziadów) — индусовъ; 3) о тождествѣ уцѣлѣвшихъ остатковъ нравовъ, обычаевъ и права славянскаго и индійскаго. Только послѣ разсмотрѣнія этихъ достовѣрныхъ памятниковъ (stanowczych pomników) въ четвертой части изслѣдованія о славянахъ и ихъ побратимахъ должны найти мѣсто историческія наблюденія (dziejowe postrzeżenia), основанныя на изученіи писателей индійскихъ, греческихъ, римскихъ, а также славянскихъ и сосѣднихъ съ ними народовъ (ościennych narodów).

„Таковъ планъ труда, который я намѣренъ издать, если позволитъ мнѣ жизнь и обстоятельства", говоритъ Маевскій. Для второй и третьей частей у него былъ уже собранъ обильный матеріалъ, оставалось только приступить къ его обработкѣ. Но у скептиковъ, на которыхъ указывалъ Маевскій выше, могли явиться сомнѣнія въ осуществимости этого плана. Чтобы доказать „почтеннымъ любителямъ народности и истины", что начертанный имъ проектъ не есть пустой плодъ фантазіи, Маевскій еще разъ „въ краткомъ очеркѣ" (w krótkim zarysie) излагаетъ содержаніе всѣхъ четырехъ частей предположеннаго труда.

Въ первой, уже напечатанной части разысканій о Славянахъ и ихъ побратимцахъ, а именно во введеніи (wstępie), а также въ отдѣлахъ I-мъ и II-мъ, равно въ отдѣлѣ VI-мъ, или словарчикѣ санскритскихъ словъ, не говоря о другихъ отдѣлахъ, Маевскій, по его убѣжденію, доказалъ не только сходство, какое трудно найти между столь отдаленными и много тысячъ лѣтъ тому назадъ разошедшимися народами, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ установилъ и безспорное, близкое къ полному тождеству (do istotnej tożsamości posunione) побратимство обоихъ языковъ. Примѣровъ такого сходства и тождества въ терминологіи, относящейся къ областямъ,

обнимаемымъ прочими частями обширной программы своей, обнаружено было Маевскимъ чрезвычайно много, но собраніе этихъ словъ воедино, составленіе словаря ихъ онъ рѣшилъ предоставить молодымъ силамъ. Производя наблюденія надъ санскритскими словами (стихотворной рѣчи) и сравнивая ихъ съ словами польскими, Маевскій понималъ, что только филологъ, знакомый со всѣми славянскими нарѣчіями, въ состояніи провести это сравненіе глубже и достигнуть такимъ путемъ болѣе прочныхъ результатовъ [1]).

Этимъ добросовѣстнымъ признаніемъ слабости своихъ доказательствъ онъ ограждалъ себя въ извѣстной степени отъ упрековъ, которые ему могли быть сдѣланы и дѣйствительно дѣлались [2]).

Разсмотрѣніе древнихъ обрядовъ и религіозныхъ представленій языческихъ славянъ и индусовъ, какъ памятника и свидѣтеля связей, существовавшихъ нѣкогда между этими двумя большими племенами, имѣло бы особенно важное значеніе; но Маевскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что эта область чрезвычайно трудна для обработки, въ особенности, что касается языческаго славянства. Тутъ историкъ встрѣчаетъ наибольшее затрудненіе въ скудости матеріала, который можетъ подвергнуть изученію.

Славянская языческая старина усердно истреблялась, разрушалась и вообще всячески искоренялась ревностными проповѣдниками христіанства, и собрать матеріалъ для пантеона языческихъ славянъ необыкновенно трудно. Попытки начертать картину древнихъ языческихъ вѣрованій славянства были до сихъ поръ, по выраженію Маевскаго, тяжелой и безплодной работой (mozolną i bezskuteczną pracą). Тѣмъ не менѣе онъ не отказывается вновь приняться за нее, такъ

---

[1]) „Jeżeli więc w samej nawet wiązanej i miarami poprzedzielanej mowie Sławianin zaledwo z jednym lub dwoma obeznany dyalektami tak zmienionej i, przeciągiem czasu tudzież mieszaniną cudzoziemszczyzny, prawie co powiat różniącej się mowy Sławian, tyle może dostrzedz tożsamość wykazujących źrzódłosłowów, — czegoż nie dokaże we wszystkich dyalektach Sławiańsk ch biegły filolog?“

[2]) Шафарикъ, напримѣръ, въ замѣткахъ своихъ „Polonica 1834“ (въ библ. Чешск. Музея, IX B 9) упрекалъ Маевскаго въ незнаніи славянскихъ языковъ: „Maiewski — Notarius des Kgr. Polen u. Conservator des Staatsarchiv, gibt sich sehr viel mit den Slavischen ab auf eine verkehrte Weise, indem er es aus dem Sanscrit erklärt, obgleich er die slav. Spr. gar nicht versteht.“

какъ матеріалы для этой части были имъ собраны, какъ ему казалось, богатые [1]).

Сравнительное изслѣдованіе вѣрованій древней Индіи и славянства Маевскій предполагалъ выполнить по слѣдующему плану: послѣ подробнаго, по всѣмъ источникамъ, изложенія какого-либо вопроса, напр., о поклоненіи древнихъ индусовъ единому богу въ трехъ лицахъ, о развитіи ихъ политеизма и т. п., должно было быть сопоставлено рядомъ все то, что̀ въ этомъ отношеніи извѣстно о древнихъ славянахъ. Говоря о высшемъ божествѣ индусовъ Пара-Брамѣ, Маевскій намѣренъ былъ тутъ же привести и всѣ свидѣтельства о наивысшемъ божествѣ славянъ, напр., то, что̀ сообщаетъ объ этомъ Гельмольдъ; рядомъ съ четвероликимъ Брамой будетъ стоять четвероликій Святовитъ, наряду съ индійскимъ Вишну — богъ Вершный (Werschny) „сорабо-вендовъ“ и т. д. Вообще, Маевскій высказываетъ надежду, что это обширное изслѣдованіе его послужитъ для объясненія пантеона древнихъ славянъ.

Обычаи, нравы и право древнихъ индусовъ дали особенно много матеріала. Эти вопросы, болѣе другихъ разработанные въ литературѣ, потребуютъ обширнаго изложенія, и поэтому Маевскій не можетъ подробнѣе останавливаться на нихъ въ краткомъ наброскѣ программы своего труда. Разумѣется, всѣ богатыя данныя о древнихъ индійскихъ обычаяхъ и законахъ будутъ всюду сравниваемы съ скудными свѣдѣніями объ обычаяхъ, нравахъ и юридическихъ древностяхъ языческихъ славянъ. Маевскій приводитъ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ, по его мнѣнію, о поразительномъ сходствѣ въ указанныхъ трехъ отношеніяхъ между языческимъ славянствомъ и древними индусами. Для выясненія вопросовъ древнѣйшей славянской исторіи этотъ сравнительный очеркъ, по убѣжденію его, принесетъ несомнѣнно много свѣта.

Четвертая часть, по плану Маевскаго [2]), должна была основываться на первыхъ трехъ частяхъ и представить,

---

[1]) О нихъ онъ говоритъ: „Dzieła dwóch braci Frentzlów, dzieło pośledniejsze Krystyana Knaute, Oberlausitzer Sorbenwenden umständliche Kirchengeschichte, Görlitz 1767, изслѣдованія гр. Яна Потоцкаго, Długosz, Strykowski, panowie Glinka i Kaisarow dostarczyły mi co do tego przedmiotu u starożytnych Sławian znacznych materyałów“. Кромѣ того, онъ изучилъ и Гельмольда, и Дитмара и др. источники для исторіи славянства балтійскаго.

[2]) Op. cit., str. CXXXVII.

такимъ образомъ, выводы изъ разсмотрѣнныхъ въ нихъ данныхъ. Эта часть должна была явиться синтезомъ всего разсмотрѣннаго аналитическимъ путемъ въ предыдущихъ частяхъ, т. е. наиболѣе важнымъ отдѣломъ труда, предпринятаго Маевскимъ.

Къ сожалѣнію, ученые проекты его остались неоконченными. Замѣтимъ еще, что Маевскій занимался и исторіей письма у различныхъ народовъ, въ особенности у славянъ, и собиралъ для славянской палеографіи матеріалы въ архивахъ. Изученіе собраннаго имъ матеріала привело его къ заключенію, что церковнославянская азбука (starożytny sposób pisania sławian, pospolicie cerkiewnym zwany) въ прямой линіи ведетъ свое начало отъ письма коптскаго [1]). Представленія его по вопросу о происхожденіи славянскихъ азбукъ были однако весьма ограничены и смутны. Къ этому предмету онъ обращается и въ очеркѣ „Rzecz o sztuce dyplomatycznej“ [2]), гдѣ высказываетъ достойную вниманія мысль о необходимости изслѣдованія славянскихъ памятниковъ въ отношеніи палеографическомъ, для выясненія множества разнообразныхъ вопросовъ древней славянской исторіи. Статья Маевскаго является, такимъ образомъ, однимъ изъ наиболѣе раннихъ указаній на важность палеографическаго изученія памятниковъ славянской письменности, и этотъ голосъ усерднаго изслѣдователя славянской старины необходимо отмѣтить, хотя самъ онъ не сдѣлалъ въ сущности ничего для начала палеографіи у поляковъ.

Труды Маевскаго не остались безъ вліянія, какъ у себя дома, такъ и за предѣлами Польши. Раньше всего обратили на нихъ вниманіе въ Прагѣ. Антонъ Юнгманнъ, профессоръ-медикъ, братъ лексикографа Іосифа Юнгманна, заинтересовавшись книгой Маевскаго „O Sławianach“, получилъ ее въ даръ отъ автора, такъ какъ купить ее ему не удалось. Благодаря Маевскаго за подарокъ, Юнгманнъ въ письмѣ къ нему (30 іюня 1819 г.) упоминалъ, между прочимъ, о своихъ занятіяхъ санскритомъ [3]) и дѣлился съ варшавскимъ санскритологомъ своими впечатлѣніями: „Читая описанія Азіи, увидѣлъ я, что языкъ славенскій имѣетъ весьма близкое сходство съ индейскимъ. Въ семъ мнѣніи утвердило меня еще

[1]) См. O Sławianach i ich pobratymcach. Wtęp.

[2]) Ibid., str. XXXIII—LX.

[3]) См. „Prawda Ruska“ В. Раковецкаго, I, стр. 229—230, то же: Извѣстія Росс. Акад., кн. IX, 1821, стр. 48.

болѣе путешествіе и повѣствованіе нѣкоего чеха Брезовскаго. Онъ даже въ провинціи Кантонѣ разумѣлъ разговаривавшихъ съ нимъ индейцевъ, которые также и его удобно понимали. Все читанное мною на языкѣ санскритскомъ совершенно подтверждаетъ истину повѣствуемаго симъ путешественникомъ. Я ожидаю христоматіи санскритской, изданной Франкомъ, также словаря Вильсонова и другихъ книгъ". Это были первые шаги пражскаго кружка въ новой области языкознанія. Въ журналѣ Krok появляется затѣмъ рядъ статей по санскритскому языку [1]), свидѣтельствующихъ о большомъ интересѣ пражскихъ ученыхъ къ этому важному для лингвиста предмету. Іос. Юнгманнъ и въ Словарѣ чешскаго языка находился еще подъ вліяніемъ Маевскаго, считая слово „sláva" санскритскимъ [2]).

Занявшись сравненіемъ славянскихъ словъ съ санскритскими, Маевскій нашелъ такое огромное число сходныхъ словъ, что собраніе ихъ въ видѣ словаря считалъ работой для себя непосильной и уступалъ ее новому поколѣнію „молодыхъ филологовъ" [3]).

Такими преемниками его являются Андрей Кухарскій, написавшій статью: „O dyialektach sławiańskich i o języku sanskryckim" [4]) подъ несомнѣннымъ вліяніемъ книги Маевскаго, и профессоръ-математикъ Адріанъ Кржижановскій, слушавшій лекціи по санскриту у проф. Шези въ Парижѣ и снабдившій записками своими Кухарскаго. Взорами своими обращаются къ Индіи и Ляхъ-Ширма и другъ его З. Д. Ходаковскій. Первый высказываетъ мысль, что „kolebka naszego

---

[1]) Kratký přehled prosodie a metriky Indické, podle Hen. Thom. Colebrooka v Asiat. Researches, vol. X, ст. Іос. Юнгманна. Krok, I, 1823, str. 33—64. O Samskrytu, ст. Ант. Юнгманна, ibid., str. 65—81; его же замѣтка: O Hindjch, ibid., str. 36 - 47. Wýtah gramatický z Nala k libému srownánj s wlastenskau řečj, ibid., IV, str. 75—103, съ двумя таблицами санскритской азбуки и текста. Во II т. Kroka, 1831, str. 9—29, Ганка переводитъ изъ книги Маевскаго, но безъ указанія источника, „Nářek rodičů nad smrtj gedináčka", предпославъ переводу нѣсколько словъ о санскритѣ. Въ статьѣ „О санскритѣ" Ант. Юнгманнъ однако ссылался на Маевскаго.

[2]) „Tážete se, — оправдывался онъ въ письмѣ къ Коллару 15 сент. 1838 г., — odkud jsem vzal to slovce „sláva" sanskritské býti mající. V oné době, když jsem spisoval ten artikul, nebylo ještě v Praze Wilsonova lexika, ja nuzně z Majevského, Schlegla a jiných nečistych praménků vypisoval, bohdajž bych to nečinil". Č. Č. Mus., 1880, str. 212.

[3]) Rozkład i treść etc., str. IX.

[4]) Dziennik Warsz., Tom I, 1825, str. 17, 515.

dzieciństwa i plemienia jest nad Gangesem“ [1]); второй при посредствѣ Ляха-Ширмы ищетъ на берегахъ Инда и Гангеса подтвержденія своей знаменитой теоріи „славянскаго городства [2]). „Mało kto wziął do ręki badania zacnego Sk. Majewskiego, dla tego że brnął w powodzi sanskrytu i nigdy się na rodzinne pola nie mógł wydostać“, свидѣтельствуютъ современникъ его Войцицкій [3]). Конечно, статьи Маевскаго не могли привлекать т. н. широкой публики, но зато онѣ обратили вниманіе спеціалистовъ и вызвали интересъ къ вопросамъ, до него въ польской наукѣ не поднимавшимся [4]).

---

[1]) Dziennik Wileński, 1818, I, str. 486.

[2]) Приложенія, стр. CXL.

[3]) Cmentarz Powązkowski, II, str. 56.

[4]) Позднѣйшіе труды Маевскаго въ области санскрита были слѣдующіе: 1) Gramatyka mowy starożytnych Skuthów, czyli Skalnych górali, Indoskythów, Indyków, Budhynów Herodota, Samskrytem czyli dokładną mową zwanej, z oryginału samskrytskiego, przekładu Colebrooke, Carey, Wilkins, Yates, Forster i innych, a szczególniey podług poprawniejszego wydania pana Bopp w Berlinie już ukończonego, do dyalektu polskiego i innych sławiańskich zastósowana i ulepszona. Warszawa 1828. 4°. VIII+80, 14 табл. 2-ое изд. 1833 г., съ перепечаткой заглавнаго листа и незначительными измѣненіями. 2) Brahma-Waiwarta-Puranam, osnowa z rękopismu Bibl. król. Berlińskiej przepisana, z przydatkiem przekładu łacińskiego przez Ad. Fr. Stenzlera w r. 1829 ogłoszona, a przez W. Sk. M. na polskie brzmienie wyrazów Samskrytu przepisana etc. Szanownym spółziomkom i innym Słowianom poświęca. Warszawa, 1830. 4°. XII + 55. 3) Przedmowa do drugiej części Gramatyki Samskryckiego języka, oraz do zarysu dzieł dotąd ogłoszonych i do ogłoszenia przygotowanych, autora tejże Gramatyki. Warszawa 1833. 4°. 1½ листа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАЗРАБОТКА СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ И ПРАВА. Ф. ЧАЙКОВСКІЙ. Л. СУРОВЕЦКІЙ. И. Б. РАКОВЕЦКІЙ.

Историческое изученіе польскаго народа, а рядомъ съ нимъ и прочаго славянства составляло, какъ мы указали выше, одну изъ главнѣйшихъ задачъ Общества друзей наукъ. На этомъ пути оно успѣло сдѣлать значительно болѣе, чѣмъ въ области филологическихъ работъ, среди коихъ первое мѣсто должно быть отведено монументальному „Słownіku języka polskiego“ Линде. Но участіе Общества въ этомъ великомъ предпріятіи было въ сущности весьма ничтожно. Дѣятельность другого замѣчательнаго филолога Г. С. Бандтке протекла, можно сказать, почти цѣликомъ внѣ вліянія Общества, хотя извѣстнаго рода связи между вратиславльскимъ, а затѣмъ краковскимъ профессоромъ и варшавскимъ ученымъ кружкомъ существовали. Съ большимъ успѣхомъ подвизаются члены Общества друзей наукъ на поприщѣ историческомъ: труды ихъ въ этой области многочисленнѣе, разнообразнѣе и во многихъ случаяхъ отличаются большею самостоятельностью и новизною мысли.

Паденіе Польши нанесло ударъ историческимъ изслѣдованіямъ. Множество письменныхъ памятниковъ были вывезены за границу или погибли безвозвратно. Но польскій ученый міръ проявляетъ необыкновенную энергію духа и, не смотря на всѣ бѣды, обрушившіяся на родину въ этотъ періодъ, не только продолжаетъ развивать труды, начатые Нарушевичемъ, но и даетъ имъ новое направленіе, обѣщающее болѣе блестящіе результаты [1]). Общество друзей

[1]) Bielowski A., Wstęp krytyczny do dziejów Polski, Lwów, 1850, str. 7.

наукъ явилось средоточіемъ этой дѣятельности. Заслуги Нарушевича въ разработкѣ польской исторіи были велики, но онъ не коснулся древнѣйшаго періода ея, связаннаго съ вопросами общей славянской древности. Къ нему, послѣ трудовъ Потоцкаго и Сестренцевича, обратились младшіе представители Общества друзей наукъ. Извѣстный намъ призывъ къ работѣ надъ „возрожденіемъ“ языка одинаково осуществлялся въ области историческаго изученія польскаго народа. Мы не будемъ останавливаться на обозрѣніи всего, сдѣланнаго въ этой области трудами членовъ Общества друзей наукъ, а ограничимся лишь тѣми историческими изслѣдованіями, которыя имѣютъ болѣе широкое значеніе, обнимая вопросы славянской древности вообще.

Много работъ членовъ Общества посвящено древностямъ религіознымъ и миѳологіи славянъ. А. Осинскій составляетъ обширный „Słownik mitologiczny“ (Warszawa, 1806—1812, 3 т.) и отводитъ въ немъ мѣсто и нѣкоторымъ славянскимъ божествамъ, но пользуется при этомъ плохими пособіями, не знакомясь совершенно съ источниками [1]).

Въ январьскомъ засѣданіи 1808 г. Іосифъ Сѣраковскій сдѣлалъ докладъ на тему: „O mitologii słowiańskiej i dowodach dawności narodu słowiańskiego“ [2]).

Извѣстный архитекторъ Петръ Айгнеръ въ публичномъ собраніи Общества 14 мая 1808 г. читаетъ докладъ „O świątyniach u Starożytnych i Sławiańskich“ [3]), въ которомъ высказываетъ предположеніе, что начало священныхъ строеній относится у славянъ къ весьма отдаленному времени; кромѣ большихъ храмовъ, какъ святыня въ Арконѣ, у славянъ были и меньшіе храмы (modlitewnie), постройки болѣе простого типа; съ древнѣйшихъ же временъ славяне имѣли и приличныя, благоустроенныя жилища (porządne mieszkania); несомнѣнно, съ давняго времени воздвигались у нихъ и каменныя постройки. Айгнеръ добросовѣстно использовалъ

---

[1]) „Mitologia Sklawońska mało znajoma“, сознаетъ Осинскій, но тутъ же указываетъ: „Pomocą do niej była Historya Rossyjska, pisana od Leklerka, i mały Słownik, drukowany w Petersburgu roku 1791“.

[2]) Kraushar, op. cit., II, 1, str. 93. Ср. замѣчаніе Добровскаго по поводу чтенія Сѣраковскаго и вообще работъ по славянской миѳологіи въ письмѣ къ Бандтке. Vzájemné dop., str. 23—24.

[3]) Roczn. Tow. Prz. N., Tom VII, 1811. Рукопись — въ библ. Музея Чарторыскихъ, № 2287.

для своей лекціи какъ показанія источниковъ, такъ и важнѣйшіе труды по занимавшему его вопросу [1]).

Въ январѣ 1812 г. Хр. Весёловскій (Wiesiołowski) читаетъ въ Обществѣ разсужденіе „O starożytnościach religijnych Słowian, pierwszych mieszkańców Polski, i o przyczynach emigracyi tego narodu i Hunnów do Europy" [2]). Рецензенты этого доклада, А. Пражмовскій и Вышковскій, разсматривавшіе его по порученію Общества, съ похвалой отозвались о немъ (1811 г.). По ихъ мнѣнію, на докладъ этотъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на интересное вступленіе къ болѣе обширному труду, который авторъ, очевидно, уже предпринялъ или думаетъ выполнить. Эта начальная часть открываетъ истинную причину наплыва варварскихъ народовъ въ Европу, измѣнившаго ея карту. Двинувшись изъ своихъ обиталищъ и направляясь отъ границъ Китая на западъ, большое и воинственное племя гунновъ подняло многочисленныя орды, которыя нахлынули въ Европу и на развалинахъ Римской имперіи основали новыя монархіи. Авторъ снабдилъ свое чтеніе изображеніями древней славянской утвари (выкопанной въ дер. Грушевѣ) и божества смерти, найденнаго въ могилѣ въ окрестностяхъ Вратиславля.

Это были первые опыты изслѣдованія праславянской старины. Въ нихъ смѣшивались еще миѳологическія догадки и соображенія съ чисто историческими разысканіями, основанными на изученіи источниковъ.

Мы упоминали выше, какъ интересовался славянской стариной Вороничъ, почерпавшій сюжеты для своихъ патріотическихъ пѣснопѣній въ праславянской древности. Насколько серьезны были занятія Воронича древнѣйшей исто-

---

[1]) Онъ ссылается на Гельмольда, Дитмара, Саксона Грамматика, Адама Бременскаго и двухъ анонимовъ, авторовъ житія Оттона; кромѣ того, онъ знаетъ труды: „Rhetra und dessen Goetzen: Büzow und Wismar, 1773; Jędrzej Bogumił Masch, Gottesdienstliche Alterthümer der Obodriten, Berlin, 1771; Joh. Thunmann, Abhandlungen über einige nördliche Völker Europas; Masch, De Diis Obotritis Schediasma; J. Thunmann, Untersuchungen über die alte Geschichte einiger Nordischen Voelker; Masch, Beytraege zur Erläuterung der Obotritischen Alterthuemer, 1774 и др. Встрѣчающееся въ источникахъ названіе „continae" Айгнеръ объясняетъ: „Sławianie swoje świątynie zwali goncianami dla tego, iż z początku będąc stawiane z drzewa miały nietylko dachy, ale i ściany pokryte gontami (какъ это еще можно видѣть на старыхъ деревянныхъ костелахъ), a choć potem były murowane, dawne jednak zatrzymały nazwisko".

[2]) Kraushar, op. cit., II, I, str. 275; Roczn. Tow. Prz. N., Tom IX, str. 280.

ріей славянства, свидѣтельствуетъ его переписка съ Коллонтаемъ. Между прочимъ, онъ желаетъ получить отъ Коллонтая нѣкоторыя указанія относительно происхожденія славянъ и ихъ языка и задаетъ ему четыре вопроса: 1) можно ли Скиѳію, описанную Геродотомъ, считать гнѣздомъ и колыбелью славянскихъ народовъ; 2) былъ ли языкъ этихъ народовъ, несмотря на разнообразіе нарѣчій его, всегда славянскимъ, или, что̀ одно и то же, сарматскимъ, или, выражаясь древнѣе — скиѳскимъ; 3) изъ какой вѣтви слѣдуетъ выводить начало польскаго племени; 4) какъ съ наибольшей вѣроятностью опредѣлить начало территоріи польскаго племени, которое, принявъ имя поляковъ, отдѣлилось отъ прочихъ славянскихъ побратимцевъ [1]).

Усерднымъ изслѣдователемъ вопросовъ древнѣйшей славянской исторіи былъ ловичскій архидіаконъ Фр. Чайковскій, избранный въ члены Общества друзей наукъ уже въ 1805 г. [2]). Ученую дѣятельность свою онъ открываетъ изданіемъ въ 1803 г. сокращенной лѣтописи Кадлубка и съ этого времени всецѣло отдается изученію древней польской исторіи, начиная свои разысканія съ самыхъ отдаленныхъ временъ и темныхъ вопросовъ славянской старины.

Программа историческихъ разысканій Чайковскаго была чрезвычайно обширна. О ходѣ работъ своихъ онъ еще въ 1810 году докладывалъ Обществу въ особомъ письмѣ [3]). Цѣлью его историческихъ изслѣдованій было возможно основательное разъясненіе древнѣйшей эпохи жизни тѣхъ славянскихъ народовъ, изъ которыхъ образовался народъ польскій. Все изслѣдованіе Чайковскій предполагалъ раздѣлить на двѣ части, при чемъ первая изъ нихъ должна была состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. О древней хронологіи. II. О великомъ ѳракійскомъ народѣ. III. О народѣ гетскомъ. IV. О народѣ славянскомъ. V. О народѣ вандальскомъ. VI. О древнихъ гализонахъ, аухетахъ. Вторая часть должна была заключать два отдѣла: I. О первыхъ зачаткахъ и развитіи польскаго народа. II. О Лехѣ: существовалъ ли вообще какой-то Лехъ, котораго называютъ родоначальникомъ поль-

[1]) Kołłątaj, Korrespondencye, IV, str. 174—175.

[2]) См. Rys życia X. Fr. Czajkowskiego, czytany na posiedzeniu publicznem d. 30 Kwietnia r. 1821 przez Xiędza Szaniawskiego. Roczn. Tow. Prz. Nauk, Tom XV, str. 78—86.

[3]) Kraushar, op. cit., II, II, str. 235—236.

скаго народа, и когда именно, и что̀ слѣдуетъ думать о разныхъ возраженіяхъ противъ его существованія.

Въ этой обширной и нелегкой задачѣ Чайковскому удалось рѣшить, въ предѣлахъ силъ его, только нѣкоторыя части, но и знакомство съ ними даетъ возможность составить себѣ точное представленіе о характерѣ его ученой работы [1]).

Изслѣдованіе Чайковскаго: „Badania historyczno-geograficzne o wielkim narodzie Scytyjskim, który później dał się poznać pod nazwiskiem Sławian“ [2]) направлено противъ диссертаціи Пинкертона [3]), который считалъ скиѳовъ родоначальниками почти всѣхъ европейскихъ народовъ, исключая однако изъ нихъ славянъ, о коихъ онъ вообще говоритъ какъ бы съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Чайковскій посвятилъ нѣсколько лѣтъ разысканіямъ въ области древнѣйшей исторіи славянъ, особенно вопросу о скиѳахъ, желая доказать, что они были не только древнѣйшимъ, многочисленнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ народомъ, но въ то же время и отцами славянскаго племени [4]). Съ этою цѣлью онъ разсмотрѣлъ всѣ свѣдѣнія о нихъ, какія нашелъ не только у историковъ и географовъ греческихъ и римскихъ, но и у поэтовъ и философовъ; онъ почерпаетъ одинаково и у Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Страбона, Плутарха, Птолемея, Ливія, Ю. Цезаря, Веллея Патеркула, Тацита, и у Гомера, Гезіода, Платона, Горація и Овидія! Уже изъ этого перечисленія источниковъ можно предвидѣть, насколько заслуживаютъ довѣ-

[1]) Нѣкоторыя части изслѣдованій Чайковскаго хранятся въ рукоп. Имп. Публ. библіотеки: 1. „Badania Historyczno-Jeograficzne o wielkim i najdawniejszym narodzie Skitów, czyli jak się potym dał poznać pod nazwiskiem Sławianów.“ Польск. F. IV. № 1 и № 8 (черновикъ-автографъ и чистовой экземпляръ). 2. „Część IV. O ludach pierwiastkowych, z których się utworzył naród Sławiański i Polski.“ (1813). Польск. F. IV. № 228. 3. „Pierwsza Epoka narodu Sławiańskiego, czyli pierwsze wkroczenie Skitów do Europy. Część I. Rozdział I. O chronologii starożytnej i o pierwszych panujących na świecie.“ Польск. F. IV. № 2.

[2]) Читано 12 янв. 1816 г. въ засѣданіи Общества. См. Roczn. Tow. Prz. N., Tom XI, 1817, str. 288, отчетъ А. Пражмовскаго.

[3]) Dissertation on the origin and progress of the Scythians or Goths. 1787.

[4]) Программа Чайковскаго обнимала всѣ области древняго славянства: „Wzięła mię chęć ułożenia i wypracowania takiego dzieła, któreby służyło za światło przewodnicze do poznania starożytnej historyi i jeografii osobliwie tej części Europy, która zawiera w sobie, od niepamiętnych wieków, ojczyznę jednegoż języka narodu, rozciągającego się od morza Adryatyckiego aż do Lodowatego oceanu wszerz, a od okolic Kaukazu aż do źrzódeł Renu i Dunaju wzdłuż...“

рія разысканія Чайковскаго. Но онъ не пренебрегъ и новѣйшими учеными трудами по занимавшему его вопросу. Впрочемъ, все почерпаемое изъ древнихъ писателей и новѣйшихъ изслѣдованій для Чайковскаго имѣетъ лишь второстепенное, вспомогательное значеніе; главнымъ матеріаломъ на которомъ онъ строитъ свои заключенія, служатъ для него имена горъ, морей, рѣкъ, озеръ, лѣсовъ, — въ этой номенклатурѣ онъ старается отыскать слѣды тѣхъ народовъ, которые дали эти названія, сравниваетъ ихъ съ словами славянскаго корня, чтобы доказать единство скиѳовъ съ славянами.

Изслѣдованіе свое о скиѳахъ Чайковскій предполагалъ раздѣлить на три части, изъ коихъ первая должна была трактовать о скиѳахъ азіатскихъ вообще и въ частности; вторую часть онъ желалъ посвятить скиѳамъ европейскимъ вообще, а третью — скиѳамъ европейскимъ въ частности.

Колыбель скиѳскаго народа Чайковскій находитъ въ Индіи: выйдя отсюда, скиѳы заселили всю сѣверную Азію. Въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ они занимали эти области, до временъ Нина (Ninusa), когда, спасаясь отъ порабощенія, раздѣлились на двѣ части и направились въ Европу. Одна часть пошла черезъ Сирію, Палестину и Малую Азію, всюду оставляя слѣды своего пребыванія, переправилась черезъ Геллеспонтъ въ Европу и заняла все пространство до Дуная; впослѣдствіи эта часть извѣстна была подъ именами ѳракійцевъ, гетовъ, иллировъ и пеласговъ. Вторая половина, избравши путь черезъ Кавказъ на сѣверъ, распространилась по обоимъ берегамъ Волги, откуда стала все болѣе и болѣе расширяться на западъ и достигла, съ одной стороны, лѣваго берега Дуная, съ другой — Балтійскаго моря. Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ результаты многолѣтнихъ разысканій Чайковскаго о скиѳахъ.

Уже А. Пражмовскій, тоже спеціально занимавшійся славянской древностью, въ своемъ отзывѣ о трудѣ Чайковскаго не могъ не замѣтить, что домыслы автора необыкновенны и поражаютъ своею оригинальностью (domysły autora są nadzwyczajne i osobliwością uderzające). Воздавая должное упорному труду автора и его стремленіямъ, рецензентъ не нашелъ сказать ничего болѣе о значеніи самаго изслѣдованія, какъ только то, что оно можетъ быть читаемо „не безъ удовольствія и даже не безъ пользы“, потому что въ немъ даны въ точномъ переводѣ обширныя извлеченія изъ

классическихъ писателей; къ тому же оно наводитъ на важную мысль родства (pobratymstwa) всѣхъ европейскихъ народовъ. О научномъ значеніи историческихъ теорій Чайковскаго Пражмовскій совершенно умалчивалъ.

Разсмотрѣніе труда Чайковскаго: „O ludach pierwiastkowych, z których się utworzył naród Sławiański i Polski" (Część IV) поручено было комиссіи изъ членовъ Общества: Пражмовскаго, Суровецкаго и Бентковскаго; принималъ участіе въ разборѣ также и Сестренцевичъ Богушъ. Наибольшій интересъ и цѣну представляетъ отзывъ Суровецкаго [1]). Въ своей рецензіи онъ говорилъ слѣдующее.

Кс. Чайковскій имѣетъ цѣлью исторически прослѣдить начало славянъ, указать, откуда пришелъ этотъ великій народъ, гдѣ была первоначальная его территорія (siedliska), подъ какими именами скрывался онъ до V-го вѣка. Такое намѣреніе, по мнѣнію Суровецкаго, тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что до сихъ поръ, не смотря на всю важность для исторической науки выясненія этихъ вопросовъ, никто еще не сдѣлалъ этой попытки. Основательный изслѣдователь вопросовъ славянской древности, Суровецкій понимаетъ трудность и сложность разысканій, которыя предпринимаетъ Чайковскій; онъ считаетъ даже безплодными поиски въ отдаленныхъ вѣкахъ (tropienia w dalekich wiekach), признавая однако яснымъ, что принятая всѣми эпоха появленія на исторической сценѣ славянскихъ народовъ, несомнѣнно, можетъ быть значительно отодвинута назадъ. Геродотъ первый бросилъ лучъ свѣта на темный сѣверъ Европы, гдѣ эти народы, безъ сомнѣнія, долго скрывались; но для того, чтобы при такомъ слабомъ освѣщеніи сумѣть отличить ихъ отъ другихъ народовъ, необходимо, по убѣжденію Суровецкаго, обладать чрезвычайно проницательнымъ взоромъ и неутомимымъ вниманіемъ. Эта задача не удавалась многимъ прежнимъ и нынѣшнимъ историкамъ и, повидимому, въ наименьшей степени удалось разрѣшить ее въ своихъ разысканіяхъ кс. Чайковскому.

Одни выводили славянъ отъ мидянъ, другіе непосредственно отъ скиѳовъ, иные отъ сарматовъ и будиновъ, но

---

[1]) Общія „Uwagi", подписанныя Пражмовскимъ, Суровецкимъ и Бентковскимъ, на девяти листахъ, безъ даты, и отдѣльные отзывы Суровецкаго (15 Listop. 1814) и Сестренцевича (20 Grudnia 1814) хранятся въ архивѣ Общества друзей наукъ. Akta tyczące się Rapp. działu Nauk, Tom II.

всѣ единогласно признавали, что съ начала христіанской эры, по свидѣтельству писателей этого времени, они занимали области на востокъ отъ Вислы подъ именемъ венедовъ; что затѣмъ, уступая напору нахлынувшихъ въ Римскую имперію вандаловъ, готовъ, геруловъ и др. народовъ, они выступили изъ своихъ предѣловъ, двинувшись частью на Дунай, частью на западъ отъ Вислы, и утвердились въ этихъ территоріяхъ.

Кс. Чайковскій отвергъ всѣ эти мнѣнія и построилъ весь свой трудъ на слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ: вопервыхъ, что ѳракійцы происходили непосредственно отъ скиѳовъ; во-вторыхъ, что къ роду ѳракійцевъ принадлежали не только фриги, мизы, кровизы, геты и даки, но также и иллиры, скордиски, гализоны, галаты, маркоманы, квады, готы, лигіи, вандалы и т. д.; въ-третьихъ, что Маробудъ, котораго онъ называетъ Лехомъ, въ эпоху имп. Августа основалъ польское государство и столицу его Гнѣзно.

Эти основныя положенія изслѣдованій Чайковскаго свидѣтельствовали уже о ихъ безплодности. Кс. Чайковскій, — доказывалъ Суровецкій, — не достигъ и не могъ достигнуть своей цѣли, и это не удивитъ ни одного историка, знакомаго съ источниками, изъ коихъ онъ черпалъ: на основаніи Геродота или Ѳукидида, или Поливія, а еще меньше — Ксенофонта, никто не можетъ доказать, что ѳракійцы происходили отъ тѣхъ скиѳовъ, о которыхъ говорятъ эти писатели. Читая внимательно Страбона, П. Мелу, Плинія, Птолемея, Тацита, Веллея и т. д., не только нельзя подмѣтить слѣдовъ единства ѳракійцевъ, иллировъ, скордисковъ, маркомановъ и гализоновъ, но, напротивъ, можно убѣдиться, что всѣ эти народы отличались другъ отъ друга языкомъ, обычаями и физическими чертами. Что геты и готы были одинъ народъ, что маркоманы, квады, лигіи, вандалы, галаты принадлежали къ роду ѳракійцевъ и были братьями венедовъ, — все это или историческія ошибки, или пустые домыслы, не имѣющіе ни малѣйшаго основанія. Доказано уже, и ни одинъ историкъ въ этомъ не сомнѣвается, что геты относятся къ ѳракійцамъ, а готы, маркоманы, квады, вандалы „albo corpore et coma“ принадлежали къ германцамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ ѳракійцами. Объ основаніи польскаго государства въ эпоху Августа маркоманомъ Маробудомъ, по мнѣнію Чайковскаго — Лехомъ, о переселеніи (wyprawie) части этого народа подъ именемъ вандаловъ въ Африку,

о хорватскихъ державахъ и о переходѣ Леха II въ Польшу, о XII воеводахъ, какъ о положеніяхъ, либо несогласныхъ съ исторіей, либо основанныхъ на догадкахъ и сказочныхъ преданіяхъ, не стоитъ, по заявленію Суровецкаго, и вспоминать. Тѣ народы, которые, по свидѣтельству Страбона (Lib. VII. c. I), были объединены Маробудомъ, какъ маркоманы, лигіи, гутоны, бургунды, семноны и т. д., на пространствѣ отъ Моравы и западныхъ береговъ Вислы до Нотеци и до Эльбы, Тацитъ, Плиній и другіе писатели съ достовѣрностью причисляли къ германскимъ племенамъ. Не выдерживаютъ никакой критики и доказательства Чайковскаго, что имя Traki (Thraci) есть то же, что̀ Chrobaty (Traki tak nazwani byli od chropowatości kraju!); что они происходятъ отъ скиѳовъ; что славяне принадлежали къ роду ѳракійцевъ.

Не входя въ болѣе детальный разборъ самаго изслѣдованія и картъ, къ нему приложенныхъ, что̀ дало бы возможность обнаружить еще множество другихъ промаховъ и историческихъ ошибокъ, Суровецкій заключаетъ свой отзывъ заявленіемъ, крайне неблагопріятнымъ для ученой репутаціи Чайковскаго.

Суровецкій упрекаетъ его въ томъ, что онъ не изучилъ, какъ слѣдуетъ, и не исчерпалъ своихъ источниковъ, не воспользовался многими римскими и въ особенности византійскими писателями, изданными Штриттеромъ, не знаетъ и трудовъ новѣйшихъ историковъ, разбиравшихъ критически эти источники; наконецъ, Чайковскій пренебрегъ всякой критикой и, не пытаясь нигдѣ опровергнуть данныя, противорѣчившія его положеніямъ, во что бы то ни стало старался притянуть свои матеріалы къ утвержденію высказанной имъ гипотезы.

Поэтому, — заключаетъ Суровецкій свой отзывъ, — слѣдовало бы посовѣтовать кс. Чайковскому, чтобы онъ воздержался отъ печатанія своего труда и обратился бы къ разсмотрѣнію всѣхъ необходимыхъ историческихъ источниковъ, а кромѣ того, познакомился бы съ рукописнымъ трудомъ по тому же самому предмету Коллонтая, что̀ не только облегчило бы ему задуманное изслѣдованіе, но и привело бы къ тому, что мнѣнія двухъ современныхъ писателей не имѣли бы тѣхъ діаметральныхъ противорѣчій, какими они отличаются.

Третья изъ представленныхъ Обществу частей обширныхъ разысканій Чайковскаго была озаглавлена: „Pierwsza

epoka narodu Sławiańskiego, czyli pierwsze wkroczenie Skitów do Europy". О ней намъ извѣстенъ краткій отзывъ еп. А. Пражмовскаго (въ засѣданіи 13 марта 1820 года). Содержаніе этой части не представляетъ ничего новаго по сравненію съ изложенными выше частями. Основная мысль Чайковскаго — скиѳы были славяне; доказательство этому мнѣнію онъ находитъ въ томъ, что только въ славянскомъ языкѣ есть выраженіе „скитаться", т. е. блуждать (błąkać się)!

Къ трудамъ своимъ Чайковскій самъ изготовлялъ спеціальныя карты, въ которыхъ опредѣлялъ: „Dzielnice narodu Sławiańskiego i odwieczne i stałe siedziby Sławiańskich narodów i ludów, pod różnemi nazwiskami od starożytności wymienionych"; кромѣ того, по словамъ его біографа кс. Шанявскаго [1]), онъ присоединилъ къ одному изъ трудовъ „Tablicę różnych azbukowidów czyli abecadeł Skityckich, późniejszych wieków Sławiańskiemi nazwanych".

Кс. Шанявскій въ очеркѣ ученой дѣятельности Чайковскаго воздавалъ должное необыкновенному трудолюбію его, обширнымъ познаніямъ, глубокому знакомству съ древней исторіей и классическими писателями, но признавалъ, вслѣдъ за Суровецкимъ, что въ области объясненія древнихъ именъ Чайковскій предавался фантазіямъ, что онъ не углублялся въ изученіе памятниковъ, принимая всѣ свидѣтельства древнихъ на вѣру; поэтому труды его не могли, конечно, удовлетворить вполнѣ трезвыхъ, критическихъ изслѣдователей начальной исторіи польскаго народа.

Съ Обществомъ друзей наукъ тѣсно связана ученая дѣятельность Лаврентія Суровецкаго, замѣчательнѣйшаго изслѣдователя славянской древности, указавшаго путь великому творцу „Slovanských Starožitností", П. І. Шафарику.

Лаврентій Суровецкій родился въ 1769 г. подъ Гнѣзномъ; долгое время въ качествѣ частнаго учителя онъ пребывалъ во Львовѣ, Вѣнѣ и Дрезденѣ, а въ эпоху Княжества Варшавскаго жилъ въ Дрезденѣ, какъ чиновникъ правительства. Въ 1807 г. Суровецкій избранъ былъ въ члены Общества друзей наукъ; въ 1812 г. получилъ мѣсто генеральнаго секретаря въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а въ 1817 г. назначенъ былъ совѣтникомъ его по административнымъ дѣламъ [2]). Умеръ Суровецкій 9 іюня 1827 г.

[1]) Roczniki Tow. Prz. N., T. XV, str. 84.

[2]) Kraushar, op. cit., III, II, str. 29. Біографію Суровецкаго написалъ Ф. Бентковскій: „Wiadomość o życiu i pismach Wawrzyńca Surowieckiego,

Суровецкій пережилъ самые тяжелые моменты судебъ польскаго народа, — всѣ три раздѣла Польши. Съ послѣднимъ отчизна его окончательно потеряла свою политическую независимость, и имя ея было вычеркнуто изъ ряда европейскихъ государствъ. Увлеченный извѣстными патріотическими призывами, онъ, подобно многимъ современникамъ, обратился къ изученію прошлаго своего народа, чтобы сохранить память о великихъ дѣяніяхъ предковъ, и сталъ обрабатывать сначала древнѣйшій періодъ славянской исторіи, какъ введеніе въ исторію польскаго народа, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи перейти и къ Ягеллонской эпохѣ. Но изъ обширнѣйшей программы ему удалось выполнить только самую незначительную часть ея.

Уже въ письмѣ, помѣщенномъ въ Gazecie Warszawskiej [1]), Суровецкій познакомилъ любителей славянства съ своимъ главнымъ ученымъ проектомъ, подробно изложивши программу его (Obraz dzieła o początkach, zwyczajach, obyczajach i religii dawnych Słowian). Письмо это обращено къ Вороничу и свидѣтельствуетъ о близости историка къ знаменитому поэту и любителю славянской старины [2]). „Когда міръ объятъ былъ пламенемъ войны, и люди терзались гаданіями о будущихъ событіяхъ, — напоминаетъ онъ другу-епископу, — мы въ тишинѣ уединенія посѣщали поперемѣнно пред-

Radcy w Kommissyi rządowej wyznań religijnych i oświecenia publicznego.“ Roczn. Tow. Prz. Nauk, Tom XXI, 1830, str. 134—157. О Суровецкомъ см. еще: K. W. Wojcicki, Cmentarz Powązkowski, III, 29—31; X. Ignacy Chodynicki, Dykcyonarz uczonych Polaków, III. Lwów, 1833; W. Surowieckiego Dzieła, z wiadomością o życiu i pismach autora. „Biblioteka Polska“, wyd. K. J. Turowski, Kraków, 1861. 8°. str. 551. Комиссія, разсматривавшая „Wiadomość“ Бентковскаго, признала ее достойной прочтенія въ Обществѣ, но при этомъ оговаривалась (14 listop. 1828): „Co się tycze umieszczenia tegoż żywota w Rocznikach Tow., Deputacya postrzegła potrzebę uzupełnienia go poprzedniczo ocenieniem zasług literackich ś. p. Surowieckiego. Lecz w tem uwiadomił ją autor, iż rzecz, przez siebie złożoną, uważa tylko za pierwszą część żywota...“ Этой оцѣнки ученыхъ заслугъ Суровецкаго мы не знаемъ.

[1]) 1807, str. 199—206. List XXIX. Ср. Rakowiecki, Prawda Ruska, I, str. 250. K. W. Wojcicki, »Warszawa«, str. 33—34. Рядъ писемъ, посвященныхъ въ Gazecie Polskiej общественнымъ и національнымъ вопросамъ, изданъ былъ отдѣльно, п. з.: „Korrespondencya o materyach, obraz kraju i narodu polskiego rozjaśniających“. Warszawa 1807 (8°, str. 302). Ср. K. W. Wojcicki, Warszawa, jej życie umysłowe etc. (od r. 1800 do r. 1830), 1880, str. 36.

[2]) Вороничъ посвятилъ Суровецкому стихотвореніе: „Do autora wyprawy na wojaż J. S. r. 1799“. Ср. Przegląd Polski, 1883, czerwiec, str. 405.

вѣчные народы Индіи, Кавказа, Танаиса и Эридана. Роясь въ остаткахъ ихъ, разсѣянныхъ тысячелѣтіями, мы искали въ нихъ мельчайшихъ слѣдовъ происхожденія, обычаевъ, религіи великаго народа славянъ. Это развлеченіе всегда было для насъ самымъ пріятнымъ, постоянно обнаруживая новыя приманки для нашей ненасытной любознательности. Подчасъ, когда лязгъ оружія распространялъ тревогу до самыхъ пороговъ нашего уединенія, когда онъ поражалъ печалью даже спокойные умы, одно воспоминаніе о славныхъ пророчествахъ Святовита, о великолѣпныхъ храмахъ могущественнаго Триглава, о суровыхъ карахъ мстительнаго Прове мгновенно сглаживало всю эту непріятную картину. Дождавшись наконецъ лучшихъ дней, поговоримъ нынѣ съ просвѣщенными соотечественниками о томъ, что намъ доставляло столько удовольствія въ уединеніи". Мы видѣли, съ какою любовью обращался къ славянской древности Вороничъ, напомнившій о ней соотечественникамъ въ проникнутыхъ духомъ славянскаго единенія поэмахъ; цѣль у Суровецкаго была та же, но путь и средства достиженія ея избраны имъ другіе. Начальный періодъ польской исторіи, оставшійся едва набросаннымъ въ черновыхъ бумагахъ Нарушевича, не отважившагося пуститься въ безбрежное море не разобранныхъ свидѣтельствъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей, привлекъ вниманіе Суровецкаго.

Задача, которую Суровецкій желаетъ осуществить, сложна и чрезвычайно обширна [1]). Онъ ясно видитъ всѣ трудности ея, но не останавливается передъ препятствіями и усердно собираетъ матеріалъ для работы, которую или выполнитъ самъ, или довѣритъ болѣе сильнымъ рукамъ (czy samby dźwignął, czy silniejszym dłoniom powierzył). Извлеченій изъ разнообразныхъ источниковъ и пособій въ теченіе ряда лѣтъ Суровецкій собралъ огромное количество [2]).

Всѣ эти выписки были при этомъ распредѣлены такъ, чтобы всякій, обращающійся къ нимъ, легко и сразу (za jed-

---

[1]) „Te trudności nie były mi tajne, nie dałem się im jednak odstraszyć; znalazłem sposoby, które, chociażbym nie ukończył w tak rozmaitych przedmiotach połączoną pracę, zapewniają jej jednak zupełną wartość."

[2]) „Ułożony porządkiem materyi sumaryusz wyjątków z najrzadszych dzieł, wraz z uwagami do 300 arkuszy druku wynoszący, będzie obfitem źródłem, z którego uczeni, bez mozolnego szperania, bez rzadkich lub małoco znanych autorów, w pięciu lub sześciu językach śmiało będą mogli czerpać." Что сталось съ этими матеріалами, біографы Суровецкаго не упоминаютъ.

nym rzutem oka) находилъ все, относящееся къ божествамъ, обрядамъ, празднествамъ, обычаямъ, праву, характеру, происхожденію, оружію и одеждѣ всѣхъ славянскихъ народовъ. Параллельно съ ними для сравненія (dla stosunku historycznego pod podobnemi względami) помѣщены были соотвѣтствующія извлеченія о грекахъ, кельтахъ, скиѳахъ, персахъ, индійцахъ, египтянахъ, готахъ, германцахъ и т. д. При помощи такого изданія, — полагалъ Суровецкій, — нетрудно будетъ любознательному разобраться въ каждомъ вопросѣ, а ученымъ — разработать и расширить, а кое-гдѣ и исправить торопливо набросанныя имъ замѣчанія. „Во всякомъ случаѣ, я твердо надѣюсь, говорилъ онъ, что трудъ мой во многихъ отношеніяхъ разъяснитъ исторію европейскихъ народовъ и опровергнетъ не одно ошибочное положеніе, относительно котораго доселѣ никто и не дерзалъ сомнѣваться".

Программа труда Суровецкаго, который во взглядѣ на пользованіе источниками сходится съ И. Потоцкимъ, была слѣдующая: „Wywód początków wielkiego narodu Słowiańskiego. — Obyczaje, prawa, postać i charakter tego ludu. — Religia, bóstwa jego pogańskie, obrządki, uroczystości stosowane z obcemi. — Zaprowadzenie osad w różne strony świata i los tych do panowania Władysława Jagiełły. — Przemysł, handel, rękodzieła tego ludu. — Nakoniec, obyczaje, prawa, przemysł, rękodzieła, charakter, stan topograficzny, polityczny i statystyczny Polski w szczególności aż do wieku XV".

Объяснительной запиской къ ней можно назвать докладъ Суровецкаго: „О способахъ дополненія исторіи и изученія древнихъ славянъ" [1]). Авторъ развиваетъ извѣстныя мысли о пользѣ и необходимости для всякаго просвѣщеннаго гражданина изученія исторіи своего народа, начиная съ древнѣйшихъ временъ, и о важности всесторонняго знакомства съ жизнью его.

Мысли Суровецкаго замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ впервые опредѣленно и смѣло сдѣлано было указаніе на такіе источники „дополненія исторіи", которыми до его времени историки обыкновенно пренебрегали. Правда, и нѣкоторые предшественники Суровецкаго не считали уже воз-

[1]) „Rozprawa o sposobach dopełnienia historyi i znajomości dawnych Słowian" читана была въ публичномъ засѣданіи Общества друзей наукъ 19 января 1809 г. См. Roczn. Tow. Prz. N., T. VIII, 1812, str. 81—119.

можнымъ ограничиваться исключительно памятниками письменными и обращались (какъ, напр., Потоцкій, отчасти также Чайковскій) къ свидѣтельствамъ топографической номенклатуры, языку народа и памятникамъ вещественнымъ, но никто не развилъ этихъ новыхъ и не получившихъ еще полныхъ правъ гражданства мыслей съ такою ясностью и убѣдительностью, какъ Суровецкій въ этомъ своемъ разсужденіи.

Позднѣйшія поколѣнія, говоритъ Суровецкій, вообще наслѣдуютъ черты своихъ предковъ. Обычаи, взгляды, предразсудки, просвѣщеніе, добродѣтели и пороки, которые руководятъ нашими поступками, часто берутъ свое начало въ отдаленнѣйшей, прадѣдовской эпохѣ. Отсюда понятно, насколько необходимо надлежащее знакомство съ этимъ первобытнымъ источникомъ, насколько важно прослѣдить весь путь его теченія. Знакомство это полезно для каждаго, ибо кто знаетъ источникъ своего счастья, тотъ лучше цѣнитъ его и безопаснѣе черпаетъ изъ него; кто замѣчаетъ первыя звенья зла, тому не трудно разорвать всю цѣпь его. Но познать тотъ или другой народъ единственно путемъ разбора дошедшихъ до насъ свѣдѣній (dawnych podań) нѣтъ возможности. Надо искать другихъ пособій. Всякій человѣкъ жаждетъ узнать, чѣмъ былъ народъ, основавшій его отчизну, даровавшій ему имя и славу. Такая любознательность и похвальна и полезна: самыя позднія поколѣнія научаются лучше уважать своихъ отцовъ, когда видятъ, сколь они имъ обязаны, и рѣшаются на великіе подвиги, когда узнаютъ, какое они имъ оставили богатое наслѣдіе въ добродѣтеляхъ, просвѣщеніи и промышленности. Только негодные сыновья могутъ предавать забвенію славу своихъ отцовъ. Во всѣ времена народы соперничали въ сохраненіи славныхъ подвиговъ своихъ предковъ, и тотъ изъ нихъ считался знаменитѣе, кто могъ перечислить ихъ въ большемъ количествѣ. Просвѣщенный египтянинъ и бездомный скиѳъ одинаково спорили о первенствѣ въ этомъ отношеніи. Эта врожденная наклонность имѣетъ своимъ источникомъ самолюбіе. Никому не хочется происходить изъ низкаго рода, никто не желаетъ принадлежать къ дому, на которомъ лежитъ пятно преступленія или безчестія; напротивъ, всякій гордится заслугами своихъ предковъ и разыскиваетъ остатки и слѣды ихъ славы. Если мнѣ удастся, — продолжаетъ Суровецкій, — извлечь изъ долговременнаго забвенія хоть частицу древней славы нашихъ предковъ, если

я сумѣю указать болѣе надежный путь къ столь рѣдко еще посѣщаемымъ полямъ, если успѣю возбудить въ моихъ соотечественникахъ охоту разыскивать на нихъ вѣками забытые остатки народной гордости, то думаю, что этимъ я достойнѣе всего выражу свои чувства дорогому отечеству и ея великодушному воскресителю (Александру I).

Суровецкій желаетъ своими трудами послужить тому великому дѣлу, которому служатъ всѣ члены Общества. „Zginęła ojczyzna, lecz nie zginie naród pod jasną pochodnią tak światłych mężów", — съ ними желаетъ шествовать и онъ. Предки наши, говоритъ онъ, мало извѣстны нашему времени, а ихъ религія, обычаи и право погребены во мракѣ забвенія. Между тѣмъ дошедшія до насъ преданія о ихъ характерѣ и подвигахъ представляютъ немало пищи, какъ для удовлетворенія любознательности, такъ и для возбужденія заслуженной гордости послѣдующихъ поколѣній (dla podsycenia słusznej pychy następnych pokoleń). Долгъ польскихъ ученыхъ дать надлежащее освѣщеніе этимъ свѣдѣніямъ, ибо отъ чужеземцевъ нельзя ожидать безпристрастія.

Свои взгляды на древнее славянство Суровецкій излагаетъ въ такихъ словахъ. Многочисленный народъ венедовъ предавался, по всему вѣроятію, въ теченіе вѣковъ мирнымъ занятіямъ; когда же онъ наконецъ выступилъ изъ своихъ первобытныхъ жилищъ съ оружіемъ въ рукахъ, то сразу измѣнилъ всю физіономію сѣверной Европы, сокрушивъ преграды Восточной имперіи и потрясши до основанія этотъ колоссъ. Если народъ венедовъ не нанесъ ему послѣдняго удара, то это слѣдуетъ приписать отчасти привязанности славянскаго народа къ народному правленію (do rządu gminnego), не допускавшему его группироваться въ значительномъ числѣ подъ властью одного вождя; отчасти же — меньшей его склонности къ погонѣ за богатой добычей, чѣмъ къ осѣдлой, мирной жизни. Семь славянскихъ народовъ основались на правомъ берегу Дуная; другіе многочисленные народы наводнили неизмѣримыя пространства отъ Волги, Балтійскаго моря, Лабы и Салы до Адріатики, и всѣ предались воздѣлываніи новыхъ пріобрѣтеній и защитѣ ихъ отъ всякихъ покушеній чужеземцевъ.

Изъ этихъ славянскихъ племенъ поляки заняли широкія равнины между Саномъ, Вислой, Бугомъ, Нотецью, Одрой и Чехіей; никакая чуждая сила не могла уже вытѣснить ихъ изъ этой территоріи. Среди ужаснѣйшихъ бурь варварства,

среди мрака, разбоевъ и всеобщаго насилія, поляки умѣли всегда сохранить достоинство благороднаго и независимаго народа. Въ этомъ отношеніи слава ихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и свидѣтелемъ ея служатъ оставшіеся слѣды и всѣ преданія. А такъ какъ они наши отцы, то и слава ихъ есть наша слава, и мы можемъ справедливо гордиться ею, ибо заслуги отцовъ падаютъ и на сыновей.

Но мужество древнихъ поляковъ не есть единственная добродѣтель, которою имѣютъ право гордиться послѣдующія поколѣнія: есть еще и другія добродѣтели, которыя въ глазахъ просвѣщеннаго человѣчества имѣютъ гораздо больше цѣны, ибо это тихія, кроткія добродѣтели, не запятнанныя кровью и не орошенныя слезою человѣческою. Такъ, человѣкъ обращаетъ больше свой взоръ на шумныя рѣки, уничтожающія плоды его трудовъ, и не замѣчаетъ маленькаго ручейка, увлажняющаго нивы и покрывающаго ихъ цвѣтами; такъ, преклоняется онъ предъ ослѣпляющей его грудой золота и топчетъ ногами ничтожное зернышко, которое кормитъ его.

Историки, увлекаясь господствующимъ въ наукѣ направленіемъ, даютъ намъ въ своихъ произведеніяхъ мало отрадныхъ картинъ жизни народовъ. Гуманистъ и философъ, пробѣгая неизмѣримыя ихъ пространства, рѣдко найдетъ ручеекъ, который могъ бы оживить истомленную тяжелыми впечатлѣніями душу. Читая эти обширныя сочиненія, заключающія обыкновенно скучный наборъ хронологическихъ данныхъ, войны, измѣны, насилія, несправедливости и убійства, тысячу разъ отворачиваетъ онъ свой взоръ и напрасно ищетъ услаждающихъ образовъ. На первый взглядъ можно подумать, что древніе лѣтописцы руководились однимъ лишь намѣреніемъ — сохранить будущимъ поколѣніямъ только изображенія человѣческихъ несогласій и злобы, оставивъ скромныя добродѣтели въ ихъ излюбленномъ затишьѣ.

Теперь, когда просвѣщеніе указало человѣчеству болѣе возвышенныя правила, когда народы, пресытившись дикихъ состязаній, обращаютъ свои взоры къ мирнымъ общественнымъ добродѣтелямъ и ихъ ставятъ превыше всего на землѣ, отыскиваютъ ихъ въ отдаленныхъ вѣкахъ, извлекаютъ изъ забвенія драгоцѣнные ихъ останки и, отряхнувъ отъ нихъ пыль, ставятъ ихъ въ обновленномъ блескѣ въ примѣръ и поученіе міру, теперь уже рѣже спрашиваютъ,

сколько какой народъ разрушилъ цвѣтущихъ селеній, сколько истребилъ несчастныхъ ихъ жителей, сколько воздѣланныхъ нивъ какой-либо повелитель обратилъ въ дикія пустыни, сколько невинныхъ жизней принесъ въ жертву для укрѣпленія своего престола; всякій жаждетъ узнать людей, жившихъ до него, хочетъ знать обычаи, степень просвѣщенія, культуры и нравственности своихъ предковъ, желаетъ знать, откуда черпали они правила, совершенствовавшія ихъ общественный строй, какъ развивались у нихъ и упадали полезныя знанія.

Но если исторія не сохранила такихъ свѣдѣній о древнихъ народахъ, если долгіе вѣка уничтожили ихъ въ памяти человѣческой, — гдѣ ихъ найти тогда, откуда почерпнуть ихъ? Такихъ свѣдѣній, рисующихъ каждый народъ въ отдѣльности, надо искать такъ, какъ ищутъ въ пескѣ зеренъ золота, ибо они часто скрываются тамъ, гдѣ ихъ меньше всего надѣются найти. Ученый замѣтитъ кое-какіе случайно сохранившіеся ихъ слѣды въ исторіи и памятникахъ религіи, а любознательный изслѣдователь сумѣетъ отличить ихъ и въ мусорѣ руинъ старины, среди суевѣрій и преданій простого народа. И эти незначительныя крохи могутъ дать драгоцѣнныя указанія для историка. Необходимо только отнестись къ нимъ внимательно, вдуматься въ значеніе такихъ мелочей, не проходить мимо нихъ съ презрительнымъ равнодушіемъ. Предубѣжденный изслѣдователь навѣрно вздрогнулъ бы, взглянувши на статую Святовита (какъ его изображаетъ Саксонъ Грамматикъ), но стоитъ только вдуматься въ аллегорическое изображеніе этого божества, въ его аттрибуты, и тогда Святовитъ займетъ мѣсто рядомъ съ Аполлономъ, какъ Перунъ рядомъ съ Юпитеромъ [1]). Какъ эти остатки языческой старины, такъ точно и другіе, мало до сего времени цѣнившіеся памятники могутъ привести къ важнымъ домысламъ и открытіямъ. Христіанство, не смотря на вѣковую борьбу съ язычествомъ, не смогло вытравить всѣ слѣды первоначальной религіи славянства; языческіе обряды, обычаи и взгляды сохраняются донынѣ не только у поляковъ, но и у всѣхъ другихъ на-

[1]) „Bóstwa te Słowian, niesłusznie zwanych dzikimi, nie ustępują zapewne bóstwom pierwiastkowym Greków, ani w mocy charakterów, ani w wyborze pięknych symbolów: jedna tylko doskonałość dłuta, pęzla i poezyi mogła tym ostatnim nadać później więcej wziętości.“ Op. c., str. 105.

родовъ въ различныхъ преданіяхъ и суевѣріяхъ. Пренебрегать ими не слѣдуетъ [1]).

Внимательное знакомство съ божествами, обрядами и вѣрованіями языческаго славянства дастъ намъ возможность опредѣлить основныя черты характера славянскаго племени, его склонности, вкусы, добродѣтели и степень просвѣщенія. Суровецкій старается доказать это на примѣрѣ. Онъ указываетъ на преимущественное почитаніе у балтійскихъ славянъ Святовита и на его характерныя черты и полагаетъ, что народъ, избравшій это божество главнымъ предметомъ своего культа, долженъ былъ въ своихъ дѣяніяхъ проникаться его духомъ, т. е. справедливостью и любовью къ порядку. Далѣе, Святовитъ изображалъ солнце, былъ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, покровителемъ урожая, труда земледѣльческаго и всякаго вообще. Отсюда заключеніе, что славяне любили земледѣліе, воздѣлываніе земныхъ плодовъ, а при такомъ состояніи они должны были ставить выше войны мирную жизнь, что̀ въ свою очередь способствовало развитію ихъ гражданственности и просвѣщенія. Исторія міра и личный опытъ убѣждаютъ насъ, что земледѣльческіе народы не могутъ быть ни дикими, ни жестокими; гуманность, гостепріимство, честность — обыкновенныя ихъ добродѣтели, и ими особенно отличались славяне [2]).

Такимъ образомъ, эти краткія замѣчанія, по мнѣнію Суровецкаго, могутъ показать, сколько важныхъ заключеній и выводовъ можно сдѣлать на основаніи знакомства съ незначительными памятниками древности. Но Суровецкій имѣетъ въ виду еще и спеціальную цѣль: онъ желаетъ направить вниманіе соотечественниковъ на памятники родной старины, ибо какъ ни незначительны они, все же они немало могутъ послужить къ ознакомленію поляковъ съ ихъ древностью и предками; онъ призываетъ просвѣщенныхъ людей заняться собираніемъ и изученіемъ этихъ матеріальныхъ памятниковъ [3]). „Эти холмы, насыпанные рукой человѣческой,

---

[1]) „Pospólstwo dzisiejsze w swych przesądach, zabobonach, obyczajach, obrządkach i podaniach tchnie jeszcze dotąd duchem wrażeń najodleglejszej starożytności. Uczony i ciekawy w wzgardzonych tych śmieciach znajduje nie jeden szacowny szczątek, który mu ukazuje dawny zwyczaj i mniemania narodu.“ Ibid., str. 107—108.

[2]) Ibid., str. 112.

[3]) „Nie pogardzajmyż niemi i nie gubmy ich dla naszych następców! Oni zapewne poznają się na ich wartości“ . . . Ibid., str. 116.

которые мы видимъ въ нашей странѣ, каменные ряды, имена горъ, рѣкъ и населенныхъ мѣстъ, преданія, суевѣрія, обряды и обычаи, сохраняемые до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ простонародьемъ, заключаютъ иногда драгоцѣнныя искорки, при помощи коихъ ученому не трудно возжечь свѣтильникъ и освѣтить имъ неизмѣримыя пространства вѣкового мрака". Когда всѣ эти памятники будутъ надлежаще объяснены, то нельзя сомнѣваться, что общая исторія славянъ и исторія поляковъ въ частности обогатятся новыми выводами и очистятся отъ множества заблужденій и ошибокъ, обидныхъ для древнихъ временъ и народовъ.

Разсужденіе Суровецкаго слѣдуетъ, какъ намъ кажется, разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, какъ проникнутое патріотическимъ духомъ разсужденіе о славѣ и величіи древнихъ славянъ, какъ призывъ въ духѣ времени автора, имѣвшій цѣлью обратить взоры просвѣщенной части общества къ изученію древности славянской для укрѣпленія національныхъ чувствъ польскаго народа; съ другой стороны, въ чтеніи Суровецкаго нельзя не усмотрѣть протеста противъ тѣхъ неблагопріятныхъ для славянъ отзывовъ, которые высказывались въ нѣмецкой литературѣ, съ большей полнотой развитого имъ въ позднѣйшемъ трудѣ [1]).

Этотъ докладъ Суровецкаго былъ вступительнымъ этюдомъ къ другому, болѣе обширному и по значенію своему въ исторіи изученій славянской древности особенно замѣчательному труду, носящему заглавіе: „Śledzenie początku narodów słowiańskich" [2]).

---

[1]) Въ возраженіяхъ рецензентамъ своего чтенія о рунахъ (1822 г.) Суровецкій, отстаивая взглядъ на славянъ, какъ на народъ мирнаго образа жизни, заявлялъ: „Zdanie to nietrudno jest usprawiedliwić z historyi, przeciw potwarzom niektórych nienawistnych pisarzów obcych". Kraushar, op. cit., III, II, str. 268.

[2]) Rozprawa, czytana na publ. posiedzeniu Kr. Warsz. Tow. Prz. N. w d. 24 Stycznia 1824. Напечатана въ Roczn. Tow. Prz. N., Tom XVII, str. 165—357, и отд. изданіе, безъ года, 8°, 195 стр. На русскій языкъ переведена дважды: 1) Изслѣдованіе происхожденія славянскихъ народовъ, перев. Л. Ордынскій, Сѣв. Архивъ, 1826, ч. XX, 283, 347; ч. XXI, 57, 182, 270, 372; ч. XXII, 48, 154, 305; ч. XXIII, 119; 2) Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго, съ предисл. О. М. Бодянскаго, въ Чтеніяхъ за 1846 г. и отд. изданіемъ. Ср. Uwagi W. S. Majewskiego nad rozprawą Surowieckiego „O śledzeniu początku narodów słowiańskich", — собственно краткое изложеніе содержаніе разсужденія Суровецкаго. Kraushar, op. cit., III, I, str. 364—366, но съ ошибочнымъ заглавіемъ.

„Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ“ состоитъ изъ двухъ частей: собственно „Śledzenia początków narodów słowiańskich“ и „Cechy dawnych narodów Europejskich“, т. е. изъ историческихъ разысканій о древнѣйшихъ территоріяхъ славянъ и обозрѣнія свидѣтельствъ о внутренней жизни древнѣйшаго славянства и его сосѣдей, ихъ бытѣ, нравахъ, религіи и пр. Содержаніе первой части, представляющей наибольшій интересъ, какъ по самостоятельности взглядовъ автора, такъ и по оригинальности метода доказательства ихъ, состоитъ въ слѣдующемъ.

Народъ славянскій, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и чрезвычайнымъ распространеніемъ по лицу земли, составляетъ загадку, до сихъ поръ еще никѣмъ удовлетворительно не объясненную. Едва услышали объ антахъ и славянахъ, какъ уже многочисленныя полчища ихъ занимали обширныя страны на востокѣ, сѣверѣ и западѣ греческой имперіи. Замѣчено было, что они въ одно почти время заняли все пространство отъ восточныхъ береговъ Балтійскаго моря до Понта Эвксинскаго и Адріатическаго моря, а оттуда, черезъ Дунай, къ верховьямъ Майна и устью Лабы. При взглядѣ на эти огромныя пространства кажется невѣроятнымъ, чтобы одинъ народъ въ столь короткое время могъ захватить и населить ихъ. Но это факты, не подлежащіе никакому сомнѣнію. Если же вспомнимъ, сколько въ это время славяне, въ безпрестанныхъ войнахъ съ греками и варварами, потерпѣли, и сколько племенъ ихъ смѣшалось съ чужими, то невольно придемъ къ заключенію, что они, какъ теперь, такъ и въ то время, не только не уступали своей многочисленностью величайшимъ европейскимъ народамъ, но даже и превосходили ихъ.

Занятіе цѣлой половины Европы столь многочисленнымъ народомъ менѣе бы удивляло насъ, если бы оно было совершено обыкновенными средствами, изъ обыкновенныхъ побужденій. Извѣстно, что̀ можетъ сдѣлать народъ, влекомый жаждой добычи и руководимый сильной волей вождя. Исторія міра приводитъ намъ немало примѣровъ великихъ завоеваній, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть примѣненъ къ славянамъ . . . Славяне не искали завоеваній; напротивъ, нестрашные оружіемъ, кроткіе отъ природы, они въ свободномъ переселеніи искали единственно земли, чтобы собственными трудами сдѣлать ее плодородною.

Первый вопросъ, который ставили себѣ историки, разсматривая неслыханное распространеніе народа славянскаго, былъ: откуда явился этотъ народъ? гдѣ росъ и гдѣ до послѣдняго мгновенія скрывалъ свой родъ и могущество? Безчисленныя полчища его не могли прокрасться незамѣтно и долго скрываться на пространствахъ Европы, хорошо уже освѣщенныхъ исторіей. Славяне должны были занять мѣста среди другихъ народовъ Европы. Не смотря на глубокія изслѣдованія многихъ ученыхъ, говоритъ Суровецкій, мы однако не имѣемъ положительнаго извѣстія о происхожденіи великаго славянскаго народа, и именно потому, что въ разысканіяхъ по этому предмету не хотѣли отступить отъ обыкновеннаго пути и изъ предубѣжденія довольствовались сомнительными руководителями. Идя, такимъ образомъ, обычной колеей, одни придерживались ошибочныхъ названій и, опираясь на нихъ, роднили славянъ съ народами, не имѣющими никакой связи, ни даже малѣйшаго сходства съ ними; другіе переносили на народы географическія названія земли, въ которой они жили, и смѣшивали ихъ, не обращая вниманія на явное ихъ различіе; третьи, наконецъ, болѣе рѣшительные, начинали съ самой колыбели рода человѣческаго и, проходя чрезъ многочисленные ряды неизвѣстныхъ поколѣній, хотѣли довести насъ къ первому славянину. Такъ, напримѣръ, начиналъ свои разысканія Маевскій.

Суровецкій не желаетъ слѣдовать ни по одному изъ этихъ путей. „Я, послѣ долголѣтнихъ изслѣдованій и внимательнаго разсмотрѣнія, избралъ особый путь и новыхъ руководителей“, заявляетъ онъ.

Вмѣсто того, чтобы начать сверху, чуть не отъ Адама, и вести свои разысканія внизъ, Суровецкій избираетъ путь противоположный: отъ послѣднихъ слѣдовъ онъ намѣренъ восходить вверхъ, къ древнимъ жилищамъ славянъ и тамъ, внимательно разсмотрѣвъ ихъ физіономію, обычаи и другія, свойственныя имъ черты, искать далѣе истинныхъ ихъ предковъ. „Хотя бы мнѣ, при ограниченныхъ средствахъ, и не удалось, на первый разъ, достигнуть конца избраннаго мною пути; хотя бы я и не исчерпалъ всѣхъ пособій, облегчающихъ совершеніе онаго, однако жъ для меня будетъ довольно, если избранный мною путь почтутъ вѣрнѣйшимъ другихъ.“

Въ указаніи этого новаго пути и заключается заслуга Суровецкаго, впервые послѣ Потоцкаго, примѣнившаго въ своихъ изслѣдованіяхъ „обратный методъ“, но, — въ отличіе

отъ Потоцкаго, — съ большей критикой источниковъ и ихъ свидѣтельствъ о древнѣйшемъ славянствѣ.

Славянъ надо искать въ Европѣ, а не въ другой части свѣта, — вотъ главное положеніе, которое онъ развиваетъ и подкрѣпляетъ въ дальнѣйшихъ частяхъ своего изслѣдованія. Прежде чѣмъ приступить къ этой задачѣ, онъ считаетъ необходимымъ познакомиться со всѣми народами этой части свѣта, показать мѣста, какія они занимали, и время ихъ движеній и переходовъ. При такихъ свѣдѣніяхъ, какъ скоро покажется славянскій народъ, не трудно уже будетъ отличить его отъ другихъ и показать, откуда онъ пришелъ и подъ какимъ именемъ до того скрывался. Когда эти вопросы будутъ разъяснены, тогда, по программѣ Суровецкаго, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію отличительныхъ чертъ славянскаго народа и сравнить ихъ съ чертами другихъ народовъ. „Различіе между ними послужитъ къ уничтоженію остальныхъ сомнѣній и окончательному утвержденію нашего мнѣнія", заключаетъ Суровецкій свои вступительныя строки.

Сообразно такой, ясно выраженной программѣ, Суровецкій приступаетъ въ первой части къ перечисленію древнихъ европейскихъ народовъ, указанію территорій, которыя они занимали, и исторіи ихъ переселеній.

Вторая часть, озаглавленная: „Отличительныя черты древнихъ европейскихъ народовъ", должна тоже служить доказательствомъ высказаннаго Суровецкимъ положенія, что одни лишь венеды могли быть предками славянскихъ народовъ, и разрушить противныя мнѣнія, „утвержденныя вѣками, авторитетомъ и предубѣжденіемъ". Всякое отдѣльное племя, — говоритъ Суровецкій, — имѣетъ свои особенныя черты, которыми оно отличается отъ другихъ. Прежде всего, это — черты физическія: цвѣтъ тѣла, волосъ, глазъ и ростъ; кромѣ того, къ различенію отдѣльныхъ племенъ другъ отъ друга, кромѣ физическихъ отличій, служатъ еще: языкъ, религія, права, обычаи, господствующія качества, образъ жизни и т. п. Послѣдовательно Суровецкій разсматриваетъ отличительныя черты ѳракійцевъ, кельтовъ, германцевъ, скиѳовъ и венедовъ. Сравненіе этихъ народовъ покажетъ намъ, — говоритъ онъ, — могъ ли народъ венедо-славянскій принадлежать къ которому-нибудь изъ нихъ, и нѣтъ ли какихъ указаній на сродство или продолжительное съ которымъ-нибудь изъ этихъ народовъ общеніе. Надо замѣтить, что характеристики отдѣльныхъ народовъ, сдѣланныя по одной

схемѣ, въ общемъ обнаруживаютъ внимательное изученіе авторомъ всего доступнаго ему матеріала и не склонны къ какой-либо тенденціозности. Переходя однако къ славянамъ, Суровецкій a priori выдвигаетъ положеніе, которое только въ дальнѣйшемъ изложеніи старается доказать: „Народы венедо-славянскіе природными отличіями, многими качествами и особенностями совершенно отличались отъ прочихъ древне-европейскихъ племенъ“. Пользуясь свидѣтельствами древнихъ писателей, онъ говоритъ о ихъ физическихъ особенностяхъ и полагаетъ, что въ эпоху появленія своего всѣ славяне были сходны между собою и не смѣшаны съ чуждыми племенами. Простота нравовъ, отсутствіе злобы, откровенность, кротость и человѣколюбіе составляли отличительное свойство народовъ славянскихъ; ихъ религія, право, нравы и самый образъ жизни вездѣ были исполнены того же духа. Всѣ свидѣтельства древнихъ писателей на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ единогласно повторяютъ, что трудно найти народъ болѣе честный, вѣрный, кроткій, учтивый и гостепріимный, чѣмъ славяне. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Прокопій, Маврикій, Ѳеофилактъ, Кедренъ, Несторъ, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ, Саксонъ Грамматикъ и др.

Далѣе Суровецкій довольно подробно излагаетъ главнѣйшія черты языческой религіи славянъ, религіозные обряды и празднества, говоритъ о правленіи ихъ, общественномъ строѣ, правѣ и другихъ установленіяхъ; особенно усердно собираетъ онъ свидѣтельства о томъ, что славяне издревле принадлежали къ народамъ постоянно осѣдлымъ, отличались склонностью къ земледѣлію и вышли съ нею изъ первобытныхъ своихъ жилищъ. Все въ нихъ побуждало къ этому занятію: врожденная кротость характера и склонность къ свободной жизни могли найти удовлетвореніе себѣ въ одномъ только земледѣльческомъ трудѣ [1]). Раздробленіе ихъ на мел-

[1]) Въ статьѣ „Zwrót myśli na przeszłe czasy w Polszcze“, rzecz czytana d. 7 Maja 1824 przez X. Ad. Prażmowskiego, bisk. Płockiego, славяне тоже изображаются народомъ земледѣльческимъ, „a przeto obyczajów łagodnych“. Roczniki Tow. Prz. N., Tom XVIII, str. 35 sq. Ученый епископъ, несомнѣнно, повторялъ взглядъ Суровецкаго, съ трудомъ котораго онъ основательно познакомился, какъ рецензентъ его. Въ засѣданіи 26 ноября 1823 г. онъ докладывалъ объ изслѣдованіи Суровецкаго („O początku dawnych Słowian“): „Pismo to dowodzi długiego i pracowitego śledzenia początków narodu Sławiańskiego, oswojenia się z autorami tak starożytnymi klassycznymi, jak srzedniego wieku, z których wiernie poczynił wypisy. Zdaje się autor, ile w takich rzeczach sądzić można, mocno

кія и независимыя поколѣнія и демократическій образъ правленія подавляли въ самомъ зародышѣ всякое желаніе оставить земледѣльческій трудъ.

Кромѣ мирныхъ земледѣльческихъ занятій, славяне вездѣ оказывали особенную склонность къ торговлѣ: гость, купецъ, иностранецъ были у нихъ священной особой. Во времена общаго невѣжества и варварства вся сѣверная и западная Европа ими была надѣляема издѣліями и плодами Греціи, Азіи и т. д. Отсюда произошли у нихъ эти многочисленные города, которые съ незапамятныхъ временъ славились своимъ многолюдствомъ, богатствомъ и промышленностью. Всѣ главнѣйшіе города и мѣстечки существовали уже до введенія христіанской вѣры въ Польшѣ, Поморьѣ, на Руси, въ Чехіи и т. д. Въ первой половинѣ VII-го вѣка нѣкоторыя поколѣнія славянъ достигли въ этомъ отношеніи такой извѣстности, что греки причисляли ихъ къ разряду народовъ образованныхъ, имѣющихъ науки и собственныя письмена.

Суровецкій собираетъ далѣе свидѣтельства о томъ, что славяне были народомъ невоинственнымъ и неспособнымъ къ войнѣ. Славяне искали лишь земли, но никогда не старались покорять себѣ чужіе народы. Войны, которыя славяне вели съ своими сосѣдями, были по большей части войны оборонительныя или по праву мести. Въ заключеніе второй части сообщается нѣсколько замѣчаній объ одеждѣ славянъ.

„Замѣчанія и общія заключенія касательно происхожденія и преемственности древнихъ обитателей Европы“ (стр. 177—195) посвящены главнымъ образомъ разсмотрѣнію вопросовъ о венедахъ (балтійскихъ, арморійскихъ, бельгійскихъ и адріатическихъ), эстахъ и пр.

Насколько добросовѣстно отнесся Суровецкій въ своей задачѣ, какъ понималъ онъ обязанность историческаго изслѣдователя, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать, съ одной стороны, его собственное заявленіе, что всюду имъ руководила лишь любовь къ истинѣ, не позволившая ему прибѣгать къ такимъ извращеніямъ, какія совершалъ, напр., Гебгарди [1]), съ другой — объ этомъ говорятъ всѣ его ссыл-

zbliżać się do prawdy w swoich domysłach“. Ср. Kraushar, op. cit., III, II, str. 402.

[1]) Въ его: Allgemeine Geschichte der Wenden und Slaven. Halle, 1789. Въ протоколѣ засѣданія отдѣленія наукъ 25 февр. 1824 г. прямо указывается на цѣль разсужденія Суровецкаго: „Koll. Surowiecki wniosł,

ки на многочисленные источники, греческіе и латинскіе, древнѣйшіе и сравнительно поздніе, которыми онъ широко пользовался въ своемъ трудѣ. Если въ первой части его изслѣдованія имѣютъ мѣсто нѣкоторыя догадки и соображенія, мало прочныя, но неизбѣжныя по существу самаго предмета ученой работы, то зато во второй половинѣ его Суровецкій не сходитъ съ почвы безпристрастнаго, вполнѣ объективнаго изслѣдователя бытовыхъ особенностей древняго славянства. Картина, нарисованная Суровецкимъ, исключительно на основаніи свидѣтельствъ писателей древности, при ближайшемъ разсмотрѣніи, окажется нимало не благопріятнѣе для славянства, чѣмъ изображенія быта его въ трудахъ историковъ нашего времени.

Замѣтимъ что, вопреки мнѣнію тѣхъ, кто склоненъ видѣть въ этихъ картинахъ сентиментально-поэтическую идеализацію (Собѣстіанскій), создавшуюся a priori подъ воздѣйствіемъ идей Гердера, безъ изученія и критики свидѣтельствъ древности, нѣкоторые ученые (напр., проф. Масарыкъ) вполнѣ принимаютъ, что характеръ древнихъ славянъ въ значительной мѣрѣ былъ дѣйствительно такимъ, какъ его изображали Гердеръ, Колларъ, Шафарикъ, а слѣдовательно и Суровецкій [1]).

Едва ли поэтому основательно утвержденіе Собѣстіанскаго [2]), что въ разсмотрѣнныхъ двухъ трудахъ Суровецкаго гердеровское ученіе о характерѣ древняго славянства получило свою окончательную формулировку и въ такомъ исправленномъ и дополненномъ видѣ было усвоено Шафарикомъ, а вслѣдъ за нимъ и другими славистами [3]). Спра-

---

aby rozprawa jego O początkach dawnych Sławian, jako służąca do sprostowania mylnych zdań w tej materyi u obcych pisarzy znajdujących się mogła być osobno wydana w kilkuset exempl., prócz umieszczenia jej w Rocznikach Tow." На основаніи свидѣтельствъ древнихъ писателей Суровецкій нарисовалъ идеальный образъ древняго славянина и приложилъ это изображеніе къ отдѣльному изданію своего труда. Въ протоколѣ засѣданія отдѣла наукъ 31 марта 1824 г. записано: „Koll. Surowiecki przełożył potrzebę dodania do jego rozprawy o Sławianach wizerunku prawdziwego Sławianina w jego właściwym ubiorze z dodanym znakiem najistotniejszego zatrudnienia, jakim było u Sławian rolnictwo".

[1]) Ср. статью Т. Г. Масарыка: „Jana Kollára Slovanská vzájemnost". Naše Doba, I, 1894, seš. 7—12, str. 481 и др.

[2]) И. М. Собѣстіанскій, Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ, Харьковъ, 1892. О Суровецкомъ, стр. 18—31.

[3]) Op. cit., стр. 25.

ведливо было указано, что о вліяніи идей Гердера на польскаго ученаго, отличающагося вообще большой самостоятельностью, можно только дѣлать предположенія, такъ какъ Суровецкій самъ нигдѣ не ссылается на Гердера. Идеализаціи древняго славянства, какъ мирной и гуманной народности, въ трудахъ Суровецкаго отрицать, конечно, нельзя, но такой взглядъ могъ создаться и независимо отъ вліянія взглядовъ нѣмецкаго философа. Источники, съ которыми имѣлъ дѣло Суровецкій, давали достаточно матеріала для идеальной картины нравовъ и быта славянъ, а патріотической цѣлью историка наперед опредѣлялся характеръ его воззрѣній [1]).

Съ появленіемъ въ Rocznikach изслѣдованіе стало извѣстно Добровскому, который, какъ членъ Общества, получалъ это изданіе. Аббатъ собирался написать о варшавскомъ ежегодникѣ въ Wiener Jahrb. и естественно долженъ былъ бы остановиться и на трудѣ Суровецкаго. Отъ Бандтке Добровскій получилъ еще отдѣльный оттискъ изслѣдованія, съ просьбой автора написать рецензію объ этой книгѣ. Бандтке самъ ея не одобрялъ: ему не нравилась чрезмѣрная идеализація древняго славянства, порожденная отсутствіемъ у автора историческаго скептицизма и критики. „Онъ строгій догматикъ", писалъ онъ о Суровецкомъ и называлъ его трудъ „barankowa historia, die Lammsgeschichte der Slawen" [2]). Добровскій на это отвѣчалъ: „Er stellte alles fleissig zusammen, was er vorfand". Однако упрекнулъ Суровецкаго: „Nur ist zu bedauern, dass er die Worte der alten Zeugen nicht ganz, sondern verstümmelt anführt" [3]).

Трудъ Суровецкаго скоро дошелъ и до рукъ Шафарика и произвелъ на него сильное впечатлѣніе [4]). Извѣстно, что вопросами древней славянской исторіи Шафарикъ началъ заниматься уже въ первые годы пребыванія въ Новомъ

---

[1]) См. отчетъ о диспутѣ И. М. Собѣстіанскаго и отзывы проф. Дринова и Багалѣя въ Историч. Обозр., т. V, стр. 181. Ср. Ж. М. Н. Пр., 1893, ч. 286, стр. 186.

[2]) См. выше, стр. 159. Vzájemné dop., str. 183.

[3]) Ibid., str. 187.

[4]) Въ бумагахъ Шафарика не сохранилось никакихъ слѣдовъ прямыхъ его сношеній съ Суровецкимъ; оффиціальный біографъ послѣдняго, представляя его въ члены Общества друзей наукъ, заявлялъ однако, что онъ „utrzymywał stosunki z Hanką, Kopitarem, Szafarzykiem". У Краусгара явный недосмотръ: „kapitanem Szafarzykiem!" Op. cit., III, II, str. 29.

Садѣ, сначала — только попутно, наряду съ филологіей и славянской литературой, а затѣмъ все больше и спеціальнѣе [1]).

Болѣе рѣшительный поворотъ въ сторону историческихъ изученій совершился подъ вліяніемъ знакомства съ польской литературой славяновѣдѣнія. Широкое къ двадцатымъ годамъ развитіе славянскихъ изученій у поляковъ, богатая изящная литература, многочисленные журналы, ученыя общества, свободная жизнь на конституціонныхъ основахъ — все это импонировало западнымъ и южнымъ славянамъ [2]). Шафарикъ уже въ Іенѣ изучалъ польскую грамматику, но начало этого интереса къ польскому языку относится, быть можетъ, еще ко времени пребыванія его въ Кежмаркѣ, который, какъ пограничный венгерскій городъ, издавна былъ въ оживленныхъ торговыхъ связяхъ съ польскими городами. Въ Новомъ Садѣ Шафарикъ внимательно слѣдитъ и за польской литературой, но особенно занимаютъ его труды Раковецкаго, Маевскаго, Линде, Ходаковскаго [3]).

Уже въ письмахъ 1823-го года къ Коллару встрѣчаемъ указанія на переходъ его къ этимъ вопросамъ, а въ 1826 году онъ пишетъ, между прочимъ, своему другу: „Въ дебряхъ исторіи извѣстныхъ вамъ племенъ я все продолжаю рыться; каждую минуту открывается новое поле передъ очами; есть надежда на обильную жатву. О, Раковецкій, ты сказалъ памятную истину, что въ славянской исторіи долженъ работать славянинъ!...“ Съ одной стороны, подъ вліяніемъ замѣчательнаго изслѣдованія Раковецкаго, съ другой, подъ впечатлѣніемъ новаго и оригинальнаго труда Суровецкаго, о которомъ онъ раньше всего могъ узнать изъ той же „Русской Правды“ [4]), Шафарикъ настойчиво и неуклонно идетъ

---

[1]) Č. Č. Hist., 1895, P. J. Šafaříka Slovanské Starožitnosti, статья Л. Нидерле, стр. 143 и сл.

[2]) K. Jireček, P. J. Šafařík mezi Jihoslovany, str. 93—94.

[3]) Намѣреваясь вмѣстѣ съ Колларомъ подписаться на славянскіе журналы, онъ пишетъ ему 24 мая 1823 г.: „Na ruský časopis již poněkud i zapomínám. Ale polština jest nás blíže, a Rakowiecki, Majewski, Linde, Chodakowski mnoho, mnoho slibují“. Č. Č. Mus., 1873, str. 138.

[4]) Въ бумагахъ Шафарика „Polonica“ (IX B 9) среди разныхъ выписокъ, помѣченныхъ вообще 1834-мъ годомъ, находимъ слѣдующую замѣтку, несомнѣнно, болѣе ранняго происхожденія: „Hr. v. Surowiecki hat in Warschau ein interessantes Werk über den Ursprung der Slaw. Völker herausgegeben (O początkach, zwyczajach, obyczajach i religii dawnych Słowian)“; при этомъ Шафарикъ ссылается на указаніе Раковецкаго и Потоцкаго.

къ той цѣли, которую онъ поставилъ себѣ уже давно. Въ концѣ 1827 г. пишетъ онъ Коллару: „Свое предпріятіе изложу вамъ точно. Пишу критику и дополненіе къ Суровецкаго изслѣдованію о древнихъ славянахъ. Различныя причины побудили меня къ этому. Я собралъ для географіи Θракіи и Иллиріи такой обильный матеріалъ, что для обработки его потребовалась бы цѣлая жизнь человѣка. Не смѣю надѣяться, чтобы когда-либо мнѣ удалось докончить это. Въ этихъ поискахъ и разслѣдованіяхъ я напалъ на такія вещи, о которыхъ смѣло могу сказать, что было бы жалко, если бы онѣ погибли со мною. Поэтому я долженъ торопиться сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ."

Шафарикъ собирался написать свое разсужденіе (pojednání) на чешскомъ языкѣ, но въ то же время, уступая настойчивому желанію Копитаря, предполагалъ дать извлеченіе изъ него для вѣнскихъ Jahrbücher [1]). Критическій разборъ труда Суровецкаго, предпринятый Шафарикомъ, долженъ былъ лишь подтвердить и расширить взгляды польскаго ученаго, но не имѣлъ цѣлью опровергать ихъ. Одинъ вопросъ, въ которомъ Суровецкій сомнѣвался, Шафарикъ считалъ теперь возможнымъ рѣшить окончательно, а именно: были ли во Θракіи и Иллирикѣ до Прокопія (550 г.) обитатели славянскаго племени? „Надѣюсь, что то, что̀ я скажу, будетъ ново и неожиданно," писалъ Шафарикъ Коллару [2]).

Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ выражается уже съ большей увѣренностью: „Мои дополненія, моя критика Суровецкаго собственно опровергаетъ всѣ его историческія положенія (historické sady). Я взялъ нашъ народъ съ болѣе высокой точки зрѣнія: его древность, его огромность (velikost), его исконность (prastarost) въ Европѣ для меня уже не загадки больше, — нимало, я убѣжденъ во всемъ этомъ почти съ математической точностью" [3]).

Книга Шафарика, основанная цѣликомъ на изслѣдованіи Суровецкаго, имя коего благородно поставлено въ заголовкѣ раньше имени Шафарика, вышла въ Офенѣ въ 1828 году, п. з.: „Über die Abkunft der Slawen nach Lorenz Suwiecki von Paul Joseph Schaffarik". Какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ (см. Vorbericht), критическій разборъ труда

[1]) „Kopitar všelijak dotírá a nastoupá", выражается Шафарикъ о просьбахъ его. См. еще: Vorbericht къ „Über die Abkunft..."

[2]) Письмо отъ 25 окт. 1827 г. Č. Č. Mus., 1874, str. 420.

[3]) Письмо отъ 10 марта 1828 г. Č. Č. Mus., 1875, str. 137.

Суровецкаго, задуманный имъ въ видѣ небольшой журнальной статьи, разросся чуть ли не впятеро или вшестеро, и тогда онъ рѣшилъ издать его, какъ самостоятельную книгу.

Изложивъ въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе изслѣдованія Суровецкаго, его основные результаты, Шафарикъ переходитъ къ самостоятельнымъ замѣчаніямъ и дополненіямъ. О трудѣ Суровецкаго онъ отзывается съ величайшей похвалой и одобреніемъ [1]).

Никто, по убѣжденію Шафарика, не можетъ отказать Суровецкому въ основательномъ изученіи источниковъ, въ необыкновенной трезвости его пытливаго ума, въ ясности изложенія и цѣлесообразности расположенія матеріала. Внимательный читатель не можетъ не замѣтить ясно выраженнаго стремленія автора оградить, при помощи строгаго метода, основныя воззрѣнія свои и конечные результаты изслѣдованія отъ возможныхъ сомнѣній; авторъ стремится возвести такое зданіе славянской древности, которое непоколебимо стояло бы въ своемъ основаніи и могло бы спокойно встрѣтить нападенія критики.

Шафарикъ съ благодарностью вспоминаетъ о поучительныхъ урокахъ, почерпнутыхъ изъ книги Суровецкаго, благодаритъ тѣнь историка и за ту бодрость духа, которую укрѣпляло въ немъ изученіе его изслѣдованія. „Менѣе испытанный путникъ на полѣ отечественной исторіи“, Шафарикъ бодро продолжалъ свои изслѣдованія, почерпая въ трудѣ Суровецкаго увѣренность въ полезности своихъ самостоятельныхъ занятій въ этой области.

Замѣтимъ, что всѣ главнѣйшія возраженія Шафарика, образующія рядъ самостоятельныхъ экскурсовъ (начиная съ стр. 55-ой до конца), сдѣланы имъ въ чрезвычайно деликатной и осторожной формѣ, почти всегда съ оговоркой: „wie es mir scheint,“ „meiner Meinung nach“ и т. п. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему.

Суровецкій старается доказать свое мнѣніе объ исконности славянъ въ Европѣ главнымъ образомъ при помощи историческихъ свидѣтельствъ; по мнѣнію Шафарика, необходимо обратить вниманіе и на другія, не менѣе надежныя доказательства, которыя могутъ подкрѣпить его взгляды. Такъ, Шафарикъ полагаетъ, что однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ глубокой древности славянъ въ Европѣ

[1]) Über die Abkunft ... S. 54.

слѣдуетъ признать близкое родство славянскаго языка съ греческимъ, латинскимъ, кельтскимъ и германскимъ. Суровецкій во многихъ мѣстахъ своего изслѣдованія принимаетъ это родство, но не использовалъ этого несомнѣннаго факта надлежащимъ образомъ. Считая родиной позднѣйшихъ славянъ земли вендовъ между Карпатами и Балтійскимъ моремъ, какъ это доказывали и другіе, предшествовавшіе ему изслѣдователи, Суровецкій ведетъ свое доказательство по строгому методу и, по мнѣнію Шафарика, вполнѣ убѣдительно; это положеніе не должно вызывать сомнѣній, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что древніе венды Тацита, Плинія и Птолемея были дѣйствительно настоящими славянами. Шафарикъ согласенъ съ Суровецкимъ, что древніе венды у Балтійскаго моря и по языку, и по происхожденію были дѣйствительно славяне, а не нѣмцы, какъ полагаютъ нѣкоторые историки; но онъ возражаетъ противъ границъ родины всѣхъ славянъ, помѣщаемой Суровецкимъ между Балтійскимъ моремъ, Вислой, Карпатами и верхней Волгой. Такое распространеніе имени вендовъ на эти области лишено всякаго историческаго основанія. Шафарикъ упрекаетъ Суровецкаго, что онъ не объяснилъ происхожденія и значенія имени Wende, Winde, не опредѣлилъ, германское ли оно, или славянское [1]). Въ то же время, вслѣдъ за Гебгарди, онъ производитъ споровъ (Σπόροι) Прокопія отъ σπείρω [2]). Такое толкованіе, по заключенію Шафарика, принадлежитъ несомѣнно къ тому же разряду курьезовъ, какъ, напр., производство имени Trebinj (отъ треба) Константиномъ Багрянороднымъ отъ твьрдь, или Буна (отъ бунъ, Kalk) — отъ bonus, a, um.

Исходя изъ того взгляда, что только тѣ народы, которые у древнихъ писателей носятъ имя венеды (и Heneten, Anten) и словене, были дѣйствительно славянскаго происхожденія, Суровецкій видитъ въ древности славянъ только въ адріатическихъ, арморійско-бельгійскихъ и балтійскихъ венедахъ и выводитъ новыхъ славянъ, такъ какъ первыя двѣ вѣтви исчезли въ римской имперіи, только отъ балтійскихъ

---

[1]) „Er untersucht zwar die Etymologie des Wortes Slowen, aber über die des Wortes Wende lässt er, zu unserem Befremden, keine Sylbe fallen."

[2]) Въ своемъ экземплярѣ книги Суровецкаго Шафарикъ на стр. 28, къ строкѣ пятой снизу, сдѣлалъ приписку: „Dobrowský Časop. wlast. Museum, w Pr. 1827. II. s. 8. recte statuit, vocem Σπόροι corruptam esse ex nomine Srbi, Serbi". Экз. въ библ. Чешск. Музея.

венедовъ. Но Суровецкій не обратилъ вниманія на имя сербъ, которое имѣло значеніе общее, собирательное и по происхожденію древнѣе имени словенинъ. Мнѣніе Суровецкаго о томъ, что будины Геродота были скиѳы, подвергается тоже критикѣ Шафарика: вопреки мнѣніямъ Суровецкаго и Маннерта, который считалъ ихъ германцами, Шафарикъ видитъ въ нихъ славянъ и въ этомъ отношеніи соглашается съ Оссолинскимъ, отвергая, впрочемъ, объясненіе Оссолинскаго (Budini von woda, лит. wenda, wanda, фин. wenna). Скиѳовъ и сарматовъ Суровецкій считаетъ народами германскаго происхожденія; Шафарикъ особенно энергично и обширно возражаетъ противъ этого мнѣнія [1]). Онъ считаетъ настоящихъ скиѳовъ чудью, финскимъ племенемъ, которое въ древности распространялось далеко на югъ; скиѳы одного происхожденія съ татарами, турками, монголами. Тождество скиѳосарматовъ и германцевъ Суровецкій основывалъ главнымъ образомъ на сходствѣ ихъ образа жизни, на ихъ физическихъ признакахъ и свидѣтельствахъ позднѣйшихъ писателей. Шафарикъ особенно возстаетъ противъ перваго основанія, какъ весьма соблазнительнаго и скользкаго.

Не останавливаясь на другихъ замѣчаніяхъ Шафарика, отмѣтимъ только еще одно возраженіе его. Суровецкій утверждалъ, что до паденія гуннской державы, въ особенности до смерти Аттилы (454 г.), на Балканскомъ полуостровѣ не было никакихъ славянъ. Шафарикъ признаетъ, что вопросъ о времени перваго перехода славянъ черезъ Дунай и Саву въ Мизію и Иллирикъ, не такъ легко рѣшается. Разсмотрѣніе всѣхъ данныхъ объ этомъ привело его къ заключенію, вопреки Суровецкому, что славяне уже до вторженія кельтовъ въ IV в. до Р. Хр. занимали западную часть полуострова. Впослѣдствіи въ „Древностяхъ“ онъ отказался отъ славянства иллировъ и принялъ отвергнутое имъ раньше мнѣніе Суровецкаго, что славяне только послѣ паденія гуннской державы въ V—VI ст. пришли на Балканъ [2]).

Не всѣ, конечно, возраженія Шафарика, какъ видимъ изъ послѣдняго примѣра, имѣли твердыя основанія, на которыхъ они удержались бы неизмѣнно до нашего времени; въ своихъ экскурсахъ онъ далеко не свободенъ былъ отъ

---

[1]) „Die meiste Aufmerksamkeit, aber zugleich auch den stärksten Widerspruch dürfte bei denkenden Geschichtsforschern Surowieckis Urtheil über die Skythen und Sarmaten finden.“

[2]) Ср. Č. Č. Hist., 1895, str. 158.

нѣкоторыхъ промаховъ, и въ особенности слабы были его филологическія соображенія. Дополняя и исправляя частности изслѣдованія Суровецкаго, Шафарикъ лишь отдѣлывалъ въ деталяхъ воздвигнутое польскимъ ученымъ зданіе, оставляя ненарушеннымъ весь его корпусъ. „Изслѣдованіе начала славянскихъ народовъ“ было ступенью къ дальнѣйшимъ занятіямъ Шафарика вопросами славянской древности. Связью знаменитыхъ „Славянскихъ древностей“ (1837) съ разысканіями Суровецкаго опредѣляется значеніе этой небольшой частицы огромнаго, къ сожалѣнію, безслѣдно исчезнувшаго труда польскаго ученаго [1]).

Шафарикъ, узнавши о смерти Суровецкаго, писалъ Коллару: „Surowiecki tedy zemřel, a jeho veliké dílo o Slovanech nevyšlo. To je ztráta veliká!“ [2]). „И кажется, дѣйствительно въ немъ преждевременно потеряли поляки второго Шафарика“, соглашается проф. Нидерле [3]).

Трудъ Суровецкаго былъ невеликъ, но велико его значеніе. Шафарикъ заимствовалъ изъ него не только частности, но и въ значительной мѣрѣ аргументацію и систему. Результаты изслѣдованій Суровецкаго онъ, правда, какъ заявляетъ въ письмѣ къ Коллару, въ извѣстныхъ частяхъ исправилъ (напр., главу объ эстахъ), или дополнилъ (объ исконности славянъ въ Подунавьѣ, о славянствѣ адріатическихъ венетовъ), но кое-гдѣ мнѣніе Суровецкаго было болѣе правильнымъ (о сарматахъ, иллирахъ и вообще древнѣйшихъ жителяхъ Европы), а иногда онъ шелъ дальше Шафарика.

Современнаго изслѣдователя славянской старины несомнѣнно поразятъ тѣ страницы труда Суровецкаго, гдѣ онъ совершаетъ экскурсы въ область антропологическихъ отношеній древней Европы. Въ эпоху, когда антропологія (краніологія и т. д.) только-что зарождалась, Суровецкій на основаніи данныхъ ея высказываетъ мысли, которыя находили себѣ защитниковъ и въ наше время [4]). Онъ имѣетъ, напримѣръ, правильное представленіе объ антропологическихъ признакахъ древнѣйшаго населенія Европы, о первоначальномъ

[1]) „V Šafaříkových základných výsledcích je tak mnoho, co už před ním Surowiecki pověděl, že bez ukázání na vliv jeho nelze Šafaříkovy historické činnosti řádně oceniti“, говоритъ проф. Нидерле. Č. Č. Hist., 1895, str. 161.

[2]) Č. Č. Mus., 1874, str. 426.

[3]) Č. Č. Hist., 1895, str. 161.

[4]) Č. Č. Hist., 1895, str. 162.

темноволосомъ племени, уступившемъ мѣсто новой, свѣтловолосой расѣ, и т. д.

Предпосылая русскому переводу сочиненія Суровецкаго, изготовленному подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ, нѣсколько объяснительныхъ словъ, Бодянскій такъ оправдывалъ сравнительно позднее появленіе этого изслѣдованія на русскомъ языкѣ [1]): „Оно весьма замѣчательно во многомъ отношеніи, какъ плодъ свободнаго изслѣдованія по пути, совершенно новому и независимому отъ всѣхъ прочихъ, занимавшихся разысканіемъ этого же самаго предмета. Внимательный читатель замѣтитъ, что всѣ главныя положенія и выводы сочинителя вполнѣ приняты и усвоены другимъ, не менѣе знаменитымъ славянскимъ ученымъ, г. Шафарикомъ, въ его безцѣнномъ твореніи „Славянскихъ Древностяхъ", въ коихъ онъ отдаетъ своему предшественнику всю должную честь и славу, какъ первовиновнику новаго и чуть ли не самаго вѣрнаго взгляда на нашихъ предковъ въ сѣдой, незапамятной древности. Не знаемъ, имѣлъ ли этотъ взглядъ Шафарикъ до появленія изслѣдованія Суровецкаго, или же послѣдній сообщилъ ему оный: и то и другое возможно... Но судя по тому, кто прежде обнародовалъ свою находку и представилъ на нее несомнѣнныя доказательства, говоримъ: „Вотъ первый виновникъ того или другого мнѣнія, открытія!" Это, однако же, относится только къ мнѣнію о древнѣйшей прародинѣ славянъ, т. е., гдѣ и какъ слѣдуетъ искать ее. До Суровецкаго всѣ изслѣдователи старались отыскать, прямо или косвенно, славянъ въ томъ или другомъ великомъ народѣ древности; но онъ первый, послѣ многолѣтнихъ и глубокихъ розысковъ и соображеній, убѣдился, что славянъ должно искать у славянъ и при томъ, оставивъ Азію, какъ безразличную колыбель всего человѣчества, ограничиться одной Европой, въ которой они были такой же самостоятельный народъ, какъ и другіе, сходные съ ними болѣе или менѣе своею численностью."

Прямое отношеніе къ вопросамъ славянской древности имѣетъ и разсужденіе Суровецкаго: „O charakterach pisma runicznego u dawnych barbarzyńców Europejskich, z domniemaniem o stanie ich oświecenia", и по основной идеѣ стоящее въ тѣсной связи съ предыдущими его трудами [2]). Значитель-

[1]) Указанія на переводъ Ордынскаго Бодянскій не дѣлаетъ.

[2]) Докладъ, читанный 30 апр. 1822 г. въ публичномъ собраніи Общества. Roczniki, Tom XVI, str. 152—203. Извлеченіе изъ него помѣстилъ

ную часть этого доклада Суровецкій посвятилъ вопросу о происхожденіи славянскихъ рунъ.

Изученіе руническихъ надписей на знаменитыхъ прильвицкихъ древностяхъ, описанныхъ Машемъ (Alterth. der Obodriten. Berlin, 1771) и гр. Яномъ Потоцкимъ, и сравненіе ихъ съ рунами норманнскими приводитъ его къ заключенію, что славянскія руны не происходятъ, какъ полагали нѣкоторые ученые, отъ рунъ норманнскихъ, точно такъ же, какъ норманнскія не находятся въ зависимости отъ славянскихъ.

Подробное сравненіе разныхъ типовъ руническаго письма произведено Суровецкимъ въ особой таблицѣ. Выводъ его тотъ, что по происхожденію славянскія руны столь же древни, какъ и норманнскія, а можетъ быть — и древнѣе ихъ; алфавитъ славянскій былъ однако совершеннѣе норманнскаго, при чемъ, по мнѣнію Суровецкаго, онъ былъ бы вполнѣ достаточенъ для выраженія звуковъ нынѣшняго сербо-лужицкаго нарѣчія (dyalektu wendzko-luzackiego). Разсмотрѣвъ рядъ свидѣтельствъ, говорящихъ о томъ, что славяне не были варварами, какъ ихъ часто изображаютъ, что у нихъ процвѣтало земледѣліе, обширная торговля, имѣлись большіе центры ея у славянъ сѣвера, запада и юга, развивалась и извѣстная промышленность, какъ прямое слѣдствіе торговли, Суровецкій приходитъ къ заключенію, что такой культурный народъ, бывшій въ постоянномъ соприкосновеніи съ просвѣщенными народами древности долженъ былъ выработать и свое письмо [1]).

Наряду съ Суровецкимъ подвизается на поприщѣ историческаго изученія древняго славянства другой членъ Общества друзей наукъ, Игнатій Бенедиктъ Раковецкій [2]).

Pamiętnik Warsz., Tom III, 1822, № 10, str. 149. По-русски: „Нѣчто о руническихъ письменахъ у Европ. народовъ среднихъ вѣковъ и догадки о степени бывшаго у нихъ просвѣщенія". Перев. Блот. (sic), въ Сѣв. Арх., 1822, ч. IV, стр. 435.

[1]) Ср. нѣкоторыя замѣчанія Лелевеля, Бентковскаго и Линде у Краусгара, op. cit., III, II, str. 248—250 и 266—268, и возраженія Суровецкаго. Бентковскій заявлялъ: „Przekonany jestem z wielu powodów, że Słowianie nie mieli pisma runicznego, bo niema na to dowodu". Ibid., str. 250.

[2]) Родился въ Бердичевѣ въ декабрѣ 1783 г., умеръ 22 іюля 1839 г. Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ сообщаетъ K. W. Wojcicki, Cmentarz Powązkowski, II, str. 53—61. Ср. еще его же: Społeczność Warszawy, I, str. 58. Изъ переписки его нѣсколько писемъ къ А. С. Шишкову изданы въ „Запискахъ, мнѣніяхъ и перепискѣ А. С. Шишкова", II, 393; ср. Извѣстія Росс. Акад., кн. IX, стр. 12—13, кн. XI, стр. 4, и наши

Первые ученые опыты его посвящены были вопросамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ позднѣйшимъ работамъ [1]). Интересъ къ славянству, главнымъ образомъ — къ его юридическимъ древностямъ, возбудили въ немъ работы Линде, которому вообще принадлежитъ значительная доля вліянія на направленіе занятій Раковецкаго и участія въ судьбѣ его позднѣйшихъ ученыхъ трудовъ. Въ 1816 г. появилось въ Варшавѣ изслѣдованіе Линде: „O Statucie Litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość", обратившее на себя вниманіе молодого ученаго [2]). Къ сожалѣнію, мы пока ничего не знаемъ о періодѣ подготовительныхъ занятій Раковецкаго и не можемъ ближе опредѣлить степень вліянія его учителя, но оно несомнѣнно было велико, и благодаря ему ученая дѣятельность Раковецкаго направлена была по новому пути, создавшему ему имя въ исторіи славяновѣдѣнія.

Раковецкій не только призывалъ возможно больше работниковъ на обширное и не обработанное поле славянскихъ изученій [3]), но громко выражалъ желаніе, чтобы въ чи-

---

приложенія, стр. XLIII—XLVII, CLXIX—CLXXII; письма къ Ганкѣ — въ нашемъ изданіи „Письма къ В. Ганкѣ изъ слав. земель", стр. 877—881.

[1]) Сташицъ въ рѣчи, произнесенной при открытіи засѣданія 3 мая 1820 г. перечислялъ ихъ: „Wypracował rozprawę o potrzebie w naszym kraju dzieła element. o rolnictwie i ekonomice. Pisał dla matek troskliwych o dobre wychowanie synów Uwagi, jakiej edukacyi, jakich nauk i wiadomości w pożyciu i w obywatelstwie nieodzowna jest potrzeba. Wydał prospekt pod tytułem: „Zasady urządzenia i doprowadzenia do dobrego stanu dóbr Ziemskich". Kraushar, op. cit., III, II, str. 60. Въ Имп. публ. библ. хранится (Hist. Polon. O. 2.) рукопись: „Uwagi nad stanem teraźniejszym Europy wieku niniejszego 1814 r. pisane", съ помѣтой Р. Губе о принадлежности ихъ Раковецкому.

[2]) Трудъ Линде, между прочимъ, послужилъ побужденіемъ къ новому изданію Статута. „Komissya w Petersburgu, przez rząd do zbioru praw krajowych ustanowiona, ma wkrótce zatrudnić się drugiem wydaniem Statutu litewskiego we trzech językach: 1) w ruskim, jak był początkowo w Wilnie r. 1588 u Mamoniczów wydany, 2) w polskim podług najlepszych wydań i 3) w rossyjskim teraźniejszym, po całkowitem przerobieniu tłumaczenia wydanego przez Senat r. 1811, a robionego podług najgorszej edycyi wileńskiej z r. 1786. Uwagi poczynione przez S. B. Lindego w dziele „o Statucie Litewskim" przekonały Komissyę praw o potrzebie takiego wydania", сообщала усердно слѣдившая за ученой литературой Gazeta liter., 1822, str. 154. Ср. ibid., II, № 25, str. 37, гдѣ помѣщено письмо Люд. Соболевскаго къ Линде о Литовскомъ Ст.

[3]) „Życzyć należy, ażeby pracowało jak najwięcej, ile że obszerne krainy słowiańskie, do badań w różnym względzie nauki interessujących, są niezmiernem i nieprzebytem, mało jeszcze dotąd tkniętem polem." Prawda Ruska, I, str. 251.

слѣ предметовъ преподаванія нашло себѣ мѣсто и изученіе славянства: начала древней исторіи, литературы и языка разныхъ славянскихъ народовъ; чтобы въ молодежи воспитывалась любовь къ родной старинѣ, чтобы она занималась собираніемъ народныхъ повѣстей и пѣсенъ, изучала бы простонародные нравы, обычаи, обряды, суевѣрія, прислушивалась къ языку народа [1]).

Въ то же время желательно, чтобы люди, имѣющіе случай и возможность, предпринимали, по примѣру Потоцкаго и Сапѣги, славянскія путешествія, посѣщали бы земли, нѣкогда принадлежавшія славянамъ, и тамъ искали бы слѣдовъ величія души и характера, силы, могущества и причинъ паденія своихъ предковъ. Ихъ открытія и ученые труды оказали бы дѣятельную поддержку тѣмъ, кто работалъ бы дома надъ этимъ же предметомъ.

Первый томъ изслѣдованія Раковецкаго былъ почти законченъ печатаніемъ въ началѣ 1820 года [2]). Полное заглавіе его слѣдующее: „Prawda Ruska czyli Prawa Wielkiego Xięcia Jarosława Władymirowicza, tudzież traktaty Olga y Igora WW.XX. Kiiowskich z cesarzami Greckimi y Mścisława Dawidowicza X. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta obok z Polskiém tłomaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczaiów, obyczaiów, religiy, praw y języka dawnych Słowiańskich y Słowiańsko-Ruskich narodów". Tom. I. 1820. II. 1822 [3]). Въ посвященіи имп. Александру I авторъ объясняетъ побужденія, приведшія его къ этому труду. Обращаясь къ великодушному покровителю славянъ, Раковецкій говоритъ: „Повелѣвая милліонами сла-

[1]) Ibid., I, str. 251.

[2]) См. въ приложеніяхъ письмо Линде къ Шишкову отъ 6 янв. 1820 г., стр. XL. О предстоявшемъ выходѣ изслѣдованія еще въ началѣ 1820 г. таинственно сообщалъ Pamiętn. Warsz., Tom XVII, 1820, str. 36, въ примѣчаніи къ переводу рѣчи С. Уварова „O ważności literatury wschodnich narodów": „Prawda Ruska jest to jedno ze starych dzieł Rosyjskich, którego wydaniem i wykładem w języku Polskim trudni się jeden z świeżo przybranych członków Król. Tow. War. Prz. Nauk. Lubo praca ta, z wielu ważnemi uwagami co do starożytności Słowiańskich, bardzo już daleko posunięta i w druku do 30 już prawie arkuszy doprowadzona, nie śmiemy jednak wymienić nazwiska pisarza skromnego, nie będąc do tego upoważnieni". Книга, очевидно, не всѣмъ еще была извѣстна. Сташицъ въ рѣчи своей 3 мая 1820 г. заявлялъ, что книги Раковецкаго напечатано 34 листа, т. е. въ сущности почти весь I томъ.

[3]) Въ библ. Чешскаго Музея экз. Ганки (92 D 7) съ чешско-русской надписью Раковецкаго: „Geho důstognosti Wysoce Učenému Václawu Hance w znak wysokopočitanja — Izdatel".

вянъ силою и могуществомъ твоего жезла, а еще болѣе величіемъ души твоей, ты оживилъ духъ древней славянской народности, первѣйшее основаніе любви къ отечеству и гражданскихъ добродѣтелей, слагающееся изъ знакомства съ нравами и обычаями, правомъ и языкомъ своихъ достойныхъ почитанія предковъ. Эти свѣдѣнія являются въ настоящее время предметомъ дорогихъ для каждаго славянина разысканій, къ чему Ваше Императорско-Королевское Величество, владѣя сердцами всѣхъ славянъ, не перестаете побуждать". Увлеченный общимъ возбужденіемъ, и Раковецкій отважился вступить на поприще, столь мало воздѣланное, и посвятить свои силы служенію наукѣ, только что зарождавшейся у поляковъ.

Съ результатами своихъ занятій древностями славянства Раковецкій познакомилъ слушателей 3 мая 1820 г. въ публичномъ засѣданіи Общества друзей наукъ въ торжественной рѣчи: „O stanie cywilnym dawnych Słowian". Она была выраженіемъ благодарности Обществу за лестное для него избраніе въ число членовъ [1]) и резюмировала вкратцѣ основные взгляды Раковецкаго на древнихъ славянъ.

Славяне, подобно другимъ народамъ Европы, искали свѣта и просвѣщенія у источниковъ греческихъ и римскихъ. Судьба не дала однако нашимъ отдаленнѣйшимъ предкамъ въ удѣлъ оставить намъ книги и ученые труды, но зато они оставили болѣе прочные памятники своего величія и славы, а именно: въ теченіе столѣтій оставшійся неизмѣннымъ характеръ, обычаи, нравы и чрезвычайно богатый и совершенный языкъ. Этихъ памятниковъ не могли сокрушить ни время, ни жестокія усилія враговъ, и вмѣстѣ съ свидѣтельствами исторіи они являются показателями гражданственности нашихъ предковъ. И древніе и многіе изъ позднѣйшихъ писателей, ослѣпленные предубѣжденіемъ, смотрѣли обыкновенно на древнихъ славянъ, какъ на грубыхъ и тем-

[1]) Kraushar, op. cit., III, II, str. 64 ошибочно отождествляетъ это чтеніе съ введеніемъ къ „Русской Правдѣ". Въ засѣданіи отд. наукъ 28 февр. 1820 г., заявляя о желаніи читать въ публичномъ собраніи Общества, Раковецкій опредѣлялъ содержаніе своей рѣчи: „Rys krótki stanu cywilnego dawnych Słowian, ich obyczajów i zasad paganismu. Szczątki ich najdawniejszej poezyi i prawodawstwa, dowodzące stopnia dawnej ich oświaty. Potrzeba znajomości starożytnego języka Słowiańskiego, oraz jego historyi, niemniej różnych dyalektów". Русскій переводъ: „О гражданствѣ древнихъ славянъ", В. Анастасевича въ Соревноват. просв. и благотв., 1822, № 7, стр. 3—16.

ныхъ дикарей (przypisywać zwykli dawnym Słowianom dzikość, ciemnotę i niewiadomość), но въ то же время, не будучи въ состояніи затмить истину, они единогласно признавали, что славяне, извѣстные нѣкогда, какъ и нынѣ, подъ различными названіями, съ незапамятныхъ временъ вели организованную общественную жизнь, не кочевали, подобно ордамъ, но обитали въ селахъ и городахъ, имѣли стройное гражданское устройство, были народомъ съ развитымъ политическимъ чувствомъ. Такое гражданское и политическое состояніе славянскихъ народовъ, не знавшихъ единовластія, а создавшихъ общинныя организаціи (rzeczypospolite i gminowładztwa), не могло быть выработано народомъ дикимъ и темнымъ, а создалось народомъ высоко развитымъ. Объ этой высокой степени ихъ развитія свидѣтельствуетъ ихъ религія (вѣра въ безсмертіе души, въ единое высшее божество, въ загробную жизнь), ихъ обряды и обычаи, остатки древнѣйшихъ пѣснопѣній и пр. Раковецкій останавливается здѣсь на „Судѣ Любуши“ и излагаетъ его содержаніе, приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ рукописи Краледворской (Забой), для доказательства своего основного положенія, что славяне съ древнѣйшихъ временъ были народомъ просвѣщеннымъ, имѣвшимъ писанные законы, религіозные гимны въ честь своихъ божествъ, сильный, богатый и величественный языкъ, способный выражать самыя разнообразныя дѣйствія и понятія. Унаслѣдовавъ отъ предковъ такія богатства, славяне, просвѣщенные свѣтомъ христіанства (przy pomocy teraz najczystszych zasad chrześcianizmu), обладаютъ всѣми данными для выполненія особаго высокаго предназначенія.

Подробнѣе и съ большею основательностью эти главныя мысли Раковецкаго развиты имъ въ изслѣдованіи о Русской Правдѣ.

Тутъ прежде всего остановимся на предисловіи, въ которомъ Раковецкій разъясняетъ читателю цѣль предпринятаго имъ труда (Cel dzieła). Это вступленіе слѣдуетъ въ сущности отнести къ числу тѣхъ призывовъ изучать и совершенствовать родной языкъ, съ которыми мы познакомились выше. Раковецкій присоединилъ лишь свой голосъ къ общему хору. Онъ имѣетъ въ виду цѣли чисто научныя. Развить польскій языкъ, довести его обработку до такой степени совершенства, какой уже достигли нѣкоторые западно-европейскіе языки, можно только при содѣйствіи спеціальныхъ изученій, которыя указывали бы на дѣйствительныя причины

измѣненій и порчи языка и изыскивали бы средства для защиты его отъ этой порчи и способы обработки и совершенствованія его. Для этого необходимы чисто филологическія изслѣдованія (badania filologiczne), которыми, къ сожалѣнію, поляки такъ мало занимаются. Между тѣмъ, безъ нихъ нельзя развиваться наукамъ, процвѣтать литературѣ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что надлежащее изученіе польскаго языка можетъ совершаться только при условіи изученія родственныхъ славянскихъ языковъ, восхожденія къ его первоисточникамъ. Особенно важно изученіе языка старославянскаго, который, по мнѣнію Раковецкаго, является матерью прочихъ славянскихъ нарѣчій (dyalektów), служитъ неисчерпаемымъ источникомъ обогащенія и совершенствованія ихъ и представляетъ обширное поле для необходимыхъ въ этомъ отношеніи филологическихъ изслѣдованій. По различнымъ причинамъ на старославянскій языкъ поляки обращали мало вниманія (mało on u nas dawniej z powodu wstrętu, już to z mniemań religijnych, już to ze stosunków politycznych wynikającego, na wzgląd zasługiwał), но теперь это пренебреженіе не должно имѣть мѣста: наука должна быть свободна отъ предубѣжденій и предразсудковъ, а польскій народъ нынѣ живетъ съ русскимъ, который говоритъ языкомъ наиболѣе близкимъ къ старому славянскому, подъ однимъ скипетромъ имп. Александра I, доброта котораго связуетъ всѣхъ въ духѣ любви и славянскаго единства.

Вотъ почему Раковецкій и предпринимаетъ свой трудъ. Онъ желаетъ выйти на встрѣчу пробуждающемуся въ польскомъ обществѣ интересу къ славянскому языку и дать возможность тѣмъ, кто работаетъ надъ совершенствованіемъ родного языка, какъ вѣтви его, познакомиться съ древнѣйшими его памятниками, сохранившимися на Руси, къ каковымъ принадлежатъ Русская Правда и договоры Олега и Игоря. Они и занимаютъ его преимущественно, какъ источники свѣдѣній о древнѣйшихъ нравахъ и обычаяхъ славянъ, ихъ правѣ и языкѣ.

Обширное изслѣдованіе о древнѣйшемъ памятникѣ русскаго права задумано было Раковецкимъ, какъ мы замѣтили выше, подъ непосредственнымъ вліяніемъ труда Линде, который въ разсужденіи о Литовскомъ Статутѣ (1816 г.), говоря о неотложной потребности новаго изданія его, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на возможность привлеченія Русской Правды къ объясненію Статута. Ревность Линде къ распро-

страненію въ обществѣ знаній о славянствѣ, стремленіе его своими трудами способствовать расширенію этихъ свѣдѣній побудили Раковецкаго взяться за работу по изданію и объясненію драгоцѣннаго памятника. Работа велась подъ непосредственнымъ руководствомъ Линде, который подавалъ своему ученику совѣты, снабжалъ его необходимыми книгами и т. п. [1]). При обширныхъ связяхъ съ славянскимъ ученымъ міромъ Линде болѣе, чѣмъ кто-либо въ Варшавѣ, могъ быть полезенъ Раковецкому въ его предпріятіи.

Дѣйствительно, надо удивляться, съ какою тщательностью Раковецкій собралъ и использовалъ всю относящуюся къ предмету его изслѣдованія литературу, не только русскую, болѣе доступную, но и славянскую, съ которой знакомиться было всегда затруднительно. Если впослѣдствіи Добровскій въ своемъ разборѣ труда Раковецкаго упрекнулъ его въ незнакомствѣ съ нѣкоторыми чешскими книгами, то не слѣдуетъ забывать о тѣхъ вообще затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено было въ то время пріобрѣтеніе славянскихъ изданій. Самъ Добровскій немало страдалъ отъ нихъ и неоднократно на нихъ жаловался.

Въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе перваго тома состоитъ въ слѣдующемъ. Первая часть его посвящена древнимъ славянамъ вообще. Первый раздѣлъ ея говоритъ о физическихъ и нравственныхъ чертахъ славянъ, о ихъ селеніяхъ и городахъ, о домашнемъ бытѣ; раздѣлъ второй: о божествахъ и религіозныхъ обрядахъ; въ третьемъ излагается исторія развитія различныхъ формъ правленія у славянъ; четвертый — посвященъ искусствамъ ихъ. Вторая часть занимается спеціально славяно-русами и состоитъ изъ восьми раздѣловъ, посвященныхъ высшему сословію (I) и

---

[1]) Przedsłowie, VII. Выражая благодарность Линде за это участіе, Раковецкій тѣмъ болѣе ему признателенъ, что подобной помощи не встрѣчалъ со стороны другихъ. Тутъ, повидимому, заключался какой-то намекъ. Другъ Ганки Трнка, познакомившійся и сблизившійся съ Раковецкимъ въ Варшавѣ, въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ, 23 ноября 1822 г. изъ Вѣны, прямо жаловался на В. Скорохода Маевскаго: „Jest neužilý velmi, tak že knihy, které k potřebě milého Rakow. se zdály, nijak mu zapůjčiti nechtěl. Jen pomyslete, že Rukopis Královdv. ani na okamžení Rakovieckému přepustit nechtěl“. Не его ли имѣетъ въ виду и самъ Раковецкій? Въ бумагахъ Раковецкаго сохранился полный переводъ Краледв. рукописи. Трнка въ названномъ выше письмѣ къ Ганкѣ увѣрялъ его: „Přeložení polské rukopisu Král. svěřil mne P. R. (т. е. Rakowiecki) i moje zdání v některých místech připustil“. Письма Трнки въ Чешск. Музеѣ.

измѣненій и порчи языка и изыскивали бы средства для защиты его отъ этой порчи и способы обработки и совершенствованія его. Для этого необходимы чисто филологическія изслѣдованія (badania filologiczne), которыми, къ сожалѣнію, поляки такъ мало занимаются. Между тѣмъ, безъ нихъ нельзя развиваться наукамъ, процвѣтать литературѣ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что надлежащее изученіе польскаго языка можетъ совершаться только при условіи изученія родственныхъ славянскихъ языковъ, восхожденія къ его первоисточникамъ. Особенно важно изученіе языка старославянскаго, который, по мнѣнію Раковецкаго, является матерью прочихъ славянскихъ нарѣчій (dyalektów), служитъ неисчерпаемымъ источникомъ обогащенія и совершенствованія ихъ и представляетъ обширное поле для необходимыхъ въ этомъ отношеніи филологическихъ изслѣдованій. По различнымъ причинамъ на старославянскій языкъ поляки обращали мало вниманія (mało on u nas dawniej z powodu wstrętu, już to z mniemań religijnych, już to ze stosunków politycznych wynikającego, na wzgląd zasługiwał), но теперь это пренебреженіе не должно имѣть мѣста: наука должна быть свободна отъ предубѣжденій и предразсудковъ, а польскій народъ нынѣ живетъ съ русскимъ, который говоритъ языкомъ наиболѣе близкимъ къ старому славянскому, подъ однимъ скипетромъ имп. Александра I, доброта котораго связуетъ всѣхъ въ духѣ любви и славянскаго единства.

Вотъ почему Раковецкій и предпринимаетъ свой трудъ. Онъ желаетъ выйти на встрѣчу пробуждающемуся въ польскомъ обществѣ интересу къ славянскому языку и дать возможность тѣмъ, кто работаетъ надъ совершенствованіемъ родного языка, какъ вѣтви его, познакомиться съ древнѣйшими его памятниками, сохранившимися на Руси, къ каковымъ принадлежатъ Русская Правда и договоры Олега и Игоря. Они и занимаютъ его преимущественно, какъ источники свѣдѣній о древнѣйшихъ нравахъ и обычаяхъ славянъ, ихъ правѣ и языкѣ.

Обширное изслѣдованіе о древнѣйшемъ памятникѣ русскаго права задумано было Раковецкимъ, какъ мы замѣтили выше, подъ непосредственнымъ вліяніемъ труда Линде, который въ разсужденіи о Литовскомъ Статутѣ (1816 г.), говоря о неотложной потребности новаго изданія его, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на возможность привлеченія Русской Правды къ объясненію Статута. Ревность Линде къ распро-

страненію въ обществѣ знаній о славянствѣ, стремленіе его своими трудами способствовать расширенію этихъ свѣдѣній побудили Раковецкаго взяться за работу по изданію и объясненію драгоцѣннаго памятника. Работа велась подъ непосредственнымъ руководствомъ Линде, который подавалъ своему ученику совѣты, снабжалъ его необходимыми книгами и т. п.[1]). При обширныхъ связяхъ съ славянскимъ ученымъ міромъ Линде болѣе, чѣмъ кто-либо въ Варшавѣ, могъ быть полезенъ Раковецкому въ его предпріятіи.

Дѣйствительно, надо удивляться, съ какою тщательностью Раковецкій собралъ и использовалъ всю относящуюся къ предмету его изслѣдованія литературу, не только русскую, болѣе доступную, но и славянскую, съ которой знакомиться было всегда затруднительно. Если впослѣдствіи Добровскій въ своемъ разборѣ труда Раковецкаго упрекнулъ его въ незнакомствѣ съ нѣкоторыми чешскими книгами, то не слѣдуетъ забывать о тѣхъ вообще затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено было въ то время пріобрѣтеніе славянскихъ изданій. Самъ Добровскій немало страдалъ отъ нихъ и неоднократно на нихъ жаловался.

Въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе перваго тома состоитъ въ слѣдующемъ. Первая часть его посвящена древнимъ славянамъ вообще. Первый раздѣлъ ея говоритъ о физическихъ и нравственныхъ чертахъ славянъ, о ихъ селеніяхъ и городахъ, о домашнемъ бытѣ; раздѣлъ второй: о божествахъ и религіозныхъ обрядахъ; въ третьемъ излагается исторія развитія различныхъ формъ правленія у славянъ; четвертый — посвященъ искусствамъ ихъ. Вторая часть занимается спеціально славяно-русами и состоитъ изъ восьми раздѣловъ, посвященныхъ высшему сословію (I) и

---

[1]) Przedsłowie, VII. Выражая благодарность Линде за это участіе, Раковецкій тѣмъ болѣе ему признателенъ, что подобной помощи не встрѣчалъ со стороны другихъ. Тутъ, повидимому, заключался какой-то намекъ. Другъ Ганки Трнка, познакомившійся и сблизившійся съ Раковецкимъ въ Варшавѣ, въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ, 23 ноября 1822 г. изъ Вѣны, прямо жаловался на В. Скорохода Маевскаго: „Jest neužilý velmi, tak že knihy, které k potřebě milého Rakow. se zdály, nijak mu zapůjčiti nechtěl. Jen pomyslete, že Rukopis Královdv. ani na okamžení Rakovieckému přepustit nechtěl“. Не его ли имѣетъ въ виду и самъ Раковецкій? Въ бумагахъ Раковецкаго сохранился полный переводъ Краледв. рукописи. Трнка въ названномъ выше письмѣ къ Ганкѣ увѣрялъ его: „Přeložení polské rukopisu Král. svěřil mne P. R. (т. е. Rakowiecki) i moje zdání v některých místech připustil“. Письма Трнки въ Чешск. Музеѣ.

простому народу (II); властямъ (князья, бояре, дружина и пр.) и органамъ ихъ въ древнихъ русскихъ княжествахъ (III) и въ новгородской республикѣ (IV); V-ый раздѣлъ трактуетъ о древности и началахъ славяно-русскаго законодательства; VI-ой посвященъ славяно-русской торговлѣ; далѣе (VII) — о древнѣйшей монетной системѣ, заключительный раздѣлъ (VIII) говоритъ о духѣ славяно-русскихъ законовъ, преимущественно же Русской Правды.

Раковецкій достаточно подробно (Przedsłowie, str. IX) излагаетъ соображенія, заставившія его выдѣлить въ особый томъ все то, что, будучи необходимымъ для надлежащаго пониманія издаваемыхъ имъ памятниковъ, явилось бы въ видѣ подстрочныхъ или заключительныхъ примѣчаній огромнымъ балластомъ разбросанныхъ въ безпорядкѣ разнообразнѣйшихъ справокъ, способныхъ, при отсутствіи системы, только обременить читателя. Желая подготовить читателя къ чтенію памятниковъ законодательства, онъ и предпосылаетъ тексту ихъ обширный историческій очеркъ культурнаго состоянія какъ древнихъ славянъ вообще, такъ и славяно-русовъ въ частности. Этотъ вступительный этюдъ необходимо поэтому прочесть раньше, чѣмъ приступить къ чтенію самыхъ текстовъ.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ уже памятники древняго русскаго законодательства. Издатель не ограничивается простой перепечаткой ихъ, а обильно снабжаетъ тексты примѣчаніями, въ которыхъ привлекаетъ къ сравненію извлеченія изъ памятниковъ чешскаго права, доставленныя ему Ганкой, изъ Статута Казимира Вел., изъ Литовскаго Статута. Въ особомъ отдѣлѣ сгруппированы комментаріи къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ русскихъ текстовъ. Вторую половину II-го тома составляетъ: „Rys historyczny początku i stanu języka Słowiańskiego i Polskiego“. Таково расположеніе отдѣльныхъ частей труда Раковецкаго.

Все то, что предшествуетъ историческому очерку славянскихъ языковъ, отъ начала I-го тома до половины II-го (т. е. до стр. 148, гдѣ оканчиваются примѣчанія къ текстамъ), Раковецкій считаетъ лишь вступленіемъ къ этому очерку [1]). Только послѣ всего сдѣланнаго онъ приступаетъ къ насто-

[1]) Prawda Ruska, II, str. IV. „Trudną i niepodobną było rzeczą wejść w rozpoznawanie początku i stanu swego języka bez poprzedniego rozpoznania cywilnego stanu swych przodków“, повторяетъ онъ (II, str. 151) еще разъ свое исходное положеніе, обусловившее весь планъ его труда.

ящему предмету изслѣдованія, который въ сущности онъ и имѣлъ все время въ виду [1]), только теперь онъ можетъ заняться исторіей польскаго языка.

Исторія эта тѣсно связана съ произведенными имъ доселѣ разысканіями и на нихъ цѣликомъ опирается. Она есть главная задача, къ разрѣшенію которой Раковецкій идетъ столь длиннымъ и извилистымъ путемъ. Конечная цѣль достигнута, но результаты оказались весьма незначительными. Очеркъ исторіи славянскихъ языковъ не удовлетворилъ и самого Раковецкаго, который понималъ, что для полноты такой работы требуется привлечь множество матеріала, между тѣмъ повсюду въ славянствѣ памятники древней письменности мало извѣстны и изслѣдованы. Оставалось поэтому только выразить желаніе, чтобы со временемъ кто-либо выполнилъ эту задачу болѣе успѣшно и совершеннѣе.

Считая древнѣйшіе памятники славянскаго права древнѣйшими памятниками и славянскаго языка [2]) и разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, Раковецкій смотритъ на свой трудъ, въ его извѣстной части, какъ на изслѣдованіе чисто филологическаго характера. Между тѣмъ все значеніе обширной монографіи его заключалось и заключается именно не въ этихъ филологическихъ экскурсахъ, въ дѣйствительности наиболѣе слабыхъ. Трудъ Раковецкаго слѣдуетъ разсматривать единственно, какъ замѣчательное для своего времени изслѣдованіе въ области славянскаго права. Въ немъ важнѣе всего та точка зрѣнія, на которую сталъ Раковецкій въ оцѣнкѣ господствовавшей въ то время въ молодой наукѣ исторіи русскаго права теоріи о германскомъ (норманнскомъ) происхожденіи Русской Правды. Раковецкій явился рѣшительнымъ противникомъ этой теоріи и главнаго ея представителя — Шлецера. Признавая, что вслѣдствіе основанія русскаго государства варягами въ Русскую Правду могли войти нѣкоторые элементы норманнскіе, какъ отраженіе норманнскихъ обычаевъ, Раковецкій однако рѣшительно настаиваетъ на томъ, что первоначальныя русскія государственныя и правовыя установленія сохранили „настоящій, чистый характеръ славянскаго духа“ (zachowały prawdziwy i nie zatarty charakter ducha słowiańskiego), и поэтому считаетъ Рус-

[1]) „Po zrobieniu w miarę możności stosownych badań, przystępuje się teraz do istotnego przedmiotu, któremu niniejsze dzieło poświęcone.“ Ibid. II, 151.

[2]) Prawda Ruska, II, str. III.

простому народу (II); властямъ (князья, бояре, дружина и пр.) и органамъ ихъ въ древнихъ русскихъ княжествахъ (III) и въ новгородской республикѣ (IV); V-ый раздѣлъ трактуетъ о древности и началахъ славяно-русскаго законодательства; VI-ой посвященъ славяно-русской торговлѣ; далѣе (VII) — о древнѣйшей монетной системѣ, заключительный раздѣлъ (VIII) говоритъ о духѣ славяно-русскихъ законовъ, преимущественно же Русской Правды.

Раковецкій достаточно подробно (Przedsłowie, str. IX) излагаетъ соображенія, заставившія его выдѣлить въ особый томъ все то, что, будучи необходимымъ для надлежащаго пониманія издаваемыхъ имъ памятниковъ, явилось бы въ видѣ подстрочныхъ или заключительныхъ примѣчаній огромнымъ балластомъ разбросанныхъ въ безпорядкѣ разнообразнѣйшихъ справокъ, способныхъ, при отсутствіи системы, только обременить читателя. Желая подготовить читателя къ чтенію памятниковъ законодательства, онъ и предпосылаетъ тексту ихъ обширный историческій очеркъ культурнаго состоянія какъ древнихъ славянъ вообще, такъ и славяно-русовъ въ частности. Этотъ вступительный этюдъ необходимо поэтому прочесть раньше, чѣмъ приступить къ чтенію самыхъ текстовъ.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ уже памятники древняго русскаго законодательства. Издатель не ограничивается простой перепечаткой ихъ, а обильно снабжаетъ тексты примѣчаніями, въ которыхъ привлекаетъ къ сравненію извлеченія изъ памятниковъ чешскаго права, доставленныя ему Ганкой, изъ Статута Казимира Вел., изъ Литовскаго Статута. Въ особомъ отдѣлѣ сгруппированы комментаріи къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ русскихъ текстовъ. Вторую половину II-го тома составляетъ: „Rys historyczny początku i stanu języka Słowiańskiego i Polskiego“. Таково расположеніе отдѣльныхъ частей труда Раковецкаго.

Все то, что предшествуетъ историческому очерку славянскихъ языковъ, отъ начала I-го тома до половины II-го (т. е. до стр. 148, гдѣ оканчиваются примѣчанія къ текстамъ), Раковецкій считаетъ лишь вступленіемъ къ этому очерку [1]). Только послѣ всего сдѣланнаго онъ приступаетъ къ насто-

[1]) Prawda Ruska, II, str. IV. „Trudną i niepodobną było rzeczą wejść w rozpoznawanie początku i stanu swego języka bez poprzedniego rozpoznania cywilnego stanu swych przodków“, повторяетъ онъ (II, str. 151) еще разъ свое исходное положеніе, обусловившее весь планъ его труда.

ящему предмету изслѣдованія, который въ сущности онъ и имѣлъ все время въ виду [1]), только теперь онъ можетъ заняться исторіей польскаго языка.

Исторія эта тѣсно связана съ произведенными имъ доселѣ разысканіями и на нихъ цѣликомъ опирается. Она есть главная задача, къ разрѣшенію которой Раковецкій идетъ столь длиннымъ и извилистымъ путемъ. Конечная цѣль достигнута, но результаты оказались весьма незначительными. Очеркъ исторіи славянскихъ языковъ не удовлетворилъ и самого Раковецкаго, который понималъ, что для полноты такой работы требуется привлечь множество матеріала, между тѣмъ повсюду въ славянствѣ памятники древней письменности мало извѣстны и изслѣдованы. Оставалось поэтому только выразить желаніе, чтобы со временемъ кто-либо выполнилъ эту задачу болѣе успѣшно и совершеннѣе.

Считая древнѣйшіе памятники славянскаго права древнѣйшими памятниками и славянскаго языка [2]) и разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, Раковецкій смотритъ на свой трудъ, въ его извѣстной части, какъ на изслѣдованіе чисто филологическаго характера. Между тѣмъ все значеніе обширной монографіи его заключалось и заключается именно не въ этихъ филологическихъ экскурсахъ, въ дѣйствительности наиболѣе слабыхъ. Трудъ Раковецкаго слѣдуетъ разсматривать единственно, какъ замѣчательное для своего времени изслѣдованіе въ области славянскаго права. Въ немъ важнѣе всего та точка зрѣнія, на которую сталъ Раковецкій въ оцѣнкѣ господствовавшей въ то время въ молодой наукѣ исторіи русскаго права теоріи о германскомъ (норманнскомъ) происхожденіи Русской Правды. Раковецкій явился рѣшительнымъ противникомъ этой теоріи и главнаго ея представителя — Шлецера. Признавая, что вслѣдствіе основанія русскаго государства варягами въ Русскую Правду могли войти нѣкоторые элементы норманнскіе, какъ отраженіе норманнскихъ обычаевъ, Раковецкій однако рѣшительно настаиваетъ на томъ, что первоначальныя русскія государственныя и правовыя установленія сохранили „настоящій, чистый характеръ славянскаго духа“ (zachowały prawdziwy i nie zatarty charakter ducha słowiańskiego), и поэтому считаетъ Рус-

[1]) „Po zrobieniu w miarę możności stosownych badań, przystępuje się teraz do istotnego przedmiotu, któremu niniejsze dzieło poświęcone.“ Ibid. II, 151.

[2]) Prawda Ruska, II, str. III.

скую Правду выраженіемъ юридическихъ понятій и взглядовъ чисто славянскихъ[1]). Если варяги и принесли съ собою извѣстныя нормы права германскаго, то они не могли ввести ихъ цѣликомъ, а лишь приспособляли къ нимъ существовавшія положенія права русскаго[2]). Эту же идею о самобытности древнѣйшаго русскаго права онъ распространяетъ и на другіе славянскіе народы, напр., на поляковъ[3]). Въ этомъ отношеніи, что касается польскаго права, онъ становится принципіальнымъ противникомъ какъ Чацкаго съ его норманнско-скандинавской теоріей, такъ и цѣлой школы романистовъ съ Яномъ Викентіемъ Бандтке во главѣ[4]).

При этомъ Раковецкій стоитъ, съ одной стороны, на психологической точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о сходствѣ древнѣйшихъ установленій славянскихъ съ установленіями другихъ народовъ; съ другой, признаетъ и возможность заимствованія обычаевъ, нравовъ, правовыхъ положеній славянами у сосѣдей и обратно[5]). Вотъ причины, почему древнее русское право имѣетъ сходство съ законами грековъ, римскими XII таблицами, законами древнихъ франковъ, установленіями польскими и литовскими, но генетической связи между ними нѣтъ.

---

[1]) Такой взглядъ на Р. Пр. одобрялъ Евгеній въ письмѣ къ Анастасевичу (5 ноября 1820 г.): „Любопытна будетъ и для меня Русская Правда, въ Варшавѣ издаваемая. Важнѣйшее для насъ въ ней не одни слова, но источникъ, откуду заимствованы сіи законы. Струбъ де Пирмонъ, Тунманъ и Шлецеръ твердили намъ только, что они взяты изъ сѣверныхъ законовъ, но не больше трехъ именно статей указали намъ подлинникъ. Можетъ быть, поляки счастливѣе будутъ въ семъ открытіи, но вѣрно не изъ своихъ источниковъ письменныхъ, которые гораздо позже нашихъ". Р. Арх., 1889, VII, стр. 378.

[2]) Prawda Ruska, I, str. 132, 133.

[3]) „Prawa Polskie zachowały aż do naszych czasów ślady pierwotnych praw słowiańskich, z powszechnych pierwotnych zwyczajów wynikających, i lubo w wielu przedmiotach z prawami Europejskich narodów, a mianowicie Gotów i Franków, miały podobieństwo, wyraźną jednak zachowały swą pierwotną cechę." Prawda Ruska, I, str. 129.

[4]) Ср. O. Balzer, Historya porównawcza praw słowiańskich, Lwów, 1900, str. 12 и сл.

[5]) „Ponieważ różne oddzielne narody, w pierwszych swoich stanu cywilnego zawiązkach, jednakowe mieli potrzeby; oraz iż jedne z drugiemi od niepamiętnych czasów miewali wzajemne stosunki; przeto jedne od drugich mniej więcej przyjmywali zwyczajów, obyczajów, wyobrażeń i t. p., a zatem prawa ich niejakie zachowują między sobą podobieństwo." Prawda Ruska I, str. 199; ср. еще str. 129.

Нельзя въ достаточной степени оцѣнить значеніе, какое въ то время имѣли эти взгляды Раковецкаго, говоритъ историкъ славянскаго права О. Бальцеръ [1]): это было первое во всей славянской литературѣ сознательное выраженіе двухъ существеннѣйшихъ и наиболѣе важныхъ взглядовъ новой исторической школы: одного, — принципіальнаго, о національныхъ началахъ права, другого, — методологическаго, о недостаткахъ и неосновательности прежняго метода сравнительныхъ изученій. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ польской наукѣ эти взгляды высказаны были по прошествіи шести лѣтъ послѣ того, какъ впервые формулирована была программа новой исторической школы Савиньи. На всемъ пространствѣ славянства Раковецкій первый смѣло порвалъ связи со всѣмъ тѣмъ, что до сего времени считалось чуть ли не догматомъ, что поддерживалось авторитетомъ выдающихся ученыхъ Шлецера и Карамзина, Нарушевича и Чацкаго.

Трудъ Раковецкаго, говоритъ Бальцеръ, вдохнулъ въ науку исторіи славянскаго права новую жизнь, оплодотворилъ ее мыслью, развитіе которой могло принести въ будущемъ чрезвычайно важныя послѣдствія. Уже въ этомъ заключается огромное, эпохальное значеніе труда его. Но этимъ заслуга Раковецкаго не исчерпывается.

Въ вступительной части своего труда, въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ главахъ, онъ нарисовалъ картины древнѣйшихъ юридическихъ установленій русскаго славянства, на основаніи Русской Правды и иныхъ древнѣйшихъ памятниковъ, преимущественно — договоровъ съ греками. Если не считать того, что написалъ по этому предмету Карамзинъ, то очерки Раковецкаго являются первымъ опытомъ научной обработки исторіи русскаго права въ древнѣйшій періодъ его развитія. Спустя шесть лѣтъ послѣ Раковецкаго такую же попытку сдѣлалъ Эверсъ (Das älteste Recht der Russen, 1826), ограничившись тѣмъ же періодомъ и почти тѣми же самыми источниками, но только обработка его вышла болѣе обширною и детальною. Въ этомъ онъ стоитъ, несомнѣнно, выше своего предшественника и, вѣроятно, благодаря этому въ настоящее время онъ считается создателемъ науки исторіи русскаго права. Замѣтимъ только, что если дѣйствительно мысль обработки исторіи этого права, какъ самостоятель-

[1]) Op. cit., str. 13.

ной науки, не чужда была Раковецкому, какъ это утверждаетъ Бальцеръ [1]), то предтеча Эверса выразилъ ее настолько робко и неясно, отодвинулъ ее въ погонѣ за своей мнимой главной цѣлью, которой однако, какъ мы видѣли, достигнуть ему не удалось, на столь дальній планъ, что ее не мудрено было не замѣтить. Вотъ почему заслуга Раковецкаго долго оставалась въ тѣни. Бальцеръ ставитъ трудъ Раковецкаго выше работы Эверса, имѣющей два кардинальныхъ недостатка, отъ которыхъ свободенъ Раковецкій: прежде всего, книга Эверса во многихъ мѣстахъ изобилуетъ абстрактными разсужденіями, лишенными характера историческаго изслѣдованія, во-вторыхъ, начала русскаго права онъ ищетъ исключительно въ источникахъ германскихъ.

Въ принципіальномъ взглядѣ на генезисъ русскаго права болѣе ранній изслѣдователь Раковецкій ближе къ истинѣ, чѣмъ его преемникъ. Этотъ взглядъ въ настоящее время прочно утвердился въ русской наукѣ. Справедливо поэтому полагаетъ Бальцеръ, что настоящимъ отцомъ исторіи русскаго права слѣдовало бы признать славянскаго ученаго Раковецкаго, а не нѣмца Эверса.

Но этимъ значеніе труда Раковецкаго не исчерпывается. Въ историческомъ введеніи онъ посвящаетъ обширный раздѣлъ (III) сравнительной характеристикѣ юридическихъ установленій различныхъ славянскихъ народовъ: чеховъ, поляковъ, русскихъ, сербовъ, словинцевъ, славянъ полабскихъ и поморскихъ. Сравнительный методъ Раковецкаго изображаетъ учрежденія славянъ въ видѣ одной общей картины, на основаніи того матеріала, какой давали памятники юридическаго быта славянства; онъ сопоставляетъ здѣсь постановленія права польскаго съ русскими, югославянскими и т. п. Конечно, матеріалъ, которымъ располагалъ Раковецкій, былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы отъ автора можно было требовать какихъ-либо обширныхъ обобщеній; трудовъ по исторіи права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ тоже почти не существовало. Раковецкій былъ въ этой области піонеромъ, проложившимъ путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Его „Русская Правда“ была первымъ во всемъ славянствѣ опытомъ сравнительнаго изученія юридическихъ древностей всѣхъ важнѣйшихъ вѣтвей славянства. Вотъ почему 1820-ый годъ, годъ выхода въ свѣтъ перваго тома замѣчательнаго

[1]) Op. cit., str. 14.

изслѣдованія Раковецкаго, по справедливости можетъ считаться датой рожденія науки исторіи русскаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительной исторіи славянскихъ законодательствъ [1]).

Книгу Раковецкаго въ ученомъ славянскомъ мірѣ ожидали съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. О ней много говорили еще въ то время, когда она находилась въ печати. Представляя Раковецкаго въ члены Общества друзей наукъ, В. Скороходъ Маевскій, Л. Суровецкій и Чарнецкій (3 янв. 1820 г.) въ числѣ ученыхъ трудовъ его отмѣчали уже „Русскую Правду", хотя съ книгой, повидимому, еще не были знакомы ближе [2]).

Особенно интересовался ею извѣстный изслѣдователь Литовскаго Статута, проф. И. Даниловичъ, выражавшій другу своему Лелевелю желаніе получить книгу немедленно по выходѣ ея изъ типографіи. Имѣя точныя свѣдѣнія о планѣ труда Раковецкаго, онъ не могъ не выразить удивленія, что изданіе столь небольшого по объему памятника, какъ Русская Правда, будетъ сопровождаться такимъ обширнымъ комментаріемъ [3]).

Спустя полгода онъ снова пишетъ Лелевелю: „Появленія Русской Правды ожидаю съ нетерпѣніемъ, лишь бы она заключала въ себѣ больше дѣла (byle więcej zawierała rzeczy), чѣмъ разсужденіе по случаю избранія въ члены Общества, гдѣ много громкихъ фразъ, но никакихъ доказательствъ (gdzie dużo słów brzmiących, a żadnego dowodu). Если такъ пишетъ кс. Сестренцевичъ, то я вѣрю ему, какъ митрополиту, но г. Раковецкій не духовное лицо" [4]).

---

[1]) O. Balzer, op. cit., str. 16.

[2]) „Znajduje się w druku dzieło, poświęcone badaniom filologicznym, obejmujące w sobie: Rys historyczny zwyczajów, obyczajów, religii, praw i języka dawnych Sławiańskich narodów. Oraz tłumaczenie textów dawnego prawa ruskiego Prawdą Ruską zwanego. Ma także zebrane różne materyały do napisania innego w tymże przedmiocie dzieła." Akta tycz. wyboru Członków Tow. Prz. N. r. 1820 — въ архивѣ Общества.

[3]) „Strach mię objął, że dzieło kilku arkuszy tak obszerny dostanie kommentarz. Groził nim w Petersburgu sekretarz komissyi Welaminow-Zernów i wielce się zdziwi będąc przez Polaka uprzedzony; kommunikowano już to Rumiancowi kanclerzowi z Wilna, zapewnie się uraduje, bo mu się nawet uroiło w głowie, jakoby pierwszy jej druk w Warszawie nastąpił", писалъ онъ Лелевелю 19/31 дек. 1819 г. Письмо въ рукоп. Крак. Акад.

[4]) Письмо отъ мая 1820 г., тамъ же.

Ознакомившись съ первымъ томомъ изслѣдованія Раковецкаго, митроп. Евгеній писалъ 17 октября 1821 г. Румянцову: „Польскою книгою много услаждался. Хотя сочинитель почти всю ее выбралъ изъ Болтинова изданія Русской Правды и изъ Карамзиновой Исторіи, но нѣчто и изъ своихъ польскихъ писателей прибавилъ, а послѣдняя глава, о духѣ славяно-русскихъ законовъ, почти вся его собственная и прекраснѣйшая“ [1]). Въ письмѣ къ Анастасевичу онъ выражалъ готовность перевести книгу на русскій языкъ [2]) и восхищался духомъ работы польскаго ученаго: „. . . Вся она дышетъ примѣрнымъ и для насъ патріотизмомъ къ славянству, жалуется на презрѣніе онаго единоплеменцами, на утѣсненіе нѣмцами, на искаженіе исторіи его нѣмецкими писателями“ [3]).

Впечатлѣніе, произведенное трудомъ Раковецкаго въ кругу ученыхъ чешскихъ, было самое благопріятное для польскаго ученаго, выступившаго на поприще славянской исторіи сразу съ крупнымъ произведеніемъ. Челаковскаго особенно пріятно поражало появленіе въ книгѣ Раковецкаго Любушина Суда въ то время, когда онъ еще не былъ извѣстенъ въ печати въ самой Чехіи. „Поляки молодцы“ (Polácі jsou chlapíci), писалъ онъ другу Камариту [4]). И самая цѣль труда Раковецкаго была симпатична пражскимъ патріотамъ, — все въ изслѣдованіи этомъ направлено было къ возбужденію въ польскомъ обществѣ славянскаго самосознанія [5]), но книга могла имѣть и болѣе широкое, общеславянское значеніе.

---

[1]) Переписка митроп. кіевскаго Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ и др. Вып. II, стр. 49. Воронежъ, 1870.

[2]) Экз. „Русской Правды“ Евгеній получилъ отъ Румянцова, который сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ переводѣ ея на русскій языкъ, „почитая, что тѣмъ принесетъ пользу и россійской словесности и любителямъ ея древностей“.

[3]) Древн. и Новая Россія, 1881, II, стр. 292.

[4]) Sebr. listy F. L. Čelakovského, str. 50.

[5]) „Záměr nadjmenované knihy je slovanská národnost... Sbírání zvyků, obyčejů, mravů, náboženství, práva, jazyk atd., tak aby se národ slovanský budoucně jako jindy od jinších pomatených a popletených lišil a svou drahou k lepší budoucnosti putoval.“ Ibid., str. 50. Въ письмѣ къ Шишкову Раковецкій обращаетъ вниманіе его на примѣч. на стр. 201-й II-го тома, гдѣ говоритъ о необходимости собранія „повѣстей и пословицъ разныхъ славянскихъ народовъ“. Задачу эту способна де выполнить одна только Россійская Акад. Но мы знаемъ, что часть ея блестяще выполнилъ Челаковскій, которому такъ симпатиченъ былъ призывъ Раковецкаго.

Шафарикъ, жившій въ это время въ Новомъ Садѣ, гдѣ съ такимъ трудомъ доставалъ славянскія книги, познакомился съ „Русской Правдой“ весьма скоро послѣ выхода ея обоихъ томовъ. Отзывы его о книгѣ были прямо восторженны. „Я долженъ признаться, писалъ онъ Коллару, что во всю мою жизнь ни одно славянское произведеніе не доставило сердцу моему столько радости, какъ это. Предъ глазами изумленнаго читателя здѣсь открывается совершенно новый славянскій міръ. Со временемъ я буду обильно черпать изъ этого богатаго кладезя и использую его для насъ“ [1]). Въ маѣ 1823 г. онъ опять повѣствуетъ Коллару, какъ вмѣстѣ съ Славковскимъ, директоромъ гимназіи въ недалекомъ отъ Новаго Сада Врбасѣ, онъ наслаждается замѣчательными взглядами Раковецкаго на жизнь праславянъ [2]). Эти взгляды въ значительной степени оказали вліяніе на Шафарика и отразились въ его раннемъ трудѣ: „Исторіи слав. литературъ“ (1826 г.), и Добровскій въ рецензіи на эту книгу прямо ставилъ ему въ упрекъ чрезмѣрное увлеченіе Раковецкимъ.

Впрочемъ, Шафарикъ и самъ признавался въ этомъ увлеченіи и неоднократно говоритъ о вліяніи на него книги Раковецкаго въ письмахъ къ Коллару [3]). Книга Раковецкаго утверждала его въ занятіяхъ славянской древностью, и призывъ польскаго ученаго, желавшаго видѣть возможно большее число работниковъ на нивѣ изученія славянства, не остался безъ воздѣйствія на новосадскаго отшельника [4]).

Въ польской литературѣ мы не находимъ почти никакихъ отзывовъ о трудѣ Раковецкаго: въ тѣсномъ варшавскомъ ученомъ кругу его какъ будто хотѣли замолчать [5]). Но въ обществѣ, особенно среди молодежи, по свидѣтельству

---

[1]) Č. Č. Mus., 1873, str. 138. Ср. K. Jireček, Šafařík mezi Jihoslovany, str. 94.

[2]) Č. Č. Mus., 1873, str. 139.

[3]) „Pojednání o staroslov. literatuře jsem znovu přepracovati musel, po obdržení díla Rakowieckého“, заявляетъ онъ въ письмѣ отъ 28 іюня 1823 г. Č. Č. Mus., 1873, str. 144.

[4]) „V hájech historie známých vám kmenóv pořád pokračuji a hlúbám; každu chvíli se nové pole před očima otvírá; jest naděje hodného výdělku. O, Rakowiecki, jak památnú pravdu pověděls, že v slov. hist. Slovan pracovati musí!“ Письмо къ Коллару отъ 9 янв. 1826 г. Č. Č. Mus., 1874, str. 54.

[5]) Rozmaitości Lwowskie еще въ 1834 г., говоря о выходѣ I вып. „Pism rozmaitych“ (№ 35, str. 281), справедливо выразились о „Правдѣ Русской“: „dzieło niezmiernie ważne, a nie tyle cenione, ile zasługuje“.

современника, книга встрѣтила дружественный пріемъ [1]). Болѣе безпристрастная иностранная критика отнеслась къ ней тоже съ большимъ вниманіемъ. Разборъ перваго тома помѣстила Allg. Liter. Zeitung (Halle, 1822, II Bd., № 219). Рецензентъ въ общемъ весьма одобрительно отозвался о трудѣ польскаго ученаго, признавалъ за нимъ основательное знаніе старославянскаго, русскаго и польскаго языковъ и находилъ живымъ и изящнымъ его изложеніе мыслей. Не соглашался онъ только съ утвержденіемъ Раковецкаго, что единственно славянинъ можетъ написать исторію своего народа [2]).

Обширный разборъ труда Раковецкаго сдѣлалъ Добровскій въ Jahrbücher der Literatur [3]). Онъ отмѣтилъ прежде всего нѣкоторое несоотвѣтствіе между заглавіемъ книги и ея содержаніемъ, такъ какъ въ сущности авторъ изслѣдованія о Русской Правдѣ имѣетъ цѣлью познакомить своихъ соотечественниковъ съ государственнымъ строемъ и культурой древняго славянства. Съ этою цѣлью онъ и предпосылаетъ главной части работы исторический очеркъ, составляющій всю первую часть изслѣдованія [4]). Изложеніе его несамостоятельно, но въ немъ онъ слѣдуетъ хорошимъ пособіямъ, главнымъ образомъ — Карамзину, въ нѣкоторыхъ

---

[1]) „Rakowieckiego dzieło czytane było ochotnie, bo i rzecz i wykład wabiły najmłodsze umysły. Pierwszy on, co w pewnym ładzie przystępnie a obszernie podał nam o Słowianach bogate badania; pierwszy, który nas zapoznał z rękopismem Królodworskim, dając obszerne z tego zabytku wyciągi w oryginale czeskim i w najwierniejszym przekładzie," свидѣтельствуетъ Войцицкій. Cmentarz Powązk., II, str. 56.

[2]) Къ приведенному выше тождественному мнѣнію Шафарика прибавимъ слѣдующую замѣтку его по поводу рецензіи Allg. Lit. Zeitung: „Die Rec. ist zu benutzen. „Nur Inländer können die Gesch. eines Landes wahr schreiben." Wohl verstanden (nämlich „nur Slawen können die slaw. Geschichte schreiben, weil die Teutschen wohl alle Sprachen der Welt, die malabarische und zigeunerische, nur die slaw. nicht lernen, ohne Kenntniss der Nationalsprache aber diese Gesch. aus Quellen zu schreiben unmöglich ist"), sehr wahr". Бумаги Шафарика въ Чешскомъ Музеѣ: IX B 9, тетрадь 7-ая.

[3]) Wien, 1824, Bd. XXVII, S. 88—119. Рецензія безъ подписи. Раковецкій узналъ о ней отъ друзей; авторъ ему остался однако неизвѣстенъ. См. приложенія, стр. CLXIX.

[4]) Раковецкій предвидѣлъ возможность такого упрека и самъ (Przedsłowie, X) признавалъ, что „Rys historyczny stał się dziełem zupełnie oddzielném i obszerniejszém nad potrzebę do objaśnienia samych tylko textów".

же случаяхъ и болѣе раннимъ изслѣдованіямъ [1]). Каждую отдѣльную часть (Rozdział, Abschnitt) Добровскій разбираетъ подробно и дѣлаетъ при этомъ свои примѣчанія, поправки и пр. Особенно значительны замѣчанія его къ четвертой части (O umiejętnościach), въ которой Раковецкій дѣйствительно сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ промаховъ. Такъ, по его мнѣнію, вслѣдствіе отсутствія памятниковъ славянскаго языка эпохи языческой, необходимо для сужденія о богатствѣ его въ этотъ отдаленный періодъ обратиться къ древнѣйшему переводу библіи и другихъ церковныхъ книгъ. При этомъ Раковецкій считаетъ старославянскій языкъ матерью прочихъ славянскихъ языковъ. Это былъ грѣхъ, свойственный, впрочемъ, не одному Раковецкому. Добровскій обращаетъ поэтому вниманіе его на свою статью въ „Славинѣ“, гдѣ онъ доказалъ, вопреки мнѣнію Шлецера, что и церковнославянскій языкъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ одно изъ южныхъ славянскихъ нарѣчій, достигшихъ раньше другихъ извѣстной обработки. Не сомнѣвается рецензентъ въ богатствѣ этого языка, но доказательство Раковецкаго, основанное на тридцати опредѣленіяхъ Бога и двадцати двухъ его существа, кажется ему недостаточнымъ. Не можетъ онъ согласиться и съ утвержденіемъ Раковецкаго, что поляки первоначально говорили на чистомъ „славянскомъ“ языкѣ [2]), безъ малѣйшаго уклоненія отъ его нормъ, такъ какъ этого рѣшительно нѣтъ возможности доказать.

Много возраженій вызвала вторая часть перваго тома (O Słowiano-Rusach). Добровскій возстаетъ противъ ни на чемъ не основаннаго предположенія Раковецкаго, что въ славянскихъ храмахъ (kontynach) хранились, подъ надзоромъ жрецовъ, кодексы гражданскихъ и религіозныхъ законовъ, нѣчто въ родѣ книгъ Веды или Зендавесты. Но гдѣ же хоть какой-нибудь слѣдъ такой книги, гдѣ хоть одно дѣйствительное историческое показаніе о ней? Особенно возмущался

---

[1]) В. Анастасевичъ въ замѣткѣ „О переводѣ Русской Правды на польскій языкъ“, въ Соревнов. просв. и благотв., 1822, № XI. стр. 226—231, ставилъ Раковецкому въ особую заслугу то, что онъ „почерпалъ всѣ почти свѣдѣнія при изслѣдованіи сего единственнаго остатка древнихъ русскихъ законовъ изъ русскихъ же писателей, изъ коихъ хотя многіе писали о семъ предметѣ, но россійская словесность доселѣ еще не имѣетъ столь обстоятельнаго и совокупнаго его изложенія“.

[2]) „Początkowo musieliśmy mówić czystym Słowiańskim dyalektem“. Prawda Ruska, I, 82, примѣч. 100.

Добровскій, что Раковецкаго сбиваютъ въ этомъ отношеніи съ толку пражскіе ультрапатріоты. Когда Раковецкій допечатывалъ какъ разъ 20-ый листъ своего труда, одинъ изъ варшавскихъ ученыхъ (В. Скороходъ Маевскій) сообщилъ ему письмо, полученное имъ изъ Праги, заключавшее указанія на существованіе у древнихъ славянъ писанныхъ законовъ. Это извѣстіе, т. е. письмо А. Юнгманна и списокъ Любушина Суда, Раковецкій принялъ безъ всякой критики и помѣстилъ его въ заключеніе своего историческаго обзора, при чемъ впослѣдствіи весьма часто сталъ ссылаться на эту поддѣлку [1]).

Въ общемъ Добровскій признавалъ, что историческій очеркъ Раковецкаго обнаруживаетъ похвальныя патріотическія стремленія автора, но едва ли положенія его могутъ быть приняты всѣми на вѣру, безъ всякой критики. Подтверждать свои гипотезы цитатами изъ Краледворской рукописи и Суда Любуши было, конечно, со стороны Раковецкаго большой неосторожностью. Къ сожалѣнію, онъ не былъ посвященъ въ тайны пресловутаго „открытія“.

Весьма обстоятельно разсматриваетъ Добровскій и второй томъ „Русской Правды“. Девяносто четыре примѣчанія Раковецкаго къ текстамъ русскихъ памятниковъ вызываютъ одобрительное замѣчаніе Добровскаго: въ нихъ нельзя не признать чрезвычайнаго прилежанія и большой начитанности Раковецкаго, но нѣкоторыя изъ этимологій его не выдерживаютъ критики (напр., въ примѣч. 34-омъ онъ сопоставляетъ слова мужъ и могу), и въ нихъ автору вообще слѣдовало быть болѣе осторожнымъ.

Историческая часть второго тома (Rys historyczny początku i stanu języka Słowiańskiego i Polskiego) тоже вызываетъ немало упрековъ со стороны Добровскаго. Уже въ первомъ параграфѣ этой части Раковецкій принимаетъ несостоятельное мнѣніе о славянскомъ происхожденіи греческаго языка; далѣе говоритъ, что геты и ѳракійцы первоначально были славянами; что римляне, какъ повелители міра, не могли мѣряться съ ними; что Орѳей пѣлъ по-славянски, и пр. и пр. Достойны ли историческаго изслѣдователя, спрашиваетъ Добровскій, подобныя смѣлыя утвер-

[1]) „In der Folge stützt sich Herr Rakowiecki gar oft dieses offenbar von einem noch lebenden Hyper-Böhmen zusammengeflickte Machwerk!“ Jahrb. der Lit., Bd. XXVII, S. 95.

жденія? Не пустыя ли это, лишенныя всякаго основанія догадки (grundlose Muthmassungen) и патріотическія фантазіи?

Со всей энергіей обрушивается Добровскій на ту часть (§ 2—3), гдѣ Раковецкій опредѣляетъ время происхожденія „древнѣйшихъ памятниковъ“ славянской письменности, относимыхъ имъ къ VIII (Судъ „королевы“ Любуши), IX (О побѣдѣ Неклана) и X (Забой и Славой) столѣтіямъ. Тутъ очевидно смѣшеніе времени самаго происшествія съ временемъ составленія пѣсни о немъ! Впрочемъ, всѣ эти возраженія Добровскаго направлены не столько противъ Раковецкаго, сколько противъ введшихъ его въ заблужденіе пражскихъ корреспондентовъ варшавскаго кружка любителей славянства [1]). Вполнѣ понятна была радость Раковецкаго и его желаніе использовать столь драгоцѣнныя данныя новоявленнаго памятника, подтверждавшія его основныя положенія [2]), но отсутствіе критическаго чутья или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой осторожности, которая подсказала бы ему необходимость дождаться критической оцѣнки пресловутаго „открытія“, это — несомнѣнный недостатокъ Раковецкаго.

Значительная часть рецензіи Добровскаго посвящена подробному разбору Зеленогорской рукописи и доказательствамъ ея подложности [3]). Только въ концѣ рецензіи онъ

---

[1]) Уже при первомъ извѣстіи о выходѣ въ свѣтъ книги Раковецкаго Добровскій писалъ Ганкѣ въ іюнѣ 1821 г. изъ Вѣны: „Polák jakýsi, jenž Prawdu Ruskou přeložil, v předmluvě dosti obšírně mluví také o veršich českých nově vymyšlených o Libušinem soudu“. И тутъ же укоризненно спрашивалъ: „Kdož pak mu takové věci, za kteréž bysme se styděti měli, tam poslal? Já aspoň to nerad vidím!“ Č. Č. Mus., 1870, str. 329. Свое сожалѣніе о томъ, что авторы поддѣлки подсунули ее Раковецкому, онъ высказалъ и въ письмѣ къ Линде 24 марта 1823 г.: „Es thut mir nur Leid, dass es Hr. Rakowiecki, dem ich für sein mühevolles Werk vielen Dank schuldig bin, nach S. 170 des 2-ten Theils für ächt zu halten geneigt ist. Diesen Leuten hätte er so blindlings nicht glauben sollen“. При этомъ прибавлялъ: „Über des Herrn Rakowiecki's Werk müsste ich freylich noch mehr sagen“. Ср. K. Petelenz, Aus B. Linde's Briefmappe, въ Sprawozdaniu dyrektora gimnazyum św. Jacka w Krakowie, 1888, str. 45. То же у И. В. Ягича, Источники, I, стр. 662.

[2]) „Wem konnte so eine Nachricht von alten geschriebenen Rechten willkommener sein, als Herrn Rakowiecki? Mit seinen Meinungen stimmt der Inhalt des Fragments so wunderbar, so auffallend überein, als wenn der Urheber des Fragments sich mit ihm darüber besprochen hätte“, говоритъ Добровскій какъ бы въ оправданіе увлеченія Раковецкаго. Jahrb. der Lit., Bd. XXVII, S. 101.

[3]) Когда Мацѣевскій, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія рецензіи Добровскаго, пожелалъ пріобрѣсти выпускъ Jahrbücher, гдѣ она

возвращается къ труду Раковецкаго и продолжаетъ свои замѣчанія. Онъ упрекаетъ Раковецкаго, что онъ слишкомъ мало отвелъ мѣста церковнославянскому языку (въ § 12, 16); удивляется, почему ничего не сказано о языкахъ хорватскомъ, словинскомъ и лужицкихъ нарѣчіяхъ, хотя о нихъ Раковецкій могъ бы почерпнуть кое-что изъ цитируемой имъ же Slovanky. Очеркъ исторіи чешскаго языка въ значительной части написанъ по Добровскаго „Geschichte der böhmischen Sprache“ etc.

Вторая часть историческаго очерка тоже вызываетъ нѣсколько замѣчаній со стороны рецензента. Впрочемъ, онъ признаетъ, что область вопросовъ, въ разрѣшеніе которыхъ пускается Раковецкій, представляетъ весьма много трудностей. Положенія его можно поэтому принять далеко не всѣ. Напримѣръ, онъ считаетъ (въ § 57) первоначальный славянскій языкъ (pierwotny dyalekt słowiański) весьма близкимъ къ древнѣйшимъ восточнымъ языкамъ.

Отмѣтивъ и въ этой части рядъ произвольныхъ этимологій, Добровскій рекомендуетъ Раковецкому для точныхъ этимологическихъ разысканій обратиться къ своей Чешской грамматикѣ и „Институціямъ“ или къ Русской грамматикѣ Пухмайера. Что касается до значеній отдѣльныхъ звуковъ, объясняемыхъ на стр. 276—297 второго тома „Русской Правды“, и далѣе — сочетаній bl, dl, gl etc., то всѣ эти разсужденія Добровскій считаетъ „fast durchgängig grundlos und ganz unerträglich“. Всѣ эти замѣчанія не мѣшаютъ однако Добровскому признать истинную заслугу Раковецкаго, который въ трудѣ своемъ является прилежнымъ собирателемъ, патріотическимъ цѣнителемъ славянскихъ языковъ, ревностнымъ распространителемъ всего того, что можетъ содѣйствовать распространенію славы славянской народности и славянскаго языка.

Мы отмѣтили выше то участіе, съ которымъ относился къ Раковецкому его учитель. Немедленно послѣ выхода въ свѣтъ I-ый томъ „Русской Правды“ заботами Линде доставленъ былъ Шишкову и въ Академію. Въ препроводительномъ письмѣ Линде писалъ Шишкову: „Обстоятельства и занятія мои не позволяютъ мнѣ болѣе трудиться надъ сла-

---

была напечатана, Шафарикъ пренебрежительно отозвался о ней въ письмѣ изъ Новаго Сада, 1 іюля 1832 г.: „...nestojí však zajisté za to, nebot' neobsahuje nic právnického, jen filologické hadky a dloubání, jmenovitě stran pravosti zlomků „Sněmy“ a „Libušin Soud“. Slov. Sborn., III, str. 187.

венскими сочиненіями столько, сколько бы я желалъ; но я всячески стараюсь въ молодыхъ и меньше обремененныхъ людяхъ возбудить охоту къ упражненію въ столь важномъ и любопытства достойномъ предметѣ". Твореніе молодого польскаго ученаго, по собственному признанію Линде, не заключало въ себѣ ничего новаго для русскихъ ученыхъ, но онъ справедливо усматривалъ пользу труда Раковецкаго въ томъ, что онъ могъ содѣйствовать распространенію среди поляковъ мало извѣстныхъ имъ свѣдѣній о славянахъ. Въ благородномъ стремленіи поддержать въ ученикѣ своемъ ревность къ столь рѣдкимъ изысканіямъ, ободрить молодого ученаго, „дабы онъ болѣе и болѣе посвятилъ себя подобнымъ трудамъ", Линде, лаская себя надеждою, что его ходатайство не будетъ отвергнуто, обратился къ испытанному покровителю славянскихъ ученыхъ, А. С. Шишкову [1]). Президентъ Россійской Академіи, ссылаясь на одобрительный отзывъ о „молодомъ писателѣ", представилъ трудъ его на разсмотрѣніе. Рецензентомъ былъ избранъ митроп. Сестренцевичъ Богушъ, какъ наиболѣе изъ академиковъ въ польскомъ языкѣ искусный.

Митрополитъ, увлекавшійся вопросами славянской старины, тѣмъ лучше могъ судить о трудѣ, близкомъ къ его спеціальнымъ занятіямъ. Отзывъ его, представленный на французскомъ языкѣ, былъ заслушанъ въ засѣданіи Академіи 6 марта 1820 г. [2]). Рецензентъ далъ въ сущности весьма поверхностный отчетъ о книгѣ, ограничившись изложеніемъ содержанія трехъ раздѣловъ ея (I тома) въ доказательство справедливости своего заключенія [3]), которое было весьма благопріятнымъ для автора. Сестренцевичъ, прежде всего, находилъ трудъ Раковецкаго интереснымъ для каждаго славянина [4]), хвалилъ автора за его прилежаніе въ разысканіи источниковъ и критическое отношеніе къ нимъ и заключалъ свои извлеченія важнѣйшихъ положеній разсмотрѣнной имъ части труда Раковецкаго: „Le travail de ce livre est

---

[1]) Извѣстія Росс. Ак., кн. IX, 1821, засѣданіе 6 марта 1820 г.

[2]) Записки засѣд. И. Р. А., 1820 г., отд. приложеніе.

[3]) „Pour justifier mon assertion et pour montrer la manière instructive dont il presente au lecteur ses renseignemens, j'en ai choisi trois articles pour la lecture."

[4]) „C'est un livre dont le sujet interesse chaque Slave et qui par son sujet est du for de notre Academie, sujet profondement puisé des sources très pures, comme de Prawda Ruska etc."

digne du zèle d'un Slave. Il est utile à la republique des lettres et merite à mon avis l'approbation de notre Academie". Въ виду столь похвальнаго отзыва рецензента, Шишковъ предложилъ Раковецкаго къ наградѣ золотою третьей степени медалью.

Раковецкій не ожидалъ такого высокаго отличія первому своему обширному ученому труду. „Сію великую и неоцѣненную для меня честь, — говорилъ онъ въ благодарственномъ письмѣ Академіи, — я почитаю сколько наградою за первоначальный мой трудъ, столько поощреніемъ и возложеніемъ на меня обязанности продолжать предпринятое дѣло". Осчастливленный вниманіемъ и довѣріемъ Академіи, онъ даетъ ей торжественное обѣщаніе не щадить ни силъ, ни трудовъ къ продолженію „по всей возможности" начатаго имъ дѣла.

Но работы, столь успѣшно начатыя Раковецкимъ, прервались по различнымъ причинамъ надолго, въ сущности даже навсегда. Раковецкій вынужденъ былъ обратиться къ занятіямъ иного рода, болѣе обезпечивавшимъ его. Линде писалъ объ этомъ Шишкову: „Пріятель мой, г. Раковецкій, будучи занятъ экономическими дѣлами, принужденъ часто выѣзжать изъ Варшавы". Съ другой стороны, идеалистъ-ученый не встрѣтилъ въ обществѣ того сочувствія къ своимъ трудамъ, на которое онъ въ правѣ былъ расчитывать [1]). При

[1]) Въ письмѣ къ Ганкѣ 30 ноября 1822 г. Раковецкій съ горечью жаловался на свою судьбу, заставившую его покинуть Варшаву: „To widmo, które od wieków pokłuciło niegdyś wszystkich Słowian i ich upadku stało się przyczyną, jest jeszcze zbyt silne i mocne, niewzdrygajmy się jednak, wytrwałość i praca tylko jedynie pokrzepiać nas może w tym, co odkrywa istotną prawdę i co prowadzi do wspólnego jej zamiłowania. Ja muszę wyjechać z Warszawy na prowincyę". Письма къ В. Ганкѣ, стр. 881. Войцицкій, Cmentarz Powązk., II, str. 58—59, разъясняетъ эти нѣсколько неясныя строки: „Kiedym się rozwodził (въ бесѣдѣ съ Раковецкимъ) nad wartością Prawdy Ruskiej, smutnie potrząsając głową wyrzekł te słowa: „Cieszę się, że wy młodzi oceniacie przynajmniej pracę moją. A czy wiesz, żem w Towarzystwie Prz. N. narobił sobie tem właśnie dziełem nieprzyjaciół? Raził ich tytuł i treść tej pracy. A przecież wszystkim wiadomo, com użył mozołu, zanim wydrukowałem to dzieło. Musiałem kazać umyślnie lać litery do textu słowiańskiego (cerkiewnego): ileż biedy i trudu, zanim się zecerzy wprawili, ileż to okropnych odrobiłem korrekt, nad którymi oczy straciłem, zanim po dwóch latach okropnej pracy wydałem przecie te dwa tomy. Zapasy, jakie zebrałem w młodszych latach, wyczerpałem wszystkie, poniosłem wielkie koszta tak na zebranie materyjałów, jako i sam druk: w nagrodę mam gorzkie przymówki, w podeszlejszym wieku stargane pracą siły i zwątpienia."

такихъ условіяхъ трудно было продолжать занятія славянской древностью. Протоколы засѣданій Общества друзей наукъ говорятъ однако, что Раковецкій по мѣрѣ силъ принималъ хоть изрѣдка участіе въ трудахъ его. Такъ, въ ноябрѣ 1829 г.[1]) онъ сдѣлалъ докладъ объ отвѣтѣ Іоанна Грознаго литовскому послу Ѳеодору Зенковичу Воропаю (по рукописи библ. Свидзинскаго).

Спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1834 г.) Раковецкій приступилъ къ изданію отдѣльныхъ статей своихъ и выпустилъ одинъ выпускъ, подъ заглавіемъ: „Pisma rozmaite I. B. Rakowieckiego. Część I. zawierająca wiadomości względem języka, literatury i historyi Słowian. Poszyt I. W Warszawie. Nakładem wydawcy. 1834[2]). Въ обращеніи къ читателю Раковецкій доказываетъ пользу изданія въ видѣ сборниковъ статей, разсѣянныхъ по журналамъ и газетамъ. Такъ какъ спеціальныя его занятія посвящены были двумъ предметамъ: языку, исторіи и литературѣ славянъ и, во-вторыхъ, собиранію различныхъ наблюденій и замѣчаній, полезныхъ для каждаго гражданина (dla każdego stanu przydatnych), то и собраніе статей его будетъ, соотвѣтственному этому, состоять изъ двухъ частей: 1. Wiadomości dotyczące się języka, literatury i historyi Słowian и 2. Wiadomości wszystkim stanom przydatne.

Первый выпускъ заключаетъ, кромѣ вступленія: „Wiadomość o dziele Ekonomidesa“[3]), т. е. о сочиненіи: „Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ“, 1828 г. Написанная первоначально въ 1830 г. для какого-то журнала, „Wiadomość“ осталась не напечатанной. Вопросъ объ отношеніи славянскаго языка къ греческому давно занималъ Раковецкаго, и онъ коснулся его во II томѣ „Русской Правды“[4]), принимая мнѣніе de Fréret, который находилъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ значительное число словъ, сходныхъ въ звуковомъ отношеніи и по значенію съ словами греческими, и усматривалъ въ обоихъ единство „грамматическаго духа“. Уже послѣ изданія перваго вып. „Pism rozmaitych“ Раковецкій, узнавши, что вопросомъ этимъ

---

[1]) Kraushar, op. cit., III, ost. lata, str. 126; IV, str. 235.

[2]) Предисловіе подписано: „W Kwietniu 1834 r.“ Część II, poszyt I, вышедшій въ 1835 г., содержитъ разсужденіе: „O sposobach moralnego ukształcenia ludu pospolitego“.

[3]) См. отчетъ объ этомъ вып. въ Dzienn. Powsz., 1834, № 240. Ср. Tygodn. liter., 1839, № 27, str. 215.

[4]) Rys historyczny. Część I, § 1, str. 153—155.

занимается и Г. Данковскій, посылаетъ ему (jako pracujący w podobnym zawodzie) свою статью. Разсмотрѣніе книги Экономида и сравненіе въ ней ряда славянскихъ словъ съ греческими приводитъ Раковецкаго къ заключенію о необходимости, для каждаго славянина знакомства съ греческимъ языкомъ и древнимъ славянскимъ (dla rozpoznawania natury, ducha i mocy swego języka, czyli dyalektu). Въ особенности это важно для языковѣда, но отъ него требуется еще знаніе, наряду съ старославянскимъ, и всѣхъ важнѣйшихъ и ближайшихъ къ его языку славянскихъ нарѣчій. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ „dyalekt rossyjski“ [1]).

Изученіе славянскихъ нарѣчій, хотя и удалившихся другъ отъ друга, но вытекающихъ изъ одного источника и сохранившихъ свои первоначальныя черты (pierwotną moc, siłę ducha i wzajemną tożsamość), ведетъ ихъ къ взаимному сближенію и объединенію, что особенно облегчается общностью ихъ характера [2]).

Второй вып. этого изданія мелкихъ статей Раковецкаго долженъ былъ содержать: I. Wiadomość o dziełach Kollara, traktujących o imionach i nazwiskach słowiańskich. II. O pomyśle Chodakowskiego względem dawnych uroczysk w krajach słowiańskich. III. Rzecz o stanie cywilnym dawnych Słowian. IV. Pismo Jungmana względem fragmentu o Sądzie Lubuszy i uwagi nad tymże pismem. Всего 13 листовъ. Но этотъ выпускъ не вышелъ. Отзывъ о трудѣ Коллара: „Rozprawy o gmenách, počátkách i starožitnostech národu Slawského“ (1830), полученномъ по подпискѣ библіотекой Общества друзей наукъ, сохранился въ бумагахъ Раковецкаго. Изложивъ вкратцѣ со-

[1]) „Z pomiędzy celniejszych dyalektów słowiańskich najcelniejszym i najpierwszym jest dyalekt Rossyjski, który, jak wyżej wymieniono, najmniej od swego pierwotnego oddalił się źródła, i obok tego Literatura Ross. najsilniej i najżywiej zakwitać i najpiękniejsze owoce wydawać zaczęła, której najdzielniejszą pomocą i niewzruszoną podstawą trwałego i ciągłego postępu są: zabytki i zbiory najdawniejszych pism słowiańskich w Rossyi dochowanych, zamiłowanie swego rodowitego języka, moc i potęga Państwa i przytem wszystkiem dzielne i hojne wsparcia od tronu, przy którym nauki przeszło od wieku ze zwyczajnej swej kolei obierając dla siebie bespieczne i trwałe siedlisko, coraz wyższy i niewstrzymany postęp w języku Słowiańsko-Ruskim czynić będą.“ Wiadomość, str. 54.

[2]) „Co wszystko ciągle one zbliża do siebie i połącza w jedną wielką całość mowy słowiańskiej, od wszystkich innych języków różniącej się, swą własną wielkość i wspaniałość mającej, zbyt obszerne i rozległe kraje obejmującej i wszystkim pokoleniom słowiańskim wzajemnie zrozumiałej.“ Ibid., str. 56.

держаніе разысканій Коллара и отмѣтивши главную задачу его, Раковецкій приходитъ къ такому заключенію. Трудъ этотъ, какъ и другіе ему подобные, можетъ подлежать весьма рѣзкой критикѣ. Не всякій историкъ и филологъ приметъ историческіе и этимологическіе выводы автора. Серьезный и придирчивый (drażliwy) критикъ могъ бы строго обвинить его въ излишнихъ натяжкахъ, не согласныхъ съ исторіей и правилами этимологіи; остроумный же и насмѣшливый легко могъ бы сложную и тяжелую работу автора назвать смѣшными фантазіями (marzenia). Но ни одинъ, ни другой не оказали бы услуги изслѣдователямъ такихъ вопросовъ, ибо и историческія изслѣдованія и правила этимологіи, въ особенности славянскія, до сихъ поръ не создали ничего прочнаго. Матеріаловъ для такихъ изслѣдованій требуется все больше и больше, и трудъ Коллара, какъ попытка собрать воедино свидѣтельства многочисленныхъ источниковъ о началѣ именъ славянскихъ народовъ, заслуживаетъ похвалы. При такомъ взглядѣ на его трудъ не имѣютъ значенія его промахи [1]).

Продолжая занятія славянской филологіей и исторіей, Раковецкій предполагалъ со временемъ приступить къ изданію новаго обширнаго труда, съ планомъ и содержаніемъ котораго онъ ознакомилъ любителей славяновѣдѣнія въ особомъ проспектѣ, п. з.: „Odezwa do miłośników języka i starożytności słowiańskich“ [2]). Уже въ письмѣ къ Г. Данковскому (1835 г.) онъ говоритъ о рѣшеніи своемъ публиковать въ различныхъ журналахъ только содержаніе своихъ новыхъ ученыхъ работъ, ибо на изданіе ихъ у него не имѣется средствъ [3]). Этимъ путемъ Раковецкій желалъ, очевидно, обратить вниманіе просвѣщенныхъ читателей на свои труды и встрѣтить съ ихъ стороны поддержку, безъ которой ученое изданіе его не могло бы осуществиться [4]). Трудъ Раковецкаго долженъ

[1]) „W tym to jego dziele równie historyk, jako też i etymolog, mając razem zebrane niemal wszystkie mniemania i wywody względem początku imion Słowiańskich, znajduje do dalszych swych ładań wielką pomoc, bez której musiałby mieć pod ręką mnóstwo ksiąg i stracić wiele czasu na wyszukiwanie tego, co w dziele tym jest umieszczonem.“

[2]) Помѣчена: „Pisałem w Warszawie w miesiącu Maju 1836 r.“

[3]) Приложенія, стр. CLXXI.

[4]) Съ своимъ планомъ онъ познакомилъ Ганку еще въ концѣ 1822 г., сообщая ему: „Jest zamiarem moim, jeśli mi zdrowie i sposobność dozwoli, zrobić obszerniejszą Historyą Języka Słowiańskiego i różnych z niego powstałych dyalektów w sposobie . . . (sic). Już Rys jest zrobiony, o czem jednak niemogę wprzód pomyśleć, aż zbiorę potrzebne materyały i recenzye

былъ имѣть заглавіе: „Historya języka słowiańskiego i powstałych z niego dyalektów, obejmująca rzecz o cywilnym dawnych Słowian stanie", при чемъ весь состоялъ бы изъ четырехъ томовъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ; изъ нихъ первый обнималъ бы: „Teoryę i praktykę sposobu utworzenia się mowy ludzkiej", второй: „Rzecz o cywilnym dawnych Słowian stanie", третій: „Historyą początku i stanu języka słowiańskiego i powstałych z niego dyalektów", четвертый долженъ былъ, въ подтвержденіе заключеній первыхъ томовъ, содержать: „Wypisy oryginalnych najdawniejszych pomników piśmiennych różnych dyalektów słowiańskich", съ объясненіемъ отдѣльныхъ выраженій и основныхъ мыслей текстовъ.

Такимъ образомъ, Раковецкій возвращался здѣсь къ тѣмъ вопросамъ, разработкѣ, которыхъ онъ отчасти посвятилъ и свои предшествовавшія изслѣдованія. Со времени ихъ изданія прошло однако много времени, въ теченіе котораго появился рядъ замѣчательныхъ трудовъ славянскихъ ученыхъ (Калайдовича, Ганки, Юнгманна, Шафарика, Данковскаго, Коллара, Суровецкаго, Бандтке, Ходаковскаго, Мацѣевскаго), своими наблюденіями и изданіями новыхъ памятниковъ подтвердившихъ домыслы Раковецкаго и доказавшихъ истину многихъ его положеній. Обращаясь вновь къ излюбленному предмету, Раковецкій чувствуетъ однако, что съ огромной задачей ему трудно будетъ справиться безъ поддержки друзей и любителей славянства, поэтому, разъяснивши объемъ и цѣль предпринимаемаго изданія, онъ обращается къ нимъ въ заключеніи воззванія съ просьбой: доставлять ему свои соображенія, замѣчанія и матеріалы по предмету его работы [1]), а также взять на себя заботы о собираніи подписчиковъ на изданіе, которое только этимъ путемъ и можетъ осуществиться. Но, очевидно, сочувствія,

---

na dzieło moje, jeśli się kiedy widzieć dadzą. Odkrywam ten mój zamiar WWPDobr., jako prawemu Słowianinowi, szczególniej w tym celu, abyś mnie raczył swemi światłemi uwagami wspierać i wszelkich stosownych wiadomości, jeżeli sposobność i czas dozwalać będą, łaskawie mi udzielać". Письма къ В. Ганкѣ, стр. 880—881.

[1]) „Podobną pomoc, bez czynionej nawet odezwy, w ciągu druku pierwszego dzieła mego (Prawda Ruska) od wielu miłośników słowiańszczyzny, którzy się dowiedzieli o mojem przedsiewzięciu, łaskawie miałem sobie udzielaną, a mianowicie: przez Hr. Rumiańcowa, Wice Admirała Szyszkowa, Kuratora Uniw. Petersburskiego Borozdyna, Radcę Stanu Anastasewicza, Jungmana, Hankę i innych". Odezwa, str. 20.

которое выразилось бы въ матеріальной поддержкѣ, Раковецкій не встрѣтилъ, и изданію его не суждено было осуществиться. Съ тѣхъ поръ о научныхъ работахъ Раковецкаго не встрѣчаемъ уже упоминаній. Вскорѣ (22 іюля 1839 г.) безкорыстный труженикъ и славянолюбецъ скончался.

Рядомъ съ Суровецкимъ и Раковецкимъ, сосредоточившими свои силы на историческихъ темахъ, работаютъ въ этой же области извѣстные главнымъ образомъ чисто лингвистическими трудами Маевскій и Линде, а за ними выступаютъ уже представители новаго поколѣнія польскихъ славяновѣдовъ В. А. Мацѣевскій, І. Лелевель и др.

Въ вопросахъ древнѣйшей славянской исторіи Маевскій остановилъ свое вниманіе прежде всего на мало разъясненномъ періодѣ правленія Само. Желая познакомить съ результатами своего изслѣдованія членовъ Общества друзей наукъ, Маевскій предполагалъ прочесть свой докладъ на эту тему въ одномъ изъ засѣданій [1]). Съ содержаніемъ изслѣдованія Маевскаго лучше всего знакомитъ насъ отзывъ о немъ Лелевеля. Онъ начинаетъ съ указанія отрицательныхъ сторонъ доклада. Существенный недостатокъ этой работы, бросающійся въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ нею, есть неумѣніе автора поставить себѣ строго опредѣленную границу въ разысканіяхъ. Какъ часто случается съ учеными предпріятіями, что они растутъ по мѣрѣ того, какъ работа подвигается впередъ, такъ случилось и съ Маевскимъ, у котораго столь опредѣленная и, казалось бы, строго ограниченная тема разрослась въ обширный трудъ (wymierne przedsięwzięcie rośnie w dzieło), далеко переступившій тотъ предѣлъ, который считалъ бы естественнымъ всякій читатель.

Маевскій начинаетъ свой очеркъ исторіи западныхъ славянъ въ періодъ Само издалека. Ходъ его работы представляется въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего, онъ излагаетъ исторію переворотовъ земного шара, слѣдуя трудамъ Delille de Salles и Каннегисера; во-вторыхъ, говоритъ о всѣхъ

---

[1]) Этотъ докладъ въ неоконченномъ видѣ сохранился въ бумагахъ Маевскаго, писанъ однако чужой рукой; замѣчанія и поправки принадлежатъ, вѣроятно, Лелевелю. Сташицъ въ рѣчи при открытіи засѣданія 26 ноября 1821 г. указывалъ, что „w wydziale nauk kol. Majewski, pracujący od wielu lat nad początkiem ludów i języków słowiańskich, opisał dzieje Samona". Roczn. Tow. Prz. N., T. XV, str. 126. Рѣчь была прочтена въ томъ же засѣданіи. Ср. Kraushar, Op. cit., III, II, str. 226, 230.

извѣстныхъ племенахъ человѣчества, ихъ разселеніи въ древнія времена и ихъ нынѣшнихъ территоріяхъ [1]); разсматриваетъ далѣе (III) вопросъ о языкахъ ихъ [2]), о ихъ религіозныхъ представленіяхъ и обрядахъ, божествахъ, обычаяхъ, законахъ, вообще — о степени ихъ образованности (IV); переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію причинъ странствованій этихъ племенъ и касается результатовъ этихъ передвиженій (V); наконецъ (VI), пытается опредѣлить, „какія массы народовъ нахлынули въ Европу съ середины IV-го вѣка до конца IX-го". Только послѣ такого обширнаго вступленія (въ послѣднихъ трехъ частяхъ еще не выполненнаго, по свидѣтельству Лелевеля) Маевскій приступаетъ наконецъ къ изображенію положенія славянства (Sławiańszczyzny i jej okolic) во время Сама и переходитъ къ его правленію. Изъ этой краткой передачи содержанія ученаго трактата Маевскаго видно, насколько своеобразны были представленія автора о методѣ историческаго изслѣдованія. Самая тема, какъ интересная по предмету, встрѣчена была Лелевелемъ одобрительно [3]), но строгій историкъ не могъ, конечно, примириться съ такимъ обширнымъ и въ то же время столь мало относящимся къ непосредственной задачѣ изслѣдователя эпохи

---

[1]) Признавая, что по этому вопросу, при всемъ множествѣ изслѣдованій, ему посвященныхъ, остается еще много не разъясненнаго, Лелевель въ своемъ отзывѣ въ осторожныхъ выраженіяхъ отвергаетъ увлеченія и фантазіи Маевскаго: „Myśl jego wielka i szeroka. Admirujemy jego uniesienia, chociaż niezawsze na jego zdanie zgadzać się możemy". Маевскій раздѣлилъ человѣчество на два большихъ племени (szczepy): одно — гунно-монгольское, и къ нему причислилъ нѣмцевъ; другое, по его терминологіи, „szczep nadobno-Kaukaski", въ немъ первенствующее и почти исключительное мѣсто принадлежитъ славянамъ съ ихъ „материнскимъ санскритомъ". „Indjanie w Azyi nad Gangem i Buramputter (sic), Rusini i Polacy w Europie, dawni Trakowie, Gotowie czyli Getowie, Wenedowie czyli Wenetowie nad Wisłą i Adygą, tudzież Wandei w Bretaniji, naostatek Wandali w Afryce i na morzu Srodziemnym panujący, są bracia, są Sławianie".

[2]) Не безъ иронiи замѣчалъ Лелевель объ этой части: „Trudno z żywszym zapałem suchy zkąd inąd przedmiot traktować. Ułożywszy w tablice dość rozciągłe podobieństwa wyrazów, przetrząsa szczególne i ciekawsze lub zawikłańsze tożsamości. Naprzód w szczepie Hunnomongolskim, potem w szczepie Kaukaskim. Tym sposobem tajemnicze wykrzykiwanie u Traków w bractwie Bachusa: „Evoe hyes attes" wykłada kollega: „Oto Jesze Otiec". To jest ów Długoszowski Jesse, Jowisz Polaków".

[3]) „Rzecz tej osnowy z przedmiotu interessowna i z wielu względów wiele osob zająć mogąca, jak wykończoną i wypracowaną zostanie, uformuje dzieło..."

Сама введеніемъ [1]), которое само по себѣ могло бы составить независимое изслѣдованіе. Поэтому Лелевель, съ коимъ согласились прочіе члены депутаціи, назначенной для разбора сочиненія Маевскаго (Голэмбіовскій и Чарнецкій), предлагалъ въ заключеніе прочесть въ публичномъ засѣданіи только часть этого обширнаго изслѣдованія, напр., замѣчанія о происхожденіи Сама и о его войнахъ съ Дагобертомъ.

Въ 1822 г. вышелъ въ Варшавѣ переводъ изслѣдованія гр. І. М. Оссолинскаго о Кадлубкѣ, п. з.: „Vincent Kadłubek, ein historisch-kritischer Beytrag zur slavischen Literatur". Переводъ сдѣланъ былъ С. Б. Линде [2]). Въ засѣданіи Общества въ ноябрѣ 1821 г.[3]) Линде подробно объяснилъ побужденія, заставившія его предпринять изданіе Кадлубка по-нѣмецки: онъ имѣлъ въ виду дать иностранцамъ добросовѣстныя, точныя свѣдѣнія о древнѣйшихъ источникахъ славянской исторіи, въ особенности для исторіи польскаго народа [4]). Въ трудахъ иностранныхъ ученыхъ, — говоритъ Линде, — а именно въ разысканіяхъ Шлецера, которому однако нельзя отказать въ большихъ заслугахъ въ области историко-критическихъ изслѣдованій, особенно вопросовъ славянской старины, первоначальная польская исторіографія подвергалась оскорбленію. Больше всего нападокъ вызвалъ трудъ Кадлубка. Хотя всѣ такія обвиненія были основательно и съ успѣхомъ разбиваемы, но при недоступности польскаго языка они оставались неизвѣстными ученымъ на Западѣ, тогда какъ Шлецеръ писалъ [5]) по-нѣмецки, а раньше его Браунъ по-латыни. Недостатокъ свободнаго времени, цѣликомъ поглощаемаго служебными обязанностями, не позволилъ Линде заняться какимъ-нибудь само-

---

[1]) „Wstęp do rozprawy o Samonie zdaje się nam zadaleko poczynający: od geologicznych uwag, od rozplemienienia rodu ludzkiego. Wszystkie te z taką gorliwością dla wstępu podejmowane trudy mogłyby utworzyć oddzielne pismo, którego by przedmiot był ogólniejszy, obejmujący dwu szczepów narody i ziemię, kiedy pismo o Samonie traktuje o szczególe bardzo od powszechności narodów i ziemi wyłącznym", докладывалъ онъ въ своемъ разборѣ чтенія Маевскаго. Архивъ Общества друзей наукъ.

[2]) Въ библ. Чешскаго Музея экз. (92 J 55) съ надписью: „Zasłużony badacz Słowiańszczyzny Wacław Hanka raczy przyjąć od Lindego".

[3]) Kraushar, op. cit., III, II, str. 217—218.

[4]) Переводомъ его на русскій языкъ занялся тотчасъ же И. Рижскій. Соревноват. просв., 1822, № 2. Первый извѣстный намъ отзывъ — въ Jenaische Allg. Lit. Zeitung, 1822, № 114, принадлежитъ Бандтке.

[5]) Линде выражается: „szkalował nas", т. е. клеймилъ.

стоятельнымъ трудомъ, и поэтому онъ обратился къ болѣе простой задачѣ, — къ переводу на нѣмецкій языкъ собранія польскихъ работъ, посвященныхъ разбору древнѣйшей польской исторіографіи и вопросовъ первоначальной исторіи какъ польскаго народа, такъ и ближайшихъ его сосѣдей, въ особенности народовъ соплеменныхъ (pobratymczych).

Во главѣ этого собранія поставлено было извлеченіе изъ историко-критическихъ трудовъ гр. І. М. Оссолинскаго, а именно — біографія Викентія Кадлубка; далѣе слѣдовали: отчетъ еп. Пражмовскаго о рукописяхъ, пожертвованныхъ Обществу друзей наукъ графомъ Куропатницкимъ, статья Чацкаго о Мартинѣ Галлѣ и Кадлубкѣ, разысканія Ипп. Ковнацкаго о родинѣ Мартина Галла, наконецъ, три статьи Ioахима Лелевеля, изъ коихъ первая (O najdawniejszych polskich dziejopisach) заключала наиболѣе раннія возраженія Шлецеру [1]). Такимъ образомъ, Линде приготовилъ для нѣмцевъ сборникъ статей о началахъ польской исторіографіи, заключавшій кое-что и совершенно новое, не появлявшееся въ печати на польскомъ языкѣ (замѣчанія Лелевеля о „Кадлубкѣ“ Оссолинскаго). Кромѣ того, въ предисловіи Линде отмѣтилъ рядъ польскихъ трудовъ, которые заслуживаютъ вниманія западно-европейскихъ ученыхъ. Трудъ свой Линде посвятилъ члену Общества, канцлеру гр. Н. П. Румянцову, который могъ считаться „безпристрастнымъ судьею въ столь важномъ историческомъ спорѣ“: лучшимъ доказательствомъ его искренней любви къ истинѣ служитъ его образцовое изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній (zbiór dyplomatyczny). Кромѣ того, этимъ посвященіемъ Линде желалъ содѣйствовать „взаимному ознакомленію и уваженію литературъ и писателей по крайней мѣрѣ тѣхъ народовъ, которые Провидѣніемъ поставлены въ столь тѣсныя отношенія“ [2]).

---

[1]) Переводъ Ѳ. Булгарина: „Извѣстіе о древнѣйшихъ историкахъ польскихъ и въ особ. о Кадлубкѣ“. Соревнов. просв. и благотв., 1821, № V, стр. 146. Ср. строгій отзывъ Добровскаго о статьѣ Лелевеля въ письмѣ къ Бандтке. Vzájemné dop., str. 154.

[2]) Румянцовъ уже 24 ноября 1821 г. (изъ Гомеля) писалъ по поводу изданія Линде Малиновскому: „Въ Польшѣ нынѣ ученые очень похвальнымъ образомъ занимаются очисткою отъ всякихъ бредней и вписокъ своихъ первобытныхъ лѣтописателей и, на основаніи правилъ доброй критики, сочиненіямъ ихъ опредѣляютъ настоящую цѣну. Г. Линде, собравъ довольное число таковыхъ ученыхъ изслѣдованій, дабы привесть ихъ въ извѣстность дальнюю, перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ

Переводъ Линде удостоился одобренія Добровскаго, который особенную заслугу его видѣлъ въ прекрасныхъ добавленіяхъ, въ пріисканіи и исправленіи цитатъ [1]), но ни статья Лелевеля, ни трудъ Оссолинскаго не удовлетворили аббата. Только изъ уваженія къ Оссолинскому Добровскій отозвался снисходительно о его „Кадлубкѣ“ въ своей рецензіи. Онъ щадилъ ученое самолюбіе мецената.

Плодотворная дѣятельность Общества друзей наукъ на поприщѣ историческомъ вызвала на эту работу новыя силы, которыя однако развивались уже внѣ непосредственнаго вліянія ученаго варшавскаго круга. Молодой виленскій профессоръ Іоахимъ Лелевель рано обратился къ славянской исторіи, предпочтительно останавливаясь на вопросахъ древней географіи и этнографіи славянской. Еще въ 1807 г. онъ издалъ въ Вильнѣ переводъ книги Malet, п. з.: „Edda, czyli księga religii dawnych Skandynawii mieszkańców“, присоединивъ къ ней введеніе свое о скиѳахъ. Этимъ трудомъ онъ желалъ облегчить ознакомленіе, между прочимъ, и съ начальной исторіей славянства. Болѣе спеціальный характеръ имѣютъ дальнѣйшія работы Лелевеля. Въ статьѣ „Winulska Sławiańszczyzna“ [2]) онъ говоритъ о нравахъ и обычаяхъ лютичей и бодричей и сравниваетъ ихъ съ литовскими. „Badania starożytności we względzie geografii“ (Wilno, 1818) привлекаютъ уже вниманіе Шафарика, и онъ ссылается на нихъ въ своихъ „Славянскихъ Древностяхъ“ [3]). Появленіе „Исторіи Г. Р.“ Карамзина вызываетъ со стороны Лелевеля обширный разборъ ея, написанный спеціально для русскаго журнала [4]), и докладъ въ Обществѣ друзей наукъ (25 но-

---

и сіе собраніе своего перевода мнѣ посвятилъ: важную часть составляетъ разсужденіе гр. Оссолинскаго о Кадлубкѣ и нѣсколько статей Лелевеля, который похвальнымъ образомъ вновь вступаетъ на поприще ученыхъ“. Чтенія О. И. и Др. Р., 1882, I, стр. 198—199.

[1]) Ягичъ, Источники, I, 652. Письмо отъ 24 дек. 1822 г. Многочисленныя поправки Добровскаго въ этомъ же письмѣ. Его же: Разборъ труда Оссолинскаго въ Jahrb. d. Lit., 1824, XXVII, 254—284. Ср. еще замѣчанія Добровскаго въ письмѣ къ Бандтке. Vzájemné dop., str. 154.

[2]) Z Geografa Bawarskiego. Tygodn. Wileński, 1816, II, str. 334, 349, 365, 381.

[3]) Въ Имп. публ. библ. хранится: „Historya Sarmatów z różnych starożytnych autorów zebrana“. Hist. Polon. F. 167, рукопись Лелевеля, вѣроятно, изъ бумагъ Общества друзей наукъ, съ помѣтой неизвѣстной, рукой: „może być własnoręczny?“

[4]) Статья I. Сѣв. Арх., 1822, ч. IV, кн. 23. Статья II. Общая картина цѣлаго сочиненія. Сравненіе Карамзина съ первымъ польскимъ истори-

ября 1824 г.): „O różnicy kultury Waregów i Słowian“ [1]). Позднѣйшіе труды Лелевеля тоже относятся въ значительной степени къ области славянской древности.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ начинается и болѣе широкое изученіе славянскаго права. О трудѣ Раковецкаго мы уже говорили. Значительно дальше его пошелъ знаменитый В. А. Мацѣевскій, выступившій съ планомъ изданія полной исторіи славянскаго права. Мысль составленія „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ [2]) впервые является у Мацѣевскаго въ 1820 г., и хотя она осуществилась значительно позже, но цѣлый рядъ работъ, предшествовавшихъ названному большому труду Мацѣевскаго, относился къ области изученій славянскаго права [3]).

Но всѣ важнѣйшіе труды его по этому предмету принадлежатъ уже другой эпохѣ въ развитіи польскаго славяновѣдѣнія.

комъ Нарушевичемъ. Тамъ же, 1823, ч. VIII, стр. 52—80; 147—160; 287—297; 1824, ч. XI, стр. 132; ч. XII, стр. 47.

[1]) Ср. Bibl. Polska, 1826, II, str. 71, 145.

[2]) Hist. prawod. słow., I, 1832, przedmowa.

[3]) Въ концѣ двадцатыхъ годовъ, когда шла рѣчь объ избраніи его въ члены Общества друзей наукъ, Мацѣевскій могъ доложить объ этихъ трудахъ: „Teraz wydaję Commentarii juris Romani et Slavici, w których skreślę obraz prawodawstw sławiańskich najdawniejszych, a mianowicie Polaków, Rossyan, Czechów, Serbów, Dalmatów etc., a to w porownaniu tychże z prawem Rzymskim. Zbieram oraz materyały do Historyi prawodawstw narodów Sławiańskich, o ile to bydź może wszystkich, i dzieło to wydam w języku polskim. Czas bowiem jest, ażebyśmy to, czegośmy się z praw starożytnych nauczyli, na użytek prawodawstw ojczystych obrócili. Mam prócz tego zamiar wydawać szereg uwag nad teraźniejszym prawodawstwem naszym. Osobną rozprawkę w języku polskim wydałem w Temidzie polskiej: w jaki sposób powinny narody Sławiańskie kształcić swoje prawodawstwa“. Собственноручная записка В. А. Мацѣевскаго въ Архивѣ Общества.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КРУЖОКЪ КН. А. ЧАРТОРЫСКАГО. М. К. БОБРОВСКІЙ. З. Д. ХОДАКОВСКІЙ.

Въ исторіи начальныхъ лѣтъ русскаго славяновѣдѣнія имя графа Н. П. Румянцова, великаго мецената, собравшаго вокругъ себя всѣхъ выдающихся работниковъ, выступившихъ въ первой четверти XIX ст. на поприще изученія отечественной и вообще славянской старины, занимаетъ исключительное положеніе. Заслуги его въ этомъ отношеніи оцѣнены въ достаточной степени [1]). Невполнѣ выяснены пока еще только отношенія его къ нѣкоторымъ представителямъ польской науки и связь и вліяніе его ученыхъ предпріятій на начинанія въ той же области знаменитаго куратора виленскаго учебнаго округа, кн. Адама Чарторыскаго. Отсутствіе матеріала не позволяетъ съ точностью опредѣлить моменты этого взаимодѣйствія, но сношенія гр. Румянцова съ Линде, Сташицемъ, Мронговіусомъ, Г. С. Бандтке, при посредствѣ Чарторыскаго съ М. К. Бобровскимъ и др. польскими учеными даютъ основаніе дѣлать извѣстныя предположенія объ этой связи. Ученыя заслуги Румянцова отмѣчены были какъ краковскимъ Ученымъ обществомъ, избравшимъ его въ свои почетные члены, такъ и варшавскимъ Tow. Przyjaciół Nauk, удостоившимъ канцлера того же отличія [2]).

[1]) См. А. А. Кочубинскаго, Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса, 1887—1888.

[2]) Въ члены Tow. Prz. Nauk Румянцова предлагали Линде и Бентковскій 20 янв. 1821 г., особенно подчеркивая: „Ma upodobanie w rzeczach historycznych Polskich, o czem przekonać się można z korespondencyj w roku 1817 utrzymywanych z Towarzystwem w jego imieniu przez członka naszego kol. Ignacego Sobolewskiego w materyi kilku przedmiotów do Hi-

Роль, которая принадлежитъ въ исторіи русскаго просвѣщенія гр. Румянцову, столь же плодотворно исполняетъ въ исторіи польскаго научнаго движенія первой четверти XIX ст. кн. Адамъ Чарторыскій. Къ обширному ученому кругу, работавшему подъ знаменемъ варшавскаго Общества друзей наукъ, стараніями Чарторыскаго присоединился другой кружокъ, сосредоточившійся главнымъ образомъ въ виленскомъ университетѣ, частью находившій гостепріимный кровъ въ знаменитомъ пулавскомъ дворцѣ князя и обильные матеріалы въ его рѣдкой библіотекѣ. Конечно, между старшимъ и младшимъ центрами все время существовали самыя тѣсныя связи, но направленіе ученой работы ближайшихъ къ Чарторыскому лицъ имѣло свой спеціальный, обусловленный, быть можетъ, отчасти личными вкусами и интересами князя и поэтому не столь универсальный характеръ, какъ въ ученомъ обществѣ, выполнявшемъ обширную программу.

Рѣдкія благопріятныя условія выпали на долю младшихъ работниковъ на поприщѣ польскаго славяновѣдѣнія. Если первымъ представителямъ его приходилось прокладывать себѣ путь среди льдовъ равнодушія общества къ новымъ областямъ научнаго изслѣдованія, преодолѣвать разнообразныя преграды, главнымъ образомъ — матеріальнаго свойства, то ближайшіе продолжатели ихъ трудовъ и послѣдователи находили всѣ данныя для успѣшнаго рѣшенія предлагавшихся имъ или добровольно на себя принимаемыхъ ученыхъ задачъ и трудовъ.

Всѣ важнѣйшія начинанія въ области вопросовъ, спеціально насъ занимающихъ, совершаются при участіи Чарторыскаго и даже иногда по его иниціативѣ. Имя его тѣсно связано съ эпохой наибольшаго расцвѣта виленскаго университета, который при благосклонномъ отношеніи Александра I, даровавшаго ему обильныя средства, вступалъ въ новый періодъ жизни [1]).

---

storyi Polskiey należących". Ср. Kraushar, op. c., III, I, str. 57—58. О сношеніяхъ Румянцова съ Обществомъ относительно окончанія изданія Догеля „Codex diplomaticus Regni Poloniae" (I, IV и V т. изданы были въ Вильнѣ около 1759 г.) см. заключительное „Przymówienie się" Маевскаго въ его книгѣ „O Sławianach" (str. LXIII).

[1]) Современники съ благодарностью вспоминали о просвѣщенномъ вниманіи Александра I къ нуждамъ университета. Такъ Коллонтай въ письмѣ (1805 г.) къ Ѳ. Чацкому говорилъ: „Zwróciwszy on całą ku temu usilność, aby nauki w niezmiernem jego państwie trwałe na zawsze

По своей натурѣ кн. Чарторыскій былъ энтузіастомъ, агитаторомъ; вездѣ и во всякую эпоху онъ стоялъ бы выше своихъ современниковъ, потому что обладалъ даромъ глубоко и сильно чувствовать, горячо любить то, что считалъ благороднымъ, и всѣмъ жертвовать для его осуществленія въ жизни. Свидѣтели молодости князя Адама, — сообщаетъ одинъ изъ его біографовъ, — помнятъ, что, открывая грезы своей души, рвавшейся къ великимъ дѣламъ, этотъ юный энтузіастъ повторялъ своимъ сверстникамъ, что ему въ жизни надо сдѣлать три дѣла: написать богатырскую поэму, выиграть великое сраженіе... что̀ третье, — онъ не говорилъ. Жизнь сама отвѣтила на этотъ вопросъ. Спасеніе Польши — вотъ та идея, которой уже въ отрочествѣ задался потомокъ старыхъ литовскихъ князей [1]). Этого факта не отрицаетъ никто изъ знавшихъ князя или знакомыхъ ближе съ его дѣятельностью [2]). Такое направленіе мыслей Чарторыскаго создалось подъ вліяніемъ образованія, которое получили молодые князья, и тѣхъ родовыхъ традицій, которыя хранились въ ихъ домѣ. „Наше воспитаніе, говоритъ кн. Ад. Чарторыскій въ своихъ мемуарахъ, было всецѣло польское и всецѣло республиканское. Изученіе исторіи и литературы древнихъ народовъ и нашей заняло годы нашего отрочества. Мы только и думали, что о грекахъ и римлянахъ, и грезили лишь о томъ, какъ мы, по примѣру нашихъ предковъ, утвердимъ на вѣчное время на нашей родной землѣ старыя

---

mogły mieć siedlisko, niczego dla tak wielkiego celu nie oszczędził: uposażył Uniwersytet wileński do tego stopnia, iż go można uważać za najbogatszą w całej Europie szkołę; potwierdził przywileje dawne, ozdobił i zaszczycił nowemi; a tak stał się nie tylko wskrzesicielem dawnej, ale nadto pomnożycielem nowej tego Uniwersytetu świetności". X. Hugona Kołłątaja Korrespondencye, III, str. 263. О виленскомъ университетѣ см. обширную монографію Д-ра I. Бѣлинскаго „Uniwersytet Wileński", I—III. Kraków, 1899—1900. Ср. еще А. Погодина, Виленскій учебный округъ (1803—1831), въ IV т. Сборника матер. для ист. просвѣщенія въ Россіи. СПБ. 1901.

[1]) Погодинъ А. Л., Виленскій учебный округъ, стр. II.

[2]) „Że pamięć Ojczyzny i chęć wskrzeszenia jej miał zawsze i w sercu i na oku, niewątpliwe są tego dowody," свидѣтельствуютъ Ю. У. Нѣмцевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, полагая однако, что Чарторыскій „mylił się może w sposobie widzenia, gdy przez Rossyę, nie zaś przez Francyę, tak pożądanego czekał wypadku". Pamiętnik J. U. Niemcewicza (1807—1809). Wydał A. Kraushar, Warszawa, 1902, str. 46. „Xiąże Adam na chwilę nie zapomniał o zaprzysiężonym przez dziada i pradziada odbudowaniu Polskiego mocarstwa", признаетъ Янушъ Вороничъ въ брош.: „Rzecz o monarchii i dynastyi w Polsce", Paryż, 1839, str. 53.

добродѣтели... Любовь къ отечеству, къ его славѣ, къ его учрежденіямъ и правамъ внѣдрилась въ наши души путемъ преподаванія и всего того, что мы слышали вокругъ себя. Прибавимъ, что это чувство, которому мы были преданы всей своей душой, сопровождалось неодолимымъ отвращеніемъ къ людямъ, которые содѣйствовали гибели нашей возлюбленной родины... Во всякомъ русскомъ я видѣлъ виновника несчастій, постигшихъ ее." Хотя со временемъ этотъ взглядъ Чарторыскаго на русскихъ вообще нѣсколько измѣнился, и со многими изъ нихъ его связывали добрыя отношенія дружбы и уваженія, тѣмъ не менѣе общій взглядъ его на русскихъ и ихъ исторію остался удивительно узкимъ, пристрастнымъ, совершенно недостойнымъ такого глубокаго мыслителя и великодушнаго человѣка, какимъ былъ кн. Адамъ [1]).

Такіе взгляды и убѣжденія Чарторыскаго не должны были позволять ему оставаться на русской службѣ, и онъ дѣйствительно постоянно просилъ имп. Александра I освободить его отъ нея, указывая на вопіющее противорѣчіе между его патріотическими симпатіями къ Польшѣ и чувствами, которыми онъ долженъ былъ руководиться, занимая наиболѣе отвѣтственные и важные посты въ Россіи. Чарторыскій никогда не скрывалъ своихъ истинныхъ взглядовъ отъ государя и впослѣдствіи, уже въ парижскомъ изгнаніи, съ полнымъ поэтому правомъ могъ заявить, что онъ никогда не обманывалъ имп. Александра I. „Никто лучше его не зналъ моихъ всегда польскихъ принциповъ, — вспоминалъ онъ много позже, — это сначала пріобрѣло мнѣ его расположеніе, а потомъ отняло". Согласившись служить имп. Александру I, Чарторыскій разъ навсегда отказался отъ всякихъ пожалованій чинами, орденами или имѣніями. Защищая Чарторыскаго отъ обвиненій русскихъ его противниковъ, Нѣмцевичъ говоритъ, что князь дѣйствительно служилъ Александру вѣрно и усердно (wiernie i gorliwie), при этомъ и безкорыстно, такъ какъ содержаніе его въ Петербургѣ обходилось отцу до 800 тыс. злотыхъ въ годъ. За такое безкорыстіе, по признанію самого князя, государь „нашелъ справедливымъ и приличнымъ" наградить его заслуги, предоставивъ ему „извѣстную свободу дѣйствій" въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ.

---

[1]) Погодинъ А. Л., op. cit., стр. III.

Въ 1803 г. кн. Чарторыскій былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и не преминулъ въ новой сферѣ дѣятельности, открывавшей широкое поле для культивированія завѣтныхъ мыслей князя, использовать столь необычайныя права „свободы дѣйствія". „Нечего и говорить, признается Чарторыскій, что я воспользовался этимъ благопріятнымъ расположеніемъ государя, и мои главныя работы были посвящены общественному образованію, которому я придалъ съ этого времени національный характеръ и которое я реорганизовалъ на болѣе широкомъ основаніи и въ большемъ соотвѣтствіи съ нуждами эпохи" [1]).

Такимъ образомъ, обстоятельства слагались необычайно благопріятно для патріотическихъ проектовъ Чарторыскаго. Первые годы XIX. ст. были временемъ, когда имп. Александръ I, особенно приблизивъ къ себѣ Чарторыскаго, былъ полонъ стремленій возстановить Польшу во всемъ ея первоначальномъ объемѣ. Можно сказать, что до самаго 20-го года императора не покидали эти мечты, и онъ не разъ объявлялъ о нихъ громогласно, особенно тогда, когда находился въ польскомъ обществѣ. Особенно оживленны были надежды поляковъ въ 1806 г., когда Александръ посѣтилъ Чарторыскихъ въ ихъ резиденціи Пулавахъ, чтобы засвидѣтельствовать свои чувства искренняго благоволенія не только къ нимъ, но и къ Польшѣ и полякамъ [2]). „Надо восхвалить Провидѣніе, — писалъ по поводу визита Александра Нѣмцевичъ изъ Америки, — что внукъ той, которая рѣшила сравнять Пулавы съ землей и нанести Польшѣ смертельный ударъ, прибываетъ теперь въ домъ вашъ, хранилище національныхъ добродѣтелей и воспоминаній, какъ гость, другъ и освободитель". Прусская Варшава готовилась къ торжественной встрѣчѣ Александра, сгорая нетерпѣніемъ увидѣть русскаго императора, и вся Польша по данному знаку готова была возстать противъ Пруссіи и умножить ряды арміи Александра. Но разочарованіе наступило неожиданно быстро: вмѣсто похода на Пруссію поляки увидѣли союзъ Александра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Но этимъ отношенія его къ судьбамъ Польши не измѣнились. Въ 1811 году онъ говоритъ опять о возсозданіи Польши „со включеніемъ русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ чтобы границами были

---

[1]) Погодинъ А. Л., op. cit., стр. IV.
[2]) Kraushar, op. cit., I, str. 293—294.

Двина, Березина и Днѣпръ". Неудивительно, что при такомъ настроеніи государя польское общество видѣло въ немъ воскресителя Польши, а наиболѣе вліятельные представители его старались всячески поддержать замыслы Александра.

Такимъ образомъ, дѣятельность Чарторыскаго могла успѣшно развиваться въ избранномъ имъ направленіи. Панегиристъ дома Чарторыскихъ Л. Дембицкій [1]) такъ говоритъ о трудахъ кн. Адама Чарторыскаго въ качествѣ куратора. Принявъ должность русскаго министра, кн. Адамъ добивается и должности куратора школъ въ Литвѣ и на Волыни и составляя ноты и начертывая огромные политическіе проекты, онъ въ то же время вырабатываетъ детальную программу реформы университета и новоучреждаемыхъ школъ въ бывшихъ польскихъ земляхъ. Необходимо было оградить и укрѣпить настоящее или воображаемое культурное превосходство (prawdziwą czy pozorną wyższość cywilizacyjną), какъ единственную гарантію, что польская стихія не растаетъ въ русской. Прежде всего и сильнѣе всего надлежало укрѣпить этотъ валъ западной цивилизаціи, оградить эту твердыню духа и національной мысли отъ теченій ассимиляціи и нивелляціи въ тѣхъ именно областяхъ, гдѣ населеніе различалось въ отношеніи народности, языка и религіи, гдѣ соприкасались эти разнородныя стихіи.

И вся дѣятельность Чарторыскаго ведется въ этомъ именно направленіи. Нѣмцевичъ, стоявшій весьма близко къ князю, совершенно справедливо отмѣтилъ, что развитіе національнаго духа въ этихъ провинціяхъ сдѣлало новый шагъ съ тѣхъ поръ, какъ Александръ собственными устами провозгласилъ намѣреніе присоединить ихъ въ ближайшемъ будущемъ къ польскому королевству. Самъ Чарторыскій въ своихъ мемуарахъ даетъ слѣдующую характеристику своей дѣятельности въ роли попечителя виленскаго учебнаго округа: „Мнѣ кажется небезполезнымъ замѣтить, что въ слѣдующіе (послѣ назначенія) годы вся поверхность Польши покрылась школами, въ которыхъ польскому чувству былъ данъ полный просторъ для развитія [2]). Университетъ, куда я

[1]) Puławy, III, str. 81.

[2]) Я. Вороничъ въ названной выше брошюрѣ признаетъ, что „narodowe wychowanie" благодаря школѣ, созданной усиліями Чарторыскаго, распространялось „po za kończyny nawet Polski, w krainy, gdzie już narodowość Polska ustawać poczynała, gdzieby koniecznie ustać musiała . . ." Str. 53.

Въ 1803 г. кн. Чарторыскій былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и не преминулъ въ новой сферѣ дѣятельности, открывавшей широкое поле для культивированія завѣтныхъ мыслей князя, использовать столь необычайныя права „свободы дѣйствія". „Нечего и говорить, признается Чарторыскій, что я воспользовался этимъ благопріятнымъ расположеніемъ государя, и мои главныя работы были посвящены общественному образованію, которому я придалъ съ этого времени національный характеръ и которое я реорганизовалъ на болѣе широкомъ основаніи и въ большемъ соотвѣтствіи съ нуждами эпохи" [1]).

Такимъ образомъ, обстоятельства слагались необычайно благопріятно для патріотическихъ проектовъ Чарторыскаго. Первые годы XIX. ст. были временемъ, когда имп. Александръ I, особенно приблизивъ къ себѣ Чарторыскаго, былъ полонъ стремленій возстановить Польшу во всемъ ея первоначальномъ объемѣ. Можно сказать, что до самаго 20-го года императора не покидали эти мечты, и онъ не разъ объявлялъ о нихъ громогласно, особенно тогда, когда находился въ польскомъ обществѣ. Особенно оживленны были надежды поляковъ въ 1806 г., когда Александръ посѣтилъ Чарторыскихъ въ ихъ резиденціи Пулавахъ, чтобы засвидѣтельствовать свои чувства искренняго благоволенія не только къ нимъ, но и къ Польшѣ и полякамъ [2]). „Надо восхвалить Провидѣніе, — писалъ по поводу визита Александра Нѣмцевичъ изъ Америки, — что внукъ той, которая рѣшила сравнять Пулавы съ землей и нанести Польшѣ смертельный ударъ, прибываетъ теперь въ домъ вашъ, хранилище національныхъ добродѣтелей и воспоминаній, какъ гость, другъ и освободитель". Прусская Варшава готовилась къ торжественной встрѣчѣ Александра, сгорая нетерпѣніемъ увидѣть русскаго императора, и вся Польша по данному знаку готова была возстать противъ Пруссіи и умножить ряды арміи Александра. Но разочарованіе наступило неожиданно быстро: вмѣсто похода на Пруссію поляки увидѣли союзъ Александра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Но этимъ отношенія его къ судьбамъ Польши не измѣнились. Въ 1811 году онъ говоритъ опять о возсозданіи Польши „со включеніемъ русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ чтобы границами были

---

[1]) Погодинъ А. Л., op. cit., стр. IV.
[2]) Kraushar, op. cit., I, str. 293—294.

влечь къ просвѣтительной работѣ ученыхъ славянскихъ — вотъ главные пункты программы куратора. Профессоровъ-иностранцевъ въ виленскомъ университетѣ было довольно значительное число. Но старое поколѣніе ученыхъ не удовлетворяло высокимъ требованіямъ князя-куратора; къ тому же профессора-иноземцы вносили въ жизнь университетскую немало смуты и дрязгъ.

Чарторыскій обращаетъ поэтому взоры на молодое поколѣніе. Необходимо было заняться надлежащимъ подготовленіемъ свѣжихъ силъ, дать имъ правильное направленіе, вывести ихъ на путь научныхъ изслѣдованій подъ руководствомъ авторитетныхъ учителей. Необходимымъ условіемъ для этого являлись заграничныя ученыя путешествія, занятія въ извѣстнѣйшихъ европейскихъ университетахъ, библіотекахъ, архивахъ и пр. Молодые ученые, избранники университета и куратора, должны были пріобрѣсти новѣйшіе методы научныхъ изслѣдованій, усовершенствоваться въ своей спеціальности, обратить на себя вниманіе иностранныхъ профессоровъ, сблизиться съ ними и со временемъ поддерживать духовную связь университета съ Западомъ. По его мнѣнію, въ такой постановкѣ дѣла одинаково нуждались какъ каѳедры наукъ точныхъ, такъ и т. н. „humaniora“: заграничныя путешествія молодыхъ ученыхъ будутъ способствовать успѣхамъ и развитію не только наукъ физическихъ и математическихъ, но и исторіи, философіи, права и т. д. [1]).

Въ письмѣ къ Снядецкому изъ Варшавы отъ 4 ноября 1816 г. онъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе такихъ поѣздокъ въ слѣдующихъ словахъ: „Слушаніе великихъ учителей, возможность присмотрѣться къ новымъ и разнообразнымъ предметамъ, обычаямъ, учрежденіямъ, иной міръ, новыя мнѣнія и сужденія расширяютъ разумъ, снимаютъ съ очей завѣсу узкаго и малаго кругозора, образуютъ иного человѣка, освѣщаютъ цѣль науки, во стократъ увеличиваютъ опытность, развиваютъ способности: этихъ результатовъ ничѣмъ нельзя замѣнить, и какая наука не нуждается въ нихъ, чтобы быть достойнымъ образомъ представленной въ университетѣ?“

Поѣздки за границу избранныхъ университетомъ кандидатовъ должны были подготовить ученыхъ для замѣщенія каѳедръ по разнообразнымъ спеціальностямъ.

---

[1]) Kallenbach, Kuratorya Wileńska. Bibl. Warsz., 1904, III, str. 428—429.

пригласилъ наиболѣе извѣстныхъ мѣстныхъ ученыхъ и коекого изъ выдающихся иностранныхъ, руководилъ этимъ движеніемъ съ такимъ рвеніемъ, съ такимъ пониманіемъ дѣла, что лучшаго нельзя было и желать. Это никого не поражало, и настоящіе результаты этого, противъ которыхъ русскіе впослѣдствіи подняли крикъ, вытекали, какъ тогда казалось, непосредственно изъ благородныхъ намѣреній императора".

Назначенный въ 1803 г. куратором виленскаго округа, Чарторыскій былъ въ самомъ расцвѣтѣ силъ: ему шелъ тогда всего 32-й годъ [1]). Занятый сначала главнымъ образомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, онъ проживалъ постоянно въ Петербургѣ и только какъ бы мимоходомъ, но тѣмъ не менѣе, благодаря широкимъ личнымъ связямъ и вліянію, весьма благотворно работалъ на пользу виленскаго университета и его учебнаго округа. Въ 1810 г. онъ покинулъ Петербургъ, нѣкоторое время путешествовалъ и только съ установленіемъ политическаго устройства раздѣленныхъ частей Польши возвращается къ дѣятельности попечителя въ 1816 г., посвятивъ себя съ этого времени всецѣло интересамъ просвѣщенія.

Для виленскаго университета время кураторства Чарторыскаго принесло чрезвычайно много. Университетъ былъ его излюбленнымъ дѣтищемъ, ему посвящалъ онъ всѣ свои силы, вникая во всѣ области его жизни, принимая живѣйшее участіе въ обсужденіи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ ея, всегда при этомъ отличаясь поразительнымъ умѣніемъ разобраться въ нихъ, отдѣлить частное отъ общаго, примирить мнѣнія противниковъ, внести въ бурную подчасъ профессорскую коллегію миръ и уставить ладъ.

Поставить преподаваніе въ виленскомъ университетѣ на уровнѣ европейскихъ университетовъ, сосредоточить въ немъ лучшія ученыя силы края, дать мѣсто талантливой и дѣятельной молодежи, а въ случаѣ необходимости — при-

---

[1]) Попытку представить характеристику кн. Ад. Чарторыскаго, какъ куратора Виленскаго округа, сдѣлалъ, на основаніи преимущественно дѣловой переписки его, I. Калленбахъ въ статьѣ: „Kuratorya Wileńska (1803—1823)", въ Bibl. Warsz., 1904, III, wrzesień, str. 421—441. То же въ отдѣльномъ изданіи: „Ludzie i czasy", Lwów, 1905. Только-что вышедшій „Историческій обзоръ дѣятельности Виленскаго учебнаго округа", ч. I, отдѣлъ первый (1803—1812 г.), составилъ Ю. Ѳ. Крачковскій, Вильна, 1906, отводитъ много мѣста кураторству Чарторыскаго. Новаго во взглядѣ на эту дѣятельность князя здѣсь нѣтъ ничего.

Инструкція [1]) имѣла въ виду спеціально богословскія занятія, прежде всего — въ Вѣнѣ, гдѣ Бобровскому предписывалось пробыть почти цѣликомъ два года изъ трехъ, опредѣленныхъ на все его заграничное путешествіе. Въ теченіе перваго года избранникъ виленскаго университета долженъ былъ посвятить себя, главнымъ образомъ, основательному изученію, подъ руководствомъ проф. Оберлейтнера и Аккермана, древне-еврейскаго языка, затѣмъ — языковъ халдейскаго, сирійскаго и арабскаго, насколько знакомство съ ними необходимо будетъ въ его дальнѣйшихъ научныхъ работахъ; второй годъ опредѣленъ былъ для спеціальныхъ занятій языкомъ греческимъ и различными богословскими науками; даже занятія Бобровскаго рукописями въ значительнѣйшихъ вѣнскихъ библіотекахъ имѣли въ виду исключительно Свящ. Писаніе. И только въ заключительныхъ строкахъ инструкціи сдѣлана была оговорка, нѣсколько расширявшая эту узкоспеціальную программу: кандидату преподается совѣтъ обращать вниманіе и на славянскую литературу, и не только разрѣшается не сидѣть безвыѣздно два года въ Вѣнѣ, но даже предписывается посѣтить тѣ изъ ближайшихъ земель, гдѣ господствуютъ славянскія нарѣчія, а именно: Моравію, Чехію, также Галицію, оставляя Далмацію, Славонію, Карніолію, Рагузу и Силезію на третій годъ путешествія, когда ученую по-

---

Варшава, 1905, стр. 102—104. Вотъ все, что намъ извѣстно въ печати. Писемъ Копитаря и Добровскаго къ Бобровскому намъ не удалось найти; о нихъ сохранились только упоминанія (Ср. Ягичъ, Источники, I, 459, 460, 463, 481, 482, 483, 546). Небольшой біографическій очеркъ принадлежитъ Плакиду Янковскому: Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности между уніатами. I. Протоіерей Михаилъ Бобровскій. Холмскій мѣсяцесловъ за 1867 г., стр. 110. Перепечатано изъ Литовскихъ епарх. вѣдом. за 1864 г., № 1 и 2. Попытку представить обзоръ ученой дѣятельности М. К. Бобровскаго сдѣлалъ П. О. Бобровскій въ названной выше статьѣ и затѣмъ въ біографическомъ очеркѣ „М. К. Бобровскій (1785—1848), ученый славистъ-оріенталистъ". СПБ. 1889 (первоначально — въ Русской Старинѣ, 1888). Ср. еще его же: „Судьба Супрасльской рукописи", СПБ. 1887, и „Еще замѣтка о Супрасльской рукописи", СПБ. 1888 (первоначально въ Ж. М. Н. Пр., 1887, ч. 253, 254, 256). Для исторіи славянскихъ путешествій и изученій эти работы П. О. Бобровскаго даютъ немного. Кромѣ отмѣченныхъ выше печатныхъ матеріаловъ и впервые издаваемыхъ нами писемъ Бобровскаго, мы пользовались еще и его отчетами, которые онъ представлялъ кн. А. Чарторыскому, и которые мы цитируемъ въ надлежащихъ мѣстахъ. Они хранятся въ библ. Музея Чарторыскихъ. Нѣкоторыя извлеченія сдѣланы нами изъ фоліантовъ „Kuratorya" той же библіотеки.

[1]) См. приложенія, стр. CIII—CVI.

Однимъ изъ такихъ избранниковъ, представленныхъ богословскимъ факультетомъ на утвержденіе князю-куратору (24-го іюня 1817 г.), оказался молодой (30 л.) уніатскій священникъ, магистръ философіи и богословія Михаилъ Бобровскій, уже въ теченіе трехъ лѣтъ съ успѣхомъ исполнявшій обязанности профессора св. Писанія и обнаруживший преданность наукѣ и выдающіяся способности [1]). Ходатайствуя о командированіи его съ 1 сентября на два года въ Вѣну и на годъ въ Римъ для усовершенствованія въ богословскихъ наукахъ, совѣтъ университета представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Чарторыскому выработанную имъ для путешествія инструкцію.

Сынъ сельскаго священника гродненской губерніи, Бобровскій родился въ 1785 г., получилъ первоначальное образованіе въ клещельской церковной школѣ, а затѣмъ въ дрогичинской коллегіи піаристовъ, гдѣ успѣшно кончилъ курсъ въ 1803 г.; въ томъ же году поступилъ еще въ бѣлостокскую гимназію, получилъ здѣсь въ 1808 г. аттестатъ и отправился въ Вильну для продолженія образованія. Какъ видно изъ его послужного списка, уже въ 1811 г. онъ пріобрѣлъ степень магистра философіи, а въ 1812 г. сдѣлался и магистромъ богословія.

Кандидатъ виленскаго университета являлся, несомнѣнно, однимъ изъ достойнѣйшихъ избранниковъ. Въ сентябрѣ 1817 г. онъ выѣхалъ изъ Вильны въ далекій путь [2]).

---

[1]) Приложенія, стр. CIII.

[2]) Матеріаломъ для настоящей части послужили, прежде всего, изданныя нами въ приложеніяхъ письма М. К. Бобровскаго и нѣкоторые документы о немъ. Изъ ученой переписки Бобровскаго до сихъ поръ были изданы: 1) письма его къ П. И. Кеппену (въ русскомъ переводѣ) въ статьѣ П. О. Бобровскаго: „Переписка съ П. И. Кеппеномъ и ученое путешествіе М. К. Бобровскаго по Европѣ и Славянскимъ землямъ". СПБ. 1890; первоначально — въ Слав. Извѣстіяхъ, 1889, стр. 303—305; 353—355; 375—377; 450—453; 593—595; 979—981. Отд. изданіе имѣетъ заглавіе: „Къ біографіи М. К. Бобровскаго, славянскаго филолога и оріенталиста." Эти письма мы сообщаемъ въ приложеніи въ латинскомъ оригиналѣ. 2) Два письма Бобровскаго касательно Супрасльской рукоп.: a) Ein Promemoria-Schreiben an Prof. Eichwald gerichtet, b) an Kopitar, сообщены были Фр. Миклошичемъ, съ примѣч. И. В. Ягича, въ Arch. f. slav. Phil., X, 360—362. 3) Три письма къ Копитарю въ Arch. f. slav. Phil., XVIII, 317, 635. 4) Два письма А. Х. Востокова къ Бобровскому и одно Бобровскаго къ Востокову (№ 214, 218 и 219) въ изданіи И. И. Срезневскаго „Переписка А. Х. Востокова", СПБ. 1873. 5) Два письма къ Ганкѣ въ нашемъ изданіи „Письма къ В. Ганкѣ изъ слав. земель",

Инструкція [1]) имѣла въ виду спеціально богословскія занятія, прежде всего — въ Вѣнѣ, гдѣ Бобровскому предписывалось пробыть почти цѣликомъ два года изъ трехъ, опредѣленныхъ на все его заграничное путешествіе. Въ теченіе перваго года избранникъ виленскаго университета долженъ былъ посвятить себя, главнымъ образомъ, основательному изученію, подъ руководствомъ проф. Оберлейтнера и Аккермана, древне-еврейскаго языка, затѣмъ — языковъ халдейскаго, сирійскаго и арабскаго, насколько знакомство съ ними необходимо будетъ въ его дальнѣйшихъ научныхъ работахъ; второй годъ опредѣленъ былъ для спеціальныхъ занятій языкомъ греческимъ и различными богословскими науками; даже занятія Бобровскаго рукописями въ значительнѣйшихъ вѣнскихъ библіотекахъ имѣли въ виду исключительно Свящ. Писаніе. И только въ заключительныхъ строкахъ инструкціи сдѣлана была оговорка, нѣсколько расширявшая эту узкоспеціальную программу: кандидату преподается совѣтъ обращать вниманіе и на славянскую литературу, и не только разрѣшается не сидѣть безвыѣздно два года въ Вѣнѣ, но даже предписывается посѣтить тѣ изъ ближайшихъ земель, гдѣ господствуютъ славянскія нарѣчія, а именно: Моравію, Чехію, также Галицію, оставляя Далмацію, Славонію, Карніолію, Рагузу и Силезію на третій годъ путешествія, когда ученую по-

---

Варшава, 1905, стр. 102—104. Вотъ все, что намъ извѣстно въ печати. Писемъ Копитаря и Добровскаго къ Бобровскому намъ не удалось найти; о нихъ сохранились только упоминанія (Ср. Ягичъ, Источники, I, 459, 460, 463, 481, 482, 483, 546). Небольшой біографическій очеркъ принадлежитъ Плакиду Янковскому: Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности между уніатами. I. Протоіерей Михаилъ Бобровскій. Холмскій мѣсяцесловъ за 1867 г., стр. 110. Перепечатано изъ Литовскихъ епарх. вѣдом. за 1864 г., № 1 и 2. Попытку представить обзоръ ученой дѣятельности М. К. Бобровскаго сдѣлалъ П. О. Бобровскій въ названной выше статьѣ и затѣмъ въ біографическомъ очеркѣ „М. К. Бобровскій (1785—1848), ученый славистъ-оріенталистъ". СПБ. 1889 (первоначально — въ Русской Старинѣ, 1888). Ср. еще его же: „Судьба Супрасльской рукописи", СПБ. 1887, и „Еще замѣтка о Супрасльской рукописи", СПБ. 1888 (первоначально въ Ж. М. Н. Пр., 1887, ч. 253, 254, 256). Для исторіи славянскихъ путешествій и изученій эти работы П. О. Бобровскаго даютъ немного. Кромѣ отмѣченныхъ выше печатныхъ матеріаловъ и впервые издаваемыхъ нами писемъ Бобровскаго, мы пользовались еще и его отчетами, которые онъ представлялъ кн. А. Чарторыскому, и которые мы цитируемъ въ надлежащихъ мѣстахъ. Они хранятся въ библ. Музея Чарторыскихъ. Нѣкоторыя извлеченія сдѣланы нами изъ фоліантовъ „Kuratorya" той же библіотеки.

[1]) См. приложенія, стр. CIII—CVI.

ѣздку по славянскому югу удобнѣе можно будетъ совершить по пути въ Венецію и Римъ, а посѣтить Силезію — при возвращеніи въ Вильну.

Предлагая Бобровскому въ Оломуцѣ, Прагѣ и Львовѣ ознакомиться съ различными методами преподаванія, посѣтить для этого университеты, семинаріи и наиболѣе достойныя вниманія учебныя заведенія, инструкція выдвигала на первое мѣсто необходимость знакомства съ Добровскимъ и иными замѣчательными учеными и находила нужнымъ для будущаго профессора-богослова изученіе славянскихъ нарѣчій въ такой мѣрѣ, чтобы впослѣдствіи онъ въ состояніи былъ заняться сравненіемъ переводовъ библіи на этихъ нарѣчіяхъ. Но здѣсь не было рѣчи о широкихъ спеціальныхъ занятіяхъ славянскими языками, письменностью и исторіей, которыя впослѣдствіи такъ увлекли Бобровскаго.

Прибывши въ Вѣну въ октябрѣ 1817-го года, Бобровскій уже въ мартѣ слѣдующаго года откровенно заявляетъ кн. Чарторыскому, что пребываніе здѣсь въ теченіе опредѣленнаго университетомъ двухлѣтняго срока было бы для него безполезно: библейская литература въ Вѣнѣ, по увѣренію Бобровскаго, оказалась далеко не на той высотѣ, на какой онъ и направлявшіе его сюда надѣялись найти ее; точно такъ же и преподаваніе восточныхъ языковъ было лишь элементарнымъ и не могло удовлетворить Бобровскаго; въ довершеніе же его разочарованія авторитетные люди, въ числѣ ихъ и такой ученый, какъ знаменитый Гаммеръ, къ которому Бобровскій нашелъ доступъ благодаря рекомендаціи кн. Генриха Любомірскаго, считали двухлѣтнее пребываніе въ вѣнскомъ университетѣ слишкомъ продолжительнымъ [1]). Для кандидата, готовившагося на каѳедру экзегетики, несравненно полезнѣе были бы пребываніе и занятія въ Римѣ и Парижѣ, центрахъ болѣе богатыхъ, чѣмъ Вѣна, всякими источниками и пособіями по этому предмету. Вѣчный городъ съ его неисчерпаемыми и драгоцѣннѣйшими памятниками христіанской древности и столица Франціи манили къ себѣ молодого ученаго. Раньше, однако, чѣмъ обратиться къ факультету за разрѣшеніемъ измѣнить первоначальный планъ путешествія, въ частномъ письмѣ къ кн. Чарторыскому Бобровскій проситъ позволить ему посвятить остающіеся два года пребы-

[1]) „... Jest to zawiele dwa lata zostawać tam, gdzie same tylko początki oryentalnych języków się dają.“ Письмо отъ 18 марта 1818 г.

Великій учитель усердно посвящаетъ его въ важнѣйшіе вопросы славяновѣдѣнія [1]): ежедневно по нѣсколько часовъ они занимаются то чтеніемъ старославянской грамматики (gram. pierwiastkowej mowy słowiańskiej) Добровскаго, то учитель разъясняетъ ему главнѣйшія отличія различныхъ славянскихъ нарѣчій, то знакомитъ его съ литературами славянскихъ народовъ и съ данными относительно предѣловъ распространенія того или другого нарѣчія и народа; наконецъ, учитель предусмотрительно намѣчаетъ для дальнѣйшаго путешествія Бобровскаго рядъ вопросовъ, на которые тотъ могъ бы дать отвѣты: онъ указываетъ ему мѣста храненія славянскихъ рукописей, называетъ важнѣйшія изъ нихъ и вооружаетъ его методомъ критическаго изслѣдованія памятниковъ, наставляя, какъ опредѣлять значеніе ихъ „согласно разумной критикѣ“ (wedle rozsądnej krytyki). Добровскій же былъ первымъ наставникомъ его въ области глаголицы [2]). Эти уроки, по признанію Бобровскаго, принесли ему огромную пользу, а ученые труды Добровскаго возбудили въ немъ ревность къ славянскимъ изученіямъ, обширное поле которыхъ открылъ предъ нимъ великій наставникъ [3]).

Добровскій же, несомнѣнно, обратилъ вниманіе своего ученика и на труды Фортуната Дуриха [4]) по исторіи старой славянской письменности. Бобровскій, благодаря указаніямъ учителя, ознакомился не только съ изданною уже частью Bibliothecae Slavicae (Tomi I, pars I), но, по всей вѣроятности, и съ оставшимися въ необработанномъ видѣ матеріалами для послѣдующихъ частей, которые достались въ наслѣдство Добровскому. Съ достовѣрностью сообщаетъ Бобровскій въ отчетѣ, что его великій учитель намѣренъ обработать нѣкоторыя важнѣйшія части матеріаловъ Дуриха и

---

[1]) „Stał się dla mnie gorliwym nauczycielem“, свидѣтельствуетъ Бобровскій въ отчетѣ куратору.

[2]) Ср. приложенія, стр. XLVIII; Ягичъ, Источники, I, стр. 679: „Bobrowski... das glagolitische hier in Prag erst kennen lernte“, свидѣтельствуетъ и Добровскій въ письмѣ къ Кеппену.

[3]) По свидѣтельству Даниловича (письмо къ Лелевелю отъ 9 апр. ст. ст. 1821 г., въ библ. Краковской Акад.), Бобровскій утверждалъ, что у Добровскаго онъ „tyle się nauczył względem słowiańskich zabytków w dni kilka, że za lat kilka tego by się nie nauczył gdzieindziej“.

[4]) Странно, что Бобровскій упорно называетъ его Durycz (Durich). Казалось бы, что ему должно было быть извѣстнымъ надлежащее произношеніе этого имени.

издать ихъ, и выражаетъ желаніе, чтобы намѣреніе это дѣйствительно осуществилось, ибо отъ такого изданія много пріобрѣла бы славянская литература, а особенно важны были бы для изучающихъ старую славянскую письменность драгоцѣнныя палеографическія свѣдѣнія (szczególniej mielibyśmy niepospolite wiadomości o paleografii mowy słowiańskiej najdawniejszej), матеріалъ для которыхъ имѣлся какъ въ бумагахъ Дуриха, такъ и въ рѣдкихъ собраніяхъ самого Добровскаго.

Въ Прагѣ же Бобровскій успѣлъ познакомиться и съ важнѣйшими трудами Добровскаго; по крайней мѣрѣ, онъ перечисляетъ ихъ въ своемъ отчетѣ Чарторыскому и особенно подчеркиваетъ значеніе его работъ по исторіи славянскаго перевода библіи, — статьи, помѣщенной Михаэлисомъ въ изданіи „Orientalische und exegetische Bibliothek“, и варіантовъ изъ славянскихъ библій, сообщенныхъ Добровскимъ I. Грисбаху для его критическаго II-го изданія Новаго Завѣта (1796, Галле); онъ знаетъ также и объ участіи Добровскаго славянскими разночтеніями въ критическомъ лондонскомъ изданіи Гольмеса александрійскаго перевода библіи.

Вмѣстѣ съ Добровскимъ и подъ его руководствомъ нашъ путешественникъ обозрѣваетъ пражскія библіотеки [1]), знакомится въ нихъ съ славянскими рукописями и старопечатными книгами. Въ университетской библіотекѣ Добровскій обращаетъ его вниманіе на чешскую глаголическую библію XV в., написанную бенедиктинскими монахами, вызванными изъ Далмаціи въ Эммаусскій монастырь для поддержанія славянской литургіи [2]). Изъ другихъ рукописей уни-

---

[1]) Занимаясь въ библіотекѣ Добровскаго, онъ составляетъ для себя „Catalogus librorum, qui insunt Bibliothecae Josephi Dobrowski Pragae habitantis — ex eius catalogo descriptus“. Обнимаетъ списокъ: „Hebraica, Biblica, Graeca, Classici Latini, Philologica, Böhmische Grammatiken“. Хранится въ бумагахъ Бобровскаго въ библ. гр. Замойскихъ, рукоп. № 58. О библіотекѣ Добровскаго въ донесеніи кн. Чарторыскому онъ отзывается, какъ о рѣдкомъ собраніи сочиненій по всѣмъ областямъ славяновѣдѣнія.

[2]) Тутъ же онъ добавляетъ: „Jest jeszcze po nich ułamek głagolickiego mszału, znaleziony przez uczonego Dobrowskiego na okładkach xiąg dawnych“, и даетъ указаніе: „Możeby się co podobnego odkryło i w Krakowie, zwłaszcza, że Szczygielski w dziele Aquila polono-benedictina wspomina o przebywaniu w Krakowie benedyktynów, pełniących po słowiańsku Bożą służbę“. Ср. Šafařík P., Památky hlah. písemn., str. LII.

верситетской библіотеки Бобровскій отмѣчаетъ еще славянское четвероевангеліе XIV в. (rękopism słowiański dobrego w krytyce użytku), а изъ старопечатныхъ славянскихъ книгъ: Острожскую библію и Грамматику Смотрицкаго (1618); кромѣ того, онъ находитъ здѣсь много польскихъ книгъ краковской печати, собранныхъ въ Прагѣ стараніями іезуитовъ.

Близость Добровскаго къ гр. Штернбергамъ позволила ему ввести своего гостя въ ихъ частныя собранія. Здѣсь Бобровскій разсматриваетъ рукописную глаголическую пергаменную псалтырь (in 16°, 1354 года), кодексъ, по наблюденію его, „wielkiej wagi we względzie krytycznym", и нѣсколько глаголическихъ книгъ тюбингенской печати. Въ библіотекѣ гр. Ностица его вниманіе привлекаетъ собраніе рѣдкихъ славянскихъ книгъ, въ числѣ которыхъ онъ видѣлъ какой-то славянскій „elementarz drukowany bez miejsca i daty [1])". Изъ собраній монастырскихъ Бобровскій называетъ только библіотеку Бржевновскаго бенедиктинскаго монастыря около Праги [2]). Параллельно съ главнымъ предметомъ своихъ разысканій Бобровскій ведетъ въ пражскихъ библіотекахъ поиски памятниковъ, относящихся къ польской исторіи [3]), впрочемъ — безуспѣшно („ani na jeden nie natrafiłem", докладываетъ онъ университету). Но отъ его вниманія не ушли многочисленныя чешскія хроники, заключающія въ себѣ драгоцѣнный матеріалъ и для польскаго историка.

Вторымъ руководителемъ Бобровскаго въ его чешскихъ изученіяхъ былъ всегда безгранично услужливый для славянскихъ ученыхъ гостей Праги Вячеславъ Ганка. Возвратившись изъ Праги въ Вѣну, Бобровскій 10 апр. 1819 г. пишетъ ему письмо, въ которомъ благодаритъ его за оказанный сердечный пріемъ и поучительные уроки. „Доброта души вашей навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, а открытое сердце ваше создало поле для поддержанія съ вами дальнѣйшихъ литературныхъ связей". Бобровскій признаетъ,

---

[1]) Въ черновыхъ бумагахъ объ этой книгѣ есть еще слѣдующая замѣтка: „W Bibliotece Hrabiego de Nostitz w Pradze widziałem Elementarz, którego napis ukazuje, że jego autorem jest Cyrylli: „Сказание ка́кѡ соста́ви сты̀ Кири́лъ философъ азбу́к8 по язык8 слове́нск8" (w Moskwie).

[2]) „W Brzewnowie . . . widziałem tak dyploma fundacyi tego klasztoru, jako też własnoręczną (autograf) ś. Wojciecha professyą na pargaminie."

[3]) Исполняя порученіе Лелевеля, онъ разыскиваетъ рукоп. „Marcina Polaka z kroniką Boufała", для чего посѣщаетъ по совѣту Добровскаго библ. піаристовъ, но поиски были безуспѣшны. См. приложенія, стр. LXXVII; Vzájemné dopisy J. Dobrovskeho a J. S. Bandtkeho, str. 133.

что онъ многому научился въ Прагѣ, что этимъ онъ обязанъ прежде всего Добровскому и Ганкѣ, и заявленіе это, конечно, не пустая фраза, помѣщенная въ письмо для приличія: онъ желаетъ продолжать прерванныя отъѣздомъ поучительныя бесѣды, дополнить путемъ переписки то, чего не успѣлъ изучить въ Прагѣ, а этого оказалось еще такъ много, — поэтому ученая переписка обѣщала быть продолжительной и обширной [1]). Къ сожалѣнію, Бобровскій, насколько мы можемъ судить по сохранившимся бумагамъ Ганки, ограничился всего лишь двумя письмами, послѣдовавшими одно за другимъ, тотчасъ послѣ отъѣзда его изъ Праги [2]). Въ первомъ письмѣ онъ проситъ Ганку сообщить ему краткія свѣдѣнія о чешскихъ писателяхъ, живыхъ и пишущихъ по-чешски, и о ихъ литературной дѣятельности, о „меценатахъ“ чешскаго языка, данныя объ основателѣ Чешскаго Музея, имена выдающихся артистовъ, музыкантовъ, художниковъ и т. п. Свѣдѣнія эти, повидимому, понадобились Бобровскому для его отчета о занятіяхъ въ Прагѣ. Въ обстоятельномъ донесеніи кн. Чарторыскому онъ говоритъ вкратцѣ о литературныхъ и ученыхъ плодахъ Ганки, о своемъ знакомствѣ съ Неѣдлымъ, Юнгманномъ, проф. педагогики и катехетики А. В. Паржизкомъ (Pařízek), которые тоже способствовали его успѣхамъ въ чешскомъ языкѣ и литературѣ. О другихъ какихъ-либо пражскихъ ученыхъ знакомствахъ Бобровскій не упоминаетъ, но надо полагать, что въ кругу Добровскаго, Ганки и Юнгманна онъ могъ встрѣтить всѣхъ работавшихъ тогда въ Прагѣ чешскихъ писателей и ученыхъ. Изъ пражскихъ спеціалистовъ-богослововъ Бобровскій въ отчетѣ и письмахъ называетъ только профессора пастырскаго богословія М. Миллауера и Циммермана [3]). Первый познакомилъ его съ своей исторіей богословскаго факультета пражскаго университета; по порученію второго Бобровскій наводилъ какія-то справки въ рукописяхъ вѣнской Придворной библіотеки.

Очевидно, что дальнѣйшія занятія Бобровскаго вопросами старой славянской письменности и славянскаго языко-

---

[1]) И 3-го мая 1819 г. Бобровскій повторилъ ту же надежду, „że doznane gościnności dowody w Czech stolicy nie na krótki czas zostaną, ale niezatarty zostawią zadatek do wzajemnego udzielania literackich wiadomości i przyjacielskich uczuć“.

[2]) См. Письма къ В. Ганкѣ изъ слав. земель, стр. 102—104.

[3]) См. въ приложеніяхъ письмо къ нему, стр. XCVII.

знанія направились всецѣло по начертанному аббатомъ пути, и можно смѣло утверждать, что благодаря именно урокамъ Добровскаго виленскій богословъ оставляетъ навязанную ему, обязательную инструкцію и переходитъ, въ теченіе по крайней мѣрѣ извѣстнаго времени, къ спеціальнымъ занятіямъ старой и новой славянской письменостью и связанными съ нею вопросами. Увлеченіе его старославянскими памятниками было настолько велико, что онъ охотно соглашался совершить вмѣстѣ съ Добровскимъ поѣздку на Аѳонъ и готовъ былъ для этого прервать даже путешествіе по Италіи [1]).

Покидая Прагу, Бобровскій имѣлъ уже достаточно опредѣленную и подробную программу дальнѣйшихъ занятій старой славянской письменностью. Сокровища вѣнскихъ библіотекъ, Придворной и гр. Оссолинскаго, были ему уже знакомы [2]) по долговременнымъ занятіямъ въ нихъ.

Пользуясь въ занятіяхъ своихъ въ этой области руководствомъ Копитаря, Бобровскій, конечно, избиралъ изъ рукописныхъ сокровищъ вѣнскихъ библіотекъ только наиболѣе для него существенное и обращался къ этому матеріалу не какъ филологъ-лингвистъ, а какъ богословъ и историкъ текста Св. Писанія. По указаніямъ Добровскаго и Копитаря [3]) Бобровскій въ донесеніи кн. Чарторыскому перечисляетъ

---

[1]) О ней Добровскій неоднократно говоритъ въ письмахъ къ Копитарю. Ягичъ, Источники, I, 489, 631. Ср. письмо Бобровскаго къ Ганкѣ отъ 10 апр. 1819 г.: „Dosyć będzie jego (т. е. Добровскаго) skinienia, a i z pośrodka Rzymu pospieszę do tak ważnej literackiej expedycyi, która dla słowiańskiej litteratury tyle może być sławną w późnej potomności, ile wyprawa Argonautów po złote runo do Kolchidy". Ничего однако не говоритъ Бобровскій объ этомъ своемъ намѣреніи въ донесеніи кн. Чарторыскому, хотя упоминаетъ о планѣ Добровскаго и о рукописныхъ богатствахъ аѳонскихъ монастырскихъ библіотекъ.

[2]) Въ собраніи Придворной библіотеки вниманіе Бобровскаго привлекли пять старославянскихъ рукописей: два четвероевангелія, одинъ апостолъ, одинъ пергаменный (in 4°) Lectionarium XII в. „rzadkiej starożytności, a bacznemu filologowi słowiańszczyzny wiele uwag podający", одна псалтырь; кромѣ того, греческо-русскій словарь, пріобрѣтенный Бусбекомъ въ Константинополѣ. Ср. Kopitar, Hesychii Glossogr. etc. Изъ первыхъ четырехъ рукописей Ф. К. Альтеръ помѣстилъ разночтенія въ изданіи греческаго Новаго Завѣта (I. 1786, II. 1787).

[3]) О дѣятельности Копитаря по собиранію славянскихъ рукописей Бобровскій сообщаетъ въ отчетѣ: „Kopitar kustosz ma zamiar kosztem i powagą rządu zebrać wszystkie rękopisma słowiańskie, mianowicie w Kroacyi, Dalmacyi, w królestwie Węgierskiem od granicy tureckiej znajdujące się i te umieścić w dworskiej bibl." Бобровскій передъ выѣздомъ изъ Вѣны видѣлъ уже нѣкоторые плоды этихъ заботъ Копитаря.

имена какъ славянскихъ и неславянскихъ ученыхъ, съ которыми ему слѣдуетъ познакомиться въ дальнѣйшихъ странствіяхъ, такъ и цѣлый рядъ библіотекъ, извѣстныхъ своими рукописными собраніями [1]). Изъ ученыхъ Добровскій совѣтовалъ ему посѣтить: барона Цойса въ Люблянѣ, Соларича въ Венеціи, Аппендини въ Рагузѣ, Меццофанти въ Болоньѣ, Бернарда де Росси, знаменитаго критика и экзегета Св. Писанія, въ Пармѣ; а въ списокъ городовъ, въ коихъ путешественникъ со временемъ намѣренъ былъ заняться славянскими рукописями и старопечатными изданіями, вошли: Задръ, Дубровникъ, Венеція, Миланъ, Болонья, Флоренція, Римъ, Парижъ, Нюрнбергъ, Мюнхенъ, Ландсгутъ, Штуттгартъ.

Изъ Праги Бобровскій черезъ Моравію вернулся въ Вѣну [2]). Обратный путь совершенъ былъ, несомнѣнно, поспѣшно; никакихъ болѣе продолжительныхъ остановокъ нигдѣ не было, и о нихъ нѣтъ нигдѣ, ни въ письмахъ, ни въ оффиціальныхъ донесеніяхъ, упоминанія. Наблюденія путешественника были самыя незначительныя: онъ констатируетъ только распространеніе и въ Моравіи знакомаго ему чешскаго языка, подмѣчаетъ кое-гдѣ въ устахъ народа (z ust pospólstwa) произношеніе твердаго *л* (ł) и опредѣляетъ вскользь границу распространенія чешской рѣчи на востокъ, которая „od granic węgierskich miesza się ze słowacką“.

Въ половинѣ мая [3]) Бобровскій покинулъ Вѣну и черезъ Прессбургъ направился въ Пештъ, но паспортныя затрудненія для въѣзжающихъ въ столицу Венгріи заставили его измѣнить намѣченный маршрутъ, и онъ свернулъ на Раабъ и затѣмъ на Эйзенштадтъ. На этомъ пути онъ отмѣчаетъ селенія то нѣмецкія, то словацкія, то хорватскія, то мадьярскія и невольно вспоминаетъ незабвеннаго учителя Добровскаго, давшаго ему первые уроки по этнографіи нынѣшней

---

[1]) „Wskazał nadto uczony Dobrowski miejsca, gdzie z jakimi mężami ze słowiańskiej litteratury sławnymi zabrać znajomość i jakie rękopisma i dzieła drukowane obaczyć potrzeba w dalszej podróży.“

[2]) Отсюда въ апрѣлѣ 1819 г. пишетъ Добровскому и Ганкѣ, а 1-го мая Лелевелю. См. приложенія, стр. LXXVI.

[3]) См. письмо къ Ганкѣ отъ 3 мая 1819 г. Въ донесеніи ректору отъ 2 мая н. ст. 1819 г. онъ говоритъ: „Dnia 15 Maja zamierzyłem Wiedeń opuścić, udając się do Pestu, a ztamtąd przez Kroacyą i Dalmacyą do Włoch“. Kuratorya, № 4. „Bobrowski dnia 14 Maja pojechał do Rzymu“, писалъ Даниловичъ І. Лелевелю изъ Вильна, 9 czerwca v. s. 1819 г. Имѣя въ виду обозрѣть по пути многочисленныя школы, университеты, библіотеки и пр., Бобровскій расчитывалъ только къ началу августа быть въ Римѣ.

Венгріи и познакомившаго съ разнообразными вліяніями, — мадьярскимъ, нѣмецкимъ, турецкимъ, — которымъ подвергалось славянское населеніе этой страны, и которыя отразились столь обильными слѣдами въ его языкѣ. Очевидно, со словъ учителя нашъ мимолетный по этимъ мѣстамъ путникъ говоритъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено опредѣленіе точныхъ границъ разсѣяннаго островками славянскаго населенія даже для мѣстныхъ ученыхъ. Впрочемъ, тутъ же онъ ссылается на опытъ въ этомъ направленіи Катанчича въ его „Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum“ (Zagrabiae 1795) и на новѣйшія изученія Чапловича, занятаго составленіемъ спеціальной карты Венгріи, съ обозначеніемъ границъ распространенія языковъ „чешскаго, словацкаго, хорватскаго, иллирійскаго, сервіанскаго“ и т. д.

Въ нѣмецкомъ штирійскомъ Градцѣ Бобровскій пробылъ лишь столько, сколько необходимо было для обозрѣнія его лицея, семинаріи, монастырскихъ училищъ и коллекцій Іоаннеума. Значительно больше интереса представляла для славянскаго путешественника Любляна, какъ центръ духовной жизни словинцевъ.

Сюда Бобровскій явился съ опредѣленнымъ намѣреніемъ познакомиться съ представителями славянской науки и почерпнуть изъ бесѣдъ съ ними свѣдѣнія о современномъ состояніи „карніольской“ литературы. „Самая встрѣча съ преподавателями лицея и другими литераторами, откровенность ихъ рѣчей, искренность обхожденія и гостепріимство убѣдили меня въ томъ, — доносилъ онъ кн. Чарторыскому, — что они истинные представители славянскаго племени.“

Наибольшее удовлетвореніе доставило Бобровскому знакомство съ знаменитымъ словинскимъ меценатомъ, просвѣщеннымъ барономъ Цойсомъ. Онъ засталъ его совершенно больнымъ, но болѣзнь не помѣшала вести имъ ученыя бесѣды, которыя Бобровскій сравниваетъ по основательности ихъ съ всегда памятными уроками Добровскаго [1]). Въ богатой библіотекѣ Цойса онъ изучаетъ рѣдчайшія славянскія книги и переписываетъ для себя каталогъ значительной части ихъ. О значеніи его дѣятельности Бобровскій доноситъ: „Мѣстные писатели (piśmienni krajowcy) почитаютъ въ немъ мецената, а карніольская литература обязана ему

[1]) „Jakoż w Baronie Sois, lubo podagrę od lat kilkunastu cierpiącym, równie atoli, jak w uczonym Dobrowskim, gruntownego miałem nauczyciela.“

своимъ возрожденіемъ и развитіемъ". Бобровскому извѣстно, между прочимъ, что Копитарь, бывшій секретарь барона, составилъ свой первый трудъ: „Грамматику славянскаго языка въ Крайнѣ, Каринтіи и Штиріи" (1808), согласно указаніямъ его (wedle podanych przez niego uwag); что Ант. Лингартъ, издавая свою Исторію Крайны, Каринтіи и Штиріи (Versuch einer Geschichte von Krain etc. 1788), пользовался не только матеріальной поддержкой барона, но и ученымъ его руководствомъ. Онъ дѣлаетъ далѣе нѣсколько замѣчаній о литературной дѣятельности Водника († 1819)[1]), говоритъ о томъ участіи, съ которымъ отнесся баронъ Цойсъ къ неоконченному словарю его[2]); перечисляетъ труды каноника и ректора семинаріи М. Равникаря (1776—1845), который издалъ рядъ религіозныхъ сочиненій, отличающихся гладкимъ стилемъ и чистымъ языкомъ, и знакомитъ съ ходомъ его перевода Св. Писанія[3]). Профессоръ еврейскаго языка и ветхозавѣтной экзегетики Яковъ Жупанъ подѣлился съ нашимъ путешественникомъ свѣдѣніями о глаголической письменности, собранными имъ во время недавней поѣздки по Хорватіи, Далмаціи, Истріи и ближайшимъ островамъ (Veglia, Arbe, Osero etc.). Отъ него Бобровскій, повидимому, впервые услышалъ о чрезвычайномъ упадкѣ здѣсь знакомства съ глаголической азбукой среди духовенства славяно-латинскаго обряда (ritus slavo-latini), которое прибѣгаетъ къ надписыванію надъ глаголическимъ текстомъ чтенія его латинскими буквами. Жупанъ сообщилъ ему далѣе о значительномъ сокращеніи числа приходовъ, гдѣ литургія совершалась издавна на славянскомъ языкѣ, отмѣтилъ печальный фактъ, что только болѣе бѣдные священники сохраняютъ языкъ своихъ предковъ при богослуженіи, потому что они не въ состояніи учиться латинскому языку и слушать богословіе въ лицеяхъ, и что среди монашествующаго духовен-

---

[1]) О пѣсняхъ Водника (Pesme za poskušino, 1806) Бобровскій говоритъ: „jedne duchem lirycznym zbliżają się do Horacyuszowych, drugie prostotą walczą z Anakreontskiemi".

[2]) „Pracował nad słownikiem na wzór Adelungowego, ale przed dokończeniem dzieła umarł. Nad dokończeniem i wydaniem tego słownika Baron Sois czuwać nie przestaje." Ср. Н. Петровскій, Первые годы дѣят. В. Копитаря, стр. 25.

[3]) „Pracuje teraz nad tłómaczeniem pisma Ś. wedle oryginalnego textu i już ma Pięcioxiąg wygotowany do druku, oczekuje tylko na nowe typy, których sporządzenie poruczono Kopitarowi w Wiedniu."

ства особенною приверженностью къ славянскимъ глаголическимъ бревіаріямъ и миссаламъ отличаются францисканцы.

Вотъ всѣ, намъ извѣстные, результаты занятій Бобровскаго словинской письменностью въ Люблянѣ. Изъ той части отчета о словинскихъ изученіяхъ, которая посвящена классификаціи славянскихъ языковъ и литературѣ ихъ, мы видимъ еще, что Бобровскій добросовѣстно знакомился со всѣмъ, что ему было доступно, въ области вопросовъ словинскаго языка и письменности. Посвятивши нѣсколько строкъ протестантской литературѣ словинцевъ и заслугамъ Адама Богорича, автора первой грамматики „карніольскаго нарѣчія“ (1584), Бобровскій говоритъ объ упадкѣ словинской литературы съ выселеніемъ протестантовъ и рисуетъ картину пробужденія ея съ основаніемъ Иллирійскаго королевства Наполеономъ. „Отголосокъ воображаемой свободы пробудилъ какъ бы погруженные въ летаргическій сонъ умы. Въ школы стали вводить родной языкъ. Началась работа надъ очищеніемъ языка отъ германизмовъ и провинціализмовъ, и стали появляться учебники, написанные болѣе чистымъ языкомъ“. Но чистое „карніольское нарѣчіе“ сохраняется только въ Люблянѣ и ея окрестностяхъ. На востокѣ и югѣ оно смѣшивается съ языками хорватскимъ и итальянскимъ, а на сѣверѣ и западѣ съ нѣмецкимъ. Въ Цельѣ (Cilli) и Мариборѣ (Marburg) говорятъ настолько различными говорами, что они могутъ показаться двумя совершенно отдѣльными славянскими нарѣчіями. Отличіе ихъ отъ „карніольскаго“ состоитъ по большей части въ замѣнѣ гласныхъ: e черезъ a, i черезъ e, o — u и наоборотъ. Эти наблюденія, впрочемъ, не принадлежатъ Бобровскому: онъ добросовѣстно ссылается тутъ на указанія барона Цойса.

Спеціальныя задачи Бобровскаго не позволяли ему сосредоточиться на славянскихъ изученіяхъ. Послѣднія въ программѣ-инструкціи оффиціальной и въ частныхъ совѣтахъ и порученіяхъ славянолюбиваго покровителя-куратора занимали лишь второстепенное, служебное мѣсто. Главный предметъ занятій виленскаго избранника должны были, какъ мы сказали, составлять науки богословскія. Не упуская изъ виду этой важнѣйшей части своей программы, Бобровскій съ увлеченіемъ и неослабѣвающей настойчивостью продолжаетъ однако углубляться въ обширныя и мало обработанныя поля славянской письменности.

Дальнѣйшій путь Бобровскаго по выѣздѣ изъ Любляны намъ неизвѣстенъ [1]). По всей вѣроятности, изъ Тріеста онъ переправился въ Венецію, куда привлекали его богатства венеціанскихъ библіотекъ, и отсюда уже онъ начинаетъ свое итальянское путешествіе по направленію къ югу.

Мы остановимся только на тѣхъ моментахъ этого ученаго путешествія, которые имѣютъ значеніе для исторіи занимающихъ насъ славянскихъ изученій Бобровскаго и стоятъ въ непосредственной связи съ предшествовавшими занятіями его въ славянскихъ центрахъ, съ намѣченными здѣсь вопросами и учеными проектами.

Мѣсячное пребываніе въ Венеціи посвящено было библейскимъ рукописямъ и болѣе рѣдкимъ книгамъ библіотеки св. Марка, но о нихъ Бобровскій говоритъ только вскользь, останавливаясь больше на своихъ бесѣдахъ съ „ученѣйшимъ славяниномъ“ Павломъ Соларичемъ [2]). Здѣсь онъ, повидимому, познакомился близко не только съ изданными уже трудами Соларича, но и посвященъ былъ въ его ученые проекты, пользовался его собраніемъ рукописей и дѣлалъ для себя изъ нихъ извлеченія. Такъ, онъ списалъ у него грамоту, выданную оттоманскимъ правительствомъ дубровчанамъ въ 1563 г. на свободное плаваніе по морямъ, на которыя турки распространяли свою власть. Бобровскій видѣлъ у Соларича приготовленную къ печати сербскую грамматику, которой составитель не выпускалъ въ свѣтъ, ожидая выхода старославянской грамматики Добровскаго [3]). Во время пребыванія Бобровскаго въ Венеціи Соларичъ погруженъ былъ въ разъясненіе вопросовъ древнѣйшей исторіи славянъ. Не удовле-

---

[1]) Въ донесеніи кн. Чарторыскому тотчасъ же послѣ Любляны и вообще Крайны упоминается Венеція.

[2]) „Przez miesiąc zostawałem w Wenecyi, albo zajmując się czytaniem rękopismów biblii i dzieł rzadszych w bibliotece s. Marka, albo czas przepędzając na rozmowie z Pawłem Solaryczem, jednym z najuczeńszych Słowian, autorem dzieł mnogich . . .“ Въ статьѣ Н. Андрича: „Život i književni rad Pavla Solarića“, Rad Jugoslav. Akad., knj. 150, никакихъ указаній на это знакомство не встрѣчаемъ. Нѣсколькими годами раньше Соларичъ познакомился въ Венеціи съ любителемъ славянства, членомъ Общества друзей наукъ, гр. І. Сѣраковскимъ, который путешествовалъ по Европѣ съ цѣлью собиранія извѣстій и памятниковъ о славянствѣ для задуманнаго имъ труда „Orbis Slavus“. Онъ былъ первымъ подписчикомъ на „Гіероглифику“ Соларича, которую читалъ въ рукописи.

[3]) Ср. Šafařík, Gesch. d. Slav. Liter., III, 369. Издана была только въ 1831 г. въ 24—27 кн. Лѣтописи Матицы Сербской.

творяясь свидѣтельствами древнихъ греческихъ историковъ, Соларичъ, по словамъ Бобровскаго, весной 1820 г. предполагалъ совершить ученую поѣздку по Далмаціи, въ Дубровникъ и Черную Гору. Бобровскому чрезвычайно хотѣлось сопутствовать ему, тѣмъ болѣе, что къ этому желанію отнесся сочувственно и самъ Соларичъ, но надо было, во-первыхъ, сообразоваться съ предписаніемъ начальства провести послѣдній (1820) годъ въ Римѣ, во-вторыхъ, не позволяли предпринять это дорогое путешествіе скудныя средства, какими располагалъ Бобровскій. Съ сожалѣніемъ говоритъ онъ объ этихъ препятствіяхъ въ отчетѣ кн. Чарторыскому, особенно огорчаясь ими потому, что случай представлялся рѣдкій и чрезвычайно удобный для расширенія своихъ познаній по славянской литературѣ [1]).

Изъ Венеціи удобнѣе всего было выполнить предписаніе инструкціи относительно посѣщенія Дубровника, но слухи о свирѣпствовавшей въ европейской Турціи эпидеміи (zarazie) и предстоявшія въ виду этого карантинныя стѣсненія заставили Бобровскаго отказаться отъ этой мысли и отложить эту часть программы до болѣе благопріятнаго времени.

Посѣтивши Падую и ея знаменитый и въ исторіи польскаго просвѣщенія университетъ [2]), затѣмъ Болонью, гдѣ онъ познакомился съ Меццофанти, и Флоренцію, Бобровскій 10-го августа 1819 г. прибылъ наконецъ въ Римъ.

Доступъ въ римскія библіотеки облегченъ былъ для него въ значительной степени тою рекомендаціей, которою его снабдило, во-первыхъ, россійское посольство въ Вѣнѣ, во-вторыхъ, письмомъ кн. Чарторыскаго къ нашему дипломатическому представителю при папскомъ дворѣ А. Я. Италинскому [3]).

---

[1]) Получивши въ Римѣ разрѣшеніе продолжить свое путешествіе, Бобровскій 8 апр. 1820 г. извѣщаетъ объ этомъ Соларича и проситъ его указать мѣсто, гдѣ они могли бы встрѣтиться въ Далмаціи, чтобы совершить затѣмъ вмѣстѣ ученую поѣздку. См. прилож., стр. LXXXVIII.

[2]) „Same ściany jego gmachu przypominają Polakowi wielu rodaków, którzy w wieku XV, XVI i XVII do tej świątyni Minerwy uczęszczali... Wypisałem niektóre imiona osób, wchodzących do senatu tego uniwersytetu, z zachowaniem błędnej poniekąd pisowni.“ Кромѣ этихъ именъ, Бобровскій сообщаетъ Чарторыскому свѣдѣнія о другихъ достопамятностяхъ, касающихся Польши.

[3]) См. приложенія, стр. CVI.

Вѣчный городъ съ его богатѣйшими памятниками языческой и христіанской древности восторженно настроилъ молодого богослова, но профессора и курсы восточныхъ языковъ, въ которыхъ онъ спеціально намѣренъ былъ усовершенствоваться, ради чего сюда и явился, не удовлетворили его. „Для восточныхъ языковъ, — доносилъ онъ опять Чарторыскому, — я нашелъ здѣсь не столько даровитыхъ и не столько усердныхъ профессоровъ, сколько мнѣ обѣщали въ Вѣнѣ. Въ Collegium de propaganda fide преподаются только начатки еврейскаго языка, немногимъ больше учатъ ему въ университетѣ; лекціи по арабскому и сирійскому языку ограничиваются первыми элементами грамматики.“ Съ тѣмъ большимъ поэтому усердіемъ занялся Бобровскій рукописными богатствами ватиканской библіотеки и нѣкоторыхъ другихъ собраній, напр., Collegii de propaganda fide. На памятники старой славянской письменности въ римскихъ библіотекахъ обращали его вниманіе и Добровскій, и Копитарь, и, покидая Прагу и Вѣну, онъ имѣлъ уже не только нѣкоторыя указанія относительно важнѣйшихъ памятниковъ, но, можно думать, и извѣстную программу занятій старославянскими рукописями, преимущественно глаголической письменности, и рядъ порученій какъ со стороны ученыхъ друзей и учителей, такъ и со стороны покровителя своего кн. Чарторыскаго. Послѣднія были, впрочемъ, разнообразнѣйшаго свойства и иногда съ научными занятіями Бобровскаго не имѣли рѣшительно ничего общаго.

Уже въ приложеніи къ письму кн. Чарторыскому (отъ 14/26 янв. 1820 г. изъ Рима) Бобровскій отмѣчаетъ нѣкоторыя цѣнныя славянскія рукописи (szacowne słowiańskie rękopisma) библіотекъ Collegii de propag. fide и ватиканской; въ первой онъ называетъ какихъ-то два бревіарія и три миссала, не опредѣляя ихъ точнѣе, и рукопись извѣстнаго разсужденія М. Карамана: „Identità della lingua litt. slava etc.“ (1753); во второй онъ знаетъ только четыре славянскія рукописи: глаголическій бревіарій (autentyk wedle recenzyi Lewakowicza), два кирилловскихъ четвероевангелія и лѣтопись XI ст., заключающую дѣянія первыхъ королей Далмаціи и Хорватіи [1]). Кромѣ этихъ незначительныхъ указаній, о занятіяхъ Бобровскаго старославянскими памятниками мы не имѣемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній. Нѣсколько случайныхъ

[1]) Ср. и самое письмо, въ приложеніяхъ, стр. LV.

фразъ въ письмахъ его къ кн. Чарторыскому и его секретарю указываютъ на характеръ порученій князя [1]). Какъ въ Вѣнѣ и Прагѣ, такъ точно и въ Римѣ и, какъ увидимъ дальше, во время поѣздки по Далмаціи, Бобровскій долженъ былъ обращать повсюду вниманіе на тѣ памятники, которые имѣютъ вообще отношеніе къ польской исторіи. Какъ уніатскаго священника, его занимали и независимо отъ сторонникъ порученій богатые римскіе матеріалы для исторіи уніи [2]). Вообще работы, и при томъ самой разнообразной, находилось всюду обиліе.

Главная задача, возложенная на Бобровскаго княземъ-куратором, состояла въ приготовленіи извлеченій изъ ватиканскихъ матеріаловъ, относящихся къ польской исторіи. Собственно Бобровскому надо было только подыскать надежнаго человѣка, который могъ бы продолжать извлеченія, начатыя Альбертранди. Такимъ образомъ, эти занятія не должны были мѣшать ему въ осуществленіи намѣченныхъ заранѣе, благодаря указаніямъ Копитаря и Добровскаго, разысканій въ области старославянской письменности, кирилловской и глаголической.

Среди рукописей Ватиканской библіотеки онъ обращаетъ особенное вниманіе на знаменитое Ассеманіево Ев. Эта драгоцѣнная рукопись поставлена имъ на первомъ мѣстѣ

---

[1]) Въ донесеніи Бобровскаго ректору унив., изъ Вѣны отъ 2 мая н. ст. 1819 г., заключающемъ обстоятельный перечень матеріаловъ для исторіи Руси, Польши и Литвы вѣнской Придворной библіотеки, находимъ слѣдующее интересное указаніе: „Znając ważność tego obowiązku, jaki na mię włożyłeś JWW. Pan, poruczywszy zbieranie zabytków do historyi narodowej po bibliotekach w Wiedniu i Rzymie znajdujących się, na skutek odezwy JW. Kanclerza Hrabi Rumiancowa; mając oraz do jego dopełnienia zbyt mierne siły i te obrócone szczególniej do celu podróży, którą odbywam z postanowienia Uniwersytetu, mimo najwyższe me chęci odpowiedzenia wszelkim mojej Zwierzchności rozkazom, nie mogę w tym razie tylko niedostateczne JWWPanu przesłać doniesienie o rękopismach w Wiedniu będących, tych mianowicie, któreby posłużyły do sprawdzenia i wyjaśnienia tak Rossyjskiej, jako i Polskiej historyi". Старанія Румянцова о собираніи такихъ матеріаловъ общеизвѣстны; порученія кн. Чарторыскаго по этому предмету были, повидимому, лишь дополненіемъ къ просьбамъ Румянцова. Сознавая, насколько эти задачи далеки отъ прямой цѣли путешествія, Бобровскій не могъ не оправдаться предъ пославшимъ его университетомъ въ этомъ разсѣяніи силъ и не подчеркнуть все-таки преимущественнаго служенія интересамъ университета. Изъ названнаго отчета Бобровскій просилъ сообщить Румянцову „достойное вниманія", по мнѣнію ректора.

[2]) См. Приложенія, стр. LXX.

среди множества разсмотрѣнныхъ славянскихъ памятниковъ: кодексъ увлекаетъ его какъ своею несомнѣнною древностью, такъ и особенностями редакціи перевода [1]). Но глаголическое письмо не можетъ еще служить доказательствомъ древности глаголической литургіи, такъ какъ Евангеліе расположено не по обряду римскому, а по греческому.

Понимая значеніе этого памятника для исторіи перевода Св. Писанія, Бобровскій задумываетъ дать со временемъ болѣе обстоятельное описаніе его. Не желая терять времени на разсмотрѣніе устарѣвшихъ каталоговъ ватиканскаго собранія рукописей, Бобровскій по просьбѣ библіотекаря, монсиньора Анджело Маи [2]), приступилъ къ критическому описанію славянскихъ рукописей, библейскихъ и историческихъ, обращая также вниманіе и на палеографическія особенности ихъ. По возвращеніи въ концѣ 1820 г. изъ далматинскаго путешествія, Бобровскій занялся и печатными славянскими книгами. Для каждой книги, которая была у него въ рукахъ, онъ сдѣлалъ краткое описаніе ея; кромѣ того, обозначивъ каждую изъ нихъ особымъ номеромъ, онъ приготовилъ отдѣльный каталогъ ихъ, раздѣливъ книги на три группы, сообразно троякому характеру печати ихъ, т. е., отдѣльно сгруппировалъ книги кирилловской печати, особо — глаголическія и особо печатанныя латинскимъ шрифтомъ (schiavetto). Описаніе рукописей, равно какъ и каталогъ печатныхъ книгъ, по просьбѣ Маи и какъ бы въ выраженіе благодарности, Бобровскій оставилъ въ распоряженіе библіотеки. Оно вошло въ V-ый томъ извѣстнаго труда Маи: „Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita ab Angelo Maio.“ Romae. 1820 [3]). Богатые матеріалы для исторіи латинской и славянской церкви въ Польшѣ и памятники славянской письменности архива Collegii de prop. fide остались недоступными для Бобровскаго [4]), зато документы коллегіи

---

[1]) „Zaden mu nie wyrównywa co do dawności i ze względu na własność przekładu słowiańskiego ksiąg świętych należy do najdawniejszej recenzyi zadunajskiej, czyli serbskiej“. Краткое описаніе рук. онъ далъ въ Dzienn. Wileńsk., 1826, I, 8-ое примѣч. къ статьѣ Совича.

[2]) Къ нему Бобровскій явился съ рекомендаціей виленскаго проф. Г. Э. Гроддека. По крайней мѣрѣ, онъ самъ говоритъ о передачѣ ему письма Гроддека. См. приложенія, стр. CX.

[3]) Вѣроятно, Бобровскому принадлежали краткія замѣтки о другихъ частяхъ труда Маи въ Dzienn. Wil., 1825, III, 242 и въ др. томахъ.

[4]) Эта недоступность архива De prop. fide, не смотря на усиленныя старанія Бобровскаго, не позволила ему разсмотрѣть подлинникъ раз-

василіанъ (Akta Prokury Generalnej XX. Bazylianów Król. niegdyś Polskiego) были не только просмотрѣны Бобровскимъ, но даже описаны, и каталогъ съ краткимъ указаніемъ содержанія рукописей былъ отправленъ кн. Чарторыскому. Для приготовленія же копій имъ приглашенъ былъ далматинскій священникъ Капоръ.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ римскихъ собраній, Бобровскій посѣщалъ библіотеки и хранилища рукописныхъ матеріаловъ разныхъ монашескихъ орденовъ: доминиканское (Casanatensis), августиніанское (Angelica), кармелитское, бернардинское (in Ara coeli) и др.

Но, насколько можно заключать изъ писемъ Бобровскаго, онъ не особенно былъ доволенъ результатами своихъ занятій въ Римѣ. Двукратное, раздѣленное поѣздкой въ Далмацію, пребываніе въ папской столицѣ принесло дѣйствительно немного и въ смыслѣ расширенія спеціальныхъ познаній профессора богословія, и для увлекавшихъ его славянскихъ изученій. Навязанныя Бобровскому постороннія порученія въ сущности не позволили ему сосредоточиться ни на главномъ предметѣ, указанномъ инструкціей, ни на наиболѣе привлекавшей его старой и новой славянской письменности и языкахъ, о которыхъ та же инструкція упоминала лишь какъ бы между прочимъ.

До сихъ поръ въ ученомъ путешествіи Бобровскаго наиболѣе плодотворнымъ слѣдуетъ признать пребываніе его въ Вѣнѣ, занятія подъ руководствомъ Копитаря и драгоцѣнные уроки великаго учителя Добровскаго въ Прагѣ. Путешествіе по Далмаціи совершено было при особенно благопріятныхъ условіяхъ, и если Бобровскій не могъ встрѣтить здѣсь учителей, равныхъ по геніальности двумъ корифеямъ славянской филологіи, то тѣмъ не менѣе въ лицѣ такихъ знатоковъ страны, ея исторіи и литературы, какимъ былъ Аппендини и многіе другіе мѣстные ученые работники, онъ нашелъ полезнѣйшихъ сопутниковъ и руководителей, много облегчившихъ и самыя занятія, и неизбѣжныя въ путешествіи по незнакомой странѣ затрудненія и препятствія [1]).

сужденія Карамана „Identità“ ... и др. рукописи. „Może kto później będzie szczęśliwszym“, сожалѣлъ онъ объ этомъ.

[1]) О путешествіи Бобровскаго по Далмаціи наиболѣе подробныя свѣдѣнія находимъ въ рапортѣ его университету изъ Парижа отъ 28 авг. 1821 г. Dziennik Wileński, 1822, I, 429—455. Въ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. Замойскихъ, сохранились обильныя выписки на листкахъ для

Поѣздка въ Далмацію предположена была Бобровскимъ, какъ мы видѣли выше, уже во время пребыванія въ Венеціи, но тогда ее не удалось осуществить. Повидимому, никакой точной программы для этого путешествія ни тогда, ни позже, въ Римѣ, у него не составилось, и, насколько позволяютъ заключать нѣкоторыя мѣста переписки его съ секретаремъ Чарторыскаго А. Добровольскимъ и съ самимъ княземъ, Бобровскій покидалъ Римъ больше для исполненія различныхъ порученій князя, чѣмъ по собственному влеченію, хотя, несомнѣнно, съ поѣздкой по далматинскимъ городамъ не могли не связываться у него случайно и попутно нѣкоторые самостоятельные литературные планы. Если она въ научномъ смыслѣ дала больше, чѣмъ этого можно было ожидать въ виду сказаннаго, то съ одной стороны это слѣдуетъ приписать исключительно благопріятнымъ условіямъ, при которыхъ все путешествіе было совершено, съ другой — мы обязаны этими результатами рѣдкому трудолюбію и выдающимся дарованіямъ путешественника.

Планы Бобровскаго едва не разстроила лихорадка, которою онъ заболѣлъ въ Римѣ. Одно время ему казалось, что изъ-за болѣзни придется оставить мысль о путешествіи по Далмаціи. Но двухнедѣльное пребываніе въ Фраскати возстановило силы его, и когда, возвратившись въ Римъ, онъ встрѣтился съ какимъ-то священникомъ-далматинцемъ,

---

этого отчета, объединенныя заглавіемъ: „Rapport do Uniwersytetu o podróży do Dalmacyi w miesiącach Sierpniu, Wrześniu i Październiku r. 1820 odprawionej, dokończony w Paryżu 29 (sic) Sierpnia 1821". Отрывокъ изъ „Записокъ о путешествіи по землямъ славянскимъ" напечатанъ былъ въ Вѣстн. Европы, 1824, ч. 138, № 22, стр. 122. Кеппенъ назвалъ эти записки Бобровскаго „любопытными извѣстіями о нарѣчіяхъ хорватскаго языка (далматскомъ и рагузинскомъ)". Моск. Вѣстн., 1827, г. ч. I, стр. 227 (Κπν). Нѣкоторыя частности заключаются въ письмахъ къ кн. Ад. Чарторыскому и его секретарю А. Добровольскому. Обширный рефератъ о далматинской литературѣ представленъ былъ кн. Ад. Чарторыскому при письмѣ отъ 14/26 янв. 1820 г. изъ Рима, вмѣстѣ съ характеристиками другихъ славянскихъ литературъ. Отчетъ этотъ написанъ былъ однако до путешествія Бобровскаго по Далмаціи, исключительно на основаніи доступныхъ Бобровскому книгъ, и поэтому не имѣетъ особенной цѣны. Въ письмѣ къ своему патрону онъ самъ откровенно признается, что эти страницы — „owoc niedojrzały i przed czasem, jedynie w celu wypełnienia Pańskiego rozkazu, zerwany." Изъ протоколовъ засѣданій виленскаго унив. мы знаемъ, что въ ученомъ засѣданіи 15 дек. 1820 г. читанъ былъ отчетъ Бобровскаго о научныхъ занятіяхъ изъ Задра (Dziennik Wileński, 1821, I, 231), но къ сожалѣнію этотъ отчетъ намъ неизвѣстенъ.

собиравшимся на родину, то рѣшилъ немедленно привести въ исполненіе свой планъ, тѣмъ болѣе, что позже (въ октябрѣ) плаваніе по Адріатическому морю представляло мало привлекательнаго. Въ тотъ же день (17 авг. н. ст.) Бобровскій выѣхалъ изъ Рима въ Анкону, куда прибылъ 23 августа. Здѣсь путешественники нашли судно, возвращавшееся въ Сплѣтъ и рѣшили на немъ переправиться въ Далмацію. Изъ Сплѣта уже легко было перебраться въ Дубровникъ.

Первоначально Бобровскій предполагалъ посѣтить только Сплѣтъ, Шибеникъ, Задръ и Дубровникъ, оттуда возвратиться въ Анкону и въ октябрѣ быть снова въ Римѣ, чтобы продолжать занятія рукописями Ватиканской библ. Такое рѣшеніе онъ объяснялъ тѣмъ, что на этотъ годъ оставалось еще много странствованій и работы, Дубровникъ же не представлялъ того интереса, какой онъ имѣлъ въ эпоху своего независимаго существованія; къ тому же и порученія князя Бобровскій надѣялся выполнить въ короткій срокъ [1]). Въ одномъ изъ писемъ къ секретарю князя (отъ 4 авг. 1820 г. изъ Фраскати) Бобровскій категорически заявлялъ, что путешествіе его по Далмаціи будетъ продолжаться не больше мѣсяца, не смотря на то, что Чарторыскій назначалъ для этой цѣли цѣлыхъ три мѣсяца. Къ августу 1821 г. университетъ предписывалъ Бобровскому быть уже въ Вильнѣ; въ распоряженіи его оставался всего только одинъ годъ времени, а впереди было еще столько важнаго дѣла, столько не выполненныхъ задачъ программы. Необходимо было посѣтить Парижъ, заняться здѣсь спеціально восточными языками, ибо ни въ Вѣнѣ, ни въ Римѣ онъ не нашелъ того, чего искалъ въ этой области; предстояло ознакомиться и съ германскими протестантскими университетами; повидимому, еще въ Прагѣ онъ условился съ Добровскимъ совмѣстно совершить путешествіе по Лужицамъ.

Къ новому славянскому путешествію Бобровскій подготовлялся заранѣе и съ большимъ вниманіемъ [2]). Личныя

---

[1]) См. письмо къ Добровольскому отъ 15/27 авг. 1820 г.

[2]) Въ теченіе января 1820 г. (3-го, 4-го и 16-го) онъ подготовляетъ обширныя извлеченія (озагл.: „Litteratura raguzańska“) изъ книги Аппендини: Notizie istorico-critiche etc. Ragusa, 1802, и подъ общимъ заголовкомъ „Wyjątki do Litt. Dalmackiej“ конспектируетъ труды: 1. Opuscoli riguardanti la storia degli uomini illustri di Spalato e di parecchi altri dalmati raccolti da D. Andrea Ciccarelli Sacerdote del Castello di Purischie dell' isola Brazza. Raguza 1811, presso Antonio Martecchini. 2. Opuscoli del

знакомства съ далматинскими уроженцами въ Римѣ, ихъ совѣты, указанія и рекомендательныя письма должны были въ значительной степени облегчить первые шаги нашего путешественника на далматинскомъ побережьѣ. Въ свою записную книжку онъ тщательно заноситъ имена тѣхъ лицъ, съ которыми ему желательно было бы познакомиться, руководствуясь, очевидно, или книжными указаніями, или сообщеніями своихъ римскихъ друзей-далматинцевъ [1]).

---

signor Rados Antonio Michieli Vetturi etc. Ragusa 1811. 8°. 3. Memorie spettanti ad alcuni uomini illustri di Cattaro del Padre Francesco Maria Appendini delle scuole Pie. Ragusa 1811. Выписки эти хранятся въ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. Замойскихъ.

[1]) Въ римскихъ замѣткахъ, озаглавленныхъ: „Dla pamięci — przygotowanie do podróży po Dalmacyi" (w Rzymie w Kwietniu 1820), онъ перечисляетъ слѣдующія имена:

Cattaro. Don Filippo Juranovich nativo di Scagliari — Prete — a difetto di exagerare.

Ragusa. Padre Appendini Francesco. S. P. nel Monastero delle Monache di S. Chiara. Il suo Fratello Padre Urbano delle Scuole Pie — pisze wiersze łacińskie. Bernardo Zamagna Canonico della Cathedrale — wyborne wiersze łacińskie — stary — exgesuita. Don Giorgio Ferrich Canonico Vicario Capitulare — pisze wiersze łacińskie, z łatwością, ale nie gustowne (приписано позже: już umarł). Dottore Higgia — pisze dobrze po illyryjsku — tłómaczy z łacińskiego, więcej swe dzieła ceni niż drugich, nie daje do druku. Pádre Antonio Agnich — Bernardyn teraz w Rzymie, ma wyjechać do Zante. Carevich Dominikan. Въ другомъ спискѣ отмѣчены еще: Bartłomiej Prosper Bettera, Piotr Ignacy Sorgo, Antoni Sorgo, Łukasz Stulli, Damian Bettondi, Faustyn Gagliuffi, Marino Slatarich, Rafał Androvich, Innocenty Ciulich.

Lessina (Pharos) isola. Dottore Machiedo e Marino Gazzari — oba adwokaci. Mgr. Zudenico Vicario Capitulare. Въ другомъ спискѣ: Stefan Ostoich, Jerzy Politeo.

Macarscha. Don Paolo Miossich Cacich professore d'istoria a Spalatro. Don Stefano Pavlovich Lucich nipote del dottissimo de fonto Canonico Lucich, co przed rokiem umarł, wiele dzieł po illiryjsku wybornie podawszy do druku — nieco exaggeruje. Canonico Felicinovich. Въ другомъ спискѣ: Józef Grubissich.

Spalatro. Canonico e Vicario Capitulare Mgr. Didos. Canonico Tochich. Padre Maestro Fertilio Domenicano, nativo di Brazza — dobry kaznodzieja. Pietro Nutrizio advocato. Въ другомъ спискѣ: Lanzi Doktor; Pellegrini (gabinet starož.) Michał hr. Rados Vetturi (w miasteczku Vetturi, niedaleko od Spalatro).

Castelli di Trau. Conte Rados Michieli Vetturi — uczony, pisze, drukuje, nieco exaggeruje.

Trau. Giovanni Scacoz Vicario Vescovile — uczony. Sgri fratelli Garagnini Domenico e Luca — osoby znaczne, mają bibliotekę piękną. Giovanni Vidosseo Muzyk znajomy. Nutrizio e Carlo Bignami Medico Cerc. Ga-

Подъ именемъ Далмаціи Бобровскій понимаетъ ту часть древняго Иллирика, которая составляетъ нынѣ южную область австрійской монархіи и образуетъ округа: дубровницкій, сплѣтскій и задарскій (Raguzański, Spalatyński i Zaratyński). Имъ посвящены его замѣчанія.

Путешествіе обѣщало быть особенно интереснымъ и плодотворнымъ потому, что Бобровскій совершалъ его въ обществѣ двухъ просвѣщенныхъ мужей: ректора коллегіи піаристовъ и гимназіи въ Дубровникѣ Франциска-Маріи Аппендини, который какъ разъ въ это время предпринималъ ученую поѣздку по Далмаціи [1]), и Павла Міошича-Качича (Miossich Cacich), учителя сплѣтской гимназіи, прекраснаго знатока мѣстнаго языка и быта далматинскаго населенія.

---

bin. Nat. Frari — Lanza Carlo Napolit. Dott. Numizm. Vincenzo Solitro Antiqu. Въ другомъ спискѣ: Augustyn Casotti.

Sebenico. Stefano Macale Canonico di S. Jerolamo di Illirici in Roma nativo di Slavin. — nieco amplifikuje. Alessandro Balio — przyjaciel — znajomy. Kraglievich Bisk. Gr. Въ другомъ спискѣ: Wincenty hr. Drago, Pretor miasta; Antoni Marinovich.

Zara (Jadera). Sgr. Kreglianovich (приписано: a Venezia) — adwokat, uczony. Giovanni Giurovich Vicario Capitulare. Exdomenicano Abbate Budrovich — ten się zda do Polski — pod francuzami wydawał gazety po illiryjsku. Don Matteo Santich ill. poez. pisze, prof. Sem. ill. Въ другомъ спискѣ: X. Benedykt Mihalevich; Bernard Bicego; Mikołaj Jaxich, radca Gubernium Zaratyńskiego; Plancich, Inspektor generalny szkół normalnych.

Arbe. Canonico Bon — uczony — Missionarz — pobożny. Galzigna Biskup — żyje.

Segna. Don Antonio Cimiotti — krewny brata Arciprete.

Fiume-Buccari. Vincenzo Smaich, kupiec podupadły, wypolorowany — krewny.

Curzola — dawniej Karkar — ojczyzna Macieja Capor; jego przodkowie byli w Istryi, stamtąd do Bosnii, a prześladowani od Turków udali się do tej wyspy. Fra Bonaventura di Curzola — frate de minori Osservanti S. Francesco — lectore iubilato. Maestro del Seminario di Zara (приписано: jego miejsce Santich zajął), ora trovasi in Roma ed e Teologo di quel Arcivescovo, Secretario delle congregazioni dei casi di conscienza e definitore delle medesime. Conte e Cavaliere Sor Vincenzo Ismaelli fu consigliere Governiale del Conte di Goes, wielki Satyryk.

Lissa (Issa). Antonio Jaxa quondam Francesco del defoncto Francesco advocato a una libraria. MS. Illir. Xivot Svetoga Ivana Ursina Biscopa Trogirskoga i Boy Colomana Kraglia od Ungarie tom. 2. 8°., niektóre komedyjki illiryjskie.

Almissa. Marinovich kanonik.

Brazza. Andrzej Ciccarelli.

Curzola. Maciej Capor."

[1]) См. приложенія, стр. XC—XCII.

Къ тому же оба они снабдили нашего путешественника, очевидно, на случай самостоятельныхъ его экскурсій, рекомендаціями къ наиболѣе виднымъ и достойнымъ представителямъ далматинской интеллигенціи. Мѣстные правительственные органы относились къ нему тоже съ необыкновеннымъ вниманіемъ, и Бобровскій считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ заявить объ этомъ родному университету и назвать имена тѣхъ лицъ, коимъ онъ особенно былъ обязанъ въ своемъ путешествіи [1]).

Расчитанная первоначально не болѣе какъ на мѣсяцъ, ученая поѣздка Бобровскаго затянулась на цѣлыхъ три мѣсяца, что дало ему возможность побывать и въ такихъ городахъ, которые не входили въ его маршрутъ. Онъ посѣтилъ: Дубровникъ (Ragusa), Макарску, Омишъ (Almissa), Сплѣтъ (Spalato), Трогиръ (Trau), Шибеникъ (Sebenico), Скрадинъ (Scardona), Задаръ (Zara), Осоръ (Ossero), побывалъ на адріатическихъ островахъ: Корчулѣ (Curzola), Брачѣ (Brazza), Сулетѣ (Solta), Чресѣ (Cherso) и др. Въ Дубровникѣ, Сплѣтѣ и Задрѣ, какъ болѣе крупныхъ центрахъ Далмаціи, средоточіяхъ ея культурной жизни и политическихъ органовъ, Бобровскій провелъ болѣе продолжительное время. „Всюду, говоритъ онъ въ своемъ рапортѣ, я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду ознакомленіе съ языкомъ и литературой этой страны, равно какъ разысканія матеріаловъ, освѣщающихъ исторію славянъ, ибо усердный изслѣдователь славянскихъ древностей не можетъ отнестись равнодушно къ изученію славянскихъ племенъ, столь обильно развѣтвившихся отъ одного ствола. Тамъ онъ подмѣтитъ начала многихъ исчезнувшихъ обычаевъ; тамъ найдетъ настоящее значеніе многихъ выраженій и откроетъ затерявшійся источникъ словъ, такъ какъ часто въ одномъ изъ діалектовъ славянскаго языка случается видѣть производныя слова, коренныя которыхъ сохранились только въ другомъ; тамъ, наконецъ, онъ найдетъ слѣды раздѣленія одного славянскаго народа на множество поколѣній, извѣстныхъ донынѣ въ Европѣ подъ различными наименованіями“. Всѣ эти вопросы входили, очевидно, въ программу славянскихъ изу-

[1]) Въ письмѣ къ ректору Малевскому онъ называетъ губернатора Далмаціи Томашича и капитана сплѣтскаго округа (уѣзда) Реа. Въ черновыхъ бумагахъ Бобровскаго имѣется набросокъ письма къ послѣднему: „An den Kreisamt. (sic) Rea in Spalato. Zara 26. 8-bris 1820“.

ченій Бобровскаго въ Далмаціи, ибо съ ними въ извѣстной степени связаны были частныя порученія кн. Чарторыскаго [1]).

Въ Дубровникѣ Бобровскій нашелъ драгоцѣннаго руководителя въ лицѣ Аппендини. „Въ немъ, сообщаетъ онъ князю-куратору, я нашелъ все то, что въ Прагѣ въ прошедшемъ году я имѣлъ счастіе получить отъ ученаго Добровскаго.“ Всѣми любимый и уважаемый (wzięty u wszystkich), ученый этотъ открылъ Бобровскому доступъ ко всѣмъ сокровищамъ, какими только обладалъ Дубровникъ въ области славянской литературы; онъ облегчилъ ему знакомство съ далматинскими учеными и охотно принялъ на себя заботы объ изготовленіи для кн. Чарторыскаго точныхъ копій съ тѣхъ переводовъ греческихъ и римскихъ классиковъ, которые сдѣланы были въ Далмаціи [2]).

Менѣе успѣшны были поиски историческихъ памятниковъ, которые особенно интересовали высокаго покровителя Бобровскаго. Въ своихъ замѣткахъ Бобровскій объясняетъ причину безуспѣшности этихъ разысканій тѣмъ, что значительное число памятниковъ старины римской и славянской, рукописей и старопечатныхъ книгъ, надгробныхъ надписей иантичны хъ скульптурныхъ произведеній увезено было французами во время ихъ хозяйничанья въ Иллирійскомъ королевствѣ [3]). Все, что укрылось отъ ихъ взора, стали потомъ разыскивать австрійскія власти и собирать въ Вѣнѣ. Опасаясь, чтобы незначительные остатки письменныхъ памятниковъ не были вывезены изъ предѣловъ Австріи, власти разрѣшали чужеземцамъ только осматривать въ архивахъ запечатанныя бумаги (Rząd teraźniej-

[1]) Подробная инструкція дана была Б. княземъ въ письмѣ изъ Парижа отъ 12 марта 1820 г. Упоминаніе о ней въ письмѣ Бобровскаго къ А. Чарторыскому отъ 10/22 сент. 1820. Приложенія, стр. LXI.

[2]) Въ числѣ частныхъ порученій кн. Чарторыскаго была и покупка Бобровскимъ произведеній далматинскихъ писателей. Въ одномъ спискѣ онъ перечисляетъ „Xiążki dla xięcia Czartoryskiego kupowane“: Francesco Maria Appendini Notizie Istorico Critiche; Dell' Analogia della lingua degli antichi; Grammatica della lingua Illirica; I primi elementi della lingua latina; De praestantia et vetustate linguae illir.; Memorie spettanti ad alcuni uomini illustri di Cattaro. Urbani Appendini Carmina. Ragusii 1811 (darowane przez Appendyniego). Phaedri Fabulae versibus illyricis a Georgio Ferrich redditae. Rag. 1813. Ferrich Georg. Periegesis orae Rhacusanae. 1803. Petr Gaudenczich Istumacenye symbola Apostolskoga Cardinala Bellarmina, u Rimu 1662. Rituale Romanum Urbani VIII. iussu editum illyrica lingua. Romae 1640.

[3]) Ср. письмо къ Соларичу отъ 12 сент. 1820, прилож., стр. LXXXIX.

szy... widzieć tylko pozwala cudzoziemcom w archiwach opieczętowane papiery). Подъ такимъ запретомъ оказались и архивы въ Дубровникѣ. Распечатать хранившихся въ нихъ документовъ не имѣлъ права даже и окружной начальникъ (kapitan cyrkułu), безъ разрѣшенія императора или министра иностранныхъ дѣлъ. Эти стѣсненія для Бобровскаго не были, впрочемъ, новостью: онъ встрѣтился съ ними уже при посѣщеніи вѣнскаго государственнаго архива. Не заручившись предварительно разрѣшеніемъ заниматься въ далматинскихъ архивахъ, Бобровскій не могъ выполнить надлежащимъ образомъ возложеннаго на него порученія. „Igitur locum tantum video, ubi Troia fuit, et sola praeteritorum memoria oblector!“ остроумно замѣчаетъ онъ по этому случаю въ письмѣ къ Соларичу.

Богатыми собраніями памятниковъ старины обладали также и частныя лица, умѣвшія цѣнить драгоцѣнное наслѣдіе своихъ предковъ. Свѣдѣнія о такихъ древлехранилищахъ Бобровскій имѣлъ отъ своихъ далматинскихъ друзей, но стремленіе его познакомиться съ этими частными собраніями, было столь же безуспѣшно. Такъ, графъ Михаилъ Радосъ Ветури (Rados Veturi) въ Сплѣтѣ имѣлъ въ своемъ книгохранилищѣ и драгоцѣнные историческіе памятники, но держалъ ихъ подъ ключемъ (pod ścisłym zamknięciem) и никому не разрѣшалъ ими воспользоваться. „Badającemu się o starożytności dalmackie ani wspomniał o własnym zbiorze, kiedy z zapałem i długo mówił o przyczynach, które ojczyznę jego pozbawiły nieocenionych pomników“, жаловался Бобровскій на безучастнаго коллекціонера въ своемъ дневникѣ [1]). Зато Петръ Нутриціо Grisogono разрѣшилъ своему ученому гостю не только просмотрѣть приготовленный имъ къ печати трудъ, подъ загл.: „Serie degli uomini illustri della Dalmazia“, но даже сдѣлать изъ него необходимыя выдержки [2]).

Въ заботахъ о лучшей постановкѣ преподаванія въ виленскомъ университетѣ, кн. Чарторыскій поручилъ Бобровскому пріискать среди славянскихъ ученыхъ подходящихъ кандидатовъ на каѳедры исторіи и славянскихъ литературъ. Онъ самъ указывалъ ему на одного изъ такихъ кандидатовъ, а именно на Варѳоломея Беттеру, бывшаго

---

[1]) Ср. приложенія, стр. LXXXIX, письмо къ Соларичу.

[2]) Выписки эти, имена далматинскихъ писателей по столѣтіямъ, въ бумагахъ Бобровскаго, помѣчены: „w Spalatrze 1820. 7 września“.

секретаря дубровницкой республики, которому предлагалъ каѳедру исторіи или дипломатики въ одномъ изъ польскихъ высшихъ учебныхъ заведеній (w jakiej szkole głównej). Беттера, какъ отличный знатокъ богатствъ далматинскихъ архивовъ, помогъ бы Бобровскому оріентироваться въ матеріалахъ для исторіи славянъ и указалъ бы человѣка, которому можно было бы поручить сдѣлать извлеченія изъ этихъ архивовъ. Однако Беттера не принялъ предложенія Чарторыскаго: онъ недавно еще получилъ отъ австрійскаго правительства должность претора, т. е. судьи, въ Дубровникѣ и не соглашался покинуть родину. Никого другого среди далматинскихъ ученыхъ, способнаго занять каѳедру, Бобровскій не нашелъ. По его мнѣнію, этотъ вопросъ о пріисканіи подходящихъ кандидатовъ на нѣкоторыя каѳедры гораздо легче разрѣшить въ Моравіи и въ Чехіи, гдѣ ему не разъ приходилось встрѣчаться съ основательными учеными, довольствующимися при этомъ скромнымъ учительскимъ жалованьемъ. Изъ далматинцевъ Бобровскій особенно усердно рекомендовалъ вниманію Чарторыскаго своего сопутника Міошича на должность настоятеля и проповѣдника. „Онъ, — сообщалъ Бобровскій князю, — прекрасно знаетъ родной языкъ и его литературу, знаетъ древніе языки, а изъ новыхъ — итальянскій, французскій и нѣмецкій“. Безупречная его нравственность, общее уваженіе властей и любовь къ нему народа давали полное основаніе считать его особенно подходящимъ кандидатомъ на постъ священника-проповѣдника. „Пользуясь во время путешествія по Далмаціи его любезнымъ и просвѣщеннымъ обществомъ, я имѣлъ случай, свидѣтельствуетъ Бобровскій, хорошо узнать и его прекрасныя черты и благородныя склонности. Поэтому съ полнымъ убѣжденіемъ осмѣливаюсь рекомендовать его, какъ достойнаго высокаго вниманія вашей свѣтлости“. Призваніе его въ Вильну казалось Бобровскому особенно желательнымъ, и онъ настойчиво продолжаетъ убѣждать князя и доказывать пользу такого приглашенія: зная хорошо свой языкъ, Міошичъ легко изучитъ и польскій, какъ родственный (jako pobratymczy), и впослѣдствіи въ состояніи будетъ сообщить польскому обществу точныя свѣдѣнія объ особенностяхъ своего роднаго языка и о литературѣ, какъ далматинской вообще, такъ и дубровницкой въ частности, а въ то же время онъ можетъ быть полезнымъ и своимъ соотечественникамъ, знакомя

ихъ съ польской литературой. При любви къ наукѣ и краснорѣчіи, которыми обладалъ Міошичъ, съ теченіемъ времени изъ него могъ бы выработаться профессоръ университета. Не слѣдуетъ только медлить съ приглашеніемъ такого достойнаго славянина, такъ какъ подобныхъ людей цѣнятъ и у себя на родинѣ и не легко отпускаютъ [1]).

Одобряя многочисленныя знакомства Бобровскаго съ учеными славянами, кн. Чарторыскій не удовлетворяется однако его довольно таки сухими сообщеніями о ихъ ученыхъ работахъ; онъ желалъ бы узнать о настроеніи славянъ вообщепо отношенію къ полякамъ, о томъ, насколько знакомы они съ польской литературой, есть ли среди нихъ люди, понимающіе польскій языкъ, и т. п. Мы видѣли выше, что нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ занимали и Сапѣгу. Просвѣщенный кураторъ идетъ однако еще дальше: онъ желалъ бы завязать съ славянскимъ ученымъ міромъ непосредственныя, близкія сношенія, войти въ связь съ славянскими учеными обществами, при содѣйствіи которыхъ онъ могъ бы осуществить проектъ чрезвычайной важности для польской науки.

Уже давно кн. Чарторыскій имѣлъ намѣреніе учредить польское ученое общество, которое спеціально занималось бы изученіемъ и разработкой исторіи и литературы всѣхъ славянскихъ народовъ. Такое общество, по соображеніямъ князя, могло бы быть основано въ Варшавѣ или въ Краковѣ. Оно издавало бы ежегодникъ, посвященный своимъ ближайшимъ, спеціальнымъ задачамъ, и другіе труды, имѣющіе вообще отношеніе къ славянству [2]). Все это, — высказываетъ свою увѣренность авторъ этой прекрасной мысли, — принесло бы несомнѣнную пользу для насъ всѣхъ". Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждалъ однако вопросъ, какъ отнесутся къ этому проекту славянскіе ученые въ нѣмецкихъ госу-

---

[1]) „Ponieważ niedostatek jest nauczycielów w Dalmacyi, a osoba tak wzięta, jak jest Miossich, niełatwo może wyrobić u Rządu pozwolenie na przeniesienie się w kraj obcy, kiedy się będzie podobało W. X. M. ją wezwać; zatem inna droga, pewniej i prędzej ułatwiająca wyjazd z kraju może się obmyślić", предупреждаетъ Бобровскій кн. Чарторыскаго.

[2]) Повидимому, этотъ же проектъ изданія славянскаго журнала излагаетъ позже К. Сенкевичъ, библіотекарь пулавской библ., въ письмѣ (3 февр. 1830 г.) къ Г. С. Бандтке: „Pozwól mi jeszcze, Panie, przedstawić sobie dwa z wielu projektów, które wiszą nad naszą drukarnią. 1-o Wydawanie dziennika w języku polskim, któryby co kwartał zbierał wiadomości o wszystkich dziełach, wychodzących w krajach słowiańskich; w tym

дарствахъ (w Niemczech), живущіе „подъ властью чуждой крови и чуждаго языка“. Литература этихъ славянъ могла бы, конечно, развиваться и трудами отдѣльныхъ лицъ, но для того, чтобы она могла подняться на подобающую высоту, князю представлялось необходимымъ организовать союзъ славянскихъ ученыхъ (związek uczonych), сблизить ихъ и этимъ дать имъ возможность открыть другъ другу свои нужды и расширить поприще для научныхъ трудовъ славянскихъ ученыхъ. Наконецъ, совмѣстная дѣятельность объединенныхъ научныхъ силъ является лучшей гарантіей успѣховъ на этомъ поприщѣ [1]). Проектъ кн. Чарторыскаго имѣлъ, какъ видимъ, болѣе широкое значеніе, чѣмъ извѣстный уже намъ планъ Линде образованія польско-славянскаго ученаго общества для спеціально словарныхъ работъ [2]).

Къ сожалѣнію, Бобровскій не могъ сообщить своему покровителю какихъ-либо указаній по занимавшему его вопросу: въ Далмаціи никакого ученаго общества въ это время не оказалось, и для организаціи славянскаго ученаго общества въ Варшавѣ или Краковѣ не было здѣсь образца [3]).

Занятія Бобровскаго не ограничивались исключительно библіотеками или архивами. Онъ изучаетъ въ своихъ странствованіяхъ по Далмаціи народъ, его обычаи, дѣлаетъ наблюденія надъ его языкомъ [4]), принимаетъ даже участіе въ рѣшеніи вопроса объ устроеніи хорватскаго правописанія.

---

np. sposobie, jak jest Repertorium Becka Lipskie co do Literatury Niemieckiej. Możnaby mieć korrespondentów Polaków w Moskwie i w Petersburgu. Pan Hanka możeby nieodmówił pomocy co do czeszczyzny, a P. Szaffarik już mi ją listownie obiecywał co do tamecznej słowiańszczyzny; dodał nawet, że oddawna było jego myślą, że coś podobnego powinnoby w Polsce wychodzić . . .“ Письмо въ Ягеллонск. библ., ркп. № 1874.

[1]) Приложенія, ст. LV—LVI.

[2]) См. выше, стр. 131 и сл.

[3]) „Niema żadnego teraz w Dalmacyi towarzystwa uczonego. Wtenczas jeszcze w Raguzie, kiedy była wolność i niepodległość, istniało towarzystwo uczonych pod nazwiskiem oziosi, które ustało ze zmianą politycznego bytu swej ojczyzny . . . Z tym wszystkiem jednakże wolno jest uczonym utrzymywać związki literackie przez prywatne listy do osób znanych w uczonym świecie“, записалъ Бобровскій въ своемъ дневникѣ, очевидно, въ отвѣтъ на запросъ князя. Ср. еще письмо къ Добровольскому отъ 9 дек. 1820 г., приложенія, стр. LXXV.

[4]) Уже въ письмѣ къ Добровольскому 9 дек. 1820 г. Бобровскій обѣщаетъ по прибытіи въ Парижъ побесѣдовать „о Далмаціи, о морлакахъ, ихъ языкѣ и обычаяхъ, которые являются тѣнью нашихъ, или вѣрнѣе — имѣютъ выразительнѣйшіе слѣды общаго съ нами источника“.

Точно разграничивая области распространенія языковъ сербскаго [1]) и „иллирійскаго“ [2]), Бобровскій, очевидно, не сознаетъ вполнѣ единства ихъ; тѣмъ не менѣе онъ констатируетъ необыкновенную близость одного къ другому [3]) и только относительно „діалектовъ иллирійскаго, рагузанскаго и боснійскаго“ рѣшительно заявляетъ, что они въ сущности „одно и то же“ (ponieważ między dalmackim, raguzańskim i bośniańskim cała różnica zależy na prowincyalizmach).

Основныя отличія языковъ (mowy) „иллирійскаго“ и сербскаго проистекаютъ изъ тѣхъ культурныхъ вліяній, подъ которыми оба языка развивались. Далматинцы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ были въ постоянныхъ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ съ Венеціей и Италіей вообще; молодежь далматинская ѣздила учиться въ Падую, Болонію, Римъ, Лоретто, — благодаря этому итальянскій языкъ не могъ не отразиться на языкѣ „иллирійскомъ“; въ немъ, по наблюденію Бобровскаго, замѣтна даже „гармонія“ итальянскаго языка; ко всему этому далматинцы приняли и итальянское правописаніе. Кромѣ того, на „иллирійскомъ“ языкѣ отразились отчасти и вліянія турецкое, мадьярское, французское и нѣмецкое, какъ въ отношеніи лексикальномъ, такъ и синтактическомъ. Сербы, между тѣмъ, сохранили въ большей чистотѣ особенности своего стараго языка, благодаря постоянному употребленію его въ церкви [4]), въ духовномъ судѣ, школѣ и ученыхъ трудахъ до времени Обрадовича. Однако, и въ сербскій языкъ вошло немало словъ и выраженій турецкихъ.

Только въ устахъ народа (pospolicie) языкъ населенія Далмаціи называется хорватскимъ; въ ученыхъ изданіяхъ

---

[1]) „Dyalekt serbski albo raczej serwiański, slaveno-serbus, panuje w Serwii, w Sławonii, na Wołoszczyźnie i po innych krajach w królestwie węgierskiem między nieunitami.“

[2]) „Od Fiume wzdłuż brzegów Adryatyckiego morza aż do Antivari i po wyspach tym brzegom przyległych, oraz po całej Bośnii rozciąga się panowanie dyalektu illiryjskiego, czyli dalmackiego.“

[3]) „Mowa pospolita (serbska) bliżej przystępuje do dalmackiej niżeli do rossyjskiej ... Mówiącego Serwianina daleko prędzej zrozumie Dalmacyi mieszkaniec, aniżeli rodowity Rossyanin. Na granicach Dalmacyi tak się miesza dyalekt serwiański z dalmackim, że tworzy niejako nowy, którego nazywają dalmacko-illyryjski (serwiański).“

[4]) Тутъ Бобровскій впадаетъ въ явную ошибку, отождествляя, подобно другимъ современникамъ, языкъ церковнославянскій съ сербскимъ.

принято вообще имя — „иллирійскій". Островитяне и жители городовъ и приморскихъ селеній говорятъ на языкѣ, сильно смѣшанномъ съ итальянскимъ, но чѣмъ больше будемъ углубляться внутрь страны, тѣмъ чище будетъ славянская рѣчь въ устахъ простого (niokrzesanego) морлака, который, какъ наблюдаетъ Бобровскій, произноситъ хорошо даже твердое *л*. Этотъ звукъ, свойственный русскому и польскому языкамъ, Бобровскій впервые правильно подмѣтилъ на славянскомъ западѣ въ говорахъ моравскихъ; теперь эту особенность онъ наблюдаетъ вторично за время своего путешествія, при чемъ не безъ нѣкоторой гордости замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ объ этомъ открытіи, немало удивившемъ даже такого знатока далматинскихъ говоровъ, какъ Аппендини [1]).

Вторымъ далматинскимъ центромъ, привлекшимъ вниманіе Бобровскаго, былъ Задръ. Здѣсь онъ провелъ около двухъ недѣль [2]). Занятія его начались знакомствомъ съ нѣкоторыми историческими матеріалами. Отъ одного изъ мѣстныхъ представителей власти Бобровскій получилъ для просмотра донесенія Dandolo, губернатора Далмаціи, составлявшіяся имъ въ теченіе цѣлаго рядъ лѣтъ. Въ нихъ онъ нашелъ обстоятельное географическое и статистическое описаніе Далмаціи и указанія на тѣ дѣйствительныя средства, которыя могутъ способствовать поднятію просвѣщенія, промышленности, земледѣлія и торговли этой страны.

Въ Задрѣ Бобровскій принялъ участіе въ извѣстномъ съѣздѣ, созванномъ австрійскимъ правительствомъ для выработки правилъ однообразнаго „иллирійскаго правописанія", обязательнаго для всѣхъ школъ въ Далмаціи и для всѣхъ элементарныхъ книгъ. Приглашенный оффиціально къ участію въ трудахъ съѣзда задрскимъ губернаторомъ Томашичемъ, Бобровскій высказалъ въ этомъ собраніи „ученѣйшихъ далматинцевъ" свои соображенія по правописному вопросу [3]). Совѣщанія открылись 22 октября 1820 г. въ иллирійской архіепископской семинаріи, при участіи слѣ-

---

[1]) „Osobliwość — dotąd nawet nieznana żadnemu z filologów, co pisali o dyalektach słowian południowych, tak dalece, że samego Appendiniego brzmienie tej spółgłoski zadziwiło nie pomału, jako nowość słowiańszczyzny". Dzienn. Wileński, 1822, I, str. 432.

[2]) См. письмо къ Малевскому отъ 30 окт. 1820 г. Прилож., стр. LXVII.

[3]) Приглашеніе для Бобровскаго было настолько неожиданнымъ, что онъ самъ посмѣивался надъ выпавшей на его долю честью. „Ale,

дующихъ лицъ: Ф. М. Аппендини, свящ. и проф. гимназіи въ Задрѣ Бенедикта Микалевича, законоучителя той же гимназіи Николая Доминика Будровича, проф. сплѣтской гимназіи Павла Міошича. Предложеніе Бобровскаго, ввести въ латинскую „иллирійскую“ азбуку для обозначенія кирилловскаго щ (szcz) условное начертаніе — два длинныхъ s (ſſ), было единогласно отвергнуто, такъ какъ звукъ щ вовсе не встрѣчается въ языкѣ населенія Далмаціи, слѣдовательно, въ знакѣ для него нѣтъ никакой нужды. Аппендини обратилъ при этомъ вниманіе Бобровскаго, что въ словарѣ Стулли нѣтъ ни одного слова на щ, а есть только на ш (sct). Бобровскій заинтересовался этимъ, неизвѣстнымъ ему еще фактомъ и сталъ доискиваться причинъ совершеннаго исчезнованія этого звука изъ „иллирійскаго“ языка. По его мнѣнію, это явленіе объясняется употребленіемъ далматинцами латинской азбуки и итальянскаго правописанія. Съ вытѣсненіемъ глаголической азбуки, въ которой для обозначенія щ имѣется особый знакъ, далматинцы вынуждены были употреблять нѣсколько буквъ и сочетать ихъ на итальянскій манеръ (scit — вм. щитъ). Съ теченіемъ времени итальянское чтеніе славянскихъ словъ упрочилось, а старое произношеніе ихъ окончательно было позабыто. Въ этомъ мнѣніи его особенно утверждало то обстоятельство, что въ устахъ морлака слышится еще настоящее произношеніе щ; кромѣ того, и Міошичъ заявилъ, что въ Макарской, его родномъ городѣ, тоже сохранилось произношеніе щ, въ словахъ: що, щитъ, щодри.

Подъ вліяніемъ высказанныхъ на съѣздѣ соображеній и предложеній о реформѣ иллирійскаго правописанія Бобровскій приходитъ къ мысли о необходимости преобразовать и правописаніе польское, привести польскую азбуку въ большее соотвѣтствіе съ алфавитомъ кирилловскимъ. Система сложенія буквъ, какъ неудовлетворительная, подвергается при этомъ его критикѣ, и онъ предлагаетъ устранить ея недостатки введеніемъ въ польскую азбуку знаковъ: ç, ſ, ſç или ſſ, вмѣсто принятыхъ сочетаній cz, sz, szcz; для обозначенія же я, ѣ, ю, ѧ (sic) вводитъ сочетаніе і съ соотвѣтствующими гласными, т. е.: іа, іе, іо, іu, или ја, је,

---

ale, muszę się przed wami pochwalić, chociaż propria laus sordet, żem w Dalmacyi za uczonego uchodził, zwyczajnie jak inter caecos monooculus rex“, писалъ онъ Добровольскому 9 дек. 1828 г.

jo, ju[1]). Недостатокъ времени и самый характеръ оффиціальнаго отчета не позволили ему коснуться еще многихъ спеціальныхъ вопросовъ: такъ, онъ желалъ бы изложить исторію развитія обоихъ діалектовъ, далматинскаго и дубровницкаго, исторію заселенія славянами адріатическаго побережья, утвержденія среди нихъ христіанства, введенія славянской литургіи, поговорить о кириллицѣ и глаголицѣ, объ изданіяхъ Трубера, ихъ распространеніи въ Далмаціи и вліяніи на далматинское нарѣчіе, объ изданіяхъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ Пропагандою, о заслугахъ Леваковича, Пастрича, Карамана, объ упадкѣ глаголической письменности и т. д. Со временемъ однако онъ надѣялся воспользоваться собранными матеріалами для самостоятельнаго изслѣдованія въ области намѣченныхъ вопросовъ.

Въ Задрѣ Бобровскій имѣлъ случай разсмотрѣть нѣкоторыя рукописи Карамана, принадлежавшія нѣкоему Пекоту, который получилъ ихъ, женившись на правнучкѣ Карамана. Между прочимъ онъ нашелъ здѣсь и трактатъ „Identità della lingua litterale slava“ . . ., оригиналъ или копію той рукописи, которая хранится въ архивѣ De propaganda fide и которая упоминается у Ассемани (Calend. eccl., IV, 409). Бобровскій обратилъ вниманіе на дату посвященія этой рукописи папѣ Бенедикту XIV. И у Ассемани, и въ рукописи, которую имѣлъ въ рукахъ Бобровскій, дата: 1753 г. Но Бобровскій замѣтилъ на полѣ задрской рукописи примѣчаніе (свящ. Rosa), въ которомъ упомянутъ 1754 г., какъ годъ поднесенія папѣ этого разсужденія. Это заставляетъ его сдѣлать предположеніе, что Караманъ могъ написать свой трактатъ въ 1753 г. и поставилъ этотъ же годъ подъ посвященіемъ, но только въ слѣдующемъ году поднесъ свой трудъ въ Римѣ папѣ.

Продолжительное путешествіе по Далмаціи и общеніе съ виднѣйшими представителями ея научнаго движенія принесли Бобровскому, несомнѣнно, весьма большую пользу; они должны были, прежде всего, расширить его знакомство съ сербо-хорватскимъ языкомъ; подъ руководствомъ Аппендини онъ могъ пріобрѣсти основательныя познанія спеціально въ области далматинско-дубровницкой письменности, ознакомиться съ бытомъ народа и т. д.

[1]) Подробный отчетъ о постановленіяхъ съѣзда сохранился въ бумагахъ Бобровскаго: „Osservazioni sull'ortografia Illirica fissata dalla Commissione di Zara 1820. 22. 8-bre“. Въ библ. Замойскихъ, рукоп. № 40.

Уже подготовительныя занятія къ далматинскому путешествію велись въ Римѣ не только по книгамъ, но и по указаніямъ далматинскихъ уроженцевъ; теперь многое изъ пріобрѣтеннаго въ Римѣ могло быть дополнено, провѣрено и надлежащимъ образомъ оцѣнено, благодаря личнымъ связямъ и самостоятельнымъ изученіямъ и наблюденіямъ.

Общее впечатлѣніе отъ знакомствъ съ учеными далматинцами, вынесенное Бобровскимъ, было хорошее. Въ замѣткахъ по далматинской литературѣ, подобранныхъ для подробнаго донесенія о путешествіи кн. Чарторыскому, Бобровскій высказываетъ слѣдующія замѣчанія объ „uczeńszych Dalmatach i Raguzanach". „Послѣдніе, - говоритъ онъ, — продолжая жить воспоминаніями объ утраченной независимости, сильно привязаны къ своей народности, хорошо знаютъ свой языкъ и стараются сохранить его въ чистотѣ въ своихъ произведеніяхъ, въ которыхъ имѣютъ въ виду изобразить позднѣйшимъ поколѣніямъ блестящее прошлое своей отчизны и упрочить и сохранить навсегда драгоцѣнное наслѣдіе — языкъ. Далматинцы, хотя и обнаруживаютъ искреннее желаніе усовершенствовать свой языкъ, извлечь изъ тьмы забвенія и передать памяти потомства все, что сохранилось славянскаго, не располагаютъ однако для достиженія этой возвышенной цѣли соотвѣтственными средствами и не встрѣчаютъ въ этомъ отношеніи поддержки. До сихъ поръ они не слышали еще въ своихъ школахъ преподаванія на родномъ языкѣ, а только на итальянскомъ или латинскомъ; до сихъ поръ нѣтъ у нихъ хорошей грамматики родного языка; только необходимость объясняться съ простымъ народомъ заставляетъ многихъ учиться тому языку, на которомъ говорили ихъ предки; духовныя же лица проповѣдуютъ по необходимости по-славянски и пишутъ проповѣди, катехизисы и другія богословскія произведенія на народномъ языкѣ.

Ближайшее знакомство Бобровскаго съ памятниками глаголической письменности въ библіотекахъ Рима и въ частныхъ собраніяхъ въ Далмаціи, связи его съ далматинскими учеными, преимущественно — духовными лицами, сообщившими нашему путешественнику немало цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи славянскаго богослуженія въ Далмаціи, тоже въ значительной мѣрѣ повліяли на направленіе дальнѣйшихъ ученыхъ работъ его. Какъ убѣжденный сторонникъ славянскаго обряда и защитникъ правъ старославянскаго языка,

Бобровскій со всѣмъ усердіемъ обращается къ изученію глаголической письменности, исторіи первыхъ изданій ея и исправленія текстовъ. Дѣятельность Р. Леваковича, участіе въ исправленіи имъ глаголическаго бревіарія (1648 г.) холмскаго уніатскаго епископа Меѳодія Терлецкаго и василіанъ Іосафата Исаковича и Филиппа Боровича; новый пересмотръ глаголическаго миссала (1631, 1706 г.) Матвѣемъ Караманомъ (1741) при участіи василіанъ Максимиліана Завадзкаго, Цезаря Стебновскаго, Иннокентія Пѣховскаго и Сильвестра Рудницкаго, — всѣ эти моменты позднѣйшихъ судебъ глаголической письменности составляли предметъ живого интереса Бобровскаго.

Исполняя разнообразныя порученія кн. Чарторыскаго и гр. Румянцова [1]), Бобровскій находилъ достаточно времени и для выполненія своихъ прямыхъ задачъ и дѣйствительно работалъ въ Римѣ съ поразительной настойчивостью. Когда другой виленскій стипендіатъ, каноникъ Черскій [2]), отправленный за границу для усовершенствованія въ древнихъ языкахъ, посѣтилъ своего товарища въ Римѣ, онъ засталъ его за работой, среди груды славянскихъ рукописей. „Siedział on, посмѣивался Черскій въ письмѣ къ А. Добровольскому, jak szczur w mące między rękopisami i xięgami słowiańskiemi, na których przypłynął z Dalmacyi, i męczył mię czytaniem wyjątków z dzikich jakichś języków“ [3]). Принимая во вниманіе новизну предмета, которымъ увлекся Бобровскій, незначительную подготовку его для занятій вопросами славянской письменности, а также непродолжительность этихъ второстепенныхъ его изученій, слѣдуетъ признать результаты ихъ весьма значительными.

Мы разсмотримъ всѣ извѣстныя намъ работы Бобровскаго, относящіяся къ югославянской письменности, непосредственно вслѣдъ за его итальянскимъ и далматинскимъ

---

[1]) Порученія давались подчасъ весьма затруднительныя, часто къ предмету занятій Бобровскаго, не имѣвшія никакого отношенія: то приходилось заниматься уплатой по счетамъ скульпторамъ и художникамъ, то заботиться о пріобрѣтеніи частицъ мощей и т. д. На одномъ изъ листковъ („Pro memoria“) Бобровскій записалъ: „Hrabia Rumiańcow — wyszukać metrykę (!) Xtu Włodzimierza W. i innych zabytków, tyczących się początków wiary w Rossyi — w bibl. Watyk.“ Ср. прилож., стр. LVIII.

[2]) Переводчикъ оды Державина „Богъ“ на латинскій языкъ. Dzienn. Wileński, 1822, I, str. 198.

[3]) Письма Черскаго въ библ. Музея Чарторыскихъ, въ одномъ переплетѣ съ письмами и донесеніями Бобровскаго.

путешествіемъ, такъ какъ всѣ онѣ являются результатомъ пребыванія въ Римѣ и посѣщенія далматинскихъ книгохранилищъ, хотя и появились въ печати уже по возвращеніи его въ Вильну.

Раньше другихъ работъ Бобровскаго напечатана была: „Wiadomość o rękopismie dawnej kroniki Dalmackiej, znajdującem się w bibliotece Watykańskiej pod Nrem 7019 na k. 97 i dalszych“ [1]). Среди рукописей Ватиканской библіотеки, собранныхъ стараніями Ивана Луцича (Ivan Lucić, Lucius) и имѣющихъ особенное значеніе для исторіи Далмаціи и Хорватіи, подъ № 7019, на стр. 97 и слѣд., находится отрывокъ, содержащій исторію королей Далмаціи и Хорватіи отъ 538 г. до 1079 г.[2]). На него обратилъ вниманіе Бобровскій.

Эта хроника безымяннаго автора, являясь древнѣйшимъ памятникомъ далматинской письменности, достойна по древности своей занять первое мѣсто послѣ лѣтописи Нестора. По мнѣнію Бобровскаго, она относится, если не къ XI-ому, то къ XII-ому вѣку[3]).

Ватиканская рукопись переписана была въ 1546 г. Іеронимомъ Калетичемъ, латинскимъ письмомъ съ копіи, сдѣланной Доминикомъ Папаличемъ съ древней глаголической рукописи, найденной въ антиварской епархіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ приписка въ концѣ ватиканской рукописи. Непостоянство правописанія ея и явныя ошибки переписчика дѣлаютъ затруднительнымъ пониманіе многихъ мѣстъ, которыя можно было бы исправить, если бы нашлась хоть

---

[1]) Dzienn. Wileński, 1823, II, str. 369—382. Русскій переводъ: „О старинной Славянской рукописи Хроники Далматской“, въ Вѣстн. Евр., 1824, ч. 138, № 24, стр. 258 и сл.

[2]) Въ обширномъ примѣчаніи Бобровскій сообщаетъ рядъ свѣдѣній о Луцичѣ, разсматриваетъ его „De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex, Francofurti, 1666, останавливается и на другихъ, вошедшихъ въ это изданіе древнѣйшихъ далматинскихъ лѣтописяхъ, отмѣчая при этомъ, что изданіе Луцича вошло впослѣдствіи въ „Scriptores rerum hungaricarum, dalmaticarum etc.“ Швандтнера, 1748 г. Обширность примѣчанія Бобровскій оправдываетъ слѣдующими соображеніями: „Rozszerzyłem się w tym przypisku jedynie dla tego, abym wskazał najdawniejsze kroniki słowian południowych, których znajomość nie może być obojętną dla północnych Europy mieszkańców, pochodzących z jednego, co i tamci, słowiańskiego plemienia, używających jednej mowy, co do istoty, zachowujących poniekąd jedne zwyczaje.“

[3]) Бобровскій дѣлаетъ здѣсь ссылку на Slavin, стр. 378; къ тому же времени относитъ рукопись и Кукульевичъ, Arkiv, I, str. 2.

одна глаголическая рукопись, или нѣсколько болѣе исправныхъ латинскихъ списковъ ея.

Хроника эта была настолько популярна, что существуетъ и въ переводахъ. Бобровскій называетъ два латинскихъ и одинъ итальянскій переводъ. Первый латинскій принадлежитъ попу Дуклянину (kapłan Diokleas), второй — Марку Маруличу (1510 г.), итальянскій — Мавру Орбини. Кукульевичъ, сравнивъ лѣтопись попа Дуклянина (1150—1200), который по просьбѣ нѣкоторыхъ священниковъ и гражданъ дуклянскихъ самъ перевелъ ее съ хорватскаго языка (ex sclavonica littera) на латинскій, съ латинскимъ переводомъ ватиканской хроники, нашелъ, что „prvi i veći dio istog prevoda sudara se, izim někih malenkostih, mal ne od rěči do rěči sa našom hrvatskom kronikom". Бобровскаго, очевидно, тоже поразило это сходство, и, зная обѣ лѣтописи, онъ приписалъ Дуклянину переводъ хорватской хроники на латинскій языкъ. Бобровскій уловилъ связь обоихъ произведеній. И Кукульевичъ допускаетъ, что хорватскую хронику могъ написать тотъ же попъ Дуклянинъ въ своей молодости, и только подъ старость онъ перевелъ ее на латинскій языкъ.

Изложивши существенное содержаніе хроники (osnowę Kroniki Dalmackiej) и приведя изъ нея списокъ хорватскихъ королей, Бобровскій выясняетъ значенія ея (со ссылкой на Assemani Calendaria eccl. univ.) и сообщаетъ отрывокъ на хорватскомъ языкѣ (описаніе обращенія въ христіанство далматинцевъ св. Кирилломъ при королѣ Будимирѣ), при этомъ пользуется польскимъ правописаніемъ и снабжаетъ отрывокъ примѣчаніями грамматическаго характера, замѣняя въ нихъ устарѣлыя слова хроники современными „далматинскими", указанными ему по его просьбѣ Матвѣемъ Капоромъ. Списокъ сомнительныхъ мѣстъ, прежде всего — именъ лицъ, городовъ, странъ, съ просьбой провѣрить ихъ по ватиканской рукописи и сообщить свои объясненія и переводъ нѣкоторыхъ словъ, Бобровскій послалъ Капору въ письмѣ изъ Парижа [1]).

Эта статья Бобровскаго была лишь предварительнымъ этюдомъ, предназначеннымъ для болѣе широкаго круга любителей просвѣщенія, читателей виленскаго журнала. Замѣчательный памятникъ югославянской исторіографіи заслуживалъ болѣе основательнаго изученія, и Бобровскій,

[1]) См. приложенія, стр. XCV—XCVI.

правильно оцѣнивая значеніе лѣтописи, рѣшилъ издать ее въ полномъ видѣ. Объ этомъ намѣреніи онъ прежде всего (въ 1821 г.) сообщилъ Добровскому [1]), прося у него указаній относительно способа изданія и источниковъ для комментарія и критическихъ замѣчаній. Тогда же, ходатайствуя о продолженіи командировки, онъ высказывалъ въ письмѣ къ кн. Чарторыскому надежду, что при условіи болѣе продолжительнаго пребыванія въ Парижѣ ему, быть можетъ, удалось бы издать эту лѣтопись [2]). Впослѣдствіи, по возвращеніи изъ путешествія, онъ неоднократно возвращается къ этому проекту въ письмахъ къ другу Лелевелю, которому подробно излагаетъ свой планъ изданія, съ очевидною цѣлью вызвать со стороны историка замѣчанія, получить отъ него руководящіе совѣты и вообще заручиться его ученымъ содѣйствіемъ.

Вся рукопись была имъ собственноручно переписана [3]), оставалось приготовить ее къ изданію. Переѣздъ въ Парижъ заставилъ Бобровскаго перенести туда и эту сложную работу, тогда какъ ее, несомнѣнно, легче было бы произвести въ Римѣ, гдѣ онъ могъ всегда найти помощь у своихъ просвѣщенныхъ друзей-далматинцевъ.

Въ его запискахъ („Doniesienie o moich zabawach w Paryżu i Niemczech“) находимъ слѣдующія строки объ этихъ парижскихъ занятіяхъ лѣтописью: „Przy tych zabawach (занятіяхъ въ парижскихъ библ.) namierzyłem Kronikę Dalmacką wygotować do druku, ale kiedym się zabierał do dokończenia dzieła (volui apponere ultimam manum), znalazłem takie trudności, iż ich pokonać było niepodobna bez pomocy xiążek i biegłych w Słowiańszczyznie“. Затрудненія, которыя онъ встрѣчалъ въ пониманіи текста лѣтописи, заставили его обратиться къ помощи дубровчанина графа Сорго [4]) и извѣстнаго дубровницкаго поэта де Брюера (Брюеровича), съ которыми онъ познакомился благодаря князю Сапѣгѣ [5]). Но расчетъ на ихъ содѣйствіе оказался напраснымъ. Единствен-

[1]) См. приложенія, стр. L—LI.

[2]) Ibid., стр. LXIII.

[3]) „Chronicon vero Dalmatinum totum descripsi“, писалъ онъ Копитарю изъ Парижа 1821. XII. Calend. Octobr. Arch. f. slav. Phil., XXIII, 317.

[4]) Повидимому, автора статьи: „Memoire sur la langue et les moeurs des peuples Slaves“ въ Memoires de l'Acad. celtique, Paris, 1808, p. 21—56, отмѣченная Добровскимъ, Slovanka, II, 106.

[5]) Бобровскій не называетъ его имени.

ную надежду послѣ этого Бобровскій возлагалъ на Добровскаго, съ которымъ долженъ былъ съѣхаться въ Будишинѣ или Згорѣльцѣ, на пути въ Россію, и отложилъ свой трудъ до болѣе благопріятнаго времени [1]). Изданіе, очевидно, уже тогда было въ значительной части подготовлено, если Бобровскій испрашивалъ у князя-куратора разрѣшенія посвятить ему свой трудъ.

По плану Бобровскаго [2]) изданіе должно было заключать: предисловіе, — свѣдѣнія о рукописи и переводчикахъ ея; далѣе слѣдовала бы самая хроника въ двухъ видахъ: съ одной стороны — подлинный текстъ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей правописанія его, параллельно — транскрипція оригинала польскимъ правописаніемъ, въ вѣрной передачѣ хорватскаго произношенія; подъ текстомъ предполагались филологическія замѣчанія: объясненіе непонятныхъ словъ, съ указаніемъ грамматическихъ измѣненій ихъ, свойственныхъ далматинскому нарѣчію, и сравненіе ихъ съ другими славянскими языками. Въ самомъ концѣ Бобровскій намѣренъ былъ сдѣлать сравненіе переводовъ лѣтописи съ ея оригиналомъ, указать наиболѣе рѣзкія отличія ихъ отъ подлинника и присоединить историческія и хронологическія замѣчанія. Изданіе, такимъ образомъ, могло бы удовлетворить самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ.

Особенно расчитывалъ Бобровскій на помощь Лелевеля, съ которымъ, очевидно, уже раньше переговорилъ объ этомъ дѣлѣ. Прежде всего, онъ желаетъ знать безпристрастное мнѣніе друга: стоитъ ли предпринимать этотъ трудъ? будетъ ли вообще какая-либо польза отъ задуманнаго имъ изданія? Онъ отсылаетъ Лелевеля къ своему предварительному сообщенію въ виленскомъ журналѣ и къ переводамъ лѣтописи въ „Scriptores rerum hung.“ Швандтнера. „Если этотъ трудъ обѣщаетъ какую-либо пользу, тогда я просилъ бы васъ, — пишетъ онъ Лелевелю, — имѣя это изданіе подъ руками, взять изъ него болѣе необходимыя примѣчанія и присоединить къ нимъ свои собственныя для устраненія очевидныхъ ошибокъ лѣтописи въ именахъ королей и въ хронологіи“. Для такой работы Бобровскій счи-

[1]) „Odłożyłem pracę dalszemu czasowi w nadziei, że przy pomocy takiego literata ułamek ów kroniki do tego stanu przyprowadzę, iż godnym będzie przypisania JO. Xięciu Kuratorowi, co przyjąć najłaskawiej sam xiąże już był zezwolił.“

[2]) Приложенія, стр. LXXVII—LXXVIII.

таетъ себя недостаточно способнымъ. Лелевель, какъ можно заключить изъ слѣдующаго письма къ нему Бобровскаго (15 авг. 1825 г.), отнесся къ просьбѣ своего друга съ чрезвычайной осмотрительностью: онъ, повидимому, указалъ ему на тѣ трудности, съ которыми связано было осуществленіе изданія инославянской хроники. Бобровскій соглашался съ его доводами, признавалъ, что заросшее сорной травой поле, на которомъ онъ самъ желалъ бы поработать и куда звалъ друга, дѣйствительно никѣмъ еще не воздѣлывалось, что оно требуетъ разсудительнаго (przemyślnego) и трудолюбиваго пахаря, чтобы на этой нивѣ взошли настоящіе славянскіе всходы. Поэтому безразсудно было бы ожидать сейчасъ же зрѣлой жатвы. Бобровскій краснорѣчиво убѣждалъ своего друга выйти работникомъ на эту новую ниву, не пугаясь трудности дѣла. „На историческомъ поприщѣ ты пріобрѣлъ уже всеобщую славу, — писалъ онъ Лелевелю, — поэтому, если ты перенесешь свой плугъ и на далматинскую полосу, то можешь, какъ тебѣ угодно будетъ, подѣлить ее, воздѣлать и засѣять въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ". Работу можно было бы вести не спѣша, лишь бы ее выполнить. Бобровскій терпѣливо будетъ ожидать „готоваго зерна".

Лелевель уступилъ настоятельнымъ убѣжденіямъ своего друга. Въ октябрѣ уже Бобровскій благодаритъ его за присылку „далматинскихъ вещей", очевидно, столь желанныхъ примѣчаній и всего ученаго аппарата. Теперь онъ составляетъ уже окончательный планъ изданія лѣтописи и сообщаетъ его вновь другу-сотруднику, чтобы услышать его послѣднія замѣчанія.

Планъ изданія теперь начертанъ былъ слѣдующій. Предисловіе будетъ заключать свѣдѣнія о рукописи хроники, о ея авторѣ, о цѣли написанія хроники и особенностяхъ памятника, — все это наблюденія Лелевеля (a to będzie, co Pan obserwacyami objąłeś); далѣе пойдутъ замѣчанія о переводчикахъ хроники: попѣ Дуклянинѣ (Diokleasie) и Маруличѣ (по Швандтнеру), объ итальянскомъ переводѣ Дуклянина, сдѣланномъ Мавромъ Орбини (переводъ имѣлся у Бобровскаго); о пояснительныхъ примѣчаніяхъ (przypisach) къ лѣтописи, которыя сдѣлали Луличъ[1]), Швандтнеръ, Ассе-

[1]) Выписки изъ Joannis Lucii „De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex" онъ дѣлаетъ уже въ Римѣ; въ записной книжкѣ онѣ занесены: „1820. 1 Febr. in Bibliotheca dicta Minervae O. P. Romae".

мани, Энгель и наконецъ Лелевель; здѣсь же будутъ помѣщены и филологическія замѣчанія самого Бобровскаго. Техническая сторона изданія въ зависимости отъ этой новой программы тоже нѣсколько видоизмѣнялась. Подлинный текстъ, съ сохраненіемъ его своеобразнаго правописанія, долженъ былъ занимать лѣвую половину страницы, параллельно съ нимъ положена была бы польская транскрипція его (czytanie jego z polska), внизу филологическія замѣчанія Бобровскаго, но въ болѣе совершенномъ видѣ (nieco szykowniej uczynione), чѣмъ онъ сдѣлалъ это въ первомъ опытѣ въ Dzienniku Wileńsk.; на противоположной страницѣ Бобровскій желалъ помѣстить параллельно переводы Дукляннна и Марулича, сопоставленные Лелевелемъ, а внизу подъ ними примѣчанія изъ Швандтнера, къ коимъ присоединены были бы и варіанты изъ перевода Орбини. Далѣе долженъ былъ слѣдовать списокъ королей (następstwo królów) по Маруличу и Дуклянину, если только его не пришлось бы помѣстить въ предисловіе, примѣчанія изъ Ассемани и, наконецъ, извлеченія Лелевеля изъ разысканій Энгеля; послѣ предисловія должна быть помѣщена географическая карта Далмаціи. „Таковъ весь планъ труда, обѣщающій можетъ быть больше, чѣмъ самая лѣтопись“, писалъ Бобровскій Лелевелю и просилъ безпристрастно высказать окончательное свое сужденіе. „Можетъ быть, вы пожелаете что-либо измѣнить въ порядкѣ, исключить или прибавить?“

Обстоятельства помѣшали однако осуществленію этого важнаго проекта, доведеннаго такъ далеко. Изданіе долго откладывалось, по всей вѣроятности, потому, что съ возвращеніемъ въ Вильну Бобровскій всецѣло поглощенъ былъ преподавательской дѣятельностью; къ тому же обстоятельства вскорѣ (въ 1824 г.) сложились для него настолько неблагопріятно, что объ ученыхъ изданіяхъ нельзя было и думать, сидя въ захолустныхъ Жировицахъ. „Z Chroniką Dalmacką muszę się wstrzymać, bo do jej drukowania zbywa mi teraz na czasie“, жаловался онъ Лелевелю въ маѣ 1826 г. Къ ней онъ уже не вернулся, а приготовленные имъ матеріалы пропали, повидимому, безслѣдно.

Только въ наше время лѣтопись издана была Кукульевичемъ [1]) и Чернчичемъ (1874). Замѣтимъ, что Кукульевичъ

[1]) Arkiv za povjestnicu jugoslav. I. Zagreb, 1867. Ср. „Хорватская хроника XII в. въ подлинникѣ и русскомъ переводѣ“, съ предисл. О. М. Бодянскаго, въ Чтеніяхъ, 1867, III.

въ своемъ изданіи воспользовался двумя списками хроники: одинъ изъ нихъ былъ приготовленъ въ ватиканской библ. въ 1819 г. извѣстнымъ намъ Матвѣемъ Капоромъ, который въ 1841 г. подарилъ рукопись Гаю; второй списокъ доставленъ былъ изъ Праги Ст. Вразомъ. Такимъ образомъ, Капоръ занялся этой хроникой еще до пріѣзда въ Римъ Бобровскаго. Быть можетъ, онъ и обратилъ на нее его вниманіе.

Результатомъ далматинскаго путешествія и знакомства съ письменностью хорватской явилась статья: „Uwagi nad nieumiejętnością języka słowiańskigo literackiego w Dalmacyi“ [1]), представляющая собственно переводъ итальянскаго трактата М. Совича: „Riflessioni sull' ignoranza della lingua slava letterale in Dalmazia. Opuscolo postumo del Rev. Don Matteo Sovich fu arcidiacono d'Ossero. Venezia 1787.“ Священникъ Матвѣй Совичъ († 1774), архидіаконъ собора въ Осорѣ (Ossero), ученикъ Карамана и прекрасный знатокъ старославянскаго языка, былъ профессоромъ этого языка въ Collegium de propaganda fide и составилъ сокращеніе славянской грамматики Смотрицкаго [2]). Сторонникъ славянскаго обряда, онъ написалъ свои „Riflessioni“ по поводу усилій нѣкоторыхъ лицъ ввести въ литургическія книги, вмѣсто глаголическаго, латинское письмо, а вмѣстѣ съ нимъ и простонародный языкъ (dyalekt pospolity, dalmacki lub raguzański), чтобы такимъ образомъ совершенно уничтожить всѣ слѣды употребленія древняго славянскаго языка въ Далмаціи. Совичъ, какъ справедливо полагаетъ Бобровскій, написалъ свой трактатъ съ цѣлью воскресить въ соплеменникахъ ревность къ дорогой старинѣ, славянскому языку. Такъ какъ взгляды Совича по вопросу о значеніи старославянскаго языка въ литургіи совпадали вполнѣ со взглядами Бобровскаго, то статья Совича въ переводѣ его должна была, очевидно, послужить той же цѣли упроченія преданности славянскому обряду среди уніатскаго духовенства западно-русскихъ земель.

---

[1]) Напечатана въ Dzienniku Wil., 1826, HL. I, str. 203, 341, 391. По-русски: „О незнаніи славянскаго книжнаго языка въ Далмаціи“, въ Вѣстн. Евр., 1827, ч. 151, № 1, стр. 14; № 2, стр. 106; № 3, стр. 191; № 4, стр. 257. Особенный интересъ представляютъ обширныя примѣчанія (przypisy) самого Бобровскаго, заключающія немало цѣнныхъ данныхъ біографическаго и библіографическаго характера.

[2]) Рукопись ея — въ Люблянѣ, въ библ. барона Цойса. Часть этой передѣлки Бобровскій привезъ, вѣроятно, въ копіи изъ Далмаціи.

Славянскій языкъ, сохранившійся въ священныхъ книгахъ, какъ кирилловскихъ, греческаго обряда, такъ и въ глаголическихъ, латинскаго обряда, распространенный отъ Адріатики до Ледовитаго океана, доступенъ пониманію большей части далматинскаго населенія, — говоритъ Совичъ; между тѣмъ ни въ Далмаціи, ни въ сосѣднихъ земляхъ никто не знаетъ этого замѣчательнаго языка основательно. Въ то время, какъ русское духовенство вообще обучается этому языку, въ Далмаціи можно назвать лишь нѣсколько человѣкъ, хорошо знакомыхъ съ нимъ. Къ знатокамъ старославянскаго языка можно причислить архіеп. задрскаго Матвѣя Карамана, сплѣтскихъ ученыхъ архіеп. Nic. Dinaricio, Ив. Гараньина (Garagnin) и свящ. Михаила Любенковича. Между тѣмъ исторія исправленія богослужебныхъ глаголическихъ книгъ Пастричемъ и Леваковичемъ свидѣтельствуетъ, насколько важно и необходимо знаніе старославянскаго языка для духовенства Далмаціи. Тѣ же причины, о которыхъ говоритъ Совичъ, привели въ упадокъ старославянскій языкъ и въ Западной Руси („u nas“). Явленіе это не можетъ не огорчать и истинныхъ друзей славянскаго обряда, и людей, преданныхъ филологическому изученію славянскихъ языковъ. Старославянскій языкъ долженъ занимать всякаго любителя славянщины; основательное знаніе его откроетъ ему пути къ изученію каждаго славянскаго нарѣчія, оно необходимо поэтому и для надлежащаго уразумѣнія особенностей польскаго языка.

Конечно, — разсуждаетъ Бобровскій, — языкъ этотъ не могъ не подвергнуться у насъ нѣкоторымъ измѣненіямъ. Письменности его не навязали еще, правда, чужой азбуки, — подобнаго рода попытки мы встрѣчаемъ только въ новѣйшее время, когда для удовлетворенія любознательности читателей журналовъ стали печатать славянскіе тексты и слова латинскимъ письмомъ [1]); но зато на немъ отразились другія разрушительныя силы. Противъ такихъ новаторствъ онъ высказывается рѣшительно. Считая кирилловскую азбуку наиболѣе совершенной и пригодной для выраженія звуковъ славянскихъ языковъ, Бобровскій сомнѣвается въ возможности осуществить идеалъ Добровскаго — принять всѣмъ славянамъ латинскій алфавитъ. „To życzenie póty się

---

[1]) Бобровскій намекаетъ здѣсь, повидимому, на опыты Dziennika Wileńsk. печатать латинскими буквами русскія грамоты.

nie zjiści, póki będą gorliwi charakteru cyrillickiego i jeronimowego (cyrillici et hieronymiani) obrońcy," писалъ онъ въ одномъ изъ отчетовъ Чарторыскому. Къ числу такихъ защитниковъ принадлежитъ онъ самъ, всегда отстаивая драгоцѣнное наслѣдіе св. Кирилла.

Когда Даниловичъ вздумалъ напечатать Литовскій статутъ латинской азбукой, Бобровскій запротестовалъ противъ такого способа изданія [1]). Нестроеніе „далматинскаго" правописанія Бобровскій объясняетъ именно неудовлетворительностью латинской азбуки для выраженія славянскихъ звуковъ; онъ указываетъ на несоотвѣтствіе ея звукамъ славянскимъ вообще, въ томъ числѣ и польскимъ [2]).

Главнѣйшими причинами, способствовавшими порчѣ, упадку и чуть ли не полной гибели (ledwie nie zupełnej zagłady) старославянскаго языка въ Западной Руси, Бобровскій считаетъ: политическія обстоятельства, вліяніе родственныхъ нарѣчій, недостатокъ хорошихъ пособій для изученія его (азбукъ, грамматикъ, словарей), отсутствіе разумной критики, пренебрежительное отношеніе къ греческому обряду, породившее пренебреженіе и славянскимъ языкомъ и забвеніе его до такой степени, что онъ едва нашелъ себѣ убѣжище и пріютъ въ монастырскихъ хорахъ и на клиросахъ церквей [3]). Печальная картина упадка старославянскаго языка

---

[1]) Объ этомъ сообщалъ самъ Даниловичъ Лелевелю: „Bobrowski, teraz na oczy chorujący, mocno mię zmartwił, gdy się upiera przy drukowaniu statutu cerkiewnemi kirilickiemi głoskami, dwuletnia moja praca w przepisywaniu pójdzie za nic..." Письмо отъ 27 авг. 1822 г. въ библ. Крак. Академіи Наукъ.

[2]) „Cokolwiek podobną niedogodność sprawiło w polskim języku przyjęcie łacińskiego abecadła, które jakożkolwiek starano się zastosować do natury mowy, nie wszystkie jednak postacie głosek, brzmieniu słów polskich zupełnie odpowiadające, obmyślono, a tem samem sprawiono jakąś niezgodę i niepewność w pisaniu wyrazów. Stądto wyniknęło w poźniejszym czasie tyle sporów o prawo-pisanie, czyli ortografiją." Dzienn. Wileński, 1826, I, str. 402.

[3]) „Kiedy w Litwie, do dzieł dyplomatycznych i Trybunałów, wprowadzono dyalekt białoruski; kiedy Skoryna przełożył na tenże dyalekt Pismo Św.; kiedy Korona biorąc przewagę nad Litwą i językiem polskim górować zaczęła; kiedy dla wznieconej emulacyi między religijnemi wyznaniami, zaczęto już w białoruskim, już w małoruskim dyalekcie i czerwonoruskim, z przymieszaniem polskiego, pisać xiążki polemiczne, homilie, katechizmy i inne duchowne dzieła; kiedy wreszcie wedle żyjących dyalektów, nie omijając rossyjskiego, starano się poprawiać owe dawne tłumaczenia Pisma Św., dzieł Ojców śś. i xiąg liturgicznych, przerabiać owe kroniki Nestora i prostować żywoty św., homilie Cyrylla, biskupa turowskiego i innych: jakiejże

въ Западной Руси даетъ Бобровскому поводъ высказать нѣсколько своихъ соображеній относительно тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ наслѣдію предковъ могло бы быть возвращено прежнее его значеніе. Прежде всего, по мнѣнію Бобровскаго, необходимо, чтобы кто-либо взялъ на себя трудъ составить параллельныя таблицы азбукъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій (kładąc obok cyrillickiego i głagolickiego serbski, rossyjski, polski, czeski, luzacki, kroacki, karniolski, dalmacki, raguzański atd.), съ указаніемъ произношенія каждой буквы и объясненіемъ недостатковъ каждаго изъ алфавитовъ. Такое элементарное пособіе облегчило бы чтеніе книгъ на разныхъ славянскихъ языкахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы матеріалъ для важныхъ наблюденій, во-первыхъ, надъ грамматикой каждаго нарѣчія въ отдѣльности, а затѣмъ и надъ общей, т. е. сравнительной грамматикой славянскихъ языковъ, надъ частными и общимъ славянскимъ лексиконами.

Первыя сѣмена такой обширной работы разсѣялъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, а особенно въ славянской грамматикѣ Добровскій. Линде съ неутомимой энергіей старался составить сравнительный словарь родственныхъ нарѣчій (bratnich dyalektów) огромнаго славянскаго народа. Ихъ примѣру послѣдовалъ Юнгманнъ, работающій уже много лѣтъ надъ подобнымъ же словаремъ для чеховъ.

Такимъ образомъ, открывается широкое поле для множества разнообразныхъ изслѣдованій [1]). Бобровскій понимаетъ, что осуществить подобныя задачи немыслимо силами одного человѣка, болѣе того — онѣ не выполнимы и средствами одного какого-либо славянскаго народа; разработка ихъ должна совершаться по частямъ, въ каждомъ славянскомъ народѣ его учеными силами.

Раньше всего надлежало бы опредѣлить характеристическія черты и установить точныя границы (pewne granice)

---

wówczas nie podpadł odmianie starożytny język? Co za uderzająca w pisowni i wyrazach różnica dawnych rękopismów od nowych, ich kopii? pierwszych druków od poślednich edycyy?..." Dzienn. Wil., 1826, I, str. 404.

[1]) На славянскихъ ученыхъ лежитъ, между прочимъ, задача, „aby z pewnością okazać pierwotny język słowiański i krytycznie odkryć jego źródła, oraz dokładnie odznaczyć liczbę wypływających z niego dyalektów, nadając każdemu z nich właściwe cechy i granice, iżby nie brać słów jednego dyalektu za słowa drugiego, ani mieć prowincyalizmów i wyrazów jednego dyalektu, różniących się tylko rozmaitym pisania lub wymawiania trybem, za słowa oddzielnych dyalektów, jak się to dotąd postrzega w słownikach i grammatykach". Dzienn. Wil., 1826, I, str. 407.

каждаго славянскаго нарѣчія, составивши возможно обстоятельную грамматику каждаго изъ нихъ, такъ какъ существующія грамматики отдѣльныхъ нарѣчій во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны (podpadają wielu zboczeniom); затѣмъ, необходимо составить возможно хорошій словарь какъ коренныхъ, такъ и производныхъ словъ, свойственныхъ исключительно одному нарѣчію, не пропуская даже провинціализмовъ и тщательно отличая слова славянскія (krajowe wyrazy) отъ чужестранныхъ (cudzoziemskich). Только при содѣйствіи цѣлаго ряда такихъ словарей можно надѣяться составить со временемъ сравнительный словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій, отвѣчающій общему желанію любителей славянщины.

Какъ вѣрный ученикъ патріарха славистики, Бобровскій не можетъ не заявить при этомъ, что въ основу такого монументальнаго зданія, дабы оно вышло прочнымъ и вполнѣ совершеннымъ, долженъ быть положенъ старославянскій языкъ, который онъ однако ошибочно считаетъ матерью всѣхъ славянскихъ нарѣчій [1]).

Въ рукописи намъ извѣстно разсужденіе Бобровскаго: „O wpływie Kościoła Rzymskiego na język Słowiański pod względem liturgii uważany, osobliwie w Dalmacyi", читанное въ публичномъ засѣданіи виленскаго университета 15 сентября 1826 г. и стоящее въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ выше переводомъ разсужденія Совича [2]).

---

[1]) „Pierwsze miejsce zająć muszą wyrazy starożytnej mowy słowiańskiej, dalej zaś postępować, że tak powiem, jej dzieci mniej lub więcej do matki zbliżone, wedle tego, jak się zdawać będą, mniej lub więcej do niej podobne." Dzienn. Wil., 1826, I, str. 407. Ср. Раковецкаго, Pr. R., I, str. II.

[2]) Хранится въ бумагахъ Бобровскаго въ библ. гр. Замойскихъ, № 1659. Тамъ же и сообщаемое въ прилож., стр. CX, письмо Д. И. Языкова къ В. В. Пеликану, дающее основаніе полагать, что разсужденіе Бобровскаго было издано отдѣльной книжкой, но мы такого изданія не знаемъ. Быть можетъ, заглавіе разсужденія Бобровскаго сообщено было въ обычныхъ въ Dzienn. Wileńskim отчетахъ о дѣятельности университета и оттуда стало извѣстно Языкову? Кажется, что и по основной своей мысли это разсужденіе едва ли могло появиться въ печати sub auspiciis universitatis. Въ рукописи имѣется немало поправокъ и добавленій, сдѣланныхъ рукой неизвѣстнаго намъ цензора. П. О. Бобровскій въ своемъ біографическомъ очеркѣ (стр. 62) сообщаетъ, что въ вступительной лекціи, прочитанной въ маѣ 1826 г., при возвращеніи на каѳедру, М. Бобровскій выразилъ надежду на возстановленіе языка церковно-славянскаго, пришедшаго въ забвеніе въ школахъ. По содержанію эта лекція была, повидимому, близка къ разсматриваемому публичному чтенію.

Разсужденіе это весьма важно для опредѣленія взглядовъ Бобровскаго на значеніе старославянскаго языка въ культурной жизни и судьбахъ славянскихъ народовъ. Бобровскій является здѣсь убѣжденнымъ и стойкимъ защитникомъ исконныхъ правъ его въ славянской церкви и смѣло высказываетъ свои мнѣнія по поводу поползновеній стѣснить и ограничить ихъ.

Раннее введеніе славянскаго языка въ богослуженіе, переводъ на этотъ языкъ Св. Писанія и литургическихъ книгъ создали его прочность, сдѣлали неизмѣннымъ въ его основахъ, распространили его извѣстность и окружили его особымъ блескомъ. Только съ того времени, когда языкъ этотъ сдѣлался языкомъ церкви (religijnym językiem), онъ начинаетъ процвѣтать, съ этого момента онъ становится языкомъ письменности и въ книгахъ Св. Писанія и литургическихъ, единственныхъ свидѣтеляхъ своей древности, сохраняетъ дѣйствительныя (istotne) правила, первоначальныя свои свойства, свою естественность и выразительность. Уже въ эпоху принятія славянскими народами христіанства и введенія у нихъ славянской литургіи языкъ этотъ въ своемъ строѣ былъ тотъ же, какой мы нынѣ слышимъ у алтарей Господнихъ въ Россіи, Галиціи, Молдавіи, Валахіи, Славоніи, Венгріи, Сербіи, Иллиріи и Далмаціи, и хотя съ распространеніемъ вѣры Христовой на славянскій сѣверъ, югъ и востокъ онъ неизбѣжно подвергся нѣкоторымъ внѣшнимъ видоизмѣненіямъ, въ начертаніи письменъ, въ правописаніи, смѣшенію съ другими славянскими языками, принялъ въ себя чужеземныя выраженія, тѣмъ не менѣе онъ не утратилъ своихъ первоначальныхъ свойствъ и того великолѣпнаго строя, который создался и развился на основѣ образцоваго греческаго языка. Неоспоримымъ подтвержденіемъ этого факта являются сохранившіяся славянскія рукописи XI—XII вв., заключающія переводы книгъ Св. Писанія и литургическихъ, житій св., лѣтописи (kroniki) и поэтическія произведенія (poezye). Даже различіе обряда славянской литургіи не измѣнило природы этого языка. Особенно благопріятныя условія для сохраненія старославянскаго языка оказались на Руси. Далмація, если и сохранила подъ разноплеменнымъ владычествомъ грековъ, хорватовъ, сербовъ, мадьяръ, турокъ, венеціанцевъ, французовъ и нѣмцевъ остатки славянской стихіи (słowiańszczyzny), то этимъ она обязана преимущественно церкви и ея служителямъ.

Изложивши свои взгляды на происхожденіе славянскихъ азбукъ (при чемъ въ вопросѣ о глаголицѣ придерживается мнѣній Добровскаго) и прослѣдивши судьбы славянскаго богослуженія и развитія глаголической письменности въ Далмаціи, благодаря заботамъ папъ и высшаго духовенства, вплоть до дѣятельности Карамана (исправленія книгъ послѣ путешествія въ Россію), Бобровскій съ горечью отмѣчаетъ грустный фактъ, что въ новѣйшее время (za naszej pamięci), при постоянныхъ перемѣнахъ правительства въ Далмаціи, славяно-латинскій обрядъ, а съ нимъ и литургическій языкъ стали подвергаться стѣсненіямъ.

Уже въ царствованіе Іосифа II и въ эпоху господства французовъ значительное число глаголическихъ церквей были переведены „на чистый латинскій обрядъ". Не лучше поступаетъ и нынѣшнее австрійское правительство. Заботясь о распространеніи просвѣщенія среди далматинскаго духовенства и усматривая нѣкоторыя препятствія этимъ стремленіямъ въ самомъ славяно-латинскомъ обрядѣ и въ глаголическомъ письмѣ, оно охотно идетъ на встрѣчу желаніямъ извѣстной части духовенства замѣнить славянскій языкъ литургіи латинскимъ, и только простой народъ, привязанный къ древнему обряду, и старики-священники съ неудовольствіемъ смотрятъ на совершающіяся перемѣны.

Бобровскій не одобряетъ мѣропріятій австрійскаго правительства, направленныхъ сначала къ ограниченію распространенія глаголицы и славянскаго обряда въ Далмаціи, а затѣмъ и къ полному уничтоженію одной и другого. Въ этомъ убѣждаютъ факты. Уже уничтожены прежнія семинаріи для глаголитовъ въ Омишѣ (Almissa) и Задрѣ, и на мѣсто ихъ открыта только одна для всей Далмаціи, при чемъ въ основу организаціи ея положены программы семинарій ломбардско-венеціанскаго королевства. Вновь открытая семинарія въ Шибеникѣ назначена для образованія духовенства славяно-греческаго обряда, но не для глаголитовъ. Въ нормальныхъ школахъ обучаютъ, правда, языку населенія Далмаціи, но языкъ литургическій совершенно забытъ (język liturgiczny zostawiono losowi tlejącego się jeszcze obrządku słowiańsko-łacińskiego). Эти неблагопріятныя условія должны неминуемо повести къ постепенному исчезновенію славянскаго глаголическаго обряда, а съ паденіемъ его исчезнутъ и послѣдніе слѣды древняго языка, и только рукописи и глаголическія книги, хранящіяся въ библіотекахъ, останутся па-

мятниками той небольшой вѣтви литературы, которая въ теченіе пяти столѣтій насаждалась заботами римскихъ епископовъ [1]) и далматинскаго духовенства, и будутъ лишь предметомъ любознательности позднѣйшихъ изслѣдователей славянства.

Особенный интересъ представляютъ заключительныя строки этой статьи. Въ то время, когда положеніе славянскаго языка, судьбы коего тѣсно связаны съ употребленіемъ его въ литургіи, въ Далмаціи стало весьма шаткимъ и угрожаетъ полнымъ упадкомъ, въ могущественной сѣверной державѣ оно крѣпнетъ и упрочивается. Надежнѣйшей гарантіей прочности судьбы его является славяно-греческій обрядъ, со времени св. Владимира утвердившійся на Руси и сохраняющійся не только въ господствующей церкви, но и въ церкви, соединенной съ церковью римскою. Бобровскій съ особеннымъ удовольствіемъ констатируетъ все болѣе и болѣе возрастающій и въ ученыхъ кругахъ и въ сферахъ, вѣдающихъ народное просвѣщеніе, интересъ къ старому славянскому языку и его памятникамъ, изъ коихъ наиболѣе выдающіеся по значенію и по древности нашли себѣ издателей, изслѣдователей и комментаторовъ въ лицѣ Калайдовича, Востокова, Строева и др. русскихъ ученыхъ [2]).

Такое вниманіе къ этому драгоцѣнному наслѣдію славянъ, вмѣстѣ съ другими отрадными явленіями, — введеніемъ преподаванія церковнославянскаго языка въ высшія школы имперіи наряду съ русскимъ, предположенное обученіе славянскому языку въ школахъ виленскаго округа, а также въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ, все это наполняетъ радостью глубокаго почитателя славянской старины и даетъ основаніе ожидать отъ такихъ благо-

---

[1]) Цензоръ исправилъ: „Stolicy Apostolskiej".

[2]) „Po wskrzeszonem od Piotra W. oświeceniu, które olbrzymim krokiem postępowało pod świetnem panowaniem Katarzyny II i Alexandra I, za dni naszych osobliwie zwracają uwagę i naczelnicy Narodowego oświecenia i towarzystwa uczone w Petersburgu i Moskwie na starożytny język słowiański i na drogocenne jego pomniki, ukrywające się po bibliotekach w dawne rękopisma zamożnych, Imperatorskiej, Moskiewskiej, Synodalnej, przezłego Kanclerza Rumiancowa i Tołstowa grafa. Z nich przedniejsze wiekiem i dobrocią w części opisane i wydobyte, krytycznemi historycznemi i filologicznemi uwagami objaśnione i już ogłoszone drukiem przez biegłych badaczów starożytności słowiańskich, Kałajdowicza, Wostokowa, Strojewa i innych, rzucają wielkie światło na sam język starożytny i na historyą słowian."

дѣтельныхъ реформъ обильныхъ плодовъ для отечественной филологіи [1]).

Изученіе новой далматинской, въ частности же дубровницкой литературы Бобровскій началъ еще до путешествія по Далмаціи въ Римѣ, пользуясь, конечно, главнымъ образомъ доступными ему пособіями [2]). Поѣздка по далматинскимъ центрамъ, посѣщеніе монастырскихъ и частныхъ библіотекъ, знакомство съ рукописями и бесѣды съ мѣстными учеными въ значительной мѣрѣ расширили познанія его въ этой области. Первымъ опытомъ, посвященнымъ Бобровскимъ дубровницкой литературѣ, была: „Wzmianka o życiu i pismach Raguzanina Gondola czyli Gundulicza, a w szczególności o jego poemacie pod tytułem Osman“ [3]).

Съ поэмою Гундулича Бобровскій познакомился только во время своего далматинскаго путешествія. Въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ кн. Чарторыскому (изъ Рима, 26 января 1820 г.) въ части, посвященной далматинской литературѣ, онъ отмѣтилъ лишь поэму Гундулича, какъ выдающееся произведеніе, и привелъ о ней слова Ловрича [4]). Тогда же Бобровскій высказалъ предположеніе, что поэма, посвященная польскому королю Владиславу, должна несомнѣнно находиться въ какой-либо изъ польскихъ библіотекъ [5]).

---

[1]) „Wprowadzeniem do głównych szkół Imperyi słowiańskiego języka obok z rossyjskim rozszerza się jednego znajomość a drugiego uprawa. W nowem urządzeniu nauk dla szkół wydziału Uniw. Wileńskiego zapowiedziane uczenie się tegoż języka stanie się pomocą rossyjskiemu i polskiemu. Zbawienne zamierzenie Pana Ministra narodowego oświecenia, aby alumni Unici w Gł. Seminarium przy tutejszym Uniw. uczyli się po słowiańsku, będzie przewodnikiem do rozumienia starożytnej mowy ksiąg liturgicznych. To wszystko jakichże plonów nie obiecuje krajowej filologii?“

[2]) Въ обширномъ отчетѣ 1820 г. изъ Рима Бобровскій перечисляетъ главнѣйшія пособія для изученія далматинской литературы и много мѣста посвящаетъ ея явленіямъ: „Z niektórych tu wymienionych dzieł mając pod ręką wyjątki, we Włoszech uczynione, napiszę o dalmackiej literaturze nieco więcej niż o innych“.

[3]) Сообщеніе прочитано было въ литературномъ собраніи въ виленскомъ унив. и появилось въ Dzienn. Wileńsk., 1827, HL. III, str. 194.

[4]) Изъ „Osservazioni sopra diversi paesi del viaggio in Dalmatia del signor Abbate Alberto Fortis“, Venez. 1776: „L'elevatezza del pensare, la dolcezza del verseggiare e la naturalezza della rima, chi in hui si ammirano, devono far insuperbire la nazione Illirica e specialmente la patria sua d'aver prodotto il suo Omero anch'essa.“

[5]) „Wiem z podania dalmatów, że poema to było przypisane królowi polskiemu Władysławowi i że całe musi się znajdować w Polsce gdziekolwiek w bibliotece.“

Объявленіе извѣстнаго дубровницкаго издателя Мартекини, присланное изъ Италіи каноникомъ Ciampi профессору виленскаго университета Capelli, о предстоящемъ выходѣ изданія „богатырско-исторической“ поэмы „Османъ“, было сообщено Бобровскому, какъ единственному въ Вильнѣ знатоку далматинской литературы. По содержанію своему поэма, воспѣвающая борьбу Владислава IV съ Османомъ II, не могла не быть интересною для любителей польской исторіи, и Бобровскій рѣшилъ познакомить съ нею широкій кругъ слушателей въ одномъ изъ университетскихъ ученыхъ собраній (na literackiem posiedzeniu).

Изложивши сначала текстъ проспекта Мартекини, Бобровскій сообщаетъ далѣе біографическія свѣдѣнія о Гундуличѣ, перечисляетъ изданія его произведеній, приводитъ отмѣченный выше отзывъ объ „Османѣ“ Ловрича, говоритъ объ общемъ увлеченіи далматинцевъ поэмой Гундулича. На чтеніи этого произведенія воспитались цѣлыя поколѣнія далматинскихъ поэтовъ, и вліяніе его было настолько велико, что оно обезпечило тому нарѣчію, которое обыкновенно называется далматинскимъ, торжество надъ другими. Мнѣніе это, — оговаривается Бобровскій, — принадлежитъ не мнѣ, а свящ. Будровичу, законоучителю задрской гимназіи, который, по его откровенному признанію, и самъ научился какъ слѣдуетъ „по-далматински“, читая Османиду. Указавъ затѣмъ вкратцѣ на мнѣнія относительно пропавшихъ или никогда не существовавшихъ XIV-ой и XV-ой пѣсенъ поэмы, Бобровскій заявляетъ, что въ Дубровникѣ болѣе склонны держаться перваго мнѣнія и не теряютъ надежды отыскать когда-либо эти утерянныя пѣсни; тутъ же онъ повторяетъ извѣстное намъ предположеніе, что поэма въ полномъ видѣ, быть можетъ, сохранилась въ какой-нибудь польской библіотекѣ.

Въ заключеніе Бобровскій останавливается на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ, извѣстныхъ ему, рукописей поэмы. Двѣ изъ нихъ онъ видѣлъ въ Дубровникѣ, объ съ приписками Волантича: одна — составляла собственность свящ. бернардинца Амвросія Марковича и снабжена была примѣчаніями на „иллирійскомъ діалектѣ“; другая — принадлежала Фр. Аппендини и имѣла обширныя поясненія на итальянскомъ языкѣ, сдѣланныя Волантичемъ на основаніи копіи, приготовленной въ Прагѣ (о чемъ свидѣтельствуетъ подпись: „V Prazi od Boemia Nikola Ohmuchevich pisana 15 apr.

1654"). Трудъ Волантича пріобрѣлъ Аппендини съ цѣлью издать его, при чемъ поясненія намѣренъ былъ перевести на „далматинское нарѣчіе". Всѣ эти свѣдѣнія занесены были Бобровскимъ въ его дневникъ путешествія, и, сравнивая нынѣ свои записи съ проспектомъ изданія Мартекини, онъ заключаетъ, что намѣреніе Аппендини, очевидно, теперь приводится въ исполненіе, хотя Мартекини почему-то умолчалъ о имени редактора предпринятаго имъ изданія, не сказалъ также, чьи примѣчанія и на какомъ языкѣ приложены будутъ къ „Осману". Въ высказанной догадкѣ объ участіи въ изданіи Аппендини утверждали Бобровскаго еще слѣдующія соображенія. Лордъ Gilford, скупавшій въ Далмаціи рѣдкія рукописи, намѣренъ былъ пріобрѣсти и собраніе „рагузинскихъ и далматинскихъ поэтовъ" въ 21 томѣ in 8°, принадлежавшее іезуиту Басичу (Bassich); но по совѣту Аппендини англичанина успѣлъ предупредить Мартекини, уплатившій за рукопись 80 піастровъ и рѣшившій издать ее впослѣдствіи подъ заглавіемъ „Иллирійскій Парнасъ". Бобровскій, къ сожалѣнію, имѣлъ возможность только бѣгло ознакомиться съ этой рукописью и записать въ своемъ дневникѣ имена тѣхъ поэтовъ, произведенія которыхъ вошли въ это собраніе, и которыхъ обѣщалъ издать Мартекини [1]).

Возвращаясь изъ своего путешествія въ Вильну, Бобровскій (16 іюля 1822 г., какъ отмѣчено въ его дневникѣ) посѣтилъ Пулавскую библіотеку своего высокаго покровителя. Разсматривая рукописи этого собранія, онъ обратилъ вниманіе на новый списокъ поэмы Гундулича, заключавшій параллельно съ „иллирійскимъ" текстомъ итальянскій переводъ прозой (mową niewiązaną), сдѣланный нѣкіимъ Вячеславомъ Смеккіа (Smecchia), посвятившимъ свой трудъ королю Станиславу-Августу. Рукопись имѣла заглавіе: „L'Osmano Poema del Conte Gondola Patrizio di Ragusa composto l'anno 1621 e dedicato a Vladislav IV in allora Principe reale. Tradotto in Italiano dal Conte Venceslao Smecchia Patrizio di Cattaro e rassegnato a sua Maestà Stanislav Augusto Rè di Polonia e Gran

[1]) Сюда входили: Sorgo — переводъ одного изъ произведеній Мольера; Betondi — переводъ Героидъ Овидія, съ примѣч.; Златарича — сонеты въ духѣ Петрарки; Ветранича — переводъ драмы Эврипида; Канавелича (Canavelli) — переводъ Guarini „Pastor fido"; Чубрановича — „wiersz krotofilny Jedjupka"; стихотворенія Пальмотича, Бунича, Юрія Димитріевича, Латинича и др.

Duca di Littuania etc." [1]). Переводчикъ въ посвященіи Станиславу-Августу говоритъ, что онъ исполнилъ свой трудъ по порученію короля, и что старался придерживаться въ своемъ переводѣ возможно ближе оригинала („Io ho compito al comando che la Maestà Vostra si e degnata di far mi tenere. Ho rinunziato a tutta eleganza per restare strettamente attacato al originale"), но ближайшее разсмотрѣніе этого перевода и сравненіе его съ оригиналомъ убѣдило Бобровскаго, что переводчику далеко не всюду удалось исполнить свои обѣщанія: не вездѣ онъ сумѣлъ найти соотвѣтствующія „иллирійскимъ" итальянскія выраженія, иногда онъ впадаетъ въ длинноты и т. д. Кромѣ того, Бобровскій обратилъ вниманіе на необычное у далматинцевъ правописаніе этого списка, на частыя ошибки, какъ въ подлинномъ текстѣ, такъ и въ итальянскомъ переводѣ, свидѣтельствующія о незнакомствѣ переписчика съ обоими языками. Ошибки эти онъ могъ замѣтить тѣмъ легче, что подъ руками у него имѣлся собственный экземпляръ поэмы, получен-

---

[1]) Въ Пулавскую библіотеку эта рукопись попала изъ библ. гр. Ѳ. Чацкаго, вмѣстѣ съ другими рукописями. Бобровскій отмѣчаетъ ее въ своей записной книжкѣ: „MSS. № 1463. Bibl. Por.", т. е.: Porvckiej.

Въ каталогѣ рукописей нынѣшней библіотеки Музея Чарторыскихъ въ Краковѣ, подъ № 1463, очевидно, этотъ же экземпляръ значится: „L'Osmano, poema del conte Gondola", но тутъ же сдѣлана приписка: „w r. 1824 pożyczony X. Bobrowskiemu, posiada go Hr. Potocki z Rosi (pow. Wołkowyski)". Въ библ. гр. Замойскихъ (рукоп. № 1750) хранится списокъ съ этой рукописи, въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ, съ гербомъ Станислава-Августа. Въ этомъ экз. нѣтъ, однако, предисловія, которое цитируетъ Бобровскій. Интересно отмѣтить, что еще въ 1826 г. Dzienn. Wileński (Now. Nauk., I, 91) помѣстилъ замѣтку, что краковскій прелатъ Лубенскій, сынъ бывшаго министра Княжества Варшавскаго, большой любитель славянской литературы, переводитъ съ „иллирійскаго" языка на польскій героическую поэму „Osmaida" (sic). Очевидно, переводчикъ могъ пользоваться только какою-либо изъ рукописей, такъ какъ замѣтка Dzienn. Wil. помѣщена была въ мартѣ, а изданіе Мартекини вышло въ концѣ 1826 г. (проспектъ помѣченъ 2-ымъ мая 1826 г.). Сводъ свѣдѣній о рукописяхъ „Osmana", въ Польшѣ сдѣлъ Г. Глюкъ въ газ. Hrvatska, 1904, май. Его же болѣе обстоятельная статья: „Gundulić w Polsce". Świat Słowiański, 1906, I, 22. Въ дополненіе къ указаніямъ Глюка прибавимъ, что въ 1840 г., во время пребыванія своего въ Варшавѣ, Гай посѣтилъ Кухарскаго и Мацѣевскаго, чтобы, между прочимъ, посмотрѣть и пріобрѣсти у нихъ „иллирскія" рукописи. Отъ Мацѣевскаго, по словамъ Цыбульскаго, Гай получилъ „Gundulicza »Osman« z przekładem włoskim". Tygodn. liter., 1840, № 41, str. 328, письмо изъ Берлина отъ 29 сент. 1840 г.

ный имъ въ даръ отъ маркиза Петра Боны въ Дубровникѣ [1]). Къ сожалѣнію, статья Бобровскаго осталась почему-то не оконченной, и обѣщаннаго окончанія ея Dziennik Wileński не принесъ.

Занятія въ далматинскихъ библіотекахъ, при обширныхъ личныхъ знакомствахъ, открывавшихъ ему доступъ въ частныя собранія, должны были дать много матеріала для работъ Бобровскаго по далматинской литературѣ. Въ бумагахъ его мы находимъ, между прочимъ, цѣлый сборникъ произведеній Игн. Джорджича, собственноручно списанный имъ въ Римѣ съ старинной рукописи, принадлежавшей М. Капору [2]).

Возложенныя кн. Чарторыскимъ на Бобровскаго разнообразныя порученія отвлекали его отъ прямой и важнѣйшей задачи. Путешествіе по Далмаціи, хотя и входило въ первоначальную инструкцію, данную Бобровскому, не могло однако имѣть того спеціальнаго характера, какой оно неизбѣжно пріобрѣло вслѣдствіе предложенныхъ Чарторыскимъ научныхъ задачъ. Опасаясь, что при такихъ условіяхъ главная часть программы ученой поѣздки останется невыполненною, Бобровскій уже въ апрѣлѣ 1820 г. входитъ въ университетъ съ ходатайствомъ о продолженіи командировки на четвертый годъ [3]). Просьбу свою онъ мо-

---

[1]) Нынѣ хранится въ библ. гр. Замойскихъ, рукоп. № 721: „Osman Spievan pò Givu Gundulichiu Vlastelinu Dubrovackomu Gòdiscta 1621. Pripisan nà Slûſcbu Manastiéra Sv. Marie Gòdiscta 1747." Ниже печать: „XMB.", т. е. Xiądz Michał Bobrowski. На первомъ листѣ, предъ заглавіемъ, другой рукой: „Ragusa 26 Aprile 1770"; затѣмъ снова иной рукой: „Dalla libreria di Pietro Marchese de Bona". Въ спискѣ своихъ рукописей и книгъ (библ. Замойскихъ ркп. № 649) Бобровскій отмѣчаетъ при „Османѣ": „Dostałem w upominku w Raguzie od Markiza Bona r. 1820. W dyalekcie bośnianskim poema opiewające zwycięztwa woysk chrześcijańskich nad Osmanem, gdzie i o zastępach polskich, dowodzonych przez Władysława".

[2]) Списокъ въ библ. гр. Замойскихъ, рукоп. № 41, содержитъ: „Opata Ignazia Giorgi Dubroucianina. Egloga Alliti rasgovor pastierski. Pir Rumienke i Milliena. Piesan parva Danizi ragnenoi od Pcele. Sgodda parva („Istekla biesce daniza..."). Sgodda II. („Prighisdaua Biserniza, krunna suieh vilaa..."). Sgodda III. („Biesce Rakle, zviet od vilaa..."). Sgodda IV. („Diklize, koiem sred liza..."). Pisan Davidoua CXXXV. Piesni pirne, illiti Sacinke, и пр. Помѣта Бобровскаго: „Przepisałem z dawnego rękopisma, który posiada M. Capor z Kurzoli wyspy, a który z charakteru wnosi, że ten był pisany ręką samego autora Ign. Giorgi. 29. Kwietnia 1820. w Rzymie. Bobrowski."

[3]) Приложенія, стр. LXV.

тивировалъ слѣдующимъ образомъ: „Изучить устройство богословскихъ факультетовъ въ Ландсгутѣ, Фрейбургѣ и Бреславлѣ, познакомиться съ знаменитымъ духовнымъ институтомъ св. Сульпиція въ Парижѣ, осмотрѣть рѣдчайшее собраніе библій въ Пармѣ, созданное усердіемъ ученаго де Росси, и единственную въ своемъ родѣ коллекцію изданій Св. Писанія въ Штуттгартѣ; просмотрѣть рукописи славянскихъ переводовъ библіи въ Королевской библіотекѣ въ Парижѣ и выбрать изъ нихъ важнѣйшія чтенія; прослушать курсъ арабскаго языка у де Саси, завести знакомства съ выдающимися профессорами-критиками и экзегетами Св. Писанія, какъ де Росси въ Пармѣ, Гугъ (Hug) въ Фрейбургѣ, Дерезеръ (Dereser) въ Вратиславлѣ; наконецъ, посѣтить хоть нѣкоторые акатолическіе университеты на возвратномъ пути и познакомиться съ Шнурреромъ [1]), Паулусомъ [2]), Эйхгорномъ [3]), Розенмюллеромъ [4]) и Гезеніусомъ [5]) — вотъ тѣ задачи, которыя я желалъ бы осуществить въ теченіе четвертаго года, во время путешествія по Франціи, Баваріи и сѣверной Германіи ...“ Благодаря отзыву куратора, засвидѣтельствовавшаго „прилежаніе ксендза Бобровскаго въ пріобрѣтеніи наукъ, ему препорученныхъ“, университетъ ходатайствовалъ предъ министерствомъ о разрѣшеніи остаться ему еще четвертый годъ за границей [6]).

Далматинская поѣздка, о которой мы говорили выше, закончилась только къ ноябрю 1820 г. Повидимому, Бобровскій не намѣренъ былъ уже возвращаться въ Римъ, распорядившись передъ отъѣздомъ относительно приготовленія копій различныхъ историческихъ памятниковъ для Чарторыскаго [7]). Предполагая послѣ путешествія по Далмаціи высадиться въ Тріестѣ и совершить дальнѣйшій путь въ Парижъ черезъ Баварію, Бобровскій неожиданно вынужденъ былъ измѣнить свои планы: двухнедѣльное блужданіе по волнамъ Адріатики привело его обратно въ Анкону, а от-

[1]) Проф. богословія тюбингенскаго унив., † въ 1822 г. въ Штуттгартѣ.

[2]) Проф. гейдельбергскаго университета съ 1811 г.

[3]) Проф. оріенталистъ и историкъ, съ 1788 г. въ Геттингенѣ.

[4]) Оріенталистъ, проф. лейпцигскаго университета.

[5]) Знаменитый семитистъ, проф. университета въ Галле, 1810—1842. Въ черновыхъ бумагахъ Бобровскаго есть набросокъ письма „Clarissimis duumviris Gesenio et Vatero“.

[6]) Приложенія, стр. CVII—CVIII.

[7]) Приложенія, стр. LVII, LVIII.

сюда онъ снова вернулся въ Римъ, гдѣ его ожидали письма Чарторыскаго съ порученіемъ заняться разысканіемъ переписки римской куріи съ ягеллонами. Волненія въ Италіи заставили его пробыть въ Римѣ дольше, нежели онъ желалъ [1]). Въ ожиданіи успокоенія страны, Бобровскій по приглашенію гр. Остермана-Толстого въ мартѣ 1821 г. совершаетъ съ нимъ поѣздку на югъ Италіи, въ Неаполь, Помпею и пр. Время, которое онъ расчитывалъ провести въ Парижѣ, въ спеціальныхъ занятіяхъ восточными языками, въ значительной части было потрачено, а къ концу іюня или, по крайней мѣрѣ, къ началу новаго учебнаго года надлежало вернуться въ Вильну. Бобровскій поневолѣ торопится закончить свою программу, и хотя самъ заявляетъ, что „in fine cursus velocior", тѣмъ не менѣе вскорѣ замѣчаетъ, что времени на выполненіе остающейся части программы не хватитъ. Два года, въ которые Бобровскій расчитывалъ закончить свои ученыя занятія въ Римѣ и Парижѣ, были потрачены почти цѣликомъ на пребываніе въ Италіи. Переѣздъ въ Парижъ изъ южной Италіи черезъ южную Францію, гдѣ вниманіе Бобровскаго привлекали многочисленные памятники старины, продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, и только къ началу августа 1821 г. нашъ путешественникъ добрался до Парижа. Оправдываясь предъ Чарторыскимъ и передъ ректоромъ въ невольномъ уклоненіи отъ предписанной программы, Бобровскій тотчасъ же по пріѣздѣ въ Парижъ хлопочетъ о разрѣшеніи ему остаться здѣсь подольше. „Проѣхать черезъ Парижъ и сѣверную Германію, — писалъ онъ Чарторыскому 4--16 августа 1821 г., — чтобы торопиться въ августѣ быть обратно въ Вильнѣ, и не использовать расходовъ, которые потребуются на столь длинный путь, я считаю безразсудствомъ и злоупотребленіемъ благодѣяніями правительства; поэтому съ большой несмѣлостью представляю вамъ мою просьбу благосклонно разрѣшить мнѣ болѣе продолжительное пребываніе въ Парижѣ, дабы я имѣлъ время воспользоваться научными богатствами, которыми обладаетъ эта столица". Прежде всего, Бобровскій желалъ бы основательнѣе заняться арабскимъ языкомъ подъ руководствомъ де Саси, затѣмъ имѣетъ въ виду собрать свѣдѣнія о положеніи духовныхъ школъ во Франціи, познакомиться съ богословской литературой, просмотрѣть славянскія руко-

[1]) Приложенія, стр. LXVII.

писи въ Королевской библіотекѣ. Однородное ходатайство отправлено было и ректору [1]). На этотъ разъ потребовалось уже болѣе энергичное вмѣшательство покровителя-куратора, который не могъ не чувствовать себя хоть нѣсколько виновнымъ передъ Бобровскимъ. Въ ноябрѣ 1821 г. Бобровскій уже благодаритъ князя за полученное отъ университета разрѣшеніе остаться въ Парижѣ до „новаго года“ и въ то же время извѣщаетъ ректора, что непремѣнно вернется, какъ этого требуетъ совѣтъ, къ февралю 1822 г. Но по настоянію Чарторыскаго Бобровскому разрѣшили остаться за границей до начала новаго учебнаго года [2]), и онъ вполнѣ добросовѣстно использовалъ новый годъ заграничнаго пребыванія.

Девятимѣсячныя занятія въ Парижѣ [3]) посвящены были прежде всего арабскому языку, подъ руководствомъ знаменитаго де Саси и проф. Collège de France Коссена (Caussin de Parceval). Здѣсь Бобровскій нашелъ наконецъ то, чего напрасно искалъ и въ Вѣнѣ и въ Римѣ. Одновременно онъ продолжаетъ заниматься и богословскими науками, посѣщаетъ парижскія книгохранилища, особенно интересуясь славянскими рукописями Королевской библіотеки [4]), рѣдкими славянскими печатными книгами и памятниками, относящимися къ исторіи Польши. Въ Королевской библ. Бобровскій опи-

---

[1]) Приложенія, стр. LXVIII.

[2]) Въ письмѣ къ Капору онъ опредѣлялъ этотъ срокъ: „Ego obtinui facultatem manendi hic usque ad ultimum Aprilis“. Приложенія, стр. XCVI. Копитарю же 1821 г. Calend. Febr. сообщалъ: „Praeter spem hic diutius manebo et quidem ad mensis Mai Calendas, concedente et annuente Senatu Vilnensi Academico“. Arch. f. slav. Phil., XXIII, 635. Что въ университетѣ не склонны были согласиться на эту новую отсрочку возвращенія въ Вильну, свидѣтельствуетъ письмо Чарторыскаго къ ректору Малевскому отъ 31 окт. 1821 г., гдѣ между прочимъ кураторъ говоритъ слѣдующее: „Względem X. Bobrowskiego, mając mocne przekonanie, że przedłużenie sześciumiesięcznego pobytu jego za granicą może wiele dodać do jego usposobienia i użytku, którym się będzie mógł wypłacić Uniwersytetowi, nie mogę się zgodzić na WMPana przedstawienie, aby na 1. Lutego koniecznie wracał; zastępstwo jego powinno się przeciągnąć cały rok szkolny, a pozwolenie dalszego bawienia za granicą przez tę wiosnę i lato ułożyć zalecam“.

[3]) Бобровскій прибылъ въ Парижъ въ началѣ августа 1821 г., а выѣхалъ въ Германію въ первыхъ числахъ мая 1822 г.

[4]) XII. Calend. Octobr. 1821 г. онъ пишетъ Копитарю: „nuper veni Parisios, visum codices imprimis Slavicos in bibl. regia latentes“. Въ первомъ донесеніи 1820 г. изъ Рима Чарторыскому относительно париж-

сываетъ нѣсколько славянскихъ рукописей (Zrobiłem wypisy z nich do bibliograficznego opisania potrzebne), а одну изъ нихъ — четвероевангеліе XIII в. — сличаетъ цѣликомъ съ Острожской библіей и выбираетъ изъ нея разночтенія; далѣе, онъ приготовляетъ, очевидно, по порученію Чарторыскаго, каталогъ обширной (въ трехъ томахъ in fol.) корреспонденціи Стефана Баторія съ европейскими дворами и отсылаетъ его въ пулавскую библ.; составляетъ описаніе „далматинскихъ" книгъ въ библіотекѣ Мазарини (1822 r. Stycznia 24 dnia); въ библіотекѣ арсенала (la bibliothèque de l'arsenale) отыскиваетъ хорошій списокъ „Османа" Гундулича, но съ тѣмъ же пропускомъ, какой свойственъ всѣмъ извѣстнымъ спискамъ поэмы. Нѣкоторыя свѣдѣнія о разсмотрѣнныхъ имъ рукописяхъ онъ сообщаетъ въ письмахъ къ Копитарю и Добровскому [1]).

Какъ результатъ занятій Бобровскаго восточными языками, слѣдуетъ разсматривать чтеніе его: „Krótki opis historyczny piśmiennej mowy i literatury arabskiej z dołączeniem pożytków, z jej znajomości wypływających" [2]). Указавши на ученыя заслуги русскихъ оріенталистовъ, хорошо знакомаго Вильнѣ Сенковскаго, Френа, Эрдмана (въ Казани), Бобровскій высказываетъ желаніе, чтобы и въ виленскомъ университетѣ, по примѣру другихъ, была учреждена каѳедра восточныхъ языковъ. Почти не тронутая польскими учеными нива востоковѣдѣнія должна дать обильные плоды для польской литературы, — необходимо только воспитать свою школу оріенталистовъ. Въ восточныхъ языкахъ польскіе филологи нашли бы источники весьма многихъ такихъ словъ, значеніе которыхъ до сихъ поръ остается неразгаданнымъ. Примѣромъ въ этомъ отношеніи является Линде, который въ Словарѣ своемъ воспользовался замѣтками кн. Чарторыскаго, фельдмаршала австрійскихъ войскъ.

скихъ рукописей онъ могъ только сообщить: „W Paryżu w bibl. S. Germana jest rękopism słowiański czterech ewanielii, któremu naznaczają wiek XI., ale uczony Dobrowski przenosi go do wieku XV". О рукописяхъ парижскихъ см. второе письмо къ Копитарю изъ Парижа, Arch. f. slav. Phil., XXIII, 318—320.

[1]) Замѣтки о занятіяхъ въ Парижѣ — въ черновыхъ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. гр. Замойскихъ.

[2]) Dzienn. Wileński, 1824, I, str. 1. Докладъ, читанный въ литературномъ засѣданіи виленск. унив. 15 дек. 1823 г. По-русски: „Историческій взглядъ на книжный языкъ арабовъ и на литературу сего народа", сочиненіе ксіонза М. К. Бобровскаго. Вѣстн. Евр., 1825, № 5 и 7.

Необходимость для славянскаго филолога вообще, а въ частности и для спеціальнаго изученія польскаго языка студій въ области языкознанія восточнаго ясно сознавалась, какъ мы видѣли, представителями польской филологической науки, и Бобровскій повторялъ здѣсь общее мнѣніе, глубоко проникшее въ круги польскихъ филологовъ. Недаромъ варшавскій университетъ требовалъ отъ кандидата, который пожелалъ бы по его представленію совершить ученую поѣздку въ славянскія земли, хоть самаго элементарнаго знакомства съ восточными языками, насколько его можно было пріобрѣсти въ Варшавѣ, при содѣйствіи мѣстныхъ силъ и средствъ. Спеціальныя занятія Бобровскаго арабскимъ языкомъ въ Парижѣ имѣли, правда, въ виду иную цѣль и направленіе, но, вращаясь и въ вопросахъ славянской филологіи, онъ не могъ не подмѣтить извѣстной связи и взаимодѣйствія славянства съ востокомъ, какъ въ отношеніи культурномъ, такъ и въ области язычной.

Въ первыхъ числахъ мая [1]) 1822 г. Бобровскій покинулъ столицу Франціи. Черезъ Страссбургъ, Штуттгартъ [2]), Лейпцигъ и Галле онъ прибылъ въ Дрезденъ. Передъ отъѣздомъ изъ Парижа онъ напомнилъ Добровскому о его обѣщаніи съѣхаться гдѣ-либо въ Саксоніи, чтобы вмѣстѣ совершить путешествіе по Лужицамъ [3]). Срокъ продолжительнаго отпуска оканчивался, необходимо было торопиться, чтобы быть въ назначенное время въ Вильнѣ, но Бобров-

---

[1]) День выѣзда онъ точно опредѣляетъ въ письмѣ къ Добровскому: „Parisiis valedicturus Idibus Maj." (15-го мая). Приложенія, стр. LI.

[2]) О пребываніи и занятіяхъ въ Штуттгартѣ онъ заноситъ въ свой дневникъ: „22 Maja 1822 r. rano oddałem wizytę 80-letniemu starcowi Schnurrer, kanclerzowi, wysłużonemu prof. Tübingen, wybornemu autorowi wielu pism exegetycznych". Шнурреръ рекомендовалъ Бобровскаго профессору Lepret, директору Королевской библ., знаменитой своимъ рѣдчайшимъ собраніемъ изданій библіи. „W tej bibl. ciągle przez trzy dni pracowałem, mając z łatwością udzielane i katalogi i Biblie w dyalektach słowiańskich. Porobiłem wypisy potrzebne do bibliograficznego ich opisania. Wedle Lepreta znajduje się do 9000 exemplarzy samych Biblii a voll. do 12000. Są i rękopisma słowiańskie, ale że jeszcze nie ułożone w porządku, przetoż Lepret nie chciał się trudzić ich wyszukaniem." Бобровскій разсмотрѣлъ здѣсь библію Острожскую и разныя изданія ея: московскія, кіевскія, виленскія и пр., библіи чешскія, псалтыри и т. п.

[3]) Изъ письма Бобровскаго къ Копитарю 1821 г. Calend. Febr. ясно, что это было желаніе самого Добровскаго: „Igitur rediturus in patriam spero occursurum Celeberrimo Dobrowski alicubi in Lusatia commoranti, cuius itineris ipse iniecit mentionem".

скій готовъ былъ еще нѣсколько отсрочить возвращеніе въ Россію ради той пользы, какую, несомнѣнно, принесло бы ему совмѣстное съ патріархомъ славяновѣдѣнія путешествіе по странѣ лужицкихъ сербовъ. „Haud me penitebit tanti viri causa paululum retardare reditum", заявлялъ онъ Добровскому. Но отвѣта отъ него не было ни въ Лейпцигѣ, ни въ Дрезденѣ. Бобровскій долженъ былъ отправиться въ путь одинъ [1]).

Покинувши 16-го іюня Дрезденъ, онъ скоро въѣхалъ въ страну „лузатовъ" (luzatów). Въ гостиницѣ деревни Göda, лежащей на нѣмецко-сербскомъ рубежѣ, онъ въ первый разъ услышалъ поселянъ, говорившихъ по-лужицки (po luzacku). Бобровскій подмѣтилъ въ этомъ „діалектѣ" существенное отличіе (istotną różnicę) отъ другихъ славянскихъ нарѣчій: удареніе (ton w wymawianiu) всегда дѣлается на первомъ слогѣ; много славянскихъ словъ произносятся то на чешскій манеръ (z czeska), то уродуются нѣмецкимъ выговоромъ или даже получаютъ совершенно нѣмецкую форму.

Къ вечеру того же дня Бобровскій прибылъ въ Будишинъ, имѣя рекомендательное письмо Добровскаго къ епископу Локу [2]). Важнѣе однако для нашего путешественника было знакомство съ извѣстнымъ ученымъ Андреемъ Лубенскимъ [3]), который, узнавши о цѣли путешествія Боб-

---

[1]) Объ этомъ путешествіи по Лужицѣ см. „Wyjątek z dziennika podróży po Wyższej Luzacyi ... w r. 1822 odprawionej", въ Dzienn. Wileńsk., 1824, I, str. 261—283; то же въ Rozmait. Lwowsk., 1824; въ слѣдующемъ году вышелъ русскій переводъ въ Вѣстн. Евр., 1825, № 4 (съ примѣч. издателя: „эти извѣстія о языкѣ и словесности лузатскихъ вендовъ для насъ совершенно новы"). „Wyjątek", напечатанный въ Dzienn. Wileńsk., есть, впрочемъ, только часть послѣдняго отчета; въ полномъ видѣ онъ сохранился въ черновыхъ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. гр. Замойскихъ, и носитъ заглавіе: „Doniesienie (wiadomość) o moich zabawach w Paryżu i w Niemczech w ogólności, a w szczególności dziennik tygodniowej podróży przez Wyższą Luzacyą". Изъ Dzienn. Wil. нѣкоторыя свѣдѣнія заимствовалъ М. Горникъ для статьи: „Michał K. Bobrowskij a I. I. Sreznewskij wo Serbach", въ Čas. Mać. Serb., XLII, str. 43—44. Въ Виленской публ. библ. хранится, какъ намъ извѣстно, часть дневника Бобровскаго, но получить его оттуда, несмотря на всѣ старанія, намъ не удалось.

[2]) Lok Franc Jurij, родомъ сербъ изъ Кулова, былъ деканомъ (tachant) будишинскаго капитула съ 1796 г., епископомъ съ 1801 г. до 1831 г.

[3]) Lubjenski Handrij (р. 1790, † 1840), заслуженный сербскій писатель, съ 1827 г. настоятель (farař), въ 1831—1840 гг. primarius церкви св. Петра въ Будишинѣ, издатель сербской библіи (1820, 1823), церковныхъ пѣсенъ и пр.

ровскаго, посвятилъ его въ свои ученыя работы. Изъ дневника Бобровскаго мы узнаемъ, что Лубенскій въ это время почти закончилъ „Entwurf einer wendischen Grammatik", но грамматика эта не удовлетворяла его, и онъ намѣренъ былъ вновь переработать ее по системѣ чешской грамматики, чтобы изданіемъ ея восполнить ощущавшійся недостатокъ въ пособіи для изученія нарѣчія Верхней Лужицы. У него же Бобровскій видѣлъ и лужицко-нѣмецкій (wendeńsko-niemiecki) словарь въ двухъ томахъ, доведенный до буквы S, надъ которымъ онъ работалъ уже нѣсколько лѣтъ въ часы, свободные отъ занятій дѣлами церковными [1]).

Первый урокъ по сербо-лужицкому нарѣчію Бобровскій получилъ на слѣдующій день (17 іюня) отъ еп. Лока. Почтенный пастырь, по разсказу Бобровскаго, узнавши о цѣли прибытія его въ Лужицу, безъ долгихъ разговоровъ приступилъ къ дѣлу и началъ знакомить его съ особенностями сербскаго нарѣчія, пользуясь для этого переводомъ Новаго Завѣта (Nowy Testament dla katolików Wyższej Luzacyi przez Xiędza Telzel, administratora w Rosenthal, sporządzony i krótkiemi przypiskami objaśniony, pod tytułem: Stawizńe nowoho zakona, w Budyschńe, 1814). Локъ объяснилъ ему правила произношенія отдѣльныхъ буквъ, при чтеніи же сербскаго текста Бобровскій замѣтилъ, что въ сербо-лужицкомъ нарѣчіи употребляются чисто нѣмецкія слова съ сербскимъ окончаніемъ (lazowańo — отъ lesen), что ни одно слово (żaden wyraz) не начинается гласнымъ, а всегда согласнымъ звукомъ (wutzownik вм. utzownik, ha вм. a) и пр. Послѣднее явленіе онъ замѣчалъ также и въ родной народной рѣчи гродненской губерніи.

Въ Будишинѣ Бобровскій посѣтилъ еще каноника Фулька [2]), отъ котораго узналъ печальную вѣсть, что Добровскій отложилъ свое путешествіе по Лужицѣ до мая слѣдующаго года. Планъ совмѣстной съ другомъ и учителемъ поѣздки по этой интереснѣйшей странѣ разрушился, и нашъ путникъ, обманутый въ надеждахъ собрать здѣсь обильную жатву, рѣшилъ покинуть Будишинъ и ограничиться зна-

---

[1]) Какъ извѣстно, этотъ трудъ впослѣдствіи легъ въ основаніе Сербско-нѣмецкаго словаря Пфуля.

[2]) Fulk Mikławš, сеніоръ будишинскаго капитула въ 1819—1829 гг., составилъ сербскія проповѣди. Фулькъ, по словамъ Бобровскаго, доставлялъ для Slavina и Slovanky свѣдѣнія о „вендской" литературѣ.

комствомъ съ учеными сербами [1]). Отъ Фулька Бобровскій получилъ свѣдѣнія о книгахъ и рукописяхъ Згорѣлецкой (Görlitz) библіотеки и нѣкоторыхъ другихъ собраній. Но больше всего онъ вынесъ изъ бесѣдъ съ Лубенскимъ, который подробно изложилъ ему важнѣйшіе факты литературной дѣятельности лужицкихъ сербовъ, опредѣлилъ область распространенія сербской рѣчи, познакомилъ съ положеніемъ образованія у сербовъ и германизаціонными стремленіями нѣмцевъ, желающихъ истребить сербовъ такъ, какъ были истреблены венды въ Люнебургѣ. Лубенскій далъ Бобровскому второй урокъ сербо-лужицкаго чтенія и сдѣлалъ точныя указанія относительно произношенія нѣкоторыхъ звуковъ и цѣлыхъ группъ сербской рѣчи. Ученикъ глубоко вникалъ въ новый для него предметъ. Впрочемъ, еще до прибытія въ Лужицу онъ познакомился съ нѣкоторыми трудами, касающимися судебъ этой вѣтви славянства; такъ, говоря о люнебургскихъ славянахъ, онъ ссылается въ своихъ запискахъ на знаменитое путешествіе гр. Яна Потоцкаго „Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe“ (1794), знаетъ и статьи о сербахъ въ Slovance и т. д.

Получивши отъ Лубенскаго на память сербскій Новый Завѣтъ (1818 г., Будишинъ) и подаривши ему какую-то глаголическую книгу, пріобрѣтенную въ Венеціи, Бобровскій уже 18 іюня покинулъ Будишинъ и направился въ Згорѣлецъ. На пути онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ деревню Куницы (Kunitz), какъ послѣднюю, гдѣ еще слышалась „вендская“ рѣчь, и записываетъ въ трактирѣ немного лужицкихъ словъ.

Съ рекомендательнымъ письмомъ Лубенскаго къ библіотекарю Ученаго Общества Нейманну (Neumann), Бобровскій прибылъ въ Згорѣлецъ и немедленно занялся разсмотрѣніемъ въ библіотекѣ всѣхъ изданій, относящихся къ сербо-лужицкой письменности. Въ отчетѣ своемъ онъ приводитъ обширный списокъ книгъ, касающихся „славянскаго языка въ Лужицѣ и Люнебургѣ“ и исторіи Верхней Лужицы, перечисляетъ изданія на нижне-лужицкомъ нарѣчіи и пр. [2]).

[1]) Добровскій только въ августѣ 1825 г. попалъ въ Будишинъ. Путешествіе по Лужицѣ какъ будто несовсѣмъ удовлетворило его. „Noch interessanter wären meine Untersuchungen gewesen, wenn ich auch schon einen Polen zum Begleiter gehabt hätte“, писалъ онъ Бандтке, вспоминая, вѣроятно, о Бобровскомъ. Vzájemne dop., str. 170.

[2]) Перечень рукописей и книгъ Згорѣлецкой библ., привлекшихъ вниманіе его, въ путевомъ дневникѣ значительно обширнѣе, чѣмъ въ извлеченіи Dziennika Wileńskiego.

Вниманіе Бобровскаго особенно привлекла книга Юрія Мьена (Möhn, Mjeń): „Sserskeje Rečje Samoženje a Kwalbu w ǧučerskim kěrlišu spjewasche Juri Möhn (1806)", первый стихотворный опытъ на сербскомъ языкѣ [1]).

Особенно подробно останавливается Бобровскій на разсмотрѣніи извѣстнаго словаря полабскаго языка Геннига и дѣлаетъ изъ него обширное извлеченіе (собственно — переписываетъ одну треть словаря). Съ такимъ же вниманіемъ разсмотрѣлъ онъ и огромный словарь Авраама Френцеля (Lexicon harmonico-etymologicum Slavicum etc.), при чемъ представилъ и обстоятельное описаніе этого труда. Въ числѣ недостатковъ его, по наблюденію Бобровскаго, особенно сильно бросается въ глаза стремленіе Френцеля отыскивать элементы почти всѣхъ славянскихъ словъ въ языкахъ восточныхъ: еврейскомъ, арабскомъ, эѳіопскомъ; при этомъ доказательства его необыкновенно обширны и многословны. Впрочемъ, этотъ недостатокъ свойственъ былъ уже первому труду Френцеля: „De originibus linguae Sorabicae" (I-ая часть издана въ 1693 г.).

Тѣмъ не менѣе словарь Френцеля является единственнымъ надежнымъ источникомъ для знакомства съ нарѣчіемъ лужицкихъ сербовъ; онъ заключаетъ къ тому же богатыя свѣдѣнія объ обычаяхъ и религіозныхъ обрядахъ славянскихъ народовъ, данныя по исторіи ихъ, а иногда и литературѣ, почерпаемыя изъ первоисточниковъ, хотя и безъ достаточной критики.

На трудъ Френцеля слѣдуетъ поэтому, по мнѣнію Бобровскаго, смотрѣть какъ на матеріалъ, который необходимо еще подвергнуть обработкѣ. Матеріалъ этотъ могли бы съ пользою употребить и разработать только такіе строгіе критическіе изслѣдователи славянщины, какъ Добровскій. Линде могъ бы почерпнуть отсюда обиліе лужицкихъ словъ для своего Словаря.

Не предполагая оставаться въ Згорѣльцѣ дольше, чѣмъ до 22 іюня, Бобровскій желалъ однако собрать здѣсь

---

[1]) „Autor pierwszy, ile wiem, między luzatami odważył się użyć mowy wendeńskiej do wiersza i w kilku ułamkach przekładania Messyady Klopstocka okazał, że mowa syrbska może przyjąć wymiar wiersza bohaterskiego, na wzór hexametrów greckich i łacińskich, i że zdolna jest wydać wielkie obrazy w żywych kolorach." Въ доказательство своего мнѣнія Бобровскій приводитъ отрывокъ изъ перевода Мьена параллельно съ оригиналомъ.

свѣдѣнія о памятникахъ (dyplomy i pomniki), относящихся къ древней исторіи славянъ вообще и въ особенности къ исторіи сербовъ лужицкихъ. Нейманнъ, у котораго Бобровскій искалъ по этому предмету разъясненій и указаній, заявилъ ему, что никакихъ древнихъ историческихъ памятниковъ этого рода не имѣется. Для древней исторіи Верхней Лужицы онъ указалъ лишь рукописный трудъ, отличающійся большой эрудиціей и критичностью, хранящійся въ згорѣльской библіотекѣ. Рукопись эта была продана въ берлинскую библіотеку и оставалась въ Згорѣльцѣ только для снятія съ нея копіи. Это была: „Die älteste Geschichte der heutigen Ober-Lausitz“ etc. von M. Immanuel Friedrich Gregorius (fol., S. 872). Весь день наканунѣ отъѣзда посвященъ былъ изученію этой рукописи. Съ особеннымъ вниманіемъ Бобровскій отмѣчаетъ въ дневникѣ тѣ статьи ея, въ которыхъ находилъ какія-либо упоминанія по исторіи польской, дѣлаетъ извлеченія изъ нея и разныя замѣтки, предполагая со временемъ напечатать ихъ [1]). 22-ое іюня до полудня Бобровскій проводитъ еще въ библіотекѣ, разсматривая различныя книги. Больше всего нашелъ онъ изданій по исторіи и филологіи. При прощаніи онъ поднесъ Нейманну „Institutiones“ Добровскаго, недавно только вышедшія въ свѣтъ.

Въ августѣ 1822 года Бобровскій вернулся въ Вильну [2]) и снова занялъ ту каѳедру, въ интересахъ которой совершалъ свое пятилѣтнее путешествіе. Онъ открываетъ свои чтенія курсомъ о св. Писаніи и его источникахъ. Блестяще образованный богословъ не удовлетворяется однако старыми программами и методами: онъ представляетъ совѣту университета свои соображенія и мысли относительно необходимыхъ преобразованій въ отдѣленіи богословскихъ наукъ и вырабатываетъ совершенно новую программу преподаванія этихъ наукъ, въ тѣсной связи съ изученіемъ восточныхъ языковъ и особенно старославянскаго [3]). Въ те-

[1]) „Wyciąg ma pójść do druku“, замѣчаетъ Бобровскій о нихъ въ своихъ черновыхъ замѣткахъ.

[2]) Варшавская Gazeta liter., 1822, II, str. 33, въ № отъ 23 іюля сообщала, что Бобровскій „po odbytej podróży we Włoszech, Francyi i Niemczech wracał właśnie w tych dniach do Wilna“. Послѣдняя остановка была въ Вратиславлѣ, гдѣ онъ осмотрѣлъ Редигеровскую библіотеку.

[3]) „Niektóre myśli ściągające się do urządzenia oddziału nauk teologicznych“ (на трехъ листахъ) сохранились въ рукоп. отдѣленіи библ. Чарторыскихъ. Kuratorya. Tom I, № 3.

Вн
(М
čer
тв

ра
и
пе
ні
це
че
В
о
о
я
і

тна и желательна, особенно при томъ досугѣ, ка-
еперь располагаетъ въ своемъ изгнаніи, in loco
ая хорошо научные интересы Кеппена, онъ въ
ьма сообщаетъ ему особенно пріятное извѣстіе:
сть кое-какіе, заслуживающіе вниманія славянскіе
, собранные мною во время путешествія; если пред-
случай, я съ удовольствіемъ доставлю ихъ вамъ и
дство открыто выразить чувство благодарной души
ое обо мнѣ упоминаніе, сдѣланное вами въ Эфе-
ахъ“ [1]).

дующее письмо отъ 20 марта 1825 г. заключало уже
нныя для только-что начатыхъ Кеппеномъ „Библіо-
ескихъ Листовъ“ сообщенія, и Кеппенъ поспѣшилъ
иться ими съ кружкомъ русскихъ любителей славян-
гарины. Въ № 14-омъ журнала (стр. 189—200) появилось
ленно: „Извѣстіе о вновь открытыхъ древнихъ словен-
рукописяхъ“, заключавшее описаніе и оглавленіе ста-
Супрасльской рукописи [2]).

Въ № 17 (15 іюня 1825 г.) „Библіограф. Листовъ“ Во-
овъ, на основаніи сообщеній Бобровскаго, помѣстилъ
тку: „Ближайшія свѣдѣнія о Словенскомъ Палимпсестѣ
Римѣ“ [3]). Такъ началось участіе Бобровскаго въ знаме-
омъ журналѣ Кеппена.

ого Новосильцева въ Вильнѣ. Вопросъ о причинахъ удаленія Боб-
скаго изъ унив. нельзя считать однако вполнѣ разъясненнымъ. Бобр-
вскій былъ отставленъ вмѣстѣ съ Лелевелемъ и Даниловичемъ и
данъ подъ надзоръ духовнаго начальства постановленіемъ высо-
айше учрежденнаго комитета для разбора дѣлъ о безпорядкахъ въ
иленскомъ унив. 14 авг. 1824 г.

[1]) О приглашеніи къ сотрудничеству въ Библ. Листахъ „польскихъ
ченыхъ, занимавшихся библіографіею, наипаче же гг. Бобровскаго и
Лелевеля, коихъ ревностныя изслѣдованія по части словенской литера-
туры достаточно извѣстны нашимъ филологамъ“, Кеппенъ объявлялъ
уже въ № 1-омъ своего журнала, на стр. 4.

[2]) П. О. Бобровскій, Судьба Супрасльской рукописи, въ Ж. М. Н.
Пр., 1887, ч. 253, стр. 268—311, ч. 254, стр. 79—102. „Еще замѣтка о
Супрасльской рукоп.“, ibid., ч. 256, стр. 339—347. Исторія открытія и
дальнѣйшей странной судьбы Супрасльской рукописи изложены въ
этихъ статьяхъ чрезвычайно подробно, но съ множествомъ уклоненій
въ сторону и лишнихъ мелочей.

[3]) Востоковъ писалъ: „Ксіонзъ Бобровскій, по обѣщанію, данному
намъ въ письмѣ отъ 20 марта (см. № 14 сихъ листовъ), доставилъ нынѣ
обстоятельнѣйшее описаніе Словенскаго Палимпсеста, видѣннаго имъ
въ Римѣ, въ Барберинской библ. (№ 375). По сообщеннымъ намъ вы-
пискамъ нѣкоторыхъ мѣстъ, разобранныхъ г. Бобровскимъ, оказалось

ченіе 1823—1824 акад. года Бобровскій читаетъ курсъ свящ. Писанія и герменевтики и знакомитъ своихъ слушателей съ правилами арабскаго языка по грамматикѣ де Саси [1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ указаній на чтенія по славянскому языкознанію и литературамъ, между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Бобровскій былъ въ высокой степени подготовленъ для такихъ чтеній и могъ бы принести ими большую пользу родному университету, возбудивъ интересъ къ славянству, собравъ вокругъ себя любителей славянской старины и интересующихся живымъ славянствомъ. При просвѣщенномъ содѣйствіи куратора, обнаруживавшаго столь много интереса къ вопросамъ славянской письменности и исторіи, Бобровскій могъ бы достигнуть выдающихся успѣховъ. Но судьба рѣшила иначе.

Новый періодъ профессорской дѣятельности Бобровскаго, вступившаго нынѣ на каѳедру во всеоружіи знаній, былъ, къ сожалѣнію, весьма непродолжителенъ. Обстоятельства вынудили его въ 1824 г. разстаться съ университетомъ [2]). Онъ поселился теперь въ мѣстечкѣ Жировицахъ и здѣсь въ уединеніи думалъ заняться своими богатыми матеріалами по славянской письменности. „По званію профессора экзегетики, писалъ товарищъ его проф. Лобойко Кеппену, онъ занимался много оріентальными языками и почти не имѣлъ времени для славенизма. Нынѣ съ усердіемъ хочетъ онъ исключительно посвятить себя этому . . .“ При содѣйствіи И. Н. Лобойка завязываются непосредственныя сношенія Бобровскаго съ Кеппеномъ, который освѣдомленъ былъ о богатыхъ рукописныхъ матеріалахъ бывшаго виленскаго профессора.

Переписка съ Кеппеномъ открывается письмомъ Бобровскаго отъ 23 янв. 1825 г., которое онъ отправляетъ своему новому ученому корреспонденту черезъ Лобойка, такъ какъ самъ не знаетъ еще адреса Кеппена. Бобровскій выражаетъ свое удовольствіе по поводу желанія Кеппена вступить съ нимъ въ сношенія: переписка съ нимъ для него въ высшей

---

[1]) Dzienn. Wil., 1823, III, str. 123.

[2]) Біографъ его П. О. Бобровскій полагаетъ (op. cit., стр. 58), что главная причина удаленія М. К. Бобровскаго заключалась въ его лекціяхъ и предложенныхъ имъ радикальныхъ реформахъ богословскаго курса; онъ склоненъ обвинять въ особомъ покровительствѣ латинствующимъ василіанскимъ монахамъ, противъ которыхъ возставалъ М. К. Бобровскій, и кн. А. Н. Голицына, министра нар. просв., и

степени лестна и желательна, особенно при томъ досугѣ, какимъ онъ теперь располагаетъ въ своемъ изгнаніи, in loco obscuro. Зная хорошо научные интересы Кеппена, онъ въ концѣ письма сообщаетъ ему особенно пріятное извѣстіе: „У меня есть кое-какіе, заслуживающіе вниманія славянскіе матеріалы, собранные мною во время путешествія; если представится случай, я съ удовольствіемъ доставлю ихъ вамъ и найду средство открыто выразить чувство благодарной души за лестное обо мнѣ упоминаніе, сдѣланное вами въ Эфемеридахъ“ [1]).

Слѣдующее письмо отъ 20 марта 1825 г. заключало уже драгоцѣнныя для только-что начатыхъ Кеппеномъ „Библіографическихъ Листовъ“ сообщенія, и Кеппенъ поспѣшилъ подѣлиться ими съ кружкомъ русскихъ любителей славянской старины. Въ № 14-омъ журнала (стр. 189—200) появилось немедленно: „Извѣстіе о вновь открытыхъ древнихъ словенскихъ рукописяхъ“, заключавшее описаніе и оглавленіе статей Супрасльской рукописи [2]).

Въ № 17 (15 іюня 1825 г.) „Библіограф. Листовъ“ Востоковъ, на основаніи сообщеній Бобровскаго, помѣстилъ замѣтку: „Ближайшія свѣдѣнія о Словенскомъ Палимпсестѣ въ Римѣ“ [3]). Такъ началось участіе Бобровскаго въ знаменитомъ журналѣ Кеппена.

самого Новосильцева въ Вильнѣ. Вопросъ о причинахъ удаленія Бобровскаго изъ унив. нельзя считать однако вполнѣ разъясненнымъ. Бобровскій былъ отставленъ вмѣстѣ съ Лелевелемъ и Даниловичемъ и отданъ подъ надзоръ духовнаго начальства постановленіемъ высочайше учрежденнаго комитета для разбора дѣлъ о безпорядкахъ въ виленскомъ унив. 14 авг. 1824 г.

[1]) О приглашеніи къ сотрудничеству въ Библ. Листахъ „польскихъ ученыхъ, занимавшихся библіографіею, наипаче же гг. Бобровскаго и Лелевеля, коихъ ревностныя изслѣдованія по части словенской литературы достаточно извѣстны нашимъ филологамъ“, Кеппенъ объявлялъ уже въ № 1-омъ своего журнала, на стр. 4.

[2]) П. О. Бобровскій, Судьба Супрасльской рукописи, въ Ж. М. Н. Пр., 1887, ч. 253, стр. 268—311, ч. 254, стр. 79—102. „Еще замѣтка о Супрасльской рукоп.“, ibid., ч. 256, стр. 339—347. Исторія открытія и дальнѣйшей странной судьбы Супрасльской рукописи изложены въ этихъ статьяхъ чрезвычайно подробно, но съ множествомъ уклоненій въ сторону и лишнихъ мелочей.

[3]) Востоковъ писалъ: „Ксіонзъ Бобровскій, по обѣщанію, данному намъ въ письмѣ отъ 20 марта (см. № 14 сихъ листовъ), доставилъ нынѣ обстоятельнѣйшее описаніе Словенскаго Палимпсеста, видѣннаго имъ въ Римѣ, въ Барберинской библ. (№ 375). По сообщеннымъ намъ выпискамъ нѣкоторыхъ мѣстъ, разобранныхъ г. Бобровскимъ, оказалось

Кеппенъ пріобрѣталъ въ лицѣ Бобровскаго желательнѣйшаго сотрудника. Первыя сообщенія его приняты были съ благодарностью. „Всякой любитель отечественныхъ древностей, — говорилъ Востоковъ, — конечно поблагодаритъ г. Бобровскаго за сіи открытія и раздѣлитъ съ нами усердное желаніе, чтобы показанные здѣсь памятники не погибли для любопытныхъ изслѣдователей".

Рукописями заинтересовался русскій ученый міръ. Востоковъ, поспѣшившій познакомить съ открытіями Бобровскаго графа Румянцова, тотчасъ же получаетъ отъ него порученіе позаботиться о пріобрѣтеніи столь рѣдкихъ памятниковъ. 8 мая 1825 г. Румянцовъ пишетъ ему: „Я чрезвычайно вамъ благодаренъ, что такъ скоро дали мнѣ знать о двухъ самыхъ древнихъ памятникахъ славянской письменности, открытыхъ ксендзомъ Бобровскимъ. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, поручите г. Кеппену или кому иному, не теряя ни мало времени, навѣдаться у г. Бобровскаго, не могу ли я куплею пріобрѣсть обѣ сіи столь древнія рукописи, и за какую цѣну" [1]).

Но объ этомъ не могло быть рѣчи. Бобровскій не замедлилъ изложить Кеппену (Nonis Maiis 1825 г.) свой взглядъ по этому вопросу: „Я убѣжденъ, что пріобрѣсти этотъ кодексъ чрезвычайно трудно, въ особенности потому, что онъ принадлежитъ библіотекѣ Супрасльскаго монастыря, а по церковнымъ правиламъ, подъ страхомъ отлученія, запрещено уносить книги изъ монастырскихъ библіотекъ къ кому-либо по корыстнымъ побужденіямъ. Вслѣдствіе этого было бы затруднительно обращаться по такому дѣлу къ настоятелю Супрасльскаго монастыря . . ." Румянцовъ надѣялся однако, что рукопись все-таки можетъ быть ему доставлена, и поручалъ Востокову: „Ежели дойдетъ Супрасльская рукопись, то постарайтесь пожалуста съ нею познакомиться и скажите мнѣ, не имѣетъ ли она какихъ особыхъ достоинствъ, по какимъ вы судили бы, что нужно издать ее въ свѣтъ".

Сообщенія объ открытыхъ Бобровскимъ въ различныхъ европейскихъ собраніяхъ памятникахъ древней славянской письменности произвели такое впечатлѣніе, что не-

---

правописаніе сего Палимпсеста не столь древнимъ, сколько мы ожидали . . ." На рукопись обращаетъ вниманіе Кеппенъ въ „Запискѣ о путешествіи . . ." Библіогр. Листы, 1825, стр. 488.

[1]) Переписка А. Х. Востокова, № 130, стр. 207—208; ср. еще стр. 443, примѣч.

медленно по порученію гр. Румянцова Кеппенъ составляетъ программу путешествія по славянскимъ землямъ, съ цѣлью собранія свѣдѣній о славянскихъ памятникахъ. Предполагалось, повидимому, командировать кого-либо въ Европу. Замѣтимъ, что путешественнику вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность осмотрѣть уніатскіе монастыри, при этомъ повидаться съ Бобровскимъ, очевидно, для полученія отъ него указаній относительно нѣкоторыхъ книгохранилищъ Европы. Путешественникъ кое-гдѣ долженъ былъ слѣдовать вполнѣ маршруту ученаго путешествія Бобровскаго [1]).

Ознакомившись съ планомъ Кеппена, Бобровскій писалъ ему: „Приготовленъ этотъ путеводитель, быть можетъ, изъ расположенія къ Вуку, упоминаніе о которомъ ты сдѣлалъ въ письмѣ ко мнѣ, если однако позволительно что-либо подобное изъ письма заключить. Но я желалъ бы, чтобы присоединено было путешествіе чрезъ страны Македоніи вплоть до Аѳонской горы, во многія монастырскія библіотеки коей желалъ проникнуть знаменитѣйшій Добровскій. Когда семь лѣтъ тому назадъ я былъ въ Прагѣ, онъ мнѣ говорилъ, что въ тѣхъ мѣстахъ скрываются многочисленнѣйшія славянскія рукописи, быть можетъ, тамъ же написанныя, увѣряя, что онъ это знаетъ на основаніи заслуживающаго довѣрія свидѣтельства какого-то англійскаго путешественника; на основаніи историческихъ данныхъ онъ даже дѣлаетъ предположеніе, что въ отдаленнѣйшія, конечно, времена существовали торговыя сношенія монаховъ Аѳонской горы съ монахами кіевскими, новгородскими и московскими. Если это предположеніе кому-нибудь удастся доказать, то быть можетъ, откроются замѣчательные славянскіе памятники почтенной древности, которые отъ насъ скрываются“.

Но программу, столь подробно начертанную Кеппеномъ, не удалось выполнить сейчасъ же. Румянцовъ вскорѣ умеръ (3 янв. 1826 г.). Послѣ смерти его, Бобровскій предполагалъ все-таки при случаѣ заняться изданіемъ открытой рукописи, и Востоковъ пожелалъ ему успѣха и ободрилъ его. О такомъ намѣреніи Бобровскаго свидѣтельствуетъ приготовленный имъ самимъ списокъ Супрасльской рук., хранящійся въ Виленской публичной библіотекѣ. Списокъ этотъ (къ сожалѣнію, нынѣ неполный) сдѣланъ съ буквальною точностью,

---

[1]) См. Библіогр. Листы, № 33 и 34.

строка въ строку и слово въ слово, при чемъ и самое начертаніе буквъ по возможности подходитъ къ подлиннику [1]).

Осуществить изданіе Супрасльской рукописи не возможно было однако въ захолустномъ мѣстечкѣ.

Невольное пребываніе въ Жировицахъ продолжалось къ счастью недолго. Бобровскій вскорѣ возвращенъ былъ въ Вильну. Положеніе его въ Жировицахъ, какъ видно изъ переписки его съ Лобойкомъ, было безотрадное. „Остаюсь безъ мѣста и безъ всякихъ средствъ, — писалъ онъ, — а когда израсходую незначительную сумму денегъ, которую выручилъ за книги, то не знаю, чѣмъ буду жить, — развѣ милостынею. Мое духовное начальство не думаетъ измѣнить моего положенія, хотя и знаетъ, что уже даны мѣста тѣмъ, которыхъ постигла одинаковая судьба со мною (т. е. удаленнымъ вмѣстѣ съ нимъ Даниловичу и Лелевелю). Необходимо просить г. Кеппена, чтобы онъ разузналъ у министра народнаго просвѣщенія (Шишкова), не закрыто ли навсегда для меня духовное званіе“ [2]).

Лобойко, а за нимъ и Кеппенъ близко приняли къ сердцу судьбу Бобровскаго. Въ письмѣ отъ 29 янв. 1825 г. Лобойко прямо говоритъ Кеппену о несчастномъ положеніи Бобровскаго и проситъ его принять въ немъ участіе: „Я увѣренъ, что помочь ему не трудно. Даниловичъ и Лелевель получили мѣста, почему же ему оставаться безъ куска хлѣба. Бобровскій очень бы желалъ перейти въ Петербургъ, гдѣ могъ бы быть важною подпорою въ вашемъ изданіи.“

По заключенію П. О. Бобровскаго [3]), вторичное призваніе М. К. Бобровскаго въ Вильну состоялось, главнымъ образомъ, при содѣйствіи гр. Румянцова, при чемъ Кеппенъ въ этомъ дѣлѣ благотворно вліялъ на Шишкова, замѣнившаго въ министерствѣ кн. А. Н. Голицына. Шишкову, ко-

---

[1]) Ср. Описаніе рукописей Виленской публ. библ., Ф. Добрянскаго. Вильна. 1882. П. О. Бобровскій совершенно основательно думаетъ, что виленскій списокъ есть собственный трудъ М. К. Бобровскаго. Изъ письма Бобровскаго къ Востокову, въ 1831 г., видно, что въ то время даже въ Вильнѣ не было людей, умѣвшихъ хорошо читать славянскія рукописи, не говоря уже о списываніи ихъ. Поэтому едва ли Бобровскій рѣшился бы поручить кому-либо столь отвѣтственное дѣло, тѣмъ болѣе, что въ жировицкомъ изгнаніи у него было достаточно свободнаго времени.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1887, ч. 253, стр. 290. Письмо Бобровскаго к Лобойку изъ Жировицъ отъ 23 янв. 1825 г.

[3]) Ж. М. Н. Пр., 1887, ч. 253, стр. 291.

нечно, извѣстны были спеціальныя занятія Бобровскаго. Онъ просилъ попечителя Новосильцева (28 мая 1825 г.) объ усиленіи преподаванія въ главной духовной семинаріи русскаго и старославянскаго языковъ [1]). Новосильцевъ предложилъ ректору университета доставить ему свое заключеніе по этому предмету. Ректоръ Пеликанъ (10 сент. 1825 г.) въ отвѣтѣ своемъ признавалъ необходимымъ преподаваніе славянскаго языка, но встрѣчалъ большое затрудненіе лишь въ недостаткѣ подходящаго наставника. Тогда онъ вспомнилъ о Бобровскомъ. „Въ семъ отношеніи осмѣливаюсь обратить вниманіе ваше на бывшаго въ университетѣ проф. Бобровскаго, удаленнаго отъ должности, вслѣдствіе высочайше утвержденнаго 14 августа прошлаго года мнѣнія комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣла о безпорядкахъ по виленскому университету. Бобровскій, имѣя отличнѣйшія познанія въ богословскихъ наукахъ, знаетъ при томъ совершенно славянскій языкъ и восточные языки и могъ бы быть полезенъ какъ главной семинаріи, такъ и университету“, писалъ Пеликанъ. Въ маѣ 1826 г. по высочайшему повелѣнію проф. Бобровскій возвратился въ Вильну на свою прежнюю каѳедру.

Но и съ возвращеніемъ на каѳедру обстоятельства его мало измѣнились къ лучшему. Бобровскій настолько поглощенъ былъ преподавательской дѣятельностью въ главной духовной семинаріи и въ университетѣ, гдѣ читалъ курсъ св. Писанія, библейской археологіи и занимался древнеславянскимъ языкомъ [2]), что мечты объ изданіи опять пришлось отложить.

Въ сентябрѣ 1826 г. онъ жалуется на свое положеніе Кеппену: „Возвратившись въ Вильну, я до того былъ обремененъ пріятными, но тяжелыми обязанностями, что едва могъ перевести духъ и дать отдыхъ своему утомленному

---

[1]) Объ этихъ заботахъ Бобровскій, очевидно, говоритъ въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ Совича: „Zbawienne względem wprowadzenia do szkół i seminaryów pierwotnego tego języka namierzenie gorliwych mężów, ster oświecenia mających w swem ręku i usiłujących z gruzów wydobyć drogie przodków ostatki nauki, uprawy i przemysłu, wskrzeszą bez wątpienia i sam język starożytny.“ Dzienn. Wil., 1826, HL. I, str. 404.

[2]) Въ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. Замойскихъ, подъ № 272 значатся: „Piewsze prawidła gramatyki słowiańskiego języka, rzucone w roku 1826 — jako materyał do dawania tegoż języka Alumnom Gł. Seminaryum obrządku greko-unickiego. Pierwszy raz zacząłem dawać tą lekcyą od 15. Maja r. b. X. M. B.“ Лекціи эти составлялись въ теченіе 1826—1828 г.

трудами уму. Когда мнѣ не мѣшали мои занятія св. Писаніемъ и подготовка руководящихъ правилъ для обученія славянскому языку (для чего необходимо было дополнять Грамматику Добровскаго), я не разъ желалъ приступить къ описанію славянскихъ рукописей, но всякій разъ встрѣчалъ препятствія, потому что не имѣлъ подъ рукою тѣхъ снимковъ (facsimile), которые два года тому назадъ отправлены были мною въ Петербургъ“ [1]).

Сотрудничество въ „Библіограф. Листахъ“ съ прекращеніемъ журнала поневолѣ пріостановилось, но Бобровскій все-таки готовилъ для Кеппена разныя сообщенія о славянскихъ рукописяхъ. Они могли бы войти въ III-ій томъ „Матеріаловъ“, которые Кеппенъ намѣренъ былъ издать, по образцу перваго выпуска, въ видѣ отдѣльной книги. „Лестные отзывы обо мнѣ, часто встрѣчающіеся въ „Библіогр. Листахъ“, служатъ болѣе доказательствомъ твоего расположенія ко мнѣ, чѣмъ заслугъ моихъ, которыя слишкомъ ничтожны. Чтобы чѣмъ-либо отблагодарить тебя за это, я приготовилъ описаніе нѣкоторыхъ славянскихъ рукописей, но когда я уже оканчивалъ работу, то по своей собственной неосмотрительности лишился всего, вмѣстѣ съ другими моими литературными трудами, ибо огонь, занявшійся отъ оставленной мною зажженой свѣчи, въ мое отсутствіе уничтожилъ всю работу, оставленную на столѣ; впрочемъ, на этотъ разъ я не лишился ничего такого, чего я не могъ бы пріобрѣсти новымъ трудомъ. Великое благодареніе Богу, что Супрасльская рук. и другія цѣннѣйшія книги были спасены отъ гибели. Вотъ причина, почему я ничего не могу прислать теперь по твоему желанію“, оправдывалъ Бобровскій свое замедленіе (15 мая 1826 г.).

Съ открытіемъ чтеній по старославянскому языку въ главной духовной семинаріи Бобровскій пріобрѣлъ значительный кругъ слушателей, которые могли въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовать его занятіямъ памятниками славянской письменности, по крайней мѣрѣ, своими разысканіями въ церквяхъ и монастырскихъ библіотекахъ. И мы имѣемъ доказательство, что Бобровскій поручалъ своимъ студентамъ доставлять ему свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ. Такъ, одинъ изъ нихъ (X. Bazyli Olenicz) доносилъ ему 22 де-

[1]) См. еще его письма къ Лелевелю, приложенія, стр. LXXVI—LXXXVIII.

кабря 1828 г. о безуспѣшности своихъ поисковъ въ Жидичинскомъ монастырѣ (w opactwie Żydyczyńskiem), гдѣ рукописей было множество, но по распоряженію еп. Мартусевича онѣ были отправлены въ Петербургъ къ графу Румянцову. Были, какъ сообщалъ тотъ же Оленичъ, драгоцѣнныя рукописи и въ Жировицахъ, но на нихъ никто не обращалъ вниманія, и пергаменные листы расходовались на переплеты [1])! Въ этомъ отношеніи уроки цѣнителя и знатока памятниковъ старославянской письменности могли принести великую пользу: ученики Бобровскаго могли спасти изъ невѣжественныхъ рукъ не одну драгоцѣнную рукопись. Самъ Бобровскій тоже не упускалъ случая пріобрѣсти рѣдкую славянскую рукопись, и въ собраніи его было ихъ немало, среди нихъ встрѣчаемъ и подношенія друзей. Такъ, въ каталогѣ его рукописнаго собранія, между прочимъ, числятся: 1) подъ № 9: „Psałterz na pargaminie, kwadratowem pismem — pierwsze litery pozłacane — bardzo pięknie pisany, bo nic podobnego dotąd nie widziałem między tylo MSS. słowiańskiemi. Z początku ps. 24, a na końcu ps. 143. Dostałem w upominku od X. Spiryd. Michniewicza, Plebana Cerkwi Czyżewskiej, w powiecie Bielskim, do najdawniejszych należy — najpodobniej w Kijowie pisany"; 2) подъ № 12 отмѣчено: „Евангелие — na pargaminie we 2 kolumnach in 4°, lub fol. min., starannie pisane, do dawniejszej recenzyi należy — wielkiej wagi w krytyce. Nieoceniony dar X. Sosnowskiego surrogata r. 1824, znajdowała się w cerkwi". Эта собирательская дѣятельность должна быть поставлена въ особенную заслугу Бобровскому. Къ сожалѣнію, плоды ея разсѣялись безъ большихъ результатовъ для науки.

Покинувъ окончательно профессорскую каѳедру и получивъ въ 1833 г. приходъ въ м. Шерешевѣ, Бобровскій удалился и отъ науки. Надвигались новыя событія въ жизни западнорусской церкви, увлекшія на другое поприще даровитаго богослова и слависта.

Сношенія съ многочисленными славянскими учеными друзьями стали постепенно ослабѣвать, впрочемъ, быть можетъ, и не безъ вины самихъ друзей. Такъ, еще въ концѣ 1822 г. Копитарь передаетъ Добровскому жалобу Бобровскаго, не получившаго отъ аббата никакого отвѣта на два

[1]) Письмо Оленича въ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. Замойскихъ.

важныхъ письма, касавшіяся его издательскихъ проектовъ. „Rogo, si licet per dominarum bonitatem, illi respondeas", вступался Копитарь [1]). Съ теченіемъ времени эти связи совершенно заглохли и прервались [2]).

Научная дѣятельность Бобровскаго, по возвращеніи его изъ путешествія, поставлена была, какъ мы видѣли, въ столь неблагопріятныя условія, что ему не удалось выполнить ни одного изъ болѣе крупныхъ своихъ ученыхъ проектовъ. Разсмотрѣнныя нами статьи его, преимущественно — извлеченія изъ отчетовъ, были всецѣло подготовлены еще за границей; матеріаловъ для дальнѣйшихъ работъ по исторіи древней славянской письменности, по вопросамъ славянскихъ литературъ новаго времени и языкознанія у Бобровскаго было, какъ можно заключать по его дневникамъ и черновымъ бумагамъ, значительное количество, но всѣ они остались не обработанными.

Въ 1827 г. въ торжественномъ засѣданіи (въ день рожденія имп. Николая I), по случаю 250-лѣтія основанія виленскаго унив. и 25-лѣтія утвержденія его Александромъ I, Бобровскій читалъ рѣчь, посвященную памяти и заслугамъ знаменитыхъ профессоровъ [3]). По свидѣтельству біографа его [4]), Бобровскій составилъ „Записки по славянской библіографіи" и предполагалъ издать ихъ, но ближайшихъ указаній на характеръ и размѣры этой работы мы не имѣемъ. Для

---

[1]) Ягичъ, Источники, I, стр. 481.

[2]) Интересный отголосокъ жалобъ Добровскаго на виленскаго друга встрѣчаемъ въ фантастической картинѣ: „Puszkin na polach Elizejskich", въ Roczniku liter. (изд. R. Podbereski), II, Petersburg, 1844, str. 125. Авторъ ея (John of Dycalp, т. е. Плакидъ Янковскій), влагая въ уста Пушкина и Бродзинскаго бесѣду о Краледворской рук., вспоминаетъ при этомъ о Бобровскомъ, который какъ-то передавалъ ему сомнѣнія учителя своего Добровскаго относительно древности рукописи. „Znakomity ten u nas miłośnik i znawca sławiańszczyzny był połączonym ścisłą przyjaźnią z Dobrowskim. Miałem tego rozczulający dowód na polu Elizejskim. Szanowny cień ojca sławiańszczyzny polecał mi raz i drugi zanieść pozdrowienie Bobrowskiemu. — „Ale powiedz mu, przydał ze smutkiem, że gniewam się nań szczerze, bo czyż dla tego, że pewnym jest on u nas przyjęcia, nie ma już i nie powinien pisać!" Chciałem powiedzieć cośkolwiek na obronę mojego mistrza i — niemogłem".

[3]) Dzienn. Wil., 1827, III, Now. Nauk., str. 298.

[4]) П. О. Бобровскій, op. cit., стр. 63. Ср. еще указанія Эстрейхера, Bibliografia, I, str. 121, и P. Chm. (Chmielowski) въ Wielkiej Encykl. Powsz. Illustr., VII—VIII, о томъ, что Бобровскій приготовилъ матеріалы для исторіи славянскихъ типографій въ Литвѣ.

исторіи славянскаго книгопечатанія въ черновыхъ замѣткахъ его найдется немало матеріала, но систематическаго свода свѣдѣній о славянскихъ инкунабулахъ мы не встрѣтили въ нихъ. Нѣкоторыя рѣдкія глаголическія изданія Бобровскій собралъ во время путешествія для своихъ нуждъ [1]).

Когда въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Россійской Академіи вновь обратились къ забытому одно время проекту составленія сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ языковъ, то на этотъ разъ въ число сотрудниковъ рѣшили призвать и Бобровскаго. Проектъ въ новой редакціи, принадлежавшей Сперанскому, предполагалъ, что приглашенные Академіей славянскіе ученые, Ганка, Шафарикъ и Челаковскій, останутся у себя дома и тамъ будутъ вести свои работы, числясь въ то же время сотрудниками или корреспондентами Академіи [2]).

Бобровскому сообщилъ объ этомъ приглашеніи другъ его Даниловичъ, быть можетъ, и самъ обратившій вниманіе Сперанскаго на виленскаго славяновѣда. На предложеніе, послѣ продолжительнаго размышленія, послѣдовалъ отказъ. Къ проекту Сперанскаго Бобровскій отнесся съ сочувствіемъ, понимая, что осуществленіе этой мысли составило бы эпоху въ исторіи славянской литературы, но при этомъ онъ не могъ скрыть своихъ сомнѣній. Составленіе сравнительнаго славянскаго словаря онъ рѣшительно призналъ преждевременнымъ, такъ какъ для этой работы необходимы прежде всего полныя грамматики и словари отдѣльныхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, въ томъ числѣ и старославянскаго языка. Грамматику послѣдняго составилъ Добровскій, но словаря старославянскаго не было, а между тѣмъ онъ долженъ быть основаніемъ задуманнаго Академіей свода [3]). Завѣты великаго патріарха хранились ученикомъ его, какъ видимъ, крѣпко.

Какъ ни незначительны по размѣрамъ ученые труды Бобровскаго, всѣ они однако свидѣтельствуютъ о хорошей

---

[1]) Списокъ глаголическихъ изданій XVII и XVIII в. онъ сообщаетъ Кеппену. См. Библіогр. Листы, 1825, № 26, стр. 376. Въ собраніи Бобровскаго находились: 1) Катихизисъ, изд. Р. Леваковичемъ въ Римѣ, 1662; 2) Служебникъ (Missale) Леваковича, Римъ, 1631; 3) Часословъ (Breviarium) 1688 г.; 4) Missale Карамана, Римъ, 1741 г. и др. книги.

[2]) См. В. Францевъ, Очерки по ист. чешскаго возрожд., стр. 167.

[3]) Приложенія, стр. CLXVII—VIII.

школѣ, пройденной имъ подъ руководствомъ двухъ великихъ представителей славяновѣдѣнія, Добровскаго и Копитаря, и о правильныхъ взглядахъ его на важнѣйшія задачи славянскихъ изученій. Въ лицѣ Бобровскаго виленскій университетъ могъ пріобрѣсти выдающагося профессора славяновѣдѣнія, и слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что въ кругу виленскихъ ученыхъ не нашлось никого, кто сумѣлъ бы по достоинству оцѣнить знанія его и направить его на тотъ путь, на которомъ онъ дѣйствительно съ честью и пользою началъ работать. Не понялъ истиннаго призванія его и столь близко интересовавшійся его занятіями кн. Чарторыскій.

При ближайшемъ участіи кн. Чарторыскаго и его матеріальной поддержкѣ выступаетъ на научное поприще археологъ и этнографъ Адамъ Чарноцкій, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Зоріана Доленги Ходаковскаго (Zoryjan Dołęga Chodakowski). Не останавливаясь на біографическихъ данныхъ о немъ, собранныхъ и разсмотрѣнныхъ А. Н. Пыпинымъ и Ф. Равитой-Гавронскимъ, посвятившими Ходаковскому спеціальныя изслѣдованія [1]), мы ограничимся лишь важнѣйшими и безспорными фактами его жизни и дѣятельности на научномъ поприщѣ. Біографическія свѣдѣнія, относящіяся къ первой половинѣ жизни Адама Чарноцкаго, до выступленія его подъ именемъ Зоріана Доленги Ходаковскаго, весьма неясны, и новѣйшіе біографы въ нихъ ничего не могутъ разъяснить за отсутствіемъ матеріала. Въ сущности, въ этомъ мы и не видимъ особенной необходимости, ибо, по справедливому замѣчанію Д. Ходзька, для науки совершенно безразлично, двинулъ ли ее впередъ Чарноцкій или Ходаковскій, какъ для жаждущаго не имѣетъ

---

[1]) Статья Пыпина о Ходаковскомъ появилась первоначально въ Вѣстн. Евр., 1886 г., затѣмъ вошла въ его „Исторію русск. этногр.“, III, стр. 38—87. Fr. Rawita-Gawroński, пользуясь новыми матеріалами краковскихъ и львовскихъ библ., написалъ монографію: „Zoryan Dołęga Chodakowski, jego życie i praca“, Lwów, 1898. Работа Равиты-Гавронскаго не свободна отъ промаховъ, истекающихъ изъ незнакомства съ русской ученой литературой 20-ыхъ гг., и преувеличеній въ характеристикѣ дѣятельности и заслугъ Ходаковскаго. Ихъ повторяетъ Василь Доманицький въ ст.: „Піонер української етнографії“, въ Записках Наук. тов. ім. Шевченка, т. LXV, 1905, кн. III. Ср. также Dębicki, Puławy, III. Мы просмотрѣли „Дѣло“ Ходаковскаго въ Арх. Мин. Нар. Просв. и всю переписку о путешествіи, за исключеніемъ отчетовъ, извѣстныхъ въ печати, сообщаемъ въ приложеніяхъ. Нѣкоторыя извлеченія сдѣланы нами изъ бумагъ Ходаковскаго, хранящихся въ Имп. Публ. Библ., № 2017—2019.

значенія названіе источника, лишь бы изъ него онъ могъ напиться чистой и здоровой воды [1]).

Мы обратимся непосредственно къ тѣмъ годамъ жизни и дѣятельности Ходаковскаго, относительно которыхъ имѣются уже достовѣрныя данныя, къ тому періоду, когда онъ, окончательно разставшись съ прежнимъ, опаснымъ для него именемъ, „вновь ожилъ“ и выступилъ въ новой роли — ученаго. Темнымъ въ біографіи его представляется промежутокъ времени между 1812-мъ и 1817 гг., т. е. между бѣгствомъ его изъ русской арміи и появленіемъ въ Пулавахъ, у Чарторыскихъ. Біографъ его полагаетъ, что эти четыре года Ходаковскій провелъ на Волыни, въ домахъ своихъ друзей, изъ коихъ наиболѣе близкими къ нему были поэтъ ген. Кропинскій, Карлъ Сенкевичъ и Лука Голэмбіовскій, впослѣдствіи библіотекари Чарторыскихъ; въ это же время онъ странствовалъ по Украинѣ и Подолью. Въ эти годы онъ побывалъ и въ Кременцѣ, гдѣ сблизился съ профессорами знаменитаго лицея. Пребываніе на Волыни и новый обширный кругъ знакомствъ, въ томъ числѣ съ Ѳ. Чацкимъ и кн. Чарторыскимъ, имѣли большое значеніе для дальнѣйшей судьбы Ходаковскаго.

Четыре года посвящены были занятіямъ наукою и собиранію произведеній народнаго творчества; тогда же онъ сталъ подготовлять матеріалъ и для историко-географическаго словаря славянскихъ земель. Познакомивши Чарторыскаго съ своими учеными проектами, Ходаковскій встрѣтилъ съ его стороны полное вниманіе и сочувствіе и отправился по порученію князя въ его резиденцію Пулавы (въ концѣ 1816-го или въ началѣ 1817 г.). Здѣсь, въ богатой библіотекѣ своего патрона онъ всецѣло погрузился въ ученыя занятія и провелъ въ нихъ все время до отправленія въ поѣздку по Галиціи, предпринятую вскорѣ по мысли и желанію Чарторыскаго.

Въ началѣ сент. 1817 г. Ходаковскій выѣхалъ изъ Пулавъ въ Краковъ, посѣтивши по пути Радомъ, Сандоміръ, Белзъ, Ченстоховъ, Скалу и занимаясь записываніемъ народныхъ пѣсенъ. Въ Краковѣ Ходаковскій провелъ девять недѣль, познакомился здѣсь съ проф. и библіотекаремъ Ягеллонской библіотеки Г. С. Бандтке, еп. Яномъ Вороничемъ и др., но пребываніемъ въ древней столицѣ остался недово-

[1]) Teka Wileńska, 1857, № 2, str. 302.

правленія и жизни, обычаи и самый языкъ тѣсно связаны были съ ученіемъ о богахъ. Быстраго и успѣшнаго преображенія быть не могло и въ дѣйствительности не было. Объ этомъ свидѣтельствуютъ факты древнѣйшей исторіи славянъ, поляковъ, русскихъ, чеховъ, балтійскихъ славянъ и литовцевъ, доказывающіе, что никогда человѣкъ, живущій въ своей семьѣ, не можетъ передѣлать себя, освободиться отъ тѣхъ предубѣжденій и страстей, которыя ему долго сопутствовали, потому что нелегко возстать противъ самого себя, измѣнить образъ жизни, мышленія, оставить все, что ему дорого, а прежде всего — дать иной оборотъ языку, привыкшему чтить многочисленныя божества, полному тѣхъ метафоръ, присловій и прирожденныхъ чертъ, которыми проникнуты его обрядовыя пѣсни, игры, обыденная рѣчь, и которыя всегда дышали его вѣрой.

Въ древнѣйшей и современной исторіи нашъ родъ занимаетъ свое мѣсто. Онъ образовался не изъ изгнанниковъ и не изъ обломковъ павшихъ царствъ, онъ былъ всегда народомъ первоначальнымъ, самобытнымъ (właściwym) и единоязычнымъ. Еще не выяснены время и причины, по которымъ онъ покинулъ сосѣдство Индостана (Indowego Stanu), какъ долго былъ онъ въ этомъ огромномъ пути, пока вступилъ въ Европу и занялъ ея половину со стороны Азіи.

Достовѣрно только, что славяне, осѣвши на новыхъ мѣстахъ, заняли разомъ области задунайскія до подножія Балкана, по Адріатикѣ, Лабѣ и все пространство между ними, равно какъ и отдаленный Сѣверъ (Północ od ściany Sweonów). Славяне раздѣлили все занятое ими пространство на одинаковыя „сотни“ (na jednakie sta) и подчинялись однимъ установленіямъ, обрядамъ и обычаямъ. Вездѣ въ эту эпоху мы видимъ у славянъ начальниковъ съ знаменемъ, предводительствующихъ въ мирѣ, на войнѣ и при священныхъ обрядахъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ такой разнородной власти надъ многочисленнымъ народомъ требовало столь разнообразной дѣятельности, что славяне при такомъ положеніи дѣла не могли быть народомъ бездѣятельнымъ или усыпленнымъ. Война для обезпеченія существованія и расширенія предѣловъ, въ мирное время — охота, обработка пашни, извѣстныя ремесла, обряды, соединенные съ играми и пиршествами, были общимъ развлеченіемъ и занятіемъ обоего пола. Въ памятникахъ этихъ вѣковъ довольно часто встрѣчаются выраженія: нива (rola), плугъ,

Оно должно было послужить для Ходаковскаго ученой рекомендаціей и обезпечить успѣхъ ходатайства князя въ виленскомъ университетѣ, желавшаго найти постоянныя средства для осуществленія проектовъ молодого ученаго [1]). Ходаковскій, по собственному признанію, неохотно принялся за эту работу [2]), такъ какъ не считалъ своихъ изученій достаточно законченными и основательными. „Почтенные соотечественники, — говорилъ онъ, — найдутъ въ этой статейкѣ (pisemku) лишь грубую руду, которая только со временемъ въ рукахъ болѣе счастливыхъ можетъ дать чистый и богатый металлъ“ [3]). Но Чарторыскій увлекался проектами своего ученаго гостя и настолько былъ убѣжденъ въ важности осуществленія ихъ, что не допускалъ мысли о возможности оторвать отъ нихъ Ходаковскаго. „Patrząc na trudy jego, zapał i zdatność, żal bierze, aby go od jego przedmiotu oderwać. Inaczej użyty byłby stracony“, увѣрялъ онъ Малевскаго (5 окт. 1818 г.), поручая своего кліента благосклонному вниманію виленскаго университета и высказывая при этомъ увѣренность, что средства, которыя будутъ даны ему на путешествіе, никоимъ образомъ не будутъ потерянными [4]). Узнавши, что Вильно или Кременецъ могутъ ему обезпечить только 600 р. въ годъ на славянское путешествіе, Ходаковскій рѣшилъ воспользоваться пребываніемъ въ Вар-

---

присоединилъ новыя замѣчанія; впослѣдствіи переиздалъ это разсужденіе проф. С. Гельцель въ Краковѣ въ 1835 г., вмѣстѣ съ отзывомъ Суровецкаго; послѣдняя перепечатка — въ книгѣ Равиты-Гавронскаго.

[1]) Въ письмѣ (1818 г.) къ одному изъ друзей, цитируемомъ Скимборовичемъ, Teka Wileńska, 1858, № 6, str. 245, онъ говоритъ: „Na żądanie X. kuratora uniw. Wileńskiego, dla otrzymania rządowej opieki, musiałem zbyt wczesną z materyałów dotąd zebranych napisać rozprawę. Nieumiem zgadnąć, co o niej świat uczony i krytyka natężona wyrzekną; to mam tylko w zapewnieniu ze strony protekcyjnej, że mi nada większy popęd, pomoc rządową i stałe sposoby do wykonania tego przedsięwzięcia“.

[2]) „Gniewny na takie przeznaczenie moje, jąłem się niechętnie do pracy, która przed poznaniem całkowitego obrazu, przed zakryciem wiekuistem najgłówniejszych tajemnic wcześnie śmie wyrokować“, признавался онъ Кропинскому 3 апр. 1818 г.

[3]) Въ письмѣ къ Бандтке (13 іюля 1818 г.) онъ отзывается о своей статьѣ: „Jest to prędkie skreślenie i nadto ogólne, do tego żelaznym stylem złożone. Nadto byłem znaglony i niemiałem czasu ozdobić i wygładzić stylu. Lecz mniejsza o styl, nam chodzi więcej o rzecz, która zdawałą się być zupełnie straconą“.

[4]) Kuratorya, I, черновики писемъ Чарторыскаго.

шавѣ императора Александра I и искать у него покровительства и поддержки [1]).

Съ этою цѣлью онъ приготовилъ экземпляръ своего разсужденія „O Słowiańszczyznie“ для поднесенія государю, снабдивъ рукопись слѣдующимъ витіеватымъ и туманнымъ посвященіемъ:

„Najjaśniejszemu Panu
Niepobiedzonemu Witezowi
Wielkiemu Kaganowi
Najstarszemu staroście słowiańskiemu
Władcy brzegów Dunaju
Miłemu na zamku warszawskim gościowi
Szczodremu gospodarzowi
Świetnemu i młodemu księżycowi
Następcy Wielkiego Władymira
Najsilniejszemu Carowi Ruskiemu
Królowi Lackiemu
Szczęśliwej i jasnej zorzy słowiańskiej
Alexandrowi Pawłowiczowi
Czołem bijąc na moście ze trzciny usłanym
Zoryan Dołęga Chodakowski
Czteroletnią podróż i pracę z niniejszym jej rysem
Ze stałą ochotą jej dokończenia
I wierne służby swoje
Poświęca“ [2]).

Въ виду особеннаго значенія этой статьи для характеристики ученыхъ взглядовъ и теорій Ходаковскаго мы подробно изложимъ содержаніе ея. Это была первая и дѣйствительно самая характерная работа его, и послѣ нея Ходаковскій не сказалъ уже въ сущности ничего новаго.

Передъ наукой, — говоритъ Ходаковскій, — исчезли исторія, обряды и обычаи наши эпохи многобожія. Европейское просвѣщеніе не благопріятствовало всему тому вре-

[1]) „Chcę korzystać z bytności Cesarza w Warszawie, z przychylności jego dla Polaków i oświaty, rachując oraz na opiece niewątpliwej księcia kuratora, zrobiłem przypisanie słowiańskie Najjaśniejszemu Panu. Sława, zamierzona do całej przestrzeni Słowaków, powinna być Jego już własnością, bo on sam jest tylko pośród nas miłym gościem, szczodrym hospodarem i najstarszym starostą słowiańskim. Nie wiem, jaki tego zamachu śmiałego będzie skutek, oddałem się z ufnością na księcia: od jego zdania i łaski wszystko zawisło.“ Въ томъ же письмѣ Кропинскому.

[2]) Рукопись хранится въ библіотекѣ гр. Красинскихъ въ Варшавѣ.

мени, когда христіанство (Krzyż Święty) начало распространяться среди обширной и раздѣленной славянщины. Первые провозвѣстники нынѣшней нашей вѣры далеки были отъ умѣренности, чтобы сохранить что-либо для исторіи и будущихъ вѣковъ, и это неблагопріятное рвеніе сохранилось въ ихъ преемникахъ чуть ли не до нашего времени. Въ этомъ духѣ десять или болѣе властителей нашего племени одинъ за другимъ разрушали зданіе, воздвигнутое врожденнымъ вдохновеніемъ и не смогли наряду съ новыми правилами неба сохранить земное стяжаніе, которое дошло бы до насъ и было памятникомъ ихъ же самихъ. Это событіе является важнѣйшимъ въ исторіи славянщины, ибо оно охватило съ теченіемъ времени все ея пространство, способствовало созданію новыхъ областей и постоянно умножало ихъ. Звенья новой вѣры связали насъ съ прочими народами Европы, на которыхъ мы не были похожи. Славянинъ по религіозному чувству или по необходимости обращался къ Риму или Царьграду и, проникаясь взаимной ненавистью столицъ христіанства, возжигалъ факелы вѣковыхъ междоусобій на своей землѣ изъ-за того, что платилъ дань не одной священной главѣ. Горе намъ! слишкомъ долго пребывали мы въ этомъ заблужденіи. Я, можетъ быть, и не вспоминалъ бы о немъ, если бы оно не имѣло пагубнаго вліянія на этотъ періодъ нашей исторіи и не было первымъ подкопомъ подъ нашу, всегда намъ дорогую народность. Будущія времена выяснятъ ту истину, что, благодаря преждевременному политію насъ водой, стали смываться всѣ наши отличительныя черты, ослабѣлъ во многихъ нашихъ странахъ духъ независимости, и, просвѣщаясь по чужому образцу, мы стали наконецъ чуждыми самимъ себѣ.

Первые историки Сѣвера или обходятъ молчаніемъ до-христіанскую эпоху, или наполняютъ ее всякими вымыслами, изображаютъ исключительно грубые обычаи, дикость и слѣпоту нашихъ отцовъ. Въ этихъ картинахъ ясно сказывается призваніе первыхъ историковъ (powołanie zawsze trącało ich ręką), духовныхъ лицъ. У нихъ переходъ въ новую вѣру совершается съ одинаковою легкостью въ Познани, Кіевѣ и Новгородѣ; по ихъ разсказамъ, достаточно было примѣра и воли правителя, чтобы одинъ день или годъ совершили такой переворотъ. Думая такъ, эти лѣтописцы не знали упорной славянской души, не знали исторіи родного и первобытнаго народа, у котораго образъ

рождавшееся желаніе дальнѣйшаго изслѣдованія и, по мѣрѣ силъ, окончанія этой картины."

Далѣе Ходаковскій переходитъ къ обозрѣнію преданій и вообще всего народнаго поэтическаго творчества, какъ драгоцѣннаго источника для характеристики праславянской старины. При отсутствіи писателей или современныхъ свидѣтельствъ оно можетъ разъяснить намъ множество вопросовъ. Но для этого необходимо прежде всего заняться собираніемъ такого матеріала. Кто не начерталъ себѣ опредѣленнаго плана, не подготовилъ извѣстныхъ вопросовъ и при этомъ, въ виду обширности славянской территоріи, не вооружился запасомъ мужества, выдержки и знаніемъ нѣсколькихъ нарѣчій славянскихъ, тотъ напрасно будетъ ожидать преданій, — они сами не приплывутъ къ его берегу и не предложатъ своихъ услугъ. Необходимо снизойти подъ кровлю селянина въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ, надо поспѣшить на его пиры, забавы и различныя событія жизни. Тамъ въ дыму, носящемся надъ головами, витаютъ еще старинные обряды, распѣваются давнія пѣсни, и среди пляски народной слышатся имена забытыхъ боговъ. Въ этомъ сумракѣ можно подмѣтить свѣтящія имъ три луны, три дѣвственныя зари, семь звѣздъ возовыхъ...

Вообще, по наблюденію Ходаковскаго, обрядовыя пѣсни, собранныя имъ надъ Днѣпромъ, Богомъ, Бугомъ, Сономъ и на верхней Вислѣ, всюду дышутъ милой простотой, грустью, полной древнихъ образовъ и метафоръ. Несомнѣнно, что эти пѣсни, сохранившіяся еще въ устахъ народа, столь давно лишеннаго свободы, въ эпоху его господства и полнаго существованія первобытнаго строя были несравненно привлекательнѣе. Но, увы! наша земля не была ограждена съ трехъ сторонъ моремъ, чтобы въ теченіе вѣковъ сохранить столько, сколько сохранила Шотландія!

Ходаковскій серьезно высказываетъ сожалѣніе, что въ Чехіи при Карлѣ IV и въ Польшѣ въ эпоху Сигизмундовъ, времена, столь благопріятствовавшія развитію наукъ и роднаго языка, не подумалъ никто о полномъ собраніи пѣсенъ. Удивительно, что Янъ Кохановскій, перенесшій изъ-подъ деревенской крыши въ свои стихотворенія немало изящной простоты, не возымѣлъ такой мысли: она встрѣтила бы несомнѣнное сочувствіе у Сигизмунда-Августа и въ значительной мѣрѣ облегчила бы въ наши дни нашъ трудъ собиранія. Виновникомъ исчезнованія многихъ памятниковъ

народной старины является, по мнѣнію Ходаковскаго, въ значительной степени католическое духовенство, попиравшее нещадно все то, что въ настоящее время является предметомъ нашей любознательности. Такого обвиненія не заслуживаетъ однако духовенство восточное, русское. Греческіе и уніатскіе священники были братьями своего народа; они молились Богу на славянскомъ языкѣ; свободные отъ высокомѣрія, они не сѣяли смуты своими реформами и обнаруживали съ своей стороны больше снисхожденія и мягкости. Результатомъ такого отношенія ихъ къ народу является тотъ фактъ, что русскія области несравненно болѣе сохранили старинныхъ преданій, и Ходаковскій здѣсь больше всего изучилъ ихъ.

Въ концѣ XVIII стол. были собраны и изданы пѣсни сѣверной Руси. Ходаковскій ставитъ однако выше ихъ по поэтическимъ достоинствамъ пѣсни малорусскія, съ которыми онъ познакомился нѣсколько въ полтавской губерніи. Желая сравнить пѣсни русскія съ другими славянскими, Ходаковскій старается достать собранія пѣсенъ слезскихъ, чешскихъ, моравскихъ, славянъ венгерскихъ (словаковъ) и пр.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ славянской древности Ходаковскій обратилъ вниманіе еще на одинъ слѣдъ ея, по его мнѣнію, чрезвычайно своеобразный и важный. Онъ имѣетъ въ виду славянскіе, прежде всего польскіе, гербы. Впрочемъ, по его словамъ, онъ долго колебался относительно значенія этихъ памятниковъ и предвидѣлъ, что его сужденія о нихъ будутъ встрѣчены недовѣріемъ и смѣхомъ. Нѣсколько изображеній въ гербахъ напомнили ему образы народной поэзіи, и онъ, со свойственной ему поспѣшностью, вообразилъ, что находитъ здѣсь слѣды глубокой народной древности. Уже ближайшіе критики его, напр., Суровецкій, указывали, что онъ въ этомъ совершенно заблуждался.

Въ концѣ своего разсужденія Ходаковскій дѣлаетъ воззваніе, въ которомъ горячо убѣждаетъ собирать и сохранять остатки старины: „Будемте хранить случайныя и довольно частыя находки въ землѣ, эти различныя небольшія статуэтки, изображенія, металлическія орудія, посуду, урны съ пепломъ. Сосчитаемъ и точно измѣримъ всѣ огромныя могилы, насыпанныя въ честь одного лица и пережившія вѣка. Сохранимъ отъ уничтоженія надписи, вырытыя на скалахъ въ подземныхъ пещерахъ, по большей части намъ невѣдомыя. Снимемъ планы мѣстностей, особенно вы-

рождавшееся желаніе дальнѣйшаго изслѣдованія и, по мѣрѣ силъ, окончанія этой картины."

Далѣе Ходаковскій переходитъ къ обозрѣнію преданій и вообще всего народнаго поэтическаго творчества, какъ драгоцѣннаго источника для характеристики праславянской старины. При отсутствіи писателей или современныхъ свидѣтельствъ оно можетъ разъяснить намъ множество вопросовъ. Но для этого необходимо прежде всего заняться собираніемъ такого матеріала. Кто не начерталъ себѣ опредѣленнаго плана, не подготовилъ извѣстныхъ вопросовъ и при этомъ, въ виду обширности славянской территоріи, не вооружился запасомъ мужества, выдержки и знаніемъ нѣсколькихъ нарѣчій славянскихъ, тотъ напрасно будетъ ожидать преданій, — они сами не приплывутъ къ его берегу и не предложатъ своихъ услугъ. Необходимо снизойти подъ кровлю селянина въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ, надо поспѣшить на его пиры, забавы и различныя событія жизни. Тамъ въ дыму, носящемся надъ головами, витаютъ еще старинные обряды, распѣваются давнія пѣсни, и среди пляски народной слышатся имена забытыхъ боговъ. Въ этомъ сумракѣ можно подмѣтить свѣтящія имъ три луны, три дѣвственныя зари, семь звѣздъ возовыхъ...

Вообще, по наблюденію Ходаковскаго, обрядовыя пѣсни, собранныя имъ надъ Днѣпромъ, Богомъ, Бугомъ, Сономъ и на верхней Вислѣ, всюду дышутъ милой простотой, грустью, полной древнихъ образовъ и метафоръ. Несомнѣнно, что эти пѣсни, сохранившіяся еще въ устахъ народа, столь давно лишеннаго свободы, въ эпоху его господства и полнаго существованія первобытнаго строя были несравненно привлекательнѣе. Но, увы! наша земля не была ограждена съ трехъ сторонъ моремъ, чтобы въ теченіе вѣковъ сохранить столько, сколько сохранила Шотландія!

Ходаковскій серьезно высказываетъ сожалѣніе, что въ Чехіи при Карлѣ IV и въ Польшѣ въ эпоху Сигизмундовъ, времена, столь благопріятствовавшія развитію наукъ и роднаго языка, не подумалъ никто о полномъ собраніи пѣсенъ. Удивительно, что Янъ Кохановскій, перенесшій изъ-подъ деревенской крыши въ свои стихотворенія немало изящной простоты, не возымѣлъ такой мысли: она встрѣтила бы несомнѣнное сочувствіе у Сигизмунда-Августа и въ значительной мѣрѣ облегчила бы въ наши дни нашъ трудъ собиранія. Виновникомъ исчезнованія многихъ памятниковъ

народной старины является, по мнѣнію Ходаковскаго, въ значительной степени католическое духовенство, попиравшее нещадно все то, что въ настоящее время является предметомъ нашей любознательности. Такого обвиненія не заслуживаетъ однако духовенство восточное, русское. Греческіе и уніатскіе священники были братьями своего народа; они молились Богу на славянскомъ языкѣ; свободные отъ высокомѣрія, они не сѣяли смуты своими реформами и обнаруживали съ своей стороны больше снисхожденія и мягкости. Результатомъ такого отношенія ихъ къ народу является тотъ фактъ, что русскія области несравненно болѣе сохранили старинныхъ преданій, и Ходаковскій здѣсь больше всего изучилъ ихъ.

Въ концѣ XVIII стол. были собраны и изданы пѣсни сѣверной Руси. Ходаковскій ставитъ однако выше ихъ по поэтическимъ достоинствамъ пѣсни малорусскія, съ которыми онъ познакомился нѣсколько въ полтавской губерніи. Желая сравнить пѣсни русскія съ другими славянскими, Ходаковскій старается достать собранія пѣсенъ слезскихъ, чешскихъ, моравскихъ, славянъ венгерскихъ (словаковъ) и пр.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ славянской древности Ходаковскій обратилъ вниманіе еще на одинъ слѣдъ ея, по его мнѣнію, чрезвычайно своеобразный и важный. Онъ имѣетъ въ виду славянскіе, прежде всего польскіе, гербы. Впрочемъ, по его словамъ, онъ долго колебался относительно значенія этихъ памятниковъ и предвидѣлъ, что его сужденія о нихъ будутъ встрѣчены недовѣріемъ и смѣхомъ. Нѣсколько изображеній въ гербахъ напомнили ему образы народной поэзіи, и онъ, со свойственной ему поспѣшностью, вообразилъ, что находитъ здѣсь слѣды глубокой народной древности. Уже ближайшіе критики его, напр., Суровецкій, указывали, что онъ въ этомъ совершенно заблуждался.

Въ концѣ своего разсужденія Ходаковскій дѣлаетъ воззваніе, въ которомъ горячо убѣждаетъ собирать и сохранять остатки старины: „Будемте хранить случайныя и довольно частыя находки въ землѣ, эти различныя небольшія статуэтки, изображенія, металлическія орудія, посуду, урны съ пепломъ. Сосчитаемъ и точно измѣримъ всѣ огромныя могилы, насыпанныя въ честь одного лица и пережившія вѣка. Сохранимъ отъ уничтоженія надписи, вырытыя на скалахъ въ подземныхъ пещерахъ, по большей части намъ невѣдомыя. Снимемъ планы мѣстностей, особенно вы-

рождавшееся желаніе дальнѣйшаго изслѣдованія и, по мѣрѣ силъ, окончанія этой картины."

Далѣе Ходаковскій переходитъ къ обозрѣнію преданій и вообще всего народнаго поэтическаго творчества, какъ драгоцѣннаго источника для характеристики праславянской старины. При отсутствіи писателей или современныхъ свидѣтельствъ оно можетъ разъяснить намъ множество вопросовъ. Но для этого необходимо прежде всего заняться собираніемъ такого матеріала. Кто не начерталъ себѣ опредѣленнаго плана, не подготовилъ извѣстныхъ вопросовъ и при этомъ, въ виду обширности славянской территоріи, не вооружился запасомъ мужества, выдержки и знаніемъ нѣсколькихъ нарѣчій славянскихъ, тотъ напрасно будетъ ожидать преданій, — они сами не приплывутъ къ его берегу и не предложатъ своихъ услугъ. Необходимо снизойти подъ кровлю селянина въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ, надо поспѣшить на его пиры, забавы и различныя событія жизни. Тамъ въ дыму, носящемся надъ головами, витаютъ еще старинные обряды, распѣваются давнія пѣсни, и среди пляски народной слышатся имена забытыхъ боговъ. Въ этомъ сумракѣ можно подмѣтить свѣтящія имъ три луны, три дѣвственныя зари, семь звѣздъ возовыхъ...

Вообще, по наблюденію Ходаковскаго, обрядовыя пѣсни, собранныя имъ надъ Днѣпромъ, Богомъ, Бугомъ, Сономъ и на верхней Вислѣ, всюду дышутъ милой простотой, грустью, полной древнихъ образовъ и метафоръ. Несомнѣнно, что эти пѣсни, сохранившіяся еще въ устахъ народа, столь давно лишеннаго свободы, въ эпоху его господства и полнаго существованія первобытнаго строя были несравненно привлекательнѣе. Но, увы! наша земля не была ограждена съ трехъ сторонъ моремъ, чтобы въ теченіе вѣковъ сохранить столько, сколько сохранила Шотландія!

Ходаковскій серьезно высказываетъ сожалѣніе, что въ Чехіи при Карлѣ IV и въ Польшѣ въ эпоху Сигизмундовъ, времена, столь благопріятствовавшія развитію наукъ и роднаго языка, не подумалъ никто о полномъ собраніи пѣсенъ. Удивительно, что Янъ Кохановскій, перенесшій изъ-подъ деревенской крыши въ свои стихотворенія немало изящной простоты, не возымѣлъ такой мысли: она встрѣтила бы несомнѣнное сочувствіе у Сигизмунда-Августа и въ значительной мѣрѣ облегчила бы въ наши дни нашъ трудъ собиранія. Виновникомъ исчезнованія многихъ памятниковъ

народной старины является, по мнѣнію Ходаковскаго, въ значительной степени католическое духовенство, попиравшее нещадно все то, что въ настоящее время является предметомъ нашей любознательности. Такого обвиненія не заслуживаетъ однако духовенство восточное, русское. Греческіе и уніатскіе священники были братьями своего народа; они молились Богу на славянскомъ языкѣ; свободные отъ высокомѣрія, они не сѣяли смуты своими реформами и обнаруживали съ своей стороны больше снисхожденія и мягкости. Результатомъ такого отношенія ихъ къ народу является тотъ фактъ, что русскія области несравненно болѣе сохранили старинныхъ преданій, и Ходаковскій здѣсь больше всего изучилъ ихъ.

Въ концѣ XVIII стол. были собраны и изданы пѣсни сѣверной Руси. Ходаковскій ставитъ однако выше ихъ по поэтическимъ достоинствамъ пѣсни малорусскія, съ которыми онъ познакомился нѣсколько въ полтавской губерніи. Желая сравнить пѣсни русскія съ другими славянскими, Ходаковскій старается достать собранія пѣсенъ слезскихъ, чешскихъ, моравскихъ, славянъ венгерскихъ (словаковъ) и пр.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ славянской древности Ходаковскій обратилъ вниманіе еще на одинъ слѣдъ ея, по его мнѣнію, чрезвычайно своеобразный и важный. Онъ имѣетъ въ виду славянскіе, прежде всего польскіе, гербы. Впрочемъ, по его словамъ, онъ долго колебался относительно значенія этихъ памятниковъ и предвидѣлъ, что его сужденія о нихъ будутъ встрѣчены недовѣріемъ и смѣхомъ. Нѣсколько изображеній въ гербахъ напомнили ему образы народной поэзіи, и онъ, со свойственной ему поспѣшностью, вообразилъ, что находитъ здѣсь слѣды глубокой народной древности. Уже ближайшіе критики его, напр., Суровецкій, указывали, что онъ въ этомъ совершенно заблуждался.

Въ концѣ своего разсужденія Ходаковскій дѣлаетъ воззваніе, въ которомъ горячо убѣждаетъ собирать и сохранять остатки старины: „Будемте хранить случайныя и довольно частыя находки въ землѣ, эти различныя небольшія статуэтки, изображенія, металлическія орудія, посуду, урны съ пепломъ. Сосчитаемъ и точно измѣримъ всѣ огромныя могилы, насыпанныя въ честь одного лица и пережившія вѣка. Сохранимъ отъ уничтоженія надписи, вырытыя на скалахъ въ подземныхъ пещерахъ, по большей части намъ невѣдомыя. Снимемъ планы мѣстностей, особенно вы-

дающихся своею древностью, для объясненія стараго ста, не позволяя ни одному урочищу погибнуть въ забвеніи. Постараемся узнать всѣ названія, какія деревенскій людъ или его лѣкарки въ разныхъ краяхъ даютъ злакамъ. Соберемъ, сколько возможно, пѣсни и старинные гербы, опишемъ главнѣйшіе обряды. Внесемъ все это въ одну книгу и убѣдимся, несомнѣнно, въ нашемъ происхожденіи изъ Индіи (z Inąd, czyli Indostanu!) и получимъ болѣе отрадное представленіе о нашихъ предкахъ. „Я никогда не намѣренъ былъ писать объ этомъ раньше, чѣмъ не соберу всѣхъ матеріаловъ", — говоритъ Ходаковскій въ заключеніе. Онъ сознается, что набросалъ здѣсь только нѣкоторыя мысли, извлеченныя изъ наблюденій четырехлѣтняго странствованія и труда, желая дать имъ нѣкоторое распространеніе. „Мысленно поставивши себя за девятью валами отдаленныхъ вѣковъ, предъ лицомъ сѣдой и важной бороды нашихъ предковъ, я не могъ уже говорить безъ извѣстнаго почтенія къ нимъ и, какъ будто отъ ихъ имени, безъ извѣстной смѣлости, которая, опираясь на дѣйствительной истинѣ, выведенной изъ осязаемыхъ фактовъ, всегда должна быть свойствомъ сѣверной души".

Это разсужденіе само по себѣ было уже цѣлой программой, отдѣльныя мысли которой повторялись и развивались потомъ въ другихъ статьяхъ и донесеніяхъ о путешествіи Ходаковскаго.

Статья произвела сильное впечатлѣніе и на самого князя, и въ близкомъ ему кругу ученыхъ [1]). Кураторъ рѣшилъ тотчасъ же представить разсужденіе Ходаковскаго въ Петербургъ, министру народнаго просвѣщенія кн. Голицыну, для чего по желанію автора статью долженъ былъ перевести на русскій языкъ И. Александровскій, учитель русскаго языка и литературы въ Кременцѣ [2]). Чарторыскій надѣялся исхода-

[1]) Самъ Ходаковскій писалъ изъ Сѣнявы (13 іюля 1818 г.) Бандтке: „Dają mi tu wszyscy poklask, ale niewiem, co o tej oryginalności świat krytyczny wyrzecze. Xiąże Kurator przełożone na Rossyjskie przedstawia do Petersburga i ma wyjednać dla mnie subsidia stałe dla doprowadzenia tej rzeczy ku szczęśliwemu końcowi. Jest moim życzeniem, aby te myśli przesłać JW. Ossolińskiemu i Xiędzu Bobrowskiemu do Wiednia, — możeby ten promyk był przydatny w wyszukiwaniach podobnych u Słowaków Austriackich".

[2]) Авторъ статей: „Wiadomości o pierwiastkowej uprawie cerkiewnego i ruskiego języka (перев. съ русскаго), Dzienn. Warsz., X, 1827, str. 19—59; „Porównanie filologiczne języków Rossyjskiego i Polskiego", Ibid., XVI, 1829.

тайствовать этимъ путемъ постоянное пособіе для Ходаковскаго и помочь ему довести разысканія до конца.

Ходаковскій, повидимому, самъ пожелалъ для большаго успѣха дѣла прежде всего заручиться отзывомъ виленскаго университета, но вскорѣ жестоко разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ [1]). Исполняя желаніе Ходаковскаго, Чарторыскій 5 окт. 1818 г. оффиціально поручалъ его виленскому унив.[2]) и просилъ для него средствъ и открытаго листа на трехъ языкахъ: польскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ или латинскомъ. Только послѣ полученія отвѣта изъ Вильны князь долженъ былъ представить все дѣло Голицыну и рекомендовать Ходаковскаго Румянцову.

Виленскіе судьи вынесли строгій приговоръ первому ученому опыту Ходаковскаго: они обвинили его въ нападкахъ на христіанство и католическое духовенство и въ восхваленіи языческой славянской старины! Все существенное и оригинальное въ разсужденіи Ходаковскаго осталось для нихъ запечатанной книгой.

Чарторыскій тоже первоначально понялъ такимъ образомъ эту статью и самъ упрекалъ Ходаковскаго, что онъ нападаетъ на христіанство, соглашаясь въ этомъ отношеніи вполнѣ съ виленскими судьями, обоими Снядецкими, Яномъ и Андреемъ, и Юндзилломъ, которые „возмущались“ идеями новоявленнаго писателя. Ходаковскій сначала не оправдывался и полагалъ только, что, быть можетъ, онъ слишкомъ откровенно и горячо высказалъ свои взгляды, но во всякомъ случаѣ, къ дѣлу отнесся добросовѣстно и серьезно[3]).

Однако, въ общемъ отзывъ виленской коллегіи не понравился князю. Онъ лучше присяжныхъ ученыхъ сумѣлъ оцѣнить значеніе идей Ходаковскаго. Находя отзывъ профессоровъ справедливымъ въ отношеніи частностей статьи

---

[1]) „Niedobrze znałem tę rzeszę doktorską, — писалъ онъ князю 18 марта 1819 г. изъ Гомеля, — kiedym z ufnością zapragnął jej sądu. Waszej Xiążęcej Mości lepsza myśl była wprost zalecić mnie do X. Golicyna, uniknelibyśmy zwłoki czasu, tylu korowodów i ja byłbym na szczycie mego krążenia.“ Черновикъ въ бумагахъ Ходаковскаго въ Имп. Публ. Библ.

[2]) Ср. записку у Краусгара, op. cit., III, I, str. 375—378: „Z powodu memoryału Z. D. Chodakowskiego, księciu kuratorowi nadesłanego, uwagi, Uniwersytetowi Wileńskiemu do opinii podane“.

[3]) Посылая свое разсужденіе одному изъ друзей, Ходаковскій такъ выражался о своемъ трудѣ: „Posyłam rzecz, której nie miałem czasu lepiej kwiatami ozdobić i szlachetniej wystawić. Pogaństwo odmalowałem pogańskim sposobem, przynajmniej rzetelnym“.

Ходаковскаго, онъ признавалъ его черезчуръ строгимъ по отношенію ко всему проекту. Но и въ первомъ случаѣ Ходаковскаго можно бы упрекнуть лишь въ неумѣстности и непристойности выраженій [1]). Не имѣя намѣренія выступать въ защиту его статьи, Чарторыскій въ обширномъ письмѣ къ Малевскому (4/16 марта 1819 г.) изложилъ сущность и цѣль предполагаемыхъ Ходаковскимъ разысканій и, какъ это ни странно, старался убѣдить виленскихъ профессоровъ въ пользѣ этихъ работъ для польской исторіи и литературы. Всѣ ихъ возраженія противъ проекта Ходаковскаго онъ разбиваетъ послѣдовательно и настойчиво доказываетъ великое значеніе изученія славянской древности и необходимость объединенія силъ на этомъ поприщѣ [2]). Виленскіе „педанты", какъ назвалъ своихъ судей Ходаковскій, въ своемъ отзывѣ указывали, между прочимъ, и на недостаточность подготовки его для выполненія начертанной имъ обширной программы, не находили въ ней системы и порядка и опасались, что при такихъ условіяхъ весь трудъ его можетъ оказаться безплоднымъ. Ходаковскій вознегодовалъ, наговорилъ по адресу своихъ судей кучу колкостей въ письмѣ къ одному изъ друзей [3]) и немедленно по полученіи убійственнаго для самолюбія его отзыва рѣшилъ представить все дѣло на безпристрастный судъ великаго „mistrza przyjaciół nauk" Сташица [4]). Славянская древность, — говоритъ онъ въ письмѣ къ предсѣдателю Общества друзей наукъ, — эта книга нашей народности, въ теченіе IX в. находившаяся въ забвеніи, сильно увлекла меня. Быть можетъ, первые шаги на этомъ тернистомъ пути окажутся болѣе смѣлыми, нежели чарующими. Но дѣло не въ внѣшней привлекатель-

[1]) Ходаковскій самъ это чувствовалъ и еще раньше появленія статьи своей въ печати желалъ исправить или дополнить нѣкоторыя мѣста въ русскомъ переводѣ ея: „Można w niektórych miejscach w tłumaczeniu poprawić, lub kilka słów dodać, dla wykazania jaśniejszego, że nie napastuję na chrystyanizm, lecz przywalone nim rzeczy ojczyste usiłuję tylko dla wiedzy historycznej wydobyć". Письмо къ Кропинскому отъ 28 мая 1818 г.

[2]) Приложенія, стр. CXII—CXIV.

[3]) См. Rawita-Gawroński, op. cit., str. 43. Самоувѣренность Ходаковскаго была вообще велика. Въ одномъ изъ писемъ (13 іюня 1817 г.) по поводу разныхъ отзывовъ и мнѣній о его путешествіяхъ онъ говоритъ самъ о себѣ: „Chodakowski uzbroił się na wszystko i mocno jest w sobie przekonany, że ci, co pochwalają, i ci, co ganią, wszyscy nie mają pewnej podstawy: bo nikt dotąd nie szukał i nikt nie wie, co w głębokości naszych wieków było i co z tego mogło jeszcze zachować się".

[4]) Kraushar, op. cit., III, I, str. 373—374.

ности, — важнѣе всего открыть засыпанный и изветшавшій фундаментъ, относительно котораго мы уже отчаивались. Съ почтеніемъ и полнымъ довѣріемъ онъ проситъ Сташица быть судьею и совѣтчикомъ въ его „матеріи". Прилагая къ письму суть рекомендаціи князя виленскому унив. и отвѣтъ ректора Малевскаго, Ходаковскій ждетъ его рѣшенія, могутъ ли астрономъ и химикъ, т. е. Снядецкіе, и „proboszcz z ogrodu botanicznego", т. е. Юндзиллъ, быть судьями въ вопросѣ, съ которымъ имъ впервые пришлось встрѣтиться. Тутъ мало одного желанія съ ихъ стороны быть судьями въ чуждомъ имъ предметѣ. Духовенству слѣдуетъ наконецъ отрѣшиться отъ мысли, что указаніе недостатковъ его первыхъ представителей заключаетъ что-либо оскорбительное для современниковъ. Неужели они могутъ считать для себя оскорбленіемъ, когда рѣчь идетъ о тѣхъ, отъ кого не осталось уже и праха? Въ заключеніе письма Ходаковскій проситъ Сташица пригласить нѣсколько историковъ или людей, занимающихся древностью, напр.: Суровецкаго, Маевскаго, Свенцкаго [1]), Сѣраковскаго, Весёловскаго, Лелевеля и др., предложить имъ разсмотрѣть его „дѣло" и произнести послѣ этого безпристрастный приговоръ, можно ли отъ предмета, которому онъ намѣренъ посвятить себя, ожидать чего-либо серьезнаго. Онъ желалъ бы, чтобы мнѣнія его были разобраны въ справедливой и доброжелательной рецензіи [2]). Съ содержаніемъ статьи Ходаковскаго и нѣкоторыми замѣчаніями къ ней познакомилъ членовъ Общества Маевскій въ засѣданіи 22 февр. 1819 г. [3]). Рецензенты ничего не могли возразить противъ проекта Ходаковскаго и дополнили его только нѣкоторыми своими желаніями, напр., чтобы собираніе „остатковъ славянской старины", по возможности, распространено было и на земли славянъ турецкихъ. Виленскимъ судьямъ зато сдѣланы были въ крайне осторожной формѣ упреки за ихъ странное отношеніе къ работѣ Ходаковскаго.

---

[1]) Mecenas Tomasz Święcki занимался тоже древней исторіей славянъ; въ 1810 г. онъ издалъ: „Rozprawę o Ziemi Pomorskiej", въ 1816 г. „O żegludze i panowaniu Polaków na morzu Baltyckiem". Въ члены Общества рекомендованъ былъ Маевскимъ въ 1823 г.

[2]) „Zyczyłbym nawet, aby nastąpiła recenzya, któraby wolną od jesiennej posępności Wilna dając opinią, była razem zachęcającą. Nic bowiem łatwiejszego, jak wyświstać i szyderskim tonem wszystko wywrócić. Taka krytyka może porównać się z tryumfem tatarskim."

[3]) Kraushar, op. cit., III, I, str. 273—277. Отчетъ былъ составленъ имъ по предварительномъ совѣщаніи съ Суровецкимъ и Свенцкимъ.

Спустя годъ послѣ появленія разсужденія Ходаковскаго Суровецкій выступилъ съ самостоятельнымъ критическимъ разборомъ его [1]). Знаменитый авторъ доклада: „О способахъ дополненія исторіи и изученія славянъ“ (1809), высказавшій много раньше Ходаковскаго замѣчательныя мысли о необходимости привлечь для разъясненія древнѣйшей славянской исторіи новые источники и матеріалы, тѣ именно, на которыхъ настаивалъ и Ходаковскій, отнесся къ программной статьѣ его вполнѣ объективно и въ сущности немного противъ нея возразилъ. Воздавая должное патріотическому чувству Ходаковскаго и рвенію, съ которымъ онъ относится къ своему предмету, Суровецкій высказываетъ лишь нѣсколько замѣчаній и соображеній къ его программѣ. Прежде всего, онъ думаетъ, что трудно будетъ прочно обосновать теорію о дѣленіи территоріи славянства на „stare sta“ (starostwa). Земли, занятыя славянами, дѣлились болѣе естественнымъ образомъ и получали свои названія сообразно положенію, по рѣкамъ, горамъ, озерамъ, главнымъ мѣстамъ поселенія и т. д. Не обѣщаетъ богатаго матеріала для древнѣйшей исторіи славянства изученіе гербовъ польской шляхты, такъ какъ въ нихъ, по мнѣнію Суровецкаго, очень мало славянскаго. Взглядъ Ходаковскаго на первыхъ проповѣдниковъ христіанства, какъ на истребителей всѣхъ національныхъ чертъ славянъ, онъ признаетъ слишкомъ строгимъ и неправильнымъ.

Въ числѣ факторовъ, губительно дѣйствовавшихъ на языческую славянскую старину, надо назвать и самое время, развитіе сношеній славянъ съ другими народами, а главнымъ образомъ — измѣненія въ политическомъ положеніи и просвѣщеніе славянства. Въ эпоху язычества у славянъ навѣрно мало было такихъ памятниковъ, которые могли бы пережить вѣка, и нѣтъ ничего удивительнаго, что первые просвѣтители не старались сохранить ихъ для позднѣйшихъ поколѣній, ибо они не оставили никакихъ памятниковъ и о себѣ самихъ. Строгое отношеніе духовенства въ позднѣйшія времена къ остаткамъ языческой старины объясняется тѣмъ, что первоначальный смыслъ и значеніе религіозныхъ вѣрованій и представленій были утеряны, и они казались лишь суевѣріями и

[1]) „Zdanie o pismie P. Chodakowskiego, pod tytułem: O Słowiańszczyznie przed Chrześciaństwem“, въ Pamiętn. Warsz., 1819, XIV, № 5, 35, откуда немедленно перепечаталъ Pam. Lwowski, 1819, № 5, str. 422. Ср. еще изданіе С. Гельцеля, стр. 21—30.

чародѣйствомъ. Не надо забывать, что важнѣйшими свѣдѣніями о язычествѣ славянъ мы все-таки обязаны духовенству (Гельмольдъ, Саксонъ Грамматикъ, еп. Оттонъ). Ходаковскій утверждаетъ, что наши предки слишкомъ рано приняли христіанство; въ язычествѣ онъ усматриваетъ извѣстные элементы, обезпечивавшіе прочность національнаго существованія славянъ, но вѣдь съ развитіемъ просвѣщенія и связей съ другими народами эти элементы могли бы оказаться безполезными и даже вредными. Съ распространеніемъ христіанства въ Европѣ языческая религія должна была неминуемо пасть, ибо не могла соперничать съ новой религіей. Въ заключеніе Суровецкій выражалъ увѣренность, что, если Ходаковскій ознакомится съ источниками для исторіи славянства и важнѣйшими трудами, вплоть до работъ Добровскаго, то тогда онъ можетъ снискать истинную похвалу и благодарность всѣхъ славянскихъ народовъ.

Расчеты Ходаковскаго на содѣйствіе варшавскаго Общества друзей наукъ тоже не оправдались: оно ограничилось платоническимъ выраженіемъ одобренія и сочувствія его планамъ, но находило спеціальное путешествіе съ цѣлями, начертанными Ходаковскимъ, преждевременнымъ, могущимъ въ результатѣ не дать ничего новаго. Необходимо было бы предварительно привести въ извѣстность все собранное по предмету славянской старины. Въ поощреніе заслугъ Ходаковскій былъ однако избранъ членомъ Общества.

Въ то время, когда Ходаковскій ожидалъ результатовъ оффиціальнаго представленія дѣла своего князем-куратором виленскому университету, онъ получилъ неожиданно лестное письмо отъ Румянцова. Строгій и несправедливый, по его убѣжденію, отзывъ виленскихъ педантовъ и уклончивый отвѣтъ изъ Варшавы заставили его обратить взоры въ иную сторону [1]): онъ ищетъ сочувствія у русскихъ, которые иначе отнеслись къ его разсужденію „O Słowiańszczyznie“ и, быть можетъ, правильнѣе оцѣнятъ его намѣренія.

[1]) Совѣтъ варшавскихъ критиковъ его проекта — ознакомиться съ письменными памятниками — особенно удивилъ Ходаковскаго: „To zaprzysięgłe niewychodzenie nigdy z bibliotek w Warszawie dalej za niemi nic nie pokaże. Przekonałem się tylko, że o całości i rodowitych cechach Sławiańszczyzny niema co rosprawiać w Warszawie, bo ta jest cząsteczką wielkiego ogółu i późną znakomitością. Z tych względów, nie mając co przedsięwziąść u młodych Lachów, obróciłem się na północ ku czcicielom Rusej Kosy“, оправдывался онъ предъ Чарторыскимъ въ письмѣ изъ Гомеля 19 авг. 1819 г.

Въ одномъ изъ писемъ къ Бандтке онъ откровенно заявлялъ: „Nasi pragną chluby tylko narodowej, własnej, — Rusini całej Sławiańszczyzny, co odpowiada mojemu przedsięwzięciu". „Мысль моя разсѣяна по всему славянству", повторялъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ стремится обозрѣть и обнять своими разысканіями славянство „между Бѣлымъ и Чернымъ моремъ, между Балтикой и Адріатикой", ибо только знакомство съ цѣлымъ славянскимъ міромъ дастъ вѣрное пониманіе частицы его — польскаго народа [1]). Черезъ Кіевъ Ходаковскій направился на сѣверъ; побывавши еще въ Переяславлѣ, Козельцѣ и Черниговѣ, въ мартѣ 1819 г. онъ прибылъ въ Гомель. Но и тутъ его ожидало разочарованіе [2]). Румянцовъ не увлекся его планами сразу, такъ какъ впервые слышалъ о подобныхъ ученыхъ предпріятіяхъ, но, повидимому, не отказалъ рѣшительно въ своемъ содѣйствіи. „Вижу, что онъ готовъ помочь мнѣ", писалъ Ходаковскій Кропинскому [3]). Но эти намѣренія канцлера могли относиться къ будущему, въ Гомелѣ же Ходаковскій очутился въ безвыходномъ положеніи и, не имѣя средствъ, долго не могъ выѣхать на сѣверъ. Соотечественники готовы были совершенно забыть о немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ на ту сторону Днѣпра, и, повидимому, не прощали ему этого перехода [4]).

---

[1]) „Ogół Sławiańszczyzny należycie przejrzany mocen tylko będzie wykryć cząstkę w nim zawartą, tyle nam miłą, którą my Polską zowiemy." Черновикъ въ бумагахъ Ходаковскаго въ Имп. Публ. библ., № 2018.

[2]) „W rachubie na Rumiańcowa pomyliłem się, lecz nie do ostatka", писалъ онъ Кропинскому изъ Гомеля 16 іюня 1819 г.

[3]) Архіеп. Евгеній сожалѣлъ, что Ходаковскій не имѣлъ успѣха „въ возбужденіи охоты канцлера къ изслѣдованіямъ городищъ бѣлорусскихъ", и объяснялъ неудачу тѣмъ, что изслѣдованія уже надоѣли графу. Русск. Арх., 1889, VI, стр. 199. Совершенно превратную характеристику канцлера даетъ Равита-Гавронскій, op. cit., стр. 67, очевидно, совершенно незнакомый съ заслугами Румянцова въ исторіи русскаго просвѣщенія.

[4]) Въ письмахъ къ Чарторыскому онъ жалуется на это равнодушіе: „Niektórzy z moich ziomków, przed tem łaskawych na mnie, umilkli z tej pory, kiedym zaszedł na drugą stronę Dniepru. Dawnom mówił o potrzebie poznania tej strony, plan mój, czyli sam przedmiot sławiański tego wymagał, — i w czasie dowiodę, że za Donem i Wołgą można być lepszym polakiem, niż w Warszawie Sławianinem" (19 авг. 1819 г.). Въ письмѣ къ Кропинскому (12 авг. 1819 г.) говоритъ то же: „Tak wszystkim ziomkom moim może się zdaje, że za Dnieprem myślę przeciw ich życzeniu. Bynajmniej, to się nie zbędzie! Ja milczących nie będę więcej utrudzał moimi listami, mogę ich po staremu wyrażając uważać za Niemców, a sam dowodzę przed Rusią, że jestem dobrym Lachem i gorliwym dla Sławiańszczyzny".

Имъ овладѣвало отчаяніе: онъ готовъ былъ бросить все и вернуться на родину, но, вѣрный своимъ идеаламъ, онъ не сложилъ безпомощно оружія. Рѣшивши во что бы то ни стало продолжать начатое путешествіе и найти средства на осуществленіе своихъ проектовъ, онъ обращается за поддержкой къ извѣстному виленскому издателю Глюксбергу и предлагаетъ ему перевести на польскій языкъ „Исторію“ Карамзина; въ то же время онъ пишетъ письма харьковскому попечителю Карнѣеву, казанскому — Магницкому, псковскому архіеп. Евгенію [1]) и къ министру нар. просв. князю Голицыну [2]), прося ихъ оказать ему содѣйствіе въ научныхъ разысканіяхъ и обстоятельно излагая имъ свою теорію славянскаго „городства“.

Отъ Румянцова и отъ Орлая, который случайно пребывалъ въ Гомелѣ, на пути къ кавказскимъ водамъ, Ходаковскій получилъ рекомендательныя письма въ Петербургъ и съ ними въ началѣ сентября 1819 г. двинулся въ дальнѣйшій путь. Выручилъ его изъ бѣды кн. Чарторыскій, прославшій наконецъ деньги на выѣздъ изъ резиденціи канцлера.

Посѣтивши Могилевъ и Витебскъ, Ходаковскій прибылъ затѣмъ въ Полоцкъ и наконецъ въ Псковъ, куда его особенно влекло желаніе познакомиться съ архіеп. Евгеніемъ. Ученый архіепископъ, знатокъ древностей сѣвера, могъ дать ему много полезныхъ указаній, и Ходаковскій дѣйствительно воспользовался ими на пути въ Петербургъ. Теоріи Ходаковскаго не увлекали однако Евгенія [3]). Руководясь указаніями Евгенія, онъ ѣдетъ въ Петербургъ около оз. Пейпуса

---

[1]) „Августа 5 получилъ я, — писалъ Евгеній Анастасевичу 8 авг. 1819 г., — цѣлый, кругомъ исписанный листъ изъ Гомеля отъ подписавшагося Зоріана Доленго-Ходаковскаго, 22 Липца 1819 г. Я бы не понялъ его галиматью, естьли бы не сличилъ съ вашею выпискою отъ 26 марта, доставленною мнѣ; изъ письма его къ вамъ видно яснѣе моего. А все это кругово-листовое письмо заключается спросомъ: нѣтъ ли по Псковской губ. городищъ, окоповъ и валовъ... Отвѣчать буду.“ Уже 5 сент. онъ извѣщалъ Анастасевича: „Ходаковскому послалъ я отвѣтъ въ Гомель въ пакетѣ къ канцлеру.“ Русск. Арх., 1889, VI, стр. 214, 219.

[2]) См. отвѣтъ Голицына въ приложеніяхъ, стр. CXV — CXVI.

[3]) Въ письмѣ къ Анастасевичу 3 окт. 1819 г. онъ разсказываетъ о посѣщеніи Ходаковскаго: „Третьяго дня... въ 12 часу нечаянно явился ко мнѣ Ходаковскій и до 7 часу вечера занималъ меня чтеніемъ своихъ теорій, на другой день тоже доканчивалъ и ѣдетъ къ вамъ тѣмъ же занять васъ: приготовьтесь къ терпѣнію“. Русск. Арх., 1889, VI, стр. 218.

и по рѣкѣ Наровѣ. Эти мѣста, населенныя чухонцами, особенно занимаютъ его, здѣсь всякая верста была предметомъ его любопытства; осмотрѣнныя имъ на пути городища, убѣждаютъ его, что здѣсь искони обитали славяне, а финскія племена являются лишь новыми поселенцами [1]).

Въ Петербургъ нашъ путникъ явился (9 окт. 1819 г.) съ обильными рекомендаціями. Кн. Чарторыскій заблаговременно просилъ для него покровительства у С. С. Уварова [2]), другіе позаботились познакомить его съ Карамзинымъ, Шишковымъ, Каразинымъ, Кукольникомъ, Анастасевичемъ, Поповымъ, Сестренцевичемъ, Глинкой и др. Всѣмъ имъ онъ открылъ свой планъ, свои матеріалы и у всѣхъ просилъ „мнѣнія и строгаго суда“ [3]). Особенно увлекли его проекты знаменитаго президента Россійской Академіи А. С. Шишкова, которому онъ, въ присутствіи приглашенныхъ ученыхъ судей, излагалъ ихъ въ необыкновенно продолжительной бесѣдѣ, длившейся съ 10 утра до 1 часу ночи! По словамъ Ходаковскаго, Шишковъ пришелъ въ такой восторгъ отъ его плановъ и идей, что тутъ же обѣщалъ ему званіе члена Академіи.

Стремясь возможно полнѣе и всестороннѣе разработать планъ предположеннаго ученаго путешествія, Ходаковскій тотчасъ же по прибытіи въ Петербургъ [4]), въ письмѣ отъ 3 ноября 1819 г., обращается къ предсѣдателю Общества друзей наукъ Сташицу съ просьбою сообщить ему указанія на тѣ вопросы, которые, по мнѣнію спеціалистовъ, слѣдовало бы глубже изслѣдовать во время поѣздки по славянскому сѣверу. Засѣданіе отдѣленія наукъ 20 дек. 1819 г. цѣликомъ посвящено было реферату Лелевеля, который

Въ письмѣ къ гр. Хвостову Евгеній признается, что „не могъ понять ни цѣли его, ни силы критики“. „У него больше вопросовъ, нежели отвѣтовъ и рѣшеній“, — вотъ впечатлѣніе его отъ бесѣдъ съ Ходаковскимъ. Сборн. статей Отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 178.

[1]) Ср. приложенія, стр. CXVI.

[2]) Приложенія, стр. CXV.

[3]) О своихъ хожденіяхъ въ Петербургѣ онъ сообщалъ Голэмбіовскому 3 ноября 1819 г.: „Usadowiwszy się przy Kokuszkinym moście w domu Trutta, rozpocząłem moje krążenie po tej stolicy. Kilkakroć uładowawszy karetę magazynem zgromadzonym pod strzechą wiejską, odbyłem całodzienne wizyty u tych, co mają stanowić o mojej podróży po światoj Rusi“. Pamiętn. umiej. mor. i lit., T. IV, 1830, str. 218.

[4]) Не въ Москву, какъ ошибочно отмѣчаетъ Kraushar, op. cit., III, I, str. 343—344.

по порученію Общества выработалъ спеціальную инструкцію для Ходаковскаго [1]).

Находя излишнимъ утруждать его вопросами, на которые онъ могъ бы дать отвѣты, занимаясь изслѣдованіемъ русскихъ земель, такъ какъ въ сущности онъ самъ имѣетъ достаточно опредѣленную программу изученія обрядовъ и обычаевъ, при помощи которыхъ желаетъ объяснить славянскія языческія религіозныя представленія, Лелевель высказалъ однако нѣсколько интересныхъ желаній. Прежде всего, онъ совѣтовалъ Ходаковскому опредѣлить, насколько возможно, предѣлы распространенія славянскаго племени, отмѣтить границы соприкосновенія его съ финнами (Czuchnami), латышами и другими сѣверо-восточными племенами; тщательно описать поселенія славянскихъ народовъ въ отношеніи названій, которыя они даютъ себѣ, сосѣдямъ и околью; отмѣтить отличительныя особенности говоровъ; обслѣдовать области Вятки и верхняго Сожа, гдѣ по Нестору обитали радимичи и вятичи; заняться разъясненіемъ вопроса, нѣтъ ли въ глубинѣ Россіи литовскихъ поселеній, подобно тому, какъ они встрѣчаются въ Бѣлой Руси, или поселеній польскихъ. Наконецъ, Лелевель намѣчалъ еще длинный рядъ вопросовъ, которые Ходаковскій могъ бы выяснить во время своего путешествія, это — вопросы, главнымъ образомъ относящіеся къ исторіи древняго Новгорода и Пскова: нѣтъ ли здѣсь преданій о варягахъ и славянахъ, о Біарміи и ея богатствахъ и богахъ, о старой новгородской и псковской республикѣ, о господствѣ тамъ Литвы, объ Ольгердѣ, Витольдѣ и пр.

Къ этимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ вопросамъ Лелевеля присоединилъ свои Суровецкій. Онъ обращалъ вниманіе Ходаковскаго на необходимость различать повсюду славянъ отъ иноплеменниковъ, какъ: чуди, финновъ, эстовъ, вогуловъ, черемисъ, татаръ, калмыковъ и т. д.; опредѣлить основныя черты славянскаго типа; обозначить границы славянскаго племени на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Россіи около X в.; нанести границу литовцевъ на востокѣ, границы соприкосновенія ихъ и славянъ на югѣ; далѣе, совѣтовалъ коснуться и славянской миѳологіи, погребальныхъ

[1]) Въ засѣданіи отдѣленія наукъ 6 дек. постановлено было просить Лелевеля отвѣтить на письмо Ходаковскаго и указать ему, „naco by miał jeszcze szczególniej zwracać uwagę przy swoich badaniach podróżnych, coby i dla zamiarów Tow. mogło być użytecznem“. Арх. Общ.

и по рѣкѣ Наровѣ. Эти мѣста, населенныя чухонцами, особенно занимаютъ его, здѣсь всякая верста была предметомъ его любопытства; осмотрѣнныя имъ на пути городища, убѣждаютъ его, что здѣсь искони обитали славяне, а финскія племена являются лишь новыми поселенцами [1]).

Въ Петербургъ нашъ путникъ явился (9 окт. 1819 г.) съ обильными рекомендаціями. Кн. Чарторыскій заблаговременно просилъ для него покровительства у С. С. Уварова [2]), другіе позаботились познакомить его съ Карамзинымъ, Шишковымъ, Каразинымъ, Кукольникомъ, Анастасевичемъ, Поповымъ, Сестренцевичемъ, Глинкой и др. Всѣмъ имъ онъ открылъ свой планъ, свои матеріалы и у всѣхъ просилъ „мнѣнія и строгаго суда“ [3]). Особенно увлекли его проекты знаменитаго президента Россійской Академіи А. С. Шишкова, которому онъ, въ присутствіи приглашенныхъ ученыхъ судей, излагалъ ихъ въ необыкновенно продолжительной бесѣдѣ, длившейся съ 10 утра до 1 часу ночи! По словамъ Ходаковскаго, Шишковъ пришелъ въ такой восторгъ отъ его плановъ и идей, что тутъ же обѣщалъ ему званіе члена Академіи.

Стремясь возможно полнѣе и всестороннѣе разработать планъ предположеннаго ученаго путешествія, Ходаковскій тотчасъ же по прибытіи въ Петербургъ [4]), въ письмѣ отъ 3 ноября 1819 г., обращается къ предсѣдателю Общества друзей наукъ Сташицу съ просьбою сообщить ему указанія на тѣ вопросы, которые, по мнѣнію спеціалистовъ, слѣдовало бы глубже изслѣдовать во время поѣздки по славянскому сѣверу. Засѣданіе отдѣленія наукъ 20 дек. 1819 г. цѣликомъ посвящено было реферату Лелевеля, который

Въ письмѣ къ гр. Хвостову Евгеній признается, что „не могъ понять ни цѣли его, ни силы критики“. „У него больше вопросовъ, нежели отвѣтовъ и рѣшеній“, — вотъ впечатлѣніе его отъ бесѣдъ съ Ходаковскимъ. Сборн. статей Отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 178.

[1]) Ср. приложенія, стр. CXVI.

[2]) Приложенія, стр. CXV.

[3]) О своихъ хожденіяхъ въ Петербургѣ онъ сообщалъ Голэмбіовскому 3 ноября 1819 г.: „Usadowiwszy się przy Kokuszkinym moście w domu Trutta, rozpocząłem moje krążenie po tej stolicy. Kilkakroć uładowawszy karetę magazynem zgromadzonym pod strzechą wiejską, odbyłem całodzienne wizyty u tych, co mają stanowić o mojej podróży po światoj Rusi“. Pamiętn. umiej. mor. i lit., T. IV, 1830, str. 218.

[4]) Не въ Москву, какъ ошибочно отмѣчаетъ Kraushar, op. cit., III, I, str. 343—344.

по порученію Общества выработалъ спеціальную инструкцію для Ходаковскаго [1]).

Находя излишнимъ утруждать его вопросами, на которые онъ могъ бы дать отвѣты, занимаясь изслѣдованіемъ русскихъ земель, такъ какъ въ сущности онъ самъ имѣетъ достаточно опредѣленную программу изученія обрядовъ и обычаевъ, при помощи которыхъ желаетъ объяснить славянскія языческія религіозныя представленія, Лелевель высказалъ однако нѣсколько интересныхъ желаній. Прежде всего, онъ совѣтовалъ Ходаковскому опредѣлить, насколько возможно, предѣлы распространенія славянскаго племени, отмѣтить границы соприкосновенія его съ финнами (Czuchnami), латышами и другими сѣверо-восточными племенами; тщательно описать поселенія славянскихъ народовъ въ отношеніи названій, которыя они даютъ себѣ, сосѣдямъ и околью; отмѣтить отличительныя особенности говоровъ; обслѣдовать области Вятки и верхняго Сожа, гдѣ по Нестору обитали радимичи и вятичи; заняться разъясненіемъ вопроса, нѣтъ ли въ глубинѣ Россіи литовскихъ поселеній, подобно тому, какъ они встрѣчаются въ Бѣлой Руси, или поселеній польскихъ. Наконецъ, Лелевель намѣчалъ еще длинный рядъ вопросовъ, которые Ходаковскій могъ бы выяснить во время своего путешествія, это — вопросы, главнымъ образомъ относящіеся къ исторіи древняго Новгорода и Пскова: нѣтъ ли здѣсь преданій о варягахъ и славянахъ, о Біарміи и ея богатствахъ и богахъ, о старой новгородской и псковской республикѣ, о господствѣ тамъ Литвы, объ Ольгердѣ, Витольдѣ и пр.

Къ этимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ вопросамъ Лелевеля присоединилъ свои Суровецкій. Онъ обращалъ вниманіе Ходаковскаго на необходимость различать повсюду славянъ отъ иноплеменниковъ, какъ: чуди, финновъ, эстовъ, вогуловъ, черемисъ, татаръ, калмыковъ и т. д.; опредѣлить основныя черты славянскаго типа; обозначить границы славянскаго племени на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Россіи около X в.; нанести границу литовцевъ на востокѣ, границы соприкосновенія ихъ и славянъ на югѣ; далѣе, совѣтовалъ коснуться и славянской миѳологіи, погребальныхъ

[1]) Въ засѣданіи отдѣленія наукъ 6 дек. постановлено было просить Лелевеля отвѣтить на письмо Ходаковскаго и указать ему, „naco by miał jeszcze szczególniej zwracać uwagę przy swoich badaniach podróżnych, coby i dla zamiarów Tow. mogło być użytecznem“. Арх. Общ.

обычаевъ, поискать слѣдовъ руническаго письма, описать народныя повѣрья, обычаи, костюмы и т. д. Программа, такимъ образомъ, пріобрѣтала въ нѣкоторыхъ частяхъ больше опредѣленности и ясности.

Въ декабрѣ 1819 г., когда почва, очевидно, была уже достаточно подготовлена, Ходаковскій обращается съ письмомъ-прошеніемъ къ кн. А. Н. Голицыну и прилагаетъ подробный отчетъ о совершенныхъ уже путешествіи и разысканіяхъ. Уже въ іюлѣ (29-го Липца) онъ излагалъ министру въ обширномъ письмѣ изъ „Гомеля подъ Бѣлицею“ [1]) свои взгляды на необходимость изслѣдованія древнѣйшей эпохи исторіи славянъ, которая „не находится въ книгахъ“, но „разсѣяна по цѣлому пространству нашей земли“. „Не было примѣра, — убѣждалъ министра Ходаковскій, — чтобъ ляхъ имѣлъ особенное любопытство къ дѣяніямъ древней Руси и ради того охотно вступалъ на неизмѣримое пространство ея земли. Причина того была во всевѣчной взаимной нелюбви двухъ народовъ. Но король Александръ II (sic) удовлетворилъ младшихъ братьевъ, примирилъ съ старшими и показалъ имъ общее благо. Въ такой эпохѣ, которая много обѣщаетъ для грядущихъ поколѣній и являетъ уже не ужасный образъ соединенія удѣловъ всея Руси, но большой и столь плѣняющій примѣръ для цѣлаго племени славянскаго, я осмѣлился съ моей стороны услужить нѣкоторымъ образомъ сему великому предназначенію, желая сдѣлать историческую развязку, когда родъ славянскій вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ единообразный, по крайней мѣрѣ, не было ли сего до принятія нами христіанскаго закона? По истеченіи многихъ вѣковъ, послѣ усилій столькихъ ученыхъ мужей и по изданіи Исторіи г. Карамзина, кажется мысль моя невѣроятна и трудъ безполезный. Къ счастью только моему, что никто до сихъ поръ пять лѣтъ не странствовалъ единственно по сему предмету, и что даже Русской Плутархъ признается въ убожествѣ матеріаловъ на сіи древнія времена“ [2]). Новыя данныя для разсѣянія „повѣстей чужихъ писателей“, которые сообщаютъ всякіе не провѣренные слухи о нашихъ предкахъ и говорятъ часто о нихъ съ ненавистью,

---

[1]) Напечатано, подъ загл.: „Разысканія касательно русской исторіи“, въ Вѣстн. Евр., 1819, ч. CVII, № 20, стр. 277—302. Подлинникъ — въ Арх. Мин. Нар. Просв., Дѣло № 45732—1416.

[2]) Ср. письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву, попечителю харьк. окр., отъ 18 іюня 1819 г., сообщенное Д. И. Багалѣемъ въ Кіевской Стар.,

утверждая что „славянское младенчество окружено туманомъ грубаго невѣжества и дикости", должны принести изученіе городищъ, простирающихся отъ Камы на западъ до Лабы, отъ Сѣв. Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря и всюду въ главныхъ чертахъ сходныхъ, разсмотрѣніе географическихъ названій, тоже всюду у славянъ повторяющихся, и вообще языка, прежде всего, конечно, самобытнаго, народнаго. Посвятивъ значительную часть письма возраженіямъ Карамзину, Ходаковскій главнымъ образомъ сосредоточиваетъ свои замѣчанія на его картѣ IX-го ст., которую тутъ же исправляетъ. Съ уваженіемъ вообще отзываясь о трудѣ „Невскаго Плутарха", онъ желаетъ своими критическими замѣчаніями лишь точнѣе опредѣлить характеръ и направленіе своего ученаго предпріятія. „Оно родилось и пять лѣтъ росло среди южныхъ ляховъ, а возмужать должно опекою могущественной Руси", — признается Ходаковскій. Онъ не скрываетъ прямой цѣли обращенія своего на берега Невы. „Мнѣ недостаетъ крыльевъ, - говоритъ онъ, — чтобы парить въ столь обширной дорогѣ и даже долетѣть къ берегамъ Невы. Варшавскіе сукурсы замедлились и ненадежны, чтобъ сами собою могли воскресить цѣлость славянскую. Здѣсь надъ Сожемъ почти глухо для меня..." Обращаясь къ Голицыну, онъ желаетъ единственно представиться ему лично, чтобы объяснить и доказать все то, что вкратцѣ изложено въ письмѣ. Успѣхъ предпріятія его будетъ зависѣть отъ того, какъ благословитъ его рука „первѣйшаго жреца нашего просвѣщенія", имп. Александра I. Въ этихъ незначительныхъ замѣчаніяхъ на „Исторію" Карамзина современники усматривали начало разбора ея, но, по справедливому замѣчанію Пыпина [1]), дальнѣйшаго разбора не могло быть, потому что всѣ интересы Ходаковскаго кончались эпохою отдаленной древности [2]). Нѣтъ также никакого основанія для предположенія, что Ка-

1891, іюнь, 469—475, гдѣ отмѣчено сходство этого письма съ цитируемымъ письмомъ къ Голицыну. Письмо написано было по-польски и на русскій яз. перевелъ его П. Артемовскій-Гулакъ.

[1]) Исторія русской этногр., III, стр. 78.

[2]) На „наступательныя" замѣчанія Ходаковскаго отвѣтилъ С. Руссовъ цѣлой брошюрой: „Обозрѣніе критики Ходаковскаго на Исторію Росс. Государства, сочиненную Н. М. Карамзинымъ" (СПБ. 1820), въ которой не только подробно разобралъ ихъ по существу, но и преподалъ критику въ рѣзкой формѣ рядъ наставленій по литературной этикѣ, отмѣтивъ и недостойный стиль, форму его замѣчаній.

рамзинъ только послѣ появленія замѣчаній Ходаковскаго, для умиренія его, принялъ участіе въ его планахъ и содѣйствовалъ устройству его путешествія. Вѣрнѣе допустить, что Ходаковскій самъ искалъ покровительства такого знаменитаго человѣка, какъ исторіографъ [1]).

Уже въ отвѣтѣ на первое обращеніе кн. Голицынъ совѣтовалъ Ходаковскому вступить въ прямое сношеніе съ Карамзинымъ и изложить ему свои замѣчанія на „Исторію Г. Р.“, и мы знаемъ, что Ходаковскій немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ представился Карамзину. Замѣчанія Ходаковскаго, появившіяся въ „Вѣстн. Евр.“, не заключали въ себѣ ничего обиднаго для ученой репутаціи Карамзина и не могли подѣйствовать на исторіографа въ такой мѣрѣ, чтобы онъ сталъ искать предъ никому неизвѣстнымъ, едва начинающимъ ученымъ. Евгеній, имѣвшій точныя свѣдѣнія объ этихъ замѣчаніяхъ еще до появленія ихъ въ печати, неодобрительно отозвался объ авторѣ ихъ: „Ходаковскій, дерзнувшій и къ министру адресоваться со своими гипотезами противу Карамзина, мнѣ кажется, est une tête exaltée, entêtée et infatuée. Канцлеръ, видно, хорошо разсмотрѣлъ его, когда отказалъ ему въ рессурсѣ... Не знаю, чего онъ можетъ просить и ожидать отъ президента Русской академіи, занимающагося только этимологіей. А министръ вѣрно покажетъ его мечты прежде всего Карамзину, и тогда мечтатель убитъ будетъ въ кредитѣ“. Но предсказанія Евгенія не оправдались. Карамзинъ не только не убилъ кредита Ходаковскаго, но даже поддержалъ его и въ отвѣтѣ Голицыну [2]) выразилъ надежду, что своими разысканіями, описаніемъ городищъ, лексикономъ славянскихъ урочищъ и собраніемъ произведеній народнаго творчества путешественникъ окажетъ немалую услугу любителямъ русской исторіи [3]).

---

[1]) „Войну поляка съ исторіографомъ я читалъ въ Вѣстн. Евр. Но спорщики, кажется, уже помирились“, писалъ Евгеній гр. Хвостову 19 дек. 1819 г. Сборн. статей Отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 178. Быть можетъ, съ цѣлью пріобрѣсти расположеніе Карамзина Ходаковскій перевелъ на польскій языкъ „Марѳу Посадницу“? Черновикъ перевода нашелъ въ бумагахъ Ходаковскаго Ходзько. Teka Wil., 1857, № 2, str. 300. Впрочемъ, время перевода неизвѣстно. Въ библ. Музея Чарторыскихъ имѣется въ рукописи (№ 1753): „Marfa Konsulentka, czyli podbicie Nowhorodu“, но переводчикъ подписанъ иниціалами: A. D.

[2]) Приложенія, стр. CXVIII.

[3]) Погодинъ нашелъ въ бумагахъ Ходаковскаго краткую записочку Карамзина, свидѣтельствующую объ участливомъ отношеніи исто-

Только послѣ такого отзыва исторіографа отъ Ходаковскаго потребовали болѣе подробнаго плана предполагаемаго имъ путешествія, и къ 18 марта онъ представилъ наскоро набросанный проектъ кн. Голицыну [1]). Дѣло быстро подвигалось впередъ. Уже 24 марта министръ приказалъ предложить проектъ Ученому Комитету на разсмотрѣніе, а 10 апрѣля получено было заключеніе члена комитета Н. Фуса. Планъ Ходаковскаго, изготовленный поспѣшно, не могъ не вызвать упрековъ въ отсутствіи систематичности, точности размышленія, ясности изложенія мыслей, — не говоримъ о крайне витіеватомъ и неправильномъ языкѣ; рецензентъ признавалъ, однако, въ авторѣ проекта пространную начитанность въ русской и польской исторіи и обширныя познанія по географіи славянскихъ земель и славянской этнографіи. Фусъ не могъ не замѣтить лишь извѣстной „предубѣжденности мнѣній“ Ходаковскаго и его догадокъ и заключеній, но высказывалъ при этомъ надежду, что путешествіе его можетъ быть все-таки полезнымъ для отечественной исторіи и содѣйствовать объясненію многихъ темныхъ вопросовъ ея.

„Проектъ“ Ходаковскаго есть въ сущности обширный ученый трактатъ, повторяющій отчасти мысли, высказанныя уже раньше (въ разсужденіи „O Słowiańszczyznie“), но излагающій теорію городищъ впервые подробно. Несмотря на несомнѣнное преувеличеніе во взглядѣ Ходаковскаго на значеніе городищъ, какъ религіозныхъ языческихъ центровъ, окруженныхъ будто бы единообразно другими городищами, въ правильномъ распредѣленіи чуть не на каждой квадратной

ріографа къ польскому путешественнику: „Съ сожалѣніемъ слышу отъ васъ о малой надеждѣ на успѣхъ вашихъ трудовъ въ Россіи. Я радъ еще сказать нѣсколько словъ о пользѣ вашихъ упражненій, но не ручаюсь вамъ за ихъ дѣйствительность. Посылаю 50 р.; болѣе не имѣю“. Погодинъ относитъ эту записку ко времени ходатайства Ходаковскаго о дозволеніи ему продолжать ученое путешествіе; кажется, вѣрнѣе отнести ее къ самому началу ходатайства о пособіи на путешествіе. Москвитянинъ, 1843, I, стр. 273.

[1]) Напечатанъ въ полномъ видѣ въ Сынѣ Отеч., 1820, ч. LXIII, 289—312; ч. LXIV, 3—11, 49—66, 115—125, 193—205, 241—254, 289—299, подъ загл.: „Проектъ ученаго путешествія по Россіи для объясненія древней Славянской исторіи“. Извлеченіе изъ него въ Вѣстн. Евр., 1820, ч. CXIII, № 17, стр. 30; № 18, стр. 99. Ср. еще ч. CXIII, № 20; ч. CXIV, № 23; ч. CXV, № 4. Dzienn. Wileński, 1820, III, str. 106—107, принесъ о „Проектѣ“ замѣтку: „Śledzenie starożytności sławiańskich“, и обѣщалъ помѣстить въ слѣд. номерѣ весь проектъ. Ср. „Hledání starožitností Slovenských“, въ ж. Krok, 1823, I, str. 159.

милѣ, въ проектѣ разбросано немало любопытныхъ замѣчаній о старыхъ географическихъ названіяхъ и значеніи этого матеріала. Вотъ нѣкоторыя мысли Ходаковскаго.

Несмотря на значительные успѣхи историческихъ изученій у поляковъ и у русскихъ, труды эти не могутъ считаться удовлетворительными въ вопросахъ древнѣйшаго періода славянства: ученые „писали исторію, не познавши народа", не выходя изъ своего кабинета; они перерывали „до глубины" старыя легенды и все письменное наслѣдіе угасшихъ вѣковъ, но не обращали вниманія на другой матеріалъ, очень важный для начальнаго періода жизни славянъ. Начало исторіи ихъ „разсѣяно по всему пространству земли славянской, подъ кровлею сельскою въ неизвѣстности и скромно проводитъ вѣка, или на поляхъ, лугахъ и въ дубравахъ нашихъ утѣшаетъ своихъ любимцевъ и давно ожидаетъ своего Макферсона". Заглянуть въ курныя избы никто не желалъ; Ходаковскій рѣшился на этотъ подвигъ и, „не имѣя ничего громкаго, съ одною только ревностію быть полезнымъ исторической правдѣ и своему племени", приступилъ къ изученію народа и занимаемой имъ территоріи.

Программу своихъ изученій Ходаковскій излагалъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

„1. Сообразить во всѣхъ странахъ насыпи городищныя по той чертѣ, какъ показалъ я въ письмѣ изъ Гомля отъ 29 липца 1819 г., и повѣрить, сколько возможно, будутъ ли онѣ на всякой квадратной милѣ. Посредствомъ оныхъ же городищъ, смотря, гдѣ они кончатся, узнать предѣлы древней Руси и на планѣ означить.

2. Внутри Россіи осмотрѣть лично мѣста, по которымъ назвалися округи: Вочская, Волоховская, Деревская, Голяды, Вятичи, Сѣвера, Семь, Мурома, Меря, Весь, Мещера и пр., уважая въ томъ правило самого Нестора, который пишетъ: „и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдши на которомъ мѣстѣ, тако и прозвашася".

3. Обратить вниманіе на главныя нарѣчія провинціональныя, какъ далече простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница, и что могло въ оныхъ уцѣлѣть изъ древнѣйшаго славянскаго, чего письменный свѣтъ могъ еще не получить. Подобнымъ образомъ, какая будетъ разница въ одеждѣ, строеніи домовъ и земледѣльческихъ снарядахъ.

4. Какія найдутся наименованія разнымъ звѣздамъ и природѣ, т. е. пресмыкающимся, насѣкомымъ, грибамъ и зельямъ.

5. Обряды, свадьбы, игры, пѣсни, суевѣрія и все, что будетъ происходить изъ древнѣйшихъ временъ.

6. Наконецъ, все, что служить можетъ не только къ моему предмету, но и въ общую пользу ученаго свѣта, какъ-то: древнія монеты, особенно принадлежащія къ русской нумизматикѣ, и другія металлическія фигурки и посуды, нерѣдко открывавшіяся въ землѣ и могилахъ, письменныя и разныя достопамятности — все буду стараться получить или доносить объ ономъ".

Въ письмѣ къ Голэмбіовскому Ходаковскій сообщалъ о томъ впечатлѣніи, какое яко бы проектъ этотъ произвелъ въ Петербургѣ: „Нѣкоторые считаютъ его половиной какъ бы совершеннаго путешествія и желаютъ напечатать его; я однако боюсь, какъ бы не вышло по-славянски: преждевременно и хвастливо." Маршрутъ поѣздки въ краткихъ чертахъ предполагался слѣдующій: по Невѣ до Старой Ладоги, по Волхову черезъ Новгородъ къ истокамъ Волги, Двины, Днѣпра, Москвы, отсюда на югъ къ Тавридѣ, потомъ Азовскимъ побережьемъ къ устью Дона и обратно вверхъ, на сѣверъ, до Бѣла озера и Сѣв. Двины, отсюда опять по Волгѣ на востокъ (древній г. Болгаръ) до Уральскихъ горъ и р. Яика. По возвращеніи отсюда онъ намѣренъ былъ объѣхать земли ливовъ и литовцевъ; отсюда вновь повернуть на юго-востокъ, къ устьямъ Днѣпра и Днѣстра и наконецъ къ устьямъ Прута и Дуная, въ землю нынѣшнихъ болгаръ.

Для выполненія программы, которую Ходаковскій начерталъ въ представленіи министру, Фусъ находилъ нужнымъ опредѣлить четыре года и выдавать на эту цѣль по двѣ тысячи рублей ежегодно. Въ дополненіе къ своему плану Ходаковскій поспѣшилъ еще (21 апр. 1820 г.) заявить о желаніи имѣть помощника, который могъ бы, въ случаѣ болѣзни его, вести самостоятельно работу и замѣстить его; къ тому же работа вдвоемъ обѣщала болѣе скорое выполненіе программы [1]). Кандидатомъ въ сопутники Ходаковскій

[1]) По словамъ Ходаковскаго, ему предлагали въ Петербургѣ въ помощники нѣкоего Фишера, молодого любителя древности, но онъ, какъ ревностный славянинъ, отказался отъ этого кандидата, „aby najmniejszej chluby nie zostawić dla Niemców." „Jaki Szlecer drugi, — оправдывалъ онъ свой отказъ, — wyrzekłby, że i w tym ojczystym przedmiocie nie mogliśmy obejść się bez ich pomocy". Письмо къ Голэмбіовскому 23 марта 1820. Pamiętn. umiej. mor. i lit., T. IV, str. 223.

намѣтилъ нѣкоего Юрія Кошелевскаго, бывшаго студента виленскаго унив., служившаго въ 1812 г. въ польской военной службѣ [1]). Но Ученый Комитетъ справедливо отказалъ Ходаковскому въ его ходатайствѣ, находя, что для совершеннаго единообразія въ исполненіи плана полезнѣе будетъ, если Ходаковскій, не полагаясь на помощь сотрудника, будетъ самъ все разсматривать и изучать.

Получивши въ концѣ концовъ, по повелѣнію имп. Александра I, три тысячи рублей на одинъ годъ путешествія, съ условіемъ, что „по мѣрѣ успѣховъ можно будетъ судить, нужно ли ему продолжать сіе путешествіе", снабженный открытымъ листомъ и подорожною, Ходаковскій 17-го августа 1820 г. началъ свое знаменитое путешествіе по сѣверу Россіи.

Представленный Голицыну въ мартѣ 1821 г. первый „опытъ трудовъ" Ходаковскаго [2]) былъ разсмотрѣнъ въ Ученомъ Комитетѣ, и отзывъ о немъ былъ данъ опять Н. Фусомъ. На этотъ разъ отзывъ былъ мало благопріятенъ для нашего путешественника. Въ самомъ дѣлѣ, это первое донесеніе не могло расположить судей въ пользу Ходаковскаго: оно, по обыкновенію, было изрядно хаотично и заключало, кромѣ описанія поѣздки, экскурсы въ область древней географіи страны, діалектологическія наблюденія и т. д. На вопросъ, какую пользу принесло отечественной исторіи путешествіе Ходаковскаго, Фусъ могъ отвѣтить только, что въ донесеніи его онъ не нашелъ объясненія ни одного важнаго историческаго пункта, и что „изслѣдованія и утвержденія разныхъ маловажныхъ пунктовъ основаны на предположеніяхъ, на этимологіяхъ и на извѣстіяхъ, ничѣмъ не доказанныхъ и по правиламъ исторической критики не заслуживающихъ довѣрія". Что касается собранія и объясненія славянскихъ географическихъ названій, происходящихъ отъ одного и того же коренного слова, то Фусъ смѣло заявлялъ, что въ „этимологіи" Ходаковскаго онъ не находитъ ничего поучительнаго и для отечественной исторіи полезнаго. Правъ онъ былъ, конечно, въ томъ, что для собиранія этихъ именъ не было надобности въ путешествіи; справедливо призналъ онъ ничтожными и археологическія находки Ходаковскаго.

Отзывъ Фуса, представленный въ тотъ моментъ, когда Ходаковскій расчитывалъ на продолженіе своего путеше-

[1]) Дембицкій, Puławy, III, str. 24, ошибочно считаетъ его русским (Rossyanin).

[2]) См. приложенія, стр. CXXXI—II и сл.

ствія еще на годъ, долженъ былъ губительно отразиться на его ходатайствѣ. Надежды на новое ассигнованіе необходимой суммы не могло быть, разъ рецензентъ заявлялъ, что отъ продолженія путешествій Ходаковскаго не ожидаетъ результатовъ, оправдывающихъ расходы министерства.

Въ началѣ октября 1821 г., по истеченіи года ученой поѣздки, когда надлежало представить „полное донесеніе“ о ней, Ходаковскій обратился къ Голицыну съ письмомъ, въ которомъ лишь вкратцѣ опредѣлилъ область своихъ изученій и изложилъ въ существенныхъ чертахъ результаты ученыхъ наблюденій. Въ теченіе перваго года онъ обозрѣлъ новгородскую, псковскую и тверскую губ., проѣхалъ въ трехъ направленіяхъ землю ижорскую, видѣлъ чудскую около Яма и Копорья, прикоснулся къ старымъ предѣламъ славянскимъ на Свири, Наровѣ и за Пимжею, рылся въ насыпяхъ по Волхову, Полони и подъ Бѣжецкомъ. Самъ Ходаковскій смотрѣлъ на свои научныя пріобрѣтенія иначе, чѣмъ его критикъ: онъ считалъ ихъ значительными уже по самой величинѣ обозрѣннаго имъ пространства. Прежде всего, множество новыхъ наблюденій приблизило его къ географической системѣ духовнаго раздѣленія всей славянской земли на небольшіе погосты, или приходы.

Просьба о продленіи срока путешествія, даже безъ новыхъ ассигнованій, не встрѣтила сочувствія у министра. Голицынъ отвѣтилъ отказомъ и напомнилъ о долгѣ — отчетѣ. Только въ іюлѣ слѣдующаго года (1822) изъ Москвы Ходаковскій послалъ новый отчетъ [1]), которымъ уничтожался первый, набросанный наспѣхъ, „преждевременно и страннымъ образомъ“. Главную часть донесенія составлялъ „Сравнительный словарь“, содержавшій огромное количество славянскихъ и русскихъ географическихъ именъ, расположенныхъ по кореннымъ словамъ, напр., имена, произведенныя отъ словъ: баба, береза, бѣда, бѣгъ, бѣль, бью, болото, боръ, борода и т. д. Но и въ словарѣ рецензентъ не усмотрѣлъ ничего больше, кромѣ множества труда, терпѣнія и постоянства автора въ работѣ въ избранномъ направленіи.

Положеніе Ходаковскаго въ Москвѣ было отчаянное: уже въ мартѣ онъ издержалъ „послѣдній рубль изъ щедроты

---

[1]) „Донесеніе о первыхъ успѣхахъ въ Россіи Зоріана Долуга Ходаковскаго, изъ Москвы 13 липца 1822 г.“ напечатано въ VII т. „Историческаго Сборника“ (1844) Погодина.

намѣтилъ нѣкоего Юрія Кошелевскаго, бывшаго студента виленскаго унив., служившаго въ 1812 г. въ польской военной службѣ [1]). Но Ученый Комитетъ справедливо отказалъ Ходаковскому въ его ходатайствѣ, находя, что для совершеннаго единообразія въ исполненіи плана полезнѣе будетъ, если Ходаковскій, не полагаясь на помощь сотрудника, будетъ самъ все разсматривать и изучать.

Получивши въ концѣ концовъ, по повелѣнію имп. Александра I, три тысячи рублей на одинъ годъ путешествія, съ условіемъ, что „по мѣрѣ успѣховъ можно будетъ судить, нужно ли ему продолжать сіе путешествіе", снабженный открытымъ листомъ и подорожною, Ходаковскій 17-го августа 1820 г. началъ свое знаменитое путешествіе по сѣверу Россіи.

Представленный Голицыну въ мартѣ 1821 г. первый „опытъ трудовъ" Ходаковскаго [2]) былъ разсмотрѣнъ въ Ученомъ Комитетѣ, и отзывъ о немъ былъ данъ опять Н. Фусомъ. На этотъ разъ отзывъ былъ мало благопріятенъ для нашего путешественника. Въ самомъ дѣлѣ, это первое донесеніе не могло расположить судей въ пользу Ходаковскаго: оно, по обыкновенію, было изрядно хаотично и заключало, кромѣ описанія поѣздки, экскурсы въ область древней географіи страны, діалектологическія наблюденія и т. д. На вопросъ, какую пользу принесло отечественной исторіи путешествіе Ходаковскаго, Фусъ могъ отвѣтить только, что въ донесеніи его онъ не нашелъ объясненія ни одного важнаго историческаго пункта, и что „изслѣдованія и утвержденія разныхъ маловажныхъ пунктовъ основаны на предположеніяхъ, на этимологіяхъ и на извѣстіяхъ, ничѣмъ не доказанныхъ и по правиламъ исторической критики не заслуживающихъ довѣрія". Что касается собранія и объясненія славянскихъ географическихъ названій, происходящихъ отъ одного и того же коренного слова, то Фусъ смѣло заявлялъ, что въ „этимологіи" Ходаковскаго онъ не находитъ ничего поучительнаго и для отечественной исторіи полезнаго. Правъ онъ былъ, конечно, въ томъ, что для собиранія этихъ именъ не было надобности въ путешествіи; справедливо призналъ онъ ничтожными и археологическія находки Ходаковскаго.

Отзывъ Фуса, представленный въ тотъ моментъ, когда Ходаковскій расчитывалъ на продолженіе своего путеше-

[1]) Дембицкій, Puławy, III, str. 24, ошибочно считаетъ его русскимъ (Rossyanin).

[2]) См. приложенія, стр. CXXXI—II и сл.

ствія еще на годъ, долженъ былъ губительно отразиться на его ходатайствѣ. Надежды на новое ассигнованіе необходимой суммы не могло быть, разъ рецензентъ заявлялъ, что отъ продолженія путешествій Ходаковскаго не ожидаетъ результатовъ, оправдывающихъ расходы министерства.

Въ началѣ октября 1821 г., по истеченіи года ученой поѣздки, когда надлежало представить „полное донесеніе“ о ней, Ходаковскій обратился къ Голицыну съ письмомъ, въ которомъ лишь вкратцѣ опредѣлилъ область своихъ изученій и изложилъ въ существенныхъ чертахъ результаты ученыхъ наблюденій. Въ теченіе перваго года онъ обозрѣлъ новгородскую, псковскую и тверскую губ., проѣхалъ въ трехъ направленіяхъ землю ижорскую, видѣлъ чудскую около Яма и Копорья, прикоснулся къ старымъ предѣламъ славянскимъ на Свири, Наровѣ и за Пимжею, рылся въ насыпяхъ по Волхову, Полони и подъ Бѣжецкомъ. Самъ Ходаковскій смотрѣлъ на свои научныя пріобрѣтенія иначе, чѣмъ его критикъ: онъ считалъ ихъ значительными уже по самой величинѣ обозрѣннаго имъ пространства. Прежде всего, множество новыхъ наблюденій приблизило его къ географической системѣ духовнаго раздѣленія всей славянской земли на небольшіе погосты, или приходы.

Просьба о продленіи срока путешествія, даже безъ новыхъ ассигнованій, не встрѣтила сочувствія у министра. Голицынъ отвѣтилъ отказомъ и напомнилъ о долгѣ — отчетѣ. Только въ іюлѣ слѣдующаго года (1822) изъ Москвы Ходаковскій послалъ новый отчетъ [1]), которымъ уничтожался первый, набросанный наспѣхъ, „преждевременно и страннымъ образомъ“. Главную часть донесенія составлялъ „Сравнительный словарь“, содержавшій огромное количество славянскихъ и русскихъ географическихъ именъ, расположенныхъ по кореннымъ словамъ, напр., имена, произведенныя отъ словъ: баба, береза, бѣда, бѣгъ, бѣль, бью, болото, боръ, борода и т. д. Но и въ словарѣ рецензентъ не усмотрѣлъ ничего больше, кромѣ множества труда, терпѣнія и постоянства автора въ работѣ въ избранномъ направленіи.

Положеніе Ходаковскаго въ Москвѣ было отчаянное: уже въ мартѣ онъ издержалъ „послѣдній рубль изъ щедроты

[1]) „Донесеніе о первыхъ успѣхахъ въ Россіи Зоріана Долуга Ходаковскаго, изъ Москвы 13 липца 1822 г.“ напечатано въ VII т. „Историческаго Сборника“ (1844) Погодина.

правительства", а ожидать, пока въ Петербургѣ обычнымъ путемъ рѣшится вопросъ о судьбѣ его, „пока свершится столичный кругъ всѣхъ формъ и мнѣній", не было возможности. „Крайность можетъ заставить меня возвратиться восвояси прежде всякаго объявленія со стороны протекціи", писалъ онъ директору департамента В. Попову и просилъ его до истеченія мѣсяца увѣдомить, „чего долженъ ожидать отчаянный словенинъ". Тутъ же Ходаковскій давалъ обѣщаніе, въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія его просьбы, пригласить хорошаго сотрудника, но въ то же время просилъ „увольненія впредь отъ подробныхъ донесеній", очевидно, до полнаго окончанія путешествія. Отвѣта однако долго не было, и Ходаковскій, все еще пребывавшій въ „мучительной неизвѣстности", повторяетъ вновь свою просьбу въ концѣ августа и началѣ октября 1822 г. [1]). Онъ желалъ бы, чтобъ судьею его научныхъ открытій былъ самъ имп. Александръ. На эти письма Голицынъ отвѣтилъ, что донесеніе о результатахъ путешествія передано по обычаю въ Ученый Комитетъ, доложить же Государю дѣло Ходаковскаго не было возможности въ виду отъѣзда Государя за границу.

Второе донесеніе Фусъ призналъ написаннымъ „съ меньшею нескромностью". Сравнительный словарь, коего только часть въ видѣ образца присоединена была къ первому отчету, здѣсь явился въ болѣе обширномъ видѣ; отзывы „о людяхъ и сочиненіяхъ знаменитыхъ" отличались большею сдержанностью. Словарь заключалъ большое число именъ славянскихъ городовъ, городковъ, городищъ, рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, острововъ, горъ и т. д., по алфавитному порядку коренныхъ словъ; но этимологіи Ходаковскаго опять грѣшили произвольностью. Усматривая въ работѣ его лишь „терпѣніе и постоянство", Фусъ высказывался теперь въ томъ смыслѣ, что польза отъ изслѣдованій его „весьма посредственна" и во всякомъ случаѣ не такая, чтобы она могла вознаградить тѣ значительные расходы, которые необходимы на продолженіе путешествія. Фусъ оставался при своемъ прежнемъ мнѣніи, что доселѣ отъ путешествія Ходаковскаго ни одинъ пунктъ отечественной исторіи не получилъ новыхъ и достопримѣчательныхъ обогащеній, и ихъ нельзя ожидать и впредь. Впрочемъ, Фусъ высказывалъ желаніе, выраженное и Ходаковскимъ, чтобы донесеніе было разсмотрѣно еще и

---

[1]) Приложенія, стр. CXLIV, CXLV.

Карамзинымъ, который скажетъ рѣшающее слово по этому предмету. Знаменитый исторіографъ однако всецѣло присоединился къ мнѣнію Фуса, и дѣло Ходаковскаго было окончательно проиграно [1]).

Въ январѣ 1823 г. Ходаковскій однако исполненъ былъ надежды на благопріятный исходъ своихъ представленій Голицыну. Съ волненіемъ ожидалъ онъ рѣшительнаго слова изъ Петербурга. „Приближается рѣшительное время для меня, — пишетъ онъ министру, — и какое-то внутреннее безпокойство овладѣло мною. Я ободряюсь единственно мыслью, что мои труды находятся подъ рукою, которая управляетъ согласно умомъ и совѣстью человѣческою, подъ рукою сильною и, осмѣливаюсь прибавить, братнею, т. е. не иноплеменною". Увѣренный въ благосклонномъ расположеніи князя, онъ открылъ ему свою мысль, но неожиданно для него проекты его сдѣлались предметомъ обсужденія „въ многолюдномъ обществѣ", между тѣмъ, по его убѣжденію, въ дѣлѣ этомъ надо было соблюсти извѣстную осторожность, хотя бы по соображеніямъ политическимъ. Вопреки ожиданіямъ, онъ попалъ въ „омутъ протекціи", явился сонмъ „протекторовъ и благодѣтелей", которые стали предъявлять къ Ходаковскому свои требованія и вмѣшиваться въ его дѣло. „Я хотѣлъ, — говоритъ Ходаковскій Голицыну, — одного имѣть отца въ особѣ вашего Сіятельства и каковымъ-то рокомъ подвергнулся отчиму Н. М. Карамзину, который ради своей Исторіи не желаетъ моихъ успѣховъ". Письмо содержало рядъ неумѣстныхъ обвиненій и нападокъ на исторіографа, отнесшагося, какъ мы видѣли, къ самой мысли Ходаковскаго съ полнымъ сочувствіемъ и вполнѣ сумѣвшаго оцѣнить важность задуманнаго имъ собранія географической номенклатуры и археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ. Жалобы на Карамзина нашли еще отголосокъ и въ письмѣ (24 мая 1823 г.) къ Сташицу [2]). „Шлецеру мѣшалъ Ломоносовъ, а мнѣ Карамзинъ", твердилъ въ

---

[1]) Пыпинъ, Ист. русск. этногр., III, стр. 54, а за нимъ и Равита-Гавронскій, op. cit., str. 88, считаютъ почему-то К. Калайдовича виновникомъ прекращенія ученой поѣздки Ходаковскаго, между тѣмъ во всей перепискѣ о путешествіи нѣтъ ни одной строки Калайдовича. Равита-Гавронскій, не справляясь съ трудами и заслугами Калайдовича, смѣло утверждаетъ при этомъ, что онъ „обладалъ безконечно меньшими познаніями и ученостью", чѣмъ Ходаковскій!

[2]) Kraushar, op. cit., III, II, str. 455—457.

раздраженіи Ходаковскій. Опасаясь, чтобы путешествіе Ходаковскаго не поколебало его карты IX в. и всего, что онъ написалъ о началахъ племенъ, поселеній и т. д., о славянскихъ обычаяхъ, религіи и языкѣ, Карамзинъ пустилъ яко бы въ ходъ всѣ пружины, чтобы добиться отказа въ пособіи для польскаго путешественника. Ходаковскій пускается далѣе въ область очевидныхъ фантазій. „Департаментъ, — говоритъ онъ, — не давши мнѣ средствъ объѣхать все пространство и времени, необходимаго для приспособленія частей къ цѣлому, требовалъ (żądał), чтобы я на каждомъ шагу писалъ и громилъ исторіографа, и въ то же время не могъ обойтись безъ мнѣнія Карамзина". Въ письмѣ къ Голицыну отъ 30 янв. 1823 г. Ходаковскій, видѣвшій кругомъ враговъ и недоброжелателей, обвинялъ уже не только Карамзина, но и Калайдовича и Кеппена, что всѣ они какъ будто сговорились въ одно время аттаковать его „городство, которое имъ не нравится или непонятно".

На всѣ просьбы Ходаковскаго о защитѣ и поддержкѣ Голицынъ уже не отвѣчалъ, а въ мартѣ 1823 г., на основаніи отзывовъ Ученаго Комитета и Карамзина, представлялъ Государю, не благоугодно ли ему будетъ „высочайше повелѣть оное путешествіе прекратить".

Послѣднее письмо Ходаковскаго (2 апр. 1823 г.) къ министру рисуетъ его отчаянное положеніе въ Москвѣ, гдѣ онъ, „униженный передъ всѣми", долженъ былъ „отказываться отъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній по своему предмету и претерпѣвать во всѣхъ родахъ нужду". Нерѣдко „въ черныхъ мысляхъ" онъ думалъ о смерти, но окончательно не терялъ еще надежды на „великодушнаго" Голицына. Бѣдственное положеніе („безъ денегъ цѣлой годъ!") не сокрушило однако его энергіи и не заставило прервать начатыя разысканія: онъ продолжаетъ изучать по картамъ территорію, занятую славянами въ Европѣ, отыскиваетъ всюду доказательства въ пользу своей теоріи и переходитъ даже въ Азію, въ Сибирь, убѣжденный, что по предмету занимающихъ его городищъ „половина Азіи и Европы находится въ одной связи соображеній". Это убѣжденіе въ правильности своей идеи онъ выражаетъ и въ письмѣ (24 мая 1823 г.) къ Сташицу и ожидаетъ болѣе справедливаго къ ней отношенія отъ соотечественниковъ, такъ какъ, вѣроятно, никогда ничто чрезвычайное не сдѣлается достояніемъ сѣвера, менѣе одареннаго самой природой! Если, паче чаянія, и мнѣніе со-

отечественниковъ будетъ для него неблагопріятнымъ, то тогда ему придется прекратить свои труды въ этомъ направленіи и оставить въ вѣчномъ покоѣ и славянъ въ могилахъ и систему ихъ городства. На прощаніе (na ostateczne pożegnanie) съ матеріей, занимавшей его семь лѣтъ, онъ рѣшилъ только напечатать отвѣтъ Калайдовичу [1]). Но нѣсколько статеекъ, появившихся при жизни Ходаковскаго, не спасли его ученыхъ проектовъ, столь неожиданно рухнувшихъ.

О послѣднихъ годахъ жизни Ходаковскаго знаемъ очень мало. Извѣстно только, что послѣ смерти первой жены, Констанціи Флемингъ, онъ женился вторично, кажется, на русской; безвыходно-тяжелое положеніе заставило его принять должность управляющаго имѣніемъ у какого-то помѣщика тверской губ., гдѣ онъ скоропостижно скончался 17 ноября 1825 г. на сорокъ первомъ году жизни. Съ горькимъ сожалѣніемъ говорилъ онъ въ послѣднихъ письмахъ къ друзьямъ о разлукѣ съ ними и родиной, скорбѣлъ о томъ, что слишкомъ удалился отъ нихъ, но въ тоже время заявлялъ, что твердость въ предпріятіи и честь его требовали этой „безграничной“ жертвы.

Послѣ смерти Ходаковскаго рукописи его, послѣ продолжительныхъ мытарствъ, перешли въ 1836 г. къ Погодину отъ котораго вмѣстѣ съ его знаменитымъ древлехранилищемъ были пріобрѣтены Имп. Публичной библіотекой. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить четыре громадныхъ фоліанта Географическаго словаря, съ полуистертыми заглавіями на каждомъ томѣ: „Stare Sta“. Этотъ словарь является въ сущности наиболѣе цѣннымъ результатомъ его трудовъ, вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ пѣсенъ [2]).

И Шафарикъ, и другіе ученые признавали Географическій словарь трудомъ чрезвычайно важнымъ и полезнымъ для славянскаго историка и археолога. Матеріалъ, собранный Ходаковскимъ, поражалъ Шафарика богатствомъ. Когда Погодинъ въ 1837 г. прислалъ ему списокъ изъ Словаря Ходаковскаго мѣстныхъ именъ Волотово, Велетово и пр., онъ выразилъ свое изумленіе въ письмѣ къ Кеппену: „Welche

---

[1]) Kraushar, op. cit., III, II, str. 456—457.

[2]) Въ бумагахъ Шафарика (sign. IX A 2) въ библ. Чешскаго Музея имѣется: „Zeměpisný Slovník. Díło pohrobní Zor. Dol. Chodakowského. Z původního Rukopisu přepsáno v Praze. L. P. 1840“. Копію эту Шафарикъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Zeměpisný tento slovník jest přepis z originálu, díla pohrobního Zoriana Dolengy Chodakow-

Menge!!!“ [1]) Потребность въ такомъ словарѣ чувствовалось давно, но сознавалась и трудность осуществленія такой задачи. Уже Потоцкій обратился къ географическимъ именамъ, какъ къ драгоцѣнному матеріалу въ рукахъ историка; много позже Бандтке[2]) высказывалъ желаніе, „aby kiedyś wyszedł Słownik geografii słowiańskiej w doskonałości jak najdokładniejszej“. Но первую попытку собрать и систематизировать этотъ колоссальный матеріалъ сдѣлалъ Ходаковскій.

Тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти Ходаковскаго (въ 1856 г.) въ историко-филологич. отдѣленіи Академіи наукъ былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи этого „указателя названій важнѣйшихъ русскихъ мѣстностей“. П. И. Кеппену и А. А. Кунику было поручено обсудить это предположеніе, и оно было отвергнуто. Оба ученые, не отрицая цѣнности матеріала, собраннаго Ходаковскимъ, пришли однако къ заключенію, что именословъ, значеніе котораго для славянской археологіи и этнографіи было признано еще Шафарикомъ, не можетъ быть напечатанъ въ томъ видѣ, въ какомъ

---

ského, kterýž nyní u M. P. Pogodina w Moskvě se chová. Záležíť pak ze tří dílův; neboť čtvrtý u Polevoje, kterýž spis tento s jinými pozůstalostmi Chodakowského od vdovy byl zakoupil, jest utracen. Obsahujeť pak v sobě:

Díl I-ní A—Istok . . . . . listův 515, lístkův 26
Díl II-hý Jug—Mokry . . . . listův 446, lístkův 17
Díl III-tí Skala—Żyw . . . . listův 452, lístkův 22

Dohromady 1413 listův a 65 lístk., čili 722 archův.

Z toho patrno, že vlastně III-tí díl originálu, od slova „Mokry“ do „Skala“, na zmar přišel. (Nalezen později a přepsán pro mne l. 1844. — Pozd. přípisek).“ Переписка словаря для Шафарика произведена была двумя студентами въ Прагѣ въ періодъ времени отъ 22 окт. 1840 г. до 30 янв. 1841 г. Первые листы (до стр. 65) Шафарикъ самъ свѣрилъ съ оригиналомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ приписка его (V Praze 1 dubna 1841. P. J. Šafařík). На фоліантахъ оригинала до сихъ поръ сохранились на корешкахъ надписи рукой Шафарика. Въ библ. Варшавскаго унив. имѣется часть этого словаря: Bala — Chody (ркп. 3. 4. 17). Кромѣ Географ. словаря, въ бумагахъ Шафарика хранится еще: „Slovníček Přírody Chodakowského“ (sign. IX B 3), заключающій названія растеній, животныхъ и пр. (отъ baba do zeniszek — ziele). Изъ бумагъ Ходаковскаго въ Имп. Публ. библ. (№ 2018) мы видимъ, что онъ составлялъ также: „Słownik starodawnych Polskich wyrazów, z włączeniem Illiryyskich, które tym są podobne i przed wiekiem VII. s całkowitą mową były naszemi“.

[1]) См. Изв. Отд. русск. яз. и слов., VI, 1901, стр. 213. Отъ Погодина же получилъ Шафарикъ краткое извѣстіе о разселеніи Литовскаго племени (изъ письма Ходаковскаго). См. Письма къ Погодину, стр. 163. Slov. Národopis, str. 112.

[2]) Dzieje Król. Polskiego, I, str. 31, примѣч.

онъ былъ представленъ Академіи [1]). Недостатокъ его коренился въ системѣ распредѣленія матеріала, во множествѣ произвольныхъ этимологій, созданныхъ Ходаковскимъ.

Несомнѣнную заслугу Ходаковскаго составляетъ также обращеніе его къ изученію русскаго народнаго языка въ его многочисленныхъ говорахъ. Въ этомъ отношеніи среди поляковъ предшественникомъ его является нѣкій д-ръ Гайзлеръ, который, подобно Ходаковскому, попавши въ русскій плѣнъ, въ 1812-омъ и 1813 гг. жилъ въ рязанской губерніи и занимался здѣсь филологическими наблюденіями надъ русскими говорами, собирая преимущественно матеріалъ лексикальный. Его сообщеніями воспользовался, между прочимъ, М. Макаровъ въ своихъ „Историко-филологич. замѣткахъ къ Словарю Линде по буквѣ К", помѣщенныхъ въ Чтеніяхъ (1846, IV, стр. 37—42). Наблюденія свои, по словамъ Макарова, Гайзлеръ сообщалъ ему въ письмахъ, писанныхъ своеобразнымъ русскимъ языкомъ. Въ концѣ 1814 г. Гайзлеръ, какъ польскій подданный, вмѣстѣ съ другими поляками, былъ отправленъ изъ Рязани на Кавказъ, „но я — разсказываетъ Макаровъ, — по ходатайству своему возвратилъ Гайзлера, какъ медика, нужнаго мнѣ". Очевидно, Макаровъ дорожилъ не медицинскими его познаніями, а полезной помощью въ дѣлѣ изученія языка. Не будучи филологомъ, Гайзлеръ тѣмъ не менѣе имѣлъ вѣрный взглядъ на значеніе діалектологическихъ изслѣдованій. Уже по выѣздѣ изъ Россіи (въ 1815 г., изъ Кракова) онъ, между прочимъ, писалъ Макарову: „Не имѣя опоръ въ родовой нашей филологіи, не зная въ подробности всѣхъ нарѣчій языка нашего, я не знаю, какимъ образомъ мы объясняемъ наши древнія рукописи..." Эти слова въ устахъ медика достойны удивленія!

Въ разсужденіи „O Słowiańszczyznie" Ходаковскій обратился къ соотечественникамъ съ призывомъ изучать народный языкъ, такъ какъ онъ является источникомъ, который способенъ обновить языкъ литературный, пропитанный безъ мѣры чужими элементами [2]).

---

[1]) Записки И. Ак. Н., т. XII, 1868, стр. 117.

[2]) „Dwadzieścia lat należało walczyć naszym, aby odzyskać straconą ojczyznę; nie mniejszych może trudów potrzebować będzie przywrócenie narodowości w mowie naszej. Zgorzkła obca słodycz bez miary używana: czuć się już daje utęsknienie do prostych i ojczystych pokarmów; zbierzmy je skrzętnie; a czas, sprawca wszystkiego, może wyda nam nowego Bojana,

Нѣкоторыя діалектологическія свѣдѣнія и замѣчанія заключали отчеты Ходаковскаго о его путешествіи; на нихъ ссылается Кеппенъ въ своихъ „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ“ (т. I, № 176, 177—179, 184). Въ отчетѣ при письмѣ 14 марта 1821 г. помѣщена была цѣлая статья о новгородскомъ нарѣчіи, содержащая нѣкоторыя замѣчанія по фонетикѣ и довольно значительное собраніе словъ новгородскаго нарѣчія [1]). Во время путешествія по Галицкой Руси Ходаковскій наблюдалъ мѣстные говоры, и діалектологическій матеріалъ должны были заключать записанныя имъ въ разныхъ мѣстахъ пѣсни. Въ засѣданіи московскаго Общества исторіи и древностей 29 февр. 1824 г. читано было письмо И. С. Орлая, съ которымъ Ходаковскій, какъ мы видѣли, встрѣтился въ Гомелѣ и поддерживалъ потомъ сношенія [2]), „съ любопытными свѣдѣніями о нашихъ однородцахъ карпатороссахъ, говорящихъ кіевскимъ русскимъ нарѣчіемъ“, при чемъ къ письму этому былъ приложенъ „Образчикъ чермнорусскаго галическаго нарѣчія“, оказывающійся, впрочемъ, письмомъ Ходаковскаго, писаннымъ по-малорусски [3]).

По вопросамъ общаго языкознанія Ходаковскій имѣлъ правильные взгляды. Понимая значеніе санскрита въ общей системѣ языкознанія, онъ не раздѣляетъ однако чрезмѣрнаго увлеченія сравненіемъ сходныхъ словъ (blizkość i podo-

---

który do wygładzonej dziś mowy, przydając starożytne obrazy i zwroty, stanie się twórcą narodowej oryginalności“. Str. 5, примѣч. Янъ Снядецкій въ своемъ разсужденіи „O języku polskim“ всѣмъ, желающимъ „nauczyć ucho słodyczy języka“, совѣтуетъ послушать крестьянъ окрестностей Ярославля въ Галичинѣ. Pamiętn. Warsz., 1815, I, str. 17.

[1]) Ходаковскій отмѣчаетъ сходство псковского нарѣчія съ бѣлорусскимъ и наблюдаетъ, что „въ новгородскомъ краѣ рѣдко перемѣняютъ о на а, какъ у москвитянъ, а чаще т на ц, и послѣ д прибавляютъ з, чѣмъ совершенно обнаруживается кривицкое нарѣчіе и нѣкоторое сходство съ польскимъ. Здѣсь періоды кончаются также кривицкимъ образомъ на ши, в ш и: онъ былъ тогда пришедши. Во всѣхъ словахъ есть протяженіе, подобное напѣву, которое изображаетъ сердечную простоту. Здѣшнее нар. имѣетъ ту честь, что въ немъ нѣтъ татарскихъ словъ: конь — никогда лошадь; рынокъ, а не базаръ“ и т. д. Ср. Буличъ, op. cit., стр. 1128, 1132.

[2]) См. письмо Ходаковскаго къ Орлаю изъ СПБ. отъ 15 января 1820 г. и отвѣтъ Орлая 25 янв. 1820 г. въ Научно-Литерат. Сборн. Галицко-Русской Матицы, 1905, кн. III, стр. 89—94.

[3]) См. Труды и зап. Общ. ист. и др. росс. 1827. Лѣтописи Общ., кн. II, 1827, письмо на стр. 60—62. Ср. Научно-Лит. Сборн. Гал.-Русск. Мат., ibid., стр. 89. Буличъ, op. cit., стр. 1138.

bieństwo niektórych wyrazów niezawsze jest dowodem jednego szczepu rodów) и полагаетъ, что для успѣха польскаго языкознанія слѣдовало бы, чтобы кто-либо изъ знатоковъ польскаго языка (mocny w swoim dyalekcie) отправился въ Парижъ изучать санскритъ, а затѣмъ (za opieką Potężnego Władzcy Sławian) поѣхалъ бы въ Индію и на мѣстѣ занялся языкомъ и письмомъ санскритскимъ и согласовалъ бы его, исправилъ и примѣнилъ къ польскому правописанію.

Не подлежитъ спору, что значеніе трудовъ Ходаковскаго сильно преувеличивалось его біографами, какъ современниками, русскими и польскими, такъ и въ новѣйшее время, не исключая и послѣдней біографіи его, написанной Равитой-Гавронскимъ. А. Н. Пыпинъ [1]), разсмотрѣвъ нѣкоторые изъ панегирическихъ отзывовъ о Ходаковскомъ, справедливо отнесся къ нимъ съ сомнѣніемъ и попытался опредѣлить дѣйствительныя заслуги его. Это была, — говоритъ Пыпинъ, — оригинальная и даровитая личность, какія не разъ встрѣчаются въ исторіи славянскаго возрожденія и первыхъ проявленій народности, съ тѣми или другими чертами общаго типа. Выходя, большею частью, изъ среды самого народа, эти люди влекутся къ нему страстнымъ, хотя неяснымъ инстинктомъ; они сохраняютъ съ нимъ внѣшнюю связь — въ простотѣ нравовъ, поддерживаемой постояннымъ общеніемъ, и связь внутреннюю; имъ дороги особенности народнаго быта и міровоззрѣнія, которыя они стремятся воспринять и внести въ область литературы, гдѣ имъ хочется замѣнить народными образами и красками искусственную чуждую поэзію, и въ область исторіи, которая кажется имъ неполной и ошибочной безъ ея народнаго элемента, въ чемъ они часто угадывали истину. Подобные люди представляютъ иногда какую-то загадку своимъ появленіемъ на литературномъ поприщѣ. Что вызываетъ ихъ дѣятельность, когда, повидимому, ни обстановка, ни скудная школа не вели ихъ на эту дорогу? Остается объяснять это стихійной исторической силой, которая вызываетъ людей, когда созрѣваетъ потребность въ новомъ нравственномъ направленіи общества. Ходаковскій былъ именно такой стихійный человѣкъ.

Не получивъ основательнаго образованія, Ходаковскій однако благоговѣлъ передъ наукой и стремился на ученое

[1]) Ист. русск. этногр., III, стр. 58, 59, 67.

поприще. Сильный подъемъ научной работы, нашедшій выраженіе въ трудахъ знакомаго намъ обширнаго круга Общества друзей наукъ, увлекъ и энтузіаста-офицера наполеоновской арміи. Переживъ вмѣстѣ съ соотечественниками полное разочарованіе въ надеждахъ, возлагавшихся на Наполеона, онъ вмѣстѣ съ ними обратилъ затѣмъ взоры на Александра I и, „когда возрастала надежда, что императоръ всероссійскій приметъ въ свое покровительство поляковъ и собратнимъ образомъ соединитъ славенскія племена", онъ рѣшилъ посвятить свои силы служенію той великой идеѣ, которая руководила тогда перомъ и поэтовъ и ученыхъ и направляла дѣятельность государственныхъ мужей.

Программа такой работы была готова, и увлекательныхъ образцовъ ея имѣлось достаточно. Ходаковскій могъ выбрать изъ нихъ наиболѣе отвѣчавшіе его вкусамъ и склонностямъ. Разнообразныя разысканія гр. Яна Потоцкаго, митроп. Ст. Сестренцевича-Богуша, замѣчательная по мыслямъ программа (Obraz dzieła o początkach, obyczajach, religii dawnych Słowian) Суровецкаго, набросанная въ письмѣ къ Вороничу [1]) еще въ 1807 г., не говоря уже о пламенныхъ призывахъ поэтовъ Трембецкаго и Воронича, могли и должны были оказать на него свое вліяніе. Трудно допустить, чтобы Ходаковскій, проведя вскорѣ послѣ бѣгства изъ военной службы четыре года въ „волынскихъ Аѳинахъ" — Кременцѣ и резиденціяхъ польскихъ вельможъ, не познакомился съ современной ему ученой литературой, тѣмъ болѣе, что онъ самъ заявляетъ о занятіяхъ въ это время „своимъ предметомъ", а первый его опытъ носитъ явные слѣды такихъ изученій.

Какъ въ области славяно-русской этнографіи, такъ и въ доисторической археологіи и въ вопросахъ діалектологіи Ходаковскій имѣетъ заслуженныхъ предшественниковъ. „Языкъ земли", живой языкъ населенія и археологическія находки считаетъ матеріаломъ, обязательнымъ для историка, уже Потоцкій; значеніе историко-этнографическихъ изслѣдованій опредѣлилъ раньше Ходаковскаго Суровецкій, съ тою лишь разницей, что онъ самъ не занимался собираніемъ этого рода матеріала; монументальный Словарь Линде вызывалъ въ пытливыхъ умахъ цѣлый рядъ вопросовъ по славянскому языкознанію; но никто до Ходаковскаго не пытался столь осно-

[1]) См. выше, стр. 194.

вательно освѣтить точнѣе формулированный впослѣдствіи Надеждинымъ тезисъ: „Земля есть книга, въ которой исторія человѣчества записывается въ географической номенклатурѣ". Онъ первый обязалъ историковъ славянской древности обратиться къ этому матеріалу: „Uczoność nasza zna foljanty ledwo nie całego świata, a marnej rzeczy, nomenklatury swojej ziemi, zebranej w jeden ogół, jeszcze nie widziała". Въ этомъ постоянномъ стремленіи „читать на землѣ", а не только въ книгѣ, въ попыткѣ создать своеобразную теорію „городства", въ собраніи богатаго матеріала для доказательства ея заключается важнѣйшая заслуга Ходаковскаго. Этнографическія изученія и собираніе матеріаловъ у поляковъ начинаются тоже раньше Ходаковскаго; въ частности это можно повторить и по отношенію къ спеціально малорусскому фольклору, которому посвятилъ преимущественное вниманіе Ходаковскій; но никто до него не совершалъ паломничества „въ народъ", никто не собралъ и столь значительнаго пѣсеннаго матеріала. Оба рода изслѣдованій, историко-географическія и историко-этнографическія, идутъ у него рука объ руку.

Въ исторіи польской этнографіи 1818-ый годъ, когда появилась статья Ходаковскаго „O Słowiańszczyznie", считается новѣйшими изслѣдователями поворотнымъ годомъ. Въ этомъ разсужденіи нашли себѣ полное и яркое выраженіе всѣ неясныя, неопредѣленныя стремленія прежнихъ работниковъ на поприщѣ польской этнографіи [1]); оно сыграло роль призывнаго лозунга къ работѣ въ области фольклора [2]). Поэтическими словами призывалъ Ходаковскій къ трудной и многосложной, требовавшей извѣстнаго самоотреченія работѣ на едва тронутой у славянъ нивѣ: „Ze wschodu, kędy Oka łączy swe wody z wielką Wołgą, na zachód do ujścia rzeki Łaby, od Białego morza do wpadu Bojany w Adryatyk, a ztąd do gór Bałkańskich — jest przestwor niezmierny ziemi, do której przodkowie nasi, uchodząc zagłady, i samych siebie i zarodek nasz jakby do obiecanej ziemi doprowadzili. Szanujmy popioły tych przewodników milionowych rzeszy! Kochajmy tę ziemię, która ich przyjęła i rozrodzonym plemionom, pokoleniom sławnym byt zabezpieczyła! Niepała przywiązaniem do niej, kto wzdycha do obcego nieba, kto niewidzi na jej przestrzeni przed-

[1]) Г. Улашинъ, Изв. Отд. русск. яз. и слов., 1903, кн. IV, стр. 384.

[2]) Pamiętn. liter., I, 1902, str. 397.

miotów godnych swojej uwagi, przedmiotów, których własnością żaden z narodów Europy tegoczesnej szczycić się niemoże. Cała ziemia Sławiańska jest dla nas świętą i ogromną księgą. Czytać na niej będziemy porządnie ułożoną allegoryą wiary ojców naszych, imiona ich bogów, imiona dla nich święte, wyrazy wojny, sławy, miłości, cnoty, przyjaźni, gościnności, radości, smutku, gniewu, zemsty i wszystkich uczuciów serca" [1]).

Идеи знаменитой статьи „O Słowiańszczyznie" и послѣдовавшихъ за ней ученыхъ разысканій Ходаковскаго, еще не законченныхъ и не сведенныхъ въ систему, благодаря перепискѣ съ друзьями и появленію нѣкоторыхъ частей его трудовъ въ печати, очень быстро распространились въ ученыхъ кругахъ польскихъ и русскихъ. Это незначительное по размѣрамъ разсужденіе, вспоминаетъ Войцицкій [2]), на расхватъ и съ необыкновеннымъ увлеченіемъ читалось молодежью. Полное новыхъ идей, новыхъ взглядовъ, рисующее въ туманѣ отдаленныхъ вѣковъ дохристіанскія времена столь живописно и поэтически, оно сильно повліяло на молодые умы. Впервые мы увидали въ немъ привлекательный образъ славянства и узнали, что вѣрное отраженіе сего образа можно найти еще среди народа, что многіе обряды, пѣсни и обычаи восходятъ несомнѣнно къ дохристіанской эпохѣ. Увлеченіе, которое влилъ въ наши молодыя сердца Ходаковскій, вскорѣ принесло прекраснѣйшіе плоды. Нѣсколько человѣкъ молодежи отправились въ разныя стороны края для изученія этихъ памятниковъ; другихъ просили заняться изслѣдованіями по этимъ предметамъ въ своемъ окольѣ; многіе съ сумкой на плечахъ и палкой въ рукѣ исходили страну въ разныхъ направленіяхъ; всѣ мечтали объ открытіи историческихъ пѣсенъ, рыцарскихъ рапсодій, и хотя обманулись въ своихъ надеждахъ, тѣмъ не менѣе ими собраны были обильные плоды [3]). Молодежь, говоритъ тотъ же Войцицкій въ другомъ мѣстѣ, читала эту драгоцѣнную статью не какъ ученое разсужденіе, а какъ увлекательную поэму [4]). Такой же „исторической поэмой", говорящей больше душѣ и сердцу, нежели убѣжденію, называетъ разсужденіе Ходаковскаго и Мацѣевскій [5]). Особенный интересъ воз-

[1]) Письмо въ бумагахъ Ходаковскаго въ Имп. Публ. библ.
[2]) Warszawa, str. 112.
[3]) Тамъ же, стр. 126—127.
[4]) Cmentarz Powązk., II, str. 55.
[5]) Pamiętn. o dziejach, piśmienn. i prawod. Słowian, I, 1839, str. 9.

буждали его собранія народныхъ пѣсенъ, правда, не всѣмъ доступныя, ибо они не появлялись въ печати, но сдѣлавшіяся извѣстными заботами друзей. Въ 1818 г. въ Dzienn. Wileńskim (I, стр. 486) появились: „Dumki ze śpiewów ludu wiejskiego Czerwonej Rusi“ знакомаго намъ Ляха-Ширмы, который собственно обработалъ сюжетъ народной пѣсни изъ собранія Ходаковскаго въ двухъ стихотвореніяхъ: „Jaś i Zosia“ и „Zdanek i Halina“ [1]). Ляхъ-Ширма присоединилъ къ своимъ опытамъ интересное письмо (изъ Сѣнявы отъ 29 марта 1818 г., гдѣ въ это же время написалъ Ходаковскій свою статью „O Słowiańszczyznie“), въ которомъ высказываетъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ идей Ходаковскаго, совершенно сходныя мысли. Чрезвычайно полезно было бы, по его убѣжденію, заняться собираніемъ народныхъ сказаній, повѣстей, суевѣрій, заговоровъ, гаданій и пѣсенъ, описать свадебные и погребальные обряды и т. п. Такое, на видъ ни для чего непригодное собраніе могло бы въ значительной мѣрѣ послужить къ объясненію исторіи быта, оно пролило бы свѣтъ на исторію политическую, на религіозные обряды и божества, существовавшія у славянъ до принятія христіанства, не говоря уже о томъ, что оно было бы неизсякаемымъ источникомъ вдохновенія для поэтовъ. Призывъ Ходаковскаго, а за нимъ и Ляха-Ширмы [2]) нашелъ отголосокъ одновременно въ Вильнѣ, гдѣ Tygodnik Wil. съ 1819 г. открываетъ спеціальный отдѣлъ „Etologia“, и гдѣ вскорѣ появляется цѣлая группа бѣлорусскихъ этнографовъ, и въ Варшавѣ въ статьяхъ и поэтическихъ твореніяхъ Казимира Бродзинскаго, который съ увлеченіемъ начинаетъ зани-

---

[1]) Ср. еще его же: „Trzech krynic wyrocznia. Tłómaczenie miarowe ze Sławiańskiego“, тоже изъ сборника пѣсенъ Ходаковскаго.

[2]) Особенно энергично и убѣдительно звучатъ заключительныя слова его письма къ редактору Dzienn. Wil.: „Na równinach słowiańskich, na polach naszych przodków, między naszą bracią nastręczają się nam skromne kwiaty zachwycenia: zbierajmy je troskliwie i w duchu wdzięczności dla naszych dawnych ojców. Jeśli nie chcemy w naukach nadobnych być tylko naśladowcami, lecz i oryginalne a do tego czysto narodowe posiadać dzieła, uratujmy te starożytne zabytki, na które czas co raz ostrzejszy nastawa i grozi zatratą. Są one szczątkami gmachu niegdyś okazałego, który runął w zwaliskach, ale może nam jeszcze do wzniesienia Świątyni Narodowości za węgielny posłużyć kamień“. Исполняя данное Ходаковскому обѣщаніе, Ляхъ-Ширма описываетъ „górę Marcinowską“ въ вост. Пруссіи, недалеко отъ польской границы. См. Pamiętn. umiej. czyst. i stosow., IV, str. 272.

маться народной поэзіей вообще и славянской въ особенности [1]).

Въ то же время появляются въ польскихъ журналахъ первыя извѣстія о народныхъ сербскихъ пѣсняхъ и о знаменитомъ собирателѣ ихъ Вукѣ Караджичѣ [2]), съ которымъ польскіе любители славянства имѣли случай познакомиться лично въ Варшавѣ, на пути его въ Петербургъ.

Въ инструкціи, выработанной для славянскаго путешественника варшавской Комиссіей духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, уже какъ обязательная часть программы ученыхъ занятій его, отмѣчается изученіе простого народа, его языка, быта, костюмовъ, обычаевъ, пѣсенъ, танцевъ и т. д.; тутъ почти буквально повторяются даже слова Ходаковскаго о необходимости „zniżyć się pod strzechę wieśniaka".

Теорія русско-славянскаго „городства" тоже скоро нашла своихъ сторонниковъ. Съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ этой теоріи П. И. Кеппенъ, имѣвшій случай провѣрить примѣты Ходаковскаго личными наблюденіями и находившій замѣчанія его заслуживающими уваженія. Раковецкій въ разсужденіи „O stanie cywilnym dawnych Słowian" (стр. 5, примѣч.) настолько проникся взглядами Ходаковскаго, что по стопамъ его отмѣчаетъ въ плоцкомъ воеводствѣ курганы (называемые „okopami szwedzkiemi"), по формѣ, расположенію и разстоянію другъ отъ друга совершенно согласующіеся

---

[1]) Ср. его переводы изъ Осciана (1818), „Pieśni Madagaskaru" въ Pamiętn. Nauk., 1819, I; переводъ морлацкой пѣсни „Żona Asan-Agi", — тамъ же. Конечно, тутъ нельзя усматривать исключительно вліяніе Ходаковскаго. Ошибается Ѳ. Войцѣховскій, утверждая, что только послѣ смерти Ходаковскаго пробуждается у поляковъ увлеченіе народнымъ творчествомъ. Chrobacya, I, str. 139.

[2]) См. „Wiadomość o dziełach P. Wuka Stefanowicza Serblanina", В. Ск. Маевскаго въ Pamiętn. Nauk., 1819, I, str. 385—389. Маевскій даже изучаетъ (въ теченіе 20 часовъ!) сербскій языкъ у товарища по оружію Вука. Интересно отмѣтить слѣдующее заявленіе Маевскаго въ замѣткѣ по поводу перевода Бродзинскимъ пѣсни объ Асанъ-агиницѣ: „Nie jako wierszopis, lecz jako w zawodzie dziejowym pracujący, zebrałem wiele tego rodzaju pieśni, tudzież innych języka sławiańskiego pomników, nie tylko u ludów w starożytnej Tracyi, ale i Germanii dotąd mających siedziby i spodziewam się nierównie obfitszego zbioru". Собраніе славянскихъ пѣсенъ онъ намѣренъ былъ издать, для показанія отличій славянскихъ нарѣчій отъ санскрита, въ оригиналѣ, но польскимъ правописаніемъ. Опытъ такой транскрипціи онъ дѣлаетъ съ пѣсней объ Асанъ-агиницѣ („Szto se beli u goryiéj (sic!) źelenóy?..."). Pamiętn. Nauk., 1819, I, str. 251—256.

съ описаніями Ходаковскаго [1]). Но Шафарикъ отнесся къ теоріи его сдержанно и желалъ услышать по этому вопросу мнѣнія и другихъ ученыхъ [2]).

Неутомимые труды Ходаковскаго, — говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [3]), — несмотря на сомнительность многихъ результатовъ, не прошли безъ слѣда для науки русскихъ древностей, хотя ими до сихъ поръ невполнѣ воспользовались наши ученые археологи и историки. Но къ увлеченіямъ его слѣдуетъ отнестись снисходительно уже потому, что судьба не дала ему завершить начатыя изслѣдованія и окончательно формулировать систему „городства". Ограничившись на первыхъ порахъ лишь наружнымъ осмотромъ городищъ и могильниковъ, Ходаковскій едва успѣлъ прикоснуться къ внутреннему содержанію ихъ; раскопки его дали самые ничтожные результаты, но только потому, что они не входили въ его планы перваго года. Болѣе тщательное изученіе не только топографіи могильниковъ и ихъ названій, но и находокъ археологическихъ дало бы, несомнѣнно, большую устойчивость и его теоріи и привело бы къ болѣе точной классификаціи могилъ обслѣдованнаго имъ раіона русскаго сѣвера. Имя его останется однако навсегда тѣсно связаннымъ съ началомъ этнографическо-археологическихъ изученій у насъ и принадлежитъ въ одинаковой степени какъ наукѣ польской, такъ и русской.

---

[1]) Повидимому, мысли Ходаковскаго отражаются и въ предисловіи къ Prawdzie R., str. III, гдѣ Раковецкій говоритъ, что русскіе славяне всегда „w języku swoim błagali Najwyższego, ułatwiali wszelkie czynności publiczne i pisali dzieje narodowe". Ходаковскій скорбѣлъ, что поляки въ теченіе десяти вѣковъ своего существованія употребляли свой языкъ едва въ продолженіе двухъ столѣтій, „w obliczu zaś Boga i głów uwieńczonych nigdy".

[2]) Письма къ Погодину, стр. 172. Ср. Slov. Starož., I, str. 256—257, 566, гдѣ онъ только ссылается на мнѣніе Кеппена, защищающаго Ходаковскаго отъ нападокъ Калайдовича.

[3]) Русская Ист., I, стр. 153.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КАѲЕДРА СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ ВЪ ВАРШАВѢ. С. Б. ЛИНДЕ. ПУТЕШЕСТВІЕ А. Ф. КУХАРСКАГО.

Въ то время, когда избранникъ виленскаго университета М. К. Бобровскій начиналъ свое знаменитое путешествіе, посвященное, какъ мы видѣли, въ значительнѣйшей части изученію славянской письменности, въ Варшавѣ основанъ былъ Королевскій Александровскій университетъ, въ которомъ съ перваго же года рѣшено было открыть спеціальную каѳедру славянскихъ нарѣчій (въ январѣ 1817 г.). Знаменательный въ исторіи польской науки фактъ отмѣченъ былъ русскими журналами [1]), какъ выдающееся событіе. Страннымъ образомъ, наиболѣе подходящій и въ сущности единственный кандидатъ на эту каѳедру, знаменитый лексикографъ С. Б. Линде, занимавшій тогда должность ректора варшавскаго Лицея, приглашенъ былъ читать лекціи по философіи. Правда, онъ согласился взять на себя этотъ трудъ только на время, по случаю отказа по болѣзни проф. Забеллевича, но тѣмъ не менѣе и такое предложеніе со стороны организаторовъ новаго университета являлось нѣсколько неожиданнымъ [2]).

Такое положеніе дѣла продолжалось только годъ. Въ январѣ 1818 г. Совѣтъ наконецъ обратилъ вниманіе на пу-

---

[1]) См., наприм., Вѣстн. Евр., 1817, ч. 94, стр. 162. Моск. Вѣстн. еще въ 1830 г., ч. 2, стр. 393, вспоминалъ, что „при основаніи Варшавскаго унив. опредѣлено быть въ ономъ и каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій". Рѣчь Швейковскаго при открытіи унив. перевелъ Украинск. Вѣстн., XII, 1818, окт.

[2]) См. T. Wierzbowski, Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego, II (1526—1830), Warszawa, 1904, str. 174, 175—176.

стующую каѳедру, по его мнѣнію, чрезвычайно необходимую и важную для только-что возникшаго университета, и, заручившись согласіемъ Линде, представилъ его Правительственной Комиссіи исповѣданій и просвѣщенія въ качествѣ лица, желающаго взять на себя чтеніе курса славянскихъ нарѣчій. Линде былъ выданъ „патентъ на званіе профессора славянскихъ нарѣчій“ [1]). Начало чтеній по этому предмету предполагалось, очевидно, лишь въ новомъ академическомъ году, такъ какъ только 22 сентября 1818 г. Линде получилъ отъ Комиссіи запросъ, когда онъ могъ бы открыть чтеніе курса. Дѣло приняло къ этому времени новый оборотъ. Поглощенный больше, чѣмъ когда-либо, дѣлами Лицея вслѣдствіе реорганизаціи его, по случаю ухода нѣкоторыхъ профессоровъ въ университетъ, Линде (3 окт. 1818 г.) вдругъ заявилъ о своемъ отказѣ отъ каѳедры, мотивируя такое рѣшеніе отчасти и тѣмъ, что молодежь мало подготовлена къ новому предмету [2]).

Но вліяніе идей и работъ Линде было велико при всей непродолжительности его профессорской дѣятельности въ университетѣ. Въ самый незначительный періодъ времени изъ школы Линде вышли два ученика, съ увлеченіемъ посвящавшіе свои дарованія изученію славянскихъ языковъ и славянства вообще. Одинъ изъ нихъ, Раковецкій, своимъ изслѣдованіемъ о Русской Правдѣ сразу занялъ почетное положеніе среди славянскихъ ученыхъ; другой, А. Кухарскій, послѣ пятилѣтняго путешествія по славянскимъ землямъ, съ честью и пользою могъ бы поработать на каѳедрѣ роднаго университета, если бы обстоятельства сложились для него благопріятнѣе. Какъ учитель, Линде съ чрезвычайнымъ участіемъ относился къ судьбѣ своихъ учениковъ, особенно интересуясь успѣхами перваго изъ нихъ. Но обоимъ, и Раковецкому и Кухарскому, пришлось преждевременно прервать свои научныя работы и сойти съ того пути, на который они вступали съ горячей преданностью новымъ изученіямъ и искреннимъ увлеченіемъ ими. Самъ Линде въ эти годы

[1]) Ibid., str. 184.

[2]) „... Gdy dalej zważam, że praca moja tu (w Liceum) potrzebniejszą i konieczniejszą jest, niż w katedrze, do której słuchania młodzież, ile ją znam, nie kwalifikuje się, a tyle ma nauk daleko dla niej pilniejszych, zatem teraz kursu tego nie otwieram; co do niepewnej zaś przyszłości nic stanowić nie chcę, ani mogę, kończąc z prośbą, iżby imię moje w spisie godzin Szkoły Głównej pominionem zostało.“ Ibid., str. 187—188.

продолжаетъ свои работы въ области славянскихъ изученій, перейдя по окончаніи Словаря къ вопросамъ преимущественно литературнымъ. Общее движеніе польскаго передового общества въ сторону русской литературы, совершившееся подъ вліяніемъ извѣстныхъ намъ политическихъ событій начала XIX ст., захватило и увлекло и знаменитаго лексикографа.

Замѣчательный для своего времени библіографическій „Опытъ“ Сопикова далъ матеріалъ для обширнаго разсужденія Линде о русской литературѣ [1]). Разборъ этотъ написанъ былъ съ большимъ знаніемъ предмета. „Здѣсь, — говорилъ Каченовскій о статьѣ Линде, — не дерзкой говорунъ выступаетъ съ ребяческою своею рецензіею, наполненною смѣшнымъ и вмѣстѣ жалкимъ умничаньемъ, вопросительными и восклицательными знаками; здѣсь мужъ, всему ученому свѣту извѣстный обширными познаніями по части литературы славянскихъ нарѣчій, предлагаетъ зрѣлыя замѣчанія свои на полезную книгу, исправляетъ въ ней существенныя погрѣшности, дополняетъ недостатки и отдаетъ должную справедливость трудолюбивому ея автору“. Цѣль статьи составлялъ не столько разборъ книги Сопикова и указаніе промаховъ ея, сколько внимательное разсмотрѣніе сухого библіографическаго матеріала, съ извлеченіями изъ него такихъ вещей, которыя представляли интересъ для польскаго читателя. „Симъ способомъ, — говорилъ самъ Линде, — хотѣлъ я соотечественникамъ своимъ предложить по крайней мѣрѣ самыя нужнѣйшія извѣстія о литературѣ того славнаго и могущественнаго народа, съ кото-

---

[1]) „O literaturze Słowiańsko-Rossyjskiej“, въ ж. Pamiętnik Warsz., 1815—1816, II, 441; III, 14, 134, 277; IV, 3, 285; V, 3, 125. Сокращенный переводъ Каченовскаго въ Вѣстн. Евр., 1816, ч. 90, № 21, стр. 110—136, № 23, стр. 230—244. Ср. еще Библіогр. Зап., III, 1861, стр. 550—552. А. Н. Пыпинъ, Ист. русск. этногр., IV, стр. 30 и сл. Замѣчанія Линде касаются только первыхъ трехъ частей труда Сопикова. См. приложенія, стр. VI, о пріемѣ, оказанномъ статьѣ Добровскимъ. Быть можетъ, Линде принадлежитъ и статья въ томъ же Pamiętn. Warsz., 1816, VI, str. 53—64: „Obraz systematyczny literatury w Rossyi w przeciągu lat 5, od 1801 do 1805 roku, z dołączeniem uwag nad bibliografiią polską“ (по Г. Шторха и Фридр. Аделунга: „Systematisches Uebersicht der Literatur in Russland“, 1811). Авторъ выражаетъ желаніе, чтобы и у поляковъ появлялись подобныя систематическія обозрѣнія польскихъ книгъ. Разборъ Линде въ Pam. Warsz., по его словамъ, „od publiczności polskiej nader łaskawie przyjętym został, jako krótki rys historyi literatury ruskiej“.

рымъ тѣсными узами соединяютъ насъ и древнее родство и нынѣшнее политическое, опредѣленное судьбою, наше существованіе".

Линде беретъ на себя трудъ разсмотрѣнія книги Сопикова только потому, что глубоко убѣжденъ въ полезности такой работы. Литература родственныхъ народовъ, какъ и языки ихъ, заслуживаетъ вниманія поляковъ „и по причинѣ взаимной сопредѣльности между ними, и для взаимнаго объясненія, и для общаго всѣмъ имъ обогащенія, и наконецъ ради соперническаго стремленія къ первенству. Поэтому, — заключаетъ онъ, — и извѣстіе о россійской словесности, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нашего отечества, не можетъ не быть любопытнымъ для поляковъ, хотя бы оно было даже и неполно".

Отмѣтивъ пропуски и неточности Сопикова въ исчисленіи именъ библіографовъ и въ изложеніи важнѣйшихъ фактовъ книгопечатанія „у славено-руссовъ", Линде дѣлаетъ весьма цѣнныя самостоятельныя указанія. Онъ не одобряетъ принятаго Сопиковымъ обозрѣнія книгъ церковной печати независимо отъ печатанныхъ гражданкой; находитъ, что авторъ не опредѣлилъ съ надлежащею точностью, что̀ онъ разумѣетъ подъ языкомъ церковнымъ и печатью церковною; что, задавшись цѣлью помѣстить въ своемъ „Опытѣ" все, что̀ издано „на разныхъ отрасляхъ языка славянскаго", онъ однако не выдерживаетъ этого плана. Перечисляя, напр., старыя чешскія библіи (однако, неполно и съ промахами), онъ не называетъ библій польскихъ, напр., Яна Леополиты, Вуйка или хотя бы библіи Буднаго, тѣмъ болѣе, что Сопиковъ говоритъ о катехизисѣ того же Буднаго, изданномъ въ Несвижѣ для простыхъ людей русскаго (руськаго) языка. Вообще, какъ замѣчаетъ Линде, Сопиковъ совсѣмъ не упоминаетъ о польскихъ сочиненіяхъ даже тѣхъ нашихъ авторовъ, которые и въ церковномъ языкѣ и въ польскомъ равно были искусны, напр., Мелетія Смотрицкаго, Голятовскаго, Барановича, Коссова, Саковича, Зизанія; онъ молчитъ даже и въ такихъ случаяхъ, когда одно и то же сочиненіе издано было на церковномъ языкѣ и особо на польскомъ, напр., Мелетія Смотрицкаго Апологія и Плачъ (Ѳриносъ).

Нѣсколько неожиданнымъ, по справедливому замѣчанію Пыпина [1]), является причисленіе западно-русскихъ пи-

[1]) Ист. русск. этногр., IV, стр. 30.

сателей къ числу польскихъ авторовъ, но для Линде въ данномъ случаѣ точкой отправленія была не національность этихъ писателей, а ихъ дѣятельность въ предѣлахъ Польши. На этой точкѣ зрѣнія онъ стоитъ и въ другихъ мѣстахъ своего обширнаго разбора.

Наиболѣе цѣнны, несомнѣнно, чисто литературно-библіографическія дополненія и поправки Линде. Въ вопросахъ лингвистики, напр., отношенія бѣлорусскаго нарѣчія къ польскому языку, онъ не стоитъ на высотѣ требованій даже своего времени, считая оба языка, въ изданномъ въ Вильнѣ въ 1596 г. поученіи св. Кирилла Іерусалимскаго объ „Антихристѣ и его знакахъ", почти сходными и различающимися только въ окончаніяхъ словъ, склоненіяхъ именъ и спряженіяхъ глаголовъ.

Обозрѣвая, на основаніи работы Сопикова и собственныхъ матеріаловъ и соображеній, исторію старо-славянскаго книгопечатанія и литературы, Линде приходитъ къ выводу, что ходъ просвѣщенія племенъ славянскихъ имѣлъ направленіе свое отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Въ этомъ движеніи онъ отмѣчаетъ сильное участіе Польши, такъ какъ первыя церковно-славянскія типографіи основаны были въ Краковѣ и въ западно-русскихъ областяхъ Польши (Кіевъ, Супрасль, Почаевъ, Несвижъ, Львовъ, Вильно). Перечисливъ всѣ типографіи церковнаго языка, бывшія на Руси, въ Польшѣ, Германіи, Венгріи, Швеціи, Голландіи, Молдавіи, и ихъ изданія, Линде наконецъ достигаетъ той важной эпохи, когда россійская литература, новая отрасль славянской, съ такою быстротой поднялась и расширилась, что уже совершенно затмѣваетъ послѣднюю и беретъ верхъ надъ старинною. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ прекращается и то участіе, которое поляки имѣли въ старинной славянской литературѣ, равно какъ и въ русской (руською).

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ этой рецензіи, за нѣсколько лѣтъ до знаменитаго „Разсужденія" (1820) Востокова, съ котораго считаютъ возникновеніе мысли объ исторіи славянскаго языка, Линде высказалъ мимоходомъ любопытныя соображенія о возможности историческаго изученія языка. Эти соображенія показались очень странными русскому переводчику его статьи, Каченовскому, но на самомъ дѣлѣ они угадывали будущій вопросъ науки. По поводу отношеній западно-русскаго и польскаго языка Линде замѣчалъ: „Можно бы весь составъ славянскаго языка хронологически распо-

ложить на эпохи такимъ образомъ: 1) на эпоху предславянскую, 2) на эпоху славянскую, 3) на эпоху нарѣчій, 4) на эпоху макаронизмовъ, послѣдованія вѣковъ, сосѣдствъ, связей политическихъ и торговыхъ и пр." Каченовскій отнесся съ недоумѣніемъ къ этой хронологіи въ жизни славянскихъ языковъ и, не понимая основной мысли Линде, сомнѣвался, чтобы такое раздѣленіе могло къ чему-нибудь послужить. Мысль Линде между тѣмъ была ясна: онъ, очевидно, думалъ, что наука можетъ поставить вопросъ о той до-исторической эпохѣ, когда славянскій языкъ еще не выдѣлился въ особую отрасль, той эпохѣ, которая называется теперь арійскою; эпоха славянская обозначаетъ тотъ, предполагаемый теперь наукою, періодъ, когда славянская отрасль уже выдѣлилась изъ арійскаго цѣлаго, но еще сохранила свое единство и не дѣлилась на отдѣльныя группы племенъ и нарѣчій, и т. д.

Разсмотрѣнную статью Линде можно считать вступительнымъ этюдомъ къ первой части задуманной имъ обширной исторіи литературъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Начало цѣлой серіи отдѣльныхъ очерковъ славянскихъ литературъ должна была положить книга, посвященная литературѣ самаго большого и ближайшаго народа русскаго.

Послѣ перваго опыта по изученію русской письменности и послѣдовавшей вскорѣ за нимъ работы „O Statucie Litewskim" (1816), Линде, однако, надолго замолкъ: отъ научной работы его отвлекали служебныя дѣла. Но ученая бездѣятельность тяготила его, а близкіе друзья настойчиво призывали его вернуться на столь неожиданно покинутый путь [1]), и онъ обращается вновь къ излюбленной работѣ.

Мысль изданія всеобщей исторіи славянскихъ литературъ занимала Линде давно. Безошибочно можно сказать, что она явилась если не одновременно съ идеей сравнительнаго славянскаго словаря, то возникла, какъ прямое слѣдствіе подготовительныхъ занятій къ этому труду, а можетъ быть, и еще раньше — при первомъ знакомствѣ его съ фактами славянскихъ литературъ въ періодъ составленія знаменитаго Słownika.

Осуществить собственными силами такой огромный и сложный планъ Линде не могъ и поэтому вынужденъ

[1]) Такъ, гр. Оссолинскій во II т. „Wiadomości hist.-kryt." обращался къ Линде: „Czemuż, kochany mój Przyjacielu, tak piękny zadawszy początek wykładania nam literatury Cerkiewnej, usunąłeś się nagle z tej drogi?

былъ обратиться къ содѣйствію своихъ славянскихъ друзей. Повидимому, въ задачи его не входила самостоятельная обработка, при помощи доступныхъ пособій, отдѣльныхъ обзоровъ по исторіи литературы различныхъ славянскихъ народовъ. Для этого потребовалось бы много времени и средствъ. Линде смотрѣлъ на свою задачу проще [1]). На основаніи перваго опыта его можно заключить, что и прочіе обзоры представлялись ему въ той же формѣ, въ какую отлился первый опытъ: въ основу былъ бы положенъ какой-либо избранный трудъ по исторіи литературы, а въ видѣ дополненій были бы присоединены статьи, освѣщающія или цѣлые періоды, или посвященныя отдѣльнымъ писателямъ. Но и при такомъ взглядѣ на дѣло выполненіе всей программы представляло множество затрудненій. Планъ „всеславянской литературы" Шафарикъ считалъ неосуществимымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ составлены необходимѣйшія библіографическія пособія по отдѣльнымъ славянскимъ литературамъ. „Только тогда Линде въ состояніи будетъ осуществить свою идею всеславянской литературы въ 10—12 томахъ", писалъ онъ по этому предмету Коллару [2]). Въ польской литературѣ можно было указать на пособіе подобнаго рода, а именно на книгу Бентковскаго [3]), но у другихъ славянъ ничего такого еще не имѣлось.

Въ декабрѣ 1822 г Линде знакомитъ съ своимъ ученымъ планомъ Добровскаго [4]). Только что окончивши поль-

---

Część ta jest nawet ważna naszej ogólnej literatury, i na kogoż może słuszniejszem przypadać prawem, jeżeli nie na tego, co tak biegle porównał z sobą dyalekty Słowiańskie?..."

[1]) Въ предисловіи къ переводу книги Греча онъ вспоминаетъ, что уже, издавая на нѣмецкомъ языкѣ изслѣдованіе Оссолинскаго о Кадлубкѣ, онъ оправдывался въ томъ, что не можетъ заняться какимъ-либо оригинальнымъ трудомъ, который требуетъ свободнаго времени и свободной работы мысли. Различныя оффиціальныя занятія и слабое здоровье были помѣхой этому. Работая урывками, онъ могъ заняться лишь болѣе легкой задачей (przerwane chwile — jedynie łatwiejszym, mniej ciągłym robotom poświęcić mogę). Przedmowa, str. II.

[2]) Č. Č. Mus., 1873, str. 146.

[3]) Шафарикъ, замѣтимъ здѣсь, ставилъ ее въ образецъ Юнгманну, какъ такую, въ которой мастерски (mistrovně) соединена была библіографія съ исторіей литературы. Č. Č. Mus., 1873, str. 406. „Книга образцовая!" отозвался о ней митроп. Евгеній въ письмѣ къ Анастасевичу 3 сент. 1820 г. Русск. Арх., 1889, VII, стр. 367.

[4]) Приложенія, стр. IX—X. Одновременно пишетъ о томъ же и Ганкѣ. См. Письма къ В. Ганкѣ изъ слав. земель, стр. 621. Письма от-

скую обработку „чрезвычайно важнаго“ труда своего друга Греча, Линде желалъ бы издать еще нѣсколько томиковъ (noch ein Paar Bändchen) по исторіи литературы прочихъ славянскихъ народовъ, чтобы такимъ образомъ имѣть заслугу въ ознакомленіи своихъ соотечественниковъ не только съ славянскими нарѣчіями, но и съ культурной исторіей славянскихъ братьевъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ расчитываетъ главнымъ образомъ на дружеское ученое содѣйствіе и наставленія Добровскаго. Арсеналъ ученыхъ пособій, которыми располагалъ Линде, былъ весьма скуденъ: Исторія чешской литературы Добровскаго въ изд. 1792 г., одинъ вып. Slovanky; для дубровницкой литературы имѣлась только извѣстная книга Аппендини, а о литературѣ словинцевъ онъ зналъ только то, что нашелъ въ Slovance и въ грамматикѣ Копитаря [1]). „Geehrter Meister, — умолялъ онъ Добровскаго, — nehmen Sie mich wieder in dieser Hinsicht in die Lehre, so wie ehedem in Rücksicht der Sprache“.

На эту просьбу до конца февраля 1823 г. Добровскій не далъ никакого отвѣта. Къ этому времени было отпечатано уже девять листовъ перевода книги Греча; по окончаніи изданія Линде желалъ бы приступить непосредственно къ составленію очерка чешской литературы, но задержка была за необходимыми книгами. „Wie arm bin ich in Bohemicis!“ жалуется онъ другу-аббату и вторично перечисляетъ свои скудныя пособія. Небогата была ими и варшавская библіотека, а недостатокъ средствъ не позволялъ пріобрѣсти славянскія изданія. Линде былъ въ непріятнѣйшемъ положеніи. При такихъ обстоятельствахъ немудрено было потерять всякую охоту продолжать начатое изданіе, но онъ не падаетъ духомъ, вѣря въ помощь друзей и находя утѣшеніе въ литературной работѣ. „Vermehren Sie diesen literärischen Trost mit That und Rath, mein erfahrener Freund“, заключалъ онъ свое письмо Добровскому. Но аббатъ, повидимому, молчалъ и дальше.

Въ августѣ 1823 г. Шафарикъ писалъ Коллару на основаніи какихъ-то, вѣроятно, пражскихъ сообщеній, что помочь

правлены были съ гр. Игн. Соболевскимъ, министромъ-статсъ-секретаремъ Царства Польскаго.

[1]) См. прилож., стр. XI. Ср. еще письмо къ I. Юнгманну отъ 14 дек. 1822 г. съ той же просьбой о содѣйствіи: „Nur Hülfe! ich will gern für Slawen und Pohlen thätig sein“. Zelený, Život J. Jungmanna, str. 400.

Линде въ его предпріятіи яко бы взялся Палацкій [1]), но, повидимому, слухъ этотъ ни на чемъ не былъ основанъ. Ганка и Юнгманнъ готовы были оказать помощь Линде [2]) по части чешской литературы, но предварительно желали познакомиться съ книгой Греча, чтобы имѣть ясное представленіе о намѣреніяхъ Линде и образецъ, которому надо было слѣдовать. Ганка немедленно заказалъ себѣ эту книгу, но до апрѣля 1823 г. не могъ получить ее: обычный путь черезъ Лейпцигъ былъ необыкновенно длиненъ. Напрасно ожидалъ ея и Юнгманнъ. Матеріалы однако, какъ увѣрялъ Ганка Линде, и у него и у Юнгманна были кое-какіе приготовлены. Отъ Раковецкаго Линде получилъ уже раньше въ рукописи статью Ганки, — собственно экстрактъ изъ исторіи чешской литературы Добровскаго съ дополненіями [3]). Для исторіи иллирійской литературы Ганка рекомендовалъ бы Линде Караджича, но такъ какъ Вукъ какъ разъ проѣхалъ черезъ Прагу въ Галле, гдѣ намѣренъ былъ заняться медициной, то вмѣсто него Ганка совѣтовалъ обратиться къ другу своему, директору и профессору новосадской гимназіи П. Шафарику. Отзывъ о немъ Ганки долженъ былъ убѣдить Линде, что лучшаго помощника онъ по этой части не найдетъ. Даже по религіи Шафарикъ оказывался единовѣрцемъ лексикографа! Но о какихъ-либо переговорахъ его съ Шафарикомъ мы ничего однако не знаемъ [4]).

Переводъ Линде вышелъ въ Варшавѣ въ началѣ 1823 г. п. з.: „Mikołaia Grecza Rys historyczny Literatury Rossyyskiey etc.; книга посвящена была Н. Н. Новосильцеву. Другое, общее для всей предположенной серіи очерковъ славянскихъ литературъ заглавіе было: „Rys historyczny Literatury Narodów Słowiańskich“. Переводчикъ выражалъ въ посвященіи увѣренность, что трудъ, раскрывающій предъ взорами читателя историческую картину успѣховъ русской ли-

---

[1]) „Palacký na způsob Greče hotuje historii lit. české pro Lindeho, který lit. všeslovanskou vydati míní“. Č. Č. Mus., 1873, str. 146, 148.

[2]) См. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 622.

[3]) Тамъ же, стр. 620, 621. Эта статья была напечатана въ Gazeci liter., 1822, № 13, str. 145—152, подъ загл.: „Rzut oka na obecny stan literatury czeskiej“.

[4]) Въ письмѣ къ Коллару (24 мая 1823 г.) Шафарикъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ говоритъ о замыслѣ Линде: „Linde vydává historii literatury všeslovanské — míní pak to přeobšírně vypracovati“. Č. Č. Mus., 1873, str. 138.

тературы, столь богатой и непрестанно быстрыми шагами идущей впередъ, долженъ привлечь живѣйшее вниманіе поляковъ.

Нѣсколько неожиданная честь, выпавшая на долю книги Греча, вызвала изумленіе въ русской журнальной критикѣ [1]), но Линде былъ глубоко убѣжденъ въ достоинствахъ ея и такъ оправдывалъ свое рѣшеніе сдѣлать ее доступной для соотечественниковъ: „Сіе сочиненіе должно обратить на себя вниманіе не только поляковъ, но и всѣхъ любителей исторіи человѣчества, ибо авторъ онаго каждый изъ трехъ періодовъ въ двухъ главныхъ раздѣленіяхъ своей Исторіи начинаетъ изображеніемъ политическаго состоянія Россіи и, переходя постепенно къ исторіи просвѣщенія вообще, упоминаетъ въ приличныхъ мѣстахъ о состояніи торговли и усовершенствованіи оной, о морскихъ и сухопутныхъ географическихъ открытіяхъ, о монетахъ, флотѣ, войскѣ, о введеніи въ Россіи книгопечатанія, объ учрежденіи учебныхъ и ученыхъ заведеній и пр. и пр. Послѣ сего изъясняетъ измѣненія языка въ разныя эпохи, говоритъ объ успѣхахъ въ составленіи словарей и грамматикъ и за симъ переходитъ къ исторіи самой литературы и театра, гдѣ исчисляетъ біографически и библіографически всѣхъ писателей каждой эпохи и періода. Такимъ образомъ, почтенный авторъ представляетъ намъ исторію образованности (civilisation) и просвѣщенія могущественнѣйшаго въ наше время народа, исторію тѣмъ болѣе занимательную, что она искусно составлена въ отношеніи къ раздѣленію времени, изложенію предметовъ и изъясненію причинъ, ускорявшихъ или замедлявшихъ успѣхи просвѣщенія.“ Иностранная ученая критика отзывалась съ похвалой какъ объ оригиналѣ Греча, такъ и объ обработкѣ Линде [2]).

Но Линде не удовлетворился простымъ переводомъ книги Греча: кое-гдѣ онъ сдѣлалъ необходимыя исключенія (напр., ограничился лишь краткимъ изложеніемъ содержанія статей, выбранныхъ Гречемъ изъ древнихъ писателей), въ другихъ случаяхъ присоединилъ цѣлыя статьи по

[1]) См. отзывъ о переводѣ Линде Ѳ. Булгарина въ Сѣв. Арх., 1823, ч. VII, стр. 401, библіографія.

[2]) „Eine genauere Prüfung dieser Bearbeitung erweckt die höchste Achtung für die Talente des Verfassers und des Übersetzers, welche denselben Eifer und Enthusiasmus zu theilen scheinen.“ Götting. gelehrte Anzeig., 1824, St. 98, S. 969.

русской литературѣ различныхъ авторовъ [1]) и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія и дополненія. Очевидно, не расчитывая продолжать задуманное изданіе, доставившее ему множество хлопотъ, Линде выражалъ въ концѣ предисловія желаніе, чтобы кто-нибудь изъ польскихъ ученыхъ взялъ на себя трудъ продолжать начатое имъ дѣло составленія исторіи литературъ всѣхъ славянскихъ народовъ, и указывалъ матеріалы, которыми можно бы воспользоваться для этой цѣли. „Мы, — говорилъ по этому поводу Булгаринъ, — повторяемъ сіе желаніе въ отношеніи къ русскимъ ученымъ. Россія, какъ первенствующая держава предъ всѣми прочими славянскими странами, должна показать сей великій примѣръ любви ко всему народному: Славяне не чуждые Россіи!“ Но призывъ и Линде и Булгарина остался безъ отклика.

Отмѣтимъ здѣсь однако одинъ литературный фактъ, свидѣтельствующій о томъ вниманіи, съ какимъ относились польскіе ученые къ славянскимъ литературамъ, стараясь распространить свѣдѣнія о нихъ не только у себя дома, но и среди западно-европейскаго общества.

Съ университетской каѳедры хоть кое-что о славянской народной поэзіи и языкахъ слушатели могли узнать изъ лекцій К. Бродзинскаго [2]); часть западно-европейскихъ любителей просвѣщенія взялся познакомить съ славянами, преимущественно съ поляками, другой варшавскій профессоръ.

---

[1]) Это были статьи: I. О пѣсни Игоря, изъ соч. Карамзина. II. Объ успѣхахъ промышленности въ Россіи, соч. А. Корниловича (изъ Сѣв. Арх., 1823, № 1). III. Взглядъ на успѣхи духовнаго краснорѣчія, соч. Каченовскаго. IV. Вечеръ у Кантемира, соч. Батюшкова. V. Мнѣніе о похвальныхъ словахъ Ломоносова, соч. Каченовскаго. VI. Взглядъ на старую и новую словесность, соч. А. Бестужева. VII. Краткое обозрѣніе Россійской лит. (изъ Сѣв. Арх., 1823, № 5). VIII. Собраніе матеріаловъ къ исторіи просвѣщенія въ Россіи, соч. П. Кеппена. „Dieses Supplement vervollständigt die Begriffe, welche ein Ausländer wünschen kann, um seine Ansicht über den litterarischen Zustand Russlands zu begründen. Die Stellen sind mit Urtheil ausgewählt,“ признавалъ рецензентъ Götting. gel. Anzeigen.

[2]) См. его: „Rozkład rocznego kursu historyi krytycznej literatury polskiej“, гдѣ лекція 3 и 4 озаглавлена: „O stanie cywilnym Sławian i ich poezyi z czasów pogańskich, odrębność ich obyczajów i ducha poezyi od południowych narodów“; лекція 5: „Początek i historya języka sławiańskiego i rozwinięcie się jego dyalektów od wprowadzenia chrześciaństwa“; лекція 6: „O składni filozofii, tudzież o piękności poetycznej języków sławiańskich i że wszystkie dyalekty są dopełnieniem wzajemnem swego bogactwa i piękności“. Wierzbowski, op. cit., str. 202.

Въ 1823 г. вышли въ Эдинбургѣ интересныя „Письма о Польшѣ“ (Letters of Poland, comprising observations on Slavonian nations and tribes. 8°, 382 стр.). Имя автора ихъ было скрыто, но извѣстно было, что они принадлежатъ проф. варшавскаго унив. Христину Ляхъ-Ширмѣ [1]). Содержаніе этихъ писемъ, посвященныхъ не только полякамъ, но и другимъ славянамъ, въ главнѣйшихъ частяхъ было слѣдующее. Письмо первое говорило о славянской традиціонной поэзіи (tradycyjna poezya), чешскихъ преданіяхъ, славянскихъ бардахъ, объ остаткахъ языческихъ обычаевъ, пѣсняхъ и ихъ собраніяхъ, въ заключеніе представлена была общая характеристика славянства. Второе письмо посвящено было славянской народной поэзіи, ея элементамъ и видамъ, миѳологіи, суевѣріямъ и т. п. Въ третьемъ письмѣ данъ былъ обзоръ современной литературы всѣхъ славянскихъ народовъ (Rzut oka na literaturę w Illiryi, Morawii, Czechach, Rossyi i Polsce. Zawady cywilizacyi sławiańskich pokoleń. Ich dążenie do zjednoczenia się). Слѣдующія письма посвящены были спеціально Польшѣ и успѣхамъ ея литературы, науки и просвѣщенія. Авторъ ихъ имѣлъ въ виду познакомить англичанъ съ славянскимъ міромъ и въ то же время попутно исправить тѣ ложныя представленія и предразсудки о славянствѣ, которые всегда распространены были на западѣ. Книга была встрѣчена сочувственно въ Англіи и вызвала замѣтку въ The New Monthly Magazine and Literary Journal (April, 1823), но особеннаго распространенія уже благодаря языку, на которомъ была написана, имѣть не могла. Только съ появленіемъ труда Шафарика могли наконецъ утвердиться на западѣ Европы вѣрныя представленія о славянствѣ.

Шафарикъ, давно работавшій надъ сводомъ важнѣйшихъ свѣдѣній по исторіи славянскихъ литературъ, только въ 1826 г. выпустилъ въ свѣтъ свою знаменитую: „Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten“ (Ofen). Книга Шафарика произвела особенное впечатлѣніе на поляковъ. Изъ Вѣны отъ имени сорока двухъ соотечественниковъ писалъ ему студентъ-медикъ Маріанъ Закржевскій (de Ogończyk) и послалъ въ выраженіе своихъ симпатій

---

[1]) Astrea, Pamiętnik Narodowy Polski, 1825, № 1, str. 16—22. Славянскими литературами Ляхъ-Ширма занимался и раньше. Ср., напр., его замѣтку „O literaturze czeskiej“ въ Dzienn. Wileńsk., 1821, II, str. 291—294.

экземпляръ „Сивиллы“ Воронича [1]). Польскія ученыя общества избрали Шафарика своимъ членомъ: краковское въ 1826 г., а варшавское, одновременно съ I. Юнгманномъ, по предложенію Бродзинскаго въ 1827 г. [2]). По слухамъ, которые дошли до Кухарскаго, кто-то въ Варшавѣ приступилъ даже къ переводу „Geschichte der slaw. Sprache“ [3]). Въ отзывѣ Мохнацкаго [4]) о трудѣ Шафарика отмѣчены были всѣ достоинства книги [5]), и въ заключеніе высказано было желаніе, чтобы польская литература обогатилась переводомъ ея [6]).

Съ трудомъ Шафарика, какъ мы указали выше (стр. 163), познакомилъ Бандтке Караджичъ. Уже въ письмѣ къ Доб-

---

[1]) K. Jireček, Šafařik mezi Jihoslovany, str. 95.

[2]) См. представленія о нихъ Бродзинскаго (отъ 10 янв. 1827 г.) у Д. В. Цвѣтаева, Царь Василій Шуйскій. II, кн. II, Варшава, 1901, стр. CCXXXVI—VIII, и отвѣтныя письма I. Юнгманна и Шафарика. Ср. Kraushar, op. cit., III, III, str. 361, 452—456. Книгу Шафарика въ Варшавѣ получили скоро, такъ какъ уже 15 ноября 1826 г. въ засѣданіи отд. наукъ избрана была „депутація“ въ лицѣ Бентковскаго и Бродзинскаго „do roztrząśnienia dzieł Schaffarika i Jungmanna, traktujących o literaturze słowiańskiej, w tym roku drukiem ogłoszonych, i do zdania o nich sprawy“. Kraushar, op. cit., III, III, str. 255. Въ числѣ подписчиковъ на нее значится въ Варшавѣ только „Die königl. Bibliothek“.

[3]) „Słyszałem, że tam ktoś w Warszawie Szafarzyka na język polski przekłada: życzę mu szczęścia, ale ciekawy jestem, jak poprawi błędy Sz. (напр., Farnik вм. Jarnik) i jak przełoży liczne imiona własne różnych miejsc słowiańskich, które w Sz. stoją po niemiecku.“ Письмо изъ Любляны отъ 1 ноября 1828 г. Gazeta Polska, 1828, № 331. Едва ли этимъ переводчикомъ могъ быть Линде: о немъ Кухарскій выразился бы иначе.

[4]) Сохранился въ рукоп. въ Ягеллонской библ., № 1013.

[5]) „Rozkład całego dzieła jest systematyczny, porządny i jasny. Na szczególniejszą jednak uwagę zasługują najprzód badania filologiczne, które szczególniej w przypiskach dają niepospolite wyobrażenie o rozległych wiadomościach autora, a powtóre szczerą jego chęć w wywróceniu błędnych opinii, które się były tak daleko za naszych czasów rozpostarły w Europie o cywilizacyi, literaturze i obyczajach narodów, pochodzących ze szczepu słowiańskiego. Szaffaryk należy do rzędu tych rzadkich pisarzy, których pisma dla rozsądku, gruntowności i umiarkowania w zdaniach zawsze z pożytkiem czytane będą. Въ особую заслугу Шафарику Мохнацкій ставитъ то, что въ своемъ изложеніи онъ „ściśle trzyma się granic prostej narracyi, unikając jak najstaranniej w materyi tak drażliwej wszelkich zasad i wyobrażeń, cechujących pod jakimkolwiek względem ducha dzisiejszego liberalizmu. Niemasz w jego dziele żadnego zdania, któreby wymierzone było przeciwko religii, obyczajności lub trąciło jakową we względzie politycznym dwojznacznością.“

[6]) Dzienn. Wileński, 1827, HL. III, str. 65, помѣстилъ извлеченіе изъ книги Шафарика: „Wiadomość statystyczna o narodach słow. plemienia w pierwszej połowie XIX w.“

ровскому [1]) Бандтке отозвался о книгѣ съ похвалой, но не могъ не отмѣтить и нѣкоторыхъ промаховъ автора. Въ тотъ же годъ, когда появился извѣстный строгій отзывъ Добровскаго, онъ напечаталъ свою небольшую рецензію въ Allgemeine Liter.-Zeitung [2]). Въ ней онъ публично воздалъ хвалу труду Шафарика. Уже заглавіе книги обѣщало много, но въ дѣйствительности содержаніе ея даетъ еще больше. Сжатые очерки литературъ различныхъ славянскихъ народовъ составлены прекрасно: это не сухіе словарные перечни сочиненій, а со вкусомъ написанные обзоры, дающіе читателю правильное представленіе о славянскихъ литературахъ. Авторъ вкратцѣ коснулся и несправедливыхъ сужденій и превратныхъ представленій о нихъ иностранцевъ. Рецензентъ удивлялся, какъ Шафарикъ могъ написать такую книгу въ Новомъ Садѣ, гдѣ пріобрѣтеніе славянскихъ изданій и вообще вся работа по собиранію матеріала сопряжены были съ большими затрудненіями. Тѣмъ больше поэтому заслуга его [3]). Счастливое сочетаніе глубокаго знанія старославянскаго языка съ знаніемъ языковъ чешскаго, словенскаго и сербскаго много облегчило ему его работу.

Успѣшная разработка вопросовъ славянскаго языкознанія, исторіи и литературъ и дальнѣйшія судьбы новой каѳедры въ Варшавѣ всецѣло зависѣли отъ степени заботъ университета о подготовкѣ молодыхъ силъ. Объ этомъ, несомнѣнно, прежде всего думалъ самъ Линде, и вопросъ объ отправленіи кого-либо изъ молодыхъ людей въ славянское ученое путешествіе возбужденъ былъ не безъ его участія.

Спустя нѣсколько лѣтъ по возвращеніи Бобровскаго, когда нѣкоторые результаты его славянскихъ изученій были уже обнародованы, выступаетъ съ проектомъ славянскаго путешествія Правительственная Комиссія Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (Komissya Rządowa wyznań religijnych i oświecenia publicznego) въ Варшавѣ. Рѣшеніе отправить въ славянскія земли кого-либо изъ подающихъ надежды молодыхъ ученыхъ могло состояться, съ одной стороны, подъ

[1]) Vzájemné dop., str. 185.

[2]) Halle, 1827, October, № 247, 248, S. 298—304, 305—310.

[3]) О Шафарикѣ Бандтке однако имѣлъ невѣрныя свѣдѣнія, когда писалъ о немъ: „Dass er von Jugend auf als nicht unirter Grieche mit der alten slawischen Kirchensprache vertraut war, sieht man auf den ersten Blick, und dass ihm dieses seine Geschichte sehr erleichtert hat, ist auch offenbar: denn ausser bey den Russen und Serbiern ist diese Kenntniss sehr selten".

вліяніемъ членовъ Общества друзей наукъ, въ которомъ славянскія изученія, какъ мы видѣли, занимали столь видное мѣсто, и въ коемъ Линде принималъ издавна дѣятельное участіе; съ другой — тутъ могъ повліять и примѣръ виленскаго университета.

Кандидаты на стипендію для славянскаго путешествія не замедлили откликнуться.

Первымъ кандидатомъ, пожелавшимъ воспользоваться стипендіей для поѣздки въ славянскія земли, былъ извѣстный впослѣдствіи поэтъ Іосифъ Богданъ Залѣскій (Józef Bohdan Zaleski), который въ прошеніи своемъ отъ 15 авг. 1822 г., поданномъ въ Комиссію, говорилъ слѣдующее: „Я родился на Украинѣ, въ Кіевской губерніи, въ 1801 г. Уже въ юности я имѣлъ возможность ознакомиться съ нарѣчіями (dialekta) старо-славянскимъ, или церковнымъ, малорусскимъ и русскимъ, въ которыхъ впослѣдствіи утвердился основательнѣе. Курсъ гимназическихъ наукъ я прошелъ въ уманской гимназіи. Въ часы, свободные отъ школьныхъ занятій, равно какъ и въ теченіе года по окончаніи курса, я старался изучать старые и новые труды на славянскихъ нарѣчіяхъ, въ особенности же въ думахъ, обычаяхъ и обрядахъ малорусскаго народа искать духа древности, характера и языка. Эти занятія пробудили во мнѣ непреодолимое желаніе совершенствоваться далѣе и обратить вниманіе моихъ соотечественниковъ на этотъ важный и обрѣтающійся въ пренебреженіи предметъ". Прибывъ въ 1820 г. въ Варшаву, съ цѣлью продолжать образованіе въ университетѣ, Залѣскій, какъ заявляетъ онъ въ своемъ прошеніи, сталъ посѣщать лекціи по изящнымъ наукамъ и администраціи, но по прошествіи двухъ лѣтъ, стѣсненный печальными домашними обстоятельствами, несмотря на всѣ усилія остаться въ Варшавѣ, вынужденъ былъ однако выѣхать въ провинцію и принять мѣсто домашняго учителя. Въ обоснованіе своего ходатайства, въ заключительныхъ строкахъ прошенія Залѣскій обращалъ вниманіе Комиссіи на свои „славянскія стихотворенія", напечатанныя имъ въ періодическихъ изданіяхъ, имѣя въ виду, вѣроятно, нѣкоторые переводы, какъ, напримѣръ, „Pieśń staroczeską (z rękopisu Królodworskiego)", напечатанную имъ въ журналѣ Pamiętnik Warszawski (1822, t. III, 11—12), или первые опыты обработки украинскихъ думъ [1]).

[1]) Напримѣръ: „Ludmiła, duma z pieśni ukraińskiej". Pamiętn. Warsz., 1822, I, str. 115.

Другіе труды (pisma), относившіеся къ предмету спеціальныхъ занятій своихъ, Залѣскій предлагалъ представить Комиссіи немедленно, если бы она этого потребовала. Кромѣ того, въ доказательство знакомства съ нѣкоторыми славянскими нарѣчіями онъ обязывался сдать соотвѣтствующій экзаменъ.

Резолюція, положенная на прошеніи Залѣскаго, была нѣсколько неожиданной. Комиссія временно какъ бы отказывалась отъ мысли послать какого-либо кандидата за границу (wysłanie wybrać się mającego kandydata nie tak prędko nastąpi), но въ то же время, въ отвѣтъ на прошеніе Залѣскаго, сообщала ему, что въ случаѣ, если бы въ будущемъ онъ пожелалъ воспользоваться „благодѣяніями командировки", отъ него потребуются необходимыя „квалификаціи", т. е. онъ долженъ будетъ обнаружить свои познанія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Отъ кандидата требовалось въ особенности доказать, что онъ въ полной мѣрѣ исчерпалъ изученіемъ дома все то, что можетъ обезпечить ему достиженіе желанной цѣли, а именно, что онъ основательно изучилъ латинскую и греческую грамматику и ознакомился, насколько это возможно было въ Варшавѣ, и съ языками восточными.

Одновременно съ такимъ отвѣтомъ Залѣскому Комиссія постановляетъ однако (14 апрѣля 1823 г.) просить совѣтъ Королевскаго университета и Общество элементарныхъ школъ (Towarzystwo do szkół Elementarnych) заняться, по возможности скорѣй, выработкой инструкціи для будущаго стипендіата, путешественника по славянскимъ землямъ.

Совѣтъ университета уже 24 апрѣля 1823 г. на предложеніе Комиссіи далъ краткій и категорическій отвѣтъ: профессоръ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій Линде не получилъ еще увольненія, и хотя онъ лекцій не читаетъ, однако заявленія объ оставленіи профессуры не сдѣлалъ, а потому каѳедра не можетъ считаться въ дѣйствительности вакантной. Такимъ образомъ, и заботы о подготовленіи замѣстителя Линде совѣтъ считалъ преждевременными. Кромѣ того, совѣтъ отказывался составить инструкцію для кандидата, который ему былъ неизвѣстенъ, и относительно научныхъ склонностей котораго совѣтъ ничего не зналъ. Отвѣтъ этотъ былъ подписанъ ректоромъ кс. Швейковскимъ и скрѣпленъ Казимиромъ Бродзинскимъ.

Не такъ отнеслось къ предложенію Комиссіи Towarzystwo Elementarne, въ лицѣ предсѣдателя своего, того же

Линде, за котораго столь рѣшительно заступился совѣтъ университета. Краткая инструкція, или вѣрнѣе — нѣкоторыя мысли о путешествіи по славянскимъ землямъ кандидата на каѳедру славянской литературы были представлены Элементарнымъ Обществомъ уже 28 апрѣля 1823 г., всего четыре дня спустя послѣ отказа университета обсудить этотъ вопросъ. Содержаніе этого драгоцѣннаго документа состояло въ слѣдующемъ.

Кандидатъ долженъ быть отправленъ за границу только тогда, когда онъ въ состояніи будетъ доказать, что имъ въ области его предмета исчерпано все, что можно изучить дома. Прежде всего, онъ долженъ основательно изучить грамматики латинскую и греческую и ознакомиться, насколько это возможно въ Варшавѣ, съ восточными языками. Особенно хорошо надлежитъ ему ознакомиться съ всеобщей философской грамматикой (z grammatyką powszechną filozoficzną), какъ она преподается въ университетѣ и излагается въ трудахъ Сильвестра де Саси, Фатера, Якоба, Бернгарда и др.

Что касается славянскихъ нарѣчій, то инструкція Линде ставила на первомъ мѣстѣ изученіе польскаго языка. Кандидатъ долженъ начать занятія въ этой области съ основательнаго изученія грамматики Линде (zgłębić grammatykę naszę narodową z wszelkiemi przypisami) и трудовъ Бандтке и Кассіуша; сравнивши ихъ между собою и съ предшествовавшими имъ грамматиками Крумбгольца, Фогля, Монеты, Шляга, Войны, Менинскаго, Заборовскаго и др., онъ составитъ себѣ ясное представленіе о движеніи польской грамматической науки, а это впослѣдствіи значительно облегчитъ ему „грамматическое примѣненіе другихъ славянскихъ нарѣчій“ (przystosowanie grammatyczne innych dyalektów słowiańskich).

Съ русскимъ языкомъ и его литературой кандидату необходимо ознакомиться еще въ Варшавѣ, подъ руководствомъ Маршанда или Вербуша, настолько, насколько это нужно для овладѣнія теоріей русскаго языка и легкаго пониманія различныхъ его стилей. Признавая важное значеніе для всякаго славяновѣда языка церковно-славянскаго, Линде требуетъ отъ кандидата, конечно, на первое только время, хоть нѣкотораго, предварительнаго знакомства съ этимъ предметомъ. Онъ даже предлагаетъ кандидату свое содѣйствіе въ этихъ занятіяхъ, если Комиссія признаетъ его помощь полезною. „Я предложилъ бы кандидату, — говоритъ онъ, — privatissimum у себя на дому, ежедневно часъ или

крайней мѣрѣ четыре часа въ недѣлю. Въ эти часы я ошелъ бы съ нимъ „Institutiones“ Добровскаго, читалъ бы алтырь въ Острожской библіи, сравнивая ее съ новѣйшимъ авянскимъ изданіемъ петербургскаго Библейскаго Обще- ва и русскимъ изданіемъ его же, а для ознакомленія съ ыкомъ малороссійскимъ сравнивалъ бы съ переводомъ орины“.

Для того, чтобы кандидатъ пріобрѣлъ нѣкоторый на- ыкъ въ чтеніи рукописей, Линде предполагалъ читать съ мъ псалтырь въ переводѣ Лукаша изъ Тарнополя, по руко- си варшавской университетской библіотеки; въ зависи- сти отъ обстоятельствъ могли бы быть пройдены и другія авянскія печатныя и рукописныя книги. „Особенное вни- ніе я обращалъ бы всегда на неоцѣнимые труды Доб- вскаго, который такъ глубоко, какъ никто до него, про- къ во внутренній строй славянскаго языка, и не только названномъ выше сочиненіи, но и въ чешской этимо гіи и въ грамматикѣ этого же языка“. На подготовку ндидата Линде смотрѣлъ серьезно, и строгія требованія о были основательны. „Чѣмъ лучше подготовленъ будетъ правляемый нами кандидатъ, — заключалъ онъ первую сть инструкціи, — тѣмъ съ большей пользой и тѣмъ скорѣе ъ въ состояніи будетъ совершать свое путешествіе, ибо глазъ его и ухо будутъ уже имѣть извѣстную сноровку, ъ будетъ знать, на что ему слѣдуетъ обращать вниманіе, какой стороны разсматривать предметъ“.

Вторая часть инструкціи заключала маршрутъ поѣздки славянскимъ землямъ. Первымъ пунктомъ остановки слѣ выѣзда изъ Варшавы намѣченъ былъ Краковъ, гдѣ нѣкотораго времени открылъ славянскія чтенія неутоми- ій проф. Бандтке. Время пребыванія варшавскаго избран- ка въ школѣ его опредѣляется въ три четверти года, или полгода, или и меньше того. Зато для занятій въ Прагѣ водится цѣлый годъ. Здѣсь необходимо воспользоваться чнымъ руководствомъ и уроками Добровскаго, Ганки, Юнг- нна и, можетъ быть, Неѣдлаго. Изъ Праги кандидатъ могъ совершить непродолжительную поѣздку въ Лужицу, для накомленія съ сербо-лужицкимъ нарѣчіемъ, но для этого комендуется предварительно познакомиться основательно трудами Бирлинга, Матеи, Тицина, Свотлика, Френцеля, уптмана. Для ознакомленія съ славянской территоріей по ьбѣ и въ Мекленбургѣ пособіями могутъ служить труды

графа Яна Потоцкаго и Маша. На эту поѣздку, по расчету Линде, достаточно употребить три мѣсяца.

Съ сѣвера славянскій путешественникъ долженъ направиться прямо въ Вѣну. Знакомство и ближайшее общеніе съ Бандтке, Добровскимъ, а въ особенности съ Копитаремъ дастъ ему возможность выработать себѣ самую детальную инструкцію для путешествія по славянскому югу, Штиріи, Каринтіи, Венгріи, Далмаціи до Рагузы, гдѣ наилучшими руководителями въ занятіяхъ литературами „кроатской, далматинской, боснійской, рагузинской“ и пр. будутъ братья Аппендини. Не забыты въ инструкціи Тріестъ и Венеція съ ея рукописными сокровищами, высказывается наконецъ желаніе, чтобы кандидатъ, если обстоятельства позволятъ, посѣтилъ и Римъ, въ библіотекахъ коего хранится немало славянскихъ рукописей.

Только послѣ этого путешествія по землямъ славянства западнаго и южнаго, послѣ ознакомленія съ славянскими нарѣчіями, кандидатъ можетъ начать поѣздку по Россіи. Она открывается посѣщеніемъ Кіева и знакомствомъ съ просвѣщеннымъ митрополитомъ Евгеніемъ; отсюда путь лежитъ въ Москву, гдѣ кандидатъ встрѣтитъ ученое содѣйствіе со стороны почтеннаго проф. Каченовскаго и ознакомится съ сокровищами библіотеки Синодальной, съ собраніемъ гр. Толстого, а равно и съ трудами Общества Древностей. Въ Петербургѣ содѣйствіе ученымъ занятіямъ его окажутъ Анастасевичъ, Аделунгъ, Кругъ и др., они же облегчатъ ему доступъ въ Императорскую публичную библіотеку, къ собраніямъ гр. Румянцова и др., введутъ въ Общество любителей россійской словесности и въ Россійскую Академію.

Инструкція Линде намѣчала, конечно, только важнѣйшее, имѣя въ виду, что кандидатъ во время путешествія своего самъ позаботится о дополненіи этого наброска, что онъ не упуститъ изъ виду ничего, что можетъ быть ему полезнымъ, и что всюду его вниманіе будетъ обращено не только на ученыхъ (na uczoność), но и на простой народъ, на его языкъ, произношеніе, костюмы, обычаи, пѣсни, танцы, жилища, хозяйственныя орудія, ихъ названія и пр.

Полагая, что все путешествіе кандидата продолжится три года, Линде считаетъ необходимымъ опредѣлить полтора года на путешествіе по Россіи, но такимъ образомъ на поѣздку по славянскому западу и югу оставалось бы тоже полтора года, а этотъ срокъ очевидно былъ недостаточенъ.

Въ виду этого, въ заключеніе своей записки, Линде заявляетъ: „Если гдѣ, такъ именно въ данномъ случаѣ должно быть принципомъ festina lente, и я не сомнѣваюсь, что Комиссія не будетъ колебаться добавить и четвертый годъ, если убѣдится въ его необходимости".

О кандидатурѣ Залѣскаго больше не встрѣчаемъ упоминаній [1]). На инструкціи Линде была сдѣлана помѣта: „Gdy wysłanie kandydata do literatur sławiańskich zostało odłożone, zatem ad acta". Казалось, дѣло предано было забвенію. Но вскорѣ явился новый кандидатъ, болѣе счастливый въ своемъ ходатайствѣ, хотя и безъ какихъ-либо заслугъ въ наукѣ, дававшихъ право на предпочтеніе.

29-го іюня 1823 года въ Комиссію поступило прошеніе А. Ф. Кухарскаго, учителя келецкой воеводской школы [2]), о командированіи его за границу для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. То, что̀ говоритъ здѣсь Кухарскій о своихъ занятіяхъ, въ значительной степени совпадаетъ съ наставленіями Линде въ изложенной выше инструкціи. Любовь къ отечеству и просвѣщенію, — такъ начинаетъ Кухарскій свое прошеніе, — заставила его избрать тяжелое педагогическое поприще, наиболѣе дающее возможности работать для науки [3]). Спеціально вниманіе Кухарскаго привлекали польская литература и польскій языкъ, особенно послѣдній. Занятія свои въ этой области онъ начинаетъ, какъ совѣтовалъ и Линде, съ основательнаго знакомства съ старыми польскими трудами по языку, выслушавши предварительный курсъ общей грамматики (grammatyki powszechnej) у Линде, въ первый годъ пребыванія въ университетѣ. Эти

---

[1]) Интересъ къ славянству, особенно къ славянской литературѣ и народной поэзіи онъ сохранилъ однако навсегда. Въ одномъ изъ стихотвореній онъ такъ говоритъ объ этомъ увлеченіи:

„Lubuję bardzo w słowiańskim ja gwarze.
Klaskam od mogił w krąg na rozgraniczu,
Tak Szafarzyku, tak, tak Kopitarze,
Pieśni hej dawaj Wuku Karadžiczu,
Resztę my powiem guślary — gęślarze." Pisma, II, str. 201.

[2]) Краткія біографическія свѣдѣнія о себѣ онъ сообщилъ Ганкѣ въ собственноручной запискѣ, которую мы напечатали въ нашемъ изданіи: „Письма къ В. Ганкѣ изъ слав. земель", 1905, стр. 569.

[3]) Уже въ Плоцкѣ, въ самомъ началѣ своей педагогической службы, онъ принимаетъ участіе въ трудахъ Плоцкаго Общества Наукъ, основаннаго въ 1820 г. (Towarzystwo Naukowe przy szkole wojewódzkiej Płockiej). См. K. W. Wojcicki, Społeczność Warszawy, I, str. 44.

занятія дали ему смѣлость попытать свои силы въ составленіи краткой польской грамматики для женскихъ пансіоновъ и школъ. Учебникъ былъ почти готовъ, но желаніе усовершенствовать его заставило Кухарскаго углубиться въ изученіе „сокровищъ родной рѣчи". Онъ изучаетъ литературу занимающихъ его вопросовъ, при чемъ особенную пользу извлекаетъ изъ Словаря Линде и разсужденій В. Скорохода-Маевскаго о санскритѣ. Исключительныя занятія польскимъ языкомъ однако не удовлетворяютъ его, и онъ привлекаетъ къ сравненію прежде всего языкъ русскій, который изучаетъ подъ руководствомъ лектора русской литературы въ варшавскомъ университетѣ Вербуша [1]), а затѣмъ по грамматикѣ Добровскаго знакомится и съ чешскимъ языкомъ.

„Такимъ образомъ, — заключаетъ Кухарскій, — я познакомился съ тремя замѣчательнѣйшими славянскими нарѣчіями (dyialektami)." Вліяніе трудовъ Маевскаго, одного изъ первыхъ лингвистовъ, обратившихся къ сравненію славянскихъ языковъ съ санскритомъ, на направленіе занятій Кухарскаго не подлежитъ сомнѣнію. Но разсужденіе Маевскаго о санскритѣ не удовлетворяло Кухарскаго; онъ сознавалъ недостатки его и искалъ содѣйствія въ этихъ вопросахъ. Руководителемъ и помощникомъ явился профессоръ Адріанъ Кржижановскій [2]), математикъ, занимавшійся однако въ Парижѣ санскритомъ и недавно оттуда вернувшійся. Кржижановскій снабжаетъ Кухарскаго санскритской грамматикой Вилькинса, даетъ ему свои французскія записки лекцій по санскриту проф. Шези, доставляетъ и другія пособія, подаетъ ему нѣкоторые совѣты и поддерживаетъ его энергію [3]).

„Счастливыя обстоятельства" (какія именно, — Кухарскій не указываетъ въ прошеніи точнѣе) дали ему случай познакомиться, кромѣ того, съ сербскимъ нарѣчіемъ (Верхней Лужицы) и языкомъ церковно-славянскимъ (językiem cer-

[1]) Въ программѣ чтеній въ варшавскомъ унив. на 1821—1822 г. значится: лекторъ Казимиръ Вербушъ — „język Rossyjski i historya jego".

[2]) О немъ см. K. W. Wojcicki, Cmentarz Powązkowski, II, str. 11. Отзывъ Кухарскаго о немъ въ письмѣ къ Ганкѣ. Письма, стр. 590.

[3]) Кржижановскому принадлежитъ статья: „O zabytkach mowy Słowiańskiéj, pozostałych w nazwiskach rodzin i miejsc krajów tych, któr kiedyś były ojczyzną Sławian", Pamiętn. Warsz., IV, 1823, str. 262. Ему же, несомнѣнно, слѣдуетъ приписать и болѣе ранніе: „Badania tyczące si wywodu etymologicznego wyrazów: Bóg, Król, Xiąże, Xiądz, Xiążka, Xięży Polak", въ Pamiętn. Warsz., III, 1822, str. 136, 252. Статья подписана: A. Kr. Заключительныя строки даютъ тоже основаніе считать авторомъ

kiewnym, uważanym za zasadę mowy słowiańskiej). Убѣдившись въ чрезвычайной важности изученія славянскихъ наръчій для науки польскаго языка и желая всецѣло посвятить себя этого рода научной дѣятельности, Кухарскій обращается въ Комиссію съ просьбою о зачисленіи его кандидатомъ для отправленія въ слѣдующемъ, 1824-омъ году за границу „для усовершенствованія въ литературѣ славянскихъ языковъ (dla wydoskonalenia się w literaturze języków słowiańskich)". Научныя квалификаціи Кухарскаго были не богаты. Въ обоснованіе своего ходатайства онъ ссылался лишь на разборъ польской грамматики Ioc. Мрозинскаго [1]) и приложилъ къ прошенію, въ доказательство подготовленности своей къ филологическимъ разысканіямъ, статью: „O języku sęskryckim i dyialektach Słowiańskich" [2]). Не высказывая здѣсь ничего оригинальнаго и повторяя вслѣдъ за учителями извѣстныя уже намъ мысли о необходимости изученія восточныхъ и славянскихъ языковъ для достиженія бо́льшихъ успѣховъ въ разработкѣ вопросовъ языкознанія спеціально польскаго и усовершенствованія польскаго языка, Кухарскій обращаетъ однако вниманіе на неизбѣжность въ этомъ отношеніи извѣстной спеціализаціи, подготовки избранныхъ людей [3]).

Но и Кухарскому, въ отвѣтъ на свое прошеніе, пришлось узнать, что Комиссія рѣшила пока воздержаться отъ

ржижановскаго: „Oby te myśli i próbkę badań, pamiątkę dawniejszych trudnień, przyjęli ziomkowie tak, jak przyjąć można od poświęconego zisiaj innemu nauk rodzajowi". Резюмируя свои этимологическія наблюденія, авторъ выставляетъ въ числѣ тезисовъ: „Umiejętność języków wschodnich najdzielniejszą stać się może pomocą do uprzątnienia trudności i wydoskonalenia języka polskiego".

[1]) „Pierwsze zasady Gramm. języka Polskiego", przez Józefa Mrozińiego, Warszawa, 1820, рецензія въ Gazecie literackiej, 1822, № 26, 28, 29, , безъ подписи.

[2]) Напечатана въ Dzienniku Warsz., Tom I, 1825, 17, 515, въ отдѣлѣ: Filologiia Sławiańska", но не окончена. Въ дѣлѣ Кухарскаго имѣется списка (дек. 1823 г.) проф. Адр. Кржижановскаго въ томъ, что ему дана была „rozprawa Kucharskiego, zawierająca „Badania o dyialektach sławiańskich". Авторъ пожелалъ ее исправить и въ новомъ видѣ представить опять Комиссіи. Вѣроятно, эти „Badania" и работа, напечатанная Dzienniku Warsz., одно и то же.

[3]) „Niezawodną jest rzeczą, że znajdować się powinny w kraju osoby, poświęcające się wyłącznie tym językom, i pewny jestem, że im kto posiadać będzie większą ich znajomość, tym lepszą będzie się mógł przysłużyć narowi polską grammatyką." Содержаніе этой статьи было слѣдующее: Język Sanskrycki i jego literatura. 2. Literatura Sanskrycka święta. 3. Księgi

посылки кого-либо за границу [1]). Препятствія были, повидимому, чисто финансоваго характера. Отказа собственно не было, напротивъ, подавалась какъ будто надежда на возможность благопріятнаго рѣшенія въ будущемъ, но ждать этого рѣшенія пришлось достаточно долго.

Только 4-го августа 1825 г. Комиссія извѣщаетъ Кухарскаго, переведеннаго уже въ Люблинъ [2]), о томъ, что онъ командируется за границу съ 1-го сентября того же года, съ содержаніемъ въ четыре тысячи польскихъ золотыхъ (т. е. 600 руб.) въ годъ. Къ указанному сроку кандидату предписывалось приготовиться къ отъѣзду. Въ то же время Комиссія вновь обратилась къ Обществу элементарныхъ книгъ съ просьбой приготовить новую инструкцію для славянскаго путешественника (Kom. wzywa Tow. do xiąg Elementarnych, by rychło podało projekt do udzielenia kandydatowi potrzebnej instrukcyi, a mianowicie, które miejsca ma zwiedzić i gdzie jak długo zabawić). Предполагалось, что инструкція будетъ вручена путешественнику при отъѣздѣ изъ Варшавы, но на этотъ разъ Общество почему-то не торопилось: инструкція была доставлена въ Комиссію только 20 апр. 1826 г., когда Кухарскій былъ уже въ Прагѣ. Лѣтомъ 1826 г. она наконецъ дошла до его рукъ. Вотъ ея существенныя указанія.

На путешествіе по славянскимъ землямъ Комиссія, отъ имени которой препровождена была Кухарскому инструкція, назначала всего три года. Осень и зиму 1825 г. кандидатъ долженъ былъ провести въ Прагѣ для изученія чешскаго языка. Весну 1826 г. онъ посвятитъ „сорабскимъ“ нарѣчіямъ Верхней и Нижней Лужицы, а также Мисніи (Meissen), Бран-

---

Puranas historyczne. 4. Epopeje Sanskryckie Indyjan. 5. Lit. Sanskrycka świecka. 6. Grammatycy Sanskryccy. 7. Słowniki Sanskryckie. 8. Poezya Sanskrycka. 9. Poezya dramatyczna. 10. Filozofija u Indyjan. Въ видѣ приложенія дана литографированная таблица: „Układ wschodni głosek Sęskryckich (sic)“, написанная собственноручно Кухарскимъ.

[1]) Отвѣтъ отъ 6 окт. 1823 г.: „Komissya, pochwalając jego pracowitość i chęci stania się użytecznym ojczyznie, oświadcza, iż teraz jeszcze wstrzymała zamiar takowego wysłania“ etc.

[2]) До поѣздки за границу, съ 1816 г. до 1825 г., Кухарскій служилъ въ восьми учебныхъ заведеніяхъ, какъ самъ перечисляетъ: „w Lublinie, w Liceum Warszawskiem, u Pijarów, w Płocku, w Warszawie przy szkole na ulicy Królewskiej, w Kielcach, w Kaliszu i powtórnie w Lublinie“. Причиной столь частыхъ переводовъ было ни въ какомъ случаѣ не недовольство властей его службой, такъ какъ 16 авг. 1823 г. онъ удостоился получить письменную благодарность отъ намѣстника ген. Заіончка.

денбургіи, Помераніи, Мекленбургу и Ганноверу (полабянамъ). Лѣто предназначалось для словенскаго нарѣчія (въ Венгріи) и „карніольскаго“ — въ Штиріи, Каринтіи и Карніоліи; осень — для хорватскаго (въ Хорватіи). Отсюда уже путешественникъ легко можетъ перебраться въ Тріестъ, а затѣмъ въ Венецію, „гдѣ сохранились еще столь многочисленные слѣды прежней славянщины“, а можетъ быть — и въ Римъ для обозрѣнія богатѣйшихъ собраній славянскихъ памятниковъ въ его книгохранилищахъ. Зиму 1826 г. и весну 1827 г. кандидату, согласно инструкціи, надлежало провести въ изученіи „иллирійскаго діалекта“ въ Славоніи, Далмаціи, Босніи, Сербіи и Болгаріи; лѣто опредѣлялось для занятій малорусскимъ языкомъ въ Кіевѣ; осень и зима (съ 1827 на 1828) — для великорусскаго языка въ Москвѣ, а весна и лѣто 1828 г. — для занятій въ библіотекахъ Петербурга. Составитель инструкціи [1]) предвидѣлъ, что точное во всѣхъ деталяхъ выполненіе начертанной имъ въ кабинетѣ программы можетъ оказаться невыполнимымъ на практикѣ, и потому тутъ же поспѣшилъ сдѣлать оговорку: „Само собою разумѣется, что сроки, обозначенные въ инструкціи, не настолько строго обязательны, чтобы въ случаѣ надобности кандидату нельзя было пробыть въ извѣстномъ мѣстѣ больше или меньше, или даже измѣнить направленіе поѣздки; необходимо только, чтобы кандидатъ увѣдомлялъ объ этомъ и о причинахъ, вызвавшихъ такія измѣненія, Комиссію, и чтобы въ продолженіе разрѣшеннаго ему срока командировки онъ объѣхалъ все пространство славянства“.

Далѣе, инструкція рекомендовала кандидату стараться повсюду знакомиться съ лицами, занимающимися разысканіями въ области славянскихъ языковъ и старины, посѣщать библіотеки и изучать въ нихъ сочиненія, относящіяся къ этимъ предметамъ, слѣдить за новѣйшими трудами и періодическими изданіями, стараться самостоятельными разсужденіями и наблюденіями поправить ошибки изучаемыхъ трудовъ. При выполненіи предначертаній программы путешественникъ не могъ бы, конечно, обойтись безъ опытныхъ

[1]) Авторъ ея намъ не извѣстенъ. Препроводительная при инструкціи бумага Towarzystwa do xiąg Elementarnych подписана предсѣдателемъ его I. К. Шанявскимъ. Странно только, что инструкція помѣчена 26-ымъ окт. 1826 г., а приложеніе къ ней 15 апр. того же года. Напечатана она въ копіи въ изданіи проф. Ѳ. Вержбовскаго: „Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego“, Tom II, 1526—1830, Warszawa, 1904, str. 219—221.

и авторитетныхъ руководителей. Инструкція предусматривала необходимость такого руководства: въ Краковѣ кандидату рекомендовалось обратиться къ проф. Бандтке, въ Прагѣ — къ Добровскому, Юнгманну, Ганкѣ, Неѣдлому, въ Вѣнѣ — къ Копитарю, въ Дубровникѣ — къ братьямъ Аппендини и т. д. Перечислены были тѣ же лица, что и въ извѣстной намъ инструкціи Линде. Наконецъ, инструкція называла всѣ важнѣйшія библіотеки, музеи и частныя собранія старины, указывала (впрочемъ, весьма безпорядочно) и нѣкоторыя пособія по славянскимъ литературамъ и языкознанію.

Главную задачу путешественника-стипендіата, по мнѣнію Комиссіи, должно составить изученіе славянскихъ нарѣчій, но какъ въ разсмотрѣнной выше первой инструкціи, такъ и теперь отъ него требуется предварительное основательное знакомство съ „всеобщей философской грамматикой“ и внимательное изученіе трудовъ по разработкѣ родного языка. Это облегчитъ кандидату, съ одной стороны, изученіе грамматики другихъ славянскихъ нарѣчій, съ другой — примѣненіе ихъ къ родному языку. Заботы о родномъ языкѣ, о надлежащемъ историческомъ и сравнительномъ изученіи развитія его вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ желаніямъ, которыя высказаны были въ отмѣченныхъ выше „Мысляхъ о способахъ усовершенствованія родного языка“ Альбертранди.

Не забытъ былъ инструкціей и языкъ церковно-славянскій, значеніе котораго въ системѣ славяновѣдѣнія было уже опредѣлено трудами Добровскаго. „Онъ долженъ особенно привлекать вниманіе кандидата“, наставляла инструкція.

Далѣе, программа занятій славянскаго путешественника обнимала географію всѣхъ славянскихъ земель, въ ихъ древности и позднѣйшихъ измѣненіяхъ, исторію славянскихъ народовъ и исторію ихъ литературъ.

Но пребываніемъ въ главнѣйшихъ центрахъ славянской культурной жизни, занятіями въ библіотекахъ, общеніемъ съ славянскими учеными и бесѣдами съ ними, пользованіемъ ихъ указаніями и руководствомъ не исчерпывается кругъ возложенныхъ на варшавскаго избранника обязанностей. Чрезвычайно важный предметъ изученій его составляютъ славянскія древности, т. е. самые разнообразные вопросы славянской старины: древняя религія славянъ, система управленія, право, образъ жизни, умственная дѣятельность и физическія черты, игры, преданія, повѣрія и пр. Тутъ уже

путешественнику необходимо „снизойти къ народу“ (do ludu prostego zniżyć się powinien), ибо въ немъ больше всего сохранились старые обычаи и древнія преданія; тутъ необходимо тщательно искать слѣды древняго языка, изучать обычаи, жилища, орудія, пѣсни, танцы, кушанья, обряды свадебные и погребальные и т. п. Наконецъ, кандидатъ обязывался представлять Комиссіи за каждую четверть года подробный отчетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ.

Выработанная спеціально для Кухарскаго инструкція признавалась, очевидно, самимъ составителемъ ея недостаточно подробной. Указанія и совѣты ея отличались, какъ мы видѣли, слишкомъ общимъ характеромъ, ибо авторъ знакомъ былъ съ славянствомъ по книгамъ, а съ дѣятелями славянской науки приходилъ въ соприкосновеніе, вѣроятно, лишь при посредствѣ переписки. Въ виду этого къ инструкціи присоединена была (въ польскомъ переводѣ) извѣстная „Записка о путешествіи по словенскимъ землямъ и архивамъ“ П. И. Кеппена, только что напечатанная въ „Библіографическихъ Листахъ“ (1825, № 33—34). Кухарскому первому приходилось воспользоваться ея указаніями.

Въ концѣ 1825 г. Кухарскій выѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ, воодушевленный самымъ горячимъ желаніемъ осуществить завѣтныя мечты, — потрудиться на едва вспаханной нивѣ польскихъ изученій славянства [1]).

---

[1]) Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили главнымъ образомъ: личное дѣло Кухарскаго, касающееся командированія его за границу, и приложенія къ этому дѣлу — нѣкоторые отчеты о научныхъ занятіяхъ, хранящіеся въ Арх. варшавскаго учебнаго окр. Изъ послѣднихъ напечатаны были, съ пропусками и небольшими измѣненіями, наиболѣе ранніе: 1. Wyjątki z Dziennika naukowej podróży, po krajach Sławiańskich przez Polaka odprawionej: 1. Z Wrocławia, 10 Stycznia 1826 r.; 2. Z Pragi Czeskiej, 21 Marca 1826. 3. Z Pragi, 30 Marca 1826. Rozmaitości Warsz., 1826, № 32, str. 245—249; № 33, str. 253—256; № 35, str. 269—272; № 36, 273—276. 2. Szczegóły, tyczące się języka i literatury słowiańsko-czeskiej (z Budyszyna 18 października 1826), въ Pamiętniku Warsz. umiejętności czystych i stosow., I, 1829, str. 267—279. 3. Szczegóły, tyczące się języka i liter. sławiańskiej (z Wiednia 4 Lipca 1827), ibid., III, 1829, str. 121—138. Кромѣ этихъ отчетовъ и писемъ, въ приложеніи къ дѣлу Кухарскаго имѣются еще донесенія: 1) „21 Kwietnia 1828 w Wiedniu“; 2) отчетъ безъ даты, писанный, очевидно, въ Москвѣ въ 1830 г.; 3) послѣдній отчетъ — изъ Петербурга. Кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ за каждое полугодіе, Кухарскій писалъ одному изъ своихъ друзей (проф. Адр. Кржижановскому, какъ свидѣтельствуетъ А. Ивановскій въ замѣткѣ: „Славянистъ Кухарскій и его библіотека“, въ Литерат. Библіотекѣ, 1867, сент., 105) обшир-

О занятіяхъ въ Краковѣ, куда его влекло желаніе навѣстить проф. Бандтке и подъ его руководствомъ ознакомиться съ богатыми собраніями Ягеллонской библіотеки, Кухарскій нигдѣ въ своихъ донесеніяхъ и письмахъ не упоминаетъ. Снабженный совѣтами, указаніями и рекомендаціями бывшаго вратиславльскаго преподавателя и библіотекаря, онъ, повидимому, скоро пустился изъ Кракова въ дальнѣйшій путь, въ Силезію.

Въ Вратиславль Кухарскій прибылъ 15 декабря 1825 г. Путешествіе изъ Кракова въ столицу Силезіи дало ему возможность произвести нѣкоторыя самостоятельныя наблюденія надъ особенностями силезскихъ польскихъ говоровъ, надъ обычаями и нравами силезскихъ поляковъ. У нихъ Кухарскій находитъ старинное польское гостепріимство, славянскую простоту и искренность отношеній.

ныя и интересныя письма; изъ нихъ напечатаны были въ Gazecie Polskiej, 1828, № 2: 1. Wyjątek z listu..., pisanego z Munkaczewa d. 8 Grudnia 1827; ibid., № 32—33: 2. Z Pestu d. 8 Stycznia 1828; ibid., № 265—266: 3. безъ даты, начинающееся словами: „Dnia 6 Maja 1828 stanąłem w Szopronie"; ibid., № 331—333: 4. Z Lublany 1 Listopada 1828; ibid., 1829, № 39—40: 5. Z Zagrebu (Agram) d. 31 Grudnia 1828; ibid., № 166, 169—170: 6. Z Zagrebu d. 25 Lutego 1829. Послѣднее письмо (адресованное Л. Голэмбіовскому) извѣстно намъ и въ оригиналѣ (въ архивѣ Tow. Prz. Nauk; ср. Kraushar, op. cit., III, ost. lata, str. 160—162); въ немъ мы не находимъ однако нѣкоторыхъ сообщеній, которыя помѣщены въ Gazecie Polsk., въ № 169 и 170, и которыя, очевидно, взяты изъ писемъ другого времени, намъ неизвѣстныхъ. Два письма изъ Загреба: 1) 28 Grudnia 1828 (обширный отчетъ) и 2) 29 Grudnia 1828 (краткое донесеніе) въ Powsz. Dzienn. Krajowem, 1829, № 33, 38—40. Ср. „Wyjątki" изъ нихъ въ Rozmait. Warsz., 1829, № 6. Цѣликомъ перепечатаны въ Rozmait. Lwowsk., 1829, № 19, 20, 21. Въ Tygodniku Petersb., 1830, № 34 и 35, напечатано было извлеченіе изъ писемъ Кухарскаго, подъ заглавіемъ: „Literatura Czeska". По содержанію эти письма относятся ко времени пребыванія Кухарскаго въ Прагѣ. А. Ивановскій (Литерат. Библ., 1867, сент., 106) утверждаетъ, что въ бумагахъ Кухарскаго сохранился „Дневникъ" его путешествія, въ который онъ подробно записывалъ день за днемъ все, что̀ дѣлалъ, что̀ видѣлъ, съ кѣмъ знакомился. Къ сожалѣнію, намъ не привелось ничего узнать объ этомъ „Дневникѣ". Особенно надо пожалѣть о гибели переписки Кухарскаго съ славянскими учеными. И о ней ничего мы не могли узнать. А. Ивановскій въ отмѣченной замѣткѣ говоритъ объ этой перепискѣ, какъ о существующей и ему знакомой, но гдѣ она, — объ этомъ не упоминаетъ. Изданныя письма и архивные матеріалы Кухарскаго мы цитируемъ въ надлежащихъ мѣстахъ.

О путешествіи Кухарскаго наиболѣе подробное, основанное, несомнѣнно, на его личныхъ сообщеніяхъ, извѣстіе находимъ въ статьѣ загребскаго профессора М. Кунича: „Notizen über die wissenschaftliche

Занятія Кухарскаго въ Вратиславлѣ состояли въ посѣщеніи лекцій нѣкоторыхъ профессоровъ университета и въ различнаго рода разысканіяхъ въ вратиславльскихъ библіотекахъ по вопросамъ письменности и исторіи славянской. Проф. Вахленъ (Wachlen), читавшій всеобщую исторію и исторію всеобщей литературы и завѣдывавшій Королевской библіотекой, открылъ Кухарскому доступъ ко всѣмъ научнымъ сокровищамъ ея. Изъ другихъ своихъ вратиславльскихъ знакомыхъ Кухарскій называетъ: проф. Шнейдера, читавшаго лекціи о письмахъ Цицерона, знаменитаго физіолога, не чуждаго и вопросовъ лингвистики и литературы, проф. Пуркиню (czech, mąż sposobu myślenia najpiękniejszego), проф. прусской исторіи Штенцля (Stenzel), пріятеля Бандтке, д-ра Паритіуса (Paritius), владѣвшаго рѣдкимъ собраніемъ рукописныхъ матеріаловъ для исторіи Силезіи [1]), и, наконецъ, извѣстнаго вратиславльскаго издателя-книгопродавца Богумила Корна.

Reise des Prof. Andr. Kucharski, von Mich. Kunitsch, emer. Prof. u. mehr. gel. Ges. Mitgl. zu Agram", появившейся въ 1830 г. въ журналѣ Allgemeine deutsche Gartenzeitung, herausg. von der praktischen Gartenbau-Gesellschaft in Frauendorf. Passau. 12 July, S. 237. Ср. еще его же: „Anhang zu den Notizen über Kucharski's Reise", ibid, 1831, 22 Jän., № 4. Извлеченія изъ этихъ статей имѣются въ бумагахъ Шафарика въ библ. Чешскаго Музея (IX B 9, тетрадь 4-ая). Въ бумагахъ Венелина хранящихся въ Румянц. Музеѣ, въ числѣ переводныхъ его трудовъ значится: „Путешествіе Кухарскаго, проф. варшавскаго унив. Переводъ изъ нѣмецкаго". См. Периодич. Списание, 1905, св. 5—6, стр. 390. Очевидно, это есть переводъ статьи Кунича. Въ недавно вышедшемъ II вып. Описанія рукописей библ. Имп. Общ. ист. и др. Росс., на стр. 589, подъ № 118 значатся: „Замѣчанія на ученое путешествіе проф. Андрея Кухарскаго отъ Варшавскаго унив." (Сообщено М. Кун—емъ, заслуженнымъ проф. и членомъ многихъ ученыхъ обществъ, въ городѣ Аграмѣ, въ Кроаціи), въ листъ, на 17 лист. Небольшую замѣтку того же Кунича о Кухарскомъ и его ученыхъ задачахъ находимъ еще въ Illyrisches Blatt, 1829, № 49, S. 195. Во время пребыванія Кухарскаго въ Москвѣ Погодинъ познакомилъ читателей Московскаго Вѣстн., 1830, ч. 2-ая, № 8, стр. 393—397, съ результатами путешествія его и его системой славянской филологіи; сообщеніе это перепечаталъ затѣмъ Tygodnik Petersb., 1830, № 23, str. 180. Извѣстный польскій филологъ И. Паплонскій, помѣщавшій въ Москвитянинѣ Погодина интересныя письма о варшавскихъ ученыхъ, обѣщалъ (въ письмѣ отъ 15 февр. 1854 г., Москвит., 1854, № 5) дать очеркъ дѣятельности Мацѣевскаго и Кухарскаго, но намъ извѣстно только обширное письмо его (отъ 24 іюня—6 іюля 1854 г.), посвященное трудамъ Мацѣевскаго (Москвит., 1854, № 20 и 21), о Кухарскомъ же Паплонскій, повидимому, ничего не писалъ.

[1]) См. о немъ въ нашемъ изданіи Vzájemné dopisy J. Dobrovského a J. S. Bandtkého, str. 1.

Въ письмѣ къ одному изъ варшавскихъ друзей Кухарскій сообщаетъ о своихъ занятіяхъ слѣдующее [1]): „Я посѣтилъ здѣсь четыре публичныя библіотеки, осмотрѣлъ ученыя коллекціи Силезскаго ученаго общества, собраніе предметовъ искусства у Корна и частную библіотеку Паритіуса. Больше всего времени провелъ я въ Центральной Королевской библ., а также въ Академической (na Piasku)". Собирая матеріалы по исторіи изученія польскаго языка, Кухарскій находитъ здѣсь много такихъ грамматикъ и словарей, какихъ не видѣлъ нигдѣ раньше, и благодаря этимъ находкамъ можетъ въ значительной степени дополнить свою исторію грамматикъ и словарей польскихъ [2]).

Далѣе, онъ посѣтилъ библіотеку при церкви св. Маріи Магдалины, гдѣ заботами проф. Фогеля, извѣстнаго своими изданіями Грамматики Монеты, собраны были рѣдкія польскія книги и славянской печати изданія краковскія, виленскія и заблудовскія.

Въ публичной библ. у св. Духа (т. н. Бернардинской) Кухарскій нашелъ богатѣйшее собраніе (najzupełniejszy zbiór) сочиненій, касающихся Силезіи и ея исторіи. Библіотека, благодаря трудамъ Бандтке, имѣла прекрасный каталогъ своихъ polonicorum. Вообще, вратиславльскія библіотеки, богатыя рукописями и рѣдкими изданіями, касающимися не только исторіи Силезіи, но и Польши вообще, дали обильную ученую пищу, и Кухарскій усердно дѣлалъ извлеченія изъ разныхъ грамматикъ, историческихъ сочиненій, рѣдкихъ изданій библіи и т. п. [3]). Больше подробностей о своихъ занятіяхъ онъ не сообщаетъ. Пребываніе его въ Вратиславлѣ было непродолжительно. Такъ какъ инструкція не упоминала вовсе объ этомъ центрѣ, то Кухарскій сдѣлалъ остановку здѣсь, вѣроятно, по совѣту Бандтке. Отсюда къ тому же лежалъ удобный и интересный для филолога путь въ Чехію.

Двумя годами раньше Кухарскаго Прагу посѣтилъ профессоръ варшавскаго университета Казиміръ Бродзинскій. Правда, онъ пробылъ здѣсь недолго, ибо заѣхалъ въ Прагу только по пути, направляясь въ Италію, но остановка эта вызвана была желаніемъ ближе познакомиться съ предста-

---

[1]) Rozmaitości Warsz., 1826, № 32, str. 245.

[2]) „Przeto moja Historya Grammatyk i Słowników polskich niemało o tu skorzystała."

[3]) Rozmait. Warsz., l. c., str. 246.

вителями чешской науки и литературы. Славянство и прежде всего славянская народная поэзія давно уже привлекали его вниманіе, и онъ, какъ мы видѣли, посвящалъ ей свои поэтическіе досуги. При содѣйствіи И. В. Раковецкаго и В. Скорохода-Маевскаго онъ перевелъ на польскій языкъ нѣкоторыя пѣсни „морлацкія“, сербскія и чешскія и, увлеченный изданіями произведеній народнаго творчества русскими и чешскими, высказалъ мысль о необходимости издать сборникъ польскихъ народныхъ пѣсенъ, со включеніемъ въ нихъ пѣсенъ и другихъ народовъ [1]). Въ этомъ отношеніи Бродзинскій высказывалъ желаніе, къ осуществленію котораго какъ разъ въ это время приступалъ Челаковскій, издавшій въ 1822 г. первый томикъ своихъ „Славянскихъ народныхъ пѣсенъ“. Съ дѣятельностью наиболѣе извѣстныхъ чешскихъ ученыхъ и литературныхъ представителей Бродзинскій былъ знакомъ еще до прибытія въ Прагу, и Бродзинскаго, какъ поэта, тоже знали въ Прагѣ до встрѣчи съ нимъ.

Бродзинскій прибылъ въ Прагу въ самомъ концѣ марта 1824 г. [2]) и здѣсь ближе всего сошелся, повидимому, съ Челаковскимъ и Ганкой. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и только нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о нихъ сохранилось въ письмахъ Челаковскаго къ другу Камариту [3]). Изъ этихъ писемъ мы узнаемъ, что Бродзинскій подъ руководствомъ Ганки занялся чтеніемъ Краледворской рукописи, которую тогда же задумалъ перевести на польскій языкъ. Съ Челаковскимъ онъ велъ бесѣды по волновавшему въ это время чешскихъ писателей вопросу о стихосложеніи, такъ какъ самъ занимался вопросомъ о польской просодіи и сдѣлалъ нѣкогда опытъ замѣнить неуклюжій силлабъ тоническимъ стихомъ [4]). Но эти собесѣдованія и практическія упражненія съ Челаковскимъ въ чтеніи чешскихъ „часомѣрныхъ стишковъ“, по собственному признанію Бродзинскаго, не принесли ему пользы. Напротивъ, въ письмѣ изъ Варшавы отъ

---

[1]) См. его „Uwagi nad potrzebą wydania wyboru poezyj dla młodzieży, zbioru pieśni duchownych i narodowych“, представленныя въ 1821 г. Towarzystwu Przyjaciół Nauk, у A. Kraushara, op. cit., III, str. 433—439.

[2]) Въ письмѣ къ Камариту, писанномъ „posledního března“ (послѣдняго числа марта), Челаковскій говоритъ: „Včera právě večír mne navštívil Brodziński“. Sebrané listy, str. 154.

[3]) Sebrané listy, str. 154, 160, 171.

[4]) См. Арабажина, Каз. Бродзинскій. Кіевъ, 1891, стр. 285.

13 января 1825 г. Бродзинскій прямо жалуется на чеховъ, что они разрушили его недостаточно прочные принципы просодіи. „Nie mam nadziei, aby ją Polakom przywrócić można", писалъ онъ Челаковскому [1]). Познакомившись и подружившись съ Челаковскимъ, Бродзинскій узналъ отъ него о его литературныхъ проектахъ и особенно живо заинтересовался его изданіемъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ. Изъ Карловыхъ Варовъ онъ проситъ своего друга прислать ему уже отпечатанные листы второго томика: они будутъ для него пріятнѣйшимъ чтеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упражненіемъ въ чешскомъ языкѣ и дадутъ ему возможность поскорѣй ознакомить съ изданіемъ польское общество. Дружба двухъ поэтовъ скрѣплена была посвященіемъ Челаковскимъ Бродзинскому вышедшаго въ 1825 г. второго томика славянскихъ народныхъ пѣсенъ [2]). Бродзинскій въ первые дни знакомства съ Челаковскимъ написалъ ему на память стихотвореніе [3]), въ которомъ съ похвалой и сердечнымъ сочувствіемъ привѣтствовалъ обращеніе чешскаго поэта къ чистому источнику поэзіи — славянской народной пѣснѣ. Тогда же онъ написалъ нѣсколько стиховъ и въ знаменитомъ альбомѣ Ганки.

Пребываніе Бродзинскаго въ Прагѣ было кратковременно, — по свидѣтельству Челаковскаго, онъ предполагалъ пробыть здѣсь только недѣлю [4]), — но въ исторіи развитія чешско-польскихъ литературныхъ связей оно является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ, имѣвшимъ несомнѣнное вліяніе на дальнѣйшій ростъ ихъ и укрѣпленіе. Въ кругу пражскихъ литераторовъ и ученыхъ онъ подготовилъ дружескую встрѣчу и пріемъ явившемуся сюда нѣсколько позже Кухарскому.

Съ рекомендаціями старыхъ знакомыхъ и друзей патріарха славяновѣдѣнія явился въ Прагу молодой варшав-

[1]) „Zoufal nad vší možností časoměrných polských veršů, blahoslaviv nás", сообщалъ Челаковскій о результатахъ своихъ бесѣдъ по этому вопросу Камариту. Sebr. listy, str. 171.

[2]) Slowanské národnj pjsně. Djl druhý. W Praze. 1825. Посвященъ: „Přjteli swému wáženému a milému, Kazimjrowi Brodzińskému, Professorowi krasowědy a literatury Polské, spolu tagemnjku při universitátu Waršawském".

[3]) Сообщено нами въ точной копіи съ подлинника, сохранившагося въ бумагахъ Челаковскаго, въ Изборникѣ Кіевскомъ, посвящ. Т. Д. Флоринскому, Кіевъ, 1904, стр. 218. Раньше напечатано было въ ж. Tygodnik liter., 1842, str. 355, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ оригинала.

[4]) Sebr. listy, str. 154.

скій стипендіатъ. Линде, поручая вниманію аббата своего бывшаго ученика, просилъ его дать ему первое крещеніе въ той области знаній, въ которой авторитетъ Добровскаго былъ такъ великъ[1]). „Въ его инструкціи, — говорилъ Линде, — пребываніе у васъ и пользованіе вашимъ руководствомъ поставлено на первомъ планѣ.“ Такъ какъ инструкція могла имѣть нѣкоторые недостатки, то Линде просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Добровскаго сдѣлать въ ней тѣ измѣненія, какія онъ найдетъ нужнымъ: „Здѣсь (т. е. въ Варшавѣ) они будутъ приняты съ полной благодарностью“.

Бандтке, давно и близко знавшій великаго аббата и самъ немало въ теченіе ряда лѣтъ пользовавшійся его совѣтами и уроками, прямо заявлялъ, что Кухарскій больше всего можетъ научиться у Добровскаго[2]). Инструкція опредѣляла на занятія въ Прагѣ цѣлый годъ, но Кухарскій не придерживался ея строго, быть можетъ, слѣдуя совѣтамъ пражскихъ учителей, измѣнившихъ ея указанія.

Обширное донесеніе изъ Будишина, писанное въ октябрѣ 1826 г.[3]), даетъ достаточно ясную картину научныхъ занятій Кухарскаго въ Прагѣ. Запасъ свѣдѣній, относящихся къ предмету спеціальныхъ его изученій и пріобрѣтенныхъ въ Варшавѣ, Краковѣ и Вратиславлѣ, Кухарскій, по его признанію, значительно расширилъ благодаря успѣшнымъ занятіямъ въ Прагѣ, въ школѣ великаго аббата. „Слѣдуя инструкціи, данной мнѣ нашимъ министерствомъ, — доносилъ Кухарскій, — и устнымъ указаніямъ, сообщеннымъ мнѣ до моей поѣздки ученымъ Линде; пользуясь при этомъ частыми бесѣдами, которыя я велъ по предмету славяновѣдѣнія съ ученымъ Бандтке въ Краковѣ, съ знаменитымъ изслѣдователемъ языка, исторіи и литературы славянской Добровскимъ, а равно и съ дѣйствительными знатоками и почитателями славянства, I. Юнгманномъ, Ганкой, Челаковскимъ и другими, я старался въ теченіе шестимѣсячнаго пребыванія въ Прагѣ познакомиться прежде всего съ чешскимъ языкомъ, географіей, исторіей, литературой и древ-

[1]) См. приложенія, стр. XI—XII.

[2]) Vzájemné dop., str. 172, письма отъ 8 дек. и половины дек. 1825 г.: „Ich behaupte, dass H. Kucharski von Ihnen am meisten lernen kann, und ich hoffe, dass er es auch thun wird“. „Er soll die Verschiedenheit der slavischen Dialecte lernen und da kann er von niemandem mehr lernen, als von Ihnen.“ Ср. еще письмо Воронича, прилож., стр. XXIII.

[3]) Pamięln. Warsz., I, 1829, str. 267.

ностями чешскаго народа, и при этомъ въ такой мѣрѣ, чтобы знать не только всѣ труды, относящіеся къ каждой изъ этихъ наукъ, но и умѣть указать наилучшіе изъ нихъ, отмѣтить во множествѣ другихъ промахи, ошибки или недостатки ихъ и быть въ состояніи изложить все основательнѣе моихъ предшественниковъ, подвинуть всякую изучаемую область на шагъ впередъ, какъ это обязанъ дѣлать ученый (jak to jest powinnością chodzącego około nauki)." Въ достиженіи этой обширнѣйшей цѣли, при ограниченномъ времени, Кухарскому чрезвычайно много помогли, какъ названныя лица, такъ и другіе пражскіе и чешскіе ученые. Всѣ они, по его признанію, помогали ему и своими совѣтами, и книгами, и всякими другими пособіями съ величайшею готовностью. „Panuje tu życie sławiańszczyzny", съ восторгомъ отзывается Кухарскій о Прагѣ и ея ученой семьѣ, дружески встрѣтившей рѣдкаго славянскаго гостя [1]).

Занятія Кухарскаго чешскимъ языкомъ начались ознакомленіемъ въ пражскихъ библіотекахъ съ различными грамматиками, перечисленными въ „Исторіи литературы" Юнгманна. Этотъ предварительный экскурсъ далъ ему возможность составить себѣ, какъ онъ увѣряетъ, основательное представленіе объ исторической грамматикѣ чешскаго языка и исторіи критической чешской грамматики (wyobrażenie dokładne grammatyki historycznej, oraz historyi krytycznej grammatyki czeskiej).

Особенно занимали Кухарскаго вопросы чешскаго правописанія и просодіи. Еще въ 1825 г., до поѣздки въ славянскія земли, онъ издалъ въ Варшавѣ трактатъ: „Księdza Stanisława Zaborowskiego Ortografia Polska [2])," какъ первую

[1]) „Máme tu nyní hodného Poláka, — писалъ 15 февр. 1826 г. Челаковскій Камариту, — prof. Kucharského z Varšavy, který se u nás ještě asi čtyry měsíce zdrží, uče se česky. Již tedy i v Polště se začíná sudba Slovanštiny... Máme ho tu jak náleží rádi, a zvláště já, an zase jednou s kým mohu trochu po polsky zašvitořit." Sebr. listy, str. 188. Приглашая Камарита въ мартѣ 1826 г. заглянуть въ Прагу, Челаковскій обѣщаетъ другу: „Tu poznáš i našeho milého Kucharského". Тогда же, очевидно, со словъ Кухарскаго, сообщалъ Камариту радостную вѣсть: „Ve Varšavě zakládají novou společnost milovníků Slovanštiny vůbec, ta může miti dobrý prospěch, ano Varšava jakoby v srdci Slovanů, takových by bylo k přání více." Ibid., str. 191.

[2]) Z łacińskiego na polski język przełożona z przydaniem uwag tłómacza, tudzież Ortografii Seklucyana i spisu bibliograficznego grammatyk i słowników polskich, przez Andrzeja Kucharskiego, Professora Szkoły Wojewódzkiej Lubelskiej. См. Popis publiczny uczniów Szkoły Woj. Lubelskiej,

попытку пролить свѣтъ на польскую просодію и обратить вниманіе на необходимость реформы правописанія. Въ болѣе ранней статьѣ: „O akcencie języka polskiego“ [1]) онъ коснулся того же вопроса, при чемъ, по его увѣренію, взглядъ его на просодію польскую совершенно совпалъ со взглядомъ Добровскаго, явившагося сторонникомъ акцента. Онъ замѣтилъ, что по этимъ вопросамъ разногласія чешскихъ ученыхъ были особенно велики. Пребываніе въ Прагѣ, ознакомленіе съ доводами той и другой стороны, частыя встрѣчи и бесѣды съ чешскими учеными-филологами, разспросы и личныя наблюденія настолько разъяснили ему суть этихъ разногласій и споровъ, что онъ могъ дать о нихъ основательный и критическій отчетъ. Даже на далекомъ славянскомъ югѣ онъ продолжаетъ интересоваться вопросомъ преобразованія чешской орѳографіи. Ганка поддерживаетъ въ немъ этотъ интересъ. „Вы вспоминаете о вновь возникшихъ орѳографическихъ спорахъ (kłótniach)“, отвѣчаетъ ему Кухарскій на одно изъ сообщеній. „Прошу васъ прислать мнѣ эти брошюрки, ибо, хотя мои сужденія въ этомъ отношеніи, можетъ быть, и слабы, однако я желалъ бы всѣми моими силами принять участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ... Я думаю, что если вы будете постановлять что-либо въ орѳографіи, то спросите и меня“. Послѣ занятій въ Загребѣ у него имѣлись нѣкоторыя наблюденія надъ нуждами и стремленіями „иллировъ“, и этими указаніями онъ могъ быть полезенъ пражскимъ реформаторамъ [2]).

Лучшимъ трудомъ въ области чешской грамматики онъ признаетъ, конечно, грамматику Добровскаго, въ которой представлена какъ бы картина развитія языка (stanowiąca niejako obraz mowy) и дана, хотя и слишкомъ краткая, исторія чешскихъ грамматическихъ изученій. Составленное по грамматикѣ Добровскаго чешское пособіе Ганки (1822 г.) приноситъ тоже честь чешской литературѣ, но при чтеніи этого руководства у Кухарскаго возникали кое-какія недоумѣнія, которыя были затѣмъ устранены личными разъясненіями автора, въ болѣе важныхъ частяхъ своей грамматики сообщившаго ему и нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія.

Warszawa, 1825. Съ похвалой отмѣчено Кеппеномъ въ Библіогр. Листахъ, 1825, № 24, стр. 348.

[1]) Gazeta liter., 1822, № 32, str. 127.

[2]) См. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 583 и сл., гдѣ орѳографическіе проекты свои Кухарскій развиваетъ подробно.

Только въ Прагѣ, среди чеховъ, Кухарскій научился правильному чешскому произношенію, котораго нельзя было усвоить себѣ изъ чешскихъ грамматикъ, написанныхъ для чеховъ или нѣмцевъ. Здѣсь Кухарскій занялся составленіемъ таблицы, начатой еще въ Краковѣ, въ которой представилъ сравненіе языковъ чешскаго и польскаго. Это былъ, повидимому, лишь первый опытъ задуманныхъ имъ наглядныхъ „алфавитно-діалектическихъ таблицъ“ славянскихъ нарѣчій. Такъ какъ нарѣчія эти различаются не только особенностями звуковыми или формальными, но каждое изъ нихъ имѣетъ еще извѣстное количество ему только свойственныхъ словъ, то Кухарскій, въ дополненіе къ названнымъ таблицамъ, занялся собираніемъ чешскихъ словъ, чуждыхъ совершенно польскому языку, руководствуясь и въ этой работѣ указаніями Добровскаго.

Съ чешскимъ языкомъ Кухарскій успѣлъ ознакомиться, безъ сомнѣнія, основательно, какъ теоретически, такъ и практически [1]). Для практическаго упражненія онъ перевелъ на польскій языкъ значительную часть Краледворской рукописи размѣромъ подлинника [2]). Ганка и Челаковскій были при этомъ его совѣтниками и рецензентами, коимъ онъ читалъ свой переводъ. Кромѣ того, Кухарскій прочелъ всю хронику Далимила въ редакціи, приготовленной къ печати Ганкою, и перевелъ ее устно подъ его руководствомъ; онъ знакомился съ „старымъ чешскимъ стилемъ“ по извѣстному изданію „Starobylá Skládaní“, прочелъ Чешскую хронику Энея Сильвія въ чешскомъ переводѣ Н. Конача, занимался съ Юнгманномъ чтеніемъ различныхъ образцовъ поэзіи и прозы по его „Slovesnosti“ и т. д. [3]). „Этотъ ученый мужъ, — го-

[1]) Въ февралѣ 1826 г. Челаковскій писалъ о Кухарскомъ Камариту, что онъ „již hezky po česku štěbetá“. Sebr. listy, str. 188.

[2]) Въ третьемъ изданіи (1835 г.) Краледв. р. Ганка помѣстилъ польскій переводъ нѣкоторыхъ пѣсенъ RK. Переводъ большинства ихъ сдѣланъ Л. Семенскимъ, и только одна изъ пѣсенъ — „Benesz Hermanów“ переведена Кухарскимъ, помѣщенный здѣсь текстъ совпадаетъ не съ извѣстнымъ намъ рифмованнымъ переводомъ Семенскаго, а съ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи собственноручнымъ спискомъ Кух. На томъ же листѣ нашей рукописи находимъ еще переводъ пѣсенъ: „Ulrych i Bolesław“ и „Jarosław“ (отрывокъ).

[3]) „Wszyscy uczeni tutejsi ofiarowali mi w darze swoje dzieła, mianowicie Jungmann, najpoczciwszy i najuczeńszy Jungmann Józef, ofiarował mi swoję Historyą Lit. Czeskiej, wyborne dzieło, swoję Slowesnost i t. d.“ Rozmait. Warsz., 1826, № 33, str. 255.

воритъ Кухарскій, — усердный и неутомимый въ трудахъ на пользу чешской литературы, открылъ мнѣ сокровеннѣйшія тайны богатой и обильной разнообразными оборотами и выраженіями чешской рѣчи". Въ числѣ друзей и учителей Кухарскаго былъ и поэтъ Ф. Л. Челаковскій, съ которымъ онъ прочелъ много отрывковъ поэзіи и прозы чешской, доставляя ему за поучительные уроки возможность бесѣдовать по-польски. Для всесторонняго изученія чешскаго языка онъ читаетъ періодическія изданія [1]), ученыя и политическія, посѣщаетъ чешскія театральныя представленія, народныя гулянья [2]), церковныя проповѣди [3]), ведетъ со всѣми, насколько возможно, разговоръ по-чешски, занимается даже составленіемъ чешско-польскаго словаря [4]) и т. д. По совѣту Добровскаго онъ сталъ посѣщать и чтенія Неѣдлаго по чешскому языку и литературѣ, но лекціи, состоявшія въ простомъ перечитываніи Неѣдлымъ напечатанной имъ же грамматики, не могли удовлетворить Кухарскаго, и онъ ограничился лишь нѣсколькими посѣщеніями ихъ.

Параллельно съ занятіями по языку Кухарскій изучаетъ географію, исторію, литературу и древности чешскія. Но существовавшія пособія по географіи Чехіи не удовлетворили его [5]). „Для насъ, — говоритъ онъ, — особенно важно знать славянско-чешскія имена горъ, рѣкъ, городовъ, деревень и пр., дабы мы могли называть славянскія мѣста по-славянски". При этомъ Кухарскій сообщаетъ извѣстіе о предстоящемъ въ скоромъ временн выходѣ въ свѣтъ географическаго труда о Чехіи, который удовлетворитъ желаніямъ всѣхъ славянскихъ ученыхъ. Для занятій исторіей и литера-

---

[1]) Кухарскій былъ однимъ изъ первыхъ подписчиковъ на только-что зародившійся Časopis spol. wlastenského Museu n. Въ вып. III-емъ 1827 г. его имя стоитъ въ спискѣ рядомъ съ именемъ В. А. Жуковскаго.

[2]) См. Rozmait. Warsz., 1826, № 35, str. 270—271, гдѣ имъ дано подробное описаніе двухъ народныхъ гуляній. Ср. V. Francev: „A. F. Kucharski o Slamníku a Fidlovačce r. 1826", въ ж. Český lid, XV, 1906, č. 8, str. 386—388.

[3]) „Jeśli idę do kościoła, a chodzę co niedziela, idę tam, gdzie mogę słyszeć kazanie czeskie; jeśli idę na teatr, idę najchętniej na reprezentacyą czeską i żadnej, jeśli jest w tym języku, nie opuszczam." Rozmait. Warsz., 1826, № 33, str. 255.

[4]) Объ этомъ говоритъ Челаковскій въ письмѣ къ Камариту, въ февр. 1826 г. Sebr. listy, str. 189. Ср. Rozmait. Warsz., l. c., str. 255.

[5]) Предпочтительнѣе онъ пользовался трудами: Шаллера, Дундера, Длабача.

турой Чехіи онъ находитъ необходимыя указанія у Пельцеля и Юнгманна; съ особенной похвалой отзывается онъ о трудѣ послѣдняго. Но Кухарскій не ограничился лишь изученіемъ этихъ книжныхъ пособій.

Во время пребыванія своего въ Прагѣ, центрѣ исторической жизни Чехіи, онъ тщательно изучаетъ какъ топографію города, такъ и достопримѣчательнѣйшіе историческіе памятники его. Знакомясь съ чешской исторіей по Пельцелю, онъ имѣетъ предъ собой географическую карту Чехіи и отмѣчаетъ на ней наиболѣе важные пункты. Одновременно онъ изучаетъ въ собраніи гр. Штернберга чешскую нумизматику и даже занимается собираніемъ монетъ. Со временемъ онъ намѣренъ былъ опубликовать результаты своихъ изученій по славянско-чешской исторіи [1]).

Въ занятіяхъ старой чешской письменностью было необходимо придти къ ближайшему знакомству съ рукописями, въ томъ числѣ и съ тѣми, „подлинность и древность“ которыхъ была заподозрѣна. Кухарскій постановилъ самостоятельно изучить этотъ вопросъ. Разсмотрѣвъ рукописи, прочитавши ихъ и относящіяся къ нимъ рецензіи и документы (papiery), узнавши въ устныхъ бесѣдахъ съ представителями обѣихъ сторонъ ихъ мнѣнія и доказательства, онъ, какъ ему казалось, пришелъ къ извѣстнымъ заключеніямъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не сообщилъ намъ результатовъ своихъ самостоятельныхъ наблюденій, такъ какъ желалъ дать имъ время созрѣть (chcę by dojrzewały do czasu właściwego).

Чтеніе рукописныхъ чешскихъ памятниковъ должно было способствовать палеографическому образованію Кухарскаго и развитію въ немъ критической способности. Вмѣстѣ съ Ганкой онъ посѣщаетъ библіотеку пражскаго капитула и находитъ въ ней цѣлый рядъ рукописей, заключающихъ переводы древнихъ писателей, свѣдѣнія, разъясняющія исторію, право, обычаи и нравы чешскіе. Знакомство съ этими рукописными памятниками, по словамъ Кухарскаго, было для него чрезвычайно полезно: оно исправило и расширило его прежнія научныя пріобрѣтенія въ области чешской. Изъ нихъ, равно какъ и изъ рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ, Кухарскій съ особеннымъ вниманіемъ з-

[1]) „Myśli moje, powzięte z czytania dziejów sławiańsko-czeskich, w przyzwoitem miejscu i czasie spodziewam się ogłosić.“ Pamiętn. Warsz., I, 1829, str. 273.

бираетъ то, что имѣетъ отношеніе къ языку, географіи, исторіи и древностямъ чешскимъ. По литературѣ онъ просматриваетъ переводы древнихъ авторовъ, различные чешскіе переводы и изданія библіи, не забывая и о плодахъ новѣйшей изящной словесности; въ старой письменности преимущественно знакомится съ произведеніями, отличающимися отборнымъ стилемъ, руководствуясь въ этомъ выборѣ „Исторіей литературы“ Юнгманна.

Программу изученія славянскихъ древностей (czyli nauki obyczajów i zwyczajów słowiańskich) Кухарскій выработалъ себѣ по новѣйшимъ и лучшимъ трудамъ по классической древности. Главные отдѣлы древностей въ ней составляютъ жизнь религіозная, гражданская, военная, частный бытъ. Кухарскій сожалѣетъ, что въ этомъ отношеніи славянская старина такъ еще мало разъяснена, что въ этой области предпринято до сихъ поръ такъ мало работъ. Лучшимъ пособіемъ для изученія древности чешской онъ называетъ Странскаго: „De republica Bojema“. Этотъ трудъ онъ перечитывалъ часто; журнальныя же статьи по этому предмету не имѣютъ значенія. Но тутъ нельзя ограничиваться только книгами. Историкъ быта долженъ обратиться и къ другимъ источникамъ. Къ нимъ относится народная поэзія, воспѣвающая и описывающая обычаи и нравы чешскихъ славянъ, собранія древней утвари, орудій, оружія, урнъ и пр.; живетъ еще и народъ, онъ поетъ и разсказываетъ о старыхъ дѣяніяхъ и суевѣріяхъ (zabobony) и сохраняетъ нѣкоторые старые обычаи. Вотъ матеріалъ, который необходимо собрать и изучить, чтобы положить его въ основаніе будущихъ чешскихъ древностей. Конечно, сдѣлать это въ состояніи только туземецъ, чехъ. Памятуя совѣтъ инструкціи, Кухарскій занимается собираніемъ этого матеріала, при чемъ по его просьбѣ нѣкоторые чешскіе ученые охотно согласились собирать всякія свѣдѣнія, касающіяся бытовой старины чешскаго народа (chętnie się podjęli proszeni przezemnie mężowie zbierać wszelkie do tego wiadomości).

Изучивши тщательно все, что до сихъ поръ сдѣлано было въ области древностей чешскихъ, Кухарскій перешелъ къ разсмотрѣнію рукописей древнѣйшихъ чешскихъ законовъ. И эта область оказалась мало разработанной. „Матерія эта подлежитъ большой критикѣ“, говоритъ онъ.

Пребываніе въ Прагѣ, въ школѣ патріарха славистики и непосредственные уроки великаго учителя имѣли однако

значеніе не только для спеціально чешскихъ изученій Кухарскаго. Драгоцѣннѣйшіе уроки и указанія такого наставника, какъ Добровскій, не могли ограничиваться только чешской письменностью, языкомъ, исторіей и пр.[1]).

Повидимому, подъ вліяніемъ уроковъ чешскаго языка Кухарскій еще больше утвердился въ своемъ предпочтеніи метрическаго стиха тоническому. Чешскій языкъ лучше всѣхъ славянскихъ языковъ сохранилъ долготу гласныхъ, и эта особенность составляетъ большое преимущество его предъ прочими славянскими языками. Читая Буколики Виргилія въ переводѣ Винаржицкаго, Кухарскій восхищается прекрасной чешской просодіей; онъ настолько убѣжденъ былъ въ прелести метрическаго стиха, что считалъ основнымъ принципомъ славянскаго стихосложенія „iloczas, časomíru“ и, по увѣренію Челаковскаго, серьезно помышлялъ о введеніи этого принципа въ поэзію польскую[2]), при чемъ образцомъ должны были служить основанія чешскаго стихосложенія[3]).

Споры и бесѣды о преимуществахъ того или другого стихосложенія были въ литературномъ пражскомъ кругу явленіемъ частымъ, и Кухарскій принималъ въ нихъ горячее

---

[1]) А. Ивановскій въ ст.: „Славянистъ Кухарскій и его библіотека“, Литерат. Библ., 1867, т. IX, № 17, стр. 105, говоритъ, что въ библ. Добровскаго и подъ его руководствомъ Кухарскій собиралъ также матеріалы „для предполагаемой (?) спеціальной этнографической карты Россійской имперіи“. Сообщеніе едва ли заслуживаетъ довѣрія.

[2]) Въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 14 авг. 1829 г. Кухарскій говоритъ: „Wirgiliowe Bukoliki Winarzyckiego przywodzą mi na pamięć drugie pierwszeństwo, jakie macie przed wszystkiemi słowianami, waszą wyborną prosodyę“. То же онъ повторяетъ позже въ письмѣ о чешской литературѣ въ Tygodn. Petersb., 1830, str. 278—279: „Ze wszystkich narodów słowiańskich najpiękniej czeski dochował iloczas swego języka...“ Представивъ далѣе краткій очеркъ борьбы двухъ принциповъ въ чешскомъ стихосложеніи, Кухарскій заключаетъ: „Jeżeli które, to zaiste słowiańskie języki za główną zasadę w wierszowaniu uważać powinny nie tak przypiew, jako raczej iloczas i należące do niego następstwo (positio). Tym bowiem jedynie sposobem można się w nich ustrzedz przykrego zbiegu spółgłosek i zbytniej ich wielości. P. Palacki, wsparty pomocą światłych rodaków, zupełne odniosł nad akcentystami zwycięstwo. S pociechą czytamy coraz większą liczbę poematów podług jego, czyli raczej podług klassycznych Greków i Rzymian, zasad ułożonych. Poezya teraz czeska podobna do muzyki, co przez rozmaitość tonów wyższych i niższych, dłuższych i krótszych, przy rozlicznym ich układzie, przedziera się do serc wszystkich i każdego zachwyca“.

[3]) „Jeho záměr jest do polského jazyka časomíru uvésti, a základy, o kterých jsme již spolu mluvili, zdají se dobré býti, nejvíce českým podobné.“ Sebr. listy, str. 188.

участіе. „S Kucharským... nyní pořáde o iloczasu (časomíře) rokujem", пишетъ Челаковскій Камариту въ февр. 1826 г. [1]). Увлеченіе Кухарскаго было настолько велико, и доводы его въ пользу „časomíry", по крайней мѣрѣ, относительно польскаго языка, настолько казались убѣдительными, что подъ вліяніемъ ихъ и Челаковскій испытываетъ свои силы въ польскомъ гекзаметрѣ [2]).

Но среди усердныхъ изученій чешскаго языка, письменности, исторіи и т. д. Кухарскій не забываетъ и общихъ изученій славянства (podnosiłem się do ogólnej nauki Słowiańszczyzny i innych dyalektów) и занимается въ то же время и другими нарѣчіями. Тутъ сильнѣе всего сказалось вліяніе учителя: уроки Добровскаго возбуждаютъ въ нашемъ путешественникѣ эти широкіе интересы, они создаютъ теперь новую программу занятій, въ дополненіе къ составленной въ Варшавѣ. Линде отлично понималъ значеніе этой руководящей роли Добровскаго, когда предлагалъ ему видоизмѣнить инструкцію по своему усмотрѣнію.

Частная библіотека Добровскаго, богатая всякаго рода рѣдкими славянскими первопечатными изданіями и рукописями, была къ услугамъ польскаго ученаго. „Съ величайшей готовностью этотъ почтеннѣйшій мужъ сообщалъ мнѣ различныя свои славянскія мысли (z największą chęcią przelewał we mnie mąż ten najzacniejszy wszelkie swoje myśli słowiańskie), разсматривалъ и читалъ со мною различныя facsimilia славянскихъ рѣдкостей, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ Европы. Онъ указывалъ мнѣ, гдѣ чего въ моемъ путешествіи надлежитъ мнѣ искать, въ чемъ основательнѣе, чѣмъ онъ самъ до сихъ поръ знаетъ, убѣдиться. Онъ объяснилъ мнѣ методъ,

---

[1]) Sebr. listy, str. 189.

[2]) Конечно, на сообщаемый имъ въ письмѣ къ Камариту (въ февр. 1826 г.) опытъ перевода изъ Гердера надо смотрѣть, какъ на поэтическую шутку. Вотъ этотъ польскій гекзаметръ чешскаго поэта:

„Ciebie miłości wołam — witajże do domku cichego,
Ty zdroju żądzy naszej, wad goicielko naszych;
Tyś nasz Plato, Galen; tyś nam i lekarz i lekarstwo,
Balsam w rany lejąc, zdrowie ty zawsze słodzisz.
Wiecznie widzą oczy raj, kiedy ich twe światło ożywia,
Wzgórki widzą w pląsach, w barwie radości padoł.
Obym twych się teraz słodkich ust dziewczyno dotknął,
Dźwięk jasny i miły bym jako lutnia wydał..."

Стихи, по словамъ Челаковскаго, очень понравились „нашимъ полякамъ", т. е. пражскимъ любителямъ польской поэзіи. Sebr. l., str. 190.

какимъ я долженъ вести свои занятія по славянской литературѣ (jakim około literatury słowiańskiej mam chodzić), какъ и чѣмъ въ ней заниматься. Тутъ же показывалъ мнѣ рѣдкія свои замѣтки, а также матеріалы, полученные послѣ смерти Дуриха; сообщалъ мнѣ не только свои мнѣнія, но и другихъ ученыхъ славянъ; давалъ для прочтенія даже письма и сообщенія славянскихъ ученыхъ, имъ получавшіяся и полученныя раньше, и велъ со мною по поводу ихъ бесѣды; дарилъ мнѣ свои труды, самъ указывалъ мнѣ нѣкоторыя ихъ ошибки и неточности, позволялъ пользоваться всякими своими книгами для моихъ научныхъ цѣлей и для чтенія. Онъ водилъ меня къ предсѣдателямъ и членамъ здѣшнихъ ученыхъ обществъ, устраивалъ доступъ въ библіотеки и собранія здѣшнихъ магнатовъ, и тутъ, какъ и въ публичныхъ учрежденіяхъ, самъ показывалъ наиболѣе достопримѣчательныя вещи. У него я упражнялся (przećwiczyłem się) въ сербскомъ верхнелужицкомъ языкѣ, ибо какъ разъ въ это время онъ занимался составленіемъ грамматики этого нарѣчія, и каждое воскресенье у него читали два молодыхъ серба, родомъ изъ-подъ Будишина, Евангеліе и Посланія. Наконецъ, онъ самъ перебралъ со мною (zrewidował) всю свою библіотеку, дабы не пропустить ничего изъ того, что̀ мнѣ надлежало видѣть и узнать у него". Кухарскій тщательно записывалъ и отмѣчалъ себѣ всѣ эти указанія и объясненія Добровскаго, не рѣшаясь положиться, при множествѣ ихъ, исключительно на свою память [1]). Въ Прагѣ же Кухарскій занялся чисто практическимъ изученіемъ глаголицы (wprawiałem się w czytanie głagolicy).

Мы отмѣтили выше взглядъ инструкціи, данной Кухарскому, на главную цѣль занятій стипендіата, отправлявшагося въ славянскія земли. Изученіе славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ должно было послужить средствомъ для развитія и усовершенствованія польскаго языка. И Кухарскій неизмѣнно такъ же смотритъ на конечную цѣль своихъ занятій славянской филологіей [2]).

---

[1]) Повидимому, Кухарскому слѣдуетъ приписать переводъ статьи Добровскаго: „Czy nazwisko Słowian od słowa czyli też od sławy pochodzi?" въ Rozmait. Naukowych, I, 1828. Переводъ подписанъ: A. K. (Andrzej Kucharski?), но редакція сборника заявляла, что получила ее „bezimiennie". Переводъ появился, вѣроятно, какъ дань признательности ученика великому учителю.

[2]) „Uważając zawsze naukę dyalektów słowiańskich jako środek do wyjaśnienia i udoskonalenia naszego Narodowego języka, historyi i literatury, baczyłem tu jeszcze i na to wszystko, com tylko mógł znaleść polskiego."

Поэтому онъ обращаетъ вниманіе на все, что только можетъ найти польскаго. У Ганки онъ находитъ отрывокъ какой-то польской старопечатной книги (szczątek podobno najstarszego druku polskiego) съ оригинальнымъ правописаніемъ; въ Музеѣ — чешскую рукопись, описывающую „Rozprawę Zamoyskiego z Maxymilianem pod Byczyną"; въ библіотекѣ гр. Ностица — рукопись Коперника; у самого Добровскаго — нѣкоторыя рѣдкія изданія польскихъ грамматикъ, доселѣ ему неизвѣстныя. Просмотрѣнъ былъ Кухарскимъ въ Музеѣ и списокъ грамотъ, относящихся къ исторіи Чехіи, Польши и Силезіи, хранящихся въ вѣнскомъ тайномъ придворномъ архивѣ (Geheim Haus- und Hof-Hauptarchiv). Страннымъ образомъ о Ганкѣ и о своихъ занятіяхъ съ нимъ Кухарскій въ своихъ донесеніяхъ сообщаетъ весьма мало: изъ будишинскаго отчета мы узнаемъ только, что подъ руководствомъ Ганки онъ занимался немного санскритомъ (pracowaliśmy nieco nad językiem sęskryckim, mając do tego dzieła pod ręką).

Вообще, пребываніе Кухарскаго въ Прагѣ и его занятія подъ руководствомъ названныхъ лицъ были, несомнѣнно, въ высокой степени плодотворны [1]). „Время мое, — говоритъ онъ, — въ общемъ было распредѣлено такимъ образомъ, что, позанявшись утромъ дома, я отправлялся къ Добровскому или въ публичную (университ.) библіотеку. По полудни просиживалъ съ Ганкою въ Національномъ Музеѣ, гдѣ находятся библіотека и кабинетъ древностей и нумизматическій. Проф. Юнгманна, занятаго весь день уроками, я посѣщалъ только по вечерамъ и въ праздники" [2]).

---

[1]) Въ отчетѣ Комиссіи онъ съ признательностью вспоминаетъ своихъ пражскихъ учителей: „Najzacniejsi mężowie i najuczeńsi! Dobrowski! Jungmanie! Hanko, Czelakowski! Niechaj złożone publicznie przed Rządem moim świadectwo waszego ku mnie przywiązania będzie dla Was wieczną z mej strony wdzięcznością i nagrodą".

[2]) Въ письмѣ изъ Праги отъ 21 марта 1825 г. Кухарскій говоритъ о своихъ знакомствахъ: „Odwiedzam tych, od których się czegoś nauczyć mogę, jakoto: Dobrowskiego, Hankę, Jungmana, Czelakowskiego, znanych już w Warszawie ze swojej nauki, także Machaczka, Chmeleńskiego, młodych poetów, lecz wybornych i t. d., zgoła poznaję tu prawie wszystkich uczonych w literaturze czeskiej, teraz żyjących, nie tylko tych, co w Pradze mieszkają, ale i tych, co przyjeżdżają do Pragi z różnych krajów czyli obwodów czeskich. Tak poznałem uczonego męża Ant. Marka, Liszkę i t. d." Въ университ. библіотекѣ онъ познакомился съ Циммерманомъ и Ваньекомъ (zacnym mężem i uczonym), которые облегчали ему полученіе книгъ. Rozmait. Warsz., 1826, № 33, str. 255.

Пребываніемъ въ Прагѣ Кухарскій воспользовался и для пріобрѣтенія тѣхъ книжныхъ пособій, безъ которыхъ въ будущей профессорской дѣятельности трудно было бы обойтись. Скромныя личныя средства не позволяли пріобрѣсти все, попадавшееся въ руки, для своей частной библіотеки; Кухарскій расчитывалъ на университетскую библіотеку, которая, съ учрежденіемъ славянской каѳедры, необходимо должна была позаботиться объ устройствѣ славянскаго отдѣленія. Поэтому уже къ первому отчету онъ приложилъ списокъ 211 чешскихъ книгъ и вообще bohemicorum [1]), которыя представлялся случай пріобрѣсти въ Прагѣ по весьма умѣренной цѣнѣ, и среди которыхъ были весьма рѣдкія и замѣчательныя изданія. Выборъ былъ сдѣланъ, надо признать, опытною рукою, несомнѣнно, при участіи пражскихъ учителей и друзей [2]), а значительную часть наиболѣе старыхъ и рѣдкихъ изданій уступалъ услужливый Ганка „единственно изъ усердія къ славянской литературѣ“ и только потому, что книги предназначались для Варшавы, уходили въ родственную, славянскую страну. Общая стоимость всей покупки составляла въ сущности ничтожную сумму 490 гульд., или 2124 польскихъ золотыхъ, но списокъ Кухарскаго, послѣ долгой волокиты представленный наконецъ на заключеніе директора публичной библ. Линде, былъ отвергнутъ въ полномъ видѣ, какъ вслѣдствіе отсутствія средствъ на пріобрѣтеніе всѣхъ книгъ, такъ и потому, что нѣкоторыя изъ нихъ уже имѣлись въ варшавской библ. Линде выбралъ изъ списка только наиболѣе, по его мнѣнію, важныя и рѣдкія изданія и поручилъ Кухарскому пріобрѣсти ихъ. Но разрѣшеніе пришло слишкомъ поздно: Кухарскій въ это время находился уже въ Вѣнѣ. Запоздавшій отвѣтъ Линде былъ для него тѣмъ болѣе непріятенъ, что, расчитывая на покупку университетомъ отборной чешской коллекціи, онъ многаго не пріобрѣлъ для себя лично. „Gdybym był wiedział o opinii p. Lindego, byłbym był dla siebie jeszcze więcej Czeszczyzny zakupił

[1]) „Spis dzieł czeskich, potrzebnych w oddziale Literatury Słowiańskiej do Biblioteki Królewskiej w Warszawie, ułożony przez Andr. Kucharskiego w Pradze w mies. Lipcu 1826“.

[2]) „Są to tylko dzieła najlepsze i dla mnie i dla użytku publicznego na przyszłość najpotrzebniejsze“, смѣло заявлялъ поэтому Кухарскій въ своемъ предложеніи. Всѣ книги раздѣлены были на пять группъ: I. Poezya (произведенія XVIII и XIX ст.). II. Proza: wymowa, styl, język i pisma peryodyczne naukowe. III. Literatura starożytna. IV. Filologija Czeska. V. Historya Czeska. Jeografia i t. d.

i jeszcze więcej za p. Lindego na siebie i na Ciebie włożył starań", высказывалъ онъ свое сожалѣніе Ганкѣ, прося его заняться исполненіемъ этого несвоевременнаго порученія и отправить книги въ Варшаву [1]).

Въ концѣ іюля 1826 г. Кухарскій покинулъ Прагу и Чехію, съ тѣмъ однако, чтобы вскорѣ снова вернуться сюда и закончить здѣсь свои занятія [2]). Снабженный рекомендательными письмами Добровскаго [3]) въ Будишинъ и Згорѣлецъ (Görlitz), Кухарскій отправился въ путь на Карловы Вары, Теплицы и Дрезденъ. По пути онъ не упускалъ изъ виду ничего интереснаго: знакомился съ страной, памятниками ея славянской старины, искалъ рукописей, старыхъ книгъ и пр. По крайней мѣрѣ, относительно Теплицъ Кухарскій сообщаетъ [4]), что онъ сдѣлалъ здѣсь необходимыя извлеченія изъ рукописнаго чешскаго канціонала [5]), хранящагося въ ратушѣ, а среди рукописей историческаго и географическаго содержанія замѣтилъ тутъ много такихъ, которыя имѣютъ отношеніе къ Польшѣ и польской Пруссіи, въ особенности же — къ славянскимъ землямъ Саксоніи.

Программа предпринятаго Кухарскимъ путешествія въ Германію была не особенно обширна и расчитана была, повидимому, на непродолжительное время. Главною цѣлью поѣздки были Лужицы, исходнымъ пунктомъ ея долженъ былъ служить Будишинъ, а изъ Будишина, послѣ обозрѣнія окрестныхъ сербо-лужицкихъ селеній и мѣстечекъ, черезъ Згорѣлецъ онъ предполагалъ прибыть въ Хотѣбузъ,

---

[1]) Узнавши отъ Кухарскаго о неудачѣ, постигшей его предложеніе, Копитарь писалъ Ганкѣ 2 мая 1828 г.: „Kucharski sagt mir, dass Linde Ihre Bücheranträge nicht gehörig gewürdigt habe. Ergo fac nobis concedas Dobrowsky's Literatur, Magazin etc., quae dudum flagitamus, et tu promisisti conditionate, atqui — ergo." Ягичъ, Источники, II, стр. 70.

[2]) „Podróż moję przez Czechy w różnych kierunkach ukończę dopiero z powrotem z Luzacyi, gdy je na zawsze opuszczę, udając się przez nie do dalszej Słowiańszczyzny..." Отчетъ отъ 18 окт. 1826 г.

[3]) Къ секретарю І. Г. Нейманну, съ которымъ, какъ мы видѣли, былъ знакомъ и Бобровскій. См. Ягичъ, Источники, II, стр. XVI—XVII, 634—637. „Opatrzył mię odjeżdżającego w listy do Budyszyna i Zgorzelic i jeszcze mię odprowadzając po drodze pomniki historyczne w mieście pokazywał i ostatnie dawał przestrogi. Ścigał mię aż do Budyszyna. Przybywszy bowiem do tego miasta i odwiedziwszy Ks. Biskupa tutejszego, dowiedziałem się od niego, że właśnie list polecający mię od Ks. Dobrowskiego z poczty odebrał," докладывалъ Кухарскій Комиссіи о заботахъ Добровскаго.

[4]) Въ отчетѣ изъ Вѣны отъ 4 іюля 1827 г. Pam. Warsz., 1829, III, 124.

[5]) Jungmann, Hist. lit., V. 51. 6.

отсюда направиться въ Берлинъ и черезъ Лейпцигъ и Дрезденъ возвратиться опять въ Прагу. О посѣщеніи „нѣкогда славянскихъ земель“ сѣверной Германіи на этотъ разъ Кухарскій не думалъ: онъ откладывалъ эту часть программы своего славянскаго путешествія на самый конецъ, когда на обратномъ пути изъ Петербурга въ Варшаву черезъ Кролевецъ (Königsberg) и Гданскъ (Danzig) находилъ болѣе удобнымъ проѣхать по сѣверной Германіи до Гамбурга и его окрестностей для историческихъ разысканій, обозрѣнія библіотекъ и сношеній съ любителями изученій славянства.

Въ Дрезденѣ Кухарскій неожиданно засидѣлся цѣлый мѣсяцъ. Вниманіе его привлекали, съ одной стороны, художественныя сокровища дрезденскихъ музеевъ и галлерей, при чемъ онъ всюду отмѣчаетъ преимущественно наиболѣе близкое его научнымъ интересамъ, имѣющее отношеніе или къ исторіи польской, или къ славянской вообще; съ другой стороны, его заинтересовала богатая королевская библіотека, и знакомству съ нею онъ посвятилъ болѣе всего времени. Библіотека эта, по словамъ Кухарскаго, обладаетъ замѣчательнымъ собраніемъ разнообразныхъ географическихъ картъ; онъ составилъ себѣ описаніе и каталогъ всѣхъ картъ польскихъ и другихъ славянскихъ земель; многое онъ пріобрѣлъ здѣсь у антикваріевъ. Небогатое собраніе славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ тоже было просмотрѣно имъ, и изъ рукописей сдѣланы были извлеченія. Пребываніемъ въ Дрезденѣ Кухарскій имѣлъ въ виду воспользоваться и для лучшей подготовки къ путешествію по Лужицамъ. Здѣсь онъ старается изучить исторію и географію древней Мисніи и прилежащихъ къ ней земель, а главнымъ образомъ — области такъ называемыхъ альтенбургскихъ вендовъ. По этому послѣднему вопросу Кухарскій особенно усердно старается собрать возможно полную литературу.

Ученыя знакомства въ Дрезденѣ, насколько можно судить по отчетамъ и письмамъ нашего путешественника, были не обширны. Спеціальные интересы сблизили его естественно лишь съ тѣми людьми, которые сами занимались славянствомъ. Такъ, онъ познакомился здѣсь съ профессоромъ Таппе, авторомъ извѣстной русской грамматики для нѣмцевъ, далѣе, съ проф. Беттигеромъ, ученымъ и извѣстнымъ беллетристомъ, который вмѣстѣ съ министромъ Ностицомъ занимался изданіемъ лужицкихъ пѣсенъ въ нѣмецкомъ переводѣ, съ свящ. Мильде, придворнымъ капел-

ланомъ саксонскаго короля, знавшимъ польскій языкъ, и др. лицами. Всѣ они, по заявленію Кухарскаго, не только оказывали ему всяческое содѣйствіе въ его ученыхъ занятіяхъ въ Дрезденѣ, но обѣщали свою помощь въ научныхъ дѣлахъ и на будущее время.

Изъ Дрездена въ первой половинѣ сентября (1826 г.) Кухарскій прибылъ въ Будишинъ, центръ Верхней Лужицы. Первой заботой его было приступить къ изученію сербскаго языка. Пособія, которыми онъ могъ пользоваться въ этихъ занятіяхъ, казались ему, однако, неудовлетворительными. Это были: Грамматика Тицина, Орѳографія Бирлинга, Грамматика Маттеи, которыя въ большей степени могутъ служить для ознакомленія съ исторіей лужицкаго языка и его правописаніемъ, нежели для практическаго изученія самаго языка. Изъ этого затрудненія выручилъ нашего путешественника Лубенскій, предоставившій въ его пользованіе рукопись своей грамматики. Повидимому, и это пособіе показалось Кухарскому недостаточнымъ, такъ какъ въ отчетѣ своемъ онъ говоритъ, что основательной (dokładnej) грамматики лужицкаго нарѣчія, которая удовлетворяла бы желаніямъ и нуждамъ славистовъ, можно ожидать только отъ учениковъ Добровскаго, студентовъ лужицкой семинаріи въ Прагѣ. Еще лучше было бы, по мнѣнію Кухарскаго, если бы самъ Добровскій взялъ на себя эту нелегкую задачу и довелъ до конца уже начатый имъ трудъ. Кухарскому извѣстно было, что работа его по составленію лужицкой грамматики далеко подвинулась впередъ; самъ онъ неоднократно бывалъ свидѣтелемъ общихъ трудовъ Добровскаго и его учениковъ по этому предмету.

Лучше всякихъ грамматикъ, написанныхъ для нѣмцевъ, оказалось практическое изученіе языка; особенно трудно было бы усвоить себѣ правильное произношеніе безъ упражненія въ разговорной рѣчи съ настоящими сербами. Однако являлось затрудненіе въ подысканіи себѣ свѣдущаго и опытнаго учителя. „Изъ духовенства, — говоритъ Кухарскій, — можно назвать только двухъ человѣкъ, которые знакомы съ сербской орѳографіей, при чемъ одинъ изъ нихъ знаетъ сербскій языкъ только практически и только то нарѣчіе, на которомъ говорятъ въ его приходѣ.“ Съ ними и другими сербами Кухарскій упражнялся въ чтеніи и хорошемъ произношеніи, сравнивалъ различные переводы библіи на верхнелужицкое нарѣчіе и т. п.

Еще одно серьезное препятствіе къ изученію сербскаго языка представляло, какъ основательно замѣтилъ Кухарскій, крайнее нестроеніе сербскаго правописанія, различія грамматическихъ формъ, разнообразіе произношенія, то твердаго, то мягкаго, то болѣе чистаго, то сближеннаго съ нѣмецкимъ, отсутствіе объединяющей и сглаживающей всѣ различія хорошей сербской грамматики, а вслѣдствіе этого — полное игнорированіе этого языка въ школѣ и въ администраціи. И здѣсь, какъ и въ Прагѣ, вмѣстѣ съ практическимъ изученіемъ сербскаго языка Кухарскій усердно занимается и теоретическими вопросами, а именно — составленіемъ „алфавитной орѳографическо-діалектической“ сербско-польской таблицы, въ коей желалъ представить въ наглядной картинѣ измѣненія гласныхъ въ этихъ двухъ языкахъ.

Послѣ языка больше всего занимала Кухарскаго географія Лужицъ. На основаніи разнообразныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ книгъ [1]) и собранныхъ путемъ устнаго распроса, и по сообщеннымъ ему замѣткамъ Кухарскій составляетъ нѣмецко-сербскій списокъ населенныхъ сербами мѣстъ, считая такой трудъ наиболѣе важнымъ для славянскаго географа, такъ какъ прочія географическія свѣдѣнія касательно Лужицъ можно найти въ общихъ сочиненіяхъ по географіи Германіи или Саксоніи.

Сообщивъ въ отчетѣ своемъ краткія свѣдѣнія о современномъ ему состояніи верхней Лужицы, о количествѣ верхнихъ лужичанъ въ Саксоніи и Пруссіи, о числѣ ихъ приходовъ и церквей [2]), Кухарскій называетъ далѣе нѣкоторыя важнѣйшія пособія для ознакомленія съ Верхней Лужицей и отмѣчаетъ нѣкоторыя новѣйшія работы въ этой области: описаніемъ историческихъ матеріаловъ занимается Пешекъ,

---

[1]) Подъ рукой у Кухарскаго были, между прочимъ, Hoffmanni Scriptores rerum Lusaticarum, Lipsiae et Budissae, 1719, гдѣ помѣщенъ географическій Nomenclator Авраама Френцеля.

[2]) „Podzieleni są Serbowie górnołużyccy na saskich i pruskich, na ewangielickich i katolickich. Sascy mają 25 kościołów ewang., do których należy 300 przeszło osad, wynoszących około 50000 ludności, i 8 kościołów katolickich, ale 6 tylko parafii, mających do 60 osad, mieszczących około 10000 ludu, mieszkającego między Buduszynem a Kamieńcem. Pruscy liczą 30 kościołów ewang., ale tylko 160 osad, zaludnionych podług najnowszego obliczenia przez 30000 przeszło Serbów, i jednę tylko parafiią katolicką, mającą 13 osad a około 4000 ludności, tak iż ogółem posiadają Serbowie górnołużyccy 64 kościoły, przeszło 500 osad, t. j. wsi lub miasteczek, których ludność serbska wynosi do 100000.“

діаконъ въ Житавѣ; священникъ Ѳаддей Пацакъ работаетъ надъ составленіемъ нѣмецко-сербскаго словаря на основаніи рукописныхъ матеріаловъ свящ. Прокопа изъ Рожанта (Rosenthal).

Историческое изученіе прошлаго лужицкихъ сербовъ чрезвычайно затруднялось отсутствіемъ историческихъ памятниковъ. Лучшимъ трудомъ, посвященнымъ сербскому населенію Верхней Лужицы, Кухарскій считаетъ: „Oberlausitzer Sorbenwenden umständliche Kirchengeschichte“ (1767) Христіана Кнаута и по этой книгѣ главнымъ образомъ знакомится съ исторіей сербскаго народа.

Для исторіи языка онъ изучаетъ библейскіе переводы въ протестантскихъ изданіяхъ, въ католическомъ переводѣ Свотлика (1711 г., по рукописи библ. Будишинскаго капитула) и отрывки изъ „Мессіады“ Клопштока въ переводѣ Мьена; изъ нѣкоторыхъ памятниковъ онъ дѣлаетъ извлеченія. Городская библ. въ Будишинѣ дала тоже немало матеріала для исторіи сербской письменности, а благодаря знакомству съ духовными лицами онъ еще болѣе расширилъ свои замѣтки и даже пріобрѣлъ наиболѣе замѣчательныя протестантскія и католическія изданія, частью для себя, частью для варшавской университетской библіотеки.

Лучшимъ однако памятникомъ языка, литературы и древности сербской слѣдуетъ признать пѣсни этого народа. Кухарскій приступаетъ къ собиранію этого матеріала, такъ какъ оказалось, что сами лужичане собрали только весьма незначительное число пѣсенъ [1]). Къ сожалѣнію, онъ не называетъ тѣхъ собраній лужицкихъ пѣсенъ, съ которыми онъ познакомился. Изъ его словъ надо заключать, что его самостоятельная собирательская дѣятельность дала гораздо большее количество пѣсеннаго матеріала, чѣмъ собранія его предшественниковъ. „Видя, что скоро можетъ миновать пора собиранія пѣсенъ, я, — говоритъ Кухарскій, — записалъ въ различныхъ мѣстахъ здѣшней Сербіи значительное число ихъ съ мелодіями и не жалѣю потраченнаго на это времени. Почти всѣ пѣсни любовнаго содержанія. Лучшія изъ нихъ будутъ вскорѣ напечатаны въ четвертомъ томѣ сборника славянскихъ пѣсенъ, издаваемыхъ Челаковскимъ въ Прагѣ“.

Но, какъ извѣстно, четвертый томикъ собранія Челаковскаго не вышелъ. Нѣкоторыя изъ нижнелужицкихъ пѣсенъ,

[1]) „Małą bardzo ich liczbę znalazłem zebraną przez rodaków tutejszych.“

полученныхъ отъ Кухарскаго, Челаковскій напечаталъ нѣсколько позже въ Часописи Чешскаго Музея (1830 г.), п. з.: „Prostonárodní písně Slovanů v Lužici dolní", предпославъ имъ слѣдующія строки: „Любезнымъ другомъ Кухарскимъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ путешествовалъ по Лужицамъ, собирая всякаго рода славянскіе памятники, было доставлено мнѣ значительное собраніе простонародныхъ пѣсенъ этихъ славянъ и отдано мнѣ въ пользованіе. Изъ этого собранія пока сообщаются избранныя пѣсни на нижнелужицкомъ нарѣчіи" [1]). Горникъ [2]) высказываетъ предположеніе, что въ собираніи лужицкихъ пѣсенъ Кухарскому могъ оказывать содѣйствіе А. Лубенскій [3]), и что Кухарскій имѣлъ въ рукахъ первое болѣе значительное собраніе сербскихъ пѣсенъ офицера Бюнау (Bünau, всего 43 пѣсни), которое въ копіи имѣлъ д-ръ Антонъ въ Згорѣльцѣ. Дѣйствительно, Кухарскій въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ въ Згорѣльцѣ упоминаетъ о нижнелужицкой рукописи: „Kleines Niederlaus. Wend. Wörterbuch von K. G. Anton, nebst einem Anhange von Volksliedern zu derselben Sprache (słownika str. 158, pieśni 4 ark.)". Возможно, что Кухарскій воспользовался этимъ собраніемъ пѣсенъ, но изданныя Челаковскимъ нижнелужицкія пѣсни не тѣ, что у Лубенскаго или Антона. Горникъ полагаетъ, что и названіе „bamžojska pěseń", которымъ опредѣляется пѣсня подъ № 12 изъ числа изданныхъ Челаковскимъ [4]), и которое вовсе не встрѣчается въ нижнелужицкихъ книгахъ, Кухарскій вѣрнѣе всего узналъ отъ Лубенскаго. Но для этого предположенія онъ не приводитъ никакихъ основаній. Вѣрнѣе поэтому допустить, что Кухарскій записалъ это названіе вмѣстѣ съ самою пѣсней изъ устъ народа.

Кромѣ пѣсенъ народныхъ, Кухарскій изучаетъ и нравы и обычаи лужицкихъ сербовъ [5]), посѣщаетъ „горы, лѣса, ска-

---

[1]) Всего 11 цѣлыхъ пѣсенъ и отрывокъ 12-ой.

[2]) Čas. Mać. Serb., 1885, II, str. 181.

[3]) Странно, однако, что Лубенскій вовсе не упоминаетъ имени Кухарскаго въ числѣ своихъ славянскихъ знакомыхъ. Ср. Čas. Mać. Serb., 1848, str. 13.

[4]) Č. Č. Mus., 1830, str. 406.

[5]) „Ile mi tylko czas dozwalał, pracowałem i poznawałem sam na miejscu obyczaje i zwyczaje Łużyckich Serbów." Но пользуется также и статьей Горчанскаго въ Provinzialblätter d. Oberlaus. Gesellsch. d. Wiss., I, 1782: „Von den Sitten und Gebräuchen der heutigen Wenden". Рукописный сборникъ нижнелужицкихъ пѣсенъ Кухарскаго Шафарикъ отмѣчаетъ въ своемъ Библіогр. обозрѣніи въ Č. Č. Mus., 1838; ср. Денница, 1842, стр. 288.

лы и рѣки, гдѣ находятся еще слѣды божествъ, святынь и религіозныхъ обрядовъ древнихъ славянъ".

Изъ Будишина въ первой половинѣ ноября Кухарскій направился въ Згорѣлецъ (Görlitz). „Тутъ я больше мѣсяца работалъ надъ рукописями и сочиненіями, любезно предоставленными мнѣ изъ библіотеки здѣшняго ученаго общества", доносилъ онъ въ Варшаву. Ученая добыча, вывезенная изъ Згорѣльца, была, повидимому, особенно богата. Самъ Кухарскій признаетъ, что только тутъ онъ могъ наконецъ въ значительной части дополнить свои списки филологическихъ трудовъ касательно Лужицъ и исправить ошибки и промахи, повторявшіеся до него; а лужицкій историкъ Сюссмильхъ, котораго Кухарскій посѣтилъ въ Любинѣ (Lübben), въ своей статьѣ, посвященной его наблюденіямъ [1]), прямо ссылается на восторженный отзывъ Кухарскаго о занятіяхъ въ згорѣлецкой библіотекѣ [2]).

Больше всего занимала Кухарскаго рукопись Геннига (Hennig), заключающая историко-географическіе трактаты о залабскихъ славянахъ и словарь полабскаго языка. Изъ исторической части онъ сдѣлалъ для себя полное обозрѣніе содержанія, а словарь переписалъ весь. Полабскимъ словаремъ въ это же время, какъ извѣстно, занимался Челаковскій [3]). Изъ рукописнаго труда Антона по славянской филологіи (rękopism, obejmujący naukę filologii sławiańskiej) Кухарскій почерпнулъ свѣдѣнія о языкѣ верхне- и нижнелужицкомъ, о кашубскомъ и полабскомъ [4]). Не остались безъ вни-

---

[1]) Urtheil des Herrn Professor Kucharski über die wendischen Dialecte in der Lausitz, въ Neues Lausitz. Magazin, VI Bd., 2 Heft, Görlitz, 1827, S. 242—246.

[2]) „. . . Vorzüglich erwähnt er die für seine besondern Zwecke gewonnene literärische Ausbeute in der Bibliothek der Ober-Lausitz. Ges. der Wiss. zu Görlitz."

[3]) Вѣроятно, Челаковскій обратилъ на этотъ словарь вниманіе Кухарскаго. См. В. Францева, Остатки языка полабскихъ славянъ, изд. Ф. Л. Челаковскимъ. СПБ. 1901.

[4]) Изъ другихъ рукописей, принадлежавшихъ раньше историку Антону, онъ называетъ: „Górnołużyckie: 1. Neue Probe einer Oberlaus. Wend. Grammatik nach dem Budissinischen Dialect eingerichtet v. J. G. Schmutz. 4°. 212. 2. Kurze Anleitung zur Wendischen Sprache (pp. 137), nebst einem kleinen Wörterbuche (pp. 167 - 376) vom Jahre 1746. 8°. 3. Lexicon harmonico-etymologicum slavicum etc. colligebat Abraham Frencelius (4 vol.) 4. M. Geor. Körners, Predigers zu Bockau, Wendisches oder Slawonisch-Deutsches Wörterbuch. 2 vol. 4° pp. 584 et 592." Изъ нижнелуж.

манія и старыя лужицкія и иныя славянскія книги [1]). „Я работалъ надъ ними, описывалъ ихъ, дѣлалъ извлеченія, а иногда, смотря по надобности, цѣликомъ переписывалъ ихъ".

Занятія въ Будишинѣ и Згорѣльцѣ должны были въ достаточной мѣрѣ подготовить нашего путешественника къ дальнѣйшимъ успѣшнымъ изученіямъ лужицкаго народа. Въ половинѣ декабря онъ оставилъ гостепріимный Згорѣлецъ [2]) и черезъ Мужаковъ (Muskau) и Гродкъ (Spremberg) направился въ Хотѣбузъ (Chóśebuz, Cottbus), „центральный и важнѣйшій для слависта пунктъ въ Нижней Лужицѣ". Занятія начались и здѣсь съ изученія языка нижнихъ (właściwych) лужичанъ. Въ библіотекѣ мѣстной гимназіи Кухарскій нашелъ рукопись древнѣйшей грамматики этого нарѣчія, составленной Яномъ Хойнаномъ: „Linguae Vandalicae ad dialectum districtus Cotbusiani formandae aliqualis conatus etc." 1650 г., и не замедлилъ использовать заключающіеся въ этомъ трудѣ матеріалы для характеристики мѣстнаго говора; у священника Шмидта, перваго проповѣдника при сербской церкви, онъ находитъ рукописный нижнелужицкій словарь I. Г. Траге 1770—1775 г., въ двухъ томахъ (Niederlaus. Wend. Lexicon von J. G. Trage); отъ него же получаетъ въ даръ рукописный переводъ Посланій (Epistoły) на коморовскомъ нарѣчіи (w dyalekcie Komorowskim, Senftenberg). Проповѣдникъ Бронишъ въ Прицнѣ (Pricyń) написалъ на нѣсколькихъ листахъ спеціально для Кухарскаго ученое разсужденіе о нижнелужицкомъ нарѣчіи и поднесъ ему свой трудъ.

Какъ въ Будишинѣ для Верхней Лужицы, такъ въ Хотѣбузѣ для Нижней Кухарскій составляетъ нѣмецко-сербскій словарь населенныхъ мѣстъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ относительно Нижней Лужицы и ея тогдашняго положенія, Кухарскій рисуетъ довольно мрачныя картины. Такъ, онъ утвер-

---

только одну: „Kleines Niederlaus. Wend. Wörterbuch v. K. G. v. Anton, nebst einem Anhange von Volksliedern zu derselben Sprache. 4°. Słownika str. 158. Pieśni 4 ark."

[1]) Между прочимъ онъ нашелъ здѣсь глаголическое тюбингенское изданіе Н. Завѣта 1562—1563 и „Arcticae horulae" Бохорича (1584).

[2]) Въ числѣ ученыхъ, содѣйствовавшихъ занятіямъ Кухарскаго въ Згорѣльцѣ, былъ секретарь верхнелужицкаго общества I. Г. Нейманнъ. Добровскій поручалъ Кухарскаго его вниманію, а позже благодарилъ въ письмѣ отъ 9 апр. 1828 г.: „Für die Hrn Kucharski erwiesene Gefälligkeit haben Sie mich zu ähnlichen Diensten verpflichtet. Er selbst wird bei Gelegenheit nicht unterlassen, sich dessen dankbar zu erinnern". Ягичъ, Источники, II, стр. 636.

ждаетъ, что языкъ нижнихъ лужичанъ „въ большей части страны уже забытъ и окончательно испорченъ“, что уже мало такихъ сербовъ, которые говорятъ еще по-сербски, не слыша сербскаго богослуженія и не читая сербскаго катехизиса; такихъ можно найти только еще среди стариковъ. Виною этому является германизующее вліяніе школы и кое-гдѣ церкви.

И въ Нижней Лужицѣ Кухарскій занялся собираніемъ народныхъ пѣсенъ и преданій (powieści ludu), совершая съ этою цѣлью спеціальныя экскурсіи; въ то же время онъ собираетъ и матеріалы для географіи, литературы и древностей сербскихъ [1]). При содѣйствіи мѣстныхъ просвѣщенныхъ дѣятелей занятія Кухарскаго приносили обильные плоды, и въ отчетѣ Комиссіи онъ считаетъ долгомъ съ благодарностью вспомнить особенно много помогавшаго ему перваго пастора въ Пицнѣ (Peitz) Шиндлера, при помощи котораго и у котораго онъ собралъ особенно богатые матеріалы; также благодаритъ котвицкаго жителя В. Вильке (Wilke) и др. лицъ. Къ сожалѣнію, изъ мѣстныхъ жителей никто не интересовался лужицкимъ языкомъ и никто имъ не занимался; правда, всѣхъ вообще занималъ вопросъ, сохранится ли этотъ языкъ, или исчезнетъ, но при этомъ всѣ были убѣждены, что ему не удержаться.

Въ концѣ января 1827 года Кухарскій изъ Хотѣбуза прибылъ въ Любинъ (Lübben), гдѣ въ лицѣ совѣтника Сюссмильха (Regierungsrath Süssmilch) встрѣтилъ прекраснаго знатока лужицкой исторіи, указавшаго ему и критически оцѣнившаго источники для исторіи Нижней Лужицы [2]).

Съ Сюссмильхомъ Кухарскій, очевидно, сошелся весьма близко и посвятилъ его въ свои ученые проекты, по крайней мѣрѣ, относительно Лужицъ. Уже въ февралѣ 1827 года Сюссмильхъ познакомилъ читателей „Новаго Лужицкаго Магазина“ съ результатами занятій Кухарскаго лужицкими нарѣчіями, настолько наблюденія Кухарскаго казались ему важными и оригинальными, и настолько прочна была его увѣренность въ томъ, что молодой ученый дѣйствительно со временемъ осуществитъ всѣ свои разнообразнѣйшіе проекты и планы. Статья Сюссмильха написана была подъ живымъ

[1]) Здѣсь онъ пріобрѣтаетъ изданіе нижнелужицкой библіи 1824 г. (Берлинъ) и др. книги: „Nabyłem także kancyonałów, kazań, katechismów, różnych części biblii wcześniejszego wydania i t. d.“

[2]) „Er ist Geschichtsschreiber und Dichter, ein Mann voll Talent und Kenntnissen“, говоритъ о немъ Куничъ въ Gartenzeitung.

впечатлѣніемъ бесѣдъ съ Кухарскимъ и является поэтому весьма цѣннымъ дополненіемъ къ краткому и довольно сухому отчету о путешествіи варшавскаго стипендіата по Лужицамъ [1]).

Въ теченіе многихъ дней, которые Кухарскій провелъ въ Любинѣ, Сюссмильхъ имѣлъ возможность убѣдиться, что кандидатъ варшавскаго университета въ полной мѣрѣ способенъ оправдать возлагаемыя на него надежды. Кухарскій, по увѣренію Сюссмильха, относился къ своимъ задачамъ чрезвычайно добросовѣстно и предпринялъ свое лужицкое путешествіе съ основательными знаніями, съ хорошей предварительной подготовкой къ нему [2]).

Особенно продолжительное пребываніе Кухарскаго въ Хотѣбузѣ, по словамъ Сюссмильха, объяснялось тѣмъ, что онъ все болѣе и болѣе увлекался своимъ открытіемъ: удивительнымъ сходствомъ мѣстнаго лужицкаго говора съ польскимъ языкомъ. Не ограничиваясь оффиціальнымъ отчетомъ учебнымъ властямъ, Кухарскій по возвращеніи въ Варшаву предполагалъ познакомить и образованныхъ польскихъ читателей [3]) съ нѣкоторыми результатами своего, несомнѣнно, интереснаго и поучительнаго ученаго путешествія по Лужи-

---

[1]) Отчетъ написанъ былъ только 4 іюля 1827 г. въ Вѣнѣ.

[2]) „Es freut mich, dass ich hier in Lübben seine persönliche Bekanntschaft gemacht, denn ich habe in einem literärischen Verkehr von mehrern Tagen einen Mann kennen gelernt, der bei vielseitiger Bildung ganz geeignet ist, den ihm ertheilten Aufträgen zu gnügen, so dass den Landesbehörden der Entschluss und die getroffenen Maassregeln zur Bereisung, eben so wenig, wie die Wahl der Persönlichkeit, gereuen wird. In der Unterhaltung mit K. erlangt man bald die Ueberzeugung, dass er nicht illotis manibus das Werk begonnen, sondern sich mit den höchst nothwendigen Vorkenntnissen der Provinzial-Geschichtslitteratur ausgerüstet habe...“ Со статьей Сюссмильха Кухарскій познакомился уже въ Градцѣ и похвалами его былъ чрезвычайно польщенъ: „Abyście wiedzieli, — писалъ онъ варшавскимъ друзьямъ, — jakie wrażenie sprawiła moja osoba i podróż słowiańska na Niemcach i co o mnie sądzą, myślę wam cały ten artykuł odpisać i przesłać. Tyle pochwał nigdym się w życiu nie spodziewał...“ Gazeta Polska, 1828, № 265–266.

[3]) „Er ist gesonnen, nach seiner Rückkehr in Warschau, ausser seinem Ergon für die Staatsbehörden, auch ein Parergon für das literärische Publicum zu liefern.“ Матеріалъ для этого у Кухарскаго, конечно, имѣлся. Отъ Кухарскаго ожидалъ нѣсколько позже Шафарикъ какихъ-то лужицкихъ матеріаловъ, вѣроятно, для своей Народописи: „Od Kuch. ničeho více nepotřebuji: jsem bohudíky lužickými věcmi již zaopatřen.“ См. письмо его къ Мацѣевскому отъ 26 дек. 1836 г., въ Slov. Sborn., III, str. 416.

цамъ; по мнѣнію Сюссмильха, котораго Кухарскій познакомилъ съ планомъ задуманной работы, такой популярный очеркъ могъ бы заключать кое-что занимательное и для самихъ лужичанъ. Самъ Сюссмильхъ обѣщалъ просмотрѣть ту часть труда, которая ближайшимъ образомъ будетъ касаться хотѣбузской области, и, зная отношеніе Кухарскаго къ дѣлу и его сужденія по этому предмету, ожидалъ отъ проекта его хорошихъ результатовъ. Скромный провинціальный ученый особенно интересовался этимъ научно-популярнымъ проектомъ Кухарскаго еще и потому, что это былъ бы первый голосъ о лужицкомъ народѣ и его странѣ, который раздался бы на востокѣ, объективныя наблюденія путешественника-славянина, не предубѣжденнаго въ своемъ отношеніи къ лужицкимъ сербамъ [1]).

Сущность наблюденій Кухарскаго надъ лужицкими нарѣчіями и отношеніемъ ихъ къ языку польскому, какъ излагаетъ ихъ Сюссмильхъ, являющійся лишь простымъ референтомъ того, что сообщилъ ему Кухарскій, сводится къ слѣдующему.

Нижнелужицкое нарѣчіе стоитъ ближе всего, конечно, къ нарѣчію верхнелужицкому, но изъ двухъ этихъ нарѣчій нижнелужицкое болѣе сближено съ польскимъ, чѣмъ верхнелужицкое. Оба нарѣчія, какъ верхнелужицкое, такъ и нижнелужицкое, несмотря на ихъ сходство, слѣдуетъ однако считать вполнѣ самостоятельными нарѣчіями. Нижнелужицкое нарѣчіе, по наблюденію Кухарскаго, болѣе близко къ старому польскому народному языку (der alten polnischen Volks- und Bauersprache), чѣмъ къ языку позднѣйшихъ насельниковъ, т. н. ляховъ, или лехитовъ.

Какъ особенность, свойственную польскимъ народнымъ говорамъ въ Великой и Малой Польшѣ, онъ отмѣчаетъ произношеніе ц вм. ч, з вм. ж, с вм. ш, а эта черта сближаетъ эти говоры съ обоими лужицкими нарѣчіями, въ большей однако степени съ нижнелужицкимъ.

Изъ обширныхъ проектовъ Кухарскаго относительно всесторонняго научно-популярнаго описанія Лужицъ ничего

---

[1]) „Wir haben mehrere Reisebeschreibungen und Beobachtungen über unser Vaterland, alle aber gewöhnlich von Berichtserstattern und Wahlfahrtern aus dem westlichen Horizonte. Es wird nach grade Zeit, auch einmal einen Referenten aus dem östlichen Horizontdepartement zu hören. Es gibt Gründe genug, den Blick vom Abend nach Morgen zu wenden und sich in der Versatilität eines Januskopfs zu üben."

не вышло, какъ не вышло ничего и изъ многихъ другихъ плановъ его. Обѣщанныхъ для просмотра статей Сюссмильхъ не дождался, и ему не пришлось ничего исправлять въ нихъ. Только по пріѣздѣ въ Москву Кухарскій напечаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Погодина [1]) переводъ статьи пастора Рихтера: „О сербскомъ языкѣ въ отношеніи къ государству, церкви и народному образованію“. Статья эта, помѣщенная первоначально въ Lausitz. Magazin [2]), была проникнута столь враждебными къ сербскому народу чувствами, что появленіе ея въ московскомъ журналѣ, безъ всякаго введенія и необходимыхъ для русскаго читателя примѣчаній со стороны переводчика, было нѣсколько неожиданнымъ. Такое отношеніе Кухарскаго къ статьѣ Рихтера тѣмъ болѣе было странно, что онъ самъ рѣшительно не могъ раздѣлять взглядовъ его [3]).

Выборъ статьи Рихтера для перевода на русскій языкъ нельзя не признать особенно страннымъ послѣ того, какъ тотъ же Сюссмильхъ увѣряетъ, что изъ двухъ статей Lausitz. Magazin, архидіакона Корна и пастора Рихтера, о нижнелужицкомъ нарѣчіи Кухарскому особенно понравилась статья перваго автора [4]).

Между тѣмъ Погодинъ считалъ эту статью „отмѣнно важною“, потому что она выражала образъ мыслей яко бы всѣхъ вообще нѣмцевъ, и австрійскихъ, и прусскихъ, и баварскихъ, и саксонскихъ, о народѣ славянскомъ [5]).

---

[1]) 1830, часть III, стр. 354—372.

[2]) 1826, V Bd., 3 Heft, 305 и сл.

[3]) Сюссмильхъ замѣтилъ объ отношеніи Кухарскаго къ вопросу о судьбахъ лужицкихъ нарѣчій: „Es ist Hrn. K. zu verzeihen, wenn er allenthalben als Encomiast der slavischen Sprachen, die von mehreren Seiten verlautbarten Todesurtheil über die hiesigen Dialecte, übel empfindet, und hierin mit dem wackern M. Hauptmann übereinstimmend denkt, welcher Letzterer in der Vorrede zu seiner wendischen Grammatik, den hiesigen Dialecten wenigstens ein feierliches Leichenbegängniss, wie einst der jüdischen Synagoge, versichern will“.

[4]) „Von den beiden Aufsätzen ... hat ihm vorzüglich der Erstere gefallen, dahingegen ist er gesonnen, sich über mehrere in der zweiten Schrift enthaltene Urtheile selbst schriftlich umständlicher zu äussern.“

[5]) Нѣсколько примѣчаній, которыми снабдилъ переводъ Погодинъ, не заключали ничего существеннаго. Первое примѣчаніе, въ которомъ сказано нѣсколько словъ о сербахъ лужицкихъ и о языкѣ ихъ, что онъ „имѣетъ много сходства съ сербскимъ восточнымъ языкомъ въ Сербіи“, принадлежитъ Кухарскому! См. Моск. Вѣстн., 1830, ч. IV, стр. 83. Статья вызвала насмѣшки въ Сѣв. Пчелѣ; на нихъ отвѣчалъ редакторъ Моск. Вѣстн., ч. IV, № 13, стр. 83.

Занятія Кухарскаго въ берлинской королевской библіотеки сосредоточены были на славянскихъ рукописяхъ. Тутъ онъ изучаетъ неизвѣстный еще (wcale dotąd nieznany) лужицко-сербскій переводъ Новаго Завѣта Миклавша Якубицы 1548 г. и устанавливаетъ, что переводъ сдѣланъ на коморовское (senftenbergisch), или вѣрнѣе — на лѣсное (heidenwendisch[1]) нарѣчіе, среднее между верхнимъ и нижнимъ лужицкимъ. Изъ этой рукописи Кухарскій тоже дѣлаетъ для себя извлеченія[1]). Изъ другихъ рукописей онъ разсмотрѣлъ здѣсь славянско-латинскій словарь (z czasów nowszych), Псалтырь, Исторію Александра Вел., Часословецъ и пр. Изъ книгъ печатныхъ Кухарскаго особенно занимало прекрасное собраніе санскритскихъ произведеній (piękny zbiór dzieł sanskryckich). Онъ посѣщаетъ здѣсь лекціи по санскриту, читаетъ „Индійскую библіотеку“ Шлегеля, обозрѣваетъ славянскія древности въ королевскихъ собраніяхъ, знакомится съ выдающимися учеными: министромъ В. Гумбольдтомъ (филологомъ), географомъ Риттеромъ, оріенталистомъ Боппомъ, директоромъ археологическихъ собраній Левецовымъ, директоромъ исправительнаго заведенія для дѣтей, лужичаниномъ Копфомъ, знатокомъ народнаго языка и лужицкимъ писателемъ, и др. лицами. Вмѣстѣ съ Пуркиней, съ которымъ встрѣтился здѣсь случайно, онъ посѣщаетъ чешскія колоніи въ окрестностяхъ Берлина. Въ библіотекѣ Библейскаго общества онъ разсматриваетъ переводы библіи на индійскія нарѣчія и нѣкоторые славянскіе переводы (польскіе, чешскіе, лужицкіе) аскетической литературы. По просьбѣ директора гимназіи въ Хойницахъ (Konitz) Миллера Кухарскій составляетъ для польской учащейся молодежи Западной Пруссіи небольшую (z kilku arkuszy) польскую азбуку[2]), которая являлась какъ бы первымъ наброскомъ мыслей для будущей польской грамматики по системѣ Добровскаго.

Изъ Берлина Кухарскій возвращается въ Прагу черезъ Виттенбергъ и Галле. Въ языкѣ населенія около Галле онъ ищетъ слѣдовъ славянскаго языка, но никакихъ, конечно, не находитъ; обозрѣваетъ въ Галле университетскую библіотеку и собраніе древностей ученаго Тюрингенско-Саксонскаго об-

[1]) Впослѣдствіи. съ извращенной ссылкой на Кухарскаго, эту рукопись вноситъ въ свое описаніе С. Строевъ. См. Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. XVIII, стр. 565.

[2]) „Elementarz ten jest niejako pierwszym rzutem myśli do grammatyki polskiej podług zasad ks. Dobrowskiego.“

щества, при чемъ удостаивается избранія въ дѣйствительные члены его [1]); знакомится здѣсь съ учеными и профессорами: русскимъ проф. Якобомъ, изслѣдователемъ германскихъ древностей Крузе, проф. Ланге, проф. Радловымъ, извѣстнымъ знатокомъ нѣмецкихъ діалектовъ, префектомъ (przełożonym) нижнелужицкихъ студентовъ-богослововъ Марксомъ и др.

Въ Лейпцигѣ, въ библіотекѣ проповѣдническаго верхнелужицкаго общества при университетѣ Кухарскій изучаетъ сербскія рукописи: сербско-нѣмецкій словарь Шмутца, его же этимологическій сербско-нѣм. словарь, часть (А—В) словаря Лубенскаго, сербскую антологію, начатую въ 1822 г. членами проповѣдническаго общества и заключающую I пѣснь Мессіады Клопштока въ переводѣ Лагоды и произведенія Лубенскаго, Новака, Пецольта, Броскаго и Зейлеря (8°, стр. 143). Отъ Зейлеря онъ получилъ какой-то „значительнаго объема“ списокъ сербскихъ книгъ [2]); у него же, по словамъ Кухарскаго, находился и списокъ грамматики Шмутца. Въ архивахъ лейпцигскихъ и въ городской библіотекѣ ничего достойнаго вниманія славянскаго путешественника не оказалось.

Вернувшись въ началѣ апрѣля въ Прагу [3]), Кухарскій остается здѣсь цѣлыхъ шесть недѣль, въ ожиданіи резолюціи Комиссіи относительно предложенной имъ покупки чешскихъ книгъ для университетской библіотеки и подготовляясь къ дальнѣйшему путешествію, приводя въ порядокъ собранные матеріалы и дополняя свои познанія въ чешскомъ языкѣ и вообще о Чехіи. Не получивши никакого отвѣта отъ Комиссіи [4]), онъ двинулся въ путь и въ концѣ мая былъ уже въ Вѣнѣ.

---

[1]) „Zjednoczenie to (Thüringisch-Sächsischer Verein für Erforschung des vaterländischen Alterthumes etc.) raczyło mię zaszczycić dyplomem na czynnego w niem członka, co tym chętniej przyjąłem, że okres badań jego rozciąga się od Renu aż do Wisły, w którym starożytności krajów od Elby i Sali ku Wiśle równie obchodzą słowiańskiego, jak teutońskiego badacza.“

[2]) О знакомствѣ Кухарскаго съ Зейлеремъ см. F. L. Čelakovského, Sebr. listy, str. 202. М. Горникъ, Historija serbskeho naroda, Budyšin, 1884, str. 123, говоря о вліяніи славянскихъ знакомствъ на развитіе національной идеи у Зейлеря, ставитъ Кухарскаго рядомъ съ Палацкимъ и Милутиновичемъ.

[3]) 4-го апр. 1827 г. Челаковскій сообщаетъ другу своему, поэту Камариту, что собирается къ нему въ Таборъ дня на три, на четыре („na zelený čtvrtek tedy nejspíš“, т. е. въ страстной четвергъ) и обѣщаетъ привезти съ собой гостя, т. е. Кухарскаго, который „právě včera zas do Prahy se vrátil ze svých Lužických cest“. Sebr. listy, str. 201.

[4]) Въ первомъ донесеніи изъ Вѣны отъ 4 іюля 1827 г. Кухарскій еще разъ проситъ Комиссію разрѣшить ему покупку книгъ по списку,

Занятія Кухарскаго въ Вѣнѣ сосредоточиваются въ Придворной библіотекѣ, въ ея богатомъ собраніи славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ [1]). Главнымъ образомъ, онъ изучаетъ рукописи, „касающіяся старославянскаго языка", кирилловскія и глаголическія, придерживаясь списка ихъ, сдѣланнаго Добровскимъ въ его Institutiones. „Какъ всюду, такъ и здѣсь, — докладываетъ Кухарскій Комиссіи въ отчетѣ изъ Вѣны отъ 21 апрѣля 1828 г., — первымъ дѣломъ я старался изучить тѣ подробности (szczegóły) моего предмета, относительно которыхъ дома я не могъ бы пріобрѣсти точныхъ представленій ни путемъ чтенія изданныхъ доселѣ книгъ, ни посредствомъ корреспонденціи съ учеными." Сюда относятся, прежде всего, практическія упражненія въ произношеніи звуковъ различныхъ нарѣчій [2]) и изученіе языка подъ руководствомъ образованныхъ мѣстныхъ жителей (najświatlejszych rodaków); далѣе, непосредственное знакомство съ рукописями, рѣдкими книгами, научными коллекціями и т. п. На второмъ мѣстѣ стоятъ тѣ труды по славяновѣдѣнію, для изученія которыхъ, казалось бы, нѣтъ надобности въ пребываніи за границей, но которые нерѣдко заключаютъ въ себѣ много промаховъ и недочетовъ, доступныхъ провѣркѣ и исправленію только на мѣстѣ.

Къ сожалѣнію, онъ ограничивается этими общими замѣчаніями и ни въ отчетѣ, ни въ письмахъ къ Ганкѣ болѣе точныхъ указаній о своихъ занятіяхъ не сообщаетъ. Не под-

---

ей представленному, и увеличить ему содержаніе: „Powtóre upraszam Wysokiej Kommissyi Rządowej, aby przez wzgląd na wieloliczne czynione przeze mnie i czynić się jeszcze więcej mające z głównych stanowisk po krajach słowiańskich kosztowne wycieczki; przez wzgląd, iż prócz dzieł, przeznaczonych dla Biblioteki Warszawskiej, potrzeba mi wiele innych, mianowicie w krajach, które mam zwiedzić, dla własnej nauki i oszczędzenia czasu zakupować pomocy; że bez tych całkiemby moja podróż na swej straciła wartości i ważności: gdy właśnie wszelkie moje dotychczasowe zasoby na ten cel wyłożyłem; przez wzgląd na powzięte przez znakomitych uczonych o podróży mojej nadzieje i pełne pociechy uczonej oczekiwanie, — upraszam Wysokiej Kommissyi Rządowej, aby z tych względów raczyła mi najłaskawiej podwyższyć pensyą dotychczasową".

[1]) О пребываніи Кухарскаго въ Вѣнѣ и его экскурсіяхъ находимъ нѣкоторыя подробности и въ письмахъ его къ Ганкѣ.

[2]) „Jeżeli w której nauce, to zaiste w nauce języków szczególniej pomaga viva vox praeceptoris, mianowicie, gdy idzie o wymawianie i poznanie ducha tych języków, co jeszcze ani grammatyki, ani słowników niemają doskonałych", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ отчета. Этому методу изученія живыхъ слав. языковъ, какъ мы видѣли, онъ слѣдуетъ всюду.

лежитъ сомнѣнію, что въ Вѣнѣ, гдѣ тотчасъ же по пріѣздѣ онъ познакомился съ Копитаремъ, Вукомъ Караджичемъ, Гормайромъ, Симой Милутиновичемъ, Матичемъ (переводчикомъ идиллій Гесснера) и др. учеными, онъ усердно подготовлялся къ дальнѣйшему путешествію. Въ Вѣнѣ можно было безъ труда найти и важнѣйшія пособія для этого и получить практическіе совѣты и указанія отъ многочисленныхъ славянъ, здѣсь всегда пребывавшихъ [1]).

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Вѣну Кухарскій совершаетъ поѣздку въ монастырь св. Флоріана (въ Верхней Австріи, у Линца), чтобы на мѣстѣ обслѣдовать знаменитую рукопись, извѣстную подъ именемъ Флоріанской псалтыри. „Насколько необходимо было мое посѣщеніе монастыря, можно убѣдиться изъ описанія этой рукописи, сдѣланнаго г. Бандтке [2]) на основаніи письменныхъ сообщеній здѣшнихъ ученыхъ", оправдываетъ онъ въ отчетѣ свою поѣздку, въ сущности не давшую никакихъ новыхъ результатовъ для выясненія вопросовъ, связанныхъ съ этимъ памятникомъ польскаго языка.

Поѣздка не удовлетворила однако и самого Кухарскаго, потому что онъ собирался переписать всю рукопись, съ очевиднымъ намѣреніемъ издать ее, но монахи не позволили ему сдѣлать это. „Они хотятъ сами для своей славы и пользы издать ее, но, къ сожалѣнію, въ этомъ ничего

---

[1]) Странно, что о знакомствѣ съ Копитаремъ и другими лицами въ Вѣнѣ онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ. Насколько восторженны его воспоминанія о пребываніи и ученыхъ знакомствахъ пражскихъ, настолько сухи отчеты о занятіяхъ въ Вѣнѣ. Шафарикъ въ одномъ изъ писемъ къ Коллару говоритъ о нелюбезномъ пріемѣ, оказанномъ будто бы Кухарскому Копитаремъ: „On (Kopitar) Kucharskému cyrillské rukopisy cís. knihovny jen nerád a nevrle ukázal". Письмо, впрочемъ, относится къ январю 1833 г. (ср. K. Jireček, Šafařík mezi Jihoslovany, стр. 91) и заключаетъ, быть можетъ, какой-нибудь позднѣйшій слухъ. Съ рекомендательными письмами Копитаря Кухарскій путешествовалъ по Штиріи и Краинѣ.

[2]) Бандтке, получившій списокъ псалмовъ I и VI вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ всей рукописи отъ Копитаря, который въ свою очередь узналъ о ней отъ библіотекаря монастыря св. Флоріана, каноника Хмеля, сдѣлалъ, какъ извѣстно, сообщеніе о ней въ статьѣ: „Wiadomość o najstarszym może Psałterzu Polskim w bibliotece WW. Kanoników Laterańskich w klasztorze s. Floryana etc. Kraków, 1827". Кухарскій въ путешествіи своемъ успѣлъ познакомиться съ этой статьей и послѣ посѣщенія монастыря св. Флоріана и обозрѣнія рукописи убѣдился, что разсужденіе Бандтке основано на весьма неточныхъ сообщеніяхъ и потому лишено всякаго значенія.

не смыслятъ. Хотя польскій языкъ для нихъ совершенно чужой, однако они переписываютъ рукопись", жаловался онъ Ганкѣ. Ревнивые къ ученой славѣ монахи разрѣшили ему списать только одинъ 21-й псаломъ [1]).

Не довѣряя описанію Бандтке, сдѣланному съ чужихъ словъ, Кухарскій внимательно разсмотрѣлъ рукопись и убѣдился въ ошибкахъ Бандтке, или вѣрнѣе — его корреспондентовъ. Вмѣсто „бѣлаго орла" (orzeł biały ukoronowany, z podkową w dziobie), онъ находитъ въ оригиналѣ только бѣлую шею и голову страуса; вопреки мнѣнію Бандтке, который то готовъ признать рукопись псалтырью королевы Ядвиги, дочери Людовика I, то считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что псалтырь написалъ (въ монастырѣ св. Флоріана) какой-нибудь краковянинъ, хорошо знавшій по-польски и по-нѣмецки (bo polszczyzna bodze, bode, bodz — do dialektu krakowskiego bardzo podobna, a niemiecczyzna zupełnie taka, jaka jest w wilkierzu Miasta Krakowa r. 1385), Кухарскій доказываетъ, что псалтырь принадлежала венгерской королевѣ Маріи, женѣ Сигизмунда, дочери венгерскаго и польскаго короля Людовика, старшей сестрѣ Ядвиги [2]); что же касается орѳографіи, то вѣнскіе ученые, а по ихъ винѣ и Бандтке, не обратили вниманія на различіе между o и ǫ = ą, ę. Рукопись, по мнѣнію Кухарскаго, слѣдуетъ отнести ко второй половинѣ XIV вѣка [3]).

Не имѣя возможности заняться въ отчетѣ болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ рукописи, Кухарскій рѣшилъ представить свои наблюденія въ какомъ-либо періодическомъ изданіи, при чемъ имѣлъ намѣреніе сравнить польскій текстъ съ древнѣйшимъ чешскимъ переводомъ псалтыри. Очевидно, даже при бѣгломъ знакомствѣ съ рукописью Кухарскій сумѣлъ подмѣтить въ текстѣ тѣ разнообразные богемизмы, которые указаны были впослѣдствіи Нерингомъ въ его статьѣ о Флоріанской псалтыри [4]). Для такого сравненія онъ проситъ Ганку доставить ему поскорѣе въ Вѣну текстъ псалмовъ I, VI, XXI изъ чешской псалтыри (XIV в.), отмѣченной у Юнгманна (II, 16, str. 29, 30, а также и изъ псалтыри у Юнгманна III, 68). Ганка, какъ видно изъ письма

[1]) Письма къ В. Ганкѣ, стр. 572.

[2]) Ср. мнѣніе гр. Дунинъ-Борковскаго у Nehringa, Altpoln Sprachdenkm., S. 100.

[3]) Ср. Nehring, op. cit., S. 103—104.

[4]) Arch. f. slav. Phil., II Bd., S. 409.

Кухарскаго къ нему (отъ 30 авг. 1827 г.), тотчасъ же исполнилъ это порученіе, но, къ сожалѣнію, Кухарскій не использовалъ сообщеній Ганки: о Флоріанской псалтыри онъ ничего не написалъ. И только значительно позже въ библіографическомъ очеркѣ: „O przekładach pisma świętego na języki słowiańskie“ [1]) онъ посвятилъ этой псалтыри нѣсколько строкъ, при чемъ высказался противъ мнѣнія Ганки о переводѣ Флоріанской псалтыри по рукописной чешской, т. н. Лѣсковецкой (Дрезденской библ.) библіи и утверждалъ, что переводчикъ Флоріанской псалтыри пользовался чешскимъ текстомъ Виттенбергской псалтыри.

По возвращеніи изъ этой неудачной экскурсіи Кухарскій закончилъ въ Вѣнѣ свои ученыя занятія, вѣроятно, относившіяся къ предстоявшему новому путешествію, и 1 сентября 1827 г. пустился въ путь, въ Моравію. Поѣздка предположена была непродолжительная [2]). Изъ Моравіи онъ намѣренъ былъ вернуться въ Вѣну и отсюда уже вновь предпринять длинное путешествіе по Венгріи, по маршруту, набросанному Кеппеномъ. Какъ свидѣтельствуютъ донесенія Кухарскаго, экскурсія въ Моравію задумана была имъ только въ Вѣнѣ, такъ какъ о Моравіи нѣтъ вообще рѣчи въ инструкціи, и самъ Кухарскій впервые говоритъ о ней въ донесеніи изъ Вѣны отъ 4 іюля 1827 г. Однако, въ „Запискѣ“ Кеппена рекомендовалось славянскому путешественнику, послѣ поѣздки въ Венгрію и къ словакамъ, на пути въ Прагу заѣхать въ Брно для обозрѣнія рукописей собранія Черрони. У Кухарскаго на первомъ планѣ въ этой поѣздкѣ поставлены были вопросы этнографіи и отчасти древней исторіи и топографіи Моравіи [3]). Подготовляясь въ Вѣнѣ къ дальнѣйшимъ путешествіямъ, онъ узналъ впервые изъ Taschenbuch für die Geschichte Mährens (1826), что въ горахъ моравскихъ обитаютъ валахи, славянское племя, ведущее свое происхожденіе яко бы отъ волоховъ, живущихъ въ Валахіи (od wołochów na Wołoszczyznie, Walachen in der Walachey). Зная, насколько языкъ этихъ волоховъ (румунъ) далекъ отъ языковъ славянскихъ, Кухарскій пожелалъ провѣрить

[1]) Pamiętnik religijno-moralny, 1849, str. 454.

[2]) См. письмо къ Ганкѣ отъ 30 авг. 1827 г. изъ Вѣны: „Wkrótce powrócę do Wiednia i wyjadę podrugie dopiero do Węgier“.

[3]) Естественно было бы ожидать, что Кухарскій посѣтитъ Моравію на пути изъ Праги въ Вѣну. Но, кажется, онъ совершилъ этотъ путь черезъ южную Чехію.

на мѣстѣ свои сомнѣнія по этому вопросу, услышать живую рѣчь ихъ, такъ какъ пѣсни ихъ въ названной Taschenbuch были изданы въ нѣмецкомъ переводѣ. Кромѣ того, въ различныхъ сочиненіяхъ о Моравіи его заинтересовалъ рядъ именъ населяющихъ ее славянскихъ обитателей (hanaków, cabecaków, poculaków, słowaków a nawet kroatów). Нѣмецкія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ явно изуродованныя и поэтому не заслуживающія довѣрія названія рѣзко бросались въ глаза. „Кому же писать, чтобы получить разъясненія по этому предмету?“ въ недоумѣніи спрашиваетъ Кухарскій. „Я предпочелъ лично убѣдиться, насколько нѣмцы извращаютъ имена славянъ, и какъ они стараются внушить намъ (jak wmawiają w nas), что разныя имена обозначаютъ и разныя племена“. Оказалось, что нѣмцы называютъ Zabetzaken — забечванскихъ моравянъ, а Podzulaken — подлужаковъ; о словакахъ моравскихъ Кухарскій замѣтилъ, что они совершенно отличаются отъ словаковъ венгерскихъ, ибо произносятъ вмѣстѣ съ чехами и моравянами польское *rz*. Наблюденія надъ валахами Кухарскій производилъ въ окрестностяхъ Валашскаго Межирѣчья. Онъ констатируетъ, что имя валахъ обозначаетъ у нихъ только пастуха овецъ, но они въ сущности тѣ же мораване и съ южными волохами рѣшительно ничего общаго не имѣютъ. Кухарскій записываетъ здѣсь ихъ пѣсни, изучаетъ обычаи, въ особенности интересуясь ихъ пастушескимъ бытомъ (życie i chodzenie około trzody pasterskie).

Насколько намъ извѣстно изъ краткаго донесенія, Кухарскій посѣтилъ еще Гостынъ и Радгошть, обозрѣлъ библіотеки и музеи въ Брнѣ и Оломуцѣ, познакомился здѣсь съ нѣкоторыми учеными [1]), занялся спорнымъ и нынѣ еще вопросомъ о мѣстѣ древняго Велеграда, посѣтилъ нынѣшній Велеградъ и вообще окрестности Угорскаго Градища и сдѣлалъ здѣсь рядъ наблюденій по топографіи, которыя со временемъ должны были войти въ его славянскія изслѣдованія (postrzeżenia moje miejscowe umieszczę w moich słowiańskich badaniach naukowych).

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ въ научномъ отношеніи звеньевъ въ длинной цѣпи скитаній Кухарскаго было его продолжительное, сопряженное съ тяжелыми лишеніями путешествіе по сѣверной Венгріи, по сло-

[1]) Къ сожалѣнію, онъ не называетъ ихъ именъ.

венскимъ и угро-русскимъ комитатамъ и по галицкимъ склонамъ Карпатовъ.

Вторичный выѣздъ изъ Вѣны [1]) Кухарскій совершилъ, по всей вѣроятности, не раньше начала октября. Программа для путешествія по Венгріи имѣлась готовая: она подробно разработана была Кеппеномъ въ его „Запискѣ“ и намѣчала для славянскаго изслѣдователя не только цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ, главнымъ образомъ — по этнографіи и діалектологіи русско-словенской области, но и давала ему въ руководство подробный itinerarium, отмѣчала главнѣйшіе пункты остановокъ, называла тѣхъ людей, съ которыми путешественнику почему-либо полезно было бы познакомиться. Кухарскій принялъ цѣликомъ этотъ маршрутъ и указанія Кеппена [2]), хотя совершилъ путешествіе не въ томъ порядкѣ, какой предлагался въ „Запискѣ“. Сущности дѣла это отступленіе, конечно, не могло измѣнить. Къ вопросамъ, предложеннымъ славянскому путешественнику инструкціей Кеппена, присоединились еще нѣкоторыя задачи, спеціально указанныя ему Добровскимъ, а именно – возможно полное обслѣдованіе „сотаковъ и русняковъ“ въ восточной Венгріи [3]). Добровскій только точнѣе формулировалъ свои задачи, но онѣ заключались уже и въ программѣ Кеппена [4]).

Изъ Вѣны Кухарскій направился прямо въ Прессбургъ. Согласно указанію программы Кеппена, онъ знакомится здѣсь съ профессоромъ прессбургскаго лицея Юріемъ Палковичемъ и начинаетъ тутъ свои занятія словенскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, насколько продолжительно было пребываніе Кухарскаго въ Прессбургѣ, но надо думать, что въ словенско-нѣмецко-мадьярскомъ городѣ онъ пробылъ недолго.

---

[1]) Въ отчетѣ отъ 21 апр. 1828 г. изъ Вѣны онъ доноситъ Комиссіи: „Z Morawii udałem się do górnych Węgier“, между тѣмъ въ обширномъ описаніи этого путешествія въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 19 марта 1828 г. онъ опредѣленно указываетъ исходный пунктъ Вѣну: „Pierwszym mojem z Wiednia stanowiskiem w Węgrzech był Pressburg“. Ср. выше заявленіе его о намѣреніи вернуться изъ Моравіи въ Вѣну.

[2]) „Podróż tę odbyłem wedle instrukcyi od pana Köppena podanej.“ Отчетъ отъ 21 апр. 1828 г.

[3]) Въ собираніи свѣдѣній о мармарошскихъ русинахъ Кухарскій руководится статьей, помѣщенной Добровскимъ въ сб. Slowanka, I, 104: „Russniaken in der Marmarosch“.

[4]) См. нѣкоторыя указанія на литературу о сотакахъ въ Библ. Листахъ, 1825, стр. 361 и 370.

Изъ Прессбурга нашъ путешественникъ предполагалъ направиться въ Пештъ, чтобы познакомиться съ Колларомъ, и только послѣ этого знакомства намѣренъ былъ начать поѣздку по сѣверу Венгріи. Очевидно, въ Пештъ его влекло не одно тщеславное желаніе посѣтить и видѣть знаменитаго словака, чтобы потомъ считать его въ числѣ своихъ славянскихъ знакомыхъ. Колларъ, какъ собиратель словенскихъ пѣсенъ и какъ глубокій знатокъ родной старины и народа, могъ быть особенно полезнымъ для Кухарскаго всякаго рода указаніями и совѣтами. Но предполагавшееся свиданіе съ Колларомъ не состоялось. Прессбургскіе знакомые посовѣтовали Кухарскому, въ виду наступленія холоднаго и дождливаго времени, поторопиться съ поѣздкой и отправиться прежде всего въ Карпаты. Такой совѣтъ отчасти совпадалъ съ его намѣреніями, такъ какъ въ Пештѣ онъ расчитывалъ накупить много книгъ, а возиться съ ними по всей сѣверной Венгріи было бы неудобно.

Кухарскій выѣхалъ изъ Прессбурга въ Трнаву. Здѣсь онъ познакомился съ священникомъ (Franciszkanem) Плахтовичемъ, издателемъ нѣсколькихъ словенскихъ повѣстей и переводчикомъ (na język słowiański) различныхъ романовъ и драматическихъ произведеній съ нѣмецкаго и мадьярскаго языковъ. Изъ бесѣдъ съ Плахтовичемъ Кухарскій почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о другихъ словенскихъ писателяхъ этого времени. Такъ, онъ отмѣчаетъ въ письмѣ къ Ганкѣ, что умершій въ 1827 году священникъ Войтѣхъ Шимко оставилъ въ рукописи поэму „O posledních 4 vecách“, написанную метрическимъ стихомъ, и славянскую просодію тоже въ стихахъ; далѣе, — что священникъ Самуилъ Шулекъ въ Угорской Веси (Uhorská Ves, Magyarfalu), неподалеку отъ мѣстечка Малацокъ (Malacky) перевелъ на словенское нарѣчіе нѣсколько драматическихъ произведеній Коцебу. Въ Трнавѣ Кухарскій пріобрѣлъ всѣ изданія мѣстнаго типографа Ielinka и преподалъ ему совѣтъ заняться изданіемъ произведеній названныхъ выше словенскихъ писателей.

Слѣдующимъ пунктомъ остановки Кухарскаго была деревня Мадуницы, мѣстопребываніе замѣчательнаго словенскаго поэта, священника Яна Голлаго (Hollý). „Я проникся безмѣрною радостью, — разсказываетъ Кухарскій, — увидѣвши въ рукахъ его переводъ всей Энеиды Вергилія и, что еще важнѣе, первыхъ шесть пѣсенъ оригинальной эпопеи „Святополкъ“. Здѣсь я нашелъ прекраснѣйшій слу-

чай говорить по-словенски о словенскихъ дѣлахъ". У Голлаго Кухарскій провелъ нѣсколько дней, получилъ списокъ (wskazał mi na pismie błędy i niedokładności) ошибокъ и неточностей относительно словенскаго языка въ „Gesch. der slaw. Spr. und Lit." Шафарика и значительное собраніе „Białogórskich" и иныхъ словенскихъ пѣсенъ; посѣтилъ въ близкомъ Веселомъ барона Меднянскаго [1]), который подарилъ ему нѣсколько десятковъ словенскихъ пѣсенъ съ нотами, и затѣмъ отправился въ Нитру. „Самымъ гостепріимнымъ образомъ принялъ меня прелатъ здѣшняго капитула, каноникъ Габель, и дружески одарилъ меня словенскими книгами, изданными, какъ имъ самимъ, такъ и другими", пишетъ Кухарскій Ганкѣ. Въ мѣстномъ архивѣ онъ надѣялся найти какіе-либо интересные матеріалы, но ничего здѣсь не нашелъ.

Изъ Нитры Кухарскій свернулъ въ Костельные Моравцы, съ спеціальною цѣлью познакомиться съ Таблицемъ. „Этотъ неутомимый мужъ, — пишетъ онъ о немъ Ганкѣ, — постоянно работаетъ на научномъ поприщѣ. Къ сожалѣнію, вѣнская цензура не позволяетъ ему печатать приготовленные имъ труды (Pisma Towarzystwa czyli Společnosti Baňského okolj)." Историческую статью о славянахъ восточныхъ, заимствованную у Ломоносова и не разрѣшенную цензурой, Таблицъ рѣшилъ поэтому передѣлать и вновь попытать съ нею счастія.

Особенное вниманіе Кухарскаго привлекъ въ этихъ мѣстахъ языкъ словенскаго населенія, отличающійся, по наблюденію нашего путешественника, большою оригинальностью. „Многимъ особенностямъ, — говоритъ Кухарскій, — я не могъ достаточно надивиться. Онѣ чрезвычайно важны для славянскаго грамматика. Матерія языка — почти польская, форма — если не чешская или моравская, то — русская". Способъ произношенія нѣкоторыхъ гласныхъ свойственъ исключительно однимъ здѣшнимъ словакамъ.

Дальнѣйшій путь Кухарскаго лежалъ черезъ Батовцы (Bát, Frauenmarkt), гдѣ онъ посѣтилъ евангелич. священника Кузму, въ Штявницу [2]). Остановка Кухарскаго въ Штявницѣ

---

[1]) Dziennik Warsz., 1826, Tom VI, str. 75, 91, помѣстилъ два отрывка изъ путешествія бар. Меднянскаго (Пештъ, 1826): „Zamek Węgierski Kseith. Z podróży malowniczej po nad brzegami Waagi" и „Studnia kochanków".

[2]) Въ другомъ мѣстѣ онъ подробнѣе перечисляетъ важнѣйшіе пункты послѣ выѣзда изъ Прессбурга: Трнава, Нитра, Лѣвицы, Костельные Моравцы, Батовцы, Баньская Штявница, Баньская Быстрица, Старыя Горы, Ружомберокъ, Дольный Кубинъ.

была, повидимому, болѣе продолжительною. Онъ занялся здѣсь записываніемъ словенскихъ пѣсенъ [1]), познакомился при этомъ съ свящ. Себерини и получилъ отъ него разнообразныя свѣдѣнія о словакахъ. Себерини поднесъ Кухарскому и свои собственныя сочиненія.

Діалектологическія наблюденія Кухарскій продолжаетъ и дальше въ своемъ движеніи на сѣверъ черезъ Баньскую Быстрицу [2]) и Ружомберокъ. Говоръ липтовской столицы кажется Кухарскому особенно своеобразнымъ: слова и выраженія — ни польскія, ни чешскія и въ то же время неизвѣстныя совершенно многимъ словакамъ [3]). „Странное дѣло, — говоритъ Кухарскій, — что уже при первомъ впечатлѣніи я подмѣтилъ сходство языка этого околья съ языкомъ лужицкихъ сербовъ.“ Наблюденія, очевидно, не отличались основательностью. Такъ же поверхностны и спутаны и разсужденія Кухарскаго о говорѣ оравской столицы. Въ самой Оравѣ, по наблюденію его, можно слышать слова чешскія, польскія и настоящія словенскія, такъ что знакомому съ этими языками не трудно заключить, что словенскій языкъ (język słowiański) этого околья возникъ не исключительно изъ соприкосновенія чешскаго языка съ польскимъ: это — оригинальный словенскій языкъ, какъ кажется, языкъ древней Великой Хорватіи (Chrobacyi Wielkiej), но отличный отъ старославянскаго языка Кирилла и Меѳодія.

Изъ оравской столицы Кухарскій черезъ пограничные между Галичиной и Венгріей Бескиды перешелъ въ предѣлы галицкіе, чтобы ознакомиться съ говорами польскихъ горцевъ. Наблюденія его, по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Ганкѣ, и здѣсь въ сущности ничтожны и хаотичны. Онъ отмѣчаетъ, что польскіе горцы (górale) называютъ, подобно русскимъ, поляковъ, живущихъ въ низинѣ, ляхами; что галицкіе русскіе (rusini w Galicyi) называютъ польское населеніе (lud polski) мазурами; что польскіе горцы говорятъ тоже мазурскимъ нарѣчіемъ, исключая однако нѣкоторыя, только имъ свойственныя выраженія; что, такимъ образомъ, мазуровъ надо искать не только въ старой Мазовіи. Мазурскимъ діалектомъ говоритъ простонародье и въ Великой Польшѣ.

[1]) „Tu znalazłem sposobność spisania pięknych spiewanek słowiańskich“.

[2]) Здѣсь онъ познакомился съ суперинтендентомъ Ловихомъ (Lowich).

[3]) Słowakom, — но прилагательное Кухарскій всюду производитъ: słowiański, хотя иногда употребляетъ и słowacki.

Продолжая свое путешествіе по галицкой сторонѣ Карпатовъ отъ дер. Камешницы, т. е. отъ того мѣста, гдѣ соприкасаются границы австрійской Силезіи, Венгріи и Галичины, вплоть до Старой Веси (Szepesófalu), южнѣе Новаго Тарга (Neumarkt), Кухарскій переходитъ отсюда вновь въ предѣлы венгерскіе, въ спишскую столицу. Пунктъ новой остановки — Кежмаркъ, гдѣ онъ знакомится съ профессорами Славковскимъ и Бенедикти. Вся сѣверная половина Спиша, по наблюденіямъ Кухарскаго, населена поляками, которые говорятъ дома по-польски, молятся по чешскимъ книгамъ и слушаютъ словенскія проповѣди (kazań słuchają słowackich), приглашаютъ на свадьбы также по-словенски [1]). Въ южной части Спиша начинается твердый польско-словенскій говоръ (dyalekt), въ коемъ, вм. чешскаго t или польскаго ć, — встрѣчается c; вм. ď или dź — твердое dz и пр. На Спишѣ берутъ свое начало поселенія русняковъ, которыя становятся все гуще и гуще по направленію къ востоку, но языкъ здѣсь образовался одинъ — польско-словенскій, и подъ руснякомъ здѣсь понимается только уніатъ восточнаго обряда.

Изъ Кежмарка черезъ Левочу Кухарскій направляется въ Кошицы. О своемъ пребываніи въ Левочѣ онъ ничего не говоритъ въ письмѣ къ Ганкѣ, и только въ отрывкѣ письма (изъ Мукачева отъ 8 дек. 1827 г.), напечатаннаго въ варшавской Gazecie Polskiej (1828, № 2), находимъ нѣкоторыя подробности объ этомъ. Съ письмомъ Михановича [2]) Кухарскій явился къ вице-ишпану Альмаши, въ надеждѣ, вѣроятно, втрѣтить съ его стороны извѣстное содѣйствіе въ дальнѣйшемъ путешествіи или получить отъ мѣстнаго администратора какія-либо цѣнныя указанія. Каково же было разочарованіе Кухарскаго, когда мадьярскій чиновникъ выразилъ свое изумленіе по поводу ближайшей цѣли его путешествія! Такъ же отнеслись къ поѣздкѣ Кухарскаго и присутствовавшіе у Альмаши. „Die Sprache soll ja ausgerottet werden!“

---

[1]) „Od Spiża, gdzie mieszkają już nieco zesłowiaczeni polacy, ku stronie południowo-wschodniej Węgier ciągnie się dyalekt polsko-słowiański, aż póki się nie gubi w ruszczyznie u grzbietu gór Połonen i w stolicach węgierskich Ungwarskiej, Ugockiej i Marmaroskiej“. Отчетъ отъ 21 апр. 1828 г. Извлеченіе изъ письма К. къ Ганкѣ отъ 19 марта 1820 г. сообщилъ Эд. Целинекъ: „Andrzeja Kucharskiego Relacya z naukowej podróży po Słowacyi (Spiżu), 1828 r.“ Lud, II, 1896, str. 1 и сл.

[2]) „Uczonego z Kroacji obywatela.“ Гдѣ онъ познакомился съ Михановичемъ, изъ писемъ и отчетовъ не видно.

откровенно высказывали они нашему путешественнику свой взглядъ на словенскій языкъ [1]). „Слышать такія выраженія о словенскомъ языкѣ и чувствовать отъ этого глубочайшія и причиняющія боль (najboleśniejsze) раны въ сердцѣ моемъ — для меня не новость", замѣчаетъ съ горечью Кухарскій. „Неоднократно слышалъ я то же самое у нѣмцевъ, что̀ тутъ у мадьяръ. „Die Wendische Sprache soll ausgerottet werden!" говорятъ нѣмцы о лужицкомъ языкѣ. И, конечно, это не пустыя слова. Угрозы искоренить словенскій языкъ приводятся дѣйствительно въ исполненіе." Но тѣмъ не менѣе въ бесѣдахъ за обѣдомъ у Альмаши, какъ констатируетъ Кухарскій, словенскій языкъ занималъ далеко не послѣднее мѣсто!

Познакомившись здѣсь съ однимъ католическимъ священникомъ, Кухарскій посѣтилъ его и пораженъ былъ скудостью его библіотеки. Духовные интересы его, очевидно, были ничтожны. Словаки, стыдясь говорить по-словенски и не умѣя ни читать ни писать на этомъ языкѣ и, не зная въ то же время хорошо и мадьярскаго языка, почерпаютъ изъ книги Bertucha „Świat malowany" и мадьярскій языкъ и стиль для научныхъ матерій, чтобы потомъ сообщить его своимъ ученикамъ, которымъ запрещено говорить по-словенски. Евангелическій пасторъ въ Левочѣ Шандоръ сообщилъ Кухарскому нѣкоторыя свѣдѣнія о сотакахъ и подарилъ ему весьма рѣдкую книжечку, псалтырь на сотацкомъ нарѣчіи.

Изъ Левочи путь Кухарскаго лежалъ въ Кошицы. Онъ имѣлъ въ виду познакомиться здѣсь съ членами академіи, полагая найти въ нихъ полезныхъ руководителей въ путе-

[1]) Съ мадьяризаторскими усиліями венгерской администраціи среди словаковъ особенно близко могъ нѣсколько позже познакомить Кухарскаго Колларъ, жаловавшійся на неистовства ея въ письмѣ къ Копитарю 22 апр. 1828 г.: „Diese Magyarisirungswuth raset aber gegen keine hier wohnende Nation so sehr, als gegen die Slowaken. Prediger, Schulmeister, Gottesdienste werden ihnen unter verschiedenen Vorwänden entrissen und magyarische aufgedrungen. Es werden sogar physische Zwangsmittel, Stockschläge und Einkerkerungen dazu gebraucht..." См. сборникъ „Jan Kollár (1793—1852)", изд. подъ ред. проф. Ф. Пастрнка, Вѣна, 1893, стр. 50. Кромѣ того, Кухарскому могли быть извѣстны статьи: „Нѣколико рѣчій о томъ, како се Славени у Венгерской мађаризираю" въ Љетоп. Мат. Српске, III (1827), стр. 132—152, и „Etwas über die Magyarisirung der Slaven in Ungarn", появившаяся еще въ 1821 г. въ „Uiberlieferungen zur Geschichte unserer Zeit" von Zschokke (Aarau, 1821). Обѣ статьи принадлежатъ, по всей вѣроятности, Коллару. Ср. J. Karásek, Kollárova dobrozdání..., v Praze, 1903, str. XVII.

шествіи по сѣверной Венгріи, но обманулся въ своихъ надеждахъ. Даже профессоръ статистики, точно опредѣляющей число сотаковъ въ Австро-Венгріи въ 32 тыс., ни слова не могъ сказать ему о сотакахъ, хотя они живутъ между Кошицами и Унгваромъ, т. е. поселенія ихъ начинаются тотчасъ же за городомъ. Библіотека кошицкой академіи не заключала ничего интереснаго для Кухарскаго, такъ какъ, очевидно, ни языкъ ни литература словенская никого здѣсь не занимали.

Радушный пріемъ встрѣтилъ Кухарскій въ Пряшевѣ у русскаго уніатскаго епископа Тарковича. „Этотъ почтенный старецъ необыкновенно обрадовался моему путешествію", говоритъ Кухарскій. Онъ пригласилъ ученаго путешественника къ себѣ, разспрашивалъ его про Добровскаго и показалъ ему всѣ славянскія книжныя достопримѣчательности своей библіотеки.

Поднявшись изъ Пряшева къ сѣверу въ Бардіовъ, Кухарскій продолжаетъ путь свой все время Карпатами на Гуменное, Унгваръ, Мукачевъ до Густа въ Мармарошѣ. Наблюденія свои надъ говоромъ населенія этихъ частей Кухарскій сводитъ къ слѣдующему: „Здѣшніе русины забыли свой языкъ, говорятъ всѣ господствующимъ здѣсь польско-словенскимъ діалектомъ, и если бы не русско-уніатское исповѣданіе (wyznanie rusko-unickie), никто не догадался бы, что люди эти когда-то были русинами". Только между Бардіовомъ и Унгваромъ Кухарскій нашелъ русско-словенскій діалектъ, а также и настоящихъ сотаковъ, и только между Унгваромъ и Мукачевомъ обрѣлъ наконецъ настоящихъ русняковъ [1]). Въ этой же области сѣв. Венгріи, на пространствѣ отъ Бардіова до Мукачева, въ комитатахъ шаришскомъ, земплинскомъ, унгварскомъ и берегскомъ онъ отмѣчаетъ огромное количество (niezmierną moc) евреевъ, цыганъ и мадьяръ; меньше находитъ онъ здѣсь нѣмцевъ.

Въ Унгварѣ Кухарскій встрѣтился съ свящ. Лучкаемъ, авторомъ славянской грамматики (Grammatica linguae Slavo-

---

[1]) Совершенно основательно въ послѣднемъ отчетѣ говоритъ онъ объ этихъ діалектическихъ переливахъ: „Na pograniczach, tam, gdzie się dwa lub trzy dyalekty słowiańskie z sobą schodzą, tworzy się język pośredni, używany w mniejszej lub większej rozciągłości i niemogący służyć za miarę w oznaczeniu cech dyalektu. Takich języków pośrednich w słowiańszczyźnie jest bardzo wiele, a co większa, że mają nawet swoją literaturę. Nieznacznie przechodzi jeden dyalekt w drugi..."

Ruthenae seu Vetero-Slavicae. Budae, 1828), и разсмотрѣлъ въ епископской библіотекѣ, перенесенной сюда вмѣстѣ съ каѳедрой изъ Мукачева епископомъ Алексѣемъ Повчіемъ (Alexius Pótsy), важнѣйшія изъ ея книгъ и рукописей [1]). „Этотъ почтенный ученый мужъ всюду меня сопровождалъ и во всемъ преподалъ объясненія", вспоминаетъ Кухарскій [2]). Въ письмѣ къ Ганкѣ онъ сообщаетъ еще, что Лучкай, по его совѣту, намѣренъ приступить къ описанію всего, „что только мы желали бы знать въ отношеніи славянскомъ о венгерскихъ руснякахъ". Самъ Кухарскій занялся здѣсь тщательнымъ изученіемъ сотаковъ и ихъ говора [3]). „Теперь я могу сообщить ученому міру вѣрныя свѣдѣнія о сотакахъ и венгерскихъ руснякахъ", писалъ онъ въ отчетѣ [4]). Результаты своихъ изслѣдованій и наблюденій о сотакахъ онъ сообщилъ Коллару, который впослѣдствіи помѣстилъ замѣтку Кухарскаго въ новомъ изданіи (1835 г.) народныхъ пѣсенъ (Národnie Zpiewanky, II, 475—476). Наблюденія Кухарскаго о сотакахъ, какъ онъ излагаетъ ихъ въ своемъ отчетѣ и въ запискѣ, данной Коллару, сводятся къ слѣдующему. Сотаками называютъ жителей мѣстечка Снины (Szinna) и его околья, въ земплинской столицѣ, потому что они вмѣсто словенскаго *a čo?* или *a co?* говорятъ: *a so?* Область ихъ весьма незначительна, простираясь на сѣв. только до Карпатовъ, на югѣ доходя едва до мѣстечка Гуменнаго (Homonna), на западѣ едва достигаетъ границы земплинской столицы, а на вост. чуть переходитъ эту границу. Настоящіе сотаки около Гуменнаго исповѣдуютъ греко-католическую и римско-католическую религію; они составляютъ около 75 поселеній (osad). Названіе сотакъ — имя насмѣшливое (wyraz pośmiewny), не принадлежащее исключительно ни ословаченнымъ руснякамъ (уніатамъ), ни словакамъ-католикамъ, ни кальвинистамъ. Невоз-

---

[1]) Такъ говоритъ Куничъ въ Notizen. Впрочемъ, Кухарскій едва ли могъ найти здѣсь что-либо особенно для него важное. Въ авг. 1839 г. Лучкая посѣтилъ другой славянскій путешественникъ І. Ф. Головацкій, послѣ Кухарскаго первый заглянувшій въ Угорскую Русь. „Онъ сказалъ мнѣ, говоритъ Головацкій, что здѣсь нѣтъ ни древнихъ памятниковъ, ни грамотъ, ни древнихъ рукописей; самъ онъ приводилъ въ порядокъ консисторіальный архивъ и ничего не нашелъ древнѣе 14 вѣка." Денница (П. П. Дубровскаго), 1842, стр. 298.

[2]) Gazeta Polska, 1828, № 2.

[3]) „Nareszcie wyśledziłem tu gruntownie, co są sotacy, i przekonałem się, jak dziwne i niedorzeczne dotąd o nich wieści bajano."

[4]) Gazeta Polska, 1828, № 2.

можно, по мнѣнію Кухарскаго, допустить, что сотаки пришли сюда изъ Чехіи. Въ языкѣ ихъ (w ich Ojczenasz i całej mowie) Кухарскій нашелъ значительно больше элементовъ польскихъ (polszczyzny), чѣмъ у словаковъ-католиковъ этой мѣстности.

По возвращеніи въ Вѣну Кухарскому удалось познакомиться еще съ нѣкоторыми, неизвѣстными ему раньше, трудами, заключающими свѣдѣнія о сотакахъ. Это были, во-первыхъ: „Pannoniens Bewohner in ihren volksthümlichen Trachten auf 78 Gemälden dargestellt, nebst ethnographischen Erklärung", v. Bikessy (Wien, 1820), во-вторыхъ, знаменитое описаніе Сирмая: „Topographia Comit. Zemplin" (Ofen, 1805). Но послѣ путешествія по Венгріи онъ еще болѣе убѣдился, насколько они далеки отъ той основательности, съ какою онъ самъ изслѣдовалъ все на мѣстѣ. Такъ самоувѣренно заявлялъ онъ въ отчетѣ. Къ сожалѣнію, и изъ этихъ изслѣдованій Кухарскаго мы знакомы только съ ничтожными отрывками, прочее — опять сохранялось для будущаго. Но едва ли собранные имъ здѣсь матеріалы о сотакахъ были особенно значительны и надежны. Краткая записка Кухарскаго о сотакахъ, напечатанная Колларомъ, не могла удовлетворить его, и онъ послѣ разысканій Кухарскаго еще разъ выразилъ желаніе, „aby někdo obšírně a důkladně jmeno, nářečie, historii sotáků vyzkoumal". Первенство однако принадлежало Кухарскому. Сотацкія пѣсни, напечатанныя Колларомъ въ его сборникѣ, записаны были Кухарскимъ въ окрестностяхъ Гуменнаго, а именно въ деревняхъ: Kel'ča, Lesné и Ohradzany [1]).

[1]) Въ бумагахъ Шафарика, въ Чешскомъ Музеѣ (sign. IX B 9, тетрадь 6-ая), имѣется собственноручный списокъ слѣдующихъ сотацкихъ пѣсенъ изъ собранія Кухарскаго, съ помѣтою: „Přepsano d. 21 Řjgna 1829": 1., „Hej! ani ja ňe juhaz, hej! ani ja ňe bača..." 2., „Ani do nas šuhaj ňe hodz..." 3., „Kaćmar, kaćmar, miły kaćmar..." 4., „W leśe, w leśe, w cemnym leśe..." 5., Liptowskie: „Na Budinskom zamku dwa hołuby sedja..." 6., Šťáwnicka: „Na čo ty je načo na dwerach retjazka..." 7., Spiska: „Bože, Bože skarał ši me..." 8., Šťáwnicka: a., „Na kopečku rastě rož..." b, „Nanynka moja, my potěšeni..." c., „Kameň, kameň, kameň čerweny..." Шафарикъ, очевидно, получилъ ихъ отъ Коллара. Отъ него же получилъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о сотакахъ. Такъ, 15 янв. 1829 г. Шафарикъ писалъ Коллару: „Kucharski v svém listě připomíná, že Vám pojednání o Sotácích, anebo aspoň materialia, nebo zprávu dal. Račte mi to uděliti — pro nové vydání mé hist. lit." Колларъ, очевидно, не могъ исполнить этой просьбы: рукопись была въ другихъ рукахъ. Въ іюнѣ или іюлѣ (2 cerv.?) 1829 г. Шаф. вновь напоминаетъ: „Pojednání o Sotácích požádejte co nejdřív nazpět, a pošlete mi to, abych ho užiti mohl. Odemne ho

Вообще путешествіе Кухарскаго, какъ видимъ изъ его отчетовъ и писемъ, посвящено было изученію языка словенскаго и русскаго населенія сѣверныхъ комитатовъ, преимущественно же собиранію народныхъ пѣсенъ, какъ наилучшихъ образцовъ народнаго языка, тѣмъ болѣе, что произведеній литературныхъ и рукописей находилось повсюду весьма немного, изученію народныхъ обычаевъ, географическихъ именъ и пр. „Путешествіе мое, — говоритъ самъ Кухарскій [1]), — является поэтому важнымъ въ отношеніи лингвистическомъ и этнографическомъ". Съ этимъ нельзя было бы не согласиться, если бы плоды трудовъ его сдѣлались доступными широкому кругу ученыхъ славяновѣдовъ и любителей славянства. Къ сожалѣнію, Кухарскій не выполнилъ ни одного изъ своихъ многочисленныхъ обѣщаній.

Отъ Мармароша, гдѣ Кухарскій посѣтилъ различныя мѣстечки и деревни, онъ началъ обратное движеніе, въ направленіи на Пештъ и Вѣну, черезъ Оборинъ (Abara) и Блатный Потокъ (Sáros Patak), гдѣ онъ занялся разсмотрѣніемъ извѣстной польской Библіи XV в., т. н. Библіи королевы Софіи. Драгоцѣнный для исторіи польскаго языка памятникъ этотъ оказался чрезвычайно плохо сохранившимся: отъ него остались лишь отрывки Ветхаго завѣта, а Псалтырь и Новый завѣтъ не сохранились вовсе. Такъ какъ описаніе этой Библіи, сдѣланное во второмъ томѣ Pamiętników o dawnej Polsce (1822) Нѣмцевича, на основаніи сообщеній графа Майлата, не знавшаго польскаго языка, было неудовлетворительно, то Кухарскій рѣшилъ составить новое описаніе памятника [2]). Но и это обѣщаніе осталось не исполненнымъ. Въ теченіе двухъ дней, проведенныхъ въ Шаришскомъ Потокѣ, Кухарскій едва ли могъ какъ слѣдуетъ изучить памятникъ, хотя въ отчетѣ онъ увѣряетъ, что сдѣлалъ изъ Библіи обширныя выписки [3]).

---

zajisté dostanete brzo zpátky". Напоминаніе было повторено еще и въ письмѣ 10 авг. 1829 г. Всѣ письма въ библ. Чешскаго Музея. Въ своемъ экз. „Gesch. der slaw. Spr." (въ Чешск. Муз. 74 E 29) къ стр. 378 Шафарикъ сдѣлалъ слѣдующую приписку: „Über die Sotaken hat Prof. Kucharski einige Nachrichten an Ort und Stelle gesammelt, die ich aus s. eigenen mir von Kollár mitgetheilten Handschrift abgeschrieben habe. Vgl. Notata „ku slowesnosti slowenské".

[1]) Письмо къ Ганкѣ отъ 19 марта 1828 г.

[2]) „Spodziewam się, że moi rodacy radzi czytać będą nowy jego opis", заявлялъ онъ. Gaz. Polska, 1828, № 32.

[3]) „Zająłem się porobieniem obszerniejszych z niej wypisów, aby mieć dokładniejsze wyobrażenie jej staropolskiego języka."

На послѣднемъ листѣ рукописи Кухарскій написалъ: „Die 19 et 20 Decembris 1827 permissu cl. prof. Somosy vidi hunc codicem atque legi. Dolendum valde, quod temporum iniquitate plurima desint. Est enim codex e vetustiori transscriptus, quod testatur ipsa lingua, quae est illo in codice Psalterii saec. XIV, quod Lincii conservatur, fere eadem, orthographia solummodo recentiori. Saros Patakini. Andreas Kucharski Prof. Univ. Reg. Varsaviensis“ [1]). Только въ 1849 г.[2]) Кухарскій въ обозрѣніи переводовъ Св. Писанія на славянскіе языки посвятилъ Библіи королевы Софіи нѣсколько строкъ, при чемъ здѣсь относилъ этотъ памятникъ къ 1455 году[3]).

Путешествіе по комитатамъ сѣв. Венгріи въ зимнее время сопряжено было съ большими неудобствами и затрудненіями. Въ письмѣ (отъ 8 янв. 1828 г. изъ Пешта) къ одному изъ друзей своихъ Кухарскій краснорѣчиво изображаетъ всѣ лишенія, какія ему приходилось испытывать въ продолжительномъ путешествіи по гористымъ областямъ сѣверной Венгріи. Дожди и снѣга, пронизывающіе вѣтры и морозы были его постоянными спутниками; неоднократно во время переправъ черезъ рѣки онъ проваливался въ воду; часто приходилось голодать съ утра до ночи, иногда надо было ограничиться кускомъ сухого кукурузнаго хлѣба или картофелемъ; спалъ онъ зачастую просто на голой соломѣ, или въ корчмѣ, подъ шумъ и гамъ пирующихъ мужиковъ. Путешествіе по селамъ съ мадьярскимъ населеніемъ затруднялось еще тѣмъ, что Кухарскій не зналъ мадьярскаго языка. Поневолѣ пришлось изучить и этотъ языкъ[4]).

Въ первый день праздника Рождества Хр. 1827 г., въ полдень Кухарскій благополучно прибылъ въ Пештъ. Здѣсь онъ прежде всего сошелся съ Колларомъ, который былъ его руководителемъ, облегчившимъ доступъ во всѣ учре-

---

[1]) Małecki, Przegląd najdawn. pomn., str. XIV.

[2]) Въ ж. Pamiętnik religijno-moralny, Tom XVII, str. 454 -455.

[3]) Малэцкій, впрочемъ, сомнѣвается въ принадлежности обозрѣнія Кухарскому, единственно потому, что въ приведенной выше припискѣ онъ иначе опредѣлялъ время происхожденія Библіи, хотя оговаривается: „Chybaby później zmienił zdanie“. Въ письмѣ къ Ганкѣ 19 марта 1828 г. онъ прямо говоритъ: „Obejrzałem w Sarospatak szczątki z Biblii polskiej królowej Zofii z w. XV“.

[4]) „Chcąc niechcąc musiałem się nauczyć i po madziarsku. Osobliwszy też to język!“ замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ пріятелю и сообщаетъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія о мадьярскомъ языкѣ и о его роли въ общественной жизни мадьяръ. Gazeta Polska, 1828, № 32 -33.

жденія, какія могли занимать нашего путешественника [1]). Кухарскій посѣщаетъ библіотеку университета, національный венгерскій музей, знакомится со многими славянскими учеными, въ особенности же съ будинскими сербами, которые произвели на него весьма благопріятное впечатлѣніе. Здѣсь онъ приготовляется къ дальнѣйшему путешествію, къ поѣздкѣ на славянскій югъ: онъ изучаетъ исторію, языкъ и литературу сербскаго народа [2]), читаетъ сербскіе научные журналы, постоянно расширяетъ кругъ своихъ полезныхъ знакомствъ и ежедневно достаетъ что-либо новое для чтенія. Онъ пріобрѣтаетъ здѣсь, между прочимъ, какія-то хорватскія пѣсни и „поэтическіе плоды" на этомъ языкѣ, еще не появлявшіеся въ печати; изъ числа ихъ называетъ только элегіи Овидія въ переводѣ на „иллирійскій, или славонскій" языкъ; вмѣстѣ съ Колларомъ находитъ различныя чешскія рукописи, неизвѣстныя чехамъ [3]); разыскиваетъ, впрочемъ, безплодно, рукописи недавно умершаго Катанчича († 1825), особенно интересуясь его „босанской библіей" (т. е. переводомъ св. Писанія „u jezik slavno-ilirički izgovora bosanskoga", u Budimu, 1831), и покупаетъ для варшавской университетской библ. всѣ славянскія изданія пештской университетской типографіи.

Планы Кухарскаго были однако чрезмѣрно широки, и для выполненія ихъ необходимы были большія средства. „О, что можно было бы сдѣлать здѣсь, если бы были деньги!" выражаетъ онъ свое сожалѣніе въ письмѣ къ соотечественнику [4]). „Можно было бы пріобрѣсти рѣдчайшія рукописи или списки ихъ, прекраснѣйшія географическія карты, славянскіе костюмы и иныя рѣдкости". Особенно обреме-

[1]) О Колларѣ Кухарскій отзывается въ отчетѣ 21 апр. 1828 г. съ величайшей симпатіей. „Jemu, — говоритъ онъ, — największą winienem wdzięczność, że nieszczędząc dla dobra literatury słowiańskiej czasu, we wszystkiem mię oświecał i do wszelkich znajdujących się tutaj osobliwości, nawet u prywatnych wstęp robił i do nich doprowadzał." Какъ поэта и проповѣдника, онъ высоко ставитъ Коллара въ письмѣ, посвященномъ чешской литературѣ, въ Tygodn. Petersb., 1830, № 34: „Znakomite jest jego poema Córka Sławy, ożywione duchem narodowości Słowiańskiej i godne być znanem i czytanem od wszystkich pokoleń Słowiańskich ... Kazania jego wyborne ... Prawdziwie uczony i światły słowianin".

[2]) „W Peszcie dłużej się nieco zabawiłem ... dla Serbszczyzny, która tu już jest w domu". Отчетъ 21 апр. 1828 г.

[3]) Въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 10 апр. 1828 г. онъ называетъ: 1) рукопись Гусовой Dcerky, изданной уже Ганкою въ 1822 г.; 2) пергаменную рукопись Новаго Завѣта in 12°; 3) Krátké poznamenání světa 1759–1760.

[4]) Отъ 8 янв. 1828 г. Gazeta Polska, 1828, № 32–33.

нительно было для незначительнаго бюджета славянскаго путника пріобрѣтеніе книгъ, въ большинствѣ весьма дорогихъ и съ трудомъ разыскиваемыхъ. „Басни Эзопа по-сербски, — говоритъ Кухарскій, — которыя я теперь читаю, стоятъ сорокъ гульденовъ серебромъ, т. е. 160 польскихъ золотыхъ, такъ какъ экземпляры этой книги нынѣ большая рѣдкость". Совершивши еще изъ Пешта поѣздку въ Остригомъ (Gran) къ канонику Юрію Палковичу, знатоку славянскихъ нарѣчій вообще и въ частности словенскаго и извѣстному переводчику библіи на словенскій языкъ, Кухарскій заканчиваетъ свои занятія въ Венгріи [1]).

Маршрутъ дальнѣйшаго славянскаго путешествія Кухарскаго былъ слѣдующій. Изъ Пешта онъ предполагалъ вернуться опять въ Вѣну [2]), гдѣ долженъ былъ получить деньги, а изъ Вѣны направиться въ Штирію, Каринтію и Крайну, съ главнымъ пунктомъ остановки — Любляной, затѣмъ, въ Хорватію и, наконецъ, въ Далмацію и Дубровникъ. Программа эта, какъ увидимъ ниже, выполнена была Кухарскимъ съ полной точностью.

О занятіяхъ Кухарскаго въ Вѣнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ [3]) мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Единственное письмо его изъ Вѣны къ Ганкѣ (отъ 10 апрѣля 1828 г.) посвящено новѣйшему „открытію" Ганки, т. е. отрывку Евангелія отъ Іоанна. Получивши отъ Ганки сообщеніе объ открытіи и, вѣроятно, снимокъ или списокъ отрывка, онъ поспѣшилъ подѣлиться вѣстью съ Копитаремъ. Едва услышавши о новомъ открытіи Ганки, Копитарь, не читая отрывка, заявилъ или вѣрнѣе закричалъ, какъ повѣствуетъ Кухарскій, что Ганка „опять выдумалъ новыя древности и выковалъ ихъ, словно въ кузницѣ", и поручилъ Кухарскому отвѣтить Ганкѣ, что рукопись эта принадлежитъ XIX ст. и написана имъ самимъ. Читая этотъ отрывокъ, Копитарь, по словамъ Кухарскаго, смѣялся надъ „старыми формами", нарочно употребленными Ганкою. Скептицизма Копитаря

---

[1]) По слѣдамъ К. въ 1829 г. путешествуетъ по Словачинѣ и собираетъ пѣсни К. Войцицкій. Отрывки изъ путевого дневника его: „Węgry Sławaki" (sic) и „Sobótki u Słowaków", Muzeum Domowe, 1835, 315; 1836, 30, 306.

[2]) „Jadę wkrótce do Wiednia", пишетъ онъ 8 янв. 1828 г.

[3]) 8 янв. 1828 г. онъ собирается „вскорѣ" выѣхать въ Вѣну изъ Пешта; 10 апр. того же года онъ пишетъ Ганкѣ изъ Вѣны: „Pojutrze wyjeżdżam do Gradcu". Ср. Ягичъ, Источники, II, стр. 636.

Кухарскій какъ будто не раздѣлялъ, но въ то же время и самъ не рѣшался высказать свое мнѣніе категорически. „Если такъ думаютъ люди, пріобрѣвшіе въ ученомъ мірѣ славянъ большую славу, то что же могу сказать я бѣдный, могущій назвать себя въ этомъ отношеніи едва ученикомъ? Не знаю, какимъ образомъ, гдѣ, на чемъ, въ чемъ и т. д. рукопись была открыта, и какъ она выглядитъ, ибо я ея не видѣлъ. Но долженъ судить по языку. Если это языкъ чешскій, какъ вы всѣ полагаете, то вы лучше всего сумѣете разобрать этотъ памятникъ. Мнѣ однако пріятно, что вы извѣстили и меня объ этомъ и спрашиваете моего мнѣнія. Итакъ, скажу, что думаю. Ученикъ всегда долженъ отвѣтить учителю, но учитель долженъ оцѣнить отвѣтъ ученика (odpowiedź osądzić)".

По мнѣнію Кухарскаго, отрывокъ Евангелія отъ Іоанна есть древнѣйшій памятникъ чешскаго языка. Сомнѣній въ томъ, что этотъ отрывокъ написанъ по-чешски, у Кухарскаго не было. Судъ Любуши и все прочее, открытое Ганкою раньше, слѣдуетъ считать болѣе новыми памятниками. „Нѣтъ ничего равнаго этому (т. е. отрывку Ев. Іоанна) въ вашей древнѣйшей литературѣ: поэтому трудно точно опредѣлить (ściśle osądzić), въ какомъ столѣтіи такъ у васъ говорили. Чтобы судить объ этомъ, надо бы имѣть предъ собой образцы чешскаго языка всѣхъ столѣтій, т. е., напр., IX, X и XI ст., и затѣмъ путемъ сравненія дойти до истины". Но такъ какъ въ чешской письменности ничего подобнаго не имѣется, то Кухарскій прибѣгаетъ къ сравненію этого чешскаго перевода съ другими славянскими переводами. Сравненіе съ старославянскимъ текстомъ привело его къ заключенію, что переводчикъ имѣлъ передъ собой „славянскій переводъ Кирилла" [1]), но придерживался латинскаго текста; славянскій же переводъ игралъ въ его трудѣ лишь вспомогательную роль. Съ греческимъ оригиналомъ переводчикъ былъ совершенно незнакомъ.

Отрицательное отношеніе Копитаря къ открытію Ганки не осталось, какъ мы видѣли, безъ вліянія на Кухарскаго. Заключая свои разсужденія по поводу открытаго Ганкой памятника, Кухарскій осторожно выражается: „Коротко го-

[1]) „Za to bym dał szyję, że przekładacz miał starosłowiański przekład Ewangielii przed oczami." Это убѣжденіе онъ еще разъ повторяетъ въ письмѣ отъ 14 авг. 1829 г. Оно относилось, впрочемъ, уже ко всѣмъ древнѣйшимъ чешскимъ переводамъ Св. Писанія.

воря, если эта рукопись не вымышлена (jeśli ten rękopis niezmyślony), то тогда она относится къ X вѣку и есть первый опытъ изображенія „чештины“ латинскими буквами, сдѣланный епископомъ Boso или по его образцу“. Но онъ затрудняется сказать, слѣдуетъ ли отнести этотъ опытъ къ началу, серединѣ или къ концу этого столѣтія. Вѣроятнѣе всего, однако, къ концу X-го столѣтія.

6-го мая 1828 г. [1]) вечеромъ Кухарскій прибылъ въ Шопронь (Oedenburg). Вниманіе его привлекали обитающіе въ этой мѣстности хорваты и вообще славяне [2]). Полагаясь на мнѣніе „ученыхъ славистовъ“, Кухарскій думалъ, что языкъ этихъ хорватовъ представляетъ собою „смѣсь хорватскаго и краинскаго языка“ (mieszaninę kroackiego i kraińskiego języka), и въ виду этого не намѣренъ былъ особенно долго останавливаться на нихъ. Но, по прибытіи на мѣсто, онъ убѣдился, что книжныя свѣдѣнія его оказались неточными: онъ нашелъ здѣсь языкъ „наиболѣе близкій къ старому южно-хорватскому“, до такой степени близкій, что современный хорватскій языкъ королевства Хорватіи скорѣе мож-

[1]) Gazeta Polska, 1828, № 265.

[2]) „Cała przestrzeń zachodnich Węgier, od prawego brzegu Dunaja aż do królestwa Horwackiego i od Austryi i Styryi aż ku środkowi tychże Węgier, zaludniona jest w znacznej części przez Słowian, Horwatami i Wandalami zwanych. Nikt atoli dotąd ani ich siedzib, ani liczby, ani pochodzenia, ani różnicy języka, ani literatury, ani zwyczajów i obyczajów dostatecznie nie wskazał; tak dalece, że w dziele swojem literatury słow. professor Szafarzyk, co zewsząd dotąd najskrzętniej tego rodzaju zebrał wiadomości, albo nas w niepewności o nich zostawia, albo w ogólnych tylko odpowiada wyrazach. Chciałem się o tem wszystkiem, ile możności, dowiedzieć i przekonać i nie próżno podjąłem pracę, bo znalazłem więcej, niżeli się spodziewałem: znalazłem fałszywe w Szafarzyku o nich wiadomości...“ Отмѣтивши занимаемые этими хорватами (Wasser-Croaten) комитаты, Кухарскій о происхожденіи ихъ и языкѣ сообщаетъ весьма спутанныя свѣдѣнія: „Nie są oni ani potomkami Rusinów, jak pisze p. Rumy, ani Bissenów z Bosny, jak mniema Kollar, ani prawdziwemi Horwatami, jak ich sobie teraz około Zagrabu wystawiamy, ale zdają mi się być z za Kulpy, z drugich swoich siedzib, od strony Istryi i Dalmacyi wyparci, i jeżeli ich sobie tak w dziele swojem P. Bel wystawiał, zdanie jego najgodniejszem jest wiary. Język bowiem ich nie jest ani ruskim, ani serbskim, ani, jak pisze p. Szafarzyk, opierający się na podaniach p. Kopitara, pośrednim między kraińsko-słowiańskim i teraźniejszym horwacko-zagrebskim; ale owszem trzyma środek między ilirskim a teraźniejszym horwackim i zachowuje w sobie ślady bliskiego z łacińskim i włoskim sąsiedztwa, tudzież nie jedną osobliwość starożytną słowiańską, co mię pobudziło do ściślejszego nad nim badania, niż sobie pierwej zamierzyłem, i ze zdatnym do tego Horwatem przeszedłem i spisałem cały jego układ grammatyczny, podług metody Dobrowskiego“. Ibid.

но признать „смѣсью стараго славянскаго съ краинскимъ“ [1]). Шопроньскіе хорваты до такой степени заинтересовали Кухарскаго, что онъ рѣшилъ заняться спеціальнымъ изученіемъ ихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ представленія славистовъ о языкѣ и происхожденіи этого народа оказывались ошибочными. Вниманіе Кухарскаго привлекали особенности языка, формы и выраженія, только этимъ хорватамъ свойственныя. Познакомившись здѣсь съ какимъ-то молодымъ образованнымъ хорватомъ, Кухарскій приступилъ къ изученію мѣстнаго говора. Книгъ почти никакихъ на этомъ нарѣчіи, кромѣ евангелія, катехизиса и нѣсколькихъ молитвенниковъ, не было. Недавно, какъ сообщаетъ Кухарскій, священникъ Фицко написалъ исторію ветхаго и новаго завѣта. При содѣйствіи своего учителя и нѣкоторыхъ пособій, грамматикъ славянской, чешской и русской, написанныхъ Добровскимъ и Пухмайеромъ по его системѣ, Кухарскій успѣлъ основательно познакомиться съ этимъ языкомъ (przyszedłem do dokładnego wyobrażenia języka horwackiego). Работалъ онъ усердно. „Я сидѣлъ, — разсказываетъ онъ, — словно прикованный къ столу, вмѣстѣ съ моимъ хорватомъ, который просиживалъ со мной по три часа“. Въ Троицынъ день вмѣстѣ съ своимъ учителемъ онъ отправился въ деревню, къ его родителямъ, чтобы практически изучить здѣсь занимавшее его нарѣчіе. Одновременно онъ собираетъ здѣсь народныя пѣсни (jaczki, т. е. jačke pjesme), изучаетъ обычаи и нравы населенія, ихъ одежду, танцы [2]) и т. п. Здѣсь, между прочимъ, онъ узналъ, что вся библія была переведена на хорватскій языкъ этой мѣстности (tych okolic) священникомъ Матв. Лаабомъ (pleban Nowosielski, Neudorf), умершимъ пять лѣтъ тому назадъ, но никто не знаетъ, гдѣ этотъ трудъ находится. Въ письмѣ своемъ Кухарскій разсказываетъ, съ какою радостью привѣтствовали въ глухой хорватской деревнѣ далекаго гостя, какъ всѣ разспрашивали его о польскомъ народѣ, при чемъ онъ довольно свободно объяснялся съ ними по-хорватски (niezgorzej się po horwacku przećwiczyłem), говоритъ о благосостояніи населенія, отражающемся

---

[1]) „Język horwatów szoprońskich, osobny tu naród i całkiem od innych słowian różny stanowiących, jest najwięcej wprawdzie do kroackiego w król. Kroacji zbliżony, w wielu przecież względach podobny słowiańskiemu, czyli w ogólności mówiąc serbskiemu językowi.“ Ibid.

[2]) Въ донесеніи отъ 28 дек. 1828 г. онъ говоритъ: „Otrzymałem tu w darze mały zbiór pieśni horwackich; więcej sam spisałem, ile mogłem“.

въ ихъ нарядахъ, хорошей пищѣ и напиткахъ, объ опасности германизаціи и мадьяризаціи и пр. „Удивительно, что тамъ, гдѣ славянъ нельзя мадьязировать, тамъ ихъ онѣмечиваютъ; послѣднее угрожаетъ и здѣшнимъ хорватамъ, окруженнымъ нѣмцами. Хуже всего то, что даже считать они должны учиться по-нѣмецки, словно хорватскій языкъ не пригоденъ для первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій!“ Кухарскому называли нѣсколько деревень, въ которыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ говорили еще по-хорватски, а нынѣ говорятъ уже по-нѣмецки [1]).

Въ концѣ іюня (н. ст.) Кухарскій былъ уже въ Штиріи, въ Градцѣ [2]). Путь до Градца онъ совершилъ благополучно, безъ всякихъ приключеній, но и о какихъ-либо наблюденіяхъ на пути до Градца онъ ничего не говоритъ. О пребываніи своемъ, занятіяхъ и ученыхъ знакомствахъ въ Градцѣ онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности въ письмѣ, напечатанномъ въ Gazecie Polskiej [3]), но эти замѣчанія не имѣютъ для насъ особеннаго значенія: они касаются главнымъ образомъ различныхъ достопримѣчательностей, музеевъ (Johanneum), библіотекъ и пр. Кухарскаго, однако, главнымъ образомъ занимали словинцы, и поэтому по прибытіи въ Градецъ онъ первымъ дѣломъ разыскалъ профессора Кваса [4]), преподавав-

---

[1]) О венгерскихъ хорватахъ и словинцахъ сообщилъ вскорѣ болѣе подробныя свѣдѣнія Чапловичъ: Croaten und Wenden in Ungern, Pressburg, 1829.

[2]) Въ Illyrisches Blatt, 1828, № 26, стр. 102, тотчасъ по пріѣздѣ Кухарскаго („Er hat mir heute die Ehre seines Besuches gegeben“), помѣщено было 28-го іюня письмо Г. Косты (H. Costa, впослѣдствіи голова Любляны, предсѣдатель Матицы Словинской, издатель Водникова Альбома), который, познакомивъ читателей съ цѣлями путешествія Кухарскаго, высказывалъ надежду, что всюду, и въ Градцѣ, и вообще въ Штиріи и Крайнѣ, онъ встрѣтитъ тотъ же хорошій пріемъ, какой встрѣчалъ до сихъ поръ у прочихъ славянъ въ своихъ ученыхъ странствіяхъ. „Diess ist aber um so mehr zu wünschen, – добавлялъ Коста, -- als er nebst der Erfüllung seines erfreulichen Auftrags, auch einen abgesonderten Bericht seiner interessanten Reise und der dabei unter den Slaven gemachten Beobachtungen, der Welt zu liefern gesonnen ist.“ Къ Костѣ и другимъ лицамъ Кухарскій явился съ рекомендаціями Копитаря („Von Wien aus bringt er zahlreiche Empfehlungen von dem gelehrten Slavisten H. Kopitar mit“) и произвелъ, какъ видно изъ письма Косты, прекрасное впечатлѣніе.

[3]) 1828, № 265 266. Почти то же повторено въ Garten-Zeitung, l. c., S. 245 246.

[4]) Собственно въ Градецъ Кухарскій прибылъ съ цѣлью подготовиться къ путешествію по землямъ словинцевъ. „Z powodu katedry języka słowiańskiego i uczonych, jak i wielu uczniów tegoż narodu, jest

шаго тогда въ градецкомъ университетѣ словинскій языкъ. Квасъ былъ руководителемъ его въ обозрѣніи всѣхъ занимавшихъ его достопримѣчательностей. Кухарскій посѣтилъ и его лекцію словинскаго языка, познакомился, благодаря ему, съ нѣсколькими ревностными словинцами и вообще проникъ въ жизнь незначительнаго кружка здѣшнихъ патріотовъ-словинцевъ. Хотя Градецъ произвелъ на него впечатлѣніе совершенно нѣмецкаго города, тѣмъ не менѣе онъ нашелъ здѣсь отрадныя проявленія научной славянской жизни (iskierki życia naukowego słowiańskiego). „Священникъ Рижнеръ переводитъ вновь Новый Завѣтъ на словинскій языкъ и уже значительно подвинулся впередъ въ своемъ трудѣ. Профессоръ Мухаръ занимается славянской исторіей этихъ земель. Священникъ Данько написалъ словинскую грамматику, въ которой предложилъ своему народу новое, сближенное съ прочими славянскими нарѣчіями, правописаніе [1]), и, слава Богу, его преобразованіе зажгло огонь въ народѣ, начали по этому предмету появляться разныя замѣчанія, и въ значительной части преобразованіе его принято“. Особенно обрадовался Кухарскій различнымъ словинскимъ книгамъ, изданнымъ на народныхъ говорахъ. Для филолога это были драгоцѣнныя пріобрѣтенія. Такъ же интересно было для него только-что вышедшее въ свѣтъ собраніе народныхъ пѣсенъ, но ему не понравилось присоединеніе къ нимъ басенъ Эзопа; кромѣ того, издатель, какъ лицо духовное, не помѣстилъ въ свой сборникъ пѣсенъ любовныхъ, а между тѣмъ онѣ, по убѣжденію Кухарскаго, составляютъ лучшую часть народной поэзіи. Пребываніе Кухарскаго въ Градцѣ было, вѣроятно, непродолжительно. Изъ Градца онъ намѣренъ былъ отправиться въ Мариборъ (Marburg), а оттуда совершить экскурсію въ восточную часть нижней Штиріи, къ венгерской границѣ. Въ Радгони (Radkersburg, или Rakelsburg) онъ посѣтилъ священника

---

przecież Gradec środkowem miejscem wiadomości naukowych o słowieńcach (Winden), zamieszkujących południowe Styryi powiaty: Marburgski i Celski“, оправдываетъ онъ свое пребываніе въ совершенно нѣмецкомъ Градцѣ. Отчетъ отъ 28 дек. 1828 г.

[1]) Съ Данькомъ Кухарскій ведетъ бесѣды по этому вопросу. „Auch Kucharsky in Warschau auf seiner hierortigen Durchreise 1828 sprach davon (т. е. о реформѣ азбуки) mit Wohlgefallen“, писалъ Данько чешскому поэту Винаржицкому 19 ноября 1829 г. K. A. Vinařického Korrespondence, vydal V. Ot. Slavík, Praha, 1903, str. 135.

Данька, извѣстнаго уже тогда своими трудами на пользу просвѣщенія народа, своей грамматикой и собраніемъ словинскихъ народныхъ пѣсенъ. Заинтересовавшись близкими поселеніями венгерскихъ словинцевъ, Кухарскій переходитъ границы сосѣдняго Желѣзнаго (Eisenburg) комитата и производитъ здѣсь наблюденія надъ „вандалами“[1]: онъ усердно разыскиваетъ здѣсь „вандальскія“ книги, рукописи, собираетъ народныя пѣсни, изучаетъ мѣстное нарѣчіе, описываетъ древнія надписи и изображенія въ церкви селенія Турниша, сохранившіяся, по его мнѣнію, чуть ли не со временъ готовъ[2]).

Возвратившись обратно въ Градецъ[3]), Кухарскій черезъ Целье прибылъ вскорѣ въ Любляну. По его словамъ, онъ предполагалъ пробыть здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Спеціальныя занятія его не ограничивались библіотекой Лицея[4]) и соединенной съ ней библіотекой барона Цойса[5]): Кухарскій совершилъ цѣлый рядъ поѣздокъ по Крайнѣ съ цѣлью изученія разнообразныхъ говоровъ долинъ и разныхъ мѣстностей этой страны, при чемъ предварительно велъ по этому предмету бесѣды съ проф. Метелкой, который снабдилъ его драгоцѣнными указаніями и совѣтами[6]).

Въ этихъ поѣздкахъ онъ имѣлъ также въ виду заняться и разысканіемъ первоначальнаго мѣста поселенія ляховъ, о которыхъ повѣствуетъ Длугошъ. Нѣкоторыя указанія по этому вопросу Кухарскій надѣялся получить отъ проф. Мухара (въ Градцѣ) и затѣмъ, послѣ совѣщаній и бесѣдъ съ нимъ, отправиться для разысканій и опредѣленія, какая рѣка называется у Длугоша Guia, гдѣ лежалъ замокъ и деревня Псара и пр. Мнѣніе гр. Яна Потоцкаго, полага-

[1]) „Von hier aus an der Grenze des Tóth-Ságher Distriktes der grossen Eisenburger Gespannschaft, machte K. einen Ausflug in diesen Distrikt, welcher ganz von den Wandalen bewohnt ist.“ Gartenzeitung, l. c., S. 246.

[2]) Gartenzeitung, l. c., S. 246.

[3]) „Zurückgekehrt, ging Kucharski von Grätz über Cilli nach Laibach.“ Ibid., S. 247.

[4]) Въ библіотекѣ Лицея онъ, между прочимъ, сдѣлалъ изъ предисловія рукописной старославянской грамматики Совича (Смотрицкаго) извлеченія касательно буквицы. Č. Č. Mus., 1829, IV, str. 125.

[5]) О занятіяхъ словинской литературой онъ сообщаетъ мало. Только въ письмѣ отъ 28 дек. 1828 г. изъ Загреба онъ говоритъ о литературной дѣятельности Водника, при чемъ приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ „Novic“.

[6]) „Er bereiste Krain in mehrern Richtungen“, свидѣтельствуетъ Куничъ. Gartenzeitung, l. c., S. 247.

вшаго, что Guia есть р. Gurka (Krka), онъ считаетъ неправдоподобнымъ, при чемъ отмѣчаетъ ошибку Потоцкаго, который называетъ Крку притокомъ Кульпы, тогда какъ она въ дѣйствительности впадаетъ въ Саву.

13-го августа Кухарскій выѣхалъ изъ Любляны и въ тотъ же день прибылъ въ Крань (Krainburg). „Весь этотъ славянскій городокъ, — разсказываетъ Кухарскій, — жители коего говорятъ съ нѣсколько инымъ акцентомъ, чѣмъ въ Люблянѣ, занималъ меня, однако, не столько, сколько жители одного изъ предмѣстій его". Кухарскій подмѣтилъ, что они говорятъ: słysys, pocakaj и пр., подобно польскимъ мазурамъ, кое-гдѣ лужицкимъ сербамъ, словакамъ въ Венгріи или южно-сербскимъ калугерамъ, которые будто бы умышленно произносятъ свистящіе вм. шипящихъ, чтобы отличаться отъ простонародья. Объяснить это явленіе у краинцевъ Кухарскій однако не берется.

Славянское чувство путешественника было возмущено здѣсь пренебрежительнымъ отношеніемъ духовенства къ словинскому языку: священникъ, ректоръ нормальной школы, не могъ даже въ церкви прочесть, какъ слѣдуетъ, евангеліе! Такихъ священниковъ ему приходилось встрѣчать и раньше. „Впрочемъ, — замѣчаетъ онъ, — вскорѣ и народъ не будетъ умѣть читать, а если что и прочтетъ, то не пойметъ этого, ибо здѣсь въ каждой книжкѣ иная орѳографія, и у каждаго писателя иной языкъ". Величайшихъ бѣдъ, по мнѣнію Кухарскаго, натворилъ въ этомъ отношеніи проф. Метелко, съ одной стороны, своей „краинской" грамматикой [1]), съ другой — своими произведеніями, въ которыхъ употреблялъ и странное правописаніе и новый языкъ. „Какъ жаль, что прекраснѣйшая система Добровскаго явилась здѣсь въ столь недостойномъ видѣ! И кто же виновникъ этого несчастія? Копитарь! который кричитъ въ не своей (w nie swojej) краинской грамматикѣ: дайте мнѣ новыя гласныя, какія, напр., имѣли греки: двоякое *e*, двоякое *o*, и тогда я буду писать послѣдовательно". Кухарскій самъ потратилъ много времени на изслѣдованіе природы „краинскихъ" гласныхъ, не опредѣленной, по его заявленію, еще никѣмъ изъ краинцевъ.

Изъ Краня Кухарскій прибылъ въ Тржичъ (Neumarktl). Путь этотъ Кухарскій совершилъ въ обществѣ какого-то

[1]) „Lehrgebäude der Slowenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen." 1825.

профессора люблянскаго лицея, но не называетъ его по имени. Слѣдующій пунктъ остановки былъ Целовецъ (Klagenfurt), городъ почти исключительно нѣмецкій, хотя граница словинскаго языка идетъ только въ разстояніи одного часа отъ города. Познакомившись здѣсь съ профессорами семинаріи, бенедиктинскими монахами, къ коимъ у него имѣлись рекомендаціи изъ Любляны, Кухарскій съ однимъ изъ нихъ отправился къ Ярнику [1]), котораго онъ называетъ „единственнымъ писателемъ среди хорутанскихъ славянъ". Ярникъ оказался ученымъ мужемъ, знакомымъ съ славянскими нарѣчіями. Этотъ фактъ вызываетъ въ Кухарскомъ чувство нѣкотораго стыда, что польскіе ученые отстали отъ другихъ въ отношеніи общаго изученія славянскихъ нарѣчій. Ярникъ сообщилъ нашему путешественнику все, что только интересовало его относительно Каринтіи: онъ перечислилъ ему словинскіе приходы, указалъ діалектическія особенности, древнія надписи и памятники славянскіе, произведенія „хорутанской" литературы и источники для изученія ея.

Ознакомившись съ трудами Ярника, посвященными разнообразнымъ вопросамъ [2]), Кухарскій счелъ необходимымъ пріобрѣсти ихъ. Особенно важнымъ пріобрѣтеніемъ считалъ онъ послѣднюю статью, чрезвычайно интересную для каждаго изслѣдователя славянской старины. Вопросъ о германизаціи хорутанскихъ словинцевъ особенно занимаетъ Кухарскаго, и на эту тему онъ ведетъ бесѣды съ Ярникомъ, который разъясняетъ ему современное положеніе словинцевъ [3]). Въ Целовцѣ Кухарскій, согласно указаніямъ Ярника, покупаетъ различныя книги. Вниманіе его привлекаетъ говоръ жителей Зильской долины (Gailthal), замѣчательный, по наблюденію его, тѣмъ, что вмѣсто приставки *iz* въ немъ весьма часто встрѣчается *wy*, хотя языкъ этихъ словинцевъ принадлежитъ къ тому же классу, что и русскій, сербскій и

---

[1]) Съ 1818 г. онъ былъ настоятелемъ шмихельскаго прихода (župnije), въ 1827 г. переведенъ былъ въ Благоградъ. См. Glasera, Zgodovina slov. slovstva, II, str. 198.

[2]) „Zbér lépich ukov; Jądro prawd chrześciańskich (т. е. Jedro kerſhanskih reſniz, 1820); Zbiór wyrazów starosłowiańskich, które się dotąd w Korytańsku używają (Kleine Sammlung solcher altslavischen Wörter, welche im heutigen windischen Dialect noch kräftig fortleben, 1822); obszerna i uczona rozprawa w języku niemieckim w dziele peryodycznem Carintia: o niemczeniu Słowian Korytańskich (Andeutungen über Kärnten's Germanisirung)."

[3]) „Xiądz Jarnik we wszystkiem mię oświecił, com tylko chciał wiedzieć o Korytanach," отмѣчаетъ онъ въ отчетѣ.

хорватскій. Вблизи Целовца, на полѣ т. н. Zollfeld или Wahlfeld[1]), Кухарскій обозрѣваетъ знаменитый каменный тронъ хорутанскихъ князей, на которомъ сохранилась яко бы славянская надпись. Тронъ и поле Zollfeld (вѣроятно, по предположенію Кухарскаго, campus solii) напоминаютъ ему обширное поле подъ Волей (у Варшавы), гдѣ въ старое время поляки такимъ же образомъ устраивали свои совѣщанія. Съ недовѣріемъ отвергнувши замѣчанія различныхъ ученыхъ изслѣдователей о тронѣ и надписи на немъ, Кухарскій приходитъ къ самостоятельнымъ наблюденіямъ и выводамъ, но, къ сожалѣнію, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не излагаетъ ихъ. Въ близлежащей старинной церкви Maria Svet (Maria Sol) онъ посѣщаетъ гробницу св. Модеста, просвѣтителя здѣшнихъ славянъ, и разбираетъ какую-то славянскую надпись[2]).

Кромѣ этой надписи, Кухарскій занялся еще разсмотрѣніемъ надписей на знаменитыхъ штирійскихъ шлемахъ, найденныхъ еще въ 1812 г. между Птуемъ (Pettau) и Радгонью (Radkersburg). Только въ 1826 г. два изъ этихъ шлемовъ обратили вниманіе ученыхъ своими загадочными надписями[3]), которыя признаны были этрусскими[4]). Кухарскій, считая принятое чтеніе и толкованіе неудовлетворительнымъ, предложилъ свое объясненіе. По его мнѣнію, надписи на шлемахъ слѣдуетъ признать славянскими и читать ихъ слѣдующимъ образомъ: 1) „Zidaku tu dli Jarmejsel żupny pan u Api“ (т. е.: „Mularzu! tu spoczywa Jaromysł żupanowy pan“) и 2) „Ejarifas jije ie obil“ (т. е.: „Ejaryfas go zabił“). Открытіе казалось ему необыкновенно важнымъ, и онъ говорилъ о немъ съ нѣкоторой гордостью въ письмахъ къ друзьямъ[5]): надписи на шлемахъ должны свидѣтельствовать и о глубочайшей древности славянскаго племени въ Европѣ и о высокомъ культурномъ развитіи его въ дохри-

[1]) Gosposvesko polje pri Št. Vidu.

[2]) „Xiądz Jarnik czyta: Chramiszcze k popavu, a ja: Chramiszcze k kopavu.“

[3]) См. Steyermarkische Zeitschr., red. v. J. R. Kalchberg, Gratz, 1826, VII Heft, S. 48—60, гдѣ помѣщены и изображенія шлемовъ.

[4]) Это мнѣніе признавалъ довольно вѣроятнымъ и Шафарикъ въ ст. „Podobizna Černoboha v Bamberku“. Sebr. spisy, III, 98, прим., первонач. въ Č. Ć. Mus., 1837. Мнѣнію Кухарскаго послѣдовалъ Колларъ.

[5]) „Nie potrafiłbym wyrazić, ile doznaję radości z tego odkrycia. Trzeba bowiem wiedzieć, iż prawie wszyscy uczeni zaprzeczali Słowianom znajomości pisma w czasach pogańszczyzny. Wszelkie dotąd odkryte z owych czasów napisy słowiańskie podlegały wątpliwości. Te, które ja odkryłem, nie

стіанскую эпоху. Мысли эти отчасти намъ уже знакомы: ихъ значительно раньше высказалъ Суровецкій; Кухарскій лишь нѣсколько видоизмѣнилъ ихъ и въ вопросѣ о происхожденіи славянскихъ рунъ высказалъ ни на чемъ не основанное мнѣніе, что не славяне заимствовали ихъ у сѣверныхъ народовъ (норманновъ), какъ думаютъ одни ученые, а наоборотъ, — датчане, бывшіе въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ славянами, научились у нихъ этому письму и распространили его далѣе на сѣверъ. Въ увлеченіи Кухарскій не замѣтилъ своихъ ошибокъ. Надписи на шлемахъ оказались въ дѣйствительности этрусскими, и чтеніе Кухарскаго явилось сплошной фантазіей [1]). Что касается имени „руна", то Кухарскій производилъ его отъ н.-луж. gronić, называться, говорить: grony, въ нѣмецкомъ сѣв. произношеніи hrony, rony, runy.

Область между Целовцемъ и мѣстечкомъ Св. Видомъ Кухарскій называетъ „классическо-исторической" землей: тутъ сохранились слѣды всѣхъ народностей, нѣкогда населявшихъ ее. „Если бы тѣ, кто въ древности занималъ эту область, автохтонъ, равно какъ и кельтъ, вырвавшій ее у него, римлянинъ и славянинъ, встали изъ могилъ, то они вздохнули бы и зарыдали". Таковы судьбы этой земли. О временахъ римскихъ и господствѣ другихъ народностей свидѣтельствуютъ нынѣ лишь безмолвныя руины и находимые при раскопкахъ предметы. Вниманіе Кухарскаго особенно привлекаютъ тѣ изъ нихъ, на которыхъ встрѣчаются какія-либо

---

tylko żadnej nie podlegają, ale owszem dowodzą, że Słowianie nie dopiero w V po Chr. wieku przyszli w te strony, lecz że już w czasach przedchrystusowych tu mieli swoje siedziby, że już przed ś. Hieronimem, Cyryllem i Metodem znali pismo, że nie byli tak dzicy, jak ich chcą mieć zawistni im sąsiedzi." Gazeta Polska, 1829, № 39—40, письмо изъ Загреба отъ 31 дек. 1828 г. То же: Powsz. Dzienn. Krajowy, 1829, № 38. Ср. Kunitsch въ Gartenzeitung, S. 246. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 582, 590. На открытіе Кухарскаго обратили вниманіе и нѣмецкіе ученые. По крайней мѣрѣ, Powsz. Dzienn. Krajowy, 1829, въ № 55 (7 Marca) отмѣчалъ, что „Gazeta rządowa pruska przytacza z gazety zagrabskiej artykuł o wyczytaniu runów sławiańskich na hełmach przez P. Kucharskiego. Treść tego artykułu zgadza się z umieszczonym przez nas listem".

[1]) См. W. Cybulski, Obecny stan nauki o runach słowiańskich. Roczn. Tow. Prz. Nauk Pozn., I, 1860, str. 410. J. Leciejewski, Runy i runiczne pomniki słowiańskie. Lwów, 1906, str. 39—40. Однако, съ нѣкоторыми варіаціями чтеніе Кухарскаго имѣло своихъ сторонниковъ. М. Ольшевскій въ ст.: „Oświata sławian pogańskich", Pamiętn. Nauk. Krak., 1838, № 9, читалъ: „Si (źryi) Daku..."

неразгаданныя надписи, по общепринятому опредѣленію — руническія. О временахъ славянскихъ ему говорятъ съ вершинъ горъ возвышающіеся на нихъ замки. „Нигдѣ не встрѣчалъ я столько замковъ въ одномъ мѣстѣ, какъ около Целовца. Очевидно, здѣсь было мѣсто столкновенія народовъ!“ Особенно восхищаетъ нашего путешественника Островицкій замокъ. Душа его наполняется лирическимъ чувствомъ при видѣ этихъ величественныхъ свидѣтелей славянской старины. Для полноты славянскихъ впечатлѣній этой области Кухарскій посѣщаетъ Оссіакъ, гдѣ показываютъ мѣста послѣднихъ языческихъ храмовъ и первыхъ христіанскихъ церквей; здѣсь онъ обозрѣваетъ гробницу Болеслава Смѣлаго, описываетъ современное ея состояніе и обѣщаетъ со временемъ сообщить о ней болѣе обширныя и точныя данныя.

Изъ Оссіака путь Кухарскаго лежалъ на Бѣлякъ (Villach). Городокъ этотъ Кухарскій нашелъ совершенно нѣмецкимъ; германизація его до такой степени сильна, что здѣсь не бываетъ даже славянской проповѣди для славянскаго населенія. Здѣсь Кухарскому впервые привелось встрѣтить словинокъ изъ Зильской долины (по р. Zila, нѣм. Gail), т. н. „зилавокъ“. На слѣдующій день Кухарскій покинулъ Бѣлякъ съ намѣреніемъ побывать въ Зильской долинѣ, но, повидимому, спуталъ дороги; ошибку замѣтилъ нескоро, и поправить ее уже нельзя было, — ознакомиться ближе съ „зилавцами“ не пришлось, и только попадавшіеся на пути богомольцы, возвращавшіеся съ „Святой Горы“ (Višarje, Maria Luschari), дали ему возможность присмотрѣться къ типу этого населенія, ихъ костюму и пр. Съ нарѣчіемъ же ихъ ознакомилъ Кухарскаго Ярникъ, который самъ былъ родомъ „зилавецъ“.

Изъ Хорутаніи, переваливши гору Предѣлъ (Predel), Кухарскій прибылъ въ Болецъ (do Beca, Pless oder Flitsch) на Сочѣ (Isonzo) въ Горицкомъ (Goerz) округѣ. „Здѣсь опять всюду, — наблюдаетъ Кухарскій, — говорятъ по-краински, съ тою однако поражающею особенностью, что употребляютъ звукъ ć, неизвѣстный около Любляны, такъ, напр.: piec (печь) по-краински pecz, а по-здѣшнему peć“. Населеніе (becanie, Betzaken) бѣдное, безземельное, занимается промыслами и торговлею, особенно торгуютъ сукномъ. Подвигаясь на югъ все время по теченію Сочи, въ горы, Кухарскій останавливается на пути въ Горицу въ Рочиньѣ (Ronzino). Отсюда страна принимаетъ уже итальянскій характеръ.

Въ Горицѣ Кухарскій замѣчаетъ совершенно для него новый языкъ: кромѣ нѣмецкаго и славянскаго, здѣсь въ широкомъ употребленіи языкъ фурланскій, кажущійся ему поразительно близкимъ къ латинскому. Славяне называютъ этотъ языкъ laškim. Несмотря на то, что всѣ горожане говорятъ на этомъ языкѣ, проповѣди въ церкви бываютъ только славянскія или итальянскія. Здѣсь Кухарскій знакомится съ каноникомъ В. Станичемъ [1]), издателемъ церковныхъ славянскихъ пѣсенъ, съ проф. семинаріи Корбатомъ, недурно знающимъ словинскій языкъ. Эти два лица были, очевидно, руководителями его въ изученіи города и его славянскаго населенія; они указали ему и славянскіе приходы горицкой епархіи. Пребываніе Кухарскаго въ этомъ интереснѣйшемъ уголкѣ славянскаго міра было, къ сожалѣнію, весьма непродолжительно, и онъ очень мало сообщаетъ намъ изъ своихъ здѣшнихъ наблюденій.

Изъ Горицы Кухарскій прибылъ въ Трстъ [2]). Имя этого древняго приморскаго города — несомнѣнно славянское. Славянскій элементъ среди населенія занимаетъ видное мѣсто. Поэтому здѣсь три „славянскія“ церкви, а въ двухъ католическихъ каждое воскресенье бываютъ „краинскія“ проповѣди. Всюду вообще полно славянъ; первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ сербамъ, которые являются здѣсь наиболѣе богатыми купцами; они имѣютъ здѣсь свою церковь и школу. И въ этомъ торговомъ центрѣ Кухарскій нашелъ полезныхъ для себя руководителей въ лицѣ доктора Фрушича, прекраснаго серба, издававшаго вмѣстѣ съ Д. Давидовичемъ первую сербскую газету въ Вѣнѣ. Фрушичъ познакомилъ Кухарскаго съ проф. Поповичемъ, издателемъ „Османа“. Отъ него Кухарскій получилъ нѣкоторыя славянскія рукописи и рѣдкія сербскія старопечатныя книги.

Легкость сообщенія съ Венеціей побудила Кухарскаго совершить экскурсію для обозрѣнія памятниковъ искусства и осмотра венеціанскихъ библіотекъ [3]). Болѣе недѣли провелъ онъ здѣсь, занимаясь главнымъ образомъ въ библіотекѣ св. Марка и дѣлая „необходимыя для будущаго“ извле-

---

[1]) О немъ см. Glasera, op. cit., II, str. 204—206, 263—264.

[2]) „We czwartek d. 25. września 1828 przybyłem szczęśliwie do Terstu (Trieste).“ Gaz. Polska, 1829, № 169, str. 736.

[3]) „Dziś więc d. 29 września płynę do Mletek (Venezia)“, писалъ онъ въ Варшаву. Gazeta Polska, 1829, № 170, str. 741.

ченія изъ славянскихъ рукописей[1]). Въ армянской библіотекѣ св. Лазаря его поразило обиліе рукописей и книгъ на армянскомъ языкѣ, но на славянскихъ языкахъ здѣсь онъ ничего замѣчательнаго не нашелъ.

Согласно инструкціи, Кухарскому не слѣдовало ограничиваться посѣщеніемъ исключительно венеціанскихъ библіотекъ: ему предписывалось побывать и въ Миланѣ, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ. Онъ и самъ желалъ посѣтить эти итальянскіе города, но недостатокъ времени и средствъ не позволилъ осуществить эту часть программы[2]).

Возвратившись изъ кратковременной экскурсіи въ Италію обратно въ Трстъ, Кухарскій пѣшкомъ обходитъ Истрію до Пуля. „Если бы изъ всего этого путешествія я не вывезъ ничего больше, какъ только два слова, которыя я узналъ здѣсь, расходы и труды мои были бы вознаграждены", говоритъ онъ. Эти два столь драгоцѣнныя пріобрѣтенія были: 1) что здѣшніе славяне называютъ итальянцевъ латинами и языкъ ихъ латинскимъ; 2) что римскій амфитеатръ въ Пулѣ носитъ у мѣстнаго населенія славянское названіе: „divić, t. j. dziwicz," что, по мнѣнію Кухарскаго, свидѣтельствуетъ о томъ, что уже въ римское время здѣсь были славяне. Это названіе Кухарскій къ тому же слышалъ отъ простого человѣка, не знающаго никакого языка, кромѣ хорватскаго. Болѣе подробнаго описанія поѣздки по Истріи мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, хотя Кухарскій по обыкновенію обѣщаетъ своему другу описать ее обширнѣе[3]).

Изъ Истріи онъ вернулся въ Любляну, чтобы оттуда направиться въ Загребъ. Здѣсь онъ предполагалъ не только изучить хорватскую грамматику, но и написать ее, такъ какъ этого еще никто не сдѣлалъ[4]). Образцомъ должна была послужить чешская грамматика Добровскаго. „Живя въ теченіе зимы въ Загребѣ, — писалъ онъ Ганкѣ изъ Дубровника (28 авг. 1829 г.), — я старался не только изучить хорватскій языкъ,

---

[1]) „Zresztą zajmowałem się tu wszystkiem, co tylko wskazuje w instrukcyi swojej p. Köppen", говоритъ онъ въ отчетѣ.

[2]) „Przez wzgląd na szczupłość czasu i funduszu musiałem tą razą zaniechać podróży po Włoszech, w przedmiocie rękopisów słowiańskich." Донесеніе отъ 28 дек. 1829 г.

[3]) „Chciałem ci opisać moję podróż pieszą po Istrji, ale już mi czasu nie dostaje." Gaz. Polska, 1829, № 40.

[4]) „Przejść muszę całą grammatykę horwacką i napisać ją, bo tego jeszcze nikt nie zrobił."

ставя себѣ образцомъ грамматику Добровскаго, но обращалъ вниманіе свое и на различныя другія, раньше мною изученныя нарѣчія, для того, чтобы имѣть возможность опредѣлить наконецъ, что̀ такое есть такъ назыв. старославянскій, или церковный языкъ, и слѣдуетъ ли хорватское нарѣчіе, какимъ говорятъ въ окрестностяхъ Загреба, считать особымъ языкомъ. Ибо до сего времени мнѣнія по этому предмету расходятся, благодаря предположенію Копитаря, который считаетъ церковный языкъ старымъ хорутанскимъ, а что касается хорватскаго языка окрестностей Загреба, то онъ настаиваетъ на томъ (na tom ustrnul), что онъ ничѣмъ не отличается отъ краинскаго“ [1]). Кухарскій не соглашался по послѣднему вопросу съ Копитаремъ и находилъ хорватскій языкъ окрестностей Загреба столь сильно отличающимся отъ краинскаго, что скорѣе отнесъ бы его къ сербскому, чѣмъ къ краинскому [2]).

Что касается церковно-славянскаго языка, то Кухарскій, по его словамъ [3]), достаточно убѣдился („И, если Богъ дастъ дожить, постараюсь убѣдить и другихъ“), что церковный языкъ никогда не былъ общей матерью всѣхъ славянскихъ нарѣчій, а есть лишь одно изъ „русскихъ“ нарѣчій, т. е. относитъ его къ той же группѣ, къ которой въ его системѣ принадлежитъ и языкъ болгарскій и русскій. Отвергая извѣстное дѣленіе Добровскаго, онъ всѣ славянскіе языки группируетъ въ слѣдующей системѣ: A. Восточные. Великорусскіе. a) Сѣверо-восточные. 1. Старославянскій. 2. Великорусскій. 3. Малорусскій. 4. Болгарскій. b) Юго-восточные. Сербскій: 1. Сербскій (Иллирійскій). 2. Хорватскій. 3. Краинскій. (Carniolica). B. Западные. a) Сѣверо-западные. Польскій: 1. Польскій. 2. (Полабскій). b) Юго-западные. Чешскій: 1. Нижнелужицкій. 2. Верхнелужицкій. 3. Чешскій.

---

[1]) Č. Č. Mus., 1829, IV, str. 122—130.

[2]) То же повторяетъ Куничъ: „Nach Kucharski's Ansichten macht das Croatische (in Agram) eine besondere Mundart aus, und zwar eine Mundart, die am wenigsten von benachbarten fremden Sprachen angegriffen ist. Der Croat spricht seine Sprache rein aus, und die Lage von Croatien selbst, in der Mitte von andern slaw. Völkerschaften, hat nicht so leichten Zugang den fremden Sprachen zugelassen. Das Croat. ist nicht krainisch, wie Kopitar will; sondern eine eigene Mundart, wie Dobrovsky mit Recht annahm.“

[3]) Č. Č. Mus., 1829, IV, str. 122—130, письмо къ Ганкѣ отъ 28. авг. 1829 г.

4. Словацкій [1]). Въ сущности система его вносила лишь незначительныя поправки, или вѣрнѣе — подробности въ классификацію Добровскаго, въ которой совершенно отсутствовалъ самостоятельный болгарскій языкъ и языкъ полабскій. Шафарикъ однако съ одобреніемъ принялъ дѣленіе Кухарскаго [2]), но предложилъ внести нѣкоторыя измѣненія.

Въ Загребѣ мы застаемъ его за работой надъ грамматикой еще въ апрѣлѣ 1829 г. Интересно отмѣтить, что Кухарскій встрѣтилъ на этомъ пути, по его собственному признанію, много противниковъ, такъ какъ сталъ навязывать хорватамъ какія-то преобразованія въ ихъ „безсмысленной" орѳографіи и даже исправлять ихъ испорченный языкъ. Дебаты относительно орѳографіи славянской вообще и въ частности хорватской онъ ведетъ съ инспекторомъ элементарныхъ школъ Кощіякомъ (Koszczyjakiem, Košćiak), переводившимъ на хорватскій языкъ школьные учебники, при чемъ, по словамъ Кухарскаго, споры по этому вопросу доставляли большое удовольствіе обѣимъ сторонамъ. „Есть надежда, — радовался Кухарскій, — что и хорваты примутъ правильную (poprawną) орѳографію, которая сблизитъ ихъ съ другими славянами."

Изъ другихъ загребскихъ своихъ знакомыхъ онъ называетъ [3]) профессора загребской академіи Эмериха Домина (Domin), доктора правъ и адвоката, написавшаго на хорватскомъ языкѣ въ трехъ томахъ исторію венгерскаго права, и проф. Ромуальда Ios. Кватерника („pisze się jednak Quatternick!" сожалѣетъ Кухарскій), прекраснаго, по отзыву его, и даровитаго человѣка [4]), который тоже занимался вопросомъ

---

[1]) См. Č. Č. Mus., l. c., 122—123. Также Gazeta Warsz., 1832, № 308, стр. 2704—2705. „Taki mój podział, zasadzony na pewnych stałych i niezmiennych cechach dyalektycznych, usprawiedliwię w dalszych i obszerniejszych o tej materyi pismach", обѣщаетъ Кухарскій въ послѣднемъ своемъ отчетѣ.

[2]) См. Č. Č. Mus., 1832, I. Ср. Gazeta Warsz., 1832, № 243, str. 2148, гдѣ R. H. (Hube?) излагаетъ содержаніе статьи Шафарика, и Slov. Starož., II, str. 502, 505.

[3]) Письмо отъ 31 дек. 1828 г. изъ Загреба, Gazeta Polska, 1829, № 39—40.

[4]) Куничъ свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ расположеніи Кватерника къ Кухарскому: „Hr. Romuald Jos. Quatternik, Prof. etc., hatte sich an den reisenden Prof. Kucharski während dessen zweimaligen Aufenthaltes in Agram aus Liebe für die Wissenschaft am freundschaftlichsten und eifrigsten angeschlossen".

объ улучшеніи хорватскаго правописанія [1]). Не упоминаетъ однако нигдѣ имени Гая. Куничъ [2]) въ числѣ друзей Кухарскаго называетъ еще Николая Мараковича (der hochlöbl. Banaltafel Beeideter Notär), поэта, преданнаго родному народу и языку, собирателя народныхъ пѣсенъ, о которомъ свидѣтельствуетъ: „Er war Mitarbeiter Kucharski's in Agram".

Какъ любознательный путешественникъ, наблюдающій всѣ доступныя ему стороны общественной жизни хорватской, Кухарскій, знакомый уже съ мадьярской политикой по отношенію къ славянамъ, обращаетъ и здѣсь вниманіе на мадьяризаторскія усилія правительства, противъ которыхъ возсталъ въ сеймѣ банъ (kanclerz królestwa) Кушевичъ, на чрезвычайное усиленіе въ то же время нѣмецкаго языка и вліянія, предъ которыми отступили и латынь, и хорватскій языкъ, и мадьярскій. Театръ здѣсь нѣмецкій, газета выходитъ нѣмецкая, въ обществѣ считаютъ особеннымъ достоинствомъ говорить по-нѣмецки. Ко всему нѣмецкому льнутъ всѣ, по выраженію Кухарскаго, словно мухи къ меду, а между тѣмъ нѣмцевъ здѣсь такъ мало, что изъ семи церквей только въ одной бываютъ нѣмецкія проповѣди. Всѣ, кто претендуетъ

[1]) Вотъ что разсказывалъ самъ Кватерникъ Л. Гаю въ декабрѣ 1848 года объ участіи Кухарскаго въ правописной реформѣ хорватской: „Kada ste god. 1829 Andriu Kucharskoga, za sada na varšavskom sveučilištu slavjanskich jezikah profesora, inače moga kuma, koga sam ja, da podèrtine gradovah okò Krapine, one kolèvke Čeha, Leha i Meha, – preglèda, tamo sprovodio bio, u istoj Krapini posètili, i š njime mudro o slavjanskoj književnosti, a osobito o popravljanju pravopisah, te izdělanju kakve bolje, nego li su onda bile hèrvatske slovnice, u pribitnosti mojoj sobčili, već onda je isti Kuch. (bilo mu je preko 30) Vaša načela, Vaša tèrsenja, Vaše sposobnosti veoma scènio i meni na putu u kočii besèdio: „Dieser Jungling wird in seinem Vaterlande noch schöne Rolle spielen und ihm nützlich seyn". A još ste me bolje usrèćili, kada povrativši se iz Pešte god. 1830, Vašu mi u Budinu štampanu, Osnovu horvatsko-slavenskoga pravopisa dobrohotno baš u ono doba pokloniste, kada pokojni školski nadziratelj Tomo Košćiak i, uz g. prof. Kucharskoga, moja malenkost, hoteći novi hèrvatsko-slavonski pravopis u javne učione uvesti u načinu se nepogodismo, a Vaša mi Osnova uz moja načela dobro sviraše, koju kada Košćiak pročita, zamukne, – te tako ja s Kucharskiem naproti njemu, i to samo uz Vas, pobědu uzdàržim. Da mi onda novi, popravljeni pravopis zbilja uveli nismo smàrt Košćiaka prepreči. A ja sám da uvedem, – bilo su skoro svi naučitelji i mnogi ini protiva meni." Ср. П. А. Кулаковскій, Иллиризмъ, стр. 96, 289. За выписку изъ воспоминаній Кватерника приносимъ благодарность проф. загребскаго унив., д-ру Юрію Шурмину.

[2]) Anhang zu den Notizen über Kucharski's Reise. Gartenzeit., 183, 22 Jän., № 4.

на образованіе и высшій тонъ, ходятъ на нѣмецкія проповѣди. „О, суета суетъ!" восклицаетъ славянскій путникъ. Знакомство съ міромъ духовнымъ привело Кухарскаго тоже къ грустнымъ наблюденіямъ. Другъ славянства, епископъ Верховацъ умеръ, а пребывающіе въ Загребѣ 28 канониковъ о наукѣ вовсе не думаютъ, зато внѣшность ихъ свидѣтельствуетъ о полномъ благополучіи. Однако, Кухарскій съ похвалой отзывается объ отличномъ порядкѣ и благоустройствѣ епископской и капитульной библіотекъ и архива. Въ библіотекахъ онъ нашелъ множество славянскихъ книгъ и рукописей. Особенно заинтересовала его рукопись перевода Новаго Завѣта Кусича (Cuszich). По мнѣнію Кухарскаго, ее слѣдовало бы издать, тѣмъ болѣе, что хорваты не имѣютъ еще ни одной печатной библіи на хорватскомъ языкѣ. Замѣтимъ, что въ Загребѣ Кухарскій принимаетъ участіе въ газетѣ Luna, гдѣ помѣщаетъ различныя сообщенія о польской общественной жизни и литературѣ [1]).

Проведя въ Загребѣ зиму и весну, Кухарскій въ маѣ 1829 г. отправился въ Рѣку (Fiume). Здѣсь онъ пріобрѣтаетъ книги, изучаетъ оригинальный народный говоръ окрестностей, посѣщаетъ небольшую, но хорошо устроенную библіотеку капуциновъ и т. д.

Ближайшіе Кварнерскіе острова, гдѣ во многихъ приходахъ сохранилась еще славянская католическая литургія, привлекали вниманіе его, и онъ побывалъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Здѣсь, на этихъ островахъ, ему посчастливилось сдѣлать нѣсколько драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній по книжной части, преимущественно — пріобрѣсти глаголическіе миссалы, бревіаріи и другія книги новой и старой печати; такъ, между прочимъ, ему удалось достать венеціанское изданіе миссала 1528 г., рѣцкое (Fiume) 1531 г. и новѣйшій бревіарій, изданный въ Римѣ въ 1793 году рабскимъ (Arbensis) епископомъ Іоанномъ Петромъ Гозиничемъ (Galzigna), умершимъ въ 1823 году [2]). Особенно важнымъ было пріобрѣтеніе „первой иллирской книги, печатанной готическими буквами". Это

[1]) Въ письмѣ отъ 25 февр. 1829 г. онъ говоритъ, что написалъ для этой газеты замѣтку „o fundacyi p. Maruszewskiego", при этомъ добавляетъ: „Taż gazeta Luna nazwana umieściła także artykuł o mojej podróży i odkryciu runicznem". Gaz. Polska, 1829, № 166, str. 724. Luna выходила съ 1826 г., какъ прибавленіе къ Agramer Zeitung.

[2]) Č. Č. Mus., 1829, IV, str. 127.

были: Евангелія и эпистолы Бернарда Сплѣтскаго (Bernardinus di Spalato), напечатанныя въ Венеціи въ 1495 г.

Маршрутъ дальнѣйшаго путешествія былъ слѣдующій[1]): посѣтивши раньше всего о. Кркъ (Veglia), Кухарскій переправился затѣмъ на острова Чресъ (Cherso), гдѣ посѣтилъ г. Осоръ (Ossero), далѣе на Лошинь Малый (Lussin Piccolo) и Лошинь Большой (L. Grande) и на о. Рабъ (Arbe). Здѣсь онъ отыскалъ у каноника Гозинича (Galzigna), племянника еп. Гозинича, иллирскій переводъ библіи Касича (Kasić Bogdanić Pažanin), о которомъ не имѣлось никакихъ данныхъ[2]). Благодаря Гозиничу Кухарскій получаетъ точное представленіе о буквицѣ[3]), которую онъ до сего времени отождествлялъ съ глаголицей. Эта азбука боснійскихъ католиковъ заинтересовала его, и онъ сталъ собирать на островахъ книги, печатанныя ею, прежде всего — изданія Дивковича.

Изъ Раба Кухарскій переправляется въ Задръ, главный городъ Далмаціи, и здѣсь заключаетъ знакомства съ мѣстными учеными, преимущественно — знатоками славянскаго языка. Это были проф. Михалевичъ, преподававшій семинаристамъ славянскій языкъ, проф. Міошичъ, занимавшійся переводомъ библіи на иллирскій языкъ, и др.

Изъ Задра черезъ Сплѣтъ, гдѣ онъ обозрѣваетъ памятники римской древности[4]), Кухарскій направляетъ путь въ Омишъ (Almissa). Здѣсь онъ занялся разсмотрѣніемъ хорватскаго перевода библіи (przekład na język pospolity Dal-

---

[1]) Gartenzeitung, l. c., S. 249.

[2]) Описаніе его въ Č. Č. Mus., 1829, IV, 123—124. Здѣсь онъ сообщаетъ свѣдѣнія и о другихъ книгахъ и рукописяхъ. Въ отчетѣ Комиссіи Кухарскій, перечисливъ труды Касича, замѣчаетъ: „Najważniejsza praca tego nieoszacowanego męża została w rękopisie, a do tego rkps ten tak został zapomniany, że dotąd nikt o nim z uczonych, gdzieby się znajdował, nie wiedział: aż ja znalazłem go na wyspie Rabie. Jest to przekład całego pisma ś. z r. 1640, który się tu znajduje u ks. kanonika Galzigna. Zacny ten prałat podarował mi jeden tom kopii tego przekładu".

[3]) Вопреки мнѣнію Добровскаго и Кеппена (Библіогр. Листы, 1825, стр. 370), которые приписывали составленіе буквицы Постеллу (1538), Кухарскій считаетъ ее азбукой древней, о чемъ, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ уже самое имя ея.

[4]) Въ путешествіи по Далмаціи онъ руководится отчасти и указаніями Сапѣги. „Zamyślam teraz i najgoręcej pragnę, — говоритъ Кухарскій, — obejrzeć owe historyczne grobowce, o których w swojej po Dalmacyi podróży pisze Xiąże Sapieha". Онъ желаетъ опредѣлить, кому принадлежатъ эти памятники: аланамъ, кельтамъ или славянамъ. Gazeta Polska, 1829, № 40.

matyński, jakim tu mówią), о которомъ упоминаетъ Аппендини въ своихъ Notizie (II, 306) и Добровскій въ Slowance (1815, p. 151). Переводъ этотъ, принадлежащій перу инженера Ивана Бугарделли († 1806), онъ отыскалъ у свящ. Кружичевича, къ которому рукопись перешла отъ свящ. Михаила Божича, бывшаго директоромъ семинаріи въ Омишѣ и помогавшаго Бугарделли въ его трудѣ [1]).

Отсюда уже Кухарскій прибылъ въ Дубровникъ [2]). Въ своемъ позднѣйшемъ отчетѣ [3]) Комиссіи Кухарскій говоритъ, что его влекло сюда желаніе ближе познакомиться съ произведеніями дубровницкихъ писателей, такъ какъ до сихъ поръ „рагузанскую“ литературу онъ могъ изучить только по книгѣ Аппендини, авторы же дубровницкіе въ большинствѣ въ новое время не издавались. Направляясь въ Дубровникъ, Кухарскій рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и заглянуть въ Черную Гору, которой никто еще не посѣщалъ „въ цѣляхъ филологическихъ“ и никто въ этомъ отношеніи ея не описывалъ. То же самое, по мнѣнію Кухарскаго, можно сказать и о Далмаціи и островахъ Адріатическаго моря. Кухарскій въ этой поѣздкѣ на далматинскій югъ и въ Черную Гору постановилъ заняться и разысканіемъ памятниковъ какъ стараго церковнаго, такъ равно и живого „иллиро-сербскаго“ (iluroserbskiego) языка этихъ земель. Усилія его въ этомъ отношеніи, какъ докладывалъ онъ Комиссіи, были вознаграждены, сверхъ ожиданія, обильными открытіями произведеній или вовсе доселѣ неизвѣстныхъ славянскимъ ученымъ, или же такихъ, относительно которыхъ имѣлись ложныя и неточныя представленія. „За это тебѣ, Высокая Комиссія, останется навсегда благодарнымъ все Славянство!“ патетически восклицаетъ онъ въ глубокомъ убѣжденіи въ чрезвычайной важности своихъ открытій.

---

[1]) О переводахъ Касича и Бугарделли Кухарскій въ отчетѣ докладываетъ: „Tak Kassyczowi, jak i Bugardellemu zarzucają tu niepoprawność stylu ilirskiego, i to zapewne skłoniło ks. arcybiskupa zadarskiego Novaka, rodem czecha, że polecił ks. Pawłowi Mijosyczowi (Miossich), professorowi teologii w seminaryum zadarskim, nowy przekład Biblii wygotować do druku, i prof. Miossich jeździł dla tego przeszłych wakacyi do Pragi, żeby się poznać z dyalektami słowiańskiemi“.

[2]) 14 и 28 августа 1829 г. онъ писалъ изъ Дубровника Ганкѣ. Первое письмо напечатано въ нашемъ изданіи: „Письма къ Ганкѣ изъ слав. земель“, стр. 587—591, второе въ Č. Ċ. Mus., 1829, IV, str. 122—130.

[3]) Писанномъ изъ Москвы, безъ даты.

Въ слѣдующей части отчета онъ представляетъ очеркъ дубровницкой литературы, отмѣчаетъ наиболѣе, по его мнѣнію, достойное вниманія изъ стихотворныхъ произведеній, изданныхъ въ печати, и высказываетъ сожалѣніе, что въ Дубровникѣ нѣтъ никого, кто бы серьезно занялся изданіемъ твореній дубровницкихъ поэтовъ. „Спекуляція только теперь стала подумывать объ изданіи Дубровницкаго Парнаса (Raguzejskiego Parnassu)“, говоритъ Кухарскій, повидимому, съ недовѣріемъ относясь къ предпріятію Мартекини, издавшаго уже „Османа“ Гундулича. Сожалѣя объ отсутствіи хорошихъ изданій, Кухарскій въ то же время признаетъ, что старая дубровницкая поэзія можетъ занимать только славянскихъ филологовъ, и поэтому сомнѣвается въ возможности осуществить когда-либо проектъ изданія всѣхъ произведеній ея. „О чтеніи славянскихъ книгъ здѣсь никто и не думаетъ!“ Такъ какъ старыя изданія дубровницкихъ писателей весьма рѣдки, то Кухарскій сталъ собирать рукописи „poezyj Raguzejskich“. Названій своихъ пріобрѣтеній и разсмотрѣнныхъ рукописей онъ однако въ отчетѣ не приводитъ, а ограничивается фразой: „zebrałem rękopisów, ile mogłem“. Надо думать, что среди нихъ ничего выдающагося не было. Останавливается онъ только на пергаменной рукописи „Officium illyricum“, находящейся въ библіотекѣ піарской коллегіи въ Дубровникѣ и относимой имъ по языку, который онъ считаетъ старымъ дубровницкимъ, и по письму по крайней мѣрѣ къ началу XIV ст.; присоединенные къ рукописи этой 7 „псалмовъ покорныхъ“ и 2 молитвы, писанные иной рукой и инымъ стилемъ, онъ относитъ къ половинѣ XV в. Интереснымъ этотъ кодексъ, по мнѣнію Кухарскаго, является въ томъ отношеніи, что доселѣ „едва догадывались“ о столь раннемъ началѣ употребленія въ письменности простого сербскаго или иллирскаго языка. Кухарскій занялся сравненіемъ этого перевода псалмовъ съ старославянскимъ переводомъ и современнымъ сербскимъ и по возвращеніи на родину намѣренъ былъ издать эти псалмы „для славянскихъ филологовъ“.

О современномъ пребываніи его въ Дубровникѣ состояніи литературы Кухарскій не можетъ сообщить ничего утѣшительнаго: „Teraz nic się tu dla literatury słowiańskiej w Dubrowniku niedzieje“. Онъ слышалъ только о томъ, что докторъ Хиджіа (Higia) перевелъ на дубровницкое нарѣчіе Вергилія, но этого перевода никто еще не видалъ.

Не ограничиваясь тѣми свѣдѣніями, которыя сообщала о дубровницкой литературѣ (Кухарскій называетъ ее „литературой сербской въ Далмаціи“) книга Аппендини, онъ тщательно записываетъ заголовокъ всякой „иллирской“ книги, чтобы со временемъ составить болѣе полную библіографію письменности этой области. Въ отчетѣ своемъ онъ перечисляетъ нѣкоторыя книги, свои библіографическія находки, неизвѣстныя Аппендини.

Въ Дубровникѣ Кухарскій получилъ отъ русскаго консула два письма, одно къ митрополиту черногорскому въ Цетинье, другое — къ агенту митрополита въ Которъ. Рекомендаціи необходимы были для дальнѣйшаго пути. Прибывъ въ Которъ, онъ однако не засталъ агента владыки дома и отправилъ ему письмо въ Цетинье. „На третій день, — повѣствуетъ Кухарскій, — я получилъ отвѣтъ, чтобы на слѣдующій день отправиться въ ближайшую черногорскую деревню Мирацъ, лежащую на самой границѣ; тамъ встрѣтятъ меня люди митрополита, которые и приведутъ меня въ Цетинье. Весь день съ утра до вечера я провелъ въ пути.“ Путь совершенъ былъ отчасти пѣшкомъ, отчасти верхомъ на конѣ, присланномъ митрополитомъ. Послѣ описанія Цетинья [1]), Кухарскій разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Петра I Нѣгоша. „Я былъ принятъ этимъ почтеннымъ 80-лѣтнимъ старцемъ самымъ радушнымъ образомъ, пробылъ у него шесть дней, пользуясь величайшимъ гостепріимствомъ и всякими удобствами и занимаясь чтеніемъ и переписываніемъ извѣстій о странѣ, исторіи ея, языкѣ, обычаяхъ и нравахъ черногорцевъ“. Бесѣды съ владыкой произвели на Кухарскаго самое лучшее впечатлѣніе, и онъ убѣдился, что владыка — „во всѣхъ отношеніяхъ великій человѣкъ“. Точно такъ же и первое, мимолетное знакомство съ страною, по пути въ Цетинье, разрушило его представленія о ней, создавшіяся подъ вліяніемъ книгъ: Кухарскій не раздѣляетъ вовсе мнѣнія тѣхъ предубѣжденныхъ путешественниковъ, которые смотрятъ на Черную Гору, какъ на разбойничье гнѣздо.

Изъ рукописей Цетинскаго монастыря обратили на себя вниманіе Кухарскаго [2]):

---

[1]) Č. Č. Mus., 1829, IV, str. 126.

[2]) Описаніе ихъ въ Č. Č. Mus., 1829, IV, str. 126—129; болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ онъ сообщаетъ въ послѣднемъ отчетѣ Комиссіи. Порядокъ описанія и группировка рукописей по значенію въ обоихъ случаяхъ различны.

1. „Литургія попа Ѳеофана", написанная попомъ Любиславомъ и представляющая свитокъ, сшитый изъ двухъ огромныхъ пергаменныхъ листовъ.

2. Типикъ, пергаменная рук., много старше 1378 г. (daleko od roku 1378 starsza). Признаковъ такой древности ея Кухарскій однако не указываетъ.

3. На третьемъ мѣстѣ онъ ставитъ рук.: „Сочиненіе по составѣхъ объетнихъ всѣхъ винъ...", рукопись священноинока Матвѣя [1]). Рукопись эта старше 1478 г.

4. Важною рукописью Кухарскій считаетъ также: „Паноплія догматики", или: „Благословіямъ всеоружьство", написанное по повелѣнію печьскаго архіепископа и патріарха всѣхъ сербскихъ земель Діонисія въ 1568 г.

Изъ прочихъ рукописей Кухарскій упоминаетъ: 1. Сборникъ, начинающійся житіемъ преподобнаго Григорія, епископа бывшаго. Здѣсь онъ нашелъ нѣкоторые факты, относящіеся къ исторіи Черной Горы, которыми со временемъ намѣренъ былъ воспользоваться (których gdzieindziej użyć nie zaniedbam). 2. Двѣ славянскія псалтыри (безъ болѣе точныхъ опредѣленій). 3. Двѣ минеи, одна апрѣльская, писанная въ Цетиньѣ въ 1559 г., съ историческими приписками, другая — декабрьская 1572 г., оба кодекса бумажные. 4. Два четвероевангелія, одно пергаменное, in 8, мелкаго письма, въ богатомъ, украшенномъ драгоцѣнными камнями переплетѣ, другое — бумажное, происходящее изъ Печи, употреблявшееся въ церкви. 5. Два сборника, безъ начала и конца, безъ обозначенія даты и мѣста, заключающіе различныя аскетическія статьи. 6. Дарственная грамота Ивана Черноевича Цетинскому монастырю 1485 г. Одну изъ рукописей, сборникъ статей различнаго содержанія, заключающій между прочимъ хронографъ до 1574 г., владыка черногорскій подарилъ Кухарскому [2]). Впослѣдствіи онъ намѣренъ былъ подробно описать этотъ сборникъ и издать изъ него извлеченія. И въ отчетѣ своемъ Комиссіи и въ письмѣ къ Ганкѣ Кухарскій говоритъ также объ административномъ устройствѣ Черной Горы, сообщаетъ и кое-какія историческія

[1]) О немъ упоминаетъ Розенкампфъ въ своемъ изслѣдованіи о Кормчей книгѣ. О своемъ открытіи Кухарскій сообщилъ Розенкампфу болѣе подробныя указанія въ бытность свою въ Петербургѣ.

[2]) По свидѣтельству А. Майкова, Исторія сербск. яз., стр. 51, въ одной изъ рукописей, принадлежавшихъ Кухарскому и разсмотрѣнныхъ Бодянскимъ въ Варшавѣ, былъ Лѣтовникъ Георгія.

данныя, относящіяся, впрочемъ, къ наиболѣе близкому къ путешествію его времени. Относясь серьезно къ своимъ задачамъ, Кухарскій, какъ мы видѣли раньше, всегда тщательно подготовляется ко всякому путешествію. Въ Цетинье онъ явился съ разнообразными географическими картами Черной Горы и представилъ ихъ владыкѣ, желая услышать его сужденіе о степени ихъ точности и достовѣрности. Карты оказались весьма ненадежными, со множествомъ ошибокъ въ нанесеніи рѣкъ и озеръ, въ особенности же — въ обозначеніи границъ, и владыка подарилъ далекому славянскому путнику при прощаніи болѣе достовѣрную карту, имъ самимъ составленную.

О какихъ-либо діалектологическихъ наблюденіяхъ ни въ отчетѣ, ни въ письмахъ къ Ганкѣ никакихъ указаній не находимъ, а между тѣмъ Кухарскаго, повидимому, занимала больше всего эта сторона изученія Черной Горы [1]). По крайней мѣрѣ, онъ самъ заявлялъ объ этомъ и, по всей вѣроятности, этой части программы своей онъ не упустилъ изъ виду. Въ отчетѣ Комиссіи мы встрѣчаемъ только единственный намекъ на діалектологическія наблюденія Кухарскаго. Отмѣчая тотъ фактъ, что въ языкѣ „черногорскомъ“ (język cérnogorski jest język serbski) сохранилось больше чертъ „настоящей славянщины“ (prawdziwej słowiańszczyzny), чѣмъ гдѣ-либо, онъ обращаетъ вниманіе, между прочимъ, на ясное, сильное (w całej swej mocy) произношеніе черногорцами звука х. Поэтому и мнѣніе Вука Караджича о томъ, что для сербскаго алфавита буква х является лишнею, надо признать, по заявленію Кухарскаго, несостоятельнымъ.

Увлекаясь уже раньше собираніемъ и изученіемъ произведеній народнаго творчества славянъ, Кухарскій и въ Черной Горѣ занимается сербской народной пѣсней. Судьба вторично свела его въ Цетиньѣ съ сербскимъ поэтомъ Симой Милутиновичемъ. „Этотъ почтенный мужъ передалъ мнѣ огромный сборникъ черногорскихъ народныхъ пѣсенъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я ихъ напечаталъ“, доноситъ Кухарскій Комиссіи [2]).

---

[1]) Это предписывала и инструкція Кеппена.

[2]) Объ этомъ, очевидно, со словъ самого Кухарскаго точно сообщалъ Московскій Вѣстн., 1830, ч. 2, № 8. Сомнѣніе проф. Кочубинскаго (Вѣстн. Евр., 1896, IV, 171) относительно того, могъ ли Кухарскій самъ записывать сербскія пѣсни, въ данномъ случаѣ совершенно излишне. О самостоятельномъ записываніи въ замѣткѣ Моск. Вѣстн. нѣтъ

Ограничиваясь въ своемъ донесеніи Комиссіи лишь самыми общими указаніями относительно предмета своихъ занятій, Кухарскій приберегалъ свои наблюденія и собранные въ Черной Горѣ матеріалы для будущаго, предполагая, по обыкновенію, использовать ихъ и обработать по возвращеніи на родину [1]).

Обратный путь изъ Черной Горы и Далмаціи совершенъ былъ, очевидно, безъ достойныхъ упоминанія остановокъ: ни въ письмахъ ни въ отчетахъ Кухарскаго о нихъ нѣтъ никакихъ упоминаній, и только Куничъ [2]) говоритъ о пребываніи Кухарскаго въ Карловцахъ (Karlstadt), гдѣ онъ посѣтилъ сербскаго епископа Лукіана Мушицкаго, прекраснаго знатока славянскихъ нарѣчій и литературъ и замѣчательнаго поэта, „сербскаго Горація“. Куничъ свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ почтеніи и благосклонномъ пріемѣ, оказанныхъ польскому путешественнику. Здѣсь же Кухарскій познакомился еще съ Самуиломъ Иличемъ (Consistorial-Notar des Bischofs), который тоже усердно занимался славянской литературой [3]).

Въ ноябрѣ 1829 г. нашъ путникъ снова былъ въ Загребѣ. Здѣсь онъ, отправляясь на югъ, оставилъ всѣ свои книги и бумаги, сюда вернулся для того, чтобы привести въ порядокъ всѣ послѣднія свои пріобрѣтенія и отправить ихъ въ Варшаву. Странствованія Кухарскаго кончались, предстояло возвращеніе на родину и въ ближайшемъ будущемъ, быть можетъ, новая дѣятельность, къ которой онъ столько времени готовился. Побывавши среди славянъ западныхъ и южныхъ, познакомившись и войдя въ близкія и дружескія связи съ многочисленными и выдающимися представителями славянской науки, Кухарскій не успѣлъ до самаго конца своего продолжительнаго пребыванія въ австрійскихъ предѣлахъ

рѣчи. Но почему бы Кухарскій и не способенъ былъ сдѣлать это? Вѣдь онъ провелъ на славянскомъ югѣ, въ частности въ Загребѣ, столько времени, что могъ изучить сербо-хорватскій языкъ вполнѣ хорошо; безъ основательнаго знанія его онъ не могъ бы приняться и за составленіе хорватской грамматики. Кромѣ того, мы знаемъ, что онъ записывалъ пѣсни и въ Лужицахъ, а записываніе текста сербо-лужицкаго, несомнѣнно, труднѣе, чѣмъ сербскаго.

[1]) „Kucharski scheint geneigt zu sein, über Montenegro eigene Beschreibung im Drucke herauszugeben“, сообщалъ Куничъ въ Gartenzeitung, 1830, S. 251, несомнѣнно, со словъ самого Кухарскаго.

[2]) Gartenzeitung, l. c., S. 251

[3]) О немъ см. Šafařík, Gesch. der südslav. Lit., III, 343—344.

посѣтить Шафарика. Желаніе познакомиться съ нимъ, воспользоваться его авторитетными совѣтами и руководствомъ, побывать въ „сербскихъ Аѳинахъ“ — Новомъ Садѣ [1]) и заглянуть при этомъ случаѣ въ сербскіе монастыри Срѣма, гдѣ хранилось столько драгоцѣнныхъ рукописей, а оттуда перебраться въ Сербію и дальше на Балканъ [2]), было велико, но для осуществленія его не оставалось уже свободнаго времени [3]). Кухарскій, видимо, торопился въ Россію: ему оставалось выполнить еще весьма важную и обширую часть программы, о которой онъ въ увлеченіи странствіями какъ будто и забылъ. Четыре года прошли въ занятіяхъ славянствомъ западнымъ и частью южнымъ. Университетъ въ своихъ отношеніяхъ къ Кухарскому не скрывалъ даже нѣкотораго недовольства такимъ одностороннимъ увлеченіемъ. Согласно первоначальному проекту путешествія надлежало посвятить, по крайней мѣрѣ, годъ изученію языка и письменности малорусской въ Кіевѣ и великорусской въ Москвѣ и Петербургѣ, — работа предстояла еще большая и нелегкая [4]).

Прямо изъ Загреба [5]) 18-го ноября 1829 года Кухарскій направился въ обратный путь на Вѣну, а оттуда во Львовъ

---

[1]) „P. Prof. Kucharski zamyśla tę zimę w Nowym Sadu przepędzić“, писалъ Ганка Мацѣевскому 5 ноября 1829 г. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 710.

[2]) „Życzeniem mojim było zwiedzić wszystkie prowincye, gdzie mówią językiem serbskim, i przejść do Bulgaryi. Stosując się atoli do zbiegu okoliczności i mając na uwadze bezpieczeństwo mego zdrowia a może i życia, musiałem się w życzeniach moich ograniczyć“, доносилъ онъ въ послѣднемъ своемъ отчетѣ.

[3]) Однако Кухарскій былъ въ перепискѣ съ Шафарикомъ, но, къ сожалѣнію, отъ этой переписки не осталось въ бумагахъ Шафарика никакихъ слѣдовъ; упоминанія о ней встрѣчаемъ въ письмахъ Шафарика. Ср., напр., письмо его къ Мацѣевскому 1835 г. въ Slov. Sborn., III, 307—308. Это подтверждаетъ К. Иречекъ, Šafařík mezi Jihoslovany, 95.

[4]) Сообщая Комиссіи объ увеличеніи Кухарскому содержанія на 1000 зл., Совѣтъ университета обращаетъ вниманіе ея (30 авг. 1827 г.) на то, „iżby należało polecić JP. Kucharskiemu, ażeby niezapomniał się poświęcić nadal szeroko rozgałęzionej Sławiańszczyznie Ruskiej, że zatem pobyt swój w krajach Niemiecko-Sławiańskich tak urządzić powinien, iżby mógł oddać się przedmiotowi swojemu w Sławiańszczyznie Ruskiej“. А въ маѣ 1829 г. Совѣтъ еще разъ повторилъ свой совѣтъ, „iż czas jest, aby P. Kucharski zwrócił swą podróż do krajów Rossyjskich, a mianowicie do Kijowa, Moskwy i Petersburga, gdzie więcej, niż we wszystkich innych krajach Sławiańskich, znajdzie materyałów do prac około literatury Sławiańskiej, gdzie biblioteki, archiwa i gabinety publiczne i prywatne w tym rodzaju są najbogatsze“.

[5]) Еще въ апр. 1828 г. Кухарскій доносилъ Комиссіи изъ Вѣны, что на обратномъ пути изъ Черной Горы и Далмаціи онъ намѣренъ

и далѣе въ Кіевъ и Москву [1]). Подробнѣе этого маршрута въ своихъ послѣднихъ отчетахъ онъ не опредѣляетъ.

О научныхъ занятіяхъ Кухарскаго въ предѣлахъ галицкихъ мы знаемъ лишь, что во Львовѣ онъ изучаетъ не только малорусскій языкъ, но знакомится и съ историческими матеріалами, напр., для исторіи мѣстныхъ армянъ, при этомъ приводитъ въ отчетѣ привилегію, дарованную имъ однимъ изъ галицкихъ князей. По обыкновенію онъ увлекается и народной пѣсней, какъ лучшимъ источникомъ для ознакомленія съ языкомъ народа [2]). Между прочимъ, и здѣсь ему посчастливилось получить отъ одного изъ знакомыхъ собирателей нѣкоторыя галицкія пѣсни [3]). Этнографическія наблюденія Кухарскаго сосредоточены были преимущественно на бойкахъ (w cyrkule Stryjskim) и гуцулахъ [4]): онъ вкратцѣ описываетъ ихъ физическій типъ, одежду, проводитъ параллель между одними и другими, говоритъ о ихъ занятіяхъ и т. д.

Москва съ своими богатыми библіотеками, какъ мы видѣли, намѣчена была, какъ второй русскій центръ занятій Кухарскаго. Здѣсь онъ обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на старопечатныя книги, которыхъ послѣ Цетинья находитъ наиболѣе богатое собраніе; между прочимъ, здѣсь онъ, повидимому, впервые знакомится съ книгами угро-влахійской печати въ библ. Синодальной типографіи, въ собраніи Царскаго, въ библ. проф. Снегирева и др. Въ Синодальной библ. онъ разсматриваетъ разныя изданія Литовскаго Статута, польской библіи (Буднаго) и др. Но сокровища этой

проѣхать черезъ Славонію и посѣтить „ученаго проф. Шафарика", чтобы съ нимъ посовѣтоваться, между прочимъ, и о поѣздкѣ въ Сербію и Болгарію. Куничъ говоритъ, что осуществить это намѣреніе помѣшали Кухарскому, съ одной стороны, недостатокъ времени, съ другой дурныя дороги и рано наступившая зима.

[1]) Первоначально, какъ видно изъ донесенія отъ 21 апр. 1828 г., онъ предполагалъ въ случаѣ, если бы поѣздка на Балканъ не состоялась, изъ Новаго Сада избрать путь въ Кіевъ черезъ Банатъ, Семиградье, Буковину и Червоную Русь.

[2]) „Niemasz prawdziwego dyalektu ruskiego południowego, jak w pieśniach ludu i w tej trosze poezyi, której twórcy, bez wprowadzania mniemanych poprawy językowych, umyślili całkiem mowę prostego ludu naśladować."

[3]) „We Lwowie udzielił mi pieśni ludu halickiego p. Swiętopełk Głowacki, który się zbieraniem ich najgorliwiej zajmuje i z czasem wydać je zamyśla."

[4]) „Imię bojków halickich (о которыхъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный) zasługuje zawsze na uwagę badaczów historyi ludów słowiańskich."

библіотеки, несмотря на огромное значеніе ихъ для науки, особенно для славянской филологіи, оказались далеко не въ блестящемъ порядкѣ, и Кухарскій самъ испыталъ всѣ неудобства пользованія ими при отсутствіи систематическаго каталога. Съ сожалѣніемъ вспоминаетъ онъ, что такого описанія не удалось сдѣлать Калайдовичу, и выражаетъ въ то же время надежду, что этимъ полезнымъ трудомъ займется или Строевъ, или кто-либо иной; объ этомъ, несомнѣнно, позаботится протоіерей Синодальной церкви Я. Д. Никольскій [1]). Подробнѣе изучилъ и описалъ Кухарскій Евангеліе в. кн. Мстислава Владимировича (1125 г., въ Арханг. соборѣ), сдѣлавъ необходимыя извлеченія какъ изъ этой рукописи, такъ и изъ Евангелія св. Алексѣя (въ Чудовомъ мон.).

Съ переѣздомъ въ Петербургъ Кухарскій расширяетъ свои спеціально-лингвистическія занятія: онъ изучаетъ здѣсь всю литературу по вопросу о вліяніи татарскаго и финскихъ языковъ на языкъ сѣверной Руси; кромѣ того, въ кругъ его изученій входятъ, кромѣ русской грамматики, русская литература, исторія политическая и церковная, исторія просвѣщенія, искусствъ [2]), географія, статистика, геральдика, нумизматика, археологія, миѳологія и славянскія русскія древности.

Въ Публичной библ. [3]) Кухарскій изучаетъ Остромирово Ев. Такъ какъ описаніе кодекса и извлеченія, сдѣланныя Кеппеномъ (въ Собраніи слав. памятниковъ, находящихся внѣ Россіи), не отвѣчали научнымъ предположеніямъ Кухарскаго, то онъ дѣлаетъ для себя новыя выписки (zająłem się wcale nowemi wypisami i w pełnej je mierze porobiłem). Второй замѣчательный памятникъ собранія Публичной библ. — XIII словъ Григорія Богослова (XI в.), описанный Востоковымъ въ № 7 Библіограф. Листовъ, тоже былъ разсмотрѣнъ Кухарскимъ. Предполагая со временемъ дать болѣе подробное описаніе рукописи, онъ переписываетъ все XIII-ое слово, а 41-ое печатныхъ изданій твореній Григорія Богосл. сравниваетъ съ рукописнымъ текстомъ библіотеки Толстого (отд. I, № 106),

---

[1]) „Znany zaszczytnie i w Warszawie, gdzie bawił dla organizacyi w Król. Polskiem pięciu kościołów greckich."

[2]) „Zajmowałem się zbieraniem materyałów do napisania historyi sztuk pięknych u Sławian."

[3]) И. Даниловичъ, въ маѣ 1830 г. покинувшій Харьковъ и перешедшій на службу въ Петербургъ, писалъ 9 іюля 1830 г. Лелевелю: „Dnia wczorajszego wodziłem Kucharskiego do Biblioteki Rumiańcowa i Publicznej Imperatorskiej".

печатнымъ Славинецкаго 1656 г. (каталогъ Толстого отд. VII, № 136) и Соборника, изд. въ Москвѣ въ 1804 г.[1]).

Послѣдній отчетъ о занятіяхъ своихъ на славянскомъ сѣверѣ Кухарскій заканчиваетъ „общими замѣчаніями о современномъ положеніи всей славянщины". Все славянство доселѣ находится въ состояніи болѣе пассивномъ, нежели активномъ (więcej w stanie biernym, niż czynnym), т. е. болѣе подвержено вліяніямъ чужеземщины, нежели само дѣйствуетъ на своихъ чужеземныхъ сосѣдей. Изъ нѣкогда многочисленныхъ славянскихъ государствъ независимое существованіе до послѣдняго времени сохранила только Россія. Хотя государство это занимаетъ первенствующее положеніе не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ, хотя народъ русскій является наиболѣе многочисленнымъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, однако и онъ не свободенъ отъ чужихъ вліяній. Они отражаются у славянъ въ различныхъ областяхъ жизни государственной и общественной и сказались сильно въ языкѣ славянскомъ, который, вмѣстѣ съ литературой, пришелъ въ упадокъ[2]). Такимъ образомъ, область славянской филологіи постепенно уменьшается. Если духъ славянскій не пробудится и не воздвигнетъ плотины противъ угрожающей ему съ запада чужеземщины, тогда, — о, если бы мое пророчество оказалось ложнымъ! — потомкамъ нашимъ придется искать славянскаго языка тамъ, гдѣ нынѣ кочуетъ дикое племя чухонцевъ, въ сѣверо-восточной части Сибири, въ землѣ Чукотской!

Славянству поэтому надо стремиться развивать свое могущество и благосостояніе, насаждать науки и искусства, развивать свой языкъ и литературу. Въ этомъ отношеніи большую роль можетъ сыграть школа, которая должна быть національною, и правительство. Перестанемъ же готовить изъ себя космополитовъ, доколѣ ими не желаютъ быть наши сосѣди. Пусть славянское правительство будетъ національнымъ правительствомъ, и пусть поддержаніе славянской народности будетъ важнѣйшей его заботой, а тогда славянство дождется лучшаго будущаго. Въ этихъ немногихъ строкахъ изложены были взгляды Кухарскаго на національныя задачи славянскихъ народностей.

---

[1]) „Wszystkie te przekłady rzeczonej mowy, również w całości przezemnie w Petersburgu przepisane, wydać z czasem myślę razem z oryginałem."

[2]) „Z upadaniem języka słowiańskiego upadać musi naród i jego literatura; obręb filologii słowiańskiej staje się coraz szczuplejszy."

Вызванный въ концѣ учебнаго 1830 г. на родину, Кухарскій прибылъ домой наканунѣ революціи [1]). Зная о предстоявшемъ возвращеніи его изъ ученаго путешествія и озабочиваясь устройствомъ своего стипендіата, Комиссія заблаговременно, еще до конца 1830 г., внесла его въ штатъ профессоровъ университета на 1831 г., по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, съ жалованьемъ въ 4 т. золотыхъ. Но бурные ноябрьскіе дни 1830 г. въ Варшавѣ и разразившаяся затѣмъ гроза общаго революціоннаго движенія разрушили всѣ надежды Кухарскаго попасть на университетскую каѳедру. До начала новаго академическаго года Кухарскій, какъ видно изъ его „дѣла", пребывалъ въ бездѣйствіи. Въ непродолжительный періодъ смуты о немъ какъ будто и забыли, но затѣмъ положеніе его измѣнилось. Совѣтъ варшавскаго унив., узнавши о зачисленіи его въ штатъ профессоровъ, 1 сентября 1831 г. обратился въ Комиссію съ представленіемъ слѣдующаго рода. Такъ какъ Кухарскій давно уже вернулся изъ своего путешествія въ Варшаву, и Совѣту извѣстно, впрочемъ, только частнымъ образомъ, что онъ получаетъ содержаніе изъ университетскихъ штатовъ, то Совѣтъ проситъ Комиссію поручить Кухарскому начать чтеніе курса славянскихъ нарѣчій (wykład kursu dyalektów sławiańskich) съ открытіемъ занятій въ университетѣ въ слѣдующемъ году. Но въ виду того, что на основаніи общаго постановленія Комиссіи отъ 23 іюня 1826 г. всѣ каѳедры должны быть замѣщаемы только путемъ конкурса, и новая каѳедра славянскихъ нарѣчій не можетъ быть исключена изъ этого общаго правила, Совѣтъ полагалъ бы возможнымъ предложить Кухарскому только временное преподаваніе славянскихъ языковъ (wezwać P. Kucharskiego tylko na tymczasowego zastępcę professora dyalektów słowiańskich), пока не будетъ объявленъ и рѣшенъ конкурсъ.

Вслѣдъ за этимъ изготовлено было отъ Совѣта предложеніе (wezwanie), приглашавшее его на эту временную должность, и рѣшено было объявить конкурсъ [2]). Послѣ

[1]) „Z końcem roku szkolnego 1830 przed samą Rewolucyą z woli Rządu powróciłem do kraju", говоритъ онъ въ одномъ изъ прошеній въ Комиссію народн. просвѣщенія. Предписаніе о возвращеніи дано ему было уже 22 іюля 1830 г.

[2]) „Chcąc podać JP. sposobność wysługiwania się krajowi za łożone koszta na doskonalenie się jego za granicą, (Rada) wzywa go na zastępcę professora dyalektów słowiańskich, z pensyą dla tejże katedry etatem ustanowioną, t. j. zł. 4000, które i teraz pobiera."

этого, 29 окт. 1831 г., Кухарскій самъ вошелъ въ Комиссію съ прошеніемъ, въ которомъ, очевидно, желалъ хоть нѣсколько оправдать свое странное отношеніе къ университету. Вернувшись изъ путешествія, онъ дѣйствительно оказался въ штатѣ университета, но, по его словамъ, никакого приглашенія и полномочія нести преподавательскія обязанности не получалъ. Виною этому были происшедшія въ краѣ событія. Но такъ какъ нынѣ, заявляетъ Кухарскій, все возвращается въ прежнюю колею (do swoich karbów powraca), то онъ проситъ Комиссію сдѣлать постановленіе относительно дальнѣйшей судьбы его, дабы, найдя себѣ мѣсто въ какомъ-либо учрежденіи (przy pewnym Instytucie), онъ могъ принести присягу и получить давно ожидаемое имъ жалованье. Оказывается, что Кухарскій съ нѣкотораго времени былъ въ крайне стѣсненномъ положеніи [1]), не получая никакого содержанія, такъ какъ онъ не числился въ штатѣ университета передъ революціей, а также не получилъ и новаго назначенія, а между тѣмъ съ возстановленіемъ въ странѣ порядка приняты были въ основаніе новаго устройства служащихъ штаты 1830 года [2]).

Для Кухарскаго не оставалось нынѣ другого выбора, какъ вернуться къ прежней, педагогической дѣятельности. Узнавши, что по высочайшему повелѣнію съ началомъ новаго учебнаго года предстоитъ открытіе высшихъ четырехклассныхъ училищъ, и полагая, что въ ихъ программу войдетъ ознакомленіе и съ славянскими нарѣчіями (znajomość

---

[1]) „Od niejakiego czasu zostaję w gwałtownym niedostatku pierwszych do życia potrzeb", докладывалъ онъ 14 ноября 1831 г. Комиссіи и тутъ же аттестовалъ себя: „Zdaje mi się zaś, iż sobie mogę tuszyć pozyskać łaskę i względy Wysokiej Kommissyi Rządowej, jako zawsze wierny i gorliwy Najjaśniejszego Pana sługa, żyjący w pokoju i miłości pobratymskich narodów".

[2]) Послѣ продолжительной переписки съ различными вѣдомствами по поводу неяснаго положенія Кухарскаго въ университетѣ Комиссія заключала: „iż gdy po przywróceniu dawnego porządku rzeczy etat z roku 1830 był wzięty za zasadę we wszelkich czynnościach rządowych, zaś katedra języków słowiańskich w Królewskim Alexandrowskim Uniw. w tymże roku nie istniała, przeto P. Kucharski nie może bydź uważanym za professora Uniw., lecz tylko jako professor Szkoły Wojewódzkiej w Lublinie..." Самъ Кухарскій считалъ себя однако профессоромъ б. Королевскаго Александровскаго унив., въ доказательство чего у него имѣлся рескриптъ Комиссіи отъ 17 дек. 1831 г., за № 5205, о зачисленіи его въ штатъ университета, и этимъ званіемъ онъ подписался на прошеніи въ Комиссію еще въ 1833 г.

dyalektów słowiańskich stanowić będzie niejako koronę nauki języka polskiego i rossyjskiego), Кухарскій въ іюлѣ 1832 г. подаетъ въ Комиссію прошеніе о назначеніи его учителемъ въ одну изъ такихъ школъ, пока не откроется вновь варшавскій университетъ. Конечно, ему желательно было бы остаться въ Варшавѣ, такъ какъ въ теченіе девяти лѣтъ учительской службы (до 1825 г.) его переводили восемь разъ съ мѣста на мѣсто; съ другой стороны, удаленіе изъ Варшавы не позволило бы ему осуществить его ученые проекты: издать описаніе своего путешествія и русскую грамматику для поляковъ. Желаніе Кухарскаго исполнилось. Въ слѣдующіе годы онъ занимаетъ мѣсто учителя сначала (съ 1833 г.) въ гимназіи на ул. Лешно въ Варшавѣ, а потомъ въ варшавской губернской гимназіи.

Объ университетской каѳедрѣ онъ не могъ уже мечтать. Но въ одномъ изъ писемъ Ганки къ кому-то изъ львовскихъ друзей его (вѣроятно, къ А. Росцишевскому) встрѣчаемъ интересное, но къ сожалѣнію весьма глухое сообщеніе, что въ 1838-омъ или въ началѣ 1839 г. шла рѣчь о приглашеніи Кухарскаго на каѳедру славянскихъ литературъ въ казанскій университетъ [1]). Откуда подобное извѣстіе получилъ Ганка, мы не можемъ сказать.

Первымъ плодомъ ученыхъ занятій Кухарскаго славянскими литературами явились: „Wiadomości o literaturze czeskiej“, напечатанныя по возвращеніи его изъ славянскаго путешествія въ Tygodn. Petersb. 1830 г. За ними послѣдовала статья: „Dyalekty słowiańskie“, помѣщенная въ Gazecie Warsz., 1832, № 308. Въ 1833 году онъ напечаталъ въ Blätter für liter. Unterhaltung (№ 154, S. 636, Notizen) краткую замѣтку о Шафарикѣ и другія мелочи [2]).

---

[1]) Rozmait. Lwowskie, 1839, № 14, str. 111. Письмо изъ Праги, подписано: W. H.

[2]) Ср. еще Notiz въ № 123, S. 508: „Zur slawischen Literatur“. Кажется, Кухарскому принадлежатъ сообщенія въ томъ же журналѣ (съ подписью: „177“) на стр. 516, 535, 584, 719, 746, 760 (1833 г.). На стр. 508 онъ сообщилъ письмо Шафарика, напечатанное въ польскихъ газетахъ (вѣроятно, изъ Dzienn. Powsz.); на стр. 636: незначительная замѣтка о Мицкевичѣ; на стр. 792: „Neue Eintheilung der slaw. Dialekte“ etc.; на стр. 851: Notizen; стр. 1000, 1020: „Neure polnische Dichter“. Въ тѣхъ же Blätter 1834 г. на стр. 532 (за подписью: „26“) находимъ еще замѣтку о Шафарикѣ, а на стр. 896, 1396 — славянскія литературныя новости.

Совершенно неожиданно противъ нея ополчился Копитарь, заподозрившій, что оба ученые оказываютъ другъ другу взаимныя услуги и рекламируютъ одинъ другого. „Was sagen Sie zu den Artikeln von Kucharski über Szafarzyk in den Blättern für liter. Unterhaltung? Videant, ne se invicem nimis laudent!“ обращался онъ съ предупрежденіемъ по адресу ихъ къ Ганкѣ (6 авг. 1833 г.). Спустя нѣкоторое время онъ вновь изливаетъ свое неудовольствіе въ письмѣ къ Ганкѣ (22 сент. 1833 г.): „Ш*** lässt sich durch Kucharski für den ersten lebenden Slavisten ausposaunen. Meinetwegen. Aber der Letzte hat noch nicht geschoben, und wer der Letzte ist, wird nach dem Evangelio der Erste sein“ [1]).

Въ 1834 г. Кухарскій напечаталъ актовую рѣчь „O nowej erze Słowiańskiej“ [2]), въ которой на основаніи разбора нѣкоторыхъ мѣстъ „Слова о полку Игоревѣ“ пытался освѣтить темные вопросы древнѣйшей хронологіи славянъ.

Наиболѣе извѣстнымъ трудомъ Кухарскаго являются „Древнѣйшія памятники словянскаго законодательства“ (Najdawniejsze pomniki prawodawstwa słowiańskiego), вышедшіе въ Варшавѣ въ 1838 г. [3]). Книга, послѣ незначительнаго предисловія, содержала: I. Текстъ Русской Правды по Синодальному списку 1282 г. (по изд. Калайдовича въ „Русскихъ Достопамятн.“ Часть I.), съ параллельной латинской транскрипціей (łacińsko-słowiańskiemi głoskami), варіантами и нѣмецкимъ переводомъ; II. Законникъ Сербскій царя Стефана Душана по Новосадскому списку 1700 г. (ruskiemi głoskami i łacińsko-słowiańsk.), съ варіантами по списку 1390 г. и нѣмецкимъ переводомъ; III. Práwa země České (то же по-латыни: Jus Terrae Boemiae, т. e. Kniha Starého Pána z Rosenberka); IV. Ondřeje z Dubé Wýklad na práwo zemské; V. Řád zemského práwa (то же по-латыни: Ordo judicii terrae) и, на-

---

[1]) Ягичъ, Источники, II, стр. 111, 114.

[2]) Rzecz czytana na akcie uroczystym zakończenia rocznego biegu nauk w gimn. warsz. przy ul. Leszno, dnia 28 Lipca 1834. Dziennik Powszechny, 1834, dodatek do № 213. То же: Rozmait. Lwowsk., 1834, № 40, str. 317. По-чешски: „O nové době (éra) slovanské“, въ ж. Česká Wčela, 1834, № 47, str. 371—375, перевелъ X. Ср. еще Tygodn. liter., 1840, str. 74—77, ст. А.*. (А. Росцишевскаго).

[3]) „P. Kucharski, — писалъ уже 6 марта 1838 г. Мацѣевскій Ганкѣ, — skończył druk najdawniejszych pomników prawodawstw słowiańskich, do których ja uwagi porobiłem. Dotąd leży to dzieło wydrukowane w Cenzurze, i nie wiem, kiedy ono wyjdzie“. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 753.

конецъ: „Uwagi D-ra Maciejowskiego nad Najdawniejszemi Pomnikami Prawodawstwa Słowiańskiego".

Собственно Кухарскому въ этомъ изданіи принадлежало весьма немногое: текстъ Русской Правды и варіанты къ нему взяты были изъ изданія Калайдовича; нѣмецкій переводъ – изъ труда Эверса „Das aelteste Recht der Russen"; списокъ Законника Стефана Душана приготовилъ для Мацѣевскаго Шафарикъ, при чемъ перевелъ текстъ на нѣмецкій языкъ и снабдилъ переводъ примѣчаніями; такъ какъ первый списокъ, посланный Мацѣевскому, оказался неудовлетворительнымъ вслѣдствіе того, что листы въ рукописи были перепутаны, то потомъ были сдѣланы поправки въ распредѣленіи статей, и этотъ исправленный текстъ былъ изданъ Кухарскимъ; памятники чешскаго права доставлены были Ганкою [1]). Особый томъ должны были составить Statuta Polskie, но планъ этотъ Кухарскій впослѣдствіи оставилъ.

Первоначально Мацѣевскій думалъ, повидимому, заняться изданіемъ этихъ памятниковъ при участіи Кухарскаго[2]), и это изданіе, по свидѣтельству Бодянскаго [3]), должно было составить V часть „Исторіи слав. законодательствъ", но потомъ онъ передалъ всѣ свои матеріалы въ полное распоряженіе Кухарскаго.

---

[1]) См. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 718, 742, 745. „Kniha Starého Pána z Rosenberka" въ извлеченіи издана была въ Č. Č. Mus., 1835, str. 413. Кухарскій впервые издавалъ ее цѣликомъ.

[2]) Въ предисловіи ко II т. „Historyi prawodawstw Słowiańskich" (1832) онъ говорилъ: „Jeżeli czytelnicy moi ułatwią mi do tego środki, ogłoszę drukiem rękopisy prawodawstw słow., które mi do ułożenia dzieła tego posłużyły". Ср. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 721. Въ III т. (1835 г.) онъ однако заявлялъ, что „p. Kucharski zajmie się tą pracą (т. е. изданіемъ источниковъ) nieochybnie". Въ теченіе 1835 г. Мацѣевскій ожидаетъ еще отъ Шафарика и Палацкаго матеріаловъ для „Corpus juris slavonici". См. письма Шафарика къ Мацѣевскому въ Slov. Sborn., III, str. 307, 308, 360. Въ январѣ же 1836 г. онъ жалуется Ганкѣ на бездѣятельность Кухарскаго, который и самъ не приступаетъ къ изданію памятниковъ и не позволяетъ издать ихъ Хиждеу, переводчику труда Мацѣевскаго на русскій языкъ. „Ponieważ te kopije dałem raz Kucharskiemu, ażeby je wydał, przeto się ich ani tknę, a tak być może, iż one nigdy nie wyjdą na publiczny widok", окончательно отказывался отъ изданія Мацѣевскій, использовавъ эти матеріалы въ своей Исторіи. Ср. отзывъ Кухарскаго о Мацѣевскомъ въ письмѣ къ Ганкѣ 27 іюня 1836 г. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 598. Но уже на послѣдней стр. IV-го тома онъ помѣстилъ „Uwiadomienie": „P. Prof. Kucharski właśnie rozpoczyna druk pomników słowiańskich".

[3]) Письма къ Погодину, стр. 5.

Изданіе, цѣликомъ почти обязанное Шафарику и Ганкѣ, Кухарскій однако не позаботился доставить пражскимъ друзьямъ своимъ. Шафарикъ жаловался на такое невниманіе его Мацѣевскому и экземпляръ книги вынужденъ былъ выписать изъ Варшавы [1]).

Книга получена была очень скоро, но принесла одно разочарованіе. Бодянскій 20 февр. н. ст. 1838 г. писалъ изъ Праги Погодину: „На дняхъ Шафарикъ получилъ „Памятникъ славянскихъ законовъ", изд. Кухарскимъ въ Варшавѣ: такой грубой, безвкусной компиляціи я еще, признаюсь, не видалъ". Отзывъ, вѣроятно, основывался и на бесѣдѣ о книгѣ съ Шафарикомъ, съ которымъ Бодянскій въ Прагѣ былъ особенно близокъ. Въ слѣдующемъ письмѣ Бодянскій обѣщалъ сказать больше объ изданіи Кухарскаго, дочитавъ до конца этотъ трудъ. „Ничего не можетъ быть грубѣе, — писалъ онъ Погодину 5 марта н. ст., — какъ эта компиляція, составленная изъ чужихъ трудовъ, въ которой нѣтъ ни одного слова, кромѣ заглавія, отъ издателя [2]). Въ реестрѣ подписчиковъ встрѣтилъ я и ваше имя. Думаю, что вы столько же объ этомъ знаете, сколько здѣшніе пражскіе ученые, Шафарикъ, Палацкій, Юнгманнъ, Челаковскій, Ганка и др., которые довѣдались о томъ уже по выходѣ самой книжки. Издатель такъ учтивъ, что, взявъ ихъ имена на прокатъ, не послалъ даже ни одному изъ нихъ экземпляра" [3]). Къ весьма скромному ученому имени Кухарскаго безталанное изданіе рѣшительно ничего не могло прибавить. Шафарикъ, какъ свидѣтельствуютъ поправки въ его собственномъ экземплярѣ [4]),

[1]) Онъ проситъ Мацѣевскаго 14 марта 1838 г. выслать для Палацкаго экз. книги Кухарскаго за деньги, „nechceli Kucharski ničeho darovati, ani mně, ani Hankovi, jichž těžkou práci dal vytisknouti". Slov. Sborn., III, str. 599. Въ письмѣ къ Ганкѣ 22 марта 1838 г. Шафарикъ повторилъ ту же жалобу: „Jest to veliká neucta, že Kucharski ani Vám, ani mně ex. neposlal: ješto jeho kniha nic jiného není, než Vaše a má práce. Já svůj ex. draze kaupil a po poště dostal".

[2]) K. W. Zap въ статьѣ: „Přehled současné lit. polské až k r. 1842," Č. Č. Mus., 1844, str. 249, отмѣчаетъ, что, „Najdawn. pomn." изданы „bez výkladu a bez přidání vlastních studií".

[3]) Письма къ М. П. Погодину, стр. 22, 27.

[4]) Библ. Чешскаго Музея sign. 74 F 54. Цѣлый рядъ поправокъ и дополненій сдѣланъ имъ въ части: „Prawa zemie české". „Oprawy a warianty wypsány z ex. p. Hanky", отмѣчаетъ Шафарикъ. На стр. 372 къ раздѣлу: „O moci nálezów panských", 62, передъ: „Také o duchovní súd...", онъ приписалъ: „2 archy chybí". Дополненія начинаются: „O potaze panském" etc.

внимательно разсмотрѣлъ трудъ Кухарскаго, но высказаться о немъ въ печати, очевидно, не нашелъ возможнымъ: изданіе такой чести не заслуживало!

Дома тоже никто не обратилъ на книгу вниманія. Въ письмѣ, посвященномъ варшавскимъ любителямъ славяновѣдѣнія, А. Тышинскій хотя и призналъ изданіе Кухарскаго исполненнымъ старательно и даже чрезвычайно желательнымъ и важнымъ для занимающихся законодательствомъ и исторіей славянъ, но по его мнѣнію, этотъ трудъ могъ быть и плодомъ домашнихъ занятій (pracy domowej), и для такой работы вовсе не представлялось необходимымъ путешествовать по славянскимъ землямъ [1]).

Изъ позднѣйшихъ трудовъ Кухарскаго можемъ назвать: 1) „Pamiętniki Janczara Polaka", въ изд. Skimborowicza „Piśmiennictwo krajowe", 1840, № 34 [2]). Быть можетъ, ему же принадлежитъ и очеркъ: „Mithologia Sarmatów, Lechitów i Polaków według kroniki Prokosza" (подписанъ: K... i), въ томъ же изд. Скимборовича, 1841, str. 276—284. 2) Обширный библіографическій обзоръ: „O przekładzie Pisma S. na języki słowiańskie", въ ж. Pamiętn. relig.-mor., Tom XVII (1849), XXIV i XXV (1853) [3]). 3) „Krótka wiadomość o drukowanych przekładach całej Biblii na różne dyalekty słowiańskie", въ Bibl. Warsz., 1849, IV, str. 409—413. 4) Замѣтка: „Kwestya rodowodu S. Jadwigi", въ Pamiętn. relig.-mor., T. XXVII (1854), str. 433—435, вызвала отвѣтъ Ментлевича, тамъ же, т. XXVIII (1855), стр. 543—548, съ указаніемъ грубыхъ ошибокъ Кухарскаго. 5) Въ замѣткѣ: „Najdawniejszy zabytek Polszczyzny", разсматриваетъ надпись на купели (chrzcicielnicy) церкви св. Іоанна въ Торунѣ. 6) Въ 1854 г. въ Bibl. Warsz., III, str. 548, помѣстилъ сухой очеркъ:

---

[1]) Tygodnik Petersb., 1839, № 66 и 67, str. 374, 383: Wyjątek z listu (o przyjaciołach Słowian w Warszawie i ich obecnych zajęciach). Ср. Сынъ Отеч., 1839, X, стр. 121—137: О трудахъ польскихъ ученыхъ въ Варшавѣ по части слав. литературъ и древности. Изъ письма Г. Тышинскаго. То же: Kwěty, 1839, příl., str. 89: O učených slawistech we Waršawě. Z polského od K. W. Zapa.

[2]) Ср. письмо Кухарскаго къ Ганкѣ отъ 2 іюля 1839 г., съ просьбой о высылкѣ ему экз.: „Historie neb kroniky turecké od Michala Constantina z Ostrowice" (изд. 1565, 1581 г.).

[3]) Статья подписана буквой „К." Мацѣевскій въ I т. Piśmiennictwa, str. 282, категорически заявляетъ о принадлежности ея Кухарскому; Малэцкій, Biblia Król. Zofii, str. XVII, отрицаетъ это, но не настойчиво. См. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 601.

„Etnografia Turków i ich pobratymców“ [1]). 7) Въ томъ же журналѣ (1854, II, 148, 365) напечатанъ разборъ разсужденія А. Гильфердинга: „О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ“ и 8) статья: „O Słowianach podług Jornandesa“ (1855, II, 510). Въ рукописи остался „Słownik geograficzny miast i wiosek, należących niegdyś do Słowian“ [2]), въ которомъ Кухарскій, слѣдуя Коллару и др. и основываясь часто на произвольныхъ этимологіяхъ, отыскивалъ и находилъ жилища славянъ по всей Европѣ.

Всѣ донесенія Кухарскаго и частныя письма его къ друзьямъ свидѣтельствуютъ, что разнообразныхъ матеріаловъ по славянской этнографіи, письменности и языкознанію въ теченіе пятилѣтняго путешествія собрано имъ было множество. Мацѣевскій съ изумленіемъ говорилъ о сокровищахъ, привезенныхъ Кухарскимъ изъ славянскихъ земель [3]), и сознавался, что они для него служили богатымъ матеріаломъ при составленіи „Исторіи слав. законодательствъ“. Въ тѣ годы едва ли у кого-либо изъ варшавскихъ любителей славянства имѣлись такія книжныя богатства, какъ у Кухарскаго. Отправленный имъ на имя университета, при возвращеніи на родину, транспортъ книгъ, картъ и медалей славянскихъ предназначался для основанія Славянскаго Музея, какъ объ этомъ ясно сказано въ перепискѣ по этому дѣлу. Главная масса книгъ по исторіи права, отчасти рукописей и славянскихъ инкунабулъ, вывезенныхъ Кухарскимъ, составляетъ нынѣ, по свидѣтельству проф. А. А. Кочубинскаго, особенно цѣнную часть библіотеки Новороссійскаго унив. [4]). Къ сожалѣнію, самъ Кухарскій ничего почти изъ

---

[1]) Въ некрологѣ Кухарскаго въ Gazecie Polsk., 1862, № 15, указывается, что статьи его помѣщала Gazeta Codzienna. Съ указанной статьей по этнографіи Турціи родственны замѣтки о населеніи Оттоманской имп. въ Gaz. Codz., 1860, № 212, 213, 218.

[2]) „Jak dalece posunął tę pracę w rękopismie, nie wiemy“, говоритъ авторъ замѣтки-некролога въ Bibl. Warsz., 1862, I, 448.

[3]) Ср. А. Ивановскій, Литерат. Библ., 1867, сент., стр. 106.

[4]) Вѣстн. Евр., 1896, IV, стр. 170, прим. Ср. изданный А. А. Кочубинскимъ III-й и отчасти I-й томъ каталога этой библ. Въ замѣткахъ „Polonica. 1834“ (Чешск. Муз., sign. IX B 9) Шафарикъ отмѣчаетъ въ числѣ свѣдѣній о Кухарскомъ: „Besitzt die beste slaw. Bibliothek in Polen, die er immer zu vermehren sucht“. Собраніе это, по свидѣтельству А. Ивановскаго (Литерат. Библ., 1867, сент., стр. 107), „покупалось для Праги и Загреба“, но досталось оно Одессѣ. Принималъ библ. Кухарскаго знаменитый славистъ В. И. Григоровичъ.

своихъ богатыхъ матеріаловъ не использовалъ и не исполнилъ ни одного изъ своихъ многочисленныхъ ученыхъ замысловъ и обѣщаній. Онъ не издалъ даже описанія своего продолжительнаго и интереснѣйшаго славянскаго путешествія, хотя это легче всего было сдѣлать, такъ какъ уже въ отчетахъ и письмахъ къ друзьямъ нѣкоторыя части путешествія были изложены достаточно подробно. Канвой для такого описанія могла послужить извѣстная намъ статья М. Кунича въ Gartenzeitung, написанная цѣликомъ на основаніи данныхъ, сообщенныхъ ему Кухарскимъ. Съ первыхъ же дней поѣздки Кухарскаго съ надеждами слѣдившіе за нимъ друзья-соотечественники увѣрены были, что онъ подѣлится съ польскимъ обществомъ своими наблюденіями и научными пріобрѣтеніями и ожидали ихъ, по словамъ Росцишевскаго [1]), съ нетерпѣніемъ (z utęsknieniem). Наиболѣе близкіе къ нему неоднократно побуждали его приняться за эту работу, но убѣжденія ихъ были безуспѣшны. „Kucharskiego do wypracowania jego podróży zachęcam, ale to podobno nie idzie, chociaż on mi powiada, że nad swojem dziełem pracuje także“, писалъ Мацѣевскій Ганкѣ въ декабрѣ 1836 г.[2]). Справедливы поэтому были упреки, которые слышались со стороны тѣхъ, кто въ ученыхъ занятіяхъ Кухарскаго принималъ живое и близкое участіе. Шафарикъ рѣзко осуждалъ его непонятное нежеланіе подѣлиться своими матеріалами и славянскую лѣность и не поколебался сравнить его съ собакой, лежащей на сѣнѣ[3]). „Na p. Kucharského se všickni hněváme, — заявлялъ и Колларъ въ письмѣ къ К. Я. Эрбену, — že svůj cestopis nevydal: ondy i v novinách kdosi psal o něm a jmenoval to národní kradeži, trošku to ostře, ale spravedlivě“ [4]).

---

[1]) „Powróciwszy do ojczyzny ma on wydać drukiem ciekawe i zajmujące podróże swoje“, надѣялась Gazeta Polska, 1828, № 352. См. замѣтку A.*** (такъ подписывалъ А. Росцишевскій свои статьи) въ Tygodn. Liter., Poznań, 1840, str. 74, по поводу рѣчи Кухарскаго: „O nowej erze słowiańskiej“.

[2]) Письма къ В. Ганкѣ, стр. 748.

[3]) „... Ich darf nicht hoffen, etwas von ihm zu erhalten: er hat mir noch nie etwas gewährt, wiewohl ich für ihn schon einiges gethan habe. Er ist ein fauler Bär — ja er gleicht dem Hunde, der auf dem Heu liegt ...“ Письма къ Погодину, стр. 176.

[4]) Письмо отъ 5 іюня 1839 г. изъ Пешта, въ библ. Чешскаго Музея.

Отправляясь въ концѣ 1837 г. въ славянскія земли, Бодянскій на пути въ Прагу посѣтилъ въ Варшавѣ Кухарскаго. Свиданіе съ опытнымъ славянскимъ путешественникомъ могло быть полезнымъ для него, но изъ встрѣчи и бесѣды съ Кухарскимъ онъ вынесъ безотрадное впечатлѣніе. „Странный человѣкъ“, — вотъ что единственно сообщалъ о немъ Бодянскій Погодину [1]). Спустя четыре года, возвращаясь вмѣстѣ съ Срезневскимъ изъ славянскихъ земель, Бодянскій снова навѣстилъ его въ Варшавѣ. Кухарскій оставался все тотъ же. Срезневскій искренно былъ огорченъ потерей для науки человѣка, на котораго возлагалось столько надеждъ. „Жаль человѣка, совершенно пересталъ заниматься“, писалъ онъ Пуркинѣ въ Бреславль [2]). Не безъ укора вспоминалъ о немъ и лично знавшій его А. Тышинскій, отмѣтившій печальный фактъ, что всѣ богатые матеріалы Кухарскаго остались подъ спудомъ, скрытыми совершенно отъ общества [3]). Въ 1841 г., когда П. П. Дубровскій задумалъ издать въ Варшавѣ альманахъ, подъ загл.: „Старина и Новости Славянъ,“ онъ получилъ, между прочимъ, отъ своего учителя Кухарскаго отрывокъ изъ его путешествій по славянскимъ странамъ [4]). Но сборникъ Дубровскаго не вышелъ, а въ Денницѣ (Jutrzenka) его, появившейся въ 1842 г., этого отрывка почему-то редакторъ уже не помѣстилъ.

Въ 1847 г. Кухарскій, по выслугѣ 30 лѣтъ въ учительскомъ званіи, собирался выйти въ отставку. Теперь на досугѣ онъ думалъ приступить къ осуществленію давнихъ ученыхъ проектовъ (spodziewam się mieć więcej czasu do napisania czegoś słowiańskiego). „Прежде всего, — писалъ онъ Ганкѣ, — я, вѣроятно, примусь за польскую сравнительную съ прочими славянскими нарѣчіями грамматику“ [5]).

---

[1]) Письма къ М. П. Погодину, стр. 4.

[2]) Slov. Sborník, IV, str. 466.

[3]) „Żałować musimy, że te są w zupełnem dla publiczności ukryciu... Od autora, który lat kilka strawił na podróży, mamy nadzieję i prawo żądać ogłoszeń, któreby były owocem tej podróży. Ukazanie się podobnych ogłoszeń byłoby tem pożądańsze, iż P. Kucharski posiada znajomość naukową narzeczy słowiańskich.“ Tygodn. Petersb., 1839, № 66.

[4]) Москвитянинъ, 1841, № 3, стр. 636, славянскія новости.

[5]) Собирать матеріалы для сравнит. грамматики славянскихъ нарѣчій Кухарскій началъ еще во время путешествія. По словамъ А. Ивановскаго, послѣ него осталась рукопись слишкомъ въ 80 листовъ по этому предмету. Литерат. Библ., 1867, сент., 108. Мы видѣли выше, съ какимъ усердіемъ Кухарскій собиралъ спеціально славянскія грамматики.

Кромѣ того, онъ расчитывалъ заняться комиссіонерствомъ по части пріобрѣтенія славянскихъ книгъ [1]), но ни одному изъ этихъ проектовъ не суждено было осуществиться. Спустя три года онъ пишетъ Ганкѣ (1850 г. 29 іюня) о своемъ намѣреніи издать молитвенникъ св. Ядвиги, выписываетъ чрезъ него нѣкоторые славянскіе переводы библіи, но и этого изданія не сдѣлалъ.

Одно изъ своихъ писемъ (изъ Загреба, 31 дек. 1828 г.) Кухарскій заканчивалъ словами: „Warto, aby ta podróż moja, opieką rządu wsparta, zaszczytnym była uwieńczona końcem, aby z niej dostateczną odniosły korzyść dzieje, ziemiopistwo, literatura i filologia słowiańszczyzny, aby z niej spłynęła sława na naród i rząd, w którym i przez który wzięła swój początek". Но этимъ желаніямъ и чаяніямъ Кухарскаго не суждено было исполниться даже въ самой незначительной степени. Результаты пятилѣтняго ученаго путешествія остались сокрытыми и лишь ничтожные отрывки ихъ стали достояніемъ общества.

Причины безплодности продолжительнаго путешествія Кухарскаго и дальнѣйшихъ занятій его слѣдуетъ искать, какъ намъ кажется, въ чрезвычайномъ множествѣ и разнообразіи взятыхъ имъ на себя задачъ, въ неумѣніи его сосредоточиться на какомъ-либо одномъ предметѣ, выбрать работу себѣ по силамъ. Одинаково увлекаясь сложными вопросами славянской древнѣйшей исторіи, письменности, діалектологіи и этнографіи, Кухарскій ни въ одной изъ этихъ областей не могъ пріобрѣсти познаній основательныхъ, надежныхъ и поневолѣ откладывалъ разрѣшеніе многихъ задачъ до возвращенія въ отечество. Только немногіе геніальные представители славяновѣдѣнія, какъ Добровскій или Шафарикъ, съ одинаковымъ успѣхомъ справлялись съ самыми разнообразными темами научныхъ разысканій. Кухарскій не принадлежалъ къ натурамъ даровитымъ. Среди множества свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ во время путешествія, онъ неминуемо долженъ былъ запутаться и не сумѣлъ выйти изъ этого лабиринта на прямой и ясный путь критической обработки собраннаго матеріала. Надеждъ, на него возлагавшихся, онъ не оправдалъ, — говоритъ его біографъ [2]), —

[1]) „Przez Wiedeń i Pragę do Krakowa, ztąd do Warszawy, a z Warszawy do Moskwy, Petersburga i innych miast Rossyjskich możnaby z korzyścią przesyłać wasze naukowe płody Słowiańskie". Письма къ В. Ганкѣ, стр. 600.

[2]) F. M. S. въ Encyklop. powszechnej, s. v.

и остался только „славянофиломъ“, гонявшимся за миражами, и сухимъ, мелочнымъ эрудитомъ. Другой современникъ Кухарскаго, признавая высокую ученость его, не находилъ въ немъ однако высшаго дара изложенія своихъ знаній, способности преподать ихъ другимъ. Погруженный въ свои филологическія изслѣдованія, Кухарскій любилъ науку больше ради самой науки, чѣмъ ради преподаванія ея, и на педагогическую дѣятельность смотрѣлъ лишь, какъ на необходимое средство къ существованію [1]). Судить о его способностяхъ, какъ учителя, можно было однако лишь по его преподавательской дѣятельности въ гимназіи; на университетской каѳедрѣ Кухарскій оказался бы, быть можетъ, болѣе пригоднымъ, хотя бы въ самой скромной роли, ибо въ Варшавѣ, несомнѣнно, не было въ теченіе долгаго еще ряда лѣтъ лучшаго знатока живого славянства [2]). Куничъ, ознакомившись съ результатами путешествія Кухарскаго, пришелъ къ заключенію, что онъ „ist zweckmässig gereiset, hat sorgfältig geforscht, gründlich aufgefasst, rationell verglichen und fleissig gesammelt“. Всѣ данныя обѣщали, что въ лицѣ его университетъ могъ пріобрѣсти полезнаго, хотя и не выдающагося работника. Продолжительное путешествіе по славянскимъ землямъ, множество самостоятельныхъ этнографическихъ и лингвистическихъ наблюденій, широкій кругъ знакомствъ въ славянскомъ ученомъ и литературномъ мірѣ, богатая библіотека — все это обезпечивало въ значительной степени успѣшность преподавательской дѣятельности Кухарскаго въ университетѣ. Отказать ему въ извѣстной пытливости и самостоятельности въ разрѣшеніи, хотя бы и неудачномъ, нѣкоторыхъ вопросовъ славянской филологіи тоже нельзя. Обстоятельства однако сложились для молодого ученаго слишкомъ неблагопріятно, они разбили всѣ давно взлелѣянныя имъ мечты и окончательно закрыли предъ нимъ путь служенія отечеству на университетской каѳедрѣ. Среди славянскихъ путешественниковъ начала XIX ст. Кухарскому принадлежитъ во всякомъ случаѣ

---

[1]) Gazeta Polska, 1862, № 15, 21 stycznia, некрологъ.

[2]) Совершенно не правъ авторъ некролога въ Gazecie Polsk., 1862, № 15, заявляя: „W tych wycieczkach (по славянскимъ землямъ) jednak mniej widział od głośnego poprzednika (?) swego Z. D. Chodakowskiego, a widział mniej dlatego tylko, że się grzebał więcej w papierach, że odwiedzał raczej z zamierzchłemi wyobrażeniami uczonych, niż żył wśród ludu, którego narzecza, obyczaje i zwyczaje powinien był poznać“.

почетное мѣсто, и великій пѣвецъ славянской взаимности, лично знавшій его и пользовавшійся нѣкоторыми плодами его ученыхъ странствованій, по заслугамъ помѣстилъ его въ всеславянской рощѣ, вмѣстѣ съ Трнкой и Кеппеномъ, въ сонмѣ тѣхъ путешественниковъ,

„Kteří prví cílem národným
Po slavjanských putovali krajech“,

и этимъ послужили дѣлу „славянской взаимности“ [1]).

Роковыя событія 1830-го и 1831 года нанесли жестокій ударъ не только мечтамъ пламеннаго славянолюбца, но и вообще пріостановили надолго ученую работу и движеніе впередъ славянскихъ изученій у поляковъ. Это — очевидный и не подлежащій никакому сомнѣнію печальный фактъ. Послѣ событій 1830—1831 гг., — говоритъ В. Спасовичъ, — сузился горизонтъ, польскіе ученые отдѣлились отъ русскихъ и чеховъ и стали изучать свою исторію и языкъ не съ точки зрѣнія сравнительной, обѣщающей болѣе обильную жатву, но боязно замыкаясь въ себѣ самихъ [2]). Путь, на которомъ стояли первые представители польскаго славяновѣдѣнія, забытъ былъ надолго, успѣлъ затеряться, и позднѣйшимъ поколѣніямъ пришлось его прокладывать вновь [3]).

---

[1]) Slávy Dcera, IV, сонетъ 112.

[2]) Извѣстія отд. русск. яз. и слов., 1902, I, стр. 392. Съ нимъ совершенно соглашается и проф. А. Брикнеръ, который въ своихъ Dziejach literatury polskiej (Warszawa, 1903, II) отмѣчаетъ тотъ же поворотъ: революція 1831 г. создала пропасть между поляками и русскими и славянствомъ.

[3]) Въ своихъ ученыхъ афоризмахъ проф. Брикнеръ откровенно констатируетъ: „Szczególniej u nas należało do dobrego tonu wzgardzać studyami porównawczemi, przedewszystkiem słowiańskiemi; po świetnych początkach naszych slawistów: Lindego, Rakowieckiego, Kucharskiego, Surowieckiego, nastąpiła kompletna reakcya. Zaniedbywanie rzeczy słowiańskich doprowadziło też zaraz do absolutnego zastoju, np., na polu grammatyki i dziejów języka“. Ateneum, 1900, maj, str. 398.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письма С. Г. Линде Чешскому Ученому Обществу*).

1.

Hochansehnliche Gesellschaft!

Die nahe Verschwisterung der böhmischen Sprache mit der polnischen, das Licht, das ich so oft zur Beleuchtung dieser in jener gefunden, der freundschaftliche Rath und Hilfe, die mir bei meiner Arbeit sehr verehrungswürdige Mitglieder der Königlich Böhmischen Gesellschaft zu ertheilen beliebten, die Hochschätzung, mit der überall die Werke, so wie gelehrter Böhmen überhaupt, so auch insonderheit der Böhmischen Gesellschaft, als Muster aufgestellt werden; alles dies sind für mich eben so viel Beweggründe, die soeben fertig gewordene erste Abtheilung des ersten Theils meines Wörterbuchs der Polnischen Sprache, einer um Sprachen und Wissenschaften so hoch verdienten Gesellschaft ganz ergebenst zu übersenden, als ein geringes Zeichen der grössten Verehrung, mit der ich die Ehre habe zu sein einer hochansehnlichen Königlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften ganz Ergebner

M. Samuel Gottlieb Linde,
Ph. Dr., Mitglied des Ober-Schul- und Erziehungcollegii, Rector des Lyceums zu Warschau, Mitglied der Gesellschaft der Freunde der Wissenschaften.

Warschau,
den 30-ten December 1807.

2.

Erlauchte Königl. Gesellschaft der Wissenschaften!

Die gute Aufnahme, deren die erlauchte Königl. Gesellschaft die erste Abtheilung meines Wörterbuchs der Polnischen Sprache gewürdigt hat, ist für mich die grösste Aufmunterung gewesen,

*) Въ библіотекѣ Чешскаго Музея.

ununterbrochen mit desto grösserem Eifer an der Fortsetzung zu arbeiten. Meinen gehorsamsten Dank für die grosse Auszeichnung, die mir von der Erlauchten Gesellschaft durch die Aufnahme zu ihrem Mitgliede zu Theil worden ist, wollte ich nicht eher darbringen, bis ich Selbiger zugleich, gewissermassen als Frucht Ihrer Aufmunterung, einen neuen Theil ergebenst überreichen könnte. Jetzt also gebe ich mir die Ehre Eine Erlauchte Gesellschaft zu bitten, die Uebersendung der zweiten Abtheilung des ersten Theils (die die Buchstaben von G—L enthält), als einen geringen Beweis meiner Dankbarkeit anzunehmen, die umso grösser ist, je mehr ich den Vorzug zu schätzen weiss, mich zu einer so hoch verdienten gelehrten Gesellschaft zu zählen; möchte doch nur auch mein Werk nie dieses Charakters unwürdig befunden werden.

Mit den Gesinnungen der grössten Verehrung verharre ich Einer Erlauchten Königl. Gesellschaft Ergebenster v. Linde.

Warschau,
den 26. December 1808.

II. Письма С. Г. Линде къ I. Добровскому *).

1.

Mein sehr verehrungswürdiger Freund!

Erst jetzt gebe ich mir die Ehre Ihr so freundschaftliches, für mich so aufmunterndes und lehrreiches Schreiben, nicht sowohl zu beantworten, denn dies erlaubt mir die Zeit nicht, als vielmehr zu erwiedern. Ich wollte nicht eher vor Ihnen und der königlich böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften erscheinen, als bis ich dies mit einem neuen Bande meines Wörterbuchs in der Hand thun könnte; und jetzt erst bin ich so glücklich dies zu können. Der erlauchten kön. Gesellschaft übersende ich nämlich zu gleicher Zeit die 2-te Abtheilung, die die Buchstaben von G bis L begreift, und bitte sie diesen geringen Beweis meiner dankbaren Ergebenheit mit derselben Güte und Nachsicht annehmen zu wollen, die den ersten begünstigte. Die Ehre Mitglied dieser Gesellschaft zu sein schätze ich um so höher, da ich weiss, wie wenig man bei Ihnen mit dem Diplom freigebig ist. Möchten doch nur insonderheit Sie, mein sehr verehrungswürdiger Freund, mit meiner Arbeit und meinem Streben nicht ganz unzufrieden sein: weniger kehre ich mich dann an die so höchst oberflächliche Recension in den Göttinger gelehrten An-

*) Въ бумагахъ I. Добровскаго, въ библіотекѣ Чешскаго Музея. Письма Добровскаго къ Линде изданы И. В. Ягичемъ, Источники, I, 034 002.

zeigen, deren tiefe Eindrücke auf mich die so wohlwollende Recension in der Hallischen A. L. Z. einiger Massen gemildet hat, doch nicht ganz wegzuwischen im Stande war. Der Göttinger Recensent scheint mir eben so wenig Kenner des slawischen überhaupt, als insonderheit des polnischen zu sein; mein Wörterbuch muss das erste polnische sein, das er in seinem Leben zu sehen bekommen, und auch in dem ist er nicht weiter vorgedrungen, als gegen die Mitte des A. Wie lehrreich ist dagegen Ihr gütiges Schreiben. Freilich möchte ich hie und da dieses und jenes erinnern, allein die Zeit erlaubt es mir nicht, ich bin jetzt gar zu sehr mit mancherlei Arbeiten überladen; doch mehrere Ihre trefflichen Winke benutze ich und habe sie schon zum Theil benutzt. Schreiben Sie mir stets offen und unverholen; jede Lehre eines solchen Veterans wird von mir mit der grössten Dankbarkeit aufgenommen werden.

Mit unveränderlicher Hochachtung habe ich die Ehre zu verharren Euer Hochwohlgeboren ganz Ergebenster v. Linde.

Warschau
den 26-ten Dec. 1808.

2.

Mein sehr verehrungswürdiger Freund!

Schämen müsste ich mich, dass ich ihre gütigen Zuschriften von Mai*) und Juli vorigen Jahres erst jetzt beantworte; allein Ihre gütige Sendung ist mir, durch H. Buchhändler Vogel in Leipzig, nach manchen Schwierigkeiten erst zu einer Zeit zugekommen, wo die politischen Umstände bei uns äusserst kritisch zu werden anfingen, und bald darauf fast alle Communication mit dem Auslande ins Stocken gerieth. Ein wahres Glück von Gott ist es, dass wir wenigstens bis diesen Augenblick ruhig und sicher unser litterärisches Wesen forttreiben können. Für's erste also meinen und unserer Königl. Gesellschaft herzlichsten Dank für die übersandten Werke. Aus dem nächsten Bande unserer Jahrbücher werden Euer Wohlgeboren mit Vergnügen ersehen, wie wir uns hier bestreben, die von Ihnen in Ansehung derselben erhaltenen Winke zu benutzen. Eben so herzlich danke ich Ihnen auch für die mir mitgetheilte gründliche Recension meines Werks aus den Österreichischen Annalen. Ich finde sie sehr belehrend und so, wie sie nur von einem solchen Meister kommen konnte. Doch ist es vielleicht gut, dass sie mir so spät, erst nachdem ich bereits den sechsten und letzten Band drucke, in die Hände gekommen ist. Gleich beim Anfange meines Unternehmens würde ich vielleicht nicht Aufmunterung genug darin gefunden haben und dies scheinen auch Euer Wohlgeboren selbst in Ihrer gütigen Zuschrift zu besorgen. Aufrichtig zu reden, wünschte ich wohl, dass die freundschaftliche Humanität Ihres Briefes mehr in jener Recension vorherrschte. Doch nun, da ich bereits von dem

*) Отъ 5 мая 1812 г. см. у И. В. Ягича, Источники, I, 644.

6-ten Bande über 30 Bogen fertig gedruckt habe und mit Gottes Hülfe zu Anfang künftigen Jahres ganz fertig zu werden hoffe, so bleibt mir nichts anders übrig, als Euer Wohlgeboren für einen jeden erhaltenen Wink und Belehrung den herzlichsten Dank zu sagen; daraus aber auch die Hoffnung zu schöpfen, dass meine nun folgende Bitte nicht unerhört bleiben wird. Nach Beendigung meiner polnischen Sprachsammlung, bin ich gesonnen mich an die detaillirteste Analyse der polnischen Sprache zu machen und diese in genauster Vergleichung mit den verschwisterten und andern neuern und alten Sprachen kritisch durchzuführen. Wer könnte mir wohl hierbei bessre Hülfe leisten, wer bessern Rath ertheilen, als Sie, mein verehrungswürdiger Freund. Meine Bitte geht diesmal blos dahin, dass Sie die Güte haben möchten mein Wörterbuch mit der Feder in der Hand Blatt für Blatt durchzugehen, es wie ein Schulexercitium in jeder Rücksicht zu korrigiren, zu complettiren, besonders aber auch das polnische aus den übrigen Dialekten intensive und extensive zu bereichern, zu erläutern, zu begründen. Von dieser Ihrer gütigen Hülfe werde ich nicht nur durch öffentliche Äusserungen den besten Gebrauch machen, sondern auch jede sich mir darbietende Gelegenheit recht gern benutzen Ihnen meine Dankbarkeit thätig zu beurkunden. Sie haben ganz recht, dass Pater Marcus und Fronzel mich oft sehr irre geführt haben, doch diese Irrthümer gehören wenigstens in die Geschichte des Sprachstudiums, so wie die Verirrungen des menschlichen Geistes in die Geschichte der Philosophie. Auch wünschte ich recht sehr, dass Euer Wohlgeboren belieben möchten, die auf der 17-ten Seite meiner polnischen Einleitung zum Wörterbuche berührten Punkte genau zu berücksichtigen und zu prüfen; besonders aber auch die Grundsätze der Etymologie, wovon ich Ihnen ein besonderes Exemplar beilege, aufs schärfste zu kritisiren und möglichst zu komplettiren. Wünschten sich Euer Wohlgeboren zum Behuf dieser Arbeiten ein eigenes Exemplar meines Wörterbuchs zu haben, so werde ich nicht säumen durch die erste Gelegenheit Ihnen ein solches zum Unterpfande unserer Freundschaft zu übersenden. Die Königl. Böhmische Gesellschaft hat in Ansehung der Orthographie einige Gedanken gegen mich äussern lassen, die meine ganze Aufmerksamkeit rege gemacht haben. Meine Ansicht von der Möglichkeit eines slawischen Universal-Alphabets belieben Euer Wohlgeboren aus beiliegenden Zetteln abzunehmen und mir darüber ganz offen und unverhohlen Ihre Meinung zu sagen; besonders aber dabei zu berücksichtigen, ob das polnische auf diese Art gedruckt, den übrigen Slawen leichter zu lesen und zu verstehen sein möchte. Erst wann ich Ihre Meinung darüber werde erhalten haben, bin ich gesonnen ein kleines klassisches polnisches Schriftchen auf diese Art abdrucken zu lassen.

Auf die litterärischen Anfragen Euer Wohlgeboren lege ich Ihnen hier einige Beantwortungen unsers Professors Bentkowski bei. Dieser arbeitet jetzt an einem Werke über die polnische Litteratur, das sehr vollständig ausfallen dürfte und wodurch das von mir in meiner Einleitung gegebene Versprechen zu erfüllen überflüssig wird. Ich lege Ihnen überdies noch einige Schulsachen bei, woraus Euer

Wohlgeboren ohngefähr werden ersehen können, wie dies und jenes bei uns getrieben wird. Der erlauchten Königlichen Gesellschaft bitte ich meine tiefe Verehrung zu versichern und Ihr den 5-ten Band meines Wörterbuchs zu überreichen. Ihnen selbst aber empfehle ich mich zu fernerm gütigen Andenken und habe die Ehre mit grösster Hochachtung zu verharren Euer Wohlgeboren ganz ergebenster Freund und Diener v. Linde.

Möchte nicht etwa auch Herr Prof. Negedlý die Arbeit der Kritisirung und Vervollständigung meines Werks mit uns theilen? Recht gerne würde ich ihm dazu ein Exemplar meines Wörterbuchs anbieten? Unser Kopczyński ist in seinem hohen Alter noch immer ziemlich munter, doch seine Thätigkeit dürfte wohl jetzt weniger wirksam werden. Er lässt Sie herzlich grüssen.

Warschau,
den 18-ten Juni 1813.

3.

Mein sehr verehrungswürdiger Gönner und Freund!

Recht viele Freude macht es mir, dass durch Ihre gütige Unterstützung und Aneifrung mein Wunsch mehr Gehilfen für meine polnisch-slavischen Arbeiten zu bekommen in Erfüllung zu gehen anfängt. Recht gern willige ich nicht nur darein, sondern bitte auch ganz ergebenst darum, Herrn Jungmann den nach dem seel. Złobicki vacanten ersten Theil meines Wörterbuchs ehestens zukommen zu lassen; ich meinerseits werde mit nächster guter Gelegenheit die übrigen Bände für ihn an Sie übersenden. Jetzt drucke ich den 113-ten Bogen des letzten Bandes; allein da dieser wohl gegen 150 Bogen stark werden dürfte, so muss ich besorgen, vor Neujahr noch nicht fertig werden zu können. Und mein Gott! ich wünschte heute schon die grosse, schwere, vieljährige Last vom Halse zu haben, besonders unter den jetzigen bedrängten Umständen. Dann geht mein einziger Wunsch darauf hin, die polnische Sprache aus den verschwisterten intensiv und extensiv zu bereichern, zu vervollständigen, zu berichtigen, zu fixiren, zu slavonisiren. Dazu brauche ich thätige Hülfe unserer slavischen Brüder, dazu, mein verehrungswürdiger Gönner und Lehrer, ihre Leitung, Belehrung und Anweisung. Wie ist dies wohl am besten zu handhaben? Ihre lehrreichen Schriften und Briefe sind für mich eine unschätzbare Fundgrube; dabei glaube ich, dass wann die slavischen Sprachgelehrten mein Wörterbuch mit der Feder in der Hand sorgfältigst durcharbeiten, dies höchst förderlich sein dürfte. Daher biete ich gern zu diesem Zwecke Exemplare an. Eilen Sie nur, Verehrungswürdigster, mit Herausgabe Ihrer allgemeinslawischen Grammatik; diese wird für mich der wahre Schlüssel sein; so wie ich Ihrer meisterhaften böhmischen in Ihrem Etymologico die richtigsten Belehrungen verdanke. Mein sehr theuerer Collega Herr von Niemcewicz nimmt wieder an unseren Arbeiten im Ober-Schul-

collegio Antheil; er lässt sich Ihnen bestens empfehlen. So auch unser hochverdienter Kopczyński, der für sein Alter noch immer ziemlich munter und thätig ist. Sein Hauptwerk ist die Grammatik für drei Classen mit Erläuterungen: Grammatyka narodowa na klassy I., II. i III. z Przypiskami; der Układ ist die rechtfertigende Darstellung seines grammatischen Systems. Die französisch-polnische Grammatik ist nur ein Gelegenheitsstück; der Geist der polnischen Sprache ist ein blosser Anfang; ob er den bei seinem so sichtbar steigenden Alter wird gehörig fortsetzen können, muss bald die Zeit lehren. Unser Bentkowski hat mit dem zweiten Bande seine Polnische Literärgeschichte beendigt; es ist dies ein recht schätzbares Magazin. Theilen Sie mir doch recht bald wieder etwas von den Resultaten Ihrer Forschungen und Arbeiten mit; rechnen Sie auf meine nie erkaltende Dankbarkeit und tiefste Verehrung. Linde.

Warschau,
den 3-ten September 1814.

4.

Herzlichen Dank, mein sehr verehrungswürdiger Freund und Gönner, für Ihre gütige Zuschrift vom 3-ten Jan.; sie ist mir sehr theuer als Beweis, dass Ihre gütige Freundschaft für mich nicht erkaltet. Höchst erfreulich ist es für mich, dass Ihnen mein Aufsatz im Pamiętnik über die altslawische und russische Literatur nicht unangenehm gewesen ist; hier lege ich Ihnen die Fortsetzungen bei; nur fatal ist es, dass der Redakteur aus speculativen Rücksichten diese Beiträge so oft abbricht und in kleine Portionen zerstückelt; so kann sich die Sache ein Jahr lang schleppen. Für Ihre so gründlichen Bemerkungen und Belehrungen sage ich Ihnen den herzlichsten Dank; ich bin in allen diesen Sachen ein Neuling, dem man viel zu Gute halten und oft nur mit seinem guten Willen für Lieb nehmen muss. Vor der Hand kann ich Ihnen über den Glogowczyk keine weitere Auskunft geben; an die Ostroger Bibel komme ich nächstens; in meinem obgleich von Anfang defecten Exemplare der Ostroger Bibel haben sich zum Glück Lobverse auf den Fürsten Constantin erhalten, deren Verfasser sich Gerasim Daniłowicz nennt. Meine Bitte in Ansehung des Boguphal wage ich noch einmal zu wiederholen. Für das altpolnische Lied danke ich Ihnen recht sehr; ich werde es unserem Niemcewicz, der Sie herzlich grüsst, und unserem Bandtke mittheilen. Recht begierig bin ich auf Ihre allgemeine Slawische Grammatik, wie auch auf die neue Ausgabe der Geschichte der böhmischen Sprache. Auch mir macht man in Russland Versprechungen, aber bis jetzt will es mit der Erfüllung nicht recht gehen; alles, was ich habe, habe ich armer Teufel auf eigene Kosten ziemlich theuer erworben. Unser treffliche Kaiser und König hat mich bei jeder Audienz sehr gnädig empfangen; auch mit dem Orden des S. Stanislaus (freilich nur von der dritten Klasse) beehrt und alle mögliche literärische (denn um eine andere wagte ich nicht zu bitten) Unterstützung für meine weiteren literärischen Unter-

nehmungen versprochen; wir müssen also und wollen das Beste hoffen. Gottlob, dass ich endlich einmal mit meinem müsseligen und jammervollen Wörterbuche fertig bin; aber sehr bekümmert es mich, dass Graf Ossoliński in Wien Ihnen und der Prager Bibliothek bis jetzt noch nicht die letzten Theile übersandt hat. Mein Gott, ich weiss nicht mehr, auf wen ich mich verlassen soll und kann. Schreiben Sie deshalb an unsern Freund Kopitar, mag er doch von Ossoliński die Bände requiriren; ich habe schon dem Grafen deshalb geschrieben. Die Versetzung des Herrn Jungmann nach Prag freut mich sehr; ich bitte mich ihm zu empfehlen; unter Ihren Augen werden meine Wünsche um so besser in ihre Erfüllung gehen. Ihrer gütigen Freundschaft und Hilfe empfehle ich mich auch für dieses neue Jahr, wozu ich Ihnen von ganzen Herzen Glück wünsche. Ihr

Linde.

Warschau,
den 25. Jan. 1816.*)

5.

Mein sehr würdiger Gönner und Freund!

Beigehend übersende ich Ihnen die zwei letzten Bände unserer Roczniki, den siebenten und achten; die vorhergehenden haben Sie bereits. Wir dagegen hier haben von den Abhandlungen der K. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften zwei Bände, den ersten von den Jahren 1802-4; den zweiten von 1805-9; frühere und spätere haben wir nicht. Jammer Schade, dass uns der Bischof von Woronicz, der sonst ein sehr verehrungswürdiger Mann ist, uns den Streich gespielt hat, das Paket in Prag liegen zu lassen. Er verspricht, sobald er sich nur in Krakau wird angesiedelt haben, recht gern der Vermittler unserer Sendungen über Podgórze sein zu wollen. Aus Russland darf ich viel hoffen; wenigstens hat mir der Monarch selbst die huldreichsten literärischen Versprechungen gemacht; allein die Erfüllung braucht Zeit; die Landesverhältnisse müssten erst noch mehr in Ordnung kommen; doch zweifle ich, dass eher etwas erfolgen sollte, bis nicht H. Nowosilcow seinen Posten als Minister der Aufklärung in Russland angetreten hat. Von Skorina weiss man in Wilna, nach der Versicherung unseres Sniadecki, kein Wort. Haben Sie dann endlich meine Exemplare von dem letzten Bande des Słownik erhalten? H. Kopitar sollte sie beim Gr. Ossoliński erheben; denn bei diesem sind sie ein ganzes Jahr liegen geblieben. Herrn Prof. Jungmann bitte ich mich ergebenst zu empfehlen; es freuet mich herzlich, dass er jetzt mit Ihnen, würdiger Freund, an einem Orte und so zu sagen unter Ihren Augen arbeitet. Hätte ich doch nur schon Ihre Slawische Grammatik! auch der zweiten Ausgabe Ihrer Geschichte der böhmischen Sprache sehe ich mit dem grössten Verlangen entgegen. Herrn Bandtke habe ich das Wiklefische Lied zuge-

*) См. Ягичъ, Источники, I, 648.

schickt; es ist besonders in Rücksicht der alten polnischen Rechtschreibung ein sehr merkwürdiges Denkmal. Herr Lelewel bittet inständigst um die Abschrift des Boguphal; nähere Nachrichten müssen sich im Dobner zu Hajek Tom. II. p. 7 befinden. Sie belehren mich, würdiger Freund, in Ihrem geehrten Schreiben, dass Susza den Danielowicz Smotrisky zum Uebersetzer der Ostroger Bibel macht: was ist das für ein Susza? ich kenne nur Susza Cuda Chełmskie; doch dies Werk habe ich nicht bei der Hand; glaube auch nicht, dass darin etwas von der Ostroger Bibel vorkommen sollte. Danilowicz (nicht Danielowicz) ist zuverlässig ein Mitarbeiter an der Ostroger Bibel gewesen. Doch woher der Beinahme Smotrisky; sollte dies eine mit dem Grammatiker Meletius Smotrisky sein? Ueber Johann von Glogau sollte uns wohl H. Bandtke in Krakau die beste Auskunft geben können. Belehren Sie mich doch aber gefälligst, was dann eigentlich für eine Slawische Uebersetzung sich in der Spanischen Polyglotte, in der Pariser Polyglotte Biblia Maxima genannt und im Hutterschen Alten Testamente befindet? Endlich lege ich Ihnen noch einige Exemplare von der so wichtigen Rede bei, mit der Fürst Czartoryski die öffentliche Sitzung der Bekanntmachung unserer Reichsconstitution begann. Gern sehen wir es, wenn sie durch Ihren Einfluss in politischen und literärischen Tagesschriften aufgenommen würde; mir scheint sie ein sehr wichtiges Denkmal zu sein; ich habe mich bemüht sie mit der grössten Treue zu übersetzen, was auch bemerkt werden könnte. Länger will ich Sie für diesmal mit meinem Geschreibsel nicht behelligen; ich empfehle mich Ihrer gütigen Freundschaft und erwarte nächstens eine geneigte Antwort. Euer Hochwürden Ergebenster S. G. Linde.

In den beiden nächst folgenden Nummern unsers Pamiętnik wird mein Aufsatz über die Slawisch-Russische Literatur beendigt. Schade, dass die Redaction so oft abbricht und zerstückelt. Diesmal lege ich Ihnen daher auch nur ein kleines Stückchen Fortsetzung bei; das Vorhergehende müssten Sie nun schon von mir haben. Ueber die Ostroger Bibel lasse ich mich im Folgenden weitläufiger aus. Ihre Werke, besonders Slawin, Slowanka und so w. haben mir treffliche Dienste geleistet. Könnten wir denn nicht durch den Krakauer Bandtke unsere Sendungen machen, bis der Bischof in Ordnung ist?

Warschau,
den 13. März 1816.*)

6.

Mein sehr verehrungswürdiger Freund!

Vor kurzem hatte ich das Vergnügen durch unsern Herrn Wolinski Ihre gütige Zuschrift vom 6-ten August zu erhalten. Gleich in der darauf folgenden Sitzung unserer gelehrten Gesellschaft habe

*) См. Ягичъ, Источники, I, 648.

ich die zugleich mit erhaltenen Bücher nebst ein Paar sie begleitenden Worten niedergelegt. Man hat mir den Auftrag gegeben der königl. Böhmischen Gesellschaft für den Theil ihrer Abhandlungen und Ihnen, mein Werthester, für Ihre so gelehrten und gründlichen Institutiones den gebührenden Dank zu sagen. Dagegen erhalten Sie jetzt für die dortige Gesellschaft den 11-ten, den 14-ten und 15-ten Band unserer Holdbücher; von mir bitte ich ergebenst der Gesellschaft zu überreichen: 1. meine deutsche Bearbeitung des Ossolinskischen Kadlubek nebst Anhängen, 2. ein kleines Schriftchen über die Sprache der alten Preussen und Berichtigung Vaters, in polnischer Sprache. Für Ihr gütiges Urtheil über mein Wörterbuch in Ihren Institutionibus bin ich Ihnen sehr verbunden. Den Herren Prof. Jungmann und Hanka bitte ich mich ganz ergebenst zu empfehlen. Mit wahrer Hochachtung habe ich die Ehre zu sein Euer Hochehrwürden ganz ergebenster Samuel Gottlieb Linde.

Bei uns hält sich seit einiger Zeit der Neu-Grieche Demetrius Gobdelas, Studiumdirektor aus Jassy auf. Er hat alles verloren; die Professoren haben ihn von Kopf bis zu den Füssen bekleidet, und bei Professor Jacob wohnt er auch. Er ist ein sehr achtungswürdiger Mann. Er will jetzt ein Werkchen über Alexander den Gr. drucken, dessen Prospect ich beilege. Sollte sich bei Ihnen dort nicht etwas für den armen und doch so würdigen Mann thun lassen? Die Pränumeration ist als ein wahres Almosen zu betrachten. Doch bis dat, qui cito dat! L.

Warschau,
den 23. Octob. 1822.

Рукой Добровскаго приписано: »Lit. Anzeiger № 63. 1822, S. 500. Cadlubek.«

7.

Mein sehr verehrungswürdiger Herr und Freund!

Sie werden bereits durch den jungen Grafen Sobolewski einige Bücher von mir und meine Zuschrift erhalten haben, worin ich Ihnen im Namen unserer gelehrten Gesellschaft und auch in dem meinigen den gebührenden Dank darbringe; Sie werden auch schon die interessante Bekanntschaft unseres vortrefflichen, äusserst humanen Grafen Ignatz Sobolewski, Ministr-Staatssekretär des Königreichs Polen gemacht haben und ein Vergnügen darin finden, ihn mit Ihrem so alterthümlichen Prag recht bekannt zu machen. Jetzt komm ich nun wieder mit einer literärischen Bitte. Soeben bin ich mit der polnischen Bearbeitung des, besonders für uns Polen, äusserst wichtigen Werkes meines Freundes Gretsch in Sct. Petersburg, Versuch einer Literärgeschichte der Russen, fertig und auch eine deutsche Übersetzung, die unter den Augen des russischen Verfassers selbst gefertigt worden, werde ich sogleich herausgeben. Dann möchte ich nun im Polnischen noch ein Paar Bändchen Literärgeschichte der übrigen Slawischen Nationen folgen lassen, um so das Verdienst zu haben meine Polnischen Landsleute nicht nur mit den Mundarten, sondern

auch mit der Culturgeschichte ihrer Slawischen Brüder bekannter gemacht zu haben. Hier brauche ich nun ganz vorzüglich Ihre freundschaftliche gelehrte Hülfe, Belehrung, Unterstützung. Von Ihrer kernigen Literärgeschichte der Böhmen habe ich bis jetzt leider nur die Ausgabe vom 1792; von der reichhaltigen Slowanka nur ein Bändchen. Über die ragusanische Literatur besitze ich bloss das Werk des Piaristen Appendini in 2 Bänden in Klein-Quart, von der wendischen weiss ich nicht viel mehr, als was Euer Hochwohlgeboren in Slawin und der Slowanka und Freund Kopitar in der Sprachlehre sagen. Geehrter Meister, nehmen Sie mich wieder in dieser Hinsicht in die Lehre, so wie ehedem in Rücksicht der Sprache. Gewiss werde ich es mir angelegen sein lassen, von jeder Belehrung den dankbarsten Gebrauch zu machen. Gäbe Gott, dass das herannahende neue Jahr für uns alle ein gesegnetes freudenreiches Jahr sei, dass es auch für das Wohl der Menschheit und für die Wissenschaft ein erspriessliches Jahr sei. Mit diesem herzlichen Wunsche schliesse ich und mit der Versicherung der wahresten Hochachtung, mit der ich lebenslänglich verharre Euer Hochwürden ganz Ergebenster

Samuel Gottlieb Linde.

Verzeihung, dass ich auf einem einzelnen Blatte schreibe um das Briefpaquet nicht zu verdicken.

Sr. Hochwürden Herrn Abbé Joseph Dobrowsky Mitgliede vieler gelehrten Gesellschaften u. s. w. zu Prag.

Warschau,
den 14. Dec. 1822.

8.

Mein sehr verehrungswürdiger Freund!

Welcher ausserordentlichen Aufmerksamkeit haben Sie meinen deutschen Kadlubek gewürdigt! Mit welchem Aufwande von Zeit und Mühe haben Sie alles zu berichtigen, zu begründen gesucht! Sie haben Recht, dass man sich auf die Ossolińskischen Citate nicht verlassen könne; ich machte schon für mich selbst die Entdeckung und berichtigte manches; aber ich hatte dazu nicht einmal alle die nöthigen Bücher und noch weniger die nöthige Zeit. Dann wollte ich Übersetzer seyn, nicht kritischer Überarbeiter. Genug, dass durch mich ein grösseres Publicum die merkwürdige kleine Sammlung polnischer Untersuchungen über den Uranfang unserer Geschichte kennen lernt. In diesen Tagen habe ich eine sehr wackere Recension davon in der Hallischen A. L. Z. gelesen, deren Verfasser ich wohl kennen möchte. Ihre freundschaftlichen Bemerkungen werde ich bei nächster Gelegenheit meinem Freunde Lelewel, jetzt in Wilno, mittheilen. Wie sehr freut mich alles, was mir unser so verehrungswürdiger Graf Sobolewski und auch seine Söhne von Ihnen, mein erprobter Freund, berichten. Gern hätte ich diese Gelegenheit benutzt, Ihnen etwas von unseren literärischen Produkten zu übersenden;

allein ich habe leider nichts bereit. Von meiner Polnischen Ausgabe Gretschens Versuch einer kurzen Russischen Literärgeschichte wird bereits der 9-te Bogen gedruckt. Das Original hat in Russland nicht viele Freunde gefunden; sehr erklärlich! Für uns Polen aber finde ich es nicht bloss brauchbar, sondern halte es für ein dringendes Bedürfniss. Mögen uns mit der Zeit, und recht bald, die Herren Russen was Besseres geben! aber was Ganzes! kein Stückwerk! Da ich verschiedene literärische Anhänge zufüge, so könnte der Band wohl gegen 40 Bogen betragen. Dann möchte ich mich gerade an Ihre böhmische Literaturgeschichte machen. In meinem letzten Schreiben habe ich Ihnen schon meinen Plan zu einer kurzen Geschichte der Literatur der Slawischen Nationen in Polnischer Sprache, zunächst für uns Polen, eröffnet. Darüber habe ich bis jetzt von Ihnen keine unmittelbare Antwort. Der gütige Graf Sobolewski schreibt mir aber, dass Sie mich mit Materialien freundschaftlichst unterstützen wollen und nur einen Leipziger Buchhändler zu wissen wünschten, an den Sie die Sachen für mich adressiren könnten. Ich nenne Ihnen daher meinen alten Universitätsfreund, den verpflichteten Bücherauctionator und Buchhändler Herrn Weigel in Leipzig.

Unsere Gelehrte Gesellschaft der Freunde der Wissenschaften lässt sich für die ihr verehrte Prager Ausgabe der Scriptor. Bohemic., namentlich für den Cosmas höflichst bedanken. Mir freilich wäre es lieber gewesen, wenn Sie dieses Geschenk unserer öffentlichen Bibliothek bei der Universität gemacht hätten, da ich von dieser Bibliothek Generaldirector bin, sie auch nicht nur von mir, sondern auch von dem sämmtlichen gelehrten Publicum weit mehr genutzt wird. Wie arm bin ich in Bohemicis! Von Ihrer Slowanka habe Ich nur den ersten Theil; von Ihrer Böhmischen Literatur fehlt mir die neuere Ausgabe! Ueber die Wendische weiss ich nur so viel, als unser Freund Kopitar seiner Sprachlehre einverleibt hat; für das Ragusanische ist meine einzige Quelle Appendini; Della Bella Wörterbuch habe ich nur in der ersten Ausgabe; Stullii Wörterbuch habe ich gar nicht! Und dazu kommt nun der arge Umstand, dass nnserer Bibliothek der Fond ausgegangen ist, denn im ganzen Lande ist der bitterste Geldmangel. Möchte man doch sonst die Courage verlieren, wenn man nicht grade in literärischen Arbeiten den grössten Trost über die Uebel der Zeit fände! Vermehren und verstärken Sie diesen literärischen Trost mit That und Rath, mein erfahrener Freund; ich werde gewiss von Allem den besten Gebrauch machen. Euer Hochwürden ganz ergebenster Diener und Freund

Warschau,
den 19. Feber 1823.

Samuel Gottlieb Linde.

9.

Mein sehr verehrter Freund und Gönner!

Sie erhalten diese Zeilen aus der Hand meines gewesenen Schülers Herrn Kucharski, der sich bei uns durch einige philologische Versuche in polnischen Zeitschriften etwas bekannt gemacht

hat und vom Staate bestimmt ist, sich zu einem öffentlichen Lehrer der slawischen Dialekte und ihrer Literatur auszubilden. In seiner Instruction ist der Aufenthalt bei Ihnen und die Benutzung Ihrer Anweisungen mit ein Hauptcapitel. Haben Sie die Güte ihm die Weihe zu geben, die von keinem andern so kräftig kommen kann, als von dem so allgemein verehrten Meister. Sollten Sie selbst in der ihm von hieraus gegebenen Instruction Abänderungen nöthig finden, so werden solche hier gewiss mit allem Danke aufgenommen werden.

Gegen das Ende vorigen Jahres erhielt ich erst Ihr mir sehr werthes Schreiben vom 19. August 1824, nebst ein Exemplar Ihrer schätzbaren Untersuchung über Cyrill und Method, ich habe sie sogleich nach Ihrem Wunsche vertheilt und sage Ihnen in unser aller Namen den verbindlichsten Dank. Leid thut es mir sehr, dass unser gute, so fleissige Rakowiecki durch die Ihnen wohl bekannten Schwindeleien so sehr irre geführt worden ist. Auch in unserer polnischen Literatur fängt ein ähnlicher Spuk an. Es ist recht sehr zu wünschen, dass unser Kucharski davor bewahrt bleibe.

Indem ich mich Ihrem gütigen Andenken empfehle, verharre ich mit wahrer Hochachtug Euer Hochehrwürden ergebenster Diener und Freund S. G. v. Linde.

Warschau,
den 29. September 1825.

III. Письма разныхъ лицъ къ С. Г. Линде*).

1.

ЕП. АЛЬБЕРТРАНДИ — С. Г. ЛИНДЕ.

List WPana i przyłączony wypis kilku artykułów z układanego Dykcyonarza Zgromadzenie Przyiacioł Nauk z ukontentowaniem czytało. Utrzymać ięzyk w ten czas, kiedy w dwóch częściach dawnéy Polski przestaie bydź ięzykiem spraw publicznych, nie można inaczey, iak nadaniem mu pewnych prawideł, służących ku wydoskonaleniu i odosobnieniu go od innych dyalektów. Słownik WPana ma tę niepospolitą zasługę, że łącząc wieki w każdym artykule stawiasz dzieie ięzyka w swoiey kolebce, w wzroscie i wydoskonaleniu. Okazuiesz, iak gmin tłumaczy swoie zdania o przygodach mu obecnych, zawstydzasz półmędrka, który niezgrabnie łącząc wyrazy, narzeka na ubostwo ięzyka tam, gdzie z dawnego podania lub pobratyństwa znaydziemy dostatek i obfitość. Uczonego nakoniec miłą nabawiasz pociechą, że w wspaniałey prostocie, w wyrazach mocnych i dosadnych znaydzie wszystko, czego do wydania szlachet-

*) Въ Ягеллонской библіотекѣ.

nego myśli potrzeba. Lecz kiedy celowi dzieła, pracy i Autorowi oddaie zgromadzenie cześć należytą, rozumie obowiązkiem swoiem oświadczyć mu zdanie względem tego, coby w Jego przeświadczeniu do wydoskonalenia tak szacownego dzieła służyć mogło.

1°. W rejestrze autorów znaydzie Zgromadzenie niektórych Pisarzów opuszczonych, a umieszczonych kilka nowych, których imie wzbudza niedowierzanie, czyli ich świadectwo może mieć iaką powagę. Poruczyło zatem Zgromadzenie JP. Tadeuszowi Czackiemu, aby, gdy cieszyć się będzie pochlebnym dla siebie JP. Hrabi Ossolińskiego i WPana przybyciem, udzielił WPanu dzieł, rękopism i uwag nad niektórymi tak dawnymi, iak późnieyszymi autorami.

2°. Przysłane artykuły uważa Zgromadzenie iako zbiór wybornych materyałów; lecz oddaie WPana samego uwadze: że kiedy ięzyk nasz przez zwykłe szedł każdemu dyalektowi doskonalenia się stopnie, nieużywane teraz wyrazy służą do zrozumienia dawnych pism lub historyi Grammatycznéy ięzyka, lecz nie mogą mieć mieysca w obcéy mowie. Tak szanuiemy Reja z Nagłowic, lecz iego wyrazów w Bodze nieprzyymuie dzisieysza mowa. Zdawałoby się więc, aby nieużywaną dzisiay składnią przez iaką cechę oznaczyć. Wyrazy iako też składnia per licentiam wprowadzona powinna bydź wiadoma, aby się iey wystrzegać. Lecz ieśli taka licentia nie będzie wytknięta, czytaiący równie Jagodzińskiego, iak Naruszewicza, Potockiego w Argenidzie, iak Krasickiego używać będzie. Sama więc Nauka prowadzićby mogła do skażenia czystości mowy. Makaronizmy prawnicze, techniczne, o których dość wiele JPan Czacki w swoiém dziele wspomina, powinnyby bydź równie umieyszczone ze znakiem, a osobny znak powinien bydź na makaronizmach, które zepsuty, od wpół siedemnastego do wpół 18-go wieku gust wprowadził. Gminne mówienia i przysłowia powinny mieć mieysce. Są one, iak mówią, mądrością ludu, są po części pamiątką zgasłych zwyczaiów, ale równie ostrzedz należy, że to są gminne wyrazy. Zatem na takie oddziały powinny bydź znaki, których tłumaczenie zapewne na pierwszey karcie znaydziemy tak ważnego i uczonego dzieła.

3-tio. Życzymy sobie słownika Polskiego. Umieszczenie słów z pobratyńskich dyalektów iest potrzebne. Umieszczenie zaś z obcych ięzyków w tenczas tylko powinno mieć mieysce, kiedy od obcego ięzyka iaki wyraz iest pożyczony. Chcemy bydź winni oryginalne dzieło Lindzie, ale nie pragniemy mieć Kalepina.

4-to. Kiedy mówimy o pobratyńskich ięzykach, czuiemy, że niektóre nam spólne narody o rzeczach im bliższych mogły mieć lepsze wyobrażenia. Illiryyski i Rossyyski innostroniec ma różnicę od cudzoziemca: pierwsze słowo oznacza np. żmudzina dla Warszawianina, drugie obcego ziemi. Takie słowa można uobywatelić, iak niegdyś Pszczonka kanclerz Babieńskiéy Rptey sprawiedliwie twierdził. Zgromadzenie bierze na siebie uczynić wybór takich wyrazów i przesłać ie WPanu.

5-to. Etymologia słowa i określenie iego zaczynać powinny artykuł, a do niektórych wyrazów można przytoczyć świadectwo hystoryi. Tak że Dyabo ł powinien się w tym sposobie wymawiać

świadczy Helmond (sic) in Chronica Slavorum. Derivativa Bóg od boię się, seym od iąć się, będą zapewno wyłuszczone we wstępie do Słownika i tam takowego pochodzenia skażesz WPan prawidło.

6-to. Synonima zapewno znaydą mieysce w WPana olbrzymiém, ważnem i uczoném dziele.

7-mo. Jednym trybem każdy artykuł układać, to iest: po opisaniu znaczenia właściwego i etymologii dać przykłady: 1-mo na też przykłady właściwe; 2-do przykłady na znaczenie właściwe rozszerzone przymiotnikami; 3-tio słowami; 4-to przyimkami czyli praepozycyami, zachowuiąc w przyimkach porządek alfabetyczny, a ten rozdzielaiąc na różne właściwego znaczenia modyfikacye; 5-to znaczenie przenośne, maiące cokolwiek związku ze znaczeniem właściwém; 6-to znaczenie wcale odmienne i z pierwotném żadnego niemaiące związku. To ostatnie znaczenie powinno wcale oddzielny artykuł składać; 7⁰ adagia i przysłowia; 8⁰ wyrazy zdrobniałe, zgrubiałe, pogardę oznaczaiące; 9⁰ Derivativa; 10⁰ Synonima, albo wyrazy bliskoznaczne. Dla lepszego wyiaśnienia swey myśli przesyła zgromadzenie rozbiór artykułu o k a.

8⁰. Niewątpiemy, że WPan w przedmowie dasz hysloryą początku ięzyka naszego, iego różnic celnieyszych z pobratyńskiemi dyalektami, zgłębisz, czy mieli nasi przodkowie charaktery słowiańskie. Ten filozoficzny rozbiór spodziewamy się iż stanie obok dzieła de Brosse Mecanisme des langues.

9-no. Dzieło takie nie iest dziełem iednego człowieka. To skromne i prawdziwe Akademii Francuzkiey wyznanie iest wyznaniem WPana. Kiedy nam pozwalasz nad swoią pracą czynić uwagi, my chcemy pomagać WPanu, my Jego chwałę rozszerzyć a dzieło upowszechnić pragniemy. Przysposobienie przez nas zachowa twórcy imię i wzniecać dla niego będzie wdzięczność Narodu. Ofiaruiemy Ci pomoc i pracę naszą: wskaż nam srzodki do usłużenia. Przybądź zacny Mężu do nas. Otoczony ludźmi, którzy Cię współbratem i znakomitą osobą naszego Zgromadzenia z przekonania nazywamy, będziesz miał gotowe zrzódło uwag, które Ci posłużą do wygładzenia tak ważnéy księgi.

Co do innych szczegółów listu WPana, Zgromadzenie ma honor mu donieść: 1⁰ wybrało za swego członka JX. Dąbrowskiego i list z organizacyą, wyłączaiąc 18-ty artykuł, na ręce WPana przesyła. 2⁰ Wybór innych osób zostawiło do czasu, gdy większa liczba iego członków w Warszawie znaydować się będzie. 3-tio Poruczyło Zgromadzenie JX. Dmochowskiemu, aby WPanu przesłał krótki opis naszego Towarzystwa do Jeneńskiey Gazety.

Z ukontentowaniem prawdziwém ceni zgromadzenie WPana gorliwość, wyraża swóy szacunek i pragnie dla pożytku kraiu a Jego sławy mieć dzieło naylepiéy ile bydź może zrobione i nayprędzéy ukończone.

Mam honor z winnym uszanowaniem wyznawać się WPana nayniższym sługą

X. Jan Albertrandi,
Bisk. Zenopolit. P. T.

Z Warszawy,
D. 11. Listopada.

2.

В. ВОДНИКЪ — С. Г. ЛИНДЕ.

Wohledelgeborener, Hochgelehrter Herr!

Der Ruf von Ihrem grossen, slavischen Wörterbuche bestimmt mich, Ihnen beyliegende, vorläufige Nachricht von dem meinigen zu überschicken. Ich habe Ihr Werk noch nicht gesehen, aber von zuverlässigen Männern gehört, dass Sie in demselben alle slavischen Dialekte, und folglich auch unseren krainerschen berücksichtigen. Für diesen letzten Fall vorzüglich erlauben Sie mir gütigst eine Bemerkung zu machen, damit Sie nicht, wenn Sie sich streng nach Bohorizh und den übrigen Schriftstellern über unsere Mundart halten, auch den Irrthümern dieser Männer folgen; Irrthümern, die dem Ausländer nicht leicht bemerkbar, dem gebohrenen Krainer aber auffallend sind. Erlauben Sie mir hier aus mehreren nur das nächste Beyspiel anzuführen. Bohorizh war aus einer Gegend des Landes gebürtig, wo sich im Munde des Volkes das genus neutrum in u endiget. Diese Endung machte er in seiner Sprachlehre zum allgemeinen Gesetzte, und Hippolytus und Markus, die lange nach ihm Sprachlehren schrieben, folgten ihm in diesem Punkte gutmüthig nach. Nur in einem Districte unseres Landes spricht man dieses u, und zwar in jenem, wo die krainersche Mundart nicht am besten gesprochen wird. Uiberall, wo man eine bessere Mundart findet, hört man nur das o, und dieses hört man bey dem grösseren Theile meiner Landleute. Also dobro nicht dobru.

Ferner sind unsere gedruckten Sprachlehren auch über die Orthographie noch nicht einig; die Grammatiker haben in unser Alphabet Buchstaben eingemengt, die wir gar nicht brauchen. Ebenso wenig, als in der Orthographie, bleiben sie sich in der Lehre von den Accenten gleich, und haben darüber noch nichts festgesetzt. Und endlich ihre Regeln über die Syntax! Die sind gar nicht slavisch, sondern lateinisch, denn den grössten Theil der syntaktischen Regeln über das Latein haben sie blindhin auf das krainersche angewendet, ohne sie dem Geiste unseres Dialektes anzupassen.

Es ist demnach leicht erklärbar, warum das meiste, was aus unserem Dialekte in Adelungs und Stulli's Wörterbüchern vorkömmt, ganz unrustig ist, um so mehr, da wir Ausländer nie genug warnen können, unsere krainerschen Wörterbücher mit der grössten Behutsamkeit zu brauchen, da sich in denselben so viele Fehler und eine besondere Menge Unrustigkeiten bey der Angabe der Bedeutungen befinden. An Fehlern dieser Art ist vorzüglich das Dictionarium trilingue des Augustiners P. Markus sehr reich.

Nun wirft sich uns von selbst die Frage auf, wornach wir uns denn halten sollen? Wir haben noch gar keine gute krainersche Grammatik. Dieses Bedürfniss fühlte ich schon lange, und sammle auch seit Jahren an Materialien zu einer besserm, als die bisherigen sind; jedoch bin ich keineswegs eitel genug zu hoffen, ich werde sie, bey diesem Mangel an bessern Vorarbeiten, mit allen Vorzügen

und Volkommenheiten einer recht guten Grammatik ausstatten können. Leider ist auch alles, was wir bisher in unserem Dialekte Gedrucktes besitzen, in dem elendsten Kanzelstile geschrieben; nur einiges Wenige ausgenommen, als z. B. die von Linhart herausgegebene Uibersetzung zweyer Lustspiele; jedoch ist sie nur zum Theile gut; denn Linhart hat sich zu dem Sprachstudium zu spät begeben, und ist zu früh gestorben, als dass seine Schreibart zu einer gewissen natürlichen und kritischen Reinigkeit hätte gedeihen können, die bis jetzt ohnehin noch ein jeder unter dem Landvolke aufsuchen, und da erst den charakteristischen Geist unseres Dialektes kennen lernen musste. Zu dem Besseren in unserer Mundart muss man ferner auch alles rechnen, was bey der neuen Bibelausgabe der würdige Pfarrer Skriner übersetzte, nämlich die Weisheitsbücher, den Isaias und Jeremias nebst den kleineren Propheten und den Büchern der Macchabäer. Endlich glaubte ich auch, meine erst in diesem Jahre unter dem Titel: Pésme sa pokúshino, herausgegebenen Gedichte rechnen zu dürfen.

Diese Anmerkung machte ich absichtlich etwas weitläufiger aus wahrer Achtung für Ihre Bemühungen um die slavischen Dialekte, und aus dem reinen Wunsche, Ihr mühsames Werk so vollkommen als möglich zu sehen, und ich kann Ew. Wohlgebohren ungeheuchelt versichern, dass ich mir das grösste Vergnügen daraus machen würde, Ihren auf Verlangen Berichtigungen über unseren Dialekt einzusenden. Erhalten Sie nur in gutem Andenken Ihren dienstwilligsten

Valentin Vodník,
k. k. öffentlichen, ordentlichen Lehrer der Poësie.

Laibach,
den 1-ten July 1806.

3.

I. ЮНГМАННЪ — С. Г. ЛИНДЕ*).

Wohlgeborner, hochverehrtester Herr!

H. Abbée Dobrowský offenbarte mir, Euere Wohlgeboren wären nicht abgeneigt ein Exemplar des grossen Lexikons demjenigen anzubieten, der solches in Rücksicht auf unseren böm. Dialekt durchgehen wollte. Ich bin so frey Eueren Wohlgeboren diesfall einen Vorschlag zu thun, zu dem mich ein besonderer Grund veranlasst. Ich bin willens mit Hilfe einiger Freunde ein böhmisches Lexicon herauszugeben, an dem schon durch mehrere Jahre gesammelt worden. Ich bin zwar so glücklich durch Güte des H. Ab. Dobrowský das Exemplar der prager gelehrten Gesellschaft gegenwärtig, jedoch auf kurze Zeit in Händen zu haben; allein eine oberflächliche Benützung desselben wäre unverzeihlich. Ich muss es ganz

*) Напечатано у К. І. Петеленца »Listy do B. Lindego«, Sprawozdanie dyrektora gimn. św. Jacka w Krakowie, 1887, str. 48—49.

durchgehen und durchstudieren, und könnte also unter einem das Verlangen Euer Wohlg. erfüllen. Im Grunde wäre wohl ein gut gerathenes böm. Wörterbuch der beste Commentar des böhmisch-slawischen Theils im Słownik Jęz. Pols. Ich will also noch ein Wort über unser Vorhaben schreiben. Der Pfarrherr Puchmayer (Herausgeber mehrerer böhmischen Gedichte), Pfarrherr Nowotný (Herausgeber eines Neuen Testaments), der Lokalist Marek (ein hoffnungsvoller junger Schriftsteller) vereinigen ihre Sammlungen mit der meinigen, mit der ich jene des seligen H. Ab. Prochazka und des H. Ab. Dobrowsky so wie des verstorbenen Pissely bereits einverleibt, des Weleslawini Silva quadrilinguis und andere Quellen ganz erschöpft habe. Auch das Exemplar ms. Rosa's nach H. Zlobitzky besitze ich durch Güte des Herrn Ab. Dobrowský. Wollten Euere Wohlgeboren durch die Offerte eines Exemplars Dero vortrefflichen Wörterbuchs dieses Unternehmen befördern, so würden wir, nebst öffentlichem Danke, zu seiner Zeit uns das Vergnügen machen mit einem, oder auf Verlangen, auch mehreren Exemplaren des unsrigen Euer Wohlgeb. zu beehren. Zwar können wir uns aus ökonomischen Rücksichten auf ein so voluminöses Werk, wie Słownik Jęz. Polskiego, nicht einlassen; doch werden wir uns bestreben ihm die möglichste Vollständigkeit zu geben. Indem ich bitte dieses Ansuchen gütigst zu entschuldigen, und im Fall der Gewährung das Werk entweder an Herrn Ab. Dobrowský, oder lieber gleich an mich zu addressieren, dessen Porto, wie sich's von selbst versteht, ich berichtigen will, ersuche ich zugleich gehorsamst mir Dero Entschluss zur ferneren Nachachtung baldmöglichst zu eröffnen, der ich in jedem Falle mit unbegränzter Hochachtung bin Euer Wohlg. ergebenster Diener und Verehrer

Leutmeritz,
den 22. Mai 1814.

Joseph Jungmann,
Professor des Stils (weltlich) an k. Gymnasium
in Leutmeritz.

4.

И. СОБОЛЕВСКІЙ — С. Г. ЛИНДЕ.

Monsieur,

Je me suis empressé de présenter à Sa Majesté Impériale et Royale l' hommage que Vous Lui faites de Votre traduction Allemande de la Vie de Kadłubek suivie de différentes recherches sur les plus anciens historiens Polonois. Sa Majesté a daigné agréer avec bonté ce nouveau fruit de Vos travaux, qui doit servir à répandre dans le Pays étrangers des connaissances plus exactes sur notre littérature nationale.

L' Empereur et Roi se plait à Vous renouveller à cette occasion les assurances de la satisfaction particulière qui Lui font éprouver les témoignages nombreux du discernement avec lequel Vous

savez utiliser les momens de Vos loisirs. Continuez, Monsieur, à Vous consacrer avec une égale assiduité à des travaux aussi utiles qu' intéressants, sans cesser de vouer des soins actifs à la direction des études d' une jeunesse dont la conduite est confiée à Votre surveillance et Vous trouverez la plus noble récompense dans la conscience d' avoir doublement mérité de Votre Souverain et de Votre Patrie. J'ai l'honneur d'être etc. Ig. Sobolewski.

St. Pétersbourg,
le 8/20 Novembre 1821.

A Mo de Linde Recteur du Lycée de Varsovie etc.

IV. Письма разныхъ лицъ къ I. Добровскому*).

ЕП. АЛЬБЕРТРАНДИ — I. ДОБРОВСКОМУ.

Illustrissime et Reverendissime Domine,
Vir ornatissime.

Quam jure merito ex assidua optimarum disciplinarum cultura consecutus es famam, ea nos studiis si non paribus, at certe similibus intentos latere non potuit. Itaque in concepta de Te existimatione, cum caeteris omnibus, quos sinu suo complectitur Respublica literaria, conspiramus. Sed est, quod Tui apud nos pretium in immensum augeat, Teque nobis longe reddat clariorem. Compertum enim habemus, quanto, non modo patriae Tuae linguae excolendae studio teneare, sed etiam, quanto mentis ardore illustrandam illam susceperis, unde et Tua, et quae cognatione cum illa conjunguntur linguae sunt derivatae. Audivimus alii, alii etiam vidimus longissima et plena fastidii itinera suscipientem, remotissimas regiones adeuntem, undecunque vetera illius linguae monumenta conquirentem, discutientem, inque clarissima luce collocantem, vitam denique ipsam laboris fructum plurimis nationibus, una stirpe prognatis allaturo impendentem. Jam cum et nobis singulis seorsim, et universae societati nostrae propositum sit, sin minus primigeniae omnium nationum, quibus Slavicarum inditum est nomen, linguae dignitatem tueri, certe patriam nostram, ab interitu praestare tutam, et veterum gentilium nostrorum famam literariam ad aetates consecuturas propagare, operae pretium nos futuros putavimus, si quorum eadem sunt studia, pares propensiones, eorum auxiliis niteremur. Neque in ea re diutius nobis circumspiciendum fuit. Unus Tu potissimum, omnium in oculis, omnium in ore versabare, cognata nobis gente editus, linguae, qua nulla ad nostram propius accedit, studiosissimus, vetustatis harum omnium nationum peritissimus, monumentorum ad eas spectantium solertissimus indagator, quique, quod eam, quod ei affines spectaret,

*) Въ библіотекѣ Чешскаго Музея.

per illas remotissimae vetustatis densissimas tenebras indefessus scrutarere. Te itaque, quod pro comperto habemus, famae nostrae literariae, linguae, gentisque studiosissimum, utpote qui probè scires, quam exiguis gentes ambae, Tua nempe et nostra finibus discriminentur, Te, inquam, in partem laborum nostrorum vocandum, atque in coetum nostrum cooptandum duximus, nulla alia obstrictum lege, praeterquam ut interdum Tuorum nos conscios facias laborum, et sicubi necessitas gravior ingruerit, Tuae nos eruditionis praesidiis velis suffulcire: in quo ne ultra justum molesti simus diligenter cavebimus. Ea res omnium nostrum fixa fuit, ac constabilita consensione anni superioris mense Majo, sed dum alii aestivo tempore, ut hic mos est, rus concedunt, dum alii dispicimus qua certa id ad Te praescribere oportunitate, ne literae nostrae interirent, possemus, plures menses abeunt, resque in haec tempora differtur. Non est quod conqueraris nos id Te inscio fecisse, neque enim Te inconsulto fecimus, consilium a Tua fama, a Tuis studiis, ab animi Tui inclinatione exposcentes.

Vale, Vir ornatissime, nosque Tuis, quorum causa plurimum satagis, contribulibus et gentilibus annumerandos puta.

Illustrissime et Reverendissime Domine Vir Ornatissime Tuus ex animo obsequentissimus servus

Joannes Bapt. Albertrandi,
Episcopus Zenopolitanus Soc. Lit. Vars. Praeses.

Varsaviae in consueto Societatis nostrae consessu
XV. Kal. Februarii 1804.

Ю. У. НѢМЦЕВИЧЪ — І. ДОБРОВСКОМУ.

1.

Zacny i Szanowny Mężu!

Pan Hrabia Zamoyski za przybyciem tu swoim oświadczył mi pamięć waszą, Szanowny Mężu, oraz wymówkę, żeśmy się nie widzieli na wyjezdnym. Byłoby dla mnie wielce żałośnem, gdybyście mogli rozumieć, że odebrawszy od niego tyle uprzejmości, mogłem się był oddalić bez podziękowania mu za nie i pożegnania, powiem więc, żem był pokilkakroć w mieszkaniu waszem, alem je zawsze zamkniętym znalazł. Było zawsze chęcią moją najżywszą (ile bez narażenia się być mogło) korzystać z miłego towarzystwa waszego, bom nieodszedł nigdy od was, bez zbogacenia umysłu ważnemi wiadomościami. Pamięć spędzonych z nim chwil, tak przyjemnie, tak pożytecznie, zachowam na zawsze. Poczytał bym za szczęście, bym Go mógł jeszcze oglądać, ale w dzisiejszych okolicznościach ciężko w Pradze cudzoziemcowi przebywać. Radbym, by Warszawa dość mieć mogła powabów, byście do niej zawitać raczyli. Ubiegalibyśmy się wszyscy, by Mężowi tak zasłużonemu w słowiańskim narodzie pobyt ten przyjemnym uczynić. Niech przynajmniej Towarzystwo

Warszawskie korzysta z świateł kolegi a częste od niego miewa odezwy, dla wspólnego dobra wielkiego słowiańskiego narodu powinniśmy się często znosić. Żyj, mężu szanowny, pomyślnie i długo i racz mię zaszczycać przyjaźnią Waszą. Najniższy sługa

Julian Ursin Niemcewicz.

P. S. Jak wyjdzie druga edycya Dziejów Literatury czeskiej, upraszam o nią.

Z Karlsbad,
dnia 17 Lipca 1813.

2.

Szanowny Mężu!

Przez jadącego do wód Karlsbadzkich brata mego z największem zadowolnieniem przypominam się pamięci męża, którego przyjaźń i znajomość jest dla mnie największym zaszczytem. Raczcie być łaskawem na niego jak na mnię i wskazać mu, co stolica wasza ma najciekawszego. O Pobratniej Literaturze naszej miałbym wiele do doniesienia, lecz już dzienniki niemieckie o przedniejszych doniosły. Rektor Linde skończył swój szacowny Słownik. P. Bendkowski Historyę, czyli raczej materyały do Historyi Literatury Polskiej. Pan Wojewoda Potocki podał już do druku dwa ważne dzieła, jedno o pięknych sztukach, drugie o wymowie. Inni rozebrali pisanie dziejów Narodowych, mnie się dostało panowanie Zygmunta III-go. Odzywam się jednak i do inszych robót, wkrótce wydam Bayki, dwie dramatyczne sztuki moje przesyłam Patryarsze Literatury Słowiańskiej. Z rozkoszą widzę, że wszystkie pobratnie narody nasze biorą się do wydoskonalenia i rozkrzewienia języka. Najświadomszy sam tego, racz mię, Szanowny Mężu, nauczyć, coście sam i inni w Czeskim języku swieżo napisali. Bądźmy staranni i gorliwi w cześć Słowiańszczyzny, liczny i potężny Ród nasz nadto jest zapomnianem a często krzywdzonem. Bodajby nam Bóg Szanownego Męża zachował w powodzeniu i zdrowiu najlepszem.

Julian Ursin Niemcewicz.

Z Warszawy,
28 Lipca 1819.

А. ГРАБОВСКІЙ — І. ДОБРОВСКОМУ.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Proszę mi darować, że uważając Pana za współrodaka ile Słowianina, piszę w własnym języku: Polak z Czechem porozumieją się w swojej mowie i bez wspierania się obcą potrafią się obejść.

Przed niejakim czasem odebrałem z Warszawy paczkę xiążek, nadesłaną dla Pana przez Towarzystwo Warszawskie Przyjacioł Nauk; takową paczkę wysłałem do Pragi deliżansem, pod tym samym co i niniejszy list adressem. Oddanie zaś na pocztę nastąpi w Austryi, dokąd ją przy sposobności wyprawiłem.

Zwrot jednak kosztów portoryjnych od tejże paczki wynosi ryńskich 6 w papierach Wiedeńskich; które to sześć ryńskich zechciej Pan odesłać do Wiednia z załączonym tu listem.

Wyznaję moje najnależniejsze uszanowanie.

Ambroży Grabowski.

Kraków,
d. 28 Lutego 1818.

C. МАЛЕВСКІЙ — І. ДОБРОВСКОМУ.

Jaśnie Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Jako do Literata wsławionego w Sławiańszczyznie pisząc od Uniwersytetu w Stolicy Litewskiej, gdzie dyalekt używany iest Polski, będący w bliskim stosunku z ięzykiem Sławiańskim iako swoim zrzódłosłowem, ośmielam się używać tegoż ięzyka Polskiego. Uniwersytet Wileński na dowód swoiego uszanowania i szacunku prac Jego literackich światu uczonemu znanych, a szczególniey iako męża w literaturze sławiańskiey pożytecznie pracuiącego, na mocy przywilejów sobie od Nayłaskawiey panuiącego Cesarza Alexandra I nadanych, w posiedzeniu Akademickiem Uniwersytetu na dniu 15 Marca Jaśnie Wielmożnego WMPDobrodzieja na Członka swego honorowego iednomyślnością wybrał. O czem w Imieniu tegoż uniwersytetu uwiadamiaiąc, mam zaszczyt dołączyć Patent na tę godność przy wyrażeniu mego osobistego naywyższego szacunku, z którym mam honor zostawać etc.

Symon Malewski,
Radca koll., Prof. wysłużony i Rektor Cesar.
Wil. Uniwer.

P. S. Przesyła się ta expedycya na ręce X. Michała Bobrowskiego Adjunkta Uniw., wysłanego za granicę dla doskonalenia się w naukach Teologicznych i ięzykach oryentalnych, który w czasie wakacyi z Wiednia ma zjechać do Pragi i oddać JWM. Panu Dobr. to pismo z Patentem, którego odważam się polecać jego światłym radom i pomocy w iego przedmiocie.

N 192.
dnia 15 Czerwca 1818 roku.

JW. X. Kanonik Dobrowski.

I. M. ОССОЛИНСКІЙ — I. ДОБРОВСКОМУ.

1.

Naypierwszy exemplarz mego dzieła, który dopiero co od księgarza odebrałem, mam honor WMPanu ofiarować. Należy się ten hołd Patriarsze Litteratury Słowiańskiej, który ją wskrzesił, wyjaśnił, zbogacił, zajął w nią wszystkie pojedyńcze licznych niezmiernego tego szczepu od ziomków, w szczególności też mojego narodu zaletą swoją zaszczycił i oddał sprawiedliwość pracom moich współziomków. Radbym, żeby postrzeżenia moje w życiu Kadłubka kreskę WMP zyskały. Przekonanym, że ich pod przyzwoitszy sąd poddać niemogę. Pokazuje mi się w moich Polakach podwójna dzielnica: jedna Chrobatów wspólna z Czechami, druga Lachów, która za czasem z owej się pomnożyła. To samo już dowodzi, jak się ściśle wiążą Czeskie i Polskie dzieje oraz dzielą korzyść uczonych dochodzeń WWMP. Nieskończenie żałuję, że chociaż wcale nierad muszę w tym czasie oddalić się do Galicyi. Nie powinno by to pozbawić mnie honoru mieszczenia w domu moim WWMP. Zostawię do tego stosowne rozporządzenia. Polecam się etc. Życzliwy, najniższy sługa

Ossoliński.

Wiedeń,
10. Marca*) 1818.

2.

Euer Hochwürden!

Der Uiberbringer dieses Briefes ist Herr Canonikus Bobrowski, welchen die Wilnaer-Universität zur Erlernung orientalischer Sprachen in Ausland schickte. Die auf ihm gefallene Wahl der Universität spricht schon zu seinem Vortheile; und indem ich ihn Ihrer Güte empfehle, benutze ich zugleich die Gelegenheit Ihnen meinen innigsten Dank zu zollen für die Uiberschickung Ihrer vortrefflichen Werke, welche so viel Licht über die slavische Literatur und Geschichte verbreiten, und welche für mich sehr belehrend waren. Ich hoffe, dass Sie doch schon einmahl Wien besuchen werden, und schmeichle mir, dass Sie dann nirgends anders als in meiner Wohnung werden absteigen wollen, wo alles zu Ihren Diensten bereit ist. Ich verbleibe etc.

(подписано:) Ossolinski.

11. Febr. 1819.

---

*) Карандашомъ рукой Копитара: lege Apr.

3.

Verehrtester Patriarch*)!

Empfangen Sie meinen innigsten Dank für die Güte, mit welcher Sie sich die Nachsuchung über den Sendivogius haben gefallen lassen. Ich war schon auch so glücklich das Büchlein selbst enthaltend Sendivogii Leben aufzutreiben.

Ihre unschätzbare Willfährigkeit ermuthiget mich zu einer neuen Bitte, nähmlich: Sollte in Prag die Original-Ausgabe von *Sendivogii Novum lumen chymicum 1604.* vorhanden seyn, so möchten Ew. Hochwürden dieselbe gütigst mit denjenigen vergleichen, die in Mangeti Bibliotheca chymica beschreiben sind, und mir die Unterschiede anzeigen. Ein Exemplar meines Orzechowski habe ich dem Hrn. v. Kopitar für die Prager gelehrte Gesellschaft übergeben; ich bitte also Ew. Hochwürde als die Zierde und den Vorsteher derselben um eine gütige Aufnahme. Genehmigen Sie die Versicherung meiner Verehrung und ausgezeichnetsten Hochachtung. Ew. Hochwürden unterthänigster Diener Ossoliński.

Wien,
3. May 1823.

ЕП. ЯНЪ ВОРОНИЧЪ — І. ДОБРОВСКОМУ.

Ex quo tempore Te Pragae primum vidi, cum illac ad thermas Carolinas iter facerem, tantâ me Tibi benevolentiâ devinxisti, ut studio et amicitia Tua nihil mihi esse jucundius existimem. Cum itaque D-nus Kucharski hinc proficiscatur Pragam, non potui officio meo deesse, Teque non facere certiorem de mutuo, eoque gratissimo in Te animo.

Duo sunt praeterea, quae me ad scribendum Tibi impellunt: alterum est, uberes fructus, quos literatura Slavonica ex doctis monimentis tuis non dubie consequitur gratulari: alterum, praedictum D-num Kucharski omni quo possum modo Tibi commendatum habere. Hic annuente Augustissimo Imperatore Rossiae ac Rege Poloniae peregre proficiscitur eo sane fine, ut variarum dialectuum Slavonicae linguae comparata notitia, eandem postmodum in Universitate Varsaviensi rei litterariae commodo traderet. Non dubito, quin idem Pragae longiori tempore subsistat, opemque tuam frequenter exposcat: non enim ignorat, quantum valeas auctoritate, doctrinâ, atque consilio.

Hunc itaque ut adjuves in iis, quae ei conductura existimaveris, magnopere abs Te peto. Caeterum, si quid est in me, quo Tuae voluntati gratificaturus sim, id Tibi pro voluntate adesse arbitrare. Vale. —

(m. p.) Joannes Woronicz
Eppus Cracov.

Cracoviae,
V. Non. Decemb. MDCCCXXV.

---

*) См. Ягича, Источники, II, 628. Письмо это находилось въ бумагахъ Ганки, откуда и извлечено нами.

V. Письма С. Г. Линде къ П. И. Кеппену *).

1.

Mein sehr würdiger Gönner und Freund!

Es ist doch halt gar eine schwere Sache, mit den lieben Herren, die in der Welt so viel herumreisen, oder vielmehr herumfliegen, wie Euer Hochwohlgeboren, zu thun belieben. Da ist nun fast ein ganzes Jahr der edeln Zeit verflossen, und ich habe auch nicht ein einzigesmal an Sie schreiben können, denn ich wusste nie wohl, wohin? Aus Danzig hat mir mein guter Bruder eine solche Beschreibung von dem Herrn Hofrathe gemacht, dass sich daraus ergibt, man sey dort ganz in Sie verliebt worden. Auch aus Dorpat habe ich von Freund Morgenstern Briefe, worin er Euer Hochwohlgeboren mit vieler Liebe gedenkt. Unser Chłędowski lässt sich für Ihr freundschaftliches Andenken bestens bedanken; in seine Hände habe ich, wie Sie aus beyliegender Quittung ersehen, für ein Facsimile zu Dero Gebrauch dem Calligraphen Raczyński zwey und zwanzig Floren polnisch gezahlt. Mit dem grössten Verlangen sehen wir nunmehr der Herausgabe der von Ihnen im Auslande gefundenen slavischen Alterthümer entgegen, nicht weniger der in Russland gefundenen, für deren Verzeichnisse wir ganz ergebenst danken. Mit dem Grafen Tarnowski habe ich in der kurzen Zeit von Gestern und Heute noch nicht sprechen können, werde es aber nicht unterlassen, ihm Ihre Wünsche ans Herz zu legen. Unserm Sierakowski habe ich bereits vor ein Paar Monaten das ihn Betreffende aus den Wiener Jahrbüchern mitgetheilt; er hatte eine nicht geringe Freude darüber und lässt Sie recht herzlich grüssen. Das Packet an Herrn Bandtke nach Krakau soll bestens besorgt werden. Auch unserm Minister Grabowski werde ich bey der ersten Gelegenheit Ihr Compliment ausrichten, so auch dem jungen Krasinski; Freund Busse wird vielleicht gleichzeitig mit diesem meinem Schreiben bey Ihnen erscheinen. Über die Ba—insche Geschichte kein Wort! Denn ich habe blos so etwas in Publico gehört; nichts Authentisches, und in fremde Sachen mische ich mich nicht. Überhaupt habe ich mit der Welt viel zu wenig, um etwas von Ihrer chronique scandaleuse zu wissen. Ich empfehle mich Ihrem freundschaftlichen Andenken und bin mit wahrer Hochachtung Euer Hochwohlgeboren ganz ergebenster S. G. Linde.

Sr. Hochwohlgeboren Herrn Peter von Köppen, kaiserl. russischen Hofrath, Mitglied der Academie u. s. w. in Sct. Petersburg.

Warschau,
den 3. Juli 1824.

Помѣта Кеппена: »Erh. d. 7./19. Juli 1824«.

*) Въ бумагахъ П. И. Кеппена, въ библ. Имп. Акад. наукъ.

2.

Euer Hochwohlgeboren

müssen es nun schon meiner Saumseligkeit zu Gute halten, dass ich in den zwey Jahren, seit ich Ihres mir sehr angenehmen, ehrenvollen und denkwürdigen Umgangs in Warschau, dann in Baden und Wien genoss, keine Zeile an Sie direct geschrieben habe. Äusserst ungern behellige ich jemandem mit meinem unleserlichen Geschmier und gebe lieber Personen, die ich so liebe, achte und ehre, wie Euer Hochwohlgeboren, indirecte Beweise meines liebenden Andenkens durch freundschaftliche Grüsse von der zweiten Hand, durch Chłędowski, durch Anastasewicz und durch Erfüllung ihrer Aufträge, wenn ich deren nur fähig bin. Für jetzt aber muss ich nun doch endlich einmahl meinen Dank aussprechen für den auffallenden Beweis ihrer gütigen Freundschaft; recht sehr verbunden bin ich Ihnen und vielleicht mehr, als das ganze übrige slavische und unslavische Publicum, für Ihre trefflichen Litteraturblätter, denen ich den besten Fortgang und Erfolg vom ganzen Herzen wünsche. Recht sehr viel Vergnügen hat mir auch der köstliche Tolstoische Handschriften-Katalog gemacht; hätten wir Polen doch dem was Ähnliches aufzuweissen. Euer Hochwohlgeboren sind ein wahres Muster eines durch keine Schwierigkeiten, Unannehmlichkeiten, Verluste niederzubeugenden Muthes und Ihre unermüdete Arbeitsamkeit und vielfältiges Wissen erregt meine Bewunderung und leise Verehrung. Zweifeln Sie also doch ja keinen Augenblick an diesen meinen Gesinnungen und Empfindungen, wenn es auch noch so selten zur schriftlichen Äusserung kommt; seyn und bleiben Sie fest überzeugt, dass ich mit unveränderlicher Hochachtung verharre Euer Hochwohlgeboren ergebenster Freund und Diener S. G. v. Linde.

Sr. Hochwohlgeboren dem kais. russ. Hofrathe Herrn Peter v. Köppen, Ordensritter u. s. w. zu Sct. Petersburg.

Warschau,
den 1. August 1825.

Помѣта Кеппена: »Erh. d. 12. Aug. 1825.«

3.

Euer Hochwohlgeboren habe ich die Ehre, auf Ihre freundschaftliche Zuschrift v. 29. Aug. v. st. freundschaftlichst zu bemerken, dass es mir fast unbegreiflich ist, wie in der Rumiancofischen Bibliothek von meinem Wörterbuche die drey letzten oder, wie Sie später Herrn Chłędowski geschrieben haben, die zwey letzten Bände fehlen sollen. Unser Freund Busse, der die Bibliothek genau kennt, behauptet, dort zwey vollständige Exemplare gesehen zu haben, vielleicht sind einzelne Theile nach Homel oder Kasan gekommen. Auf jeden Fall könnte ich die fehlenden Theile nicht anders ersetzen, als

durch Aufopferung eines ganzen vollständigen Exemplars, das jetzt nicht anders als zu 12 # in Gold verkauft wird. Bey Herrn Büchercommissionar Meyer habe ich eine Niederlage von 50 Exemplaren, und ich bitte Euer Hochwohlgeboren recht sehr, deren Abgang zu befördern.

Von meinem etymologischen Versuche habe ich keine besonderen Exemplare mehr; ich habe Ihnen aus einem ersten Bande die nöthigen Bogen herausgenommen, und diese verwahre ich Ihnen als einen Beweis meiner wahren Achtung.

Von Ihren so wichtigen Litteraturblättern hat unsere öffentliche Bibliothek bisher kein vollständiges Exemplar, blos die Nummern hat sie, auf denen sich das Verzeichniss der slavischen Incunabeln befindet.

So habe ich auch durch Ihre Güte ein Exemplar von dem köstlichen Tolstoischen Manuscripten-Kataloge erhalten, allein bis jetzt fehlen mir dazu die Facsimilen, und das ist ein sehr wichtiges Stück.

Behalten Sie mich in Ihrem gütigen Andenken; des meinigen seyn Sie gewiss. S. G. v. Linde.

Warschau,
den 30. Sept. 1825.

Помѣта Кеппена: »Erh. d. 2./14. Oct. 1825«.

4.

Verzeihung, mein sehr würdiger Freund, dass ich zwey Paar gütiger Aufforderungen abgewartet habe, ehe ich mit der schuldigen Antwort auftrete. Statt des verlangten Commentars sende ich Ihnen die Nürnberger Statutenausgabe v. 1512 selbst, wo Sie an dem bezeichneten Orte das Nöthige finden, um darnach Ihr Facsimile zu berichtigen. Wichtiger noch muss für Sie die slavische Vaterunser-Sammlung seyn, die der Krakauer Bandtke bey Korn herausgegeben hat, und wo Sie an der bezeichneten Stelle das Vaterunser ganz so finden, wie es die Nürnberger Ausgabe der Statuten hat. Sie sehen also daraus, nach welchen Handschriften dieses geschehen, und von den Bandtke-ischen Noten lässt sich ein solcher Gebrauch machen, dass alles Übrige überflüssig erscheint. Haben Sie die Güte, mir diese beyden Bücher nach gemachtem Gebrauche wieder zurückzusenden, denn sie sind mir unentbehrlich. Für die Completierung Ihrer so lieben Bücher für die Bibliothek sage ich Ihnen den verbindlichsten Dank. Ihre freundschaftlichen Aufträge werde ich so gut, wie möglich, besorgen. Ihr aufrichtiger Freund S. G. v. Linde.

Warschau,
den 29. Sept. 1826.

Помѣта Кеппена: »Erh. d. 5. Oct. 1826«.

VI. Письма Г. С. Бандтке къ П. И. Кеппену*).

1.

An Sein Wohlgeb. H. Peter von Koeppen kais. Russ. Staatsrath.

Hochwohlgeborner, hochzuverehrender Herr Staatsrath!

Für Ihr kleines, aber inhaltsschweres Büchlein sage ichm einen tiefsten Dank. An Linde habe ich nach Warschau das Exemplar richtig befördert, und er hat es auch erhalten, denn der Ueberbringer hat mir darüber ein Recepisse gebracht. Ich wünschte wohl, dass ein litterarisches Journal, z. B. die Hallesche oder Leipziger, oder Jenaer Zeitung, dies Werk in die Correspondenz-Nachrichten einrückte, damit es weiter bekannt würde.

Was macht H. Berezin? Machen Sie ihm meine Empfehlung. Ich lege für Sie und ihn ein Paar Programmata bey, wo der Ptolemaeus darin figurirt, welchen ich habe ausflicken lassen. Sie erinnern sich wohl, dass Sie beyde mich darzugebracht haben, über Papier und alia der Handschrift zu denken. Also gehört auch eine pars magna Ihnen beyden zu. Meine Druckergeschichte von Polen ruht noch, weil man mir kein Honorar dafür geben will, und ich doch etwas für mich und meinen Mitarbeiter haben wollte. Vielleicht gelingt es mir denn doch eine Lumperey zu bekommen, und dann ist es mir sehr lieb, denn den H. Buchhändlern etwas abzulocken ist doch so gut, als dem Ocean ein Stück Land abzugewinnen.

Wenn Sie wieder etwas herausgeben, so schicken Sie es mir nur gütigst. Ich nehme es mit Dank an und befördere auch Beilagen pflichtmässig und gern.

Mit der grössten Hochachtung bin ich stets Euer Wohlgeboren unterthänigster Diener Georg Sam. Bandtke.

Krakau,
den 2. April 1823.

Eben als ich diesen Brief fertig, habe ich von Izdebnik Dero Schreiben an die Universität d. d. 21. März (2. April) erhalten, nebst Deren neuem Geschenke für dieselbe, der Recension von Raoul Rochette. Zur grössten Freude finde ich am Ende derselben, dass Sie mir wohl kürzer im XX. Bd. W. Anz. eingerückt ist. Diesen Band habe ich noch nicht, werde ihn aber wohl bekommen. An H. Baron v. Mednanský habe ich nach dem 17. April geschrieben, obgleich das Packet von Izdebnik war, so denke ich, verweilen Sie noch in

*) Въ бумагахъ П. И. Кеппена, въ рукописномъ отд. библіотеки Имп. Академіи Наукъ.

Wien, und ich sende Ihnen also diesen meinen Brief nach Wien nebst 2 Programmatibus. Aus den Taschenbüchern des H. Baron v. Mednanský und Hornmayer (sic) habe ich sehr vieles gelernt. Ich würde sehr undankbar seyn, wenn ich nicht meinen schuldigsten Dank dafür abstattete. Ich habe dies pflichtmässig auch nun gethan nebst Entschuldigung, warum es nicht eher geschehen.

G. S. Bandtke.

Nordgestade des Pontus ist mir sehr interessant.

Krakau,
den 12. April 1823.

Помѣта Кеппена: »Получ. въ Вѣнѣ 9./21. Апрѣля 1823 года.«

2.

An H. Hofrath Peter von Koeppen Hochwohlgeb. Gn.

Hochwohlgeborner, gnädiger Herr!

Sie sind so gütig, immer an meine Wenigkeit zu denken und beschenken mich und die Krakauer Universitätsbibliothek so oft und so grossmüthig, dass ich nicht weiss, mit welchen Worten ich meinen Dank Ihnen abstatten soll. Ihr letztes Geschenk an mich Bibliograficzeskie Listy Nro. 1. 2. habe ich durch H. Linde von Warschau empfangen, und eine Anonce davon ist auch in H. Chłędowski's Monitor vorgekommen, dass H. Bentkowski in Warschau und meine Wenigkeit in Krakau Ihnen Beiträge liefern werden. Nun ja wohl Bentkowski, der der grossen Welt näher ist, mag es allerdings eher thun können, aber meiner Wenigkeit gibt das Schicksal wohl weniger Gelegenheit, Ihnen zu dienen, denn in Krakau selbst kommt doch viel zu wenig heraus und ungeachtet ich von allem, was herauskommt, 2 Exemplare für die Bibliothek bekommen soll, so entwischt mir doch manches, wenn ein Verfasser etwas auf seine Kosten drucken lässt, ohne dass es gerade meine Schuld ist. Doch will ich mir Mühe geben, Ihnen von dem, was ich erfahre, Nachricht zu geben, aber gewöhnlich werden es wohl sehr unbedeutende Nachrichten seyn. Man hat auch selten eine Gelegenheit nach St. Petersburg. Um etwas aber von dort zu bekommen, braucht es bey uns eins Jahr oder zwey. So langsam geht unser Buchhandel über Warschau.

Das Beste, was bey uns 1824-25 herausgekommen ist, ist des H. Praeses Grafen Wodzicki Stan. Excellenz ed. II.: O hodowaniu, użytku, mnożeniu i poznawaniu drzew, krzewow, roślin i ziol celnieyszych ku ozdobie ogrodow przy zastosowaniu do naszey strefy, Dzieło miłośnikom ogrodow poświęcone przez Stanisława Wodzickiego Tom I. w Krakowie, w druk. Jozefa Mateckiego 1818. 8-vo majori. Tomus I. ist wider neu vermehrt, viel schöner herausgekommen 1824. 608 S. Tom. II. III. ist bey Matthias Diedzicki auch in Krakau erschienen 1820 und nun Tom. IV., welcher Zusätze zum

2-ten und 3-ten Theil enthält, 540 S. auch bey Matecki 1825. Dieses Werk enthält einen grossen Schatz von Kenntniss in der Naturgeschichte der Pflanzen.

Wir möchten Ihnen die Roczniki Towarzystwa Naukowego schicken, aber wie können wir das, ohne Ihnen grosse Kosten zu machen? Auch an die Gesellschaft der Litteratur, welche uns so gütig den Sorewnowatel zusendet, möchten wir das auch thun, aber es ist so weit von uns und die Expeditionsschwierigkeiten auf den Kammern sind nicht unbeträchtlich. Die Wahrheit zu sagen, mag ich von unsern Roczniki-Annalen weder etwas Gutes, noch Böses sagen. Doch nein, es sind allerdings auch einige gute Abhandlungen dabey, die Ihren Beyfall wohl erhalten könnten.

Was in Warschau herausgekommen ist, das melde ich Ihnen nicht, denn das erfahren Sie von dorther besser.

Dies Jahr ist bey uns erschienen aus dem Französischen übersetzt von Mademoiselle Thecla Koch: Maria Leszczynska Królowa Francyi 1825. 12-mo. Marie Leszczynska Reine de France. 12-mo recht gut gerathen. Es ist Stanislaw's Leszczynski Tochter diese Königin von Frankreich, Ludwig XV. Gemahlin.

Cecylia czyli niedobrane małżeństwa. Roman z Francuskiego, w Krakowie w drukarni Jozefa Mateckiego 1825. 8-vo 204 S. Das Original scheint mir nicht weit her zu seyn, die Übersetzung ist recht gut und fliessend. Das Original kenne ich nicht, doch vielleicht ist auch das Original gut.

Nun bleibt mir nichts mehr übrig von Krakau zu schreiben. Also noch etwas Weniges von mir selbst.

Von meiner Buchdruckergeschichte Polens sind nur in einem Jahre 6 Bogen gedruckt. Also glaubte ich, dass es doch am Ende in 10 Jahren damit zu Ende kommen könnte. Nun ist man wieder aufgewacht, und das Buch ist bis N., also bis zum 13. Bogen vorwärts gerückt. Dies ist etwa $^1/_4$ des Ganzen. Wie es herauskommt, werde ich nicht ermangeln, Ihnen ein Exemplar zuzusenden.

In Posen hat Trojanski eine gute lateinische Grammatik herausgegeben ed. II. 1824. Muczkowski (Jozef) Grammatyka języka polskiego zebrana przez Jozefa Muczkowskiego, w Poznaniu, nakładem wydawcy, w księgarni J. A. Munka 1825. 8-vo 229 S. Diese kleine Grammatik scheint mir viel Gutes zu haben. Die neue Theorie der Verborum, der der Verfasser selbst nicht recht trauen will, gefällt mir nicht.

Warum ist er von Kopczyński abgegangen, dessen Asche oder Schatten, Cieniom, er sein Buch gewidmet?

Wenn Sie etwas von diesen kleinen Notizen benützen wollen, so thuen Sie es ja nicht unter meinem Nahmen. Polnische Schriftsteller wollen nur lauter Lob haben. Sie wollen, dass man Ihnen niemals widerspricht.

Ich empfehle mich und bin stets mit der grössten Hochachtung Euer Hochwohlgeboren unterthänigster Diener G. S. Bandtke.

Krakau,
den 19. April 1825.

Помѣта Кеппена: »Erh. d. 27. Juni 1825 durch den Kasanschen Prof. Simonow.«

3.

Hochwohlgeborner, hochzuverehrender Herr Hofrath!

So oft ich nur Gelegenheit habe, so oft brauche ich sie, an Sie zu schreiben. Ich habe Ihnen manche Literaria durch H. Siemonow, Prof. der Astronomie in Kasan, geschickt. Aber ich weiss es mich nicht recht zu erinnern, was es war, und so kann es denn kommen, dass ich noch einmal schreibe, was ich geschrieben habe.

Eine lithauisches Statut in westruss. Dialect 1588 w domu Mamoniczow habe ich glücklich erwischt, aber sehr defect, und ich habe es theuer bezahlen müssen.

In Leipzig habe ich alte polnischen Sachen 1529, 1533 etc. erwischt. Ich habe sie genau beschrieben. Diese Beschreibung ist gedruckt. Aber ich kann wegen der Unordnung, die bey uns herrscht, aus unserer lieben Druckerey den gedruckten Bogen nicht bekommen. Ich werde mir aber noch Mühe geben, es zu thun.

Von meiner Geschichte der Druckereyen, die mit eilendem Krebsgalopp vorschreitet, habe ich das Missvergnügen, dass ich von Bogen G— bis Aa oder Bb u. Theil II. Bogen A—F nicht bekommen kann. Sonst schickte ich Ihnen indess alle die einzelnen Bogen zu. Das Ganze soll drei Theile haben, es ist also 1 $^1/_4$ fertig und 1 $^3/_4$ fehlt noch, und wann es fertig seyn wird, weiss ich nicht.

Wäre nur Petersburg nicht gar so weit von uns, so müsste ich noch einmahl diese schöne Stadt, die mir so gefallen hat, noch einmahl in meinem Leben sehen. Aber es ist doch gar zu weit.

Von Dobrowsky habe ich lange keine Nachricht. Dies ist mir sehr unangenehm.

Endlich habe ich doch den Bogen Dd bekommen. Es ist der Endbogen vom 1-ten Theile; was Ihnen vielleicht angenehm seyn dürfte, ist S. 436. Ich sende Ihnen also diesen Bogen. Wird einmahl mein Buch fertig, so habe ich die Ehre, Ihnen das ganze Buch zu senden.

Ich bin mit der grössten Hochachtung stets Dero gehorsamster Diener und Verehrer Georg Samuel Bandtke.

Krakau,
den 11. August 1825.

Помѣта Кеппена: »Erh. d. 17. Aug. 1825.«

4.

Hochwohlgeborener, gnädiger Herr Hofrath!

Von Ihren trefflichen Bibliograficzeskie Listy habe ich nicht mehr als nur N. 5—27, denn N. 1—4 hat ein guter Freund, der gern borgt und nicht wiedergibt, mir abgeleugnet. Wenn Sie also eine Gelegenheit haben und können und wollen, mir die N. 1—4. schicken und auch das Folgende, so wäre es mir sehr lieb.

Ich nehme mir die Freyheit, Ihnen meine Geschichte der Buchdruckereyen in Polen und Lithauen, 3. Theile 1826, durch die Güte

der H. v. Zarzecki und Ricord zu übersenden. Lieb wird es mir seyn, wenn Sie was finden, was Sie brauchen können.

Schon längst wollte ich Ihnen das Buch senden, aber es hat sich so bis jetzt damit verzogen.

Mit der tiefsten Hochachtung habe ich die Ehre zu seyn Euer Hochwohlgeboren unterthänigster Diener

Georg Samuel Bandtke.

Krakau,
den 17. August 1826.

Помѣта Кеппена: »Erh. in Sympheropol den 28. Juni 1828 [also beynahe 2 Jahre nach Abfertigung dieses Briefes durch unser Consulat]«.

Sr. Hochwohlgeb. Herrn Hofrath von Koeppen.

Господину П. Кеппенъ жив. въ б. Мѣщанской въ домѣ Кракова подъ №. 45, въ Санкт-Петербургѣ.

При томъ 3. книжки.

VII. Письмо I. Лелевеля къ П. И. Кеппену *).

Monsieur!

Autre-fois M. Chłędowski m'a remi trois numeros, le 1., 11. et le 21. de Vos feuilles bibliographiques. Maintenant, par l'entremise de M. Bobrowski, Vous me faites cadeau de tous les numeros. J'en suis infiniment obligé, mais il me semble, que Mr. Bobrowski a un peu abusé de ma confiance. C'est trop de bonté de Votre part, Monsieur! et je ne saurais pas assez Vous remercier. Vous me mendez de Vous communiquer quelques details omis dans Vôtre ouvrage. Je veux Vous satisfair autant que je serais en état, à chaque moment de l'oisir, étant trop distrai d'autres objècts de mes embaras litteraires. Il m'est agréable de pouvoir Vous remettre de ma part le second volume de mon ouvrage bibliographique. Peut être Vous y trouverez quelques notices, qui Vous interresseront, p. e. p. 185, 351, 425. En peu de temps je m'occuperais du III-me volume et j'aurais occasion de Vous communiquer des notices plus nombreuses. Je crois que Votre ouvrage périodique ne cessera de paraitre et je ferais tous mes efforts de le connaitre à fond.

Je suis avec tous les égards possibles, Monsieur, Votre très humble et très obeissant serviteur Lelewel Joachim.

Varsovie,
10. Août 1826.

Помѣта Кеппена: »Reçu le 20. Août 1826«.

---

*) Въ бумагахъ П. И. Кеппена въ библ. Имп. Академіи Наукъ.

VIII. Письма П. И. Кеппена къ А. Т. Хлендовскому*).

1.

Soeben erhalte ich Ihr gütiges Schreiben mit Beylage der trefflichen Facsimile und beeile mich Ihnen zu antworten, da ich eben jetzt ein Paar Augenblicke Zeit habe. Nehmen Sie was ich biete, so gut ich es habe. Die Münchener Aufsätze interessiren Sie also, und villeicht haben Sie auch noch die Gefälligkeit mir einige Anmerkungen darüber zu machen; dies ist ein doppelter Grund Ihnen das was davon bisher in Kupfer gestochen ist mitzutheilen. Die 4 letzten Blätter sollen Sie haben, sobald solche fertig werden. Bey vielen andern Arbeiten werde ich zu diesen Krainschen Aufsätzen nur eine gedrängte historische Notiz liefern. Die philologische Partie hat Freund Wostokow übernommen, der auch diese 9 Blätter nach der Orthographie des Ostromirschen Schreibers (vom J. 1056) mit den Ѫ, Ѭ, Ѧ und Ѩ wiedergeben wird. Ausserdem hoffe ich, dass Herr Kopitar meine Aufforderung nicht ganz unbeachtet lässt. Seine Faulheit geht so weit, dass er mir noch keinmal geschrieben hat. Tarnowski wird wohl die ihm aufgetragene Arbeit unterlassen, da die Münchner mir schreiben, dass sie meinen ersten Abdruck schon richtig erhalten haben.

Ihre alten Lieder interessiren mich ungemein. Könnte ich nicht ein Paar Zeilen (als Facsimile) und irgend eines oder zwey von den Liedern selbst haben. Ich gebe ein Facsimile der von Hanka gefundenen (Königshofer) Handschrift; da wurde das Ihrige herrlich dazu passen. — Die Königshofer ist bekanntlich aus dem Ende des XIII oder dem Anfange des XIV Jahrh. (zw. 1290—1310).

Soeben beschliesse ich eine Vorarbeit, die mir über 14 Tage weggenommen hat, ein Verzeichniss der gesammten Slavischen Incunabeln. Was ich von Polnischen Sachen ausfuhr, theile ich Ihnen hier zur vorläufigen Durchsicht mit. Auch bin ich so frey die Notiz in Betreff des deutschen Krakauer Druckes vom J. 1508 in Ihrem Nahen (beyläufig) mitzutheilen. Mit dieser Übersicht beginne ich die Herausgabe der Bibliographischen Blätter, welche ich im nächsten Jahre ediren werde. Vom Herrn Minister der Aufklärung ist mir die Zusendung aller neuerscheinender Bücher und Zeitschriften, die ich etwa 4 Wochen lang behalten darf, zugesagt worden. Das ausführliche Verzeichniss mit den Original-Titeln d. Werke kommt in die Einleitung zu meiner Übersicht der Slaw. Denkmäler des Auslandes, welche ich auf Kosten des Kanzleis edire, und zu der 20 bis 25 Platten in Kupfer gestochen werden. Was Sie mir von Bibliographischen Berichtigungen mittheilen, werde ich sogleich benutzen; je eher je lieber, denn in einigen Wochen übergebe ich mein Manuskript der Presse.

Tausend Dank für Ihre Bemerkungen zu den Facsimile. Ich werde solche treu abdrucken. Von den Facsimile aber wohl nur

*) Въ библіотекѣ Имп. Варшавск. Унив. См., письмо Кеппена къ Коллару отъ февр. 1825 г., сообщенное нами въ С. С. М., 1904, str. 247.

ine Seite, und die Minuskelschrift p. 6. in Kupfer stechen lassen; las übrige aber mit gewöhnlicher Schrift abdrucken lassen. Auch auf len Krajn'schen Blättern finden Sie Namensverzeichnisse, zu denen ielleicht Grimm und Pertz einige Bemerkungen liefern. Von Paläo- raphischen Zeugnissen hoffe ich ausser den Dr. Pertz'schen auch och eines von Kopp beybringen zu können.

Ehe ich weiter gehe, muss ich noch eine Literatur der gesammten lawischen Grammatiken und Wörterbücher vorbereiten. Sollte viel- icht schon jemand die Polnische Partie chronologisch bearbeitet aben, so würde ich mit grossem Danke jene Hülfe entgegennehmen. uf jeden Fall aber darf ich doch wohl auf Complettirung und erichtigung meiner Arbeit rechnen.

Von der Döderleinschen Schrift glaube ich 2 Exemplare zu esitzen, und bin (wenn dies der Fall ist) bereit Ihnen eines avon zuzusenden. Ganze 12 Kisten mit Büchern stehen bey mir ingepackt, und nur dasjenige ist aufgestellt, was ich zu meinen rbeiten nothwendig brauche.

Nun habe ich für diesmal mich ausgeplaudert. Ich danke Ihnen ir diese Gelegenheit. Künftig ein mehreres, wenn Sie dieses nicht chon verdrüsst.

Mit inniger Hochschätzung habe ich die Ehre zu seyn Ihr rgebenster Diener Köppen.

P. S. Bin ich Ihnen nicht noch etwas für das Facsimile schuldig? ch bitte Sie mir's nur so bald als möglich zu sagen, auf dass ich eben Ihrer Zeit nicht auch noch Ihren Beutel angreife.

St. Petersburg,
den $\frac{\text{27. Oct.}}{\text{8. Nov.}}$ 1824.

2.

Abermals haben Sie mich überaus erfreut durch Ihre werthen eilen vom 27 dieses n. S.

Merkwürdig ist ihre Bemerkung, dass die Krajn'schen Aufsätze ehr polnisch klingen als das altslawische; und doch werden die rajner den Ostslawen zugezählt. Aber es geht beynahe ebenso in eziehung auf das Russische; was doch wohl für die Entfremdung er pseudo-Altslawischen Kirchenschrift zeugt. Wer ältere Mspte be- utzt hat, findet an gedruckten keine so grosse Freude mehr.

Beyde Arme strecke ich aus nach Ihrer Literatur der Polnischen rammatiken und Wörterbücher. Durch Mittheilung derselben werden ie mich ungemein verbinden, und ich bitte um Erlaubniss solche nter Ihrem Namen abdrucken zu dürfen. Nur muss ich Unpole um ine recht leserliche Handschrift bitten.

Für die Notiz in Betreff der Arbeit des Hrn. Kownacki danke ch recht sehr. Sobald das Werk erscheint werde ich solche für meine ibliographischen Blätter benutzen.

Empfehlen Sie mich doch unbekannter Weise Hrn. Lelewel, essen Werke ich mit Ungeduld entgegen sehe. Bitten Sie ihn nur, ass er die Indexe am Schlusse nicht spare. Ritter in Berlin zeigte

mir etwas von seiner Arbeit über die Geschichte der Erdbeschreibung (im Mspte).

Sehr angenehm hat mich die Beyschrift im Skorina'schen Buche Hiobs überrascht. Was Сопиковъ in der Книга Екклезіасть Царя Соломона fand lautet so:

„А то ся стало накладомъ Богдана Анкова
сына Радци Виленскаго."

S. dessen опытъ Россійской Библіографіи Bd. I, S. 40. Ihre gütigen Nachträge zu meinem Verzeichnisse der Incunabeln werde ich heute noch benutzen. Es wird so eben am achten Bogen gesetzt. Wie schade, dass ich nicht weiss, was Sie von den Skorina'schen Schriften haben; diese Nachricht könnte ich nun so gut brauchen, da ich namentlich angebe, wo sich die Exemplare der Incunabeln befinden. Noch könnte ich Ihre Mittheilung benutzen, wen Sie solche bald expediren wollten. Doch Sie hierum bitten, hiesse Ihre Güte zu sehr missbrauchen.

Sie erhalten hiebey zwey Abdrücke der Facsimile von den Tarnowski'schen Urkunden. Eines davon bitte ich Sie dem Grafen gefälligst mitzutheilen. Vielleicht bewegt ihn dies mir auch die Andern, welche er besitzt, treu copiren zu lassen. Es liegt mir besonders an der Sprache dieser Documente. Da Karamsin die Lemberg'schen und Przemysl'schen Urkunden für falsch erklärt, so wäre dies nun das Älteste bisher unangetastete, was die Rusnjaken aufzuweisen haben.

Ich bin so frey Ihnen hier einige Ankündigungen beyzulegen. Vielleicht werben Sie mir in Warschau mehrere Subscribenten für mein Blatt an. Die hiesige Post übernimmt die Versendung, gerade so, wie sie es mit dem Invaliden thut. Da es aber dennoch hiemit mehr Schwierigkeiten macht, als mit den Versendungen ins innere des Reichs, so müsste der Preis mit der Zustellung wohl auf 30 poln. Gulden gesetzt werden. Die Velin-Exemplare kämen dann auf 40 Gld., die halbjährigen Exemplare aber auf ord. Papier auf 20 poln. Gulden zu stehen. Erkundigen Sie sich doch gefälligst was Ihre Post wohl für's Versenden ins Innere des Königreichs nehmen würde. Hier zahle ich $2^1/_2$ Rbl. Rus. Ass., also circa 4 poln. Gld. Kann die Post die Versenduug hiefür übernehmen, so könnte solche dann auch die Bibliogr. Blätter zu den oben besagten Preisen (30, 40 und 20 Gld.) ankündigen; ich würde auf diesem Wege keinen Schaden leiden. Kann die Post diese Blätter wohl auch nach Cracau unter besagten Bedingungen liefern?

Da ich aus dem Departement der Volksaufklärung, wo alles zusammenfliesst, was in Russland in den verschiedenen Sprachen erscheint, auf Befehl des Hrn. Ministers alle neu edirten Werke zugeschickt bekomme, so darf ich wohl die mögliche Vollständigkeit versprechen.

Mit vorzüglicher Hochachtung habe ich die Ehre zu seyn Ihr gehorsamster Diener und Freund Köppen.

Meine besten Empfehlungen an die Hrn. Linde, Busse etc. etc.

St. Petersburg,
d. 30. November a. S.

3.

Wie viel ich Ihnen Dank weiss für Ihre gütige Theilnahme, das würden Sie dann erst einsehen, wenn Sie gerade diejenige Arbeit vorhätten, die ich so eben treibe. Schon war meine Klage über die Polnischen Bibliographen fertig und abgesetzt, als Ihre reichen Nachträge kamen und ich glücklicher Weise noch Zeit hatte Einiges abzuändern und auch Ihnen, hochgeschätzter Freund, meine herzliche Danksagung an den Tag zu legen. Ich bitte Sie von allen künftigen Sendungen ein Exemplar der Beylagen für Sich zu behalten; das zweyte aber, so oft eines erfolgt, Hr. Rector Linde von mir einzuhändigen. Von der 1. N. folgt auch ein Ex. für die Hrn. Bentkowski und Lelewel, denen ich mich bestens zu empfehlen bitte. Würden Sie nicht bey Gelegenheit unserem guten Bandtke die Beylage zu kommen lassen können? Sie würden mich dadurch sehr verbinden.

Sollten Sie einst die Verzeichnisse der Grammatiken und Wörterbücher geben können, so werde ich solche mit unendlichem Danke entgegennehmen. Wohl mir, dass ich an Ihnen, werthester Freund! solch einen gütigen Correspondenten habe. Ich fürchte nur Ihre Güte zu missbrauchen.

Leben Sie wohl und vergessen Sie nicht Ihren Sie aufrichtig hochschätzenden gehorsamsten Diener und Freund Köppen.

St. Petersburg,
d. 12. Januar 1825.

4.

Sie erhalten hier wiederum, werthester Freund, 4 N. meiner Blätter (N. 9—12) für sich und unsere gemeinschaftlichen Freunde. Auch ist dabey wieder ein Blatt des Verzeichnisses der Incunabeln. Von den bisher erschienenen 3 Bogen dieses Verzeichnisses lege ich für Sie noch besondere Abdrücke auf Schreibpapier bey, mit der Bitte mir solche durchcorrigirt zurückzusenden.

Kann man sich auf die in Ihrem Monitor N. 42 abgedruckte Notiz über den Psalter von J. 1532 verlassen? — Ich werde dies am Schlusse nachtragen. — Sie würden mich sehr verbinden, wenn Sie das Exemplar auf ord. Schreibpapier so durchcorrigiren würden, wie Sie es bey der 2-ten Ausgabe zu haben wünschen.

Wäre es nicht möglich bey Gelegenheit Hr. Lawrowski in Przemysl unmittelbar, oder durch Hr. Bandtke das beyliegende Schreiben zu kommen zu lassen. Sie würden mich hiedurch ungemein verbinden. Dürfte ich Sie noch bitten mir für unsern Akademiker, den Staatsrath Krug, folgendes Buch anzuschaffen und mir den Preis desselben in Russ. Banknoten anzugeben, welche ich sogleich zustelle: Historya Bolesl. III. Króla Poskiego, 1825 8. 156 S., gedr. in Warschau bey den Piaristen. — Hr. v. Linde, oder auch unser treffliche Staatsrath Baron v. Sacken der jetzt eben in Warschau ist würde wohl, nöthigenfalls, die Gefälligkeit haben

diese Schuld sogleich zu berichtigen. Was Letzteren anbetrifft, so könnte ich die Auslage sogleich seinem Hrn. Bruder hier wieder erstatten.

Hochachtungsvoll habe ich die Ehre zu seyn Ihr gehorsamster Diener Köppen.

Nächstens sende ich Ihnen den Catalog der Handschriften des Grafen Tolstoj. Sollte darüber ein Wort in Ihren Blättern erscheinen, so möchte ich wohl einen oder 2 Abdrücke der No. haben.

St. Petersburg,
d. 20. April a. S. 1825.

IX. Письма гр. Н. П. Румянцова къ Г. С. Бандтке*).

1.

Monsieur,

Je vous prie d' etre très persuadé que je reçois toujours les lettres que vous me faites l'honneur de m'ecrire avec un plaisir particulier, et si je vous fais, Monsieur, si tard mes remerciments pour celle, que vous avez bien voulu m'ecrire le 24. Août, c'est qu'elle a été obligée ne m'ayant pas trouvé à Petersbourg de me venir chercher dans le fond du Gouvernement de Mohileff ou je suis.

Je vous suis fort reconnoissant, Monsieur, de m'avoir envoyé l'histoire de la Bibliotheque de l'Université de Cracovie, je ne vous dissimule pas le regret que j'eprouve de vous entendre dire que cette Bibliotheque n'est point du tout riche en manuscripts Slavons comme je l'avois supposée.

Les oeuvres de St. Cyrille de Tourow vont paroître dans peu, et vous serez, Monsieur, un des premiers en recevoir de ma part un examplaire.

Je crois, Monsieur, vous faire plaisir en vous envoyant l'extrait d'une lettre de Mr. de Kalaïdovicz sur quelques unes des anciennes éditions dont Cracovie s'honore à juste titre.

Je viens de faire une acquisition precieuse pour ma Bibliotheque, c'est un très beau manuscript d'un Evangile écrit en Slavon sur parchemin, les Evangelistes etant peints et decorés en or, je ne peux pas en assigner l'antiquité, mais il a très certainement precedé l'année 1376, puisque sur l'une des feuilles est inscrit une donation que fait le grand Duc Юрій Даниловичь à l'Eglise de la Vierge au Cholm (Холмъ) de plusieures terres specifiées dans l'Acte; dans nos Chroniques nous trouvons que Daniel Roy de Galicie fut en-

*) Письма № 1 и № 2 — въ бумагахъ Бандтке въ библ. Краковской Акад. Наукъ; № 3 — въ Ягеллонской библ., рукоп. № 1874.

terré dans cette Eglise qu'il avoit fondée et qu'il avoit excessivement embelli ainsi que la ville de Cholm, nous lui donons pour successeur dans la possession de cette ville un de ses fils, que nos anciennes Chroniques nomment Schwarn, et qui ayant été beau fils du moine Woischleck en a obtenu la Lithvanie et l'a possedée; il faut suposer que c'est ce Prince qui est le Donataire du document qui se trouve dans l'Evangile. Schwarn n'etant joint un nom chretien n'empeche pas qu'il n'aye pû s'apeller aussi Юрій, permettez moi de recourir à vos lumièrs pour vous demander si vous ne connoissez pas dans vos historiens et ceux de Lithvanie quelques indices positifs, que se fils de Daniel aye porté le nom de Юрій, vous m'obligeriez de me les faire scavoir.

Cet Evangile est d'une très belle conservation, les malheurs du tems ont obligé un des transfuges Moldaves qui est venu chercher asyle à Odesse de le vendre. J'ai l'honneur d'etre etc.

Le Comte de Romanzoff.

Homel en Russie Blanche,
le 6. Decembre 1821.

Выписка изъ письма К. Ф. Калайдовича изъ Москвы отъ 31. октября 1821.

Въ Московск. Духов. Типографской Библіотикѣ я отыскалъ совсѣмъ неизвѣстную книгу Краковскаго изданія 1491 года, Швейпольта Феоля, подъ названіемъ Тріоди Постной. Графъ Толстой имѣетъ у себя такую же, только не полную; а у Государственнаго Канцлера хранится сего же времени Тріодь Изнѣсная.

2.

Monsieur,

Je mets un juste empressement à reparer bien vite une faute impardonable que j'ai commise en vous parlant d'un Acte de donation fait par Юрій Даниловичь Prince de Cholm, je n'aurai jamais dû l'attribuer à un des fils du Roy Daniel de Galicie qui en effet a possedé la principauté de Cholm puisque la donation est de l'année 1376, et quoique je n'ai pas de livre sous la main qui me puissent faire determiner au juste quand mourut Schwarn le fils de Daniel qui a été Prince de Cholm, toutte fois j'aurai dû apercevoir qu'il devoit y avoir près de cent ans de difference. Je vous transmets, Monsieur, la copie exacte du document, il se peut que le nom de Caliste, Eveque de Cholm et de Bielz, vous donnera moyen de determiner au juste qui est le Prince Donataire et vous m'obligerez de me faire connoître ce que vous aurez decouvert à cet égard. J'ai l'honneur etc.

Le Comte de Romanzoff.

Homel en Russie Blanche,
le 8. Decembre 1821.

Вкладная при Харатейномъ Евангеліи.

„Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа се я Князь Юрьи Холмскии сынъ Даніилья Холмскаго по смерти сына моего Князя Семена придали есмо к церкви Божой пречистой Богоматери на богомоле, вечистое села: Стрижово, Слепче, Космово, Цуцнево, з обема береги оба полъ Богу в лѣто 6884 къ столцу Епископии Холмской при боголюбезномъ Калисти Епископи Холмскомъ и Бѣлъзъскомъ да пребудутъ же непорушно подъ анаѳемою, за что здѣ дай Господи намъ побыть и здравіе, а по семъ и дѣтемъ нашимъ вѣчную память. Аминь.“

3.

Monsieur,

J'avois taché de rassambler en un recueil quelques monuments de la litterature Russe du XII-me siècle qui peu connûs se trouvoient fort dispersés, cette edition vient à peine d'etre achevée et je n'en ai reçu que quelques examplaires du nombre desquels j'en detache un avec plaisir pour vous prier, Monsieur, de le placer dans la Bibliotheque de vôtre célébre Université. Vous y verrez je supose que les eloquents discours de St. Cyrile Eveque de Tourow en occupent la première place; je suis charmé, Monsieur, de vous faire cet envoy mais je suis honteux de vous l'envoyer en feuilles, c'est ainsi que je l'ai reçu et je n'ai à la Campagne où je suis nul moyen de le faire relier ou brocher. J'ai l'honneur d'etre avec une consideration très distinguée etc. Le Comte de Romanzoff.

Homel en Russie Blanche,
le 19. Decembre 1821.

X. Переписка С. Б. Линде съ А. С. Шишковымъ*).

1.

Милостивый Государь мой!

Въ прошедшее засѣданіе Россійской Императ. Академіи (сего декабря 21 дня) имѣлъ я честь предложить васъ къ избранію въ почетные члены ея. Академія, уважая таланты ваши и труды, единогласно предложеніе мое утвердила. Она, признавая усердіе и трудолюбіе ваше къ распространенію пользъ обширнаго, издревлѣ богатаго славенскаго языка, породившаго столько нарѣчій, отдала вамъ

*) Письма № 1 и № 2 — въ бумагахъ Линде въ Ягеллонской библіотекѣ; прочія — въ архивѣ б. Росс. Академіи. Ср. Записки, мнѣнія и переписка А. С. Шишкова, II, 361—365.

должную справедливость и надѣется въ особѣ вашей пріобрѣсть благополезнаго себѣ сотрудника и сочлена. Я съ особливымъ удовольствіемъ спѣшу васъ о томъ извѣстить, прилагая при семъ и то предложеніе, по которому вы избраны. Академія не посылаетъ къ вамъ диплома на званіе почетнаго члена, потому что оный, какъ вновь дѣлающійся, еще не готовъ; но не замедлитъ прислать оный. Я пишу къ вамъ по руски въ полной увѣренности, что языкъ сей не можетъ вамъ быть непріятенъ. Между тѣмъ радуюсь, что имѣю случай изъявить вамъ то совершенное почитаніе, съ которымъ навсегда пребываю вашъ и пр. Александръ Шишковъ.

P. S. Господину Богумилу Линде, ректору варшавскаго Лицея и пр. и пр.

29 декабря 1818 года.

2.

М. Г., Александръ Семеновичь!

Чѣмъ большая есть честь принадлежать къ обществу столь достопочтенному, какъ Росс. Имп. Академія, тѣмъ большее нахожу удовольствіе въ благосклонномъ извѣщаніи Вашего Прев. о избраніи меня въ оное.

Очень пріятно было для меня получить оное отъ Того, котораго образцовому предложенію я единственно обязанъ избраніемъ столь для меня почетнымъ. Въ помянутомъ предложеніи нашелъ я пользы ожидаемыя отъ моего Словаря, но представленны со всемъ въ новомъ видѣ, что для меня тѣмъ лѣстнѣе и ободрительнѣе.

Естьлибы столь благоволительная обо мнѣ надежда Имп. Академіи, которая чаетъ пріобрѣсть во мнѣ полезнаго сотрудника, по крайнѣй мѣрѣ въ части могла исполниться! Нынѣшнія же мои занятія суть многочисленны и очень разнообразны (и со всемъ другаго рода), при томъ здоровье мое по большой части повреждено, какъ и ослабленное зрѣніе лишаютъ меня удовольствія столько упражняться Славенскою Литературою, сколько я чувствую въ себѣ влеченія къ оной. Ваше Прев. не ошибаетесь въ своей увѣренности, что Россійской языкъ не можетъ для меня быть непріятенъ. О, естьлибъ я столько зналъ его и находился въ состояніи писать на ономъ, съ какимъ удовольствіемъ я имъ занимаюсь!

Не знаю, извѣстно ли Вашему Прев. мое разсужденіе о Россійско-Церковной Литературѣ, которое я написалъ по причинѣ изданнаго г. Сопиковымъ Сочиненія, въ видѣ рецензіи на оное, и напечаталъ въ Варшавскомъ Памятникѣ. Переводъ сего разсужденія находится въ Вѣстникѣ Европы № 22, 23 и 24 — 1816 года.

Изъявляя при семъ Вашему Превосх. мою покорнѣйшую благодарность за столь благосклонное предложеніе меня въ Почетные члены Имп. Академіи, равно какъ и за благоувѣтливое извѣщаніе о успѣхѣ того предложенія, пользуюсь пріятнѣйшимъ случаемъ засвидѣтельствовать вамъ чувствованія отличнаго почитанія и пр.

Г. Варшава,
Февраля мѣсяца 19 дня 1819 г.

С. Г. Линде.

3.

Monseigneur!

Quoique jusqu'à prèsent je n'ai pas encore reçu mon diplome de l'Illustre Académie Russe, je ne veux pas neanmoins omettre l'occasion de Lui presenter un exemplaire du troisieme volume de mon ouvrage intitulé Janociana, comme un faible hommage de mon respect et de ma gratitude. Un autre exemplaire pour Votre Excellence a été joint à un paquet sous l'addresse de Monseigneur le Chancelier Comte Romansof.

Les circonstances et mes occupations ne me permettent plus de travailler au Sclavon autant que je le voudrois; mais je fois tout mon possible pour exciter et encourager à l'etude d'un objet si interessant et si important des personnes plus jeunes et moins occupées; de ce nombre est Mr. Rakowiecki du quel je joins ici un exemplaire du commencement de son ouvrage pour l'Illustre Académie; un autre exemplaire pour Votre Excellence a été joint au paquet adressé à Mr. le Comte Romansof. Sa Majesté a bien voulu permettre la dedicace de cet ouvrage, qui contiendra peut-etre jusqu'à 70 feuilles. Je suis persuadé, que ni Votre Excellence, ni l'Illustre Académie ne sera pas indifferente à un ouvrage qui s'il ne renferme pas des choses nouvelles pour les Russes, peut du moins servir à propager chez nous des connoissances jusqu'à prèsent peu communes. C'est dans cette persuasion que j'ose présenter à Votre Excellence et à l'Illustre Academie cet essai en me flattant qu'on consentira bien facilement à faire quelque chose pour encourager le jeune Auteur à se consacrer de plus en plus à des pareils travaux.

C'est avec le sentiment du plus profond respect que j'ose prier Votre Excellence de vouloir bien agreer mes souhaits de bonne année et en même tems l'assurance que je ne cesserai d'être, Monseigneur, de Votre Excellence le trés humble et très obeisssant Serviteur

Samuel Theophil Linde.

Varsovie,
a 6 du Janvier 1820.

(Записки засѣданій 1820 г.)

4.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичь!

По причинѣ важности предмета осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство принять на Себя трудъ представить Императорской Россійской Академіи прилагаемый при семъ письмѣ небольшій опытъ моихъ трудовъ. Языкъ древнихъ Прусаковъ не можетъ быть неуважителенъ для изслѣдователей языковъ и исторіи, а особливо для Словянина. Г. Фатеръ Профессоръ въ Галѣ, славный многими своими сочиненіями, касающимися языковъ, предложилъ въ одномъ сочиненіи о семъ предметѣ Лютеровъ катехизисъ, переведенный въ 1563 году, Пасторомъ Абелемъ Вилла, на Прускій языкъ, какъ исключительный источникъ Прускаго языка. Но я, сравнивая сей переводъ съ древними катехизисами, старался доказать, что Пруской языкъ Абеля не долженъ быть почитаемъ тѣмъ Прускимъ языкомъ, которой существовалъ во время Крестоносцевъ и пр. Въ семъ случаѣ, вся моя заслуга состоитъ только въ томъ, что я доказываю отрицательно, каковъ онъ не есть, и то для того, чтобы ученные, обольщенные ложнымъ мнѣніемъ въ отношеніи къ вѣрному отысканію онаго, не преставали еще искать истиннаго въ источникахъ, мною имъ объявленныхъ, именно же въ Кролевецкихъ Архивахъ. Будучи соединенъ тѣсною дружбою съ Г. Фатеромъ, я избралъ себѣ девизомъ: Amicus Plato, sed magis amica Veritas; будучи же удостовѣренъ, что онъ взаимно такъ обо мнѣ думаетъ, я осмѣлился сій разборъ его сочиненія посвятить ему самому. Почту себя щастливѣйшимъ, естьли Императорская Россійская Академія, равно какъ и почтеннѣйшій ея Предсѣдатель, найдутъ сіе мое сочиненіе достойнымъ ихъ вниманія и примутъ оное въ доказательство моей приверженности и глубочайшаго почитанія.

При семъ препровождаю продолженіе втораго тома сочиненія Г. Раковецкаго, которое онъ при всей своей рачительности не скоро будетъ въ состояніи совсѣмъ издать. Я самъ очевидно удостовѣрился о всѣхъ его пожертвованіяхъ, равно какъ и препятствіяхъ, какіе онъ испытываетъ въ исполненіи онаго. Древняя Словянская Грамматика, изданная Ксендзомъ Добровскимъ, есть новое явленіе на горизонтѣ Словянской словесности. Я еще не получилъ и не видалъ ее, такъ и не могу сказать объ ней своего мнѣнія; но кто можетъ о семъ сочиненіи основательнѣе рѣшить, ежели не Императорская Россійская Академія и почтеннѣйшій Ея Предсѣдатель?

Пользуясь столь благопріятнымъ случаемъ, смѣю повторить удостовѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи, съ которымъ пребываю и пр. Самуилъ Линде.

Варшава,
Апрѣля 8./20. дня 1822 года.

(Записки засѣд. 1820 г.)

5.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичь!

Что я такъ поздно на письмо Вашего Превосходительства отвѣчаю, тому причиною пріятель мой Господинъ Раковецкій, который, будучи занятъ экономическими дѣлами, принужденъ часто выѣзжать изъ Варшавы. Я старался присланную ему Императорскою Академіею медаль скорѣйше вручить и требовалъ притомъ его отвѣта. Сій я лишь только сего дня получилъ и спѣшу препроводить къ Вашему Превосходительству вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ моей признательности за сіе новое доказательство Вашей ко мнѣ довѣренности. Сій юной авторъ, будучи ободренъ даромъ, столь великолѣпнымъ и сверхъ его чаянія, тѣмъ больше будетъ поощренъ отвѣтствовать принятой объ нимъ надеждѣ. Первая часть его сочиненія выйдетъ въ свѣтъ въ скоромъ времени. Имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и совершенною преданностію и пр.

Самуилъ Ивановичъ Линде.

Варшава,
Маія 28. / Іюня 9. дня 1820 года.

(Записки засѣд. 1820.)

XI. Письмо С. Б. Линде къ П. И. Соколову.

Милостивый Государь, Петръ Ивановичь!

Посланный отъ Васъ Дипломъ Императорской Россійской Академіи я имѣлъ честь получить и за доставленіе онаго приношу Вамъ мою благодарность. Покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе и признательность Его Превосходительству Александру Семеновичу. На вопросъ Вашъ, сколько я получилъ томовъ Извѣстій Россійской Академіи, имѣю честь отвѣтствовать, что всего находится ихъ у меня только два, за 1819 годъ и за 1816. Я бы весьма желалъ имѣть ихъ всѣ. Равнымъ образомъ я бы хотѣлъ знать, не содержитъ ли Собраніе Сочиненій и Переводовъ Россійской Академіи болѣе пяти томовъ; ибо я только сіе число оныхъ имѣю; послѣдній 1811 года. По сіе время я еще не знаю, получилъ ли Александръ Семеновичь третій томъ изданнаго мною сочиненія подъ заглавіемъ Janociana, равно какъ и первые листы сочиненія друга моего Господина Раковецкаго.

Не смѣя больше безпокоить Васъ моимъ длиннымъ письмомъ, повторяю еще разъ мою благодарность и покорнѣйше прошу о продолженіи Вашей ко мнѣ благосклонности.

Имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и совершенною преданностію и пр.

Самуилъ Ивановичъ Линде.

Городъ Варшава,
Марта мѣсяца 19. числа 1820 г. (Записки засѣд. 1820 г.)

XII. Письма И. В. Раковецкаго въ Имп. Росс. Академію и къ А. С. Шишкову *).

1.

Въ Императорскую Россійскую Академію.

Изъ публичныхъ вѣдомостей и отъ почетнаго Члена Императорской Россійской Академіи Г-на Линде узналъ я, что оная Академія удостоила меня особеннымъ благоволеніемъ своимъ и золотою медалію 3-го класса, которая и вручена мнѣ Г-мъ Линде, за изданіе мною книги подъ названіемъ „Русская Правда“, на Польскомъ языкѣ, съ изъясненіемъ текста оной посредствомъ историческихъ изслѣдованій. Сію великую и неоцѣненную для меня честь я почитаю сколько наградою за первоначальный мой трудъ, столько поощреніемъ и возложеніемъ на меня обязанности продолжать предпринятое дѣло. Тронутъ будучи признательностію и высокопочитаніемъ за порученіе мнѣ столь важной и лестной обязанности, пріемлю честь удостовѣрить Императорскую Россійскую Академію, что я не пощажу ни силъ, ни трудовъ къ дальнѣйшему продолженію по всей возможности начатаго мною дѣла, дабы тѣмъ заслуживать безпрерывно милостивое вниманіе оной Академіи. Приношу при семъ съ чувствіемъ глубочайшаго почитанія безпредѣльную благодарность мою Его Превосходительству Господину Президенту Академіи, удостоившему меня свыше заслугъ моихъ толикими милостями, и поручаю себя навсегда высокому его покровительству; равномѣрно свидѣтельствую при чувствахъ совершеннаго моего почитанія таковую же благодарность Его Высокопреосвященству

*) Въ архивѣ б. Россійской Академіи. Ср. Записки, мнѣнія и переписку А. С. Шишкова, II, 393.

Господину Митрополиту Сестренцевичу-Богушу, за предпринятый имъ трудъ въ представленіи творенія моего, а съ тѣмъ вмѣстѣ пріемлю смѣлость увѣрить всѣхъ достопочтенныхъ Членовъ Императорской Россійской Академіи, что я пребуду къ нимъ навсегда съ чувствомъ достодолжнаго высокопочитанія и преданности.

В. Раковецкій.

Варшава,
Маія 28 / Іюня 9 дня 1820 г.

(Записки засѣданій 1820 г.)

2.

Письмо, коимъ Ваше Превосходительство меня удостоили, вмѣстѣ съ приложенною къ оному книжкою и Деревьями словъ я получилъ. Я не въ силахъ изъяснить моей признательности за сей драгоцѣнный для меня даръ, возбуждающій во мнѣ новыя силы къ продолженію подъятаго мною труда. О! естьлибъ я могъ съ пользою совершить оный! При семъ имѣю честь представить Вашему Превосходительству вышедшіе изъ печати листы продолженія II-го тома Правды Русской. Въ нихъ помѣщена вновь повѣсть о Любушѣ, съ дополнительными объясненіями, между коими весьма важно, по мнѣнію моему, объясненіе выраженія: „idese trut pogubi san lutu«, т. е. гдѣ Трутъ поразилъ лютаго змія. Свѣденія, о семъ собранныя, извѣстны только въ баснословныхъ повѣстяхъ Чехскихъ, къ которымъ я присовокупилъ баснословныя повѣсти, извѣстныя въ Польшѣ, и сдѣлалъ догадку, кажется вѣрную и необманчивую, что Трутъ означаетъ Славянскаго Геркулеса; пораженіе же змія значитъ истребленіе внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Очевидно, что знакъ сей извѣстенъ былъ всѣмъ славянамъ, и можетъ быть, изображеніе на гривнѣ, найденной въ прошедшемъ году въ Черниговѣ, о чемъ я теперь только узналъ, имѣетъ подобное же значеніе. Исправленный списокъ повѣсти о Любушѣ и нужныя къ оной объясненія сообщилъ мнѣ Г. Ганка, отыскавшій Кралодворскую рукопись. Я долгомъ почитаю донести о семъ Вашему Превосходительству подробнѣе. Г. Ганка, съ которымъ я прежде не былъ знакомъ, получивъ по подпискѣ I-й томъ Русской Правды и замѣтивъ, что помѣщенный въ оной текстъ помянутой повѣсти снятъ съ невѣрнаго списка, самъ добровольно прислалъ мнѣ точный списокъ, рачительно свѣренный съ подлинникомъ, находившимся въ его вѣденіи, и въ письмѣ ко мнѣ пріобщилъ fac-simile, которое я имѣлъ уже честь препроводить къ Вашему Превосходительству и нынѣ вновь прилагаю. Сіе fac-simile я велѣлъ выгравировать и послалъ къ Г. Ганкѣ для повѣрки онаго съ подлинникомъ, прося

его при томъ сообщить мнѣ объясненія на тѣ мѣста текста, которыя для меня были не вразумительны. Полученное мною въ послѣдствіи времени отъ него письмо при семъ въ подлинникѣ къ Вашему Превосходительству препровождаю. Изъ письма сего Ваше Превосходительство удостовѣритесь, что Нѣмцы и до сихъ поръ не престаютъ истреблять древніе Славянскіе памятники. Въ сочиненіи моемъ я не осмѣлился помѣстить вышеписанное fac-simile по причинамъ, изъясненнымъ въ письмѣ Г. Ганки, и даже не объявилъ, отъ кого я получилъ вѣрнѣйшій списокъ и объясненія, для того единственно, дабы не подвергнуть Г. Ганку преслѣдованію.

Просвѣщеному суду Вашего Превосходительства подвергаю какъ препровожденную мною прежде часть II-го тома Русской Правды, такъ и прилагаемое при семъ продолженіе онаго. Безъ сомнѣнія, въ семъ сочиненіи найдутся ошибки, которыя если бы мнѣ были замѣчены, то я могъ бы исправить ихъ въ предполагаемомъ мною предисловіи къ сему II-му тому, коего тисненіе, если обстоятельства позволятъ, я надѣюсь въ Маіѣ мѣсяцѣ окончить. Въ прилагаемыхъ при семъ листахъ на стран. 201-й, въ примѣчаніи подъ литер. в, изъяснена мысль о необходимости сочиненія, въ коемъ бы заключались всѣ повѣсти и пословицы разныхъ Славянскихъ народовъ. Предавая мысль сію благоразсмотрѣнію Вашего Превосходительства, я осмѣливаюсь присовокупить, что на всемъ пространствѣ Славянскихъ земель одна только Россійская Императорская Академія въ состояніи собрать потребные для сего сочиненія матеріалы и издать оные.

Поручая себя благосклонному Вашего Превосходительства вниманію, имѣю честь быть и пр. В. Раковецкій.

Варшава,
Февраля 22./10. 1822.

(Записки засѣд. 1822 г.; письмо сохранилось въ переводѣ съ польскаго.)

3.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Честь имѣю препроводить къ Вашему Превосходительству два пакета, надписанныя на имя Ваше, которыя доставлены ко мнѣ изъ Праги при писмѣ Г. Ганки. Въ писмѣ семъ Г. Ганка собщаетъ мнѣ, что за нѣсколько недѣль предъ отставленіемъ онаго открылъ онъ неизвѣстный до нынѣ манускриптъ богемскихъ правъ XIV столѣтія*); по

*) Письмо Ганки было отъ мая 1822 г. См. Prawda Ruska, T. II, str. III, примѣч. Негодованіе Добровскаго по этому поводу въ письмѣ къ Линде отъ 24 марта 1823. См. И. В. Ягичъ, Источники, I, 662.

древности языка и другимъ отношеніемъ довольно важный и любопытный манускриптъ сей намѣривается онъ отдать въ печать, ежели мѣстная цензура сіе дозволитъ. Я съ моей стороны хочу предложить ему, чтобы при изданіи того манускрипта припечаталъ онъ текстъ устава Стефана Короля Сербскаго, находящійся въ Сербской исторіи, написаной Раичемъ. Таковое изданіе сего манускрипта содѣлалось бы весьма важнымъ въ отношеніи къ общей словесности Славянской и исторіи законодательства.

Разные обстоятельства не дозволили мнѣ до сихъ поръ коньчить печати II-го тома Русской Правды, однакожъ надѣюсь въ непродолжительномъ времени привести дѣло сіе къ окончанію и тогда почитаю за долгъ доставить Вашему Превосходительству. Между тѣмъ приношу Вамъ увѣреніе въ глубочайшемъ почитаніи и усерднѣйшей преданности. Имѣю честь быть и пр.

Венедикъ Раковецки (sic).

14./26. Юніи 1822 года. (Записки засѣд. 1822 г.)

4.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Имѣю честь поднести при семъ Вашему Превосходительству окончанный мною II. томъ Правды Русской и при семъ случаю изъявить живѣйшую мою благодарность за оказанное мнѣ Вами милостивое покровительство и поощреніе къ приведенію въ дѣйство предпріятія сего.

Примѣчанія, изложенныя въ высокопочтеннѣйшемъ писмѣ Вашего Превосходительства ко мнѣ отъ 4-го Генваря сего года, и сообщенныя таблицы Деревья словъ, поставили меня въ возможности сдѣлать изслѣдованія достопримѣчательнѣйшихъ корней словянскихъ словъ; изслѣдованія сіи помѣстивъ въ прилагаемомъ томѣ, стр. 276, осмѣливаюсь предать оныя на снисходительное Вашего Превосходительства разсмотрѣніе.

Съ будущею почтою буду имѣть честь препроводить подъ адресомъ Вашего Превосходительства обѣ части Правды Русской для Императорской Россійской Академіи, яко дань признательности за честь, сдѣланную мнѣ отъ нея. Между тѣмъ поручая себя въ милостивое Ваше благовниманіе и память, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ почитаніемъ и усерднѣйшею преданностію и пр.

Венедиктъ Раковецки.

Варшава,
2./14. Сентября 1822 года. (Записки засѣд. 1822 г.)

5.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Съ прошедшою почтою я имѣлъ честь поднести Вашему Превосходительству II-й томъ Правды Русской, нынѣ принимаю смѣлость препроводить подъ адресомъ Вашимъ, Милостивый Государь, объ части сего сочиненія для Императорской Россійской Академіи, въ дань достодолжнаго почтенія и признательности за полученныя отъ него знаки ея благосклонности. Лестные отзывы Академіи о первоначальныхъ трудахъ моихъ принимаю я болѣе яко поощреніе къ дальнѣйшимъ усиліямъ, не яко заслуженное мною одобреніе; я почитаю ихъ еще возложенною на меня обязанностію не ослабѣвать въ поприщѣ словесности. Могу смѣло удостовѣрить Ваше Превосходительство, что обязанность сія пребудетъ для меня всегда пріятнѣйшою, и что непремину исполнить оную, поколику способность и возможности мои дозволять будутъ.

Прося покорнѣйше о продолженіе благосклоннаго покровительства Вашего ко мнѣ, имѣю честь быть съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и усерднѣйшею преданностію и пр. Венедиктъ Раковецки.

Въ Варшавѣ,
9./21. Сентября 1822 года.

XIII. Письма М. Бобровскаго къ I. Добровскому*).

1.

Reverendissime Domine!

Quod a primis adolescentiae meae annis in scholis didici Romani philosophi sapiens dictum: — Occursus ipse sapientum iuvat, et est aliquid ut vel ex tacente percipias: — id potissimum usu probari videor, ex quo mihi liceret doctissimos quosque viros adire et cum iis colloqui: atque imprimis quum Pragam venissem, et, quod mihi diu in votis fuit, Virum optime de Slavonicarum Litterarum republica meritum, Te, inquam, ipsum loquentem audissem, Tuaque saluberrima institutione usus fuissem, non quidem ea, quae scholis propria est, sed quae clara est et cum familiaritate coniuncta, et vel

*) Въ библ. Чешскаго Музея, въ бумагахъ Добровскаго.

sic compendiariam viam ad solidam rerum scientiam sternit. Singulare illud commercium, quo tot eruditissimi viri fruiti erant: J. D. Michaelis ὁ παυὺ, Kenicotte, Holmes, Griessbach, Miller etc., quodque mihi tyroni optima sorte evenit adeo facile in communicandis rerum notitiis perpetuo labore et felici industria mirum in modum paratis, ut nesciam: humanitatemne Viri doctissimi colam, an amorem in litteras admirer. Tu enim me cubili benevole excipiens, et Glagoliticum characterem docuisti, et cognitionem slavicorum codicum manuscriptorum editorumque certam, et sanam eorundem crisin mihi viva voce dedisti, et fontes, ex quibus earum rerum cognitionem hauriam, aperuisti uberrimos, et loca, in quibus lateant, indicasti plurima, et methodum investigandi, deque iis repertis iudicandi monstrasti optimam; ita ut ad iter ulterius faciendum, uberrimosque in eo fructus percipiendos, suo ardore, quo et Ipse colis haec liberalia studia, et aliis colenda inculcas, latissimum campum mihi aperuisti. Pro quibus quam vividissimo grati animi sensu feror, vix possum verbis exprimere, neque valeam sat laudibus praedicare beneficia, quae a tanto Viro in me redundaverant, et, si mihi amplius licuerit commercium litterale per epistolas exercere, spero adhuc redundatura.

Comes Ossolinski, accepto nuntio de Illustrissimi adventu, lubentissime hospitio Eum excepturus, id sibi summo honori felicitatique ducit esse; non obstante eo, quod post primas Maii Calendas consilium habeat proficiscendi in Galliciam, visum praedia paterna et aedes pro deponenda Bibliotheca Leopoli nuper aedificatas. Quare optimum esse videtur, nobisque exoptatissimum, ut digneris hic advenire, antequam ille discedat. Princeps Henricus Lubomierski salutem plurimam Reverendissimo dicit et simul animum ostendit comparandi Slavicorum optimorum librorum bibliothecam in sua patria, fortasse ea occasione, quod mentionem fecerim de eorum collectione summo delectu ab Illustrissimo parata.

Codicem illum manuscriptum, cuius antea mentionem inieceram, in Bibliotheca Scotorum Benedictinorum Viennae latentem nunc inspexi, et ex indiciis, quae ab Illustrissimo didici, non esse stili Serbici, sed proxime accedentis ad Ecclesiasticum Ruthenum seu potius Albo-Russicum cognovi: eumque ex chronico, graeca vulgari dialecto a Metropolita Dorotheo composito, versionem slavicam, cum paucis additamentis, ut probare vult Alterus in Miscellaneis, contineri, neque seculo XVII. esse antiquiorem.

Si quam gratiam promeruerim, maximo mihi esset honori paucis litteris ab Illustrissimo Domino donari: quae certissime ad me venient cum nota: apud praepositum S-ae Barbarae; idque antequam in Italiam profectus fuero: quod iter facere proposui post Nonas Maiias.

Optima Illustrissime D-ne eaque perpetua valetudine utaris, grata mente precor, meque totum commendo bonitati humanitatique Illustrissimi viri Optimique Patroni devinctissimus cliens

Mich. Bobrowski Ruthenus.

Viennae in Austria,
10. Aprilis MDCCCXIX.

2.

Celeberrimo Viro J. Dobrowio Michaël Bobrovius S. P. D.

Egregius Bartholomaeus Tibi amicissimus laetissimum ad me misit nuntium de opere iam absoluto, quo hucusque aegre caruit slavica Litteratura, quodque diu desideratum a doctissimis quibuscunque Slavis tandem prodibit in lucem, stabilem slavicae linguae regulam, certamque pluribus eius dialectis normam allatura. Opus certe a tanto Viro profectum omnibus numeris absolutum quisque rei litterariae bene gnarus praedicabit, quousque nomen Slavorum populorum in terra manebit, notans albo lapide eum annum, quod id apparuerit, veluti aeram, a qua coepit slavica litteratura maiora incrementa sumere, actis altioribus radicibus. Habebis me in boreali tractu praeconem Tuorum laborum, quibus iam satis meruisti de Slavorum Litteratura, editis in lucem tantis operibus: quibus profecto culmen addet Grammatica.

Sed non minoris gravitatis ea erunt, quae de critica bibliorum Slavicorum collecta habes. Quae utinam in ordinem redacta aliquando lucem aspexerint! quod Deus O. M. faxit; profecto haberemus historiam textus biblici, qualem textus Hebraei Richardus Simonius concinnaverat primus, strata via ad criticam sacram Michaelisio, Kenikottio et de Rossio; de critica vero Novi Testamenti bene meruerunt Wetstenius et Griesbachius: qui profecto duumviri nunquam eam laudem adepti fuissent nisi opus Millii praecepisset. Nihil igitur mirum, si et Tua studia aliis fuerint incitamento.

Ecquidem ego haud pauca Slavica atque glagolitica collegi per biennium peragrans Dalmatiae et Italiae oras: sed tamen ea in ordinem redigere et publici iuris facere non prius audebo, quam videam jacta a Te κρισεως fundamenta. Ragusae inter alios novi clarissimum Appendini, virum litteraturae peritiorem quam linguae Ragusinae: cui etiam comes fui in itinere Dalmatino usque ad civitatem Jaderae. Parisiis nuper novi Bruère Desrivaux, qui erat quondam Consul in Bosnia. Gallum eius terrae dialectum ita gnarum reperi, ut etiam versus non contemnendos proprio marte composuerit et quaedam tentamina versionis odarum Horatianarum adornatae ad metrum latinum lecta ab eo audierim. In recitando numerus et rithmus slavonici sermonis mirum in modum latinae indoli respondere videntur. Consului ut publici iuris faceret sua tentamina; secus difficile ea in vulgus spargere; quippe quem zelozum suae industriae reperi.

Ego Parisiis nunc totum tempus, quod restat a studio linguae arabicae, consumo in bibliotheca regia, conferendo codices Bibliorum slavos cum ed. Ostrogensi atque notando variantes lectiones. Multa adhuc desiderantur, ut coeptus labor ex voto cedat. Fugiunt me notae, ex quibus codicum et aetatem et bonitatem et familiam et usum criticum noscerem; et ex tanta variantium sylva quae sint quaerenda eligendave. Cuius rei notitiam accuratiorem si mihi suppeditares veluti revocando in memoriam ea, quae ante biennium a Te Magistro Pragae didiceram, utilius labori incumberem. Ex codice Vaticano

Chronicon illud Dalmatinum descripsi, idque meditor publici iuris facere. Quomodo edendum sit et quae praemonenda, qui sint fontes, ex quibus notas criticas haurirem (annotationes Lucii et Assemani sunt mihi notae) Tuum ingenium acre atque ferax suppeditare potest pariter atque Müllero Nestorem edenti. Nam et mihi honoris fuit eritque Tuum Slavonicae Litteraturae alumnum nominari. Manebo Parisiis ad dimidium Februarii. Mox per Germaniae septentrionalis plagam rediturus in patriam haud negligam in civitatibus, quae in itinere occurrant, ad rem slavicam pertinentia inquirere. Atque ibi quae potissimum quaerenda sint, velim indices. In Lusatia diutius sibi manendum duxi, ut quaedam certiora de eius dialecto habeam. Itaque plurimum mihi proderit, si me doceas, ubi et quae potissimum observanda et si cui eius regionis doctiori me commendes litteris Tuis gravissimis: quas, si libuerit scribere, mitte ad me Parisios. Sed iam vereor, ne quid nimis a Viro gravioribus intento petam. Una saltem linea a me gratissimo animo accipietur. Fruere Vir celeberrime optima valetudine ad maiorem Dei O. M. laudem et ad praesidium dulceque decus Slavonicae litteraturae. Vale.

Celeberrimo Viro Josepho Dobrovio dandae Viennae in Austria.*)

Lutetiae Parisiorum,
Idibus Decembr. MDCCCXXI.

Рукой Добровскаго приписано: »Marché neuf, près du pont S. Michel, hôtel des 3 balances, № 50.«

3.

Binas a Te Vir clar. epistolas accepi ad quae pluribus respondendum esset, nisi spes me aleret quamprimum Te videndi. Itaque paucis absolvam. Nullum cod. Ms. V. T. inveni; fere omnes a Montfoconio indicatos iniuria temporum periisse non dubitant affirmare bibliothecae custodes. Extantes N. T. codices sat diligenter examinavi — unum integrum contuli; quorundam loca tantum selecta; omnium loca a Te indicata descripsi. Hodie valedico Lutetiae Parisiorum et peto Tubingam et Studgard, inde Dresdam, Lipsiam et Hallam — et tandem Tibi occurrere desideratissimum erit. Modo Lipsiam mitte epistolam, qua certior essem, quando et qua iter illud suscipias. Me iam urget necessitas quamprimum lares patrios videndi, vel ipsa Universitatis edicta, sed eundi Vilnam posuere terminum mensem Junium. Vides, quanta penuria temporis laborem. Celeriter, quid consilii ceperis, scribe. Haud me penitebit Tanti viri causa paululum retardare reditum. Satis erit Vilnam videre mense Julio exeunte. Mecum omnia mea porto et inter alia Chronicon Dalmatinum, quod Romae descripseram eo consilio, ut publici juris facerem, sed plura sunt, quae tuo consilio indigeant.

(Въ маѣ 1822 г.)

(Черновикъ въ бумагахъ Бобровскаго въ библ. гр. Замойскихъ въ Варшавѣ).

*) Зачеркнуто и написано рукой Копитара: Prag.

4.

Celeberrimo Dobrowski M. A. Bobrowski S. P. D.

Parisiis valedicturus Idibus Maj. scripsi ad Te, Vir celeberr., epistolam rogaturus, ut me certiorem reddas per litteras Dresdam Lipsiamve mittendas, ubi et quando in occursum Tibi venire possem. Sed Lipsiae et Dresdae nuntium a Te missum frustra dum quaero, incertus quo me conferam, quidve faciam, Teplicium scribere venit mihi in mentem, si forte balneae Virum laboribus fessum habeant, quippe qui dubitanter in epistola expressisti: me fortassis ibidem offendas. Atque licet quam maxime cuperem Viro doctiss. occurrere, tamen temporis penuria laborans et subsidiis itinerariis pene exhaustus haud potui Teplicium excurrere, sed statui post biduum recta petere Budissinam ibique paululum commorando uti humanitate Ill-mi Ep-pi Lock, cui me fuisse commendatum Epistola Viri probissimi non sinit dubitare. Parisiis quaedam descripsi, quaedam collata notavi, prout desideraveras: eaque mecum porto neque prius Tibi mittam, quam certior factus de loco, ubi commoraris, veritus ne opella mea pereat. Scribe Vilnam; Tecum colloqui per epistolas erit dulcissimum, si non fuerit facie ad faciem, quod erat desideratissimum. Vale quam optime.

Dresdae,
14. Junii MDCCCXXII.

A Monsieur Monsieur l'abbé Dobrowski membre des plusieures Societés Savantes a Töplitz ou Prag. На оборотѣ, послѣ адреса: »Man ersucht ein hochlöbliches Postamt in Töplitz, im Fall der Herr Geistliche Dobrowski sich nicht mehr dort befinden sollte, gegenwärtiges nach Prag ablaufen zu lassen.«

5.

Viro celeberrimo Josepho Dobrowsky
Michaël Bobrowski Polonus S. P. D.

Nolim, me negligentiae nomine suspectum habeas, Clarissime Vir, propterea quod usque hodie ad literas Pragae datas Kal. Januar. an. 1823 responsum non dederim. Nam et oculis laboravi continuo, et labori insudando, ut primo anno Exegeseos Sae professor haud potui quidquam temporis ad aliud convertere usque ad praesentem diem: quo post Te Deum laudamus, modo incipio respirare et simul occasionem nactus, mittendi Varsoviam ad eruditissimum Linde ea, quae diu parata iacebant, chronicum videlicet dalmatinum ad exemplar illud vaticanum vel potius ad meum descriptum, ut habeas ad manum et certius iudices, utrum dignum sit, ut typis mandetur. De erroribus, quibus scatet, non est, quod moneam. Certe invenies alios eosque uberrimos ipsius codicis vaticani, alios mei amanuensis, quos corrigere non passa est occasio velox. Quod tamen si inveneris dignum, rogo, ut mihi des consilium edendi. Ego quidem proposui textum, iuxta vaticanum codicem, quem ipse descripsi, fideliter imprimere, deinde in secunda columna ponere, quomodo

ipse legerim iuxta polonicam orthographiam et ex notis a Lucio et Assemanno factis potiora adiungere, praemissa praefatione, cui descriptio codicis vaticani et quae de indole et usu huius chronici videbantur notanda, inserere voluerim. Quae omnia in polonico idiomate. Sed cetera expecto a Te iudicio maturo adiungenda, mutandave. — Nunc vero otio indulgens, feriarum tempore haud praetermittam brevem codicum antiquiorum slavonicorum quos vidi in itinere, descriptionem et excerpta mittere, ut ipse potius de iis iudicare possis, quam ut meo iudicio vago inhaereas. Saluto Ornatissimum Hanke, eique maximas ago gratias, pro duobus opusculis, quae egregius Juvenis Malewski ad me mittere curavit. Cuperem omnia opera ab eodem Viro doctissimo typis mandata habere et ideo bibliopolis iniunxi ea procuranda. Tu vero, Vir clarissime, vivas diu incolumis in bonum reipublicae litterariae ex animi sententia precor, nobisque fave. Vale.

Vilnae,
pridie Kalendas Quintiles A. MDCCCXXIII.

6.

Celeberrimo Josepho Dobrowsky M. Bobrowski S. P. D.

Literas Tuas, Optime Vir, 12. Aprilis anno 1827 datas, cum opusculo, Mährische Legende von Cyrill und Method, nuper accepi gratissimas mihi et desideratissimas: sed tamen prius, mense videlicet Julio anni currentis, miseram ad Te epistolam cum binis opusculis, quae si nondum pervenerint, manere puta Varsaviae. Cyrilli et Methodii tam germanicum originale, quam russicam versionem iam habeo ad manum. Quae notasti de Chronico Dalmatino, apprime necessaria sunt meditandi de eodem edendo. Verum tamen ut et alia, quae sane haud fugiunt Virum slavicarum rerum peritissimum, mihi notata mittas quaeso. Maxime exoptatum est, quod delaras, Te incumbere historiae versionis slavonicae Bibliorum contexendae. Igitur lubens respondebo Tuo desiderio, si modo potuero respondere, ut par est, codicum slovenicorum, qui Parisiis servantur, descriptionem missurus, quam nunc facio in gratiam doctissimi Köppenii: qui promisit in lucem edere et descriptionem et ectypos (puta fac simile) plurium codicum slovenicorum, extra imperium Rossiacum in bibliothecis latentium, et iam 1. fasciculum emisit Petropoli. — De Psalterii codice Bononiensi nihil certi habeo. Quo enim tempore Bononiae commoratus eram, frustra quaerebam, ut aliquis mihi bibliothecam, cui inest ille codex, clausam aperiret: igitur perdito otio, inde discessi non sine dolore. Consilium das mihi utendi benevolentia D. Linde, si quae habeam transmittenda ad Te: sed compertum habeo et usu probatum (tua enim epistula, quam novissime accepi, iacebat ibi per integrum annum, quam revocavit in memoriam ille, cui dedi epistolam ad Te mittendam per manus D. Linde), illum gravioribus negotiis occupatum, minora parum cu-

rare aut oblivisci. Hinc doctissimum Historicum Lelevel mihique addictissimum inveni Varsaviae promptiorem ad facilius reddendum hocce litterarum commercium. Vale, dignissime Vir, diuque intersis rei Slovenorum litterariae augendae. Vale iterum iterumque.

Vilnae,
VIII. Calend. Octobr. MDCCCXXVII.

Въ черновыхъ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. гр. Замойскихъ, имѣется еще одно письмо его къ Добровскому, начинающееся слѣдующими строками:

»Viro Celeber. Dobrowski M. Bobr. Sal. P. D.

Mirum quidem Tibi videtur, si homo ut ita dicam novus in litteris, qui Te Virum et gravem aetate et omnis eruditionis fama celebrem ad commercium litterare ante annum invitaveram, cui rei assentientem ex litteris acceptis didiceram, hucusque tamen in silentio manseram...« Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности возстановить весь его текстъ.

XIV. Письма М. Бобровскаго къ кн. А. Чарторыскому*).

1.

Jaśnie Oświecony Xiąże, Nayłaskawszy Panie!

Jeden z tych liczby, którzy maią to sobie za naywiększy zaszczyt i dobrodzieystwo, że przez náytroskliwszą Waszey Xiążęcey Mości pieczą o dobro Uniwersytetu Wileńskiego zostali przeznaczeni na woiaż za granicę, zaśmiały może krok posuwam do W. X. Mości w niniéyszey odezwie.

W nayszczérszéy chęci odpowiedzenia tak wysokiemu celowi, od miesiąca Października roku przeszłego przebywam w Wiedniu, uczęszczaiąc na kursa Exegetyki i bibliynych ięzyków: dla których dwa lata w Austryi a rok ieden w Rzymie powinienem poświęcić wedle Instrukcyi. Znayduiąc atoli Bibliyną tu Litteraturę w samych zarodkach i maiąc po sobie, obok wielu innych, zdanie pana Hammera, do którego wstęp winienem rekommendacyi J. O. Xiążęcia Lubomierskiego, że iest to zawiele dwa lata zostawać tam, gdzie same tylko początki oryentalnych ięzyków się daią, i że sposobiącemu się do Exegetyki Pisma S. daleko pożyteczniey byłoby udadź się do Rzymu i Paryża, mieysc nierównie obfitszych, niż Austrya, we wszelkie źródła i pomoce do tego przedmiotu, wprzódy, nim o tém doniosę w Rapporcie do Fakultetu Teologicznego Wileńskiego, ośmielam się do W. X. Mości naypokornieyszą przesłać prośbę o nayłaskawsze zezwolenie na podróż do Rzymu i Paryża w dwuch latach następnie idących.

---

*) Въ библ. Музея кн. Чарторыскихъ въ Краковѣ.

Co ieżeli skutek wezmie u W. X. Mości, Pana bacznego, mam nadzieię, że i druga prośba o podwyższenie pensyi wysłuchaną zostanie; zwłaszcza kiedy przy 500 rublach (dodaiąc nadto 100 rubli na podróż), na rok wyznaczonych, czuię poniekąd niedostatek w kraiu we wszystko obfitym, tym bardziey dałby się ten uczuć w dłuższey podróży i mieyscach z drogości na utrzymanie się doświadczonych.

Z naygłębszém uszanowaniem etc.

X. Michał Bobrowski,
kan. Brzeski.

Z Wiednia,
18 Marca 1818 roku.

2.

Jaśnie Oświecony Mości Xiąże!

Zaszczycony poważnem pismém Waszéy Xiążęcey Mości 1/13 Listopada z Bononii wysłaném, mam za naypiérwszą powinność odpowiedzieć wysokim zleceniom w niém zawieraiącym się tylé przynaymniéy, ilé zdołaią słabe me siły i pozwolą niniéysze okoliczności.

Nie śmiałbym W. X. Mość większéy wagi rzeczami zaymuiącego się trudnić czytaniém kopii owego rapportu, który 18/30 Października z Rzymu iuż posłałem do Uniwersytetu, ile że ten zawiera tylko dziennik moich zabaw długoletniéy podróży. Przetoż za rzecz przyzwoitszą poczytuię z tego rapportu wyiąć w treści to tylko, co rozumiem bydź godniéyszém uwagi W. X. Mości, a przy tém dodadź, coby mogło przynaymniéy cokolwiek zadosyć uczynić (ieżeli tylko zadosyć uczyni) wysokim rozkazom, lubo i tu przyznać się powinienem do nieudolności. Obeznać się bowiem z rozmaitémi Słowian dyalektami; widzieć ich różny doskonalenia się stopień w różnych epokach; odkryć różnicę i podobieństwo, iakie zachodzi między słowiańskiemi narodami w uprawie umysłu, obyczaiach, zwyczaiach; poznać uczonych i ich dzieła oraz instytuta naukowe lub religiyne i to wszystko w tym stopniu, iżby w szczegółach opisać, zdaie się bydź rzeczą niepodobną dla tego, co ledwie przez 6. miesięcy bawił się w niektórych słowiańskich krainach. Nadto ieszcze ieżeli w téy miérze zebrałem iakie wiadomości, czy z rozmowy z uczonymi słowianami, czy też z czytania dzieł historycznych i litterackich; te z innémi wypisami przy transporcie xiąg wysłałem z Wenecyi: a tak pozbawiony pomocy, tyle tylko mogę namienić, ile dostarczy pamięć niepewna.

Co do urządzenia naukowych instytutów tak świeckiéy, iak i duchowney młodzieży, to w całem państwie Austryackiém będąc prawie iednostayném nie wiele mogło przynieść nowych postrzeżeń. Przez Toskanią przeieżdżaiąc w czasie wakacyi, tém samém nie miałem zręczności dowiedzieć się o stanie edukacyi. W państwie Papiezkiém teraz się zaimuię rozpoznaniém planu i sposobu dawania nauk.

Badaiącemu się o starożytne zabytki, mogące służyć do piérwiastkowéy historyi polskiéy nic ważnego się nie nadarzyło ani w bibliotekach odkryć, ani się dowiedzieć od mężów biegłych w dzieiach słowiańskiego narodu, ieżeli tylko co podobnego nie

wyczytam w rękopismie słowiańskim, znayduiącym się w bibliotece watykańskiey pod N. 7019, obeymuiącym dzieie królów Dalmacyi i Kroacyi: który iest z wieku XI. i po kronice Nestora następuie wedle zdania uczonych. A ieżeli poznałem iakie dzieła tego rodzaiu celniéysze, drukiem ogłoszone, te przywiodę w ciągu moiego pisemka.

Wysokim listem W. X. Mości polecony JWM-u Italińskiemu Ministrowi, za iego poważném pośrednictwém mam iuż ułatwioną drogę do biblioteki watykańskiey i czekam tylko z upragnieniém na wiadomość o wyciągach Albertrandego, abym starannie rozpoczął dalszy ciąg tak ważney pracy.

Jeźlibym się nie zdawał nadużyvać funduszu edukacyynego, śmiałbym zanieść prozbę do Uniwersytetu o zezwolenie na rok czwarty podróży. W ten czas mógłbym poznać stan religiynych nauk w Bawaryi i we Francyi; mógłbym wysłuchać kursu arabskiéy litteratury Pana de Sacy, naybiegléyszego oryentalisty, i przypatrzyć się sławnemu instytutowi religiynemu S. Sulpicyusza; a powracaiąc przez Niemcy północne, miałbym czas i zręczność po temu poznać urządzenia uniwersytetów Akatolickich w Gettyndze, Halli, Wrocławiu itd., uczonych i ich dzieła a tak mógłbym porównać stan religiynych nauk, iaki iest teraz u Katolików i Protestantów. Tak śmiały krok posuwać nie ważę się bez skinienia wyraźney na to woli W. X. Mości.

Kilka kartek, zaymuiących opis moiey podróży przez kraie słowiańskie i krótki rys tychże litteratury, racz przyiąć W. X. Mość iako owoc niedoyrzały i przed czasem, iedynie w celu wypełnienia Pańskiego rozkazu zerwany przez tego, który oddaiąc sie naywyższym i nayłaskawszym względom W. X. Mości ma za naywyższy zaszczyt wyznać, że iest z naygłębszém uszanowaniém etc.

X. Michał Bobrowski K. B.

Z Rzymu,
14/26 Stycznia roku 1820.

3.

Do Bobrowskiego.

Odebrałem list WP. pisany z Rzymu, wraz z Rapportem, w którym widzę, z jakim pożytkiem używasz czasu i podróży. Zgadzam się z życzeniem WPana względem przedłużenia o jeden rok jeszcze wojażu i będę o to pisać do P. Malewskiego, lubo pewny jestem, że i on sam nieodmówi tego.

Dobre jest, żeś WP. zabrał [znajomośći] z uczonemi Słowianami. Nic mi niepiszesz, jakiego są ducha względem nas, innych Słowian, czy znają naszą litterat., czy rozumieją język Polski. Mam ja dawno na myśli zamiar utworzenia u nas Towarzystwa, któreby miało cel Historią i Litteraturę wszystkich narodów Słowiańskich. — Towarzystwo z wielu powodów mogłoby być w Warszawie lub Krakowie. Tow. to wydawałoby w swoim przedmiocie Roczniki i inne pisma, a wszystko to niewątpliwie miałoby korzyść dla nas wszystkich. Nie wiem, jak ta myśl przyjęta by była od uczonych Słowiańskich

w Niemczech, pod panowaniem obcej krwi i obcego języka literatura tamtejszych słowian może się krzewić w cieniu gorliwością pojedyńczych osób, ale jakże podnieść się zdoła? W takim stanie rzeczy pożądaną by i tam rzeczą być powinno związek uczonych, zbliżenie i odkrycie wzajemnych zapasów i potrzeb, rozszerzenie pola pracom uczonych, wreszcie ta rzeźwość umysłów, która ze wspólnego działania wynika.

Proszę także WPana, abyś mi kupił wszystkie pisma uczonych Raguzanów, sciągaiące się do Polski, tak te, o których w swoim rapporcie wspominasz, jak inne, które natrafić się zdarzy, oraz tłumaczenia słowiańskie klassyków Greckich i Łacińskich. Xiążki te odeszlesz do Livorno à Mr. Gueraci, secretaire du Consul de Russie. Chciey mi także przysłać wszelkie noty Bibliograficzne, któreś zebrał zwiedzaiąc Biblioteki w ciągu całym swey podróży.

Żałuję bardzo, żeś nie towarzyszył Solariczowi w jego uczonej podróży, o którem będąc we Włoszech wiele dobrego słyszałem. Straciłeś i towarzystwo uczonego człowieka i sposobność widzenia miejsc tak nas obchodzących. Zawsze nawet jest moim życzeniem, abyś był w Raguzie. Dwa lub trzy miesiące wystarczyłyby na całą podróż, którą w części morzem mógłbyś odbyć i niewieleby WP. odwróciła od głównego przedmiotu. Jeżeli więc wybierzesz się na tą podróż, staraj się poznać w Raguzie z X. Jerzym Ferrich, który ma mieć wielki zbiór xiąg i manuskryptów słowiańskich, oraz z Bartt. Bettera, który był sekretarzem stanu za dawnego rządu. Wybadaj się bądź sam, bądź przez kogo innego, czyby nie można tego ostatniego sciągnąć do Polski. Ofiaruję mu u nas katedrę, np. historyi albo diplomat. w jakiej szkole głównej. Mówiono mi o nim, jako o człowieku pełnym znajomości i znającym doskonale wszelkie bogactwa Archiwów tamtejszych, mogące wyjaśnić Historią Słowian. Proś go WPan, aby nauczył, co można w tej mierze zrobić, jakie są na to sposoby i wskazał osobę zdatną do tej pracy.

Mam niebawem odebrać regestr MSS., przepisanych w Rzymie przez Albertrandego, za odebraniem tego cały ten interes polecić WPanu, tym czasem staraj się obeznać z Bibliotekami Rzymskiemi, żeby potem prędzej trafić do żądanych przedmiotów.

(Черновикъ кн. Чарторыскаго.)

4.

Do Xięcia Kuratora. 26. Kwietnia do Paryża.

Wysokie rozkazy W. X. M. spełniać tyle, ile iest w moiey mocy, poczytuię sobie za chlubny zaszczyt i obowiązek znamienity.

Za wstawieniem się JWº Ministra Italińskiego znalazłszy wstęp do Biblioteki Watykańskiey, zacząłem przezierać katalogi rękopismów, a znayduiąc między niemi niektóre, służące do dziejów Polskich i Rossyyskich, mam za istotną powinność ich reiestru dołączyć do ninieyszego listu*).

*) Приложеніе въ черновыхъ бумагахъ Б. не сохранилось.

Nierównie trudnieysza iest otrzymać pozwolenie do Archiwum Watykańskiego, iako zależące bezpośrednie od Papieża. Ale i to wyrobić słowem swem upewnił JW. Minister, który czeka tylko na porę potemu. Co iak tylko nastąpi i będę miał zaszczyt otrzymać kopią reiestru Albertrandego, natychmiast w Watykańskim Archiwum zacznę przezierać katalogi, a co się znaydzie stosownego do historyi kościoła Polskiego, to spiszę w reiestr i W. X. M. przesłać nieomieszkam z doniesieniem o uczynioney umowie z kopiistą, abym mógł bydź upewniony, co się z tego W. X. M. będzie podobało mieć w kopii. Dozor takiey pracy zdaie ni się poruczyć nikomu lepiey i pewniey nie można, iak J. X. Mickiewiczowi, ieneralnemu niegdyś Prokuratorowi zakonnego zgromadzenia Bazylego W. w Polscze, a teraz Rektora kościoła Ruskiego Uniackiego pod tytułem Sergiusza i Bacha. Poważny ten kapłan i wiekiem i zasługami interessa sobie powierzane od duchowieństwa polskiego naytrafniey kończył w stolicy Apostolskiey do tego czasu, aż się otworzyła na nie droga Dyplomatyczna. Jeżeli otrzymam od Uniw. [przedłużenie] na rok 4-ty podróży, o co iuż wysłałem prozbę, skinieniem woli Pańskiey ośmielony, tedy będę się mógł dłużey w Rzymie zabawić i w sposobie tu wyrażonym wypełnić zlecenia W. X. M. Jeżeliby inaczey nastąpiło, to zostawię pomienionego Mickiewicza. Pierwszych dni Kwietnia W-ny Marcin Zalewski wyiechał z Rzymu na powrót do Litwy, a tak z dzielney pomocy pozbawiony iestem do takiey czynności.

Podróż do Dalmacyi myślę przedsięwziąć w miesiącu Sierpniu, kiedy się tu Uniwersytet i Biblioteki pozamykaią, abym godnie odpowiedział zamiarom W. X. M., ważnym dla dobra oświecenia; ieżeli tylko nie będę musiał tę przyspieszyć, odbieraiąc pomyślną odpowiedź od Solarycza, do któregom w tey mierze iużem się zgłosił, uwiadomiony o tem, że się ieszcze z Wenecyi nie wybrał na literacką podróż. W obudwu razach nieodbitą będzie powinnością donieść W. X. M. o stanie rzeczy, w którym tę zostawię.

Ponieważ czynienie umowy z kopiistą i skupowanie xiążek nie mogą się obeyśdź bez poprzedniczych wydatków, a nie maiąc innych dochodów prócz pensyi, którą ledwie mogę opędzić podróżne potrzeby; zatem ośmielam się udadź do nayłaskawszych względów W. X. M. z prozbą, abym mógł ieszcze przed wyiazdem z Rzymu otrzymać pieniężne posiłki z hoyney dłoni W. X. M.

Gotowy odbierać i spełniać rozkazy etc. M. Bobrowski.

(Черновикъ въ библ. гр. Замойскихъ.)

5.

11 Julii 1820. Do Xięcia Czartoryskiego do Genui (z Rzymu).

Jako wielkim iest dla mnie zaszczytem spełniać wysokie W. X. Mości rozkazy i układy, dla dobra oświecenia narodowego przedsiębrane; tak wyznać muszę nie bez zarumienienia się, że iuż naraziłem W. X. M. na wydatki, a ieszcze prawie nie iąłem się do dzieła, dla

mniey przyiaznych okolicznósci, które dotąd stoią na przeszkodzie nayszczerszey mey chęci przyniesienia iakieykolwiek posługi.

A naprzód nie mam dotąd pozwolenia od tuteyszego rządu ani do Archivum Watykańskiego, ani do Biblioteki i Archivum Collegium de Propaganda Fide. Częstokroć przypominałem to W-mu Zalewskiemu, ale iego stan zdrowia niestateczny i wyiazd wczesny z Rzymu zostawił rzecz nietkniętą.

Przy wręczeniu pisma W. X. M. wysoko poruczaiącego J. W-u Italiyskiemu samego oddawcę, otrzymałem obietnicę wstawienia się tam, gdzie należy. Późniey przypomniałem Ministrowi przez podanie prozby, na którą mi dał odpowiedź, że się postara iey zadosyć uczynić, upatrzywszy porę po temu. Daley nie odważyłem się bydź natrętnym. Późniey z powodu nadesłanych od Uniwersytetu wątpliwości o niektórych zdarzeniach przy wprowadzeniu Religii na Ruś, które JW. Hr. Rumiancoff podał w celu załatwienia przez wynalezienie na to autentycznych dowodów w Rzymie. Ale póki zostaię w Rzymie, radbym zaczął przynaymniey owe dzieło, a ciąg dalszy iego iuż [mogłaby] prowadzić osoba upatrzona: inaczey nie znayduię nikogo, komuby można było tyle zaufać, aby ie zaczął i skończył. Stąd zaśmiały może krok posuwam, upraszaiąc W. X. M. o pismo, Kardynałowi Conzalwiemu wprost polecaiące i proszące go i tego, którego proszący po sobie zostawi do przepisywania korrespondencyi z wyszczególnieniem wolnego wstępu nawet w czasie wakacyinym do Biblioteki Watykańskiey, która iuż iest zamknięta aż do 1-o Listopada; oraz do Archivum Watykańskiego i robienia wypisów. Wieleby też pomogło pismo do uczonego Maia Prefekta Biblioteki Watykańskiey. Drogę do Archivum i biblioteki Collegii de Pr. F. ułatwi list W. X. M. polecaiący Kardynałowi Fontana, iako Prefektowi tego Instytutu. Roku przeszłego znayduiąc się tu w podobnym przypadku litterat Węgrzyn, za polecaiącym listem iednego z magnatów Węgierskich, urzędowe otrzymał od Sekretarza Stanu pozwolenie do przezierania i przepisywania aktów Archivum Watykańskiego.

Za zleceniem W. X. M., które wyczytałem w liście J. P. Dobrowolskiego, odezwę iuż uczyniłem do J. P. Gołębiowskiego w celu utrzymania dalszey korrespondencyi, wskazania sposobu, iaki się zdawał bydź naydogodnieyszym do prędkiey wyprawy katalogu korrespondencyi wypisanych pracą Albertrandego.

Z Wilna nie maiąc dotąd wiadomości o przeznaczeniu, iakie mię na rok następny czeka, nie mogę przedsiębrać podróży do Dalmacyi: lubo nic na tem nie straciłbym, choćbym ią przewlokł do Września; owszem dłuższy pobyt w Rzymie posłużyłby do zaczęcia namierzonego dzieła i podróż w Dalmacyi ułatwił przez porozumienie się z niektórymi piśmiennymi. Solarycz w odpowiedzi na móy list wymawia się od podróży na ten rok słabością zdrowia i nieporozumieniem, iakie zachodzi między Duchowieństwem Katolickiem i Niemieckiem w Dalmacyi. Tak omylony na nadziei iednego z uczeńszych słowian, uczyniłem w tey mierze odezwę do Supana Professora przy Liceum w Lublanie: u którego iest w układzie (ile wiem, poznawszy iego osobiście, kiedym w roku przeszłym przeieżdżał przez stolicę Karniolii) corocznie poświęcać miesiące wakacyyne (Wrzesień

i Październik) na zwiedzenie kraiów słowiańskich południowych w przedmiocie piśmiennym. Już mi odpisał pomieniony Professor, przyymuiąc moie żądanie a razem dodaiąc, abym się przyłożył do wydatków podróży i na iego osobę. Warunek wprawdzie uciążliwy na moie położenie: ale nie chcąc tracić towarzystwa takiego męża, który i zna po części kray, i mowę i uczonych w Dalmacyi, a który może bydź mi szczególnieyszym przewodnikiem do rozpoczęcia tak korzystnych oświeceniu zamiarów W. X. M., chętnie i ten ciężar przyiąłem, odpisuiąc, że mię gotowego znaydzie do podzielenia się z tem, co mam od Uniw., ieżeli tylko będzie dostatecznem do utrzymania dwóch osób w podróży.

Od 14. Czerwca, kiedy Bibliotekę Watykańską zamknięto dla zaszłych wakacyi, zacząłem przezierać Akta Prokury Generalney X. X. Bazylianów Królestwa niegdyś Polskiego, dotąd zostaiące pod dozorem JX. Jordana Mickiewicza, iako bywszego prokuratora, i znalazłem w nich obfite źródło do historyi Kościoła Unickiego Polskiego, a niespodziewaiąc się, aby ie Albertrandy przezierał i wypisywał, ile czas pozwolił i zdrowie, sporządziłem po większey części katalog z natrąceniem poniekąd treści, wedle tego porządku, wedle którego Akta ułożył Wołodko, ieden z prokuratorów r. 1771 w 18 tom. zamknięte, nic z porządku rzeczy nie opuściwszy i zachowawszy styl tymże aktom właściwy. Jakakolwiek ta iest praca, tę iednak w chęci szczerey trafienia do myśli W. X. M. odważam się przesyłać. Może stąd będzie się zdawało W. X. M. co godnego do wyięcia w kopii, a wtenczas dosyć będzie Numer karty i tom oznaczyć, iakie są w katalogu położone. A tak robienie wypisów mogłoby się wkrótce zacząć i to tem łatwiey, że Archivum iest w mieszkaniu rodaka. Lubo i JX. Mickiewicz ma sobie za skrupuł pozwolić, aby wyiątki rzeczy duchownych miały poyśdź do świeckiey biblioteki, iak mi z tem wyraźnie dał słyszyć, kiedym mowę do tego zwrócił, atoli skrupuł taki można łatwo usunąć zaymuiąc i to Archivum pismem polecaiącem Kardynałowi Conzalwiemu.

Znacznieysza nierównie część podobnych urządzeń, wyroków i korrespondencyi tyczących się całego Kościoła Polskiego znaydzie się w Archivum Collegii de propaganda fide, tych mianowicie, które bezpośrednie wychodziły z kancellaryi tegoż Collegium. Wszystkie prawie polskie zgromadzenia Zakonne utrzymywały swych prokuratorów w Rzymie po klasztorach, w których prokurator z Polszczy bądź Dominikański, bądź też Franciszkański, Jezuicki itd. przebywał. Tym więc sposobem możnaby nie mało znaleźć materyałów do historyi Łacińskiego Kościoła, podobnie iak pomienione akta posłużyć mogą do dzieiów Kościoła Ruskiego.

JX. Mickiewicz iako się wprzód zdawał chętnie ofiarować swoię posługę W. X. M., tak teraz od niey zupełnie usuwa dla tego, aby nie zrobił zawodu dla nienaylepszego zdrowia, na którem zwłaszcza w tey porze znacznie podupadł. Przetoż nie mogąc znaleźć na to mieysce polaka równie zdolnego, iak JX. Mickiewicz, upatrzyłem JX. Capor, rodem z Dalmacyi, przełożonego nad kanonikami Kościoła Illiryyskiego, męża ze wszech miar słusznego, przyymuiącego tę posługę bardziey z przywiązania ku imieniowi narodów Słowiańskich,

niż dla zysku; nadto ofiaruiącego się własną ręką robić wypisy. Już z nim wszedłem w umowę, mocą którey JX. Capor obowiązuie się i wynaleźć w archiwach żądane korrespondencye i na swoim papierze wyraźnie i zgodnie z oryginałem przepisać: za co z mey strony obiecałem płacić po 3. pawły od każdego arkusza. Dał próbę własney swey ręki na pierwszych arkuszach przyłączaiącego się tu Katalogu, gdzie iednakże przy odczytywaniu postrzegałem niektóre uchybienia w imionach własnych kraiów, miast, ludzi, do których sprostowania potrzeba nieodbicie Polaka rzecz znaiącego. Sam Capor zna to dobrze i obiecuie w wątpliwościach zasięgać rady u JX. Mickiewicza. Podobno wypadnie coś naddadź za poprawę każdego arkusza. Korrespondencyą z JX. Caporem można będzie utrzymywać po łacinie albo po włosku. I w obudwu tych ięzykach przyłączam tu adress, który napisał sam Capor. (R-mo D-no D-no meo Col-mo D-no Joanni Capor S. Hieronymi Illyricorum de Urbe Archipresbytero. Al. Reverendiss-o Sigr. Pro-ne Co-mo Il Sigr. Don Giovanni Capor Arciprete in S. Girolamo degl' Illirici. Roma). Jeżliby to było niedogodnie, można i po polsku listy przesyłać przez pośrednictwo JX. Mickiewicza, który rad utrzymuje korrespondencyę z wszelkiemi rodakami. W zachodzących trudnościach, aby znalazł pomoc i obronę JX. Capor, zapewnie W. X. M., iak raczyłeś namienić w iednem ze swoich pism, iego polecisz opiece Ministra Italińskiego — i ieźli się tak będzie podobało W. X. Mości, wymienisz w odezwach do Kardynałów wspólnie z tym, który zawsze i wszędzie iest gotowy na usługi W. X. M. etc. X. M. Bobrowski.

Z Rzymu,
15. Lipca 1820.

(Черновикъ въ библ. гр. Замойскихъ.)

6.

Dla niespodzianego zbiegu pomyślnieyszych okoliczności tak nagle musiałem Rzym opuścić w celu przedsięwzięcia podróży do Dalmacyi, że czasu nie miałem tyle, abym W. X. Mości mógł donieść o tém postanowieniu: ale dopiero stanąwszy w Ankonie i znalazłszy chwilę po temu, spieszę dopełnić istotną tę powinność.

Nie znayduiąc w porcie nawy, prosto płynącey do Raguzy, dnia iutrzeyszego wsiadam do tey, która zmierza do Spalatro: stąd łatwo można się dostać do Raguzy, a tak za tydzień, ieźli tylko pomyślnie póydzie żegluga, spodziewam się stanąć na mieyscu.

W Rzymie zostawiłem dzieło w zawieszeniu, ponieważ wiele niedostawało do iego rozpoczęcia. Jeżeli w miesiącu Październiku nie będę mógł sam powrócić do Rzymu, iak sobie namierzyłem, to przynaymniey mogę się spuścić zupełnie na P. Kapora korrespondenta i uskutecznić to listownie, czego osobiście nie zdołałem.

Tym przyiemnieyszą dla mnie stanie się ta podróż, im bardziey sprzyiać będą okoliczności do uskutecznienia wysokich W. X. Mości zleceń. Dla tego bowiem w szczerey chęci poświęca się teraz z naygłębszém uszanowaniém etc. X. Michał Bobrowski.

Z Ankony,
15/27 Sierpnia 1820 r.

7.

Jaśnie Oświecony Xiąże!

Nad wszelkie moie spodziewanie i szczęśliwie stanąłem na brzegach Dalmacyi i w ciągu podróży przez ten kray wszelką znayduię łatwość wypełniania tey instrukcyi, którą W. X. Mość raczyła mi podadź na piśmie z Paryża 12 Marca r. bieżącego.

Przybywszy do Raguzy, znalazłem w osobie F. Appendiniego to wszystko, co w Pradze roku przeszłego miałem szczęście odbierać od uczonego Dobrowskiego. Powszechnie poważany i wzięty u wszystkich mąż ten otworzył mi skarby, iakie tylko Raguza posiada we względzie Słowiańskiey litteratury, ułatwił znaiomość z uczonymi i chętnie przyiął na siebie posługę postarania się dla W. X. Mości o dokładne kopie tłumaczeń, które z greckich i łacińskich klassyków sporządzono w Dalmacyi. Nadewszystko szczęśliwe dla mnie zdarzenie, że mąż ten przedsiębierze témi dniami uczoną podróż przez Dalmacyą. Towarzyszyć mu w tym zawodzie mam sobie za niepospolity zaszczyt i spodziewam się zbierać obfite plony.

Rapport o tey podróży nie wprzódy przesłać mogę W. X. Mości, aż po iey ukończeniu, kiedy, stanąwszy w Paryżu, czas znaydę po temu. Teraz śmiem tyle tylko namienić, przy złożeniu naygłębszego uszanowania etc. X. Michał Bobrowski.

Z Ragusy,
10/22 Września 1820.

8.

Do Xięcia Kuratora.

Z obowiązku posyłaiąc Uniwersytetowi rapport o przeszłoroczney podróży w ninieyszem pismie winienem W. X. M. iaśniey się wytłomaczyć z tych czynności, ktore starałem się wypełniać stosownie do woli Waszey Xięciey Mości listownie oświadczoney, a które uznałeś za rzecz przyzwoitą oddzielić od rapportu.

Za listem W. X. M. polecaiącym Kardynałowi Sekretarzowi Państwa Papiezkiego otrzymawszy dla siebie i dla Kapora Arcyprezbitera rządowe pozwolenie tak do Archivum i Biblioteki w Watykanie, iak i do bibliotek zgromadzeń zakonnych, tych mianowicie: XX. Dominikanów (Casanatensis), XX. Augustyanów (Angelica), XX. Karmelitów, XX. Bernardinów (in Ara coeli) i do X. Mickiewicza Rektora kościoła Madonna del Pascolo, chciałem korzystać z takiego pozwolenia, zaczynaiąc od Archivum Watykańskiego, iako ukrywaiącego w sobie naydawnieysze i nayrzadsze dokumenta. Monsignor Marini przełożony nad tem Archivum na moie żądanie pozwoleniem rządowem upaważnione odpowiedział, że prócz niego nikt nie ma prawa weyść ani krokiem do Archivum, bez wyraźney woli Oyca S., i że się sam ofiaruie katalog zrobić korrespondencyi i dokumentów, tyczących się historyi kościoła Polskiego. Przestałem na takiem oświadczeniu się prałata, poruczaiąc Kaporowi, aby przyiął ten katalog, kiedy będzie wygotowanym.

Ponieważ Mgr. Mai obiąwszy dozór nad Watykańską Biblioteką zaiął się iey urządzeniem i sporządzeniem dokładnieyszych katalogów, zatem nie tracąc czasu na przezieranie dawnych katalogów, które stały się nieużytecznymi, a korzystaiąc ze szczególnieyszey dobroci Maia, trudniłem się czytaniem rękopismów słowiańskich bibliynych i historycznych, robieniem z nich wypisów stosownych do krytycznego ich opisania, które w części zrobione na żądanie szanownego prałata zostawiłem nieiako przez wdzięczność dla biblioteki, równie iak i katalog drukowanych xiąg Sł. tych wszystkich, które mi sam prałat okazał w tym celu*). Obok tego w Bibliotece Kazanateńskiey XX. Dominikanów przeyrzałem katalogi rękopismów i wyiątki z nich posyłam przy rapporcie. JX. Kaporowi poruczyłem katalogi przezierać innych bibliotek i to z nich wypisywać, co się tyczy Królestwa Polskiego i państw jemu ościennych, starać się o nabycie dzieł drukowanych, dla dopełnienia biblioteki Puławskiey wedle reiestru na koniec ten przysłanego od P. Gołębiowskiego; mieć oko na rękopisma, sciągaiące sie do rzeczy szukaney, które się częstokroć na licytacyach zwykły przedawać, utrzymywać korrespondencyą w tym względzie z P. i przesyłać swe prace i xiążki nabyte do Livorno do Pana Guerazzi z poruczeniem, aby ie przesyłał do Puław. Wskazanie tego, co ma kopiować, zostawiłem dalszemu czasowi, kiedy będę wiedział z pewnością, czego nie staie w bibl. Puławskiey i co godnem jest łożenia kosztu na kopie. I w takim stanie zostawiłem dzieło w Rzymie. — Dalszy ciąg w Rapporcie pod odsyłaczem A.**)

9.

Jaśnie Oświecony Mości Xiąże!

Na skutek listu W. X. Mości, polecaiącego mię kardynałowi Consalvi, otrzymawszy w miesiącu Lutym pozwolenie do Bibliotek dla kopiisty Capor, iużem zamierzał puścić się w dalszą drogę, ale ciekawość widzenia Pompei, Herculanum i Paestum oraz mnogich starożytności w Neapolu, a zręczność potemu z rady JWW° Italińskiego nadarzaiąca się tam poiechania z Generałem Ostermann Tołstoy,

*) Письмо это писано, очевидно, уже по выѣздѣ изъ Рима. Въ бумагахъ Бобровскаго (рук. № 41, въ библ. Замойскихъ) находимъ слѣдующую относящуюся сюда замѣтку: »Roku 1820 przy końcu Listopada powróciwszy z Dalmacyi do Rzymu w Bibliotece Watykańskiey przezieraiąc xiążki słowiańskie drukowane i spisuiąc wiadomości do bibliografii na żądanie Monseniora Anioła Mai, Przełożonego nad tąż Biblioteką, przy każdey xiążce, która się do moiey ręki dostała, krótkie zostawiłem iey opisanie, nadto naznaczaiąc każdą z osobna numerem oddzielny katalog tychże xiąg sporządziłem, podzieliwszy ie na trzy rzędy wedle troiakiego charakteru, iakim są drukowane, to iest na xięgi słowiańskie charakterem cyryllickim, Jeronimowym, czyli Głagolickim, i łacińskim, zwanym u włoskich drukarzów schiavetto«.

**) Такъ оканчивается это письмо; непосредственно слѣдуетъ продолженіе какого-то иного письма. Черновикъ этого письма (№ 8) — въ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. гр. Замойскихъ.

była przyczyna, żem się tak bardzo opóźnił, kiedy dopiero pierwszych dni Sierpnia stanąłem w Paryżu. Z takiego opóźnienia się nie śmiem siebie tam usprawiedliwiać, gdzie sama rzecz obwinia: zwłaszcza, że zboczenie to z drogi nie wchodząc w instrukcyą Uniwersytetu było na przeszkodzie do uskutecznienia iey przepisów.

Kiedy z iedney strony bez zarumienienia się wyznać tego nie mogę; z drugiey przeiechać tylko przez Paryż i Niemcy północne, aby pospieszyć na Wrzesień do Wilna iako na czas naznaczony do powrotu, a niekorzystać z kosztu na tak rozwlekłą drogę łożonego, poczytuię za nierozsądek i nadużycie dobrodzieystw Rządu: przetoż z wielką nieśmiałością zanoszę prozbę do W. X. Mości o nayłaskawsze zezwolenie na dłuższy pobyt w Paryżu, abym miał czas korzystania z naukowych skarbów, które posiada ta stolica. Poznać cokolwiek więcey ięzyk Arabski pod przewodnictwem piérwszego mistrza de Sacy, zebrać wiadomości o stanie szkół duchownych we Francyi i o teologiczney literaturze, przeyrzeć rękopisma słowiańskie w bibliotece królewskiey, są to celniéysze powody do niniéyszéy prozby. Możeby przy tém znalazła się łatwość do wydrukowania kroniki Dalmackiéy z XII. wieku, którą z rękopismu Watykańskiego przepisałem.

Rzecz tą przedłożyłem Rektorowi Uniwersytetu: którą ieżeli zgodną z dobrem Edukacyi znaydzie W. X. Mość, mam nadzieię w nayłaskawszych względach, że naywyższą opieką wspartym będę.

Jako syn posłuszeństwa ku swoiéy zwierzchności, nie śmieiąc ani krokiem daléy postąpić, oczekuię z upragnieniém na skinienie woli W. X. Mości, iedynie namierzonéy do dobra oświecenia, dla którego poświęcać wszystkie swe siły ma za naywyższy zaszczyt etc.

X. Michał Bobrowski.

Unikaiąc wydatków na pocztę, rapport z podróży w Dalmacyi i o czynnościach w Rzymie z niektóremi przydatkami wręczę Panu Dobrowolskiemu.

Z Paryża,
16/4 Sierpnia 1821 r.

10.

Jaśnie Oświecony Xiąże!

Pozwolenie na pobyt w Paryżu do Nowego roku, nad wszelką nadzieią otrymane od Uniwersytetu, poczytuiąc za skutek wysokiey protekcyi W. X. Mości, szczególniey zaszczycaiącéy iednego z nayniższych sług swoich, tyle na mnie wkłada nowych obowiązków, ile podaie zręczności do zbierania obfitych plonów oświaty w tey nauk stolicy.

Przez Pana Gail, któremu Pan Dobrowolski mię polecił, otrzymuię z łatwością rękopisma w bibliotece królewskiey i mam przystęp do ludzi uczonych i do zakładów edukacyynych.

JX. Lanci Professor arabskiego ięzyka w Uniwersytecie Rzymskim, znany z rozpraw uczonemu światu, a co do znaiomości wschodnich ięzyków pierwsze po Panu de Sacy trzymaiący mieysce, iedzie

do Petersburga przy boku Generała Ostermann-Tolstoy. Używaiąc iego instrukcyi w Rzymie wyrozumiałem, iż nie byłby dalekim od przyięcia katedry wschodnich ięzyków w Uniwersytecie Wileńskim. O takim litteracie odważyłem się namienić w mniemaniu, czyliby się nie przypadł do widoków W. X. Mości, zwłaszcza że przeieżdżaiąc przez Warszawę i Wilno może będzie miał zręczność dadź się poznać osobiście W. X. Mości. Z naygłębszém uszanowaniém etc.

X. Michał Bobrowski.

Z Paryża,
10. Listopada 1821 r.

11.

Do X. Czartoryskiego.

Winienem wprawdzie WXMci zdadź sprawę z piątego roku moiey podróży: ale kiedy w powrocie przyspieszonym nie mam tyle czasu, abym się mógł zupełnie wypłacić z obowiązku moiego, tedy raczy WXM. przyiąć wiadomość przynaymniey w ogólności o moich zabawach w Paryżu i Niemczech, a w szczególności dziennik tygodniowey podróży przez Wyższą Luzacyą. Mowa i litteratura Luzatów, należąc do słowiańskich, nie mogły nie zaiąć choć na chwilę uwagi tego, który i z obowiązku i z chęci zbierania zabytków słowiańskiey litteratury pragnie cokolwiek przyłożyć do owych uczonych prac Dobrowskiego i Lindego. Pisemko to prawie w drodze układane znaydzie u JO. Xięcia przebaczenie tych myłek, które się wkraśdź mogły przy uwadze częstokroć roztargnioney, iak bywać zwykło w podróży. W ofierze to składam nie iako iuż dzieło dokończone, dle iako dowód uczenia się. Z naygłębszem uszanowaniem etc.

S. d. et l. (Черновикъ въ библ. гр. Замойскихъ.)

12.

Jaśnie Oświecony Xiąże!

Obranie na professora nadzwyczaynego iako iest dla mnie zaszczytem i pobudką do zupełnego poświęcenia się w naukowym zawodzie, tak przeznaczenie 500 rubli roczney pensyi, nim nadeydzie potwierdzenie, nie odpowiadaiące ani temu, co iuż pobierałem na woiażu, ani dawaniu lekcyi Pisma S. po 6. godzin na tydzień a po 2. godziny ięzyka arabskiego, zniewala mię do zaniesienia naypokornieyszey prozby do Jaśnie Oswieconego Xięcia o ostateczne a zawsze sprawiedliwe postanowienie w tey miérze. Z naygłębszém uszanowaniem etc.

X. M. Bobrowski.

Z Wilna,
4/16 Października 1822 roku.

XV. Письма М. Бобровскаго къ С. Малевскому *).

1.

18. Grudnia do Rektora odpowiedź na list 16. Octobris.

»...Zlecenie uczynienia dla JW. Graffa Rumianzoffa przysługi wypełnić nie omieszkam i dosyć wynagrodzony będę w mej pracy, ieżli trafem szczęśliwym cokolwiek wynaydę na potwierdzenie owych historycznych domysłów. Obok tego pod datą 1/13 Listopada otrzymałem zlecenie od JO. Kuratora z Bononii nadesłane, aby wyszukać korrespondencye papiezkie z dworem Polskim i razem aby przesłać do miasta Nice, dokąd się wkrótce Xiąże udaie, pismo na podane punkta: ‚Jak tam (w Styryi i Dalmacyi) długo bawiłeś, iakie we względzie historycznym zrobiłeś postrzeżenia i t. d.‘ Stosownie więc do tego zlecenia gotuię teraz opisanie moiey podróży przez kraie słowiańskie, w którem wypadnie wiele umieścić z Rapportu iuż posłanego do Uniwersytetu, bo niespodziewa się go Xiąże odebrać z Wilna, znayduiąc się teraz za granicą, iak sam na wstępie wyraża.«

(Извлеченіе).

2.

List do Rektora, pisany z Rzymu 1820. Kwietnia 5.

Już myślałem o powrocie do Wilna, kiedym na pismo, obejmujące krótką wiadomość o moiey podróży przez kraie Słowiańskie, otrzymał list od JO. Xięcia Kuratora z Paryża, gdzie wyczytałem między innemi, że wolą jest Xięcia, abym zwiedził Raguzę w celu zabytków historyi i litteratury słowiańskiey, że ta iest zgodna z moiem życzeniem (którem był oświadczył w namienionem pismie), względem przedłużenia woiażu na rok ieszcze ieden, ze JO. Xiąże ma o to pisać do JW-o Pana. Nadto mam wysoki rozkaz wynaleźć w Archiwum Watyk. korrespondencye Papieżów z Jagiellończykami i ich wyięcie poruczyć osobie zdolney do takiey pracy, co wymagać będzie dłuższego nad zamiar pobytu w Rzymie. Temi i innemi przyczynami ośmielony przesyłam do Rady Uniw. prózbę o przedłużenie podróży na rok czwarty.

Jakakolwiek rezolucya nastąpi, tą radbym otrzymał iak nayprędzey w Rzymie, abym stosownie do iey brzmienia potrafił rozrządzić dalszym czasem i tego użyć odpowiednio zleceniom Uniw.

Prożba do Uniwersytetu. Z Rzymu dnia i roku tegoż.

Szczera chęć dalszego usposobienia się w naukowym przedmiocie, dla którego z postanowienia Uniw. przez rok trzeci odbywam

*) Черновики ихъ—въ библ. гр. Замойскихъ въ Варшавѣ.

podróż w Niemczech i we Włoszech, ośmiela niżey podpisanego przesłać do prześw. Rady Uniw. pokorną prozbę o przedłużenie woiażu na rok czwarty, a to dla następuiących powodów:

Poznać urządzenie oddziałów Teologicznych w Landshucie, Freyburgu i Wrocławiu; poznać sławny Instytut duchowny S. Sulpicyusza w Paryżu; widzieć zbiór nayrzadszy rękopismów biblii w Parmie, staraniem uczonego de Rossi uczyniony, oraz iedyny zbiór edycyi pisma S. w Stutgarcie; przeyrzeć rękopisma biblii słowiańskiego przekładu, znayduiące się w królewskiey bibliotece Paryzkiey, i z nich celnieysze wybrać czytania; wysłuchać kursu ięzyka arabskiego u Pana de Sacy; zabrać znaiomość z biegleyszemi w krytyce i wykładaniu pisma S. Professorami, iakoto z de Rossi w Parmie, Hugem w Freyburgu i Derczerem we Wrocławiu; wrescie zwiedzić nadarzaiące się po drodze niektóre przynaymniey Uniwersyteta Akatolickie i poznać się ze Schnurerem, Paulusem, Eichhornem, Rosenmüllerem i Geseniuszem, autorami sławnymi z uczonych dzieł exegetycznych: te ma widoki proszący, w których życzyłby sobie odprawić w roku czwartym podróż przez Francyą, Bawaryą i Niemcy północne w celu nieiako dopełnienia znaiomości litteratury exegetyczney i oryentalney i nabycia ogólnego wyobrażenia o stanie nauk, szczególniey duchownych w Europie. Nadto wyczytał proszący z listu JO. Xięcia Kuratora wyraźną wolę, abym nieomieszkał zwiedzić Raguzę dla zebrania tam wiadomości o historyi litteratury słowiańskiey.

Dotknięte powody ninieyszey prozby oddaiąc pod rozwagę i uchwałę Prześw. Rady Uniwersytetu, oczekuię na pożądany iey skutek. M. Bobrowski.

W Rzymie,
5 Kwietnia/24 Marca 1820 roku.

3.

Do Rektora 12 Maia 1820.

Pod datą 24 Marca/5 Kwietnia przesyłaiąc do Uniwersytetu prozbę o przedłużenie podróży, upraszałem i JWPD., by na przypadek pomyślney odpowiedzi na prozbę dwie części roczney pensyi do Paryża, a 3-cią część do Medyolanu były nadesłane. Ale ponieważ w liście, niedawno nadesłanem od JO. Xięcia Kuratora, wyczytuię wyraźną wolą, abym i w Rzymie się dłużey nieco zabawił dla przeyrzenia Archiwum Watykańskiego i w Dalmacyi przynaymniey trzy miesiące przepędził przy zwiedzeniu tamecznych bibliotek i archiwów, na co niemało kosztu łożyć wypadnie, nadto doznaiąc dolegliwości, ponieważ większe nad zwyczay wydatki czynić muszę; przetoż z wielką nieśmiałością prozbę zanoszę do JWP. Dobr., aby ta część pieniędzy, która miała przyyśdź do Medyolanu, mogła przyyśdź do Rzymu i to nieco wcześniey, tak iżbym opuściwszy Rzym na zawsze z zapasem puścił się w drogę do Dalmacyi i daley. Wyiechać z Rzymu późniey nie mogę iak na początku Sierpnia.

4.

Do Rektora z Zary 30. 8-bra.

Opuściwszy Rzym 18. Sierpnia stanąłem szczęśliwie na brzegach Dalmacyi przy końcu tegoż miesiąca. W Raguzie, w Spalatro i w Zarze dłużey nie zabawiłem, niżeli w mnieyszych Dalmacyi miasteczkach, iakoto: w Makarsce, Trau, Sebeniko i w Skardonie, bo te tylko przeiazdem widziałem. Podróż moia tym była pomyślnieyszą, że, mimo rzadką gościnność obywatelów możnieyszych i ubogich Morlachów, doznałem szczególnieyszey opieki od osób Rządowych, mianowicie od JW-o Gubernatora Dalmacyi Tomaszicza i od Rea, kapitana CyrkułuS palatryńskiego. Za pośrednictwem ostatniego Mioszicz, Professor Gimnazyum w Spalatro, ięzyki i kray dobrze znaiący, towarzyszył mi w podróży, odbywaney wzdłuż rzek Cettyny aż do Zary i Kerki. Przez Gubernatora zaś wezwany miałem zaszczyt zasiadać w gronie uczeńszych Dalmatynów do Zary w tym iedynie celu zebranych, aby ułożyli iednostayną oyczystey mowy pisownią dla całey tey prowincyi, w którey dyalekt raguzański różni się szczególniey pisownią od dalmatyńskiego. Wedle pisowni, na którą się zgodzą uczeni kraiowcy, maią bydź codex austryacki tak cywilny iak i kryminalny, oraz xiążki elementarne dla szkół normalnych na illiryyski ięzyk przełożone i wydrukowane. I ta iest przyczyna, dla którey nad móy zamiar drugi tydzień bawię się w Zarze, którą iednak spodziewam się opuścić dnia iutrzeyszego, ieźli wiatr będzie po temu. Zlecenia JO. Xięcia Kuratora dosyć pomyślnie spełniłem iuż w części, a w części spełnię przez listowne korrespondencye z Appendynim, Rektorem piiarskiego Kollegium w Raguzie. Zdrowie mi służyło wśród rozmaitey podróży przez morze i kraie gorzyste bezludne. WWJXX. Professorom wyraz głębokiego uszanowania przyłączam. Oddaiąc się nayłaskawszym względom Pańskim etc.

M. Bobrowski.

5.

30/18 Marca z Neapolu.

Podróż moia przez Dalmacyą iakożkolwiek była szczęśliwą, ta iednak przedłużona do miesiąca Listopada, za wzmaganiem się wiatru szyroko tyle się okazała przeciwną, iż mimo zamiaru moiego wylądowania w Tryescie i przedsięwzięcia dalszey podróży przez Bawaryą do Paryża, po dwutygodniowem błąkaniu się po Adryatyku na okręcie zaniesiony na brzegi Włoskie ledwie w porcie Ankony wylądowałem bezpiecznie. O czem z Ankony pisałem do JW. Pana, równie iak z Raguzy i Zary doniosłem o swoich czynnościach. Podróż pewnieyszą przez ląd przedsięwziąłem udaiąc się na powrót do Rzymu, gdzie znayduiąc listy JO. Kuratora, maiące rozkazy wyszukiwania korrespondencyi Stolicy apostolskiey z Dworem Jagiellońskim, zaiąłem się tem dziełem, ile można było naypospieszniey. Wkrótce Włoch

zaburzenia równie tey sprawie, iak dalszey moiey podróży stawaiąc na zawadzie dłużey nad zamiar mię zatrzymały w stolicy Chrześciaństwa. W niespokoyności więc gdy oczekuię na zabespieczenie dalszey podróży, Generał Ostèrman Tołstoy chce mieć mnię z sobą w drodze do Neapolu i Paryża. Za radą Italińskiego Ministra przyymuię tą ofiarę, zwłaszcza że pocztą i przy boku takiego męża spodziewałem się odbydź iak nayspiesznіey i naybezpieczniey tę drogę; nadto widzenie starożytności w Neapolu, drogich zabytków Pompei, Herkulanu i Pestu, lubo nad plan moiey podróży, zawsze iednak korzystne obiecywało owoce. Jestem więc w Neapolu mimo me nadzieie i wkrótce na powrót przez Rzym do Paryża i Niemiec północnych spodziewam się udadź. W takim rzeczy zwrocie wątpię, abym mógł stanąć w Wilnie przed S. Piotrem, iak sobie namierzyłem; pospieszać iednak ile możności, zwłaszcza że in fine cursus velocior, obowiązek móy każe, abym przynaymniey przed otwarciem Uniwersytetu stanął na mieyscu. JWP. iako naczelnik Uniwersytetu mocen iest mną rozrządzić iak się będzie zdawało, powierzaiąc posługę wykładania Pisma S. z postanowienia Fakultetu Teologicznego i z Rady Uniwersytetu... [обрѣзано]. Jeżeli da Bóg szczęśliwie powrócić, złożę dowody mych zabaw i usposobienia w rzeczonym przedmiocie. Teraz nie mam pewności i stronię od niepotrzebnych wydatków, któreby łożyć wypadło na przesłanie i wykupienie rozprawy. Raczysz przynaymniey JW. Pan przyiąć oświadczenia etc.

M. Bobrowski.

6.

20 Sierpnia z Paryża do Rektora.

Z Neapolu 30. Marca miałem zaszczyt donieść JWW. Panu o namierzonym powrocie przez Paryż i Niemcy północne do Wilna. Lubo w długiey tey podróży starałem się iak nayprędzey pospieszyć, atoli przeieżdżaiąc przez całe Włochy i Francyą południową dla zbyteczney ciekawości widzenia tego wszystkiego, co się nastręczało godnego uwagi, tak się opóźniłem, iż po kilkomiesięczney podróży ledwie pierwszych dni Sierpnia stanąłem w Paryżu, skąd nie wprzódy wyiechać wypadnie, aż odbiorę od JWW. Pana stosowne zlecenie, a to dla dwóch szczególniey przyczyn. Naprzód, przeiechać tylko przez Paryż i Niemcy północne, aby na wrzesień stanąć w Wilnie, a dla zbytecznego pospiechu nie mogąc korzystać z podróży, nie bez znacznego kosztu czynioney, iako nie iest zgodnem z instrukcyą Uniwersytetu, tak zdawałoby się nadużywać funduszu edukacyynego: ileże czuię potrzebę dalszego wydoskonalenia się w moim przedmiocie, do czego znaiduię w Paryżu więcey niż gdzieindziey pomocy; biblioteka królewska posiada liczne rękopisma słowiańskie, które radbym przeyrzał i opisał tak, iak zrobiłem z podobnemi rękopismami biblioteki Watykańskiey; większą tu łatwość niż gdzieindziey upatruię do wydania kroniki w dalmackim ięzyku z wieku XII-go, którą przepi-

sałem z rękopisma Watyk. Te powody ośmielają mię pokornie upraszać JWW. Pana o przedstawienie Uniwersytetowi: azaliby się nie zdawało przedłużyć do półroku moią podróż z przeznaczeniem zwyczayney iak dotąd pensyi? O czem piszę i do JO. Xięcia Kuratora. Powtóre z banku Lafit odebrałem wprawdzie fr. 2445, ale po zaspokoieniu tego, co się skąd inąd brało przez 9 miesięcy, nie zostało mi tyle, iżby zupełnie wystarczyło na drogę z Paryża do Wilna. Jeżeliby więc nie nastąpiło dobrodzieystwo przedłużenia podróży, to racz JWW. Pan przynaymniey cokolwiek przysłać na drogę z pensyi następuiącego roku: byłby albowiem nierozsądek z mey strony puszczać się w dalszą drogę bez dostatecznych do iey ukończenia zasiłków. Nie narażaiąc kassy Uniwersytetu na opłacenie poczty za pakę grubą rapportu o podróży we Włoszech i Dalmacyi odbytey, wręczyłem tę JP. Dobrowolskiemu Sekretarzowi Xięcia Kuratora, temi dniami maiącego wyiechać z Paryża. Z naygłębszem uszanowaniem

Mieszkam
w Hotelu de trois balances № 6.

M. Bobrowski.

7.

Do Rektora Malewskiego z Paryża 1821. 10. 9-bris.

Z obu listów w Paryżu odebranych wyczytuiąc widoczne dowody szczegó'nieyszych względów JWW. Pana ku mnie, pospieszam z wynurzeniem nayżywszego uczucia wdzięczności. Na skutek wexlu przysłanego odebrałem od Bankiera de Laffit 1974 fr. Dłużey w Paryżu się nie zabawię, iak do ostatnich dni Grudnia. W Styczniu puszczę się w podróż, acz przykrą dla nieznośney pory roku, iednakże będę usiłował zwyciężyć zawady przykrego powietrza choćby z uszczerbkiem zdrowia, abym stanął na mieyscu w miesiącu Lutym i spełnił to, co postanowiono na Radzie Uniwersytetu ...

Racz JWW. Pan przyiąć wyraz etc. Bobrowski.

XVI. Письма М. Бобровскаго къ А. Добровольскому *).

1.

Извлеченіе изъ письма »Z Rzymu 1. Lipca 1820«.

... Muszę się zarumienić, żem na wydatek Xięcia iuż naraził, gdy tym czasem anim zaczął dzieła poruczonego. Ale nayszczérsze me chęci spełnienia wysokich poleceń dotąd znayduią tamę w otrzymaniu trudném wstępu do Archivum Watykańskiego i w niedostatku owego katalogu.

*) Въ библ. Музея кн. Чарторыскихъ.

Jużem w tey mierze uczynił odezwę do JP. Gołębiowskiego. JM. X. Mickiewicz inney drogi do przysłania owych papierów nieznayduie, iak przez Bankierów . . . .

Na pocztę następuiącą gotuię reiestr różnych pism i korrespondencyi tyczących się szczególniey unii w Polscze i historyi kościoła Greko-Uniackiego: które spisałem w Archivum JX. Mickiewicza iako bywszego Jeneralnego Prokuratora Bazylianów, dotąd pod swoim dozorem utrzymuiącego różne Papieżów, Królów, Biskupów i duchownych Unickich tak świeckich, iak i zakonnych listy, bulle, odezwy, dekreta, processa, decyzye itd., przytem w pismie do Xięcia będę się starał iaśniey wytłumaczyć z przeszkod, dla których wysokie rozkazy ieszcze się nie spełniaią, oraz prosić o dzielną rekommendacyą do przyspieszenia ich skutku . . .

Xiąże poruczył mi skupienie xiążek niektórych słowiańskich, w dyalekcie dalmackim: radbym iednak wiedział, iakie szczególniey mieć żąda Xiąże. X. Michał Bobrowski.

2.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

W poprzedzaiącym liście do WMPana Dobrodzieja namieniłem, że na pocztę następuiącą wyprawię katalog rękopismów: ale iak na nieszczęście w tymże samym dniu febra Rzymska przyprawiła mię do łóżka — i ledwie w godzinach wolnych od paroxyzmów rzeczoną korrespondencyą mogłem iakokolwiek wygotować. Stądto i katalog ów nie tak zrobiony iak bydź powinien. Ale przesłaniem iego chciałem uprzedzić wyiazd Xięcia z Genui dla prędszey rezolucyi. Stąd Raptularz niepoprawny dałem do przepisania. Stąd po dwa i po trzy razy tytuł iedney rzeczy się znaydzie w katalogu: gdyż robiąc z Akt katalog zachowałem taki porządek, albo raczey nieład, w iakim są ułożone przez niedbałego Mnicha. Stąd ta łacina kuchenna. Stąd i kopiista ieden bazgray — wszystko to winą iest moiey febry, z którey opieki staraniem Morykiniego iuż wychodzę. Jeźliby się ta bazgranina katalogu, te nazwisk osób i mieysc przechrzczenia nie podobały Xięciu, chciey mię usprawiedliwić choć w części.

Za przepisanie każdego z tych arkusików włoskich musiałem zapłacić po 1½ pawłów. Ze Kapor Archiprezbiter sam się obowiązuie kopiować, nic nie iest dziwnego. Uboga to iest Kollegiata i ledwie przełożony nad nią 10 skudów na miesiąc ma pensyi. Mimo to iednak iest poczciwy i kochaiący Słowian Dalmata. Nie tyle nawet chce brać od arkusza, ile się pospolicie kopiistom w Watykanie zwykło płacić: ci bowem po 5., a naymniey po 4. pawły od arkusików włoskich zwykli brać. Mickiewicz i stary i defektowy, bo ma przybysz (sic) — i o 3. mile włoskie od Watykanu mieszkaiący później się skalkulował, że nie może przyiąć tego obowiązku i słowo swe cofnął. Chcąc iego przy tém utrzymać, trzebaby karetę rocznie ugodzić, ale coby te wyciągi kosztowały? Od korrespondencyi nieusuwa się, owszem naychętniey ie przyymie; z obowiązkiem proku-

ratora weszło to w nałog tak dalece, że tęskni, kiedy z poczty iakiego listu nieodbierze.

Względem owego Supana, o którym piszę do Xięcia, a z którym gotuię się do woiażu po Dalmacyi, nic nie iest dziwnego, że żądał odemnie pomocy na podróż. Zwyczaynie professorowie w Austryi nienaylepiey są płatni. Supan nie maiąc tyle pieniędzy, ileby wystarczyło na zwiedzanie kraiów w poiezdzie, zwykł pieszą swóy woiaż odbywać: na co bym i ia się mógł zgodzić w roku przeszłym: ale w tym roku aria cattiva Rzymska a teraz febra wiele mi sił odebrała, a więc muszę na furmana koszt przyiąć i iego na siebie. Day boże tylko spokoyność, aby się ta droga odbyła, pragnę bowiem dobrze poznać Dalmacyą, Raguzę i spodziewam się w miesiącu Wrześniu tam bydź, wprzód iednak radbym z duszy iakikolwiek początek tu zrobić poruczonego dzieła od Xięcia. Dnia wczorayszego odebrałem list drugi od WWMPana i w nim pomyślne nowiny wyczytałem, za które WMPanu iestem obowiązany i będę się starał o reliquie S. Józefa iak można nayprędzey ie tu wyrobić ze wszelkiemi solennościami — i tę pocztą przesłać. Dobrze iest dla Uniwersytetu, że Malewskiego na nowo obrano Rektorem. Gdyż Janowego Despotyzmu niezwykły Muzy wileńskie cierpić. — Occhi xięgarz w Wenecyi rozumiem że będzie naydogodnieyszy dla Xięcia. Może wszelkich xiąg z Włoch dostarczyć, przesłać na Odessę lub Rygę łatwo i nie drogo, iest akkuratny i rzetelny. Ma korrespondencyą i z Raguzą. Ja iego na dal umyśliłem obrać dla sprowadzania xiążek z Włoch i Dalmacyi. Dziś się zaczyna tu licytacya sławney biblioteki dell' Ecc-ma Casa Colonna. Będą dzieła nayrzadsze i w naylepszych edycyach codziennie po 75. numerów przedawane, iak katalog pokazuie. Ale iuż Banku godzina się kończy i ledwie pospieię kopertę zapisać, więc kończę na polecaniu Waszmości moich powolnych służb. Bobrowski.

Proszę o nowe nowiny — i odpis na dzisieyszą Bazgraninę per excellentiam z B. dużem.

Z Rzymu,
15. Lipca 1820.

»Odpisano d. 23. Lipca«.

3.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Przeszłey poczty i febrą maiąc siły osłabione i krótkością czasu do expedycyi naglony tyle byłem nieprzytomny, że zapomniałem włożyć do owey paki adress Capora kopiisty, lubo o tym wyraziłem w liście do Xięcia. Nadto niepospiałem wygotować wiadomości o iednym rękopiśmie, który znalazłem w Watykańskiey Bibliotece, a który z pewnego względu może bydź przydatnym do historyi. Oboie to posyłaiąc i kilka dodaie wyrazów do WWMPana. JX. Mickiewicz tak był dobrym, że przyiął na siebie staranie o relikwie S. Józefa upewniaiąc, że ie w krótkim czasie otrzyma ze wszelkiemi solennościami, tak że pocztą wysłane będziesz WWMPan mógł odebrać

przed 6. Sierpnia. — Dla pozoru dobrze iest, że Professor Anatomii kończy się na s k i, ale Włoch zawsze będzie Włochem — temperamentu żywego, skłonny do mieszania porządku. — Dosyć nam ieden dał się we znaki, dopieroż kiedy będzie ich dwóch? Jakby to chwalebna i święta była rzecz postarać się o Rodaka, a przynaymniey o Słowianina. Jak wielki iest zamiar Xięcia wzywać do do uniwersytetu i kraiu uczonych ludzi z kraiów Słowiańskich? Owo przywiązanie iedney gałęzi do drugiey owego drzewa rozpostrzenionego po całey Europie, owa gościnność i uczynność bezinteresowna pokazuie, że ieszcze iedna i ta czysta krew płynie w żyłach Słowiańskich ludów. Ani Niemiec, ani Włoch, nawet i Francuz nie utrzyma tey zgody i iedności, iaką tchną Słowianie. Widzieć można w naszym uniwersytecie, skąd niezgody sie rodzą. Ale dosyć tego. Na dniu wczorayszym otrzymałem arcy pożądaną wiadomość z Wilna od Rektora o potwierdzeniu mego woiażu na rok 4-ty. Wielkie to dobrodzieystwo iedynie winienem Xięciu i za nie się wywdzięczać temu Panu nieomieszkam w dalszym ciągu moiego życia. Pisze Rektor, że się wkrótce spodziewa widzieć Xięcia w Wilnie, że ma Xiąże powrócić do Włoch po swoią żonę. Chciey WWMPan Dobrodz. mi donieść, kiedy wyiedziecie i dokąd, i nieoszczędzay papieru na udzielanie mi nowych wiadomości. Byłoby to dla mnie z zaszczytem odtąd ciągle z nim utrzymywać korrespondencyą i ciągle przypominać owe dobre staropolskie ukłony: polecam Waszmości moie powolne służby. Te więc zechcesz przyiąć i odemnie w duchu starych naszych poczciwych przodków.

Z Rzymu,
19. Lipca 1820.

X. Michał Bobrowski.

4.

Изъ письма »Z Rzymu 29. Lipca 1820«.

. . . Z listu Waszego pod 23. Lipca wiele rzeczy przyiemnych i pożytecznych wyczytałem: to iedno tylko mi było niesmacznem, że Rząd pozwala i nieiako daie powód osobom, poswięcaiącym się edukacyi, aby miały smaczny kęs chleba za życie próżniackie. Dosyć iuż leniwym krokiem postępuie oswiecenie dla ospałych, bo sytych zawsze iego sprawcach (sic) : i ten nawet postęp wstrzymywać, pozwalaiąc przed czasem na emeryturę, czyli na zupełne próżnowanie? Ale porzućmy to: może kto inny iuż o tem myśli, iak budzić ospałych, iak apetyt zaostrzyć.

Jeszczem zupełnie sobie nieułożył planu [podróży] do Dalmacyi. Myślę wprzód zdrowie zupełnie naprawić, aby niewygody podróży wytrzymało. I dla tego Rzym opuszczam na 10. dni; bo iego powietrze smrodliwe (wyraz niedelikatny) dla nieznośnych upałów, iuż 30. stopni dochodzących, iest dla mnie trucizną, i powracam na wieyskie, ustronne życie, na oddychanie swieżym powietrzem. Może w Tusculum, chodząc koło akademii Cycerona, coś sobie przypomnę z iego uczonych rozpraw i myśli głębokich . . .

M. Bobrowski.

5.

Изъ письма отъ »4. Aug. 1820 z Frascati«.

. . . Po 10. Sierpniu powracam do Rzymu i zacznę myślić o drodze do Raguzy, ieźli będę miał siły potemu i zbiór okoliczności przyiazny: odpowiedź ostateczna Supana, pensya z Uniwersytetu nadesłana, a może się i do Września przewlecze. Dłużey nad miesiąc w Dalmacyi nie myślę się bawić, maiąc przed sobą tyle innych ważnych przedmiotów na ieden rok zgromadzonych, lubo Xiąże w iednem z pism swoich naznaczył 3. miesiące [na] podróż przez Dalmacyą. Może wypadnie ieszcze z Dalmacyi powrócić do Rzymu dla zaczęcia dzieła owych wypisów, ieszcze w Watykanie pozostaią niektóre rękopisma, które koniecznie przeyrzeć potrzebaby. A tak droga do Paryża przez Florencyą, Pisę, Livorno, Genuę, nienależałoby opuścić i Pawii i Medyolanu. Wstydby było będąc we Włoszech przynaymniey nie przeiechać tędy. Ale piszę to tylko dla Waszmości, maiąc nieco inny plan podróży od Uniwersytetu.

X. M. Bobrowski.

6.

O swoim wyiezdzie donoszę Xięciu i o dalszey podróży do Dalmacyi w krótkich wyrazach. WMPan dobry tak będziesz, iż się za mnie wytłomaczysz obszerniey. Po febrze nie spodziewałem się tak prędko przyyść do zdrowia, a więc nie mogłem się zdeterminować do takiey podróży, iaka iest do Dalmacyi: ale gdy powietrze Fraskaty tyle mi posłużyło, iż w ciągu 2. tygodni odzyskałem dawne siły, i gdy powróciwszy do Rzymu znalazłem kapłana z Dalmacyi, powracaiącego do swego kraiu, nie maiąc przyczyny do zwlekania tey drogi, owszem boiąc się niebezpieczney żeglugi na Adryatyku w miesiącu Październiku, dnia 17. Sierpnia, w którym powróciłem z Fraskaty, wyiechałem z Rzymu do Ankony; gdzie 23 stanąwszy znalazłem statek morski powracaiący do Spalatro: na który dnia iutrzeyszego wsiadam, i ieźli żegluga posłuży, za dni 2. będę w Spalatro, skąd iuż łatwo się dostanę do Raguzy. Wedle doniesienia Waszmościnego miałem listy rekommendacyyne i nowe zlecenia odebrać, ale do 17. Sierp. nie odebrałem: zleciłem staranie o nich Dobremu Kaporowi i do mnie przesłanie. Zlecenia Xięcia będę sie starał iak nayprędzey spełnić a przeichawszy przez Spalatro, Sebeniko i Zarę myślę w prost morzem do Ankony przepłynąć i w Październiku stanąć w Rzymie i dzieło owe rozpocząć; oraz niektóre rękopisma w Watykanie przerzuciwszy, pospieszyć do Paryża na rozpoczęcie kursu Arabskiego ięzyka. Od Supana nie miałem odpowiedzi na list móy ostatni — nie wiem, co go wstrzymało od dania mi odpowiedzi: może boiaźn zawiruchy. Relikwie S. Józefa do Genui są posłane z listem, trzeba się o nie badać na poczcie: poczta za nie 8. pawłów kosztowała, nad moie spodziewanie: a tak swiętość kosztuie w ogóle 18. pawłów. Krótko się bawiąc w Raguzie nie wiem z pewnościa, czy będę mógł odebrać odpowiedź i nowe zlecenia: naylepieyby było te przesłać do Rzymu do kancellaryi Ministra,

skąd odbiorę i dopełnię to, co w sobie zawierać będą, przez korrespondencyę. W Raguzie bowiem upatrzę osobę zdolną tak do korrespondencyi, iako i do przepisywania tłomaczeń klassyków wedle zlecenia Xięcia. Z teraźnieyszego towarzysza moiey podróży iestem kontent: nie iest on bardzo uczonym, ale zna oyczystą literaturę i kray swóy. Dosyć dla mnie, ieźli szczęśliwie stanę w Raguzie przy iego pomocy. Mam namierzoną tam inną osobę, którą zimową porą w Rzymie poznałem. Po niey się spodziewam, że i w Raguzie wiele mi pomoże i przeiedzie się ze mną przez brzegi Dalmacyi. Mam prócz tego kilka listów rekommendacyinych do uczonych Dalmatynów z Rzymu i Ankony: i te mi ułatwią drogę do znaiomości tak tych, iak innych osób. Że się krótko myślę bawić w Dalmacyi, to dla tego, że i wiele mi w tym roku do przeiechania i roboty pozostaie i że Raguza nie iest teraz tą, co była przedtem w czasie wolności, i że w krótkim czasie spodziewam się Xięcia rozkazy wypełnić i o nich donieść. Nieźleby to było, gdyby iakikolwiek był przybysz do moiey pensyi, iak WMPan namieniłeś; ponieważ droga Dalmacyi połowę roczney mey pensyi strawi, drugą więc połową trzeba się dobrze wyrabiać, aby i bydź w Paryżu i powrócić do Wilna przez północne Niemcy, nie opuszczaiąc w nich celnieyszych Uniwersytetów. — Zdrowia WMości Panu dobremu życzę, o uwiadomienie proszę, dokąd mam listy adressować i dalsze służby swoie przesyłać. Bo dzisieysze na domysł wyprawiam, umieszczaiąc ie dla pewności w liście do Xięcia. Jeźliby to nie było od rzeczy i na dal mógłbym tak postępować. Bobrowski.

A Monsieur Monsieur Dobrowolski, secrétaire de son Altesse le Prince Czartoryski à Varsovie.

Z Ankony,
15./27. Sierpnia 1820.

7.

Po trzymiesięczney moiey podróży powróciwszy do Rzymu iedynie dla interesów waszych, tydzień iuż miia iak chodzę za niemi, a ieszczem ich nawet ani rozpoczął. Głowy Ministrowskie tak zaięte karbonarami, że niepodobna do nich przystąpić; zdaią się bowiem tak bydź odurzonemi iak od węglika, i nie wiem, czy co zrobię, może przyydzie na próżno wyiechać z Rzymu, a wyiechać muszę naydaley na rok nowy; wszakże i tak 3. miesiące we Włoszech nadto zabawię dla Was, chociaż dla mnie tak dobrze zimę tu siedzieć, iak u nas na wiosnę. — Dwa listy wasze znalazłem, 28. Sierpnia z Genui i 11. Października z Medyolanu pisane, na które dziś odpisuię, abyście po dłuższém moiém milczeniu niepowiedzieli, żem w Adryatyku utonął podobnie iak pewny Doktor w Calais, płynąc z Francyi do Anglii*). — Wasz interes względem wypłacenia 350 szkudów artyście za Mauzoleum znalazłem ukończony: o którym mu-

*) Этотъ намекъ относится къ проф. Герберскому. Даниловичъ 14 мая 1821 г. писалъ Лелевелю: »Czy tam co nie słychać o naszym Bobrowskim, o którym 7 miesięcy nie mamy wiadomości. Mówią, że Herberski niezawodnie utonął.« Спустя нѣкоторое время: »Bobrowski, którego mieliśmy za zginionego, i Herberski już się znaleźli.« Письма въ библ. Крак. Акад.

sicie iuż bydź uwiadomieni przez Xiężną Stolnikową Czartoryską, gdyż ona pisała o tem do was, ale się tylko żaliła przedemną, że nic dotąd nieodpisaliście. Rzecz cała na czem stoi wiecie z kontraktu. Wyieżdżaiąc do Dalmacyi zostawiłem moiemu dobremu przyiacielowi hrabi Kossakowskiemu prawo rozrządzenia listami, maiącemi do mnie przybywać, wedle tego, iakby się mu zdawało naylepiey . . .

Drugi wasz interes zrobię w Pizie, ieźli do niey żywy doiadę między karbonami zarzącémi się. Napiszcie iednakże do mnie do Pisy de omnibus rebus et quibusdam aliis, mianowicie: czy mam za poprawę tych obrazów zapłacić i wiele i czy mam ie wieść z sobą do Paryża? . . .

Podróż moia przez Dalmacyą i na lądzie i na morzu nad wszelkie spodziewanie była dla mnie szczęśliwą. Wyiechałem z Rzymu skóra a kości, powróciłem tłusty iak Epicureus de grege p — —, naywiększą iednakże stratę poniosłem na czasie i na pieniądzach. Powracaiąc z Zary do Ankony przez dwa tygodnie byłem igraszką, bałwanów morskich między Apsyrtes, gdzie się zdawały wiatry Notus Eurus, Boreas spiknąć na zgubę moią, iednakże powtarzaiąc t e n d i m u s i n L a t i u m, przybiłem się do pożądanych brzegów Auzońskich przy końcu Listopada. — Z interessów Xięcia zrobiłem to, że xiądz ieden uczony Dalmata gotów iest na Xięcia usługi; że się robią kopie rękopismów Raguzańskich. Nic nie znalazłem z zabytków historycznych; bo te i Francuzi i Austryacy wyłowili, a ieżeli co się kryie w ręku prywatnych, to się gniecie iak złoto w ręku skąpego dla obawy utraty. Na Professora Historyi Powszechney nikogo zdatnego w całey Dalmacyi nie znalazłem. O towarzystwie uczonem ani mogłem spomnić, bo się w Dalmacyi Rząd boi wszelkich towarzystw iak ognia. Przy mnie odkryto owych karbonarów, czyli węglarzów, trzymaią ich iak śledzie w beczce, i na mnie iako z Włoch przybyłego było podeyrzenie spuszczone i dla tego oko rządu wszystkie me kroki mierzyło. Dlategom do was niepisywał. Jednąm tylko odezwę z Raguzy do Warszawy przesłał do Xięcia, z uwiadomieniem, żem przybył do Raguzy. Napiszę obszerniey o tém do Xięcia z Rzymu przed wyiazdem, dołączywszy i to, na iakim stopniu i w Rzymie interessa zostawię. Day Boże iednak, abym nie na próżno do tey Stolicy świata powrócił z Dalmacyi. — Nie wiem, iakbym teraz wyszedł, gdybym się spuścił na Wasze obietnice.

Nie mogłem mieć kredytu, bo nie iestem Panem. Z kanonii Ruskiey nic nie mam. A Troki dla mnie tem są, czem teraz Tusculum dla Cycerona, gdyby z martwych wstał. Jednakże i swoim kosztem woziłem Dalmatę uczonego po skalistey Dalmacyi i ieszcze spodziewam się zaiechać do Paryża bez zasiągnienia kredytu, zasilony nadzieią, że was znaydę i poznam z oblicza, bo teraz znam tylko z pisma. W ten czas będę wam gwarzył o Dalmacyi, o Morlachach, o ich mowie i zwyczaiach, które są cieniem naszych albo raczey maią naywyraźnieysze ślady tego samego co i my źródła. — Teraz mam i czasu niewiele i mało papieru do gryzmolenia etc. Bądźcie więc zdrowi etc.

X. M. B o b r o w s k i.

Z Rzymu,
9. Grudnia 1820.

Ale, ale muszę się przed wami pochwalić, chociaż propria laus sordet, żem w Dalmacyi za uczonego uchodził, zwyczaynie iak inter caecos monooculus rex: urzędownie od Gubernatora w Zarze byłem zaproszony na posiedzenie Uczeńszych Dalmatynów na ten cel od rządu wezwanych, aby ustalili pisownią Dalmatyńską: chcą bowiem i xiążki elementarne i kodex austryacki wedle iedney pisowni drukować, powszechnie przyiętey albo raczey przyiąć się maiącey z nakazu Rządu. Zdanie moie miało przewagę — i wypędzono włoską pisownią i przyięto stosownieyszą do własności słowiańskiego ięzyka. Kuryery do Neapolu i z Neapolu codziennie latają. Nasi dzień i noc pracuią w kancellaryi. Król z Neapolu spodziewany, ieżli bez swey duszy, toiest skarbów, zechce wyiechać.

8.

Изъ письма »z Rzymu 24. Grudnia 1820«.

. . . Czerski lata po Włochach iak kot zagorzały za staremi gratami Rzymskiemi, a zagrzawszy żywą imaginacyą i przypatrzywszy się dobrze śladom Rzymskim i Greckim, kto wie, czy powróciwszy do Wilna nieodkryie wędrówki legionów Rzymskich i nie wyprowadzi od Kadmusa czy od Palemona pierwszych osad Litewskich. Ja dotąd siedzę w Rzymie nad słowiańskiemi rękopismami w Watykanie, czekaiąc na skutek listów zaletnych Xięcia; przyydzie się podobno zarwać tu ieden miesiąc nowego roku. Bo ministrowskie głowy teraz wielkiemi zaięte rzeczami o mnieyszych ani chcą myślić . . . Nasi całą przewagę maią i w Rzymie. Sprzyiać się zdaią konstytucyonalistom. Za pokoiem stoią i Niemcowi nie radzą wscibiać palców między szpary. I dziś Kuryera czyli biegusa z Tropawy ieszcze odebrali. Jabym rad na skrzydłach do Paryża poleciał, ale chciałbym coś tu pewnieyszego zostawić na pokazanie, żem szczerze chodził około Pańskiey sprawy. Polecam siebie etc. Bobrowski.

XVII. Письма М. Бобровскаго къ I. Лелевелю*).

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Bawiąc się w Pradze przez miesiąc Luty i Marzec starałem się wynaleźć ów Rękopism Marcina Polaka z Kroniką Boufała. W uniwersyteckiey Bibliotece widziałem 4. rękopisma Martini Poloni; ieden nawet dawnością swoią zbliża się do wieku autora: ale przy żadnym

*) Въ Ягеллонской библ., рукоп. № 4435.

nie było pożądaney kroniki Boufała. Zapytywałem się o to i Dobrowskiego, głębokiego słowiańskiey Litteratury badacza: ten wskazał mi bibliotekę Collegium Piarskiego, iako mieysce prac uczonego Dobnera; udałem się i tam do Rektora, który rozkazał czekać, ale bezskutecznie.

Hodjejowskiego biblioteka dawno iuż rozkupiona. Musi się więc ukrywać gdziekolwiek w prywatnych bibliotekach panów Czeskich. Uczony Dobrowski obiecuie onego wyśledzenie: trzebaby iednakże mu przypominać. Tuteysza Cesarska biblioteka ma w rękopismach 8 exemplarzów Martini Poloni, iak czytałem w katalogach Rękopismów: żeby zaś był przy nich rękopism Boufała, też katalogi nie wspominaią, a nawet skryptor Kopitar na moię prośbę szukał i nie znalazł. Teleki w swoich podróżach przez Węgry pisze, że w Debreczynie widział ów Rękopism polskiey Biblii, którą Jadwiga czytała. Jadąc teraz przez Pest do Raguzy i Rzymu będę miał zręczność doniesienie to własnemi oczyma sprawdzić! WW-ym i JWW-ym Rektorowi Szweykowskiemu, Dyrektorowi Instytutu i Lyceum proszę wyraz uszanowania oświadczyć.

WWMPanu życzę zdrowia przy litterackich zabawach. Z wysokim szacunkiem etc. Bobrowski.

Wielmożnemu Jmci Panu Lelewelowi, Przełożonemu nad Biblioteką Uniwersytetu Warszawskiego.

Z Wiednia,
1. Maia 1819 roku.

2.

Litteracie Dobrodzieju!

List Mazura z Warsęgi w mieyscu cudownem i pokutném iest rzadkiém zjawieniém. — Pytasz się o Żegocie, gdzieby zostawał? Tyle tylko wiem, że 30. Października wyjechał do Petersburga, skąd uczyni odezwę, ieżeli go powodź z innymi nie uniosła. — Nowy Kurator gorliwie się stara o podźwignienie Uniwersytetu. 1. Listopada na posiedzeniu obrano dwóch zwyczajnych Professorów: Herberskiego Terapii i Berkmanna Higieny. A gdy b. Rektor Sniadecki odezwał się, że nie ma katedry Higieny w Etacie, JWW-y Kurator na to odpowiedział, że Jego staraniem iest powiększyć liczbę katedr, aby Uniwersytet na świetnieyszey stopie postawić. Późniey Professorem Hist. powsz. obrany Kukolnik starszy. Potwierdzeni na zastępców Professorów: Korewicki Prawa krajow., X. Skidełł Pisma S., X. Pl. Sosnowski Teol. Mor. i Paster., X. Herburt Nauki Chrześci., Waszkiewicz Ekon. Polit. — Rektor wziąwszy pozwolenie na 28 dni i podawszy prozbę o dymissyą opuścił Wilno 30 Paźdz. Po nim w krótce podobnież postąpił Kontrym. Professorowie Adiunkci i Zastępcy maią zaszczyt bydź inwitowani na obiady do JWW-go Kuratora.

Przysłany wypis Ijoba z przekładu Skoryny posyłam do Wilna dla sprawdzenia; ponieważ rękopism ów zostawiłem u Symona.

Między innémi myślę wygotować do druku ową Kronikę Dalmacką wedle tego planu. W przemowie będzie wiadomość o iey rękopismie i tłumaczach. Potem nastąpi sam text po lewey stronie ze ścisłem zachowaniem pisowni rękopisma, a po drugiey stronie tenże sam text wedle pisowni polskiey, czyli tak się napisze popolsku, iak się czyta; u dołu położą się przypiski filologiczne, t. i. wykład wyrazów niezrozumiałych, tychże grammatyczne odmiany właściwe dyalektowi dalmackiemu, w porównaniu z dyalektami sławiańskiemi. W końcu wytknę bardziey uderzaiące różnice, iakie zachodzą między tłumaczeniami a textem oryginalnym, gdzie chciałbym uwagi historyczne i chronologiczne umieścić. W części są te poczynione przez J. Lucyusza i znayduią się w 3. tomie Script. rerum Hungar. Ale tego dzieła nie mam pod ręką. Tu więc chciałbym użyć pańskiej obietnicy. Naprzód potrzeba dać zdanie bezstronne: czy się ta praca na co przyda. Można zaś to zdanie uformować z próby teyże Kroniki daney w Dzienniku Wileń. 1823. No. 7. k. 369. i z iey przekładów, umieszczonych w dziele: Script. rerum Hung. ed. Schwandnera. Jeżeli więc ta praca obiecuie iaki pożytek, prosiłbym Pana, abyś maiąc owe dzieło pod ręką potrzebnieysze uwagi wziął z niego i swoie dodał dla uprzątnienia widocznych błędów w Historyi w przemianie imion królów i w Chronologii. Dobrzeby tu było cokolwiek zachwycić z Assemaniego Kalend. Eccles. Możeby tu iakie światło rzuciła iuż wyrobiona historya L. A. Gebhardi Geschichte der Königreiche Dalmat., Kroat., Slavon. etc. oraz Engel. A tak uwagi te Pana byłyby i trafne, uwolniły od przysłania owego 3. Tomu Script. rer. Hung. a od mozołu moią głowę, nie bardzo zdatną do podobnych badań. Jeżeli się tak podoba, proszę ostrzedz X. Szymańskiego Dziekana Fak. Teol., aby się nie trudnił przysłaniem owego zbioru kronikarzów Dalmackich, o co iuż zaszła była prośba. Przy ostrzeżeniu proszę dołączyć moie szczególne uszanowanie ku temu tak znamienitemu Teologowi, podobnież X. Rektorowi Szweykowskiemu, X. Falkowskiemu i X. Ustrzyckiemu, ieźli się zdarzy z nimi gdzie spotkać; tudzież P. Chłędowskiemu i Doktorowi Malczowi, a szczególniey p. Linde i p. Zabiellewiczowi łączę wyrazy wysokiego szacunku. Wszystko się tu pisze i prosi na skutek oswiadczenia: »Chciey mnie napisać, ile zdołam, zadosyć uczynię.« Wszakże niczego nad siły nie wymagam. A ieźli uwagi nad Kroniką nadesłane będą, praca moia nabędzie nowey okrasy a z zaszczytem dla mnie będzie umieścić uwagi tak znanego Historyka. To iedno zachęci i zgromadzi czytelników do oschłego i błędnego ułamka, a drukarzowi uczyni sperandę niepróżnych wydatków.

Oddaię się łaskawym Jego względom i literackiey staranności a dobremu sercu. Słodkie Pana wspomnienie w modłach będzie mi pociechą i nadzieią wyiednania licznych błogosławieństw u tego, który i o Literatach chudych pamięta.

Zawsze szczery i zawsze życzliwy Mazura sługa

X. Bobrowski.

Żyrowice,
1. 12. Grudnia 1824.

3.

Joachimowi Lelewelowi M. Bobrowski zdrowia.

Na Pańską odezwę iuż dawno odpisałem, i że to rąk doszło, wnoszę ze wzmianki szanownego Professora Szymańskiego, że Pan gotuiesz przypisy do kroniki Dalmackiey, a tak spodziewam się moią kronikę z baieczney zasłony mieć odkrytą. Ze statystycznych wiadomości, ile że te do mnie z Wilna i Petersburga dochodzą, tyle wiem: że Rektor *Tw.* i Adiunkt *Kontr.* iuż dostali odstawkę; że z wysłanych nikomu nie pozwolono zostać w stolicy, tylko tym, którzy weszli do gwardyi; że w rossyyskich Guberniach mieysca mniey więcey korzystne otrzymali: Kowalewski, Wiernikowski i Kułakowski w Kazaniu uczą się ięzyków oryentalnych; Haydatel i Sobolewski po zdaniu examinu officerami zostali przy wodney kommunikacyi i na mieysca posłani; Malewski przy Worońcowie Gł. Gubernatorze Odeskim; Mickiewicz i Jeżowski w Liceum w Odessie; Cyprian Daszkiewicz w Banku handlowym; Michalewicz w służbie cywilney w Kijowie; Łukaszewski przy Gimnazyum w Rydze; Budrewicz i Pietraszkiewicz w Moskwie, Jankowski kwartalnym w Wołogdzie; Daniłowicz zostal Professorem Dyplomacyi i Statystyki w Charkowie z pensyą 2000 rubl. assygn. i iuż musiał weyść w obowiązek, bo od nie małego czasu opuścił Petersburg*). Ja ieden dotąd siedzę na bruku i wątpię, abym z tego wybrnął. Moi Prałaci nie smieią mi dać żadnego urzędu. Tentuię o Assessoryą do Petersburga; ale wątpię, aby się to udało. Czy nie ma iakiego w oddziale teologicznym wakansu w Warszawie i w Krakowie? Pan bliższy temu i maiący wziętość mógłbyś mię podać za kandydata. W ciągu tych kilku miesięcy tak mi się sprzykrzyło to życie nieczynne, że w iedney chwili radbym powrócił do Professorskiego obowiązku, choćby na półpensyi dawney. — Typograf Zawadzki coraz w większe wpada dumanie, że przyydzie mu z Wilna przenieść się do Warszawy, a na iego mieysce ma bydź czy Moryc, czy Glücksberg. Kukolnik ma bydź Professorem Historyi powszechney, a Horchlad Prawa kraiowego i iuż podobno obrani. W tym czasie Kurator z zastępcą Rektora wizytę szkół czynią zacząwszy od Grodna przez Białystok, Brześć aż do Krzemieńca. Z Paryża nie dawno wezwany byłem od P. Barona de Ferussac, abym dostarczał materyałów do Buletynu powszechnego nauk i przemysłu: ale głodnemu nie o tém myślić. — Wszedłem w korrespondencyą z Panem Keppen. Wydaie on pismo peryodyczne pod tytułem: Bibliograficzeskie listy, gdzie wspomina o Panu z pochwałą. Przysłał mi 1 numer, z którego wyczytuię, że ma to bydź chronologiczne spisanie xiążek pierwszych druków słowiańskich wszystkich dyalektów: będzie to początkiem

*) Самъ И. Н. Даниловичъ извѣщалъ Лелевеля 28 янв. ст. ст. 1825 г. изъ Петербурга: »Niewyczerpana dobroć Nayłaskawszego Monarchy zaleciła Ministrowi danie mi mieysca w Imperium, i iuż iestem professorem Diplomacyi lub Diplomatyki w Charkowie, gdzie za dni kilka przez Moskwę, Tułę i Oreł wybieram się.«

do ułożenia roczników typografii słowiańskich na wzór Pancerowey. Proszę Pana oświadczyć wyraz wysokiego szacunku PP. Lindemu, Zabiellewiczowi, Szweykowskiemu, X. Szymańskiemu szczególniey i Chłędowskiemu i kochać szczerze kochaiącego

X. Bobrowskiego.

Zyrowice,
28. Lutego 1825.*)

Można pisać pod kopertą WJX. Sosnowskiego Surrogata Brzeskiego i kanonika w Żyrowicach, a naylepiey za uproszeniem się do X. Professora Szymańskiego. Ale, ale! czy nie wyydzie X. Professor Szymański na Suffragana, dobrzeby było dawać Pismo S. w Warsędze. Ja teraz naywięcey się mozolę nad poprawieniem moiey rozprawy, którą czytałem przy rozpoczęciu lekcyi Pisma S. Będzie to tam wyobrażenie nauki Pisma S. i literatury Bibliyney. Zechcę to podać do druku nie za długo i podobno poszlę do Warszawy, ieżeli Zawadzki Wilno opuści. Wystąpię z tem, czego nie było w polskim ięzyku, ale razem z obawą, abym się nie naraził fanatyków przywiedzeniem literatury exegetyczney protestanskiey licznieyszey nad katolicką. Robię to w sperandzie podobania się Towarzystwu Przyiaciół nauk Warszawskiemu, a może i Krakowska Akademia za wstawieniem się Pańskiem przyszle mi za to Dyplom Doktora Teologii; bo teraz z Wilna nie mogę się tego spodziewać, choćbym i napisał opus omnibus numeris absolutum. — Nasz kalendarz admiruią litwini za trafny prognostyk, a ia radzę, aby się ieszcze postarano o Berdyczewski, gdzie parodia o szkodach tabaki może pozbawi uczoney rozprawy Wolfganga.

4.

Historykowi J. Lelewelowi sługa Boży i Jego X. M. Bobrowski zdrowia.

Przy długiey medytacyi i rocznych frasunkach wakacye na wsi tak smaczno przepędzam, że się do niczego brać ochoczo nie chce. Wszakże po wielu przyborach ledwie teraz porwałem za pióro, kiedy się nadzieia do mnie uśmiechnęła, i kreślę za iednym zamachem na trzy Pańskie listy.

Naprzód co do uwag nad kroniką Dalmacką, te, widzę, zbyt suszą historyczną głowę, i nie bez przyczyny. Jestto pole chwastami zarosłe i mało co przez kogo uprawiane, a potrzebuie rolnika i przemyślnego i pracowitego, aby z niego wyprowadził prawe zarodki słowiańskie. Żądać więc zaraz doyrzałych zbiorów byłoby iedno, co nie znać natury gruntu i gatunku zboża. Na historyczném polu iuż zjednałeś Pan sławę powszechną. Jeżeli więc i na Dalmackie zagony pług swóy przeniesiesz, te możesz, iak się podoba, pokraiać, uprawić

*) Въ каталогѣ Ягеллонской библ. ошибочно значится: 1827.

i zasiać w krótszym lub dłuższym czasie. Oczekiwanie gotowego ziarna nie sprawi dla mnie nudy ani podeyźrzenia o opieszałość rolnika, żadną pracą nie daiącego się utrudzić lub odstraszyć. Przepisanie tłumaczeń Diokleasa i Marulusa tyleby się przydało, ileby potrzeba się zdawała wydania ich razem z textem słowiańskim. Ja bowiem zamyślałem tylko sam text wydać z uwagami historycznemi, krytycznemi i filologicznemi. Dla pełności źródeł mógłbym i Assemaniego uwagi nadesłać, skoro do moiey biblioteczki dobrać się Bóg pozwoli.

Literacka z Panem Köppen korrespondencya nie mało mi czasu pożera. Narobił on wprawdzie dla mnie hałasu, ale też zarzucił mię robotą. Chciałby przenieść do siebie to wszystko, com ze słowiańszczyzny zbierał za granicą. Ja iednakże po trochu udzielam, właśnie iak dla przynęty. Gotuię dla niego list obszérny, gdzie i Pańskie żądania zaymą wiersz nie ieden. Bibliograficzne iego karty do mnie wprost adressowane dochodzą drogą gazetową bez moiego na nie grosza. Mam też od niego ofiarowany exemplarz katalogu rękopismów Biblioteki Grafa Tołstowa, ale ten ieszcze w drodze.

Od Professora Prawa kraiowego miałem z Charkowa list pod d. 20. Maja. Szczyci się on korrespondencyą z Hrabią Rumiancowem, odkryciem naydawnieyszych ustaw litewskich w bibliotece tegoż kanclerza, które wkrótce ma przesłać do Wileńskiego Dziennika, przepisywaniem statutów Wislickich, w bibliotece Imperatorskiey dla niego tylko czynionem. Jak się domyślam, kupidyn musił trafić w serduszko naszego Ignasia, bo pisze: że na wdzięczącą się et quidem nie szpetną siestrzyczkę matki czy siostry Pana Köppen każą mu zwracać oczy. Wkrótce i do niego odpowiedź wygotuię.

Obraz Biblioteki Warszawskiey, do wtórych ksiąg bibliograficznych należący w rzeczy teologiczney, iuż przysłany w kopii odczytałem kilka razy, ale uwag robić nad nim bez swoich książek, iak zgadłeś, nie iestem teraz w stanie, chyba za powrotem do Wilna. Mogłoby się to jako bardzo ogółowe i bez rozróżnienia katolików od protestantów wydrukować; a do tego nazwiska autorów porządkiem alfabetycznym ułożone nie powinny ulegać teraźnieyszey krytyce. Może się tu i owdzie imię autora lub cokolwiek innego poprawić, iako błędnie napisane przez kopiistę. Czekam dalszego w tey mierze postanowienia: czy mam katolików nacechować, czy też cośkolwiek i swego widzimisię dodadź.

Podobnież bez wileńskich pomocy owego kufickiego pisma na pieniążku nie ugryzę. Za rok wywietrzała mi zupełnie z głowy arabszczyzna. Za pieniądze choć sztychowane dziękuię ze wszystkiemi, którzy z zadumieniem patrzą na numismata Bolesławów.

Okoliczności moiego położenia zaczęły się zmieniać na lepsze. Całą tę zmianę winienem szczególnieyszey dobroci Jenerała Ostermanna. Pan ten wspaniałomyślny przeieżdżaiąc przez Słonim wezwał mię do siebie, mówił po przyiacielsku i sprawę moią na nogach postawił, ułatwiwszy przystęp do Senatora, od którego po wyiezdzie Jenerała te usłyszałem słowa: Jenerał wiele o WPanu mówił: obaczemy, co można będzie zrobić w Wilnie dla WPana. — Na skutek tego za przedstawieniem P. Pelikana pan Senator oświadczył swoią wolą

za przywróceniem moiem do dawnego obowiązku i iuż pismo w tey mierze poszło wyżey. Nadto z przeszłey poczty odebrałem od Pana Pelikana zapytanie: czybym nie przyiął lekcyi dawnego słowiańskiego ięzyka dla kleryków Gł. Seminaryum do lekcyi Pisma S. I na to wypadało odpowiedzieć affirmative. Czekam więc ostateczney rezolucyi, więcey maiący nadziei na dobrą, niż na złą stronę i pragnący czytać wyrazy Pańskie prędzey w Wilnie iak w Żyrowicach.

X. Platon Sosnowski nie wiem, czy myślał o rozpoczęciu pisma peryod. teologicznego. Ma on dziennik żywy, nad którym wywiędłemu teologowi dosyć pracy. Była to moia myśl wprzódy, ale teraz trudno będzie z czemkolwiek występować. WJX. Szymański Prof. miał Litwinów teraz odwiedzić, ale urzędy musiały go zatrzymać w koronie. Za oddane ukłony proszę nie szczędzić ukłonów dobrym ludziom, zacząwszy od Prałata Szymańskiego i Michniewicza. Modły gorące za dobrodzieiów i przyiaciół nie przestaię przesyłać do Pana wszystkich nas. Tobie zawsze szczery, życzliwy, przyiazny

X. M. B.

Wolka,
15. Sierpnia 1825.

5.

Polyhistorowi Teolog zdrowia życzy.

Za powinszowanie iako z dobrego serca pochodzące dziękuię, ale ia sobie tego ieszcze winszować nie mogę, bo rzecz gdzieś tak zastrzęgła, że dotąd o niey ani słychu. Do Köppena gotuię list na nowo i w nim pomieszczę Pańskie żądania. Dobrze się Pan udałeś z kufickim pieniążkiem do Petersburskich oryentalistów. Niech oni przy pomocach nad nim łamią głowy swoie, bo mnie wyzutemu ze wszystkiego wywietrzała zupełnie arabszczyzna: czytanie iednak i wykład Pana Sękowskiego że są trafnieysze i mnie się tak zdaie.

Odebrałem iuż Dalmackie rzeczy i za nie bardzo dziękuię, ale zdanie o nich zostawię uczonym, kiedy z niemi wystąpię na widok publiczny. Idzie tylko o zaradzenie się Pana, iak mam z niemi postąpić? Snuię do ich wydania plan taki: W przemowie położę wiadomość o rękopismie kroniki Dalmackiey, o iey autorze, celu pisania i własnościach, a to będzie, co Pan obserwacyami obiąłeś; o tłumaczach Diokleasie i Marulu ze Szwandnera; o tłumaczeniu włoskim Diokleasa, które uczynił Maurus Urbinus, a które mam u siebie; o przypisach, które do kroniki Dalmackiey i do iey tłumaczów czynili Lucius, Schwandner, Assemani, Engel i Pan, a przy których namienię o moich filologicznych uwagach; wreszcie o porządku, iakim to wszystko uszykuię, a ten będzie następuiący:

1. Na iedney stronie karty i to lewey póydzie sam text kroniki Dalmackiey wiernie położony, iak iest w rękopismie z dziwaczną ortografią, iak w owych mazowieckich statutach, obok czytanie iego z polska, u dołu zaś moie uwagi filologiczne, nieco szykowniey czynione iak te, co na próbę podałem do Dziennika. Na drugiey

stronie przekłady Marula i Diokleasa obok siebie przez Pana ułożone, u dołu pod niemi przypisy ze Schwandnera, gdzie i waryanty Urbina dodam.

2. Następstwo królów wedle Marula i Diokleasa, ieżeli tylko tego nie wypadnie z kontextu w przemowie umieścić.

3. Uwagi z Assemaniego.

4. Nakoniec wyciąg z Engela przez Pana uczyniony, karta ieograficzna Dalmacyi litografiowana położy się po przemowie.

Oto iest cały rozkład dzieła więcey może obiecuiący, iak sama kronika Dalmacka. Chciey więc Pan w tey mierze swoie zdanie bezstronnie otworzyć. Może się będzie podobało co w porządku odmienić, opuścić lub dodadź. Czekam na to odpowiedzi, ileże z wydaniem nie wprzódy mogę wystąpić, aż da Bóg powrócić do Wilna. Proszę pisać wprost do Zyrowic przez Słonim pod adresem do WJX. Sosnowskiego Surrogata Kan. Brz.

Za tę literacką pracę bardzo wątpię abym się teraz podobnie Panu odsłużył. Uczyniłem wprawdzie iak mogłem przy kilku teologicznych xiążkach i niepewny moiey pamięci kilka uwag nad Jego teologicznym katalogiem i te przyłączam*), ale nie mogę sobie pochlebiać, abym życzeniom Pana choć w części odpowiedział. Chyba przyymiesz ie dla tego, że pochodzą z dobrey chęci usłużenia w czémkolwiek. Gdybym był przy zamożney iakiey bibliotece, możebym się zdobył na co lepszego. Zawsze życzliwy X. Bobrowski.

Żyrowice,
12./24. Paźdz. 1825.

6.

Joachimowi Lelewelowi Michał Bobrowski zdrowia.

Już powróciłem do Wilna na dawne mieszkanie i wszedłem w obowiązek Professora Pisma S. i obok tego daię lekcyę słowiańskiego ięzyka dla alumnów Gł. Seminaryum. Daniłowicz pisał do mnie z Charkowa, że zdrów, ale nie zupełnie kontent ze swego położenia, chlubił się łaskawemi względami tamecznego kuratora, który nawet przyiął na siebie odpowiedzialność za iego lekcye i włożył obowiązek opisania numizmatyki, będącey przy Charkowskim Uniwersytecie. Stąd prośba, abym mu dał instrukcyą do czytania kufickich napisów na pieniądzach. Poszlę mu cokolwiek w tey mierze, ale nieco późniey. Lepszebyś i dogodnieysze mu do tego wiadomości Pan mógł dostarczyć, bo wiesz lepiey, co potrzeba. Ja więc Pana o to za niego proszę. Z Chroniką Dalmacką muszę się wstrzymać, bo do iey drukowania zbywa mi teraz na czasie. — Bądź zdrów i pamiętay o mnie.

A monsieur Mr. Lelewel à Varsovie.

Wilno,
15. Maja 1826 r.

---

*) Приложены: »Niektóre postrzeżenia nad rzeczami chrzesciańskiemi (Teologia) ad § XCVIII.—CIII.«

7.

Opóźniłem się cokolwiek z przesłaniem Adlera; bo Żegota, którego pasuiemy teraz na Extraordynaryusza, przewlekł oddanie listu, który dostał mi się w czasie samego żniwa literackiego, ale za to posyłam oba tomy Adlera i nie pocztą, lecz przez Jurzystę, pospieszającego na Hymenowe gody. Koeppen przeiazdem gości w Wilnie, iedzie na mieysce Stewena do Krymskich winnic a może w Łucku spotka się z Historykiem. Nasz Łoboyko list z Moskwy mi kommunikował, gdzie się wymienia o Panu, że zostaniesz członkiem tameczнego towarzystwa Hist. i Starożytności. Za tom drugi bibliograficznych Xiąg, uwagi nad Dyplomatyką ruską i inne dziękuię i przepraszam, żem o odebraniu tych upominków wcześniey nie doniosł. Ani się gniewam, żem od dawna nie miał Jego liter, bo i ia podobnież nic nie pisałem wlazłszy w Biblią i Słowiańszczyznę. Czytanie wypisów słowiańskich z fiolowskich druków nadeszlę w czasie wakacyi, kiedy odetchnę po examinach. Zadziwia tu postęp Słowiańszczyzny, kiedy o niey i Mazury iuż piszą. A nasz Minister, za Naywyższem zezwoleniem pozwalaiąc mi kazać w Akademickim kościele, dodaie oraz, abym kazał po słowiańsku.

Bądź zdrów i swobodnych myśli. Tobie zawsze życzliwy

Wilno,
26. Czerwca 1827 roku.

X. Michał Bobrowski.

8.

Proszę darować moiemu bazgraniu, ale za akuratność czytania ręczę. Jutro wyieżdżam do Zelwy a stamtąd na Podlaś; może z Ignacym Podlasianinem się spotkam. Bo pisał z Charkowa, że może będzie u Bacha około 20 Lipca. Powrócę do Wilna po 28 dniach ukazowych. Kiedy Pan będziesz w Warszawie, chciey wydobyć od P. Linde MSS. słowiański, ów Latopisec, którego wydał Daniłowicz, a którego mu pożyczył X. Platon Sosnowski, teraz się biedzący, że mu nie odsyła na kilkakrotną prozbę, i że possessor Opat Supraslski chce go mieć na powrót. Zobowiązał mię o to X. Platon, abym Pana napiął i nasadził na tego Literata. Jest teraz w Warszawie Bohatkiewicz, który bezpiecznie przywieźć może ów rękopism. — Zdrowia życzę, z duszy gotowy na dalsze usługi, nayprzywiązańszy

»Wilno,
11 lipca 1827.«

X. Michał Bobrowski.

(Помѣчено рукой Лелевеля).

9.

Na dni kilka zachwyciłem niespodziewanie na Podlasiu Podlasianina, który, iak widzę, zupełnie się schacholił czy też skozaczał. Dał mi burę, żem Latopisca litewskiego do Warszawy nie posłał: a nieuważa na to, że tak długich legend nikt darmo drukować nie będzie, a wydrukowanych darmo nieda. Chociaż bowiem Maninow-

ski (sic) na iedno słówko nie żałował by i kilku exemplarzów; ale wiedząc iuż zaczynaiącego bankrutować dla dziennika i podobnych starych łapciów, nie śmiałem ani wspomnić o tem i cichaczem za swoie kopieyki w iego księgarni wziąłem kilka exemplarzów dla rozesłania. Otoż i teraz posyłam 1. exemplarz Latopisca litewskiego i ieden Statutu Kazimierza W. na ręce Pańskie z prożbą, abyś Pan imieniem autora czyli wydawcy ofiarował Bibliotece Towarzystwa Przyiacioł Nauk Warszaw. Nie żałuię tego dla Ignasia i choć się on kumosi, to pochodzi z narodowości chacholskiey. Radby on do nas powrócić, aleh ardy, prosić nie chce, a bez prożby nic. Chciey Pan użyć iakiego fortelu, aby wywindykować u Pana Linde owo rękopismo słowiańskie Latopisca i przez pewną okazyą przysłać do mnie; bo X. Plato Sosnowski w suchotach dogorywaiący nie doczeka. Szkoda nam Teologa! i wielka szkoda! Onacewicz z Królewca wiezie tak wiele rzeczy do Litewskich dziejów, że, iak sam wyraża, nie mógł się spodziewać, aby tyle ich tam znalazł. — Oddawca tych kilku wyrazów Xiądz albo raczey Subdyakon Parczewski Doktor Teologii i Kanonów iedzie na wojaż do Wiednia i Włoch na cztery lata, kosztem Gł. Seminaryum Wileńskiego, aby się usposobił na Predygera niemieckiego. Polecam go Panu i proszę mu pokazać Mazowieckie ciekawości w Warzawie i podać rady, aby i za granicą umiał patrzyć bystrzeyszém podróżnego okiem.

Siebie oddaię przyiacielskiey pamięci, Panu zawsze nayprzychylnieyszy

X. M. Bobrowski.

Wilno,
11. Września 1827 roku.

10.

Uczonemu Lelewelowi X. M. Bobrowski zdrowia.

Rękopismo po Czackim pozostałe z glossami do dzieła o Litewskich i Polskich prawach, od Hrabiego Platera wydobyte przes JX. Lenartowicza Piiara Prefekta w Dombrowicy i do mnie przysłane, a ode mnie prez JP. Zawadzkiego Typografa posłane Panu przy pismie tegoż Piiara tyle niespokoyności narobiło i Hrabiemu i Piiarowi, że oba nie maiąc dotąd wiadomości od Pana o otrzymaniu onego, sądzą, że iuż po niém: iak wyczytuię z listu JX. Lenartowicza, któremu wszakże cokolwiek spokoyności spodziewam się przywrócić, donosząc przez dzisieyszą pocztę, że iuż Zawadzki odebrał pański rewers o otrzymaniu owego rękopisma i że mam pisać do Pana prosząc, abyś autografem lub cyrografem legalnie o tém zapewnił JW. Hrabiego Platera, nader troskliwego chowacza spadków własnoręcznych uczonego Czackiego.

Z Wiednia spodziewam się mieć poema dalmackie: Osman, przez Kraków na ręce Pańskie do Warszawy nadesłane; proszę więc nie opóźniać się z wysłaniem onego w drogę do Wilna wespół z owym ułamkiem książki staropolskiego słownika, który Panu ieszcze

w Wilnie dałem do przeyrzenia. Od Ignacego nic nie odbieram od epoki widzenia się z nim na Podlasiu. Ledwie do Jaroszewicza raz się odezwał, że żyie. Utraciwszy podobno nadzieię powrócenia się do Litwy, chce i o nas zapomnić.

Bądź zdrów i o nas nie zapominay.

Pisan w Wilnie,
21. stycznia 1828 roku.

(Безъ подписи).

11.

Jubileusz nasz akademicki i kieszeń nam trochę wypróżni i głowy pozawraca. Niedawno, bo przed kilko dniami, kazano mi wygotować za Mianowskiego, który cokolwiek zachorował, perorę na pochwałę Professorów celnieyszych i w Bogu iuż zeszłych naszego uniwersytetu, zaczynaiąc a b o v o. Otoż sęk! Miesiąc czasu, materyału niskąd nie zachapić, a w głowie pustki. Do Prałata Osińskiego, co ma tego foliały, trudno teraz przystąpić, bo zaięty wizytą dyecezalną i nadzieią tucznych prebend. Do Deputata Seymowego ani się odezwać, bo głowa musi bydź wielkiemi proiektami nabita. Ale prosić nie zawadzi choć o kilka myśli dorywczo rzuconych, o nastręczenie kilku professorów mało znanych dla idiotów, ale znanych z dobrego stanowiska bacznemu Historykowi. To byłoby dla mnie wielkim zasiłkiem. — Od Ignacego z Charkowa teraz dopiero odebrałem kilka wyrazów, które były kreślone w dobrym sosie. Nie życzyłbym iść w zapasy ze Słowianami. Rusin zawsze iest upartym i samym uporem Mazur musi bydź zwyciężonym. — List do Lenartowicza posłałem. Widzę, że się gniewacie za staropolski słownik. Ale nie by to słownik staropolski, lecz książka z pierwszych druków w polskim i łacińskim ięzyku bez tytułu i mieysca druku, którą dałem do ocenienia i zadeterminowania, co za iedna. — Proszę darować teologiczney prostocie, równie iak i temu, że tu na czele nie kładę tytułu, bo nasze kalendarzyki tak są ubogie, że nie umieściły godności deputowanych. Ale mimo to zawsze iestem z wysokim szacunkiem Pana, który Mu i zdrowie życzę i dobrze mówię o przyiaźni iak gotowy na usługi.

X. Bobrowski.

Wilno,
15. Maja 1828.

Winszuię Panu i sobie poczynionego członkowstwa Hist. i Staro Moskiewskich. Ale o sławie Panskiey więcey dodam. Nasz Łoboyko, co to miewa w zapasie korrespondencye, ongi, kiedyśmy byli z poczteniem u Gł. Gubernatora, wyiął z zanadry list od swego brata z Paryża, w którym uwielbia historyczną Jego sławę w Paryżu szeroko brzmiącą i poczytuie za szczęście, ieżeli brat imieniem iego Pana pozdrowi. Nie wiem tylko, czy nasz Łoboyko posłał iuż Panu to pozdrowienie.

12.

Kilka słówek przysłanych pokazuią, że o Wilnie nie zapomina Polihistor; ba nawet chce się pokumać z naszymi literatami i spodziewać się godzi, zwłaszcza teraz, że to nastąpi; bo ieden z naszych przyiął na siebie wnieść gdzie należy, aby ozdoba przybyła do grona naszych uczonych. W nowym planie organizacyi Uniwersytetu iest osobna katedra historyi kościelney, ale kiedy ten będzie wyżey przyięty, to spodziewać się nowego na to konkursu. Podlasiak między kozakami zupełnie się skozaczył. Nic do mnie nie pisze. Prawda, że i ia raz tylko przy końcu roku pisałem do niego. Dobrzeby było, żeby się ożenił: ale nie z kozaczką. Trzebaby mu wyswatać iaką mazurkę lub warszawiankę rezolutną, aby mu hipochądryą rozrywała, a tak i o nas przypomni. Moiey perory nie mogę posyłać, bo ieszcze iest nieprzybrana tak, iakby się mogła między ludźmi pokazać. Ale i taka, iaka iest, tu dobrze była przyiętą. Architektura u nas zaczyna wychodzić na iaw i iuż się dostała i do Pana. Trzebaby tam o niey hałasu narobić, aby autor nabrał otuchy do dalszego ciągu roboty i do nakładu na wyposażenie swych dziewic, które są nadobne, usłużne i piękne biorą wychowanie. O Lemanie rzeźbiarzu dobrzeby także wspomnić, bo się gniewa, że Wileński Dziennik o nim zapomniał. Tak bowiem zagrzany niemiec mógłby staranniey daley wyrzynać budowle na miedzi. Ze szkoły architektoniczney wychodzi na świat pięknych nadziei żmudzin Rymgayłło, iadąc na cudze zagony swoim kosztem. Chciey mu dać poznać Warszęgę i uczonych, oraz day obroku na dalszą drogę. Teologowie z naszey szkoły nie bardzo się nam wiodą. Oto iednego, co był celnieyszy, masz Nekrolog, a dwóch, co teraz mamy, patrzą na grodę księżą. Musiało i w niebie zabrakować teologów, kiedy ich tam wzywaią. Badź zdrów etc.

X. Bobrowski.

Wilno,
20. Października 1828 roku.

13.

Panie Joachimie! Donoszę Ci pocieszną nowinę, że się nadarza nam okoliczność sprowadzenia Ignacego ze stolicy Chachołów do stolicy Jagiełłów. Jego konkursowa rozprawa do katedry prawa kraiowego Rossyyskiego, acz pod imieniem opieczętowanem ukryta, pierwszeństwo bez wątpienia otrzyma. JW. Rektor dał się z tém słyszyć, że woli Daniłowicza, niż drugiego konkurruiącego, a tym iest Korowicki (?). — Dzieci Litewskie płaczą, że się nie maią czem bawić, dla braku exempl. Hist. P., ia ich cieszę i siebie razem drugiem wydaniém. Kłopocą mię o ów rękopism słowiański kroniki, który przez ś. p. X. Platona Sosnowskiego pożyczony dotąd zastrzęga u zawiędłego Literata Lindego. Zmiłuy się Panie! postaray się o iego wydobycie. — Oddawca tego biletu iest Józef Tupalski, młodzieniec od serca, godzien kochania i zaufania każdego szlachetnie myślącego.

Wyterminowawszy tu w kancellaryi Gł. Gubernatora, udaie się do waszego komissaryatu. Proszę go kochać iak mię a ufać ieszcze więccy. Posyłki i korrespondencye przez iego ręce pewnieyby tu dochodziły, niż dotąd przez kancellaryą kuratorską do Rogalskiego. Co do prac naszych iesteśmy ieszcze w letargu, i w takim letargu wydaną uyrzycie tam archeologią. Zdrowia z duszy życzę, zawsze na usługi przyiacielskie gotowy X. Bobrowski.

Października
1829 r.

XVIII. Письма М. Бобровскаго къ разнымъ лицамъ *).

1.

M. Bobrowski Paulo Solarich S. D.

Quum nuntium acceperim, me posse diutius, quam fuerit statutum, manere in exteris regionibus, memor et Tuorum, Vir Optime, beneficiorum, quibus Venetiis fruebar, et illius, cuius mentionem mihi feceras, propositi de peragrandis littoribus Dalmatiae ineunte hocce verno tempore, cuperem quam maxime, ut me comitem atque socium adiungas, manente consilio et ad eventum iam iam appropinquante. Quamobrem velim scribas ad me, quo tempore et qua in Civitate Dalmatiae, sive Tergesti, sive Flumii, sive Ragusae occurrendum sit exoptatissimo itineris Ductori. Quod si feliciter evenerit, habeo, quae de litterariis novellis narrem. Nunc vero hoc unum addidisse sufficiet, Praelatum Galginum nunc Episcopum Arbensem curasse novam breviarii Glagolitici editionem, quae prodierit typis Collegii de propaganda fide an. 1791 2 vol. in 8°. — Vale quam optime.

Romae,
8. April 1820.

2.

Viro Celeb. Paulo Solarich.

Gravi morbo implicitus vix effugi Libitinae ianuam. En causam, cur non dederim responsum ad Tuas litteras. Sensim sensimque recuperare pristinam valetudinem cum iam viribus ita valuissem, ut sine detrimento salutis, terra marique iter facere possim, mense Augusto, Roma derelicta, veni in Dalmatiam, visum Slavonicae litteraturae monumenta. Sed spes me fefellit. Ubique invenio tam publicas,

---

*) Черновики всѣхъ писемъ — въ бумагахъ Бобровскаго, въ библ. гр. Замойскихъ въ Варшавѣ.

quam privatas bibliothecas atque archiva eius generis monumentis spolita. Nihil iam dicam de iis, quae temporis iniuria perierint. Hanc enim sortem pariter res litterariae Slavorum ac caeterae subire solent. Sed plurima eorum, quae post tot rerum vicissitudines reliqua erant, a Patre Riceputi undique conquisita et collecta, ab autore Illyrici Sacri Farlatis conservata et a continuatore eiusdem operis Coleti hucusque retenta in scriniis latent Venetiis; quaedam a Gallis tempore belli ablata sunt; reliqua iussu principis nunc regnantis in tota Illyria investigata, reperta, inque Palatina bibliotheca deposita sunt. Igitur locum tantum video, ubi Troia fuit, et sola praeteritorum memoria oblector. Tragurii neminem patriae linguae bene gnarum novi; collectionem tamen librorum dalmatinorum haud contemnendam ostendit mihi humanissimus Lucas Garagnin. Collocutus sum cum Michaele Vetturi in castello Vetturi ultima fata iam expectante: sed tamen non obtinui facultatem videndi bibliothecam eius, plenam librorum ad Slavonicam litteraturam pertinentium. Post fata Joannis Lucae Garagnin nemo est, qui in territorio Spalatensi litteras patrias promoveret. Vix unum Paulum Cadcich Miosich in hac urbe, doctissimis viris quondam fertilissima, inveni dalmatinae litteraturae incumbentem: qui mihi etiam dux est in eadem. Inde mox Ragusinam civitatem petam, ut a celeber. Appendini plura edocear. In Ecclesia Ord. Praedicatorum ad Minervam frustra quaesivi inscriptionem illam — Musae illyricae — neque reperi in collectione inscriptionum urbis Romae typis impressa. Gratissimum mihi esset, si quid certioris scriberes de illo thesauro abscondito apud patrem (Coleti*). Fortasse ibi servantur quaedam dyplomata slavico idiomate et charactere cyrilliano exarata. Adiunctam invenies aliam epistolam, quam Romae dedit mihi expediendam Comes Kossakowski iter iam paranti ad Dalmati e ora. Mense Octobre spero, D. O. M. favente, rediturum me Romam, ibique negotiis, quae relicta sunt, celeriter absolutis, post Calend. Novembr. Parisios petiturum fore. Vale.

A rendre dans le comptoir de Mr. Cristophe Zvietovich Negociant.

Spalatro,
12. Septembr. 1820.

3.

Viro doctissimo Supano Michael Bobrowski S. P. D.

Si Tibi idem, quod anno exacto, nunc etiam sit consilium, ulteriores Dalmatiae fines penetrandi, iucundissimum mihi foret hac de re nuntium accipere. Cuperem enim vel nunc visere urbes Dalmatiae. Itaque si tenax propositi me itineris socium voluisses accipere, nihil iam amplius mihi ad felix iter desiderandum esset. Verum tamen restaret, ut sciatur, ubi et quando ferre possim amplexum Digniss. Collegae obviam eunti. Quoad locum nihil impedit, quominus veniam in occursum sive Tergesti, sive Ragusae, sive in quacunque alia

*) Зачеркнуто.

Dalmatiae civitate. Tempus vero incipiendi iter mihi commodissimum esset mensis Augustus, ita ut Septembre iter per Dalmatiam possit absolvi. Ad quod accelerandum onus conducendi currum ipse solus lubentissime portabo. Graviora enim Romae negotia me expectabunt, ad quae perficienda, redeundum erit in Urbem saltem post Idus Septembr., ita ut illis absolutis, possim viae me accingere atque reliquam Italiam emensus Calend. Novembr. venire Parisios. Igitur quae sit Tibi mens, quare propositi ratio scribas velim quam celerrime adiecta epistolae rescribendae notula: Palazzo Fiano. Ceterum saluta Viros optime de patria litteratura meritos Illustrissimum Baronum Sois et summe verendum Raunicherum. Ipse vale quam optime.

Romae,
Nonis Jul. MDCCCXX.

4.

Clarissimo Viro F. M. Appendini*).

Mirum videtur Clarissimo Viro, me hactenus in Urbe manere. Sic fata tulere. Et re vera ex Dalmatia in urbem reversus, tot negotia sibi iniuncta inveni, ut post continuum studium atque curam vix incoepta relinquere cogar. Pretiosissima etiam antiquitatum monumenta et loci deliciae paululum Neapoli me tenuere. Nullus in orbe litus Bais praelucet amoenis. Sed iam necessitate praemor amoenissima Italiae littora hortos hesperides relinquendi — et cras me Romae valedicturum fore spero. Parisiis nonnisi per paucos dies

---

*) Объ Аппендини Бобровскій заноситъ въ свои путевыя записки слѣдующее: »Franciszek Maria Appendini Rektor Piarskiego Collegium i Prefekt Gimnazyum, gorliwy badacz starożytności i litteratury słowiańskich ... Z poruczenia rządu przełożył na mowę illiryyską Austryacki kodex cywilny i ten przesłał do Gubernium w Zarze będącem. Lubo Appendyni iako rodem z Piemontu nie zna tyle własności mowy illiryyskiey, iżby to tłomaczenie dobrze sporządził, do tego iednakże używał iednego xiędza z powiatu Raguzańskiego, gruntownie umieiącego dyalekta Raguzański i Dalmacki. Wiadomość tę nie od Appendyniego, ale od drugich powziąłem i dla tego nie wiem, iak się zowie. Wyrazy prawnicze (termina technica iuris) sam tworzył Appendyni i dał mi ie przepisać. Teraz pracuie między innemi nad zbiorem wiadomości o życiu i dziełach Fericza. Dziedzic bowiem biblioteki i prac piśmiennych tego męża Sokolowicz Dominik wikary generalny Dyecezyi Trebigna i Mercana z wdzięczności ku swemu dobrodziejowi wszelkie koszta przyymuie na siebie względem wydrukowania wszystkich dzieł Fericza, wzywaiąc do takiey pracy Appendyniego. Oprócz tego zamyśla Appendyni wydawać wszystkich poetów Raguzańskich. Ma iuż do tego niektóre zbiory. Po iezuicie Bassich drukarz Martechini nabył rękopism własnoręczny Bassicza, który we 21. tomie in 8° zaymuie celnieyszych pisarzów Raguzy. Milord Guilford chciał ten rękopism zakupić, ale iego chęci uprzedził pomieniony drukarz z rady Appendyniego. Uważa wprawdzie Appendyni ten rękopism iako mniey poprawny, ale znaydzie tyle innych poprawnieyszych, mianowicie w bibliotece Sokolowicza, ręką samego Fericha pisanych, może używać w każdym czasie. Przy oglądaniu biblioteki Sokolowicza mówił mi Appendyni, że xiąże Sapieha będąc w Raguzie chciał ią zakupić iedynie dla owych rękopismów. Wkrótce myśli ogłosić prenumeratę Illiryyskiego Parnassu.“

mihi commorandum erit. Mense enim Septembre Vilnae adsim, necesse est. Libros, quos mihi comparandi negotium dedisti, facile erit acquirere, sed quomdo acquisitas mittam Ragusium, haud facile inventu. Verum tamen casum habebo et eam difficultatem superandi. Litteras Tuas cum libris Principi Czartoryski quam primum tradere curabo, addito sermone de humanitate et liberalitate et auctoritate, qua usus sum et Ragusii apud Te et Tecum in itinere per Dalmatiam. Interea velim, iubeas diligentissimum amanuensem in optima charta describi opera Illyricorum quaeque praestantissima, nondum in lucem edita, incipiendo a Canavelli carminibus in laudem Joannis III. regis nostri; ut vel sic dicere possim coram Principe, operam hanc sibi desideratissimam a Te unice intento ad propagandam rem Slavorum nomenque iam coeptum esse.

In patriam redux, Deo favente, mittam Tibi nuntium de eo, quo animo studia Tua a Maecenate nostro accepta fuerint; mihique haud ingratum esset et Tuas litteras legere, nuntiantes imprimis de eventu, quem habuerit orthographiae Dalmatinae nova facies, cuius introducendae participem et me fecisti ipse auctor. Ab egregio Viro Rosani humanissime exceptus fui idque non semel, sed saepius. Saluta optimos quosque Raguseos mihique cognitos. Vale!

Roma,
Jul. 1821.

5.

Do Appendyniego Rektora Piarskiego w Raguzie.

Romam relicturus scripsi epistolam ad Te, Eruditissime Vir, eamque dedi Archipresbytero Capor expediendam. Iter prospere emensus veni Parisios mense Augusto. Principem quidem non inveni, sed eius a Secretis Adolescentem optimae indolis: cui iam accincto viae litteras Tuas concredidi et spero eas brevi perventuras fore ad Principis manus. Ego etiam adiunxi brevem notitiam de itinere Dalmatino: quod eo fuit utilius, quod Te duce egregio absolutum. Quae egimus de promovenda Slavorum litteratura nova mox incrementa coeptura existimo, accedente illo Maecenate, unico gentis nostrae praesidio: qui quam laetatus fuerit, accepto nuntio de Tuis operibus doctissimis atque studiis perpetuis, non est, quod pluribus exponam. Brevi ipse persuasus eris ea de re legendo principis responsum: ex quo etiam disces, quae mens ei fuerit, ut ea, de quibus Tecum conveneram, in effectum deducas. Ego Parisiis spatio duorum triumvel mensium manebo expectando litteras Tuas, erud. Vir, nuntiantes de eventu, quem stabilita orthographia habuerit deque aliis rebus, quae me oblectant. Licet percontatus sim de illo Bruer rei slavicae dedito, tamen ne eius quidem vestigium reperi. Audivi quendam Sorgo Raguseum in villa prope Parisios habitare; ideoque omnem curam adhibebo eum adeundi. In una ex publicis bibliothecis (la bibliotheque de l'arsenale) inveni Osmanidae codicem, antiquum bonae notae, laborantem tamen eodem defectu, quo caeteri

omnes, qui sunt hactenus noti eiusdem carminis codices. Ibidem reperi eclogam: Pisan od Miloscia Cobilichja i Vuka Brancovichja cum versione italica. Saluta egregium Bettera et doctissimos Tui collegii Socios. Valeas quam optime, vir eruditissime.

Parisiis,
XI. Kal. 7-br. 1821.

6.

Do Miossicza Dalmaty Professora w Spalato z Paryża*).

Quanquam me nomine negligentiae suspectum esse habeas, diuturni tamen silentii causa non tam in me fuit, quam potius in iis, quibus intererat negotium decernere, de quo Tecum collocutus fueram. Heu nimis iactatus fluctibus Adriae vix portum Anconae tutus occupavi et inde Romam reversus totam hyemem transigendo inter otia litteraria expectabam, si forte accepissem a Principe Czartoryski mandatum, quod possim Tibi declarare. Sed spe delusus Parisios petii atque hic tandem accepi litteras a Principe voluntatem suam declarante his verbis: sibi maxime probatum esse Rev. Miossich assensum voluntatemque migrandi quamprimum in Poloniam seque scire velle, ut certiorem faciat de stipendiis, quae velit merere quolibet anno antequam beneficium Eccles. suae collationis tanto viro dignum vacaverit; ad quod eundem Miossich primum candidatum a se decerni, interea se velle eum non alio officio fungi, quam ut rem litterariam slavorum et si quae alia studia pro suo ingenio selegerit, penes bibliothecam colat exerceatque.

En nostri Maecenatis voluntatem atque liberalitatem ingenuam, cuius praesidio quotusquisque usus est firmissimo, profecto scias eum nunquam poenituisse. Non est quod plura addam vel in memoriam revocem ea, quae antea viva voce Tibi declaraveram. Sat nota sunt eius beneficia, quibus viros doctos cumulare non cessat. Igitur Tui est decernere annua solaria Principis liberalitate digna: de quibus velim quamprimum me certiorem reddas missis litteris ita signatis: A Mr. Bobrowski à Paris Hôtel de trois B., M. N. № 50. Manebo Parisiis ad Calendas Majas, quod temporis spacium sufficiet ad absolvendum epistolae utriusque iter. Atque ita nuntio a Te laeto

---

*) Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ Бобровскій сообщаетъ о Миошичѣ: „Paweł Miossich Cacich rodem z miasta Macarsca, Nauczyciel przy Gimnazyum w Spalatro, iest ten sam, którego w liscie miałem zaszczyt polecić względom JOX. Woiewody Czartoryskiego. Przy znaimości starożytnych uczonych ięzyków, oraz z nowożytnych włoskiego, francuzkiego, niemieckiego i dalmackiego iako oyczystego, pracuie nad przełożeniem na włoskie dzieła Jana Lucyusza; tudzież z poruczenia rządu czyni opis geograficzny, historyczny i statystyczny obwodu (cyrkułu) Spalatryńskiego, do czego w podróży ze mną przez Dalmacyą nie mało zebrał uwag. Do tey pracy maiąc sobie powierzone niektóre wiadomości, nie śmiał żądaiącemu cokolwiek z tego udzielić, aby się nie zdawał nadużyć ufności Rządu.«

accepto in patriam rediturus habebo, quid Principi respondeam. Saluta Tibi amicissimos mihique notos, imprimis illustrissimum Capitaneum Rea. Interea quaere monumenta ad historiam slavorum illustrandam, imprimis Russorum et Polonorum; fac describi carmina Canavelli in laudem regis Sobieski et epistolam ipsius Sobieski ad eundem Canavelli, quae omnia exstare scio apud haeredes ipsius poetae in insula Curzola. Si quae inscriptiones magni momenti in ruinis Salonae repertae sint, haud ingratam mihi rem feceris eas epistolae suae adiungendo. Cura, ut valeas mihique desideratissimum mittas nuntium de illo proposito se transferendi in feracissimum agrum Polonorum. O, quam laetum erit mihi aliquando occurrere Tibi atque in memoriam revocare ea, quae in itinere Dalmatino egerimus, viderimus et experti fuerimus Almissae, Spalatri, Tragurii, ad littora et fontes Cettinae, Scardonae, Zarae? Adiunge quaedam de Clarissimo nostro Sodali Appendini deque nova orthographia, quem scilicet sortem sit nacta. Vale atque fave Tibi amicissimo.

Calend. Mart. (1821).

7.

Ad Miossich.

Binae Tuae Litterae Parisiis me καιρως invenere, quas ad unam epistolam misisti respondendo clare atque sincere sua desideria declarando. Ita negotia tractantur cum amicis. Neque ego rem distuli, sed statim eam Principi, ut par erat, declaravi in epistola Parisiis valedicturus. Nunc Germaniae regiones peragrans haud praetermitto certiorem Te facere de cura, quam sinceri amici causa habere mihi est dulcissimum. Brevi spero me inoccursurum fore ipsi Principi et quem eventum res tota coeperit Tibi nuntiaturum. Grata mihi erant, que narrasti. Nec alia nunc rogo a Te, quam ut ad me scribas quaedam certiora de Glagolitis in Dalmacia, imprimis de numero Parochiarum qualis est in Dioecesi deque, si res sit in promtu, de nominibus atque de Seminario Almissensi. Haec desiderantur a me ad describendum iter per oras Dalmaciae, quod describere mihi in animo est. Vale et saluta Tuos collegas Budrovicium, Santicium, Plancium, Inspectorem Scholarum cum eius amicis, consiliarium Jaxich et alios mihi notos. Scribe ad me Vilnam. Vale iterum atque iterum.

8.

Do Xiędza Pawła Miossich w Zarze, w Głównem Seminarium Prof.

Rediens in patriam profectus sum eo itinere, quod Pulavas (Puławy) ducebat, ut et gratissimi animi sensus pro maximis beneficiis Optimo Principi viva voce declararem et negotium Tuum ad

optatam metam perducerem. Sed accipe, quantam curam de Te gerat Celsissimus Princeps. Vix palatii limina transivi profundam reverentiam significatum, primum erat, quod quaerebat ex me Princeps, sisne paratus relinquere paterna littora et qua conditione invitatus venire in Poloniam? Ad quae ego respondi paucis exponens Tuam mentem, quam declarasti in epistola Jaderae pridie Kalend. April. ad me missa. Deinde et ipsam epistolam communicavi: quae quum placuisset Principi, haud mora, iniunctum est mihi ad Te scribere atque declarare voluntatem Celsissimi Principis non aliam esse, quam ut Te invitaret ad villam Pulavy, ubi ipse habitat; quod tamen non prius fore, quam obtineat ab aula Caesarea Vindobonensi facultatem libere migrandi sine detrimento Tui patrimonii; officio Te obstricturum incumbendi studiis, quae Tibi maxime arrideant, ut ipse declarasti in epistola, imprimis historiae Ecc-ae et Juri Canonico, quo possis cum successu concurrere ad optinendum munus professoris earundem scientiarum in Universitate Vilnensi: quoad solaria, ea solvenda fore ex aerario principis hac ratione, ut primo anno, quo invitatus fueris mille florenorum augustanae conventionis et quidem 500 fl. Tergesto, et 500 fl. quum Pulavas veneris, sequentibus vero octingentos florenos annue Te percepturum, donec aut beneficio ecclesiastico provisus fueris, aut professoris munus obtinueris. Taceo de mensa atque mansione, quibus libere usurum Te fore non sinit dubitare liberalitas optimi Principis. Interea Principis est voluntas, ut in Dalmacia quaeras, si quae sint monumenta ad origines populorum Slavorum investigandas, atque ad historiam regni Poloniae pertinentia: eaque describenda curares, pariter atque cantus, qui populo recitantur, sedulo colligas et collectos compares: quorum collectionem haud exiguam vidi apud Santich, tuum collegam, ex his enim et ingenium gentis slavicae elucescit et historiae eiusdem antiquissima vestigia apparent. Plurimum prodesset, si potuisses Archiva Ragusina penetrare: quaere ex Appendini de hac re et certior factus de libero aditu ad ea, potueris nuntiare de hac re Principi, qui Te et pecunia adiuvabit et litteris ad consulem datis, ut possis facere iter usque Ragusam. Neque erit inutile investigare limites Slavorum in meridionali parte Europae. Non enim ad liquidum adhuc perductum est, quam late pateant, qui dalmatice, serbice, croatice, bosnice, bulgarice loquantur. Neque etiam praetereundus est ille Illyrici Sacri continuator Colleti, qui Venetiis diplomata, documenta, bullas edicto reipublice Venetianae per totam Dalmaciam collectas possidet iure quasi haereditario post obitum doctissimi Farlatis. Sed quid longe dissita et parum certa indico? Est Jaderae pretiosus codex doctissimi Caramani Archiepiscopi Jadertini apud Nobilem Pecotam, Benedicto XIV. Sum. Pont. dedicatus, qui inscribitur Identità della lingua . . .

(Въ черновикѣ этого письма недостаетъ конца.)

9.

Do Ciulich Lektora Bernardyńskiego w Raguzie 20. Septbra*).

Quid consilii coepimus, id communicavi Principi: et placuit proponere, ut primum librorum tam manuscriptorum, quam impressorum, quos possides, catalogum statim conficias, eumque reddas Consuli Russo mittendum ad Principem Czartoryski in oppido Puławy habitantem: quo facto totum negocium ex voto brevi cessurum fore spero. Interea non cessabis plura, quaecunque ad rem Slavorum litterariam, imprimis ad omnium populorum originis Slavicae historiam indagandam illustrandamque spectant. Plurimum etiam proderit noscere, quae in bibliothecis privatis Ragusii lateant et praesertim investigare ea, quae in archivis Ragusanae civitatis iacent abscondita. Nihil igitur praetermittas, quo possis secreta haec penetrare et si quae documenta ad historiam pertinentia inveneris describere aut saltem notare. Cura ut valeas. Egregium Canonicum Chiprich saluta vota mea declarans, ut nimirum cuncta prospera ei eant. Ad me scribas velim, statim ac epistolam receperis. Manebo per aliquos menses Parisiis, Hotel de trois Balances, Marché neuf près du Pont St. Michel № 50. Vale iterum atque iterum.

Parisiis,
XI. Kal. Septembr. 1821.

10.

Ad Capor.

Binas a te litteras accepi, alteram 3. 8br. et 5. novi anni, alteram 12. Januarii Romae signatam. Ex utraque notitiam hausi nimis moloestam de tua valetudine parum constanti. Sed jam spes me alit, favente Deo O. M. Te jam vires resumpsisse et ad pristinum salutis statum rediisse. Haud ingratam mihi rem dicis, iam manum apposuisse Chronico illo Dalmatino: cupio habere loca dubia. En mitto ea... inspice si ita legit Cod. MS. Vatic., quid significent in lingua

*) О немъ Бобровскій сообщаетъ: „Innocenty Ciulich rodem ze Spalatro, Bernardyn, od 6. lat na nieszczęście ma sparaliżowany organ słuchu, obok obszerney znaiomości Słowiańskiey litteratury we wszystkich iey gałęziach zebrał nayrzadsze dzieła tak drukowane, iako i pisane, wierszem i prozą, tyczące się historyi i poezyi słowiańskich narodów: przetoż iego biblioteka naylepszą bydź może w Raguzie. Na zapytanie: czyliby iey nie mógł sprzedać? odpowiedział, że tę odstąpiłby takiey osobie, którąby mu zapewniła dostateczny sposób do życia, nawet w obcey ziemi. Przez listy możnaby dokładnieyszą powziąść od niegoż wiadomość i o bibliotece i o warunkach, na które przystałby przenieść się gdzieindziey ze swoim skarbem. Konsul dworu rossyyskiego w Raguzie łatwyby sposób znalazł na doprowadzenie tey rzeczy do skutku, unikaiąc zbytniey troskliwości rządu owego, który szczególniey czuwa nad zachowaniem w kraiu zabytków wszelkiey litteratury.“

dalmatina et latina velim notes, ita tamen ut significationes notatae aptae sint locis, in quibus leguntur voces et phrases. Prae ceteris nomina propria hominum, urbium, regionum diligentius nota et describe, quasdam notas philologicas hist. crit. de suo si adjeceris, gratissimum mihi erit: quem laborem non fas erit silentio praeterire in vulgando opere, imo majorem auctoritatem nacta fuerit opella testimonio viri Dalmatini probata. Habeo jam a Dilectissimo Tuo fratre *), quod Te non fugit, ad quae Tua si accesserint nescio quid plus desideretur. Saluta eum etiam atque etiam et revoca illa Canavelli carmina. Si stetisset promissis, rem desideratissimam perfecisset. Index ille, quem habes, ei tantum rei inservire potest, ut scias, quae iam habentur in Bibliotheca Pulaviana, quaeque in bibliothecis inventa praetereunda. Principi vero maxime interest habere caetera, quae latent in Bibliothecis Romanis: quorum indicem si habuerit, pro libitu indicabit ea, quae describenda sint. Moloestus est quidem ille labor, quo oleum et operam vel diligentissimus perdere solet, sed tamen quaerere non erit inutile, ut dignum mercede operarium Te praebeas; quantum pretium statueris, tantum certissime mittetur, me curante. Quantum erogaveris pecuniae in libros comparatos et descriptos codices, indica mihi et simulac Vilnam venero, sine mora mittam addito pondere argenti, quo possis uti in labore continuando. Mickievicz senem morosum novi, nihil agitur mirum, si talem et Tibi animum manifestaverit. Non est quod curam eorum habeas quae ipse abscondit zelosus.

Rogo ut tradas ipse epistolam Ill. Ostini et si quae dederit, mittas simul cum opusculis hic notatis: Philippi M. Renazzi advocati et antecessoris Rom. Jus criminale Romae 1819 (pars 1., pavl. 5). Joannis Fortinati Zamboni Dissertationum specimina ex Italico in Latinum versa. Romae 1819 apud Bernard. Olivieri. Quaere et alia, quaecunque a sodalibus in conventibus Academiae Religionis et Academiae Theologicae disputata et impressa, et ea adiunge. Omnia haec collecta tam impressa, quam quae descripsisti trade Bibliopolae de Romanis, ut mittat Parisios ad Bibliopolam de Bure, quocum illi commercium est, signato tamen involucro: à Mr. Dufar fils pour remettre à Mr. le Chanoine Bobrowski. Ita enim conveni cum librariis de Bure et Dufar. Si de Romanis statim voluerit ea expedire cum libris, quos habebit expediendos ad de Bure, adiunge et copiam Chron. Dalm. Sinminus, mitte eam copiam per la posta. Ego obtinui facultatem manendi hic usque ad ultimum Aprilis.

Parisiis.

---

*) Съ нимъ Бобровскій познакомился во время посѣщенія о. Корчулы (Curzola). О немъ въ путевыхъ замѣткахъ говорится: „Maciey Capor, brat rodzony owego Archiprezbytera w Rzymie, którego obrałem za korrespondenta, młodzieniec w 27. roku, pełen cnoty i dobrych skłonności, maiąc niepospolitą znaiomość mowy oyczystey, umieiąc nadto ięzyk włoski i łaciński, ze szczególnieyszym zapałem zbiera piśmienne zabytki słowiańskich narodów. Będąc w Rzymie znaczny do tego zbiór uczynił po bibliotekach i wiele z niego Appendyniemu udzielił. Niemało i mnie pomógł do znaiomości swoiey mowy i litteratury. Ma zamiar zostać duchownym i poświęcić się zupełnie oyczystey litteraturze, byleby temu sprzyiały okoliczności.“

11.

Do Capora do Rzymu.

Multa sunt, de quibus Tecum agebam et viva voce Romae et per litteras Parisiis in negotio Celsissimi Principis, parum certa et exacta: ideoque negligenda esse vel ea suadent, quae modo ex ore ipsius Principis meliora edoctus, Tibi nuntiare non praetermitto negotium totum ad haec revocando.

In primis pervolvendi sint Tibi commodo tempore indices et catalogi bibliothecarum omnium sive publicarum sive privatarum Romae, et si quae ad historiam Poloniae ac Russiae spectantia offenderis, quae absunt a catalogo illo, quem pro norma habes relictum, diligenter notanda. Deinde. Ex inventis eius generis monumentis ea solummodo describenda, quae et plurimum conferant ad historiam illorum populorum illustrandam, et non excedant saeculum XVI-um. Tum velis revocare in memoriam non semel, sed saepius Praelato Marini, Archivo Pontificio praefecto, ut promissis mihi datis de conficiendo rerum nostrarum catalogo staret. Tandem. Mitte libros, quos et ego reliqui et ipse acquisivisti, iuxta datam a me notulam operum desideratorum, ad bibliothecam Cels. Principis Pulaviensem (Puławy) via Tibi indicata, scil. ad Secretarium Guerrazzi Liburno habitantem: cui adiungere etiam poteris ea, quae iam aut reperieras, aut descripseras me absente.

Denique. De omnibus, quae hoc negotium exigit, maxime de rebus dubiis, consulendus erit Gołębiowski Bibliothecae Pulaviensi praefectus. Cum hoc viro sit Tibi commercium litterarium, cuius ope et certior factus negotium ulterius promovere potueris, et pecuniam opere praestito recipere. Nihil interest, litteras ne latine scripseris an italice, dummodo sit promovendae rei litterariae atque ad mentem Celsissimi nostri Maecenatis. Simulac Vilnam advenero, mittam ad Te aliam epistolam. Saluta nobis bene faventes, imprimis Majum, Ostini, et dic illis me ad patriam rediisse bene valentem et Te illosque salutantem e paterno tugurio. Vale.

Volcae,
19. Lipca 1822.

12.

Joanni Zimmermanno Bohemo Michaël Bobrowski Ruthenus S. P. D.

Negotium mihi iniunctum detegendi codices Hanschii et Schindelii manuscriptos, si qui lateant in Palatina Bibliotheca Vindobonensi, volui perficere, sed conatus mei frustra erant. Nullam enim eorundem codicum mentionem factam esse, ipsemet expertus sum pervolvendo Catalogos codicum manuscriptorum omnes, quos habet Palatina Bibliotheca. Quod etiam probavit Kopitar usu proprio asseverans, se antea jam quaesivisse rogatum a Reverendissimo Domino. En habes eius rei nuntium.

Hisce diebus consilium habeo profiscendi in Italiam, Vienna derelicta. Saluta optimos quosque originis Slavicae et indolis Bohemos: Doctissimum Dobrovium, Optimum Jungmannum, Eruditissimum Negedlium, Sapientissimum Millauerum. Vale quam optime meique Tibi conjunctissimi habe memoriam, si quam meruerim.

Bobrowski.

Viennae,
Kal. Mayis. MDCCCXIX.

XIX. Письма М. К. Бобровскаго къ П. И. Кеппену*).

1.

Clarissimo Ornatissimoque Viro Keppen Michaël Bobrowski S. P. D.

In loco obscuro delitescens accepi missas a Celeberr. Professore Loboyko tabulas ad normam fac simile quorundam antiquorum Codd. slavonicorum Tua, Vir Clarissime, cura aere incisas: quarum et ἀκριβεία et antiquitate maxime delectatus, quum semel atque iterum legissem et intellexissem, quae continerent; non aliam ferre sententiam statui, quam dialectum redolere eas serbicam passim cum croatica mixtam, neque seculum XII superare puto. Nam quotquot vidi codices slavonicos antiquiores, charactere aut Cyrillico aut glagolitico scriptos reperi omnes, si excipias fortasse bohemicos. Quod tamen non affirmo, quum nondum exploratum probatumque habeo, quo seculo usus litterarum in lingua slavica invaluerit apud Slavos meridionales Europae regiones colentes.

Iam vero aliud iubes declarari, videlicet Te velle ad me scribere. Quod mihi otio nunc dedito maxime honorificum exoptatumque est. Neque interest, quonam sermone, sive rossiaco sive theodisco scribas. Neque mihi oneri erit, solvere pro mittendis litteris, licet nunc omni munere beneficioque privatus victum quaeram de sola Missa: quod Deus O. M. in melius vertat, detque, ut aliquando gratiam eorum, qui mihi praesunt, meream. Respondere ad ea, quae Parisiis desiderantur, nec locus hic, neque tempus est. Interea velim indices viam modumque inscribendi ad Te, Vir Clarissime, epistolas; ad me, si placuerit, per villam Slonim, Żyroviciis (въ Жировицахъ) inscriptae facile venient. Ecquidem sunt mihi quaedam slavica, quae in itinere collegi, non contemnenda, quae tamen, data occa-

---

*) Въ русскомъ переводѣ эти письма напечатаны были въ Славянскихъ Изв., 1889, стр. 303, 353, 375. Подлинники ихъ хранятся въ Библіотекѣ Императ. Академіи Наукъ, въ бумагахъ П. И. Кеппена.

sione, lubens proferam, inveniamque rationem palam significandi gratissimi animi sensum pro honorifica mei mentione, quam in Ephemeridibus fecisti. Nunc mihi sufficiat, quae de speciminibus illis slavicis scire cupiebas ἀτοψεὶ cognita declarasse, atque ad ea, quae cultores litterarum slavicarum decent (dummodo eorum onus ferendi par fuero), officia erga Te, Vir Clarissime, praestanda me paratissimum profiteri.

Pascuis (Zyroviciis), die 23. Januarii MDCCCXXV.

Помѣта Кеппена: „Получ. 5 Февр. 1825 года.“

2.

Clarissimo Petro Keppenio M. Bobrowski S. P. D.

In epistola iam data, memoria excidit illud, ut certiorem Te, Vir clarissime, redderem de codice acquirendo, cuius *fac simile B* miseram. Quod in memoriam revocans, hodie declaro. Codicem illum acquirere difficile fore credo ideo vel maxime, quod pertineat ad bibliothecam monasterii Suprasliensis; legibus enim ecclesiasticis sub anathematis poena vetitum est, ne libr ie monasteriorum bibliothecis transferantur ad alias lucri causa. Quare in hoc negotio tentare Abbatem monasterii Suprasliensis arduum esset; nisi fortasse alicuius operis editi permutatione scrupulum, ut dicitur, conscientiae deposuerit: quod proponere eidem, data occasione, haud negligam.

Ut autem citius starem promissis, mitto brevem saltem bibliographiam, vel potius catalogum librorum editorum, non quidem omnium, qui doctis noti erant, sed eorum tantum, quos aut in bibliothecis extraneis vidi, aut comparavi in itinere. Profecto longe plures Te, Vir Clarissime, haud fugere, ex doctissimis Tuis bibliographicis paginis notum habeo. Neque latent auctores, qui de iisdem aut ex instituto aut obiter tantum tractarunt, videlicet: Assemanus in Kalendario T. IV. p. 425 sqq; Alter in Miscellaneis; Sovich in libello, qui incribitur Riflessioni; Frisch in programmate I.; Solarich in libello, qui inscribitur: Поминакъ книжескій о славеносербскомъ въ Млеткахъ печатанїю, великому и благословесному Славено-Сербскому народу и мудримъ его свакога званїя представителемъ и просвѣтителемъ отъ Павла Соларича. Въ Млеткахъ 1810, 8°; Schnurrerus in Slavischer Bücherdruck: quem correxere doctissimus Kopitar in sua Grammatica et celeberrimus Dobrowsky in Slavino, Slovanka, Glagoliticis et in praefatione ad Grammaticam Slavonicam. Igitur ad eorum notitiam de libris glagoliticis impressis non habeo, quid addam ulterius. Interea rogo, Vir Clarissime, noli me negligentiae nomine suspectum habere, quum titulus librorum glagoliticorum elementis usitatioribus exscripserim; volui enim faciliori methodo scribendi legendique consulere. Retinui saepe glagoliticum Ⰻ, quod tamen, ubi eius sonus certior erat, nostro *i* expressi. Glagolitica etiam Ⰰ, Ⰲ, Ⰺ, Ⱁ, scripsi nostris я aut ѣ, ю, ъ aut ь, ы. De ceteris facilis coniectura erit, quibus nam glagoliticis elementis respondeant.

Si quid ad rem contulerit nostra haec opella, curam etiam adhibebimus ut similiter quaedam e nostris codicillis, favente Deo, colligamus de slavonicis libris, qui impressi sunt typis cyrillicis, serbicis seu bosnicis et romanis, qui typographis Italis schiavetto dicuntur.

Ceterum nimis haec pauca esse scio, Vir Eruditissime, quae hodie mitto, quae tamen veluti collectionum nostrarum de rebus litterariis specimen habeto. Vale.

Pascuis,
Nonis Maj. MDCCCXXV*).

3.

Clarissimo Ornatissimoque Köppenio Michaël Bobrowski S. P. D.

Deo O. M. favente, Optimi Principis clementia, benevolentiaque Mecoenatum pristino Professoris muneri restitutus, quum Vilnam venissem, Vilnae respondendum erat mihi ad Tuas, Vir Clarissime, litteras: in quibus acceperam et gratum nuntium de meliori mea sorte et dulce Tuum desiderium, ut non prius, quam redux in civitatem Vilnam respondeam.

Igitur Vilna iam mitto epistolam per nobilem Leopoldum Sosnowski, Juris Candidatum, egregiae indolis iuvenem, multiplici doctrina exornatum, linguarum scilicet latinae, gallicae, germanicae, rossicae, polonicae gnarum, Petropolim ideo proficiscentem, ut in cancellaria alicuius Ministri stipendia obtinere et vel sic panem honoremque merere possit. Talem ergo iuvenem Tuae benevolentiae commendare non me poenitet. Neque Te etiam, Vir ornatissime, poenitebit eum aliis commendare. Habebis sane et me et eum officiis devinctissimos.

Nuper accepi reliquos usque ad № 40 bibliographicarum paginarum: quibus inter alia manuductio itineris faciendi per slavicas nationes admodum utilis inest vel iis, qui illud haud perficiant. Adornata haec est fortasse in gratiam Wukii, cuius mentionem in epistola mihi data fecisti, si tamen liceat quid tale ex epistola coniicere. Sed velim adiungatur iter per Macedoniae regiones usque ad montem Athonem: ubi in plurium monasteriorum bibliothecas penetrare exoptaverat celeberrimus Dobrowsky, quum ipse ad iter eodem consilio secum peragendum, ante septennium Pragae me commorantem invitasset. Dicebat enim Vir ille, plures ibi codices

*) Письму предшествуетъ обзоръ: »Libri glagolitici typis impressi, quos in itinere Viennae, Romae, Pragae etc. inspexeram.« См. Библіогр. Листы, № 26, стр. 376—379. Здѣсь обзоръ Бобровскаго помѣщенъ однако Кеппеномъ не весь.

manuscriptos slavonicos ibique fortasse exaratos latitare, idque se scire asseverabat ex testimonio alicuius fide digni itineratoris Angliae civis: coniecturam etiam faciebat ex historia, antiquissimis nimirum temporibus commercium fuisse montis Athonis monachos inter et monachos Kijovienses, Novogrodenses et Mosquenses. Quod si cui contigisset assequi, fortasse praestantissima, quae nos latent, venerandae antiquitatis slavicae monumenta reperta fuerint.

Ecquidem doleo legens, Te, Vir doctissime, a continuatione paginarum bibliographicarum cessatum iri: sed tamen graviora moliri spero, monumenta videlicet historiae eruenda, ut otium nactus longe plura atque utiliora scripta parare et in lucem edere possis. Adiuvet Te in opere inchoato Numen Supremum!

Ego vero praeter lectiones Codicis divini exegeticas, quas coepi habere in Universitate litterarum Vilnensi, scholam etiam linguae slavicae veteris aperui. In ipso laboris limine sentio difficultates ob adminiculorum defectum. Non enim sunt mihi ad manus alii libri, praeter grammaticam Smotritski, Dobrowsky, Peninski et Codicem sacrum. Frustra hic quaero alia subsidia. Itaque gratissimum mihi foret, si me commendares alicui bonae fidei bibliopolae Petropolitano, qui possit mihi mittere desideratos libros tam in Russia, quam in extraneis regionibus impressos, et quidem alios indicandos minoris ponderis eosque magis necessarios par la poste, alios vero pondere graviores per Frachtwagen. Pro quibus pecunia iuxta librorum mittendorum estimationem certe et constanter mittetur, dummodo sciam, quantum ponderis argenti et ad quem mittendum esse. Nam bibliopolae Vilnenses moram saepe nectunt in conducendis libris slavicis et rossicis; ipsos etiam video premi quadam difficultate in commercio litterario. Atque haec est causa, cur audeam rogare Te, Vir Clarissime, licet gravioribus negotiis occupatum, ut tamen, Te intercedente, litterarium commercium cum quodam bibliopola Petropolitano habere possim. Quod si Tibi placuerit eius modi pactum facere cum aliquo, mittat ille, quaeso, via recta, par la poste, ad me Vilnam libros, qui inscribuntur:

1. Калайдовича, Іоаннъ Ексархъ Болгарскій.
2. Евгенія, Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской іерархіи. Въ тип. Кіевопечерской лавры. 1825. 4°.
3. Cyrill und Method die Slawen Apostel. Von J. Dobrowsky. Prag. 1823.
4. Кирилъ и Меѳодъ, словенскіе первоучители. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ тип. Семена Селивановскаго. 1825. 4.
5. Ивана Лаптева, Опытъ въ странной (sic) русской дипломатикѣ. С. П. Въ типогр. Деп. Нар. Просв. 1824.
6. Specimina Evangelii Ostromiroviensis, si majora impressa habeantur, aut quid simile, quod instar lapidis lydii ad cognoscendam codicum slavicorum antiquitatem servire possit.

Honorifica illa mei mentio saepe iniecta in paginis bibliographicis magis benevolentiae Tuae, quam meorum meritorum, quae nimis exigua esse scio, documento sunt. Ut saltem aliquid remune-

rationis gratia mitterem, paravi nonnullorum codicum Slavicorum descriptionem: sed quum eidem ultimam manum apposuerim, mei ipsius incuria adhuc Żyroviciis amisi integram simul cum annua alia opella litteraria; nam ignis ex relicta lucerna (puta сточекъ) accensus, me foras exeunte, devoravit omnem apparatum litterarium in mensa positum. Quo tamen casu nihil tale amisi, quod novo labore non possim recuperare. Deo sint gratiae maximae, quod codex Suprasliensis aliique pretiosi libri, me celeriter accurrente, ab interitu liberati sunt. En causam, cur non habeam, quod ad Tua desideria mittam. Amisi inter alia numeros paginarum bibliographicarum 15. 17. 18. 20. 23. 24. 25. Quare si numeri laudati seorsim haberi possint, peto, mittantur iubeas. Memorem me Tuorum beneficiorum habeto et fave Tibi sincero corde faventi. Vale.

Vilnae,
Idibus Maj. MDCCCXXVI.

Помѣта Кеппена: „Получ. 27 Maia 1826 г.“

4.

Ornatissimo Viro Köppenio Michaël Bobrowski S. P. D.

Mirum sane videtur Clarissimo Viro, si parum, aut nihil eorum, quae promiseram, hucusque praestiti. Sed parce, precor, meae negligentiae aut potius τῇ ἀδυναμίᾳ. Nam rediens Vilnam, ex quo Professoris provincia mihi iterum demandata est, onere quidem dulci, sed tam gravi premor, ut vix respirare, mentemque laboribus fatigatam recreare possim. Ad praelectiones exegeticas accessit lingua slavonica, cuius praecepta in gramatica Dobroviana dispersa colligere, deficientia aliunde supplere et aliis tradere quantus tyroni labor! His non obstantibus quoties volui accedere ad describendos codices slavonicos, quos videram in extraneis bibliothecis, toties impedimento fuit, quod non haberem ad manus illas pagellas (puta fac simile), quae ante biennium Petropolin missae sunt; ad eas enim notata mea in itinere dirigebam. En causas, cur expectationi Tuae, Vir Ornatissime, non respondeam.

Juvenem Malinowski, hanc epistolam tradentem, ut litteraturae polonicae bene gnarum ad eamque augendam itineri accinctum, pariter ac me ipsum Tuae benevolentiae commendo. Vale.

Vilnae,
Nonis Septembr. MDCCCXXVI.

Помѣта Кеппена: „Получ. 19 янв. 1827.“

XX. Разные документы о Бобровскомъ.

1.

Do Jaśnie Oświeconego Taynego Konsyliarza, Senatora, Członka Rady Państwa, Senatora i Woiewody Królewstwa Polskiego, Kuratora Imperatorskiego Uniw. Wileńskiego i szkoł Jego Wydziału, Kawalera Xiążęcia Czartoryskiego.

Od Imperatorskiego Uniw. Wileńskiego Przedstawienie.

Na posiedzeniu zwyczayném Rady Uniwersytetu dnia 1. przeszłego stycznia, czytany był wypis z protokułu posiedzeń oddziału nauk moralnych i politycznych pod dniem 29. listopada roku przeszłego 1816. w treści, że tenże oddział, na skutek zalecenia J. O. Waszey Xiążęcey Mości od Rady przy pismie № 2823. do wykonania przesłanego, względem wysłania ludzi młodych na woiaż dla doskonalenia się, po należytem w tey rzeczy naradzeniu się postanowił, stosownie do zdania fakultetu Teologicznego, podadź za kandydata do wysłania za granicę dla doskonalenia się w Exegetyce i w ięzykach bibliynych Xiędza Michała Bobrowskiego, obrządku Greko-Unickiego, Filozofii i Teologii Magistra, rodem z obwodu Białystockiego, daiącego od lat trzech w zastępstwie Professora lekcyą pisma S-o w Uniwersytecie, który biorąc w niem instrukcyą od roku 1808. dał dowody całkowitego poświęcenia się naukom, oraz szczególney sposobności, a przytém znaiąc ięzyki starożytne łaciński, grecki i początki ięzyka hebrayskiego, tudzież dzisieysze francuzki i niemiecki i maiąc wieku lat 30. czyni nadzieię wydoskonalenia się na osobę użyteczną dla nauki Exegetyki. Rada Uniwersytetu przedstawienie to oddziału przyiąwszy, postanowiła wysłać od 1. przyszłego września Magistra Bobrowskiego na dwa lata do Wiednia i na rok ieden do Rzymu, z pensyą roczną na utrzymanie się i drogę po rubli srebrnych 600. Co wszystko przy dołączeniu Instrukcyi dla pomienionego Magistra, przez oddział nauk moralno-polit. napisaney, Uniwersytet do zdania J. O. Waszey Xiążęcey Mości ma honor przedstawić.

(m. p.) Symon Malewski,
Rektor.

Czerwca 24 dnia 1817 roku.
№ 1649.

(Арх. Мин. Нар. Просв. № 36.391/566. O wojażu księdza Bobrowskiego.)

2.

Instrukcya dla JX. Bobrowskiego, Magistra Filozofii i Teologii, Kanonika Katedralnego Brzeskiego na podróż do Wiednia dla wydoskonalenia się w ięzykach i nauce tłómaczenia pisma S-o.

Dobre xiąg ss. rozumienie i wykład ich wierny i iasny stanowią dwa istotne a razem główne obowiązki tłómacza pisma S-o. Tych

wypełnienie zależy, prócz wrodzoney zdolności, częścią od nabycia gruntowney, o ile bydź może dostateczney znaiomości tych mianowicie ięzyków, Hebrayskiego, Chaldeyskiego i Greckiego, w których xięgi tak starego, iako i nowego Przymierza pierwiastkowo są napisane; częścią od zebrania obszerney znaiomości Jeografii, Historyi, Chronologii, Religii, sekt filozoficznych, nauk i kunsztów, zwyczaiów i obrzędów tak publicznych iako i prywatnych, oraz stosunków politycznych dawnych wschodnich narodów, Greków i Rzymian i tym podobnych rzeczy, które w sobie zawiera Bibliyna Archaeologia; częścią nakoniec od gruntownego poznania i przyzwoitego użycia prawideł zdrowey krytyki i Hermeneutyki, tudzież od własney wprawy w tłómaczeniu.

Dla usposobienia się do pożytecznego traktowania pisma S-o przez zbogacenie się tak mnogiemi naukami ten przedmiot stanowiącemi, a szczególniey dla nabrania dostateczney znaiomości bibliynych ięzyków i sposób dawania różnych tey nauki części, czego nabydź niepodobna bez przewodnictwa biegłych nauczycielów, Uniwersytet, postanowiwszy wysłać Kanonika Bobrowskiego na woiaż za granicę na trzy lata, tę mu przepisuie instrukcyą, do dwuletniego iego pobytu w Wiedniu zastosowaną.

W czasie upływaiących wakacyi udadź się ma Kanonik Bobrowski do Wiednia drogą, która mu będzie dogodnieysza, i stosuiąc się do rozkładu nauk w Teologicznym Oddziale Wileńskiego Uniwersytetu poświęcić rok pierwszy na ugruntowanie się w ięzyku Hebrayskim przy słuchaniu wstępu do xiąg dawnego Przymierza, oraz na poznanie ięzyków Chaldeyskiego, Syryyskiego i Arabskiego tyle przynaymniey, ile potrzeba do pożytecznego używania słowników Goliusa i Kastella z dodatkami Michaelisa, tudzież do czytania Aben-Ezry, Maymonidesa, Kimehi, Abarbanela, Dawida-Ben-Melech i innych uczonych Rabinów. Do czego używać będzie przewodnictwa i rady iuż to Wiedeńskich Professorów oryentalnych ięzyków Oberleitnera i Ackermanna, iuż innych w bibliyney Litteraturze biegłych mężów. Przy tey pracy wygotuie rozprawę, dowodzącą postęp iego znaiomości ięzyków Bibliynych i pożytki, iakie z rocznego woiażu odniosł, i takową rozprawę przed końcem Akademickiego roku przyszłe do Dziekana Oddziału nauk Moralno-Politycznych.

W drugim roku ma się szczególnie przykładać do poznania dyalektu Greckiego właściwego xięgom świętym, słuchaiąc wstępu do xiąg nowego Przymierza, także do bibliyney Hermeneutyki ogólney i szczególney; do bibliyney Archaeologii i Krytyki; do praktycznego wykładu Pisma S-o obu testamentów; oraz uważać sposoby traktowania teologiczney Litteratury we wszystkich iey gałęziach.

Prócz tych zwyczaynych zatrudnień, w ciągu dwuletniego pobytu w Wiedniu, obok słuchania lekcyi publicznych do swego przedmiotu i zwiedzenia znacznieyszych bibliotek, pilnie zbierać będzie wiadomości o bibliyney Litteraturze. Z mnogich dzieł tego rodzaiu nauczy się czynić wybór, idąc za rozsądną krytyką pisarzów, którzy się w tey mierze naybardziey wstawili; przypatrzy się dawnym xiąg świętych rękopismom Lambecyusza i innych, iakie się w tamtych

Bibliotekach znayduią, oraz edycyom Biblii wielu ięzyków, czyli Poliglottom, znanym pod nazwiskiem Kompluteńskich, Antwerpskich Paryżskich, Londyńskich i w szczególności Poliglottom Eliasza Huttera, Hamburgskiéy albo Norymbergskiey pod rokiem 1599 edycyi: gdzie pomieszczona wersya Sławiańska w części starego i polska między innémi dwunastu ięzykami co do całego nowego Testamentu; niezaniecha też przeyrzeć (ieśli się gdzie natrafi) Poliglotty Henryka Kellermanna medyka w służbie Cesarza Piotra W-o, którą wydałc o do samey Ewanielii S. Matteusza w roku 1712; będzie się starał dobrze obeznać z edycyami krytycznémi nowego Testamentu Erazma, Bezy, Milliusa, Griesbacha, Matthaei; wczyta się mocno w tłómaczenia i kommentarze dawnych pisarzów i Oyców Kościoła, mianowicie: Orygenesa, Jeronima, Chryzostoma, Teodoreta, Izydora Peluzyoty, Hilarych, Teofilakta, Ekumeniusa i cokolwiek ze starożytnych w tey mierze czas ocalił; co późnieysi uczeni, iakoto: Bernard Lamy, Ryszard Symon, Perizonius, Pearson, Boszart, Spencer, Selden, Witrynga, Herder, Michaelisowie, Szultensius, Noesselt, Storr, Sznurrerus, Morus, Eichhorn, Jahn; co też Estyusz, Maldonat, Łukasz Brugenski, Diuhamel, Kalmet, de Sacy, Natalis Alexander, Diupin, Frassen, Brentanno, Derezer; co Rosenmüllerowie, Kuinöl, Koppe i wielu z innych protestantów w uczonych rozprawach i wykładach podali i w czem się pożytecznie przyłożyli do wyświecenia starożytności bibliynych i do ułatwienia trudnieyszych mieysc pisma S-o, wszystko to, i co z ust tłómaczących Professorów usłyszy, ma obrócić do pomnożenia składu wiadomości swoich w tym celu, ażeby swego czasu mógł pismo S-e wykładać stosownie do życzeń Uniwersytetu i z pożytkiem dla własnego kraiu.

W tymże przeciągu mieszkania swego w stolicy Austryi przykładem Lindego korzystać zechce z odwiedzania znakomitey Biblioteki Hrabi Ossolińskiego i coby tak w tey, iako i w innych Bibliotekach znalazł osobliwego w materyi Pisma S-o i sławiańskiey Litteratury, tém swoie wiadomości zbogacić będzie się starał.

A tu się zastrzega, aby dwa te woiażu lata nie w samym tylko Wiedniu przepędzał kanonik Bobrowski, ale zwiedził oraz bliższe te kraie, w których panuią dyalekty sławiańskie, mianowicie Morawią, Czechy a nawet Galicyą, zostawuiąc Dalmacyą, Slawonią, Karniolią, Raguzę i Szląsk na rok trzeci woiażu, iako kraie po drodze prawie wypadaiące maiącemu iechać na Wenecyą do Rzymu i z powrotem do Wilna. Niech w Ołomuńcu, Pradze i Lwowie przysłucha się różnym metodom dawania nauk, zwiedzaiąc Uniwersyteta, Seminarya i celnieysze zakłady edukacyyne; niech zabierze znaiomości z uczonym Dobrowskim i innemi osobami znakomitemi gruntowną nauką; tudzież z dyalektami sławiańskiemi tyle się obezna, iżby mógł się potém zaiąć porównywaniem przekładów Biblii w tychże dyalektach.

Wreście przy podaney zręczności, zwiedzaiąc inne celnieysze szkoły w Państwie Austryackiém, powinien się starać o rozpoznanie tego, na czém istotnie dobroć ich urządzeń zawisła i w czém można ie naśladować przez wzgląd na dobro własnego kraiu, z lepszego szkół urządzenia wypływaiące.

Przy końcu roku drugiego przyszle Dziekanowi oddziału nauk Moralno-Politycznych inną w materyi swego woiażu rozprawę przez siebie wypracowaną z przyłączeniem raportu o sobie i swoich czynnościach i czekać będzie na nową Instrukcyą względem przedsięwzięcia podróży do Rzymu.

(Арх. Мин. Нар. Просв. № 36.391/566.)

3.

РЕКТОРЪ УНИВЕРСИТЕТА — М. БОБРОВСКОМУ.

W. M. D.

Rada Seminaryyska postanowiła przeznaczyć rubli sr. 600 na zakupienie xiąg do Biblioteki seminaryum Głównego, xiąg ściągaiących się do Nauk Teologicznych i takowe zakupienie poruczyła WMPD., w nadziei, że bawiąc w Wiedniu i w innych mieyscach będziesz miał sposobność naypotrzebnieysze xięgi a może i rzadsze, których nawet w handlu niema, zakupić i taniey aniżeli przez księgarzów; pieniądze takowe z dodaniem dołączonych przez X. Kanonika Kłągiewicza rub. 30 przesyłaią się do Wiednia przez tyteyszego Bankiera Heymanna, dołącza się Assygnacya tegoż P. Heymanna.

Skarżysz się WMP. na szczupłość pensyi do utrzymania się az granicą, wszyscy prawie podobne skargi zanoszą, gotuiemy Przedstawienie do J. O. X. Kuratora o powiększenie pensyy, nie wiem jaki to skutek weźmie, późniey mu doniosę. Staray się WMPD., abyś wygotował pismo, wyrażaiące iego zatrudnienia, żebym mógł przesłać kopiią tego pisma J. O. X. K. Donoszę przy tém WMPD., że X. Dobrowskiego kanonika Pragskiego obraliśmy członkiem honorowym Uniwersytetu, któremu przeszlemy patent, czekamy tylko na potwierdzenie X. Kuratora. Dołączam list X. Kanonika Kłągiewicza. Życzę, WMPD. wszelkich pomyślności. (Безъ подписи.)

№ 90.
dnia 21 Marca 1818 r. (Библ. Музея кн. Чарторыскихъ.)

Do X. Bobrowskiego w Wiedniu.

4.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО КН. ЧАРТОРЫСКАГО.

Monsieur,

L'Université Impériale de Vilna vient d'envoyer à Rome le porteur de la présente Mr. l'Abbé Bobrowski, qui est principalement chargé de s'adonner à l'étude de l'Ecriture Sainte et des langues

orientales. Comme il est sujet de S. M. l'Empereur, et qu'il est destiné à devenir un jour Professeur à Vilna, je crois de mon devoir de le recommander particulierement à Votre Excellence en La priant de vouloir bien lui être utile et l'honorer de Sa protection pendant le séjour qu'il fera en Italie.

Je saisis avec plaisir cette occasion pour me rapeller à Votre Souvenir et Vous reitérer l'assurance des sentimens d'attachement et de la considération la plus distinguée etc.

Pulawy,
6. Juillet 1819.

(X. A. Czartoryskiego, Kuratorya, II, черновикъ.)

S. E. Mr. d' Italinsky*).

5.

Господину Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

Магистръ философіи и богословія ксендзъ Михаилъ Бобровскій, отправленный университетомъ въ 1817 году въ чужіе краи для усовершенствованія въ экзегетикѣ и библейскихъ языкахъ и который теперь находится въ Римѣ, прислалъ въ Университетскій совѣтъ прошеніе отъ 24 прошлаго марта, въ коемъ требуетъ, дабы для усовершенія свѣдѣній въ экзегетической библейской и восточной литературѣ, также для пріобрѣтенія общихъ свѣдѣній о состояніи наукъ, а преимущественно духовныхъ въ Европѣ и вступленія въ личное знакомство съ славнѣйшими учеными людьми, позволено ему было остаться еще на четвертый годъ за границею, въ которомъ, во-первыхъ, изъ Рима имѣетъ отправиться въ Рагузу для словенской литературы, что ему предписано есть въ наставленіи, во-вторыхъ, во Францію, а именно въ Парижъ, дабы воспользоваться наукою по части восточныхъ языковъ славнаго профессора Сильвестра де Саси, во-третьихъ, въ Баварію, Сѣверную Германію для обозрѣнія богословскихъ учебныхъ заведеній, какъ католическихъ, такъ и некатолическихъ. При семъ Ректоръ увѣдомилъ, что г. Попечитель Виленскаго учебнаго округа, пребывая въ чужихъ краяхъ, въ письмѣ, адресованномъ къ нему, засвидѣтельствовалъ прилежаніе ксендза Бобровскаго во пріобрѣтеніи наукъ, ему препорученныхъ. Университетскій совѣтъ, будучи убѣжденъ изъ рапортовъ помянутаго Бобровскаго о его прилежаніи, трудахъ и усердіи въ собираніи свѣдѣній по богословскимъ предметамъ, а наипаче по восточнымъ и библейскимъ языкамъ, и когда

*) Объ Италинскомъ см. Vzájemné dopisy J. Dobrovského a F. Durycha, vydal A. Patera, str. 423.

на мѣсто его лекціи священнаго писанія въ университетѣ съ пользою можетъ преподавать магистръ богословія ксендзъ Гинтылло, то единогласно опредѣлилъ: дабы ксендзъ Бобровскій оставался еще четвертой годъ за границею для посѣщенія Франціи, Баваріи, Австріи и Германіи, съ назначеніемъ ему на содержаніе и путевыя издержки 1000 руб. серебр. изъ суммы, на посѣщеніе иностранныхъ земель опредѣленной. А какъ по 11 § Университетскаго устава позволено есть для распространенія наукъ и свѣдѣній отправлять особъ въ чужіе края по одобренію своего попечителя, а предложеніемъ Вашего Сіятельства отъ 9-го августа прошлаго 1819 г. за № 2495 повелѣно, дабы теперь во время отсутствія г. попечителя представлять Вашему Сіятельству все то, о чемъ Университетъ относился къ своему попечителю, посему Университетской совѣтъ всепочтеннѣйше представляетъ ко мнѣнію Вашего Сіятельства и утвержденію о позволеніи ксендзу Бобровскому еще одинъ годъ остаться въ чужихъ краяхъ съ жалованьемъ 1000 руб. сер. изъ суммы по § 68 Университетскаго устава на посѣщеніе иностранныхъ земель.

Подлинный подписали:

Ректоръ Семенъ Малевскій, Секретарь Норбертъ Юргевичъ

Маія 6-го 1820 г. (Арх. М. Н. Пр. № 36.391/566.)

6.

Представленіе Бобровскаго въ экстраординарные проф. 22 авг. 1822 г. Министру Духовныхъ Дѣлъ и Нар. Просвѣщенія.

(Protokół pism edukacyjnych urzędowych wychodzących na rok 1822.)

„Въ общемъ чрезвычайномъ засѣданіи Совѣта Имп. Виленскаго универс. читана была выписка изъ протокола Отдѣленія нравственно-политич. наукъ, въ коей представляетъ Совѣту къ выбору въ экстраординарные профессоры Священнаго Писанія магистра богословія и философіи ксенза Михаила Бобровскаго, который, во 1-хъ, чрезъ четыре года совершенствовался въ богословскихъ наукахъ въ Главной Универс. Семинаріи съ большимъ прилежаніемъ и успѣхомъ; во 2-хъ, съ 1814 по 1817 годъ преподавалъ по препорученію унив. Св. Писаніе съ значительною пользою учениковъ; въ 3-хъ, въ 1815 г. писалъ конкурсное разсужденіе къ каѳедрѣ Св. Писанія подъ заглавіемъ Enchiridion Hermeneuticae Sacrae bipartitum и отдѣленіемъ былъ принятъ въ число кандидатовъ сей каѳедры и наконецъ, 4-е, высланный на вояжъ за границу иждивеніемъ университета совершенствовался

въ экзегетикѣ и библейскихъ языкахъ въ Германіи, Италіи и Франціи чрезъ 5 лѣтъ, гдѣ и пріобрѣлъ надлежащее способленіе къ учительской должности, какъ оказуется изъ его рапортовъ, въ университетъ присланныхъ.“ Совѣтъ унив., находя представленіе отдѣленія справедливымъ, избралъ Бобровскаго экстраорд. профессоромъ. Князь Чарторыскій представляетъ на утвержденіе Мин-ра съ приложеніемъ при семъ формулярнаго списка ксенза Бобровскаго.

(Имп. Публ. библ. Польск. F. XVIII. № 11, т. VII.)

7.

Opis służbowy Magistra filozofii i Teologii Xiędza Michała syna Karola Bobrowskiego. 1822 roku.

»Po odbytych naukach w Gimnazyum Białystockiem przyięty do Głównego Duchownego Seminaryum przy Uniwersytecie Wileńskim 1808. Octobra 1.

Otrzymał stopień magistra filozofii 1811. Maja 5.

W Oddziale Literatury otrzymał nagrodę publiczną dla celuiących w naukach przeznaczoną r. sr. 100 1811. Czer. 24.

Otrzymał stopień magistra Teologii 1812. Czer. 14.

Po ukończeniu czterech lat w Głównem Duchownem Seminaryum, słuchał przez dwa lata w Uniw. kursów prawa Przyrodzonego, Rzymskiego, Cywilnego i Kościelnego.

Przeznaczony do dawania pisma Swiętego 1814. Wrześ. 1.

Został wysłany na woiaż kosztem Uniw. na lat trzy do Austryi i Włoch w celu wydoskonalenia się w pismie Swiętym i ięzykach oryentalnych 1817. Wrześ. 1.«

(Извлеченіе.) (Арх. Мин. Нар. Просв. № 36.340/565.)

8.

Do Rządu Uniwersytetu (16. янв. 1823 г. Protokół pism edukacyjnych, wychodzących od Kuratora Wileńsk. Uniwersytetu).

»Dla zachęcenia Prof. Extraordynaryjnego JX. Bobrowskiego do trudnienia się ciągle literaturą słowiańską, uważając, że jego w tej rzeczy prace dla literatury krajowej mogą być arcypożyteczne, przychylam się do życzenia Jego i poruczam Rządowi Uniwersytetu dać zalecenie Kancellaryi, aby wydała X-dzu Bobrowskiemu jeden exemplarz Słownika Linde, który mu jest do tego przedmiotu potrzebny.*)«

(Имп. Публ. библ. Польск. F. XVIII. № 11, т. VII.)

*) Виленскій университетъ получилъ отъ кн. Чарторыскаго 100 экз. Словаря въ даръ.

9.

ПИСЬМО Д. И. ЯЗЫКОВА КЪ В. В. ПЕЛИКАНУ.

Милостивый Государь мой, Венцеславъ Венцеславовичь.

Извѣстный вамъ Сочинитель Ксензъ Бобровскій издалъ книгу: О вредномъ вліяніи Римской Церкви на успѣхи Славянскаго языка во многихъ Славянскихъ краяхъ, а особливо въ Далмаціи. Имѣя въ ней большую нужду и полагая, что Вамъ не трудно будетъ отыскать оную, я покорнѣйше прошу Васъ, М. Г. мой, нельзя ли сдѣлать одолженіе доставленіемъ ко мнѣ одного экземпляра оной. Симъ чувствительно обяжете пребывающаго съ истиннымъ почтеніемъ вашимъ, М. Г. мой, покорнѣйшимъ слугою Дмитрій Языковъ.

Его Высокоблагородію В. В. Пеликану.

14. Декабря 1826. (Въ библ. гр. Замойскихъ).

10.

ПИСЬМО Г. Э. ГРОДДЕКА КЪ А. МАИ.

Viro Celeberrimo et Doctissimo Angelo Maio S. D. Godofredus Ernestus Groddeck.

Inventorum quae ingenio, studio, doctrinae, industriae Tuae incredibili debemus, nuper in his terris praeco factus, praeconium hoc qualecunque, data praeter spem occasione, ad Te, Vir Eruditissime, mittere haud dubitavi, fretus nimirum humanitate Tua, quam tantam esse vel e scriptis tuis doctissimis cognovi, ut munusculum hoc, honoris et summae erga Te observantiae causa, una cum alio libello academico recens edito, Tibi oblatum comiter ac benevole exceptum a Te iri certe sperem.

Principe Frontonis Tui editione Mediolaneus, cuius nunc quidem compos factus sum, quum anno superiori aegre carerem, Niebuhriana utendum mihi erat. Valeas, Vir Eruditissime, ac parta gloria Tua diu fruaris!

Scrib. Vilnae, VII. Kal. Novembres MDCCCXVIII. (Собственноручная копія Бобровскаго, въ библ. гр. Замойскихъ).

Примѣчаніе Бобровскаго:

»Tak pisał Groddeck Prof. Litt. Greckiey i Łacińskiey w Uniw. Wileńskim do Maja, który teraz pierwszym kustoszem iest w Bibl. Watyk., posyłaiąc prospekt lekcyi swego uniwersytetu, gdzie iest na początku rozprawa o rękopismach wynalezionych i wydanych przez A. Maio podczas iego bytności w Medyolanie w obowiązku dozorcy biblioteki Ambrożego — i ten w Rzymie oddałem 28. Januar. 1820.«

Na list Grodka odpisuie Maius:

»Viro illustri et doctissimo Godofredo Ernesto Groddeckio Angelus Maius Bibliothecae Vaticanae Praefectus S. P. D.

Praeclaras tuas, Vir illustrissime, praelections legi, earumque elegantiam, doctrinam, criticesque vim summam admiratus sum. Quod vero mei tam honorificam mentionem sponte fecisti, id omne cum humanitati tuae tribuo, tum in maximi muneris loco pono; quamquam eorum animi ornamentorum, quae tu de me praedicas, cupidum potius me quam potientem esse reor. Nunc oblata occasione, mitto ad te specimen Ulphilae, quod tibi haud ingratum fore confido. Vale, Vir doctissime et optime, meque in numero tuorum habe. Vale iterum.

Romae,
Idibus Martiis MDCCCXX.«

XXI. Матеріалы для исторіи путешествій Зоріана Доленги Ходаковскаго*).

»Zorijan Chodakowski, szukający od lat 4-ech Mythologii i starożytności Sławiańskiej, gdy w badaniu takowem dostrzega, że śpiewy Ludu wiejskiego, nazwiska ziemskie i nazwiska przyrodzenia od gminu dawane, s tejże Epoki przedchrzesciiańskiej na Północy zachowują się — a w tym wszystkim upatruje wielkie podobieństwo do Sanskrytów Indyjskich na całej przestrzeni tutejszej — życzy więc sobie, aby Rząd Królestwa Halickiego, przyjazny dla nauk, opiekuńczy dla Ludu wiejskiego, gdzie stan takowy wiele obiecuje korzyści i dla badacza, dozwolił mu czynić swoje wyszukiwania. W tym celu raczy Rząd dać swoje pozwolenie: 1-e. Aby po całej Galicii i Bukowinie wolno mu było jechać swobodnie, zbierać podania w śpiewach, obrzędach, igrzyskach, gusłach i zabobonach. 2-re. Przejrzeć Archiwa publiczne bez żadnej opłaty, czynić z nich notaciie lub kopiie, toż i w prywatnych archiwach w miarę łaskawej ufności właścicieli. 3-ie. W mogiłach i wałach starożytnych, gdzieby wypadło, aby wolno bylo poszukać znaków, mogących wyrażać przez kogo, lub na jaki cel i w jakim wieku były sypane. 4-te. Zdjąć plany jeometryczne s położeń niektórych, słynących ze swojej starożytności, np. Czerwonogrodu i Halicza nad Niestrem, Raj Grodu czyli Kolędzian, Białobożnicy niedaleko Czortkowa, Trębowli, Dziewięcierza przy źródłach rzeki Raty i podobnie kilku miejsc za Sanem, jakie w tym rodzaju znajdą się. 5-te. Jak niemożna s pewnością oznaczyć, kiedy ta praca dokonać się może, tak i pozwolenie Rządowe nie ograniczy czasu — zamiar i

*) Всѣ документы, за исключеніемъ первыхъ трехъ, особо отмѣченныхъ, извлечены изъ Дѣла Архива Мин. Нар. Просв., № 45732—1416. Въ письмахъ и донесеніяхъ Ходаковскаго мы позволили себѣ исправить только наиболѣе грубыя ошибки въ русскомъ правописаніи.

ścieśnienie onego w tej materyi, wiekami nietkniętej, i przez to samo już niezmiernie trudnej, byłoby przeciwnością największą. Nigdy nowym odkryciom i badaniom, jako też ich dozrzałosci Roku zawitego naznaczyć niemożna.

Chodakowski za takowe pozwolenie Rządu tutejszego wdzięczen, ze strony swojej przyrzeka tak we wszystkiem postępować, aby zasłużyć na zupełną ufność Rządu i nic przeciwnego jego zasadom nie sprawić, aby w pracy jego zawsze sama starożytność tego kraju, nie mająca stosunku do obecnych czasów i okoliczności zawierała się.

Nakoniec, aby wolno mu było zawsze przyjechać do Galicii i wydalić się w każdą stronę, gdzie tenże sam przedmiot powoływać go będzie. Zorijan Chodakowski.

W Lwowie,
Czerwca 8. 1818. (Имп. Публ. Библ. Бумаги Ходаковскаго.)

КН. А. ЧАРТОРЫСКІЙ — РЕКТОРУ МАЛЕВСКОМУ

4/16 Марта 1819.

»Sąd o P. Chodakowskim, który mi WMPan przysłałeś, jest z wielu miar sprawiedliwy, kiedy się ściąga jedynie do jego rosprawy w Cwiczeniach naukowych wydanej; lecz zdaje mi się zbyt surowy stosując go do całego przedsięwzięcia. P. Chodakowski w swojej rosprawie tyle się rospalił swą gorliwością dla mythologii dawnych słowian, że ledwoby go niemożna posądzać, iż żałuje, żeśmy dotąd nie pozostali w świętym Bałwochwalstwie; lecz tak przewrócone zdanie nie może istotnie go zajmować, wina jego oczywiście jest w wysłowieniu, w które niewszędzie właściwe i trafne grzeszy, także w kilku miejscach przeciw przystojności. Nie jest moją myślą bronić tej rosprawy; chcę tylko o jego przedsięwzięciu i rospoczętej pracy otworzyć zdanie. Cel jej jest zasiągnać najdawniejszych wspomnień i tradycyów słowiańszczyzny. Niemożna przeczyć, iż im wyżej poszukiwania dochodzą, tem mniej różności znajdujemy między dyalektami, zwyczajami i podaniami różnych plemion słowiańskich; ztąd wnosić można, iz w pierwszych wiekach usadowienia się na rozległey przestrzeni między Czarnym, Adriatyckim i Baltyckim morzami narody słowiańskie jednę mieli mowę, rząd, zwyczaje i religię. Lecz gdzież po tylu odmianach i tylu rewolucyach znaleść zabytki a raczej szczątki tego pierwotnego stanu? Nigdzie, chyba między prostym ludem, który nie postępując za cywilizacyą ani powiększał jej, ani jej zatracał z różnemi przeistoczeniami, przez które słowiańskie plemiona przechodziły. Jest to powszechna uwaga, że u prostego a mianowicie u wiejskiego ludu język i zwyczaje dawne trwają prawie nienaruszone przez długie wieki mimo najzupełniejszych odmian w gorsze. U nas ta uwaga tem bardziej powinna się znaleść prawdziwą. Chłop teraźniejszy w niczem może nie różni się w tem względzie od chłopa Polskiego temu 400 lat. Może więc u nich wynajdą się jeszcze jakie ostatki owych czasów starodawnej słowiańszczyzny. Że należałoby je starannie zebrać,

że odkładać tę pracę jest jej możność co raz bardziej wątpliwą czynić, że ona byłaby bardzo użyteczną dla historyi i literatury naszej, tego podobno dowodzić niepotrzeba. Przedsięwziął takową pracę P. Chodakowski z własnego natchnienia i z najprzykładniejszą gorliwością, jedna go bowiem myśl całego i ustawicznie zajmuje. Pracowite jego wyszukiwania nie były bezskuteczne. Już się okazuje godna uwagi i przewidziana zgodność między pieśniami, obrzędami weselnemi, zabobonami, powieściami ludu wiejskiego, mieszkającego nad Dnieprem i Bohem, nad Sanem, Bugiem i Wisłą między Rusinami i Mazurami. Ta dogodność ciekawszaby się stała i obfitszą w wnioski, gdyby się tam znalazła w głębi Moskwy, jako też w Węgrach, Jlyryi, lub w Szlązku i Luzacyi. P. Chodakowski wpadł i na inną myśl, która do celu przybliżyć może. Geografia, położenie ziemi, imiona miejsc nie łatwo zmieniają się. Na całej przestrzeni słowiańskiej P. Chodakowski dostrzegł powtarzanie tychże nazwań i pewną między niemi symetryą i porządek, które odkryte w innych stronach naszych siedzib potwierdziłyby wnioski ztąd jego względem Rządu wewnętrznego dawnych słowian.

Zgadzam się, że obszerne przedsięwzięcie, mogące zrodzić liczne rozgałęzienia, dalekoby lepiej się znalazło w ręku towarzystwa umyślnie nato zawiązanego. Lecz mało ztąd doznajemy korzyści, że w innych krajach takowe towarzystwa zaczęły się.

Będące w Pradze i w Moskwie składają się z uczonych na miejscu siedzących, kiedyby należało owszem podróżników tak jak wgłąb Afryki na wszystkie strony do nieznanych stref słowiańszczyzny wysyłać.

Jeżeli zaś i gdzie indziej myśl tę chcą do skutku przyprowadzić, dla czegoż byśmy się i w Polsce nią niezajęli, zacożby u nas pierwszy przykład i pochop do zawiązania życzonego towarzystwa niebył podany przez Uniwersytet. Wysełając P. Chodakowskiego i zapewniając mu pewną nadgrodę, Uniwersytet przepisałby mu swoje warunki czy podług myśli w liście WMP. pomieszczonej, czy inaczej, dałby mu swoje instrukcye, którym P. Chodakowski winienby był zadość uczynić i w których możnaby sprostować niektóre jego wady, przepisać, gdzie ma naprzód pojechać, naprowadzić go na porządniejszą metodę, dodać objekta użyteczne, jakoto zebranie nazwisk ziół, kamieni, odmian powietrza, żeglugi i t. d. Podróże po sławiańskich krajach prócz celu, który dotąd jedynie P. Chodakowskiego zajmował, mogą podać sposobność zebrania ważnych materyałów, tyczących się historyi późniejszej kraju naszego, które zepewne w Archiwach miast i familiów, w kościołach i klasztorach dałyby się znaleść w Szląsku, Morawach, Czechach, Węgrach i Moskwie. Moim zdaniem towarzystwo typograficzne powinnoby jaką część i kosztów nieodmówić pod warunkiem, że P. Chodakowski przyszle co rok opisanie jakiej okolicy i rozprawę o przedmiocie, tyczącym się słowiańszczyzny lub historyi naszej. Możeby i partykularni nieodmówili przyłożyć się do żądanej summy. Ja sam z chęcią pomógłbym do jej napełnienia w widoku zebrania manuskryptów, tyczących dziejów polskich. Takim sposobem żądane 1000 Rubli złożyłoby się bez wielkiego ciężaru dla kassy Uniwersytetu, który w miarę zapewnionej od siebie

pensyi warunki by swoje i obowiązki P. Chodakowskiego przepisał. Niewątpię, że JOXiąże Minister pochwaliłby ten zamiar.

Nie przeczę temu, że niewadziłoby innego człowieka mieć do tych podróży, lepiej może usposobionego, niż P. Chodakowski, lecz póki się drugi nieznajdzie, zacoż tego nieużyć i opuszczać, który będzie miał zawsze zaletę, iż pierwszy tem się u nas zatrudnił i że już wiele jezdził, wiele zebrał, wiele czytał i jest z temi materyami obeznany. Kto czeka, póki rzecz jaka najlepiej się niezłoży, ten jej nigdy niezacznie, a niezaczynając nic się nigdy niezrobi. Praca a może i życie jednego człowieka niewystarczy, aby objąć i dokonać tak obszernego planu, ale niech jeden zacznie, niech część zrobi, drudzy skończą i poprawią.

Prawda, że naród polski jest pokrajany i ubogi, dla tego też, że pokrajany, trzeba się starać przynajmniej literaturą, wiadomościami, wyszukiwaniem wspólnych początków w połączeniu go utrzymać. Ponieważ w tem wszystkiem, co się sciąga do potęgi, musi ustępować innym plemionom, niepozostaje mu szukać pierwszeństwa jak tylko przez zalety umysłowe i starać się celować w przymiotach i naukach. Jednak próżno się będzie piąć do tego rodzaju pierwszeństwa, jeżeli naprzód własnych rzeczy niezgłębi i niepozna. Wszystkie plemiona wyrzucają nam jakowoś oziębłość do słowiańskich początków. Z wielu względów użytecznie nam będzie w imieniu nauk i wspólnych wyszukiwań pobratać się z innemi plemionami, ta gałąź słowian, która się pospieszy z pobratymcem zaprowadzić naukowe związki i która pierwsza wynajdzie nić ich pierwobytnej jedności i biegłą się zrobi w ich starodawnościach, zyszczę niezawodnie w ich oczach palmę pierwszeństwa dla własnej literatury i języka, które tem sposobem się najdroższym plonem zbogacą. Wolno nam polakom chcieć wyść drugich w tem zawodzie, należy przynajmniej niedawać się im uprzedzić, a broń Boże ostatniemi zostać. Wszakże wyszukiwania względem dawnej słowiańszczyzny wówczas dopiero prędsze i pomyślne skutki obiecywać mogą, kiedy się wszędzie razem rozpoczną. Wstydem by było i wielką szkodą tego plemienia, któreby się w tej wspólnej pracy nieczynnem i oziębłem okazało.

Co się tycze Heraldyki niemogę się zgodzić, aby obiecywane wyszukiwania o niej miały być bez żadnej korzyści. Historya śledzi rzeczy jak były, nie jak powinny były być, narody z ich dziecinnemi przesądami. Herby należą do najdawniejszych wspomnień i tem samym muszą być dla nas interessującemi, a nierzadko podania o nich rzucają światło na dzieje i obyczaje czasowe.

Wolne jest każdego zdanie, — ja WMPanu przekładam; wyczytuję z opinii P. Sniadeckiego, że on sam uznaje wielkie użytki przedsięwzięcia i celu podobnej pielgrzymki, lecz rozumi ją przechodzącą siły jednego człowieka; niechże ją i więcej przedsiębierze, lecz nim się drudzy znajdą, niech ją jeden zacznie: ce sera autant de fair, mówi francuz, chodziłoby tylko o przepisy, warunki i instrukcyą dla pierwszego pielgrzyma, co jest rzeczą Uniwersytetu«.

(Черновикъ въ библ. Музея кн. Чарторыскихъ. Kuratorya, II.)

Do P. Uwarowa.

Милостивый Государь, Сергѣй Семеновичъ.

Членъ Варшавскаго общества любителей наукъ Зоріанъ Ходаковскій предпринялъ разъяснить древнюю исторію славянскихъ племенъ, основанную доселѣ на однихъ только догадкахъ или невѣрныхъ преданіяхъ.

Четырелѣтніе труды его по сему предмету указали ему путь, по которому слѣдовать можетъ къ достиженію сказанной цѣли. Странствуя по разнымъ славянскимъ землямъ и обращаясь то съ учеными людьми, то съ простонародными, сей трудолюбецъ почерпаетъ отъ разныхъ источниковъ матеріалы, нужные къ его предмету или же имѣющіе какія съ нимъ связи. Изъ приложенной при семъ записки Ваше Прев. усмотрѣть изволите пользы, отъ помянутыхъ испытаній ожидаемыя.

Ходаковскій, познавъ отъ части западныя страны, словенскимъ народомъ населенныя, предпринялъ обозрѣть восточныя и сѣверныя таковыя жъ. Въ томъ намѣреніи, а также надѣясь получить тамо нужные къ достиженію цѣли способы, ѣдетъ онъ теперь въ окружности С.-Петербурга.

Извѣстная мнѣ приверженность Вашего Прев. къ наукамъ побудила меня помянутаго испытателя нашей древности рекомендовать Вашему Прев., покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, не оставить его въ каждомъ случаѣ своего покровительства. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Кн. Ад. Чарторыскій.

[1819 г.] (Черновикъ въ библ. Музея кн. Чарторыскихъ. Kuratorya II.)

Господину Могилевскому Гражданскому Губернатору.

Жительствующій въ мѣстечкѣ Гомелѣ подъ Бѣлицею, членъ Варшавскаго Общества любителей наукъ, Зоріянъ Доленга Ходаковскій въ письмѣ своемъ ко мнѣ изъяснилъ нѣкоторыя историческія изслѣдованія свои касательно Славянскаго племени и замѣчанія на карту IX столѣтія, принадлежащую къ Исторіи Государства Рос. Г. Карамзина.

Въ отвѣтъ на таковое письмо покорнѣйше прошу Ваше Сіят-во приказать объявить г. Ходаковскому, что подобныя мнѣнія и возраженія на изданныя книги, по обыкновенному въ такихъ случаяхъ порядку и по самому приличію, сообщаются самимъ сочинителямъ, для чего и ему слѣдуетъ, буде желаетъ обнаружить и привести въ извѣстность замѣчанія свои, вступить въ сношеніе съ Исторіографомъ Карамзинымъ, какъ авторомъ означенной Исторіи

Гос. Рос., который одинъ наилучше можетъ употребить въ дѣйство и пользу его замѣчанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу приказать, М. Г. мой, прилагаемыя при семъ двѣ карты городищъ и старинныхъ урочищъ, которыя присланы были ко мнѣ отъ г. Ходаковскаго при вышеупомянутомъ письмѣ его, возвратить ему по его желанію и принадлежности.

Мин-ръ Дух. Дѣлъ и Нар. Просв. князь Ал. Голицынъ.

6 Сентября 1819 г.
№ 2840.

Свѣтлѣйшій Князь, Александръ Николаевичъ!

Отвѣтъ Вашего Сіят-ва 6 Сентября текущаго года на мое письмо, послѣдовавшій въ мѣстечко Гомель, я получилъ въ Псковѣ, куда я прибылъ по обозрѣніи Могилева, Витебска и Полоцка и занимался древностью сего города и личною бесѣдою съ ученымъ Архіепископомъ Евгеніемъ. Въ исполненіе воли Вашего Сіят-ва мнѣ слѣдовало бы тотчасъ ѣхать въ Петербургъ и вступить въ лестное для меня сношеніе съ Г. Исторіографомъ Карамзинымъ, но мнѣ жаль было такъ скоро оставить сторону, которой всякая верста была предметомъ для моего любопытства. Берега восточные Чудскаго озера и рѣки Наровы были древнѣйшею украиною Руси*) отъ иноплеменныхъ, къ нимъ примыкала Вотская Пятина, принадлежавшая къ Великому Новгороду. Туда я обратилъ мое вниманіе. Слѣдуя чрезъ Гдовъ, Дѣвичью Гору (Ивангородъ) и Ямбургъ, я замѣтилъ нѣсколько городищъ въ Гдовскомъ уѣздѣ и коло Копоріи. Деревня Лелицы (по выговору тамошнихъ поселянъ, а не Лялицы) на рѣчкѣ Трубѣ, текущей въ Лугу, напоминаетъ мнѣ обожаемаго у насъ Леля и сходство нѣкоторое съ окрестностями Переяславля, гдѣ тоже деревня Леляки недалече рѣки Трубежа. Много необитаемыхъ урочищъ вошло въ мой Славянскій лексиконъ. Сверхъ того, я нашелъ по сей излучистой дорогѣ отъ Пскова, что на свадебныхъ пирахъ и здѣсь хвалятъ Русую Косу! Молодой князь или женихъ подобнымъ образомъ скупляетъ брата своей невѣсты, то есть покупаетъ жену, какъ сохраняется въ Иллиріи (Карам. Т. I, стр. 62) и въ многихъ странахъ Южной Руси. Радоница (Т. V, стр. 410 и 500 и VI, прим. 106), извѣстная донынѣ во всей Бѣлоруси въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ, когда по своихъ родныхъ справляютъ поминки, извѣстна тутъ подъ названіемъ Радонка. Словомъ, много стариннаго нашего здѣсь я ощутилъ и можетъ болѣе бы нашелъ, ежели бъ

*) Въ письмѣ къ Орлаю онъ называетъ эти области „Украиной Русьскою". Научно-лит. сборникъ Галицко-Русской Матицы, 1905, III, 89.

Столица В. Петра не привлекала меня, къ ней приближенаго. По прибытіи въ оную, скоро я представился Г. Карамзину, Шишкову, Каразину, Кукольнику, Попову, Сестренцевичу, Глинкѣ и другимъ особамъ. Я открылъ мой планъ, матеріялы и мое желаніе кончить начатое за 5 лѣтъ тому назадъ. У всѣхъ просилъ я мнѣнія и строгаго суда, всѣ позволили мнѣ ссылаться на ихъ одобреніе и ставить во свидѣтельство ихъ почтенныя имена. Теперь обращаюсь къ Вашему Сіят-ву! По моему счастію Вы Русской Крови и министръ Того Монарха, который на сеймѣ въ Варшавѣ достопамятнымъ образомъ говорилъ моимъ соотечественникамъ о братствѣ Славянскомъ! Поэтому другаго подкрѣпленія мнѣ не надобно. Мой предметъ не принадлежитъ ко всемірной учености, и я не надѣюся, чтобъ западная и южная Европа восплеснула въ ладони моему предпріятію. Прахъ покрываетъ Гробы и Престолы многихъ королей Славянскихъ. Одинъ въ бытіи и славѣ Царь Русскій, одна Русь могущественна! Ей посвящаю мои труды и мое намѣреніе продолжать оные.

Прилагаемыя при семъ бумаги будутъ свидѣтельствомъ, гдѣ и какимъ образомъ я странствовалъ, чего искалъ и каковою довѣренностью пользовался. Да позволено мнѣ будетъ то же получить у собратій древнія, Всея Руси! Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіят-ва покорнѣйшимъ слугою

Зоріянъ Долуга Ходаковскій,
членъ СПБ. Вольнаго Общества Любителей Русской Словесности и Варшавскаго Королевскаго Любителей Наукъ.

С.-Петербургъ,
9 Грудня 1819.

Милостивый Государь мой, Николай Михайловичъ!

Членъ Варшавскаго Общества любителей наукъ Зоріанъ Доленга Ходаковскій въ письмахъ своихъ ко мнѣ отъ 29 іюля и 9 декабря 1819 г. между прочимъ изъясняетъ, что для наблюденія разныхъ предметовъ, служащихъ къ объясненію существовавшаго между всѣми славянскими племенами единообразія, путешествовалъ онъ пять лѣтъ по пространству земель, обитаемыхъ славянами, собирая повсюду нужныя для своей цѣли свѣдѣнія. Нынѣ же намѣренъ продолжать путешествіе свое по Россіи для окончанія начатыхъ имъ изслѣдованій о славянскихъ племенахъ и посему проситъ о снабженіи его потребными къ тому средствами.

Вслѣдствіе того, препровождая при семъ оба означенныя письма, покорнѣйше прошу Васъ, М. Г. мой, сообщить мнѣ ваше мнѣніе, признаете ли вы догадки и

заключенія г. Ходаковскаго по предмету, коимъ онъ занимается, довольно основательными для предпринятія предполагаемыхъ имъ изысканій, возвративъ притомъ и сіи письма.

Въ ожиданіи вашего на сіе отвѣта съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и пр.

Кн. Александръ Голицынъ.

СПБ.
22 февраля 1820.

Его Высокородію Н. М. Карамзину.

М. Г., Князь Александръ Николаевичъ!

Принося искреннѣйшую благодарность за новый знакъ Вашей лестной довѣренности къ моему мнѣнію, имѣю честь повторить сказанное мною изустно В. С-ву о пользѣ, которую могутъ принести изысканія г. Ходаковскаго. Не говоря о его догадкахъ и заключеніяхъ, опровергающихъ Нестора и меня смиреннаго, я думаю, что онъ окажетъ не малую услугу любителямъ нашей исторіи, если, осмотрѣвъ на мѣстѣ ея памятники, въ особенности городища, издастъ ихъ вѣрное описаніе, вмѣстѣ съ Лексикономъ Славянскихъ урочищъ, вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ преданій, старинныхъ пѣсенъ, сказокъ, относящихся къ обычаямъ или къ миѳологіи Славянъ, къ ихъ понятіямъ о природѣ, къ ихъ свѣдѣніямъ въ астрономіи, въ ботаникѣ и проч. Г. Ходаковскій показывалъ мнѣ тетради сочиняемаго имъ Географическаго Словаря разныхъ земель Славянскихъ: что можетъ быть книгою любопытною и нужною для нѣкоторыхъ историческихъ соображеній. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и пр. Николай Карамзинъ.

С.-Петербургъ,
23 Февраля 1820.

Сіятельнѣйшій князь, Александръ Николаевичъ.

Отвѣтственно постановленію Главнаго Правленія Училищъ, объявленному мнѣ [?] Февраля текущаго года, я изготовилъ на скорости цѣлый планъ моего предпріятія и желанія. Препровождая оный при семъ, покорнѣйше прошу, чтобъ Ваше С-во благоволили свое высокое вниманіе обратить на оный и вмѣстѣ простили погрѣшности въ слогѣ и правописаніи, которыя обыкновенно случаются новому русичу. Не смѣя долго занимать В. С. моимъ письмомъ, я не могу пропустить того, что, проживши пять мѣсяцевъ въ здѣшней столицѣ и дороговизнѣ, я нѣсколько задол-

жался на щетъ моей надежды и нахожусь въ крайнемъ желаніи скорѣе услышать послѣднее рѣшеніе. Посему вручаю Вашему Просвѣщенію и Великодушію мой предметъ и мою судьбу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Зоріянъ Долуга Ходаковскій.

С.-Петербургъ,
18 Марта 1820 г.

Г. Министръ приказалъ предложить Ученому Комитету на разсмотрѣніе. 24 марта 1820.

Присланный мнѣ, при выпискѣ изъ журнала Ученаго Комитета за № 703, Планъ предполагаемаго г. Ходаковскимъ путешествія по Россіи, по предмету изслѣдованія о Славянскихъ племенахъ, я читалъ и честь имѣю объ ономъ донести слѣдующее:

1. Планъ сей не есть образецъ систематическаго порядка, точности размышленія, ясности и распоряженнаго по правиламъ логики изложенія мыслей. Также правила правописанія и чистота слога въ ономъ весьма нерадиво соблюдены.

2. Планъ сей составленъ съ уваженіемъ предубѣжденныхъ мнѣній, которыя не всѣ согласны съ удостовѣреніями лучшихъ нашихъ историковъ, занимавшихся первоначальною исторіею Славянскихъ племенъ.

3. Г. Ходаковскій уступаетъ произведенію словъ, или этимологіи, гораздо болѣе, нежели здравая критика и осторожные историки позволяютъ.

4. Не взирая на то, планъ сей показываетъ въ своемъ сочинителѣ ученаго, соединяющаго съ пространною начитанностію Русскихъ и Польскихъ историковъ и обширными познаніями географіи Славянскихъ земель и Славянскихъ нравовъ, обычаевъ и обрядовъ пристрастную склонность заниматься изъясненіемъ національной исторіи.

5. Если ученый, снаряженный такими качествами, представляетъ себя для предпріятія путешествія сего рода по плану, имъ самимъ начертанному, то ожидать можно, что, не взирая на большее или меньшее достоинство предубѣжденныхъ его мнѣній, догадокъ или заключеній, путешествія сіи по Россіи, учиненныя по сему плану, могутъ быть выгодными для отечественной исторіи и служить къ объясненію многихъ сумнительньныхъ или темныхъ обстоятельствъ оной исторіи.

6. И такъ временное пособіе отъ правительства, состоящее въ двухъ тысячахъ рубляхъ серебромъ въ годъ, въ продолженіи четырехъгодичнаго путешествія, было бы, по моему мнѣнію, пожертвованіе не безполезное для наукъ. Но сіе пособіе не должно быть сдѣлано изъ суммъ Департамента Просвѣщенія, которыя имѣютъ уже свое на-

значеніе гораздо важнѣе и должны быть употребляемы въ пользу учебныхъ заведеній.

7. Бумаги, потребныя для обезпеченія и свободнаго проѣзда и занятія путешественника, могутъ, какъ мнѣ кажется, быть ему выданы безъ опасенія.

8. Что касается до позволенія носить во время путешествія мундиръ Виленскаго учебнаго округа, то оное, кажется, слѣдуетъ ему испросить отъ Университета.

9. Для совершеннаго единообразія въ исполненіи представленнаго плана, выгоднѣе, по моему мнѣнію, если сочинитель онаго самъ все будетъ разсматривать, не полагаясь на содѣйствіе помощника, не имѣющаго ни познаній, ни ревности самаго автора проэкта.

10. Само по себѣ разумѣется, что, въ случаѣ одобренія сего проэкта, г. Ходаковскій долженъ доносить правительству, хотя не ежемѣсячно, но по третямъ, объ успѣхѣ своего путешествія и присылать ежегодно подробное обозрѣніе результатовъ онаго, дабы въ случаѣ, что сіи результаты найдутся не соотвѣтствующими полученному пособію, можно было прекратить оное.

11. Такъ же всѣ найденныя монеты, металлическія и другія фигуры, посуды и прочія древности должны быть присылаемы въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, для храненія гдѣ слѣдуетъ, по благоусмотрѣнію Г. Министра.

Планъ г. Ходаковскаго при семъ возвращается.

Николай Фусъ.

Апрѣля 10-го дня 1820.
№ 135.

Представляя въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія 18 Марта текущаго года планъ предполагаемаго мною изслѣдованія Славянскихъ народовъ, не могъ я сказать рѣшительно еще о помощникѣ. Когда я трудился первоначально три года на собственномъ коштѣ и послѣ при частной протекціи князя Адама Адамовича Чарторійскаго, то не имѣлъ я нужды въ помощникѣ, ибо, пробираясь путемъ мнѣ самому неизвѣстнымъ, самъ еще учился, испытывалъ и навѣрно не зналъ, какой будетъ успѣхъ сего пожертвованія съ моей стороны. Но теперь, естьли Правительство благоволитъ мнѣ спомоществовать и въ дѣйство произвести мой планъ, обширный по самому земельному пространству, то кажется не возможно не принять помощника. На случай болѣзни, на всякое приключеніе со мною, какъ съ смертнымъ человѣкомъ, кто успѣетъ скоро проникнуть цѣлой планъ, еще не совершенный, кто будетъ продолжать оный, не вѣдая способовъ, которыми я изучился пріобрѣтать матеріалы? Никто, кромѣ соучастника, который, вмѣстѣ со мною трудясь, одинъ можетъ сдѣлаться способнымъ и во всякомъ случаѣ заступить, замѣ-

нить, а можетъ и превзойти меня. При томъ же въ двоихъ можно скорѣе и счастливѣе окончить предпріятіе. Г. Ерій Кошелевскій изъявилъ свою ревность въ такомъ предметѣ и желаніе путешествовать со мною. Прилагаю при семъ свидѣтельства о наукахъ его, данныя профессорами Виленскаго университета, ибо 1812 годъ не позволилъ ему получить полнаго патента и заманилъ его къ военной службѣ, увольненіе изъ оной подъ Главною Командою Его Высочества В. К. Константина Павловича и паспортъ въ Италію, куда Кошелевскій вознамѣрился пѣшкомъ отправиться, но по обстоятельствамъ фамильнымъ принужденъ былъ изъ Пресбурга въ Венгріи возвратиться обратно. Зная лично г. Кошелевскаго съ нѣкотораго времени, я увѣренъ, что буду имѣть въ немъ превосходнаго сотрудника, но предосторожность требовала сдѣлать условіе, на которое мой товарищъ согласился, то есть дѣйствовать согласно со мною и по одному плану, не будетъ ничѣмъ постороннимъ заниматься, не смѣетъ нигдѣ безъ вѣдомости моей отлучаться и въ дружескомъ способѣ будетъ зависѣть отъ меня до окончанія трудовъ, ибо въ противномъ случаѣ я буду въ правѣ избрать другаго помощника. Какъ достиженіе цѣли въ согласномъ стремленіи, и наши заслуги будутъ обоимъ намъ принадлежать. Естьли Деп-ту Нар. Пр. благоугодно будетъ позволить мнѣ имѣть таковаго помощника, то вмѣстѣ и назначить всего фундуша на путешествіе наше ежегодно по три тысячи рублей серебромъ. А на пріуготовленія къ дорогѣ, на покупку брички, нужныхъ книгъ, ландкартовъ, инструментовъ математическихъ и на уплату нашихъ небольшихъ долговъ еще опредѣлитъ единовременно тысячу рублей серебромъ.

Зоріянъ Долуга Ходаковскій.

Въ С.-Петербургѣ,
21 Апрѣлія 1820 г.

„Всѣ бумаги, принадлежащія Кушелевскому (sic), получилъ обратно Зоріянъ Д. Ходаковскій 2 Августа 1820 г.“

Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Главнаго Училищъ Правленія 24 апрѣля 1820 г.

Слушали представленную отъ Члена варшавскаго Общества любителей наукъ Ходаковскаго, въ дополненіе къ полученному отъ него плану изслѣдованія о Славянскихъ народахъ, Записку.

Справка. По разсмотрѣніи представленнаго г. Ходаковскимъ плана предполагаемаго имъ путешествія по Россіи, для изслѣдованія Славянскихъ народовъ, Ученый Комитетъ между прочимъ полагалъ, что для совершеннаго единообразія въ исполненіи представленнаго плана выгоднѣе бу-

детъ, естьли сочинитель онаго самъ будетъ все разсматривать, не полагаясь на содѣйствіе помощника, который конечно не можетъ имѣть ни познаній, ни ревности автора проекта.

Опредѣлено: Представленную г. Ходаковскимъ Записку, касательно г. Кашеловскаго, избираемаго имъ въ помощники себѣ во время предполагаемаго имъ путешествія по Россіи, для изслѣдованія Славянскихъ народовъ, препроводить къ гг. Членамъ для разсмотрѣнія.

Выписки таковыя посланы:
Его Пре-ву Н. И. Фусу 27 апр. 1820 г. № 832.
Его Пре-ву Д. П. Руничу 29 апр. 1820 г. № 886.

По требованію отъ меня формулярнаго списка, сообщаю оный по мѣрѣ, сколько могу упомнить мою маловажную біографію, ибо не имѣю съ собой нужныхъ бумагъ къ тому*).

1784 года 23 Декабря родился я въ селѣ Комовѣ въ Холмской землѣ, которая по послѣднемъ раздѣленіи Польши пришла во Владѣніе Австрійское и заключалася въ Новой Галлиціи, а съ 1809 года принадлежитъ къ Герцогству Варшавскому, нынѣ Царству Польскому. Родители мои дворянскаго званія Яковъ и Анна (Кореневская) Долуга Ходаковскіе, они въ томъ селѣ имѣли часть свою, состоящую изъ 7 дворовъ крестьянскихъ.

1796 года, по смерти отца моего, мать моя завезла меня на Волынь къ дядямъ и природнымъ опекунамъ моимъ; одинъ изъ нихъ Ходаковскій, бывшій судья повѣтовый Кременецкій, владѣвшій имѣніемъ Михалковцами въ Острогскомъ повѣтѣ, болѣе другихъ занимался мною и отдавалъ меня въ училище Межирѣцкое ксендзовъ Піяровъ. 1803 года окончилъ я сіе училище.

1804 года возвратился я въ Новую Галлицію, гдѣ, по смерти моей матушки, долженъ я былъ исправить разстроенное хозяйство, уплатить долги, и потому въ будущемъ году 1806 продалъ я мою земельку. Съ 1806 до 1810 года въ Волынской Губернской гимназіи въ Кременцѣ слушалъ я наукъ въ вышнихъ курсахъ и по окончаніи оныхъ — въ исходѣ 1810 года поѣхалъ я къ родственникамъ моей матушки въ Холмскій повѣтъ, послѣ въ Варшаву, гдѣ я опредѣлился въ Польскую Военную службу и по желанію моему былъ назначенъ въ 5 пѣхотный полкъ, стоявшій въ Прусахъ, а послѣ въ Герцогствѣ Варшавскомъ въ Бытгощи (Бромбергѣ). 1811 г. произвели меня въ адъютанты подъофицеры. 1812 года въ подпоручики. Въ войнѣ

---

*) Эта автобіографическая записка была сообщена Н. А. Полевымъ въ Сынѣ Отеч., 1839, т. VIII, отд. VI, стр. 89–90. Перепечатана въ польскомъ переводѣ въ Dzienniku Warsz., 1855, № 101.

противъ Россіи былъ я въ корпусѣ маршала Макдональда въ Курляндіи и оттуда отправленъ чрезъ Вильно, Смоленскъ въ Москву; въ ретирадѣ, подъ Борисовомъ взятъ въ плѣнъ однимъ отрядомъ козачьимъ и отведенъ въ Черниговъ, гдѣ по разнымъ мѣстечкамъ содержался я съ протчими плѣнными.

Какъ Государь Императоръ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ своимъ увольнилъ всѣхъ поляковъ изъ плѣну, тогда возвратился я на Волынь. Бывъ свидѣтелемъ величайшихъ событій, скучая въ неизвѣстности, что послѣдуетъ съ моимъ отечествомъ, я искалъ отрады въ книгахъ, и когда возрастала надежда, что Императоръ Всероссійскій приметъ въ свое покровительство поляковъ и собратнимъ образомъ соединитъ Славенскія племена, тогда я занялся моимъ предметомъ. Зоріянъ Долуга Ходаковскій.

С.-Петербургъ,
18 Червца 1820.

О представленномъ Ходаковскимъ планѣ касательно изслѣдованія о Славянскихъ племенахъ.

Членъ Варшавскаго Общества любителей наукъ Зоріянъ Долуга Ходаковскій въ письмѣ своемъ ко мнѣ изъяснилъ, что для наблюденія разныхъ предметовъ, относящихся къ Исторіи Славянскихъ племенъ, путешествовалъ онъ пять лѣтъ, за исключеніемъ Россіи, по всему пространству земель, обитаемыхъ Славянами, сначала на собственномъ иждивеніи своемъ, а послѣ съ пособіемъ Тайнаго Совѣтника князя Чарторыскаго. Нынѣ, желая продолжать съ таковымъ же намѣреніемъ путешествіе свое по Россіи, представилъ онъ подробный планъ сему предпріятію своему и испрашиваетъ для сего пособія отъ Правительства.

Статскій Совѣтникъ Карамзинъ, съ которымъ я по сему обстоятельству имѣлъ сношеніе, полагаетъ, что Ходаковскій окажетъ немалую услугу любителямъ нашей Исторіи, естьли, осмотрѣвъ на мѣстѣ ея памятники, въ особенности городища, издастъ ихъ вѣрное описаніе, вмѣстѣ съ Лексикономъ Славянскихъ урочищъ, вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ преданій, старинныхъ пѣсенъ, сказокъ, относящихся къ обычаямъ или миѳологіи Славянъ, къ ихъ понятіямъ о природѣ, къ ихъ свѣдѣніямъ въ астрономіи, въ ботаникѣ и проч., а также издастъ сочиняемый имъ Географическій Словарь разныхъ земель Славянскихъ, что можетъ быть книгою любопытною и нужною для нѣкоторыхъ историческихъ соображеній.

Главное Правленіе Училищъ, по разсмотрѣніи представленнаго Ходаковскимъ плана путешествія его по Россіи относительно сихъ предметовъ, предположило слѣдующее:

1. Планъ сей показываетъ въ сочинителѣ ученаго, соединяющаго съ пространною начитанностію Русскихъ и Польскихъ историковъ и съ обширными познаніями географіи Славянскихъ земель и Славянскихъ нравовъ, обычаевъ и обрядовъ пристрастную склонность заниматься изъясненіемъ національной исторіи.

2. Ученый съ такими качествами, представляющій себя для предпріятія путешествія сего рода, по плану, имъ самимъ начертанному, можетъ способствовать посредствомъ сихъ путешествій къ объясненію многихъ сумнительныхъ или темныхъ обстоятельствъ отечественной исторіи.

3. Испрашиваемое Ходаковскимъ для себя и предполагаемаго имъ въ семъ путешествіи помощника пособіе, состоящее въ 3000 рублей серебромъ каждый годъ въ продолженіи предназначенныхъ на сіе трехъ лѣтъ и единовременно 1000 рублей серебромъ на заготовленіе дорожныхъ вещей и прочее, было бы пожертвованіемъ не безполезнымъ для наукъ. Но пособіе сіе не должно быть сдѣлано изъ суммъ Департамента народнаго просвѣщенія, которыя имѣютъ другое назначеніе.

4. Бумаги, потребныя для обезпеченія и свободнаго проѣзда и занятія обоихъ путешественниковъ, выдать имъ отъ кого слѣдуетъ.

5. Во все продолженіе путешествія позволить имъ носить мундиръ: Ходаковскому — положенный для начальниковъ стола, а его помощнику — помощниковъ оныхъ по Департаменту народнаго просвѣщенія.

6. Ходаковскій долженъ доносить Департ. нар. просв. по третямъ года объ успѣхахъ своего путешествія и присылать ежегодно подробное обозрѣніе послѣдствій онаго, дабы въ томъ случаѣ, естьли послѣдствія сіи найдутся несоотвѣтствующими полученному пособію, можно было прекратить оное.

7. Равномѣрно всѣ найденныя или купленныя имъ, на счетъ сдѣланнаго ему пособія, монеты, металлическія и другія фигуры, посуда и древности должны быть присылаемы въ Деп. нар. просв. для храненія, гдѣ слѣдуетъ, по усмотрѣнію высшаго начальства.

Таковыя предположенія Главнаго Правленія Училищъ по представленному Ходаковскимъ плану, касательно изслѣдованія о Славянскихъ племенахъ, повергаю на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Докладывано въ Царскомъ Селѣ 4 Іюля 1820 г. Гос. Имп. высоч. указать соизволилъ: выдать требуемую имъ сумму на одинъ годъ, съ тѣмъ, что по мѣрѣ его успѣховъ можно будетъ судить, нужно ли ему продолжать сіе путешествіе.

Зоріянъ Долуга Ходаковскій, Членъ Королевскаго Варшавскаго Общества любителей наукъ, находился въ Польской военной службѣ; употребленъ былъ по частнымъ дѣламъ тайнаго совѣтника князя Чарторыскаго. Отъ Виленскаго университета имѣетъ открытый видъ объ оказаніи ему всякаго пособія и покровительства въ предпринятомъ имъ путешествіи для изслѣдованія древностей Славянскихъ народовъ.

Избираемый г. Ходаковскимъ въ помощники предпринимаемаго имъ путешествія по Россіи Юрій Кошеловскій (sic), 26 лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія, уроженецъ Виленской губерніи, Россіенскаго повѣта, находился студентомъ въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ обучался изящнымъ наукамъ, служилъ въ Польской службѣ, изъ которой отставленъ подпорутчикомъ.

Въ Департаментѣ нар. просв. объявлено мнѣ, что по представленію Его С-ва кн. Александра Николаевича Голицына о предполагаемомъ мною путешествіи по Россіи Государь Императоръ соизволилъ назначить мнѣ на одинъ годъ три тысячи рублей серебромъ. Сіе принимаю съ благодарностію и надѣюся, что по мѣрѣ ревности и успѣховъ моихъ оная сумма не будетъ потеряна, да и на будущее время не откажется мнѣ. Въ чемъ и даю сіе обязательство.

Зоріянъ Д. Ходаковскій.

С.-Петербургъ,
8 Іюлія 1820 года.

Ваше Прев., Василій Михайловичъ!

Послѣ вчерашняго разговора, котораго удостоилъ меня Его Сіят-во Князь Александръ Николаевичъ, долженъ я еще принести объясненіе, ибо я желаю, чтобъ въ разсужденіи меня не оставалося никакое недоумѣніе. Ваше Прев. благоволите представить Его Сіят-ву, что чрезъ пять лѣтъ странствованія моего я изъучился приноравливаться къ людямъ, снисходить къ ихъ слабостямъ и разной степени просвѣщенія. Занятъ моимъ предметомъ, я равнодушно смотрю на все, что не относится къ оному. Разныя приключенія и смѣшности никогда не имѣли меня въ своемъ театрѣ, и надѣюся, что и впредь участвовать въ оныхъ не буду. Шумнаго характера не имѣю, — родъ занятія моего и осьмимѣсячное пребываніе въ здѣшней столицѣ, здѣшнія знакомства и то, что даже въ Публичномъ Театрѣ еще я не

былъ, пусть засвидѣтельствуютъ сію истину. Надменность всегда представляется мнѣ съ смѣшной стороны, — съ дѣтства помню сіи стишки польскіе: Często młody porucznik, gdy mu władza dana, Przewyższa rozkazami Wielkiego Hetmana. Почитая свято всѣ мнѣнія, сословія, уважая даже поселянина въ его хижинѣ, могу ли явить въ моемъ путешествіи что-нибудь такое, что могло бы показаться недостойнымъ покровительства Правленія, моего имени и могло бы помѣшать въ моемъ предпріятіи?

Жена моя, о которой сказывалъ я Князю, есть Констанція Флемингъ, дворянскаго рода, извѣстнаго въ Польшѣ по Флемингѣ, министрѣ финансовъ Герцогства Литовскаго, бывшемъ во времена Августа III, и дочери его Изабеллѣ въ супружествѣ съ Кн. Адамомъ (отцомъ) Чарторійскимъ. Жена моя не происходитъ отъ сего вельможи въ прямой линіи и потому небогата. Она, отдавши мнѣ свою руку, участвуетъ и въ моемъ предпріятіи. Я пользуюсь тою выгодою, что жена скорѣе успѣваетъ съ сельскими женщинами въ разсужденіи преданій и обрядныхъ пѣсней, — передъ нею уступаетъ застѣнчивость деревенская, которая столько, по моему опыту, бываетъ затруднительною для изслѣдователя мужчины. При томъ же жена моя умѣетъ сама пріуготовить кушанье, печется обо всѣхъ потребахъ, въ отсутствіи моемъ сберегаетъ мои книги и матеріялы, при своемъ хозяйствѣ и трудолюбіи предохраняетъ меня отъ многихъ издержекъ, и я, ничѣмъ не озабоченъ, имѣю цѣлое время для моего предмета. Ежели бъ не служилъ я въ Польскомъ войскѣ, не испыталъ бѣдствій войны и не имѣлъ теперь утѣшительнаго сотоварища, то навѣрно не отважился бы бродить по нашемъ Сѣверѣ угрюмомъ. Онъ не прельщаетъ, какъ Авзонская страна.

Ваше Прев. изволите знать, что мнѣ нужно открытое письмо, подорожная по цѣлому Государству, по путямъ почтовымъ и переселочнымъ, и къ обезпеченію моей особы между чернымъ народомъ небезполезно было бы дать мнѣ мундиръ Учебной Виленской округи и какое-нибудь клеймецо на груди, ибо здѣсь говорятъ мнѣ, что сіе весьма нужное по отдаленнымъ уѣздамъ, какъ таинственный талисманъ, который предохранялъ бы отъ всякой напасти. Пять лѣтъ, пожертвованныхъ мною въ пользу общую, можетъ быть стоютъ сей награды христіянской. Я счастливъ, что глубокое почтеніе и преданность, которыя ношу въ моемъ сердцѣ для Васъ, имѣю случай изъявить при семъ и пр. З. Д. Ходаковскій.

С.-Петербургъ,
11 Іюнія 1820.

Сіятельнѣйшій Князь, Александръ Николаевичъ!

Еще въ началѣ моихъ трудовъ, когда странствовалъ я по весямъ Бугскимъ, Днѣпровскимъ, Вислянскимъ и въ виду Карпатовъ, когда истощалъ я всѣ средства мои для того, чтобы услужить моимъ Соплеменнымъ, тогда уже помышлялъ я, что мнѣ невозможно окончить столь обширное предпріятіе безъ помощи Царя Сѣверныхъ Славянъ. Въ теченіи пяти лѣтъ я старался распространить мои свѣдѣнія и какъ можно болѣе пріобрѣсть матеріяловъ, дабы удостоиться его покровительства. Моя надежда не была тщетна, — она исполнилася [4-го] дня текущаго мѣсяца, и я, чувствуя живѣйшую благодарность, долженъ славить щедроты Великаго Царя и благодарить какъ Вашего Сіятельства, такъ и всѣхъ Гг. Членовъ Главнаго Правленія Училищъ, которые уважили мое предпріятіе и способствовали въ семъ дѣлѣ.

Теперь имѣю покорнѣйшую просьбу къ Вашему Сіят-ву, что какъ немного остается лѣта на мои разъѣзды въ сѣверной странѣ, то неугодно будетъ В. С. приказать, чтобъ все нужное къ скорѣйшему отъѣзду моему было пріуготовлено, какъ то:

Сообщеніе къ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, дабы увѣдомить Гг. Губернаторовъ о моемъ путешествіи по Россіи.

Въ Святѣйшій Синодъ, чтобъ по всѣмъ Епархіямъ позволено было пересмотрѣть духовныя библіотеки, архивы и ризницы.

Къ Министру Юстиціи, чтобъ мнѣ вольно дѣлать выписи изъ Метрики Литовской, хранящейся при Сенатѣ, и изъ архива при Московскомъ Сенатѣ.

Сообщеніе къ Г. Министру Иностранныхъ Дѣлъ, въ разсужденіи Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, хранящагося въ Москвѣ. Извѣщеніе университетовъ, исключая Дерптскій и Абовскій.

Подорожная для меня съ будущими на три лошади по всему Государству, изъ почтовыхъ, а гдѣ нѣтъ — изъ обывательскихъ за указные прогоны, по казенной надобности.

Открытое письмо изъ Департамента Просвѣщенія, поручая меня мѣстнымъ начальствамъ и просвѣщенной публикѣ.

Наконецъ деньги мнѣ нужны, чтобъ пріуготовиться къ дорогѣ. Мнѣ сказано, что буду получать оныя по третямъ. Я повинуюсь тому. Но по уплаченіи долговъ 1600 рублей ассигн., на бричку и мундиръ необходимо долженъ еще здержать около 1000 рублей, то немного мнѣ останется на 4-мѣсячное путешествіе. Осмѣливаюся потому просить В. С., да позволено будетъ мнѣ получить теперь за двѣ трети. Странствуя по провинціи и при дешевшой цѣнѣ всего, можетъ быть, чрезъ соединеніе двухъ третей поддержу мои щеты.

Нѣкоторыя благонамѣренныя особы изъявили желаніе, чтобъ мой планъ путешествія по Россіи сообщить публикѣ, помѣстивши оной въ Вѣстникѣ Европы, и представляютъ сію пользу для меня, что многіе хорошіе читатели, узнавши мои предположенія, будутъ разсматривать въ своихъ окрестностяхъ и могутъ дать мнѣ наставленія и точныя вѣдомости. Я, теперь завися отъ воли В. С., испрашиваю на сіе позволенія. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Зоріянъ Д. Ходаковскій.

С.-Петербургъ,
11 Іюлія 1820.

Резолюція: Заготовить отношеніе къ г. Мин. внутр. дѣлъ, согласно съ симъ прошеніемъ, и увѣдомить обо всѣхъ обстоятельствахъ. Къ г. Мин. Фин. писать о томъ, чтобъ приказалъ выдать изъ положенной годовой суммы за двѣ трети впередъ, и просить, чтобъ сіе было исполнено, дабы не упустилъ онъ лѣтняго времени на путешествіе. Напечатаніе въ Вѣстн. Европы дозволяется.

По Указу Его Величества, Государя Императора Александра Павловича, Самодержца Всероссійскаго и пр. и пр. и пр.

Предъявитель сего, Г. членъ Варшавскаго Общества любителей наукъ, Зоріанъ Доленга-Ходаковскій по Высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію предпринимаетъ путешествіе по Россіи, для наблюденія и описанія разныхъ предметовъ, относящихся къ исторіи Славянскихъ племенъ.

Вслѣдствіе сего предписывается всѣмъ градскимъ и земскимъ полиціямъ во всѣхъ губерніяхъ, по тракту его г. Ходаковскаго лежащихъ, оказывать надлежащее покровительство и пособіе къ успѣшному достиженію общеполезной цѣли его, и вообще содѣйствовать ему въ семъ дѣлѣ всѣми средствами, кои признаются по мѣстнымъ обстоятельствамъ для того нужными и отъ нихъ зависящими. Подлинное подписалъ Управляющій Министерствомъ внутр. дѣлъ графъ Кочубей, скрѣпилъ Директоръ Михаилъ Прокоповичъ.

Въ С.-Петербургѣ,
25 Іюля 1820.
№ 1277.

„Подлинное получилъ Зоріянъ Д. Ходаковскій 31-го Іюлія 1820 года“ *).

---

*) Собственноручная расписка Ходаковскаго.

По Указу Его Величества, Государя Императора Александра Павловича, Самодержца Всероссійскаго и пр. и пр. и пр.

Отъ С.-Петербурга въ разныя мѣста Россійской Имперіи и обратно Члену Варшавскаго Общества любителей наукъ Зоріану Доленга Ходаковскому, отправляющемуся въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія по казенной надобности съ будущими, изъ почтовыхъ, а гдѣ оныхъ не имѣется изъ обывательскихъ давать по три лошади съ проводникомъ за указныя прогоны безъ задержанія.

Его Императорскаго Величества Генералъ отъ инфантеріи и пр. Графъ Милорадовичъ.

Въ С.-Петербургѣ,
1820 года Августа 14 дня.

„Подлинное получилъ З. Д. Ходаковскій въ С.-Петербургѣ 16-го Августа 1820 г.“

———

Ваше Превосходительство!

Обѣтъ, мною принесенный Правительству, исполняю я со всѣмъ усердіемъ и желаніемъ оправдать его щедроту и мою благодарность. Хотя къ сожалѣнію моему поздно отправился я изъ Петровой Столицы, и мокрое время мѣшало много въ собраніи и моей жатвы, однакожъ, несмотря на сіи неудобности, успѣлъ я обозрѣть нѣкоторое пространство нашего Сѣвера. Отъ перваго городка на рѣкѣ Назьи, принадлежавшаго Апраксину и его именемъ называемаго, и городища на рѣкѣ Лавѣ, подъ селомъ Васильковымъ, въ продолженіи къ Ладогѣ (старой) и вверхъ по Волхову до озера Ильмени, вездѣ представлялася моимъ глазамъ древняя Отчизна Славянъ, не столь многолюдныхъ, какъ въ южныхъ и обильныхъ странахъ ихъ, но оставившихъ одинаковые памятники своего богослуженія и поселеній. По данному мнѣ наставленію слѣдовало бы уже давно съ моей стороны донести въ Департаментъ Нар. Просв. объ успѣхахъ моего путешествія, и молчаніемъ могъ до сихъ поръ возбудить непріятное мнѣніе объ себѣ. Но сію вину я намѣренъ скоро загладить. Ежели бы слѣдовалъ я по примѣру многихъ путешественниковъ, которые кажется для прогулки занимался чѣмъ-нибудь и болѣе повѣствуютъ объ срокѣ прибытія и отъѣзда на всякомъ мѣстѣ и обо всѣхъ приключеніяхъ, обыкновенныхъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, и ежели бъ увѣренъ былъ я, что можно Департаментъ Просвѣщенія позабавить тѣмъ же самымъ чѣмъ-нибудь, то непремѣнно бы я къ 3-му числу Ноября испол-

нилъ сію форму. Но мнѣ по прибытіи въ Новгородъ 20-го Октября слѣдовало пересмотрѣть описанія и подробные планы всѣхъ уѣздовъ, здѣшняго города, его окрестностей, взять нѣкоторыя рукописи изъ Софійской библіотеки и, разговаривая съ Преосвященнымъ Евгеніемъ, занимавшимся древностями здѣшними, обозрѣть все и повѣрить. Сверхъ сего надобно было обозрѣть урочища, соименныя древнимъ божествамъ нашимъ, Святограды, или Городища, Жальники, Сопки, такъ называемыя здѣсь древнія могилы и, кромѣ разрытыхъ тѣхъ же Сопокъ подъ Ладогою, открыть всю таинственность могилы на Волотовѣ, чтобъ узнать что нащетъ повѣствованій о Гостомыслѣ. Вообще Новгородская страна и смежные съ нею краи сдѣлалися нѣкоторымъ образомъ классическою землею, — къ ней относилися разныя сужденія и общее любопытство, — всѣ предупредили меня, и болѣе или менѣе всѣмъ вѣрили. Теперь послѣднему мнѣ наиболѣе затрудненія. Еще я сегодня отправляюся въ Бронницы, для осмотрѣнія того холма, который Татищеву показался Holmgardtom, а у поселянъ тамошнихъ сохраняетъ названіе Городка. Еще я долженъ вторично быть въ Воцкомъ Ильинскомъ погостѣ, отстоящемъ въ 18-ти верстахъ на С.П.Бургской дорогѣ, и посѣтить достопамятную Ракому на берегу Ильмени. Обозрѣвши всѣ эти мѣста, я сдѣлаюся, такъ сказать, обладателемъ или знающимъ здѣшнія окрестности и послѣ того непремину, какъ можно скорѣе, принести донесеніе въ Депар. Просв. Я уповаю на Ваше Превосх. болѣе всѣхъ и надѣюся, что Вы по сказаннымъ причинамъ моей медленности не осудите и благосклонно пріймете мое оправданіе. Jaśnie Wielmożny Pan zna moją ziemię i wie, że ona niewydaje nic takiego, coby hańbą miało się okryć, coby z drogi czci i sławy zbaczało. Szanując te bożyszcza polskie, zasłużę na dobre imię i u Spółbraci tuteyszych. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. З. Д. Ходаковскій.

Wszak nie grzech powinszować J. W. Panu Nowego Roku! Ja życzę naybardziey zdrowia.

В. Новгородъ,
30 Грудня 1820.

Резолюція: Г. Министръ приказалъ предложить на соображеніе Ученаго Комитета. 5 Генваря 1821.

Милостивый Государь мой, Зоріанъ Яковлевичъ!

Содержаніе письма вашего ко мнѣ отъ 30 минувшаго Декабря о причинахъ, воспрепятствовавшихъ вамъ въ полной мѣрѣ заняться предметомъ путешествія вашего, и о прочемъ, въ письмѣ мнѣ изложенномъ, доведено мною до

свѣдѣнія Его Сіят-ва Г. Министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Его Сіят-ву, по сему случаю, угодно было поручить мнѣ увѣдомить васъ, что по силѣ извѣстной вамъ высочайше утвержденной записки, по предмету предпринятаго вами путешествія, ожидается отъ васъ подробное обозрѣніе послѣдствій онаго въ Августѣ мѣсяцѣ текущаго года, какъ въ срокъ, для сего предназначенный. Сообщая вамъ о семъ въ отвѣтъ на вышеупомянутое письмо ваше, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.

В. Поповъ.

С.-Петербургъ,
29 Генваря 1821 г.
№ 239.

(Черновикъ. Помѣта: „Послано въ Новгородъ".)

З. Я. Ходаковскому.

Сіятельнѣйшій Князь, Александръ Николаевичъ!

Вы изволили отправить меня въ путь, на которомъ обитало племя Славы за 900 лѣтъ до того. Сей путь заросъ почти густымъ лѣсомъ, потомство не смѣло посѣщать онаго, а нѣкоторые писатели разсуждали о томъ, подобно Грекамъ, писавшимъ о Гипербореяхъ. Пробираясь сквозь сію темноту при малыхъ лучахъ свѣтила и на всякомъ шагѣ долженъ отклонять навислыя вѣтви сужденій, еще болѣе затмѣвающихъ, могу ли слѣдовать быстрымъ походомъ? Ваше Сіят-во, управляя просвѣщеніемъ великаго Государства, знаете изъ опыта, что успѣхи по части ума человѣческаго и пріобрѣтенія онаго идутъ медленнѣе всего, и что сію часть надежнымъ образомъ едва ли можно подчинить сроку и формѣ. Съ моей стороны усердіе готово было присылать ежемѣсячныя донесенія, но, предвидѣвши, что изъ сего послѣдуетъ большой хаосъ и частыя признанія въ собственныхъ ошибкахъ и преждевременныхъ заключеніяхъ, я рѣшился на первой случай измѣнить формѣ, нежели истинѣ; при томъ я не упускалъ изъ памяти объявленія, что отъ успѣховъ первоначальныхъ зависитъ судьба дальнѣйшаго путешествія. Посвящая Вашему Сіят-ву первый опытъ моихъ трудовъ, я долженъ просить пощады въ разсужденіи моего слога, ибо я еще пишу подобно запискамъ князя Курбскаго. Мнѣ не удается соблюсти полировку новѣйшихъ писателей, имѣя обращеніе съ древнѣйшими и учась всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Мои пріобрѣтенія, въ началѣ весьма неблистательныя, заключаются въ маленькой посылкѣ при семъ, то есть стрѣла изъ Ладожской Сопки, ножикъ изъ Жальника на Волховѣ, печать, вырѣзанную на сердоликѣ, она нашлась на Городищѣ (Новгородскомъ) и принадлежала которому-то В. Князю, и при томъ 5 старинныхъ монетъ; протчія, отрытыя въ Ладогѣ, находятся у г. Томилова, пребывающаго нынѣ въ Петербургѣ. Кости

изъ-Ладожской и Волотовской могилы находятся у меня въ особенномъ ящикѣ; не будучи увѣренъ въ благосклонномъ принятіи такого рода памятниковъ, я не смѣлъ представлять ихъ и готовъ оставить въ здѣшнемъ магистратѣ для любопытныхъ.

Желая болѣе разсмотрѣть здѣшнюю страну, сопредѣльную съ Чудами и другими племенами, слѣдуетъ мнѣ выправиться въ С.-Петербургской и Псковской губернскихъ чертежняхъ и показать крайнія городища, въ какомъ они полукружіи и разстояніи будутъ отъ Новой Столицы Государства. Я надѣюся сдѣлать это въ скоромъ времени, а въ началахъ Мая послѣдую по прежнему начертанію. Не смѣя безъ позволенія Вашего Сіят-ва сдѣлать обратной дороги въ Петербургъ, куда намѣренъ проѣхать я черезъ Тесовскую волость и по Оредѣжѣ, я испрашиваю на то милостиваго разрѣшенія. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и благодарностію и пр. З. Д. Ходаковскій.

Новгородъ,
14 Марта 1821.

Резолюція: Представить на соображеніе Ученаго Комитета. 19 Марта 1821.

Ваше Превосходительство, Василій Михайловичъ!

Нынѣшняго мѣсяца 14 числа я имѣлъ честь послать Его Сіят-ву Князю Александру Николаевичу Голицыну начала моихъ трудовъ изъ путешествія по Россіи*) и вмѣстѣ представилъ, что какъ значительная часть Новгородской области отдѣлена въ С.-Петербургскую губернію, принадлежитъ къ однимъ и тѣмъ же замѣчаніямъ, то слѣдовало бы мнѣ обозрѣть оную, тѣмъ болѣе, что сія часть была украинною отъ чужихъ, неславянскихъ племенъ и раждаетъ любопытство, до которыхъ мѣстъ сохранила слѣды старобытныхъ Славянъ и въ какомъ разстояніи отъ Новой Столицы Государства откроетъ ихъ насыпные Святограды. Сими памятниками намѣреваясь въ свое время присвоить Славянамъ Берлинъ, Дрезно (Dresden) и Вѣдень (Wien), я не долженъ упустить изъ памяти, что находятся оные въ сосѣдствѣ съ Петроградомъ. Сихъ розысканій не удалося мнѣ сдѣлать прежде, пока я находился при устьѣ Невы, ибо я не былъ еще утвержденъ правительствомъ, послѣ же, получивши бумаги и средства, отвѣтственныя моему предпріятію, я дорожилъ краткостію времени, котораго немного

*) Это была та часть записокъ (отчета), которая напечатана въ Русскомъ Истор. Сб., т. III, кн. 2, 1839: „Отрывокъ изъ путешествія Ходаковскаго по Россіи. Ладога. Новгородъ.“

оставалося прошедшаго лѣта для моего путешествія, и старался скорѣе отправиться изъ Столицы; при томъ же, дѣлая выправки въ тамошней губернской чертежнѣ, я могъ замедлить болѣе мой выѣздъ и подвергнуться отчасти справедливому сомнѣнію. Нынѣшнее мое желаніе возвратиться въ Петербургъ на одну или на двѣ недѣли и оттуда проѣхать въ Псковъ, тоже на короткое время, есть слѣдствіемъ здѣшнихъ замѣчаній и кажется мнѣ необходимою вещью, хотя объ этомъ ничего не сказалъ я въ предварительномъ начертаніи. Въ протчемъ по человѣческому жребію не могу увѣриться на твердо, будетъ ли мое предпріятіе увѣнчано въ конецъ счастливымъ успѣхомъ, то на всякой случай пусть будетъ мною обработана по крайней мѣрѣ одна береговая, а можетъ и сама отличная область. Придерживаясь своего плана, я могъ бы проѣхать въ Петербургъ, не спрашивая никакого позволенія, но какъ добровольно и съ особеннымъ упованіемъ поддался я волѣ Его Сіят-ва Князя Александра Николаевича и распоряженіямъ Вашего Прев., то безъ вѣдомства и соизволенія ихъ сіе кажется мнѣ непохвальнымъ. Еще нѣсколько дней можетъ служить зимняя дорога по Лугѣ и Оредѣжѣ, и я желалъ бы воспользоваться сею возможностію. Благоволите, Ваше Прев., рѣшить сіе представленіе и удостоить меня милостивымъ своимъ отвѣтомъ. Исполненъ глубокаго почтенія и преданности, имѣю честь быть и пр.

Зоріянъ Д. Ходаковскій.

Новгородъ,
24 Марта 1821.

P. S. Едва напомнилъ я, что деньги у меня на исходѣ, и долженъ просить В. Прев. о ассигнацію въ Новгородскую Казенную Палату или другимъ образомъ.

Резолюція: Ходаковскому позволить пріѣхать въ Петербургъ, сдѣлать отношеніе къ Мин. Финансовъ о выдачѣ ему просимыхъ имъ денегъ изъ Новгородской Казенной Палаты. 30 марта 1821.

Ваше Прев., Василій Михайловичъ!

По дозволенію Его Сіят-ва Г. Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія прибылъ я въ С.-Петербургъ для выправокъ по моему предмету, касательно древней Вотцкой Пятины, находящейся нынѣ въ здѣшней губерніи, и сколько возможно было въ короткомъ времени, получилъ я нужныя свѣдѣнія въ Межевомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. Еще сегодня долженъ я быть въ Государственномъ Архивѣ, гдѣ находятся древнія Новгородскія бумаги, а въ понедѣльникъ надѣюся отправиться

въ дальнѣйшій путь. Подорожная, служащая мнѣ донынѣ, взята въ Ордонансгаузъ, а какъ въ оной не было сказано, что она годовая, то болѣе не могу пользоваться оною и потому самому получить возвратно не могъ я. Представляя сіе Вашему Прев., я покорнѣйше прошу снабдить меня новою подорожною, въ которой бы сказано было, что она будетъ служить мнѣ цѣлый годъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію и пр.

З. Д. Ходаковскій.

С.-Петербургъ,
30 Апрѣля 1821.

---

4 Маія 1821 г. № 1075. О томъ, что дозволеніе на путешествіе по Россіи дано на одинъ токмо годъ.

Г. Члену Варшавскаго Общества любителей наукъ Зоріану Доленгѣ Ходаковскому.

Вслѣдствіе отношенія вашего на имя Г. Директора Департамента народнаго просвѣщенія отъ 30-го минувшаго Апрѣля, о снабженіи васъ новою подорожною, по приказанію Его Сіят-ва Г. Мин-ра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, отъ Департамента сего объявляется вамъ чрезъ сіе, что по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію дозволеніе на путешествіе по Россіи для историческихъ изслѣдованій дано вамъ вообще на одинъ токмо годъ, равно какъ и сумма ассигнована токмо на сіе время, а потому остается вамъ воспользоваться даннымъ позволеніемъ до истеченія одного года со дня онаго дозволенія, а тогда представить Департаменту донесеніе о томъ, что вами сдѣлано. О выдачѣ же вамъ подорожной заготовленное отношеніе въ Канцелярію Г. С.-Петербургскаго военнаго Генералъ-Губернатора при семъ къ вамъ доставляется.

(Подписалъ:) Директоръ Василій Поповъ.

„Подлинное вмѣстѣ съ отношеніемъ въ Канцелярію Военнаго Генералъ-Губернатора получилъ Зоріянъ Ходаковскій."

Первое донесеніе Г. Ходаковскаго о путешествіи его, предпринятомъ для историческихъ изслѣдованій, и письма его къ Г. Министру и къ Г. Директору Департамента Просвѣщенія, присланныя мнѣ при выпискѣ изъ журнала Ученаго Комитета за № 1050, я читалъ и нашелъ, что дѣятельность г. Ходаковскаго соотвѣтствуетъ желанію его объяснить разныя части древней исторіи и географіи земель,

также нравы, обычаи и нарѣчія Славянскихъ племенъ и искать для многихъ по симъ предметамъ имъ сдѣланныхъ предположеній и гипотезъ нужное утвержденіе. Я нашелъ, что онъ приступилъ къ дѣлу съ довольно высокимъ мнѣніемъ о важности своего путешествія, которое онъ сравниваетъ нескромно съ путешествіями Палласа и Гмелина, по мнѣнію его менѣе трудными.

Отправившись изъ С.-Петербурга 17 Августа 1820 года, г. Ходаковскій обозрѣлъ Сѣверную Русь, принадлежащую, какъ онъ говоритъ, къ общей Іерархіи Славянъ, а именно часть С.-Петербургской и Новгородской губерніи; собралъ извѣстія, цѣли его соотвѣтствующія, у священниковъ, помѣщиковъ, чиновниковъ и даже у простыхъ обывателей; сдѣлалъ копы въ нѣкоторыхъ такъ называемыхъ сопкахъ и жальникахъ; посѣщалъ Губернскія Чертежни, гдѣ разсмотрѣлъ карты и планы; читалъ Исторію Россійской Іерархіи и другія Новгородскія лѣтописи съ дозволенія тамошняго духовенства. Нынѣ, донося о всѣхъ сихъ занятіяхъ Господину Министру, онъ мимоходомъ критикуетъ, то справедливо, то безъ всякаго основанія, Нестора, Шлецера, Миллера *), Татищева, Карамзина, Лерберга **) и подробную Карту Россійской Имперіи; опровергаетъ народные разсказы и мнѣнія, ни однимъ разумнымъ человѣкомъ не принятые, и помѣщаетъ въ своемъ донесеніи размышленія и описанія, до сего предмета не касающіяся.

Итакъ, если спрашивается какую пользу отечественная исторія получила доселѣ отъ путешествія г. Ходаковскаго, то я къ сожалѣнію моему долженъ сказать, что въ до-

---

*) Сего достойнаго Исторіографа Россіи, занимавшагося 50 лѣтъ, сперва въ С.-Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ Россійскою исторіею, путешествовавшаго не одинъ разъ и не одинъ годъ по всѣмъ губерніямъ Государства и разсмотрѣвшаго тщательно важнѣйшіе Архивы, Г. Ходаковскій называетъ иноземцомъ, пробѣжавшимъ легкою ногою наши поля.

**) О картѣ Югорской Земли, сочиненной Академикомъ Лербергомъ (симъ первымъ знатокомъ въ древней Россійской Географіи), изданной иждивеніемъ Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова Академикомъ Кругомъ, извѣстнымъ по своей строгой и здравой исторической критикѣ, г. Ходаковскій говоритъ: что нѣтъ въ оной ни Гдова, ни рѣки Колпи; что въ ней Новгородское Княженіе пожаловано надписями только по числу пятинъ; словомъ, что сія карта, посвященная непроходимымъ болотамъ Ледовитаго поморья, столь же безполезна, сколь безполезна земля Югорская, на ней представленная. Если бы г. Ходаковскій читалъ сочиненіе Лерберга о Югорской землѣ, которому сія карта служитъ объясненіемъ, то бъ онъ увидѣлъ, что не было нужды тутъ помѣстить городъ Гдовъ и рѣку Колпь, къ Югорской землѣ не принадлежащихъ, и если бы онъ былъ истинный историкъ, то зналъ бы онъ изъ Марка Поло, изъ Абулфеды, изъ Герберштейна и другихъ извѣстныхъ писателей, сколь сія земля полезна была по своей торговлѣ дѣятельнымъ Новгородцамъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ и Москвѣ и Устюгу Великому еще до XVII столѣтія. Такъ же земля сія, по мнѣнію г. Ходаковскаго столь безполезная, почиталась довольно важною для помѣщенія имени ея въ титулѣ всероссійскихъ Государей.

несеніи его не нашелъ я объясненія ни одного важнаго историческаго пункта, и что изслѣдованія и утвержденія разныхъ маловажныхъ пунктовъ основаны на предположеніяхъ, на этимологіяхъ и на извѣстіяхъ, ничѣмъ не доказанныхъ и по правиламъ исторической критики не заслуживающихъ довѣрія.

Что относится до собранія Славянскихъ названій городковъ и волостей, происходящихъ изъ одного и того же кореннаго слова, коихъ этимологія есть одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ историческихъ занятій г. Ходаковскаго, то я въ оной не нахожу ничего поучительнаго и для отечественной исторіи полезнаго, и мнѣ кажется, что для собранія таковыхъ именъ, равно какъ и для чтенія Новгородскихъ лѣтописей, довольно извѣстныхъ и отчасти уже печатанныхъ, не нужно бы было путешествовать. Впрочемъ, осторожная историческая критика не довѣряетъ пустой и смѣлой этимологіи. А сколько г. Ходаковскій себѣ позволяетъ на семъ ненадежномъ пути, между прочимъ, заключить можно изъ письма его къ Его Прев. Василію Михайловичу, въ коемъ онъ Славянамъ присвоиваетъ такъ же города Вѣну, Берлинъ, Дрезденъ, ими не основанные, хотя большая часть оныхъ конечно населилась въ восточной Германіи, опустошенной тогда стремленіемъ Германцевъ пріобрѣсть себѣ жилища въ ослабленной Римской Имперіи.

Что касается до выкапываній, учиненныхъ г. Ходаковскимъ, то они подали весьма незначительную жатву древностей. Желѣзная стрѣла, ножикъ, сердоликъ съ вырѣзаннымъ ѣздокомъ*) и пять вовсе не рѣдкія монеты**) составляютъ всѣ древности, г. Ходаковскимъ доставленныя съ донесеніемъ къ Г. Министру, яко первый плодъ своихъ путешествій.

Изъ всего приведеннаго мною здѣсь явствуетъ, что и почему я отъ продолженія сихъ путешествій не ожидаю результатовъ, вознаграждающихъ значительныя издержки, на то потребныя. И посему я бы совѣтовалъ ихъ прекратить, тѣмъ паче, что сіи деньги могутъ быть употребляемы съ вящшею пользою и цѣли Министерства Просвѣщенія болѣе соотвѣтствующимъ образомъ. Ибо если Наставленія для составленія записокъ по разнымъ наукамъ, печатанныя въ 1812 году, и предписанія, данныя по сему предмету директорамъ гимназій и смотрителямъ училищъ, исполнены будутъ рачительно по части исторіи, то отъ сей благоразумной мѣры, ободряя сочинителей от-

---

*) Слишкомъ новая древность изъ XVII столѣтія, вѣроятно, работа Голландскаго художника!

**) Двѣ не Скандинавскія, но Англосаксонскія монеты изъ XI столѣтія; одна Саманидская — чеканена въ Ташкентѣ въ XI же столѣтіи; одна монета чеканена въ Золотой Ордѣ въ XIV столѣтіи и серебряная копѣйка Царя Василія И. Множество таковыхъ монетъ найдено уже во многихъ странахъ Россіи.

личныхъ записокъ, ожидать можно гораздо полезнѣйшіе плоды, нежели отъ продолженія путешествія г. Ходаковскаго, и то безъ другихъ издержекъ, кромѣ награжденій для ободренія училищныхъ чиновниковъ, трудившихся съ успѣхомъ составленіемъ таковыхъ записокъ. Предметы по части исторіи, въ сихъ Наставленіяхъ показанные, столь многочисленны и столь важны, что если соединенными силами учителей отечественной исторіи, разсѣянныхъ по всѣмъ губерніямъ и уѣздамъ Государства, хотя и половина только сихъ предметовъ получитъ объясненія, то не токмо часть истинно полезная занятій, предпринятыхъ г. Ходаковскимъ, основательнѣе будетъ обработана, но сверхъ того еще другіе для усовершенствованія древней Россійской исторіи нужные, плану Ходаковскаго чуждые пункты оной будутъ изслѣдованы и объяснены. Бумаги и древности, мнѣ доставленныя, при семъ возвращаются. Николай Фусъ.

Маія 23 дня 1821 г.
№ 174.

Сіятельнѣйшій Князь, Александръ Николаевичъ!

Уже кончился годъ моему путешествію, и мнѣ, въ слѣдствіе объявленій Вашего Сіят-ва, надлежитъ съ живѣйшею благодарностію принести полное донесеніе. Въ моихъ мысляхъ на всякомъ шагу представлялась обязанность для Тѣхъ Особъ, которыя похвалили мое предпріятіе, и для Того, кто поддержалъ оное Своею щедротою. Я старался, чтобы всякая минута, оцѣненная столь дорого, не протекла даромъ, и чтобъ оправдался мой вызовъ. Въ теченіе сего года обозрѣлъ я Новгородскую, Плесковскую и Тверьскую губернію, проѣхалъ въ 3-хъ направленіяхъ землю Ижерскую, видѣлъ Чудьскую около Ямы и Копоріи, прикоснулся къ старымъ предѣламъ нашимъ на Свирѣ, Наровѣ и за Пимжею, рылся въ насыпяхъ по Волхову, Полонѣ и подъ Бѣжецкомъ, а нынѣ пишу среди Весьскаго края, то есть между Веси Колпской (Ильинскаго погоста) и Веси Егонской на Мологѣ. Пріобрѣтенія мои могутъ быть значительны по самой величинѣ обозрѣннаго пространства, въ нихъ заключаются такія, которыя получилъ я свыше моей надежды, и такія, которымъ учился и удивлялся я въ первой разъ. Множество такъ называемыхъ городковъ и городищъ, замѣченныхъ въ томъ пространствѣ и внесенныхъ на особую карту, кажется отвѣтствовать числу звѣздъ нашего неба. Въ слѣдствіе же безпрерывныхъ соображеній по разнымъ мѣстамъ, несомнѣнно приблизился я къ Системѣ Географической духовнаго раздѣленія всея Славянской Земли на небольшіе погосты или приходы. Есть около 100 урочищъ, которыя всегда въ нарочитомъ разстояніи окружаютъ упо-

мянутые городки и городища, и нѣкоторыя изъ нихъ постоянно являются въ томъ же направленіи и разстояніи. Сіи урочища можно раздѣлить на божественныя, жертвенныя, любовныя, военныя, земледѣльческія и пиршественныя. Сія правильность непримѣтнымъ образомъ сохранилася вездѣ, отчасти замѣнена позднѣйшими названіями во многихъ мѣстахъ и уцѣлѣла едва несовершеннымъ образомъ въ уголкахъ, мало извѣстныхъ въ исторіи. При таковыхъ изслѣдованіяхъ, болѣе и болѣе учась сей древней и, можно сказать, безпримѣрной Системѣ, во многихъ мѣстахъ изъ одного названія угадывалъ я протчія и дѣйствительно нашелъ оныя въ населенныхъ и пустыхъ мѣстахъ. Нерѣдко случалося поэтому, что жители признали меня своимъ, тутошнимъ или имѣющимъ подробнѣйшіе планы ихъ околотка. Признаюсь Вашему Сіят-ву, что въ началѣ таковыхъ изслѣдованій находилъ я скуку и трудъ, похожій на щетъ всѣхъ словъ въ сочиненіи Юлія Кесаря, но въ послѣдствіи получилъ я пріятную забаву или игру, которая заключается въ развязкѣ древнѣйшаго нашего лабиринта, развязкѣ, долженствующей многое объяснить въ нашей археологіи, исторіи и географіи. Но можно ли скоро обработать сей предметъ, намъ дотолѣ неизвѣстный вовсе и оставленный нашими предками на такомъ пространствѣ земли? Утомляется свѣтъ, считая всѣ провинціи и царства, подвластныя Александру I-му, а можетъ ли скоро обнять памятью сіи дроби, которыя составляютъ единообразіе всѣхъ племенъ Славенскихъ? При томъ же надобно знать, что прошедшіе вѣка не повинуются волѣ настоящаго времени, ихъ открытія, подобно дрожащей старости, слѣдуютъ медленнымъ шагомъ. Что касается меня, не могу я самъ увѣриться, чтобъ мои труды отвѣтствовали щедротѣ Его Величества, ибо предметъ такого рода, разсѣянный на поверхности нашей земли, часто непроходимой, требовалъ частыхъ остановокъ, справокъ и большой осмотрительности на правду, какъ первой долгъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Не ожидало на меня нигдѣ готовое, и я на опытѣ увѣрился, какая разница большая читать въ книгѣ и на земли. Дождливое лѣто, приведши всѣ дороги, особливо частныя, въ плачевное состояніе, мѣшало мнѣ во многихъ низменныхъ мѣстахъ, и я опоздалъ видѣть нѣкоторыя округи по моему предначертанію. Еще по обѣщанію Гг. С.-Петербургскаго и Новгородскаго Губернаторовъ не получилъ я свѣдѣній отъ нѣкоторыхъ волостныхъ конторъ и отъ землемѣровъ условленныхъ плановъ, еще отъ почтенныхъ протоереевъ ожидаю отвѣтовъ на мои вопросы. Словомъ, не имѣвши всего въ полнотѣ, я долженъ удержаться на нѣсколько времени отъ подробнаго донесенія Вашему Сіят-ву. Провидѣніе награждаетъ насъ хорошею осенью, и мнѣ слѣдуетъ пользоваться оной, дабы пріобрѣсть болѣе и прежнія замѣчанія повѣрить въ новыхъ мѣстахъ. Для чего скоро переѣду въ область старой Мѣріи

и не прежде, только по прибытіи въ Москву, буду въ состояніи сдѣлать подробное донесеніе. Ваше Сіят-во благоволите великодушно принять сіе объясненіе и, внимая моему усердію, не ставьте мнѣ въ вину, что я просрочилъ позволенное мнѣ время. Это матерія исключительная, не подлежитъ обыкновенной формѣ и термину. Пусть бумаги, которыми Вы снабдили меня, служатъ мнѣ до тѣхъ поръ, пока данная сумма по щедротѣ Монаршей не истощится до послѣдняго рубля, или верну ихъ при подробномъ донесеніи. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Зоріянъ Долуга Ходаковскій.

Устъюжна Желѣзнопольская,
5 Паздерника 1821.

Милостивый Государь мой, Зоріанъ Яковлевичъ.

На письмо ваше отъ 5-го сего Октября, въ которомъ между прочимъ, изъясняя причины, удержавшія васъ на нѣкоторое время отъ подробнаго донесенія по предмету принятаго вами путешествія, испрашиваете продолженія срока оному, за нужное почитаю отвѣчать вамъ, что одинъ годъ назначенъ былъ вамъ для путешествія именно для того, чтобъ изъ представленныхъ вами свѣдѣній, какія соберете въ теченіе онаго, заключить можно было о степени полезности сего путешествія. Посему и ожидается отъ васъ теперь полныхъ таковыхъ свѣдѣній, каковыя должны быть плодомъ вашихъ изысканій, на продолженіе же далѣе срока путешествія не могу я дать позволенія, такъ какъ и производство суммы на сіе ограничивается предоставленнымъ вамъ годовымъ срокомъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Князь А. Голицынъ.

С.-Петербургъ,
14 Октября 1821.
№ 3279.

З. Я. Ходаковскому, Новгородской губерніи въ гор. Устюжнѣ.

Ваше Прев., Милостивый Государь, Василій Михайловичъ!

Едва сегодня могъ я отправить къ Его Сіят-ву Князю Александру Николаевичу донесеніе объ своемъ путешествіи по Россіи, — столько былъ я нерѣшителенъ и не прежде отважился написать что-то общее, пока не увѣрился объ одной и той же идеѣ въ прочихъ губерніяхъ Государства. Я очень понимаю, что отправленіе меня къ древнимъ Сла-

вянамъ послѣдовало на удачу болѣе сомнительную, чѣмъ англійскихъ кораблей къ сѣверному полюсу. Одинъ годъ Царьской милости! Какъ это убивало меня! Неоднократно мои мысли становились мрачнѣе лѣсовъ, чрезъ которые я путешествовалъ, — и я могъ подвергнуться ужасной крайности. Но къ счастію моему, всякой шагъ, открывая черты моего предмета, умножалъ мое собраніе и надежду, что вопреки всѣмъ сомнѣніямъ оправдаю мое предположеніе. Нынѣшнее донесеніе, если не будетъ по мѣрѣ желаній, по крайней мѣрѣ оно лучше противъ написаннаго изъ Новагорода, которое сдѣлалъ я, повинуясь формѣ, но въ отношеніи къ предмету слишкомъ преждевременно и страннымъ образомъ. Уничтожая оное, теперь все совокупилъ я въ одно донесеніе и на сей разъ не могъ избѣжать еще того, чтобы не показать разницы въ многихъ авторахъ противъ моихъ изслѣдованій. Что-нибудь одно: Славяне ошиблись, учредивъ повсемѣстно свое единообразіе, или писатели, не знавшіе онаго. Кого тутъ обвинять и кого пощадить? Одну только истину. Какъ затруднительно мое положеніе! Не могу надѣяться на дружбу и благодарность ни одного, держащаго въ рукахъ перо. Время и оконченный мною или кѣмъ другимъ сей важный предметъ могутъ примирить меня со всѣми, ибо тогда менѣе будетъ надобности изчислять всѣ ошибки. Я осмѣлился просить Его Сіят-во, чтобы сія матерія была рѣшена Высочайшимъ всѣхъ насъ Покровителемъ, какъ знающимъ всѣхъ лучше пространство Славянскихъ краевъ, или Г-мъ Карамзинымъ, для избѣжанія потери времени. Выдавъ еще въ Мартѣ мѣсяцѣ послѣдній рубль изъ щедроты Правительства, я въ несостояніи ожидать, пока совершится столичный кругъ всѣхъ формъ и мнѣній. Крайность можетъ заставить меня возвратиться во свояси, прежде всякаго объявленія со стороны Протекціи. Потому умоляю Ваше Прев. почтить меня своимъ увѣдомленіемъ до истеченія мѣсяца, чего долженъ ожидать отчаяный Словенинъ. Если же будетъ угодно всѣмъ, и Государю Императору, чтобы сіе начатое было доведено до конца, то я, не перемѣняя прежняго счету пособій денежныхъ со стороны Правительства, на которой я приглашу хорошаго сотрудника, буду просить увольненія впредь отъ подробныхъ донесеній обо всемъ, ибо сей предметъ древній древнимъ образомъ можно только получить. Онъ вовсе неспособный для третныхъ донесеній.

Письмо, приложенное въ Эдимбургъ (въ Шотландію) къ моему земляку, пріятелю и любителю наукъ, г. Кристину Ляхъ-Ширмѣ, я отдаю на распоряженіе Вашего Прев. Какъ только въ Зимнемъ Дворцѣ ударитъ часъ дальнѣйшаго путешествія моего, то сіе письмо пусть отправится на почту. Посредствомъ моего пріятеля, знакомаго со многими, имѣющими связи въ Бенгаліи, я желаю справиться, нѣтъ ли на берегахъ Инда и Гангеса чего подобнаго Сла-

вянскому городству. Коштъ на пересылку возвращу я съ живѣйшею благодарностью. Примите и пр.

Москва,
13 Липца 1822. Зоріянъ Доленга-Ходаковскій.

Резолюція: Отвѣчать г. Ходаковскому, что подробнаго донесенія его не получено еще, каковое и ожидается, дабы, судя по послѣдствіямъ его путешествія, дать ему по сему надлежащее разрѣшеніе, какъ ему уже объявлено. 19 Іюля 1822.

Милостивый Государь мой, Зоріянъ Яковлевичъ!

Въ письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 13 сего Іюля просите вы меня объ ускореніи увѣдомленіемъ васъ, какое послѣдуетъ разрѣшеніе въ разсужденіи продолженія принятаго вами на себя путешествія по Россіи для историческихъ изысканій, при чемъ присовокупляете, что отправлено уже вами къ Господину Министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія донесеніе по сему предмету за весь предоставленный вамъ для онаго годовой срокъ.

На сіе, по приказанію Его Сіят-ва, отвѣтствую вамъ, что означеннаго донесенія вашего еще не получено, каковое и ожидается, дабы, судя по степени успѣховъ принятаго вами на себя дѣла, снабдить васъ требующимся вами разрѣшеніемъ, какъ вамъ о семъ и дано знать уже письмомъ Его Сіят-ва отъ 14 Октября 1821 года. Предварительно же нельзя сказать вамъ ничего достовѣрнаго по сему въ удовлетвореніе желанія вашего. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. Василій Поповъ.

Царское Село,
24 Іюля 1822.

З. Я. Ходаковскому въ Москвѣ.

Ваше Прев., Милостивый Государь!

14 Іюля отдавши на здѣшней почтѣ мое донесеніе и особенно карту 4-ой части Россіи, въ видѣ посылки, записанной въ шнуровую книгу, я не могу принять мысли, чтобъ оныя не дошли къ Его Сіятельству князю Александру Николаевичу. Ваше Прев. благоволили увѣдомить меня, что по 24-е число того жъ мѣсяца еще оныя не были получены. Сіе замедленіе, кажется мнѣ, произошло по случаю, что я адресовалъ въ С.-Петербургъ, а Его Сіятельство тогда находился въ Царьскомъ Селѣ. Какъ бы то ни было, я долженъ однакожъ жалѣть, что не ускорилъ моего донесенія прежде, по крайней мѣрѣ, за мѣсяцъ, ибо отъѣздъ Е. В. Государя Императора за границу, послѣдовавшій 4 Августа,

лишилъ меня надежды скораго разрѣшенія о дальнѣйшей судьбѣ моего путешествія. Несмотря на сомнительное положеніе мое, какъ будто постороннее для моего предмета, дѣлаю все, что могу сдѣлать, чтобъ время не протекало даромъ. Отправивъ мое донесеніе къ Его Сіятельству, возвратился я въ Межевую Канцелярію и разсмотрѣлъ до конца уѣздные планы Могилевской, Воронежской, Тамбовской, Нижегородской, Пензенской губерній и восточную половину Костромской. Между тѣмъ получилъ я отъ Г. Минскаго Губернатора подробныя карты Дисненскаго, Вилейскаго и Борисовскаго повѣтовъ, изъ которыхъ открылось 9 населенныхъ мѣстъ, называемыхъ городищами и городками, въ томъ уголку Минской губерніи, который на картѣ, посланной къ Его Сіят-ву, остался безъ всякой пунктаціи. Его Выс. Прев. Г. Литовскій Военный Губернаторъ, обнародовавъ мое предпріятіе въ Kuryerze Litewskim, воззываетъ чиновниковъ, пробощей (приходскихъ священниковъ) и помѣщиковъ къ своему содѣйствію, чтобъ открыть тую черту, которая раздѣляетъ Русское-Кривицкое нарѣчіе и Славянское городство отъ собственной Литвы, начиная отъ Друи на Двинѣ, къ окрестностямъ Вильна и Ковна, а въ Польскомъ Царьствѣ къ Райгороду, что на предѣлахъ Литвы Пруской. Ожидаю отъ Г. Витебскаго Губернатора карты Лѣпельскаго повѣта, которой послѣ межеванія былъ присоединенъ изъ 2-го раздѣленія Польши; изъ Могилева картъ повѣтовыхъ на прибавленіе отъ Польши съ правой стороны рѣки Друти, не измѣренное и не вошедшее въ Межевую Канцелярію. Ожидаю также отъ Г. Черниговскаго Губернатора сообщенія картъ Мглинскаго повѣта, гдѣ имѣется начало рѣчки Сѣверки, также Стародубскаго, Новгородъ-Сѣверскаго и другихъ повѣтовъ. Отъ Его Прев. Захарія Яковлевича Карнеева ожидаю милостиваго увѣдомленія, что открылось по его предписанію, сдѣланному еще въ 1819 году къ директору Войсковаго Донскаго Училища и Префекту Екатеринодарскому. Г. Подольскій Губернаторъ снабдилъ меня планомъ окрестностей Тиврова (колыбели Тиверянъ) въ Винницкомъ повѣтѣ. Г. Скочинскій, управлявшій 14 лѣтъ Туровомъ на рѣкѣ Припяти, доставилъ описаніе сего древнѣйшаго мѣста въ Русской исторіи. Оно различествуетъ противъ сдѣланнаго донесенія Е. С. Графу Румянцеву (см. Памятники Росс. Словесности XII вѣка, изд. Калайдовичемъ, стр. X.) въ томъ, что имѣетъ описаніе замка обширнаго въ Туровѣ, котораго валъ съ одной стороны имѣетъ 400, а вышины 10 аршинъ, что въ Туровѣ колодезь: туръ, весьма обыкновенный, неглубокій, безъ крюка, — короткимъ сучкомъ, прицѣпивъ къ нему ведро, женщины достаютъ воду, — три окна значитъ по тамошнему три дна въ колодезѣ, но кто подъ водою могъ сосчитать оныя? Г. Скочинскій сіе называетъ справедливо вымысломъ простолюдиновъ. Также не знаетъ онъ въ 3 верстахъ отъ Турова опустѣв-

шаго храма (см. тамъ же стр. XII), о камняхъ съ крестами сообщаетъ другое преданіе, а о городищахъ говоритъ, что знаетъ ихъ три въ поблизости къ Турову: 1-е подъ Езеранами, 2-е межъ Любовичъ и Хильчицъ, 3-е близко Люденевичъ, и сказываетъ о смѣшномъ преданіи на мѣстѣ, будто бы оные городьцы дѣланы для обороны отъ Запорожскихъ козаковъ и Крымскихъ татаръ, приходившихъ въ тотъ край на ладьяхъ судоходными рѣками Днѣпромъ и Припятью. Извѣстно, что сіи ордынцы только успѣвали помощью вѣтроногихъ коней, и никто не слыхалъ, чтобы они приходили на судахъ въ Польшу или Россію, особенно противъ стремленія воды и въ стѣсненныхъ берегахъ, гдѣ безпрестанно можно было ихъ побивать. Такого рода преданія, или лучше сказать вымыслы, часто являются вмѣсто настоящей истины. Она погибла за 1000 лѣтъ! Однакожъ никто не хочетъ признаться, что не знаетъ причины симъ древнимъ окопамъ. Недавно отселѣ ѣздившій въ старую Рязань г. Калайдовичъ видѣлъ по своему пути 2 городища, а о протчихъ 13-ти только слыхалъ и, основываясь на подобныхъ преданіяхъ или на могилахъ, замѣченныхъ при 2-омъ городищѣ, думаетъ что можно однимъ мгновеніемъ уничтожить 6-лѣтнія наблюденія мои. Какая нужда, что при городищѣ Ольговомъ на Окѣ происходило сраженіе въ 1207 г. (Карам. III. примѣч. 125), а въ 1812 г. на городищѣ въ Боровскѣ укрѣпились французы, — изъ этого нельзя заключить, что война только производила городища. Сей легкомысленный тріумфъ г. Калайдовича понравился одному изъ его покровителей, и я слышалъ, что скоро напечатается въ Сѣверномъ Архивѣ; довольно тамъ успѣха за 150 рублей, которые были даны на сію поѣздку, и довольно въ оправданіе скупости, съ которою я былъ встрѣтился въ 1819 году. Сей неожиданный случай заставилъ меня послать черезъ знакомыхъ Рязанцевъ справку на мѣсто и узнать въ точности всѣ названія на 4 старыя версты вокругъ городища подъ Ольговымъ монастыремъ — и тогда буду отвѣчать на критику, впротчемъ можетъ быть и справедливую.

Разсматривая Петрозаводскую или Олонецкую губернію на планахъ межеванія, нашелъ я отъ озера Онеги къ востоку еще три городища и Дунаевку, которыя не помѣщены на картѣ, посланной при моемъ донесеніи. Словомъ, на планахъ и отъ народа что разъ болѣе открывается одно и то же вездѣ!

Но сіе предпріятіе, подобно собраніямъ нумизматика, не можетъ вдругъ быть полнымъ и комплетнымъ. Горватъ, помѣщикъ изъ Рѣчицкаго повѣта, бывшій на сихъ дняхъ въ Москвѣ, разсказалъ подробно о 4-хъ городищахъ въ его только имѣніи Барбаровѣ на рѣкѣ Припяти. Такъ занимаясь безпрерывно, я могъ бы еще до зимы посѣтить лично Мурому и пространство по рѣкѣ Мѣрѣ въ Кине-

шемскомъ уѣздѣ, чтобы рѣшить до конца всѣ сомнѣнія касательно сихъ областей, исключенныхъ Несторомъ изъ числа Славянъ.

Осмѣливаюсь повторить мою просьбу къ Вашему Прев. о увѣдомленіи меня, какая можетъ быть надежда въ дальнѣйшемъ спомоществованіи Городства, или могу себѣ ѣхать во свояси. Ибо мнѣ затруднительно жить, выдавъ послѣдній Государевъ рубль еще въ Мартѣ мѣсяцѣ. Ожидая со стороны Вашего Прев. въ томъ благосклоннаго увѣдомленія, остаюсь и пр. З. Д. Ходаковскій.

Москва,
28 Августа 1822 г.

Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь,
Князь Александръ Николаевичъ!

Распутица, произшедшая отъ долговременныхъ дождей, не позволила мнѣ рѣшиться ни въ какую сторону. При томъ же не могу охотно оставить Москву, гдѣ, можно сказать, есть повседневно готовая жатва для меня среди народа, являющагося изъ разныхъ провинцій. По стогнамъ, рынкамъ и на постоялыхъ дворахъ усматриваю старожилыхъ людей, недавно пришедшихъ изъ своихъ весей, и въ бесѣдѣ съ ними нерѣдко узнаю въ день отъ 5 до 10 городковъ. По отдаленности иногда отъ моего пристанища и подробной карты государства, случается, что мои наставники къ лучшему вразумленію чертятъ на землѣ или на пескѣ направленія рѣкъ и рѣчекъ, показываютъ кружками при нихъ городки, въ извѣстномъ разстояніи отъ такихъ-то селеній и сообразно съ теченіемъ солнца. Бесѣда наша кончится взаимнымъ удовольствіемъ и часто удивленіемъ старожилаго, какимъ образомъ по одному названію усадьбы его я угадалъ городокъ, который дѣйствительно при оной имѣется. За сіе чудное дѣло не однажды добросердечные предлагали мнѣ поѣсть колачей ихъ или принять отъ нихъ рюмку угощенія. Вотъ magna approbatio и награда въ самомъ источникѣ изысканій! Можно ли еще сомнѣваться мнѣ въ предположенной цѣли оныхъ? Упорство нѣкоторыхъ придерживаться всѣхъ прежнихъ, на угадъ положенныхъ мнѣній не должно ли уступить сему согласному по всѣмъ мѣстамъ открытію? Среди сихъ пилигримскихъ занятій моихъ Г. Витебскій Губернаторъ Бутовичъ сообщилъ мнѣ 2 карты подробныя на тую часть своей губерніи, которая послѣ межеванія присоединена изъ 2-го раздѣленія Польши. Изъ Могилева на такое же прибавленіе съ правой стороны рѣки Друти не получилъ я въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ ни 5 картъ повѣтовыхъ, ни Открытаго Листа, туда посланнаго. Сегодня пишу вторично. Минской Г. Губернаторъ

одолжилъ меня доставленіемъ въ разное время картъ всѣхъ повѣтовъ и описаніемъ окрестностей села Мыслобожа въ 2-хъ верстахъ отъ городища на рѣкѣ Щарѣ въ Слуцкомъ повѣтѣ, которое составилъ Г. Прелатъ Шантыръ. Здѣсь посѣщая меня, одинъ изъ достаточныхъ помѣщиковъ Рѣчицкаго повѣта, г. Александръ Хорватъ, опредѣлилъ съ точностію въ сторонѣ рѣки Припяти извѣстные ему 4 городка. По возвращеніи же домой прислалъ ко мнѣ описаніе еще пяти таковыхъ же урочищъ. Г. Генералъ Цорнъ доставилъ мнѣ описаніе городища въ Кадниковскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Сямгѣ, при деревнѣ Боркѣ. Такимъ образомъ, занимаясь неусыпно своимъ предметомъ, пріобрѣлъ я на одну четверть Россіи, представленную Вашему Сіят-ву, близко 100 городковъ. Въ непродолжительномъ времени я надѣюсь и прочія части пополнить, для представленія къ пріѣзду Е. В. Государя Императора. Пусть Державный Покровитель Наукъ видитъ обширнѣйшее единообразіе, бывшее нѣкогда на землѣ, десницею Его управляемой. Если сіе открытіе заслужитъ Всемилостивѣйшее одобреніе, то я, руководствуясь безкорыстіемъ, долженъ изъявить съ своей стороны, что благодарный за честь и помощь, сдѣланныя мнѣ отъ Высочайшаго Имени, не намѣренъ я разчитывать по срокамъ щедроты Его Величества, ибо въ сей экстренной матеріи, открывающейся среди тумана многихъ вѣковъ, и я самъ не въ состояніи соблюсти правилъ, касательно времени и пространства, какъ равнымъ образомъ нельзя ограничиться временемъ и способами для покоренія незнаемаго царства. Кажется мнѣ, что по прежнему сумма 3000 рублей серебромъ при бережливости послужитъ мнѣ къ обозрѣнію значительнаго пространства земли, тѣмъ вѣроятнѣе, что послѣ разсмотрѣнія всѣхъ плановъ Межевой Канцеляріи не будетъ надобности для того болѣе останавливаться. Представляя сіе въ прибавленіе къ моему донесенію 13 Іюля, осмѣливаюсь просить, дабы Ваше Сіят-во по великодушію своему приказали увѣдомить меня о рѣшительномъ мнѣніи, какое подъ рукою Вашею положено будетъ обо мнѣ. Оно выведетъ меня изъ мучительной неизвѣстности, въ которой нахожусь я, и будетъ залогомъ спокойствія, а можетъ и щастія моего. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Москва,
9 Октября 1822.

З. Д. Ходаковскій.

Милостивый Государь мой, Зоріянъ Яковлевичъ!

Въ письмѣ вашемъ отъ 9 сего Октября между прочимъ просите вы меня увѣдомить васъ о рѣшительномъ мнѣніи моемъ касательно дальнѣйшаго вспомоществованія вамъ для продолженія путешествія по Россіи.

На сіе долженъ я повторить то самое, что сообщено уже вамъ отъ 9 минувшаго Сентября по приказанію моему Директоромъ Деп-та Нар. Просв., то есть, что донесеніе ваше по предмету путешествія вашего разсматривается въ Ученомъ Комитетѣ Главнаго Правленія училищъ. По отсутствію же Государя Императора нѣтъ никакой возможности доложить Его Величеству о дѣлѣ вашемъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Въ СПбургѣ,
21 Октября 1822.
№ 3104.

кн. Александръ Голицынъ.

Я получилъ, при выпискѣ изъ Журнала Ученаго Комитета за № 2016, Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія по Россіи г. Зоріяна Долуги Ходаковскаго, то-есть Сравнительный словарь городовъ, городковъ и городищевъ Славянскихъ, съ принадлежащею къ оному картою, и честь имѣю донести объ оныхъ слѣдующее:

Донесеніе сіе отличается отъ прежняго, о коемъ я объявилъ мнѣніе свое 23 Маія 1821 года, въ томъ, что оно писано съ меньшею нескромностью; что такъ называемый Сравнительный Словарь, коего при первомъ Донесеніи г. Ходаковскій далъ токмо часть для образца, при семъ Донесеніи гораздо обширнѣе, и что къ прежнимъ историческимъ и критическимъ примѣчаніямъ, отчасти неосновательнымъ, онъ присовокупилъ другія, не говоря уже съ пренебреженіемъ о людяхъ и сочиненіяхъ знаменитыхъ.

Въ предлежащемъ Словарѣ собраны имена большаго числа Славянскихъ городовъ, городковъ, городищевъ, рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, острововъ, горъ и пр., происходящихъ изъ Славянскаго языка, по алфавитному порядку коренныхъ словъ и съ показаніемъ уѣзда, повѣта или мѣста на картѣ каждаго.

Многія однако произведенія именъ изъ приведенныхъ г. Ходаковскимъ коренныхъ словъ слишкомъ принужденны и даже произвольны, какъ напримѣръ: Случъ, Излучіе, Разлучъ изъ кореннаго слова лукъ; Выкурово изъ слова куръ; Конецполе, Конецхолмы, Конецмости изъ кореннаго слова конь; Обашкинъ изъ слова Богъ; Москва изъ слова мостъ*) и премногія другія подобныя неправильныя произведенія именъ, изъ коихъ иныя также очевидно германскаго происхожденія.

*) Хотя сіе произведеніе давно уже извѣстно и, если не ошибаюсь, печатано въ Историческомъ и топографическомъ описаніи Москвы, но оно подлежитъ еще сомнѣнію. Утвержденіе г. Ходаковскаго, стр. 234, основано на угадкахъ и на сказаніяхъ жителей веси Старкова о Калиновомъ мостѣ, о городкѣ и о смородинномъ кустѣ, о коихъ ихъ отцы говорили. Истинный историкъ требуетъ доказательства или, по крайней мѣрѣ, этимологіи болѣе основательныя.

Безъ сомнѣнія, составленіе сего Словаря и принадлежащей къ оному карты стоило г. Ходаковскому много труда и изслѣдованій. Терпѣніе и постоянство его, въ преслѣдованіи любимаго имъ предмета, похвальны. Сыскиваніе древнихъ городищевъ и другія его развѣдыванія удостовѣрили его въ извѣстной истинѣ, что Славяне въ древнія времена жили, какъ потомки ихъ и нынѣ живутъ, на великомъ пространствѣ земномъ и въ тѣхъ земляхъ, о коихъ сіе изъ исторіи извѣстно; и что вездѣ показывается въ одноплеменномъ, одноязычномъ (по г. Ходаковскому также единовѣрномъ, что однако о всѣхъ Славянскихъ племенахъ сказать нельзя) народѣ то единообразіе, которое само собою разумѣется, и котораго слѣды уже отъ другихъ авторовъ показаны, хотя не со столь лишнею подробностью, какъ сіе здѣсь при росписаніи именъ Славянскихъ учинено.

Изъ сказаннаго мною явствуетъ, что изслѣдованія г. Ходаковскаго, хотя любопытны, но польза оныхъ весьма посредственна и отнюдь не такая, чтобы она могла вознаградить значительныхъ издержекъ, на продолженіе его путешествія потребныхъ.

И такъ, по прочтеніи сего послѣдняго донесенія, я все еще остаюсь при своемъ мнѣніи, 23 Маія 1821 года объявленномъ: что доселѣ отъ путешествія г. Ходаковскаго ни одинъ пунктъ отечественной исторіи не получилъ новыхъ и достопримѣчательныхъ обогащеній, и что при означенномъ предметѣ его изслѣдованій таковыхъ и впредь ожидать не можно.

Впрочемъ, о томъ конечно основательнѣе, нежели я, судить можетъ знаменитый нашъ историографъ Н. М. Карамзинъ; и поелику г. Ходаковскій самъ изъявляетъ желаніе, дабы донесеніе его разсмотрѣно было симъ славнымъ историкомъ, то не благоугодно ли будетъ Г. Министру приказать доставить книгу и карту Ходаковскаго Г. Карамзину и ожидать мнѣнія его: стоитъ ли сей трудъ приведенія къ окончанію и потребныхъ на все издержекъ до 36000 р. простирающихся? или не лучше ли, какъ я думаю, употребить столь значительную сумму на предметы болѣе полезные, особенно въ такое время, когда недостатокъ суммъ на самыя нужнѣйшія потребности по училищной части вездѣ столь чувствителенъ?

Карту и книгу г. Ходаковскаго при семъ возвращаю.

Октября 27 дня 1822.
№ 380.

Николай Фусъ.

Ваше Прев., Милост. Гос., Василій Михайловичъ!

Ничего не зная, какъ принято въ Департаментѣ Нар. Просв. мое донесеніе, первые шаги на пути, въ первый разъ открывающемся, и неувѣренъ о будущей моей судьбѣ,

я, подобно Ермаку, вступившему въ пространство Сѣверной Азіи, продолжаю далѣе и далѣе мои пріобрѣтенія, ежедневно вношу на карту и въ мои книги новыя замѣчанія. Переписка съ Западными и Малороссійскими губерніями, которыя не межеваны, для предварительнаго познанія на планахъ, тягостна для меня (на занятыя деньги), но сдѣлалась необходимою. Все дѣлаю и повидимому для другихъ невозможное, чтобы даромъ не потерять времени, потребнаго для такого пространства Россіи и другихъ Славянскихъ краевъ. Сравнительной словарь въ моемъ донесеніи начинается по порядку алфавитному съ точки среди города Москвы, которую А. Щекатовъ по мнимому преданію иначе старался объяснить и получилъ своихъ подражателей. Потому Бабій городокъ, самой первой пунктъ, можетъ быть въ сомнѣніи и сдѣлать въ комъ-нибудь противное понятіе. Я самъ былъ недоволенъ, что имѣлъ оной единственнымъ, хотя въ томъ же родѣ есть Дѣвичьи грады и Дѣвичьи городища. Нынѣ же узнавъ, что есть другой насыпной городокъ подъ симъ именемъ, прошу дабы Ваше Прев. приказали прибавить на моей тетради подъ словомъ Баба въ началѣ: „Бабій городокъ (насыпной) въ Подольскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Мочѣ, ниже Воронова, близъ Калужской дороги“. При томъ еще осмѣливаюсь просить, дабы Ваше Прев. позволили мнѣ съ первою почтою Карты Городства Славянскаго, доставленной мною при донесеніи: я желалъ бы прибавить на оной 100 городковъ, которые въ разныхъ мѣстахъ послѣ открылись, и съ симъ пополненіемъ чтобы карта моя предстала на судъ Государя Императора. Ваше Прев. можетъ найдете сіе излишнимъ и побраните меня, но я боюсь строгаго приговора и упадка. Нѣкоторые здѣсь завидуютъ моей участи, бранятъ и Короля Польскаго, и меня подданнаго. Что съ ними дѣлать? Мой долгъ есть: оправдать себя передъ всѣми. Если будетъ согласіе на карту, то пусть будетъ завернута на палочкѣ и обшита въ клеенку по прежнему — ради того, что она принадлежитъ Высокой Особѣ, или будетъ принадлежать. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Зоріянъ Долуга Ходаковскій.

Москва,
11 Декабря 1822.

Милостивый Государь мой, Николай Михайловичъ!

Членъ Варшавскаго Общества Любителей Наукъ Долуга Ходаковскій, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, отправился въ Мартѣ мѣсяцѣ 1820 года, согласно съ предположеннымъ имъ планомъ, въ путешествіе по Россіи для изслѣдованія и описанія разныхъ предметовъ, относя-

щихся въ Исторіи Славянскихъ племенъ; въ то же время выдано ему для сего на первый годъ 3000 рублей серебромъ съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ оказываемыхъ имъ успѣховъ можно было судить, нужно ли ему продолжать сіе путешествіе, для котораго по предположенію его предназначается не менѣе трехъ лѣтъ.

Получивъ нынѣ подробное донесеніе г. Ходаковскаго по предмету сего путешествія его въ теченіи одного года, честь имѣю препроводить оное при семъ къ Вамъ вмѣстѣ съ принадлежащею къ нему картою и мнѣніемъ о томъ одного изъ членовъ Ученаго Комитета Главнаго Училищъ Правленія, покорнѣйше прося Васъ, принять на себя трудъ разсмотрѣть сіи бумаги и сообщить мнѣ Ваше мнѣніе, находите ли Вы успѣхи сего путешествія соразмѣрными требующимся на оное издержкамъ. Со совершеннымъ почтеніемъ и пр. Князь Александръ Голицынъ.

С.-Петербургъ,
14 Декабря 1822.
№ 3609.

Его Высокородію Н. М. Карамзину.

Jaśnie Wielmożny Mości Dobrodzieju!

List Odkryty Zarządzającego Ministerium Spraw Wewnętrznych JW. Hrabiego W. P. Koczubeja 25 Lipca 1820 roku pod № 1277, załączony tutaj w autentyku, poleci mnie Jaśnie Wielmożnemu WMć. Panu Dobrodziejowi i okaże przedsięwzięcie wsparte łaską i hojnością Cesarza Jego Mości. Należało odbyć wiele wędrówek po naszej północy, przysłuchać się wielu okolicom i obejrzeć wszędzie starożytne nasepy z ziemi, ażeby wyrzec, że cała przestrzeń Sławian ukazuje na powierzchni swojej jednakie okopy Gródkowe, pewną między niemi odległość i stałą nomenklaturę wokrąg onych na 4 (stare) wiorsty. Ten powszechny obraz i jeden porządek na ziemi naszej, różniący nas od obcych plemion, jest najdawniejszym pomnikiem naszych przodków i zasługiwać będzie na uwagę Dziejopisa i Jeografa. Po objechaniu zachodnio-północnej części Państwa i przejrzeniu wszystkich planów Granicznego Departamentu przy Rządzącym Senacie, gotuję się w następną podróż. Wszakże do wyjazdu chciałbym uprzednie rozpatrzyć wszystkie plany gubernii polskich i małorossyjskich i upewnić się, jak daleko też same horodki, horodyszcza, horodny itd. zaszły z lewej strony Dźwiny, przez co powinna odkryć się pierwiastkowa granica właściwej Litwy. Dla tego mogą być objaśnieniem mappy powiatów Brasławskiego, Swięciańskiego, Oszmiańskiego, Wileńskiego, Trockiego i Kowieńskiego. Upraszam łaski Jaśnie Wielm. WMć Pana Dobr., aby te karty za Jego rozkazem były mi udzielone, które przejrzawszy odeszlę napowrót w przeciągu jednego miesiąca, to jest w czasie, jakiego dozwala bieg teraz-

niejszy poczty z Wilna do Moskwy i na powrót, rachując w to i czas dla mojego przejrzenia tych kart. Jeśliby zachodziła jaka wątpliwość, tedy list odkryty niech pozostanie w Wilnie dla pewności powrotu rzeczonych mapp. Witebsk, Mohilew i Mińsk mają swoje mappy w jednym exemplarzu i nie wahali się pozwolić mi ich na czas krótki. Spodziewam się, że tęż samą uprzejmość otrzymam ze strony Pańskiej, podług przysłowia naszych ojców: dzielemy się i ostatnim kęsem chleba. Przy oddaniu na pocztę mapp, niechby zawinęli dobrze w papier i płótno dla zachowania w drodze. Z mojej strony użyję wszystkiego, aby w całości powróciły do Wilna. Z głębokiem uszanowaniem mam honor zostawać etc.

Zorijan Dołęga Chodakowski.

Moskwa,
21 Grudnia 1822.

(Имп. Публ. библ. Бумаги Ходаковскаго, № 2018. Погодинское древлехранилище.)

Милостивый Государь мой, Зоріанъ Яковлевичъ.

Письмо ваше на имя Г. Директора Департ. Нар. Просв. отъ 11 сего Декабря, въ коемъ Вы между прочимъ просите объ учиненіи нѣкоторыхъ дополненій въ Сравнительномъ Словарѣ вашемъ и о возвращеніи Вамъ для того же карты Городства Славянскаго, доведено было до свѣдѣнія Г. Министра духовныхъ дѣлъ и нар. просвѣщенія.

Вслѣдствіе того Его Сіят-ву угодно было приказать мнѣ, за болѣзнію Г. Директора, отвѣчать Вамъ, что помянутые Словарь и карта находятся въ разсмотрѣніи, и потому прислали бы Вы сюда изъясненіе ваше о найденныхъ Вами вновь ста городкахъ на особой бумагѣ, которое тогда отошлется въ то же мѣсто, гдѣ и Словарь и карта нынѣ разсматриваются.

Исполняя симъ волю Г. Министра, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть и пр.

Александръ Бируковъ.

С.-Петербургъ,
22 Декабря 1822.
№ 2738.

З. Я. Ходаковскому въ Москвѣ.

Милостивый Государь, Князь Александръ Николаевичъ!

Исполняя волю Вашего Сіят-ва, я просмотрѣлъ Донесеніе, Словарь и карту г. Ходаковскаго. Не имѣю нужды подробно излагать свое мнѣніе о сихъ плодахъ его путешествія, будучи весьма искренно согласенъ съ основательнымъ мнѣніемъ одного изъ Гг. Членовъ Ученаго Комитета,

которое Ваше Сіят-во изволили сообщить мнѣ. Возвращая сіи бумаги, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. Николай Карамзинъ.

С.-Петербургъ,
23 Декабря 1822.

Сіятельнѣйшій Князь, Александръ Николаевичъ!

Вслѣдствіе резолюціи отъ 22 числа минувшаго Декабря за № 2738, объявленной мнѣ Г-мъ А. С. Бируковымъ, честь имѣю препроводить при семъ Списокъ городкамъ, которые прибыли на 1-ю четверть Россіи послѣ отправленія оной при моемъ донесеніи 13 Іюля 1822 г., равно и тѣхъ, которые получилъ я отъ помѣщиковъ и старожиловъ, но не могъ внести на подробную карту государства безъ межевыхъ плановъ, по причинѣ, что Архивы во время праздниковъ были запечатаны. Устремляя глаза на Западъ — къ Вероѣ, за Государемъ Императоромъ, еще разъ пересмотрѣлъ карты мои всѣхъ областей, склоненныхъ къ той странѣ, и нашелъ незамѣченныя доселѣ прилагательныя названія Славянскимъ городкамъ. Все исчисляю вмѣстѣ: у меня же они внесены въ 4-хъ томахъ Сравнительнаго Словаря по порядку именъ.

Приближается рѣшительное время для меня, и какое-то внутреннее безпокойство овладѣло мною. Я ободряюсь единственно мыслью, что мои труды находятся подъ рукою, которая управляетъ согласно умомъ и совѣстью человѣческою, подъ рукою сильною и, осмѣливаюсь прибавить, братнею, т. е. неиноплеменною. Ваше Сіят-во! позвольте мнѣ объясниться съ Собою откровеннѣе. Человѣкъ, постоянно трудившійся нѣсколько лѣтъ для истины исторической, можетъ быть для славы своего племени и со временемъ въ пользу политическую вашей Имперіи (ибо кто угадаетъ будущее!), за сію мысль, неизвѣстную ни классикамъ, ни историкамъ, неужели не заслужилъ вашего довѣрія, благосклонности и непосредственнаго отъ Васъ наставленія? Наставленія, которое бы я свято исполнилъ. Россія не родила меня. Въ семъ второмъ для поляка отечествѣ могъ я по новости блуждать, и что дѣйствительно случилось. Я ввѣрилъ мои мысли одной вашей Знаменитой Особѣ, и послѣ сколько людей такало надъ моимъ планомъ дѣйствительно, или по формѣ. Искренно сознаюсь, что это случилось, хотя и противъ желанія моего: однакожъ на первый разъ былъ я благодаренъ за сію аппробацію теорическую, bona fide, ибо никто не зналъ еще на практикѣ. Будемъ говорить по человѣчески и скромно. Мнѣ кажется, что сей матеріи не слѣдовало являться болѣе въ многолюдномъ обществѣ, ибо сіе дѣло не сеймовое, отнюдь не элементарное и еще не оконченное, не можетъ подлежать всемірнымъ рецен-

зіямъ, по крайней мѣрѣ изъ предосторожности, чтобъ въ послѣдствіи не затруднили мнѣ входу въ значительную часть Славянъ Нѣмецкихъ. Свыше того, что мнѣ занимаетъ ужасная громада книгъ, бумагъ, плановъ и утомляетъ обширность земли, еще Богъ далъ мнѣ сонмъ протекторовъ, благодѣтелей, ничего не сдержавшихъ, которые по приличію, но безжалостное имѣли право ожидать моихъ донесеній, корреспонденціи, или упрекать меня за сіе упущеніе. Бога ради! какъ успѣвать одной головѣ, принадлежащей безчисленнымъ и неодноправнымъ господамъ! Я хотѣлъ одного имѣть Отца въ Особѣ Вашего Сіят-ва и каковымъ-то рокомъ подвергнулся отчиму Н. М. Карамзину, который ради своей Исторіи не желаетъ моихъ успѣховъ. Но это не сбудется! Онъ долженъ пережить свою мнимую славу, или вторичной принять трудъ и все передѣлать. Да не думаетъ мой отчимъ, что я лѣнтяй и безполезной. Я скоро докажу, что напрасно онъ лишаетъ старую Русь трехъ великихъ областей къ востоку, и что онъ худой археологъ! Сего Гаскона попрошу я на Гуляй-городокъ подъ Серпуховымъ, и съ неподвижнаго мѣста Славянъ пойдемъ обозрѣвать все достояніе, ибо его Исторія весьма слаба, воздушная по части географіи и ногами не достаетъ земли. Да пособимъ всѣ вмѣстѣ этому недостатку — честь Государства и наша того требуетъ!

Еще одно скучное обстоятельство тяготитъ подобно Шемякину суду на моемъ дѣлѣ: 13 Іюля, препровождая мое донесеніе къ Вашему Сіят-ву, вмѣстѣ писалъ я къ Его Прев. В. М. Попову, что прежній рапортъ мой изъ Новагорода есть плодъ неудачной, плодъ формы или лучше боязни, чтобъ не прослыть празднующимъ. Проѣхавши по одному Волхову до зимы, что̀ могъ я написать? Накопилось нѣсколько добраго, а болѣе всякой всячины. Въ послѣдствіи, обогатившись замѣчаніями пяти губерній и южными планами, я все исправилъ и внесъ во вторичное Донесеніе, которое по той причинѣ назвалъ я Первымъ Донесеніемъ, дѣйствительно за 1-ю четверть Россіи. По прошествіи пяти мѣсяцевъ, нынѣ опять я подѣлалъ и тутъ перемѣны, какія представлялись мнѣ необходимыми. Въ новыхъ предпріятіяхъ кто счастливъ у Бога, чтобъ постигалъ умомъ невидимое и закрытое вѣками? Неудачи и первоначальныя погрѣшности мы видимъ не только у ученыхъ, но и въ праведныхъ мужахъ. Положившись на почтеннѣйшаго Василія Михайловича, тогда я не писалъ подобнаго разсужденія. Мнѣ казалось довольно того, что я самъ не признаю совершенства въ Новгородскомъ шумномъ произведеніи и что могу оное уничтожить. Нынѣ чувствуя, что оно можетъ быть подхвачено или перетолковано ко вреду моему, вторично доношу, что сіе донесеніе Новгородское находится подъ херомъ, оно неважно и мною оставленное. Да не будетъ духа прозекуціи въ святилищѣ просвѣщенія

и истинной мудрости! Прибѣгая къ Вашему Сіят-ву съ такою исповѣдью наединѣ, я чувствую облегченіе въ моихъ смуткахъ и какой-то тягости душевной. Окончу прошеніемъ: дабы Ваше Сіят-во по врожденному Панскому Великодушію защитили и поддержали меня во всякомъ случаѣ, ибо со мною все можно сдѣлать, какъ съ сердцемъ, чуждымъ упрямства и исполненнымъ упованія на Вашу Знаменитую Особу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Зоріянъ Долуга Ходаковскій.

P. S. Закрѣпли руки въ холодной квартирѣ, и не успѣлъ я до отданія на почту окончить Списка городкамъ; съ будущею почтою доставлю оной, а можетъ быть и карту мою, еслибъ я увѣренъ былъ, что возвратится мнѣ, — безъ того нельзя продолжать работы.

Москва,
11 Января 1823.

Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь,
Князь Александръ Николаевичъ!

Въ прошедшую почту отправивъ къ Вамъ мои еремiады, внушенныя горестнымъ чувствованіемъ и надеждою на Ваше Сіят-во, сегодня представляю прибавленіе къ картѣ моей, которое сдѣлано въ отношеніи къ Подробной картѣ Россійской Имперіи, изданной 1804 года. Я симъ исполнилъ волю Вашего Сіят-ва. Однакожъ мнѣ кажется, что реестръ точекъ географическихъ не дѣлаетъ того понятія, каково можетъ быть, имѣя въ глазахъ тѣ же точки на картѣ, и потому я намѣренъ представить не только сію четверть, о которой судъ идетъ, но и прочія части Россіи, дабы по онымъ Ваше Сіят-во благоволили видѣть мои успѣхи и самой предметъ, которой, можно сказать, открывается съ подземли, изъ мрака усопшихъ вѣковъ. Сію карту, прежде Вашего повелѣнія на сіе доставленіе, я долженъ подклеить холстомъ, ибо отъ ежедневнаго употребленія обветшала. Весьма прискорбно мнѣ, что при всемъ усердіи съ моей стороны, не могу избѣжать разныхъ замедленій, отсрочекъ и даже отговорокъ холодомъ (какъ въ послѣднемъ письмѣ) и старостью карты въ настоящемъ времени. Это уподобляется студентскимъ отговоркамъ. Но Ваше Сіят-во будете снисходительны къ предмету, еще не оконченному, и ко мнѣ, какъ человѣку, которому судьба опредѣлила затрудняться препятствіями иногда важными и нерѣдко малозначущими, по видимому. Вашего Сіят-ва всепокорнѣйшій и обязанный слуга

Зоріянъ Долуга Ходаковскій.

Москва,
15 Января 1823.

Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь,
Князь Александръ Николаевичъ!

Чтобы виднѣе были мои успѣхи въ Россіи, и вообще оправдалось мое предположеніе, имѣю честь представить Вашему Сіят-ву всю Генеральную Карту Государства съ моею пунктировкою. При томъ же оговариваю оную, что не есть конечною и удовлетворительною, а временною (какъ то сказано и въ донесеніи 13 Іюля 1822 г.), между тѣмъ, пока не откроются послѣднія черты всему городству. Тогда, смотря на пространство онаго, съ отвѣтственнымъ масштабомъ сдѣлаю карту полную, покрытую надписями, которыя имѣются въ Сравнительномъ Словарѣ. Я надѣюсь, что нынѣшняя карта по времени возвратится ко мнѣ, ибо она въ чернѣ и необходима для продолженія моихъ замѣчаній.

Г. Карамзинъ, забывши собственноручной хіерографъ и пользу своей Исторіи отъ повѣрки оной во всѣхъ мѣстахъ Россіи, нынѣ хочетъ увеличить сомнительное само собою положеніе мое. Защищаясь отъ сей напасти, я вступилъ на Гуляй-городокъ при Окѣ, которой нѣкогда былъ способнымъ мѣстомъ для отраженія враговъ, поручая сіе объявить въ Сѣверномъ Архивѣ. Также утверждаюсь и на Тюнинѣ городищѣ противъ любви къ татарамъ г. Калайдовича, и за Карпатскими горами противъ легкихъ сужденій г. Кеппена. Всѣ они какъ будто сговорились въ одно время аттаковать мое городство, которое имъ не нравится или непонятно. Однакожъ сей случай внушилъ мнѣ одну мысль предосторожную. Отмѣчаю особо всѣ уцѣлѣвшіе городки, которые будутъ моею твердынею и показаніемъ для нападающихъ. Въ окрестностяхъ Москвы уцѣлѣвшій городокъ въ Дьяковѣ, ниже Коломенскаго села, можетъ рѣшить здѣшнюю недовѣрчивость. Но не говорятъ о ближайшемъ, а ищутъ въ отдаленностяхъ и впереди, гдѣ еще я не былъ. Прискорбно для педантовъ, что я, пріѣхавши изъ дальней страны, получаю обильную жатву, которой они прежде не замѣтили.

Всегда полагаюсь на великодушіе, справедливость и милостивую память Вашего Сіят-ва покорнѣйшій слуга

Зоріянъ Долуга Ходаковскій.

Москва,
30 Января 1823.

О путешествіи Ходаковскаго.

Членъ Варшавскаго Общества Любителей Наукъ Зоріанъ Долуга-Ходаковскій для наблюденія разныхъ предметовъ, относящихся къ Исторіи Славянскихъ племенъ, путешествовалъ пять лѣтъ, за исключеніемъ Россіи, по всему

пространству земель, обитаемыхъ Славянами, сначала на собственномъ иждивеніи своемъ, а послѣ съ пособіемъ Тайнаго Совѣтника Князя Чарторыскаго. Въ 1820 году, изъяснивъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ желаніе продолжать съ таковымъ же намѣреніемъ путешествіе свое по Россіи, представилъ онъ подробный планъ сему предпріятію своему и испрашивалъ для сего пособія отъ Правительства.

Статскій Совѣтникъ Карамзинъ, съ которымъ я по сему обстоятельству имѣлъ сношеніе, полагалъ, что Ходаковскій окажетъ немалую услугу любителямъ нашей исторіи, естьли осмотрѣвъ на мѣстѣ ея памятники, въ особенности городища, издастъ имъ вѣрное описаніе, вмѣстѣ съ Лексикономъ Славянскихъ урочищъ, съ собраніемъ народныхъ преданій, старинныхъ пѣсенъ, сказокъ, относящихся къ обычаямъ или къ миѳологіи Славянъ, къ ихъ понятіямъ о природѣ, къ ихъ свѣдѣніямъ въ астрономіи, въ ботаникѣ и проч., а также издастъ сочиненный имъ Географическій Словарь разныхъ земель Славянскихъ, что можетъ быть книгою любопытною и нужною для нѣкоторыхъ историческихъ соображеній.

Посему и согласно съ предположеніемъ о томъ Главнаго Училищъ Правленія Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше указать для предположеннаго Ходаковскимъ путешествія по Россіи, на первый годъ онаго изъ предназначенныхъ на сіе трехъ лѣтъ, выдать ему 3000 рублей серебромъ съ тѣмъ, чтобы онъ доносилъ Департаменту народнаго просвѣщенія по третямъ года объ успѣхахъ своего путешествія, а въ концѣ года доставилъ подробное обозрѣніе послѣдствій онаго, дабы въ томъ случаѣ, естьли послѣдствія сіи найдутся несоотвѣтствующими полученному пособію, можно было прекратить оное.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли, Ходаковскому, по сношеніямъ моимъ съ Министромъ Финансовъ и Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, выданы были впередъ означенныя 3000 рублей серебромъ, и притомъ снабженъ онъ былъ открытымъ предписаніемъ всѣмъ Градскимъ и Земскимъ полиціямъ, и препоручено Начальникамъ Губерній, дабы со стороны ихъ оказываемо было ему надлежащее покровительство и пособіе къ успѣшному достиженію общеполезной цѣли и вообще содѣйствовали бы ему въ семъ дѣлѣ всѣми средствами, кои признаются по мѣстнымъ обстоятельствамъ для того нужными и отъ нихъ зависящими.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1821 года Ходаковскій представилъ донесеніе о путешествіи его по Губерніямъ Санктпетербургской и Новгородской, а въ концѣ 1822 года подробное обозрѣніе онаго. Ученый Комитетъ Главнаго Училищъ Правленія, по разсмотрѣніи означеннаго донесенія Ходаковскаго и подробнаго обозрѣнія его, нашелъ, что въ оныхъ содержится Сравнительный Словарь городовъ и городковъ

съ принадлежащею къ оному картою и съ историческими и критическими примѣчаніями. Словарь сей довольно обширенъ. Въ немъ собраны имена большаго числа Славянскихъ городовъ, городковъ, городищъ, рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, острововъ, горъ и пр., съ показаніемъ происхожденія оныхъ по алфавитному порядку отъ коренныхъ словъ на Славянскомъ языкѣ и съ обозначеніемъ уѣзда, повѣта или мѣста на картѣ. Многія однако произведенія именъ слишкомъ принужденны и даже произвольны. Безъ сомнѣнія, произведеніе сего Словаря и принадлежащей къ оному карты стоило Ходаковскому много труда и изслѣдованій. Терпѣніе и постоянство его въ преслѣдованіи любимаго имъ предмета похвальны. Открытіе древнихъ городищъ и другія его разыскиванія удостовѣрили въ извѣстной истинѣ, что Славяне въ древнія времена жили, какъ потомки ихъ и нынѣ живутъ, на всемъ пространствѣ тѣхъ земель, о коихъ сіе изъ исторіи извѣстно; вездѣ показывается въ одноплеменномъ, одноязычномъ и по мнѣнію его единовѣрномъ (что однако обо всѣхъ Славянскихъ племенахъ сказать нельзя) народѣ то единообразіе, которое само собою разумѣется, и котораго слѣды уже другими авторами показаны, хотя не со столь излишнею подробностію, какъ сіе въ росписаніи племенъ Славянскихъ имъ учинено. А потому изслѣдованія Ходаковскаго хотя любопытны, но польза оныхъ весьма посредственна и отнюдь не такая, чтобы она могла вознаградить значительныя издержки, на продолженіе его путешествія въ теченіи оставшихся двухъ лѣтъ потребныя, ибо доселѣ отъ путешествія сего ни одинъ пунктъ нашей исторіи не получилъ новыхъ и достопримѣчательныхъ обогащеній, каковыхъ, при ограниченномъ предметѣ изслѣдованій Ходаковскаго, и впредь ожидать не можно. Карамзинъ, къ которому по собственному желанію Ходаковскаго доставлены были означенное обозрѣніе его и карта, вмѣстѣ съ вышеизъясненнымъ мнѣніемъ Ученаго Комитета, отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ нужды подробно излагать мнѣніе о сихъ плодахъ путешествія Ходаковскаго, будучи весьма искренно согласенъ съ основательнымъ мнѣніемъ Ученаго Комитета.

Посему Главное Правленіе Училищъ, будучи совершенно согласно съ мнѣніемъ Ученаго Комитета и исторіографа Карамзина, что отъ путешествія Ходаковскаго не можно ожидать полезныхъ для исторіи послѣдствій, въ вознагражденіе значительныхъ издержекъ на то потребныхъ, предоставило мнѣ донести все сіе до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ Высочайше повелѣть оное путешествіе прекратить.

Докладывана въ С.-Петербургѣ 24 Марта 1823 года. Гос. Имп. Высочайше соизволилъ утвердить мнѣніе Главнаго Училищъ Правленія.

Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь,
Князь Александръ Николаевичъ!

Ввѣривши мое предпріятіе и себя самаго въ Ваши почтеннѣйшія руки, я долженъ имѣть всегда одинаково упованіе и готовъ ожидать съ терпѣніемъ развязки о первыхъ успѣхахъ моихъ открытій въ Россіи. Но продолжительная неизвѣстность моя, касательно надежды и собственнаго мнѣнія Вашего Сіят-ва, лишила меня кредита у добрыхъ моихъ знакомцевъ, безпокоитъ хозяина моей квартиры; я, униженный передъ всѣми, долженъ сидѣть дома, отказываться отъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній по моему предмету и наконецъ претерпѣвать во всѣхъ родахъ нужду. Не зная, чѣмъ кончится мой опытъ въ Россіи, не могу навѣрно отозваться въ Польшу, словомъ, нахожусь въ затруднительномъ и, можно сказать, отчаянномъ положеніи. Нерѣдко въ черныхъ мысляхъ я завидовалъ покойной Констанціи Ивановнѣ, которая окончила гробомъ мой вояжъ, мнѣ можетъ быть доведется заключить нищетою. Но что въ безуміи я сказалъ? Сіе не можетъ статься. Великодушный Голицынъ по правиламъ своего ученія христіанскаго не оставитъ меня безъ ходатайства у Державнаго Государя и въ случаѣ, если бы Ему неугодно было одобрить моихъ идей Славянскихъ.

Послѣ сихъ волненій, отъ непріятнаго состоянія безъ денегъ цѣлой годъ, успокоюсь нѣсколько и скажу, что невовсе оставилъ я предметъ моихъ разысканій. Послѣ отправленія къ Вашему Сіят-ву 30 Января всѣхъ 4-хъ картъ Россіи, еще прибыло много замѣчаній въ разныхъ губерніяхъ, которыя внесъ я на подробную карту Государства. Пользуясь великими Атласами у нѣкоторыхъ здѣсь особъ, я разсматривалъ въ Европѣ всѣ края, нѣкогда занимаемые Славянами, и нашелъ съ удивленіемъ, что такъ называемые: грады, градиски и т. д. имѣются не только въ Ракусскомъ Герцогствѣ (Австріи), Стыріи, Карынтіи и Карніоліи до предѣловъ Тироля, также въ Иллиріи, но они сохранились въ названіяхъ усадьбъ въ бывшей Венеціанской Республикѣ, около Медіолана, словомъ во многихъ мѣстахъ Лонгобардіи. Тамъ можно видѣть Gradisca, Gradisguiula, Belgrado, Santogrado, Gradosello, Gradomeglio и множество Gard, особенно при озерѣ того названія. Безъ сомнѣія, что въ составѣ Сѣверныхъ народовъ, основавшихъ царство Лангобардовъ, находились и наши Славяне. Выше упомянутыхъ урочищъ вовсе нѣтъ въ прочей Италіи, также въ Тиролѣ, Баваріи или древнемъ Норикѣ, Франконіи, Ганноверѣ, далѣе Гамбурга къ Западу и въ Шлезвикѣ. Такимъ образомъ, имѣя черту на Закатѣ въ Европѣ, отчасти согласную съ прежними писателями, я желалъ нѣсколько развѣдать предварительно, гдѣ она откроется на Востокѣ, въ Азіи. Казанская Межевая контора недавно доставила сюда генеральное производство

нѣсколькихъ губерній. Разсматривая сіи планы, я нашелъ много городковъ и городищъ, уцѣлѣвшихъ въ своихъ насыпяхъ. Окружность оныхъ та же сама, какъ въ Россіи и Польшѣ я видѣлъ. Внутренность 5-ти городковъ таковыхъ отвѣтствуетъ одной внутренности крѣпости, которая видна при бывшемъ городѣ Болгарахъ, окруженномъ также земляною насыпью. Сіе можно сравнить на планѣ Спасскаго уѣзда въ Казанской губерніи. Ежемѣсячныя сочиненія Академіи Наукъ въ царств. Елисаветы Петровны показываютъ въ точности много таковыхъ городковъ въ Оренбургской губерніи и частью въ Пермской и Тобольской. Карта Сибири изображаетъ городищенскія слободы недалече отъ Енисейска и въ 50 верстахъ отъ Нерчинска, при рѣкѣ Шилкѣ и впаденіи Ононы. Еще я не увѣренъ, что такое было поводомъ къ названію городищами за Иртышемъ. Однакожъ зная, что Сѣверной Азіи потеряна исторія, и что нельзя даже ожидать письменныхъ свидѣтельствъ о той странѣ, я долженъ предварительно принимать въ уваженіе и самыя урочища. Послѣ черезъ справки или обозрѣніе личное объяснится вся цѣпь сихъ предвѣчныхъ памятниковъ. Ваше Сіят-во увидите изъ сего, что по предмету сему половина Азіи и Европы находится въ одной связи соображеній, что если благоугодно будетъ Е. В. Государю Императору участвовать именемъ и щедротою на семъ великомъ полѣ, то кажется для кратковременной нашей жизни не слѣдовало бъ болѣе замедлять времени, а приспѣшить какъ можно скорѣе охотнику всѣ средства для обозрѣнія столь огромнаго пространства. Ваше Сіят-во! простите смѣлому изрѣченію моему, я предлагаю сѣверную, собственную матерію на искушеніе, на опытъ силъ нашихъ, которыя донынѣ возрастали чужимъ руководствомъ, переводами и подражаніемъ. Пора сдѣлать собственный одинъ шагъ! Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

З. Долуга Ходаковскій.

Москва,
2 Апрѣля 1823.

Тверскаго
Гражданскаго Губернатора.
22 іюня 1825.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Отставный Польскихъ войскъ порутчикъ Долуга Ходаковскій прибылъ въ Россію въ 1818 г., по пачпорту г. Губернатора Галиціи и Ладомиріи Генерала Фонъ-Гадера, ко-

тораго пачпортъ и аттестатъ находятся въ Департаментѣ Министерства Просвѣщенія. А какъ по производившемуся въ Уголовной Палатѣ дѣлу необходимо нужно имѣть подлинный пачпортъ и аттестатъ Долуга Ходаковскаго, то я покорнѣйше прошу Ваше ВПрев. приказать оныя ко мнѣ доставить.

Резолюція: Г. Министръ приказалъ требуемые документы Долуги Ходаковскаго отослать къ г. Губернатору. 3 Іюля 1825.

Господину Тверскому Гражданскому Губернатору.

Въ слѣдствіе отношенія Вашего Прев. отъ 22 минувшаго Іюня, препровождаются при семъ разные документы Зоріана Доленга Ходаковскаго, хранившіеся при дѣлахъ Департамента нар. просв., по прилагаемому у сего реэстру.

Министръ Нар. Просв. Александръ Шишковъ.

СПБ.
13 Іюля 1825.
№ 1796.

Реэстръ документамъ, принадлежащимъ З. Д. Ходаковскому:

1. Пашпортъ, данный отъ Австрійскаго Правительства 30 Іюня 1818 г. за № 1591.
2. Открытый листъ отъ Виленскаго Университета 14 Декабря 1818 г. № 3850.
3. Подорожная отъ Луцка до Вильны отъ 23 Іюня 1817 г. № 2208.
4. Открытый листъ отъ Члена Эдукаціонной Комиссіи по губерніямъ Волынской, Подольской и Кіевской Графа Филиппа Платера 12 Іюня 1816 г. № 19426.
5. Отъ Президента Королевскаго Варшавскаго Общества любителей наукъ извѣщеніе объ избраніи въ члены-корреспонденты сего Общества 12 Марта 1819 г. № 3674.
6. По Сенату вольнаго города Кракова изъ отдѣленія Полиціи 18 Декабря 1817 г.
7. То жъ отъ 26 Октября 1817 г. № 3587.
8. Изъ Комиссіи Люблинскаго воеводства пашпортъ 3 Сент. 1817 г. за № 569.
9. То жъ 4 Сент. 1817 г. № 570.

XXII. Прошенія А. Ф. Кухарскаго и І. Б. Залѣскаго.

1.

Wysoka Kommissyo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego!

Podaje się na kandydata
do Języków i Literatury Słowiańskiej.

Uwiadomiony o zamiarze Kommissyi wysłania Kandydatów za granicę do Języków i Literatury Słowiańskiej, poważam się niniejszém podać do wspomnionego zawodu. Winienem tu atoli usprawiedliwić powody mojej śmiałości i razem zrobić krótką wzmiankę o biegu życia, nim w swoim czasie na żądanie Kommissyi swiadectwa tak moich nauk jako i obyczajów złożę.

Urodziłem się na Ukrainie w Gubernii Kijowskiej r. 1801. W młodości miałem zaraz sposobność poznać dyalekta Staro-Słowiański czyli cérkiewny, Małorossyjski i Rossyjski, w których w późniejszém życiu gruntowniej się udoskonaliłem. Odbyłem nauki w Gymnazium Humańskiém. W czasie wolnym od obowiązków szkolnych, równie jak przez rok po ukończeniu tychże, starałem się śledzić dawne i nowe pisma dyalektów Słowiańskich, a szczególniej w dumach, obyczajach i obrządkach ludu Małorossyjskiego wybadywać ducha starożytności, charakteru i języka. Te badania wznieciły we mnie niezbędną chęć ku dalszemu postępowaniu i ku obudzeniu uwagi ziomków moich na ten ważny i zaniedbany przedmiot.

Przybywszy w roku 1820 do Warszawy w celu poświęcenia się naukom Uniwersyteckim, uczęszczać zacząłem na kursa nauk pięknych i administracyi: lecz po dwóch latach przyciśniony byłem tak smutnemi okolicznościami domowemi, iż mimo usilnych starań utrzymania się w Warszawie, niepozostało mi jak udać się na Prowincyą i przyjąć obowiązki Nauczyciela domowego, w których dotąd w Obwodzie Gostyńskim zostaję. Niektóre z poezyi moich Słowiańskich drukowane były w pismach perjodycznych. Inne pisma, jakie w tym przedmiocie mam wypracowane, gdy to będzie wolą Kommissyi, przesłać nieomieszkam. Obowiązuję się również złożyć Examen z dotychczasowego usposobienia znajomości niektórych dyalektów Słowiańskich.

Oczekując łaskawej odpowiedzi, zostaję z uszanowaniem Wysokiej Kommissyi Najnizszym Sługą Józef Zaleski.

Warszawa,
Dnia 15 Sierpnia 1822 roku.

2.

Wysoka Kommissyio Rządowa Wyznań Religiynych i Oświecenia Publicznégo.

Miłość Oyczyzny i Nauk wpoili we mnie Nauczyciele moi, Twoim kierowani Duchem. Ledwie ożywiony tem uczuciem zosta-

łem, przedsięwziąłem stać się użytecznym Oyczyźnie przez Nauki, ileby mi tylko moie zdolności pozwalały. I gdy mi przyszło do obierania stanu, niewidziałem bardziey sprzyiaiącego Naukom nad stan nauczycielski: stan, mówią pospolicie, tak mozolny i przykry, iż chyba się ten do niego udaie, co dla swéy niezdatności niewidzi, żeby gdzie indziéy mieysce dla siebie znalazł. Lecz iakżeby się mylił ten, coby podług tey myśli o mnie sądził! Wyznać tu o sobie muszę, iż wciągu Edukacyi szkolnéy, corocznie w każdéy Klassie, nagrody celuiących obyczaiów i pilności odbierałem, zawsze atoli w raz powziętym trwałem zamiarze: a kiedy niedostatek Nauczycieli w Kraiu naszym czuć się dawał, idąc za Twoiem, Wysoka Kommissyio Rządowa, ogólnem wezwaniem, radą Nauczycieli moich i własnym popędem, podałem się do stanu nauczycielskiego i przy nayłaskawszéy Twoiéy i naywiększey pomocy poświęciłem się Literaturze starożytnéy w Uniwersytecie, Twoiém staraniem i pieczołowitością o dobro Kraiu założonym. Otrzymałem Stopień Magistra Nauk pięknych. — Już pełniłem obowiązki Nauczycielskie przez lat kilka — w Liceum Warszawskiém, tudzież w Szkole Woiew. Lubelskiéy i Płockiéy — ucząc obok języków i Literatury starożytnéy i Języka Polskiego.

Ten ostatni zwrócił na siebie szczególnieyszą moię uwagę. Czytanie rozważné dzieł, iakié się tylko o téy drogiéy puściźnie przodków naszych w Literaturze polskiey znayduią, było przedmiotem pierwszéy moiéy pracy około niego pod'iętey. Z pracy zaś téy zapewniło mi korzyść słuchanie poprzedniczo Grammatyki powszechnéy, w pierwszym roku pobytu mégo na Uniwersytecie przez W. Lindego wykładanéy.

Myślałem sobie, iżby nieźle było ułożyć krótką Grammatykę Polską dla użytku Pensyy i szkół Płci żeńskiey; i kiedym prawie ukończył dziełko, chęć co raz większégo udoskonalenia pierwiastkowéy pracy moiéy naprowadzała mię na co raz dalszé zgłębianie Skarbu mowy oyczystéy. Powyższé czytanie dzieł, mianowicie Słownika Lindego, tudzież Rozpraw P. Maiewskiego, wskazały mi właśnie, gdzie mamy szukać tego, co naywięcéy do wyiaśnienia Języka Polskiego posłużyć może; a dyialekt Rossyyski, którego się uczyłem ieszcze w Szkołach pod przewodnictwém P. Werbusza, teraz Literatury Rossyyskiey w Król. Warsz. Uniwersytecie Lektora, był pierwszy, z którym nasz język porównywać i przez to go wyiaśniać począłem, układaiąc ubudwu tych języków Naukę sposobem tabellarycznym: do czego w krótce przydawszy Naukę języka Czeskiégo podług Ks. Dobrowskiégo, obeznałem się z trzema nayznakomitszemi Dyialektami Słowiańszczyzny.

Nie tylko mi P. Maiewski porównywanie Dyialektów Słowiańskich z ięzykiem Sęskryckim zalecał, ale i ieden z Recenzentów Słownika P. Lindego. Zaglądałem przeto do Rozprawy o tym języku Maiewskiégo, ale czuiąc iey niedostatek życzyłem sobie więcey pomocy: gdy właśnie przybył z Paryża W. Adr. Krzyżanowski i nieoszacowanéy Grammatyki Sęskryckiey po angielsku przez Wilkinsa napisanéy, tudzież Manuskryptu swégo w ięzyku francuskim Grammatyki Sęskryckiey w charakterze Bengalskim, któréy u P. Chezy

w Paryżu słuchał, udzielić mi łaskawie raczył, zachęcaiąc do wytrwałości w przedsięwzięciu.

Kiedy mąż ten gorliwy o wszystko, cokolwiek może być z dobrem dla kraiu, wspieraiąc mię książkami i radą, z dzieł tych korzystać mi pozwolił, szczęśliwe okoliczności dały mi sposobność obeznania się nadto z Dyialektem Serbskim (w Luzacyi Wyższey) i Cerkiewnym, uważanym za zasadę mowy Słowiańskiey. Tu poznałem, iak ważną iest do wyiaśnienia i udoskonalenia Nauki Języka Polskiego Nauka Dyialektów Słowiańskich.

Lecz gdy te osobnéy pracy i poświęcenia się im zupełnego wymagaią, ośmielam się nayuniżeniey upraszać Wysokiey Kommissyi Rządowey, aby mię, poświęcaiącégo się Nauce ięzyków Słowiańskich i Sęskryckiégo, raczyła przyiąć za Kandydata, maiącego się wysłać na przyszły rok szkolny kosztem Rządu za granicę dla wydoskonalenia się w Literaturze Języków Słowiańskich.

Pewna część pracy moiey w tym zawodzie iuż została uczoney Publiczności udzielona przez Gazetę Literacką Warszawską przy Recenzyi Grammatyki Polskiéy Mrozińskiégo. Za zaś dowod usposobienia i początkowey pracy na tém obszernėm polu sławy polskiey, składam naypokorniey załączoné tu do Wysokiey Kommissyi Rządowéy pismo o ięzyku Sęskryckim i Dyialektach Słowiańskich.

Nie racz, Wysoka Kommissyio Rządowa, tego wszystkiégo, co kolwiek tu z chlubą dla siebie powiedziałem, przypisować zarozumiałości o sobie moiey. Zawsze byłem i iestem od niey daleki. — Nie za sobą tu chciałem mówić, lecz za dobrém Kraiu, dla którego ofiarę z siebie zrobić gotów iestem, o ile się to Wysokiey Kommissyi Rządowéy zdawać będzie. Wiém aż nadto, że iak Ty, Wysoka Kommissyio Rządowa, byłaś duchem tego, co dotąd zrobiłem, tak od Ciebie iedynie dopięcie zamiaru i cały skutek zawisł.

Niczem to wszystko iest, co za sobą powiedziałem, bez Twey silney opieki i Twych łaskawych względów, którym się przeto naypokorniey polecaiąc, zostaię Wysokiey Kommissyi Rządowéy nayniższy sługa

Andrzéy Franc. Kucharski,
Naucz. Szk. Woiew. Kieleckiey.

w Kielcach,
d. 29 Czerw. 1823.

[Оба въ Архивѣ Варшавск. Учебн. Окр.]

XXIII. Письмо А. Ф. Кухарскаго къ Ф. Л. Челаковскому *).

Kochany Przyiacielu!

Pieśni hrwackich, kraińskich i windyckich mam tu dosyć, naywięcey atoli windyckich i wandalskich. Hrwackie zbierać ieszcze będę z powrotem. Kraińskie małey są wartości. Hrwackie są po większey

*) Въ библіотекѣ Чешскаго Музея, въ бумагахъ Ф. Л. Челаковскаго.

części napitnice, z windyyskich mam wiele lepszych, niż w zbiorze Dainki. O wandalskich nikt dotąd niesłyszał, a mam ich dosyć: ale Ci ich teraz nie prześlę, chyba żebyś chciał nowy tom zbioru twego przyspieszyć, bo mi donosiłeś, żeś go na czas późnieyszy odłożył. A czy ia nic ze zbioru mego wydać niemam? Chyba że Ty napiszesz, że zbiory moie wydaiesz. Atoli zbiór pieśni łużyckich, którego Ci udzieliłem, niechay Ci z Bogiem posłuży i do Twoich prac grammatycznych około ięzyka łużyckiego. Ciekawy atoli iestem, iakiey się ortografii w Grammatyce trzymać będziesz. Doktor Anton powiedział, że katolicy maią liter za nadto, a ewangielicy za mało. Mnie się widzi, że opisawszy obie ortografije zaprowadź nową, albo raczey użyy czesko-słowiańskiey, mianowicie, że piszesz więcey dla Słowian uczonych, niż Łużyczan. Użyy ortografii, do iakiey wzdychaią Czesi, co więcey cokolwiek rozumieią niż N—ý. Tam, gdzie się Łużyczanie z Polakami zgadzaią, przyymiey litery polskie, ale wszystko pod analogią podciągniéy. Utworzyłem tu sobie dwie litery ∂ i ħ (t. i. *dz* i *ch*). Owa ∂ odpowiada literze c, a więc analogia taka c-∂, ç-∂̧, ć-∂́, (albo ∂). W druku tak wyglądać będzie ta ostatnia litera ze swemi dodatkami d, đ, đ̧, đ (albo đ), t. i. d, dz, dż, dź. Masz piękną porę zaprowadzenia iednostayney ortografii z nami i między Łużyczanami.

Łużyckich przysłowi zbiorek znayduie w Rkpisie w Bibliotece mieyskiey w Budyszynie (Bautzen). Hrwackie znayduią się w jedney książeczce przez Miklovšica wydanéy. Kraińskie są przy Grammatyce Metelki, a ilirskie przy Grammatyce Appedyniego. Ale te ostatnie są z polskich przerobione, iak mi tu wyznaie sam Autor.

Tragedyą Hekubę z greckiego przełożoną iuż mam, a o Elektrę i Jokastę staram się. Elektra iest drukowana. Bądź mi zdrów i kochay mię Andrzeia Kucharskiego.

W Dubrowniku.
D. 14. Sierp. 1829.

Ha оборотѣ:

Łużyczanie często zamiast polskiego ł, wymawiaią u, ale nie tworzą z niego osobney syllaby. Piszą zaś ewangielicy l, a katolicy w. I pierwsi i drudzy źle piszą. Pierwsi przynaymniey etymologicznie — ale drudzy iakim prawem w, kiedy brzmi iak u? Aha! dlatego, że nietworzy syllaby, że nie iest samogłoską. Tu więc pokazuie się potrzeba półsamogłoski, brzmiącey iak u, a nie tworzącey syllaby i tą literą półsamogłoską (semivocalis) iest v. Pokażę Ci to na czeskim ięzyku: piszecie pautnjk, ale niewymawiacie pa-u-tnjk, ani po-u-tnjk, ale pou-tnjk. Litera u nieczyni tu syllaby, a więc nie iest to samogłoska u, ale semivocalis, która się pisać powinna tak v.

Między u a v iest taka sama analogia, iak między i a j (które dotąd przez g wyrażane). Tę literę v zaprowadź do Twoiey Grammatyki Łużyckiey, iest ona koniecznie w tym ięzyku potrzebna Nietylko bowiem polskie ł, ale i polskie i czeskie w brzmi w wielu razach iak u consonans, t. i. v, lub ʋ. Mam tu w Rkpisie różne Rozprawy

Dra Antona o ortografii Łużyckiey, ale iakże ci ié prześlę. A wszakże one są drukowane w różnych Dziennikach Łużyckich w języku Niemieckim, za życia Antona wychodzących. Postaray się więc o nié.

Wielmożnemu J. Mości Panu Čelakowskému,
W.W.JMci Panu i Dobrodziejowi w Pradze.

XXIV. Письмо І. Юнгманна къ В. Вржесневскому *).

Kochany Panie!

List WP. dd-to 21 Stycznia t. r. otrzymałem przez familią hr. Michny niedługo przed tym zmarłego. Było mi nader przyiemnym odebrać uwiadomienie o zatrudnieniu i okolicznościach WP., żałowałem tylko, iż WP. nie zawsze zdrów był, a życzę, by teraz już choroby żadnéy niedoznał. W Paryżu zapewno miłe być musi bawienie dla męża, który się około nauk i sztuk zakrząta, a tym więcéy dla WP., kiedy Jemu towarzystwo rodaków mieszkanie w cudzéy stronie osładza.

Dziękuję WP. za łaskawe zapytanie się o zdrowie moie i rodziny moiéy, która się WP. kłania. Jesteśmy wszyscy zdrówi i częstokroć o Panu Wrześniowskim i Kucharskim gadamy. P. Kucharski od rozstania się z WP-m bawił w Luzacyi, we włości szczątków kiedyś mocnego i wielkiego narodu Serbów północnych; tam przeszło pół roku spędziwszy, obogacony księgami, śpiéwkami narodowemi i różnymi wiadomościmi o tym dialekcie do Pragi powrócił. Tu zatrzymawszy się blisko trzech miesiący do Wiednia poiechał, gdzież tam w Austryi dawny Kodex Psalmów polskich poznał, potém do Morawy się obrócił, całe Węgry północne obeyrzał, po górach Tatranskich w głodu a zimie się trudził, a teraz w Pesztu obok naszego doskonałego Kollara już od nowego roku bawi. Dałem P. Kucharskiemu wiadomość o W. Panowi w liście do Kollara napisaném **).

Syn mói szczerze ściska WP., będzie się zapewno kłaniał od WP. Kreibichóm, no niemógł dotąd stancyę Kreibichow znaleźć; X.

---

*) »Wrześniowski Wincenty Magister Filoz.«, извѣстный польскій математикъ (р. 1800 † 1862), расписался въ альбомѣ Ганки 13 іюля н. ст. 1826 г.

**) Въ этомъ письмѣ къ Коллару (отъ 26 февр. 1828 г.) Юнгманнъ говоритъ: »Panu profess. Kucharskému prosím oznámiti mé služby a přátelské pozdravení. Račte mu říci, že p. Wřesňowský psal mi z Paříže od 21 stycznia t. r. a tázal se, nevím-li ničeho o p. Kucharským, protož jsem jemu zprávu dal, jakou jsem věděl. P. Wřesňowský nyní oddal se geodesii a topografii. Kdyby mu chtěl psáti p. Kucharský, jest address jeho à Paris, rue de M thurins St. Jacques № 6.« Č. C. Mus., 1880, str. 198 – 199.

Halaszce iuż doniosłem ukłony WP., który bardzo kontent z tego był. Łączę wyraz szczerego uszanowania a zostaię oddanym przyiacielem Josef Jungmann Prof.

W Pradze,
3 Marca 1828.

Помѣта Вржесневскаго: „Odebrany d. 14. Marca 1828. Jest to odpowiedź na list pisany d. 21. Stycznia t. r."

Otoż i są napisane biografie pożądane:

Jos. Jungmann nar. dnia 16 Lipca l. 1773 w wsi Hudlice zwanéy, w nachodzącéy się tam szkole parafialnéy w pierwiastkach naukowych ćwiczonym został. Potém nauczyw się w mieście Berounie u X. Piarów niemieckiemu ięzyku, w Pradze humanitetne, filosoficzne, juridiczne szkoły odprawił. Leta 1799 mianowanym został grammatikalnym, a l. 1803 humanitetnym professorem w mieście Litomierzyce zwaném, a tu humanitetne nauky aż do l. 1815 dawał, w którym to roku do Pragi za prof. klassy humanitetnych na gimnazyum akademiczném był powołanym. W r. 1817 został obranym członkiem, a l. 1828 dekanem fakultaty filosoficznéy w Pradze, oraz l. 1827 członkiem korrespondentnym Towarzystwa Król. Warszawskiego Przyacioł Nauk, na którego zaszczytu przyięcie dotąd oczekiwa zezwolenie rządu. Dieła iego naukowe są, oprócz w rozmaitych pismach peryodycznych drukowanych rozpraw a poezyi: 1) Atala przekład z franc. Chateaubrianda, w Pradze 1805. 2) Miltona Raj utracony, w Pradze 1811. 3) Slowesnost t. j. zbiór wzorów poezyi i wymowy, oraz z teoryą stylu, w Pradze 1820. 4) Historie Literatury czeskiey z wyliczeniem dzieł naukowych, rękopismów i ksiąg czeskich od początku literatury aż do l. 1825. 5) Teraz się zatrudnia ułożeniem Słownika czeskiego Narodowego.

Рукой Ф. Л. Челаковскаго:

Aufgefordert vom H. Prof. Jungmann, kann ich Ihnen, schätzbarster Freund! blos einige unbedeutende Data aus meinem bisherigen Leben mittheilen.

Jch bin 1799 am 7 März zu Strakonitz (Strakonice) Prachiner Kreises geboren. Bis zu meinem 13 Jahre wurde ich im väterl. Hause in derselben Stadt erzogen, wo ich auch die Stadtschule besuchte. Meiner Aeltern einziges Bestreben ging dahin, mir, ihrem einzigen Sohne, die beste Erziehung zu geben, u. ihre Sorgfalt u. ihr Bestreben darin war so gross, als man kaum von Personen ihres Standes u. ihren beschränkten Umständen erwarten könnte. Die Gymnasial-Studien absolvirte ich dann bis zum 18 Jahre theils zu Budiegowice, theils zu Pisek; wo ich dann die philosophischen Studien in Prag fortsetzte. Unbekannt mit den Reitzen u. der Volkommenheit meiner Muttersprache versuchte ich mich schon in den ersten latein. Schulen in deutschen Gedichten, und erst seit dem 18 Jahre fing ich an die Sprache meines Vaterlandes zu würdigen.

Ausschliessend sind Dichtkunst u. Sprachkunde, vorzüglich slavische meine Lieblingsbeschäftigung. Nunmehr bin ich Erzieher zweyer böhm. Edelleute. Caetera tibi nota. Bisher herausgekommene Schriften von mir sind: a. Básnie (Gedichte) 1822. b. Slovanské národní písnie (Slavische Volkslieder) 3 Thle 1822—27. c. Litevské národní písnie (Litthauische Volksl.) 1827. d. Panna gezerní (W. Scotts Lady of the Lake). 1828. e. Ostatki iazyka Slavian Polabskich (Uiberreste der Polaben-Sprache). Ein Paar Uibersetzungen v. Herder u. Göthe u. a.

Vale et memor sis nostri.

Franz Ladisl. Čelakowský.

(Приписка Вржесневскаго: »Odpisałem d. 22 Grud. 1828 r.«)

Рукой В. В. Ганки:

Wacław Wacesławicz Hanka nar. w Horeniowsi w Hradecku 10 czerwca 1791. Do lat 16 wieku swego pomagał rodzicóm swym w polniem gospodarstwie, tak iż tylko zawsze przez zimą wieską szkolę nawiedziać mogł, bo od wiosny aż w późną iesień pasawał owce oycu swoiemu. Łacińskie szkoły absolwował po części priwatno doma, po części publiczno w Hradcu Królowey; filozofią w Pradze, i prawa w Pradze i we Wiedniu. Język oyczysty był mu zawsze nad wszystko ine, w którym iuż przed studyami wiersze pisać probował. Przez rozkwarterowanie Ulanow i późniey Piotrowaradińskich Kordonistow w domu oyca iego spósobił sobie powierzchowną znaiomość polskiego i serbskiego ięzyka, przez co się podpalowało pragnienie iego po pokrewnych czeszczyznie dyalektach, którą że więc koić nieprzestawał, aż na koniec znaydowaniem przewielebnego Dobrowskiego k wypełnieniu przyszła. Między naypilnieyszymi uczniami sławnego filologa tego utwierdział się w czeszczyznie, postępuiąc przy tem porównywaiącą methodą we wszystkich słowiańskich dyalektach; szczególnie przy owczesnych pochodach Rossiyanow a potém przez mieszkanie swoie we Wiedniu k zadunayskim Słowiankam ze wszystkiey możney okazyi korzystać usiłował. Dopiero późniey oswoił sobie córki łacinskiego zrzodła i skandynawskiego początku. Przez wydawanie swych, szczegolnie starożytnych pism przyiętym został od ces. Uniwersytetu Wileńskiego i Krakowskiego oraz i od król. Warsz. Tow. Prz. Nauk iednogłosnie za członka; oświecona zaś Akademia Rossiyska uczciła go naywiększą medallią i Nayiaśnieyszy Samowładca wszerossiyski Alexander ś. p. kosztownym brilliantowym pierscieniem.

Już przy powstawaniu Narodowego Muzeum czeskiego miał na pieczy dochodzące w niey piśma i książki, w którem to institucie dopiero bibliotekarzem umieszczonym został.

Dotąd drukowane książki:

1) Hankowy pjsnie w Praze 1815 i 1816, wtora edycya 1819 in 12°. 2) Srbska Musa w Pr. 1817 in 12°. 3) Prawopis Česky w Pr. 1817, wtora ed. 1821 in 12°. 4) Historie slowanskych Národuow w Pr. 1818 in 12°. 5) Starobylá Skládanié w Pr. 1817 i 1818.

T. 3 in 12°. 6) Tristram hrdinská básen XIII wieku w Pr. 1820 in 12°. 7) Tandarias, stolowánié krále Artuse etc. w Pr. 1822 in 12°. 8) Tkadleczek. Narzek nad milenkau, w Pr. 1824. T. 2 in 8°. 9) Rukopis Kralodworsky. Zbjrka lyricko-epickych národnjch zpiewuow w Pr. 1819 in 8°. 10) Gesnerowy Idylly w Pr. 1819 in 12°. 11) Igor Swatoslawicz, hrdinsky zpiew XII wieku starorusky, czesky a niem. w Pr. 1821 in 12°. 12) Wolného Weselé pjsnie w Hradci Kr. 1822 in 12'. 13) Dieginy Czeské, czesky a niem. w Pr. 1824 in 4°. 14) Mluwnice gazyka czeského w Pr. 1822 in 8°. 15) M. J. H. Dcerka, poznanié cesty pravé k spasenj w Pr. 1825 in 12'. 16) Czeské historické zpiewy, czesky a niem. w Pr. 1826 in 8°.

Pozdrawienie JPanu Wrześniewskiemu od tego iak w górze.

Приписка Ф. Л. Челаковскаго:

Wenn Sie mehr Nachrichten über böhm. Literatur wünschen, so verweise ich Sie auf das eben in London erschienene Werk: Specimen of the Bohemian Poets, by John Bowring. Dort finden Sie auch Biographien.

(Въ библ. Имп. Варшавск. Унив.)

XXV. Письмо М. К. Бобровскаго къ И. Даниловичу *).

Do Ign. Daniłowicza d. 16. Lutego 1833.

Opóźniłem się cokolwiek z odpowiedzią na życzliwe Twoje namierzenie z dwóch przyczyn: raz że rzecz z siebie ważna potrzebowała w namyśleniu się dłuższego czasu, drugi raz, że gryps ten i mnie dotknął, który i Was tam dotyka.

Uwielbiam projekt P. Sperańskiego względem ułożenia Słowiańskiego porównawczego z dyalektami Słownika, który jeśliby był dobrze uskuteczniony, zrobiłby epokę w słowiańskiej literaturze tak, jak dykcyonarz de la Crusca we Włoskiej, a we Francuzkiej Dykcyonarz Akademii Francuzkiej. Ale jak wiele jeszcze do tego potrzeba? Jak żądanie odemnie stanowczej determinacyi, tak polecenie znamienitej z wysokiego urzędu i Triboniańskich zasług osobie przyjąłem za dowód przyjacielskiej dla mnie życzliwości i pewniebym się zgodził,

---

*) Черновикъ въ бумагахъ М. К. Бобровскаго, въ рукописномъ отдѣленіи библ. И. Акад. Наукъ.

gdybym uczuł się być zdolnym odpowiedzieć pracy tak trudnej i do tego jeszcze niewczesnej, jaką jest ułożenie słownika słowiańskiego w porównaniu z bratniemi dawnej słowiańskiej mowie dyalektami. Że jest pracą trudną, to nie potrzebuje dowodu, ale że niewczesną, z tego się wytłumaczę. Do ułożenia słownika słowiańskiego porównawczego potrzebne są szczegółowe i grammatyki i słowniki dobre tak mowy dawnej słowiańskiej, jak wszystkich jej dyalektów. Czego jeszcze do tej pory nie zrobiono. Jest wprawdzie dobra grammatyka Dobrowskiego dawnej mowy słowiańskiej, ale niema słownika dobrego, nad którym trzeba jeszcze niemało czasu pracować i trzeba takiej głowy krytycznej, jaką miał Dobrowski, a który wszakże słownik powinien być podstawą namierzonego dzieła.

Jedni Czesi mają obie te filologiczne gałęzie już sprostowane i uprawione. Polskiemu językowi nie zbywa na słownikach, ale brak gruntownej grammatyki, kiedy dotąd na pisownią się nie zgodzono. Nad Rossyjską filologią i Serbską niedawno zaczęto krytycznie pracować. O Dalmatach, Słowakach, Łużatach i Połabach nie mam co wspominać. To prawie największą jest niedostatecznością Słownika Lindego, że nie miał dobrych słowników każdego z osobna dyalektu i sam nie umiał często rozróżnić, co jest z dalmackiego, a co z łużackiego, co z rossyjskiego, a co z dawnego słowiańskiego. Na dyalekt dalmacki używał on słownika Stully, w którym pomieszano wszystkie dyalekta słowiańskie. Co do znajomości grammatyki tychże dyalektów zamilczę. Możeby i w polskiej mowie dostrzeżono więcej uchybień, gdyby Dmochowski, Wolski i inni nie poprawili. Samo więc przygotowanie do tak ważnego dzieła, stanowiącego epokę w słowiańskiej Literaturze, niemało jeszcze potrzebuje czasu, a może i wieku całego; potrzebuje poświęcenia się wielu osób tak dalece, aby w każdym kraju, gdzie panuje osobny dyalekt słowiański, kilku pracowało nad ułożeniem słownika i grammatyki tegoż dyalektu. Obok tego po co uczone to towarzystwo w Pradze stanowić? Czemu raczej nie w Petersburgu lub w Moskwie? Czy dla tego, aby sławę i pożytki z prac słowiańskich Niemcy zagarnęli? Domyślam się, kto miejsce to wskazał za najdogodniejsze. Oto aby Kopitar zbiory filologiczne po Dobrowskim, a Jungmann słownik swój we 30 foliałach dobrze nam przedali. Dosyć na tem. [Uwielbiam projekt do takiego dzieła, ale proszę mię nie podawać za współpracującego]. Przestaję na mojem teraźniejszem stanowisku. Chociaż mi ujęto pensyi, chociaż złośliwe o mnie dano zdanie przed rządem z powodu katechizmu, który jako autor chciałem wydać, z upodobaniem pracować będę nad nauką pisma S. w przyszłey Akademii duchownej, a jeżeli i z tego stanowiska podoba się mię usunąć, przeniosę się do zacisza Szereszowskiego i przy usłudze parafialney może cokolwiek pożytecznego wypracuję w słowiańskiej filologii. Tymczasem jeżeli wolniejszą upatrzę chwilę, może coś napiszę do Tygodnika petersburgskiego o niedostateczności słowników słowiańskich dla dogodzenia żądaniom zacnego Franciszka. Bądź zdrów. Tobie zawsze najżyczliwszy Bobrowski.

XXVI. Изъ переписки И. Б. Раковецкаго *).

1.

Do W. Hanki. Z Warszawy d. 26 Maja 1825 r.

Oddaliwszy się z Warszawy na prowincyą, pozbawiony zostałem przyiemney dla mnie sposobności pisywania do WWPDobr. Teraz w upatrzonym czasie mam zaszczyt uczynić ninieyszą odezwę i przesyłaiąc wyraz naywyższego szacunku donieść mu, iż okoliczności zmusiły mnie przerwać pracę Literacką, przeto nie mogąc WWPanu Dobr. udzielić swoiey przesyłam cudzą. — Jest to rozprawa wielce interessuiąca wszystkie pokolenia Słowian, jako o ich pierwszym początku traktuiąca. Umieszczona taż sama rozprawa w Roczniku T. K. W. P. N. iest krótsza, ta zaś, którą przesyłam, znacznie obszernieysza. Autor ma zamiar jeszcze wydać iey drugą Edycyę z wielu odmianami i dodatkami, które w części tu są załączone. Znana powszechnie Gorliwość WWPDobr. w rozszerzaniu wiadomości, Naród Słowiański obchodzących, ośmiela mnie prosić Go o udzielenie swych światłych uwag nad tąż rozprawą i mającemi się w drugiéy iey Edycyi poczynić dodatkami, z których to uwag mógłby autor użytecznie korzystać i winną dla WWPDobr. wdzięcznością przejętym by został. Czuie on należyty dla osoby Jego szacunek, o którym zapewnić Go przy tey odezwie mi polecił. — Pozostaie mi jeszcze prosić WWPD., abyś nanowo do mnie pisywać i różnych wiadomości, tyczących Literatury Słowiańskiey, łaskawie udzielać mi raczył. Ja, lubo teraz z powodu mych okoliczności literackiemi pracami zaymywać się nie jestem w stanie, zbieram wszelako ile mi czas dozwala różne materyały do wydania obszerney Historyi Języka Słowiańskiego i powstałych z niego dyalektów. Powiadano mi, iż w Wiedeńskich Rocznikach Literatury ma bydź umieszczona obszerna Recenzya nad dziełem moim Prawdy Ruskiey. Recenzyi tey dotąd jeszcze nie czytałem. Z powieści jednak tych, którzy ią czytali, uważam, iż z jednych Recenzenta uwag korzystać, na inne łatwo odpowiedzieć byłbym w stanie. Pierwszego nie zaniedbam, drugiego może mi nie dozwoli czas i moia zbyt wielka oziembłość do występywania na plac szermierstwa Literackiego. WWJungmanom racz WWPDobr. oświadczyć moje naygłębsze uszanowanie, z którym równie jak dla niego nazawsze pozostaię. Jestem etc.

P. S. Gdy WWPDobr. dozwoli czas pisać do mnie, tedy proszę adressować do Warszawy na Ręce JWLinde.

*) Сообщаемыя здѣсь письма Раковецкаго сохранились въ черновыхъ наброскахъ у сына его, г. Ярослава Раковецкаго, члена Земскаго Кредитнаго Общества въ Сѣдлецѣ, и любезно предоставлены были имъ въ наше распоряженіе уже послѣ отпечатанія первыхъ листовъ приложеній.

2.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Bardzo dziękuię Panu za łaskawą pamięć o mnie i za przysłanie 2-ch prospektów dwóch nowych prac swoich, które z zadowoleniem przeczytałem i życzę szczęśliwie i pożytecznie uskutecznić.

List Pański do JW. Ministra Szyszkowa oddałem mu osobiście. Pochwalił gorliwość WWMPana Dobr. i obiecał uczynić Panu, co od niego zależeć będzie. Miał nawet pewną liczbę Exemplarzy Prawdy Ruskiey, przez WMPana wydaney po polsku, wziąć dla Bibliotek szkolnych tuteyszych. Zapewne to dzieło więcey Rossyan jak Polaków interessuie, i należało by wydać one w ięzyku Rossyiskim, gdyż ieszcze do tego nie przyszło, aby te dwa pobratymcze narody dobrze się mogli zrozumić wzaiemnie, w właściwym każdemu ięzyku piszących, a nawet i mówiących.

Polecam się łaskawey pamięci i przyiaźni Pańskiey, mam zaszczyt bydź z prawdziwém i stałém uszanowaniem WWMPana Dobr. nayniższy sługa B. Anastasewicz*).

Stpb. 1828 $\frac{25 \text{ Stycznia.}}{5 \text{ Lutego.}}$

3.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Proszę przyiąć wyrazy prawdziwey moiey wdzięczności za udzielenie mi kopii mowy Cara Iwana Wasylow. do posłów polskich, równie jak i za przyiacielską pamięć o mnie. List WWMP. Dobr. do JW. byłego Ministra Szyszkowa odesłałem natychmiast do Rewla, gdzie ten szanowny mąż bawi teraz z swoią familią i wkrótce tu jest spodziewanym. Nie omieszkam, za powrotem iego do Stolicy, ieszcze przypomnić mu o Panu. Życzyłbym mieć ieszcze podobne kopiie, tyczące się Rossyisko-polskiey Historyi, które nie są ieszcze drukiem ogłoszone, zwłaszcza czy nie można byłoby w kraju znaleść listów X-cia Kurbskiego do Cara Iwana Wasylowicza, które chociaż tu są w rękopiśmie ruskim, muszą bydź gdziekolwiek i popolsku tłumaczone. O okolicznościach życia tego Xięcia w Polszcze my tu

*) В. Г. Анастасевичъ род. въ Кіевѣ въ 1775 г., ум. въ 1845 г. Въ началѣ царствованія Александра I занимался дѣлами по преобразованію Виленской Академіи и тѣмъ сталъ извѣстенъ кн. Чарторыскому, управлявшему Виленскимъ учебнымъ округомъ. Онъ находился при немъ до 1810 г. Впослѣдствіи онъ состоялъ при гр. Н. П. Румянцовѣ и въ Комиссіи составленія законовъ, гдѣ предсѣдательствовалъ баронъ Г. А. Розенкампфъ; въ 1830 г. вышелъ въ отставку. Издавалъ періодич. сборникъ „Улей“ (4 кн., 1811—1812), наполненный преимущественно его трудами, занимался библіографіею, составилъ росписи книгъ Плавильщикова (ч. I, 1820 и ч. II, 1821), Смирдина и 5-ю часть „Опыта Россійской библіографіи“ В. С. Сопикова. Напечаталъ вторымъ изд. книгу бар. Розенкампфа „Обозрѣніе Кормчей книги“ (СПБ. 1839). См. Р. Арх., 1889, кн. V, стр. 21.

wcale prawie nic nie wiemy, oprócz tego, co się z listów iego do Cara wiedzić daie. Niezmiernie byłbym Panu za to obowiązanym, prosząc go zachować mnie w twey przyiacielskiéy pamięci, któréy się polecam i mam zaszczyt bydź z rzetelnem uszanowaniem WWMPana Dobrodzieia nayniższy sługa B. Anastasewicz.

Spb. $\frac{11}{23}$ Lipca 1828.

À Monsieur Monsieur Rakowiecki etc. à Varsovie.

4.

Do W. Dankowskiego.

Wyczytuiąc w pismach publicznych, że WWPD. u P. Schaibe Księgarza w Wiedniu wydaiesz Swe dzieło*), jako pracuiący w podobnym zawodzie, poczytuię sobie za obowiązek zgłosić się do niego.

Po wydaniu przezemnie Prawdy Russkiey, które to dzieło może WWPD. iest znanem, nie ustawałem w dalszych pracach tego rodzaiu, jako też w przedmiotach moralnych. Napisanych przezemnie dzieł nie mogąc wydać odrazu, przedsiewziąłem tylko samą treść onych drukiem przez pisma rozmaite ogłaszać. — Wydanych dwie części takowych pism mam zaszczyt WWPD. Exp. 50 udzielić z prośbą, abyś takowe łaskawie raczył przyiąć i rozdać pomiędzy zacnych swych ziomków, a mianowiciey PP. Hance, Jungmanowi, Szafarzykowi, Kolarzowi i innym, którzy dobre o moich pracach wspomnienia uczyniwszy, maią mnie za nieżyiącego. — Vivo equidem . . . — Pomienione 50. Exemplarzy przez okazyą posyłam do Krakowa na ręce Księgarza Friedlein w Krakowie, prosząc go, aby takowe dostawił do Wiednia na ręce Księgarza Pana Szaibe, od którego za opłatą transportu, ieżeli tey wymagać będzie, WPDobrodziey odebrać raczysz. — Proszę przyiąć tę małą ofiarę na znak głębokiego uszanowania Jego Osoby i iego Ziomków Szanownych współpracowników. Jestem etc.

PS. Życzyłbym sobie, aby część druga przesłanych pism moich, jako wedle mego mniemania wszystkie stany interessować mogąca, na język Czeski i Niemiecki wytłómaczoną i drukiem wydaną bydź mogła. — Co przy staranności WWPD. i innych gorliwych o dobro powszechne iego ziomków, ieżeli pismo to uzna ą bydź użyteczném, łatwo nastąpić może. [Rakowiecki.]

Warsz. $\frac{9}{12}$ 1835.

Adres.

WJP. Grzegorzowi Dankowskiemu, Literatury Greckiey w Akademii Preszburgskiey Profesorovi — na ręce P. Ignacego Adolfa Szaibe, Księgarza w Wiedniu, który proszonym iest, aby ten list wedle adressu do rąk P. Dankowskiego dostawić raczył.

(Черновикъ).

---

*) Matris Slavicae filia erudita vulgo lingua graeca seu Grammatica cunctarum slavicarum et graecarum dialectorum etc. Auctore Gregorio Dankowsky. Posonii 1836, sumptibus Ign. Ad. Schaiba.

5.

Do JW. Borozdyna*).

Raczy JWP. łaskawie przebaczyć, iż dotąd nie dopełniłem moiey powinności i żadnego nie uczyniłem zgłoszenia się. Szczególnieyszą tego przyczyną iest niewiadomość moja pobytu Pańskiego. Ukończony Tom I przedsiewziętego dzieła, do którego JWP. naymocnieysze zachęcenie we mnie wzbudziłeś, mam honor przesłać jako hołd naygłębszego uszanowania. Racz JWP. przyiąć go z taką łaskawością, z jakiem uczuciem wdzięczności za doświadczaną Jego dobroć i względy miło mi jest złożyć tę należną offierę. Tom II skoro tylko wyidzie z druku odesłać nie omieszkam. Polecając mnie nazawsze łaskawym względom i pamięci, mam honor wyrazić, iż zostaię nazawsze z naygłębszem uszanowaniem i jestem JWPDobr. nayniższy Sługa. [Rakowiecki.]

6.

Do JW. Siestrzęcewicza.

Przedsiebiorąc wydanie w języku Polskim Prawdy Ruskiey, nie mogłem nigdy spodziewać się takiey zalety, jaką nad wszelkie pochlebnie sobie czynione nadzieje pozyskałem wyrzeczonem przez JWPana o moiey pracy zdaniem. Ukończony Tom I tego dzieła mam honor złożyć w offierze, niosąc prósbę, aby JWPan jako hołd winney wdzięczności i uszanowania przyiąć go raczył. Ufny iestem, iż dostrzeżone w nim niedoskonałości przebaczone będą, a sama tylko szczera chęć poświęcenia się temu przedmiotowi łaskawe znaydzie względy, którym polecając się nazawsze iestem etc. [Rakowiecki.]

) Бороздинъ Конст. Матв. (1781, † 1848) — археологъ и историкъ, съ 1816 г. состоялъ на службѣ въ Польшѣ (при Н. И. Новосильцовѣ), потомъ былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа (1826—1832).

УКАЗАТЕЛЬ.

Аделунгъ 71, 119, 124, 125, 165, 378, 394, XV.
Айгнеръ П. 185.
Аккерманъ 258.
Александровскій И. 344.
Александръ I, имп. 13—28, 34, 47, 58, 72, 73, 77, 116, 118, 171, 176, 198, 219—220, 222, 250, 252, 253, 254, 305, 330, 336, 354, 355, 360, 362, 369, 370, VI, VII, XVII, XXI, XXIII, XL, CXXIII, CXXIV, CXXVII, CXXVIII, CXXIX, CXXXVIII, CXL, CXLI, CXLV, CXLVI, CXLVIII, CLI, CLV, CLVIII, CLXVI, CLXX.
Александръ Николаевичъ, в. кн. 37.
Альбертранди, еп. 7, 8, 9, 74, 131, 274, 400, XII—XIV, XVIII—XIX, LV—LIX.
Альмаши 442, 443.
Альтеръ Ф. К. 266, XCIX.
Анастасевичъ В. 33, 60, 62, 71, 79, 126, 127, 220, 226, 230, 233, 351, 352, 382, 394, XXV, CLXX—CLXXI.
Антонъ К. Г. 171, 172, 424, 425, 426, CLXIII.
Аппендини Ф. М. 267, 276, 278, 280, 282, 288, 289, 308, 309, 383, 394, 400, 469, 471, X, XI, XLIX, LXI, LXVII, LXXXIX, XC—XCII, XCIII, XCIV, XCVI, CLXIII.
Артемовскій-Гулакъ П. П. 36, 355.
Ассемани 290, 294, 297, 298, L, LII, XCIX.

Базелли 94.
Бакмейстеръ 141.
Бандтке Г. С. 10, 39, 40, 84, 108, 113, 114, 121, 122, 125, 128, 137—164, 184, 185, 209, 242, 246, 247, 249, 261, 264, 285, 319, 333, 334, 335, 344, 350, 366, 388, 389, 392, 393, 394, 400, 402, 403, 404, 407, 434, 435, VI, VII, VIII, XXIV, XXVI, XXVII—XXXI, XXXV, XXXVI—XXXVIII.
Бандтке Янъ В. 266.
Баратынскій 36.
Басичъ 309, XC.
Батюшковъ К. Н. 41, 386.
Бахъ LXXXIV.
Бекъ Хр. Д., проф. 103.
Бенедикти, проф. 442.
Бентковскій Ф. 127, 148, 151, 153, 164, 190, 193, 194, 217, 249, 382, 388, IV, VI, XX, XXVIII, XXXV.
Березинъ XXVII.
Беркманнъ, проф. LXXVII.
Бернолакъ 120.
Бестужевъ А. 386.
Беттера В. 283—284, LVI, XCII.
Беттигеръ, проф. 420.
Бируковъ А. CL, CLI.
Благославъ 159.
Блюмбергеръ Фр. 158, 159.
Бобровскій М. К. 98, 100, 249, 257—332, 376, 419, XXI, XXII, XXXI, XLVII—CXI, CLXVII—CLXVIII.
Богаткевичъ LXXXIV.
Бодянскій О. М. 202, 216, 298, 472, 483, 484, 488.
Болтинъ 230.
Бона П., маркизъ 311.
Боппъ 431.

Борелли, гр. 86.
Борнъ 94.
Боровичъ Ф. 292.
Бороздинъ К. М. 242, CLXXII.
Боурингъ CLXVII.
Браунъ 245.
Брейткопфъ 119.
Бродзинскій К. 22, 330, 373, 374, 386, 388, 391, 404—406.
Бронишъ 426.
Броскій 432.
Брюеръ де 88, 91, 92.
Брюеръ (Брюеровичъ) М. 92, 96, 295, XLIX.
Бугарделли И. 469.
Будревичъ LXXIX.
Будровичъ Н. Д. 289, 308, XCIII.
Булгаринъ Ѳ. 246, 385—386.
Буссе XXIV, XXV, XXXIV.
Бутовичъ CXLIV.
Бюнау 424.
Бюръ де, книгопрод. XCVI.
Бѣлевскій Авг. 102, 121.

Ваврженкій 25.
Ванекъ 417.
Вахленъ, проф. 403.
Вашкевичъ, проф. LXXVII.
Вейгель, книгопр. XI.
Вейсенгофъ 104.
Вейсъ, пасторъ 103.
Вельяминовъ-Зерновъ 229.
Венелинъ Ю. 42, 403.
Вербушъ 40, 392, 396, CLXI.
Веселовскій Хр. 186, 347.
Ветстеніусъ XLIX.
Вильке В. 427.
Вилькинсъ 396, CLXI.
Вильсонъ 182.
Винаржицкій К. А. 414, 455.
Витвицкій Ст. 41.
Водзицкій Ст., гр. XXVIII.
Водникъ В. 108, 269, 457, XV—XVI.
Волантичъ 308, 309.
Вольтиджи 107.
Волынскій VIII.
Вороничъ Я. П. 21, 22, 26, 28—31, 148, 151, 152, 186, 194, 195, 333, 370, 388, 407, VII, XXIII.
Воронцовъ, гр. LXXIX.
Востоковъ А. Хр. 42, 155, 164, 257, 306, 323, 324, 325, 380, 477, XXXII.
Вразъ Ст. 299.
Вржесневскій, профессоръ CLXIV—CLXVII.
Вронченко 40.
Вышковскій 186.
Вѣрниковскій LXXIX.
Вяземскій П. А., кн. 35—36.

Габель, кан. 440.
Габлицъ К. 64.
Гадеръ фонъ CLVIII.
Гай Л. 299, 310, 466.
Гайдатель LXXIX.
Гайзлеръ, д-ръ 367.
Гайль LXIII.
Галашка, проф. 156.
Галлеръ 146.
Гаммеръ, проф. 259, 260, LIII.
Ганка В. 102, 138, 152, 153, 154, 156, 159—163, 182, 218, 219, 223, 224, 235, 238, 241, 242, 257, 260, 264—266, 267, 286, 331, 382, 384, 393, 395, 400, 405—406, 407, 409, 410, 412, 417, 418, 419, 433, 435, 436, 438, 442, 447, 448, 450—452, 460, 463, 464, 469, 472, 473, 475, 481, 482, 483, 484, 485, 487, 488, 489, IX, XXXII, XLIV—XLV, LII, CLXVI—CLXVII, CLXIX, CLXXI.
Гараньинъ И. 300.
Гараньинъ Л. LXXXIX.
Гауптманнъ М. 430.
Гверацци LVI, LXII, XCVII.
Гебгарди 207.
Гедике Фр. 114.
Гезеніусъ 312, LXVI.
Гейденрейхъ, проф. 103.
Гейманнъ, банк. 142, CVI.
Гейне, проф. 121.
Гейнзіусъ 125.
Гельцель С. 137, 138, 162.
Геннигъ 53, 425.
Геннигъ, дир. архива 125, 128.
Герберскій, проф. LXXIV, LXXVII.
Гербицъ 107.
Гербуртъ, проф. LXXVII.
Гердеръ 208, 209, 415.
Гесснеръ 434.
Гильфердингъ А. 486.

Гильфордъ, лордъ 309, XC.
Гинденбургъ, проф. 103.
Гинтылло, кс. CVIII.
Глинка С. 180, 352, CXVII.
Гловацкій С. 476.
Глюксбергъ, книгопр. LXXIX.
Гмелинъ 59.
Гобделасъ Д. IX.
Гозиничъ (Galzigna) 86, 467, 468, LXXXVIII.
Голлый Янъ 439–440.
Голицынъ А. Н., кн. 322, 326, 344, 345, 351, 354, 355, 356, 357, 360–364, CXVI—CLVII.
Головацкій І. Ф. 445.
Головкинъ, гр. 56, 165.
Голэмбіовскій Л. 245, 333, 352, 359, LVIII, LXII, LXX, XCVII.
Голянскій, кс. 14.
Гомбергъ 260.
Гормайръ 159, 172, 434, XXVIII.
Горхладъ, проф. LXXIX.
Горчанскій 424.
Грабовскій А. 156, 162, XX—XXI.
Грабовскій, мин-ръ XXIV.
Греберъ де Хемсе 172.
Грегоріусъ І. Фр. 321.
Гречъ Н. 382, 383, 384—386, IX, XI.
Григоровичъ В. И. 486.
Гризогоно П. 283.
Гриммъ Як. 144, 147, XXXIII.
Гриссбахъ І. 263, XLVIII, XLIX.
Гроддекъ Г. Э. 275, CX–CXI.
Громадко 109, 149, 161.
Губе Р. 218, 465.
Гугъ 312, LXVI.
Гумбольдтъ А. 173.
Гумбольдтъ В. 431.
Гундуличъ И. 99, 307—311, 315, 470.

Давидовичъ Д. 462.
Даниловичъ И. 229, 262, 267, 301, 323, 326, 331, 477, LXXIX, LXXXI, LXXXIII, LXXXIV, LXXXV, LXXXVI, LXXXVII, CLXVII—CLXVIII.
Даніели, д-ръ 86.
Данковскій Г. 240, 241, 242, CLXXI.
Данько 455, 456.
Дате, проф. 103.
Дашкевичъ К. LXXIX.
Дейріардъ П. 60.
Делиль де Салль 243.
Дерезеръ 312, LXVI.
Державинъ Г. Р. 41, 292.
Дзержковскій 151.
Динаричъ 4, 300.
Дмитріевъ 41.
Дмоховскій Фр. 104, XIV.
Добнеръ 51, VIII, LXXVII.
Добровольскій А. 277, 278, 286, 289, 292, LVIII, LXIII, LXIX–LXXVI.
Добровскій І. 39, 40, 60, 73, 74, 84, 99, 102, 107, 119, 120—121, 122, 123, 125, 127, 128, 129, 130, 132, 138—160, 162, 163, 164, 165, 173, 185, 209, 213, 223, 231, 232—236, 246, 247, 258, 260–267, 268, 271, 273, 274, 276, 278, 282, 295, 296, 300, 302, 305, 315, 316—317, 318, 319, 320, 321, 325, 328—332, 349, 378, 382, 383, 384, 388, 389, 393, 394, 396, 400, 403, 407, 409, 411, 413, 414, 415, 416, 417, 419, 421, 426, 433, 438, 452, 453, 457, 463–464, 465, 468, 469, 489, II—XII, XIV, XVI, XVII, XVIII—XXIII, XXX, XLI, XLV, XLVII—LIII, LXI, LXIV, LXXVII, XCVIII, XCIX, C, CI, CII, CV, CVI, CVII, CLXI, CLXVI, CLXVIII.
Догель 250.
Долинаръ, проф. 107.
Доминъ Э., проф. 465.
Дубецкій 25.
Дубровскій П. П. 488.
Дурихъ Ф. 74, 107, 262, 263, 416.
Духовскій А. 45.
Дюфаръ XCVI.

Евгеній, митроп. 62, 65, 66, 71, 126, 127, 226, 230, 250, 351, 352, 356, 382, 394, CXVI, CXXX.
Ежовскій LXXIX.
Екатерина II. 10, 11, 12, 58, 63, 66, 306.
Елагина А. П. 37.
Ельскій, гр. 156.

Жегота Паули 61, LXXVII, LXXXIV.
Жуковскій В. А. 37, 41, 411.
Жупанъ Я. 269, LVIII, LXXI, LXXIII, LXXXIX—XC.

Забеллевичъ, проф. 376, LXXVIII, LXXX.
Завадзкій, книгопр. LXXIX, LXXX, LXXXV.
Завадзкій М. 292.
Завадовскій, гр. 126.
Заіончекъ І. 23—24, 398.
Закржевскій М. 29, 387.
Залевскій М. LVII, LVIII.
Залускіе 73, 74.
Залѣскій І. Б. 390—391, 395, CLX.
Замойскій, гр. 76, 116, XIX.
Заржецкій XXXI.
Зейлерь 432.
Злобицкій 103, 107, V, XVII.

Иличъ С. 474.
Исаковичъ І. 292.
Италинскій А. Я. 272, LV—LVIII, LX, LXII, LXVIII, CVI—CVII.

Іелинекъ, типогр. 439.
Іосифъ II 64, 305, 334.

Кайсаровъ 180.
Калайдовичъ К. 78, 242, 306, 363, 364, 365, 375, 477, 482, 483, XXXVI, XXXVII, CXLIII, CLIV.
Калетичъ І. 293.
Калиновки изъ, К. 161.
Камаритъ І. В. 161, 230, 405—406, 408, 410, 411, 415, 432.
Каменскій, гр. 33.
Кампе 125.
Каннегиссеръ 24².
Кантемиръ 386.
Капелли, проф. 308.
Капоръ І. 276, 294, 299, 311, 314, LIX—LX, LXI, LXII, LXX, LXXI, LXXIII, XCI, XCV—XCVII.
Капоръ М. XCVI.
Караджичъ Вукъ 163, 374, 384, 388, 395, 434, 473, C.
Каразинъ Н. 352, CXVII.
Караманъ М. 273, 276, 290, 292, 299, 300, 305, 331.
Карамзинъ Н. М. 41, 42, 227, 230, 232, 247, 352, 354—356, 357, 363, 364, 386, XXXIV, CXV, CXVI, CXVII—CXVIII, CXXIII, CXL, CXLVII, CXLVIII, CLI, CLII, CLIV, CLV, CLVI.
Карнѣевъ З. Я. 351, 354, CXLII.
Карпинскій 161.
Касичъ-Богданичъ 468, 469.
Кассасъ 85.
Кассіушъ 392.
Катанчичъ 268, 449.
Качановскій М. Т. 41, 378, 380, 381, 386, 394.
Качичъ-Міошичъ П. 280, 284—285, 289, 468, 469, LXVII, LXXXIX, XCII—XCIV.
Квасъ, проф. 454.
Кватерникъ Р. 465—466.
Кейль, проф. 103.
Кеникоттъ XLVIII, XLIX.
Кеппенъ П. И. 102, 138, 163, 164, 257, 262, 277, 322—326, 327—328, 331, 364, 365, 366, 358, 374, 375, 386, 401, 409, 436, 438, 463, 468, 473, 477, 491, XXIV—XXVI, XXVII—XXXI, XXXI—XXXVI, LII, LXXIX, LXXXI, LXXXII, LXXXIV, XCVIII—CII, CLIV.
Кинскій, проф. 161.
Кипричъ, кан. XCV.
Кирѣевскій И. В. 36.
Кламъ-Мартиницъ, гр. 156.
Клапротъ 56, 57, 58, 59, 165.
Клонгевичъ, кан. CVI.
Кнаутъ Хр. 180, 423.
Князьнинъ 161.
Кобенцель 64.
Ковалевскій LXXIX.
Ковнацкій И. 246, XXXIII.
Козловъ И. 40.
Козьмянъ К. 19—21, 24.
Колети LXXXIX, XCIV.
Колларъ Янъ 29, 208, 210, 211, 215, 231, 240—241, 242, 382, 383, 384, 434, 439, 443, 445, 446—449, 452, 459, 486, 487, 491, CLXIV, CLXXI.
Коллонтай Г. 16, 22, 29, 46—47, 104, 115, 187, 192, 250—251.
Кондратовичъ К. 39.
Конзальви, кард. LVIII, LIX.
Константинъ Павловичъ, в. кн. 23, CXXI.
Контримъ, проф. LXXVII, LXXIX.

Копитарь В. 60, 61, 107, 123, 125, 128, 129, 138, 141, 142, 148, 149, 153, 154, 158, 159, 163, 209, 211, 257, 258, 260, 261, 266, 269, 273, 274, 276, 314, 315, 316, 329—330, 332, 383, 394, 395, 400, 419, 434, 450—451, 454, 457, 464, 482, VII, X, XXII, XXIII, XXXII, XLIX, LXXVII, XCVII, XCIX, CLXVIII.
Коппъ XXXIII.
Копфъ 431.
Копчинскій О. 13, 16, 25, 40, 104, 113, V, VI, XXIX.
Корбатъ, проф. 462.
Коревицкій, профессоръ LXXVII, LXXXVII.
Корженевскій І. 26.
Корниловичъ А. 386.
Корнъ, книгопр. 108, 403, 404, XXVI.
Корнъ, архид. 430.
Косаринъ 62.
Коссаковскій Янъ, еп. 3, 5, 74—78, 116, 131.
Коссаковскій, гр. LXXV, LXXXIX.
Коссенъ 314.
Коссецкій К. 47.
Коста Г. 454.
Косцюшко Ѳ. 104, 167.
Кочубей, гр. CXXVIII, CXLIX.
Кошелевскій Ю. 360, CXXI, CXXII, CXXV.
Кощіякъ 465—466.
Красинскій, гр. XXIV.
Красицкій И. 149, 161.
Крейбихъ CLXIV.
Кржижановскій Адр. 182, 396—397, 401, CLXI.
Кропинскій Л. 333, 334, 335, 336, 346, 350.
Кругъ, акад. 394, XXXV, CXXXV.
Кружичевичъ, свящ. 469.
Крузе Фр. 172, 432.
Крыловъ И. А. 41.
Кузма, свящ. 440.
Кукольникъ, проф. 352, LXXVII, LXXIX, CXVII.
Кукульевичъ И. 293, 294, 298.
Кулаковскій LXXIX.
Куникъ А. А. 366.
Куничъ М. 402—403, 427, 445, 460, 464, 465, 466, 474, 476, 487, 490.
Куропатницкій, гр. 246.
Кухарскій А. Ф. 42, 98, 158, 182, 310, 376—491, XI, XII, XXIII, CLX—CLXIV.
Кушевичъ 466.

Лаабъ М. 453.
Лавровскій XXXV.
Ладога 432.
Ланге, проф. 432.
Лафитъ де, банк. LXIX.
Леваковичъ Р. 273, 290, 292, 300, 331.
Левецовъ 431.
Лелевель І. 36, 61, 138, 148, 156, 157, 217, 229, 243, 244—245, 246, 247—248, 264, 267, 295, 296—298, 301, 323, 326, 328, 347, 352—353, 477, VIII, X, XXXI, XXXIII, XXXV, LIII, LXXIV, LXXVI—LXXXVIII.
Леманъ LXXXVII,
Ленартовичъ, священникъ LXXXV, LXXXVI.
Лепретъ 316.
Лербергъ CXXXV.
Линде С. Б. 4, 42, 74, 77, 99, 101—137, 142, 145, 157, 164, 165, 184, 210, 217, 218, 219, 222, 223, 235—237, 243, 245—247, 249, 286, 302, 315, 320, 367, 370, 376, 377, 378—386, 388, 389, 391, 392—396, 400, 407, 415, 418—419, 491, I—XVIII, XX, XXIV—XXVI, XXVII, XXVIII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVIII—XLIII, XLV, LII, LXIV, LXXVII, LXXVIII, LXXX, LXXXIV, LXXXV, LXXXVII, CV, CIX, CLXI, CLXIX.
Линде II. 115.
Линхартъ А. 269, XVI.
Линь де 64.
Липинскій 169.
Лишка 417.
Лобойко И. Н. 322, 326, LXXXIV, LXXXVI, XCVIII.
Ловихъ 441.
Ловричъ 85, 307, 308.
Лойко Ф. 45.
Локъ Ф. Ю., еп. 317—318, LI.
Ломоносовъ М. В. 41, 363, 386, 440.
Лубенскій Андр. 317—318, 319, 421, 424, 432.

Лубенскій, прелатъ крак. 310.
Лукашевскій LXXIX.
Луцичъ И. 293, 297, L, LII.
Лучкай, священ. 444—445.
Любенковичъ М. 300.
Любомирскій Г., гр. 151, 259, LIII, XLVIII.
Лянчи LXIII.
Ляхъ-Ширма 182, 183, 373, 387, 419, CXL.

Магницкій 351.
Маевскій Скороходъ В. 166—183, 202, 204, 210, 223, 229, 234, 243—245, 250, 347, 374, 396, 405, CLXI.
Маи А. 275, LVIII, LXII, XCVII, CX—CXI.
Майковъ А. 472.
Майлатъ, гр. 447.
Макаровъ М. 367.
Макдональдъ CXXIII.
Мале 247.
Малевскій С. 260, 281, 288, 314, 335, 346, 347, XXI, LV, LXV—LXIX, LXXI, LXXII, CIII, CVIII, CXII.
Малевскій Фр. 37, LII, LXXIX.
Малиновскій 36, 246, LXXXIV, CII.
Мальчъ, д-ръ LXXVIII.
Маннертъ 214.
Мараковичъ Н. 466.
Марекъ А. 160, 417, XVII.
Марини LXI, XCVII.
Маркевичъ Р. 155.
Марковичъ А. 308.
Марксъ 432.
Маркусъ П. 120, 123, IV, XV.
Мартекини 308, 309, 310, 470, XC.
Мартусевичъ, еп. 329.
Маруличъ М. 294, 297, 298.
Марушевскій 467.
Маршандъ 392.
Матичъ 434.
Матушевичъ 20, 21.
Махачекъ 417.
Мацѣевскій В. А. 138, 148, 235—236, 242, 243, 248, 310, 372, 475, 482—483, 484, 485, 486, 487.
Машъ 53, 217, 394.
Меднянскій, бар. 440, XXVII, XXVIII.
Мейеротто 114.
Мейеръ, книгопр. XXVI.
Мелиссино 86.
Ментлевичъ 485.
Местръ де, гр. 61.
Метелко 456, 457, CLXIII.
Меццофанти, кард. 267, 272.
Микалевичъ Б. 289.
Миклошичъ CLXIII.
Миклошичъ Ф. 61.
Микошъ 104.
Миллауеръ 265, XCVIII.
Миллеръ, дир. 431.
Миллеръ XLVIII, CXXXV.
Милорадовичъ, гр. CXXIX.
Милутиновичъ С. 432, 434, 473.
Мильде, свящ. 420.
Михаелисъ XLVIII, XLIX.
Михалевичъ, проф. 468.
Михановичъ А. 172, 442.
Михневичъ Сп. 329, LXXXII.
Мицкевичъ Адамъ 35—39, 40, 41, 481, LXXIX.
Мицкевичъ LVII, LIX, LX, LXI, LXX, LXXI, XCVI.
Мнишехъ М. 5.
Моосбахъ А. 148.
Моргенштернъ XXIV.
Морикини LXX.
Морицъ, книгопр. LXXIX.
Морусъ, проф. 103.
Мохнацкій 388.
Мощенскій Ст. 103.
Мрозинскій І. 397, CLXII.
Мронговіусъ 125, 249.
Мухаръ, проф. 455, 456.
Мушицкій Л. 474.
Мьенъ Ю. 320, 423.
Мѣрошевскій, гр. 156.
Мюллеръ Іог. 121.
Мюннихъ, проф. 157.
Мяновскій LXXXVI.

Надеждинъ Н. И. 371.
Наполеонъ І. 17—21, 23, 79, 119, 270, 370.
Нарушевичъ А. 12, 42, 47, 64, 185, 195, 227.
Нассаускій герц. 64.
Нейманнъ 319, 321, 419, 426.

Неѣдлый И. 3, 77, 128, 265, 393, 400, 411, V, XCVIII.
Николай I, имп. 330.
Никольскій Я. Д. 477.
Нимайеръ, проф. 113.
Новакъ 432.
Новосильцевъ Н. Н. 323, 327, VII, CLXXII.
Новотный, свящ. XVII.
Ностицъ, гр. 156, 264, 417.
Ностицъ, м-нръ сакс. 420.
Нѣмцевичъ Ст. У. 17.
Нѣмцевичъ Ю. У. 7, 21, 22, 27, 37, 41, 104, 156, 251, 253, 254, V, VI, XIX—XX.

Оберлейтнеръ 258.
Обрадовичъ Д. 287.
Олдаковскій, проф. 152, 156.
Оленичъ В. 328, 329.
Оллехъ 125, 128.
Ольшевскій М. 460.
Онацевичъ LXXXV.
Ордынскій Л. 202, 216.
Орлай 351, 368, CXVI.
Орля-Ошменецъ Ф. 33—35.
Осинскій А. 16, 26, 185, LXXXVI.
Оссолинскій І. М., гр. 60, 99, 100, 105, 106, 107, 108, 112, 114, 115, 116, 117, 120, 121, 138, 153, 156, 214, 245—247, 261, 266, 381, 382, VII, IX, X, XIII, XXII—XXIII, XLVIII, CV.
Остерманъ-Толстой, гр. 313, LXII, LXIV, LXVIII, LXXXI.
Остини XCVI, XCVII.
Островскій 22.
Охмучевичъ Н. 308.

Палацкій Ф. 384, 414, 432, 483, 484.
Палковичъ Ю. 438.
Палковичъ Ю., кан. 450.
Палласъ 59.
Папаличъ Д. 293.
Папковичъ 171.
Паплонскій И. 102, 103, 130, 403.
Паржизекъ А. 265.
Паритіусъ Х. Ф. 139, 403, 404.
Парчевскій LXXXV.
Пастричъ 290, 300.
Паулусъ 312, LXVI.
Пацакъ Ѳ. 423.
Пекота XCIV.
Пеликанъ Р. В. 303, 327, LXXXI—II, CX.
Пельцель 412.
Пенинскій Сі.
Пертесъ 157.
Пертцъ XXXIII.
Петрашкевичъ LXXIX.
Петръ В. 306.
Петръ I Нѣгошъ 471—472.
Пецольтъ 432.
Пешекъ 422.
Пинкертонъ 188.
Пишели XVII.
Планчичъ XCIII.
Плато 53.
Плаптеръ, проф. 103.
Плахтовичъ 439.
Плеве Ад. 102.
Плессъ, гр. 53.
Плятеръ, гр. LXXXV, CLIX.
Повчій А., еп. 445.
Погодинъ М. П. 103, 130, 356—357, 365, 366, 430, 483, 484, 487, 488.
Понятовскій Іос. 118.
Поповичъ, проф. 462.
Поповъ В. М. 352, 362, CXVII, CXXV, CXXXI, CXXXII, CXXXIII, CXXXIV, CXXXVI, CXXXIX, CXLI, CXLVII, CLII.
Потемкинъ, кн. 63—64, 66, 73.
Потоцкій Игн., гр. 104, 105.
Потоцкій Сев., гр. 116.
Потоцкій Ст. гр. 2, 104, 118, XX.
Потоцкій Янъ, гр. 36, 47—62, 72, 165, 166, 180, 185, 196, 197, 204, 205, 210, 217, 319, 366, 370, 394, 456—457.
Почобутъ 14.
Пражмовскій А., еп. 186, 189, 190, 193, 206, 246.
Прокоповичъ М. CXXVIII.
Прохазка, свящ. XVII.
Пубичка Ф. 45.
Пуркине І. Е. 102, 156, 403, 431, 488.
Пухмайеръ А. 160—161, 162, 236, 453, XVII.
Пушкинъ А. С. 36, 41, 330.
Пушкинъ В. Л. 40.

Пфуль 318.
Пѣховскій И. 292.

Равникарь М. 269. XC.
Радзивиллъ К., кн. 63, 88.
Радловъ, проф. 432.
Радосъ Ветури М., гр. 283, LXXXIX.
Раичъ XLVI.
Раковецкій И. Б. 99, 163, 173, 181, 210, 217—243, 248, 374, 375, 377, 384, 405, 491, XII, XL—XLVII, CLXIX—CLXXII.
Рациборскій 151.
Рачинскій, еп. 151.
Рачинскій XXIV.
Реа 281, LXVII, XCIII.
Рейцъ, проф. 103.
Рептовскій, кан. 115.
Ржевускій В., гр. 165, 166.
Ржевускій Сев., гр. 117.
Рижнеръ, свящ. 455.
Рижскій И. С. 57, 245.
Рикордъ XXXI.
Риттеръ 431.
Рихтеръ 430.
Рогальскій LXXXVIII.
Розани XCI.
Розенкампфъ, бар. 472, CLXX.
Розенмюллеръ, проф. 103, 312, LXVI.
Росси де-, Б. 267, 312, XLIX, LXVI.
Росцишевскій А. 481, 482, 487.
Рошеттъ Р. XXVII.
Рудницкій С. 292.
Руми 452.
Румянцовъ Н. П., гр. 42, 138, 229, 230, 242, 246, 249, 250, 274, 292, 306, 324, 325, 326, 329, 345, 350 - 351, 477, XXXVI—XXXVIII, XL, LVIII, LXV, LXXXI, CXXXV, CXLII, CLXX.
Руссовъ Ст. 60, 355.
Рылѣевъ К. 41.
Рымгайлло LXXXVII.

Савиньи 227.
Савицкій А. 40.
Сакенъ, бар. XXXV.
Сальвадори 88, 89, 91.
Сантичъ XCIII, XCIV.
Сапѣга Ал., кн. 9, 78—100, 285, 468, XC.
Сапѣга Анна, кн. 99.
Сапѣга Іос., кн. 78.
Сапѣга, кн. 295.
Саси де-, С. 121, 128, 313, 314, 322, 392, LV, LXIII, LXVI, CVII.
Свенцкій Ѳ. 347.
Себерини, свящ. 441.
Сегюръ 64.
Семенскій Л. 410.
Семигиновскій 40.
Сенкевичъ К. 285, 333.
Сенковскій О. И. 315, LXXXII.
Серна-Соловьевичъ А. 40.
Серра де, бар. 121.
Сестренцевичъ-Богушъ Ст. 47, 62—73, 127, 166, 177, 185, 190, 229, 237—238, 352, 370, XLIV, CXVII, CLXXII.
Симоновъ, проф. XXX.
Симонъ Р. XLIX.
Скиделлъ, проф. LXXVII.
Скочинскій CXLII.
Скринеръ XVI.
Славковскій, проф. 231, 442.
Смеккіа 309.
Снегиревъ, проф. 476.
Снядецкіе Янъ и Андр. 16, 46, 47, 118, 150, 256, 345, 347, 368, VII, LXXI, LXXVII, CXIV.
Соболевскій Игн., гр. 156, 249, 383, IX, X, XI, XVII—XVIII.
Соболевскій Люд. 218.
Соболевскій LXXIX.
Соболевскій С. А. 36.
Совичъ М. 275, 299—303, 327, 456, XCIX.
Соколовичъ Д. XC.
Соколовъ П. И. XLII—LXIII.
Соларичъ 267, 271, 272, 282, LVI—LVIII, LXXXVIII—IX, XCIX.
Солтыкъ Ст. 4, 116.
Сомоши 448.
Сопиковъ 135, 378—381, XXXIV, XXXIX, CLXX.
Соркочевичъ (Сорго) А. 94, 95, 96, 295, XCI.
Сосновскій Леоп. С.
Сосновскій, проф. 329, LXXVII, LXXX, LXXXII, LXXXIII, LXXXIV, LXXXV, LXXXVII.
Спасскій Г. 56.

Сперанскій М. М. 331, CLXVII.
Срезневскій И. И. 42, 317, 488.
Станиславъ-Августъ 4, 11, 12, 119, 309, 310.
Станичъ В. 462.
Стаховскій Ф. 62, 73.
Сташицъ Ст. 11, 12—14, 20, 118, 218, 219, 243, 249, 346, 347, 352, 363, 364.
Стебновскій Ц. 292.
Стевенъ LXXXIV.
Стратико, гр. 86.
Стратиміровичъ 59, 107.
Стржелецкій 40.
Строевъ П. 306, 477.
Строевъ С. 431.
Стройновскій І., кс. 14.
Струбъ де Пирмонъ 226.
Стулли 106, 289, XI, XV, CLXVIII.
Суровецкій Л. 159, 190, 191, 192, 193—217, 229, 242, 243, 335, 347, 348—349, 353—354, 370, 460, 491.
Сѣраковскій І, гр. 185, 271, 347, XXIV.
Сюссмильхъ 425, 427—430.

Таблицъ 440.
Таппе, проф. 420.
Тарковичъ, еп. 444.
Тарновскій, гр. XXIV, XXXII, XXXIV.
Тваровскій LXXIX.
Телеки 140.
Терлецкій М. 292.
Толстой, графъ 306, 394, 477, 478, XXXVII.
Томашичъ 281, 288, LXVII, LXXVI.
Томиловъ CXXXI.
Томса 132.
Трембецкій Ст. 11—12, 47, 370.
Трнка 223, 491.
Троцъ Авр. 103.
Тунманъ 226.
Тупальскій І. LXXXVII.
Тургеневъ А. И. 59.
Тышинскій А. 485, 488.
Тышкевичъ В. 119.

Уваровъ С. С. 130, 219, 352, CXV.
Устржицкій, кс. LXXVIII.

Фальковскій, кс. LXXVIII.
Фатеръ 125, 128, 172, 312, 392, IX, XLI.
Фелинскій А. 25.
Ферричъ 94, 100, LVI, XC.
Ферюссакъ де, бар. LXXIX.
Фицко, свящ. 453.
Фишеръ 359.
Флемингъ К. 365, CXXVI, CLVII.
Фогель, книгопр. 404, III.
Фойгтъ М. В. 156.
Фонтана, кард. LVIII.
Фонтонъ 88, 89, 90, 91, 92, 94.
Фортисъ 79, 82, 85, 86, 172.
Фоссъ 113.
Франкъ 182.
Френцель А. 120, 180, 320, IV.
Френъ 315.
Фрере де 239.
Фридлейнъ, книгопр. CLXXI.
Фридрихъ-Вильгельмъ 253.
Фришъ XCIX.
Фрушичъ 462.
Фулькъ Н. 318—319.
Фусъ Н. 357, 359, 360, 362, 363, CXIX—CXX, CXXXVII, CXLVII.

Хвостовъ, гр. 352, 356.
Хеге 103.
Хегельмюллеръ 165.
Хиджія 470.
Хлэндовскій Т. 164, XXIV, XXV, XXVIII, XXXI, XXXII—XXXVI, LXXVIII, LXXX.
Хмеленскій 417.
Хмель, кан. 434.
Ходаковская Анна CXXII.
Ходаковскій З. Д. 42, 72, 79, 138, 182, 210, 240, 242, 332—375, 490, CXI—CLIX.
Ходаковскій Яковъ CXXII.
Хорватъ CXLIII, CXLV.

Цаманья 94.
Цезаръ, проф. 103.
Церрони 436.
Циммерманъ 265, 417, XCVII—XCVIII.
Цойсъ, бар. 267, 268—269, 270, 299, 456, XC.
Цорнъ CXLV.
Цыбульскій 310.

Чайковскій Ф. 187—193, 197.
Чапловичъ 268, 454.
Чарнецкій 229, 245.
Чарторыскій А., кн. 17, 18, 21, 33, 70, 99, 100, 102, 105, 106, 107, 112, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 125, 126, 128, 129, 249, 332, 333—335, 344—347, 351, 352, VIII, LIII—LXIV, XCI, XCII—XCVII, CII, CVI, CVII, CIX, CXII—CXIV, CXV, CXX, CXXIII, CXXV, CLV, CLXX.
Чарторыскій А., от. 166, CXXVI.
Чацкій Ѳ. 4, 16, 45, 46, 106, 107, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 118, 126, 226, 246, 250, 310, 333, XIII, LXXXV.
Челаковскій Ф. Л. 160, 161, 230, 331, 405—406, 407, 408, 410, 411, 414, 415, 423—425, 432, 484, CLXII—CLXVI, GLXVII.
Чернчичъ 298.
Черскій, проф. 292, LXXVI.
Чехъ, проф. 75.
Чіампи, кан. 308.
Чуличъ XCV.

Шайбе, книгопр. CLXXI.
Шандоръ 443.
Шантыръ CXLV.
Шанявскій І. К. 187, 193, 399.
Шафарикъ П. І. 29, 72, 73, 159, 163, 179, 193, 208, 209—216, 231, 232, 236, 242, 247, 256, 331, 365, 366, 374, 382, 383, 384, 387—389, 395, 403, 424, 428, 434, 440, 446—447, 452, 459, 465, 475, 481—482, 483, 484, 486, 487, 489, CLXXI.
Швейковскій, кс. 169, 376, 391, LXXVII, LXXVIII, LXXX.
Шези, проф. 169, 171, 175, 182, 396, CLXII.
Шершникъ Л. 45.
Шиманскій, проф. LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXII.
Шимко В., свящ. 439.
Шиндлеръ 427.
Шишковъ А. С. 102, 126, 153, 217, 219, 236—238, 242, 249, 326, 352, XXXVIII—XLVII, CXVII, CLIX, CLXX.
Шлегель Фр. 165, 182, 431.
Шлецеръ А. 44, 45, 58, 59, 62, 71, 121—123, 140, 141, 225, 226, 227, 233, 245, 246, 359, 363, III, CXXXV.
Шмидтъ, свящ. 426.
Шмутцъ 432.
Шнейдеръ, проф. 403.
Шнурреръ 312, 316, LXVI, XCIX.
Шпонгольцъ 52.
Штенцель, проф. 403.
Штернбергъ Касп., гр. 150, 154, 264, 412.
Шторхъ Г. 378.
Штриттеръ 55, 192.
Шулекъ С., свящ. 439.

Эверсъ 227, 228, 483.
Эйхвальдъ, проф. 257.
Эйхгорнъ 312, XLVI.
Экономидъ 239
Энгель І. Хр. 107, 298.
Эрбенъ К. Я. 487.
Эрдманнъ 315.
Эрнести А. В., проф. 103.

Юнгманнъ А. 176, 181, 182, 234, 240.
Юнгманнъ І. 130, 150, 156, 160, 181, 182, 242, 265, 302, 382, 383, 384, 388, 393, 400, 407, 408, 410, 412, 413, 417, 435, 484, V, VII, IX, XVI—XVII, XCVIII, CLXIV—CLXV, CLXVIII, CLXXI.
Юндзиллъ В. 150, 345, 347.
Юргевичъ Н. CVIII.

Яблоновскій І. А., кн. 44—45.
Языковъ Д. И. 303, CX.
Якобъ, проф. 432, IX.
Якшичъ XCIII.
Янковскій Пл. 258, 330, LXXIX.
Япель 108.
Ярникъ У. 388, 458, 459, 461.
Ярошевичъ LXXXVI.

RSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANF
ARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVE
NFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRA
TANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY
NIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
IBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD
RSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANF
ARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVE
NFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRA
TANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY
NIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
IBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD
RSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES · STANF
ARIES · STANFOR IVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVE

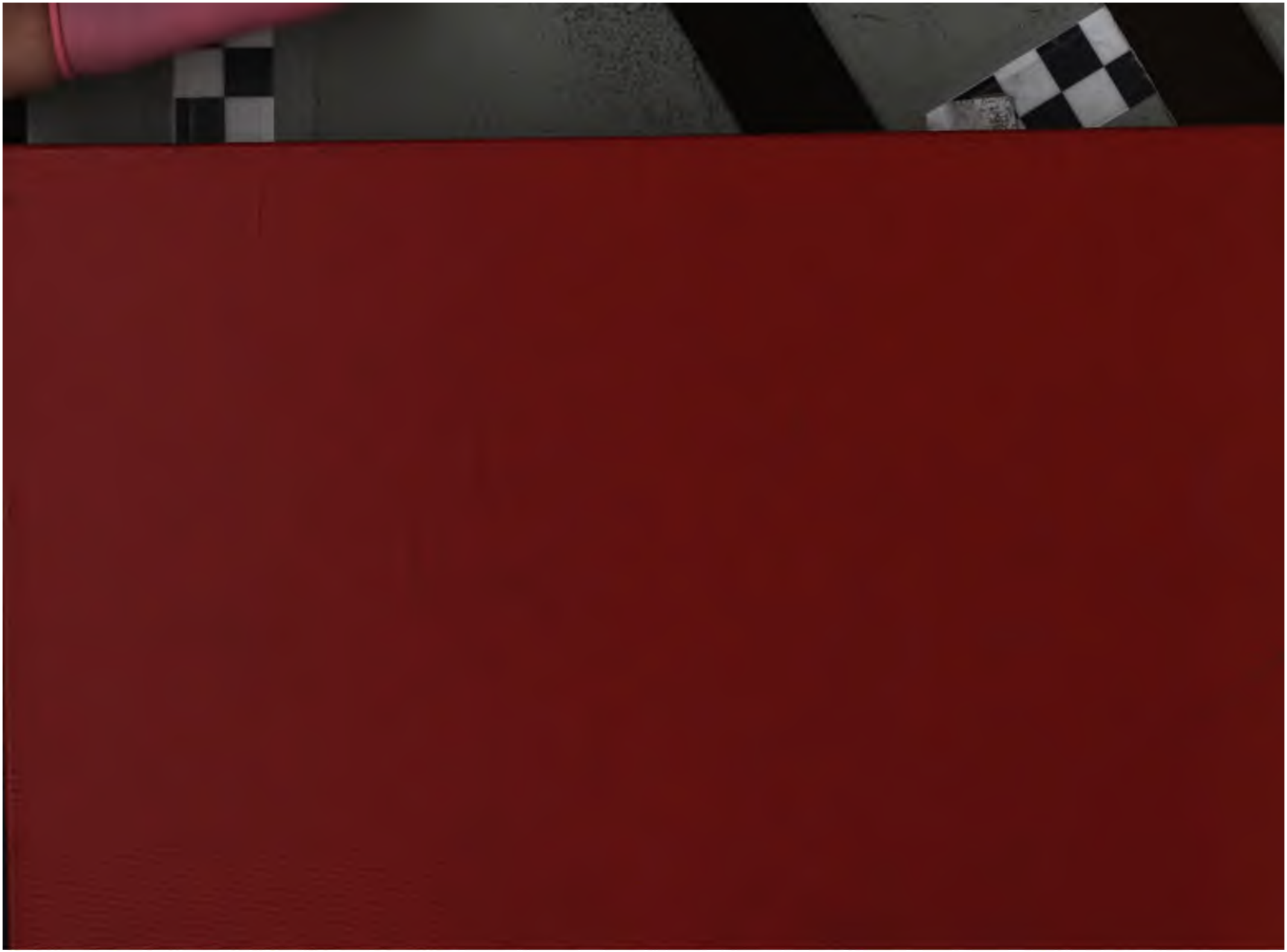
D
377
F7

ianoviedlenie :
rd University Libraries
5 041 355 756

RD UNIVERSITY LIBRARIES · STA
· STANFORD UNI
ES · STANFORD UNIVERSITY LIB
RARIES · STANFORD UNIVERSIT
TANFORD UNIVERSITY LIBRARIE
IVERSITY LIBRARIES · STANFO

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-606
(650) 723-1493
greencirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 0 1 2005
AUG 0 8 2005